MNU Annual Legal Conference – 2026

атты Халықаралық ғылыми-практикалық конференциясының материалдар жинағы

сборник материалов Международной научно-практической конференции

Астана
17 апреля 2026 года

УДК 34
ББК 67
М77

Рекомендовано к изданию решением Комитета по науки
Maqsut Narikbayev University (протокол № 59-5 от 30 апреля 2026 г.)

Ответственные редакторы:
Қанатқызы М., м.ю.н., Research Assistant, Instructor Департамента частного права
Котерлин О.Р., м.ю.н., Senior Lecturer Департамента публичного права
Икрамова А.Б., м.ю.н., Research Assistant

Редакционная коллегия:
Абылайұлы А., PhD, Assistant Professor
Оразбаева А.А., к.ю.н., Teaching Professor
Бабаджанян Е.Л., м.ю.н., PhD candidate, Teaching Professor
Дидикин А.Б., д.ф.н., Associate Professor
Мельник Р.С., д.ю.н., Professor
Лютов Н.Л., д.ю.н., Associate Professor
Жұмағали А.Қ., PhD, Assistant Professor
Хасенов М.Х., PhD, Associate Professor
Чехович Т.В., д.ю.н., Teaching Professor
Рамазанова У.Р. м.ю.н., Senior Lecturer
Құсайынқызы А., м.ю.н., PhD candidate, Senior Lecturer

М 77 MNU Annual Legal Conference – 2026 атты Халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференциясының материалдар жинағы: сборник материалов Международной научно-практической конференции (17 апреля 2026 г.). / Отв. ред. М. Қанатқызы, О. Р. Котерлин, А.Б. Икрамова. – Астана: «Maqsut Narikbayev University», 2026. – 918 с.

ISBN 978-601-7450-82-3

Материалы Международной научно-практической конференции «MNU Annual Legal Conference – 2026», представляющие собой возрождение научно-практических конференций, традиционно проводимых в стенах Maqsut Narikbayev University.

Доклады конференции охватывают актуальные проблемы следующих отраслей права:

1. Общее и особенное административное право. Административный процесс;
2. Частное право;
3. Трудовое право;
4. Конституционное право;
5. Теория и философия права;
6. Уголовное право и уголовное правосудие;
7. Международное публичное и частное право.

Издание предназначено для широкого круга читателей, проявляющих интерес к актуальным проблемам развития юридической науки, новым методологическим подходам к современным вопросам и текущим тенденциям правовой реальности.

ISBN 978-601-7450-82-3 © Maqsut Narikbayev University, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО 9

KADYRBEKOV A., KAPAROV A. DIGITAL SOVEREIGNTY AS A NEW CONSTITUTIONAL CATEGORY: DYNAMICS AND STABILITY IN KAZAKHSTAN AND TÜRKIYE 9

YESSENOVA D. REFERENDUMS AS A SOURCE OF CONSTITUTIONAL LEGITIMACY. DO THEY TRULY REFLECT THE WILL OF THE PEOPLE? 51

АБЫЛХАЙЫРОВА А.Ж. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ ПАРЛАМЕНТСКОГО КОНТРОЛЯ В СИСТЕМЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН 58

АГАПОВ А.Р. КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ, КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ 65

БАҚБЕРГЕН Ә.Б. ЦИФРЛАНДЫРУ ДӘУІРІНДЕГІ КОНСТИТУЦИЯЛЫҚ ҚҰҚЫҚТАРДЫҢ ЭВОЛЮЦИЯСЫ ЖӘНЕ БАСЫМ ТҰСТАРЫ 75

БАЛТАБАЙ Е.О. РЕИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ИНСТИТУТА ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТА В КАЗАХСТАНЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ 81

ГУСЕЙНОВА С. О ПРИНЦИПЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН ОТ 15 МАРТА 2026 ГОДА 91

ДАЙЫН М.Н. ЭКОЛОГИЯ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА: УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ 96

ЕЛІКБАЙ Ә.М. ЦИФРЛАНДЫРУ ДӘУІРІНДЕГІ КОНСТИТУЦИЯЛЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ ИНСТИТУТТАРДЫҢ ДАМУЫ 102

ЕСЕНБЕК А.М. СООТНОШЕНИЕ ПОМИЛОВАНИЯ И АМНИСТИИ В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ КАЗАХСТАНА: КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ И ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ 109

КАХИМБАЕВА Р.А. КОНСТИТУЦИОННОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ИНСТИТУТА БРАКА (СУПРУЖЕСТВА) В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН 121

КӨПЖАСАР А.М. РАЗВИТИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН 126

МЕНДАЛИЕВ А.С., УБАЙДУЛЛАЕВ М.М. ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ЦИФРОВЫХ ДАННЫХ В КАЗАХСТАНЕ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ 134

МҰРАТ Ә. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ БАРЬЕРЫ ДОСТУПА К КОНСТИТУЦИОНАЛЬНОМУ ПРАВОСУДИЮ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: АНАЛИЗ ПРАКТИКИ ОТКАЗОВ В ПРИНЯТИЙ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН 139

НУГМАНОВ Т.Б. ИНСТИТУТ ОТКРЫТЫХ ПАРТИЙНЫХ СПИСКОВ: ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ОПЫТА ФИНЛЯНДИИ В КАЗАХСТАНЕ 146

САХЫП А.Н. РОЛЬ ОРГАНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В ЛЕГИТИМАЦИИ ЦИФРОВЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ: ОПЫТ КАЗАХСТАНА И СТРАН ОЭСР 156

SEKSEMBAYEVA V. PROTECTION OF HUMAN DIGNITY AS A CONSTITUTIONAL GUARANTEE AGAINST PSYCHOLOGICAL VIOLENCE OF WOMEN IN THE FAMILY 162

СЕРИКОВА З.А. ӘЛЕУМЕТТІК ЖЕЛІНІҢ САЯСИ ПРОЦЕСТЕРГЕ ӘСЕРІ 169

ТАЖМАКИНА М.Д. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО ГРАЖДАН НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ: ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ В НАУКЕ, ПРАВОПРИМЕНЕНИИ 175

ФАРХОДОВА Э.Ф. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЖИЛИЩА ГРАЖДАН РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН 181

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ И ЧАСТНОЕ ПРАВО..... 186

APOLOT J.S., BASHIR A. IDENTIFYING AND ASSESSING UGANDA'S POTENTIAL GEOGRAPHICAL INDICATIONS FOR AGRICULTURAL PRODUCTS: LEGAL, INSTITUTIONAL AND DEVELOPMENT PERSPECTIVES 186

SUNDANO E.S A LEGAL-BUSINESS FRAMEWORK FOR TECHNOLOGY TRANSFER AND IP COMMERCIALIZATION IN ZAMBIAN UNIVERSITIES 191

АБДРАХИМОВ Р.У. РЕГИОНАЛЬНЫЙ СПОРТИВНЫЙ АРБИТРАЖ КАК МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ПРАВ СПОРТСМЕНОВ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН 198

АМАНДЫКОВ И.Р. МОДЕЛЬНОЕ ДВУСТОРОННЕЕ СОГЛАШЕНИЕ О ЗАЩИТЕ И ПООЩРЕНИИ ИНВЕСТИЦИЙ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И НАПРАВЛЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ 208

АУКЕНОВА А.Н. СУД ЕАЭС В РАМКАХ ОСОБОГО МЕХАНИЗМА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ РАССЛЕДОВАНИЙ И ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ О ПРИМЕНЕНИИ ИЛИ НЕПРИМЕНЕНИИ ТОРГОВЫХ ЗАЩИТНЫХ МЕР: ПРЕДМЕТ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ И ПРЕДЕЛЫ ОЦЕНКИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОБОСНОВАНИЙ 218

БАКЕБАЕВА А.М. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА СПРАВЕДЛИВОЕ СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В ПРАКТИКЕ КОМИТЕТА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ООН: АНАЛИЗ СООБЩЕНИЙ ПРОТИВ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН 230

DYUSSENBAYEVA A.A. LEGAL ANALYSIS OF THE APPLICATION OF THE PRINCIPLE OF PROPORTIONALITY IN THE REGULATORY RESOLUTION №39-NR OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN 238

ЕРМҰХАН М. ОБЕСПЕЧЕНИЕ СООТВЕТСТВИЯ АВТОРСКОГО ПРАВА МЕЖДУНАРОДНЫМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА 249

КАСЫМХАНОВА С.С. ЛЬГОТЫ СИДН ПОД ВОПРОСОМ: КАК PPT МЕНЯЕТ ПРАВИЛА ДЛЯ НОУ-ХАУ И РОЯЛТИ 255

КЕНЖЕБУЛАТОВА С.Е. МОНИТОРИНГ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ О ЗАЙМЕ, ЗАКЛЮЧЕННЫХ МЕЖДУ РЕСПУБЛИКОЙ КАЗАХСТАН И ЕВРОПЕЙСКИМ БАНКОМ РЕКОНСТРУКЦИИ И РАЗВИТИЯ 263

КЕНЖЕТАЕВА З.Б. АНАЛИЗ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН НА ПРЕДМЕТ СООТВЕТСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНОМУ ИНВЕСТИЦИОННОМУ СТАНДАРТУ СПРАВЕДЛИВОГО И РАВНОПРАВНОГО ОТНОШЕНИЯ 278

КОЖАХМЕТОВА Ж.К. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПРИКАСПИЙСКИХ ГОСУДАРСТВ ЗА ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАСПИЙСКОГО МОРЯ 296

ABDYRAKHMANOVA K.CHILDHOOD STATELESSNESS IN KAZAKHSTAN: ANALYSIS OF LEGAL GAPS IN THE DOCUMENTATION SYSTEM AND WAYS OF MITIGATION 308

МАЖИТОВ А.Д. ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ ПАРИЖСКОГО СОГЛАШЕНИЯ В НАЦИОНАЛЬНОЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН) 320

МҰҚАШ Б.Н. ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ: ПРАВОВАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ? (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦИИ, США И КАЗАХСТАНА) 332

НУРБЕКОВ Д.Ж. НЕДОСТАТОЧНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕХАНИЗМОВ КОНТРОЛЯ ЗА ВЫПОЛНЕНИЕМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ХАРТИИ 345

ИСИМБАЙ Н.К. ЭФФЕКТИВНОСТЬ АКТОВ РЕАГИРОВАНИЯ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: СРАВНЕНИЕ С ЕВРОПЕЙСКОЙ МОДЕЛЬЮ 356

РАХМАТУЛЛА М.С. ПРАВО НА ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДЕТЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН В КОНТЕКСТЕ КОНВЕНЦИИ ООН О ПРАВАХ ИНВАЛИДОВ ЦУР 4 369

САЙРАНҚЫЗЫ Н. ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЪЕКТА В ИНКЛЮЗИВНУЮ СРЕДУ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ 379

СЕРИКОВА А.Қ. ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ОТ ПРОИЗВОЛЬНОГО ЗАДЕРЖАНИЯ И НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В КАЗАХСТАНЕ 387

TESSNIM K.B. M'RAD HALAL CERTIFICATION GOVERNANCE: A COMPARATIVE ANALYSIS OF KAZAKHSTAN AND MALAYSIA 396

УЗДЫМБАЕВА Г.А. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПИКЕТИРОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: ОБОСНОВАННОСТЬ И СОРАЗМЕРНОСТЬ ОГРАНИЧЕНИЙ 402

УҚАСОВА А.Е. ЖЫНЫСТЫҚ ҚУДАЛАУДЫ АЖЫРАТА БІЛУ 411

KHAMZINA K.K. CLIMATE CHANGE IMPACT ON HUMAN RIGHTS: LEGAL PERSPECTIVE ON VULNERABLE COMMUNITIES 421

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС 429

БЕКС Н.С. МЕХАНИЗМЫ ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СЕМЕЙНЫХ АГРЕССОРОВ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ 429

ҚУАНДЫҚҚЫЗЫ А. СПЕЦИАЛЬНЫЙ НАЛОГОВЫЙ РЕЖИМ НА ОСНОВЕ УПРОЩЕННОЙ ДЕКЛАРАЦИИ ДЛЯ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: СТИМУЛ ИЛИ ОГРАНИЧЕНИЕ? 442

ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПРАВА 452

АМИРХАНОВА Л.А. НЕЙРОБИОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ 452

ЕРЖАНОВ Д.А. ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ПРАВО НОРМАТИВНОЙ СИСТЕМОЙ? 458

ЗАРИПОВ Т.Е. ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНСТРУКЦИИ «ЕСЛИ ИНОЕ НЕ ПРЕДУСМОТРЕНО» В ЮРИДИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ 465

ИЛЬЯСОВА А.А. НЕЙРОНАУЧНЫЕ ДАННЫЕ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ 471

МЕДРЕСОВ С.М. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНТЕРНЕТА И РИСКИ ПРИРАВНИВАНИЯ ЕГО К ОБЩЕСТВЕННЫМ МЕСТАМ 478

НУРГОЖИНА К.Б. ПРЕДЕЛЫ ДОПУСТИМОСТИ НЕЙРОНАУЧНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОЙ НАДЕЖНОСТИ И ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ 485

САТОВ Т.Н. АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНЫХ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ С ЭЛЕМЕНТАМИ НЕЙРОБИОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ 495

ТРУДОВОЕ ПРАВО 500

АБИЛЬДИНА М.М. УВОЛЬНЕНИЕ ПО ИНИЦИАТИВЕ РАБОТОДАТЕЛЯ В РЕЗУЛЬТАТЕ ЦИФРОВОГО МОНИТОРИНГА РАБОТНИКОВ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ ПРИВАТНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ В КАЗАХСТАНЕ 500

АЛЬМАГАМБЕТ А.А. ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЕТСКОГО ТРУДА И ВЫЗОВЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ КАЗАХСТАНА 511

БУКУМБАЙ К.Ж. ЦИФРОВИЗАЦИЯ ТРУДА И ПРАВА ЛИЦ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ 524

ГИЗЕТДИНОВА Л.Р. АНТИМОНОПОЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ: ПРОБЛЕМЫ ДОМИНИРУЮЩЕГО ПОЛОЖЕНИЯ..... 533

ДАУТБАЙ А.Н. ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА ЛИЦ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ 540

ДЮСЕНБАЕВА А.М. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СВЕРХУРОЧНОЙ РАБОТЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ДОСТУПНОСТИ РАБОТНИКОВ..... 560

ЕСЕНГАЛИЕВА А.Б. КОЛЛЕКТИВНЫЕ ТРУДОВЫЕ ПРАВА ПЛАТФОРМЕННЫХ РАБОТНИКОВ В КАЗАХСТАНЕ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ 566

ЖАХАН С. МЕТОДИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ МИНИМАЛЬНОЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ В КАЗАХСТАНЕ: ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ФОРМУЛЫ ПОСТАНОВЛЕНИЯ № 212 В СВЕТЕ ЭЛЕМЕНТОВ, ПОДЛЕЖАЩИХ УЧЁТУ В СООТВЕТСТВИИ СО СТ. 3 КОНВЕНЦИИ МОТ № 131 583

ЖОНКИНА Д.Д. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УВОЛЬНЕНИЙ ПО МЕДИКО-БИОЛОГИЧЕСКИМ ОСНОВАНИЯМ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН..... 594

ИСЛАМОВ И.К. ҰЖЫМДЫҚ ШАРТ ЖАСАУДЫҢ ЗАҢНАМАЛЫҚ ТҰРҒЫДАН РЕТТЕЛУІ МЕН ҚҰҚЫҚ ҚОЛДАНУ ТӘЖІРИБЕСІ 608

ИДРИСОВ Ж.А. ЦИФРОВОЙ МОНИТОРИНГ РАБОТНИКОВ И ЗАЩИТА ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ: СТАНДАРТЫ ЕСПЧ, GDPR И «WP29» И РЕКОМЕНДАЦИИ ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН..... 616

КАДЫРОВА А.М. ДИСЦИПЛИНАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ОТНОШЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ: СТАНДАРТЫ ДОКАЗЫВАНИЯ И ПРИНЦИП СОРАЗМЕРНОСТИ 626

КАЙРДЕНОВА С.О. ПРОБЛЕМЫ СООТВЕТСТВИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСПЕКЦИИ ТРУДА В РЕСПУБИКЕ КАЗАХСТАН..... 638

КАЛИКАНОВ А.М. ПРОБЛЕМЫ ДОСТУПА ПЛАТФОРМЕННЫХ РАБОТНИКОВ К МЕДИЦИНЕ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН..... 651

КАДЕТОВА Д.Ж. ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВЫХ ГАРАНТИЙ ДЛЯ ПРОФСОЮЗНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРИ УВОЛЬНЕНИИ В КАЗАХСТАНЕ 661

МАШАНЛО М.А. РЕГУЛИРОВАНИЕ СВЕРХУРОЧНОЙ РАБОТЫ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ..... 673

НҰРЛЫБЕК Е.Н. ЕҢБЕК ЖАҒДАЙЛАРЫН ӨЗГЕРТУДІ ҚҰҚЫҚТЫҚ РЕТТЕУДІҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ..... 682

ПАРХОМЧИК А.Р. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КИБЕРСПОРТА В РОССИИ И КАЗАХСТАНЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ..... 688

УГОЛОВНОЕ ПРАВО 696

БЕКМУХАНБЕТОВ А.А. ХАКЕРСТВО И НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫЙ ДОСТУП К КОМПЬЮТЕРНЫМ СИСТЕМАМ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН..... 696

ГАЗДИЕВА Х.М. О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ВЫДЕЛЕНИЯ ГЛАВЫ «УГОЛОВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ ПРОТИВ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ» В УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ КАЗАХСТАНА..... 702

КАКИМОВА А.С. «КӘМЕЛЕТКЕ ТОЛМАҒАН БАЛАЛАРҒА ҚАТЫСТЫ ЖЫНЫСТЫҚ ҚЫЛМЫСТАР ҮШІН ҚЫЛМЫСТЫҚ ЖАУАПТЫЛЫҚТЫ КҮШЕЙТУДІҢ АЛДЫН АЛУ ӘСЕРІ» 708

САЛДЫРОВА А.Ғ. КӘМЕЛЕТКЕ ТОЛМАҒАНДАРҒА ҚАТЫСТЫ ДЕРЕКТЕРДІ АЛГОРИТМДІК ПРОФИЛЬДЕУ – КРИМИНОГЕНДІК ТӘУЕКЕЛ ФАКТОРЫ 716

СӘУЛЕБАЕВА Ә.Ә СТАЛКИНГ ҚҰБЫЛЫСЫ – АУЫР ҚЫЛМЫСТАР ҚАУПІНІҢ ИНДИКАТОРЫ 728

СЫЗДЫКОВА Н.А. АНАСЫНЫҢ ЖАҢА ТУҒАН БАЛАСЫН ӨЛТІРУІ: ҚЫЛМЫС СУЪЕКТІСІ МӘСЕЛЕЛЕРІ 739

ТӨКЕЕВ Д.Ш. ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ САЛЫҚ САЯСАТЫН ҚАЙТА ЖҮКТЕУ: ӘКІМШІЛЕНДІРУ МӘСЕЛЕЛЕРІ ЖӘНЕ ЖЕТІЛДІРУ БАҒЫТТАРЫ 749

ЧАСТНОЕ ПРАВО 756

АБАЙ С.А. ВЛИЯНИЕ CAVEAT EMPTOR И ОГОВОРКИ «AS-IS» НА ПРАВО РАСТОРЖЕНИЯ ДОГОВОРА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕЦЕПЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН 756

АБДРАХМАНОВ Ж.С. ДИПФЕЙКИ И ЗАЩИТА ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ЦИФРОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ И КРИТЕРИИ СУДЕБНОЙ ОЦЕНКИ 768

АЛИШ З.Б. ТӨРТІНШІ ӨНЕРКӘСІПТІК РЕВОЛЮЦИЯ ЖАҒДАЙЫНДА ҚҰҚЫҚТЫҢ ДИНАМИКАСЫ МЕН ТҰРАҚТЫЛЫҒЫ: ЦИФРЛЫҚ ТРАНСФОРМАЦИЯ ДӘУІРІНДЕГІ ҚҰҚЫҚТЫҚ МЕМЛЕКЕТТІҢ ДАМУЫ 776

АМАНГЕЛЬДИНОВ З.Н. ПУБЛИНЧНОСТЬ ЗАЛОГА КАК УСЛОВИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЕГО ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ В ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН 790

БАТРАХАНОВ А.А. ОБРАЗЦОВОЕ РЕШЕНИЕ ГЕНЕЗИС И ПОТЕНЦИАЛ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ИНСТИТУТА 800

ГИЗЕТДИНОВА Л.Р. АНТИМОНОПОЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ: ПРОБЛЕМЫ ДОМИНИРУЮЩЕГО ПОЛОЖЕНИЯ 806

ГРАММАТИКОПУЛО Ф.Д. ПРАВОВАЯ КОЛЛИЗИЯ НЕОБЕСПЕЧЕННЫХ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: ФОРМАЛЬНОЕ ПРИЗНАНИЕ ИМУЩЕСТВОМ ПРИ ФАКТИЧЕСКОЙ НЕОБОРОТОСПОСОБНОСТИ 814

ГРИГОРЬЕВНА С.Н. ЭВОЛЮЦИЯ ПРИНЦИПА ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В УСЛОВИЯХ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ 823

ЕСБАҒАНБЕТ Ш.Ш. ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ РЕНОВАЦИЯЛАУ ШЕҢБЕРІНДЕ ТҰРҒЫН ҮЙ ҚҰРЫЛЫСЫНА ҮЛЕСТІК ҚАТЫСУ ТУРАЛЫ ШАРТЫНЫҢ ТЕОРИЯЛЫҚ ЖӘНЕ ТӘЖІРИБЕЛІК МӘСЕЛЕЛЕРІ 835

ЖАКСЫЛЫКОВА А.К., КАЙЖАКПАРОВА А.Б. НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 845

ЗИНАЛИЕВА Ж. КВАЗИНЕКЕЛІК ҚАТЫНАС 851

ИКРАМОВА А.Б. СУКУКТЫҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ ТАБИҒАТЫ: ЗАҢНАМАДА РЕТТЕЛУІ МЕН ҚОЛДАНУЫНЫҢ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ 858

КАЖГАЛИЕВ С.Т. СРЕДСТВА ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ В РАМКАХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ДОГОВОРА: АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ И ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА 868

МАЛЬКОВ Р.М. 3-D КАДАСТР: ОБОСНОВАННОСТЬ ЕГО ВВЕДЕНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ 880

МАНАПОВА Г.Ф. КОНСТРУКЦИИ ТИТУЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В БАНКРОТСТВЕ В КАЗАХСТАНСКОМ ПРАВЕ..... 887

ОНГАЛБЕКОВА Д.И. ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ СОГЛАШЕНИЯ О РАЗДЕЛЕ ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ В КАЗАХСТАНЕ И ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ (ФРАНЦИЯ, КАНАДА (ОНТАРИО)) 897

СӘРСЕМБЕК А.Б. О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРИМЕНЕНИЯ СРОКА ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ К ТРЕБОВАНИЯМ О ПОСЛЕДСТВИЯХ НИЧТОЖНЫХ СДЕЛОК В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН 906

ТӨЛЕУБЕКОВА А.Қ. ПРАВОВОЙ СТАТУС БОЛЬШИХ ДАННЫХ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН..... 912

Kadyrbekov Alisher
Master of Laws, PhD Candidate, Anadolu University
Eskişehir city, Republic of Türkiye
E-mail:a_kadyrbekov@anadolu.edu.tr

Kaparov Asylbek
Master of Laws, PhD Candidate, Istanbul University
Istanbul city, Republic of Türkiye
E-mail: asylbek.kaparov@ogr.iu.edu.tr

DIGITAL SOVEREIGNTY AS A NEW CONSTITUTIONAL CATEGORY: DYNAMICS AND STABILITY IN KAZAKHSTAN AND TÜRKIYE

"Technology offers humanity boundless possibilities
— and equally boundless responsibility"
Karl Jaspers

Abstract

In this study, the authors examine the concept of "digital sovereignty" through the lens of the current legislation of Kazakhstan and Türkiye. The topic is highly relevant due to the accelerated processes of digitalization on a global scale and the resulting issues regarding the protection of personal data and the interests of states. The authors employ general scientific research methods, which involve the analysis of regulatory legal acts in both countries, as well as a comparative legal approach to studying the experience of foreign states. In addition to analyzing articles and the current positions of other scholars and experts, the authors conducted a survey of scholars and experts in Kazakhstan, Türkiye and Ukraine. The outcome of this study is the development of the authors' concept of "Digital Sovereignty."

Key words: Digital sovereignty, digital environment, digital rights, digital space, digital jurisdiction, cybersecurity, Kazakhstan, Türkiye, China, GDPR.

Introduction

The relevance of our research topic is confirmed by the current level of scientific and technological progress and the accelerated pace of global digitalization. In this context, questions rightly arise regarding the protection of personal data, digital human rights, and the role of the state in the digital space.

The aim of this study is to define the place of "Digital Sovereignty" within the system of constitutional principles as part of the state's general sovereignty.

The objectives are: to review existing positions within the academic community; to analyze the views of scholars and experts based on interviews; and to propose the author's concept of "Digital Sovereignty."

The research methods include: analysis of the positions and opinions of scholars and experts; interviews; and comparative legal analysis in the context of international practice.

We all understand perfectly well what defines the 21st century. Over the past decade, scientists have made a series of revolutionary discoveries and giant leaps in science. Among these achievements, we can cite breakthroughs in artificial intelligence and the development of supercomputers in various countries, as well as the coverage of the Noosphere by

satellite internet — Starlink from SpaceX. All these initiatives encompass such a modern phenomenon as digitalization.

From the perspective of scientific and technological progress, digitalization can be compared to the similar development of telephony and radio technologies in the early 20th century. However, modern realities and the digital space have their own characteristics and challenges, which in turn directly affect human rights and the interests of states.

While the first set of challenges — protecting personal data and human rights in the digital environment — is relatively clear, the second set raises fundamental questions. In other words, questions arise regarding the role of the state in the era of digitalization and the protection of its interests in the digital space.

In the past, when individuals and citizens interacted with the government, the focus was on the quality and convenience of public services. This led to the introduction of the "one-stop shop" principle, whereby citizens can access public services in a single location through a single specialist, without having to visit different departments, thereby reducing bureaucratic hurdles. At the current stage of the country's strategic development, efforts are being made to digitize these public services and make them available online. This has led to the emergence of platforms for providing such public services through portals: eGov.kz (Kazakhstan), e-Devlet.tr (Türkiye), Diia.ua (Ukraine), Sda.ge (Georgia), Gov.cn (China), Gosuslugi.ru (Russia), and others.

In addition to digitizing public services within the state and preparing the relevant regulatory framework, each state is asking itself about its role in the digital space. Legal scholars, in turn, are examining the concept of "digital sovereignty" through the lens of classical theories of the state and law.

1. Theoretical and Legal Foundations of Digital Sovereignty

1.1. The Concept of Sovereignty in Classical Constitutional and Legal Doctrine

When discussing the representatives of the Natural Law School, which included Thomas Hobbes, John Locke, and Jean-Jacques Rousseau. We see a position in which "sovereignty" derives from the people and varies from the citizens and their status as bearers of sovereignty (general manifestation) to a specific representative of the people/state — the Sovereign — who may take the form of a monarch or another person possessing such status (private manifestation)[1].

When it comes to international instruments, attention must be paid to the Convention on the Rights and Duties of States (Montevideo, December 26, 1933). Article 1 of that convention establishes the characteristics of a state as a subject of international law: *"(a) a permanent population; (b) a defined territory; (c) a government; and (d) the capacity to enter into relations with other states*"[2]. In other words, the combination of these characteristics serves as an indicator that helps a state attain the status of an independent subject of international law.

Article 3 of the Convention on the Rights and Duties of States states that: "*The political existence of a state does not depend on recognition by other states. Even prior to recognition, a state has the right to defend its integrity and independence to ensure its survival and prosperity, and, consequently, to organize itself as it deems necessary, to legislate in accordance with its interests, to administer its public services, and to determine the jurisdiction and competence of its courts. The exercise of these rights is subject to no restrictions other than the exercise of the rights of other states in accordance with the norms*

[1] Прокопова АВ и Афонина АВ, 'Развитие теоретико-правовых концепций суверенитета' (2024) *Юриспруденция и современная правовая система* 3, 8 <https://naukaip.ru/wp-content/uploads/2024/01/MK-1915.pdf#page=8> accessed 19 March 2026.

[2] Montevideo Convention on the Rights and Duties of States (adopted 26 December 1933) <https://prg.kz/document/?doc_id=38249008&pos=14;360> accessed 19 March 2026.

of international law"[3]. In other words, this article addresses the actual sovereignty of the state and its right to self-determination (non-interference in internal affairs) and to defend itself and its independence.

Thus, based on the principles of the theory of the state and law, in our view, the concept of "sovereignty" is a characteristic of an independent and autonomous state. Such independence manifests itself through the creation of its own institutions of state power (legislative, executive, and judicial); the enactment of laws; the institutions of citizenship and popular sovereignty; the holding of elections; the establishment of a tax system; the issuance of a national currency; the definition of national interests and principles; and other characteristics of a sovereign state.

1.2. Digital Sovereignty: The Origin of the Concept

The concept of "digital sovereignty" emerged against the backdrop of a political and legal response to the Internet as a transnational phenomenon, and the conflict of interests between private technology corporations and the national interests of individual countries. Parallel to these processes, logical questions arose regarding applicable jurisdiction in a transnational context. Thus, the category of "digital sovereignty" is the result of the classical doctrine of state sovereignty and the processes of global digitalization in the late 20th and early 21st centuries.

Based on this natural state of "conflict" of interests on the global Internet and the emergence of new entities — big data technologies—and the transition of personal data from the physical world to the digital space. As a result of global digitalization, the idea of the "Declaration of Independence of Cyberspace" authored by John Perry Barlow emerged, in which he draws an analogy to the ideas of T. Hobbes, speaking of the "Social Contract" and "War of All Against All," arguing that regulation by large tech companies and the state is not possible and that "*Cyberspace is not within your borders. Do not think you can build it as if it were a public building project… We are forming our own Social Contract*"[4].

Currently, there are also concepts within the fields of international law, information law, and global internet governance that describe the fragmentation of the global network. Scholars and experts include "Splinternet" and "Digital Balkanization" among these categories.

Where "Splinternet" refers to the process of the global, universal internet breaking down into several isolated or partially incompatible segments, each operating under different legal, technical, and political rules[5].

In turn, "digital Balkanization" refers to the fragmentation of the digital space into closed-off informational, cultural, or ideological clusters[6]. The term refers to the historical fragmentation of the Balkan region into numerous conflicting political entities and is used as a metaphor to describe the fragmentation of the information landscape.

One approach to addressing these challenges and potential regulatory issues is the position taken by Ukrainian scholars and experts, who argue that the rapid development of digital technologies (IoT, Web 3.0, AI, and big data) is leading to fundamental changes in social and legal realities. This state of affairs requires a reevaluation of traditional legal paradigms, they argue, emphasizing the need to integrate national and international legal

---

[3] Montevideo Convention on the Rights and Duties of States (adopted 26 December 1933) https://prg.kz/document/?doc_id=38249008&pos=14;360 accessed 19 March 2026.

[4] John Perry Barlow, 'A Declaration of the Independence of Cyberspace' (Electronic Frontier Foundation 1996) <https://www.eff.org/cyberspace-independence> accessed 19 March 2026.

[5] Mark A Lemley, 'The Splinternet' (2024) 15(1) *Revista Amagis Jurídica* 245 <https://revista.amagis.com.br/index.php/amagis-juridica/article/view/343/296> accessed 19 March 2026.

[6] Кіптенко ВК, 'Інтернет-Балканізація інформаційного суспільства' (2011) 24(63)(2-2) *Ученые записки Крымского федерального университета* 69 <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-balkanizatsiya-informatsiynogo-suspilstva> accessed 19 March 2026.

systems to adequately manage digital relationships, ensure consistency across jurisdictions, and develop new regulatory measures capable of governing digital spaces, e-jurisdiction, and the legal status of participants in the digital environment. Current legal models are insufficient to address issues arising in the metaverse and propose the initiation of interdisciplinary research and foresight strategies aimed at predicting future socio-legal transformations[7].

1.3. Contemporary Approaches to Defining the Concept of "Digital Sovereignty"

To determine the current understanding of the concept of "digital sovereignty," we reviewed several articles on the research topic and identified the key points raised by their authors.

For example, in the article by Turkish author Orkhan Valiyev, "Yapay Zekâ Çağı'nda Ulusal Egemenliğin Geleceği / The Future of National Sovereignty in the Age of Artificial Intelligence," the transformation of national sovereignty in the era of AI is examined. It is noted that algorithmic power and transnational AI platforms call traditional models of state control into question. From his perspective, "digital sovereignty" is the state's ability to regulate and guide the development and application of AI in the interests of national security and the public good[8].

Russian authors D. Karev and Y. Chertykovtsev, in their article "Digital Sovereignty," seek to provide a legal conceptualization of the term, viewing digital sovereignty as a legal category related to state jurisdiction in cyberspace, data protection, and cybersecurity. In their view, "digital sovereignty" is the state's legally guaranteed authority to exercise supreme power in the national segment of cyberspace[9].

In their article "Reimaging Smart City Transplants for the Global South: A Post-Colonial Lens on Human Rights and Digital Sovereignty," Wernick, Udoh, and Banzuzi analyze "smart cities" by comparing the categories of the "Global South" and the "Global North." They highlight the risk of digital neocolonialism through the export of technologies and platforms by tech giants and companies. In their view, "digital sovereignty" represents the ability of the state and society to control digital transformation without external domination and with respect for human rights[10].

In his paper "Data Sovereignty and National Security: Governance Challenges and Pathways in the Digital Age," South Korean author Lin Li of Incheon National University explores the link between data sovereignty and national security, emphasizing the need for balanced regulation of cross-border data flows. For the author, "digital sovereignty" refers to

---

[7] Kostenko OV and others, 'Legal Perspectives of the International Scientific Sandbox Metaverse: Technologies and Foresights for Digital Transformation' <https://www.researchgate.net/profile/Oleksii-Kostenko-3/publication/387994061_Legal_perspectives_of_the_International_Scientific_Sandbox_Metaverse_technologies_and_foresights_for_digital_transformation/links/67865ce51afb4e11f5e61d7d/Legal-perspectives-of-the-International-Scientific-Sandbox-Metaverse-technologies-and-foresights-for-digital-transformation.pdf> accessed 19 March 2026.

[8] Valiyev O, 'Yapay Zekâ Çağı'nda Ulusal Egemenliğin Geleceği' (2025) <http://dspace.khazar.org/bitstream/20.500.12323/7914/1/KRITER%20100-e-dergi.pdf> accessed 19 March 2026.

[9] Карев ДА и Чертыковцев ЮВ, 'Цифровой суверенитет' (2025) (4) *Право и государство: теория и практика* 80 <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-suverenitet/viewer> accessed 19 March 2026.

[10] Wernick A, Udoh G and Banzuzi E, 'Reimaging Smart City Transplants for the Global South: A Post-Colonial Lens on Human Rights and Digital Sovereignty' in *Critical ICT4D* (Routledge 2025) 109 <https://www.taylorfrancis.com/chapters/oa-edit/10.4324/9781003395966-10/reimaging-smart-city-transplants-global-south-alina-wernick-gabriel-udoh-emeline-banzuzi> accessed 19 March 2026.

the right and ability of a state to establish rules governing access, storage, and cross-border transfer of data in the interests of security and development[11].

Another Turkish author, Dikmengil N., uses the concept of "siber-ulus" to analyze the emergence of digital spaces as new "territories" of sovereignty, including the example of digital diplomacy. The expansion of the concept of sovereignty beyond physical territory is emphasized. "Digital sovereignty" is viewed as a state's ability to construct and represent its statehood in cyberspace as a new political and legal arena[12].

In his work, Russian author S. Eshtokin emphasizes technological sovereignty through the development of "cross-cutting" digital technologies (AI, big data, blockchain, etc.) as the foundation of national competitiveness. Technological dependence is interpreted as a threat to sovereignty. According to the author, "technological sovereignty" (digital sovereignty) is a country's ability to independently create and implement critically important digital technologies without critical external dependence[13].

V. Nikonov, A. Voronov, V. Sazhina, S. Volodenkov, and M. Rybakova write that "digital sovereignty" is viewed as a comprehensive characteristic of the modern state, expressing its ability to independently formulate and implement policy in the digital environment, and to control digital infrastructure, data, and communication flows. Based on an expert survey, the authors identify the structural components of "digital sovereignty": regulatory, institutional, technological, human resources, and value-ideological. Thus, in their view, "digital sovereignty" is the state's ability to ensure the autonomy, security, and controllability of the digital space in the national interest[14].

1.4. The Views of Kazakhstani Academics and Experts on the Concept of "Digital Sovereignty"

As part of our research, we conducted a small focus group survey among academics and experts in the Republic of Kazakhstan. They were asked the following three questions: No. 1: What is your opinion on the concept of "digital sovereignty"? No. 2: How would you define this category? And No. 3: What are the main issues this term raises for you? (See Appendix No. 1).

Question No. 1 "What is your opinion on the concept of 'digital sovereignty'?":

Professor Shapak U.[15] notes that "The concept of digital sovereignty is familiar and close to my heart. Every state must possess digital sovereignty. Digital sovereignty must be protected."

Professor I. Aubakirova[16] "The concept has a right to exist. It is frequently used in journalism these days. I used it in a presentation at a conference in December 2025 — though only in passing. How one views it depends on what is implied by its content. This

---

[11] Li L, 'Data Sovereignty and National Security: Governance Challenges and Pathways in the Digital Age' (2025) 1(1) *Global Review of Humanities, Arts and Society* 49 <https://journals.panorama-sg.com/index.php/files/article/view/data-sovereignty-security/28>accessed 19 March 2026.

[12] Dikmengil N, *Siber-ulus: Dijital Egemenlik Alanı ve Barbados'un Metaverse Elçiliği* (Işık Üniversitesi Yayınları 2022) https://belgelik.isikun.edu.tr/xmlui/handle/iubelgelik/5192 accessed 19 March 2026.

[13] Ештокин СВ, 'Сквозные технологии цифровой экономики как фактор формирования технологического суверенитета страны' (2022) 12(3) *Вопросы инновационной экономики* 1301 <https://cyberleninka.ru/article/n/skvoznye-tehnologii-tsifrovoy-ekonomiki-kak-faktor-formirovaniya-tehnologicheskogo-suvereniteta-strany/viewer>accessed 19 March 2026.

[14] Никонов ВА и др, 'Цифровой суверенитет современного государства: содержание и структурные компоненты' (2021) (60) *Вестник Томского государственного университета* <206 https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-suverenitet-sovremennogo-gosudarstva-soderzhanie-i-strukturnye-komponenty-po-materialam-ekspertnogo-issledovaniya/viewer accessed 19 March 2026.>

[15] Shapak Unzila, Deputy of the Mazhilis of the Parliament of the Republic of Kazakhstan (VIII convocation), Doctor of Law, Professor Emeritus, Maqsut Narikbayev University.

[16] Aubakirova Indira Uralovna, Doctor of Law, Assistant Professor, Maqsut Narikbayev University; Director of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan.

requires a scholarly analysis of different approaches and a review of the literature. That is your task in the article. It is incorrect to substitute authors in this context".

S. Idrysheva[17], Professor, combined the answers to questions 1 and 2: "Digital sovereignty is one of the components of state sovereignty and one of the modern foundations of a state's national security".

Conclusion: The position of Kazakhstani professors on Question 1 indicates that the concept of "digital sovereignty" is not unfamiliar to them. On the contrary, they emphasize its relevance and its connection to state sovereignty and the protection of national interests and security.

Question No. 2: "How would you define this concept?"

Professor Shapak U.: "The concept of digital sovereignty remains unclear. It is the state's ability to independently manage the flow of information and data and to independently develop technologies in the digital space within its territory."

Professor S. Idrisheva: "Digital sovereignty is one of the components of state sovereignty, one of the modern foundations of a state's national security."

Conclusion: Scholars note that developing a unified term requires an extensive analysis of existing positions and trends. Therefore, based on the responses, a general position can be derived for the category: "Digital sovereignty is one of the components of state sovereignty—the state's ability to independently manage the flow of digital information and data and to independently develop technologies in the digital space within its territory while protecting national security interests."

Question No. 3: "What are the main questions this term raises for you?":

Shapak U.: "Where do the boundaries of digital space begin and end? How is a global digital map created? How do we define our sovereignty?"

Aubakirova I.: "It doesn't raise any particular questions for me personally. I think this is about the country's independence in matters of digitalization."

Idrysheva S.: "For Kazakhstan, this topic is extremely relevant, since as of early 2026, Kazakhstan has no evidence that it possesses its own technical and technological infrastructure or software capable of controlling its digital space," The professor also spoke about the shortage of IT specialists, as well as the quality of Internet access and the localization of domestic technology companies within Kazakhstan.

Conclusion: Respondents are grappling with fundamental questions regarding the definition of the boundaries of a single state's digital sovereignty and its level of digitalization.

Similar questions were posed to expert R. Dayyrbekov[18]: "In Kazakhstan, digital sovereignty means that the state controls key digital infrastructure, data, and services, ensuring the independence and security of the digital environment. As outlined in the Digital Code, this is implemented as follows:

1. Data localization and control: The Code stipulates that digital data may be freely created, stored, and used, but within the limits established by the laws of the Republic of Kazakhstan. This provides the state with a legal basis for controlling cross-border data flows and protecting national interests.

2. Operators' obligations: Platforms are required to prevent unauthorized access, leaks, and cross-border data transfers if such transfers are restricted by the laws of the Republic of Kazakhstan. This allows the state to maintain control over the use of digital data within the country.

[17] Idrisheva Sara Kimadievna, Doctor of Law, Professor Emeritus, Maqsut Narikbayev University.

[18] Ruslan Dayyrbekov, 'Digital Rights Center Kazakhstan' <https://drcq.law/nasha-komanda/dayyrbekov-ruslan/>accessed 19 March 2026.

3. Personal Data: The processing of personal data and digital identifiers is carried out in accordance with personal data legislation, including cross-border transfers, which are permitted only with the data subject's consent and in compliance with security requirements.

Thus, digital sovereignty through the Digital Code ensures a balance between an open digital environment and the protection of national interests, infrastructure security, and citizens' rights, including in the context of cross-border data transfers.

For example, if a Kazakhstani bank uses a foreign provider's cloud services to store customer data, the principle of digital jurisdiction applies: Kazakhstani personal data legislation requires that such data be protected and transferred abroad only in compliance with certain conditions, including customer consent and adherence to security requirements. This reflects digital sovereignty: the state controls how and where its citizens' data is stored, even if the service is physically located outside the country.

Digital jurisdiction is a legal mechanism that determines which laws apply to data and digital operations, especially when they cross borders. In Kazakhstan, this is a combination of territorial and personal approaches: laws apply to citizens' data and operations within the country, as well as to foreign services serving Kazakhstani users.

Together, these tools allow us to simultaneously protect national interests, ensure data security, and uphold human rights in the digital environment.

Conclusion: The expert's position allows us to identify the key aspects of establishing "Digital Sovereignty" in Kazakhstan. This foundation is laid out in the country's Digital Code, and the expert also addressed the issue of "Digital Jurisdiction," which is reflected in applicable legislation regarding the protection and regulation of social relations in the digital environment. Furthermore, according to the expert, there are three main components of "digital sovereignty": data localization and control; operators' obligations; and personal data.

2. Digital Sovereignty in the Constitutional Development of the Republic of Kazakhstan

2.1. Digitalization in Kazakhstan: Supercomputers, AI, and Digital Legislation

The global trend toward the transition of information from physical to digital form and the emergence of digital data in the digital environment points to a phenomenon known as digitalization. As a developing country, Kazakhstan is not standing still and is constantly updating its legislation and infrastructure in line with the times and human progress.

Driven by digitalization, the Republic of Kazakhstan achieved high rates of transitioning public services to an online format by 2025 — over 92% within the digital government framework — which is an attractive indicator for foreign investors and demonstrates the speed and scale of digitalization in the country. In addition to providing public services online, the country has achieved a high level of internet coverage, ensuring broad access to public services and e-government products. This is also evidenced by the fact that 6,298 settlements have access to 3G and 4G internet[19].

When discussing high-performance computing and technology, it is worth noting that Kazakhstan has two supercomputers, "Alem.Cloud" and "AI-Farabium," which underscores the presence of a reliable, domestically hosted data center. This infrastructure ensures Kazakhstan's sustained technological leadership in Central Asia as a country with a developed digital infrastructure[20].

---

[19] Zhaslan Madiyev, 'Kazakhstan's Digital Evolution: From eGov to AI Governance' <https://publicadministration.desa.un.org/blog/kazakhstans-digital-evolution-egov-ai-governance> accessed 19 March 2026.

[20] 'Kazakhstan Enters Top-30 Global IT Powers' *Zakon.kz* <https://www.zakon.kz/tekhno/6498296-kazakhstan-vorvalsya-v-top30-mirovykh-ITderzhav-dva-superkompyutera-vyveli-stranu-na-27-mesto.html>accessed 19 March 2026.

In addition to digitalization, Kazakhstan is actively integrating AI into its work processes. One example is the implementation of AI technologies in medicine. For instance, AI helps Kazakhstani doctors detect strokes and cancer more quickly. The Cerebra diagnostic system has been implemented in nine stroke centers. Cerebra enables the detection of stroke symptoms in the early stages, allowing for timely clinical decisions and prompt initiation of treatment. By 2026, the diagnostic system is planned to be implemented in 33 stroke centers. In oncology, the use of AI technologies allows for the detection of breast and lung cancer in the early stages. The cancer detection rate has increased by 32%, and diagnosis takes 10 minutes. The project is being implemented in 190 medical organizations across 12 regions of the country. AI is also used in dentistry; Aidentis analyzes X-ray images to detect pathological changes, enabling the development of effective treatment plans. Diagnosis time has been reduced from one hour to one minute. All digital solutions will be implemented based on the Unified Medical Data Repository, which will ensure the integration of medical information systems, improve the efficiency of healthcare management, and lay the foundation for the further development of smart medicine in Kazakhstan[21].

All public services in Kazakhstan's construction sector have been moved online, according to the Ministry of Digital Development. There are 54 public services in the construction industry. By the end of 2025, 96% of services were provided electronically, reflecting the industry's high level of digitalization[22].

Kazakhstan is launching the unified construction portal "Qportal.kz," and AI technologies are monitoring construction progress in Astana. The electronic database contains master plans for 89 cities across the country. The system performs an automatic control function: the issuance of permits is blocked if the developer's project parameters do not comply with the approved city development plan. Qportal.kz is designed to integrate existing digital systems and cover all stages of construction. A pilot project has been launched in Astana to implement AI for monitoring construction progress; the system allows for the early automatic detection of land misuse and deviations from urban planning schemes. Transparency in identification ensures the issuance of digital passports for facilities. Automating interactions reduces the human factor[23].

In the area of social support, the government is implementing the "Digital Family Card" project based on data from all government information systems. This map contains information on all citizens of Kazakhstan. Thanks to the introduction of the Digital Family Card, starting in early 2026, 3,828 people received SMS messages regarding the provision of government services in the social and labor sectors; subsequently, 1,218 people used this service. The Digital Family Card enables individuals eligible for state support to apply for 11 types of benefits and social payments without having to submit any applications. The application process and the assignment of social benefits or payments are carried out automatically, with funds subsequently transferred to the recipient's bank account[24].

One of the most critical aspects of digitalization in Kazakhstan is the fight against cybercrime. In addition to leading positions in terms of the pace of digital transformation, the online services index, and the e-government development index, Kazakhstan ranks among

---

[21] 'AI Helps Detect Stroke and Cancer in Kazakhstan' *Inform.kz* <https://www.inform.kz/ru/ii-pomogaet-kazahstanskim-vracham-bistree-viyavlyat-insult-i-onkozabolevaniya-fd404a> accessed 19 March 2026.

[22] 'All Construction Public Services in Kazakhstan Moved Online' *Inform.kz* <https://www.inform.kz/ru/vse-gosuslugi-v-sfere-stroitelstva-kazahstana-perevedeni-v-onlayn-format-mintsifri-a3a660> accessed 19 March 2026.

[23] 'AI Construction Monitoring Pilot Launched in Astana' *Inform.kz* <https://www.inform.kz/ru/pilot-po-kontrolyu-stroitelstva-s-pomoshyu-iizapushen-v-astane-42d7f3> accessed 19 March 2026.

[24] '1218 Kazakhstan Citizens Received Public Services via Digital Family Card' *Inform.kz* <https://www.inform.kz/ru/1-218-kazahstantsev-poluchili-gosuslugi-cherez-tsifrovuyu-kartu-semi-s-nachala-goda-20f10d> accessed 19 March 2026.

the top 50 countries in the National Cybersecurity Index (NCSI)[25]. This demonstrates the steady development not only of digital infrastructure but also of security mechanisms. In 2024, the country ranked 3rd in Tier 2 of the Global Cybersecurity Index (GCI). This is attributed to the implementation of cybersecurity audits, the development of the Digital Code project, and the strengthening of digital space regulation.

Experts identify “online fraud” and “cyberattacks (DDoS attacks)” as the main types of cyber threats. The 20% clearance rate for cybercrimes indicates the high degree of transnational nature of these crimes and the associated procedural complications. Experts also note that as digital openness grows, there is a need to adapt law enforcement mechanisms to new requirements. The digitization of public services and business processes must also meet security requirements; to achieve this balance, Kazakhstan signed a UN international convention in 2025 aimed at combating cybercrime[26].

According to data from the Committee on Legal Statistics and Special Records under the Prosecutor General’s Office, 86.1% more crimes were recorded in the field of informatization and communications during the first 10 months of 2025 than in 2024. Analysis shows that 80% of crimes involve the theft of personal data, 6% involve unauthorized access to organizations’ information systems, and 6% involve the theft of banking data. The primary targets of these crimes are information and financial resources. These statistics reflect not only the successes of digitalization in Kazakhstan but also the growth of associated risks.

To ensure security in the digital space, a cyber police unit has been established and is operating within the structure of the Ministry of Internal Affairs of Kazakhstan, coordinated by the Department for Combating Cybercrime. According to official data, in 2025, a total of more than 104 million fake and fraudulent calls were blocked and intercepted, and more than 100,000 SIM cards were seized. Seven call centers were shut down abroad and six within the country; six cases were initiated regarding the formation of criminal groups, one of which is of a transnational nature[27].

The Center for Analysis and Investigation of Cyberattacks (CAIAC) is also working with the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan and the Ministry of Defense of the Republic of Kazakhstan to ensure the country's cybersecurity – to build a defense system, its own "army of defenders" in the digital space, and the potential of trained technical personnel[28].

When analyzing global threats in the digital space, it is essential to refer to the data from the Microsoft Digital Defense Report 2025, which identifies the following as the primary targets of cyberattacks: Government agencies and services; Information technology; Science and academia; Non-governmental organizations; Critical infrastructure; Transportation systems; Retail; Communications infrastructure; Financial services; and Healthcare and public health. Geographically, these primarily include: the United States, the United Kingdom, Israel, Germany, Ukraine, Canada, Japan, India, the UAE, Australia, and Taiwan. The top twenty countries also include France, Saudi Arabia, Türkiye, Russia, and China. This demonstrates that the geographic scope of cyber threats is expanding[29].

---

[25] National Cyber Security Index (NCSI) <https://ncsi.ega.ee/ncsi-index/?order=rank> accessed 19 March 2026.

[26] How Kazakhstan Fights Cybercrime’ *Inform.kz* <https://www.inform.kz/ru/kak-kazahstan-boretsya-skiberprestupnostyu-69892a> accessed 19 March 2026.

[27] Suynbay Zh, statement in ‘How Kazakhstan Fights Cybercrime’ *Inform.kz* <https://www.inform.kz/ru/kak-kazahstan-boretsya-skiberprestupnostyu-69892a> accessed 19 March 2026.

[28] Dana Utegen, ‘Cybersecurity in Central Asia: Digital Sovereignty or Dependence?’ <https://ru.rosalux-ca.org/cyber-security-ca> accessed 19 March 2026.

[29] Microsoft, *Microsoft Digital Defense Report 2025* <https://cdn-dynmedia-1.microsoft.com/is/content/microsoftcorp/microsoft/msc/documents/presentations/CSR/Microsoft-Digital-Defense-Report-2025.pdf#page=1> accessed 19 March 2026.

Moving from the technological aspect to the legal sphere, it is important to note a number of key laws in force in the Republic of Kazakhstan. For instance, Kazakhstan recently adopted the Digital Code — an institutional and high-level document that establishes the framework for digital public administration and the protection of human rights in the digital environment.

In addition to the Digital Code, Kazakhstan has a number of other regulatory acts in the field of digitalization, AI, and cybersecurity, including the following laws of the Republic of Kazakhstan: "On Personal Data and Its Protection," "On Informatization," "On Communications," "On Online Platforms and Online Advertising," and "On Artificial Intelligence." At the level of subordinate legislation, Decree No. 832 of the Government of the Republic of Kazakhstan dated December 20, 2016, is in effect. "On the Approval of Uniform Requirements in the Field of Information and Communication Technologies and Information Security," among others. There is also the existing Cybersecurity Concept ("Cyber Shield of Kazakhstan"), which serves as the basis for the future Law of the Republic of Kazakhstan "On Cybersecurity."

Code of the Republic of Kazakhstan dated January 9, 2026
No. 255-VIII "Digital Code of the Republic of Kazakhstan"

Kazakhstan has adopted the Digital Code as a top-level document. According to Article 1 of the Digital Code of the Republic of Kazakhstan, the subject of regulation is defined as: "social relations arising in the digital environment during the creation, circulation, storage, transmission, and use of digital data and digital objects." [30] Additionally, Article 3 of the Digital Code of the Republic of Kazakhstan sets forth the purpose and objectives of the Code: "The objective is to ensure the sustainable development and functioning of the digital environment in the interests of individuals and legal entities, society, and the state. Tasks: 1) legal regulation of social relations arising in the digital environment; 2) defining mechanisms for implementing a unified state policy in the digital environment; 3) strengthening the rule of law and legal order in the digital environment; 4) creating conditions to attract investment in the development of the digital environment in the Republic of Kazakhstan; and 5) providing a legal framework for the digital transformation of all spheres of social relations." [31]

The document regulates the safety of individuals, society, and the state in the application of digital technologies (Article 6 of the Civil Code of the Republic of Kazakhstan), and also ensures a balance between private and public interests (Article 9 of the Civil Code of the Republic of Kazakhstan). The limits of state participation in the digital environment are also separately defined, which, in our view, is a logical codification of the state's right to access and protect national interests and public safety (Article 11 of the Civil Code of the Republic of Kazakhstan). In other words, the Code outlines the concept of "Digital Sovereignty," which is further regulated by Section 5, "Digital Public Administration," and its Chapters 13, "Digital Architecture of the State," and 14, "Digital Government." In addition to the interests of the state and its effective functioning in the digital space, the Digital Code of the Republic of Kazakhstan outlines the rights of entities in the digital environment — Section 3 "Entities of the Digital Environment," Chapters 7 and 8, which set forth the fundamental rights and obligations.

---

[30] Digital Code of the Republic of Kazakhstan 2026 <https://prg.kz/document/?doc_id=38546537&pos=9;201&doc_id2=38546537&pos2=154;206> accessed 19 March 2026.

[31] Digital Code of the Republic of Kazakhstan 2026 <https://prg.kz/document/?doc_id=38546537&pos=9;201&doc_id2=38546537&pos2=154;206> accessed 19 March 2026.

Laws of the Republic of Kazakhstan: "On Personal Data and Its Protection," "On Informatization," "On Communications," "On Online Platforms and Online Advertising," and "On Artificial Intelligence."

The Law of the Republic of Kazakhstan "On Personal Data and Its Protection" regulates social relations in the field of personal data and defines the purpose, principles, and legal framework for activities related to the collection, processing, and protection of personal data[32].

The purpose of the law is to establish legal mechanisms ensuring the lawfulness and security of personal data processing. The document sets forth a number of objectives and principles for the processing of personal data: lawfulness; purpose limitation; accuracy; confidentiality; and security. It regulates the rights of data subjects, including the right to access, correct, block, or delete their data, and establishes the obligation of database owners and operators to ensure the protection of information and to obtain the data subject's consent for its processing. Additionally, the document regulates the issue of state oversight in the field of personal data protection and establishes liability for violations of legal requirements in this area.

The Law of the Republic of Kazakhstan "On Informatization" regulates public relations in the field of informatization arising within the territory of the Republic of Kazakhstan between state bodies, individuals, and legal entities during the creation, development, and operation of informatization facilities, as well as in connection with state support for the development of the information and communications technology sector[33].

The purpose of the document is to establish the legal and organizational foundations of state policy in the field of informatization and the development of digital infrastructure, to improve the efficiency of public administration, and to ensure the availability of electronic services for citizens and organizations. The tasks and principles of the functioning of information systems and electronic resources are defined. The law defines the powers of state bodies in the areas of informatization, e-government development, and ensuring data security and protection in the digital environment.

This legislative act establishes the legal status of entities involved in informatization, regulates issues related to the integration of information systems and the handling of electronic documents and data, and establishes mechanisms for state control and coordination of digital development in the Republic of Kazakhstan.

The Law of the Republic of Kazakhstan "On Communications" establishes the legal framework for activities in the field of communications within the territory of the Republic of Kazakhstan, defines the powers of state bodies to regulate such activities, and outlines the rights and obligations of individuals and legal entities providing or using communications services[34].

The purpose of the document is to ensure the stability and efficiency of the communications sector as a vital part of the country's infrastructure, designed to meet the needs (of individuals, legal entities, and the state) for communications services, and to ensure security, defense, and law and order. The objectives and principles of the law include: state regulation in the field of telecommunications, the powers of state bodies, the establishment of the rights and obligations of telecommunications operators and service users, ensuring the freedom to transmit and receive messages over telecommunications networks, as well as regulating issues of licensing, the operation of telecommunications networks, and the protection of user rights.

---

[32] Law of the Republic of Kazakhstan 'On Personal Data and Their Protection' (21 May 2013) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000094> accessed 19 March 2026.

[33] Law of the Republic of Kazakhstan 'On Informatization' (24 November 2015) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000418> accessed 19 March 2026.

[34] Law of the Republic of Kazakhstan 'On Communications' (5 July 2004) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z040000567_> accessed 19 March 2026.

The Law of the Republic of Kazakhstan "On Online Platforms and Online Advertising" regulates social relations related to online platforms operating within the territory of the Republic of Kazakhstan, as well as social relations arising in the process of producing, placing, distributing, and storing online advertising within the territory of the Republic of Kazakhstan[35].

The purpose of the law is to establish a legal framework for regulating the activities of online platforms and participants in the digital advertising market, to ensure transparency and legality in the dissemination of information on the Internet, and to protect the rights of users of digital services. The objectives of the law are: to establish the legal status of online platforms and bloggers; to define the obligations of entities to comply with legal requirements; to regulate the placement and labeling of online advertising; and to introduce mechanisms for state control over the dissemination of unlawful or inaccurate content.

The document defines liability measures for violations of requirements in the sphere of online platforms and online advertising, establishes rules for the interaction of platforms with government agencies, and is aimed at ensuring the safety and protection of the interests of society and the state in the digital environment.

The Law of the Republic of Kazakhstan "On Artificial Intelligence" regulates social relations in the field of artificial intelligence to ensure the development of AI and promote its adoption in various sectors, with the aim of improving the quality of human life and enhancing economic efficiency[36].

The purpose of this document is to establish a regulatory framework for the safe and responsible development of AI technologies, ensuring a balance between innovative development and the protection of the rights and legitimate interests of individuals, society, and the state. The law's objectives include establishing the basic concepts and principles of AI regulation, defining the legal status of entities involved in the development and operation of AI systems, establishing requirements for the safety, transparency, and accountability of algorithmic decisions, and creating mechanisms for state regulation, oversight, and support of AI technology development.

The law provides for the creation of conditions for the development of a national data infrastructure and data libraries for training AI models, the promotion of the adoption of AI technologies in the economy and public administration, and the minimization of risks associated with the use of such technologies.

Government Resolution "On the Approval of Uniform Requirements in the Field of Information and Communication Technologies and Information Security" establishes uniform requirements in the field of information and communication technologies and information security[37].

The purpose of this regulatory act is to establish a unified system of technical, organizational, and legal requirements in the field of information and communication technology use, aimed at ensuring the sustainable and secure operation of state information systems and e-government infrastructure. The objectives of the document are: to regulate the procedure for the development and operation of informatization facilities; to define requirements for the architecture of information systems, software, data centers, and network infrastructure; and to implement mandatory security measures, including user verification (identification and authentication); access control; cryptographic protection of information; logging of security events; and auditing of information systems. The Act defines

---

[35] Law of the Republic of Kazakhstan 'On Online Platforms and Online Advertising' (10 July 2023) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000018> accessed 19 March 2026.

[36] Law of the Republic of Kazakhstan 'On Artificial Intelligence' (17 November 2025) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000230> accessed 19 March 2026.

[37] Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan No 832 'On Approval of Unified Requirements in ICT and Information Security' (20 December 2016) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1600000832> accessed 19 March 2026.

requirements for ICT risk management, the organization of information security units, and monitoring of system compliance with established standards, and ensures the development of a unified approach to the protection of the state's electronic information resources and information and communications infrastructure[38].

2.2. Constitutional Foundations of Kazakhstan's Sovereignty and Digital Policy

Moving from subordinate legislation, laws, and the Digital Code of the Republic of Kazakhstan to the country's fundamental law — the Constitution of the Republic of Kazakhstan — it is important to note that this Constitution meets the demands of the times and is designed to protect society and the state from modern challenges and threats of legal uncertainty in the digital space.

Thus, we are interested in Article 21 of the Draft New Constitution of the Republic of Kazakhstan: "*1. The right to privacy, personal and family confidentiality, and the protection of personal data from unlawful collection, processing, storage, and use, including through the use of digital technologies, is guaranteed by law. 2. The confidentiality of banking transactions, personal deposits and savings, correspondence, telephone conversations, postal and other communications transmitted by means of communication, including through the use of digital technologies, is protected by law. Restriction of this right is permitted only in cases and in the manner established by law…*"[39].

This article highlights an important detail regarding the "protection of personal data from its unlawful collection, processing, storage, and use, including through the use of digital technologies" — where the emphasis is placed on "digital technologies" and the restriction of their use for collection, processing, storage, and use in accordance with the legislation of the Republic of Kazakhstan.

In other words, this provision of the country's Basic Law enshrines the continuation of national state sovereignty in the digital environment — Digital Sovereignty. Through Article 21 of the Draft New Constitution of the Republic of Kazakhstan, Kazakhstan establishes the supremacy of human rights in the digital space and protects personal data from unlawful collection, processing, storage, and use by anyone (private individuals and organizations or state bodies and representatives of public authorities), thereby establishing legal certainty regarding the restrictions on the use of digital technologies in relation to digital objects at the level of the Digital Code and the relevant laws of the Republic of Kazakhstan.

2.3. Prospects for Development and Digital Jurisdiction as Part of Digital Sovereignty.

According to the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan No. 1151 dated January 6, 2026, 2026 is declared the Year of Digitalization and Artificial Intelligence[40]. Also on March 13, 2026, at a working meeting on the implementation of the Digital Qazaqstan project, K. Tokayev outlined priorities and emphasized the need to ensure the development of national computing infrastructure. The President also believes that the launch of two supercomputers is of strategic importance for strengthening the country's technological sovereignty[41].

---

[38] Kazakhstan Updates Information Security Requirements' *Inform.kz* <https://www.inform.kz/ru/kazahstan-obnovil-trebovaniya-k-informatsionnoy-bezopasnosti-i-tsifrovim-sistemam-e32cba> accessed 19 March 2026.

[39] Draft Constitution of the Republic of Kazakhstan <https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/press/news/details/1159830?lang=ru> accessed 19 March 2026.

[40] Presidential Decree of the Republic of Kazakhstan No 1151 'On Declaring the Year of Digitalization and Artificial Intelligence' (6 January 2026) <https://prg.kz/document/?doc_id=39267867> accessed 19 March 2026.

[41] President Outlines Priorities for National Computing Infrastructure' *Kazpravda.kz* <https://kazpravda.kz/n/tokaev-oboznachil-prioritety-razvitiya-natsionalnoy-vychislitelnoy-infrastruktury/> accessed 19 March 2026.

When discussing the prospects for digital sovereignty, it is necessary to address areas such as finance and law. From a financial perspective, a state's sovereignty is manifested in its ability to issue its own national currency; in the case of Kazakhstan, this is the Tenge. The Constitution of the Republic of Kazakhstan also enshrines the status of the national currency, indicating that it is an integral part of the state's national sovereignty.

However, when discussing the digital representation of such a financial instrument, the "digital Tenge" must also be mentioned. The digital tenge is issued by the Republic of Kazakhstan, and this digital currency is equivalent to the conventional tenge when used in domestic banking transactions.

Also, when discussing the law, the question arises not only of the regulation and legislative control of digital processes and the legal relationships arising in the digital environment, but also of digital jurisdiction. In other words, the resolution of disputes and situations occurring in the digital space that affect the rights of individuals, legal entities, as well as the state and society.

In the Republic of Kazakhstan, the eGov.kz platform and its mobile version, eGov Mobile.kz, provide access not only to routine government services—such as obtaining certificates and other information from government databases and registries—but also to the performance of legally significant actions, such as issuing powers of attorney for lawyers, legal consultants, and individuals representing the interests of citizens or organizations in legal proceedings, by executing an electronic power of attorney using the E-notary system. This is an electronic system that enables notarial actions to be performed online via video call, electronic signature, and digital databases. The goal is to simplify and expedite notarial services, making them accessible remotely without the need for a personal visit to a notary[42].

Kazakhstan also has a well-developed system for submitting applications to government agencies through the E-otinish portal (eotinish.gov.kz) — a service created to simplify the resolution of disputes between Kazakhstani citizens and government authorities. Its primary function is to receive and review online submissions. The service's main purpose is to accept online submissions from citizens. Citizens can file complaints regarding violations of their rights, unlawful actions, or inaction by any government agency. Submitted applications are registered and forwarded to the relevant agencies for review. The service ensures effective feedback, tracking not only the progress of the complaint but also the quality of its processing—including timelines and outcomes[43].

In addition, the "Judicial Office" (office.sud.kz) serves as a one-stop portal for accessing the electronic services of the judicial authorities of the Republic of Kazakhstan. The "Judicial Office" service is designed for submitting applications, requests, complaints, and petitions, as well as for sending letters to the judicial authorities of the Republic of Kazakhstan. Through this service, users can search for court documents and cases, pay state fees online, and track the progress of a case. The Judicial Office provides citizens with access to the electronic services of judicial authorities through a single portal. To use the services of the "Judicial Office," a party to the proceedings must obtain an electronic digital signature (EDS) from the National Certification Authority of the Republic of Kazakhstan (NCA) and register with the "Judicial Office" using the NCA's EDS[44].

To simplify and improve the efficiency of the criminal justice process, bring it into line with international standards, and ensure the fullest possible protection of citizens' constitutional rights; to improve the effectiveness of crime detection; and to strengthen

---

[42] E-Notary System' <https://www.gov.kz/memleket/entities/adilet-shko/press/news/details/1148384?lang=ru> accessed 19 March 2026.

[43] E-Otinish System' <https://www.gov.kz/memleket/entities/zhetysu-eskeldy-aldarbergenov/activities/49897?lang=ru> accessed 19 March 2026.

[44] 'Guide to the Judicial Cabinet' <https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https://office.sud.kz/content/files/Guide_ru.docx> accessed 19 March 2026.

departmental control and prosecutorial oversight of pre-trial investigations of criminal cases in Kazakhstan, the Unified Register of Pre-trial Investigations (URPI) information system has been developed and is in operation[45].

Court proceedings may be conducted online via videoconferencing in courtrooms equipped with the necessary technical communication equipment. This does not conflict with the provisions of the Civil Procedure, Administrative Procedure, and Criminal Procedure Codes of the Republic of Kazakhstan, and is also regulated by relevant normative legal acts, in addition to the codes cited above. More specific requirements for organizing court hearings using technical communication equipment that facilitates participation in the hearing are set forth in the Order of the Head of the Department for Court Support under the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan "On the Approval of the Rules for the Use of Technical Communication Equipment Facilitating Participation in Court Hearings and Requirements Therefor."[46]

In other words, we see that in Kazakhstan, the digitalization process has not only made it possible to access government services digitally, but has also brought legal services and the judicial process itself into the digital realm, streamlining the procedures for filing and reviewing applications online. That is, at present, Kazakhstan has an established practice of digital judicial proceedings; however, it is important to bear in mind the scope of application of this tool in criminal proceedings, where there is still no clear definition of the category of "digital evidence." Successful practices in electronic litigation, however, pertain more to civil cases, as Russian researchers also note in their studies of digital litigation in the practice of the Russian Federation[47].

When discussing digital jurisdiction, the experience of the People's Republic of China is particularly noteworthy. There, despite having similar technological infrastructure and systems for conducting electronic proceedings, the government has identified a category of cases subject to digital jurisdiction — the so-called "Internet courts"[48]. The state has transferred the following matters to their jurisdiction regarding certain categories of civil and administrative cases at the first instance: 1) disputes arising from the conclusion or performance of online purchase contracts via e-commerce platforms; 2) disputes concerning service contracts concluded and performed online; 3) disputes concerning financial loan agreements and small loan agreements concluded via the Internet; 4) disputes regarding the protection of copyright and related rights in works first published on the Internet; 5) disputes arising from the infringement of copyright or related rights in online publications or the distribution of works on the Internet; 6) disputes regarding ownership of domain names, as well as tort and contractual disputes; 7) disputes regarding the infringement of third parties' personal and property rights on the Internet; 8) disputes regarding product liability arising from defects in products purchased through e-commerce platforms that infringe upon the personal and property rights of third parties; 9) cases concerning the protection of public interests initiated by the prosecutor's office; 10) administrative disputes arising from the

[45] 'Unified Register of Pre-Trial Investigations Information System' <https://govarch.kz/ru/infosys/info/1857> accessed 19 March 2026.

[46] Order of the Department for Ensuring the Activities of Courts under the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan 'On Approval of Rules for the Use of Technical Communication Means in Court Hearings' <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1900019499> accessed 19 March 2026.

[47] Kartskhiya AA, 'Digitalization in Judicial Proceedings: Modern Assessments' (2025) (4(57)) *Monitoring of Law Enforcement* 9 <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-v-sudoproizvodstve-sovremennye-otsenki/viewer> accessed 19 March 2026.

[48] Dragilev EV and others, 'Informatization of the Judicial System of China' (2022) (8) *Legal Science* 54 <https://cyberleninka.ru/article/n/informatizatsiya-sudebnoy-sistemy-kitaya/viewer> accessed 19 March 2026.

actions of administrative bodies regarding the regulation of online information services, online commerce, and the regulation of related services[49].

Based on the foregoing, we believe that all the necessary technological, regulatory, and practical conditions are in place for Kazakhstan to establish its own digital jurisdiction. The establishment of such a "digital jurisdiction" will serve as an additional component of "digital sovereignty."

2.4. The Right to "Digital Sovereignty" and Actual "Digital Sovereignty."

When discussing the concept of "Digital Sovereignty," it is important to emphasize that in today's world, driven by the rapid development of technology, the Internet, and the globalization of the digital space, every person has the right to access the Internet. And this right is not something new today. This right was officially brought up for discussion at the UN as early as 2011 by UN Special Rapporteur Frank La Rue[50]. This also corresponds to Article 19 of the Universal Declaration of Human Rights, which states: "Everyone has the right to freedom of opinion and expression; this right includes freedom to hold opinions without interference and to seek, receive and impart information and ideas through any media and regardless of frontiers."[51]

Paragraph 1 of Article 4 of the Constitution of the Republic of Kazakhstan explicitly states that "The people of Kazakhstan are the sole source of state power and the bearers of sovereignty." As is well known, the "people" consist of citizens, and citizens, in turn, are human beings who possess all natural human rights by virtue of being born human[52].

We venture to suggest that a corresponding right of the state to the Internet may be understood as a logical extension of the rights of its people as the bearer of sovereignty. In this sense, such a premise may provide states with grounds to proclaim their own sovereignty in the digital environment, that is, "digital sovereignty." In other words, states may likewise invoke the right to declare digital sovereignty, by analogy with the already recognised right of individuals to access the Internet.

In this regard, it is appropriate to draw an analogy with norms of international law regulating states' access to vital global spaces. Thus, pursuant to Article 125 of the United Nations Convention on the Law of the Sea, "land-locked States shall have the right of access to and from the sea and freedom of transit through the territory of transit States."[53]. The Convention establishes the right of such states to access the sea in order to realise their sovereign rights and economic interests. This provision reflects an important principle of international law: the physical absence of direct access to a particular space should not deprive a state of the opportunity to participate in the use of that space. Maritime space, despite geographical constraints, remains accessible to all states through international legal mechanisms.

Applying this logic to the digital sphere, it may be argued that a similar principle is gradually emerging with regard to the global digital space. The Internet, as a transboundary infrastructure for communication and the exchange of information, in many respects

---

[49] Zhurkina OV and Maksimenko EI, 'Digital Justice on the Example of China's Internet Courts' (2020) 10(6-1) *Issues of Russian and International Law* 138 <http://publishing-vak.ru/file/archive-law-2020-6/17-zhurkina-maksimenko.pdf> accessed 19 March 2026.

[50] Mochalov AN, Kolobaeva NE and Nesmeyanova SE, 'The Right to Internet Access: Legal Content and Implementation Mechanism' (2021) 21(4) *Antinomies* <https://www.ifp.uran.ru/netcat_files/211/547/a00ce48836f433e6cf084defa7b804b3> accessed 19 March 2026.

[51] Universal Declaration of Human Rights (adopted 10 December 1948) <https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml> accessed 19 March 2026.

[52] Universal Declaration of Human Rights (adopted 10 December 1948) <https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml> accessed 19 March 2026.

[53] United Nations Convention on the Law of the Sea (adopted 1982) <https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/lawsea.pdf> accessed 19 March 2026.

resembles the world's oceanic space: it does not belong exclusively to any single state, yet it constitutes a critically important environment for the exercise of sovereign rights, economic activity, and the protection of human rights.

Thus, following the logic whereby international law guarantees landlocked states the possibility of access to the world's oceans, states should not be deprived of the opportunity to participate fully in the global digital environment. This presupposes not only technical access to the Internet and the broader digital space, but also the right of states to formulate their own policies governing digital infrastructure, data, and information flows. In this sense, the concept of digital sovereignty may be regarded as a development of the classical idea of state sovereignty under conditions of the emergence of a new global space.

If, in the field of maritime law, the international community recognised the necessity of ensuring states' access to the sea, then in the digital age a comparable understanding is gradually taking shape: states possess the right to participate in the governance and use of digital space while ensuring the protection of their citizens' rights and the safeguarding of national interests within that space. This approach is reflected, inter alia, in the principles embodied in the United Nations Convention on the Law of the Sea.

Expert D. Utegen[54] raises a similar logic when discussing the "export of digital sovereignty," which is considered within the framework of technologically advanced solutions—both infrastructural and in the promotion of cyber sovereignty theory—where countries will be more or less equal in access and there will be no restrictions on the organization of telecommunications or the installation of data centers.

From a practical perspective, de facto digital sovereignty may be understood as a situation in which a state possesses the technological capacity for the storage, processing, generation, and utilisation of large-scale data and related digital technologies, while its domestic legal system provides for categories of digital objects, establishes mechanisms for their protection, and defines the legal framework, limitations, and conditions governing the use of such technologies. At the same time, such regulation is intended to safeguard the interests of private individuals and legal entities, as well as those of society and the state as a whole.

In other words, a state may possess all the necessary preconditions for proclaiming digital sovereignty, even if it does not formally declare or explicitly codify this concept in its legislation. Nevertheless, the existence of these institutional, technological, and legal elements may in practice indicate the continuation of national sovereignty within the digital domain.

3. Digital Sovereignty in the Constitutional and Legal System of the Republic of Türkiye

3.1. Characteristics of the Constitutional Model of Sovereignty in Türkiye

The Constitution of the Republic of Türkiye, adopted in 1982, enshrines an important principle of statehood: "Sovereignty belongs to the nation without any limitations or conditions"[55]. According to this formulation, sovereignty is not transferred to any body or other natural or legal persons. Furthermore, sovereignty belongs exclusively to the Turkish nation (Türk milleti), and not to the people as a collective of citizens in the classical legal sense. State bodies exercise this sovereignty exclusively within the framework of the Constitution.

In the realities of Turkish legal nature, Türkiye is exclusively a republic in accordance with Article 1 of the Constitution and cannot be changed by decree of state bodies or even heads of state. This important aspect is confirmed by the violent coups d'état of the 1960s

[54] Dana Utegen, 'Cybersecurity in Central Asia: Digital Sovereignty or Dependence?' <https://ru.rosalux-ca.org/cyber-security-ca> accessed 19 March 2026.
[55] Constitution of the Republic of Türkiye 1982, art 6.

and 1980s. According to Article 2 of the Constitution, the Republic of Türkiye is a legal, social, secular, and democratic state. Turkish constitutionalism places particular emphasis on the principle of secularism (lâiklik), which a priori establishes the nation as the sole source of authority, rather than formal religious legitimation. Being part of the Middle East, the Republic of Türkiye distinguishes itself in this principle from other states in the region, where constitutional sovereignty is traditionally linked to the norms of Islamic law.

Another important factor is the clearly established principle of the unitary nature of the republic: "The state of Türkiye, together with its territory and nation, is an indivisible entity. Its language is Turkish"[56].

Thus, sovereignty is indivisible and centralized, eliminating any possibility of recognizing any autonomous regions or districts or a federal system of government as such. These constitutional provisions are fundamental, immutable, and binding on all branches of government (Article 11). Regarding the relationship between Turkish sovereignty and international law, Article 90 of the Constitution stipulates that international treaties ratified by parliament have the force of law. In the event of a legal conflict between an international treaty and national law, human rights treaties prevail. Here, sovereignty is nominally and legally indisputable; however, in the area of human rights protection, legal precedence over international law is permitted.

Regarding the historical peculiarity of the Turkish constitutional model, it developed directly with the obvious confrontation between the parliamentary and presidential branches. As Ahmet Erdi Öztürk and İştar Gözaydın note, Türkiye has never had a perfectly functioning, institutionally balanced democracy. Beyond its problematic legacy, recent years have seen a sharp decline in the level of adherence to fundamental principles such as democracy, freedoms, human rights, and the rule of law. This is not a simple and superficial assertion, but a substantiated fact based on the results of both domestic and international research[57].

This is particularly due to the establishment in 2001 of the current ruling party, the Justice and Progress Party (*Adalet ve Kalkınma Partisi*), led by President Recep Tayyip Erdoğan, which won a resounding victory in the 2002 parliamentary elections. Despite the AKP's roots in political Islam, the party's leadership announced a shift in its political spectrum to the center-right. Having branded itself as true conservative democrats, the party's ruling elite began pursuing policies that threatened the country's secular system, dealing an irreparable blow to the Kemalists. It embraced pro-Western neoliberalism, created significant momentum for European Union (EU) accession, and ultimately formed a party with a reformist vision[58].

The AKP's victory in 2002 was largely due to the emergence of a new middle class, comprised of conservative small business owners in Anatolia. Market-oriented liberals and leftist secularists also celebrated its victory over the ultra-secular Kemalist bureaucracy, primarily due to its successful economic management and EU reforms[59].

From 2002 to the present day, the ruling party has radically changed legal norms regarding privacy, freedom of speech, private property, and freedom of information. According to the World Justice Project Rule of Law Index 2025, Türkiye ranks 118th out of 143 countries in terms of rule of law[60]. This situation was further exacerbated by the 2018 Constitutional Referendum in Türkiye, which proposed a transition from a parliamentary form

---

[56] Constitution of the Republic of Türkiye 1982, art 3.

[57] Ahmet Erdi Öztürk and İştar Gözaydın, 'Turkey's Constitutional Amendments: A Critical Perspective' (2017) 2(2) *Research and Policy on Turkey* 210.

[58] Ibid p. 213.

[59] Ali Çarkoğlu, 'Turkey's November 2002 Elections: A New Beginning?' (2002) 6(4) *Middle East Review of International Affairs* 30.

[60] World Justice Project, *WJP Rule of Law Index 2025* <https://worldjusticeproject.org/rule-of-law-index/> accessed 19 March 2026.

of government to a presidential republic, the abolition of the prime minister, and radical legislative changes[61].

From this moment on, a major political and legal transformation began in the entire Turkish Republic, affecting many aspects of the state, private organizations, and the lives of every citizen, right down to the digital frontier. In particular, the adopted constitutional norms on privacy, freedom of speech, and information, which we will discuss and expand on below, are becoming crucial in the digital age.

Thus, the Turkish model represents officially enshrined and popular sovereignty, in which the supremacy of the Constitution is the primary mechanism for ensuring the stability of the Turkish people and their development through the creation and implementation of social institutions.

Thus, the key conceptual features of the Turkish model proclaim that sovereignty is the sacred and key foundation of the state, belonging not simply to citizens, but to the Turkish nation and no one else. Furthermore, the inviolability and indivisibility of the state's territorial integrity are declared through its recognition as a unitary state. Secularism guarantees every citizen the exercise of their constitutional rights and the fulfillment of their obligations, while simultaneously serving as an active element of legitimation.

Of course, the Republic of Türkiye proclaims sovereignty as absolute and indivisible, but in the event of a legal conflict, the provisions of an international treaty take precedence over national law in the area of human rights protection. Furthermore, political events in the country directly influence the legal framework for the state to resolve and address the consequences of all sorts of situations, including attempted coups.

3.2. State Regulation of the Digital Space and the Protection of Personal Data

The Turkish Constitution and other national legal acts view the digital space not only as a market and communications system, but also as an absolute zone of state regulation and national security. Naturally, the Constitution does not directly mention the protection of citizens' digital rights, but it does contain basic and absolute norms regarding personal freedom and security (Article 19), the right to privacy (Article 20), freedom of communication (Article 22), and the right of every person to freedom of thought and opinion (Article 25). However, it is precisely these norms that allow us to evaluate the limits of digital control in legal doctrine and practice.

3.2.1 Personal Data Protection Law No. 6698

Personal Data Protection Law No. 6698 (*Kişisel Verilerin Korunması Kanunu No. 6698*) is one of the fundamental laws on personal data protection in Türkiye. Its primary focus is on protecting the constitutional rights and freedoms of individuals and citizens, protecting personal data in the field of personal data processing, and listing the responsibilities of authorized bodies processing data[62].

Furthermore, this law sets forth key principles that must be observed when processing personal data: a) lawfulness and fairness; b) accuracy and, where necessary, timeliness of information; c) processing for specific, clearly defined, and legitimate purposes; d) relevance, limitation, and proportionality to the purpose for which they are processed; and d) storage for the period prescribed by relevant legislation or necessary for the purpose for which they are processed (Article 4)[63]. One of the fundamental aspects of the law is the enshrinement of the rights of personal data subjects: access to their personal data, notification of the person requesting the data and for what purpose, requesting modification

[61]'Constitutional Referendum in Turkey (2017)' <https://ru.ruwiki.ru/wiki/Конституционный_референдум_в_Турции_(2017)> accessed 19 March 2026.
[62] Law No 6698 on the Protection of Personal Data (Türkiye), art 1.
[63] Law No 6698 on the Protection of Personal Data (Türkiye), art 4.

and/or deletion of the data, and, in the event of damage, claiming compensation in accordance with legal procedures (Article 11).

The law is sensitive to the protection of special categories of personal data(*özel nitelikli kişisel veriler*), such as health, religion, nationality, and race, political views, criminal record, appearance and clothing, sexual life, membership in organizations, and biometric data. Of course, processing such data without the subject's knowledge is a gross violation of the law, as its processing requires compelling and strict grounds with the consent of the subject. Nevertheless, the Personal Data Law covers various factors in the digital space, including: cloud storage, mobile data, and online user profiles. In addition, the law establishes a mandatory data protection authority registration system (*VERBIS — Veri Sorumluları Sicil Bilgi Sistemi*): individuals and legal entities are required to register their processing activities; this system enhances transparency and direct accountability to the Personal Data Protection Authority (*Kişisel Verileri Koruma Kurumu*) (Article 16). This system facilitates the widespread institutionalization of data protection for organizations and individuals in the digital environment through the oversight of the Personal Data Protection Authority.

However, the law has several shortcomings that do not meet the challenges of modern digitalization. As lawyer Begüm Yavuzdoğan Okumuş notes, the law lacks specific provisions for data protection impact assessments for modern, complex digital systems. The lack of specific and clearly defined requirements for the personal data protection authority is a second major shortcoming of the law, although there is a provision for a contact person for the VERBIS system[64]. Accordingly, these gaps largely impact practical compliance during the transformation and modernization of complex digital ecosystems.

Among other things, the EU has proposed recommendations to improve data protection regulations, one of which is the General Data Protection Regulation (*GDPR*), which provides a uniform legal regime for the protection of citizens' personal data throughout the European Union and allows for greater harmonization of legal acts. The GDPR is based on the following principles: a) Lawfulness, fairness, and transparency; b) Purpose limitation; c) Data minimization; d) Accuracy; e) Storage limitation; f) Integrity and confidentiality.

The above principles are mandatory and indispensable for natural and legal persons when processing personal data[65]. An additional principle, accountability, is established for the controller, which obliges them to be responsible and comply with these principles (Article 5(2)).

According to a comparative legal analysis of the provisions of the GDPR and the KVKK conducted by the Turkish technology company BeyazNet, the provisions of these two laws are largely identical (*See Appendix No. 3*)[66].

The GDPR and KVKK both contain provisions for the imposition of penalties against individuals who violate certain rules regarding the processing of data subjects. For example, if an authorized person violates Article 10 of the KVKK by failing to notify the data subject of the transfer of their data to third parties, the purpose for which their data is being transferred, and the identity of the controller, Article 18(1) applies, which stipulates the imposition of a penalty of 5,000 to 100,000 Turkish lira[67]. If the personal data being processed is obtained illegally by other persons, the person is obligated to pay a fine of 15,000 to 1,000,000 Turkish lira (Article 18(2)). Persons who violate the obligation to register and notify the Data

---

[64] Begüm Yavuzdoğan Okumuş, 'Comparing the Role of the DPO under the GDPR and Turkish Law' <https://iapp.org/news/a/comparing-the-role-of-the-dpo-under-the-gdpr-and-turkish-law> accessed 19 March 2026.

[65] Regulation (EU) 2016/679 (General Data Protection Regulation), art 5(1).

[66] 'GDPR ve KVKK Karşılaştırması' <https://www.beyaz.net/tr/guvenlik/makaleler/gdpr_ve_kvkk_karsilastirmasi.html> accessed 19 March 2026.

[67] Law No 6698 on the Protection of Personal Data (Türkiye), art 18(1).

Controllers Register as provided for in Article 16 shall be liable to a fine of between TRY 20,000 and TRY 1,000,000 (Article 18(3)).

The GDPR also provides for penalties for persons who violate the rules for the processing of personal data, which entail administrative fines of up to 20,000,000 euros. Failure to comply with an order of the supervisory authority referred to in Article 58(2) in accordance with paragraph 2 of this Article entails administrative fines of up to 20,000,000 euros, or, in the case of an undertaking, up to 4% of its total annual worldwide turnover for the previous financial year, whichever is higher[68].

3.2.2 Law No. 5651 "On the Regulation of Internet Publications and the Fight against Crimes Committed through Such Publications"

In addition to the KVKK, it is necessary to review the following law: Law No. 5651 "On the Regulation of Internet Publications and the Fight against Crimes Committed through Such Publications" (*5651 sayılı İnternet Ortamında Yapılan Yayınların Düzenlenmesi ve Bu Yayınlar Yoluyla İşlenen Suçlarla Mücadele Edilmesi Hakkında Kanun*), which aims to regulate internet publications and mechanisms for preventing criminal acts committed through online content. The purpose and scope of this Law are to regulate the duties and responsibilities of content providers, hosting providers, access providers, and public access providers, as well as the principles and procedures for combating certain crimes committed online through content, hosting, and access providers[69].

The Law primarily covers the rights, duties, and activities of content providers and infrastructure providers. Content providers are required to update and promptly provide users of their internet platforms with their identification information in accordance with the principles and procedures established by this Regulation (Article 3(1)). The law clearly and explicitly defines the functions and responsibilities of internet entities:

1) Content provider (*içerik sağlayıcı*) – a natural or legal person who publishes, modifies, and makes available content and is responsible for it (Article 4);

2) Hosting provider (*yer sağlayıcı*) – provides server space for publications. However, they are not obligated to monitor the content they host or investigate illegal activity. Hosting providers are obligated to remove illegal content from publications. Hosting providers are obligated to retain traffic information related to the services they provide for a period of at least one year and no more than two years, as defined in the regulation, and to ensure the accuracy, integrity, and confidentiality of this information (Article 5);

3) Internet service providers (*erişim sağlayıcı*) ensure user internet access and block access to illegal content from users who violate the provisions of this Law (Article 6);

4) Shared access providers (*toplu kullanım sağlayıcı*) – operating for commercial purposes, are obligated to take measures defined by regulations in the manner and in accordance with the principles of protecting families and children (Article 7).

Law No. 5651 imposes notification requirements on all of these entities, requires cooperation with government agencies, and requires the provision of data. All providers are required to maintain user data records, and penalties are imposed for violations of these obligations.

As for the specifics of the content blocking and deletion regime, the legal mechanism provides for blocking access to content by court or administrative decision in cases where the content contains clearly criminal material (e.g., child pornography, prohibited gambling, dissemination of information encouraging suicide, etc.)[70]. As Ecem Süsoy Uygun notes, the unique feature of Law No. 5651 is that, in addition to prohibiting the aforementioned crimes,

---

[68] Regulation (EU) 2016/679 (General Data Protection Regulation), art 83

[69] Law No 5651 on the Regulation of Publications on the Internet (Türkiye), art 1.

[70] Ecem Süsoy Uygun, 'Amendments Introduced to the Law on Regulation of Internet Publications' (March 2014) <https://www.erdem-erdem.av.tr/en/insights/amendments-introduced-to-the-law-on-regulation-of-internet-publications> accessed 19 March 2026.

it strictly prohibits insulting the honor and memory of Mustafa Kemal Atatürk, the founder and first president of Türkiye, in the digital space[71]. The procedure for removing content that violates personal rights was enshrined in Article 9 of the law. However, some of its provisions were annulled by a decision of the Constitutional Court of Türkiye due to their unconstitutionality[72].

Under this law, foreign providers and platforms receiving over 1 million visits from Türkiye per day are required to maintain a presence in the country through a permanent representative responsible for receiving notifications, complying with decisions and liaising with the authorities. In the event of a breach of the regulations, administrative sanctions in the form of fines will be imposed; for example, failure to appoint a representative in Türkiye will result in a fine of 10 million lira ($227,479.53 USD). Organisations that fail to appoint a representative within 30 days of the first fine will be fined an additional 30 million Turkish lira ($682,438.58 USD)[73].

Furthermore, under Law No. 5651, there are actual court cases and rulings, the outcomes of which have become legal precedents and have influenced Turkish practice and the interpretation of this law. In 2014, there was a mass restriction on access to the social network Twitter due to political considerations, and to justify their actions, they relied on the provisions of Law No. 5651. The Turkish Constitutional Court ruled that the amendments to the Internet Law No. 5651 were unconstitutional, as they ultimately allowed the Telecommunications and Information Board (TIB) to block any website without a prior court order on grounds of 'national security, the restoration of public order or the prevention of crime'. The court's ruling stated that the amendments to Internet Law No. 5651 violated Articles 26, 27, 40 and 67 of the Turkish Constitution. The main argument in favour of declaring the regulator's ban invalid was that such actions violate the rights to privacy and personal liberty, which are guaranteed by the Turkish Constitution. Similar arguments were discussed both in Constitutional Court Decision No. 2014/3986 (2 April 2014), which lifted the ban on Twitter.com, and in Decision No. 2014/3986. Decision 2014/4705 (29 May 2014), which lifted the ban on YouTube.com[74].

Another illustrative case is Ahmet Yıldırım v. Türkiye, Ahmet Yıldırım is the owner of a website hosted on Google Sites, and in 2009 the Denizli Criminal Court of First Instance ruled, in accordance with the provisions of Law No. 5651, to block a website containing material that insulted the honour and dignity of Atatürk. However, the procedural implementation of the order led to the complete blocking of Google Sites throughout Türkiye, which meant that the applicant's website, which had no connection to the unlawful content, became inaccessible. The Turkish government fully justified this decision in accordance with the country's legislation to prevent criminal acts. The European Court of Human Rights (ECHR) examined this case through the lens of Article 10 of the European Convention on Human Rights (ECHR)[75].

The ECHR ruled that there had been an interference with freedom of expression and a violation of Article 10, citing that the measure was legally implemented in accordance with

---

[71] Law No 5816 on Crimes Against Atatürk (Türkiye) (1951) <https://melaproject.org/sites/default/files/2019-06/AtaturkAleyhineIslenenSuclarHakkindaKanun.pdf> accessed 19 March 2026.

[72] 'Constitutional Court Annuls Provisions of Internet Law No 5651' <https://turkishlawblog.com/insights/detail/constitutional-court-annuls-provisions-of-the-internet-law-no-5651> accessed 19 March 2026.

[73] Kayahan Cantekin, 'Turkey: Parliament Passes Law Imposing New Obligations on Social Media Companies' <https://www.loc.gov/item/global-legal-monitor/2020-08-06/turkey-parliament-passes-law-imposing-new-obligations-on-social-media-companies> accessed 19 March 2026.

[74] *Ahmet Yıldırım v Türkiye* (2012) App no 3111/10 (ECtHR) <https://globalfreedomofexpression.columbia.edu/cases/the-turkish-twitter-case-of-2014> accessed 19 March 2026.

[75] European Convention on Human Rights (adopted 1950) <https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Convention_RUS> accessed 19 March 2026.

Law No. 5651. However, the law itself lacked the principle of foreseeability, a defined list of judges' powers, and no specific guarantees against arbitrary interpretation of the law.

The blocking of the entire Google Sites platform due to a single website was deemed an excessive and unjustified measure that violated the rights of the public. The ECHR's final decision found a violation of Article 10 of the ECHR, and that the state had failed to adequately balance freedom of expression and the protection of public interests[76]. Consequently, the case of Ahmet Yıldırım v. Türkiye enabled the European Court to establish important principles in the digital sphere, such as procedural safeguards, legal certainty and the principle of proportionality. Thus, restrictive measures must not be of a mass or collective nature, nor must they affect lawful content. The court case had a direct impact on Turkish legislation itself, resulting in the blocking of the aforementioned Article 9, and the Constitutional Court began to refer directly to the ECtHR's rulings on these matters.

Thus, Law No. 5651 constitutes a comprehensive regulatory framework for the internet in the Republic of Türkiye. The law establishes certain requirements for local and foreign internet service providers, along with their obligations, and procedures for blocking and removal. However, as judicial practice shows, there are certain abstract provisions that give rise to disputes regarding the constitutional framework of freedom of speech and expression, the protection of personal data, and legitimate public interests.

3.2.3 Cybersecurity Law No. 7545

Cybersecurity Law No. 7545 (*Siber Güvenlik Kanunu No. 7545*) constitutes one of the key legal frameworks for safeguarding citizens' rights and freedoms in the digital sphere. This legislative act regulates the framework for the formulation of national cybersecurity policy; the duties and responsibilities of natural and legal persons operating in cyberspace; and the processes for threat prevention, incident response, investigation and punishment for violations. The primary objective of this law is to identify and eliminate internal and external threats, as well as all elements constituting the national authority of the Republic of Türkiye in cyberspace (Article 1).

The significance of this article lies in the fact that it enshrines the legal doctrine that cybersecurity is equivalent to national security. This doctrine permits and facilitates the state's enhanced and justifiable measures to ensure and protect the rights and freedoms of citizens. The law covers any organisation operating in cyberspace, as well as public and private entities processing users' personal data. Article 2 itself states that intelligence operations and the activities of the National Intelligence Organisation (*Millî İstihbarat Teşkilatı*), the police, the gendarmerie and the armed forces are governed by other specific regulations, such as: Intelligence activities carried out in accordance with the Law on the Duties and Powers of the Police No. 2559 of 4 July 1934, the Law on the Command of the Coast Guard No. 2692 of 9 July 1982, the Law on the Organisation, Duties and Powers of the Gendarmerie No. 2803 of 10 March 1983, as well as activities carried out in accordance with the Law on State Intelligence Services and the National Intelligence Organisation No. 2937 of 1 November 1983 and the Law on the Internal Service of the Turkish Armed Forces No. 211 of 4 January 1961, are excluded from the scope of this Law and are not subject to the general provisions of the law[77].

Article 4 establishes the following fundamental principles: cybersecurity is an integral part of national security. When implementing cybersecurity measures, priority should be given to domestic and national products. A separate organisation, the Cyber Security Council, has been established to formulate programmes, policies and standards for the

[76] *Ahmet Yıldırım v Türkiye* (2012) App no 3111/10 (ECtHR) <https://globalfreedomofexpression.columbia.edu/wp-content/uploads/2015/06/CASE-OF-AHMET-YILDIRIM-v.-TURKEY.pdf> accessed 19 March 2026.

[77] Turkish Cyber Security Law <https://mbkaya.com/hukuk/turkish-cyber-security-law-translation.pdf> accessed 19 March 2026.

management and regulation of digitalisation, and to facilitate cooperation between state bodies. In the performance of its duties, it is guided by the Constitution and other regulatory acts, and is accountable solely to the President of the Republic[78].

The law provides for mandatory certification and services, licensing of legal entities, and restrictions on the activities of individuals without mandatory administrative procedures in the digital space. Violations of these provisions are subject to fines and even liquidation of the organization[79]. Another peculiarity of this law is its restriction on the activities of former employees and experts of the Council. They cannot hold any other official or private positions in the field of cybersecurity in Türkiye or abroad for two years without the consent of the Presidency. They also cannot engage in trade in this field, engage in self-employment, and, in particular, cannot be shareholders or managers of companies operating in this sector. It is prohibited to publish or disclose any information, documents, or any similar data obtained within the scope of the duties and activities of the Presidency through any means of communication (Article 9).

As Turkish lawyers Adar UÇAR and İlkim ŞANEL (Uçar Law & Consultancy Office) note, "The Directorate is granted the right to request technical data, logs, and software, which raises questions about the relationship with the right to data privacy and confidentiality."[80]. Another significant—and indeed negative—aspect is the strict administrative and bureaucratic barriers faced by businesses and investors, in the form of licensing requirements, digital approval of contracts and transactions, and export restrictions.

Thus, Law No. 7545 contributes to the protection of citizens' confidential and personal data and establishes a legal framework for regulating digital threats and risks. However, on the other hand, it creates favourable conditions for the Cyber Security Council to restrict and hinder the activities of private individuals, and there is a risk of abuse of administrative powers. Despite these factors, this law fully ensures the protection of the digital rights and freedoms of individuals and legal entities, which is entirely in line with national security standards.

3.3. Digital Sovereignty as an Element of Türkiye's Constitutional Identity

The term "digital sovereignty" is a novelty in modern constitutional doctrine, as digital sovereignty complements the classical understanding of cyberspace sovereignty. The lack of defined principles and provisions of digital sovereignty does not prevent researchers from proposing definitions for this concept. For example, as researcher Ali Shoker notes, digital sovereignty represents the state's ability to protect national interests and security in the digital space, regulate information flows and data, protect personal data, and encompasses the full cycle of digital asset management[81]. As for Türkiye's digital sovereignty, it is underpinned by the legislative acts mentioned above and by the Constitution. Article 20 of the Constitution of the Republic of Türkiye plays a significant role in digital sovereignty, as it guarantees the protection of privacy and provides for the right to the protection of personal data. As such, this provision has become the constitutional foundation of digital human and civil rights. According to Article 22, the Republic of Türkiye guarantees the confidentiality of every citizen's communications; however, restrictions are permissible only by court order in the interests of national security and the constitutional order of the state. This provision

[78] Turkish Cyber Security Law, art 9.

[79] İpek Ertem, 'Cyber Security Law Proposal Adopted by the Turkish Grand National Assembly' <https://www.erdem-erdem.av.tr/en/insights/cyber-security-law-proposal-adopted-by-the-turkish-grand-national-assembly> accessed 19 March 2026.

[80] Adar Uçar and İlkim Şanel, 'Law No 7545 on Cyber Security' <https://ucar-ucar.av.tr/en/cyber-security-law> accessed 19 March 2026.

[81] A Shoker, 'Digital Sovereignty Strategies for Every Nation' (2022) 1(1) *ACIG* <https://arxiv.org/pdf/2307.01791> accessed 19 March 2026.

allows us to speak of the establishment of a constitutional balance between the protection of personal data and human rights and state control to ensure constitutional order.

In examining the characteristics of Türkiye's digital sovereignty, it is worth discussing the arguments put forward by Turkish researcher Emir YÜCEL, who explains that digitalisation and cybersecurity have long since ceased to be confined to the norms of national security and have radically transformed its very concept. Digital technologies have become deeply entrenched in all spheres of activity, from defence systems to the provision of private and public services to citizens. In the course of such radical advancement, cybersecurity has evolved into a multi-layered protection system comprising three essential elements: the human factor, administrative and management processes, and technology. Moreover, the digital domain is viewed by states as a distinct sphere of strategic competition on a par with the sea, land and space. One example cited is NATO's recognition of the digital domain as a distinct operational domain[82]. Law No. 7545 (*Siber Güvenlik Kanunu No. 7545*) assigns a special and important role to cybersecurity and the implementation of Türkiye's digital strategy and development vision. In addition, as part of our research, we asked Istanbul University Associate Professor Fatih Öztürk about digital sovereignty under Turkish law. In this regard, one might refer to another professor from Ukraine - Oleksii Kostenko, who describes in greater detail the evolution of the concept of digital sovereignty, taking into account the specificities of the European context (*See Appendix No. 2*).

Thus, Türkiye's digital sovereignty is formed by the Constitution and other legal and regulatory frameworks, supported by the doctrines of individual researchers, and allows us to speak of the modernization and institutionalization of Türkiye's cybersecurity, where the state is assigned a significant and fundamental role in the digital space.

4. Comparative Legal Analysis of International Experience in Developing Digital Sovereignty.

4.1. People's Republic of China

The People's Republic of China demonstrates a constant and continuous improvement of its concept of digital sovereignty, which includes full state control, and this concept is legally enshrined in Chinese laws and regulations.

The Cybersecurity Law of the People's Republic of China (2017)(*中华人民共和国网络安全法*)[83] plays a key role in the country's digital regulation. Article 1 establishes certain principles, such as protecting national security, protecting cybersecurity, and modernizing the digital economy, which allow for the regulation of the activities of all entities in the digital space with a mandatory monopoly on state control. Article 5 obligates the state to take measures to monitor, prevent, and eliminate cybersecurity risks and threats both within and outside the territory of the People's Republic of China. The state must protect critical information infrastructure from attacks, intrusions, interference, and damage, punish illegal and criminal cyber activities in accordance with the law, and maintain security and order in cyberspace[84].

This law is interesting because, unlike Türkiye, Article 13 stipulates the state's obligation to support the research and development of content aimed at the healthy development of children and to actively suppress illegal activities that threaten the life and

---

[82] Emir Yücel, 'Türkiye'nin Siber Güvenlik Yaklaşımı ve 7545 Sayılı Siber Güvenlik Kanunu Üzerine Bir Değerlendirme' (2025) <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/4875589> accessed 19 March 2026.

[83] Cybersecurity Law of the People's Republic of China (2016) <https://www.cac.gov.cn/2016-11/07/c_1119867116_2.htm> accessed 19 March 2026.

[84] Cybersecurity Law of the People's Republic of China (2016) <https://www.dataguidance.com/sites/default/files/en_cybersecurity_law_of_the_peoples_republic_of_china_1.pdf> accessed 19 March 2026.

health of children. Article 28 obligates operators to support and assist state security agencies in the digital space.

Another important law is the Data Security Law (2021)[85], which regulates the collection, storage and processing of personal data. Article 2 stipulates that this law applies not only throughout the country, but also beyond its borders where the information concerns China's interests. Under the Act, the state must establish a data classification system and implement data protection measures based on the importance of the data for economic and social development, as well as the extent of harm to national security, public interests or the lawful rights and interests of individuals or organisations that may be caused in the event of alteration, destruction, leakage or unlawful acquisition or use of the data (Article 21)[86].

Article 37 contains a provision on the necessity of localizing personal data of Chinese citizens within the country. In addition, there is another equally important document, The Provisions on the Governance of the Online Information Content Ecosystem, which regulates the issues of platform liability for their activities in the online space, information dissemination and content moderation. This law also pays close attention to the activities of content producers in relation to the Communist Party of China, as well as its Chairman Xi Jinping: Article 5. Online information content producers are recommended to create, copy and publish information containing the following: 1. Publishing Xi Jinping Thought on Socialism with Chinese Characteristics for a New Era, as well as a comprehensive, accurate and visual exposition of the path, theory, system and culture of socialism with Chinese characteristics; 2. Publishing the principles and policies of the Party, as well as the major decisions and orders of the Central Committee; 3. Showcasing the major achievements of economic and social development and reflecting the great struggle and inspiring life of the people; 4. Propaganda of the core socialist values, dissemination of high moral culture and the spirit of the times, and full expression of the lofty spirit of the Chinese nation[87].

These regulations were adopted following the Qihoo v. Tencent case. Qihoo 360 and Tencent are leading Chinese providers of comprehensive internet services and products. Both companies are actively expanding their audiences by offering a free basic product: Qihoo 360 offers antivirus software, and Tencent offers the QQ messenger. The companies derive their primary revenue from online advertising and additional paid services.

The conflict, which began in 2010, was sparked by the release of Qihoo 360's 360 Bodyguard program. This program allowed users to control the display of ads in the QQ messenger. In response, Tencent made its QQ messenger incompatible with Qihoo's software, effectively forcing users to choose between QQ and Qihoo's antivirus software. This difficult choice led to Qihoo 360 losing approximately 10% of its customers within two days. Widespread public outrage forced the Ministry of Industry and Information Technology to intervene and facilitate a compromise. Qihoo 360 withdrew support for 360 Bodyguard, and Tencent pledged to restore compatibility between its messaging app and Qihoo products. Despite this, on November 15, 2011, Qihoo 360 filed a lawsuit in the High Court, accusing Tencent of abusing its dominant position in the messaging market in mainland China. Qihoo 360 claimed that Tencent's actions, which forced users to choose, violated antitrust laws. The court initially ruled in favor of Tencent. However, Qihoo 360 appealed, and the case was heard by the Supreme People's Court in November 2013[88]. Following this

---

[85] Data Security Law of the People's Republic of China (2021) <http://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/2021-06/10/c_689311.htm> accessed 19 March 2026.

[86] Data Security Law of the People's Republic of China (2021), art 21.

[87] Boling Zhang and Joan Barata, 'Provisions on the Governance of the Online Information Content Ecosystem' <https://wilmap.stanford.edu/entries/provisions-governance-online-information-content-ecosystem> accessed 19 March 2026.

[88] Charles River Associates, 'Qihoo v Tencent: Economic Analysis' <https://media.crai.com/sites/default/files/publications/China-Highlights-Qihoo-360-v-Tencent-0215_0.pdf> accessed 19 March 2026.

trial, the court recognized that the dominance of major internet platforms requires state control to maintain a fair digital economy. This judicial precedent plays a significant and comprehensive role in the context of digital sovereignty, as the state asserted its right to regulate digital platforms, and the court reaffirmed the importance of ensuring state control.

Overall, the People's Republic of China is implementing a comprehensive model of digital sovereignty with mandatory state control, based on the principles of national security and cybersecurity. The characteristics of Chinese digital sovereignty include centralized internet regulation, mandatory storage of personal data within the country, and comprehensive content control.

4.2. The United States of America

Unlike China, the United States of America promotes a market-based model of digital sovereignty, which is founded on the dominance of large technology companies and the application of legislation in a broader sense. One of the pillars of American digital sovereignty is the Clarifying Lawful Overseas Use of Data Act (*CLOUD Act*), which was passed against the backdrop of the Microsoft Corp. v. United States. The case arose from demands by the Federal Bureau of Investigation (*FBI*) that Microsoft unhindered providing a user's personal email data, which was stored on a server in Ireland. However, Microsoft clearly stated that the server was located in Ireland, meaning that only local and European laws applied. Furthermore, US warrants are valid only within the territory of the United States. This gave rise to a question that will have a profound impact on digital sovereignty: Can a state demand the provision of personal data belonging to citizens who are physically located abroad? Until 2018, US legislation had been unable to reach a consensus and provide a clear and comprehensive answer[89].

With the passage of the CLOUD Act, this issue was resolved, as it allowed US law enforcement agencies to demand personal data even if it was located outside the US and controlled by a US company. In other words, this act allowed these government agencies to develop extraterritorial access and gain complete control over data without any barriers. The law creates a mechanism for bilateral agreements between countries for the exchange of digital evidence[90].

Now, companies registered in the United States or operating in the United States are required to provide users' personal data, regardless of whether their servers are located in another country. The fundamental legal criterion of the CLOUD Act is "possession, custody, or control"—that is, if a company owns, controls, or gains access to data, it is obligated to provide it. Furthermore, the CLOUD Act allows the United States to enter into Executive Agreements with other countries. These agreements allow law enforcement agencies in one country to directly and unhindered request data from tech companies. This fully enables government agencies to address issues and problems in the digital space in a highly efficient and effective manner.

As an example, the process for requesting data under the Mutual Legal Assistance Treaty (MLAT)[91] was quite bureaucratic: it required submitting requests to various authorities, from the Department of Justice to the company, and this approach took approximately two years. However, with the passage of the CLOUD Act, data can be obtained more quickly and directly from companies. However, if we look at this objectively, we see significant gaps in personal data protection. The United States has allowed itself to expand its jurisdiction beyond its own borders. The law weakens data protection, as the

---

[89] *United States v Microsoft Corporation* (US Department of Justice) <https://www.justice.gov/atr/case/us-v-microsoft-corporation-browser-and-middleware> accessed 19 March 2026.

[90] Clarifying Lawful Overseas Use of Data Act (CLOUD Act) <https://www.justice.gov/criminal/media/999391/dl?inline> accessed 19 March 2026.

[91] Mutual Legal Assistance Treaty (1991) <https://www.gov.ms/wp-content/uploads/2020/06/Mutual-Legal-Assistance-USA-Act.pdf> accessed 19 March 2026.

United States can request data from another country, and that country can reciprocate. Private companies bear the greatest losses, as they must choose which laws and which countries they will violate when deciding to grant access to user data. Despite this, the CLOUD Act is a truly effective legal tool for national security, cybersecurity, investigations, and counterterrorism, as it revolutionizes the territorial principle of data access, allows for the creation of global jurisdiction through private companies, and concentrates data control from geography to corporate control.

4.3. The Russian Federation

The Russian Federation's legal framework bears a resemblance to the Chinese concept of digital sovereignty, with a strong emphasis on state control over all internet platforms for the purpose of protecting personal data. One of the key pillars of Russian digital sovereignty is Federal Law No. 90-FZ of 1 May 2019 'On Amendments to the Federal Law "On Communications" and the Federal Law "On Information, Information Technologies and the Protection of Information"', which is unofficially referred to as the 'Sovereign Internet' Law. This law introduced certain amendments to the aforementioned laws, the aim of which is to ensure the complete and independent autonomous operation of the Russian segment of the internet. This legislative act enables the creation of a dedicated national infrastructure and centralised content management. All oversight is carried out by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)[92]. Another act is the Federal Law "On Information, Information Technologies and the Protection of Information" dated July 27, 2006, No. 149-FZ, which officially allows the state to block Internet resources and restrict access to content if the material violates the foundations of the constitutional order and ensures national security in the digital space (Article 9)[93]. In 2016, a controversial package of amendments, the so-called "Yarovaya Package," was adopted, requiring operators to preserve and transfer recordings of all telephone conversations, SMS messages, audio, video, and other communications to security agencies. The information is stored in designated data centers operated by telecom operators, and they are responsible for its security within Russia. Only agencies responsible for operational investigative activities and security — the Ministry of Internal Affairs, the Federal Security Service, the Foreign Intelligence Service (SVR), the Federal Protective Service (FSO), the Federal Penitentiary Service (FSIN), and the Federal Customs Service (FCS) — have the right to access the stored data[94].

There is a landmark legal case that shaped the future development of Russian digital sovereignty: Roskomnadzor v. Telegram (2018). The case was heard at the Tagansky District Court in Moscow; the crux of the matter was that Roskomnadzor demanded that the messaging app Telegram provide, without hindrance, the keys required to decrypt users' messages. Telegram, in turn, refused to provide personal data. During the court proceedings, Roskomnadzor cited Article 10.1 of Federal Law No. 149-FZ 'On Information, Information Technologies and the Protection of Information': An organiser of the dissemination of information on the Internet is obliged to provide information to authorised state bodies carrying out operational-investigative activities or ensuring the security of the Russian Federation, in cases established by federal laws[95]. Ultimately, the court upheld Roskomnadzor's claim in full and ordered that access to the messaging app be restricted

---

[92] Federal Law No 90-FZ 'On Amendments to the Law on Communications' (Russia, 2019) <https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323815/> accessed 19 March 2026.

[93] Federal Law No 149-FZ 'On Information, Information Technologies and Protection of Information' (Russia, 2006)< https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/> accessed 19 March 2026.

[94] State Duma, 'Data Storage Requirements from 1 July' (27 June 2018) <http://duma.gov.ru/news/27433/> accessed 19 March 2026.

[95] Federal Law No 149-FZ 'On Information, Information Technologies and Protection of Information' (Russia, 2006), art 10.1.

within Russia, whilst requiring the companies to comply unquestioningly with the requirements of the state authorities[96]. The case itself set a legal precedent and further confirmed the state's authority to exercise control over internet platforms, safeguard citizens' rights and freedoms, and localise personal data within Russia. Thus, the Russian model of digital sovereignty is closely intertwined with the state and state control across the entire internet platform at every level.

Case law demonstrates that the development of digital sovereignty is driven not only by the adoption of official legislative acts, but also by legal precedents, which further strengthen state control over internet infrastructure.

Conclusion

Having analyzed the current positions of scholars and legal experts, as well as the experience of Kazakhstan, Turkey, and other countries, we can draw a number of conclusions regarding the category of "Digital Sovereignty." While the category itself is relatively new, this does not mean there is no legal position on it. Currently, a certain common thread can be observed in the perception of this category.

Based on our research, we have formulated our own definition of the term: "*Digital sovereignty is the continuation of a state's national sovereignty in the digital space.*

This is based on:

1) a localized technological base within the state (enabling the storage, processing, generation, and use of information using big data, AI, and other technologies); and

2) the country's legislation, which logically provides for the state's ability to independently determine the legal regulation of social relations in the digital environment and exercise jurisdiction over digital processes and institutions. It defines digital objects and their protection, regulates the scope and limitations of their storage, processing, generation, and use, including personal data. It is also designed to ensure the security and protection of the rights and legitimate interests of individuals, society, and the state in the digital space."

We also believe that "Digital Sovereignty" provides the basis for the emergence of "Digital Jurisdiction." According to Kazakhstani expert R. Dairbekov, "*Digital Jurisdiction*" is "*a legal mechanism that determines which laws apply to data and digital transactions, especially if they cross borders. In Kazakhstan, this is a combination of a territorial and personal approach: laws apply to citizen data and transactions within the country, as well as to foreign services working with Kazakhstani users. Together, these instruments make it possible to simultaneously protect national interests, ensure data security, and preserve human rights in the digital environment*."

Based on the above, we see that the concept of "Digital Sovereignty" is complex and interdisciplinary. However, in our opinion, in the digital age and in line with recent trends, advanced states are striving to defend their "borders and interests" in the digital space, just as they do in the physical world. The very category of "Digital Sovereignty" cannot be considered separately from actual state sovereignty, as it is a derivative form of it in the digital space, and a state that actually possesses "Digital Sovereignty" may not formally delineate it with a separate provision in the constitution or other normative act.

[96] *Roskomnadzor v Telegram* (2018) <https://globalfreedomofexpression.columbia.edu/cases/roskomnadzor-v-telegram/> accessed 19 March 2026.

Appendix No. 1

Mini-Survey of Scholars and Experts in Kazakhstan

U. Shapak, Doctor of Law, *Professor Emeritus* of the Department of Public Law at Maqsut Narikbayev University, Member of the Mazhilis of the Parliament of the Republic of Kazakhstan (VIII Convocation):

1. *"The concept of digital sovereignty is familiar and close to me. Any state should possess digital sovereignty. Digital sovereignty must be protected."*
2. *"The concept of digital sovereignty is still not clearly defined. It may be understood as the ability of a state to independently manage the flow of information and data within the digital space on its territory and to independently develop and master relevant technologies."*
3. *"Where do the boundaries of digital space begin and where do they end? How is a global digital map created? How do we determine our sovereignty within it?"*

S. Idrysheva, Doctor of Law, *Professor Emeritus* of the Department of Private Law at Maqsut Narikbayev University:

In response to questions 1–2: *"Digital sovereignty" constitutes one of the components of state sovereignty and represents one of the contemporary foundations of national security.*

In response to question 3:
For Kazakhstan, the issue is extremely relevant, since as of early 2026 the country lacks clear evidence of possessing its own fully developed technological and technical base, including software systems that would allow it to exercise effective control over its digital space.

Justification:

- A significant dependence on foreign IT companies and their software solutions.
- Publicly available reports indicating systematic breaches of citizens' personal data and even leaks of strategically sensitive information.
- Lack of full control over physical communication channels, data centres, and "sovereign clouds".
- Absence of guarantees of autonomous internet operation in the event of external disconnection.
- The acquisition of a national supercomputer has not yet produced tangible improvements in the fields of data processing and protection.

In addition, Kazakhstan faces a shortage of qualified specialists in the field of information technologies. This problem is reflected in the state programme Digital Kazakhstan, which notes that the national economy currently experiences a deficit of ICT specialists possessing the professional knowledge, skills, and competencies required in the labour market. Digitalisation is advancing significantly faster than the existing system of professional training. According to the programme, no more than 30% of graduates possess the necessary skills to pursue a career in their field of study.

Similarly, the Concept for the Development of the Information and Communication Technology Industry and Digital Sphere of Kazakhstan emphasises the absence of a systematic approach to training specialists across sectors and highlights the low level of implementation of digital tools, the shortage of digital competencies, and the fragmented nature of digitalisation. The quality and number of current IT graduates have been criticised, particularly the lack of specialists with practical skills.

Alongside the "personnel shortage in the ICT sector," the Concept emphasises the urgent need to continuously develop digital competencies among employees of the public sector, quasi-public sector, industry, and services. To address this issue, the Concept envisages expanding digital literacy training for school pupils, students in technical and

vocational education, and educators themselves. It also highlights the need to improve internet infrastructure, noting that Kazakhstan ranks 95th among 138 countries in mobile internet speed and 65th among 174 countries in fixed broadband speed.

I. Aubakirova, Doctor of Law, Assistant Professor at the Department of Public Law at Maqsut Narikbayev University, Director of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan:

1. What is your attitude toward the concept of digital sovereignty? *The concept has a right to exist and is frequently used in public discourse today. I briefly referred to it during a conference presentation in December 2025. However, my attitude towards it depends on what content is attributed to the term. A thorough scholarly analysis of various approaches and the relevant literature is required. This is precisely the task you should address in your article. Substituting the views of other authors would be inappropriate.*

2. What definition would you give to this category? *A comprehensive independent scholarly analysis is required. The term is new and necessitates careful examination of the relevant literature. I am not a specialist in digital law. In my view, it is precisely the task of the two authors of the article to formulate their own definition. Substituting your authorship or that of your academic supervisors would be inappropriate, given my limited familiarity with the subject.*

R. Daiyrbekov, Director of Digital Rights Center Kazakhstan (DRCQ), Master of International Law, GDPR Data Privacy Professional (GDPR DPP):

In Kazakhstan, digital sovereignty means that the state exercises control over key digital infrastructure, data, and services, thereby ensuring the independence and security of the digital environment. Through the lens of the proposed Digital Code, this concept is implemented in the following ways:

1. Data localisation and control. The Code establishes that digital data may be freely created, stored, and used within the limits set by the laws of the Republic of Kazakhstan. This provides the state with a legal basis for regulating cross-border data flows and protecting national interests.

2. Obligations of operators. Digital platforms are required to prevent unauthorised access, data breaches, and cross-border transfers of data where such transfers are restricted by Kazakh law. This enables the state to retain control over the use of digital data within the country.

3. Personal data protection. The processing of personal data and digital identifiers is carried out in accordance with personal data protection legislation, including rules governing cross-border data transfers. Such transfers are permitted only with the consent of the data subject and subject to compliance with security requirements.

Thus, through the Digital Code, digital sovereignty ensures a balance between an open digital environment and the protection of national interests, infrastructure security, and the rights of citizens, including in situations involving cross-border data transfers.

For example, if a Kazakh bank uses cloud services provided by a foreign company to store client data, the principle of digital jurisdiction applies. Kazakhstan's personal data legislation requires that such data be protected and transferred abroad only under specific conditions, including the consent of the clients and compliance with security standards. This reflects digital sovereignty: the state retains control over how and where the data of its citizens are stored, even if the service infrastructure is physically located outside the country.

Digital jurisdiction serves as the legal mechanism determining which laws apply to data and digital operations, particularly when they cross national borders. In Kazakhstan, this mechanism combines territorial and personal approaches: national laws apply to data of Kazakh citizens and to operations conducted within the country, as well as to foreign digital services operating with Kazakh users.

Together, these instruments allow the state simultaneously to protect national interests, ensure data security, and safeguard human rights in the digital environment.

Appendix No. 2

Mini-Survey of Scholars and Experts from Türkiye and Ukraine

Fatih Öztürk - PhD, Associate Professor(Doçent) of Istanbul University

1: What is your view on the concept of 'digital sovereignty'?:

I believe this refers to governance controlled by artificial intelligence, which goes beyond the traditional understanding of the concept of "sovereignty" itself, as it largely complements sovereignty in the digital space, which has become a focus of state attention and control. The state, as the regulator, must take all necessary measures to protect citizens' personal data without infringing upon or restricting the activities of service recipients and providers. At the same time, it is essential to emphasize the importance of ensuring universal, unrestricted access to products and to adhere to these principles.

2: What term would you use to describe this category?:

Digital dominance, created and enhanced by artificial intelligence. In this regard, artificial intelligence holds a significant advantage, and a state that prioritizes the development of artificial intelligence can achieve complete independence in the digital realm.

3: What key concerns does this term raise for you?

I believe that members of society will have no privacy left, and it will be very difficult for people to conduct research; the controlled world of artificial intelligence will become the biggest problem.

Oleksii Kostenko - PhD, Associate Professor at the State Scientific Institution Institute of Information, Security and Law of the National Academy of Legal Sciences of Ukraine

1. What is your attitude towards the concept of digital sovereignty? Positive. It can be viewed as a necessary stage in the transformation of the Peace of Westphalia system within digital ecosystems. In this sense, it represents one of the key categories for understanding the transformation of statehood in the digital age. In scholarly terms, it reflects the capacity of a state to independently establish the normative, infrastructural, and institutional foundations of the digital environment, including the regulation of data, algorithms, digital identity, and cross-border platforms. However, digital sovereignty should not be regarded as a direct analogue of classical state sovereignty, as it operates in a distributed network environment where traditional territorial boundaries lose their absolute significance.

2. What definition would you give to this category?

In global practice there is no single, universally accepted legal definition of digital sovereignty. For instance, the European Union tends to interpret it primarily through the concepts of strategic autonomy and technological independence, whereas individual states often associate it with control over national segments of the Internet or user data, sometimes described as the phenomena of Splinternet or Digital Balkanization. Consequently, scholarly interpretations remain pluralistic, and the conceptual content of the term continues to evolve through doctrinal debate and political-legal strategies.

Digital sovereignty may therefore be understood as the complex legal and institutional capacity of a state to independently determine the rules governing the functioning of digital space, to exercise jurisdiction over digital infrastructures, algorithmic systems, and data-processing activities, and to ensure the protection of human rights and freedoms within the context of the digital transformation of social relations. In scholarly terms, it represents the latest manifestation of state sovereignty adapted to a networked, transboundary, and technologically mediated reality.

From the perspective of constitutional law, digital sovereignty can be defined as the normatively established capacity of the state to formulate its own digital policy, establish

legal regimes for the use of digital technologies, and ensure institutional autonomy in the field of digital governance. Unlike classical sovereignty based on territoriality, digital sovereignty operates within a hybrid environment where borders are conditional and legal regulation functions through network structures.

Within the frameworks of information law and administrative law, digital sovereignty manifests itself in the right of the state to determine cybersecurity standards, the architecture of national digital registries, the operational rules of platforms and algorithms, and the procedures of digital identification of legal subjects. Its scope extends beyond data governance to include the transformation of state institutions into digital forms while maintaining legal legitimacy.

It is also important to distinguish digital sovereignty as a legal category from its use as a political concept. Legally, it implies the capacity of the state to maintain a balance between the openness of global networks and regulatory autonomy. In political discourse, however, the concept may sometimes be invoked to justify restrictions on information access or increased control over internet space, which requires careful evaluation from the standpoint of human rights.

3. What key questions does this term raise? The absence of a comprehensive, forward-looking understanding of the issues surrounding the creation of the digital state, digital jurisdiction, and digital law in current discussions.

4. Can control over data be considered an element of popular sovereignty? Control over data concerns procedural mechanisms for working with data and is not directly related to popular sovereignty. Popular sovereignty should rely on a comprehensive mechanism including strategic models, legal frameworks, and socio-ethical norms that together ensure digital national sovereignty.

5. Should digital sovereignty be explicitly enshrined in the Constitution, or is sectoral regulation sufficient?

The question of constitutional recognition of digital sovereignty goes far beyond technical or sector-specific regulation. In the context of contemporary digital transformation, it is increasingly viewed as an element of constitutional identity alongside territorial sovereignty, democracy, and the rule of law.

A conceptual approach may therefore be appropriate whereby digital sovereignty is institutionalised on two normative levels:

1. At the constitutional level, where fundamental principles defining the state's transitional status in the era of digital transformation are established.
2. At the level of a specialised act of a new generation, sometimes described as a *"Digital Constitution,"* capable of structuring digital statehood as a modular system of legal regimes.

Such a multi-level model corresponds to the logic of evolutionary constitutionalism, whereby fundamental principles are enshrined in the constitution while their detailed implementation is developed through specialised legislation.

Within this framework, digital sovereignty may be considered one of the core modules of a Digital Constitution aimed at shaping a new type of state — sometimes conceptualised as a "DAO-state" within transnational digital ecosystems such as the metaverse. This approach implies a reconsideration of traditional legal categories such as jurisdiction, territory, and subjectivity, as digital space functions according to the logic of network interaction rather than physical borders.

However, the existing constitution should not be overloaded with detailed technological norms. Its task is to establish the foundational principles of digital sovereignty: the protection of digital rights, the stability of citizens' digital identity, and the institutional transformation of analogue public authority into legitimate digital forms.

6. Where is the boundary between digital sovereignty and digital isolation?

The boundary arises when the protection of jurisdiction turns into blocking mechanisms. Digital sovereignty refers to the ability of a state to establish rules, security standards, and legal obligations in the digital environment while remaining part of the global network. It strengthens state subjectivity without undermining technological exchange.

Digital isolation begins when, under the banner of sovereignty, a state restricts cross-border connectivity, closes infrastructure, filters access to platforms, or replaces legal regulation with technical barriers. In this case, it is no longer sovereignty but rather a defensive reaction to the openness of digital ecosystems.

In simplified terms: sovereignty establishes the rules of the game, whereas isolation destroys the playing field.

7. Does digital sovereignty have a constitutional dimension in Ukraine's legal system?

In Ukraine this issue remains at an early stage of development. The most advanced component concerns cybersecurity, while the field of cyber diplomacy is beginning to develop.

8. What distinguishes Ukraine's digital policy from that of other regions (e.g., Central Asia)?

Current developments in the emerging technological paradigm of Industry 5.0 and the evolution of the metaverse highlight a new phenomenon: the fragmentation of the metaverse through mechanisms of local cyber-sovereignty. This fragmentation may be understood as the division of the global Web3 metaverse network into separate segments regulated by different jurisdictions, laws, standards, and technical architectures.

Examples of such segmentation include systems such as the Great Firewall of China, Russia's "sovereign Internet" architecture, North Korea's Kwangmyong network, Iran's National Information Network, and filtering systems used in several other countries.

The tendency toward a Splinternet becomes especially visible in states where governments significantly restrict democratic values. Under the justification of protecting cultural identity or preventing external cyber threats, governments may employ surveillance technologies, artificial intelligence, and machine learning to control information flows. Such developments may lead to increasing fragmentation of the global digital environment and tensions in international relations.

At present, Ukraine's digital policy is primarily focused on a single strategic objective: resisting external aggression while ensuring secure digital infrastructures for the armed forces and core state institutions.

9. How do you foresee the development of digital constitutionalism in Ukraine over the next 5–10 years?

Providing a long-term forecast is difficult. One observable trend, however, is that Ukraine currently demonstrates a high level of digitalisation compared with many European states. The national digital platform Diia has effectively created a "marketplace" of government services for citizens.

While this model has proven highly effective, it is already becoming technologically outdated and may eventually require transformation into more decentralised governance architectures, potentially incorporating DAO-based structures in the future.

Appendix № 3.

Comparative legal analysis of the provisions of the GDPR and the KVKK conducted by the Turkish technology company BeyazNet

I. General principles of personal data processing	
KVKK – Article 4 I) Compliance with law and principles of good faith II) Accuracy and relevance where necessary III) Specific, explicit, and legitimate purposes IV) Relatedness, limitation, and proportionality V) Retention for the necessary period VI) —- VII) —	***GDPR – Article 5*** I) Lawfulness, Fairness, and Transparency II) Accuracy and Relevance III) Purpose Limitation IV) Data Minimization V) Retention Period Limitation VI) Integrity and Confidentiality VII) Accountability
II. Terms of personal data processing	
KVKK – Article 5 I) Explicit consent II) Directly provided by law III) Fulfilment of a legal obligation IV) Protection of life and health V) Performance of a contract VI) Legitimate interest VII) Anonymization VIII) —	***GDPR – Article 6*** I) Agreement II) —- III) Legal Duty IV) Vital Interests V) Performance of a Contract VI) Legitimate Interest VII) — VIII) Public interest / public authority
III. Special categories of personal data	
KVKK – Article 6 I) Race, ethnic origin II) Political views III) Religion, philosophical beliefs IV) Membership in associations and trade unions V) Biometric and genetic data VI) Health, sexual life VII) Criminal record and security measures	***GDPR – Article 9*** I) Race, ethnicity II) Political views III) Religious or philosophical beliefs IV) Trade union membership V) Genetic and biometric data VI) Health, sexual life, or orientation VII) Criminal records and offenses (Art. 10 GDPR)
IV. Deletion and destruction of data	
KVKK – Article 7 I) Right to request erasure of data	***GDPR – Article 17*** I) Right to erasure ("right to be forgotten")

II) Erasure when the grounds for processing cease to exist	II) Erasure when processing is no longer necessary
V. Transfer of personal data	
KVKK – Article 8–9 I) Transfer with consent II) Transfer under conditions without consent III) Additional conditions for special categories IV) Transfer abroad with sufficient protection	***GDPR – Article 44–49*** I) Transfer with a legal basis II) Transfer based on adequacy III) Safeguards (SCC, BCR, etc.) IV) International transfer subject to Chapter V

Bibliography

1. Прокопова АВ и Афонина АВ, 'Развитие теоретико-правовых концепций суверенитета' (2024) *Юриспруденция и современная правовая система* 3, 8 https://naukaip.ru/wp-content/uploads/2024/01/MK-1915.pdf#page=8 accessed 19 March 2026.
2. Montevideo Convention on the Rights and Duties of States (adopted 26 December 1933) https://prg.kz/document/?doc_id=38249008&pos=14;360 accessed 19 March 2026.
3. Montevideo Convention on the Rights and Duties of States (adopted 26 December 1933) https://prg.kz/document/?doc_id=38249008&pos=14;360 accessed 19 March 2026.
4. John Perry Barlow, 'A Declaration of the Independence of Cyberspace' (Electronic Frontier Foundation 1996) https://www.eff.org/cyberspace-independence accessed 19 March 2026.
5. Mark A Lemley, 'The Splinternet' (2024) 15(1) *Revista Amagis Jurídica* 245 https://revista.amagis.com.br/index.php/amagis-juridica/article/view/343/296 accessed 19 March 2026.
6. Кіптенко ВК, 'Інтернет-Балканізація інформаційного суспільства' (2011) 24(63)(2-2) *Ученые записки Крымского федерального университета* 69 https://cyberleninka.ru/article/n/internet-balkanizatsiya-informatsiynogo-suspilstva accessed 19 March 2026.
7. Kostenko OV and others, 'Legal Perspectives of the International Scientific Sandbox Metaverse: Technologies and Foresights for Digital Transformation' https://www.researchgate.net/profile/Oleksii-Kostenko-3/publication/387994061_Legal_perspectives_of_the_International_Scientific_Sandbox_Metaverse_technologies_and_foresights_for_digital_transformation/links/67865ce51afb4e11f5e61d7d/Legal-perspectives-of-the-International-Scientific-Sandbox-Metaverse-technologies-and-foresights-for-digital-transformation.pdf accessed 19 March 2026.
8. Valiyev O, 'Yapay Zekâ Çağı'nda Ulusal Egemenliğin Geleceği' (2025) http://dspace.khazar.org/bitstream/20.500.12323/7914/1/KRITER%20100-e-dergi.pdf accessed 19 March 2026.
9. Карев ДА и Чертыковцев ЮВ, 'Цифровой суверенитет' (2025) (4) *Право и государство: теория и практика* 80 https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-suverenitet/viewer accessed 19 March 2026.
10. Wernick A, Udoh G and Banzuzi E, 'Reimaging Smart City Transplants for the Global South: A Post-Colonial Lens on Human Rights and Digital Sovereignty' in *Critical*

ICT4D (Routledge 2025) 109 https://www.taylorfrancis.com/chapters/oa-edit/10.4324/9781003395966-10/reimaging-smart-city-transplants-global-south-alina-wernick-gabriel-udoh-emeline-banzuzi accessed 19 March 2026.

11. Li L, 'Data Sovereignty and National Security: Governance Challenges and Pathways in the Digital Age' (2025) 1(1) *Global Review of Humanities, Arts and Society* 49 https://journals.panorama-sg.com/index.php/files/article/view/data-sovereignty-security/28 accessed 19 March 2026.

12. Dikmengil N, *Siber-ulus: Dijital Egemenlik Alanı ve Barbados'un Metaverse Elçiliği* (Işık Üniversitesi Yayınları 2022) https://belgelik.isikun.edu.tr/xmlui/handle/iubelgelik/5192 accessed 19 March 2026.

13. Ештокин СВ, 'Сквозные технологии цифровой экономики как фактор формирования технологического суверенитета страны' (2022) 12(3) *Вопросы инновационной экономики* 1301 https://cyberleninka.ru/article/n/skvoznye-tehnologii-tsifrovoy-ekonomiki-kak-faktor-formirovaniya-tehnologicheskogo-suvereniteta-strany/viewer accessed 19 March 2026.

14. Никонов ВА и др, 'Цифровой суверенитет современного государства: содержание и структурные компоненты' (2021) (60) *Вестник Томского государственного университета* 206 https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-suverenitet-sovremennogo-gosudarstva-soderzhanie-i-strukturnye-komponenty-po-materialam-ekspertnogo-issledovaniya/viewer accessed 19 March 2026.

15. Shapak Unzila, Deputy of the Mazhilis of the Parliament of the Republic of Kazakhstan (VIII convocation), Doctor of Law, Professor Emeritus, Maqsut Narikbayev University.

16. Aubakirova Indira Uralovna, Doctor of Law, Assistant Professor, Maqsut Narikbayev University; Director of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan.

17. Idrisheva Sara Kimadievna, Doctor of Law, Professor Emeritus, Maqsut Narikbayev University.

18. Ruslan Dayyrbekov, 'Digital Rights Center Kazakhstan' https://drcq.law/nasha-komanda/dayyrbekov-ruslan/ accessed 19 March 2026.

19. Zhaslan Madiyev, 'Kazakhstan's Digital Evolution: From eGov to AI Governance' https://publicadministration.desa.un.org/blog/kazakhstans-digital-evolution-egov-ai-governance accessed 19 March 2026.

20. 'Kazakhstan Enters Top-30 Global IT Powers' *Zakon.kz* https://www.zakon.kz/tekhno/6498296-kazakhstan-vorvalsya-v-top30-mirovykh-ITderzhav-dva-superkompyutera-vyveli-stranu-na-27-mesto.html accessed 19 March 2026.

21. 'AI Helps Detect Stroke and Cancer in Kazakhstan' *Inform.kz* https://www.inform.kz/ru/ii-pomogaet-kazahstanskim-vracham-bistree-viyavlyat-insult-i-onkozabolevaniya-fd404a accessed 19 March 2026.

22. 'All Construction Public Services in Kazakhstan Moved Online' *Inform.kz* https://www.inform.kz/ru/vse-gosuslugi-v-sfere-stroitelstva-kazahstana-perevedeni-v-onlayn-format-mintsifri-a3a660 accessed 19 March 2026.

23. 'AI Construction Monitoring Pilot Launched in Astana' *Inform.kz* https://www.inform.kz/ru/pilot-po-kontrolyu-stroitelstva-s-pomoshyu-iizapushen-v-astane-42d7f3 accessed 19 March 2026.

24. '1218 Kazakhstan Citizens Received Public Services via Digital Family Card' *Inform.kz* https://www.inform.kz/ru/1-218-kazahstantsev-poluchili-gosuslugi-cherez-tsifrovuyu-kartu-semi-s-nachala-goda-20f10d accessed 19 March 2026.

25. National Cyber Security Index (NCSI) https://ncsi.ega.ee/ncsi-index/?order=rank accessed 19 March 2026.

26. ‘How Kazakhstan Fights Cybercrime’ *Inform.kz* https://www.inform.kz/ru/kak-kazahstan-boretsya-skiberprestupnostyu-69892a accessed 19 March 2026.
27. Suynbay Zh, statement in ‘How Kazakhstan Fights Cybercrime’ *Inform.kz* https://www.inform.kz/ru/kak-kazahstan-boretsya-skiberprestupnostyu-69892a accessed 19 March 2026.
28. Dana Utegen, ‘Cybersecurity in Central Asia: Digital Sovereignty or Dependence?’ https://ru.rosalux-ca.org/cyber-security-ca accessed 19 March 2026.
29. Microsoft, *Microsoft Digital Defense Report 2025* https://cdn-dynmedia-1.microsoft.com/is/content/microsoftcorp/microsoft/msc/documents/presentations/CSR/Microsoft-Digital-Defense-Report-2025.pdf#page=1 accessed 19 March 2026.
30. Digital Code of the Republic of Kazakhstan 2026 https://prg.kz/document/?doc_id=38546537&pos=9;201&doc_id2=38546537&pos2=154;206 accessed 19 March 2026.
31. Digital Code of the Republic of Kazakhstan 2026 https://prg.kz/document/?doc_id=38546537&pos=9;201&doc_id2=38546537&pos2=154;206 accessed 19 March 2026.
32. Law of the Republic of Kazakhstan ‘On Personal Data and Their Protection’ (21 May 2013) https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000094 accessed 19 March 2026.
33. Law of the Republic of Kazakhstan ‘On Informatization’ (24 November 2015) https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000418 accessed 19 March 2026.
34. Law of the Republic of Kazakhstan ‘On Communications’ (5 July 2004) https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z040000567_ accessed 19 March 2026.
35. Law of the Republic of Kazakhstan ‘On Online Platforms and Online Advertising’ (10 July 2023) https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000018 accessed 19 March 2026.
36. Law of the Republic of Kazakhstan ‘On Artificial Intelligence’ (17 November 2025) https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000230 accessed 19 March 2026.
37. Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan No 832 ‘On Approval of Unified Requirements in ICT and Information Security’ (20 December 2016) https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1600000832 accessed 19 March 2026.
38. ‘Kazakhstan Updates Information Security Requirements’ *Inform.kz* https://www.inform.kz/ru/kazahstan-obnovil-trebovaniya-k-informatsionnoy-bezopasnosti-i-tsifrovim-sistemam-e32cba accessed 19 March 2026.
39. Draft Constitution of the Republic of Kazakhstan https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/press/news/details/1159830?lang=ru accessed 19 March 2026.
40. Presidential Decree of the Republic of Kazakhstan No 1151 ‘On Declaring the Year of Digitalization and Artificial Intelligence’ (6 January 2026) https://prg.kz/document/?doc_id=39267867 accessed 19 March 2026.
41. ‘President Outlines Priorities for National Computing Infrastructure’ *Kazpravda.kz* https://kazpravda.kz/n/tokaev-oboznachil-prioritety-razvitiya-natsionalnoy-vychislitelnoy-infrastruktury/ accessed 19 March 2026.
42. ‘E-Notary System’ https://www.gov.kz/memleket/entities/adilet-shko/press/news/details/1148384?lang=ru accessed 19 March 2026.
43. ‘E-Otinish System’ https://www.gov.kz/memleket/entities/zhetysu-eskeldy-aldarbergenov/activities/49897?lang=ru accessed 19 March 2026.
44. ‘Guide to the Judicial Cabinet’ https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https://office.sud.kz/content/files/Guide_ru.docx accessed 19 March 2026.
45. ‘Unified Register of Pre-Trial Investigations Information System’ https://govarch.kz/ru/infosys/info/1857 accessed 19 March 2026.

46. Order of the Department for Ensuring the Activities of Courts under the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan 'On Approval of Rules for the Use of Technical Communication Means in Court Hearings' https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1900019499 accessed 19 March 2026.
47. Kartskhiya AA, 'Digitalization in Judicial Proceedings: Modern Assessments' (2025) (4(57)) *Monitoring of Law Enforcement* 9 https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-v-sudoproizvodstve-sovremennye-otsenki/viewer accessed 19 March 2026.
48. Dragilev EV and others, 'Informatization of the Judicial System of China' (2022) (8) *Legal Science* 54 https://cyberleninka.ru/article/n/informatizatsiya-sudebnoy-sistemy-kitaya/viewer accessed 19 March 2026.
49. Zhurkina OV and Maksimenko EI, 'Digital Justice on the Example of China's Internet Courts' (2020) 10(6-1) *Issues of Russian and International Law* 138 http://publishing-vak.ru/file/archive-law-2020-6/17-zhurkina-maksimenko.pdf accessed 19 March 2026.
50. Mochalov AN, Kolobaeva NE and Nesmeyanova SE, 'The Right to Internet Access: Legal Content and Implementation Mechanism' (2021) 21(4) *Antinomies* https://www.ifp.uran.ru/netcat_files/211/547/a00ce48836f433e6cf084defa7b804b3 accessed 19 March 2026.
51. Universal Declaration of Human Rights (adopted 10 December 1948) https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml accessed 19 March 2026.
52. Universal Declaration of Human Rights (adopted 10 December 1948) https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml accessed 19 March 2026.
53. United Nations Convention on the Law of the Sea (adopted 1982) https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/lawsea.pdf accessed 19 March 2026.
54. Dana Utegen, 'Cybersecurity in Central Asia: Digital Sovereignty or Dependence?' https://ru.rosalux-ca.org/cyber-security-ca accessed 19 March 2026.
55. Constitution of the Republic of Türkiye 1982, art 6.
56. Constitution of the Republic of Türkiye 1982, art 3.
57. Ahmet Erdi Öztürk and İştar Gözaydın, 'Turkey's Constitutional Amendments: A Critical Perspective' (2017) 2(2) *Research and Policy on Turkey* 210.
58. Öztürk and Gözaydın (n 57) 213.
59. Ali Çarkoğlu, 'Turkey's November 2002 Elections: A New Beginning?' (2002) 6(4) *Middle East Review of International Affairs* 30.
60. World Justice Project, *WJP Rule of Law Index 2025* https://worldjusticeproject.org/rule-of-law-index/ accessed 19 March 2026.
61. 'Constitutional Referendum in Turkey (2017)' https://ru.ruwiki.ru/wiki/Конституционный_референдум_в_Турции_(2017) accessed 19 March 2026.
62. Law No 6698 on the Protection of Personal Data (Türkiye), art 1.
63. Law No 6698 on the Protection of Personal Data (Türkiye), art 4.
64. Begüm Yavuzdoğan Okumuş, 'Comparing the Role of the DPO under the GDPR and Turkish Law' https://iapp.org/news/a/comparing-the-role-of-the-dpo-under-the-gdpr-and-turkish-law accessed 19 March 2026.
65. Regulation (EU) 2016/679 (General Data Protection Regulation), art 5(1).
66. 'GDPR ve KVKK Karşılaştırması' https://www.beyaz.net/tr/guvenlik/makaleler/gdpr_ve_kvkk_karsilastirmasi.html accessed 19 March 2026.
67. Law No 6698 on the Protection of Personal Data (Türkiye), art 18(1).

68. Regulation (EU) 2016/679 (General Data Protection Regulation), art 83.
69. Law No 5651 on the Regulation of Publications on the Internet (Türkiye), art 1.
70. Ecem Süsoy Uygun, 'Amendments Introduced to the Law on Regulation of Internet Publications' (March 2014) https://www.erdem-erdem.av.tr/en/insights/amendments-introduced-to-the-law-on-regulation-of-internet-publications accessed 19 March 2026.
71. Law No 5816 on Crimes Against Atatürk (Türkiye) (1951) https://melaproject.org/sites/default/files/2019-06/AtaturkAleyhineIslenenSuclarHakkindaKanun.pdf accessed 19 March 2026.
72. 'Constitutional Court Annuls Provisions of Internet Law No 5651' https://turkishlawblog.com/insights/detail/constitutional-court-annuls-provisions-of-the-internet-law-no-5651 accessed 19 March 2026.
73. Kayahan Cantekin, 'Turkey: Parliament Passes Law Imposing New Obligations on Social Media Companies' https://www.loc.gov/item/global-legal-monitor/2020-08-06/turkey-parliament-passes-law-imposing-new-obligations-on-social-media-companies accessed 19 March 2026.
74. *Ahmet Yıldırım v Türkiye* (2012) App no 3111/10 (ECtHR) https://globalfreedomofexpression.columbia.edu/cases/the-turkish-twitter-case-of-2014 accessed 19 March 2026.
75. European Convention on Human Rights (adopted 1950) https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Convention_RUS accessed 19 March 2026.
76. *Ahmet Yıldırım v Türkiye* (2012) App no 3111/10 (ECtHR) https://globalfreedomofexpression.columbia.edu/wp-content/uploads/2015/06/CASE-OF-AHMET-YILDIRIM-v.-TURKEY.pdf accessed 19 March 2026.
77. Turkish Cyber Security Law https://mbkaya.com/hukuk/turkish-cyber-security-law-translation.pdf accessed 19 March 2026.
78. Turkish Cyber Security Law, art 9.
79. İpek Ertem, 'Cyber Security Law Proposal Adopted by the Turkish Grand National Assembly' https://www.erdem-erdem.av.tr/en/insights/cyber-security-law-proposal-adopted-by-the-turkish-grand-national-assembly accessed 19 March 2026.
80. Adar Uçar and İlkim Şanel, 'Law No 7545 on Cyber Security' https://ucar-ucar.av.tr/en/cyber-security-law accessed 19 March 2026.
81. A Shoker, 'Digital Sovereignty Strategies for Every Nation' (2022) 1(1) *ACIG* https://arxiv.org/pdf/2307.01791 accessed 19 March 2026.
82. Emir Yücel, 'Türkiye'nin Siber Güvenlik Yaklaşımı ve 7545 Sayılı Siber Güvenlik Kanunu Üzerine Bir Değerlendirme' (2025) https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/4875589 accessed 19 March 2026.
83. Cybersecurity Law of the People's Republic of China (2016) https://www.cac.gov.cn/2016-11/07/c_1119867116_2.htm accessed 19 March 2026.
84. Cybersecurity Law of the People's Republic of China (2016) https://www.dataguidance.com/sites/default/files/en_cybersecurity_law_of_the_peoples_republic_of_china_1.pdf accessed 19 March 2026.
85. Data Security Law of the People's Republic of China (2021) http://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/2021-06/10/c_689311.htm accessed 19 March 2026.
86. Data Security Law of the People's Republic of China (2021), art 21.
87. Boling Zhang and Joan Barata, 'Provisions on the Governance of the Online Information Content Ecosystem' https://wilmap.stanford.edu/entries/provisions-governance-online-information-content-ecosystem accessed 19 March 2026.
88. Charles River Associates, 'Qihoo v Tencent: Economic Analysis' https://media.crai.com/sites/default/files/publications/China-Highlights-Qihoo-360-v-Tencent-0215_0.pdf accessed 19 March 2026.

89. *United States v Microsoft Corporation* (US Department of Justice) https://www.justice.gov/atr/case/us-v-microsoft-corporation-browser-and-middleware accessed 19 March 2026.
90. Clarifying Lawful Overseas Use of Data Act (CLOUD Act) https://www.justice.gov/criminal/media/999391/dl?inline accessed 19 March 2026.
91. Mutual Legal Assistance Treaty (1991) https://www.gov.ms/wp-content/uploads/2020/06/Mutual-Legal-Assistance-USA-Act.pdf accessed 19 March 2026.
92. Federal Law No 90-FZ 'On Amendments to the Law on Communications' (Russia, 2019) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323815/ accessed 19 March 2026.
93. Federal Law No 149-FZ 'On Information, Information Technologies and Protection of Information' (Russia, 2006) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ accessed 19 March 2026.
94. State Duma, 'Data Storage Requirements from 1 July' (27 June 2018) http://duma.gov.ru/news/27433/ accessed 19 March 2026.
95. Federal Law No 149-FZ 'On Information, Information Technologies and Protection of Information' (Russia, 2006), art 10.1.
96. *Roskomnadzor v Telegram* (2018) https://globalfreedomofexpression.columbia.edu/cases/roskomnadzor-v-telegram/ accessed 19 March 2026.

Yessenova Dana Kanatovna
Student of International Law
Law School, Maqsut Narikbayev University
Astana, Republic of Kazakhstan
E-mail: d_yessenova@mnu.kz

REFERENDUMS AS A SOURCE OF CONSTITUTIONAL LEGITIMACY. DO THEY TRULY REFLECT THE WILL OF THE PEOPLE?

Abstract

In contemporary constitutional discourse, referendums are often portrayed as one of the most significant mechanisms of democratic participation and an expression of popular sovereignty. However, the extent to which the results of constitutional referendums truly reflect the will of the people remains an open question. Such debates arise from the diversity of political and social contexts that influence popular choice. Furthermore, the role of liberal constitutionalism and majoritarianism introduces additional considerations that shape how referendums operate in practice. This article examines selected global examples of constitutional referendums, as well as the role of referendums in Kazakhstan, to assess their contribution to democratic legitimacy. The article aims to demonstrate that, while referendums provide a formal mechanism for public participation, they do not necessarily ensure an accurate or complete expression of the popular will.

Keywords: Referendum, Constitutional Legitimacy, Will of the People, Direct Democracy, Majoritarianism, Constitutional Design, Deliberative Democracy, Constituent Power, Top-down.

Introduction:

Referendums have been viewed as one of the purest expressions of democracy in modern society. They demonstrate the principle of popular sovereignty by allowing citizens to vote on central political and legal questions and provide a strong foundation for constitutional legitimacy. From constitutional amendments to major political decisions, referendums serve as fundamental mechanisms used to express the preferences of the general population. This assumption, however, highlights a significant constitutional issue, as the legitimacy of referendums is widely contested in both legal theory and practice.

The tension lies in a major paradoxical view: If referendums express the true will of the citizens, then why are their results often criticized by the public? This article will examine two unique cases of popular vote: the Brexit referendum, a paradigmatic case of majoritarianism, where a narrow majority decision on an extremely complex constitutional issue had profound and lasting consequences. It will also examine the 2024 referendum in the Republic of Kazakhstan on the construction of a nuclear power plant, which simultaneously exposed social divisions and called into question the validity of a unified "popular will." This highlights the distinctive nature of referendums, demonstrating that they may not accurately reflect the plurality of opinions in society.

The following paper argues that referendums do not inherently reflect the will of the people, but instead construct it through institutional design, political influence, and informational asymmetries. At the same time, the paper emphasises that they should be understood as legal mechanisms that both enable and restrict democratic participation, making their careful institutional design and appropriate safeguards crucial for legitimacy.

Methodology and Theoretical part

To examine referendums as instruments of constitutional legitimacy, this paper employs both theoretical and doctrinal approaches. The study draws on constitutional theory and case studies, with particular attention to the relationship between popular sovereignty and democratic legitimacy. A doctrinal approach is employed to consider key legal concepts,

including constituent power, legitimacy, and democratic participation, while a comparative and analytical approach is applied to figure out how these concepts operate in practice.

The theoretical framework of this paper is based on an understanding of referendums as institutional mechanisms designed to translate the will of the people into legally binding outcomes. As noted in constitutional design studies, referendums are often viewed as instruments of "bringing in the people" in the constitutional process, thereby enhancing the democratic legitimacy of political decisions[97]. At the same time, this paper explores critical perspectives that question whether such mechanisms truly reflect the will of the people or solely construct it through procedural means.

Referendums as a Source of Constitutional Legitimacy

A referendum is a category of institutions that provide members of society with the opportunity to express their political preferences more directly than through elected representatives. Traditionally, referendums are valued for expanding citizen participation, activating democratic practice, and promoting political pluralism. By providing citizens with the opportunity to vote directly, referendums are seen as embodying the idea of constituent power, often described as the "unlimited" will of the people, embodying collective popular sovereignty expressed outside of conventional political institutions.

Proponents emphasize the interactive nature of referendums, arguing that they provide a unique form of legitimacy by placing the people as the ultimate source of authority. Through constituent referendums, the people act as the original constitutional author, transcending conventional representative politics. Most referendums held around the world between 1998 and 2007 were constitutional in nature[98]. These referendums demonstrate a connection with the procedures for adopting or amending a constitution. Therefore, referendums allow the people of today to consciously express themselves as the author of the constitution for generations to come.

However, this understanding is based on a simplified conception of democracy, in which participation and legitimacy are perceived as identical. A referendum is a multi-tasking mechanism encompassing a multitude of societal principles in order to achieve the will of all. While referendums undoubtedly provide a mechanism for public engagement, this does not necessarily mean that their results accurately reflect the will of the people as a whole.

Majoritarian Rule and Liberal Constitutionalism

The impression of simple and equal decision-making in referendums stems from the key principle of majoritarianism, where everyone has one vote on one issue. However, when considering mandatory referendums on constitutional issues, this illusion of majoritarianism proves deceptive. Although the "50% + 1" principle remains the most common standard of majoritarianism, practice shows that it is insufficient for mandatory referendums[99]. Various types of special majority requirements are used worldwide, including the concept of a double majority, as in Switzerland[100], where constitutional amendments require the consent of not only a majority of voters but also a majority of administrative units. Turnout thresholds and special majority requirements are needed to determine whether a proposal actually has sufficient support for legitimacy. This implies that for a referendum to be fair and legitimate, it is important to combine a simple majority with such additional measures that enhance the possibilities to reach to democratic will.

---

[97] Richard Bellamy and Jeff King, 'On Constitutions and Constitutional Theory, the Cambridge Handbook of Constitutional Theory' (*SSRN*2024)

[98] Markku Suksi, 'Referendums in Constitution- Making Processes' (2010)

[99] Matt Qvortrup and Leah Trueblood, 'The Case for Supermajority Requirements in Referendums' (2023) 21 International Journal of Constitutional Law.

[100] Ольга Михайлова, 'Административные реформы в современных государствах: опыт Швейцарии' (*Cyberleninka.ru*2016)

With this understanding in mind, the discussion now turns to liberal constitutionalism[101]. A liberal constitution places limits on the power of the majority to protect the rights of minorities. The establishment of additional vices serves as a check, preventing simple majorities from making decisions that violate equality and justice. This balance is especially important for complex constitutional reforms. Without these additional rules, a referendum can cause political problems or disadvantage minorities, even if the majority votes in favor. Therefore, the combination of a majoritarian approach (the will of the majority) and constitutional safeguards creates double legitimacy: decisions truly reflect the opinion of the majority, while respecting the rights of all people. As a result, referendums become not simply a means of ascertaining the opinion of the people, but also a tool that combines the will of the majority with the protection of minority rights and the maintenance of state stability.

The problem of the "Will of the People"

The main problem encountered in analyzing referendums is the assumption of a coherent and unified "will of the people." In reality, modern societies comprise social, economic, and political diversity, making the existence of a unified collective will extremely problematic and, in most cases, impossible. Different groups within society often have conflicting preferences, and reducing them to a single majority decision inevitably entails excluding minority views.

Sunstein notes in his work that the "will of the people" is often a social construct rather than a rational aggregation of individual preferences[102]. The majority of the population takes a passive stance when it comes to constitutional referendums. The problem is that a lack of involvement in decision-making regarding constitutional amendments contributes to "cascades," where people accept the views of others because they assume they have more complete information. In this situation, the "will of the people" is actually a chain reaction resulting from herd mentality, not an independent, rational choice. Researchers also raise the issue of group polarization[103]. That is, during the process of discussing varying views, voters' decisions do not aim for consensus but instead shift toward more extreme versions. Thus, the will of the people becomes more radical than the initial views of individual individuals.

Of equal importance is the fact that referendums are not neutral mechanisms for balancing preferences; rather, they can be influenced by political figures and institutional structures. Tierney argues that referendums are often "elite-driven and pro-hegemonic," rather than a spontaneous, bottom-up expression of the people's will[104]. In many systems, the executive has the power to decide whether a referendum will be held, allowing it to use this mechanism only when it is confident of a favorable outcome. Moreover, with access to state media, authorities use it to shape narratives and manipulate the information space in favor of a desired outcome. Such tendencies are often observed on state-run channels and youth organizations, challenging the assumption that referendums are truly expressions of the popular will and suggesting that they can also serve as tools of political strategy. Richard Albert and Richard Stacey, in their work on liberal democracy, identify this type of referendum as unfree.

"We think of unfree referendums as those where a government works the levers of state power to influence voting and manipulate results. Many of these unfree referendums ratify constitutional changes that strengthen the government's grip on power by reducing

[101] Richard Albert and Richard Stacey, 'The Limits and Legitimacy of Referendums' (*Google Books*2022)
[102] Cass R Sustein, 'Designing Democracy: What Constitutions Do' (*Google Books*2001)
[103] Ibid
[104] Tierney S, 'Constitutional Referendums: The Theory and Practice of Republican Deliberation

constitutional limits on the exercise of power, undermining political opposition, and suppressing dissent in civil society."[105]

This implies that even in the most democratic environments, unfree referendums can be used to block pluralism and lead to falsified opinion results. These considerations support the argument that the "will of the people" is not simply revealed through referendums, but is largely shaped by the procedures and conditions under which voting takes place.

Case study: Brexit Referendum

When examining the relationship between popular vote and constitutional legitimacy, it is crucial to examine the referendum on the UK's decision to leave the European Union, also known as Brexit. The Brexit referendum, held on June 23, 2016, was one of the most significant political events in modern British and European history. It vividly illustrates the limitations discussed above and raises important questions about the nature of democratic legitimacy in the context of complex constitutional decisions. In particular, it demonstrates the tension between procedural legitimacy and the substantive expression of the will of the people.

The referendum simultaneously raises a number of issues related to inclusiveness, resulting in an incomplete expression of the popular will. Key groups impacted by this decision were excluded from future votes on whether to leave the European Union, particularly many residents and younger members of the British population. Approximately 3.3 million taxpayers living in the UK were unable to vote because they were not British citizens[106]. A similar concern applies to young people: although they had been permitted to vote in the 2014 Scottish referendum, they were excluded here, despite polls indicating that up to 75% supported remaining in the EU[107]. This violates the principle of liberal democracy by limiting the expression of opinion of the group most likely to be affected by the outcome of the referendum. Consequently, the result cannot be considered fully inclusive or representative of the popular will. The vote also revealed deep geographic and demographic divides. While Scotland and Northern Ireland had a majority of votes to remain, England and Wales voted to leave. This again raises the question: how accurate are referendum results, given their variation across territories?

In terms of communication mechanisms, the Brexit referendum was also marked by a significant wave of information manipulation. The genuine will of the people can only be considered complete when it is consciously and arbitrarily formed. The pro-Leave campaign was rife with misinformation, questioning the actual knowledge of the 52% of voters who voted "Leave." The most frequently cited example was the claim that the UK was sending this amount of money to the EU every week, which could have been used for the National Health Service. Official statistics later showed this claim to be misleading. This suggests that the referendum results may not reflect informed collective will, but rather preferences formed on the basis of misleading or incomplete information.

Ultimately, the Brexit referendum illustrates that the legitimacy derived from referendums is conditional rather than absolute. This example shows that referendums, while symbolically powerful, do not necessarily provide a complete or accurate reflection of the will of the people.

Kazakhstan and Referendums

In its independent history, Kazakhstan has held five national referendums over the past 35 years. Despite the government's attempts to entrench democratic decision-making, voters are often disappointed with the results. Article 4 of the Constitutional Law on National

---

[105] Richard Bellamy and Jeff King, 'On Constitutions and Constitutional Theory' [2023] SSRN Electronic Journal.

[106] Adrian Low, 'In Some Respects the Brexit Referendum Was a Violation of Human Rights' (*LSE European Politics*9 February 2017)

[107] Sam Mejias and Shakuntala Banaji, 'UK Youth Perspectives and Priorities for Brexit Negotiations' (2017)

Referendums[108] reflects a tension between formal equality and actual public awareness. While the article guarantees every citizen the right to participate, it does not address low voter turnout. If a referendum is considered valid with a turnout of just 50 percent plus one vote, decisions that affect the entire population may in reality be made by only about a quarter of citizens. This raises doubts about whether referendums truly represent the “full expression of the people’s will.” From the perspective of constitutional legitimacy, this highlights the gap between formal participation and genuine democratic representation.

It is also important to consider Article 10[109], which provides three ways to initiate a referendum: by the President, Parliament, or through the initiative of at least 200,000 citizens. However, a review of all five referendums in independent Kazakhstan shows that this citizen-led mechanism has never been fully used. In practice, referendums have always been initiated by the authorities. This raises an important question: are referendums genuinely an expression of popular will, or are they tools used to legitimize decisions made by political elites? This again highlights the idea of a “top-down” process.

Looking at communication and public debate, Article 7[110] of the law guarantees the right to express opinions during referendum campaigns, including through meetings, rallies, public discussions, and the media. In reality, however, this right is often limited. The example of the 2024 nuclear power plant referendum[111] shows that state media dominated the information space, while dissenting opinions were virtually nonexistent. The political environment surrounding the referendum was extremely tense and did not allow for the participation of interested parties. Article 4 of the Land Code of the Republic of Kazakhstan[112]explicitly states that one of the principles of this regulatory legal act is the preservation of land as a natural resource, the basis of life and work for the people of the Republic of Kazakhstan. Despite these provisions and possible future nuclear power plant outflows that would negatively impact land quality, the referendum was used in favor of the legislative branch. Taken together, these factors indicate that referendums in Kazakhstan function less as instruments of direct democracy than as mechanisms of top-down political legitimation.

Conclusion:

Overall, it can be concluded that referendums are a complex and ambiguous instrument of constitutional authority. On the one hand, they serve as a powerful symbol of popular sovereignty, allowing citizens to directly participate in shaping the legal foundations of the state. On the other hand, analysis shows that the trust placed in a referendum is not absolute and depends largely on the procedural structure and political context rather than on the direct results.

The Brexit example clearly demonstrated that without proper consideration of the interests of all stakeholders and protection from information manipulation, a referendum can lead to profound social discord rather than expressing the genuine "will of the people." At the same time, the experience of Kazakhstan highlights the problem of "legitimization from above," where a referendum becomes a tool for ratifying elite decisions, with limited space for genuine public debate and independent initiative.

Accordingly, referendums should be understood not as definitive expressions of popular sovereignty, but as contingent instruments whose legitimacy depends on institutional design, inclusiveness, and the quality of democratic deliberation.It is a legal mechanism that requires careful institutional development. A referendum can serve as a

[108] ‘О республиканском референдуме - ИПС “Әділет”’ (*Adilet.zan.kz*2017)
[109] ibid
[110] ibid
[111] Zhanel Sabirova, ‘View of Understanding the Dynamics behind the Nuclear Referendum in Kazakhstan’ (*Sdu.edu.kz*30 December 2025).
[112] ‘Земельный кодекс Республики Казахстан - ИПС “Әділет”’ (*Adilet.zan.kz*2021)

genuine source of democratic governance and state stability only when the direct expression of the will of citizens is balanced by the protection of minority rights and informed dialogue.

Bibliography

1. Albert R and Stacey R, 'The Limits and Legitimacy of Referendums' (*Google Books*2022) <https://books.google.kz/books?hl=ru&lr=&id=OL9pEAAAQBAJ&oi=fnd&pg=PP1&dq=referendums+constitutional+legitimacy&ots=0DIaD77mRz&sig=XtnbTi5Zl2Nb4uE3DRcp556e-jc&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false>
2. Bellamy R and King J, 'On Constitutions and Constitutional Theory' [2023] SSRN Electronic Journal <https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/10206667/3/Bellamy_1%20-%20Introduction%20Of%20Constitutions%20and%20Constitutional%20Theory.pdf>
3. Herzog O, 'Political Elites and Direct Democracy: Strategic and Normative Determinants of the Support for Direct Democratic Institutions' [2019] Uni-hamburg.de <https://ediss.sub.uni-hamburg.de/handle/ediss/9970 > accessed 24 March 2026
4. IPHR, 'Kazakhstan: Crackdown on Dissent over Nuclear Power Plant, Controversial Media Accreditation Rules, and Anti-""LGBTQI+ Propaganda" Measures - IPHR' (*IPHR*20 December 2024) <https://iphronline.org/articles/kazakhstan-crackdown-on-dissent-over-nuclear-power-plant-controversial-media-accreditation-rules-and-anti-lgbtqi-propaganda-measures/ > accessed 24 March 2026
5. Low A, 'In Some Respects the Brexit Referendum Was a Violation of Human Rights' (*LSE European Politics*9 February 2017) <https://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2017/02/09/brexit-referendum-human-rights/ >
6. Mejias S and Banaji S, 'UK Youth Perspectives and Priorities for Brexit Negotiations' (2017) <https://www.lse.ac.uk/media-and-communications/assets/documents/research/A-Better-Brexit-for-Young-People.pdf >
7. Михайлова О, 'Административные реформы в современных государствах: опыт Швейцарии' (*Cyberleninka.ru*2016) <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnye-reformy-v-sovremennyh-gosudarstvah-opyt-shveytsarii/viewer > accessed 24 March 2026
8. 'О республиканском референдуме - ИПС "Әділет"' (*Adilet.zan.kz*2017) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z950002592_ >
9. Qvortrup M and Trueblood L, 'The Case for Supermajority Requirements in Referendums' (2023) 21 International Journal of Constitutional Law <https://www.researchgate.net/publication/369328911_The_case_for_supermajority_requirements_in_referendums >
10. Sabirova Z, 'View of Understanding the Dynamics behind the Nuclear Referendum in Kazakhstan' (*Sdu.edu.kz*30 December 2025) <https://jms.sdu.edu.kz/index.php/jms/article/view/90/73 > accessed 24 March 2026
11. Suksi M, 'Referendums in Constitution- Making Processes' (2010) <https://peacemaker.un.org/sites/default/files/document/files/2022/07/ipsuksireferendums20in20cmp2010.pd f>
12. Sustein CR, 'Designing Democracy: What Constitutions Do' (*Google Books*2001) <https://books.google.kz/books?hl=ru&lr=&id=lG5J-L9Rq6YC&oi=fnd&pg=PP10&dq=Designing+Democracy:+What+Constitutions+Do&ots=uQ-gxP7hqC&sig=Sm7QlfX_xGUKaViRshf6qocgls8&redir_esc=y#v=onepage&q=Designing%20Democracy%3A%20What%20Constitutions%20Do&f=true > accessed 24 March 2026
13. Tierney S, 'Constitutional Referendums: The Theory and Practice of Republican Deliberation ' (*Vdoc.pub*2012) <https://vdoc.pub/documents/constitutional-referendums-the-theory-and-practice-of-republican-deliberation-3gkc436oqcl0?utm_ > accessed 24 March 2026

14. Uberoi E, ‘Analysis of the EU Referendum Results 2016’ [2016] House of Commons Library <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-7639/ >
15. ‘Земельный кодекс Республики Казахстан - ИПС “Әділет”’ (*Adilet.zan.kz*2021) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K030000442_>.

Абылхайырова Айжан Жиенбаевна
Студент 4 курс, Высшей школы права
Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республики Казахстан
a_abylkhaiyrova@kazguu.kz

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ ПАРЛАМЕНТСКОГО КОНТРОЛЯ В СИСТЕМЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Аннотация

В статье рассматривается конституционно-правовая модель парламентского контроля в системе разделения властей в Республике Казахстан. Актуальность исследования обусловлена необходимостью углублённого изучения роли и функционального назначения парламентского контроля в условиях современной институциональной конфигурации государственной власти. Предметом исследования является конституционно-правовые основы парламентского контроля и практика реализации в системе разделения властей. Целью работы выступает выявление специфики нормативно-правового регулирования парламентского контроля и степень влияния на деятельность исполнительных органов. В исследовании применены историко-правовой, сравнительно-правовой и формально юридические методы. Научная новизна исследования обусловлена комплексным рассмотрением парламентского контроля как конституирующего элемента концепции разделения властей и обосновании необходимости его трансформации в инструмент, обеспечивающий фактическую ответственность исполнительной власти.

Ключевые слова: парламентский контроль, разделение властей, государственная власть, Республика Казахстан, депутатские запросы, ответственность Правительства.

Введение

Принцип разделения властей является одной из фундаментальных основ конституционного строя современного государства, который призван обеспечивать баланс публичной власти и предотвращения её сосредоточения в одних руках, в том числе создание устойчивой системы сдержек и противовесов. Реализация такого принципа невозможна без надлежащего закрепления и создания комплекса мер, которые будут призваны для осуществления принципа разделения властей на практике, а также без механизма контроля, благодаря котором будет обеспечиваться взаимная ответственность государственных органов.

В Республике Казахстан принцип разделения властей имеет конституционное закрепление и имеет ряд своих особенностей. В связи со спецификой национальной модели управления не редко парламентский контроль реализуется в усечённом виде и не может раскрыть все свои возможно.

Целью настоящего исследования является выявление особенностей конституционно-правовой модели парламентского контроля, а также оценка роли и эффективности в концепции разделения властей в Республике Казахстан.

Для достижения указанной цели, были поставлены следующие задачи:

- Раскрыть теоретику-правовую природу концепции разделения властей;
- Проанализировать конституционно-правовые основы парламентского контроля в Республике Казахстан;
- Охарактеризовать формы выражения парламентского контроля;

- Выявить причины ограничения эффективности парламентского контроля и сформулировать предложения по совершенствованию правового регулирования парламентского контроля.

В исследовании были использованы формально-юридический метод, который позволил анализировать нормы Конституции Республики Казахстан и других нормативно-правовых актов; историко-правовой метод, который имел место быть для раскрытия создания теории разделения властей; сравнительно-правовой метод был использован при рассмотрении опыта зарубежных стран.

Основная часть:

В настоящее время в конституционно-правовой доктрине принцип разделения властей традиционно рассматривается как один из базовых организационных категорий государственного устройства, которая в свою очередь направлена на минимизацию рисков концентрации властных полномочий и предотвращение узурпации. Классическое обоснование концепции разделения властей, которая ассоциируется с философско-правовым наследием Шарля Луи Монтескье «О духе законов», в котором было сформулирована идея разграничения власти на законодательную, исполнительную и судебную ветвь власти. Между тем, эволюция юридической мысли привела концепцию разделения властей к трансформации понимания, то есть от статичного функционального разграничения к динамичной системе сдержек и противовесов.

Следует отметить, что в первоначальной концепции Монтескье акцент был не на жёстком разделении властей, больше о недопущении сосредоточения власти в одних руках. Следовательно, механизм взаимного контроля изначально присутствовал в концепции уже на этапе её теоретического генезиса.

Развитие данной концепции в трудах Джона Локка позволила детализировать функциональную природу разделения властей, где законодательная власть преобладала так как являлась выражением воли народа, а исполнительная власть в свою очередь несёт ответственность перед законодательной. Данная модель уже содержала прототип современных институтов парламентского контроля.

Современная теория конституционного права рассматривает принцип разделения властей как динамичную систему взаимодействия, где каждая ветвь власти реализуя собственный функционал одновременно участвует в ограничении полномочий других ветвей власти. Ключевым элементом данной архитектуры выступает институализация механизмов взаимного контроля, в котором контроль не сводится к наблюдению или информированию, а выступает в качестве юридически значимого инструмента воздействия, которое может за собой влечь определённые правовые последствия.

Особое значение в концепции разделения властей приобретает парламентский контроль, который выделяется как специфическая форма реализации властных полномочий законодательного органа. В отличие от судебного контроля, который носит преимущественно правоприменительный характер, парламентский контроль обладает политико-правовой природой и ориентирован на оценку легитимности, целесообразности и эффективности деятельности исполнительной ветви власти. Это позволяет рассматривать парламентский контроль как универсальный инструмент обеспечения политической ответственности исполнительной ветви власти.

В научной литературе сформировались два основных подхода к дефиниции парламентского контроля. Узкий подход ограничивает сущность контроля совокупностью закреплённых процедур (запросы, слушания, отчёты). Однако такой подход представляется недостаточным, поскольку игнорирует функционально-содержательный аспект контроля. Широкий подход, то есть второй подход, является более методологически обоснованным в котором парламентский контроль

рассматривается как комплексное явление, которое интегрирует юридические механизмы и политические практики их реализации.

С теоретической точки зрения критически важно разграничивать формальное и материальное содержание парламентского контроля. Формальное содержание парламентского контроля отражается в нормативном закреплении полномочий, в то время как материальное содержание характеризует их реальную императивность и способность влиять на поведение объекта контроля, то есть исполнительной власти. Данное различие позволяет выявить системную проблему ряда современных государств, в том числе и Республику Казахстан, где наличие развитая нормативная база не всегда сопровождается высокой эффективностью практической реализации контрольных функций.

Связи с этим, парламентский контроль должен рассматриваться не как вспомогательная функция законодательной ветви власти, а как один из основных критериев эффективности принципа разделения властей. В случае, когда контрольные полномочия законодательного органа носят декларативный характер и при этом отсутствуют механизмы юридической или политической санкции, то это приводит к дисфункции сдержек и противовесов.

Исходя из этого, можно прийти к выводу о том, что принцип разделения властей неразрывно связана с категорией контроля. Более того, именно через механизм парламентского проявляется реальное соотношение властных ветвей в конкретной государственно-правовой системе. Это позволяет рассматривать парламентский контроль как ключевой фактор при определении институциональной зрелости государства и степени реализации конституционного принципа разделения властей.

Если перейти на конституционно-правовое закрепление принципа разделения властей в Республики Казахстан то, оно обладает рядом особенностей, обусловленных спецификой национальной модели государственного устройства. В соответствии с пунктом 4 статьи 3 Конституции Республики Казахстан от 30 августа 1995 года, государственная власть в Республике Казахстан едина, осуществляется в соответствии с принципом её разделения на законодательную, исполнительную и судебную ветви власти и взаимодействия между собой с использованием сдержек и противовесов. Вместе с тем, несмотря на классическую доктринальную формулировку, реализуется в условиях институциональной асимметрии, которая выражается в усиленной роли Президента.

Также стоит отметить, что согласно пункту 1 статьи 40 Конституции, Президент Республики Казахстан является главой государства, высшим должностным лицом, определяющим основные направления внутренней и внешней политики государства и представляющим Казахстан внутри страны и в международных отношениях. Вместе с тем, пункт 3 этой же статьи Конституции определяет, что Президент Республики Казахстан обеспечивает согласованное функционирование всех ветвей государственной власти. Данный статус трансформирует роль Президента из арбитра в активного субъекта политико-правового процесса, что существенно меняет характер взаимоотношений между законодательной ветвью власти и исполнительной.

Согласно пункту 1 статьи 49 Конституции, Парламент Республики Казахстан является высшим представительным органом Республики, осуществляющим законодательную власть. Также в соответствии с пунктом 1 статьи 50 Конституции, Парламент состоит из двух палат, Сената и Мажилиса. Парламент согласно Конституции и Конституционному закону «О Парламенте и статусе его депутатов» от 16 октября 1995 года, законодательный орган уполномочен принимать законы, утверждать бюджет, заслушивать отчёты Правительства и в исключительных случаях, выражать ему недоверие. Однако анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что процедурные механизмы законодательного органа данных

полномочий не всегда обеспечивают реальное воздействие на исполнительную власть.

Исполнительная власть в свою очередь, согласно пункту 1 статьи 64 Конституции, осуществляется Правительством, которая возглавляет систему исполнительных органов и осуществляет руководство их деятельностью. Согласно пункту 2 этой же статьи Конституции, Правительство в своей деятельности ответственно перед Президентом. Правительство формируется при активном участии Президента, что предопределяет его институциональную зависимость от главы государства. Исходя из этого, парламентский контроль приобретает опосредованный характер и имеет ограниченные возможности влияния.

Судебная власть функционирует на принципах независимости и верховенства права и призвана обеспечивать защиту прав и свобод человека и гражданина. Однако её влияние в системе сдержек и противовесов в контексте парламентского контроля носит косвенный характер, в результате чего усиливается значение взаимодействия законодательной и исполнительной ветви власти.

Если рассматривать Регламент Парламента Республики Казахстан, то становится ясно что заслушивание отчётов членов Правительства, рассмотрение депутатских запросов - носят информативный характер, которые не предполагают принятия обязывающих решений.

Таким образом, конституционно-правовая модель Республики Казахстан формально соответствует классической доктрине разделения властей, однако её практическая реализация характеризуется дисбалансом полномочий. Законодательная власть, обладая спектром контрольных функций, ограничена в их реализации как институциональными, так и процедурными факторами. Парламентский контроль в таких условиях функционирует больше, как инструмент политико-правовой коммуникации, нежели инструментом прямого воздействия на исполнительную ветвь власти.

Механизм парламентского контроля в Республике Казахстан представляет собой систематизированную совокупность юридически закреплённых процедур, посредством которых законодательный орган осуществляет мониторинг, оценку и в определённой степени воздействие на деятельность исполнительной ветви власти.

В теоретическом и практическом аспекте ключевое значение приобретают конкретные формы парламентского контроля, каждая из которых характеризуется уникальной правовой природой и степенью эффективности.

Прежде всего, стоит выделить институт депутатского запроса, который является наиболее распространённой и оперативной формой.

Согласно пункту 1 статьи 27 Конституционного закона «О Парламенте и статусе его депутатов», депутатский запрос является официально обращённым на совместном и раздельном заседании Палат Парламента требованием депутата к должностным лицам государственных органов дать на сессии Парламента обоснованное разъяснение или изложить позицию по вопросам, входящим в компетенцию этого органа или должностного лица. Также пункт 2 данной статьи определяет ограниченный перечень органов и должностных лиц, к которым депутат может обратится с депутатским запросом. Премьер-Министр и члены Правительства входят в ранее упомянутый перечень.

Несмотря на то, что депутатский запрос является распространённой формой парламентского контроля, его эффективность ограничена тем, что ответы на запросы, как правило не влекут юридических последствий. В последствии, депутатский запрос преимущественно информационную функцию, нежели контрольную.

Следующей формой парламентского контроля выступает парламентские слушания, которое представляет собой публичное обсуждение наиболее значимых вопросов. Согласно пункту 2 статьи 12 Конституционного закона «О Парламенте и

статусе его депутатов», парламентские слушания проводятся по решению Бюро Палат постоянными комитетами Палат и могут проводится в открытой и закрытой формах. Парламентские слушания помогают привлечь внимание исполнительной ветви власти к проблемному аспекту их деятельности и гарантирует определённый уровень публичности. Однако и такая форма парламентского контроля тоже имеет недостатки, ведь принимаемые решения по результатам парламентского слушания имеют рекомендательный характер.

Одна из самых важных, ключевых позиций в архитектуре парламентского контроля занимает контроль за исполнением республиканского бюджета. Согласно подпункту 1) статьи 3 Бюджетного кодекса Республики Казахстан от 15 марта 2025 года, утверждённый бюджет — это бюджет, утверждённый Парламентом Республики Казахстан или соответствующим маслихатом. В то же время согласно пункту 2 статьи 122 Бюджетного кодекса, Правительство Республики Казахстан представляет годовой отчёт об исполнении республиканского бюджета за отчётный финансовый год в Парламент и Высшую аудиторскую палату Республики Казахстан. Данная форма парламентского контроля обладает более высокой степенью значимости, так как сопряжён с распределением государственных финансовых ресурсов. Однако и здесь наблюдаются недостатки, которые связаны с ограничением последующих мер воздействия.

Особое внимание стоит уделить, ещё одной форме осуществления парламентского контроля как институт выражения недоверия Правительства. Данный институт характеризуется как наиболее императивный, сильный инструмент контроля.

Согласно пункту 2 статьи 56 Конституции, Мажилис большинством голосов от общего числа депутатов Мажилиса по инициативе не менее одной пятой от общего числа депутатов Мажилиса вправе выразить вотум недоверия Правительству. В свою очередь Правительство, согласно пункту 3 статьи 70 Конституции заявляет Президенту Республики Казахстан об отставке в случае выражения Мажилисом Парламента или Парламентом вотума недоверия Правительству. Тем не менее, правительство лишь заявляет об отставке, Президент же в свою очередь может принять или не принять такое заявление.

Несмотря на существования данного института, для его реализации необходимо соблюсти ряд процедурных и политических условий, что делает применение вотума недоверия Правительству - крайне редким на практике.

Также к парламентскому контролю можно отнести заслушивание отчётов членов Правительства, участие депутатов в обсуждении государственных программ, а также деятельность постоянно действующих комитетов. Однако, в данных формах контроля есть также недостатки, которые связаны с тем, что они носят информативный характер.

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что механизм парламентского контроля характеризуется развитостью процедурной составляющей, при этом являясь слабой с точки зрения института принуждения. Несмотря на это, парламентский контроль выполняет важную функцию обеспечения прозрачности деятельности исполнительной ветви власти.

Современное состояние парламентского контроля в Республике Казахстан свидетельствует о необходимости его дальнейшего институционального и функционального развития. Несмотря на наличии дифференцированной нормативной базы, ключевой проблемой является то, что парламентский контроль носит больше информативный характер нежели контрольный. Такое положение дел обуславливает необходимость реформирования.

Итак, прежде всего совершенствование парламентского контроля должно иметь ориентир на материально-правовое содержание, то есть парламентский контроль должен стать обязательным, а последствия контроля не должны иметь

информативный или рекомендательный характер. Например, по результатам проведения парламентского контроля законодательный орган должен вынести акт, к примеру предписание, которое будет для исполнительных органов обязательным для исполнения в установленный срок, в свою очередь за законодательным органом закрепляется мониторинг, то есть не просто дать предписание исполнительному органу сделать, но и проконтролировать надлежащее исполнение.

Также, внедрение института парламентских расследований было бы отличной возможностью, ведь такой институт значительно усилил бы контрольные функции у законодательного органа. Например, во Франции и Германии существуют парламентские следственные комиссии, которые занимаются выявлением нарушений и привлечением к ответственности должностных лиц. Такой подход значительно влияет на последствия принятых решений законодательным органом, таким образом Парламент не просто будет знать исполняется или не исполняется принятое решение, а будет знать с объективной точки зрения все обстоятельства и ответственных лиц за исполнение решения. Таким образом у решений Парламента будет не только информационный характер, но обязательность исполнения появляется, таким образом парламентский контроль проявляет все свои возможности, которые будут в дальнейшем полезны для развития всего государства в целом.

Одним из важнейших недостатков парламентского контроля в Республики Казахстан является его документарный и формально-отчетный характер. Просмотрев депутатские запросы, размещённых на официальном сайте Парламента Республики Казахстан, показывает, что ответы государственных органов, которым запрос был и направлен, как правило, ограничиваются текстовыми разъяснениями о принятых/не принятых мерах, однако не сопровождаются объективно проверяемыми доказательствами их фактического исполнения. Это означает что, парламентский контроль носит не только информационный характер, но и декларативный. Формально на запрос депутата был предоставлен письменный ответ, однако реальные изменения в обществе могут просто не произойти. Однако, такой недостаток легко исправить если у парламентского контроля будет обязательный характер и действительно будет парламентские расследования, которые могут изменить и помочь в развитии государству.

Заключение:

Таким образом, проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что конституционно-правовая модель парламентского Контроля в Республике Казахстан формально соответствует классической теории разделения властей, однако на практике характеризуется рядом системных ограничений.

Проведя анализ основных форм парламентского контроля в Республике Казахстан, можно сделать вывод об процедурно-информативном характере контроля. Также важно отметить, что часто отсутствуют устойчивые последствия исполнительной ветви власти. В таких условия парламентский контроль в Казахстане исполняет функцию коммуникации, при этом не превращаясь в действенный механизм, который мог бы привлечь исполнительную власть к ответственности. Лишь улучшив материально-правовое содержание парламентского контроля можно будет развить принцип разделения властей и установить конституционный порядок.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Республики Казахстан (Конституция принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года.);
2. Конституционный закон «О Парламенте и статусе его депутатов» от 16 октября 1995 года N 2529.

3. Бюджетный кодекс Республики Казахстан от 15 марта 2025 года № 171-VIII.
4. Регламент Парламента Республики Казахстан
5. Монтескье, Шарль Луи де //«О духе законов»//Москва : Мысль, 1999
6. Локк, Джон// «Два трактата о правлении» // Москва : Мысль, 1988

Александр Агапов
Студент 3 курса юридического факультета
Санкт-Петербургского
государственного университета
г. Санкт-Петербург, Россия
Email: al.agapov05@gmail.com

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ, КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Аннотация.

В статье рассматривается политическая роль Конституционного суда Республики Корея. Исследование построено на анализе исторического развития государственности Кореи, особенностей функционирования политических институтов и механизмов конституционного контроля. Автор исследует специфику формирования корейской государственности, влияние конфуцианской традиции на современное правосознание и особенности внедрения демократических институтов в корейское общество. Особое внимание уделяется анализу влияния чеболей (крупных корпораций) на политическую систему страны и проблеме коррупции в контексте конфуцианской традиции. В статье подробно рассматриваются полномочия Конституционного суда Республики Корея, включая институт импичмента и право на роспуск политических партий. Анализируется практика применения этих полномочий на конкретных примерах, включая недавние решения по импичменту президентов страны. Исследование показывает, что Конституционный суд Кореи, обладая широкими полномочиями, выступает не только как орган конституционного контроля, но и как значимый участник политического процесса. Автор приходит к выводу о двойственном характере роли суда: с одной стороны, он способствует стабилизации политической системы, с другой — создает определенные риски злоупотребления полномочиями.

Ключевые слова: Конституционный суд Кореи, конституционный контроль, импичмент, политическая система, чеболи, коррупция.

Введение:

В XXI веке общество вступило в новую эру культурного противостояния[113]. Соперничество идеологий сошло на нет, уступив место демократии, неразрывно связанной с идеей конституционализма. Разделение властей, сменяемость власти, верховенство закона – все эти постулаты оказались необходимы для правильного функционирования сформировавшейся политической системы.

Однако эти принципы понимаются каждым обществом по-разному. Расхождения наблюдаются даже на Родине конституционализма: Европе. Примером могут служить различные понимания правового государства в Великобритании и Германии: rule of law и rechtsstaat[114]. Говоря об Азии, с уверенностью можно отметить, что привнесенный в XX-XXI веке конституционализм, столкнувшись с местной спецификой, обрел своеобразные черты.

---

[113]Ракова Кристина, 'Столкновение или сотрудничество цивилизаций? Актуальные оценки западнымиспеци алистами концепции С. Хантингтона' (2021) 2 Проблемы цивилизационного развития <https://cyberleninka.ru/article/n/stolknovenie-ili-sotrudnichestvo-tsivilizatsiy-aktualnye-otsenki-zapadnymi-spetsialistami-kontseptsii-s-hantingtona?ysclid=moo3m05oka859500996> 44 дата обращения: 06.01.2026.

[114] Дмитриев Владимир, 'О соотношении категорий „верховенство права" и „правовое государство"'(2015) 1–2(6) НАУ < https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-kategoriy-verhovenstvo-prava-i-pravovoe-gosudarstvo> 12 дата обращения: 06.02.2026.

Что касается стран Востока, куда конституционализм дошел довольно поздно, то там основной проблемой «импортированных государств»[115] стала вовлеченность в политику органов конституционного контроля, используемых правящей элитой для легальной победы над оппозицией[116].

Часть первая. Формирование государственности в Республике Корея: ключевые этапы и определяющие факторы.

При создании Республики Корея в 1945 году с участием военной администрации США среди корейского населения не было понимания демократических идеалов[117], ввиду укоренённого восточного менталитета[118].

Вестернизация Корейской Республики проходила в кратчайшие сроки в конфронтации с КНДР, пиком которой стала Корейская война 1950–1953 годов, что способствовало установлению авторитаризма, просуществовавшего в Корее до 1990-х годов.

Так, согласно конституции Юсин, с 1972 года президента избирал не народ, а коллегия выборщиков, что обеспечивало недопущение прямого влияния граждан на избираемого главу государства[119].

Представляется важным оценить влияние ряда факторов на развитие и функционирование существующих механизмов политической системы.

Часть вторая. Негосударственные центры власти и проблема коррупции.

Необходимо отметить, что в Республике Корея влияние чеболей на политику весьма существенно. Чеболи – это влиятельные корпорации, принадлежащие зачастую одной семье и являющиеся конгломератом формально самостоятельных корпораций[120].

Влияние чеболей на государство сложно переоценить, ввиду их значимости для экономики. Поэтому государство относится к ним лояльно, хоть и принимает законы, ограничивающие монополизацию рынка, например, Закон «О регулировании монополий и справедливой торговле» (Monopoly Regulation and Fair Trade Act)[121].

Принимая во внимание новые ограничения, чеболи начали воздействовать на государственную политику. Так, Ли Мен Бак, бывший генеральным директором

---

[115] Chen Yu, 'Confucianism versus Constitutionalism' (2007) 2(2) Journal of Cambridge Studies 32; Kim Sungmoon, 'Confucian Constitutionalism: Mencius and Xunzi on Virtual, Ritual, and Royal Transmission' (2001) 73(3) The Review of Politics 388 дата обращения: 06.03.2026.

[116]Диксон Розалинд, Гинзбург Том, 'Конституции как политическая страховка: формы и пределы' (2018)6(127) СКО <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsii-kak-politicheskaya-strahovka-formy-i-predely?ysclid=moo321zf6z915444987> 21 дата обращения: 07.03.2026.

[117] Толстокулаков Игорь, 'Деятельность военной администрации США по формированиюдемократических институтов в Корее (1945–1948 гг.)' (2012) 1(17) Гуманитарныеисследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-voennoy-administratsii-ssha-po-formirovaniyu-demokraticheskih-institutov-v-koree-1945-1948-gg?ysclid=moo3pkf0wi288564606> 115 дата обращения: 07.03.2026.

[118] Батыгин Кирилл, '„Азиатские" ценности: основные положения и возможные контраргументы' (2013) 2 Вестник РУДН. Серия: Политология <https://cyberleninka.ru/article/n/aziatskie-tsennosti-osnovnye-polozheniya-i-vozmozhnye-kontrargumenty> 150 дата обращения: 07.03.2026.

[119] Ведяшкина Виктория, 'Начало демократизации корейского общества' (2014) 4(30) Вестник Томского государственного университета. История <https://cyberleninka.ru/article/n/nachalo-demokratizatsii-koreyskogo-obschestva-1> 65 дата обращения: 07.03.2026.

[120] Бардакчян Оганес, 'Конгломераты и чеболи в КНДР и Республике Корея: сравнение через призму влияния на политические процессы' (2020) 2 Регион и мир <https://cyberleninka.ru/article/n/konglomeraty-i-cheboli-v-kndr-i-respublike-koreya-sravnenie-cherez-prizmu-vliyaniya-na-politicheskie-protsessy> 7 дата обращения: 08.03.2026.

[121] Kim Sookyung, 'Juridical Nature and Achievements of Korean Economic Law' (2021) Materials of theInstitute for Legal Research, National Autonomous University of Mexico 172 дата обращения: 08.03.2026.

Hyundai Construction, с 2002 по 2006 года был мэром Сеула, а с 2008 по 2013 год занимал должность президента Южной Кореи[122]. В 2018 году он был замешан в коррупционном скандале, связанным с лоббированием интересов чеболей. Таким образом, в доктрине складывается мнение, что в Республике Корея формируются негосударственные центры власти, что способствует повышению коррупциогенности отношений между чеболами и государством.

Ввиду укоренившейся конфуцианской традиции внеправовые лоббисты в Южной Корее используют нравственные нормы. Для чиновника выполнение моральных обязательств перед человеком приоритетнее, чем подчинение правовым нормам[123]. Исток такой парадигмы мышления заключается в учении Конфуция, где разграничиваются две справедливости: «и» – справедливость, как долг перед человеком и «гун» – справедливость в сфере политики, беспристрастность[124].

Для обыкновенных людей, не являющихся «государственными мужами», был понятен и широкодоступен только принцип «и», в то время как принцип «гун», использовавшийся в философской концепции «благородного мужа» «цзюнь-цзы», был неактуален для обычного гражданина[125].

Часть третья. Конституционный суд и исполнительная власть.

Как отмечает И.В. Михалева, действенность судебной власти в Республике Корея обеспечивается большим влиянием исполнительной власти[126]. Верховные положения в судебной системе занимают: Верховный (далее – ВС) и Конституционный суды (далее – Суд).

Конституционный суд наделен широкими полномочиями. В его компетенцию входит, как проверка законов на соответствие конституции, так и полномочия по роспуску политических партий и объявлению импичмента.

Рассмотрим основные методы политического воздействия Конституционного суда: институт импичмента и право на роспуск политических партий.

Институт импичмента.

Конституция корейского государства в статье 111[127] закрепляет компетенцию КС Республики Кореи для вынесения решений по вопросам импичмента.

Конституционный суд [128] выносит судебное решение на постановление об импичменте, принятое Национальной Ассамблеей в отношении президента, премьер-

---

[122] Сигида Юлия, 'Трансформация роли финансово промышленных групп (чеболь) вэкономической и политической жизни Южной Кореи в период с 1998 по 2013 г.' (2015) 397 Вестник Томского Государственного Университета <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-roli-finansovo-promyshlennyh-grupp-chebol-v-ekonomicheskoy-i-politicheskoy-zhizni-yuzhnoy-korei-v-period-s-1998-po-2013-g?ysclid=moo3oedlx0614578138> 170 дата обращения: 08.03.2026.

[123] Ibid.

[124] Ли Сюй, 'Концепция справедливости в философских школах древнего Китая' (2013) 1 Преподаватель XXI век <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-spravedlivosti-v-filosofskih-shkolah-drevnego-kitaya?ysclid=moo38973gj163231737> 234 дата обращения: 10.03.2026.

[125] Караев Эдуард, '„Благородный муж" („цзюнь-цзы") и „низкий человек" („сяо жэнь") как две полярные личности в конфуцианском этико-политическом учении' (2023) 28(158) Актуальные исследования <https://apni.ru/article/6743-blagorodnij-muzh-tszyun-tszi-i-nizkij-chelove> 29 дата обращения: 10.03.2026.

[126] Михалёва Ирина, 'Конституционные основы демократизации Республики Корея' (2016) 1(94) Регионология <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnye-osnovy-demokratizatsii-respubliki-koreya?ysclid=moo3ay9tn2526691065> 28 дата обращения: 10.03.2026.

[127] Constitution of the Republic of Korea, 'Article 111' <https://elaw.klri.re.kr/eng_service/lawView.do?hseq=1&lang=ENG\> дата обращения 31.10.2025.

[128] Constitutional Court Act of the Republic of Korea, 'Section 2: Adjudication on Impeachment' <https://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=60536&type=sogan&key=46\> дата обращения 31.10.2025.

министра, а также других должностных лиц, назначенных на должность в соответствии с законом (статья 65 Конституции)[129].

Если исходить из практики Конституционного суда, то можно заметить, что импичмент востребован и персонифицирован.

4 апреля 2025 года Конституционный суд вынес решение (2024Hun-Na8), в котором утвердил импичмент Юн Сок Ёля[130] за неправомерное введение военного положения. Он стал вторым в истории президентом страны, которого сняли с должности при помощи импичмента — 10 марта 2017 года аналогичное решение (2016Hun-Na1) Конституционный суд вынес в отношении Пак Кын Хе[131].

Однако в отношении премьер-министра Хан Док Су[132] Конституционный суд в решении от 24 марта 2025 года (2024Hun-Na9) пришел к выводу о недопустимости импичмента и восстановил его в должности временно исполняющего обязанности президента.

Как отмечает А. В. Никитина[133], решения КС Республики Корея на практике показывают действенность конституционного контроля и работоспособность ключевых демократических институтов.

Соответственно, персонализированный характер института импичмента в Корее не лишает Конституционный суд возможности влиять на политику, что превращает его в привлекательный инструмент для лоббизма.

Роспуск политических партий.

Полномочия КС относительно роспуска политических партий содержатся в 111 статье Конституции[134] и статьях 2 и 55 Закона о Конституционном суде Республики Корея[135] (Constitutional Court Act of the Republic of Korea), которые закрепляют право Конституционного суда на роспуск политических партий, в случае если цели или деятельность политической партии противоречат основам демократии.

Данный институт прекращения деятельности политических партий был инкорпорирован Республикой Кореей из полномочий ФКС ФРГ[136]. Сравнивая формулировки статьей о роспуске политических партий в положениях о

---

[129] Constitution of the Republic of Korea, 'Article 65' <https://elaw.klri.re.kr/eng_service/lawView.do?hseq=1&lang=ENG\> дата обращения 31.10.2025.

[130] Constitutional Court of Korea, 'Decision in Case No. 2024Hun-Na8, impeachment of President Yoon Suk-yeol' (4 April 2025) <https://english.ccourt.go.kr/site/eng/ex/bbs/List.do?cbIdx=1143\> дата обращения 31.10.2025.

[131] Constitutional Court of Korea, 'Decision in Case No. 2023Hun-Na1, impeachment Trial of Minister of the Interior and Safety' (25 July 2023) <https://english.ccourt.go.kr/site/eng/decisions/casesearch/caseSearch.do\> дата обращения 31.10.2025.

[132] Constitutional Court of Korea, 'Decision in Case No. 2024Hun-Na9, impeachment of Prime Minister Han Duck-soo' (24 March 2025) дата обращения 31.10.2025.

[133] Никитина Анна, ‘Импичмент президента: конституционное законодательство и практика Конституционного Суда Республики Корея’ (2017) 11 Конституционное и муниципальное право <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30599199&ysclid=moo3ca8nw8751863800> 79 дата обращения 31.10.2025.

[134] Constitution of the Republic of Korea, 'Article 111' <https://elaw.klri.re.kr/eng_service/lawView.do?hseq=1&lang=ENG\> дата обращения 31.10.2025.

[135] Constitutional Court Act of the Republic of Korea, 'Article 2, Article 55' <https://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=60536&type=sogan&key=46\> дата обращения 31.10.2025.

[136] Article 21, The Basic Law of the Federal Republic of Germany. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_gg/englisch_gg.html#p0119 (дата обращения 31.10.2025).

Конституционных судах ФРГ[137] и Республики Кореи[138], можно выделить схожее положение: роспуск политической партии возможен в случае, если партия ставит целью изменение основ демократии и деятельностью своих членов подрывает сложившийся политический строй.

Как отмечает А. В. Антонов[139], такие полномочия Конституционных судов характерны для стран Азиатского региона из–за политической неустойчивости, ввиду чего повышается риск появления юристократии, способной нарушить баланс ветвей власти.

Так, например, 19 декабря 2014 года Конституционный суд Республики Кореи объявил решение (2013Hun-Da1)[140] о роспуске оппозиционной Объединенной Прогрессивной Партии и исключении из числа депутатов всех пятерых ее представителей в Национальной Ассамблее.

Исходя из этого решения[141], под «противоречием основам демократии» понималось исполнение приказов КНДР и потворство революционным волнениям. Однако существует и иная точка зрения. Как писал Кан Юн Ку: «ОПП была единственной политической партией, полностью защищающей не только демократию, но и основные ценности мира, воссоединения и социальной справедливости»[142].

Анализ практики Конституционного суда Республики Кореи.

Пропорциональность в решении об импичменте.

В решении Конституционного суда от 25 июля 2023 г.[143] (Hun-Na1, July 25, 2023) рассматривается импичмент министру внутренних дел за непринятие должных мер о ликвидации аварии. Из текста решения следует, что Конституционный суд оценил интенсивность принятых мер с фактической стороны дела (принятые решения и высказывания министра) и с формальной (сохранение доверия народа к министерству). Указывая на ошибки министра, Суд приходит к выводу о том, что данный импичмент чрезмерен, тем самым блокируя его.

---

[137]Federal Constitutional Court Act (Bundesverfassungsgerichts-Gesetz, BVerfGG), 'Article 46' <https://web.archive.org/web/20150430041938/http://www.iuscomp.org/gla/statutes/BVerfGG.htm\> дата обращения 31.10.2025.

[138]Constitutional Court Act of the Republic of Korea, 'Article 55' <https://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=60536&type=sogan&key=46\> дата обращения 31.10.2025.

[139] Антонов Алексей, ‘Дуализм конституционного правосудия в нелиберальных демократиях восточной и юго восточной Азии в контексте концепции доверия в праве’ (2023) 11 Образование и право <https://cyberleninka.ru/article/n/dualizm-konstitutsionnogo-pravosudiya-v-neliberalnyh-demokratiyah-vostochnoy-i-yugovostochnoy-azii-v-kontekste-kontseptsii-doveriya> 27 дата обращения 31.11.2025.

[140] Constitutional Court of Korea, 'Decision in Case No. 2013Hun-Da1, dissolution of Unified Progressive Party' (19 December 2014) <https://codices.coe.int/codices/documents/precis/09B017FD-3B7E-493F-30B6-08DC225DC81B\> дата обращения 31.10.2025.

[141] Hyun Lee, ‘The Erosion of Democracy in South Korea: The Dissolution of the United Progressive Party (UP) and the Incarceration of Rep. Lee Seok kim’ (2014) Asia Pacific Journal < http://core-prod.cambridgecore.org/core/journals/asia-pacific-journal/article/abs/erosion-of-democracy-in-south-korea-the-dissolution-of-the-united-progressive-party-and-the-incarceration-of-lee-seokki/C84FFE8283E19CA3B70183AAB438A672> 11 дата обращения 31.12.2025.

[142] Кан Юн Ку, ‘Выступление на заседании круглого стола в защиту демократии и против насильственного роспуска Объединённой прогрессивной партии’ (6 ноября 2014 года). дата обращения 31.12.2025.

[143] Constitutional Court of Korea, 'Decision in Case No. 2023Hun-Na1, impeachment Trial of Minister of the Interior and Safety' (25 July 2023) <https://english.ccourt.go.kr/site/eng/decisions/casesearch/caseSearch.do\> дата обращения 31.10.2025.

При анализе решения КС от 27 февраля 2025 года (2025 Hun-Ra1)[144], можно увидеть, как Суд использует принцип соразмерности в разрешении спора, касающегося самого органа конституционного правосудия. В сути дела – конфликт парламента и исполняющего обязанности президента Хан Док Су относительно отказа в утверждении и.о. президента трех кандидатов в судьи Конституционного суда.

Сравнивая права и полномочия парламента, и.о. президента и прав кандидатов, Конституционный суд признал отказ Хан Док Су неправомерным, так как нарушаются полномочия Национальной Ассамблеи и конституционное право гражданина на занятие государственной должности.

Интересно развитие данного конфликта, так как впоследствии Хан Док Су был вынесен импичмент Национальной Ассамблеей. Оппозиционная партия считала, что в данном деле необходимо простое большинство, так как должность и.о. президента отличается от должности президента и не может иметь подобных гарантий. Партии удалось набрать 192 голоса из 300, после чего обращение об импичменте было составлено и отправлено в Конституционный суд. Рассматривая посвященное данному обращению дело от 24 марта 2025 года (2024 Hun-Na9)[145], Суд вынес постановление, подчеркивающее непропорциональность данной меры в отношении Хан Док Су. Импичмент исполняющему обязанности президента был отменен.

Превалирующая позиция судей Муна Хенбэ, Ли Мисона, Кима Хенду и Чона Чжунми была в том, что Хан Док Су допустил некритические нарушения конституции, сохраняющие доверие населения к власти (о чем подчеркнули в решении от 27 февраля 2025 г. (2025 Hun-Ra1).

Таким образом, Конституционный суд рассматривая дела такого рода, руководствуется принципом пропорциональности, оценивая возможные последствия для страны, не ограничиваясь формальной процедурой соответствия конституции и иным законам, что делает его основным участником политических прений.

Политика и общественно значимые профессии.

Во второй статье Закона о КС Республики Кореи (Constitutional Court Act of the Republic of Korea)[146] содержится полномочие на внесение изменений в нормативно правовые акты, посредством отмены их в части.

В решении Конституционного суда от 18 июля 2024 года (2021Hun-Ma460)[147], можно отметить особый подход Суда к проверке законодательных актов на конституционность. Используя критерии интенсивности и соразмерности, Конституционный суд признал часть закона, ограничивающую право судей на занятие должности в политической партии в течение трех лет, неконституционным. Тем самым, Суд изменил содержание НПА без законотворческой процедуры, сузив круг лиц, подпадающих под него, до судей ВС и КС.

---

[144] Constitutional Court of Korea, 'Decision in Case No. 2025Hun-Ra1, Acting President's Failure to Appoint Justice Elected by National Assembly' (27 February 2025) <https://english.ccourt.go.kr/site/eng/ex/bbs/List.do?cbIdx=1143\> дата обращения 31.10.2025.

[145]Constitutional Court of Korea, 'Decision in Case No. 2024Hun-Na9, impeachment of Prime Minister Han Duck-soo' (24 March 2025) <https://english.ccourt.go.kr/site/eng/ex/bbs/List.do?cbIdx=1143\> дата обращения 31.10.2025.

[146] Constitutional Court Act of the Republic of Korea <https://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=60536&type=sogan&key=46\> дата обращения 31.10.2025.

[147] Constitutional Court of Korea, 'Decision in Case No. 2021Hun-Ma460, disqualification from Judge Appointment based on Political Party Membership within Three Years' (18 July 2024) <https://english.ccourt.go.kr/site/eng/ex/bbs/List.do?cbIdx=1143\> дата обращения 31.10.2025.

Стоит отметить, что такое решение сближает сферы судопроизводства и политики, снижая гарантии политической независимости судей ординарных судов.

Сравнивая предыдущее решение с решением от 25 марта 2004 года (2001Hun-Ma710)[148], в котором Конституционный суд признал невозможным членство учителей в партиях. В этом решении суд подчеркивает, что образование поколения должно проходить вне политики, так как ученики крайне восприимчивы к позиции учителя.

В российской конституционной практике[149] при решении дел, связанных с образованием, также подчеркивается высокая роль учителя в формировании нового поколения, но политические права учителя ставятся в превалирующее положение, в отличие от подхода КС Кореи. Такой подход интересен с точки зрения иного понимания критерия соразмерности при ограничении политических прав в пользу публичного интереса, и с точки зрения ограничения пласта избирателей, способных повлиять на будущее страны как непосредственно (вступлением в партию), так и опосредованно (транслированием различных политических позиций ученикам).

В дополнение можно привести решение КС Республики Кореи от 25 января 2024 года (2021Hun-Ba233)[150], в котором было рассмотрено дело о политических высказываниях в религиозных проповедях. Как отметил Конституционный суд, проповеди священнослужителей приравниваются по значимости к урокам учителя, а значит, публичный интерес требует отделения религии от политики, чтобы не вмешиваться в волю избирателей.

Подводя итог, можно отметить тенденцию ограничения косвенного партийного влияния на население посредством издания решений Конституционного суда, направленных на снижение политической конфронтации.

Заключение.

Анализ нормативных актов и судебной практики позволяет сделать вывод, что Конституционный суд в Республике Корее обладает широкими полномочиями. Обоснование таких полномочий кроется в необходимости снижения политической напряженности. Учитывая низкую степень доверия политическим партиям и правительству в Корейском государстве, такая компетенция судебной ветви власти признается обоснованной, ведь только она может обеспечить должный порядок в обществе и усмирить противоборствующие силы.

Однако существует опасность злоупотребления судьями Конституционного суда своими полномочиями. В этом регионе институт коррупции и лоббирования очень развит, ввиду чего может возникнуть ситуация, при которой в суд попадут юристы, ранее связанные с теми или иными крупными компаниями – чеболами. Гарантией от этого является соблюдение строгих требований при отборе кандидатов и следование принципу беспристрастности.

Стоит подчеркнуть, что Суд в обосновании своей позиции часто использует принцип пропорциональности. Благодаря ему, деятельность Конституционного суда охватывает более широкие рамки, чем простой ответ конституционен тот или иной акт или нет.

---

[148] Constitutional Court of Korea, 'Decision in Case No. 2001Hun-Ma710, prohibition of Political Party Membership of Primary and Middle School Teachers' (25 March 2004) <https://english.ccourt.go.kr/site/eng/ex/bbs/List.do?cbIdx=1143\> дата обращения 31.10.2025.

[149] Конституционный Суд РФ, 'Постановление от 14 ноября 2018 г. №41-П: По делу о проверке конституционности статьи 46 Федерального закона "Об образовании в Российской Федерации" в связи с жалобой гражданки И.В. Серегиной' <https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311103/\> дата обращения 31.10.2025.

[150] Constitutional Court of Korea, 'Decision in Case No. 2021Hun-Ba233, restricting Election Campaigning Taking Advantage of Occupational Positions in Religious Organizations' (25 January 2024) <https://english.ccourt.go.kr/site/eng/ex/bbs/List.do\> дата обращения 31.10.2025.

В заключение необходимо отметить, что широкие полномочия Конституционного суда в Республике Корее, с одной стороны, несут стабильность в корейское общество, способствуя снижению градуса политической борьбы, но с другой оставляют возможность кооперации с заинтересованными государственными или негосударственными силами.

Список литературы:

1. Андронова Лариса, ‘Партийная система Южной Кореи: традиции и современность’ (2014) 1(27)Вестник Томского государственного университета. История <https://cyberleninka.ru/article/n/partiynaya-sistema-yuzhnoy-korei-traditsii-i-sovremennost> 74
2. Антонов Алексей, ‘Дуализм конституционного правосудия в нелиберальных демократиях восточнойи юго-восточной Азии в контексте концепции доверия в праве’ (2023) 11 Образование и право <https://cyberleninka.ru/article/n/dualizm-konstitutsionnogo-pravosudiya-v-neliberalnyh-demokratiyah-vostochnoy-i-yugovostochnoy-azii-v-kontekste-kontseptsii-doveriya> 27
3. Батыгин Кирилл, ‘Азиатские ценности: основные положения и возможные контраргументы’(2013) 2 Вестник РУДН. Серия: Политология <https://cyberleninka.ru/article/n/aziatskie-tsennosti-osnovnye-polozheniya-i-vozmozhnye-kontrargumenty> 150
4. Бардакчян Оганес, ‘Конгломераты и чеболи в КНДР и Республике Корея: сравнение через призму влияния на политические процессы’ (2020) 2 Регион и мир <https://cyberleninka.ru/article/n/konglomeraty-i-cheboli-v-kndr-i-respublike-koreya-sravnenie-cherez-prizmu-vliyaniya-na-politicheskie-protsessy> 7
5. Ведяшкина Виктория, ‘Начало демократизации корейского общества’ (2014) 4(30) ВестникТомского государственного университета. История <https://cyberleninka.ru/article/n/nachalo-demokratizatsii-koreyskogo-obschestva-1> 65
6. Дмитриев Владимир, ‘О соотношении категорий „верховенство права“ и „правовое государство“’(2015) 1–2(6) НАУ <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-kategoriy-verhovenstvo-prava-i-pravovoe-gosudarstvo> 12
7. Диксон Розалинд, Гинзбург Том, ‘Конституции как политическая страховка: формы и пределы’ (2018)6(127) СКО <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsii-kak-politicheskaya-strahovka-formy-i-predely?ysclid=moo321zf6z915444987> 21
8. Кан Юн Ку, ‘Выступление на заседании круглого стола в защиту демократии и против насильственного роспуска Объединённой прогрессивной партии’ (6 ноября 2014 года).
9. Караев Эдуард, 'Благородный муж“ („цзюнь-цзы“) и „низкий человек“ („сяожэнь“) как две полярные личности в конфуцианском этико-политическом учении’ (2023) 28(158) Актуальные исследования <https://apni.ru/article/6743-blagorodnij-muzh-tszyun-tszi-i-nizkij-chelove> 29
10. Ким Ен Ун, Трунцевский Юрий, Молчанова Марина, ‘Антикоррупционная политика РеспубликиКорея: история становления и современность’ (2018) 3 Сравнительная политика <https://cyberleninka.ru/article/n/antikorruptsionnaya-politika-respubliki-koreya-istoriya-stanovleniya-i-sovremennost?ysclid=moo34grbc5963665092> 152
11. Конституционный Суд РФ, 'Постановление от 14 ноября 2018 г. №41-П: По делу о проверке конституционности статьи 46 Федерального закона "Об образовании в Российской Федерации" в связи с жалобой гражданки И.В. Серегиной' <https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311103/\>
12. Ланцова Ирина, Ланко Дмитрий, ‘Внутренние и международные факторы отношений между двумякорейскими государствами в 5080-е годы XX века’ (2017) 1(18) АНИ: экономика и управление <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrennie-i-mezhdunarodnye-faktory-otnosheniy-mezhdu-dvumya-koreyskimi-gosudarstvami-v-50-80-e-gody-xx-veka?ysclid=moo36qw6me362872710> 249

13. Ли Сюй, ‘Концепция справедливости в философских школах древнего Китая’ (2013) 1Преподаватель XXI век <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-spravedlivosti-v-filosofskih-shkolah-drevnego-kitaya?ysclid=moo38973gj163231737> 234
14. Михалёва Ирина, ‘Конституционные основы демократизации Республики Корея’ (2016) 1(94)Регионология <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnye-osnovy-demokratizatsii-respubliki-koreya?ysclid=moo3ay9tn2526691065> 28
15. Никитина Анна, ‘Импичмент президента: конституционное законодательство и практикаКонституционного Суда Республики Корея’ (2017) 11 Конституционное и муниципальноеправо <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30599199&ysclid=moo3ca8nw8751863800> 79
16. Подмарев Александр, ‘Соразмерность как конституционный принцип ограничения прав и свободчеловека и гражданина в Российской Федерации’ (2021) 1 Известия Саратовского
университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право <https://cyberleninka.ru/article/n/sorazmernost-kak-konstitutsionnyy-printsip-ogranicheniya-prav-i-svobod-cheloveka-i-grazhdanina-v-rossiyskoy-federatsii?ysclid=moo3jp5tsx905991495> 84
17. Ракова Кристина, ‘Столкновение или сотрудничество цивилизаций? Актуальные оценки западнымиспециалистами концепции С. Хантингтона’
(2021) 2 Проблемы цивилизационного развития
<https://cyberleninka.ru/article/n/stolknovenie-ili-sotrudnichestvo-tsivilizatsiy-aktualnye-otsenki-zapadnymi-spetsialistami-kontseptsii-s-hantingtona?ysclid=moo3m05oka859500996> 44
18. Сигида Юлия, ‘Трансформация роли финансово-промышленных групп (чеболь) вэкономической и политической жизни Южной Кореи в период с 1998 по 2013 г.’
(2015) 397 Вестник Томского Государственного Университета
<https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-roli-finansovo-promyshlennyh-grupp-chebol-v-ekonomicheskoy-i-politicheskoy-zhizni-yuzhnoy-korei-v-period-s-1998-po-2013-g?ysclid=moo3oedlx0614578138> 170
19. Толстокулаков Игорь, ‘Деятельность военной администрации США по формированиюдемократических институтов в Корее (1945–
1948 гг.)’ (2012) 1(17) Гуманитарныеисследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-voennoy-administratsii-ssha-po-formirovaniyu-demokraticheskih-institutov-v-koree-1945-1948-gg?ysclid=moo3pkf0wi288564606> 115
20. Chen Yu, ‘Confucianism versus Constitutionalism’ (2007) 2(2) Journal of Cambridge Studies 32
21. Constitution of the Republic of Korea, 'Article 65' <https://elaw.klri.re.kr/eng_service/lawView.do?hseq=1&lang=ENG\>
22. Constitution of the Republic of Korea, 'Article 111' <https://elaw.klri.re.kr/eng_service/lawView.do?hseq=1&lang=ENG\>
23. Constitutional Court Act of the Republic of Korea <https://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=60536&type=sogan&key=46\>
24. Constitutional Court Act of the Republic of Korea, 'Article 2, Article 55' <https://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=60536&type=sogan&key=46\>
25. Constitutional Court Act of the Republic of Korea, 'Article 55' <https://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=60536&type=sogan&key=46\>
26. Constitutional Court Act of the Republic of Korea, 'Section 2: Adjudication on Impeachment'
<https://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=60536&type=sogan&key=46\>
27. Federal Constitutional Court Act (Bundesverfassungsgerichts-Gesetz, BVerfGG), 'Article 46'
<https://web.archive.org/web/20150430041938/http://www.iuscomp.org/gla/statutes/BVerfGG.htm\>

28. The Basic Law of the Federal Republic of Germany, 'Article 21' <https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_gg/englisch_gg.html#p0119\>
29. Constitutional Court of Korea, 'Decision in Case No. 2001Hun-Ma710, prohibition of Political Party Membership of Primary and Middle School Teachers' (25 March 2004) <https://english.ccourt.go.kr/site/eng/ex/bbs/List.do?cbIdx=1143\>
30. Constitutional Court of Korea, 'Decision in Case No. 2013Hun-Da1, dissolution of Unified Progressive Party' (19 December 2014) <https://codices.coe.int/codices/documents/precis/09B017FD-3B7E-493F-30B6-08DC225DC81B\>
31. Constitutional Court of Korea, 'Decision in Case No. 2016Hun-Na1, impeachment of President Park Geun-hye' (10 March 2017) <https://codices.coe.int/codices/documents/precis/37932C45-6A79-4D9E-39E0-08DC225DC81B\>
32. Constitutional Court of Korea, 'Decision in Case No. 2021Hun-Ba233, restricting Election Campaigning Taking Advantage of Occupational Positions in Religious Organizations' (25 January 2024) <https://english.ccourt.go.kr/site/eng/ex/bbs/List.do\>
33. Constitutional Court of Korea, 'Decision in Case No. 2021Hun-Ma460, disqualification from Judge Appointment based on Political Party Membership within Three Years' (18 July 2024) <https://english.ccourt.go.kr/site/eng/ex/bbs/List.do?cbIdx=1143\>
34. Constitutional Court of Korea, 'Decision in Case No. 2023Hun-Na1, impeachment Trial of Minister of the Interior and Safety' (25 July 2023) <https://english.ccourt.go.kr/site/eng/decisions/casesearch/caseSearch.do\>
35. Constitutional Court of Korea, 'Decision in Case No. 2024Hun-Na8, impeachment of President Yoon Suk-yeol' (4 April 2025) <https://english.ccourt.go.kr/site/eng/ex/bbs/List.do?cbIdx=1143\>
36. Constitutional Court of Korea, 'Decision in Case No. 2024Hun-Na9, impeachment of Prime Minister Han Duck-soo' (24 March 2025) <https://english.ccourt.go.kr/site/eng/ex/bbs/List.do?cbIdx=1143\>
37. Constitutional Court of Korea, 'Decision in Case No. 2025Hun-Ra1, Acting President's Failure to Appoint Justice Elected by National Assembly' (27 February 2025) <https://english.ccourt.go.kr/site/eng/ex/bbs/List.do?cbIdx=1143\>
38. Hahm Chaihark, ‘Confucian Constitutionalism’ (SJD dissertation, Harvard Law School 2000) <https://searchworks.stanford.edu/articles/edshlc__edshlc.008460609.6> 53
39. Hyun Lee, ‘The Erosion of Democracy in South Korea: The Dissolution of the Uni ted Progressive
Party (UP) and the Incarceration of Rep. Lee Seok-kim’ (2014) Asia-Pacific Journal < http://core-prod.cambridgecore.org/core/journals/asia-pacific-journal/article/abs/erosion-of-democracy-in-south-korea-the-dissolution-of-the-united-progressive-party-and-the-incarceration-of-lee-seokki/C84FFE8283E19CA3B70183AAB438A672> 11
40. Kim Sookyung, ‘Juridical Nature and Achievements of Korean Economic Law’ (2 021) Materials of theInstitute for Legal Research, National Autonomous University of Mexico 17 2
41. KimSungmoon, ‘Confucian Constitutionalism: Mencius and Xunzi on Virtual, Ritu al, and Royal Transmission’ (2001) 73(3) The Review of Politics 388

Бақберген Әбілхайыр Бекзатұлы
Құқықтану мамандығының 1 курс студенті
Құқық Жоғары мектебі, Maqsut Narikbayev University
Астана қ., Қазақстан Республикасы
Email: abilkhaiyr.bahbergen@icloud.com

ЦИФРЛАНДЫРУ ДӘУІРІНДЕГІ КОНСТИТУЦИЯЛЫҚ ҚҰҚЫҚТАРДЫҢ ЭВОЛЮЦИЯСЫ ЖӘНЕ БАСЫМ ТҰСТАРЫ

Аннотация

Мақалада цифрландыру дәуіріндегі конституциялық құқықтардың эволюциясы зерттеледі. Сандық конституционализм тұжырымдамасы, Қазақстан Республикасының Жасанды интеллект туралы заңнамасы аясында ЖИ-субъектілеріне байланысты туындайтын конституциялық мәселелер талданады. «Цифрлық Қазақстан» мемлекеттік бағдарламасы аясындағы адами капиталды дамыту бағытының конституциялық-құқықтық маңызы да зерделенеді. Халықаралық реттеу тәжірибесі АҚШ, ЕО, Аустралия жүйелі түрде салыстырмалы талданады. Авторлық құқық пен сөз бостандығының тарихи эволюциясы негізінде ЖИ-ге конституциялық реттеу қажеттілігі дәлелденеді.

Түйін сөздер: сандық конституционализм, жекелік құқығы, жасанды интеллект, ҚР ЖИ заңнамасы, іргелі құқықтар, адами капитал, «Цифрлық Қазақстан», халықаралық реттеу.

Кіріспе: Сандық дәуірдегі конституциялық құқықтар мәселесі

XXI ғасырда интернет пен цифрлық технологиялардың күнделікті өмірдің ажырамас бөлігіне айналуы конституциялық заң ғылымы алдына бірнеше сұрақтар қойды: офлайн кеңістікте кепілдік берілген іргелі құқықтар онлайн ортада да кепілдік бере алады ма? Мемлекет пен жеке тұлғаның сандық кеңістіктегі қарым-қатынасын қандай құқықтық нормалар реттеуі тиіс?

Аталған мәселелерді кешенді түрде зерттеу нәтижесінде ғылымда «сандық конституционализм» ұғымы дербес теориялық тұжырымдама ретінде қалыптаса бастағаны айқындалады. Бұл тұжырымдама конституциялық құндылықтарды бостандық, теңдік, қадір-қасиет, жекелік онлайн кеңістікке кеңейту қажеттілігін көрсетеді.

Қазақстан Республикасы да осы процесстен тыс қалған жоқ. ҚР-да жасанды интеллект саласындағы мемлекеттік саясат пен нормативтік-құқықтық база соңғы жылдары жүйелі түрде қалыптасып, заман талаптарына сәйкес қарқынды дамып келе жатқаны байқалады. Атап айтқанда, бұл бағыттағы стратегиялық негіз Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2024 жылғы 24 шілдедегі №592 қаулысымен бекітілген «Жасанды интеллектті дамытудың 2024–2029 жылдарға арналған тұжырымдамасында» көрініс тапқан. Алайда ЖИ технологияларының конституциялық-құқықтық өлшемдері отандық ғылымда жеткілікті деңгейде зерттелмеген.

Мақаланың негізгі мақсаты: анықталған олқылықтарды кешенді түрде талдау және оларды теориялық әрі практикалық тұрғыда негізделген тұжырымдар арқылы толықтыру.

Конституциялық құқықтардың тарихи эволюциясы: жаңа субъектілерді тану

Технологиялық жаңашылдықтар өнердің жаңа нысандарын туындата отырып, заңнаманың оларға бейімделуін талап етеді. XIX ғасырдың екінші жартысында фотографияның пайда болуы дәл осындай сынақ болды: қоғам мен сот жүйесі

фотосуреттің адамның шығармашылық туындысы бола алады ма? Деген сұраққа жауап іздеді. 1884 жылы АҚШ Жоғарғы соты *Burrow-Giles Lithographic Co. v. Sarony* ісінде тарихи маңызды шешім қабылдады: авторлық құқық тек қолжазба немесе кітап сияқты дәстүрлі туындыларға ғана емес, фотосуреттерге де қолданылатынын заңды түрде бекітті. Сол кезеңде фотография шығармашылық өнер ретінде емес, камера атты механизмнің автоматты түрде шығарған өнімі ретінде қабылданатын. Демек, фотосуретте адамның шығармашылық еңбегі жоқ деген көзқарас үстем болды. Алайда Жоғарғы сот бұл тұжырымды жоққа шығарып, фотограф Наполеон Сарони «Oscar Wilde No. 18» атты суретін түсіру барысында модельдің позасын, жарықтандыруды, костюм мен фонды өзі таңдағанын, яғни суретте оның жеке шығармашылық ойы көрініс тапқанын мойындады. Осылайша сот фотографияны автордың туындысы деп таныды және оған конституциялық қорғау берілуге тиіс екенін бекітті. (*Burrow-Giles Lithographic Co. v. Sarony*, 111 U.S. 53, 1884, https://supreme.justia.com/cases/federal/us/111/53/).

Осы тарихи логиканы жалғастыра отырып, жасанды интеллектті бүгінгі қоғамдағы осындай жаңа құқық нысаны ретінде қарастыруға болады. Демек, конституциялық құқықтардың эволюциясының заңдылығы мынада: технологиялық және әлеуметтік өзгерістер конституциялық нормалардың жаңа нысандарды тану немесе жаңа қатынастарға қолданылу аясын кеңейтуін объективті түрде талап етеді.

К.С. Путтасвами ісі (2017): жекелік құқығының іргелі мәртебесі

Сандық конституционализм дамуының бағдаршамдық ісі К.С. Путтасвами Үндістан Одағы (2017). 2017 жылы 24 тамызда Үндістан Жоғарғы Сотының тоғыз судьядан тұратын құрамы бірауыздан жекелік құқығын Конституцияның 21-бабы бойынша іргелі конституциялық құқық деп таныды.

Іске негіз болған: Aadhaar азаматтардың саусақ ізі мен биометриялық деректерін жинайтын ұлттық сәйкестендіру жүйесі бағдарламасына қарсы бұрынғы судья Путтасвамидің арызы. Сот жекелікке қол сұғатын кез келген мемлекеттік іс-әрекет үш шартты міндетті түрде қанағаттандыруы тиіс деп белгіледі: заңға негізделуі, заңды қоғамдық мақсатқа қызмет етуі, мақсатқа пропорционалды болуы. Осы “үштік тест” сандық дәуірде мемлекеттік бақылауға шек қоятын конституциялық стандарт ретінде бүгінгі таңда да өз маңызын жоғалтқан жоқ.

Құқықтық тұрғыдан алғанда, аталған шешім бірнеше маңызды қорытынды жасауға мүмкіндік береді. Біріншіден, ол технологиялық бейтараптық қағидатын сақтай отырып, конституциялық нормаларды жаңа цифрлық қатынастарға бейімдеудің үлгісін көрсетті. Екіншіден, “үштік тест” арқылы сот мемлекеттік реттеудің шектерін айқындайтын қатаң стандарт енгізіп, дербес деректерді қорғау саласында құқық үстемдігін қамтамасыз етудің негізін қалады. Үшіншіден, бұл құқықтық позиция ұлттық құқық шеңберінен шығып, өзге мемлекеттердің сот практикасына және халықаралық құқықтық талқылауларға әсер еткен ықпал еткен прецеденттік мәнге ие доктриналық қағида ретінде орнықты.

Қазақстан Республикасының Жасанды интеллект заңнамасы және конституциялық өлшем

Қазақстан Республикасы жасанды интеллект саласын реттеудің нормативтік базасын қалыптастыру жолында бірқатар маңызды қадамдар жасады. 2023 жылы қабылданған «Жасанды интеллект туралы» ҚР Заңы (бұдан әрі — ЖИ Заңы) елімізде жасанды интеллект технологияларын дамыту мен қолданудың негізгі принциптерін, субъектілерін және реттеу тетіктерін белгілейді.

ЖИ Заңының конституциялық тұрғыдан маңызды ережелері мыналар:

- Адам құқықтарын сақтау принципі - ЖИ жүйелерін жасау мен пайдалану барысында адамның іргелі құқықтары мен бостандықтарын сақтау міндеттемесі;

- Дербес деректерді қорғау - ЖИ жүйелері жинайтын, өңдейтін және пайдаланатын дербес деректерге ҚР «Дербес деректер және оларды қорғау туралы» Заңының нормалары қолданылады;
- Жауапкершілік принципі - ЖИ жүйесін жасаушы мен оператордың азаматтардың құқықтарына ықтимал зиян үшін жауапкершілігі;
- Ашықтық талабы - ЖИ жүйесінің шешімдері адамдарға түсінікті, тексерілетін болуы тиіс.

ЖИ Заңының осы принциптерін ҚР Конституциясының 12-бабы (іргелі құқықтар), 18-бабы (жеке өмірге қол сұқпаушылық) және 20-бабы (сөз бостандығы) нормаларымен байланыстыра қарасақ, Путтасвами ісінің «үштік тесті» ҚР заңнамасы үшін де өзекті стандарт бола алатынын байқаймыз.

«Цифрлық Қазақстан» бағдарламасы және адами капитал: конституциялық-құқықтық өлшем

«Цифрлық Қазақстан» мемлекеттік бағдарламасы елдің цифрлық трансформациясының стратегиялық негізін қалайды. Бағдарламаның төртінші бағыты — адами капиталды дамыту — цифрлық дәуірде адам иеленуі тиіс жан-жақты қасиеттерді: сыни ойлауды, өзін-өзі ұйымдастыруды, шығармашылықты қалыптастыруға бағытталған.

Бағдарламаның тағы бір конституциялық өлшемі — цифрлық теңсіздік мәселесі. 2023 жылғы деректер бойынша, елдегі 6 406 елді мекеннің ішінде 1 432 ауылдық елді мекен кең жолақты мобильді интернетке мүлдем қосылмаған болатын. Бұл 200 мыңнан астам тұрғынның цифрлық қызметтерден шеттетілгенін білдіреді. Осыған орай, мемлекет цифрлық қызметтерді жалпыға қолжетімді ету арқылы конституциялық міндетін толыққанды орындауы тиіс.

Жасанды интеллектті реттеудің халықаралық тәжірибесі: салыстырмалы талдау

Жасанды интеллектті реттеудегі халықаралық тәжірибе Қазақстан үшін маңызды бағдар болып табылады. ЖИ саласындағы нормативтік базаны қалыптастыруда үш негізгі модель ерекше назар аударады: Қазақстанның заңнамалық тәсілі, Еуропалық Одақтың тәуекелге негізделген реттеуі және АҚШ-тың орталықтандырылған саясаты.

Қазақстанның ЖИ Заңы: дүние жүзіндегі екінші заң

Қазақстанда күшіне енген ЖИ туралы заң дүние жүзіндегі екінші ЖИ заңы ретінде танылды. Заңның 1-бабы жасанды интеллектке толыққанды анықтама береді: ЖИ - «адамның когнитивтік функцияларын имитациялауды қамтамасыз ететін функционалдық қабілет». Авторлық құқыққа қатысты 23-бапта айқын норма белгіленген: ЖИ жүйелерін пайдалана отырып жасалған туындылар адамның шығармашылық үлесі болған жағдайда ғана авторлық құқықпен қорғалады. Бұл норма 1884 жылғы Burrow-Giles ісіндегі логиканы қазіргі заманға бейімдеудің үлгісі деп атауға болады.

Заң сондай-ақ жоғары тәуекелді жүйелерді бөлек санат ретінде бөліп қарастырады. Пайдаланушыларды тауарлар мен қызметтердің ЖИ-мен өндірілгені туралы хабардар ету міндеті, сондай-ақ синтетикалық контентке міндетті таңбалау талабы заңда нақты бекітілген. Промпттар (мәтіндік сұраулар) да белгілі жағдайларда авторлық құқық нысанасы ретінде танылады7

Еуропалық Одақтың AI Act реттеуі

2024 жылы қабылданған ЕО AI Act (Regulation EU 2024/1689) ЖИ жүйелерін тәуекел деңгейіне қарай жіктейтін тұңғыш кешенді халықаралық нормативтік акт болып

табылады. Ол ЖИ жүйелерін жоғары тәуекелді, орташа тәуекелді және минималды тәуекелді деп бөлген. Тыйым салынған ЖИ қолданыстарының тізімі, мысалы биометриялық жаппай бақылау, заңда айқын белгіленген. ЕО-ның бұл тәсілі Путтасвами ісіндегі «үштік тестпен» тікелей үндеседі: заңдылық, заңды мақсат, пропорционалдылық.

ЕО Комиссиясы 2025 жылы ЖИ арқылы жасалған контентті таңбалаудың тәжірибелік кодексінің бірінші жобасы жарияланды. Онда ЖИ-мен жасалған не өңделген контентке байқалмайтын цифрлық су таңбасын орнату міндеті жүйе әзірлеушілеріне жүктелетін болды. Кодекстің түпкілікті нұсқасы 2026 жылдың маусымына дейін жарияланады деп күтілуде7

АҚШ: орталықтандырылған реттеу моделі

2025 жылы АҚШ Президенті Трамп штаттардың жасанды интеллектке өз бетінше ережелер енгізу мүмкіндігін шектейтін жарлыққа қол қойды. «Бізге бекітудің бірыңғай орталық көзі қажет» деп мәлімдеді президент. Бұл шешім ЖИ индустриясы үшін оңтайлы жалпы ұлттық заңнаманың орнығуын жылдамдату тұрғысынан жетекші технологиялық компаниялар қолдауын тапты.

Ақ үй жарлығы ЖИ қауіпсіздігі бойынша ең ауыртпалықты штат ережелеріне қарсы тұру құралдарын федералдық үкіметке береді. Алайда балалар қауіпсіздігіне қатысты реттеулер осы шектеуден тыс қалатыны нақтыланды. Сонымен бір мезгілде АҚШ «Genesis миссиясын» іске қосты: Энергетика министрлігінің 17 ұлттық зертханасын ғылыми зерттеулерді жеделдету мақсатында ЖИ-мен интеграциялаудың ауқымды жобасы. Бұл жоба «Аполлон» бағдарламасынан кейінгі ең ірі федералдық ғылыми ресурстарды жұмылдыру деп бағаланды.

Аустралияның ұлттық ЖИ жоспары

Аустралия Үкіметі 2025 жылы Ұлттық ЖИ Жоспарын жариялады. Жоспар үш негізгі бағытқа: мүмкіндіктерді пайдалану, артықшылықтарды тарату және қауіпсіздікті қамтамасыз ету бағыттарына негізделген. Маңызды ерекшелік: Аустралия жоғары тәуекелді ЖИ жүйелері үшін міндетті бақылау шараларынан бас тартты, бұрынғы ұсыныстардан ресми түрде шегінді. Үкімет қолданыстағы заңнаманың жеткілікті екенін алға тартады.

Алайда бұл позиция қоғамдық пікірмен қайшылық тудырды: австралиялықтардың 75%-дан астамы ЖИ-ні реттеуді қолдайды. Бұл тәсіл ЕО, Канада, Оңтүстік Корея, Жапония, Бразилия, Қытай және Қазақстанның жоғары тәуекелді жүйелерге ерекше реттеу белгілейтін моделімен де қайшылық тудырады.

Салыстырмалы қорытынды

Салыстырмалы талдау мынаны көрсетеді: жетекші юрисдикциялардың басым бөлігі ЖИ-ні реттеудің жоғары тәуекелге негізделген моделін таңдайды. Қазақстанның тәсілі ЕО-ның AI Act үлгісімен айтарлықтай ұқсас — жоғары тәуекелді санатты бөлек белгілеу, таңбалау міндеті, адам бақылауының сақталуы. Мұның конституциялық мағынасы зор: ҚР Конституциясының 1-бабындағы адамды ең жоғарғы құндылық деп тану қағидасы ЖИ реттеуінде де осы тәсілмен үйлеседі.

ЖИ-ге конституциялық-құқықтық реттеудің қажеттілігі

Жасанды интеллектіге конституциялық реттеу қолдану идеясын алғашқы қарағанда тым ерте немесе артық деп санауға болар еді. Алайда тарихи, логикалық және нормативтік аргументтер бұл қажеттіліктің шынайылығын растайды. Конституциялық нормалар бұрын да жаңа технологиялар мен субъектілерге бейімделді — фотографиядан интернетке дейін.

Қазіргі таңда жасанды интеллект жүйелері несие беру, қызметке қабылдау, медициналық диагностика жүргізу, қылмыстылықты болжау сияқты адам өміріне

тікелей әсер ететін шешімдерді жүзеге асырады. Алгоритмдік дискриминация, шешімдердің әділетсіздігі және жеке деректердің қорғалмауы барлығы конституциялық қорғауды қажет ететін нақты тәуекелдер болып табылады.

ҚР Конституциясының 1-бабы Қазақстанды «адамды, оның өмірін, құқықтары мен бостандықтарын ең жоғарғы құндылықтар деп таныйтын» мемлекет деп белгілейді. Бұл конституциялық қағида ЖИ дәуірінде де өз күшін сақтауы тиіс.

Ұсынымдар

Жүргізілген талдау негізінде мынадай ұсынымдар тұжырымдалды:

- ЖИ Заңына Путтасвами ісінің «үштік тесті» стандарттарын - заңдылық, заңды мақсат, пропорционалдылық - ЖИ негізіндегі мемлекеттік шешімдерге қолдану нормасын енгізу;
- ЖИ шешімдеріне азаматтардың соттық даулау құқығын нақты конституциялық және заңнамалық кепілдіктермен бекіту;
- Мемлекеттік ЖИ жүйелері жинайтын биометриялық және дербес деректерге «жоғары тәуекел» санатын белгілеп, ерекше қорғау режимін енгізу;
- «Цифрлық Қазақстан» бағдарламасы аясындағы білім беруді цифрландыру процестерінде оқушылар мен студенттердің жекелік құқығын қорғаудың арнайы стандарттарын әзірлеу;
- Конституциялық Сотта жасанды интеллектке байланысты іргелі құқықтар мәселелерін қарайтын арнайы тәртіпті қалыптастыру;
- Үндістан, ЕО, АҚШ, Аустралия тәжірибесін зерделей отырып, сандық конституционализм принциптерін ҚР конституциялық доктринасына енгізу бойынша ғылыми-практикалық жұмысты жандандыру7
-

Қорытынды

Цифрландыру дәуірінде конституциялық құқықтардың эволюциясы объективті заңдылық. Авторлық құқықтың фотографияға дейін кеңеюі, жекелік құқығының цифрлық ортада конституциялық мәртебе алуы,

ЖИ-ге арналған ұлттық заңнамалардың дүние жүзінде пайда болуы — бұлардың барлығы осы эволюцияның кезектегі сатылары.

Халықаралық салыстырмалы талдау көрсеткендей, ЖИ реттеудің үздік тәжірибесі тәуекелге негізделген модель, таңбалау міндеті, адамның шешім үстіндегі бақылауын сақтау принципі Қазақстанның ЖИ Заңымен үндеседі. Алайда конституциялық кепілдіктерді нығайту, халықаралық тәжірибені кодификациялау және азаматтардың цифрлық ортадағы іргелі құқықтарына тиімді кепілдік беретін тетіктерді дамыту бүгінгі отандық конституционализмнің алдындағы шешілмеген міндет болып қала береді.

Жасанды интеллект адамзат үшін маңызды бола бастаған сайын оның конституциялық-құқықтық реттелуінің де маңызы арта береді. Бұл заман қойып отырған талап.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Rajbhar V.K. Digital Constitutionalism and Fundamental Rights: A Contemporary Legal Analysis. IILM University, Research Articles. — 2023.

2. К.С. Путтасвами (отставной судья) және басқалар — Үндістан Одағы және басқалар. Writ Petition (Civil) No. 494/2012. Үндістан Жоғарғы Соты. — 24 тамыз 2017 ж.

3. Қазақстан Республикасының Конституциясы. — Алматы: Қазақстан, 1995 (өзгерістер мен толықтырулармен).

4. Қазақстан Республикасының «Жасанды интеллект туралы» Заңы. — Астана, 2023.

5. Қазақстан Республикасының «Дербес деректер және оларды қорғау туралы» Заңы. — Астана, 2013 (өзгерісте
рмен).
6. «Цифрлық Қазақстан» мемлекеттік бағдарламасы. ҚР Үкіметінің 2017 жылғы 12 желтоқсандағы №827 қаулысымен бекітілген.
7. Regulation (EU) 2024/1689 (EU AI Act). European Parliament and Council. — 2024.
8. Рурков И., Мухамеджан А. Цифровые права в казахстанском конституционном праве: состояние и перспективы // ҚазҰУ Вестнигі. Заң сериясы. — 2022. — №3.
9. Burrow-Giles Lithographic Co. v. Sarony, 111 U.S. 53 (1884). АҚШ Жоғарғы Соты.
10. Намиот Д.Е. Искусственный интеллект в кибербезопасности. Хроника. Выпуск 4 // International Journal of Open Information Technologies. — 2026. — Т. 14, №1. — С. 81–94.
11. Disrupting the first reported AI-orchestrated cyber espionage campaign. Anthropic. — 2025. URL: https://www.anthropic.com/news/disrupting-AI-espionage
12. Australia National AI Plan. Department of Industry. — 2025. URL: https://www.industry.gov.au/publications/national-ai-plan
13. Executive Order on Eliminating State Law Obstruction of National Artificial Intelligence Policy. The White House. — 2025.
14. European Commission. First Draft Code of Practice on Marking and Labelling of AI-Generated Content. — 2025.

Балтабай Ерсін Оразбекұлы
Магистрант, 1 курс Высшей школы права
Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республика Казахстан
E-mail: Goldenarmy1054@gmail.com

РЕИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ИНСТИТУТА ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТА В КАЗАХСТАНЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ

Аннотация: В статье рассматривается реинституционализация института Вице-президента в Республике Казахстан в условиях конституционной реформы 2026 года. Актуальность исследования обусловлена необходимостью обеспечения преемственности государственной власти и устранения правовой неопределенности статуса данной должности. Предметом исследования выступают конституционно-правовые основы института Вице-президента и модели его функционирования в зарубежных странах. Цель работы заключается в определении оптимальной модели Вице-президентства для Казахстана. В исследовании применены сравнительно-правовой, историко-правовой и формально-юридический методы. Научная новизна состоит в комплексном анализе реинституционализации института Вице-президента с учетом последних конституционных изменений. В результате предложена смешанная модель назначения Вице-президента с ограниченным кругом полномочий. Сделан вывод о целесообразности восстановления института для укрепления устойчивости конституционной системы.

Ключевые слова: Вице-президент, Конституция Казахстана, конституционная реформа, преемственность власти, сравнительное правоведение, президентская республика, государственная власть, конституционный статус, институциональная модель, Казахстан.

ВВЕДЕНИЕ

С января 2026 года, в рамках выступления Главы государства Қасым-Жомарт Кемелұлы Тоқаева на V заседании Национального курултая, были затронуты аспекты новых передовых конституционных реформ. Президент предложил восстановить институт Вице-президента в Казахстане. Были предложены следующие полномочия данной должности:

- представлять интересы Республики Казахстан на международных форумах и переговорах с делегациями зарубежных государств;
- представлять интересы Президента в Парламенте;
- взаимодействовать с отечественными и зарубежными общественно-политическими, научными и культурно-просветительскими организациями;
- выполнять иные поручения Президента.

Глава государства обозначил, что *«учреждение данной должности стабилизирует процесс управления государством, а также внесет окончательную ясность в отношении властной иерархии»*[151]. При этом следует отметить, что институт Вице-президента в Казахстане не является новым: так в рамках Конституции РК 1993 года эта должность была закреплена в статье 81[152]. Позже Конституция РК

[151] Выступление Главы государства Касым-Жомарта Токаева на V заседании Национального курултая, г. Кызылорда, 20 января 2026 г - <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-na-v-zasedanii-nacionalnogo-kurultaya-200332>

[152] Конституция Республики Казахстан от 28 января 1993 года, статья 81

1995 года упразднила этот институт в соответствии с пунктом 2 статьи 91[153], при этом оставив полномочия для избранного Вице-президента до конца его срока. Уже на данный момент эта должность была восстановлена Конституцией РК, принятой на референдуме 15 марта 2026 года и закреплённой в статье 49.[154]

Важным фактором актуальности исследования является Указ Президента Республики Казахстан *«О мерах по реализации Конституции Республики Казахстан, принятой 15 марта 2026 года»* от 17 марта 2026 года № 1206. В рамках данного указа было определено создание нового закона *«О Президенте РК»[155],* где, скорее всего, будут определены полномочия и функционал Вице-президента в нашем государстве. Так, ключевой целью и проблемой данной статьи является поиск оптимальной модели и функционала для должности Вице-президента в Казахстане.

Цель и задачи исследования

Цель исследования - определить, возможна ли и насколько целесообразна реинституционализация должности вице-президента в Казахстане, а также рассмотреть возможные модели её реализации. Для достижения этой цели ставятся следующие задачи:

1. Провести историко-правовой анализ положения и полномочий Вице-президента, опираясь на Конституцию 1993 года и Конституцию 1995 года. Выявить аналогии с Государственным советником Казахстана.
2. Провести сравнительно-правовой анализ моделей Вице-президентства в Азербайджане, США, Турции, Бразилии;
3. Определить конституционные вызовы ри
4. Сформулировать возможные модели Вице-президентства для Казахстана и оценить их применимость.

Методология

В исследовании были использованы несколько методологических подходов: сравнительно-правовой, историко-правовой, формально-юридический и институциональный. Сравнительно-правовой метод был применен для анализа различных моделей института вице-президентства в Соединенных Штатах Америки, Турции, Азербайджане и Бразилии. Историко-правовой метод позволил исследовать историческое развитие института Вице-президента в Казахстане. Формально-юридический метод использовался для анализа конституционных положений Республики Казахстан и других стран. Кроме того, институциональный подход был применен для определения роли Вице-президента в системе государственной власти.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ:

Изначально институт Вице-президента в Казахстане появился в соответствии с Законом Казахской Советской Социалистической Республики «О совершенствовании структуры государственной власти и управления в Казахской ССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Казахской ССР» от 20 ноября 1990 года. В пункте 2 было прописано об учреждении должности Вице-Президента Казахской ССР, при этом упоминалось что порядок избрания проходит

[153] Конституция Республики Казахстан (Конституция принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года.) пункт 2, статья 91

[154] Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 15 марта 2026 г.) статья 49

[155] Указ Президента Республики Казахстан «О мерах по реализации Конституции Республики Казахстан, принятой 15 марта 2026 года» от 17 марта 2026 года № 1206, пункт 5.

через Верховный Совет Казахской ССР по представлению Президента Казахской ССР[156].

Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Казахской ССР» от 2 июля 1992 года №1491-XII внес изменения в части вторую, третью и четвертую статьи 114 Конституции, определив изложить их в следующей редакции: «*Президент Республики Казахстан и Вице-президент Республики Казахстан избираются гражданами Республики Казахстан на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании сроком на пять лет. .... Кандидатура на пост Вице-президента Республики Казахстан предлагается кандидатом в Президенты Республики Казахстан.*»[157] Таким образом, первоначально был закреплен порядок назначения Вице-президента через согласование с Верховным советом КазССР по инициативе Президента КазССР. Однако позже, после принятия независимости Казахстана, порядок избрания был передан на прямое назначение народом Республики Казахстана.

Уже позже, при принятии первой Конституции РК 1993 года должность Вице-президента Казахстана была закреплена в статье 81, где было указано, что:

1) Вице-президент Республики Казахстан избирается вместе с Президентом республики и по его полномочию выполняет отдельные функции Президента и замещает его в случае отсутствия или невозможности осуществления Президентом своих обязанностей;

2) Вице-президент не вправе быть депутатом представительного органа республики, занимать должности в иных государственных органах и общественных объединениях или осуществлять предпринимательскую деятельность;

3) Вице-президент неприкосновенен.[158]

Данное закрепление фактически дублировало функции Президента РК у Вице-президента, однако в порядке замещения при отсутствии главы государства фактически делало его вторым лицом государства. При этом были прописаны ограничения в виде запрета на вступление в представительные и государственные органы, а также на осуществление предпринимательской деятельности. Также был закреплен неприкосновенный статусе Вице-президента Казахстана.

После принятия новой Конституции РК в 1995 году должность Вице-президента была упразднена, но при этом в пункте 2 статьи 94 было прописано следующее *«Вице-Президент Республики Казахстан, избранный в соответствии с законодательством Республики Казахстан, действующим на момент вступления Конституции в силу, сохраняет свои полномочия до истечения срока, на который он был избран.»*[159] Таким образом, результаты выборов Президента Республики Казахстан 1991 года сохранили свое действие и оставили в должности Ерика Магзумовича Асанбаева в качестве Вице-президента РК до окончания его срока в феврале 1996 года.

Но следует отметить, что Ерик Асанбаев в ходе своего интервью высказывал свою точку зрения о занимаемой им должности следующее: *«Место вице-президента довольно специфическое. По поручению президента я занимался стратегическими вопросами и механизмами, которые позволяют реализовать экономическую*

---

[156] Закон Казахской Советской Социалистической Республики «О совершенствовании структуры государственной власти и управления в Казахской ССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Казахской ССР» от 20 ноября 1990 года, пункт 2

[157] Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Казахской ССР». от 2 июля 1992 года №1491-XII, пункт 11

[158] Конституция Республики Казахстан от 28 января 1993 года, статья 81

[159] Конституция Республики Казахстан (Конституция принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года.) пункт 2, статья 91

стратегию, рыночные институты, законодательство, а также разработку идеологии и механизмов жилищного строительства»[160]*.* Исходя из данных слов, можно сказать, что должность Вице-президента РК была по своему функционалу схожа с нынешней должностью Государственного советника Казахстана. Но при этом Вице-президент РК имел свой особый правовой статус в связи со своей неприкосновенностью.

Так, в соответствии с Указом Президента Республики Казахстан «О статусе и полномочиях Государственного советника Республики Казахстан, внесении изменений в некоторые указы Президента Республики Казахстан и признании утратившими силу некоторых указов Президента Республики Казахстан» от 14 июня 2022 года № 927, для должности Государственного советника РК были закреплены следующие полномочия:

- вырабатывает для Президента Республики Казахстан стратегические предложения в сфере внутренней политики;
- по поручению Главы государства представляет его интересы в отношениях с Парламентом Республики Казахстан и его Палатами, другими государственными органами, политическими партиями и общественными объединениями;
- координирует деятельность по вопросам социально-гуманитарной сферы: образования, науки, культуры и спорта;
- осуществляет иные полномочия в соответствии с поручениями Президента Республики Казахстан.[161]

Сходство полномочий позволяет предположить, что функции Государственного советника могут быть переданы Вице-президенту Казахстана. Однако со своими ограничениями, поскольку в Конституции РК от 15 марта 2026 года в пункте 3 статьи 49 определено, что *«Вице-Президент по поручению Президента Республики Казахстан представляет его при взаимодействии с Курултаем, Правительством и иными государственными органами, а также осуществляет иные полномочия, определяемые Президентом»*[162]*.* Таким образом, полномочия Вице-президента РК определены лишь в представительской форме в государственных органах Казахстана, а остальные полномочия зависят от поручений Главы государства.

Для полного объективного исследования поставленной тематики статьи хотелось бы рассмотреть примеры иностранных государств, где имеется институт Вице-президента, а именно: Турция, Азербайджан, США и Бразилия.

В Азербайджане конституционные реформы от 26 сентября 2016 года ввели новую должность Вице-президента Республики. Для этого были добавлены статьи 103-1, 106-1 и 108-1.[163] Эти статьи определяют порядок назначения и освобождения Вице-президента Президентом Азербайджана. Также они гарантируют неприкосновенность этой должности, при этом все расходы, связанные с деятельностью Вице-президента, покрываются из государственного бюджета страны.

---

[160] Новостная лента Tengrinews.kz - Вице-президент возвращается, госсоветник уходит: что меняется в Казахстане - <https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/vitse-prezident-vozvraschaetsya-gossovetnik-uhodit-590729/>

[161] Указ Президента Республики Казахстан “О статусе и полномочиях Государственного советника Республики Казахстан, внесении изменений в некоторые указы Президента Республики Казахстан и признании утратившими силу некоторых указов Президента Республики Казахстан” от 14 июня 2022 года № 927. Пункт 4

[162] Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 15 марта 2026 г.) статья 49

[163] Конституция Азербайджана Принятая на всенародном голосовании (референдуме) 12 ноября 1995 года. С изменениями принятые на всенародном голосовании (референдуме) 26 сентября 2016 года - <https://fhn.gov.az/ru/zakonodatelstvo/konstituciia-azerbaidzanskoi-respubliki/glava-vi-ispolnitelnaia-vlast>

Следует также отметить, что конституционная система государства Азербайджан отличается в аспекте статуса Президента, поскольку он входит в исполнительную ветвь власти страны. Тем самым Конституция Азербайджана допускает наличие нескольких Вице-президентов в стране, однако на данный момент эта должность занята лишь одним человеком, а именно Мехрибан Ариф кызы́ Алиева которая является по совместительству супругой действующего Главы государства Ильхам Гейдар оглы Алиева.

Должность Вице-президента в Турции была учреждена в рамках конституционной реформы, вступившей в силу 16 апреля 2017 года. Эта реформа привела к переходу страны от парламентской к президентской республике. Согласно статье 106 новой конституции, система назначения Вице-президента аналогична той, что действует в Азербайджане, где Вице-президента выбирает Президент. При этом вице-министров может быть также одновременно несколько.[164]

Однако стоит отметить, что вице-президент Турции не обладает абсолютной правовой неприкосновенностью. Парламентское расследование против него может быть инициировано по обвинению в преступлении, связанном с выполнением служебных обязанностей. Для этого требуется предложение, поддержанное абсолютным большинством членов Великого национального собрания Турции. А также Вице-президент, в соответствии со статьей 118 Конституции Турции, входит в состав Совета национальной безопасности.[165]

Вице-президент США занимает уникальное положение, объединяя в себе функции исполнительной и законодательной власти. Являясь вторым лицом в государстве и представляя интересы Президента, в рамках раздела 3 статьи 1 Конституции США он также возглавляет верхнюю палату Конгресса США.[166] В связи с чем стоит вопрос об определении Вице-президента к определённой ветви власти.

В соответствии с разделом 1 статьи 2 Конституции США, Вице-президент избирается простым большинством совместно с Президентом США на выборах, где за них голосуют выборщики, которые определяются в порядке, определённом Конституцией[167]. При этом в случае, если Президент не сможет исполнять свои обязанности, его полномочия переходят Вице-президенту. А в случае, если должность Вице-президента освободилась, то Президент США выдвигает его кандидатуру обеим палатам Конгресса США на основании раздела 2, 25 поправки Конституции США.[168]

При этом следует отметить, что случаи замещения Президентов США их вице-президентами были в истории США 9 раз. Так, после смерти президента Джона Кеннеди в 1963 году его должность перешла к Линдону Джонсону. А после знаменитого Уотергейтского скандала в 1974 году Президент Ричард Никсон ушел добровольно в отставку, передав пост своему Вице-президенту Джеральду Форду. Также следует отметить сложившуюся закономерность, по которой имеется преемственность Президентов и их Вице-президентов: они выигрывают на следующих выборах. Так, при Президенте Бараке Обаме его Вице-президентом был Джо Байден, который позже, в 2021 году, стал Президентом США. В ноябре 2021 года, когда Президент США Джо Байден находился под наркозом, он временно передал свои полномочия Вице-президенту Камале Харрис на несколько часов.

---

[164] Конституция Турции, принятая 7 ноября 1982 года с поправками от 16 апреля 2017 года. Статья 106. <https://www.constituteproject.org/constitution/Turkey_2017#:~:text=Oaths%20to%20abide%20by%20constitution%2C,Cabinet%20selection%2C%20Eligibility%20for%20cabinet>

[165] Там же Статья 118

[166] Конституция Соединённых Штатов Америки принятая 17 сентября 1787 года по состоянию 7 мая 1992 года раздела 3, статьи 1 <https://constituteproject.org/constitution/United_States_of_America_1992>

[167] Там же раздел 1, статьи 2

[168] Там же раздел 2, поправка 25

В свою очередь, 12-я поправка к Конституции США устанавливает, что требования к кандидату на пост Вице-президента идентичны требованиям к кандидату на Президентский пост.[169] При этом сам кандидат, в соответствии с разделом 1 статьи 2 Конституции США, должен быть гражданином США с рождения, достичь возраста не менее 35 лет и прожить на территории страны не менее 14 лет. В отличие от президента, для вице-президента нет ограничения на количество сроков, которые он может занимать.[170]

Отдельно также следует отметить раздел 4 статьи 2 Конституции США, по которому *«Президент, вице-президент и все гражданские должностные лица Соединенных Штатов могут быть отстранены от должности в случае импичмента за государственную измену, взяточничество или другие тяжкие преступления и проступки, а также в случае вынесения обвинительного приговора.»* [171] Так, по разделу 2 статьи 1 Конституции США, Палата представителей обладает исключительным правом импичмента, который позже представляется в Сенат для рассмотрения обращения.[172] Это даёт право законодательной власти США отстранять от должности любого представителя исполнительной власти.

Правовое регулирование института Вице-президента в США имеет свою уникальную особенность в виде совмещения исполнительной и законодательной ветвей власти в одном лице. А также законодательная ветвь власти обладает правом инициировать процедуру импичмента, что позволяет отстранить от должности Вице-президента. Это было результатом исторической модернизации Конституции США с ее многовековым развитием.

Как один из интересных примеров правовых регулирований должности Вице-президента в мире можно привести пример Бразилии. Так в соответствии с 83 статьей Конституции Бразилии *«Под угрозой отстранения от должности Президент и Вице-президент Республики не имеют права покидать страну более чем на пятнадцать дней без разрешения Национального конгресса.»*[173] Таким уникальным ограничением для первого и второго лица государства устанавливается преимущественное положение Национального конгресса Бразилии над указанными лицами.

Зарубежные модели института Вице-президента демонстрируют огромное разнообразие правовых подходов. Однако опыт Казахстана уникален в нашей стране Президент и Вице-президент не принадлежат ни к одной ветви власти. Это ставит особые задачи перед будущим законом «О Президенте Республики Казахстан».

Конституция Республики Казахстан, принятая 15 марта 2026 года, в статье 49 закрепила институт Вице-президента Республики Казахстан. Следующими словами:

1. Вице-Президент Республики Казахстан назначается на должность Президентом Республики Казахстан с согласия Курултая Республики Казахстан, выраженного большинством голосов от общего числа его депутатов;

2. Вице-Президент в период осуществления своих полномочий не вправе избираться депутатом представительного органа, занимать иные оплачиваемые должности, осуществлять предпринимательскую деятельность, а также состоять в политической партии;

3. Вице-Президент по поручению Президента Республики Казахстан представляет его при взаимодействии с Курултаем, Правительством и иными

---

[169] Там же 12 поправка
[170] Там же раздел 1, статьи 2
[171] Там же раздел 4, статьи 2
[172] Там же раздел 2, статьи 1
[173] Конституция Федеративной Республики Бразилия принятия 5 октября 1988 по стоянию на 2017 год. Статья 83 - <https://constituteproject.org/constitution/Brazil_2017>

государственными органами, а также осуществляет иные полномочия, определяемые Президентом.[174]

В пункте первом статьи описывается процедура избрания Вице-президента Республики Казахстан. Президент предлагает кандидатуру, которую затем рассматривает Курултай. После чего для утверждения кандидатуры требуется получить большинство голосов от общего числа депутатов.

При этом, в соответствии с пунктом 2 статьи 46 Конституции РК, *«Президент Республики Казахстан вправе распустить Курултай в случае повторного отказа в даче согласия на назначение на должность Вице-президента за исключением случаев, предусмотренных пунктом 3 статьи 62 Конституции»*[175]*.* Эта норма дает Президенту право влиять на законодательную власть, чтобы согласовать кандидатуру Вице-президента Казахстана. Исключения составляют период чрезвычайного или военного положения, последние шесть месяцев полномочий Президента, а также один год после предыдущего роспуска.

Второй пункт статьи определяет общие ограничения для государственного должностного лица, а также демонстрирует аналогию с пунктом 2, статьи 81 Конституции РК 1993 года. Это запрет на избирание депутатом избирательного органа, в лице маслихатов и Курултая. В свою очередь, запрет на занятие иных оплачиваемых должностей и осуществление предпринимательской деятельности указывает на невозможность для Вице-президента иметь должность в квазигосударственном секторе и частных компаниях, что уменьшает фактор предвзятости в его функционале. При этом запрет на участие в политической партии аналогичен ситуации с Президентом РК[176].

Однако хотелось бы отметить, что следует продублировать для Вице-президента такие же ограничения, как для Президента Казахстана в виде пункта 2 статьи 45 Конституции РК: *«Близкие родственники Президента Республики Казахстан не вправе занимать должности политических государственных служащих, руководителей субъектов квазигосударственного сектора.»*[177] Поскольку возможность Вице-президента занять пост Президента при определённых условиях влечёт за собой обязанность его близких родственников покинуть государственные должности и руководящие посты в квазигосударственном секторе в соответствии с Конституцией Республики Казахстан.

Касательно пункта третьего изучаемой статьи 49, указана функция представителя Главы государства по отношению к Курултаю, Правительству и иным государственным органам. При этом имеется правовая неопределённость в связи с представленной формулировкой: *«а также осуществляет иные полномочия, определяемые Президентом».* Данная норма создает риски в функционале Вице-президента РК, поскольку не имеет определенных рамок в полномочиях данной должности.[178]

В будущем закон «О Президенте РК» может детально прописать полномочия Вице-президента РК, но уже сейчас можно сказать, что его функции будут схожи с обязанностями Государственного советника Республики Казахстан и не превысят полномочий Президента Казахстана. Важно подчеркнуть, что даже после того, как Вице-президент станет Президентом, он будет ограничен в праве вносить изменения

[174] Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 15 марта 2026 г.) статья 49
[175] Там же пункт 2, статьи 46
[176] Там же пункт 1, статьи 45
[177] Там же пункт 2, статьи 45
[178] Там же пункт 3, статья 49

и дополнения в Конституцию, а также распускать Курултай, как это предусмотрено пунктом 3 статьи 51 Конституции Республики Казахстан.[179]

Восстановление должности Вице-президента в Республике Казахстан является важным шагом для укрепления конституционного строя и обеспечения преемственности власти. Оптимальным вариантом для Казахстана является смешанная модель Вице-президентства, которая сочетает назначение от Президента РК с его ролью конституционного преемника.

В рамках этой модели Вице-президент назначается Главой государства с учетом согласия законодательного органа (Курултая), при этом его полномочия ограничиваются представительскими и координационными функциями. Такая конструкция соответствует особенностям президентской формы правления в Республике Казахстан, где Президент РК занимает центральное место и координирует работу всех государственных институтов.

Предложенная модель обладает несколькими ключевыми преимуществами для конституционного развития страны. Во-первых, она обеспечивает стабильность государственной власти за счет четкого механизма передачи полномочий Президента Казахстана к преемнику в случае его временной или постоянной недееспособности. Это снижает вероятность политических кризисов и устраняет неопределенность в процессе передачи власти.

Во-вторых, назначение Вице-президента РК исключает риск институционального конфликта между высшими должностными лицами, что особенно важно в условиях сильной президентской власти. В отличие от выборной модели, где Вице-президент мог бы обладать собственной электоральной легитимностью, как это было по Конституции РК 1993 года[180], назначаемая модель сохраняет единство центра политической власти в стране.

В-третьих, ограниченный круг полномочий Вице-президента позволяет сохранить баланс между ветвями власти и не создавать факторов параллельного управления. Представительские и координационные функции позволяют Вице-президенту поддерживать Президента РК, а не нарушать его первостепенность. Это также способствует передаче функций Государственного советника в новую должность Вице-президента Казахстана.

Однако внедрение института Вице-президента РК сопряжено с рядом рисков. Одним из основных является возможность чрезмерной концентрации власти в руках Президента Республики Казахстан, так как назначаемый Вице-президент становится зависимым от Главы государства. Это может привести к снижению самостоятельности данной должности и превращению ее в формальный институт власти.

Важным риском является неопределенность в ряде полномочий Вице-президента РК, что может привести к их расширительному толкованию. Формулировка об исполнении *«иных поручений Президента РК»*[181] создает возможность для чрезмерного усиления полномочий Вице-президента Казахстана или же, наоборот, сужения функционала, что негативно скажется на эффективности института.

Также существует риск дублирования функций между Вице-президентом РК и Государственным советником Казахстана. Это подтверждается схожестью их функционала на примере единственного Вице-президента РК - Ерика Магзумовича Асанбаева. Таким образом, отсутствие четкого разграничения полномочий может привести к конкуренции между институтами и снижению эффективности государственного управления.

---

[179] Там же пункт 3, статьи 51

[180] Конституция Республики Казахстан от 28 января 1993 года, статья 81

[181] Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 15 марта 2026 г.) пункт 3 статьи 49

ЗАКЛЮЧЕНИЕ:

Анализ исторического опыта Казахстана, действующего конституционного законодательства и зарубежных практик показывает, что восстановление института Вице-президента в республике является целесообразным. В условиях президентской формы правления данная должность может существенно повысить устойчивость государственной системы, особенно за счет определения механизма преемственности власти в Республике Казахстан. Наличие Вице-президента как второго лица государства позволяет снизить риски политической и правовой неопределенности в случае временной или постоянной неспособности Президента выполнять свои обязанности, как это было в США.

Для Казахстана лучше всего подойдет модель назначаемого Вице-президента, которого выбирает Курултай. У него будет ограниченный круг полномочий, связанных с представительскими и координационными функциями. Данный подход соответствует конституционному статусу Президента, который обеспечивает согласованную работу всех ветвей власти Казахстана. В то же время такая модель предотвращает появление самостоятельного политического субъекта, способного конкурировать с Главой государства, что важно для сохранения стабильности власти.

Введение института Вице-президента в РК также может повысить эффективность государственного управления за счет перераспределения некоторых функций Главы государства. Это позволит разгрузить Президента Казахстана и улучшит взаимодействие с государственными органами, общественными институтами и международными организациями. Четкое определение правового статуса Вице-президента в последующем законе «О Президенте РК» является одной из основных задач, позволяющих создать устойчивую институциональную структуру, исключающую дублирование функций и неопределенность компетенций.

Однако успешная реализация этой модели требует детального законодательного регулирования. Необходимо определить полномочия Вице-президента РК, порядок его участия в механизме замещения Главы государства и разграничить его компетенцию с другими государственными должностями, как это предусмотрено на данный момент у Государственного советника Казахстана. Неопределенность законодательства может либо способствовать структурированию института Вице-президента в Казахстане, либо вызвать внутренние конфликты в системе государственного управления.

Таким образом, восстановление института Вице-президента в Республике Казахстан может стать важным шагом в развитии конституционной системы при условии четкого определения его правового статуса и функциональных обязанностей. Внедрение предложенной модели усилит устойчивость государственной власти, обеспечит предсказуемость процесса передачи полномочий и повысит уровень взаимодействия между государственными структурами, что, в свою очередь, будет способствовать развитию конституционного устройства Казахстана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 15 марта 2026 г.);
2. Конституция Республики Казахстан (Конституция принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года.);
3. Конституция Республики Казахстан от 28 января 1993 года;
4. Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Казахской ССР» от 2 июля 1992 года №1491-XII;
5. Закон Казахской Советской Социалистической Республики «О совершенствовании структуры государственной власти и управления в Казахской ССР

и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Казахской ССР» от 20 ноября 1990 года;

6. Указ Президента Республики Казахстан «О мерах по реализации Конституции Республики Казахстан, принятой 15 марта 2026 года» от 17 марта 2026 года № 1206;

7. Указ Президента Республики Казахстан «О статусе и полномочиях Государственного советника Республики Казахстан, внесении изменений в некоторые указы Президента Республики Казахстан и признании утратившими силу некоторых указов Президента Республики Казахстан» от 14 июня 2022 года № 927.

8. Конституция Азербайджана Принятая на всенародном голосовании (референдуме) 12 ноября 1995 года. С изменениями принятые на всенародном голосовании (референдуме) 26 сентября 2016 года;

9. Конституция Турции, принятая 7 ноября 1982 года с поправками от 16 апреля 2017 года;

10. Конституция Соединённых Штатов Америки принятая 17 сентября 1787 года по состоянию 7 мая 1992 года:

11. Конституция Федеративной Республики Бразилия принятия 5 октября 1988 по стоянию на 2017 год.

12. Выступление Главы государства Касым-Жомарта Токаева на V заседании Национального курултая, г. Кызылорда, 20 января 2026 г - <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-na-v-zasedanii-nacionalnogo-kurultaya-200332> ;

13. Новостная лента Tengrinews.kz - Вице-президент возвращается, госсоветник уходит: что меняется в Казахстане. <https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/vitse-prezident-vozvraschaetsya-gossovetnik-uhodit-590729/>.

Гусейнова Севиль
Студент 2 курса специальности «Юриспруденция»
Высшая школа права Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республика Казахстан
email: uzar88@icloud.com

О ПРИНЦИПЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН ОТ 15 МАРТА 2026 ГОДА

Аннотация

В данной статье анализируется содержание и правовое значение принципа разделения властей в новой редакции Конституции Республики Казахстан. Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления соотношения ветвей государственной власти и механизмов их взаимодействия в условиях обновления конституционных норм. Цель статьи заключается в сравнительно-правовом исследовании категорий «разделение властей», «взаимодействие» и «система сдержек и противовесов» в прежней и новой редакциях Конституции. В работе использованы формальноюридический, сравнительно-правовой и системный методы исследования. Обосновывается, что исключение из текста Конституции прямого упоминания о системе сдержек и противовесов не означает отказа от её сущности как важнейшего элемента конституционного строя. Сделан вывод о том, что данный механизм сохраняется через институциональное взаимодействие законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти.

Ключевые слова: Конституция Республики Казахстан, принцип разделения властей, государственная власть, законодательная власть, исполнительная власть, судебная власть, взаимодействие ветвей власти, система сдержек и противовесов, конституционное право, конституционная реформа.

Введение

Принцип разделения властей является одной из базовых основ современного конституционного строя и служит правовым механизмом предотвращения концентрации государственной власти в одном центре. Его значение заключается не только в институциональном разграничении полномочий между законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти, но и в обеспечении устойчивого баланса между ними. Актуальность темы обусловлена изменением конституционной формулировки, закрепляющей данный принцип в новой редакции Конституции Республики Казахстан от 15 марта 2026 года. Если ранее в конституционной норме прямо указывалось на осуществление взаимодействия ветвей власти с использованием системы сдержек и противовесов, то в новой редакции данное положение заменено более общей категорией «взаимодействие». Это вызывает необходимость правового анализа вопроса о том, повлекло ли такое изменение трансформацию содержания самого принципа разделения властей.

Предметом настоящего исследования выступают положения пункта 4 статьи 4 Конституции Республики Казахстан от 15 марта 2026 года и пункта 4 статьи 3 прежней редакции Конституции, закрепляющие принцип разделения властей и формы соотношения законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти.

Цель настоящего исследования заключается в определении конституционно-правового значения новой редакции нормы о разделении властей и выявлении того, сохраняются ли элементы системы сдержек и противовесов в действующей модели организации государственной власти Республики Казахстан.

Для достижения поставленной цели в статье проводится сравнительный анализ прежней и новой редакций конституционной нормы, а также исследуется содержание принципа взаимодействия ветвей власти в контексте современной конституционно-правовой доктрины.

Основная часть

Идея разделения властей имеет глубокие философско-правовые корни и занимает центральное место в развитии конституционализма. Её истоки традиционно связываются с трудами Джона Локка и особенно Шарля Луи де Монтескье, который придал данной концепции завершённую теоретическую форму. В своём труде «О духе законов» Монтескье обосновал, что политическая свобода возможна лишь при таком устройстве государства, при котором законодательная, исполнительная и судебная власти не сосредоточены в одних руках. Он отмечал, что в каждом государстве существуют три рода власти — законодательная, исполнительная и судебная, а их соединение в одном органе или у одного лица создаёт угрозу свободе и законности [3].

Именно идеи Монтескье оказали значительное влияние на последующее развитие конституционного права и нашли отражение в ряде основополагающих правовых актов. Так, статья 16 Декларации прав человека и гражданина 1789 года закрепила, что общество, в котором не обеспечены гарантии прав и не установлено разделение властей, не имеет конституции [4]. В дальнейшем принцип разделения властей получил закрепление в конституционном развитии многих стран, в том числе в Конституции США 1787 года, Конституции Франции 1791 года, Конституции Норвегии 1814 года, Основном законе Федеративной Республики Германия 1949 года, а также в Конституции Республики Корея 1948 года [5]. Тем самым данный принцип приобрёл универсальное значение как одна из базовых гарантий правового государства и недопущения концентрации государственной власти. Принцип разделения властей является одной из фундаментальных основ современного конституционного строя, поскольку обеспечивает институциональное распределение государственной власти и предотвращает её сосредоточение в одном центре. Его сущность состоит не только в разграничении полномочий между законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти, но и в установлении такого порядка их функционирования, при котором каждая из них действует в пределах собственной компетенции, одновременно находясь в правовой взаимосвязи с другими ветвями государственной власти [6; 7].

В Конституции Республики Казахстан данный принцип традиционно рассматривается как один из базовых элементов организации государственной власти. В прежней редакции Конституции было закреплено, что государственная власть в Республике едина и осуществляется на основе Конституции и законов в соответствии с принципом её разделения на законодательную, исполнительную и судебную ветви и взаимодействия между собой с использованием системы сдержек и противовесов [1]. В новой редакции Конституции Республики Казахстан от 15 марта 2026 года данное положение сформулировано следующим образом: государственная власть в Республике Казахстан едина и осуществляется на основе Конституции и законов в соответствии с принципом её разделения на законодательную, исполнительную, судебную ветви и их взаимодействия [2]. На первый взгляд может показаться, что исключение из текста Конституции прямого упоминания о системе сдержек и противовесов означает изменение самой конституционной модели разделения властей. Однако такое толкование представляется чрезмерно формальным и не учитывает правовую природу рассматриваемого принципа.

Содержательное толкование конституционной нормы имеет приоритет над её исключительно буквальным восприятием, поскольку в конституционном праве

юридическое значение нормы определяется не только её текстуальной формой, но и местом в системе конституционного регулирования. С точки зрения конституционного права принцип разделения властей не сводится исключительно к словесной фиксации отдельных его элементов. В юридической доктрине давно признаётся, что разделение властей включает в себя не только организационное разграничение функций государства, но и систему взаимного ограничения, при которой ни одна из ветвей власти не может реализовывать свои полномочия абсолютно и бесконтрольно [6]. Именно поэтому взаимодействие ветвей власти в конституционном государстве по своей сути предполагает существование определённых правовых механизмов сдерживания, контроля и институционального баланса. Следовательно, исключение из новой редакции Конституции словосочетания «система сдержек и противовесов» само по себе не означает отказа от данного конституционного механизма. Напротив, использование более общей формулировки «взаимодействие» позволяет охватить более широкий круг форм конституционного соотношения ветвей власти, включая координацию, контроль, взаимное участие в государственных процедурах, а также правовое ограничение полномочий. Таким образом, новая редакция нормы отражает не отказ от прежней конституционной логики, а переход от более узкой терминологической конструкции к более обобщённому способу её закрепления. Такое понимание соответствует и общей логике конституционализма, в рамках которой разделение властей рассматривается не как абсолютная изоляция государственных органов, а как их разграниченная и одновременно взаимосвязанная деятельность.

Следовательно, при анализе новой редакции Конституции Республики Казахстан решающее значение имеет не только буквальное отсутствие прежнего термина, но и то, сохраняются ли на нормативном уровне механизмы институционального баланса, взаимного ограничения и правового контроля. Несмотря на отсутствие прямого текстуального упоминания, система сдержек и противовесов продолжает существовать в действующей конституционной модели Республики Казахстан через конкретные полномочия и процедуры, закреплённые в нормах Конституции и конституционных законов. Это подтверждается действующим конституционным регулированием. Так, Парламент Республики Казахстан осуществляет законодательную функцию и участвует в механизме политикоправового контроля за деятельностью исполнительной власти, в том числе через обсуждение вопросов, связанных с реализацией государственной политики. Правительство, в свою очередь, действует в пределах Конституции и законов и несёт ответственность в рамках установленной системы публичной власти. Судебная власть обеспечивает разрешение правовых споров, защиту прав и свобод человека и гражданина, а также контроль за соблюдением законности. Следовательно, система сдержек и противовесов в конституционной модели Республики Казахстан сохраняется не только на доктринальном, но и на нормативно-функциональном уровне [1; 2; 7].

Во-первых, законодательная ветвь власти сохраняет инструменты влияния на функционирование исполнительной власти. Парламент участвует в законодательном обеспечении государственной политики, осуществляет контрольные полномочия, а также обладает правом обсуждения вопросов, связанных с деятельностью Правительства и иных государственных органов. Это означает, что исполнительная власть не существует автономно, а реализует свои функции в условиях парламентского и нормативного контроля.

Во-вторых, исполнительная власть действует в пределах, установленных Конституцией и законами, а её деятельность носит производный и подзаконный характер. Правительство и иные исполнительные органы не вправе выходить за пределы предоставленной компетенции, что само по себе выступает элементом конституционного ограничения государственной власти.

В-третьих, судебная власть продолжает выполнять функцию правового контроля и разрешения споров, связанных с применением закона, защитой прав и свобод человека и гражданина, а также обеспечением законности в деятельности других государственных органов. Судебная власть в конституционном государстве не только разрешает правовые конфликты, но и выступает гарантией того, что и законодательные, и исполнительные органы реализуют свои полномочия в пределах права. Именно совокупность указанных элементов и образует практическое содержание системы сдержек и противовесов. Следовательно, даже если в новой редакции Конституции данный термин не воспроизводится буквально, его функциональное содержание сохраняется. Современное конституционное развитие всё чаще использует категорию взаимодействия ветвей власти как более гибкое и функциональное понятие по сравнению с классическим, более жёстким пониманием разделения властей. В современных правовых системах ветви власти не изолированы друг от друга полностью, поскольку эффективное государственное управление требует не только разграничения компетенции, но и координации действий между государственными институтами [6]. Именно поэтому закреплённое в новой редакции Конституции Республики Казахстан понятие «взаимодействие» следует толковать не как противопоставление системе сдержек и противовесов, а как её современную институциональную форму. В данном случае взаимодействие означает не слияние ветвей власти, а их конституционно допустимую взаимосвязь, при которой сохраняется самостоятельность каждой ветви и одновременно обеспечивается баланс между ними. Следовательно, с теоретико-правовой точки зрения замена формулировки в пункте 4 статьи 4 Конституции Республики Казахстан не изменила сущности принципа разделения властей, а лишь изменила способ его нормативного выражения.

Заключение

Проведённый сравнительно-правовой анализ позволяет сделать вывод о том, что новая редакция Конституции Республики Казахстан от 15 марта 2026 года не изменила сущностного содержания принципа разделения властей. Исключение из текста Конституции прямого упоминания о системе сдержек и противовесов не свидетельствует об отказе от данного конституционного механизма, поскольку его содержание продолжает реализовываться через установленный порядок взаимодействия законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти.

Конституционно-правовое значение категории «взаимодействие» заключается в том, что она охватывает не только согласованное функционирование государственных органов, но и механизмы взаимного контроля, ограничения и институционального баланса. В этом аспекте система сдержек и противовесов сохраняет своё действие, несмотря на изменение терминологического оформления соответствующей нормы. Следовательно, новая редакция Конституции Республики Казахстан подтверждает преемственность национальной конституционной модели и сохраняет правовые гарантии институционального баланса государственной власти.

Список литературы:

1. Конституция Республики Казахстан: принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года (с изм. и доп.) // Информационноправовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». <Adilet — Конституция Республики Казахстан>;

2. Montesquieu and the Separation of Powers // Online Library of Liberty. <Online Library of Liberty — Montesquieu and the Separation of Powers>;

3. Declaration of the Rights of Man — 1789 // Avalon Project, Yale Law School. <Yale Law School — Declaration of the Rights of Man (1789)>;

4. The Constitution // The Norwegian Parliament (Storting). <Storting — The Constitution (Norway)> ;
5. Basic Law for the Federal Republic of Germany // Federal Ministry of Justice of Germany. <Federal Ministry of Justice — Basic Law for Germany>;
6. Constitution of the Republic of Korea // Korean Law Information Center. <Korean Law Information Center — Constitution of the Republic of Korea>;
7. Separation of Powers Under the Constitution // Constitution Annotated, Library of Congress. <Library of Congress — Separation of Powers Under the Constitution>;
8. Constitution of 4 October 1958 // Conseil constitutionnel (France). <Conseil constitutionnel — Constitution of 4 October 1958 >;
9. Kosař D. The Twin Challenges to Separation of Powers in Central Europe: Technocratic Governance and Populism // European Constitutional Law Review. 2019. <Cambridge — Kosař on checks and balances>;
10. Leloup M. Constraints on the domestic separation of powers by supranational courts // International Journal of Constitutional Law. 2025. <Oxford Academic — Constraints on domestic separation of powers>;
11. Takata H. Separation of powers in a globalized democratic society // Global Constitutionalism. 2024. <Cambridge — Separation of powers in a globalized democratic society>;
12. Сапаргалиев Г. С. Конституционное право Республики Казахстан. — Алматы: Жеті Жарғы, 2004. — 528 с.

Дайын Муслима Нұрболқызы
1-курс Бакалавра Юриспруденции
Высшая школа права Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республика Казахстан
E-mail: m_daiyn@mnu.kz

ЭКОЛОГИЯ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА: УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ

Аннотация

В статье исследуется проблема реализации конституционных прав на благоприятную окружающую среду и на экологическую информацию в Республике Казахстан. Рассматривается конституционно-правовая природа экологических прав и их взаимосвязь с иными фундаментальными правами человека. Применяется специальный доклад ООН, посвященный экологическим проблемам Казахстана и возможным путям их решений. Поднимаются проблемы осуществления прав на информацию. Особое внимание уделяется новой концепции “Digital Green Law”, предполагающей интеграцию цифровых технологий в систему экологического регулирования в законодательстве. Приведен кейс Малого Талдыколя для иллюстрации экологической проблемы в РК. Проведен сравнительно-правовой анализ касательно зарубежного опыта (ЕС, Сингапур, Кения). Обосновывается необходимость перехода от карательной модели регулирования к превентивной. В работе также рассматриваются риски цифровизации и роль экологического просвещения.

Ключевые слова: экологическое права, право на благоприятную окружающую среду, экологическая информация, Digital Green Law, блокчейн, ИИ, экологическое просвещение, превентивное регулирование, четвертая промышленная революция, Малый Талдыколь (экологический кейс).

Введение

После промышленных революций человечество стало сталкиваться с масштабными проблемами связанными с экологией, в результате чего природа перестала рассматриваться как неисчерпаемый ресурс и стала объектом правовой защиты. В связи с этим в XX веке сформировалось понимание необходимости закрепления экологических прав человека. Впервые в 1972 году право на благоприятную окружающую среду было закреплено в Стокгольмской Декларации ООН, а затем получило конституционное оформление, в частности в Испании в 1978 году.

В настоящее время промышленные регионы Казахстана сталкиваются с высоким загрязнением окружающей среды, в частности атмосферного воздуха, что оказывает негативное влияние на здоровье и качество жизни населения. Несмотря на наличие правовой базы, препятствия реализации права на благоприятную окружающую среду сохраняются.

В эпоху цифровой трансформации, характеризующейся развитием цифровых технологий (искусственный интеллект, интернет вещей и большие данные), возникает необходимость переосмысления современных механизмов реализации экологических прав. Однако, многие страны включая Республику Казахстан пока не в полной мере используют потенциал данных технологии для эффективного обеспечения права на благоприятную окружающую среду. Целью данной статьи является разработка и

обоснование условий повышения эффективности реализации экологических прав в Республике с учетом цифровизации правового регулирования.

1. Конституционно-правовая природа экологических прав

Процесс конституционализации экологических прав, начавшийся во второй половине XX века ознаменовал переход к экоцентрическому устойчивому развитию. Ж. Елюбаев отмечает, что право на благоприятную окружающую среду стало логическим продолжением фундаментального права на жизнь[182].

Для закрепления данного права, Республика Казахстан также в Конституции от 1995 года[183] установила его косвенно через цель государства на охрану окружающей среды, благоприятной для жизни и здоровья человека в 31 статье. Данная формулировка закрепляет связь право на данную среду с фундаментальными правами на жизнь и здоровья человека. Однако косвенный характер закрепления права на благоприятную окружающею среду снижает эффективность его реализации, поскольку не формирует прямого механизма защиты.

Опираясь на труды Дэвида Бойда, экологические права рассматриваются не просто как декларация, а как активный инструмент судебной защиты и государственного регулирования.[184] В рамках четвертой промышленной революции содержание данного права расширяется и включает право на доступ к достоверной и своевременной экологической информации. Таким образом, возникает необходимость реального обеспечения данных прав через институциональные и технологические механизмы.

2. Право на экологическую информацию

Одним из ключевых элементов реализации права на благоприятную окружающую среду является право на получение экологической информации. Казахстан, ратифицировав Орхусскую конвенцию, взял на себя обязанность обеспечить прозрачность экологических данных и участие граждан в экологических конвенции.[185] Для реализации прав на информацию об окружающей среде на территории Казахстана, проводится мониторинг за загрязнениями “Казгидромета” и выставляются данные на общедоступном сайте. Тем не менее, Специальный докладчик ООН Башкут Тунджак отмечает, что соблюдение права на информацию также должно включать в себя информирование о влиянии загрязнения на права населения, включая право на здоровье, питание, жилище и воду.[186] Поскольку, простому гражданину доступнее будет оценить реальную угрозу для своего здоровья в конкретной ситуации, чем анализировать данные с мониторинга публикуемые в виде сложных статистических отчетов. Соответственно, это указывает на необходимость превращения экологической информации из статических данных в инструмент правовой защиты.

3. Проблема фискально-карательного подхода

Несмотря на проведенные реформы в экологическом праве, включая принятие нового Экологического кодекса в 2021 году, выявленные проблемы фискального

---

[182] Елюбаев Ж. С., ‘Конституционное право граждан на благоприятную окружающую среду’ (2014)

[183] Конституция Республики Казахстан (принята 30 августа 1995 г., с изм.)

[184] Boyd D R, The Environmental Rights Revolution: Constitutions, Human Rights, and the Environment (PhD thesis, University of British Columbia 2010)

[185] Convention on Access to Information, Public Participation in Decision-Making and Access to Justice in Environmental Matters (adopted 25 June 1998

[186] Совет по правам человека ООН, Доклад Специального докладчика по вопросу о последствиях для прав человека экологически обоснованного регулирования и удаления опасных веществ и отходов: миссия в Казахстан (A/HRC/30/40/Add.1, 15 September 2015)

подхода законодательства сохраняют свою актуальность по сей день. Так, еще в 2014 году Ж. С. Елюбаев, отмечал, что законодательство РК было ориентировано на применение санкций к природопользователям, что обеспечивает пополнение государственного бюджета, но никак не обеспечивает в достаточной мере восстановление и сохранение окружающей среды.[187] При этом одной из ключевых целей экологического права должно являться не только наказания за правонарушения, но и предотвращение экологического ущерба. Это указывает на необходимость пересмотра подходов к регулированию с акцентом на профилактику и мониторинг.

4. Концепция “Digital Green Law”

В условиях цифровизации данная проблема может быть решена путем внедрения инновационных подходов в регулирования. Одной из современных концепций является *“Digital Green Law”*, исследуемая *Vasile, Mihăilă* и *Popa*.[188] Они предлагают трансформацию законодательства с учетом нововведении в эру четвертой промышленной революций. Данный подход предполагает создания условий для внедрения технологии мониторинга и раннего предупреждения рисков, такие как: датчики интернета вещей *(IoT)*, блокчейн, большие данные *(Big data)*, а также системы искусственного интеллекта.

Ключевым элементом выступает технология блокчейн для решения одной из упомянутых проблем РК в докладе Башкута Тунджака о недоверии к официальной экологической статистике.[189] Так как, система блокчейн основана на принципе децентрализованности, что исключает возможность административного вмешательства в показатели. В свою очередь, системы искусственного интеллекта, анализируя массивы больших данных *(Big Data)* находящиеся в блокчейн, позволяют реализовать прогностическую функцию права в небольшой период времени. Таким образом, данные новые технологии помогают децентрализовать механизмы регулирования, вызывая доверие населения к экологической информации.

Блокчейн мог бы выступить как обеспечительный механизм неизменности данных, а именно о токсичных отходах.

Внедрение данных технологий на правовом уровне, могло бы стать ключем в решении ситуации с Малым Талдыколем в Астане. В недавних публикациях А. Ескендировой упоминается выступление эколога Р. Уразалиева о том, что некоторые из частей Малого Талдыколя не были закреплены как водные ресурсы на генпланах Астаны, что сделало технически возможным выстраивание объектов на их территории.[190] Также, вызвало споры о фактическом наличии водных ресурсов в данных местах. При внедрении концепции “Digital Green Law” было бы возможным использование данных с независимых спутникового мониторинга на базе ИИ и блокчейн-реестр экологических данных для приведения фактических показателей состояния водоема в реальном времени как юридическое доказательство. Эти нововведения могли бы стать инструментом для предотвращения повреждений экосистем на этапе планирования, а не делать акцент на применении санкций как постфактум.

---

[187] Елюбаев Ж. С., ‘Конституционное право граждан на благоприятную окружающую среду’ (2014)

[188] Vasile I, Mihaila S and Popa R, ‘Digital Green Laws: The Role of Legal Norms in Advancing Climate Technology for Sustainable Development’ (2025) Rechtsnormen Journal of Law

[189] Совет по правам человека ООН, Доклад Специального докладчика по вопросу о последствиях для прав человека экологически обоснованного регулирования и удаления опасных веществ и отходов: миссия в Казахстан (A/HRC/30/40/Add.1, 15 September 2015)

[190] Ескендирова А., ‘Практически застроили: не все озёра Малого Талдыколя вошли в проект нового генплана Астаны’ (Informburo.kz, 4 февраля 2026)

Таким образом, концепция “Digital Green Law” представляет собой не просто технологическое нововведение, а новую модель правового регулирования, ориентированную на превентивность, прозрачность и децентрализацию экологического контроля. Но следует отметить, что внедрение цифровых технологий в экологическое право предполагает не только техническую модернизацию, но и институциональные изменения в системе.

Дополнительно следует отметить, что эффективная реализация концепции “Digital Green Law” невозможна без комплексного реформирования правового регулирования экологической сферы. В частности, требуется адаптация действующего законодательства к условиям цифровизации, включая разработку норм, регулирующих сбор, хранение и использование экологических данных.

Сравнительно-правовой анализ

Сопоставление указанных подходов позволяет выделить три модели интеграции цифровых технологий в экологическое право: нормативно-интегрированную, технологически-опережающую и фрагментарно-прикладную.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что различные правовые системы по-разному интегрируют цифровые технологии в экологическое регулирование, однако их объединяет стремление к повышению прозрачности и эффективности контроля.

Согласно исследованию, Европейский союз является успешным примером в интеграции правовых норм для поощрения использования ИИ, Big Data и блокчейна для мониторинга окружающей среды и сокращение выбросов, в рамках Европейского зеленого курса и Цифровой стратегии для устойчивости Европы.[191]

Опыт Сингапура в свою очередь показывает эффективность внедрения технологии и создание умных городов. Однако, авторы исследования “Digital Green Law” отмечают, что Сингапур является ярким примером того, когда технологии опережают право. Для Казахстана этот опыт ценен, так как он указывает на необходимость закрепления за инновациями статуса легитимных доказательств в суде.

В развивающихся странах как, Кения, используют блокчейн для верификации углеродных кредитов, что помогает бороться с коррупцией в сфере экологических квот.[192] Точечный способ применения можно сопоставить с рекомендацией Башкута Тунджака для Казахстана о необходимости внедрения Протокола о регистрах выбросов и переноса загрязнителей.[193]

5. Риски внедрения “Digital Green Law”

Несмотря на потенциал технологий Четвертой промышленной революции в обеспечении экологических прав, присутствуют ряд критических вызовов:

Одна из них – проблема алгоритмической подотчетности. В условиях, когда решения принимаются на основе анализа ИИ, согласно Казахстанскому законодательству ответственность закрепляется за субъектами, а ИИ должен лишь выступать как инструмент права. Причиной этому становится вероятность ошибочных решений ИИ.

---

[191] European Commission, ‘The European Green Deal’ (2019)

[192] Vasile I, Mihaila S and Popa R, ‘Digital Green Laws: The Role of Legal Norms in Advancing Climate Technology for Sustainable Development’ (2025) Rechtsnormen Journal of Law

[193]Совет по правам человека ООН, Доклад Специального докладчика по вопросу о последствиях для прав человека экологически обоснованного регулирования и удаления опасных веществ и отходов: миссия в Казахстан (A/HRC/30/40/Add.1, 15 September 2015)

Также , существует риск цифрового неравенства. Высокие стандарты “Digital Green Law” требуют дорогостоящих технологий, что может создать барьеры для малого и среднего бизнеса.

Следовательно, внедрение цифровых технологий в экологическое право требует не только технологического развития, но и комплексного правового регулирования, учитывая все возможные риски и опыт других стран, таких как Сингапур.

6. Экопросвещение

Отсутствие экологического просвещения приводит к тому, что конституционно закрепленные нормы приобретают формальный характер. Как Л. С. Нижник отмечает, цитируя в своей работе Ю. А. Коспорову, что экологическое просвещение является фундаментальным условием для реализации конституционного права на благоприятную окружающую среду.[194]

Низкий уровень экологической культуры населения ограничивает участие граждан при принятии значимых решений, снижая эффективность общественного контроля и затрудняя использование правовых инструментов для защиты экологических прав. В результате граждане не в полной мере могут осуществлять предоставленные им права, тем самым ослабляя систему экологического регулирования в целом.

Для формирования экологической культуры граждан в Республике Казахстан был инициирован проект “Таза Қазақстан”. Данная программа предлагает проведения экологических акций, благоустройство территорий и популяризацию экологически ответственного поведения, что повышает уровень ответственности за состояние окружающей среды и развивает общественное участие. Таким образом, подобные инициативы способствуя улучшению состояния окружающей среды, также выступает в виде механизма реализации экологических прав через активное участие общества.

Заключение

Проведенное исследование показало, что право на благоприятную окружающую среду, несмотря на его конституционное закрепление, в Республике Казахстан реализуется недостаточно эффективно. Основными причинами является косвенный характер закрепления данного права, фискально-карательная направленность экологического законодательства, а также ограниченная доступность и понятность экологической информации для населения.

В условиях цифровой трансформации ключевым направлением развития выступает внедрение концепции “Digital Green Law”, предполагающей интеграцию технологий искусственного интеллекта, блокчейна и интернета вещей в систему экологического регулирования. Данные технологии позволяют обеспечить прозрачность экологических данных, повысить доверие общества и реализовать прогностическую функцию права.

В целях повышения эффективности реализации права на благоприятную окружающую среду представляется необходимым: закрепить статус цифровых экологических данных как юридически значимых доказательств, внедрение системы непрерывного экологического мониторинга на основе цифровых технологий, обеспечить доступную и разъяснённую экологическую информацию, развить экологическое просвещение и сменить акцент экологического регулирования с санкционного воздействия на превентивное.

[194] Нижник Л С, ‘Важные условия реализации права на благоприятную окружающую среду’ (2026) Научная жизнь: конференции, рецензии, отзывы 123

Таким образом, эффективная реализация экологических прав требует комплексного подхода, включающего правовые реформы, цифровые технологии и повышение экологической культуры общества.

Список литературы:

1. Конституция Республики Казахстан (принята 30 августа 1995 г., с изм.) < https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000 > дата обращения: 24 марта 2026
2. Елюбаев Ж. С., ‘Конституционное право граждан на благоприятную окружающую среду’ (2014) <https://prg.kz/document/?doc_id=39768520> дата обращения: 24 марта 2026
3. Ескендирова А., ‘Практически застроили: не все озёра Малого Талдыколя вошли в проект нового генплана Астаны’ (Informburo.kz, 4 февраля 2026) <https://informburo.kz/novosti/prakticeski-zastroili-ne-vse-ozera-malogo-taldykolia-vosli-v-proekt-novogo-genplana-astany> дата обращения: 24 марта 2026
4. Боголюбов С А, Экологическое право (Норма 2001)
5. Boyd D R, The Environmental Rights Revolution: Constitutions, Human Rights, and the Environment (PhD thesis, University of British Columbia 2010)
6. Vasile I, Mihaila S and Popa R, ‘Digital Green Laws: The Role of Legal Norms in Advancing Climate Technology for Sustainable Development’ (2025) Rechtsnormen Journal of Law <https://journal.ypidathu.or.id/index.php/rjl/article/view/2218> дата обращения: 24 марта 2026
7. Совет по правам человека ООН, Доклад Специального докладчика по вопросу о последствиях для прав человека экологически обоснованного регулирования и удаления опасных веществ и отходов: миссия в Казахстан (A/HRC/30/40/Add.1, 15 September 2015) <https://spinternet.ohchr.org/Download.aspx?SymbolNo=A%2fHRC%2f30%2f40%2fAdd.1&Lang=en> дата обращения: 24 марта 2026
8. Convention on Access to Information, Public Participation in Decision-Making and Access to Justice in Environmental Matters (adopted 25 June 1998) <https://unece.org/DAM/env/pp/documents/cep43e.pdf> дата обращения: 24 марта 2026
9. Declaration of the United Nations Conference on the Human Environment (Stockholm, adopted 16 June 1972) <https://www.un.org/en/conferences/environment/stockholm1972> accessed 24 March 2026>
10. European Commission,‘The European Green Deal’ (2019) <https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en> accessed 24 March 2026

Елікбай Әбдімансур Мақсатұлы
Maqsut Narikbayev University
Құқық жоғары мектебі
Астана қ., Қазақстан Республикасы
E-mail: elikbajmansur@gmail.com

ЦИФРЛАНДЫРУ ДӘУІРІНДЕГІ КОНСТИТУЦИЯЛЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ ИНСТИТУТТАРДЫҢ ДАМУЫ

Аңдатпа

Мақала Төртінші өнеркәсіптік революция жағдайында конституциялық-құқықтық институттардың трансформациясын зерттеуге арналған. Цифрландырудың, жасанды интеллектің, үлкен деректердің және электрондық үкіметтің адамның конституциялық құқықтарына, жария билік жүйесіне және мемлекеттің құқықтық тұрақтылығына ықпалы қарастырылады. Цифрлық құқықтардың қалыптасуына, дербес деректерді қорғауға және технологиялық даму мен конституциялық кепілдіктер арасындағы теңгерімді қамтамасыз ету мәселелеріне ерекше назар аударылады. Қазақстан Республикасында азаматтардың құқықтарын цифрлық кеңістікте бекітуге бағытталған конституциялық реформалар мен заңнамалық бастамалар талданады. Зерттеу нәтижесінде цифрлық конституционализм тұжырымдамасын дамыту және адам құқықтарын қорғаудың конституциялық-құқықтық тетіктерін жетілдіру қажеттігі негізделеді. Цифрлық трансформация жағдайында конституциялық құқықтың институттарын конституционализм қағидаттары негізінде жетілдіруге ұсыныс тұжырымдалады.

Кілт сөздер: цифрлық конституционализм, Төртінші өнеркәсіптік революция, цифрлық құқықтар, дербес деректер, электрондық үкімет, конституциялық кепілдіктер, цифрлық технологиялар, конституциялық-құқықтық институттар, цифрландыру, конституциялық құрылыс.

Кіріспе

Төртінші өнеркәсіптік революция цифрлық технологиялардың, жасанды интеллекттің, үлкен деректерді өңдеу жүйелерінің және автоматтандырудың әлеуметтік-экономикалық үдерістерге терең кіріктірілуімен сипатталады. Аталған өзгерістер мемлекеттік басқару тетіктерінің, қоғамдық қатынастар нысандарының және құқықтық реттеу жүйесінің трансформациялануын айқындайды. Конституция, мемлекеттің негізгі заңы ретінде, құқықтық тәртіптің тұрақтылығын қамтамасыз етіп қана қоймай, сонымен бірге жаңа технологиялық сын-қатерлерге бейімделуге тиіс[195]. Цифрландыру жағдайында жеке тұлғаның құқықтарын конституциялық кепілдіктермен қорғаудың, жеке өмірге қол сұқпаушылықты сақтаудың және ақпараттық қауіпсіздікті қамтамасыз етудің маңызы едәуір артады. Қазақстан Республикасындағы қазіргі реформалар азаматтардың құқықтарын цифрлық ортада конституциялық тұрғыдан бекітуге және дербес деректерді қорғауды күшейтуге ұмтылысты көрсетеді[196]. Бұл цифрлық конституционализмнің қалыптасуындағы жалпы әлемдік үрдісті бейнелейді.

Төртінші өнеркәсіптік революция қоғамдық дамудың сапалық жаңа кезеңін білдіреді және экономиканы әрі мемлекеттік басқаруды цифрландырумен, жасанды интеллектті кеңінен қолданумен, платформалық шешімдердің таралуымен және

[195] Қазақстан Республикасының Конституциясы, 1995 жылғы 30 тамызда республикалық референдумда қабылданған (өзгерістер мен толықтыруларымен).
[196] Қазақстандағы цифрлық құқықтар саласындағы конституциялық реформалар // Талдау шолуы. - Астана, 2023.

шешім қабылдау үдерістерін автоматтандырумен сипатталады. Бұл үдерістер егемендік, жария билік, адам құқықтары және құқықтық мемлекет қағидаттары сияқты дәстүрлі конституциялық-құқықтық санаттардың трансформациялануына алып келеді. Қазіргі құқықтық доктринада аталған құбылыс цифрлық шындық жағдайында конституциялық қағидаттарды бейімдеуді көздейтін цифрлық конституционализм ұғымымен айқындалады.[197]

Негізгі бөлім

Цифрландыру дербес деректерді өңдеу және цифрлық мониторинг жүргізу арқылы жеке өмірге араласу тәуекелдерін күшейтеді. Қазақстан Республикасында дербес деректерді қорғау саласындағы заңнама конституциялық кепілдіктерге және арнайы нормативтік құқықтық актілерге негізделеді[198]. Қазіргі конституциялық бастамалар дербес деректерді, оның ішінде оларды цифрлық технологияларды қолдану арқылы өңдеуді тікелей қорғауды көздейді[199]. Цифрлық құқықтарды конституциялық деңгейде бекіту цифрлық дәуір жағдайында жеке тұлғаны қорғауды қамтамасыз етудің қажетті шарты ретінде қарастырылады[200].

Дербес деректерді қорғау саласындағы сот практикасы цифрлық құқықтарды түсіндіру мен дамытудың маңызды қайнар көзі болып табылады. Осы тұрғыда Еуропалық Одақ Соты қараған Nowak v Data Protection Commissioner ісі ерекше маңызға ие. Бұл іс бойынша сот емтихан жұмыстары мен емтихан алушының ескертпелері тұлғаны жанама түрде сәйкестендіруге мүмкіндік беретіндіктен, дербес деректер ретінде танылатынын белгіледі. Сот дербес деректер ұғымын кеңінен ашып, жеке сәйкестендіруші ақпаратты ғана емес, тұлғаға қатысты кез келген ақпаратты қамтитынын көрсетті[201].

Еуропалық Одақ Сотының шешімі цифрлық дәуір жағдайында дербес деректерді қорғау институтын айтарлықтай жетілдіреді және ақпараттың әртүрлі нысандарының құқықтық мәртебесін қайта қарауға негіз болады. Прецедент цифрлық технологияларды қолдану барысында адамның жеке өміріне қол сұқпаушылық қағидасын қамтамасыз етудің конституциялық-құқықтық маңызын күшейтеді.

Азаматтарды цифрлық сәйкестендіру мемлекеттік қызметтерді көрсету тиімділігін арттыруға ықпал етеді, бірақ деректердің таралуы мен киберқылмыс тәуекелдерін туындатады. Цифрлық ортадағы ақпаратты қорғау құқығы дербес деректерді бақылауды, коммуникациялардың қорғалуын және цифрлық сервистердің қауіпсіздігін қамтамасыз етуді қамтиды[202]. Сонымен бірге цифрлық орта сөз бостандығын жүзеге асыру мүмкіндіктерін кеңейтеді, бірақ басқа тұлғалардың құқықтарын қорғаумен теңгерімді сақтауды талап етеді[203].

Мемлекетті цифрлық трансформациялаудың маңызды элементтерінің бірі - электрондық үкіметті дамыту болып табылады. Қазақстан Республикасы электрондық қызметтер мен цифрлық басқару платформаларын белсенді түрде енгізуде[204]. Зерттеулер электрондық үкіметтің дамуы мемлекеттік қызметтердің қолжетімділігін

---

[197] Celeste E. Digital Constitutionalism: The Role of Internet Bills of Rights. London: Routledge, 2021

[198] «Дербес деректер және оларды қорғау туралы»: Қазақстан Республикасының 2013 жылғы 21 мамырдағы № 94-V Заңы (өзгерістер мен толықтыруларымен).

[199] Celeste E. Digital Constitutionalism: The Role of Internet Bills of Rights. London: Routledge, 202

[200] «Дербес деректер және оларды қорғау туралы»: Қазақстан Республикасының 2013 жылғы 21 мамырдағы № 94-V Заңы (өзгерістер мен толықтыруларымен).

[201] Court of Justice of the European Union. Case C-434/16, Peter Nowak v Data Protection Commissioner. Judgment of 20 December 2017. – Luxembourg: CJEU.

[202] European Union. Regulation (EU) 2016/679 (General Data Protection Regulation). Official Journal of the European Union. 2016.

[203] Balkin J. Digital Speech and Democratic Culture. New York: Yale University Press, 2017.

[204] «Ақпараттандыру туралы»: Қазақстан Республикасының 2015 жылғы 24 қарашадағы № 418-V Заңы (өзгерістер мен толықтыруларымен).

арттыруға, басқарудың ашықтығын қамтамасыз етуге және әкімшілік рәсімдердің тиімділігін күшейтуге ықпал ететінін көрсетеді[205]. Қоғамдық басқаруды цифрландыру сыбайлас жемқорлық тәуекелдерін төмендетуге және мемлекет пен азаматтар арасындағы өзара байланысты жақсартуға мүмкіндік береді. Бірақ, оған қоса, әкімшілік шешімдерді автоматтандыру алгоритмдердің ашықтығын қамтамасыз етуді және құқықтық жауапкершілік тетіктерін айқындауды талап етеді[206].

Цифрлық технологиялар мен деректерді өңдеу жүйелерінің жедел дамуы қоғамдық қатынастардың сапалық өзгеруіне алып келіп, конституциялық құрылыстың іргелі негіздеріне әсер етуде. Төртінші өнеркәсіптік революция жағдайында конституциялық тұрақтылықты қамтамасыз ету ерекше маңызға ие. Конституциялық тұрақтылық құқықтық жүйенің технологиялық өзгерістер жағдайында құқықтық мемлекет қағидаттарының тұрақтылығын, құқық үстемдігін және адам құқықтарының кепілдігін сақтай алу қабілеті ретінде түсіндіріледі. Ғылыми әдебиеттерде тиісті құқықтық сүйемелдеусіз жүргізілетін технологиялық жаңғырту конституциялық кепілдіктердің әлсіреуіне және құқықтық қорғау тетіктері тиімділігінің төмендеуіне алып келуі мүмкін екендігі атап көрсетіледі[207].

Цифрландырудың айқын артықшылықтарына қарамастан, құқық үстемдігінің негізгі элементтерінің бірі болып табылатын құқықтық айқындылық қағидатына елеулі қауіптер сақталуда. Аталған қағидат құқықтық реттеудің анықтығын, болжамдылығын және тұрақтылығын білдіреді. Цифрлық трансформация жағдайында технологиялық даму қарқыны мен құқықтық реттеу жылдамдығы арасындағы алшақтық нормативтік айқынсыздықты туындатады. Автономды алгоритмдік жүйелерді, жасанды интеллектті және цифрлық платформаларды реттеудің жеткіліксіздігіне байланысты құқықтық олқылықтар қалыптасуда. Дәстүрлі құқықтық конструкциялар жаңа қоғамдық қатынастарды тиімді реттеу үшін жеткіліксіз болып отыр[208].

Автономды цифрлық жүйелерді қолдану кезінде заңды жауапкершілікті бөлу мәселесі туындайды. Алгоритмдік автономия құқықсубъектілік пен жауапкершіліктің дәстүрлі модельдерін әлсіретіп, әзірлеушілер, операторлар және мемлекеттік органдар арасындағы міндеттерді бөлуде белгісіздік туындатады. Жауапкершілікті айқындаудың нақты өлшемдерінің болмауы құқық қолдану тиімділігін төмендетіп, жауапкершіліктің бұлтартпау қағидатына нұқсан келтіруі мүмкін. Алгоритмдердің қолжетімсіздігі, себеп-салдарлық байланыстарды анықтаудың күрделігі және цифрлық платформалардың трансшекаралық сипаты сот арқылы қорғану құқығын іске асыруды қосымша қиындатады[209].

Цифрлық технологиялар қауіпсіздікті қамтамасыз ету және басқару салаларында мемлекеттің мүмкіндіктерін едәуір кеңейтеді, оларды қолдану цифрлық авторитаризм моделінің қалыптасу қаупімен қатар жүреді. Технологиялық құралдар жаппай бейнебақылау жүргізуге, биометриялық сәйкестендіруді жүзеге асыруға, коммуникацияларды мониторингтеуге және халықты алгоритмдік бейіндеуге мүмкіндік береді[210]. Конституциялық-құқықтық шектеулер болмаған жағдайда мұндай тәжірибелер демократиялық құқықтық мемлекетті тоталдық цифрлық бақылау жүйесіне трансформациялауы мүмкін.

Азаматтардың мінез-құлқын болжау және тиісті ықпал ету шараларын қолдану мақсатында предикативтік аналитиканы пайдалану ерекше қауіп төндіреді. Мұндай технологияларды тиісті сот бақылауынсыз қолдану кінәсіздік презумпциясы мен

---

[205] Amanbek Y., Balgayev I., Batyrkhanov K., Tan M. Adoption of e-Government in Kazakhstan. International Journal of Public Administration. 2018.
[206] Lessig L. Code and Other Laws of Cyberspace. New York: Basic Books, 1999.
[207] Celeste E. Digital Constitutionalism: The Role of Internet Bills of Rights. London: Routledge, 2021.
[208] Lessig L. Code and Other Laws of Cyberspace. New York: Basic Books, 1999.
[209] Celeste E. Digital Constitutionalism: The Role of Internet Bills of Rights. London: Routledge, 2021.
[210] Balkin J. Digital Speech and Democratic Culture. New York: Yale University Press, 2017.

конституциялық құқықтың қағидаттарына қайшы келуі мүмкін[211]. Осыған байланысты мемлекеттің араласуына, цифрлық бақылауға соттық қадағалау және жаппай мониторингті нормативтік тұрғыдан шектеу ерекше маңызды.

Заң алдындағы теңдік және кемсітушілікке тыйым салу қағидаты конституциялық құндылықтардың іргелі негізін құрайды[212]. Цифрландыру жағдайында басқарушылық және әкімшілік шешімдер қабылдауда жасанды интеллект жүйелерін қолдану нәтижесінде туындайтын кемсітушілік құбылысы ерекше өзекті. Алгоритмдік жүйелер несие беру, жұмыспен қамту, құқық қорғау қызметі және әлеуметтік қызметтерді бөлу салаларында кеңінен қолданылады. Формалды бейтараптығына қарамастан, алгоритмдер тарихи деректердегі жасырын түрде қайта өндіруі мүмкін, бұл әлеуметтік теңсіздіктердің сақталуына ықпал етеді[213].

Алгоритмдік кемсітушілік қаржылық қызметтерге қол жеткізуді шектеу, жұмыспен қамтылу мүмкіндіктерін азайту және әлеуметтік игіліктерге тең дәрежеде қол жеткізбеу түрінде көрініс табуы мүмкін. Қосымша күрделіктер «қара жәшік» әсерімен байланысты, яғни алгоритмдік шешімдердің қабылдану логикасы тексеру және түсіндіруге қолжетімсіз болып қалады. Бұл сот арқылы қорғану құқығын тиімді жүзеге асыруға және кемсітушілік сипаттағы шешімдерді даулау мүмкіндігіне кедергі келтіреді. Конституциялық теңдік қағидатын қамтамасыз ету мақсатында алгоритмдердің ашықтығына қойылатын талаптарды енгізу, жасанды интеллект жүйелеріне тәуелсіз аудит жүргізу және азаматтардың автоматтандырылған шешімдер бойынша түсіндірме алу құқығын заңнамалық тұрғыдан бекіту қажет[214].

Қоғамды цифрлық трансформациялау конституциялық тұрақтылыққа кешенді сын-қатерлер туындатып, құқықтық мемлекеттің іргелі қағидаттарына әсер етуде. Құқықтық айқындылыққа төнетін қауіптер, цифрлық авторитаризм тәуекелдері және алгоритмдік кемсітушілік конституциялық-құқықтық реттеу тетіктерін жаңғырту қажеттігін көрсетеді. Қазіргі қоғамның цифрлық трансформациясы құқық үстемдігі, адам құқықтары мен бостандықтарының кепілдігі, билік тармақтарының бөліну қағидаты және жария биліктің демократиялық легитимдігі сияқты құқықтық мемлекеттің іргелі негіздерін қамтитын конституциялық тұрақтылыққа көпқырлы сын-қатерлер туындатады[215].

Цифрландыру үдерістері, жасанды интеллектті енгізу, алгоритмдік басқару және үлкен деректерді кеңінен пайдалану қоғамдық қатынастардың сипатын ғана өзгертіп қоймай, жария билікті жүзеге асыру тәсілдерін де трансформациялайды. Өз кезегінде, бұл дәстүрлі конституциялық-құқықтық реттеу тетіктерін қайта пайымдауды талап етеді. Цифрлық дәуір жағдайында конституциялық тұрақтылық құқықтық жүйенің технологиялық өзгерістерге бейімделе отырып, негізгі құндылықтар мен қағидаттардың тұрақтылығын сақтай алу қабілетін білдіреді. Технологиялардың жедел дамуы инновациялар мен құқықтық реттеу арасындағы құрылымдық теңгерімсіздіктерді туындатып, конституциялық тәртіпке жаңа қауіптер қалыптастыруда.

Ең маңызды сын-қатерлердің қатарына нормативтік олқылықтар мен цифрлық технологиялардың құқықтық мәртебесінің айқын еместігінен туындайтын құқықтық айқындылыққа төнетін қауіптер; мемлекеттік бақылау мен қадағалау мүмкіндіктерінің кеңеюіне байланысты цифрлық авторитаризмнің қалыптасу тәуекелдері; сондай-ақ

---

[211] Celeste E. Digital Constitutionalism: The Role of Internet Bills of Rights. London: Routledge, 2021.

[212] Қазақстан Республикасының Конституциясы, 1995 жылғы 30 тамызда республикалық референдумда қабылданған (өзгерістер мен толықтыруларымен).

[213] Lessig L. Code and Other Laws of Cyberspace. New York: Basic Books, 1999.

[214] European Union. Regulation (EU) 2016/679 (General Data Protection Regulation). Official Journal of the European Union. 2016.

[215] Balkin J. Digital Speech and Democratic Culture. New York: Yale University Press, 2017.

конституциялық теңдік және кемсітпеу қағидаттарына нұқсан келтіруі мүмкін алгоритмдік кемсітушілік жатады.

Бұл құбылыстар технологиялық даму мен адамның негізгі құқықтарын қорғау арасындағы теңгерімді қамтамасыз етуге бағытталған конституциялық-құқықтық реттеу тетіктерін жаңғырту қажеттігін көрсетеді. Мұндай жаңғырту цифрлық құқықтарды дамытуды, алгоритмдік шешімдердің ашықтығын қамтамасыз ететін құқықтық стандарттарды енгізуді, цифрлық қадағалауға сот бақылауын күшейтуді, сондай-ақ жария биліктің технологиялық құралдарын теріс пайдалануға қарсы құқықтық кепілдіктер қалыптастыруды қамтуы тиіс. Осыған байланысты цифрлық дәуір жағдайында конституциялық тұрақтылықты қамтамасыз ету тек заңнаманы жетілдірумен шектелмей, инновациялық дамуды базалық конституциялық құндылықтарды сақтаумен үйлестіруге қабілетті цифрлық конституционализмнің жаңа доктринасын қалыптастыруды талап етеді.

Қазақстан Республикасындағы қазіргі конституциялық бастамалары азаматтардың цифрлық ортадағы құқықтарын бекітуге, дербес деректерді қорғауға және цифрлық құқықтарды дамытуға бағытталған. Бұл Конституцияның технологиялық шындыққа бейімделуін көрсетеді. Цифрлық құқықтарды конституциялық деңгейде бекіту, жасанды интеллектті құқықтық реттеуді жетілдіру және алгоритмдік шешімдердің ашықтығын қамтамасыз ету - құқықтық жүйені одан әрі дамытудың перспективалы бағыттары болып табылады[216].

Осылайша, Төртінші өнеркәсіптік революция тек технологиялық емес, сонымен қатар институционалдық феномен бола отырып, конституциялық құқық алдында түбегейлі жаңа сын-қатерлер қалыптастырады. Ол негізгі құқықтар мен бостандықтарды жүзеге асырудың мазмұны мен шектеріне, жария билік жүйесінің құрылымына, сондай-ақ заңдық жауапкершілік пен конституциялық бақылаудың дәстүрлі тетіктеріне әсер етеді. Жасанды интеллектті, платформалық шешімдерді және алгоритмдік басқаруды жаппай енгізу құқықты қалыптастыру, қолдану және түсіндіру тәсілдерін объективті түрде өзгертуде. Соның нәтижесінде адамның қадір-қасиеті, бостандық, теңдік және құқық үстемдігі сияқты базалық конституциялық құндылықтардың мызғымастығын сақтай отырып, конституциялық-құқықтық тетіктерді цифрлық шындыққа бейімдеу қажеттілігі күшейе түсуде[217].

Осы жағдайларда конституциялық құрылыстың тұрақтылығы құқықтық жүйенің инновациялық даму мен құқықтық тұрақтылық арасындағы теңгерімді қамтамасыз ету қабілетіне тәуелді. Бір жағынан, цифрландыру мемлекеттік басқару құралдарын кеңейтіп, жария қызметтерді көрсету мен әкімшілік басқарудың тиімділігін арттырады[218]. Екінші жағынан, ол нормативтік айқынсыздық тәуекелдерін, автономды жүйелерді пайдалану кезінде заңды жауапкершіліктің жоғалуына, цифрлық қадағалаудың күшеюін және конституциялық бостандықтардың, соның ішінде жеке өмірге қол сұқпаушылық пен коммуникациялар құпиясының шектелу мүмкіндігін туындатады[219]. Қосымша күрделік алгоритмдік шешімдердің ашықтығы мен түсіндірме болмаған жағдайда заң алдындағы теңдік және адамның абсолюттік құқықтарына қауіп төндіруі мүмкін алгоритмдік кемсітушілікпен байланысты[220].

Осыған байланысты цифрлық конституционализмді дамыту ғылыми пікірталастың факультативті бағыты емес, керісінше, цифрлық дәуір жағдайында

---

[216] Қазақстан Республикасының Цифрлық кодексі [Электрондық ресурс]. (қаралған күні: 2026 ж. 20 наурыз).

[217] Celeste E. Digital Constitutionalism: The Role of Internet Bills of Rights. London: Routledge, 2021.

[218] Amanbek Y., Balgayev I., Batyrkhanov K., Tan M. Adoption of e-Government in Kazakhstan. International Journal of Public Administration. 2018.

[219] Celeste E. Digital Constitutionalism: The Role of Internet Bills of Rights. London: Routledge, 2021.

[220] European Union. Regulation (EU) 2016/679 (General Data Protection Regulation). Official Journal of the European Union. 2016.

құқықтық мемлекетті сақтаудың қажетті шарты болып табылады. Цифрлық конституционализм тұжырымдамасы цифрлық құқықтарды институционалдандыруды және нормативтік тұрғыдан бекітуді, дербес деректерді қорғау кепілдіктерін кеңейтуді, алгоритмдердің ашықтығы мен есептілігіне қойылатын құқықтық стандарттарды белгілеуді, жасанды интеллект жүйелеріне тәуелсіз аудит жүргізу тетіктерін енгізуді, сондай-ақ цифрлық қадағалау мен жария биліктің цифрлық құралдарына соттық және парламенттік бақылауды күшейтуді көздейді[221]. Деректерді қорғау және цифрлық саланы құқықтық реттеу жөніндегі халықаралық стандарттар құқық қолданудың болжамдылығын және тиімді сот қорғауын қамтамасыз ететін нақты құқықтық шеңберлер болған жағдайда ғана тұрақты даму мүмкін екенін көрсетеді[222].

Қорытынды

Қазақстан Республикасы үшін конституциялық-құқықтық жүйені технологиялық өзгерістерге одан әрі бейімдеу цифрлық саланы нормативтік реттеуді кешенді жаңғыртуды көздейді. Бұл дербес деректерді қорғау және ақпараттық қауіпсіздік туралы заңнаманы жетілдіруді, цифрлық технологиялар мен электрондық мемлекеттің құқықтық режимін дамытуды, сондай-ақ азаматтардың цифрлық ортадағы құқықтарын нығайтуға бағытталған конституциялық бастамаларды дәйекті түрде іске асыруды қамтиды. Басты міндеттердің бірі - цифрлық басқарудың тиімділігін қамтамасыз ете отырып, бір мезгілде адамның құқықтары мен бостандықтары саласына негізсіз араласуды болдырмайтын және құқықтарды шектеуді, құқықтық айқындылық пен теңдік қағидаттарының сақталуына кепілдік беретін құқықтық тетіктерді қалыптастыру.

Демек, цифрлық конституционализмді дамыту арқылы ғана технологиялық прогрестің серпіні мен конституциялық тәртіптің тұрақтылығының үйлесуін қамтамасыз етуге болады. Цифрлық ортада заманауи конституциялық кепілдіктерді бекіту, құқықтық қорғаудың тиімді рәсімдерін қалыптастыру және алгоритмдік шешімдерге қатысты жауапкершіліктің түсінікті қағидаларын белгілеу құқықтық мемлекетті нығайтуға және цифрлық трансформация жағдайында тұлғаның құқықтарын сенімді қорғауды қамтамасыз етуге ықпал етеді. Бұл Қазақстан Республикасының стратегиялық мүдделеріне және құқықтың қазіргі эволюциясы талаптарына толық сәйкес келеді.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Қазақстан Республикасының Конституциясы, 1995 жылы 30 тамызда республикалық референдумда қабылданды. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K950001000_>
2. «Дербес деректер және оларды қорғау туралы» Қазақстан Республикасының Заңы (2013 жылғы 21 мамыр, № 94-V) (өзгерістер мен толықтыруларымен) <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1300000094>
3. «Ақпараттандыру туралы» Қазақстан Республикасының Заңы (2015 жылғы 24 қараша, № 418-V) (өзгерістер мен толықтыруларымен) <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1500000418>
4. Қазақстан Республикасының Цифрлық кодексі accessed 20 March 2026.<https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z030000370>_
5. Celeste E, Digital Constitutionalism: The Role of Internet Bills of Rights (Routledge 2021). <https://library.oapen.org/bitstream/id/52cc4b95-a653-48a5-bc0f-0bc556762fa1/9781000685190.pdf>

[221] Celeste E. Digital Constitutionalism: The Role of Internet Bills of Rights. London: Routledge, 2021.
[222] European Union. Regulation (EU) 2016/679 (General Data Protection Regulation). Official Journal of the European Union. 2016.

6. Case C-434/16 Peter Nowak v Data Protection Commissioner (Judgment of 20 December 2017, Court of Justice of the European Union).
<https://infocuria.curia.europa.eu/tabs/document?source=document&text=&docid=198059&pageIndex=0&doclang=en&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=1232114>
7. Council Regulation (EU) 2016/679 (General Data Protection Regulation) [2016] OJ L 119/1. <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj/eng>
8. Amanbek Y, Balgayev I, Batyrkhanov K and Tan M, 'Adoption of e-Government in Kazakhstan' (2018) International Journal of Public Administration. <https://www.mdpi.com/2199-8531/6/3/46>
9. Lessig L, Code and Other Laws of Cyberspace (Basic Books 1999). <https://lessig.org/images/resources/1999-Code.pdf>
10. Balkin J, Digital Speech and Democratic Culture (Yale University Press 2017) <https://jackbalkin.yale.edu/sites/default/files/files/digitalspeechanddemocraticculture1.pdf>

Есенбек Аружан Мұхтарқызы
Магистрант 2 курса образовательной программы
«Юриспруденция»
Высшая школа права Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республика Казахстан
E-mail: aruzhan_yessenbek@kazguu.kz

СООТНОШЕНИЕ ПОМИЛОВАНИЯ И АМНИСТИИ В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ КАЗАХСТАНА: КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ И ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация

Статья анализирует соотношение амнистии и помилования в правовой системе Республики Казахстан через критерии разграничения и правовые последствия. Актуальность обусловлена риском неоднозначного толкования сходных по эффекту мер гуманизации и их влияния на судимость и производные ограничения. Предмет исследования – конституционные и уголовно-правовые нормы об амнистии и помиловании, а также механизмы их реализации на примере закона об амнистии 2025 года и подзаконного порядка рассмотрения ходатайств о помиловании. Цель – выработать рекомендации по повышению правовой определенности разграничения институтов и унификации описания последствий. Методы: формально-юридический анализ, контент-анализ законодательства, ограниченный сравнительно-правовой подход. Новизна состоит в предложении матрицы критериев (субъект, форма, адресат, стадия, условия, процедура, последствия) и в систематизации последствий по блокам «наказание – дополнительные санкции – судимость – производные ограничения». Вывод: совпадение отдельных эффектов не устраняет различий юридической природы и процедур, что требует стандартизации амнистийных законов и раздельного разъяснения режима судимости.

Ключевые слова: амнистия; помилование; уголовное право; Конституция РК; Президент; Парламент; судимость; освобождение от наказания; гуманизация; правовая определенность.

Введение

Амнистия и помилование в правовой системе Республики Казахстан относятся к исключительным механизмам прекращения либо смягчения уголовно-правовых последствий после совершения преступления и вынесения или исполнения приговора. Их разграничение важно для правовой определенности, поскольку Конституция прямо распределяет полномочия между разными органами: помилование относится к компетенции Президента, а решение вопросов амнистии относится к компетенции Парламента.[223] В уголовном законодательстве данное распределение конкретизировано через адресность: согласно ст. 78 Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее – УК РК) акт амнистии распространяется на индивидуально не определенный круг лиц, тогда как акт помилования применяется к индивидуально определенному лицу.[224]

Проблематика исследования в первую очередь связана с риском недостаточной определенности правовых последствий из-за различной юридической природы актов.[225] Амнистия оформляется законом общего действия, однако на практике её

[223] Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_> дата обращения: 31 марта 2026.
[224] Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> дата обращения: 31 марта 2026.
[225] Ibid ст. 78.

применение всегда происходит через индивидуальные решения уполномоченных органов по конкретным делам.[226] Поэтому особенно важно единообразно понимать условия и последствия амнистии, включая влияние на наказание, дополнительные санкции и судимость.[227] Следует отметить, что тут также возникает проблема вариативности условий и исключений амнистии: в Казахстане амнистия, как правило, принимается в связи с общественно значимыми событиями и оформляется отдельными законами, вследствие чего условия освобождения и перечни исключений могут различаться от закона к закону и требуют соотнесения с общей конструкцией УК.[228] Кроме того, практико-ориентированная проблема проявляется при массовом применении законов амнистии: по разъяснениям государственных органов, амнистия 2025 года применяется в определенный период, в течение которого правоохранительные и судебные органы должны рассмотреть подпадающие случаи и принять решения в установленном порядке.[229] Стоит добавить также про процедурный контур помилования. Хотя он и урегулирован подзаконными правилами, оставляет пространство для обсуждения стандартов прозрачности и предсказуемости индивидуального решения.[230]

Цель статьи – выработать прикладные рекомендации по повышению правовой определенности разграничения амнистии и помилования в Казахстане. Для достижения цели решаются задачи: (1) систематизировать критерии разграничения, как субъект, форма, адресат, условия и процедура; (2) классифицировать правовые последствия каждого института, включая влияние на судимость и производные ограничения; (3) выявить пограничные ситуации и предложить способы нормативного и методического уточнения. Методологическую основу составляют формально-юридический анализ конституционных и уголовно-правовых норм, а также анализ содержания законов об амнистии и подзаконных актов о порядке помилования.[231]

В правовой системе Казахстана разграничение амнистии и помилования закреплено на конституционном и уголовно-правовом уровнях.

Прежде всего полномочия по принятию решений распределены между разными конституционными органами. Конституция Республики Казахстан в статье 54 пункте 1 подпункте 6 закрепляет, что Парламент решает вопросы амнистии.[232] В статье 44 подпункте 15 Конституция устанавливает, что Президент осуществляет помилование граждан.[233] Такое распределение полномочий задаёт базовый критерий разграничения: амнистия является актом парламентской власти, а помилование относится к президентской прерогативе.

Кроме того, уголовный закон фиксирует юридические контуры обоих институтов. Статья 78 Уголовного кодекса Республики Казахстан устанавливает, что амнистия издаётся в отношении индивидуально не определенного круга лиц, а

---

[226] Ibid ст. 78.
[227] Ibid ст. 78.
[228] <https://parlam.kz/ru/answers/232> дата обращения: 31 марта 2026.
[229] Закон Республики Казахстан от 23 июня 2025 года № 195-VIII ЗРК ‘Об амнистии в связи с тридцатилетием Конституции Республики Казахстан’ <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000195> дата обращения: 31 марта 2026.
[230] Указ Президента Республики Казахстан от 5 июля 2006 года №140 ‘О комиссии по вопросам помилования при Президенте Республики Казахстан’ <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U060000140_> дата обращения: 31 марта 2026.
[231] Закон Республики Казахстан от 23 июня 2025 года № 195-VIII ЗРК ‘Об амнистии в связи с тридцатилетием Конституции Республики Казахстан’ <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000195> дата обращения: 31 марта 2026.
[232] Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_> дата обращения: 31 марта 2026.
[233] Ibid.

условия и порядок её применения определяются актом об амнистии.[234] Эта норма предусматривает последствия амнистии, включая освобождение от уголовной ответственности или от наказания, сокращение либо замену наказания, освобождение от дополнительного наказания и снятие судимости.[235] В той же статье указано, что помилование оформляется актом Президента и применяется в отношении индивидуально определеенного лица при наличии вступившего в законную силу обвинительного приговора.[236] Последствия помилования могут выражаться в освобождении от дальнейшего отбывания наказания, сокращении либо замене наказания, освобождении от дополнительного наказания и снятии судимости.[237]

Таким образом, оба института являются исключительными основаниями смягчения уголовно-правового положения лица, но различаются по тому, кто принимает решение, на кого оно распространяется и на какой стадии применяется. При этом содержание амнистии каждый раз определяется отдельным законом об амнистии. Например, Закон Республики Казахстан от 23 июня 2025 года устанавливает конкретные условия применения амнистии, перечень исключений и порядок её реализации.[238]

Ключевым критерием разграничения выступает субъект, принимающий акт: амнистия относится к конституционной компетенции Парламента, тогда как помилование относится к конституционной компетенции Президента.[239] Уголовный кодекс Республики Казахстан воспроизводит указанное разграничение и закрепляет, что амнистия является парламентским актом, распространяющимся на неопределенный круг лиц, а помилование является президентским актом, применяемым в отношении конкретного лица.[240]

Из данного критерия следуют два прикладных вывода для квалификации правовой ситуации: (1) если правовой эффект распространяется на категорию лиц по общим признакам (категория преступления, социальный статус, срок, поведение и т.п.), речь идет об амнистии; (2) если решение обусловлено индивидуальными обстоятельствами конкретного осужденного и оформляется «персонально», речь идет о помиловании.

Амнистия адресована определенной категории лиц, тогда как помилование применяется в отношении индивидуально определенного лица.[241] Это различие имеет практическое значение по двум направлениям. Во-первых, при амнистии применяется заранее установленный отбор по формальным критериям, которые прямо перечислены в законе об амнистии: вид и тяжесть правонарушения, наличие причиненного ущерба и факт его возмещения, наличие гражданского иска, социальный статус лица, оставшийся срок наказания и поведение осужденного.[242] Так, Закон Республики Казахстан об амнистии 2025 года предусматривает освобождение

---

[234] Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> дата обращения: 31 марта 2026.
[235] Ibid ст. 78.
[236] Ibid ст. 78.
[237] Ibid ст. 78.
[238] Закон Республики Казахстан от 23 июня 2025 года № 195-VIII ЗРК ‘Об амнистии в связи с тридцатилетием Конституции Республики Казахстан’ <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000195> дата обращения: 31 марта 2026.
[239] Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_> дата обращения: 31 марта 2026.
[240] Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> дата обращения: 31 марта 2026.
[241] Ibid ст. 78.
[242] Закон Республики Казахстан от 23 июня 2025 года № 195-VIII ЗРК ‘Об амнистии в связи с тридцатилетием Конституции Республики Казахстан’ <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000195> дата обращения: 31 марта 2026.

лиц, совершивших уголовные проступки и преступления небольшой тяжести, а для преступлений средней тяжести связывает применение амнистии с отсутствием ущерба либо с его полным возмещением, либо с отсутствием гражданского иска; отдельно закон выделяет социально уязвимых лиц, совершивших преступления средней тяжести, и допускает их освобождение независимо от наличия ущерба или иска.[243] Во-вторых, помилование предполагает индивидуальную оценку конкретного случая: уголовный закон закрепляет, что оно возможно при наличии вступившего в законную силу обвинительного приговора и применяется в отношении конкретного осужденного, поэтому решение принимается в рамках персональной процедуры и по существу включает элемент усмотрения.[244]

Амнистия может действовать на разных стадиях уголовного процесса, включая прекращение дел в производстве. Закон Республики Казахстан об амнистии 2025 года предусматривает прекращение таких дел по соответствующим уголовным правонарушениям с освобождением лица от уголовной ответственности, при этом решение принимает орган, ведущий уголовный процесс.[245] Это подтверждает, что амнистия способна влиять не только на исполнение уже вынесенного приговора, но и на саму стадию уголовного преследования до завершения судебного разбирательства.

Помилование по конструкции УК РК привязано к ситуации, когда обвинительный приговор уже вступил в законную силу, то есть, речь идет об осужденном.[246] Следовательно, по базовой модели: амнистия способна прекращать уголовное преследование и/или смягчать наказание, а помилование – адресно воздействует на исполнение наказания или последствия приговора конкретного осужденного.

УК РК прямо указывает, что условия и порядок применения амнистии устанавливаются актом об амнистии.[247] В результате ключевые пределы амнистии формируются через сочетание:

- общих норм ст. 78 УК РК, включая исключения из действия амнистии;[248]
- специальных норм конкретного закона об амнистии, такие как категории освобождаемых и исключения.[249]

В ст. 78 УК РК закреплено, что амнистия не распространяется на ряд категорий, включая преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних (с оговоркой), террористические, экстремистские преступления, пытки, а также случаи назначения наказания при рецидиве/опасном рецидиве.[250] Закон Республики Казахстан об амнистии 2025 года дополнительно детализирует исключения: коррупционные, террористические, экстремистские преступления, преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних (с оговоркой), пытки, случаи рецидива/опасного рецидива, пожизненное лишение свободы, преступления в

---

[243] Ibid.

[244] Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> дата обращения: 31 марта 2026.

[245] Закон Республики Казахстан от 23 июня 2025 года № 195-VIII ЗРК ‘Об амнистии в связи с тридцатилетием Конституции Республики Казахстан’ <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000195> дата обращения: 31 марта 2026.

[246] Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> дата обращения: 31 марта 2026.

[247] Ibid.

[248] Ibid.

[249] Закон Республики Казахстан от 23 июня 2025 года № 195-VIII ЗРК ‘Об амнистии в связи с тридцатилетием Конституции Республики Казахстан»’ <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000195> дата обращения: 31 марта 2026.

[250] Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> дата обращения: 31 марта 2026.

составе преступных групп и другие, а также ситуации совокупности преступлений/приговоров, когда одно из деяний не подпадает под амнистию.[251]

В отличие от этого, часть о помиловании в ст. 78 УК РК фиксирует субъект и последствия, но не содержит перечня категорий преступлений, которые «в принципе» исключены из рассмотрения для помилования (в тексте нормы такие исключения не перечислены).[252] При этом нормативная детализация процедуры и предварительного рассмотрения материалов о помиловании переносится в подзаконный массив (положение о комиссии и правила прохождения ходатайств).[253]

И амнистия, и помилование в уголовном законе допускают снятие судимости как результат соответствующего акта.[254] Однако конкретная амнистия может вводить дополнительные правила относительно судимости. В Законе Республики Казахстан об амнистии 2025 года закреплено, что при его применении снятие судимости производится «на общих основаниях», установленных ст. 79 УК РК.[255]

Верховный Суд в нормативных разъяснениях по вопросам рецидива и судимости специально указывает: лицо не считается имеющим судимость, если вынесен обвинительный приговор с освобождением от наказания, в том числе при освобождении от наказания в связи с изданием акта амнистии; при освобождении от отбывания наказания в ходе исполнения приговора на основании акта амнистии срок погашения судимости исчисляется по правилам ст. 79 УК.[256]

Отдельно в опубликованном нормативном постановлении Конституционный Суд формулирует общий подход: судимость – особое правовое положение осужденного лица до погашения или снятия судимости; погашение/снятие судимости аннулирует уголовно-правовые последствия, но сохраняются исключения, связанные, в частности, с пожизненно назначенными дополнительными наказаниями (а также отдельные случаи, прямо предусмотренные законом).[257] Это имеет прямое значение для разграничения правовых последствий амнистии и помилования: даже при снятии/погашении судимости «автоматическое» восстановление правомочий может быть ограничено иными юридическими режимами. Например, дополнительным наказанием либо специальными запретами.

Специфический критерий, прямо закрепленный в Законе Республики Казахстан об амнистии 2025 года: амнистия не применяется, если лицо или его законный представитель возражает против применения амнистии.[258] Это правило практически важно в тех случаях, когда лицо заинтересовано в продолжении процесса для

---

[251] Статья 4 Закона Республики Казахстан от 23 июня 2025 года № 195-VIII ЗРК ‘Об амнистии в связи с тридцатилетием Конституции Республики Казахстан’ <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000195> дата обращения: 31 марта 2026.

[252] Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> дата обращения: 31 марта 2026.

[253] Закон Республики Казахстан от 23 июня 2025 года № 195-VIII ЗРК ‘Об амнистии в связи с тридцатилетием Конституции Республики Казахстан’ <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000195> дата обращения: 31 марта 2026.

[254] Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> дата обращения: 31 марта 2026.

[255] Статья 5 Закона Республики Казахстан от 23 июня 2025 года № 195-VIII ЗРК ‘Об амнистии в связи с тридцатилетием Конституции Республики Казахстан’ <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000195> дата обращения: 31 марта 2026.

[256] НП ВС РК от 25 декабря 2007 года ‘О применении судами законодательства о рецидиве преступлений’ <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P07000008S_> дата обращения: 28 марта 2026.

[257] НП КС РК от 24 декабря 2024 года №57 ‘О рассмотрении на соответствие Конституции РК подпункта 11) пункта 3 ст. 16 ЗРК от 23 ноября 2015 года ‘О государственной службе РК’ <https://adilet.zan.kz/rus/docs/S2400000057> дата обращения: 30 марта 2026.

[258] Статья 5 Закона Республики Казахстан от 23 июня 2025 года № 195-VIII ЗРК ‘Об амнистии в связи с тридцатилетием Конституции Республики Казахстан’ <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000195> дата обращения: 31 марта 2026.

получения оправдания либо иного реабилитирующего результата. В научной литературе амнистия характеризуется как не-реабилитирующее основание освобождения от ответственности/наказания.[259] Соответственно, право на возражение против амнистии функционально согласуется с тем, что амнистия не тождественна установлению невиновности.

Для помилования по своей природе «согласие» реализуется иначе: механизм запускается через ходатайство о помиловании (как правило, от самого осужденного и/или через администрацию учреждения), то есть решение не носит «навязанного» характера, а исходит из инициативы заинтересованного лица. В правилах функционирования комиссии предусмотрено направление ходатайств через администрацию учреждения уголовно-исполнительной системы, а также возможность обращения лиц, уже отбывших наказание, напрямую в комиссию.[260]

Закон Республики Казахстан об амнистии 2025 года закрепляет, что дела об уголовных правонарушениях, подпадающих под амнистию, находящиеся в производстве, подлежат прекращению органом, ведущим уголовный процесс, с освобождением лиц от уголовной ответственности.[261] Данный эффект принципиально отличает амнистию от помилования: амнистия способна «закрыть» уголовное преследование и до стадии приговора.

Закон Республики Казахстан об амнистии 2025 года устанавливает дифференцированные основания освобождения от основного наказания. В частности, освобождаются:

- лица, совершившие уголовные проступки и/или преступления небольшой тяжести;[262]
- лица, совершившие преступления средней тяжести при определенных условиях, связанных с ущербом/его возмещением либо отсутствием гражданского иска;[263]
- социально уязвимые лица, совершившие преступления средней тяжести независимо от ущерба/иска.[264]

Кроме того, данный закон предусматривает освобождение от основного наказания для осужденных за преступления средней тяжести при отсутствии отрицательной степени поведения и при условии, что в период исполнения акта амнистии осталось отбывать наказание не более одного года.[265]

Таким образом, по своему содержанию амнистия в казахстанской модели выполняет не только функцию «единовременного акта гуманности», но и функцию нормированного стимулирования правомерного поведения (через критерий поведения) и компенсации вреда (через критерий ущерба/возмещения). Соответствующий подход прямо описывается и в официальных разъяснениях о применении амнистии.[266]

---

[259] Жанузакова Л.Т. ‘О некоторых вопросах применения амнистии в Республике Казахстан’ (2022) Уголовно-исполнительное право <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-voprosah-primeneniya-amnistii-v-respublike-kazahstan/viewer> дата обращения: 30 марта 2026.

[260] Указ Президента Республики Казахстан от 5 июля 2006 года №140 ‘О комиссии по вопросам помилования при Президенте Республики Казахстан’ <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U060000140_> дата обращения: 31 марта 2026.

[261] Статья 2 Закона Республики Казахстан от 23 июня 2025 года № 195-VIII ЗРК ‘Об амнистии в связи с тридцатилетием Конституции Республики Казахстан’ <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000195> дата обращения: 31 марта 2026.

[262] Ibid.

[263] Ibid.

[264] Ibid.

[265] ibid ст. 2 и 5.

[266] <https://www.gov.kz/memleket/entities/ombudsman/press/article/details/210858> дата обращения: 24 марта 2026.

Особое значение для практики имеет блок о сокращении сроков или размеров основного наказания. Закон Республики Казахстан об амнистии 2025 года предусматривает:

- для лиц, совершивших преступления средней тяжести, не подпадающих под отдельные основания полного освобождения, — сокращение неотбытой/неисполненной части основного наказания на 1/2;[267]
- для социально уязвимых лиц по тяжким преступлениям — на 1/3, по особо тяжким — на 1/4;[268]
- для иных лиц при полном возмещении ущерба и исковых требований (или при их отсутствии) — по тяжким на 1/3, по особо тяжким на 1/4;[269]
- в иных случаях (вне п. 2–3 статьи) — по тяжким на 1/5, по особо тяжким на 1/6;[270]
- отдельное правило для ряда имущественных составов при полном возмещении ущерба — сокращение на 1/5.[271]

Эта конструкция демонстрирует, что амнистия в конкретной реализации 2025 года имеет «модульный» характер: освобождение для менее опасных деяний и/или социально уязвимых лиц и режим уменьшения наказания – для более тяжких составов, дополнительно стимулируя возмещение ущерба.[272]

С практической точки зрения амнистия отличается массовостью применения. В официальной публикации Национального центра по правам человека указано, что закон об амнистии затронет свыше 17 тысяч осужденных: около 4 тысяч – подлежат освобождению из мест лишения свободы, остальным будут сокращены сроки наказания; также приводятся промежуточные данные о числе уже освобожденных лиц, о случаях сокращения сроков и о применении по линии пробации на дату публикации.[273] Эти данные показывают принципиальное различие между институтами: амнистия применяется к значительному числу лиц и выступает инструментом уголовной политики общего действия, тогда как помилование является индивидуальным решением в отношении конкретного осужденного и не рассчитано на массовое применение.

УК РК предусматривает, что при помиловании лицо может быть:

- освобождено от дальнейшего отбывания наказания;
- либо наказание может быть сокращено/заменено более мягким;
- либо лицо может быть освобождено от дополнительного вида наказания;
- также актом помилования может быть снята судимость.[274]

Критически важно, что помилование ориентировано на индивидуализацию решения при наличии вступившего в силу приговора, тогда как амнистия допускает освобождение от уголовной ответственности на стадии до приговора.[275]

---

[267] Статья 3 Закона Республики Казахстан от 23 июня 2025 года № 195-VIII ЗРК ‘Об амнистии в связи с тридцатилетием Конституции Республики Казахстан’ <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000195> дата обращения: 31 марта 2026.
[268] Ibid.
[269] Ibid.
[270] Ibid.
[271] Ibid.
[272] Ibid.
[273] <https://www.gov.kz/memleket/entities/ombudsman/press/article/details/210858> дата обращения: 24 марта 2026.
[274] Статья 78 Уголовного кодекса Республики Казахстан от 3 июля 2014 года <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> дата обращения: 31 марта 2026.
[275] Ibid.

На институциональном уровне предварительное рассмотрение материалов о помиловании обеспечивается Комиссией по вопросам помилования при Президенте РК. По сведениям официального сайта Президента РК комиссия создана для предварительного рассмотрения материалов о помиловании и является консультативно-совещательным органом, а её деятельность регулируется положением, утвержденным Указом от 5 июля 2006 года № 140.[276]

Процедурные элементы, имеющие значение для разграничения с амнистией:

- ходатайства о помиловании направляются Президенту РК, как правило, через администрацию учреждения уголовно-исполнительной системы (после рассмотрения на уровне учреждения и направления в территориальные органы), что отражает институциональную «фильтрацию» материалов;[277]
- лица, отбывшие наказание, вправе обращаться с ходатайством в комиссию напрямую;[278]
- по результатам принятия решения акт помилования направляется в ряд государственных органов для исполнения/учета.[279]

Данный механизм подчеркивает: помилование – индивидуальная процедура, где ключевым является сбор характеристик, оценка обстоятельств и подготовка материалов для решения Президента. Амнистия, напротив, реализуется через нормирование категорий и «массовое» исполнение в установленный срок.

Закон Республики Казахстан об амнистии 2025 года содержит процессуально-организационный блок, который функционально сближает амнистию с институтами исполнения приговора и судопроизводства.

В первую очередь установлен общий срок исполнения: органы, ведущие уголовный процесс, учреждения уголовно-исполнительной системы и органы, исполняющие наказание, обязаны обеспечить исполнение закона в течение шести месяцев со дня введения его в действие.[280]

Также предусмотрен перечень документов, которые учреждения и органы исполнения наказаний представляют в суд: представление об освобождении/сокращении срока, выписка из приговора и иных судебных актов, сведения об отбытой и оставшейся части наказания, личное дело, документы о статусе социально уязвимого лица, а также возможное возражение лица против применения амнистии.[281] Эта «документальная матрица» отражает, что амнистия (как общий акт) требует индивидуальной верификации применимости к каждому конкретному лицу в рамках унифицированной процедуры.

Отдельно следует отметить, что закон фиксирует меры по реализации. Правительство и местные исполнительные органы должны принимать меры по размещению отдельных категорий освобожденных лиц, передаче несовершеннолетних законным представителям/направлению в организации образования, обеспечению продолжения лечения, размещению лиц без определенного места жительства в центрах ресоциализации, содействию трудоустройству и иной социальной помощи.[282] Официальные разъяснения также

---

[276] Указ Президента Республики Казахстан от 5 июля 2006 года № 140 ‘О комиссии по вопросам помилования при Президенте Республики Казахстан’ <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U060000140_> дата обращения: 31 марта 2026.

[277] Ibid.

[278] Ibid.

[279] Ibid.

[280] Статья 5 Закона Республики Казахстан от 23 июня 2025 года № 195-VIII ЗРК ‘Об амнистии в связи с тридцатилетием Конституции Республики Казахстан’ <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000195> дата обращения: 31 марта 2026.

[281] Ibid.

[282] ibid ст. 7.

подчеркивают, что при разработке закона учитывались интересы потерпевших и стимулы ресоциализации.[283]

Сравнительный анализ подтверждает, что казахстанская модель разграничения амнистии и помилования соответствует распространенному конституционному паттерну «легислатура – амнистия, глава государства – помилование».

Российская Федерация. Статья 89 Конституции РФ закрепляет, что Президент РФ «осуществляет помилование».[284] Одновременно Конституция Российской Федерации в статье 103 пункте 1 подпункте «ж» относит к ведению Государственной Думы объявление амнистии.[285] Сопоставление показывает структурную близость с Казахстаном по базовым критериям – субъект издания и адресат.

Франция. Статья 17 Конституции Франции закрепляет, что Президент Республики наделен полномочием предоставлять помилование «в индивидуальной форме».[286] В материалах Европейской комиссии «За демократию через право» (Венецианской комиссии) по сравнительному обзору институтов амнистии/помилования отмечается, что во Франции амнистия осуществляется законом (Парламент), а «grâce» относится к компетенции Президента.[287] Также указывается эффект амнистии как препятствие осуждению в будущем или «стирание» уже вынесенных осуждений, при разграничении с индивидуальной мерой, связанной с исполнением наказания.[288]

Для целей исследуемой темы данное сопоставление важно для подтверждения, что казахстанское разграничение строится на «классическом» разделении общего и индивидуального акта милосердия.

На уровне уголовно-правовых последствий амнистия и помилование частично совпадают, поскольку оба института могут повлечь освобождение от наказания, сокращение либо замену наказания и снятие судимости.[289] Это повышает риск их смешения в практическом восприятии и делает необходимым разграничение по основаниям и процедуре применения. Ключевыми юридическими критериями выступают источник и адресат акта, а также стадия его применения, так как амнистия может применяться вплоть до прекращения производства по делу, тогда как помилование применяется в отношении конкретного лица при наличии вступившего в законную силу обвинительного приговора.[290]

Закон Республики Казахстан об амнистии 2025 года содержит широкий перечень исключений, включая коррупционные, террористические, экстремистские преступления, пытки, отдельные групповые формы соучастия, пожизненное лишение свободы, случаи рецидива и другие.[291] На теоретическом уровне вопрос заключается

---

[283] <https://www.gov.kz/memleket/entities/ombudsman/press/article/details/210858> дата обращения: 24 марта 2026.

[284] Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года <http://www.constitution.ru> дата обращения: 31 марта 2026.

[285] Ibid.

[286] Конституция Франции от 1958 года <https://cjad.nottingham.ac.uk/documents/implementations/pdf/France-Constitution_EN.pdf> дата обращения: 31 марта 2026.

[287] European Commission for Democracy through Law (Venice Commission), Comparative Table of Constitutional and Legislative Provisions Relating to the Amnesty in Venice Commission Member States <https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-PI%282024%29002> дата обращения: 31 марта 2026.

[288] Ibid.

[289] Статья 78 Уголовного кодекса Республики Казахстан от 3 июля 2014 года <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> дата обращения: 31 марта 2026.

[290] Ibid.

[291] Статья 4 Закона Республики Казахстан от 23 июня 2025 года № 195-VIII ЗРК ‘Об амнистии в связи с тридцатилетием Конституции Республики Казахстан’ <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000195> дата обращения: 31 марта 2026.

в том, насколько перечень исключений в каждом конкретном законе об амнистии соразмерен цели амнистии и согласован с дифференциацией общественной опасности. В научной литературе, которая посвящена анализу амнистий и отдельных законов об амнистии, высказывается критика чрезмерного расширения перечней деяний, исключенных из амнистии, а также указывается на проблемность установления единых запретов для деяний, различающихся по степени общественной опасности.[292]

Для целей разграничения это означает следующее: амнистия как акт общего действия требует заранее определить пределы гуманизации через перечни условий и исключений, в то время как при помиловании решение принимается по обстоятельствам конкретного лица и опирается на индивидуальную оценку в рамках установленной процедуры.

Нормативные источники указывают, что погашение/снятие судимости в общем виде аннулирует уголовно-правовые последствия, но возможны исключения, например, при пожизненно назначенных дополнительных наказаниях.[293] Вкупе с амнистией это дополнительно усложняется тем, что Закон Республики Казахстан об амнистии 2025 года отсылает снятие судимости к общим основаниям ст. 79 УК РК.[294] Следовательно, корректное разграничение «эффекта амнистии/помилования» и «эффекта погашения/снятия судимости» становится необходимым элементом правоприменения и правового консультирования: амнистия/помилование могут выступать основанием для снятия судимости, но не всегда тождественны полному восстановлению всех правомочий во всех режимах.

Массовый характер амнистии требует управляемой процедуры с унифицированными документами, участием суда и установленным сроком исполнения.[295] Закон Республики Казахстан об амнистии 2025 года прямо фиксирует перечень документов и шестимесячный срок исполнения. При этом официальные данные по реализации показывают, что применение амнистии представляет собой длительный процесс, включающий исполнение по линии учреждений, судов и пробации.[296] Для разграничения с помилованием это важно тем, что «масштаб» и «процедурная архитектура» амнистии принципиально иные: амнистия – управляемый поток типовых решений в рамках закона; помилование – штучное решение с предварительным рассмотрением материалов комиссией.[297]

Проведённый анализ показывает, что в правовой системе Республики Казахстан амнистия и помилование разграничены по конституционному критерию компетенции, потому как вопросы амнистии отнесены к Парламенту, а помилование – к полномочию Президента.[298] На уровне уголовного законодательства разграничение проводится по адресности акта, потому что амнистия распространяется на индивидуально не

---

[292] Жанузакова Л.Т. ‘О некоторых вопросах применения амнистии в Республике Казахстан’ (2022) Уголовно-исполнительное право <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-voprosah-primeneniya-amnistii-v-respublike-kazahstan/viewer> дата обращения: 30 марта 2026.

[293] НП КС РК от 24 декабря 2024 года №57 ‘О рассмотрении на соответствие Конституции РК подпункта 11) пункта 3 ст. 16 ЗРК от 23 ноября 2015 года ‘О государственной службе РК’ <https://adilet.zan.kz/rus/docs/S2400000057> дата обращения: 30 марта 2026.

[294] Статья 5 Закона Республики Казахстан от 23 июня 2025 года № 195-VIII ЗРК ‘Об амнистии в связи с тридцатилетием Конституции Республики Казахстан’ <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000195> дата обращения: 31 марта 2026.

[295] Ibid.

[296] <https://www.gov.kz/memleket/entities/ombudsman/press/article/details/210858> дата обращения: 24 марта 2026.

[297] Статья 5 Закона Республики Казахстан от 23 июня 2025 года № 195-VIII ЗРК ‘Об амнистии в связи с тридцатилетием Конституции Республики Казахстан’ <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000195> дата обращения: 31 марта 2026.

[298] Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_> дата обращения: 31 марта 2026.

определенный круг лиц, тогда как помилование применяется к индивидуально определенному лицу.[299] Вместе с тем оба института могут приводить к сходным результатам, включая освобождение или смягчение наказания, освобождение от дополнительного наказания и снятие судимости.[300] Практическая проблема состоит в том, что при различной юридической природе этих актов, поскольку амнистия оформляется законом, а помилование выражается индивидуальным решением, сходство итогового эффекта нередко вызывает неоднозначное толкование правовых последствий, прежде всего в части судимости и связанных с ней ограничений.[301]

Для решения обозначенных проблем предлагаются следующие рекомендации.

1. Стандартизировать структуру законов об амнистии на уровне типового законодательного шаблона: обязательные разделы о (1) категориях лиц и критериях включения/исключения, (2) последствиях для основного и дополнительного наказаний, (3) режиме судимости (с отсылкой к общим правилам УК и указанием момента начала исчисления сроков), (4) порядке реализации и перечне документов.
2. Унифицировать правоприменение амнистии через методические разъяснения для органов, осуществляющих уголовное преследование и исполнение наказаний, с фиксированием единых подходов к проверке критериев амнистии и оформлению процессуальных решений, включая случаи возражения лица против применения амнистии.
3. Повысить предсказуемость процедуры помилования путём закрепления в регламенте Комиссии по вопросам помилования минимальных стандартов публичности: ежегодная публикация обезличенной статистики и обобщённых критериев оценки ходатайств без раскрытия персональных данных.[302]
4. Развести последствия «акта» и последствия «судимости» в официальных информационных материалах для заявителей: отдельное разъяснение, что амнистия/помилование не тождественны реабилитации и что юридические ограничения могут зависеть от режима судимости и иных специальных запретов.
5. Ввести мониторинг последствий в виде реестра/аналитики по применению амнистии и помилования для оценки единообразия практики и выявления повторяющихся проблемных узлов при реализации.

Список литературы:

1. Жанузакова Л.Т. ‘О некоторых вопросах применения амнистии в Республике Казахстан’ (2022) Уголовно-исполнительное право. Т. 17 (1-4) №1 <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-voprosah-primeneniya-amnistii-v-respublike-kazahstan/viewer>
2. Максимова В.Г. ‘Отличие помилования и амнистии’ (2006) Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право 139–141.
3. Агыбаев А. ‘Амнистия и помилование’ (2009) ИС «Параграф» <https://prg.kz/document/?doc_id=30473713&pos=7;176>
4. <https://www.gov.kz/memleket/entities/ombudsman/press/article/details/210858>
5. <https://parlam.kz/ru/answers/232>
6. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_>

[299] Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> дата обращения: 31 марта 2026.
[300] Ibid.
[301] Ibid.
[302] Указ Президента Республики Казахстан от 5 июля 2006 года № 140 ‘О комиссии по вопросам помилования при Президенте Республики Казахстан’ <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U060000140_> дата обращения: 31 марта 2026.

7. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226>

8. Закон Республики Казахстан от 23 июня 2025 года № 195-VIII ЗРК ‘Об амнистии в связи с тридцатилетием Конституции Республики Казахстан’ <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000195>

9. Указ Президента Республики Казахстан от 5 июля 2006 года № 140 'О комиссии по вопросам помилования при Президенте Республики Казахстан’ <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U060000140_>

10. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года <http://www.constitution.ru>

11. Конституция Франции от 4 октября 1958 года <https://cjad.nottingham.ac.uk/documents/implementations/pdf/France-Constitution_EN.pdf>

12. European Commission for Democracy through Law (Venice Commission), Comparative Table of Constitutional and Legislative Provisions Relating to the Amnesty in Venice Commission Member States <https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-PI%282024%29002>

13. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 25 декабря 2007 года ‘О применении судами законодательства о рецидиве преступлений’ <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P07000008S_>

14. Нормативное Постановление Конституционного Суда Республики Казахстан от 24 декабря 2024 года №57 ‘О рассмотрении на соответствие Конституции РК подпункта 11) пункта 3 ст. 16 ЗРК от 23 ноября 2015 года ‘О государственной службе РК’ // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/S2400000057>

Кахимбаева Рукийя Аманжоловна
Студент 2 курса Высшей школы права
Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республика Казахстан
E-mail: kakhimbaeva@icloud.com

КОНСТИТУЦИОННОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ИНСТИТУТА БРАКА (СУПРУЖЕСТВА) В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Аннотация: Конституционно-правовое закрепление института брака (супружества) имеет значительную роль в социально-правовом государстве. В данной статье уделяется внимание статье 30 новой Конституции Республики Казахстан, принятой на референдуме 15 марта 2026 года, где вопрос брачно-семейных отношений поднят на конституционный уровень, показывая важность семейно-традиционных ценностей, а также государственного усиления охраны семьи, материнства, отцовства и детства.

В статье представлена практика закрепления института брака (супружества) в праве отдельных стран, что доказывает уникальность и специфику их законодательства, где институт брака имеет ключевую роль в формировании социального баланса и создании семьи. Например, Япония закладывает равноправие между мужем и женой, где все решается при обоюдном согласии, в Англии брак представляет собой гибкость отношений, и на законодательном уровне признаются браки одного пола, а в Саудовской Аравии – брак заключается исключительно между мужчиной и женщиной, с присутствием полигамии.

Институт брака имеет государственную значимость, поскольку является фундаментом развития общества и затрагивает не только юридические аспекты, но и культурно-значимые конституционные ценности.

Ключевые слова: Конституция, конституционное закрепление, институт брака, семья, государство, защита прав, конституционные ценности, брачно-семейные отношения, зарубежные страны.

Введение

Брак является одним из основополагающих институтов человечества и затрагивает множество вопросов и отраслей всех сфер общества и государства в целом. Это социально-правовой институт, который обеспечивает воспроизведение населения, воспитание детей, а также поддерживающим фактором культурных и нравственных ценностей человека с момента его рождения.

Во многих странах СНГ брак имеет особую важность, которая регулируется непосредственно на конституционном уровне (Российская Федерация – статья 38 Конституции РФ, Республика Беларусь – статья 32 Конституции РБ, Республика Армения – статья 35 Конституции РА), чтобы сохранить и закрепить традиционный союз между мужчиной и женщиной. Формирование и защита семьи, охрана материнства и детства закрепляются в положениях законодательства и имеют фундаментальную значимость. Многие страны стремятся поднять вопрос брака и брачно-семейных отношений на конституционный уровень, так как это связано с демографическими вызовами, социальными трансформациями и необходимостью защиты традиционных семейных ценностей (Япония – статья 24 Конституции, Сербия - статья 62 Конституции, Польша – статья 18 Конституции).

Актуальность данной темы заключается в том, что закрепление в нормах Основного закона брака как союза между мужчиной и женщиной обеспечивает демографическую устойчивость и социальную стабильность, а также сохранение

культурных ценностей традиционной семьи.

Основная часть

Согласно пункту 1 статьи 1 Конституции Казахстана 1995 года [1], Казахстан утверждает себя демократическим, светским, правовым и социальным государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы. Как закреплено в пункте 1 статьи 27 Конституции РК, «Брак и семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства» [1]. Такое нормативное закрепление определяет брак и семью в качестве фундамента социального и правового государства, где граждане связаны узами, закладывающими культуру, воспитание и семейные ценности для подрастающего поколения. Как отмечено в нормативном постановлении Конституционного Совета Республики Казахстан от 18 мая 2015 года № 3, брак и семья, материнство, отцовство и детство относятся к числу фундаментальных конституционных ценностей Республики, которые закономерно вытекают из высоких целей и базовых принципов, сформулированных в Основном Законе. В своей совокупности они обеспечивают преемственность поколений, выступают условиями сохранения и развития народа Казахстана, являющегося носителем суверенитета, единственным источником государственной власти [2].

Данные нормы Конституции детализируются нормами отдельных отраслей законодательства РК. Однако, именно в Конституции Республики Казахстан 2026 года (вступит в силу с 1 июля 2026 года), институт брака (супружества) поднимается на новый конституционный уровень, что показывает важность определения и общего представления об институте супружества. Нельзя не отметить, что основной целью данной поправки является укрепление традиционных ценностей в обществе. Этим усиливается охрана и защита семьи, прав женщин и детей на конституционном уровне.

Согласно пункту 2 статьи 30 Конституции 2026 года, «брак определяется как добровольный и равноправный союз мужчины и женщины, зарегистрированный государством» [3]. На основании данной нормы, никто не может принудить или заставить вступить в отношения, подчеркивается добровольность союза между мужчиной и женщиной. При этом, союз между мужчиной и женщиной подтверждает формальную ничтожность однополых браков. Признается только официальный, зарегистрированный, в соответствии с законом, брак.

Такая правовая формулировка позволяет сохранить традиционную модель брака и образование семьи. В новой редакции Конституции можно наблюдать прямое определение брака, а также его существенные признаки: союз мужчины и женщины, добровольность, равноправие и официальная регистрация брака. Вместе с тем, присутствует усиление роли государства, так оно выступает гарантом правовой защиты семьи, как основы общества, прав супругов и законных интересов детей.

Несомненно, конституционное определение брака непрерывно связано с функциями семьи, которые имеют солидарную ответственность поколений.

Норма, безусловно, закрепляет обязанность родителей в воспитании детей, а дети, достигшие совершеннолетия должны заботиться о своих родителях. Подобная конструкция статьи 30 Конституции Республики Казахстан 2026 года логична, комплексна и сохраняет нравственные и культурные конституционные ориентиры государства. Вводится прямая демонстрация стремления Казахстана к укреплению института брака и семьи как фундамента социального государства. Сохранение социального баланса и обеспечение устойчивого развития общества решит многие значительные демографические, культурные и социально-правовые вопросы.

Как отмечено выше, в отдельных странах правовое закрепление института брака имеет свою специфику. К примеру, брачно-семейные отношения закрепляются в Конституции Японии 1947 года и законодательстве Японии, и это довольно

уникально, отражаются глубокие культурные ценности, а порой и традиции сложившееся в обществе.

В положении статьи 24 Конституции Японии четко прописано «Брак заключается только при взаимном согласии обеих сторон и существует при условии взаимного сотрудничества, в основу которого положено равенство прав мужа и жены. Законы в отношении выбора супруга, имущественных прав супругов, наследства, выбора местожительства, развода и других вопросов, связанных с браком и семьей, должны составляться исходя из принципа личного достоинства и равенства полов» [4].

Особое внимание уделяется взаимному согласию обоих супругов и равенству между мужем и женой. Данное закрепление является революционным для Японии, так как до принятии Конституции брачно-семейные отношения регулировались определенной системой, где мужчина занимал более высокую социальную позицию в отличии от женщины.

В настоящее время японское законодательство подчеркивает важность демократического характера супружеских отношений с учетом личного достоинства и гендерного равенства. Это показывает, что государство защищает права и свободы каждого члена семьи. В отличии от других стран, в Японии не прописывается четкое определение брака как союз между мужчиной и женщиной, однако на практике можно наблюдать именно такую модель брачных отношений.

Важно подчеркнуть, что уделяется акцент на равенство супругов. Закладываются партнерские отношения, а не иерархические, то есть регулируются семейные отношения, вплоть до обязанностей воспитания ребенка. Именно это и является особенностью культуры японского законодательства. Японский подход к семейно-брачным отношениям довольно тонкий и обладает гибкостью к социальным переменам от патриархата к сбалансированному партнерству, что и отличает ее от других стран.

В Великобритании (Англии) особый подход к регулированию правовых отношений, нормы формируются, основываясь на судебные прецеденты, парламентские акты и конвенции. Однако, защита брачно-семейных отношений закрепляется в международных актах, которые имеют место быть в правовой системе Англии.

Согласно Руководству по Закону о браке (однополых пар) 2013 года, опубликованный Комиссией по вопросам равенства и прав человека, обозначаются основные положения для заключения брака. Например, минимальный возраст, условия и порядок заключения союза, а также регламентирует разводы и вопросы расторжения брачного союза. В 2013 году Англия официально легализовала однополые браки [5], показывая адаптацию английского законодательства к социальным переменам, где не указывает четкое обозначение, что брак заключается только между мужчиной и женщиной. Наравне с традиционными браками признаются партнерские отношения, как и однополые. Государство оказывает полную поддержку в реализации прав членов семьи и представителей ЛГБТ-сообществ, презентуя отсутствие разниц между полами, гарантируя защиту одинаковых прав. Таким образом, в Англии довольно гибкое законодательство, которое регулирует вопросы по мере их поступлений, и на государственном уровне гарантируется уважение и защита частной и семейной жизни, вне зависимости от гендерной принадлежности.

В Саудовской Аравии брак имеет специфичный характер, так как он основывается на исламском праве. Брак - это основа социальных отношений, где важна продолжительность родовой общины, воспитание и уход за детьми. Основной закон Королевства Саудовской Аравии не регулирует вопросы относительно брака, однако шариат закрепляет определенные нормы и установки семейно-брачных отношений. Институт брака рассматривается, как священный союз мужчины и женщины с целью получения продолжения рода и стабильного развития социальных

отношений. В данном государстве признается бракосочетание (никях), который вступает в силу с исполнением определенных обязательств.

Также брак несет патриархальный характер, где муж несет ответственность за создание и содержание семьи, а жена имеет право на махр, то есть приданное, которое по закону она может получить от мужа. В законодательстве Саудовской Аравии однополые браки категорически не признаются и считаются ничтожными. Однако, главной особенностью супружеских отношений является полигамия, где мужчина имеет право иметь до четырех жен в соответствии со своим финансовым положением и равным отношениям к каждой жене. Данные нормы напрямую регулируются шариатом и показывают традиционный подход к созданию семьи [6].

Таким образом, Королевство Саудовской Аравии не прописывает в Конституции брачные отношения, однако в шариате регулируются и определяются права супругов, согласно исламу. Государство непосредственно принимает активное участие в защите прав членов семьи, интересов детей и института брака. Представляется и поддерживается модель религиозно-правового поведения, где шариат выступает конституционным основанием во многих институтах, имеющих социальную значимость. Такой уникальный правовой характер сливается с религиозными нормами, обеспечивая порядок между нравственными и социальными ценностями.

Приведенная практика указанных стран показывает, что подходы различных государств к регулированию брачно-семейных отношений различаются, однако именно конституционное закрепление института брака играет ключевую роль в формировании устойчивой правовой модели семьи. Конституция как основной закон государства определяет базовые ценности общества, и включением в нее четкого определения брака позволяет задать единое направление для всего последующего законодательства.

Заключение

Институт брака имеет фундаментальную важность, являясь элементом общественного устройства, от устойчивости которого зависит развитие государства и общества в целом. Многие страны укрепляют и поднимают брачно-семейные отношения на конституционный уровень, что, по нашему мнению, является верным и способствует в будущем сохранению семейных и традиционных ценностей, и решению демографических вопросов.

Безусловно, каждое государство стремится быть устойчивым и успешным, это осуществимо, и речь не об экономике или высоких технологиях, а о фундаменте любого общества – браке и семье, и сохранение культурных, национальных особенностей.

При этом запрещаются любые формы ограничения прав граждан при вступлении в брак (супружество) по мотивам происхождения, социального, должностного и имущественного положения, расы, национальности, языка, отношения к религии или по любым иным обстоятельствам. Права граждан в брачно-семейных отношениях могут быть ограничены только на основании закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты конституционного строя, охраны общественного порядка, прав и свобод человека, здоровья и нравственности населения [7, с.557].

Таким образом, закрепление института брака на конституционном уровне способствует развитию социального и правового государства. Именно нормами Конституции целесообразно закреплять понятие брака как добровольного союза мужчины и женщины, поскольку это придает данной норме высшую юридическую силу, обеспечивает ее устойчивость и исключает неоднозначное толкование в будущем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. *Конституция Республики Казахстан* (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 г. (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.01.2023 г.)) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000 > (дата обращения: 21.03.2026)
2. *Конституция Республики Казахстан от 15 марта 2026 года* (вступает в действие с 01.07.2026 г.) Официальный сайт Президента Республики Казахстан <https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/press/news/details/1159830?lang=ru> (дата обращения: 21.03.2026)
3. *Конституция Республики Армения от 5 июля 1995 года* Официальный сайт Президента Республики Армения <https://www.president.am/ru/constitution-2015/> (дата обращения: 21.03.2026)
4. *Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 года* Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution> (дата обращения: 21.03.2026)
5. *Конституция Республики Сербия от 8 ноября 2006 года* Юридический портал <https://russian.rs/laws/konstitucziya-respubliki-serbiya/> (дата обращения: 21.03.2026)
6. *Конституция Японии от 3 мая 1947 года* Конституции государств (стран) мира <https://worldconstitutions.ru/?p=37> (дата обращения: 21.03.2026)
7. *Об официальном толковании пункта 1 статьи 27 Конституции Республики Казахстан и о проверке на соответствие Конституции Республики Казахстан Закона Республики Казахстан «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»*: Нормативное постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 18 мая 2015 года № 3, ИС «Әділет» <https://adilet.zan.kz/rus/docs/S1500000003> (дата обращения: 22.03.2026)
8. Мами К А (общ. ред.) *Конституционное право РК. Академический курс* (т. 1, Алматы 2021) 640 с.
9. Кумысбекова Ж Т «Сравнительно-правовой анализ института брака КНР и Казахстана» (2021) № 3 *Научные труды «Әділет»* 47 <https://adlet-nt.kz/wp-content/uploads/2022/11/%D0%9D%D0%A2%D0%90_2021_3.pdf> (дата обращения: 18.03.2026)
10. Кумысбекова Ж Т «Сравнительная характеристика норм института брака по семейному законодательству Республики Казахстан и Российской Федерации» (2024) № 1 *Научные труды «Әділет»* <https://adlet-nt.kz> (дата обращения: 20.03.2026)
11. Манукян Н А «Конституционно-правовая защита семьи, материнства, отцовства и детства в зарубежных странах» (2019) *Гуманитарные научные исследования* <https://human.snauka.ru/2019/11/26152> (дата обращения: 18.03.2026)
12. Никишов А Б «Некоторые особенности института брака в странах мусульманского фундаментализма» (2020) *Молодой ученый* <https://moluch.ru/archive/305/68439> (дата обращения: 18.03.2026)
13. Черепанова Н С «Конституционное закрепление основ брака и семьи в странах СНГ на современном этапе» (2022) *Научный лидер* <https://scilead.ru/article/3081-konstituttsionnoe-zakreplenie-osnov-braka-i-s> (дата обращения: 20.03.2026)
14. *Marriage (Same Sex Couples) Act 2013* Equality and Human Rights Commission <https://www.equalityhumanrights.com/sites/default/files/gd.13.103-6_quick_guide_24-03-14.pdf > (дата обращения: 25.03.2026)

Көпжасар Амина Жомартқызы
Бакалавр, 4 курс Высшей школы права
Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республика Казахстан
E-mail: aminakoooppp@gmail.com

РАЗВИТИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Аннотация: Статья посвящена развитию электронного правосудия в Республике Казахстан, его современному состоянию и проблемам. Цель исследования — обосновать переход от поверхностной цифровизации к целостной концепции «цифрового процессуального режима» и разработать рекомендации по внедрению платформы «e-Sud Analytics». Использованы сравнительно-правовой, историко-правовой, формально-юридический, метод правового моделирования и эмпирический метод (основан на практике автора в судах г. Астаны и Верховном Суде РК). Выявлено, что информационная система «Төрелік» воспринимается преимущественно как электронный архив, а массивы судебных актов не анализируются автоматически, что ведёт к субъективизму обобщений. Зарубежный опыт (проект EC ADELE) подтверждает эффективность аналитических систем на базе ИИ. Предлагаемая платформа «e-Sud Analytics» с использованием машинного обучения и обработки естественного языка позволит классифицировать дела, выявлять противоречия в практике, прогнозировать исходы споров и формировать объективные рекомендации. Это повысит единообразие судебной практики, снизит субъективизм и укрепит доверие граждан к правосудию. Техническим условием реализации является модернизация серверного оборудования дата-центров Верховного Суда.

Ключевые слова: Электронное правосудие; цифровизация судебной системы; искусственный интеллект; единообразие судебной практики; машинное обучение; обработка естественного языка; предсказательное правосудие.

ВВЕДЕНИЕ:

Современный этап развития Республики Казахстан характеризуется цифровой трансформацией. Как отмечает Глава государства Қасым-Жомарт Кемелұлы Тоқаев, формирование Казахстана как продвинуто цифрового хаба в Евразии национальным приоритетом.[303] В этой связи модернизация судебной системы не только техническим обновлением, а условием обеспечения верховенства права и расширения доступа граждан к правосудию.

Внедрение сервисов «Судебный кабинет» и «Төрелік» стало значительным шагом на пути к повышению доступности и прозрачности правосудия. Сегодня через подаётся 95% исков накоплено 100 млн электронных документов и 15 млн решений машиночитаемом формате.[304] Это свидетельствует о переходе судебной системы на качественно новый уровень цифрового взаимодействия с участниками процесса. Несмотря на высокий уровень цифровизации, сохраняется формализованный характер процессуальных процедур. Возможности интеллектуального анализа судебной практики и внедрения элементов искусственного интеллекта остаются недостаточно реализованными. В этой связи возникает необходимость не только

[303] Токаев К.-Ж.К. Казахстан должен укрепиться в статусе регионального цифрового хаба / К.-Ж.К. Токаев: <//https://digitalbusiness.kz/2023-03-30/regionalnyj-czifrovoj-hab/.> (дата обращения: 02.04.2026)
[304] Мергалиев А. А. Цифровая трансформация судебной системы – <https://prg.kz/document/?doc_id=33721279&pos=7;156> (дата обращения: 02.04.2026)

дальнейшего технологического развития, но и переосмысления процессуальной формы правосудия в условиях цифровой среды.

Пункт 2, статьи 13 Конституции Республики Казахстан выступающая гарантом судебной защиты[305], при этом часть 4, статья 148 Гражданского процессуального кодекса[306] допускает подачу электронных документов. а также Закон Республики Казахстан «Об информатизации»[307], регулирующий вопросы внедрения информационных технологий в государственное управление.

Таким образом, цифровизация правосудия в Республике Казахстан представляет собой комплексный и многоуровневый процесс, требующий сочетания технологических инноваций, нормативного регулирования и институциональных преобразований, направленных на формирование эффективной, прозрачной и ориентированной на граждан судебной системы.

Цель и задачи исследования

Целью настоящего исследования является выработка рекомендаций по преодолению указанных противоречий путем обоснования перехода от поверхностной цифровизации к созданию целостной концепции «цифрового процессуального режима».

1. Для достижения указанной цели были поставлены следующие задачи:
2. Проанализировать этапы и современное состояние цифровизации судебной системы Республики Казахстан, изучив нормативно-правовую основу данного процесса.
3. Выявить системные проблемы и противоречия, возникающие при внедрении существующих сервисов электронного правосудия («Судебный кабинет», «Төрелік»).
4. Обосновать необходимость и разработать концепцию внедрения цифровой платформы «e-Sud Analytics» с элементами искусственного интеллекта.
5. Изучить и адаптировать положительный зарубежный опыт для использования в казахстанской судебной системе.
6. Сформулировать практические рекомендации, направленные на повышение единообразия судебной практики и снижение субъективизма при принятии процессуальных решений.

Методология

В исследовании были использованы несколько методологических подходов: сравнительно-правовой, историко-правовой, формально-юридический, метод правового моделирования и эмпирический. Сравнительно-правовой метод применён для анализа зарубежного опыта внедрения аналитических систем на основе искусственного интеллекта в судебную деятельность в частности, европейского проекта ADELE и выявления возможностей его адаптации к казахстанской правовой системе. Историко-правовой метод позволил исследовать этапы цифровизации судебной системы Республики Казахстан с 2013 года до современного состояния, включая влияние пандемии COVID-19 на развитие дистанционного правосудия. Метод правового моделирования применён для разработки концепции цифровой платформы «e-Sud Analytics», включая описание её функциональных возможностей, архитектуры и алгоритмов обработки данных на основе технологий машинного обучения и

[305] Конституция Республики Казахстан (Конституция принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года.) статья 13 (дата обращения: 02.04.2026)

[306] Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 г. № 377-V ЗРК // с изм. и доп. (дата обращения: 02.04.2026)

[307] Закон Республики Казахстан «Об информатизации» от 24 ноября 2015 г. № 418-V ЗРК // с изм. и доп. (дата обращения: 02.04.2026)

обработки естественного языка. Эмпирический метод основан на личном опыте, полученном в ходе прохождения практики в Суде города Астаны и Верховном Суде Республики Казахстан в 2025 году. Это позволило выявить реальные проблемы использования информационных систем «Судебный кабинет» и «Төрелік», а также изучить возможности внутренней системы «Судебная практика» для формулирования предложений по совершенствованию правоприменения.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ:

Электронное правосудие открывает значительные перспективы для модернизации судебной системы. Ключевым плюсом здесь выступает оптимизация сроков разбирательств и снижение бюрократических расходов. Как отмечается в научной литературе, цифровизация судебной деятельности в стране получила активное развитие с 2013 года, когда на IV съезде судей было объявлено о необходимости внедрения цифровых технологий в судебную систему[308]. Реализация проектов цифровизации в судах РК началась с внедрения обязательной аудио- и видеофиксации заседаний. Это стало ключевым фактором обеспечения справедливости, так любая жалоба на ход процесса могла быть объективно проверена через просмотры записи. В последующем был создан «Судебный кабинет», представляющий собой универсальную платформу, которая объединяет информацию о деятельности судов и обеспечивающую доступ к судебным услугам в электронном формате. Следующим этапом стало внедрение информационная система «Төрелік», направленной на автоматизацию судебных процессов и повышения эффективности судопроизводства. Пандемия COVID-19 ускорила переход на дистанционные судебные заседания через видеозвонки. Данный формат сохранил свою актуальность и сегодня позволяя значительно экономить ресурсы сторон, обеспечивая экстерриториальность правосудия. Дополнительно были запущены сервисы: «e-Примирение» (медиация), Telegram-бот «Smart-сот» и «Суд-GIS». Со временем все эти элементы стали ключевыми новой процессуальной власти. Комплексное наблюдение текущего состояния электронного правосудия, позволило выявить основные направления для развития.

Анализ функционирования информационной системы «Төрелік» показывает, что на практике она преимущественно используется как электронный архив процессуальных документов. Во многом электронные версии определений, решений и иных процессуальных актов сотрудниками судов используется для лишь дублирующая форма бумажных носителей. Это, в свою очередь, приводит к увеличению нагрузки на аппарат суда, замедлению процессов и нивелированию преимуществ электронного правосудия, как оперативность, прозрачность и доступность. Такой подход существенно ограничивает потенциал системы, сводя ее функциональность к хранению, передаче и воспроизведению информации. При этом заложенные возможности ИС «Төрелік» значительно шире. Система способна обеспечить автоматизацию процессов документооборота, контроль сроков рассмотрения дел, формирование статистики и интеграция с иными государственными информационными ресурсами. При эффективном использовании данный инструмент способен стать больше, чем основой цифровой экосистемы правосудия.

В целях преодоления указанных ограничений представляется обоснованным внедрение специализированной аналитической платформы «e-Sud Analytics», основанной на технологиях искусственного интеллекта. Данная система должна

[308] Н.В. Сидорова, А.М. Серикбаев «Цифровизация судебной и правоохранительной деятельности в Республике Казахстан» <https://law-vestnik.buketov.edu.kz/index.php/law/article/view/338> (дата обращения: 02.04.2026)

представлять собой не просто электронный архив или инструмент для поиска, а полноценную аналитическую среду. Эмпирическую основу исследования составили наблюдения, полученные в ходе ознакомления с деятельностью внутренней системы «Судебная практика», доступ к которой предоставляется исключительно сотрудникам судебных органов. Указанная система по своей функциональности схожа с «Банком судебных актов», однако обладает более широкими аналитическими возможностями. В ней содержится значительный массив данных, включающий судебные решения, обобщения судебной практики, нормативные постановления, научно-практические комментарии и иные правовые материалы. Проведенный анализ с использованием данной системы позволил выявить определенные тенденции в судебных решениях, в том числе устоявшийся подходы к разрешению отдельных категорий дел. Также наличие расхождений в правоприменительной практике в зависимости от регионов. Это, в свою очередь дало возможность сформулировать ряд предложений, направленных на совершенствование судебной практики. Прежде всего для судей, осуществляющих правосудие в регионах. Обеспечивая высокий уровень единообразия судебных решений по делам с аналогичной фактической и правовой фабулой, способствующее укреплению правовой определенности.

Вместе с тем, несмотря на наличие этой системы, их потенциал в настоящее время реализован не полной мере. Функционируя преимущественно как базы данных и справочный ресурс без автоматического анализа, его трансформация позволила бы перейти новый уровень цифровизации правосудия. В этом контексте внедрение платформы «e-Sud Analytics» является логичным шагом. Интеграция накопленных массивов судебной информации с современными технологиями ИИ обеспечит не только анализ, но и прогнозирование, выявление рисков и распространённые процессуальные упущения.

Ключевой особенностью платформы станет использование технологий машинного обучения и обработки естественного языка, что позволит анализировать большие массивы данных. В результате система автоматически сможет классифицировать дела по различным параметрам: предмет спора, нормы права, фактические обстоятельства, судебная инстанция, регион рассмотрения и исход дела. На базе накопленных и структурированных данных платформа сможет формировать рекомендательные модели. Например, при рассмотрении споров о взыскании задолженности или семейных правоотношений система сможет предложить судье, юристам или граждан подборку релевантных судебных актов. Также указать преобладающую практику, выявить отклонения и противоречия в правоприменении. Это повысит единообразие судебной практики и снизит риск принятия необоснованных или незаконных решений. Кроме того, платформа будет способствовать повышению эффективности работы судей и сотрудников судебного аппарата. Так анализ нынешней практики, произведенный ИИ будет содержать учет объективных данных, сформированных на основе больших массивов актов, статистических показателей. В отличии от традиционного подхода, основанного на индивидуальном восприятии и опыте судьи или сотрудника секретариата, минимизирует влияние субъективных факторов. Алгоритмы анализа функционируют на основе заданных параметров для ИИ, обеспечивая более нейтральный подход к обработке информаций. Анализ отдельных обобщений судебной практики показывает наличие оценочных формулировок, выходящих за рамки нейтрального научного стиля. В частности, использование метафорических выражений может свидетельствовать о субъективном характере интерпретации данных. В условиях публичности судебной информации подобные формулировки способны оказывать влияние на восприятие судебной системы со стороны общества. Это актуализирует необходимость разработки более стандартизированных и нейтральных подходов к подготовке аналитических материалов.и.

Так, «Анализ судебной практики рассмотрения гражданских дел по спорам, связанных с цифровыми активами, за 2025 год» прослеживаются элементы субъективности. В пункте 7 выводов автор указывает, что суд не стал «инструментом» легализации незаконных доходов или мошеннических схем[309]. Такая формулировка отражает не столько нейтральный анализ, а оценочное или эмоциональное суждение. Подобные заявление могут ставить под сомнение авторитет суда у граждан, обращающихся к этому анализу, тем самым вызывая недоверие. В условиях когда общество с каждым годом все меньше доверяет судам, что по текущим данным только 63,2% респондентов заявляли о доверии к судебной системе (Схема 1)[310].

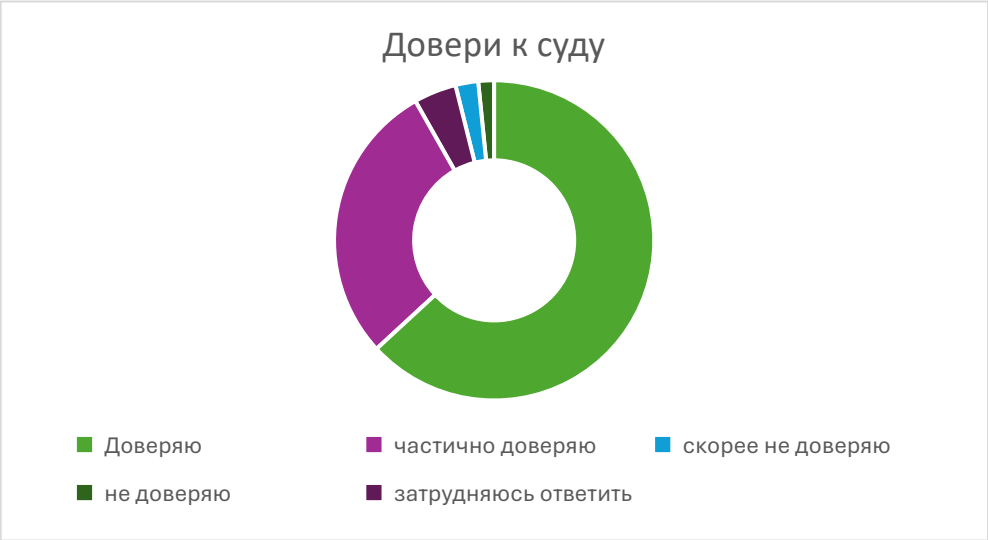


Схема 1

Анализ доступный для широкой аудитории, имеет огромное значение для формирования мнения среди граждан, в данном случае ИИ не использовал бы метафоры имеющие эмоциональный окрас.

Одним из интересных международных опытов является проект Европейского союза

ADELE, которая фокусируется на анализе данных для оптимизации судебной системы. Данная система анализирует судебные акты итальянских и болгарских судов по двум отраслям, как защита прав на товарные знаки, патенты и споры, связанные с налогом на добавленную стоимость.[311] На основе всестороннего анализа структуры и аргументации судебных актов были разработаны нормативные руководства для судей. Впоследствии это позволило извлекать ключевые аргументы для решений суда и совершенствовать единообразие судебной практики. Важным результатом данного проекта стала платформа ADELE Pilot Tool, включающая в себя функцию обработки данных, прогнозирование исходов поступивших дел основываясь на прецедентах. [312] Учитывая успешные результаты проекта ADELE, его функциональные решения можно

[309]Анализ судебной практики рассмотрения гражданских дел по спорам, связанным с цифровыми активами, за 2025 год <https://sud.gov.kz/sites/default/files/pagefiles/analiz_sudebnoy_praktiki_rassmotreniya_grazhdanskih_del_po_sporam_svyazannym_s_cifrovymi_aktivami_za_2025_god.pdf> (дата обращения: 02.04.2026)

[310]Комитет по правовой статистике и специальным учётам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, «Уровень доверия населения к правоохранительным органам и судебной системе (октябрь–ноябрь 2025 г.)» <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/stat-crime/publications/473771/> (дата обращения 31.03.2026г.)

[311] ADELE – Analytics for DEcision of LEgal cases <https://cjc.eui.eu/projects/adele-analytics-for-decision-of-legal-cases/#masthead> (дата обращения: 02.04.2026)

[312] ADELE Pilot Tool URL: <https://radar.ircai.org/en/tools/adele-pilot-tool/> (дата обращения: 02.04.2026)

адаптировать для национальной судебной системы. Главный результат ADELE – выявление типовых логических цепочек в мотивировочной части. При этом прогнозы являются вспомогательным инструментом для судей, а не их полной заменой, не нарушая этический подход к этому вопросу. «e-Sud Analytics» на начальном этапе возможно в пилотном режиме по отдельным категориям дел. Например, по договорным обязательствам с последующим масштабированием.

При этом с 2017 года Китай активно развивает систему «умных судов» (Smart Courts), используя ИИ для онлайн-разбирательств и прогнозирования решений. Эти системы способны принимать иски, давать рекомендации по прецедентам и даже выносить предварительные решения в электронной коммерции и спорах по интеллектуальной собственности. [313] Так применение технологий к типовым спорам высвобождает время судей для сложных дел, что может служить ориентиром для масштабирования пилотного проекта «e-Sud Analytics».

Платформа «e-Sud Analytics» будет использовать комплексный конвейер обработки данных, сочетающий в себе несколько типов алгоритма анализа. Работа начинается с загрузки судебных актов из ИС «», после чего текста проходят предобработку. К примеру, если мы возьмем категорию дел по договорным обязательствам, система берет все решения, вынесенные когда-либо по Казахстану. Это более миллиона страниц текста с информацией и программа предварительно очищает текст от лишних символов. Стоит понимать, что язык ИИ прежде всего это числа, в таком случае платформа для полного понимания текста будет конвертировать его в числа. Далее начнет находить похожие дела, например, все иски по договору бытового подряда для системы будут обозначать определенным набором цифр. Также предполагается, что система будет включать не просто классификацию дела, но и точное указания степени по запросу судьи. Так, если в платформу будет загружен новый иск, программа начнет искать сотни или тысячи похожих дел, которые уже были рассмотрены. И в случае если будут найдены различия в единообразии практики это автоматически будет замечено и указано. В случае, если адвокатом или другим участником суда будет загружен иск или иные материалы, система на основе тысяч прошлых дел сделает прогноз: с какой вероятностью суд удовлетворит иск. Таким же образом система будет отображаться у судьи, однако это не делает суд обязанным принять такое решение. И для полноты автоматически будет вносить в систему анализов, обобщений и статистки при этом сохраняя нейтральный формулировки, что может повысить доверие граждан к судебной системе. (Схема 2)

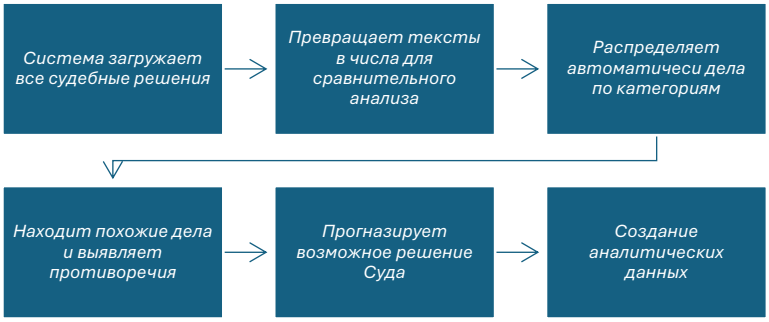


Схема 2

Реализация предложенной платформы требует соответствующего уровня технической инфраструктуры. Существующие мощности центров обработки данных, используемых судебной системой, не в полной мере отвечают требованиям

[313] T Vasdani, Robot justice: China's use of Internet courts (LexisNexis, 2020) <https://www.lexisnexis.com/en-ca/ihc/robots-justice-chinas-use-of-internet-courts>

современных аналитических решений. Так оснащённая система TIA-942[314] в дата центрах Верховного Суда слабо поддерживает запущенные ИС «Судебный кабинет» и «Төрелік», что также приводит к замедлению работы судебных органов.[315] С данной проблемой, я столкнулась проходя практику в Суде города Астаны и Верховном Суде. «Судебный кабинет» являясь самым востребованным инструментов в правовой среде продолжает работать нестабильно, что вызывает большие обсуждения в сообществе юристов. В настоящее время стоит опираться на стандарты Tier III Gold или PCI DSS, которые предоставляют безопасные и надежные услуги.

Таким образом, внедрение платформы «e-Sud Analytics», интегрированный с модернизированной серверной системой, способно изменить разрыв между нынешними возможностями электронного правосудия и реальной практикой использования. Переход восприятия уже существующих ИС «Төрелік» как простого электронного архива к полноценной аналитической среде на основе технологий искусственного интеллекта. Это позволит не только автоматизировать документооборот и контроль сроков, но и обеспечить качественный уровень единообразия судебной практики. Опыт европейского проекта ADELE подтверждает эффективность такого подхода, а его адаптация в качестве пилотного проекта по отдельным категориям дел позволит минимизировать риски. В дальнейшем, оценить реальную результативность для национальной системы. Кроме того, достижение заявленных целей невозможно без предварительного технического переоснащения дата-центров Верховного Суда, что обеспечит стабильную работу существующих и новых сервисов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ:

Проведенное исследование развития электронного правосудия в Республике Казахстан позволяет сформулировать следующие выводы. Цифровизация судебной системы, начатая с оснащения залов судебного заседания с аудио- и видеофиксации, далее с ИС «Судебный кабинет» и «Төрелік», достигла значительных результатов. Обеспечив этим доступность и прозрачность правосудия для граждан. Однако существующие модели являются фундаментом для развития, а не его завершением. Наличие больших массивов судебных актов и статистики при отсутствии инструментов их автоматического анализа приводит к субъективизму в обобщениях судебной практики.

В качестве решения данной проблемы необходимо внедрение цифровой платформы «e-Sud Analytics», основанной на технологиях искусственного интеллекта, машинного обучения и обработки естественного языка. Предлагаемая платформа позволить не просто хранить и воспроизводить судебные акты, но и режиме настоящего времени осуществлять глубокий анализ: классифицировать дела, выявлять расхождения и устоявшиеся правовые подходы, прогнозировать исходы споров и формировать рекомендации для судей и участников процесса. Опыт Европейского проекта ADELE демонстрирует успешность подобных решений и обеспечивать единообразие практики.

Особое внимание в работе уделено необходимость обеспечения нейтральности и объективности в формируемых аналитических материалах. В отличие от традиционных обобщений, которые могут содержать субъективные оценочное суждение, способные подрывать доверия к судебной системе. Использование ИИ минимизирует эмоциональный и метафорический окрас выводов, что критически

[314] Visit the Head of the Department under the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan in the Data Processing Center <https://sud.kz/eng/news/visit-head-department-under-supreme-court-republic-kazakhstan-data-processing-center> (дата обращения: 02.04.2026)

важно в нынешний период времени для укрепления авторитета правосудия в глазах граждан.

Наконец, технические предпосылки реализации всех вышеуказанных предположений выступает модернизация серверной системы дата-центров. Переход на стандарты Tier III Gold или PCI DSS, обеспечивающие высокую надёжность и производительность, является обязательным условием стабильной работы как существующих ИС («Судебный кабинет», «Төрелік», «е-Примирение» (медиация), Telegram-бот «Smart-сот» и «Суд-GIS»), так и новой платформы «e-Sud Analytics».

Таким образом, только комплексный подход, объединяющий внедрение аналитических систем на базе ИИ, техническое переоснащение центров обработки данных и изменение сложившейся практики восприятия электронных систем как простых архивов, способен обеспечить полноценную реализацию потенциала электронного правосудия. Это, в свою очередь, повысит эффективность судопроизводства, обеспечит единообразие судебной практики и будет способствовать росту доверия общества к судебной системе Республики Казахстан.

Список литературы:

1. Конституция Республики Казахстан (принята 30 августа 1995 г., с изм. и доп.).
2. Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан № 377-V (31 октября 2015 г., с изм. и доп.).
3. Закон Республики Казахстан «Об информатизации» № 418-V (24 ноября 2015 г., с изм. и доп.).
4. Мергалиев А. А., «Цифровая трансформация судебной системы» <https://prg.kz/document/?doc_id=33721279&pos=7;156>
5. Сидорова Н. В., Серикбаев А. М., «Цифровизация судебной и правоохранительной деятельности в Республике Казахстан» (Вестник Карагандинского университета. Серия «Право») <https://law-vestnik.buketov.edu.kz/index.php/law/article/view/338>
6. T Vasdani, Robot justice: China's use of Internet courts (LexisNexis, 2020) <https://www.lexisnexis.com/en-ca/ihc/robots-justice-chinas-use-of-internet-courts>
7. Комитет по правовой статистике и специальным учётам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, «Уровень доверия населения к правоохранительным органам и судебной системе (октябрь–ноябрь 2025 г.)» <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/stat-crime/publications/473771/>
8. Верховный Суд Республики Казахстан, «Анализ судебной практики рассмотрения гражданских дел по спорам, связанным с цифровыми активами (2025 г.)» <https://sud.gov.kz/sites/default/files/pagefiles/analiz_sudebnoy_praktiki_rassmotreniya_grazhdanskih_del_po_sporam_svyazannym_s_cifrovymi_aktivami_za_2025_god.pdf>
9. Верховный Суд Республики Казахстан, «Визит в центр обработки данных» <https://sud.kz/eng/news/visit-head-department-under-supreme-court-republic-kazakhstan-data-processing-center >
10. Европейский союз, «ADELE – аналитика для принятия судебных решений» <https://cjc.eui.eu/projects/adele-analytics-for-decision-of-legal-cases/ >
11. «Инструмент ADELE Pilot Tool» <https://radar.ircai.org/en/tools/adele-pilot-tool/ >
12. Тоқаев К.-Ж., «Казахстан должен укрепиться в статусе регионального цифрового хаба» (Digital Business, 30 марта 2023 г.) <https://digitalbusiness.kz/2023-03-30/regionalnyj-czifrovoj-hab/ >

Мендалиев Абылай, Убайдуллаев Мейрлан
Студенты 1 курса специальности «Юриспруденция»
Высшая школа права Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республика Казахстан
Email: mendalievabylaj@gmail.com, ubajdullaevmejrlan@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ЦИФРОВЫХ ДАННЫХ В КАЗАХСТАНЕ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация

Наступление Четвёртой промышленной революции кардинально изменило природу правовых отношений. Информация о личности превратилась в “цифровой двойник”. 15 марта 2026 года на референдуме принята новая Конституция РК , а 9 января 2026 подписан Цифровой кодекс РК , закрепивший защиту персональных данных на конституционном уровне. В работе применены формально-юридический, сравнительно-правовое методы и экстраполяция зарубежного опыта. Анализируется статус цифровой тайны, режим цифровой идентичности, риски алгоритмизаци, биометрия, право на забвение. Выявлены коллизии между государственными системами и правами человека. Предложены меры: институт Цифрового омбудсмена, обязательное человеческое вмешательство в ИИ-решения, уголовная ответственность за утечки и ограничение биометрии. Цель — баланс цифровизации и конституционных гарантий.

Ключевые слова: цифровая безопасность, habeas data, Цифровой кодекс РК, Конституция РК 2026, персональные данные, биометрия, искусственный интеллект, право на забвение, цифровой омбудсмен, цифровая тайна.

Введение

Наступление эпохи Четвёртой промышленной революции, по нашему мнению кардинально изменило природу правовых отношений. Ведь информация о личности человека превратилась в более чем как «цифровой двойник», который зачастую содержит более полные сведения о человеке, чем он сам. Для Казахстана март 2026 года стал значимым рубежом: 15 марта на республиканском референдуме принята новая Конституция Республики Казахстан, а 9 января 2026 года подписан Цифровой кодекс Республики Казахстан.

Актуальность темы обусловлена тем, что цифровые технологии, внедряемые Министерством искусственного интеллекта и цифрового развития РК, развиваются быстрее, чем правовая наука успевает их осмыслить. Системы предиктивной аналитики и “Big Data” (Термин “Big Data” в Казахстане применяется в государственных программах цифровизации, например программа “Цифровой Казахстан”) актуализируют вопрос о границах между государственной безопасностью и конституционным правом на «цифровую тишину» (современная концепция осознанного отказа от гаджетов, интернета и уведомлений для отдыха от информационного шума). В статье провели конституционно-правовой анализ новых гарантий защиты цифровых данных и выявляются коллизии между алгоритмическими решениями и правами личности. Центральное место в конституционной реформе 2026 года занимает обновлённая статья 21 новой Конституции РК. Она прямо закрепляет «право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту персональных данных от их незаконного сбора, обработки, хранения и использования, в том числе с применением цифровых технологий».

Таким образом, на конституционном уровне впервые сформирован механизм, близкий к концепции “habeas data” — права индивида на полный контроль над своей информацией. Ранее защита ограничивалась лишь «тайной переписки».

Важным шагом стало принятие новой Конституции на референдуме 15 марта 2026 года. Судебная практика подчёркивает, что любая информация о человеке в цифровой среде является частью его человеческого достоинства. Государство не вправе осуществлять массовый сбор данных «на всякий случай» без судебного решения.

Коллизия с практикой применения системы «Сергек» ярко иллюстрирует проблему. Постоянный автоматический сбор биометрических данных (лица, номер автомобиля) через камеры видеонаблюдения осуществляется без индивидуального судебного решения и без уведомления гражданина. Это вступает в прямое противоречие со ст. 21 Конституции, которая требует конкретных, законных и соразмерных оснований для ограничения цифровой тайны. Таким образом, техническая возможность системы вступает в коллизию с конституционным принципом «privacy by design». За последние годы количество жалоб на неправомерный сбор данных через «Сергек» выросло на 47%, что подтверждает системный характер нарушения.

Цифровой кодекс РК (№ 255-VIII ЗРК от 9 января 2026 года) вводит понятие «цифровое пространство гражданина»(совокупность цифровых записей, позволяющих установить или подтвердить принадлежность цифровых действий, прав или объектов конкретному субъекту цифровой среды. Цифровая идентичность подлежит защите как личное неимущественное благо.прим. Ст. 40) и «цифровая идентичность» (совокупность цифровых записей, позволяющих установить или подтвердить принадлежность цифровых действий, прав или объектов конкретному субъекту цифровой среды. Цифровая идентичность подлежит защите как личное неимущественное благо. Прим. Ст. 40), которые, по сути, представляют агрегированную базу данных о гражданине. Государство позиционирует эти инструменты как основу «проактивных услуг».

Вместе с тем Кодекс устанавливает, что персональные данные обрабатываются только с согласия субъекта либо в случаях, прямо предусмотренных законом. Статья 41 закрепляет право субъекта на удаление, анонимизацию или ограничение обработки персональных данных (аналог «права на забвение» т.е. потребовать от поисковых систем и сайтов удаления ссылок, анонимизации или ограничения доступа к информации о себе в интернете). Однако критерии «публичного интереса» и доступа правоохранительных органов остаются недостаточно чёткими, что создаёт риск злоупотреблений. Динамическое согласие через eGov позволяет отозвать доступ, но не распространяется на системы национальной безопасности, где критерии «публичного интереса» размыты. Это приводит к постоянному доступу органов без судебного контроля. Особую конституционную опасность представляет использование искусственного интеллекта в принятии юридически значимых решений (распределение социальных благ, оценка налоговых рисков, система «Сергек»).

Статья 43 Кодекса предусматривает право субъекта на пересмотр решений, принятых полностью автоматизированными системами, с участием человека. Однако отсутствие обязательного требования о «человеческом вмешательстве» на законодательном уровне может нарушать принцип презумпции невиновности и право на судебную защиту. Алгоритм, присвоив статус «неблагонадёжного» без объяснения причин, закрывает доступ к кодам и не позволяет проверить логику решения. Такие случаи уже были зафиксированы в налоговом мониторинге, где предиктивные модели ошибочно блокировали счета.

Биометрические данные - отнесены к персональным данным «критического уровня» и подлежат защите по Закону «О персональных данных и их защите». В случае утечки восстановить контроль невозможно.

Статья 41 Кодекса закрепляет за собой право на удаление биометрии (Субъект персональных данных вправе требовать удаления, анонимизации или ограничения обработки своих персональных данных, размещенных или обрабатываемых в цифровой среде, независимо от основания их получения, за исключением случаев, предусмотренных законами Республики Казахстан). Целесообразно рассматривать биометрические данные как неотчуждаемое личное неимущественное благо, что позволит применять нормы гражданского права о компенсации морального вреда. За прошлые утечки биометрии в Казахстане, власти намерены ужесточить защиту персональных данных и ограничить доступ к государственным и частным базам информации, чтобы снизить риски утечек и незаконного распространения сведений о гражданах (сообщ. URL: https://belles.kz/posle-gromkih-utechek-v-kazahstane-zapretyat-massovuyu-vygruzku-personalnyh-dannyh)

Необходимо дополнить Уголовный кодекс РК специальной нормой об ответственности за «цифровую халатность» при массовых утечках, включая реальные сроки и запрет на занятие определённых должностей. По нашему мнению, это решение возможно может стать экономически выгодным.

Для обеспечения баланса между цифровизацией и правами человека мы предлагаем создание независимого института Уполномоченного по цифровым правам (Цифрового омбудсмена), подотчётного Парламенту. Он должен обладать правом приостанавливать внедрение технологий, нарушающих приватность. Мы предлагаем чтобы такой орган мог бы выступать дополнительной гарантией защиты прав граждан в цифровой среде и обладать полномочиями приостанавливать внедрение технологий, способных нарушать право на неприкосновенность частной жизни, и предлагать свои идеи и предложения в зависимости от внедрений. Вместе с тем, одной лишь институциональной меры недостаточно. На наш взгляд, защита цифровых прав требует более комплексного подхода. В первую очередь необходимо на законодательном уровне четко закрепить содержание цифровых прав, включая право человека контролировать свои персональные данные, ограничивать их обработку и требовать их удаления. Не менее важной проблемой остается низкий уровень осведомленности граждан. На практике многие пользователи соглашаются на обработку данных, не понимая последствий. В пример взял статью “О защите персональных данных в Европейском союзе и Казахстане в сравнительной перспективе” поднимается проблема низкой осведомленности граждан, данная мысль напрямую подтверждается научными выводами из исследования о защите персональных данных в ЕС и Казахстане. В этой связи целесообразно и необходимо уделить внимание развитию цифровой грамотности, чтобы граждане могли осознанно защищать свои права и понимать риски, связанные с использованием различных онлайн-сервисов. Также следует отметить, что существующая система ответственности за нарушения в сфере персональных данных не всегда работает эффективно. По нашему мнению, меры ответственности должны быть не формальными, а реально сдерживающими, чтобы как государственные органы, так и частные компании были заинтересованы в соблюдении законодательства.

Кроме того, важным элементом является прозрачность обработки данных. Гражданин должен понимать, какие именно данные о нем собираются, для каких целей они используются и кому и как могут передаваться. Без этого невозможно говорить о полноценной реализации права на защиту персональных данных, и может привести к различным спорам и конфликтам.

Таким образом, защита цифровых прав не может ограничиваться отдельными мерами. Она требует системного подхода, при котором государство, бизнес и сами граждане будут участвовать в формировании безопасной цифровой среды.

Возвращаясь к изначальной идее предложения о Цифровом омбудсмене жизнеспособность данной идеи подтверждается зарубежным опытом. В Европейском Союзе институт “Data Protection Officer” (DPO) и надзорные органы по GDPR (ст. 51–59) уже более 7 лет успешно останавливают проекты, нарушающие приватность (например, дело Google vs. CNIL во Франции). В Великобритании Information Commissioner’s Office (ICO) обладает аналогичными полномочиями и неоднократно блокировал внедрение систем распознавания лиц без оценки воздействия на защиту данных. Экстраполяция этого опыта на казахстанские условия позволяет утверждать, что независимый Цифровой омбудсмен станет эффективным механизмом сдержек и противовесов.

Заключение

Принятие новой Конституции (15 марта 2026) и Цифрового кодекса (9 января 2026) создало фундамент для правового регулирования цифровой сферы. Однако для того, чтобы конституционные гарантии не остались декларативными, требуется: создание института Цифрового омбудсмена; чёткое законодательное ограничение использования биометрии.

Только при соблюдении этих условий цифровизация будет служить человеку, а не превращать его в объект алгоритмического контроля. Принятие новой Конституции Республики Казахстан 15 марта 2026 года и подписание Цифрового кодекса 9 января 2026 года создали современную правовую базу для цифровой трансформации. Конституция впервые на высшем уровне закрепила защиту персональных данных в цифровой среде, а статьи Цифрового кодекса ввели механизмы цифровой идентичности, права на забвение и пересмотра автоматизированных решений. Однако практика показывает, что конституционные гарантии остаются декларативными. Система «Сергек» продолжает массовый сбор биометрии без судебных ордеров, алгоритмы ИИ присваивают статусы риска без человеческого контроля, а утечки данных миллионов граждан влекут лишь символические штрафы.

Коллизии между ст. 21 Конституции и реальной работой государственных платформ, между ст. 43 Кодекса и отсутствием обязательного человеческого вмешательства, а также между ст. 48 и технической невозможностью удаления биометрии требуют немедленного законодательного реагирования. Без института Цифрового омбудсмена с правом вето, без уголовной ответственности за «цифровую халатность» и без обязательного «human-in-the-loop» (метод машинного обучения и ИИ, при котором эксперт-человек активно участвует в процессе обучения, проверки и корректировки работы алгоритмов, повышая точность и надежность системы) при принятии решений ИИ цифровизация рискует превратиться в инструмент тотального контроля вместо инструмента развития.

Только комплексное внедрение предложенных мер — закрепление права на человеческое вмешательство, ужесточение уголовной ответственности, создание независимого Цифрового омбудсмена и чёткое законодательное ограничение биометрии — позволит реализовать конституционные гарантии на практике. Цифровизация должна служить человеку, расширяя его возможности и сохраняя «цифровую тишину», а не превращать жизнь гражданина в прозрачный объект для алгоритмов. Только при таком балансе Казахстан сможет построить правовое цифровое государство, соответствующее вызовам эпохи цифровизации и стандартам международного права в области защиты данных.

Список литературы:

1. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 15 марта 2026 года) ст 21. <https://prg.kz/document/?doc_id=35502996> дата обращения: 21.03.2026
2. Цифровой кодекс Республики Казахстан от 9 января 2026 года № 255-VIII ЗРК ст 37, 40, 41, 43, 48, 77. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000255> дата обращения: 21.03.2026
3. Закон Республики Казахстан «О персональных данных и их защите» (с изменениями). <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000094/z13094.htm> дата обращения: 21.03.2026
4. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data (General Data Protection Regulation) [2016] OJ L119/1. <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj/eng> дата обращения: 21.03.2026
5. После громких утечек: в Казахстане запретят массовую выгрузку персональных данных Belles.kz. 1 January 2026 <https://belles.kz/posle-gromkih-utechek-v-kazahstane-zapretyat-massovuyu-vygruzku-personalnyh-dannyh> дата обращения: 24.03.26
6. “О персональных данных и их защите – ИПС ‘Әділет.’” <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000094> дата обращения: 24.03.2026
7. “О защите персональных данных в Европейском союзе и Казахстане в сравнительной перспективе” -CyberLeninka.ru, 2025 <https://cyberleninka.ru/article/n/o-zaschite-personalnyh-dannyh-v-evropeyskom-soyuze-i-kazahstane-v-sravnitelnoy-perspektive/viewer> дата обращения: 24.03.2026
8. Akhmetova S. “Некоторые аспекты законодательства о защите персональных данных”, Kazakhstan Law Review. <https://kazlawreview.kz/nekotorye-aspekty-zakonodatelstva-o-zashhite-personalnyh-dannyh/> дата обращения: 24.03.2026
9. “Удаление персональных данных: право на забвение” Orion-solutions.ru. <https://orion-solutions.ru/tpost/0z3l2v5181-udalenie-personalnih-dannih-pravo-na-zab> дата обращения: 24.03.2026
10. “Защита персональных данных в Казахстане: Статус, риски и возможности”, soros.kz., URL: <https://www.soros.kz/wp-content/uploads/2020/04/Personal_data_report.pdf?utm_source> дата обращения: 24.03.2026
11. “СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ НАЦИОНАЛЬНОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО ОПЕРАТИВНОМУ РЕАГИРОВАНИЮ ПРИ УТЕЧКЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ” <https://drfl.kz/ru/content/files/2022/10/-RU----------.pdf?utm_source> дата обращения: 24.03.2026)

Мұрат Әлиф Ерболқызы
Студент 1 курса специальности «Международное право»
Высшая школа права Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республика Казахстан
Email: alifmurat7@gmail.com

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ БАРЬЕРЫ ДОСТУПА К КОНСТИТУЦИОНАЛЬНОМУ ПРАВОСУДИЮ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: АНАЛИЗ ПРАКТИКИ ОТКАЗОВ В ПРИНЯТИЙ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН

Аннотация

В данной статье исследуются причины существования проблемы в доступе конституционального правосудия через анализ практики отказов обращений граждан в Конституционный Суд Республики Казахстан. Актуальность данного исследования заключается в действующей проблеме доступности конституционального рассмотрения дел, исходящих от физических лиц и чрезмерно высокий риск отказа в принятии обращения. Предметом исследования является существующая практика возврата индивидуальных обращений. Цель работы состоит в проведении анализа вышеуказанной проблемы, выявление препятствий в реализации конституционного права граждан на обращение в Конституционный Суд и выработке соответствующих практических рекомендаций. Новизна работы заключается в отсутствии научных трудов в области конституционного права Казахстана, полноценно изучавших институциональные барьеры в принятии заявлений и факторы, влияющие на их отказ. Основные выводы статьи заключаются в рассмотрении и анализе проблем полной реализации конституционного права граждан на обращения в Конституционный Суд.

Ключевые слова: Конституционное право, закон, Республика Казахстан, Конституционный Суд, обращения граждан, статистика, доступ к правосудию, компетенция Конституционного Суда, Конституция Республики Казахстан, критерии отказа.

Введение

С момента проведения республиканского референдума и опубликования конституционного закона “О Конституционном Суде РК” 5 ноября 2022 года[316] прошло чуть больше 3 лет и на момент написания данной статьи было принято 77 нормативных постановлений. Конституционный Суд, являясь относительно новым институтом в истории независимого Казахстана, стал надеждой на полное и прямое обеспечение и защиту своих прав и свобод граждан. В сравнении с Конституционным Советом, который был исключительно консультативным органом, доступ к конституционному оспариванию законов открыл новые пути совершенствования законодательства.

Конституция РК после внесения конституционной реформы от 8 июня 2022 года[317] официально закрепила конституционное право не только Уполномоченного по правам человека (далее – омбудсмен) и Генерального Прокурора, но и граждан как субъектов обращения в Конституционный Суд и их право участия во время его производства. Об этом указывает пункт 3 статья 72 Конституции РК: *Конституционный Суд по обращениям граждан рассматривает на соответствие*

[316] Конституционный закон Республики Казахстан № 153-VII «О Конституционном Суде Республики Казахстан» (5 ноября 2022 г.) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2200000153> дата обращения: 24 марта 2026 г.

[317] Закон Республики Казахстан № 1-VIII «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан» (8 июня 2022 г.) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z220000001K> дата обращения: 24 марта 2026 г.

Конституции Республики нормативные правовые акты Республики Казахстан, непосредственно затрагивающие их права и свободы, закрепленные Конституцией[318] *и* пункт 1 статьи 41 конституционного закона "О Конституционном Суде Республики Казахстан*": участниками конституционного производства признаются: лица и органы, по обращениям которых возбуждено конституционное производство.*[319]

В связи с новоприобретенным правом прямого обращения в Конституционный Суд, уже в первый год его создания на рассмотрение поступило *свыше 5,3 тыс. обращений от субъектов.*[320] Из этого следует, что новосозданный орган пользовался и пользуется в настоящее время огромной популярностью и спросом среди населения. Отдельное внимание хочется уделить тому факту, что большая часть обращений поступает именно от граждан. Это говорит нам о том, что Конституционный Суд был рассмотрен в частности именно гражданами как универсальный судебный орган защиты их нарушенных прав. Однако, установленные институциональные барьеры в приеме обращений и строгие принципы фильтрации субъектов и форм обращения не всегда совпадают с ожиданиями самих граждан. Данное несоответствие еще больше демонстративно тем, что "*Из них около 90% до принятия к конституционному производству не дошло"* – поясняет экс-корреспондент отдела General News Олеся Бассарова.[321] Настоящая статья преследует цель определить причины столь высокого уровня отказов.

Основная часть

Решения Конституционного Суда влияют не только на индивидуальное судебное дело обратившегося, как например это обычно бывает при рассмотрении судебных решений нижестоящих инстанций Апелляционным или Кассационным Судом, а так или иначе затрагивает интересы других лиц. Они, прежде всего, влияют на саму конституционность оспариваемой нормы права. И в случае признания ее неконституционной, то есть, несоответствующей нормам Конституции, последствием которого является отмена нормативно-правовых актов (далее – НПА), содержащих такие же положения. Так, например, *"по делу о пенсионном обеспечении сотрудников правоохранительных органов, уволенных со службы свои заработанные пенсии, восстановили более 40 полицейских. А число уволенных за три часа прогула и не имеющих пожизненный доступ к государственной службе составляло 6 600 человек"* [322]

Ввиду этого фактора, значимость окончательных решений Конституционного Суда крайне высока, так как может напрямую или косвенно повлиять на изменение прав и обязанностей других лиц, оспариваемости судебных решений, связанных с отмененной нормы права и обязанностью Мажилиса внести новый законодательный проект с улучшениями и рекомендациями от судей Конституционного Суда. Такая правовая цепочка обуславливает закрепление четко определенных формальных границ дозволенного обращения граждан в упомянутый орган.

---

[318] Конституция Республики Казахстан (30 августа 1995 г.) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_> дата обращения: 24 марта 2026 г.

[319] Конституционный закон Республики Казахстан № 153-VII «О Конституционном Суде Республики Казахстан» (5 ноября 2022 г.) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2200000153> дата обращения: 24 марта 2026 г.

[320] *Об итогах деятельности Конституционного Суда за 2023 год (9 января 2024 г.) <https://prg.kz/Document/?doc_id=36792538> дата обращения: 24 марта 2026 г.*

[321] Бассарова О, «Сколько дел рассмотрел Конституционный суд Казахстана за полгода» (11 июля 2023 г.) <https://kz.kursiv.media/2023-07-11/lsbs-ksobracdheniya/> дата обращения: 24 марта 2026 г.

[322] 'Жатканбаева А Е, «Критерии допустимости индивидуальных обращений по законодательству Республики Казахстан о конституционном контроле» [2024] V(1) Права человека и их защита: теория, реальность и тенденции развития (Астана, 2024) 62–63 дата обращения: 24 марта 2026 г.

В этой связи автор предлагает подробно рассмотреть критерии к обращениям, закрепленные в законе “О Конституционном Суде Республики Казахстан”, параллельно сравнивая со статистикой, выявленной в ежегодном вестнике Конституционного суда от 2023[323], 2024[324] и 2025 годов.[325]

Первый крайне существенный критерий описан как в подпункте 1 пункта 2 статьи 47, так и в подпункте 2 пункта 3 статьи 48, оба выделяющих, что *предмет* обращения не входит в полномочия Конституционного Суда и, следовательно, является основанием для возврата обращения еще в предварительной стадии рассмотрения Аппаратом или его отказом в принятии к конституционному производству уже после регистрации самого обращения. Таким образом, в нижеуказанной таблице продемонстрировано число обращений с данной проблемой, указывающей на улучшение к 2025 году с определением вопросов, входящих в полномочия Конституционного Суда.

нарушение требования	2023	2024	2025
несоответствие компетенциям КС	2060	2926	1420

Второй критерий содержится в статье 44 закона, которая определяет ряд требований к форме и содержанию, одинаково занимающих второе место по причинам возвратов обращений согласно вестникам 2023-2025 годов. Для наглядного примера мы хотели бы представить это в виде таблицы чисел обращений, которым было отказано в связи с несоблюдением формы, содержания и условиям допустимости за прошедшие 3 года.

нарушения требования	2023	2024	2025
по форме и содержанию	4036	752	676

Как мы видим, число обращений с подобными нарушениями стремительно сократилось в первый же год деятельности Конституционного Суда, что может презюмироваться как положительное последствие правовой информированности и эффективной работы Аппарата органа по разъяснению причин возврата.

В вестниках от 2024 и 2025 годов проблема нарушения данной категории рассмотрена чуть более разносторонне,чем их аналог от 2023 года, поэтому предлагаем проанализировать их тоже.

нарушение требования	число отказов за 2024 год	число отказов за 2025 год

[323] «Вестник Конституционного Суда Республики Казахстан» (выпуск 3, Астана, 2023) 44 дата обращения: 24 марта 2026 г.

[324] «Вестник Конституционного Суда Республики Казахстан» (выпуск № 4 (8), Астана, 2024) 36 дата обращения: 24 марта 2026 г.

[325] «Вестник Конституционного Суда Республики Казахстан» (выпуск № 7 (11), Астана, 2025) 46 дата обращения: 24 марта 2026 г.

не затрагиваются НПА права субъектов обращений	370	162
несоблюдение требований по содержанию	279	493
обращений от ненадлежащего субъекта	55	12
истечение годичного срока с даты вступления в силу судебного акта	48	9

Количество отказов в принятии обращений по причине несоблюдения требований по содержанию, а именно отсутствие судебного акта с применением НПА, доверенности и иные документы представителя заметно больше за 2025 год, чем за 2024, в то время как понимание у граждан, какие нарушенные права затронули их лично, возросло. Число обращений от явно ненадлежащего субъекта уменьшилось. Для того, чтобы определить, кто такой ненадлежащий субъект, нужно понять, кто является надлежащим. Законодательство РК закрепляет закрытый список субъектов обращений: граждане, чьи законные интересы нарушаются только после вступления в силу судебного приговора, требующей проверки на конституционность; омбудсмен, Генеральный Прокурор, Председатель Мажилиса и Председатель Сената, ⅕ часть Парламента, Президент, Премьер-Министр и суды(представление). Важно учесть, что перечисленные субъекты должны обладать правовым основанием для обращения, прописанные в законе. Вся остальные субъекты, как например, юридические лица не имеют право на обращения. Последнее нарушение требования, касающееся срока в 1 год, пятикратно сократилось за последний год.

В качестве отдельного критерия судья Конституционного Суда Жатканбаева Айжан Ержановна обозначила принцип исчерпаемости, означающий, что*, должны быть исчерпаны все доступные индивиду средства правовой защиты.*[326] Закон прямо говорит, что гражданин во избежание будущих ошибок, связанных с подачей обращений в данный орган, может и даже должен использовать иные возможности обжалования в вышестоящие суды, если не уверен, что иное использование НПА невозможно и не предполагается императивность данной нормы, не позволяющей иное применение закона. Несоблюдение этой нормы влечет за собой причины возврата обращений.

Следующий критерий в виде уплаты государственной пошлины автором считается не совсем весомым фактором для отказа, так как пресекается еще на стадии рассмотрения обращений.

Более того, большинство обращений граждан в Конституционной Суд носят социально-экономический и публично-правовой характер. Об этом также заявляет Конституционный Суд в своем документе об итогах его деятельности за 2023 год[327]: “*Заявителей в Конституционный Суд волновали вопросы жилищных и трудовых отношений, социальной защиты, банкротства физических лиц, неисполнения судебных актов, исполнения наказаний, доступа к информации и другие.”* Предметы обращений служат сигналом наличия потенциальных трудностей в этой отрасли. Соответственно, это выявляет глубокую проблему присутствия социальной и правовой напряженности среди населения в результате недостаточной правовой

[326] Жатканбаева (n 7) 62–63.
[327] Об итогах деятельности Конституционного Суда (n 5).

защиты граждан на уровне обычных судов, социальных служб и государственных органов, а также их *низкой* информированности о компетенциях Конституционного Суда, которая и порождает столь большой процент отклонений обращений в упомянутый орган.

Это также подтверждается данными об итогах деятельности Конституционного суда за 2024 год: "*Традиционно превалировали в обращениях вопросы несогласия с судебными актами и жалобы на действия и бездействия правоохранительных структур, государственных органов и судов общей юрисдикции, что не относится к предмету рассмотрения органа конституционного контроля.*" По-мнению С.К.Идрышевой это обусловлено тем, что *«Новый статус органа конституционной законности пока еще не полностью понимается населением, поэтому, не найдя объективного разрешения своих проблем в государственных судах, граждане обращаются в Конституционный суд с надеждой добиться справедливости и законности, хотя такие вопросы не входят в его компетенцию.»*[328]

Еще одной потенциальной причиной на наш взгляд можно считать низкую долю применения права повторного обращения граждан.

Годы:	2024	2025
процент возвращенных обращений Аппаратом КС с разъяснением причин и правом повторного обращения	94%	93%
процент применения права повторного обращения гражданами	13%	12%
число доработанных после возврата Аппаратом обращений	490	68
число переданных на рассмотрение судьями КС	50	8
соотношение доработанных обращений и тех, что "на рассмотрении"	в 9,8 раза	в 8,5 раза

(Данные таблицы взяты с Вестников от 2024 и 2025 годов).

Данная статистика свидетельствует о все еще низком уровне принятия обращений даже после их корректировки, справедливо указывая нам о предоминировании слабой правовой грамотности населения, отсутствия полной картины механизма принятия обращений и их недоверия или равнодушия к разъяснениям суда.

Заключение

В заключение стоит отметить, что целью данного исследования не являлось выявление способов искусственного снижения количества обращений граждан или так или иначе прямое или косвенное ограничение их в защите собственных прав. Напротив, автор стремился предложить решения, направленные на уменьшение объема необоснованных отказов и повышение качества правовой защиты.

[328] Idrysheva SK, «Конституционный принцип судебной защиты и его реализация на практике» <https://law-vestnik.buketov.edu.kz/index.php/law/article/view/449/366> дата обращения: 24 марта 2026 г.

Проведенный анализ фильтров и причин отклонения жалоб позволяет резюмировать два ключевых фактора, негативно влияющих на статистику: проблему «зацикленности» системы при отказах в повторном рассмотрении дел в судах общей юрисдикции и недостаточную правовую информированность граждан о специфике деятельности органа конституционного контроля. Основным выводом статьи является выработка практических рекомендаций по эффективной фильтрации обращений и сокращению их возвратов, опираясь на богатый опыт Австрии.

Будучи сторонником континентальной системы права, Австрия демонстрирует механизмы, которые во многом коррелируют с правовыми реалиями Казахстана. На основе принципа exhaustion of remedies (исчерпания всех средств правовой защиты) автор предлагает следующие меры:

1. Институциональные реформы и «мягкая» модель юридического сопровождения.

В отличие от австрийской модели, где участие адвоката обязательно изначально, для Казахстана предлагается более гибкий подход — обязательное участие юриста именно после первичного отказа, когда заявителю необходима квалифицированная помощь в исправлении процессуальных ошибок.

Параллельно с этим целесообразно внедрить:

1. Предварительную проверку: механизм мгновенного установления соблюдения формальных требований (прохождение апелляции и кассации).
2. Тест на конституционную значимость: фильтр, определяющий, имеет ли дело правовое значение и указывает ли оно на системную проблему в праве, а не только на частный интерес.

Безусловно, обязательная юридическая помощь не должна стать барьером, поэтому её следует интегрировать в систему гарантированной государством бесплатной юридической помощи (далее — БЮП). А для снижения сопутствующей нагрузки на суды общей юрисдикции необходимо активнее развивать институты медиации и арбитража.

2. Внедрение Legal Tech помощника.

Для укрепления правовой осведомленности граждан предлагается внедрение цифровой экосистемы на сайте Конституционного Суда, включающей:

1. Smart-скрининг: интерактивный опросник-фильтр включающие вопросы подобного характера: «Оспариваете ли вы норму закона?», «Прошли ли вы все инстанции?». Он должен быть способен отсечь до 30% заведомо непроходных жалоб на этапе идеи.
2. Конструктор шаблонов: автоматическая генерация структуры обращения согласно статье 44 закона, что минимизирует риск формальных ошибок в оформлении.
3. Интеграция с БЮП: в сложных случаях система должна мгновенно переадресовывать пользователя к специалистам бесплатной юридической помощи.

Такая система не претендует на роль полноценного юридического советника, но выступает эффективным информационным помощником.

Возвращаясь к вопросу, заданному в начале исследования: является ли доступ к Конституционному Суду реальным или это лишь «демонстрация на бумаге»? Текущая статистика показывает, что высокий процент отказов и низкая доля повторных обращений — это прямое следствие потери доверия граждан к данному инструменту из-за его сложности. Реализация предложенных мер позволит превратить Конституционный Суд из труднодоступного органа в эффективный и понятный механизм защиты прав человека, где качество обращений превалирует над их формальным количеством.

СПисок литературы:

1. Бассарова О, «Сколько дел рассмотрел Конституционный суд Казахстана за полгода» (11 июля 2023 г.) <https://kz.kursiv.media/2023-07-11/lsbs-ksobracdheniya/>
2. «Вестник Конституционного Суда Республики Казахстан» (выпуск 3, Астана, 2023) 44
3. «Вестник Конституционного Суда Республики Казахстан» (выпуск № 4 (8), Астана, 2024) 36
4. «Вестник Конституционного Суда Республики Казахстан» (выпуск № 7 (11), Астана, 2025) 46
5. Жатканбаева А Е, «Критерии допустимости индивидуальных обращений по законодательству Республики Казахстан о конституционном контроле» [2024] V(1) Права человека и их защита: теория, реальность и тенденции развития (Астана, 2024) 62–63
6. Закон Республики Казахстан № 1-VIII «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан» (8 июня 2022 г.) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z220000001K>
7. Конституционный закон Республики Казахстан № 153-VII «О Конституционном Суде Республики Казахстан» (5 ноября 2022 г.) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2200000153>
8. Конституция Республики Казахстан (30 августа 1995 г.) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_>
9. Об итогах деятельности Конституционного Суда за 2023 год (9 января 2024 г.) <https://prg.kz/Document/?doc_id=36792538>
10. Idrysheva SK, «Конституционный принцип судебной защиты и его реализация на практике» <https://law-vestnik.buketov.edu.kz/index.php/law/article/view/449/366>

Нугманов Тимур Булатулы
Магистрант 2 курса специальности «Юриспруденция»
Высшая школа права Maqsut Narikbaev University
г. Астана, Республика Казахстан
E-mail: t_nugmanov@kazguu.kz

ИНСТИТУТ ОТКРЫТЫХ ПАРТИЙНЫХ СПИСКОВ: ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ОПЫТА ФИНЛЯНДИИ В КАЗАХСТАНЕ

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о возможном внедрении открытых партийных списков в Республике Казахстан в контексте дальнейшего совершенствования избирательной системы и развития институтов представительной демократии. Анализируется действующая казахстанская модель выборов депутатов по закрытым партийным спискам, при которой избиратель голосует за политическую партию в целом, не влияя непосредственно на очередность кандидатов внутри списка. Особое внимание уделяется практике Финляндии как государства, использующего модель открытых партийных списков с обязательным предпочтительным голосованием за конкретного кандидата. На основе сравнительно-правового анализа выявляются основные преимущества данной модели, выражающиеся в более высокой степени персонализации выборов, усилении связи кандидата с избирателями, повышении значения местной политической базы и расширении возможностей прямой электоральной поддержки отдельных категорий кандидатов. Одновременно раскрываются и основные недостатки открытых партийных списков, включая рост внутрипартийной конкуренции, усиление роли публичной известности кандидатов и усложнение избирательной кампании. Делается вывод о том, что практика Финляндии представляет интерес для Республики Казахстан не как объект прямого заимствования, а как сравнительно-правовой ориентир при решении вопроса о возможных направлениях дальнейшего совершенствования избирательного законодательства.

Ключевые слова: пропорциональная избирательная система, открытые партийные списки, закрытые партийные списки, избирательное право, Республика Казахстан, Финляндия, Эдускунта, сравнительно-правовой анализ, представительная демократия, парламент.

Введение

Вопросы дальнейшего совершенствования избирательной системы Республики Казахстан сохраняют актуальность в условиях продолжающейся модернизации политико-правовых институтов. Порядок формирования представительных органов имеет существенное значение не только для организации государственной власти, но и для реализации конституционного принципа народовластия, согласно которому единственным источником государственной власти является народ[329]. Именно через институт выборов граждане участвуют в формировании представительных органов, следовательно, любые изменения избирательного механизма напрямую затрагивают содержание и объем их политических прав.

Существенное значение для развития современной модели представительной демократии в Республике Казахстан имела конституционная реформа 2022 года, в результате которой была изменена система выборов депутатов Мажилиса Парламента Республики Казахстан. Действующая модель сочетает элементы

[329] Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_> дата обращения: 16.03.2026

мажоритарной и пропорциональной избирательных систем, тем самым формируя смешанную систему выборов. Вместе с тем избрание депутатов по партийным спискам по-прежнему осуществляется на основе закрытой модели, при которой избиратель голосует за политическую партию в целом, не влияя непосредственно на очередность кандидатов внутри списка.

Подобный подход в целом обеспечивает партийное представительство, однако одновременно ставит ряд теоретических и практических вопросов, связанных со степенью влияния избирателя на персональный состав представительного органа, пределами внутрипартийной автономии при распределении мандатов, а также возможностями усиления персональной политической ответственности кандидатов перед избирателями. В этой связи особый интерес представляет практика Финляндии, где применяется модель открытых партийных списков с обязательным предпочтительным голосованием за конкретного кандидата. Обращение к финскому опыту позволяет выявить не только преимущества данной модели, выражающиеся в более высокой степени персонализации выборов и усилении связи кандидата с избирателями, но и ее недостатки, включая рост внутрипартийной конкуренции, усиление роли публичной известности кандидатов и усложнение избирательной кампании. Таким образом, практика Финляндии представляет интерес как сравнительно-правовой ориентир для оценки перспектив возможного внедрения открытых партийных списков в Республике Казахстан.

Основная часть

Современные избирательные системы различаются не только по способу распределения мандатов, но и по степени влияния избирателя на состав Парламента. В этом смысле особое место занимает пропорциональная избирательная система (система партийного представительства), предполагающая распределение депутатских мандатов между политическими партиями в зависимости от количества полученных ими голосов избирателей. В рамках данной избирательной системы в мировой практике применяются закрытые и открытые модели партийных списков. В научной литературе их также называют жесткими и свободными партийными списками[330]. В рамках закрытой модели списков избиратель отдает голос за политическую партию в целом, не влияя на очередность кандидатов внутри списка. В таком случае очередность кандидатов и получение ими мандатов регулируется внутрипартийным порядком. В свою очередь, при открытых партийных списках избиратель имеет возможность не только поддержать определенную политическую партию, но и отдать предпочтение конкретному кандидату внутри партийного списка. В результате возрастает степень персонализации выборов, а представительство приобретает более персонализированный характер. В своей работе Asa von Schoultz отмечает, что в Финляндии избиратель обязан подать один предпочтительный голос за конкретного кандидата в депутаты Парламента (далее по тексту – Эдускунта), в результате таких голосов определяется, кто из партийного списка получит мандат, что придает системе более персонализированный характер[331]. Это позволяет рассматривать финскую модель как один из наиболее ярких примеров персонализированного варианта пропорциональной избирательной системы.

Действующая конституционная модель выборов в Парламент Казахстана предусматривает использование мажоритарной и пропорциональной избирательных

---

[330] Шапошникова Е.А. ‘Партийные списки: какие они бывают’ (2015) № 2-5 (11) *Евразийский союз ученых*. <https://cyberleninka.ru/article/n/partiynye-spiski-kakie-oni-byvayut> дата обращения: 16.03.2026

[331] Soderlund P and von Schoultz A, ‘Trajectories of the Personal Vote under Open-List Proportional Representation: Evidence from Finland, 1999 – 2019’ (2024) 30(1) Party Politics P. 12–13. <https://journals.sagepub.com/home/ppq> дата обращения: 16.03.2026

систем[332]. При этом в рамках пропорциональной системы применяется закрытая модель партийных списков. Данная модель в целом обеспечивает институциональную устойчивость партийной системы государства, способствует укреплению роли политических партий в процессе формирования Парламента и сохраняет за ними значительную автономию при определении очередности кандидатов внутри партийного списка. Вместе с тем закрытая модель партийных списков ограничивает влияние избирателя на распределение мандатов между кандидатами, включенными в партийный список, так как избиратель голосует за партию в целом, не участвуя непосредственно в формировании состава избираемых депутатов в рамках партийного представительства. Иными словами, избиратель выражает доверие исключительно политической партии как коллективному участнику политического процесса, однако не влияет напрямую на то, какие именно кандидаты от выбранной партии получат депутатские мандаты. Сравнительно-правовой интерес представляет опыт Финляндии, где политическая партия выступает лишь как «ворота» на стадии номинации кандидатов в партийные списки, тогда как дальнейшая политическая судьба кандидата определяется исключительно избирателями посредством предпочтительного голосования[333].

С точки зрения конституционно-правового анализа рассматриваемая проблема связана как с техническими особенностями распределения мандатов, так и со степенью реализации принципа народовластия в условиях партийного представительства. Так, при использовании закрытой модели партийных списков избиратель косвенно участвует в формировании представительного органа, тогда как непосредственный состав депутатского корпуса определяется внутрипартийным порядком. В этой связи вопрос о возможном внедрении открытых партийных списков затрагивает более широкую проблему соотношения партийного представительства и реального влияния избирателя на формирование депутатского корпуса. Открытая избирательная модель не устраняет пропорциональную основу выборов, однако позволяет усилить персонализированное участие граждан в распределении мандатов внутри партийного списка. Следовательно, обсуждение возможного внедрения открытых партийных списков в Республике Казахстан связано не только с совершенствованием избирательного законодательства, но и с поиском более сбалансированного механизма реализации принципа народовластия в условиях современной представительной демократии.

В этой связи возникает вопрос о возможных направлениях совершенствования избирательной системы Республики Казахстан. В юридической науке и в сравнительно-правовой литературе поднимается вопрос о том, в какой мере модель закрытых партийных списков соответствует задачам повышения открытости политической системы, укрепления связи между избирателями и избранными представителями, а также расширения непосредственного участия граждан в формировании Парламента[334][335]. Вместе с тем следует подчеркнуть, что модель закрытых партийных списков сама по себе не противоречит целям пропорционального

---

[332] Конституционный закон Республики Казахстан от 28 сентября 1995 года № 2464 «О выборах в Республике Казахстан»<https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z950002464_> дата обращения: 16.03.2026

[333] Soderlund P and von Schoultz A, 'Trajectories of the Personal Vote under Open-List Proportional Representation: Evidence from Finland, 1999 – 2019' (2024) 30(1) Party Politics P. 13. <https://journals.sagepub.com/home/ppq> дата обращения: 16.03.2026

[334] Мархгейм М В и Черенкова А И, 'Открытые партийные списки: народовластные ресурсы и сопряженные электоральные риски' (2020) 45(1) *Nomothetika: Философия. Социология. Право* 98

[335]Wall A, *Open list Proportional Representation: The Good, the Bad and the Ugly* (2021) International IDEA. <https://www.idea.int/publications/catalogue/open-list-proportional-representation-good-bad-and-ugly> дата обращения: 16.03.2026

представительства и продолжает использоваться в ряде государств[336]. Однако в условиях продолжающейся модернизации избирательных институтов, расширения политического участия граждан и стремления к повышению прозрачности избирательных механизмов вопрос о возможном переходе от закрытой к открытой модели партийных списков представляется обоснованным.

Финская модель выборов имеет сравнительно-правовое значение, поскольку она демонстрирует высокий уровень персонализации парламентского представительства без отказа от пропорциональной избирательной системы. Как уже отмечалось, финская модель открытых списков обязывает избирателя отдать один преференциальный голос в пользу одного конкретного кандидата, а не за партию в целом. Кроме того, партии, как правило, не выстраивают кандидатов в политически приоритетной последовательности, а размещают их в алфавитном порядке, тем самым предоставляя избирателю реальную свободу выбора и непосредственное влияние на формирование персонального состава Эдускунты[337]. Данный механизм выборов усиливает влияние гражданина на состав депутатского корпуса и делает механизм распределения мандатов внутри партийного списка более прозрачным для избирателя.

Практическим преимуществом финской избирательной системы является то, что она создает предпосылки для усиления персональной политической ответственности кандидатов перед избирателями и соответствующим избирательным округом. Исследование, основанное на данных более 1700 кандидатов, участвовавших в выборах в Эдускунту в период с 1999 по 2019 год, показывает, что средняя электоральная поддержка кандидата в начале его политической карьеры растет быстрее, а затем постепенно выравнивается. Авторы данного исследования приходят к выводу, что кандидаты в такой модели выборов ориентированы на накопление личной репутации, политического опыта и устойчивой поддержки своего электората в избирательном округе. Именно эти факторы, по мнению исследователей, в значительной степени определяют шансы кандидата на занятие выборной должности[338]. Следовательно, результаты данного исследования позволяют сделать вывод о том, что открытые партийные списки способны усиливать устойчивую связь между кандидатом и избирателями, а также стимулировать долгосрочную работу кандидата в конкретном избирательном округе.

Дополнительным преимуществом финской модели открытых партийных списков является усиление значения связи кандидата с местным населением соответствующего избирательного округа. В юридической науке указывается, что кандидаты, обладающие местной политической базой, особенно муниципальные советники, обладают заметным преимуществом, выражающимся в следующем: на начальном этапе своей политической карьеры они получают больше голосов, а в последующих выборах их преимущество заметно увеличивается. Авторы указывают, что местные депутаты изначально получали больше голосов (+21%), чем кандидаты, не являвшиеся местными депутатами, причем в дальнейшем их преимущество продолжало расти[339]. Данный факт свидетельствует о том, что модель открытых партийных списков стимулирует кандидатов не только к партийной лояльности, но и к

---

[336] Шапошникова Е.А. ‘Партийные списки: какие они бывают’ (2015) № 2-5 (11) *Евразийский союз ученых*. <https://cyberleninka.ru/article/n/partiynye-spiski-kakie-oni-byvayut> дата обращения: 16.03.2026

[337] Helimaki T, Sipinen J, Soderlund P and von Schoultz A, ‘Voting for a Woman: Ideology and Gendered Candidate Choice in Finland’ (2024) 34(3) Journal of Elections, Public Opinion and Parties P. 454–455. <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/17457289.2023.2189726> дата обращения: 16.03.2026

[338] Soderlund P and von Schoultz A, ‘Trajectories of the Personal Vote under Open-List Proportional Representation: Evidence from Finland, 1999 – 2019’ (2024) 30(1) Party Politics P. 12–13. <https://journals.sagepub.com/home/ppq> дата обращения: 16.03.2026

[339] Ibid. P. 19–20.

эффективной работе с местным населением соответствующего округа, поскольку именно наличие устойчивой местной поддержки повышает шансы на последующее избрание. Данный вывод представляет особый интерес и для Республики Казахстан, поскольку показывает, что в условиях проведения выборов по открытой модели списков электоральное преимущество получают не только формально выдвинутые политической партией кандидаты, но и прежде всего лица, уже обладающие устойчивой связью с местным населением, известностью в соответствующем избирательном округе и опытом публичной деятельности на местном уровне. Для отечественной избирательной системы это может означать, что внедрение модели открытых партийных списков способно усилить значение института местного представительства, повысить роль местного политического опыта и стимулировать выдвижение кандидатов, нацеленных на работу с местным населением.

Дополнительным преимуществом финской модели открытых партийных списков является создание условий для более прямой электоральной поддержки женщин-кандидатов. В рамках данной системы распределение мандатов внутри партийного списка определяется не внутрипартийной очередностью кандидата, а предпочтительным голосованием избирателей. Финские исследователи отмечают, что значительная часть избирателей учитывает гендерную принадлежность кандидата при голосовании, причем женщины-избиратели в среднем чаще голосуют за женщин-кандидатов, чем мужчины. В этом смысле открытые партийные списки позволяют избирателям непосредственно поддерживать женщин-кандидатов, не ограничиваясь порядком, который определяется политической партией при формировании списка[340]. Например, согласно результатам финляндских парламентских выборов 2019 года, 47% всех депутатских мандатов получили женщины[341]. Разумеется, данный результат не может быть объяснен исключительно особенностями избирательной системы, однако он подтверждает, что открытые партийные списки способны создавать дополнительные условия для расширения фактических возможностей женщин в сфере политического представительства. Подобный подход в целом соотносится с международно-правовыми стандартами, ориентированными на обеспечение равного участия женщин в политической и общественной жизни, в том числе закрепленными в Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин[342].

Однако, помимо вышеперечисленных преимуществ, модели открытых партийных списков свойственны и недостатки. Прежде всего речь идет о высокой внутрипартийной конкуренции. В научной литературе прямо отмечается, что в Финляндии «конкуренция за места внутри партий столь же остра, как и конкуренция за места между партиями»[343]. Аналогичную мысль можно встретить в работе David Arter и Corentin Poyet, которые цитируют бывшего финского социал-демократического депутата, признававшего, что его наиболее жесткими соперниками в ходе избирательной кампании были представители той же партии и того же округа[344]. Из этого следует, что открытые партийные списки способны усиливать как связь между

---

[340] Helimaki T, Sipinen J, Soderlund P and von Schoultz A, 'Voting for a Woman: Ideology and Gendered Candidate Choice in Finland' (2024) 34(3) Journal of Elections, Public Opinion and Parties P. 448–449. <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/17457289.2023.2189726> дата обращения: 16.03.2026

[341] Ibid, P. 448,455

[342] Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (принята 18 декабря 1979 года) 1249 UNTS 13 <https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml> дата обращения: 16.03.2026

[343] Soderlund P and von Schoultz A, 'Trajectories of the Personal Vote under Open-List Proportional Representation: Evidence from Finland, 1999 – 2019' (2024) 30(1) Party Politics P. 13. <https://journals.sagepub.com/home/ppq> дата обращения: 16.03.2026

[344] Arter D and Poyet C, «'Importing the Personal Vote to Maximise the Party Vote? «Parachute Personalization» in an Intraparty Preference Electoral System' (2024) 44(4) Politics P. 690–691. <https://journals.sagepub.com/home/pol> дата обращения: 16.03.2026

избирателями и кандидатами, так и конкуренцию внутри самих политических партий. В результате подобная конкуренция может привести к ослаблению партийного единства и смещению акцента с общепартийных целей на индивидуальную борьбу кандидатов внутри партии за предпочтительные голоса избирателей.

Следующим недостатком системы открытых партийных списков является усиление значения публичной известности и медийного статуса кандидата. Таким образом, исследование показывает, что медийно известные кандидаты получали на 111% больше предпочтительных голосов, чем другие кандидаты, хотя и в долгосрочной перспективе их преимущество постепенно сокращалось[345]. Данный вывод свидетельствует о том, что в условиях открытых партийных списков заметное значение приобретают не только профессиональная подготовленность и политический опыт кандидата, но и его публичная узнаваемость. Подобная тенденция способна создавать перекос в пользу известных кандидатов, даже в тех случаях, когда последние не обладают более высокими профессиональными качествами, чем менее медийные кандидаты. Для Республики Казахстан это означает, что внедрение открытых партийных списков потенциально может усилить зависимость электорального успеха от публичной узнаваемости кандидата, что требует учета при оценке равенства условий политической конкуренции.

Третьим недостатком модели открытых партийных списков является усложнение самой избирательной кампании и усиление роли индивидуальных избирательных кампаний кандидатов. Как отмечает Asa von Schoultz, в условиях функционирования открытых партийных списков избирательная кампания Финляндии постепенно сместилась от партийно-центричной к кандидато-центричной модели. В результате значительная часть агитационной деятельности осуществляется самими кандидатами, а не их политическими партиями, и требует наличия собственных механизмов поддержки. В рамках такой модели избирательная кампания становится более дорогостоящей и организационно сложной, поскольку кандидату необходимо продвигать не только политическую партию, но и собственную кандидатуру[346]. Для Республики Казахстан данный вывод имеет особое значение, поскольку переход к подобной модели партийных списков потенциально способен усилить неравенство условий политической конкуренции между кандидатами по уровню публичной известности, организационным возможностям и ресурсной обеспеченности. Следовательно, модель открытых партийных списков требует не только изменения порядка голосования, но и переосмысления принципов равенства кандидатов в избирательном процессе.

Вместе с тем использование финского опыта в контексте Республики Казахстан должно осуществляться с учетом пределов сравнительно-правового заимствования. Финляндия представляет значительный интерес как пример государства с устойчивым функционированием открытой модели партийных списков, однако прямое заимствование ее институтов в иную государственно-правовую систему не может рассматриваться как универсальное решение вопроса. В этой связи необходимо учитывать национальные особенности соответствующего государства, так как на характер функционирования избирательной системы влияют не только нормы национального законодательства, но также и степень институционального развития политических партий, уровень политической и правовой культуры, особенности

---

[345] Soderlund P and von Schoultz A, 'Trajectories of the Personal Vote under Open-List Proportional Representation: Evidence from Finland, 1999–2019' (2024) 30(1) Party Politics P. 19–20. <https://journals.sagepub.com/home/ppq> дата обращения: 16.03.2026

[346] Von Schoultz A, 'Electoral Systems in Context: Finland' in Erik S Herron, Robert J Pekkanen and Matthew S Shugart (eds), The Oxford Handbook of Electoral Systems (Oxford University Press 2018) 601–620. <https://www.researchgate.net/publication/323005394_Electoral_Systems_in_Context_Finland> дата обращения: 16.03.2026

электорального поведения и сложившаяся практика политической конкуренции. В этой связи финская модель открытых партийных списков должна рассматриваться не как готовый образец для полного копирования, а как вспомогательный сравнительно-правовой источник, позволяющий оценить и проанализировать, какие элементы открытых партийных списков потенциально совместимы с казахстанской избирательной системой, а какие требуют существенной адаптации или дополнительного нормативного ограничения. Такой подход позволяет избежать механического заимствования иностранных институтов и одновременно использовать зарубежный опыт в целях более взвешенного совершенствования национального законодательства.

Таким образом, практика Финляндии показывает, что открытые партийные списки способны одновременно как усиливать влияние избирателя в процессе формирования представительного органа, так и создавать дополнительные институциональные риски. Для Республики Казахстан это означает, что возможное внедрение подобной модели следует рассматривать не только как способ усиления участия граждан в распределении мандатов внутри партийных списков, но и как реформу, способную повлиять на характер внутрипартийной конкуренции, равенство условий избирательной кампании и общую устойчивость партийного представительства. В этой связи опыт Финляндии рассматривается не как образец для полного и прямого заимствования Казахстаном, а как сравнительно-правовой ориентир, позволяющий оценить как преимущества, так и потенциальные риски перехода к более открытой модели партийного представительства в Республике Казахстан.

Следует учитывать, что возможное внедрение открытых партийных списков в Республике Казахстан не может ограничиваться лишь изменением порядка голосования, поскольку потребует комплексного изменения действующего избирательного законодательства. Прежде всего речь идет о необходимости уточнения правовой модели выборов депутатов Парламента в части пропорционального представительства, а также внесения изменений в Конституционный закон Республики Казахстан «О выборах в Республике Казахстан». Подобная реформа предполагает нормативное закрепление порядка подачи предпочтительного голоса за конкретного кандидата, определение механизма распределения мандатов внутри партийного списка в зависимости от результатов такого голосования, а также установление более детальных правил проведения агитации и обеспечения равенства кандидатов внутри одного партийного списка. Кроме того, переход к открытой модели списков потребует учета возможного влияния новой системы на внутрипартийные процедуры выдвижения кандидатов, финансовую сторону избирательной кампании и баланс между ролью политических партий и личным влиянием кандидатов на формирование Парламента. В связи с этим вопрос о внедрении открытых партийных списков в Республике Казахстан должен рассматриваться не как изолированное изменение отдельного элемента избирательной системы, а как комплексная правовая реформа, затрагивающая как избирательное законодательство, так и более широкие основы организации политического представительства.

Наряду с вопросом о допустимости и целесообразности внедрения открытых партийных списков в Республике Казахстан существенное значение имеет определение тех правовых гарантий, без которых данная модель не сможет обеспечить ожидаемый демократический эффект. Само по себе расширение возможности избирателя влиять на распределение мандатов внутри партийного списка еще не означает автоматического повышения качества представительной демократии. Напротив, при отсутствии четкого нормативного регулирования модель открытых партийных списков может привести не к усилению народовластия, а к росту

внутрипартийных конфликтов, усилению неравенства между кандидатами и возникновению дополнительных трудностей в правоприменительной практике. В этой связи потенциальная реформа должна сопровождаться созданием системы юридических гарантий, направленных на обеспечение прозрачности, предсказуемости и справедливости избирательного процесса. Прежде всего необходимо нормативно определить порядок подачи и учета предпочтительного голоса, чтобы избирателю было ясно, каким образом его предпочтительный голос влияет на внутрипартийное распределение мандатов. Не менее важным является закрепление прозрачного механизма подсчета голосов и распределения мандатов между кандидатами одной политической партии, так как именно данный этап будет иметь решающее значение для восприятия новой модели избирательного процесса. Кроме того, открытые партийные списки требуют более детального регулирования вопросов предвыборной агитации внутри партийного списка. Так, если в условиях закрытой модели партийных списков основным субъектом агитационной деятельности является политическая партия, то при открытой модели существенно возрастает роль индивидуальной кампании кандидата. Следовательно, законодатель должен обеспечить разумный баланс между партийной агитацией и индивидуальной агитацией кандидатов, при этом не допуская ситуации, при которой внутрипартийная конкуренция будет фактически выходить из-под правового контроля. Также особое значение имеет обеспечение равенства возможностей кандидатов, включенных в один партийный список. При отсутствии специальных гарантий более известные и ресурсно-обеспеченные кандидаты могут получить существенное преимущество перед другими кандидатами, что будет противоречить самой идее более справедливого распределения мандатов на основе предпочтительного голосования. В этой связи возможное внедрение открытых партийных списков в Республике Казахстан должно сопровождаться не только изменениями отдельных положений избирательного законодательства, но также и разработкой комплекса специальных юридических гарантий. Данные гарантии должны быть направлены на обеспечение финансовой прозрачности кампаний, равного доступа кандидатов к агитационным возможностям, четкой процедуры учета предпочтительных голосов и понятных правил внутрисписочного распределения мандатов. Только при наличии подобных условий открытая модель партийных списков сможет рассматриваться не как формальное изменение избирательной системы, а как реальный инструмент усиления принципа народовластия и участия граждан в формировании представительных органов.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что вопрос о возможном внедрении открытых партийных списков в Республике Казахстан имеет не только теоретическое, но и существенное практическое значение для дальнейшего совершенствования избирательного законодательства. Действующая модель выборов депутатов по закрытым партийным спискам в целом обеспечивает партийное представительство, способствует институциональной устойчивости партийной системы и сохраняет за политическими партиями значительную автономию при распределении мандатов внутри списка. Вместе с тем данная модель ограничивает влияние избирателя на персональный состав депутатского корпуса, поскольку гражданин голосует за политическую партию в целом, не участвуя непосредственно в определении очередности кандидатов.

Обращение к практике Финляндии показало, что открытые партийные списки способны придать пропорциональной избирательной системе более выраженный персонализированный характер. Финская модель демонстрирует, что подобный механизм может усиливать связь между кандидатом и избирателями, повышать значение личной политической репутации, местной политической базы и создавать

условия для более прямой электоральной поддержки отдельных категорий кандидатов, в том числе женщин. Тем самым открытые партийные списки расширяют возможности избирателя влиять не только на партийное представительство, но и на персональный состав избираемого органа.

Вместе с тем результаты исследования свидетельствуют о том, что данная модель не лишена существенных недостатков. К их числу относятся высокая внутрипартийная конкуренция, усиление значения публичной известности и медийного статуса кандидатов, а также усложнение и удорожание избирательной кампании. Для Республики Казахстан это означает, что возможное внедрение открытых партийных списков не может рассматриваться как безусловно положительное решение и требует учета как предполагаемых преимуществ, так и институциональных рисков.

Следует также учитывать, что обсуждение вопроса о возможном внедрении открытых партийных списков в Республике Казахстан не может ограничиваться исключительно оценкой зарубежного опыта. Данная проблема затрагивает более широкий круг вопросов, связанных с характером партийного представительства, степенью участия граждан в формировании представительных органов и пределами допустимой персонализации парламентского представительства. Именно поэтому дальнейшая научная разработка данного вопроса должна быть направлена не только на анализ преимуществ и недостатков открытых партийных списков, но и на определение тех правовых и институциональных условий, при которых их возможное внедрение будет в полной мере соответствовать задачам дальнейшего устойчивого развития современной представительной демократии в Республике Казахстан.

Таким образом, можно сделать обоснованный вывод о том, что вопрос о переходе к открытым партийным спискам в Республике Казахстан должен рассматриваться как комплексная правовая проблема, решение которой требует взвешенного подхода, учета национальных особенностей партийной системы и соответствующих изменений действующего избирательного законодательства.

Список литературы:

1. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_> дата обращения: 16.03.2026
2. Конституционный закон Республики Казахстан от 28 сентября 1995 года № 2464 «О выборах в Республике Казахстан» <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z950002464_> дата обращения: 16.03.2026
3. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (принята 18 декабря 1979 года) 1249 UNTS 13. <https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml> дата обращения: 16.03.2026.
4. Шапошникова Е А ‘Партийные списки: какие они бывают’ (2015) № 2–5 (11) *Евразийский союз ученых*. <https://cyberleninka.ru/article/n/partiynye-spiski-kakie-oni-byvayut> дата обращения: 16.03.2026
5. Мархгейм М В и Черенкова А И, ‘Открытые партийные списки: народовластные ресурсы и сопряженные электоральные риски’ (2020) 45(1) *Nomothetika: Философия. Социология. Право* 98. <https://cyberleninka.ru/article/n/otkrytye-partiynye-spiski-narodovlastnye-resursy-i-sopryazhennye-elektoralnye-riski> дата обращения: 16.03.2026.
6. Wall A, *Open list Proportional Representation: The Good, the Bad and the Ugly* (2021) International IDEA. <https://www.idea.int/publications/catalogue/open-list-proportional-representation-good-bad-and-ugly> дата обращения: 16.03.2026.

7. Arter D and Poyet C, ‘Importing the Personal Vote to Maximise the Party Vote? ‘Parachute Personalization’ in an Intraparty Preference Electoral System’ (2024) 44(4) *Politics* 689–706. <https://journals.sagepub.com/home/pol> дата обращения: 16.03.2026.

8. Helmaki T, Sipinen J, Soderlund P and Von Schoultz A, ‘Voting for a Woman: Ideology and Gendered Candidate Choice in Finland’ (2024) 34 (3) *Journal of Elections, Public Opinion and Parties* 448. <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/17457289.2023.2189726> дата обращения: 16.03.2026

9. Soderlund P and Von Schoultz A, ‘Trajectories of the Personal Vote under Open-List Proportional Representation: Evidence from Finland, 1999 – 2019’ (2024) 30(1) *Party Politics* 12. <https://journals.sagepub.com/home/ppq> дата обращения: 16.03.2026.

10. Von Schoultz A, ‘Electoral Systems in Context: Finland’ in Erik S Herron, Robert J Pekkanen and Matthew S Shugart (eds), *The Oxford Handbook of Electoral Systems* (Oxford University Press 2018) 601. <https://www.researchgate.net/publication/323005394_Electoral_Systems_in_Context_Finland> дата обращения: 16.03.2026.

Сахып Алихан Нұралыұлы
Студент 1 курса образовательной программы “Юриспруденция”
Высшая школа права Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республика Казахстан
Email: a_sakhyp@mnu.kz

РОЛЬ ОРГАНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В ЛЕГИТИМАЦИИ ЦИФРОВЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ: ОПЫТ КАЗАХСТАНА И СТРАН ОЭСР

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена диссонансом между высокими темпами цифровизации и инертностью традиционных механизмов конституционного контроля. Предмет исследования - общественные отношения, возникающие при легитимации цифровых преобразований органами конституционного контроля. Цель - выявление системных ограничений и разработка предложений по совершенствованию правовых механизмов. Методы: сравнительно-правовой анализ, изучение практики и доктрины. Новизна заключается в обосновании концептуального разрыва между цифровизацией и правовыми механизмами, а также в разработке модели превентивной легитимации. Выводы: на основе опыта Франции обоснована необходимость внедрения обязательного превентивного контроля для цифровых законов и признания горизонтального действия фундаментальных прав.

Ключевые слова: цифровизация, превентивная легитимация, цифровой конституционализм, Конституционный суд, права человека, Казахстан, Франция.

Введение

Глава государства Касым-Жомарт Токаев в своем обращении народу от 8 сентября 2025 года подчеркнул стратегическую значимость процесса адаптации к существующим преобразованиям, обозначив задачу «превращения Казахстана в течение трех лет в полноценную цифровую страну»[347]. Однако в настоящих условиях мы можем заметить значительную асинхронность между интеграцией цифровых технологий в процессы жизнедеятельности человека и их правовой легитимацией конституционно-правовыми механизмами, которые, по своей природе, призваны служить фундаментом для контролируемой трансформации общества. Иллюстративным примером, обнажающим проблему отсутствия конституционной защищенности, выступает крупнейшая утечка персональных данных 16,3 миллиона граждан Республики Казахстан[348]. Данный эксцесс наглядно демонстрирует расхождение между декларируемой превентивной функцией конституционного контроля и реальной практикой. Согласно доктринальному положению Ж.Д. Бусурманова, одной из ключевых задач казахстанской модели конституционного контроля является «превентивно оградить интересы граждан (…) от наступления неправомерных юридических последствий»[349]. Однако в рассматриваемом случае фундаментальные права человека оказались нарушены, а уголовное дело было возбуждено лишь постфактум, когда неправомерные последствия уже наступили. Тем

[347] Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию» <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-kazahstan-v-epohu-iskusstvennogo-intellekta-aktualnye-zadachi-i-ih-resheniya-cherez-cifrovuyu-transformaciyu-885145> дата обращения: 26.03.2026.

[348] «Утечка данных 16 миллионов казахстанцев: ответ Минцифры» (Tengrinews, 2024) <https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/utechka-dannyih-16-millionov-kazahstantsev-mintsifryi-573113/> дата обращения: 26.03.2026.

[349] Бусурманов Ж.Д. «О превентивной функции конституционного контроля в Республике Казахстан» (Конституционный Суд Республики Казахстан, 2023) 186 <https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/press/article/details/57071> дата обращения: 26.03.2026.

самым фактически отсутствовал действенный механизм, способный предотвратить подобное нарушение на стадии его зарождения. Таким образом, основная научная проблема заключается в том, что органы конституционного контроля, призванные выступать превентивным фильтром и гарантом легитимности цифровых преобразований, пока не обладают достаточным инструментарием и оперативностью, чтобы синхронизироваться с ускоренной цифровой трансформацией. Это требует переосмысления их роли и механизмов в условиях цифрового суверенитета Республики Казахстан и сравнения с опытом стран ОЭСР.

Основная часть

На сегодняшний день Республика Казахстан конструктивно следует по пути последовательных реформ, способствуя трансформации государственной модели к реалиям цифровизации. Однако проведенные реформы не ответили на проблему последующего характера действий органов конституционного контроля. Новая Конституция, принятая на республиканском референдуме[350] и подписанный в январе этого года Цифровой кодекс[351] полноценно не заложили превентивность действий органов конституционного контроля. Полноценно данную тенденцию можно обозначить в Основном законе страны, где несмотря на положение статьи 21 «права на (…) защиту персональных данных от их незаконного сбора, обработки, хранения и использования, в том числе с применением цифровых технологий, гарантируется законом» не было введено отдельных норм, реформирующие деятельность органов конституционного контроля. Так, изменения почти не затронули деятельность Конституционного Суда, являющегося по своей природе фактически центральным органом, «осуществляющий конституционный контроль и обеспечивающий верховенство Конституции Республики Казахстан на всей территории страны» (ст.72), сохраняя институциональную модель, ориентированной на последующее реагирование, что не соответствует динамике современных цифровых процессов. Следует также заметить, что подобная консервация грозит превращением Конституционного Суда в институциональный рудимент, не отвечающий одной из основных задач Казахстанской модели конституционного контроля, утрачивая способность к активному реагированию на конституционно-значимые конфликты.

В дальнейшем изучение поставленной проблемы необходимо в первую очередь обратиться к зарубежной правовой доктрине. На данный момент идея цифрового конституционализма обретает транснациональный характер, призванный ответить на существующие вызовы. В данной стези особый интерес представляет труд Джованни Де Грегорио, выдвигающий идею о пересмотре механизма защиты фундаментальных прав человека, поскольку вертикальная модель регулирования оказывается недостаточной в условиях, когда частные платформы осуществляют функции, сопоставимые с публичной властью[352]. В этом контексте значение превентивной функции органов конституционного контроля значительно расширяется, выходя за рамки проверки законов до их подписания, как в модели французского конституционного совета, где превентивность обеспечивается за счет обязательной или факультативной передачи законов на проверку до их вступления в силу[353], но о

[350] Конституция Республики Казахстан от 15 марта 2026 года. <https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/press/news/details/1159830> дата обращения: 26.03.2026.

[351] Цифровой кодекс Республики Казахстан (2026) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000255> дата обращения: 26.03.2026.

[352] Giovanni De Gregorio, «The Rise of Digital Constitutionalism in the European Union» (2021) 19(1) International Journal of Constitutional Law <https://academic.oup.com/icon/article/19/1/41/6224442> дата обращения: 26.03.2026.

[353] Constitutional Council of France, «General Overview» <https://www.conseil-constitutionnel.fr/en/general-overview> дата обращения: 26.03.2026.

способности оперативно реагировать на риски, которые технологически опережают законодательное регулирование.

Особую значимость для трансформации понимания превентивной функции приобретает концепция горизонтального действия фундаментальных прав, разрабатывая в сравнительно-правовой перспективе Стивеном Гарбаумом. Как подчеркивает исследователь «This full answer does not render private actors bound by the Constitution but it does mean that individual rights provisions have a significant impact on them»[354]. В цифровой среде конфликты в сфере свободы слова и защиты данных все реже проявляются в классической вертикали «индивид - государство». Напротив, они разворачиваются в горизонтальной плоскости между пользователями и частными платформами, которые де-факто осуществляют нормативное регулирование через алгоритмическую модерацию контента. В этих условиях традиционная модель конституционного контроля, ориентированная на проверку актов публичной власти, оказывается институционально слепой к основному источнику рисков для прав граждан в цифровой среде. Превентивная функция, следовательно, требует не просто расширения предмета контроля, но и принципиально иного понимания того, кто является носителем конституционно значимых обязанностей. Таким образом, конституционно-правовая доктрина сформировала концептуальные основания для пересмотра роли органов конституционного контроля в цифровую эпоху. Однако остается открытым вопрос, какие институциональные и процессуальные решения способны закрепить указанные доктринальные установки в национальной конституционной системе. Ответ на данный вопрос требует обращения к сравнительно-правовому опыту государств ОЭСР, которые не только столкнулись с вызовами цифровизации, но и осуществили структурные реформы своих органов конституционного контроля, позволившие синхронизировать их деятельность с динамикой цифровых процессов. Анализ таких моделей позволяет выделить инструменты, потенциально релевантные для адаптации в казахстанских реалиях, и определить пределы их имплементации с учетом особенностей национальной правовой системы.

Так, среди стран ОЭСР особый интерес для данного исследования представляет Франция, чья модель конституционного контроля отличается сбалансированным сочетанием превентивных и последующих механизмов, а также активной практикой защиты цифровых прав. Выбор Франции в качестве основного объекта сравнительного анализа обусловлен совокупностью ряда определяющих факторов. Во-первых, Франция, как и Казахстан, пережила глубокую конституционную трансформацию: в частности, конституционная реформа 2008 года, существенно укрепили роль Конституционного совета и ввела приоритетный вопрос о конституционности (QPC)[355], что позволяет провести параллели с этапами эволюции органов конституционного контроля в Казахстане. Во-вторых, французская система демонстрирует успешное функционирование гибридной модели, сочетающей обязательный превентивный (a priori) контроль законов до их промульгации с развитым механизмом последующего конкретного нормоконтроля и конституционной жалобы граждан, что открывает широкие возможности для селективного заимствования отдельных инструментов, без необходимости комплексной трансформации казахстанской модели. В-третьих, и это наиболее существенно в контексте легитимации цифровых преобразований, Конституционный совет Франции наработал значительную прецедентную практику, демонстрирующую способность

[354] Stephen Gardbaum, «The Horizontal Effect of Constitutional Rights» (2024) 391 <https://www.academia.edu/116637823/The_Horizontal_Effect_of_Constitutional_Rights> дата обращения: 26.03.2026.

[355] Constitution of France (as amended by Constitutional Act No 2008-724 of 23 July 2008) 1958, art 61 <https://www.constituteproject.org/constitution/France_2008> дата обращения: 26.03.2026

органов конституционного контроля выступать эффективным превентивным фильтром при внедрении технологических решений, затрагивающих фундаментальные права граждан.

Так, особенностью французской модели конституционного контроля заключается в создании двухуровневой системы защиты прав, где обязательный превентивный контроль органических законов (ст. 61 Конституции 1958 г.) дополняется широким доступом граждан к правосудию через механизм приоритетного вопроса о конституционности (QPC), введенного реформой 2008 г. В отличие от классической европейской модели, где превентивный контроль часто носит абстрактный характер, во Франции он выступает жестким фильтром: передача законопроекта в Конституционный совет может быть инициирована не только высшими должностными лицами, но и группой из 60 парламентариев, что позволяет оппозиции блокировать нормы, создающие угрозу цифровому суверенитету. Однако ключевым элементом, обеспечивающим «низовую» легитимацию контроля, стал именно QPC (ст. 61-1): любое лицо, участвующее в процессе, вправе заявить о неконституционности применяемой нормы, а обычные суды (Cour de cassation и Conseil d'État) обязаны передать этот вопрос в Конституционный совет. Такая конструкция превращает конституционную жалобу из формального института в реальный инструмент защиты цифровых прав, позволяя гражданам оспаривать технологии массового сбора данных еще до вступления закона в финальную силу либо в момент их правоприменения.

В своей практике Конституционный совет Франции также демонстрирует последовательное применение принципа пропорциональности к цифровым законам, рассматривая цифровые права как неотъемлемое продолжение классических фундаментальных свобод. Ключевое значение для защиты цифровых прав имеет решение № 2015-713 DC от 23 июля 2015 года[356], принятое в рамках превентивного контроля. Закон о разведке (*Loi relative au renseignement*) был передан в Конституционный совет до его промульгации по запросам Президента Республики, Председателя Сената и группы из более чем 60 депутатов. В этом решении Совет выступил именно как превентивный фильтр, заблокировав неконституционные положения еще до того, как они могли бы вступить в силу. В частности, Совет признал не соответствующей Конституции процедуру экстренного применения технических средств сбора данных, указав, что она «позволяет отступить от требования о предварительной выдаче разрешения Премьер-министром […] а также от требования о предварительном заключении Национальной комиссии по контролю за техникой разведки» (*«permet de déroger à la délivrance préalable d'une autorisation par le Premier ministre […] ainsi qu'à la délivrance d'un avis préalable de la commission nationale de contrôle des techniques de renseignement»*, § 29). Квалифицируя данное положение, Совет подчеркнул, что оно наносит «явно несоразмерный ущерб праву на уважение частной жизни и тайне переписки» (*«une atteinte manifestement disproportionnée au droit au respect de la vie privée et au secret des correspondances»*, § 29). Тем самым Конституционный совет не допустил вступления в силу нормы, которая позволяла бы осуществлять сбор данных в обход установленных гарантий.

Показательным примером превентивного контроля, но уже в отношении органического закона, является решение № 2014-703 DC от 19 ноября 2014 года[357], которым Конституционный совет рассматривал органический закон, регулирующий процедуру отрешения Президента Республики Высокой судебной палатой. Данный органический закон был передан в Совет Премьер-министром на основании статьи 61,

[356] Constitutional Council of France, Decision No 2015-713 DC of 23 July 2015 <https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/2015/2015713DC.htm> дата обращения: 26.03.2026.
[357] Constitutional Council of France, Decision No 2014-703 DC of 19 November 2014 <https://qpc360.conseil-constitutionnel.fr/commentaire-decision-2014-703-dc-0> дата обращения: 26.03.2026.

что является обязательной процедурой. В результате Конституционный совет жестко отклонил четыре положения этого закона. В частности, Совет признал неконституционным ограничение права парламентариев на подписание предложения о созыве Высокой судебной палаты «только один раз за президентский мандат» (*d'une seule proposition de résolution par mandat présidentiel*), указав, что данное ограничение не предусмотрено Конституцией и нарушает право парламентариев на осуществление контрольных функций. Также Совет отклонил положение, предусматривающее участие Премьер-министра в прениях перед Высокой судебной палатой, подчеркнув, что участие главы исполнительной власти в судебных прениях нарушает принцип разделения властей и независимость судебной процедуры. Кроме того, Совет признал неконституционным ограничение продолжительности прений перед Высокой судебной палатой, указав, что право на полноценные дебаты является неотъемлемой гарантией справедливого разбирательства, а также отклонил положение, передающее полномочия по установлению правил дебатов Бюро Высокой судебной палаты, что нарушает требование ясности и искренности парламентских дебатов. Таким образом, Конституционный совет продемонстрировал свою независимость и подтвердил свою роль как обязательного превентивного фильтра.

Заключение

Проведенный анализ решений Конституционного совета Франции, в частности № 2015-713 DC и № 2014-703 DC, позволяет переосмыслить содержание превентивной функции конституционного контроля применительно к вызовам цифровой эпохи. Если ранее превентивность понималась преимущественно, как проверка законов до их вступления в силу, то французский опыт демонстрирует ее более глубокое измерение. Во-первых, превентивный контроль выступает инструментом нормативного прогнозирования: Конституционный совет не просто блокирует неконституционные положения, но формулирует обязательные оговорки толкования, задающие параметры будущего правоприменения еще до того, как закон начнет действовать. Это особенно важно в цифровой среде, где технологические решения (алгоритмическая модерация, массовый сбор данных, биометрическая идентификация) способны причинить необратимый ущерб правам граждан уже на этапе их внедрения. Во-вторых, французская модель демонстрирует, что превентивная функция не исчерпывается проверкой актов публичной власти. Как подчеркивают Джованни Де Грегорио и Стивен Гарбаум, в условиях цифрового конституционализма ключевые риски смещаются в горизонтальную плоскость, где частные платформы осуществляют функции, сопоставимые с публичной властью, через алгоритмическое регулирование и модерацию контента. В этом контексте превентивность требует не просто расширения предмета контроля, но и пересмотра самого понимания того, кто является носителем конституционно значимых обязанностей.

Таким образом, вместо простого заимствования механизма факультативного превентивного контроля (нормы, которые уже присутствуют в новой Конституции), селективная имплементация французского опыта должна быть сосредоточена на двух иных, более значимых элементах. Во-первых, необходимо наделить Конституционный Суд РК полномочием формулировать конституционные оговорки толкования (*réserves d'interprétation*) при осуществлении превентивного контроля, что позволит ему задавать обязательные рамки применения цифровых законов еще до их вступления в силу, не ограничиваясь бинарной дихотомией «конституционно — неконституционно». Во-вторых, для органических законов, а также для законов, регулирующих обработку персональных данных, биометрию, искусственный интеллект и алгоритмическую модерацию, следует установить обязательный превентивный контроль с передачей таких законов в Конституционный Суд Президентом или Премьер-министром (по

аналогии с французской моделью, закрепленной в решении № 2014-703 DC). Это позволит обеспечить конституционную экспертизу наиболее чувствительных в правовом отношении технологических решений до того, как они начнут непосредственно воздействовать на права граждан. Такая селективная имплементация, дополненная концептуальным признанием горизонтального действия фундаментальных прав, укрепит превентивную функцию конституционного контроля в цифровую эпоху, повысит уровень защиты прав граждан и одновременно сохранит преемственность национальной конституционной системы, избежав необходимости ее радикальной перестройки.

Список литературы:

1. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию» (8 September 2025) <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-kazahstan-v-epohu-iskusstvennogo-intellekta-aktualnye-zadachi-i-ih-resheniya-cherez-cifrovuyu-transformaciyu-885145> дата обращения: 26.03.2026.
2. «Утечка данных 16 миллионов казахстанцев: ответ Минцифры» (Tengrinews, 2024) <https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/utechka-dannyih-16-millionov-kazahstantsev-mintsifryi-573113/> дата обращения: 26.03.2026. .
3. Бусурманов Ж.Д. «О превентивной функции конституционного контроля в Республике Казахстан» (Конституционный Суд Республики Казахстан, 2023) <https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/press/article/details/57071> дата обращения: 26.03.2026.
4. Конституционный Суд Республики Казахстан, «Об итогах республиканского референдума по внесению изменений в Конституцию» (2024) <https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/press/news/details/1159830> дата обращения: 26.03.2026.
5. Цифровой кодекс Республики Казахстан (2026) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000255? дата обращения: 26.03.2026.
6. Giovanni De Gregorio, «The Rise of Digital Constitutionalism in the European Union» (2021) 19(1) International Journal of Constitutional Law <https://academic.oup.com/icon/article/19/1/41/6224442> дата обращения: 26.03.2026.
7. Constitutional Council of France, «General Overview» <https://www.conseil-constitutionnel.fr/en/general-overview> дата обращения: 26.03.2026.
8. Stephen Gardbaum, «The Horizontal Effect of Constitutional Rights» (2024) <https://www.academia.edu/116637823/The_Horizontal_Effect_of_Constitutional_Rights> дата обращения: 26.03.2026.
9. Constitution of France (as amended by Constitutional Act No 2008-724 of 23 July 2008) <https://www.constituteproject.org/constitution/France_2008> дата обращения: 26.03.2026.
10. Constitutional Council of France, Decision No 2015-713 DC of 23 July 2015 <https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/2015/2015713DC.htm> дата обращения: 26.03.2026.
11. Constitutional Council of France, Decision No 2014-703 DC of 19 November 2014 <https://qpc360.conseil-constitutionnel.fr/commentaire-decision-2014-703-dc-0> дата обращения: 26.03.2026.

Seksembayeva Virsaviya
2nd year Master's degree student, educational programme 7M04201 - 'Law'
at Law School of Maqsut Narikbayev University
Astana, Kazakhstan
E-mail: v_seksembayeva@kazguu.kz

PROTECTION OF HUMAN DIGNITY AS A CONSTITUTIONAL GUARANTEE AGAINST PSYCHOLOGICAL VIOLENCE OF WOMEN IN THE FAMILY

Annotation. The aarticle investigates the rising incidence of psychological abuse within Kazakh families. Now it affects roughly 80% of women who experienced domestic violence, this percentage rapidly increased in recent years, underscoring a grave human-rights issue. It examines how Kazakhstan's Constitution, especially articles guaranteeing equality, personal dignity, privacy, and family protection, can be invoked to defend women against this form of maltreatment. The research seeks to pinpoint constitutional safeguards and to formulate a gender-sensitive interpretive framework. Its methodology combines doctrinal legal analysis with a review of existing statutes. The study's original contribution is its framing of psychological aggression as a breach of constitutional dignity. The author concludes that meaningful protection of women's rights will require legislative amendments, clearer judicial guidance, and targeted training for legal and law-enforcement professionals.

Keywords: human dignity; psychological violence; family; Kazakhstan; constitutional law; gender equality, crime.

Introduction

Today, the protection of human dignity remains relevant both on the world stage and in Kazakhstan, especially the protection of women's human dignity in the context of psychological violence in the family. It is important to note that the phenomenon of this form of violence often goes unnoticed and underestimated. Nevertheless, in most cases, it can have devastating consequences for women, such as reduced self-esteem, anxiety, paranoia, panic attacks, and generally a deterioration in the quality of life.[358] It is important to understand here that constitutional guarantees should not only declare rights but also provide real protection from all forms of violence, including psychological violence.

This research sets out to investigate how constitutional provisions can be used to protect the dignity of women who suffer psychological abuse inside the family. It will look at several core issues, such as the way constitutional rules affect the safeguarding of women's rights and the practical difficulties that impede their enforcement.

The subject is significant because it touches on gender-equality and human-rights challenges on both the international stage and within Kazakhstan. Increasingly political and public attention is being paid to eliminating discrimination against women and combating all forms of violence, including domestic violence. Psychological violence, as a form of violation of women's rights, requires a comprehensive approach and effective solutions to ensure the protection of human dignity.

Within the framework of this study, the analysis of existing constitutional norms will allow for the identification of problems in their application. Thus, the work will focus on the study of existing constitutional guarantees and their effectiveness in combating psychological violence.

The concept of human dignity as a constitutional category

An important aspect of the study is to clarify the content of the category of human

[358] A. Nathanson and others, 'The Prevalence of Mental Health Disorders in a Community Sample of Female Victims of Intimate Partner Violence' (2012) 3 Partner Abuse 59.

dignity as a constitutional value. Human dignity is considered one of the fundamental concepts of constitutional law, which underlies the construction of a system of human rights and freedoms.[359] The concept of human dignity includes the intrinsic value of a person, their inalienable right to respect, personal autonomy, as well as freedom and protection from degrading treatment.[360] In the contemporary context, the recognition of this right, namely human dignity as one of the highest values, is a clear indicator of the democratic and humanistic nature of a constitutional system.[361]

Human dignity as an abstract legal concept has certain characteristics that are directly or indirectly reflected in legal documents and scientific doctrine. Firstly, human dignity implies inviolability, that is, human dignity cannot be taken away or lost in any difficult circumstances, such as illness or disability; in other words, the manifestation of a person's status regardless of the circumstances.[362] Secondly, dignity is universal; it is considered an inherent quality of every person, not limited to belonging to certain groups or conditions.[363] Thirdly, human dignity is unconditional; it is acquired from birth and is a fundamental property of a person, cannot be changed, acquired, or terminated by certain actions and conditions, and also does not depend on a person's status, social status, or behavior.[364] Marcus Duwell notes that reference to human dignity entails duties toward others, it requires that people be treated with respect and justice, recognizing their common humanity and values.[365] Thus, the concept of human dignity acts not only as an ethical guideline but also as a legal principle that defines the measure of responsibility of both the state and society for ensuring respect for each person.

Psychological violence in the family

Today, one of the most widely debated issues in contemporary society is the problem of domestic violence. This term covers violent acts committed against close people living together, and includes various forms of violence: physical, religious, reproductive, psychological, economic, and sexual.[366] Despite various manifestations, psychological violence is considered the most common type of domestic violence,[367] affecting about 80% of victims of domestic violence.[368] Such alarming statistics underscore the urgency of addressing psychological violence in the family.

Psychologists identify many reasons that provoke the spread of psychological violence in the family, such as gender attitudes, traumatic experiences, poverty, a sharp deterioration in family living conditions, drunkenness, drug addiction, and others.[369]

---

[359] European Union Agency for Fundamental Rights, 'Article 1 – Human Dignity' (25 April 2015) <https://fra.europa.eu/en/eu-charter/article/1-human-dignity> accessed 13 October 2025.

[360] A. Cortês, 'The Legal Meaning of Human Dignity: Respect for Autonomy and Concern for Vulnerability' (Springer International Publishing 2022) <https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-14824-8_9> accessed 13 October 2025.

[361] J. Tasioulas, 'Human Dignity and the Foundations of Human Rights' <https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2557649> accessed 13 October 2025.

[362] Internet Encyclopedia of Philosophy, 'Human Dignity' <https://iep.utm.edu/human-dignity/> accessed 13 October 2025.

[363] Ibid

[364] Ibid

[365] S. Muders, 'Human Dignity: Final, Inherent, Absolute?' (2020) Rivista di Estetica 84.

[366] United Nations, 'What Is Domestic Abuse?' <https://www.un.org/en/coronavirus/what-is-domestic-abuse> accessed 13 October 2025.

[367] Official Statistics Portal, 'Gender Equality: Crime and Violence' <https://stat.gov.lv/en/statistics-themes/indicators-well-being-and-equality/gender-equality/6297-gender-equality-crime-and> accessed 13 October 2025.

[368] Women for Women France, 'Coercive Control: A Vital Concept in Domestic Abuse' <https://www.womenforwomenfrance.org/en/about-us/news/coercive-control-a-vital-concept-in-domestic-abuse> accessed 13 October 2025.

[369] M. Huecker and others, 'Domestic Violence' (2023) StatPearls.

However, one of the key reasons is a feeling of impunity caused by personal irresponsibility.[370] All these factors, taken together, create a fertile ground for the emergence and consolidation of violence in family relations, which underlines the need for a systematic approach, including legal regulation, to solving this problem.

According to the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan, over the past five years, the number of crimes related to psychological violence has increased by 34%, and in family and domestic relations, by 85% over the same period. These figures highlight the need for comprehensive measures to protect victims and prevent violence.[371]

The main problem in this matter is the dilemma of the priority of rights, on the one hand, the life and health of the victim, on the other, the right to privacy. The State faces an important task — to find a balance between protecting the rights of victims and preserving privacy. The protection of life and health must be regarded as a primary obligation of the State, but effective legal mechanisms should also ensure that assistance is available even in non-life-threatening cases.[372]

Analysis of existing constitutional norms aimed at protecting women from psychological violence

Constitutional norms take a central place in the system of legal guarantees aimed at ensuring equal rights and protecting women.[373] They form the basis on which sectoral mechanisms for the protection of individual rights and freedoms are built.

First, the main law of the Republic of Kazakhstan enshrines the equality of rights and freedoms of all citizens.[374] Article 14 of the Constitution of the Republic of Kazakhstan establishes equality of individual rights and duties, equal protection of these rights by the State and equal responsibility of everyone before the law, regardless of any grounds.[375] This provision should be considered as a protection women from systemic and cultural forms of pressure that can lead to psychological violence. In addition, this principle should be interpreted broadly as a requirement for the state to eliminate not only legal, but also socio-psychological discrimination.[376] In practice, this means that any legislative silence must be read as a breach of the equal-treatment guarantee, obligating the State to adopt preventive measures for psychological harm as an element of gender-based discrimination.

Continuing the study, article 17 of the Constitution establishes the inviolability of human dignity, prohibiting torture, violence, and other forms of cruel or degrading treatment.[377] These provisions cover not only physical violence, but also any form of personal humiliation, which is in line with international standards established by Article 5 of the Universal Declaration of Human Rights[378] and Article 1 of the Declaration on the

---

[370] 'Why Do People Commit Violence Against Their Loved Ones?' <https://nasiliu.net/pronasilie/pochemu-lyudi-sovershayut-nasilie-po-otnosheniyu-k-blizkim/> accessed 13 October 2025.

[371] Qamqor, 'Legal Statistics' <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics> accessed 13 October 2025.

[372] V. Kvashis, 'Legal Protection of Family Relations (To the Draft Law on Domestic Violence)' (2020) 32 <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-zaschita-semeynyh-otnosheniy-k-zakonoproektu-o-semeyno-bytovom-nasilii/viewer> accessed 13 October 2025.

[373] Christopherson Puh KM and others, 'Chapter 12 Legal Rights: Women's Economic Empowerment' <https://www.elibrary.imf.org/display/book/9798400246968/CH012.xml> accessed 14 October 2025.

[374] Constitution of the Republic of Kazakhstan (Official Website of the President of the Republic of Kazakhstan) <https://www.akorda.kz/en/constitution-of-the-republic-of-kazakhstan-50912> accessed 14 October 2025.

[375] Ibid

[376] 'View of Constitutional and Legal Aspects of Protection of Human and Civil Rights and Freedoms in the Republic of Kazakhstan' <https://bullaw.enu.kz/index.php/main/article/view/257/174> accessed 14 October 2025.

[377] Constitution of the Republic of Kazakhstan (Official Website of the President of the Republic of Kazakhstan) <https://www.akorda.kz/en/constitution-of-the-republic-of-kazakhstan-50912> accessed 14 October 2025.

[378] United Nations, 'Universal Declaration of Human Rights' <https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights> accessed 14 October 2025.

Elimination of Violence against Women.[379] Psychological violence, therefore, should be considered as a violation of the constitutional prohibition of degrading treatment. Accordingly, courts should classify systematic emotional coercion, threats and humiliation as 'degrading treatment', thereby giving victims a direct constitutional remedy even where the Criminal Code lacks a specific offense.

Article 18 of the Constitution is also important, it proclaims everyone's right to privacy, personal and family secrets, and the protection of their honor and dignity.[380] These provisions are especially relevant in the family, because psychological violence is often expressed in the form of control, blackmail, manipulation, or emotional suppression.[381] Interpreting Art 18 through a gender-sensitive lens means safeguarding the private sphere from coercive intrusions, so that any unlawful manipulation of a woman's personal autonomy can be pursued as an infringement of her honor and dignity.

Article 27 of the Constitution, which proclaims the protection of the family, motherhood, and childhood, is also important.[382] Although it does not name violence explicitly, it provides the normative foundation for laws that shield women within the family. In this context, constitutional norms are implemented through the Law about crime prevention (2025)[383] and "On State Guarantees of Equal Rights and Equal Opportunities for Men and Women" (2009)[384], which explicitly identify psychological violence as a separate form of violation of individual rights. Thus, the privileged status of the family under Art 27 should obligate legislators to institute a separate offense for psychological violence. The state has to fulfill the Constitution's mandate to protect family members from non-physical abuse.

Consequently, the analysis shows that the constitutional norms of the Republic of Kazakhstan already contain the basic provisions necessary to protect women from psychological violence. However, their potential requires further disclosure through gender-sensitive interpretation and the development of law enforcement practice.

Problems of the application of constitutional guarantees in the context of psychological violence

Despite the existence of several constitutional provisions in the Constitution of the Republic of Kazakhstan aimed at protecting human dignity, their practical implementation in the context of psychological violence against women remains limited. The problem lies in the fact that current law enforcement practice mainly focuses on physical forms of violence, while the psychological impact, although recognized by law, remains difficult to prove and rarely receives a constitutional and legal assessment.

First, it should be noted that mentioned constitutional norms are rarely used as a direct basis for protection from psychological violence, since there are no mechanisms for

---

[379] OHCHR, 'Declaration on the Elimination of Violence against Women' <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/declaration-elimination-violence-against-women> accessed 14 October 2025.

[380] Constitution of the Republic of Kazakhstan (Official Website of the President of the Republic of Kazakhstan) <https://www.akorda.kz/en/constitution-of-the-republic-of-kazakhstan-50912> accessed 14 October 2025.

[381] Research in Practice, 'Coercive Control: Impacts on Children and Young People in the Family Environment: Literature Review (2018)' <https://www.researchinpractice.org.uk/children/publications/2018/december/coercive-control-impacts-on-children-and-young-people-in-the-family-environment-literature-review-2018/> accessed 14 October 2025.

[382] Constitution of the Republic of Kazakhstan (Official Website of the President of the Republic of Kazakhstan) <https://www.akorda.kz/en/constitution-of-the-republic-of-kazakhstan-50912> accessed 14 October 2025.

[383] United Nations, 'Universal Declaration of Human Rights' <https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights> accessed 14 October 2025.

[384] OHCHR, 'Declaration on the Elimination of Violence against Women' <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/declaration-elimination-violence-against-women> accessed 14 October 2025.

their specification in criminal and administrative law.

Criminal law does not recognize psychological violence as a separate criminal offense. As previously mentioned, the Criminal Code provides for articles on threats, insults, torture, and driving to suicide.[385] Some acts of psychological violence fall under these articles, but they do not fully cover its various manifestations, since psychological violence is a broader term, it encompasses a much broader range of actions that can manifest themselves in bullying, humiliation, accusation, despotism, intimidation, mockery, manipulation, and control.[386]

All these actions together cause harm to the human psyche, which can manifest itself as psychological trauma, including the appearance of anxiety, depression, post-traumatic stress disorder,[387] and other abnormalities; that is, such behavior is unacceptable and dangerous, especially for women. In other words, the object of psychological violence is the psychological health, honor, and dignity of another person; encroachment on them is a violation of constitutional human rights and must be prosecuted by law. Therefore, it appears necessary to introduce a specific provision into the Criminal Code to prevent such an act, combining different types of psychological violence, including the severity of the harm caused. Thus, this flaw in the current legislation creates significant barriers to obtaining legal protection for victims of psychological violence in the family.

Moreover, the Law about crime prevention (2025) defines psychological violence as "the deliberate impact on a person's psyche through threats, insults, harassment, intimidation or other behavior aimed at causing emotional suffering".[388] Nevertheless, law enforcement demonstrates a low level of recognition of psychological violence as an independent violation.

An additional difficulty is the evidence base of psychological violence. Unlike physical injuries, moral pressure, threats, or emotional humiliation are difficult to document.[389] There is often a high probability of the absence of witnesses who can confirm the fact of violence or audio/video evidences.[390] According to a study of data for 2024, 96% of cases under the article "Threat" were terminated under article 35 of the Code of Criminal Procedure, that is, including for lack of evidence.[391] Thus, the described barriers prevent victims from achieving justice and prevent aggressors.

Another aspect of the problem is related to the insufficient training of law enforcement officials in recognizing and documenting psychological violence. Research shows that many cases of emotional pressure in the family are not considered as an offense, but as "personal differences".[392] This reduces the effectiveness of constitutional guarantees and undermines women's trust in the legal system.

Thus, several key problems can be identified in the implementation of constitutional guarantees in the field of protecting women from psychological violence: the lack of an

---

[385] Research in Practice, 'Coercive Control: Impacts on Children and Young People in the Family Environment: Literature Review (2018)' <https://www.researchinpractice.org.uk/children/publications/2018/december/coercive-control-impacts-on-children-and-young-people-in-the-family-environment-literature-review-2018/> accessed 14 October 2025.

[386] 'About Crime Prevention' <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000245> accessed 14 January 2026.

[387] 'On State Guarantees of Equal Rights and Equal Opportunities of Men and Women' <http://adilet.zan.kz/eng/docs/Z090000223_> accessed 14 October 2025.

[388] United Nations, 'Universal Declaration of Human Rights' <https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights> accessed 14 October 2025.

[389] Criminal Code of the Republic of Kazakhstan 2014.

[390] European Institute for Gender Equality, 'Psychological Violence' <https://eige.europa.eu/publications-resources/thesaurus/terms/1241?language_content_entity=en> accessed 14 October 2025.

[391] Women for Women France, 'Coercive Control: A Vital Concept in Domestic Abuse' <https://www.womenforwomenfrance.org/en/about-us/news/coercive-control-a-vital-concept-in-domestic-abuse> accessed 13 October 2025.

[392] SafeLives, 'Information on Psychological Abuse' <https://safelives.org.uk/about-domestic-abuse/what-is-domestic-abuse/psychological-abuse/> accessed 14 October 2025.

effective mechanism for applying constitutional norms in judicial practice; insufficient legal specification of the concept of "dignity" in national legislation; difficulties in proving the fact of psychological violence; and insufficient institutional training of law enforcement officers. Solving these problems requires an interpretative expansion of constitutional provisions, taking into account international standards, and the introduction of a gender-sensitive approach into judicial practice. Only if psychological violence is recognized as a constitutionally significant attack on personal dignity will there be full realization of women's rights in Kazakhstan.

Conclusion

The review indicates that human dignity is a core constitutional value. It is fixed in the Constitution and underpins the protection of individual`s rights and freedoms. It also guarantees women the protection including psychological abuse. Kazakhstan's Constitution` norms guarantee the inviolability of human dignity, gender equality, and a ban on discrimination, establishes a solid legal foundation, but its application to prevent psychological violence remains inadequate.

Although constitutional articles such as 14, 17, 18, and 27, together with the Crime Prevention Law and the Law on State Guarantees of Equal Rights and Opportunities for Men and Women, provide formal safeguards, law-enforcement practices rarely invoke these constitutional provisions directly as a basis for protecting victims. This indicates the need to strengthen constitutional control, develop judicial interpretation of the category of "dignity" in relation to gender and family relations, as well as increase the institutional readiness of law enforcement agencies to recognize psychological violence as a real form of encroachment on human rights.

Thus, strengthening constitutional guarantees of protection from psychological violence requires an integrated normative, judicial, and institutional approach. The revision of legislation taking into account gender specifics, the development of judicial practice in cases of violation of dignity, and the formation of a culture of zero tolerance to psychological violence are key conditions for the real provision of women's rights and dignity in the Republic of Kazakhstan.

Bibliography:

1. 'About Crime Prevention' <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000245> accessed 14 January 2026.

2. 'On State Guarantees of Equal Rights and Equal Opportunities of Men and Women' <http://adilet.zan.kz/eng/docs/Z090000223_> accessed 14 October 2025.

3. 'View of Constitutional and Legal Aspects of Protection of Human and Civil Rights and Freedoms in the Republic of Kazakhstan' <https://bullaw.enu.kz/index.php/main/article/view/257/174> accessed 14 October 2025.

4. 'Why Do People Commit Violence Against Their Loved Ones?' <https://nasiliu.net/pronasilie/pochemu-lyudi-sovershayut-nasilie-po-otnosheniyu-k-blizkim/>accessed 13 October 2025.

5. Christopherson Puh KM and others, 'Chapter 12 Legal Rights: Women's Economic Empowerment' <https://www.elibrary.imf.org/display/book/9798400246968/CH012.xml> accessed 14 October 2025.

6. Constitution of the Republic of Kazakhstan (Official Website of the President of the Republic of Kazakhstan) <https://www.akorda.kz/en/constitution-of-the-republic-of-kazakhstan-50912> accessed 14 October 2025.

7. Cortês A, The Legal Meaning of Human Dignity: Respect for Autonomy and Concern for Vulnerability (Springer International Publishing 2022)

<https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-14824-8_9> accessed 13 October 2025.

8. Criminal Code of the Republic of Kazakhstan 2014.

9. European Institute for Gender Equality, 'Psychological Violence' <https://eige.europa.eu/publications-resources/thesaurus/terms/1241?language_content_entity=en> accessed 14 October 2025.

10. European Union Agency for Fundamental Rights, 'Article 1 – Human Dignity' (25 April 2015) <https://fra.europa.eu/en/eu-charter/article/1-human-dignity> accessed 13 October 2025.

11. Huecker MR and others, 'Domestic Violence' (2023) StatPearls.

12. Internet Encyclopedia of Philosophy, 'Human Dignity' <https://iep.utm.edu/human-dignity/> accessed 13 October 2025.

13. Kvashis V, 'Legal Protection of Family Relations (To the Draft Law on Domestic Violence)' (2020) 32 <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-zaschita-semeynyh-otnosheniy-k-zakonoproektu-o-semeyno-bytovom-nasilii/viewer> accessed 13 October 2025.

14. Muders S, 'Human Dignity: Final, Inherent, Absolute?' (2020) Rivista di Estetica 84.

15. Nathanson A and others, 'The Prevalence of Mental Health Disorders in a Community Sample of Female Victims of Intimate Partner Violence' (2012) 3 Partner Abuse 59.

16. Official Statistics Portal, 'Gender Equality: Crime and Violence' <https://stat.gov.lv/en/statistics-themes/indicators-well-being-and-equality/gender-equality/6297-gender-equality-crime-and> accessed 13 October 2025.

17. OHCHR, 'Declaration on the Elimination of Violence against Women' <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/declaration-elimination-violence-against-women> accessed 14 October 2025.

18. Qamqor, 'Legal Statistics' <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics> accessed 13 October 2025.

19. Research in Practice, 'Coercive Control: Impacts on Children and Young People in the Family Environment: Literature Review (2018)' <https://www.researchinpractice.org.uk/children/publications/2018/december/coercive-control-impacts-on-children-and-young-people-in-the-family-environment-literature-review-2018/> accessed 14 October 2025.

20. SafeLives, 'Information on Psychological Abuse' <https://safelives.org.uk/about-domestic-abuse/what-is-domestic-abuse/psychological-abuse/> accessed 14 October 2025.

21. Tasioulas J, 'Human Dignity and the Foundations of Human Rights' <https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2557649> accessed 13 October 2025.

22. United Nations, 'Universal Declaration of Human Rights' <https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights> accessed 14 October 2025.

23. United Nations, 'What Is Domestic Abuse?' <https://www.un.org/en/coronavirus/what-is-domestic-abuse> accessed 13 October 2025.

24. Women for Women France, 'Coercive Control: A Vital Concept in Domestic Abuse' <https://www.womenforwomenfrance.org/en/about-us/news/coercive-control-a-vital-concept-in-domestic-abuse> accessed 13 October 2025.

Серикова Замзагуль Алтынбековна
Maqsut Narikbayev University
Құқық жоғары мектебі
Астана қ., Қазақстан Республикасы
E-mail: z_serikova@mnu.kz

ӘЛЕУМЕТТІК ЖЕЛІНІҢ САЯСИ ПРОЦЕСТЕРГЕ ӘСЕРІ

Аңдатпа: Бұл мақалада қазіргі таңда әлеуметтік желілер тек онлайн ақпарат алмасу алаңы емес, сонымен қатар әлемде болып жатқан оқиғаларға пікір білдіретін, талқылайтын және тақырыпты ортаға салатын платформаға айналғаны қарастырылады. Мақалада әлеуметтік желідегі ресми ақпаратқа жазылған пікірлердің көпшілігі фейк аккаунттардан келетіндігіне ерекше назар аударылады. Талдаулар көрсеткендей, халық көбіне біржақты және қате ақпаратқа сүйенеді. Сондықтан ресми ақпаратты жан-жақты жеткізу және түсіндіру маңызды. Сонымен қатар, қоғам ресми деректерге сеніп, әлеуметтік желідегі ақпаратқа сыни тұрғыдан қараса, ақпаратты дұрыс тұтыну деңгейі артады. Зерттеу әлеуметтік желілердің саяси процестерге ықпалы бар екенін көрсетеді. Мақалада жаңа Конституцияның қабылдануына қатысты жүргізілген насихат пен ықпал шаралары нақты мысал ретінде келтірілген.

Кілт сөздер: әлеуметтік желі, саяси коммуникация, қоғамдық пікір, референдум, медиасауаттылық, саяси белсенділік, ақпараттық қауіпсіздік, фейк аккаунттар, ресми ақпарат, ақпаратты талдау, саяси насихат.

Кіріспе

Саяси процестер — бұл саяси жүйеде орын алатын өзгерістер мен дамуды сипаттайтын динамикалық құбылыстар, олар билікті іске асыру, сақтау және саяси бақылауды қамтамасыз ету мақсатында әртүрлі мүдделі субъектілердің өзара әрекеттесуін қамтиды. Қазіргі кезеңде әлеуметтік желілер саяси процестердің маңызды элементіне айналып, азаматтардың саяси белсенділігіне, тез ақпарат алмасуына және қоғамдық пікір қалыптастыруына ықпал етеді. Осы мәнмәтіндеталған зерттеудің мақсаты — елдегі саяси оқиғалар мен процестер кезінде әлеуметтік желілердің пікір қалыптастырудағы рөлін зерттеу, сондай-ақ олардың қазіргі уақытта қоғам үшін қаншалықты маңызды құралға айналғанын анықтау болып табылады.

Қоғамда көпшілік назарын аударған оқиғалардың бірі — Перизат Қайрат ісі болды. Бұл іс саяси, құқықтық және этикалық мәселелердің қиылысына түсіп, қоғамдағы пікір бөлінісін күшейтті. Перизат Қайрат — 2021 жылы құрылған қайырымдылық қорының негізін қалаушы, қоғам қайраткері және кәсіпкер. 2024 жылдың қарашасында су тасқынынан зардап шеккен аймақтарға жиналған 1,5 миллиард теңгеден астам қаражатты жымқырды деген айыппен қамауға алынды. Тергеу мәліметтері бойынша, қаражаттың бір бөлігі жеке қажеттіліктерге, оның ішінде жылжымайтын мүлік пен көліктерді сатып алуға, сондай-ақ қымбат саяхаттарға жұмсалған. 2025 жылдың наурызында Астананың мамандандырылған ауданаралық экономикалық соты Әділет министрлігінің «Biz Birgemiz Qazaqstan 2030» қоғамдық бірлестігін тарату туралы талап арызын қарастырды. Соның нәтижесінде Перизат Қайрат орташа қауіпсіздіктегі түзеу мекемесінде 10 жылға бас бостандығынан айырылды. Осы оқиға саяси процестердің жеделдеуіне және прокурорлық қадағалаудың күшеюіне алып келіп, сот жұмыстары ақпараттың қауіпсіз әрі сенімді таралуын қамтамасыз етуге бағытталғанын байқауға болады.[3931]

[393] А. Дарибай, «Финал громкого дела: Перизат Кайрат вынесли приговор», (25 июль 2025 год)

Негізгі бөлім

Саяси процесс — бұл қоғамдағы саяси жүйелер арасындағы өтпелі үдеріс, оған мемлекеттік органдар, саяси партиялар, қоғамдық бірлестіктер және жеке азаматтар қатысады. Бұл үдеріс билік құрылымдарының қалыптасуы, олардың әрекеттегі легитимдігі және саяси шешімдердің жүзеге асуы арқылы қоғамдағы саяси трансформацияны қамтамасыз етеді. Өзара әрекеттесу мен қатысу механизмдерінің тиімділігі тек билікті иелену арқылы емес, сонымен қатар саяси институттардың тұрақтылығы мен демократиялық нормалардың сақталуы арқылы бағаланады. Қазіргі Қазақстанда жаңа Конституция жобасының талқылануы Президенттің бір рет тағайындалуы, азаматтардың Конституциялық сотқа жүгіну құқықтары, сондай-ақ саяси шешімдер қабылдау процесіне қатысу мүмкіндіктерін кеңейтті.[394] Осыған байланысты жастар әлеуметтік желілерді ақпарат алмасудың, қоғамдық пікір қалыптастырудың және саяси белсенділікті арттырудың негізгі платформасы ретінде белсенді пайдалана бастады. Олар желіні жаңалықтарды бақылау, талдау, білім алу, шығармашылықпен айналысу және жеке пікірін білдіру үшін қолданады.[395] Ғаламтор инфрақұрылымының дамуы әлеуметтік желілердің қоғамдық қатысу мен саяси процестердегі ықпалын күшейтті. Бұл, өз кезегінде,азаматтық қоғамның қалыптасуына және саяси ақпаратқа қолжетімділіктің артуына ықпал етеді.

Әлеуметтік желілер қазіргі уақытта Қазақстан азаматтарының күнделікті өмірінің ажырамас бөлігіне айналып отыр. 2025 жылдың басында жүргізілген статистикалық мәліметтерге сәйкес, елде әлеуметтік желілерді белсенді пайдаланған адамдар саны 20,7 миллионға жетіп, бұл жалпы халықтың 92,9%- ын құрайды. Олардың басым бөлігі — жастар мен еңбекке қабілетті азаматтар, бұл көрсеткіш әлеуметтік желілердің саяси және қоғамдық белсенділікке ықпал ету әлеуетін айқын көрсетеді. Соңғы жылдары әлеуметтік желі қолданушыларының саны 1,6 миллионға ұлғайған, яғни олардың саны қарқынды өсіп отыр. Ең танымал платформалар ретінде Instagram және TikTok ерекшеленеді. Instagram желісін 12,4 миллион қазақстандық қолданады, бұл 13 жастан асқан интернет пайдаланушылардың 80%-дан астамын құрайды. Бұл платформа тек фото мен видео бөлісу құралы ғана емес, сонымен қатар саяси ақпарат пен қоғамдық пікір тарату алаңына айналған. TikTok та қарқынды дамуда: 2025 жылдың басында 18 жастан асқан қолданушылар саны 15,7 миллион адамды құрады. Бұл көрсеткіш TikTok тек жастар арасында ғана емес, ересек аудитория арасында да кеңінен таралғанын көрсетеді. Соңғы бір жыл ішінде TikTok қолданушыларының саны 1,58 миллионға артқан. Мұндай динамика әлеуметтік желілердің қоғамдағы ақпараттық кеңістік пен саяси қатысуға ықпал ететін маңызды құралға айналғанын айқын көрсетеді.[396]

Халық бос уақытының едәуір бөлігін әлеуметтік желілерде өткізеді және тәулік ішінде көптеген саяси хабарламаларды қарайды. Әлеуметтік желіде жарияланған саяси контент азаматтардың саяси біліміне, көзқарасына, мінез- құлқына, саяси ақпарат алуына, сондай-ақ саяси белсенділігіне әсер етеді. Осылайша, әлеуметтік желінің саяси ақпарат таратуында маңызды рөл атқаратыны белгілі. Бұл, өз кезегінде, Instagram жаңалықтар таспасындағы ақпарат, Facebook-тегі күнделікті жазбалар, YouTube-тегі саяси пікірталастар немесе достары мен туыстарының WhatsApp хабарламалары арқылы көрініс табады.

Әлеуметтік желілер қазіргі таңда саяси процестердің ажырамас бір бөлшегіне айналды. Олар қоғамға екіжақты әсер етеді: бір жағынан оң, екінші жағынан әлеуетті қауіп төндіруі мүмкін. Біріншіден, әлеуметтік желілер азаматтардың қоғамдағы саяси белсенділігін арттыруға ықпал етеді. Бұрын адамдар жаңалықтарды газеттен

---

[394] Қазақстан Республикасының Конституциясы, 1995 жылғы 30 тамызда республикалық референдумда қабылданған (өзгерістер мен толықтыруларымен)

[395] Аяжан Махамбетәлі, «Әлеуметтік желінің пайдасы мен зияны», жүгінген күні: 26 ақпан 2026 жыл)

[396] «Желіге тәуелді ұлт: Әлеуметтік желі қолданушылар саны 15 млн-нан асты – зерттеу», жүгінген күні: 13 мамыр 2025 жыл

оқып немесе теледидар арнасынан көріп білген болса, қазіргі таңда әрбір қолданушы жаңалықтарға қатысты өз пікірін еркін білдіре алады. Мысалы, Instagram сияқты платформалар ақпараттың жедел таралуына мүмкіндік беріп, қоғамдағы әртүрлі пікірлердің қалыптасуына жағдай жасайды. Бұл өз кезегінде демократиялық саяси режимнің негізгі принциптерін — еркін пікір білдіру және қоғамдық диалогты — іске асыруға ықпал етеді. Бұл өз бетінше еркін пікір білдіру арқылы елдің демократиялық саяси режимін білдіреді. Екіншіден, әлеуметтік желілер саяси ақпараттың тез және кең көлемде таралуын қамтамасыз етеді. Елдегі маңызды оқиғалар кезінде азаматтар ақпаратты жылдам қабылдап, саналы түрде өз көзқарасын қалыптастыра алады, бұл олардың соңғы жаңалықтарды бақылап, хабардар болуына жағдай жасайды.[397] Сонымен қатар, әлеуметтік желілер саясаткерлерге халықпен тікелей коммуникация орнатуға мүмкіндік береді, бұл билік органдарының ашықтығын арттырып, есеп беру механизмдерін күшейтеді.

Дегенмен, әлеуметтік желілердің саяси процестерге әсерінің теріс аспектілері де бар екені маңызды. Ең өзекті мәселе – жалған ақпараттың («фейк» жаңалықтар) таралуы. Ақпараттың жедел әрі кең көлемде таралуына байланысты оның көп бөлігі тексерілмеген мәліметтерден тұрады, бұл өз кезегінде азаматтардың саяси пікірін және көзқарасын бұрмалай алады. Тағы бір маңызды мәселе — әлеуметтік желілерде ұйымдастырылған үгіт-насихат әрекеттері. Белгілі бір топтар немесе ұйымдар пайдаланушыларды бірдей ойлауға ықпал ету арқылы өзара келісілген пікір қалыптастырады, тек белгілі аспектілерді ғана алға шығарып, қарсы пікірлерді елемей, адамдардың сана- сезіміне ықпал етеді. Бұл үрдіс саяси пікірлердің манипуляциясына және қоғамдағы ақпараттық тепе-теңдіктің бұзылуына әкелуі мүмкін.[398]

Саяси жаңалықтар көбінесе веб-сайттар немесе жаңалық көруге арналған қосымшалар арқылы таралады. Халықтың негізгі ақпарат көздері ретінде YouTube (29%), TikTok (25%), Instagram (24%), Facebook (23%) және ірі желілік теледидар жаңалықтары (21%) аталады. Осы көрсеткіштер әлеуметтік желілердің қазіргі таңда жастар үшін ақпараттың негізгі көзіне айналғанын және олардың жаңалықтарды қабылдау тәсілін, сондай-ақ саяси мазмұнмен өзара әрекеттесуін түбегейлі өзгертетінін көрсетеді. Бұл тенденция әлеуметтік желілердің саяси ақпарат таратудағы рөлінің артып келе жатқанын дәлелдейді.[399] Жалпы, қазіргі таңда ақпараттың қолжетімді болуына барлық жағдайлар жасалған. «Ақпаратқа қол жеткізу туралы»[400] Қазақстан Республикасының Заңындабарлық мүдделі адамдарға электронды үкіметтің веб-порталына орналастырылатын мемлекеттік органдардың нормативтік құқықтық актілері тұжырымдамаларының және мәтіндерінің жобаларымен танысуға және оны талқылауға қатысуға мүмкіндік беріледі.[401] Демек, сенімді әрі дұрыс ақпаратқа қолжетімділік деңгейі өседі.

Әлеуметтік желілердегі саяси процестерге қатысты ақпараттың шынайылығы мен жалғандығын анықтау қазіргі қоғам үшін өзекті мәселелердің бірі болып табылады. Себебі, жалған ақпаратқа сенудің нәтижесінде қарапайым азаматтар құқықтық, саяси және әлеуметтік тұрғыдан зардап шегуі мүмкін. Ақпараттың дұрыстығын бағалау үшін ең алдымен дерек көзін тексеру маңызды, яғни, ақпарат қайдан шыққанын, оның бастапқы көзін анықтау қажет. Шынайы ақпарат көбінесе ресми мемлекеттік сайттардан, сенімді БАҚ-тан және танымал сарапшылардан тарайды. Бұл тұрғыда «Бұқаралық ақпарат құралдары туралы» Қазақстан Республикасы Заңының 4-

---

[397] Аяжан Махамбетәлі, «Әлеуметтік желінің пайдасы мен зияны», жүгінген күні: 26 ақпан 2026 жыл

[398] «Үгіт насихат жұмыстары жайлы не білеміз?», жүгінген күні: 2 қараша 2022 жыл

[399] Кеңесов Ә., «Қазақстандық жастардың саяси санасын қалыптастырудағы әлеуметтік желілердің ықпалы»

[400] Ақпаратқа қол жеткізу туралы Қазақстан Республикасының Заңы 2015 жылғы 16 қарашадағы № 401-V ҚРЗ

[401] Д. Мұқантегі, «Ақпаратқа қолжетімділік артады», жүгінген күні: 20 қыркүйек 2015 жыл

бабында БАҚ қызметінің қағидаттары көрсетілген, оның ішінде таратылатын ақпараттың шынайылығының қамтамасыз етілуі талап етіледі.[402] Демек, жалған ақпарат негізінен белгісіз және сенімсіз парақшалардан таралады.

Екіншіден, ақпараттың шынайылығын бағалау үшін оны бірнеше сенімді дерек көздерімен салыстыру қажет. Егер әртүрлі дерек көздері бірдей мәлімет ұсынса, онда оның шынайы болу ықтималдығы жоғары. Керісінше, жалған ақпарат көбіне тек бір немесе бірнеше сенімсіз көздерде ғана кездеседі.

Үшіншіден, ақпараттың авторлық мақсатын бағалау маңызды; автордың әлеуметтік желіде мәлімет жариялау ниеті оның шынайылығының деңгейін көрсетеді. Кейбір хабарламалар эмоцияға әсер ету немесе белгілі бір пікірді қолдауға бағытталған болып шығуы мүмкін.

Осы мәселелердің алдын алу үшін бірнеше шараларды ұсынуға болады. Бірінші әдіс — заңнамалық жауапкершілікті күшейту болып табылады.

Мемлекет әлеуметтік желідегі саяси контентке қатысты нақты заңдық нормаларды қабылдап, жалған ақпарат таратқандарды заң шеңберінде жауапқа тартуы тиіс. Алайда, бұл шаралар сөз бостандығын шектемей, ашық әрі әділ жүргізілуі қажет. Қазіргі таңда «Бұқаралық ақпарат құралдары туралы» Заңда нақты жауапкершілік негіздері толық көрсетілмегенімен, Қазақстан Республикасының басқа заң актілері арқылы жауапкершілік қарастырылған.

Екінші әдіс — халықтың медиа сауаттылығын арттыру болып табылады. Мектептерде, жоғары оқу орындарында және жалпы қоғамда медиа сауаттылық бойынша білім беру бағдарламаларын енгізу қажет. Ақпаратты дұрыс талдай алатын және тексере білетін азаматтар жалған мәліметке сеніп қалмай, ақпараттық қауіпсіздігін өз бетінше қамтамасыз ете алады. Бұл тұрғыда білім беру әлеуметтік желілердегі ақпараттық кеңістіктің сапасын жақсартудың негізгі құралы болып табылады.

Қазақстандағы жаңа Конституцияның қабылдануы әлеуметтік желілердің саяси процестерге ықпалын анық көрсететін мысал болып табылады. Әлеуметтік желі платформаларында азаматтар екі негізгі топқа бөлінді: бір бөлігі конституциялық өзгерістердің оң аспектілерін қолдап, қолдау білдірсе, екінші бөлігі тек теріс жақтарын атап, сыни пікірін білдірді. Мысалы, тегін білім беру мен медициналық қызметтердің болмайтыны, сөз бостандығының шектелгені туралыжалған ақпарат тарату арқылы белгілі бір топтар Конституцияның қабылдануына кедергі жасауға тырысты. Мұндай әрекеттер қоғамда түсінбеушілік тудырып, халық сенімсіздігін күшейтеді, нәтижесінде азаматтар арасындағы әлеуметтік тұрақтылық бұзылып, маңызды саяси процестердің жүзеге асуына қауіп төндіреді.

Сонымен қатар, Конституция нормаларының қарапайым және түсінікті тілде жазылуы азаматтарға құқықтарын тиімді жүзеге асыруға мүмкіндік береді. Мысалы, азаматтар өз құқықтары бұзылған жағдайда Конституциялық сотқа жүгіне алады, ал цифрлық қауіпсіздік пен электрондық үкіметтегі жеке құжаттардың қорғалуы конституциялық негіздермен қамтамасыз етілген.

Мемлекет әлеуметтік желілердегі ақпараттық кеңістікті бақылауға және «контентті» реттеуге ұмтылады, бұл ұлттық қауіпсіздікті қамтамасыз етуге бағытталған, алайда сөз бостандығы мәселесімен тығыз байланысты. Осы себепті әлеуметтік желі контенті заңға сәйкес болуы тиіс. Атап айтқанда, конституциялық құрылымды күштеп өзгерту, оның тұтастығын бұзу, мемлекет қауіпсіздігіне нұқсан келтіру, соғысты, әлеуметтік, нәсілдік, ұлттық, діни, этникалық және рулық үстемшілікті, сондай-ақ қатыгездік пен зорлық- зомбылықты насихаттау немесе

[402] Бұқаралық ақпарат құралдары туралы Қазақстан Республикасы Заңының жобасы туралы Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2003 жылғы 26 тамыздағы № 865 қаулысы

үгіттеуге толықтай тыйым салынған. Сонымен қатар, азаматтар заңмен тыйым салынбаған кез келген жолмен ақпарат алуға және таратуға құқылы.

Әлеуметтік желілер тек ақпарат алуға арналған құрал ғана емес, сонымен қатар азаматтарды әрекетке шақыру құралы ретінде де қызмет етеді. Олар қоғамдағы митингтерді ұйымдастыруға, петициялар жазуға және түрлі қоғамдық бастамаларды біріктіріп, жүзеге асыруға мүмкіндік береді. Бұл үрдіс сайлау кезінде жүргізілетін үгіт-насихат немесе қоғамда «резонанс» тудырған посттар арқылы айқын көрінеді. Мұндай жағдайлар әлеуметтік желілердің азаматтық белсенділікті арттырудағы рөлін және қоғамдық саясатқа ықпал ету қабілетін көрсетеді.

Қорытынды

Болашақта әлеуметтік желілердің саяси процестерге ықпалы одан әрі күшейе түсетіні айқын. Осыған байланысты қоғам үшін ең өзекті міндеттердің бірі — ақпаратты сыни тұрғыдан қабылдай алатын, медиа сауатты азаматтардың құқықтық мәдениетін қалыптастыру болып табылады. Жоғары деңгейдегі медиа сауаттылық азаматтарға өз ақпараттық қауіпсіздігін өз бетінше қамтамасыз етуге мүмкіндік береді, бұл, сәйкесінше, жалған ақпаратқа сену немесе дезинформацияға алданып қалу сияқты қателіктердің алдын алады.

Нәтижесінде, әлеуметтік желілер қазіргі уақытта қоғамдағы саяси үрдістердің маңызды әрі ажырамас құрамдас бөлігіне айналды. Олар азаматтардың саяси ақпаратқа қолжетімділігін жеңілдетіп, қоғамдық пікір қалыптастыруға және саяси белсенділікті арттыруға ықпал етеді. Сонымен қатар, әлеуметтік желілер билік пен халық арасындағы коммуникацияны нығайтып, ашықтық пен жариялықты қамтамасыз ету механизмін іске қосады. Алайда, әлеуметтік желілердің теріс әсерлері де айқын көрінеді: жалған ақпараттың таралуы, үгіт-насихаттың күшеюі және ақпараттың манипуляциялануы қоғам үшін айтарлықтай қауіп төндіреді. Мұндай құбылыстар азаматтардың қате пікір қалыптастыруына, ақпараттық кеңістікке сенімсіздік орнатуға және тіпті саяси тұрақсыздыққа әкелуі мүмкін.

Сондықтан қазіргі таңда ең өзекті мәселелердің бірі — қоғамда медиа сауаттылықты арттыру, ақпаратты сыни тұрғыдан талдай білетін азаматтардың құқықтық мәдениетін дамыту. Сонымен қатар, әлеуметтік желілердегі ақпараттық кеңістікті заңнамалық түрде реттеу де маңызды, бұл жалған ақпарат пен ақпараттық манипуляцияны тежеуге мүмкіндік береді.

Қорытындылай келе, әлеуметтік желілерді жауапкершілікпен және дұрыс қолдану олардың оң әсерін барынша күшейтеді, ал теріс салдарын азайтуға мүмкіндік береді. Бұл, өз кезегінде, қоғамның ақпараттық қауіпсіздігі мен саяси тұрақтылығын қамтамасыз етудің маңызды факторы болып табылады.

Пайданылған әдебиеттер:

1. Қазақстан Республикасының Конституциясы, 1995 жылғы 30 тамызда республикалық референдумда қабылданған (өзгерістер мен толықтыруларымен). <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K950001000_>
2. Бұқаралық ақпарат құралдары туралы Қазақстан Республикасы Заңының жобасы туралы Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2003 жылғы 26 тамыздағы № 865 қаулысы <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P030000865_>
3. Ақпаратқа қол жеткізу туралы Қазақстан Республикасының Заңы 2015 жылғы 16 қарашадағы № 401-V ҚРЗ. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1500000401>
4. А. Дарибай, «Финал громкого дела: Перизат Кайрат вынесли приговор», (25 июль 2025 год), <https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/final-gromkogo-dela- perizat-kayrat-vyinesli-prigovor-576331> (ақпарат алған күні 23 март 2026 год)
5. «Желіге тәуелді ұлт: Әлеуметтік желі қолданушылар саны 15 млн-нан асты — зерттеу», (13 мамыр 2025 жыл), <https://ozgeris.info/kz/article/jelige-taueldi-ult-

aleumettik-jeli-qoldanushylar-sany-15-mln-nan-asty-zertteu.html> ақпарат алған күні 17 наурыз 2026 жыл

6. Аяжан Махамбетәлі, «Әлеуметтік желінің пайдасы мен зияны», (26 ақпан 2026 жыл), <https://kyzylorda-news.kz/kogam/aeleumettik-zhelining-pajdasy-men- ziyany-24-02-2026> ақпарат алған күні 17 наурыз 2026 жыл

7. Кеңесов Ә., «Қазақстандық жастардың саяси санасын қалыптастырудағы әлеуметтік желілердің ықпалы», <https://qra-centre.kz/kz/mnenie/azastandy- zhastardy-sayasi-sanasyn-alyptastyruday-leumettik-zhelilerdi-ypaly> ақпарат алған күні 17наурыз 2026 жыл

8. Д. Мұқантегі, «Ақпаратқа қолжетімділік артады», (20 қыркүйек 2015 жыл), <https://qamshy.kz/kz/article/6754-aqparatqa-qoldgetimdilik-artady.html> ақпарат алынған күн:17 наурыз 2026 жыл

9. «Әлеуметтік желілердің қоғамға әсері: пайдасы мен зияны», (15 сәуір 2025 жыл), < https://bilim-all.kz/article/23614> ақпарат алған күні 18 наурыз 2026 жыл

10. «Үгіт насихат жұмыстары жайлы не білеміз?», (2 қараша 2022 жыл), <https://www.gov.kz/memleket/entities/kostanai-auliekol-audany-akimat/press/news/details/452037> ақпарат алған күні 18 наурыз 2026 жыл

Тажмакина Медина Даулетовна
Магистрант 2 курса образовательной программы «Юриспруденция»
Высшая школа права Maqsut Narikbayev University
Email: tazhmakina.md@gmail.com

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО ГРАЖДАН НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ: ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ В НАУКЕ, ПРАВОПРИМЕНЕНИИ

Аннотация: В настоящей статье рассматривается проблема отсутствия конституционного закрепления права на благоприятную окружающую среду в Конституции Республики Казахстан. Анализируется существующую формулировка статьи 31 Конституции Республики Казахстан, а также выявляются терминологические и содержательные проблемы, связанные с правовым регулированием экологических прав. В научной работе проведён сравнительно-правовой анализ соответствующих конституционных положений. По результатам исследования сделан вывод о необходимости прямого закрепления данного права в Конституции РК с целью повышения его юридической силы и обеспечения более эффективной защиты экологических интересов граждан.

Ключевые слова: конституционное право на благоприятную окружающую среду, Конституция РК, экологические права, сравнительно-правовой анализ

Введение

За последние десятилетия актуальность такой темы как «*право человека на благоприятную окружающую среду*» стал одной из центральных тем мировой повестки. Углубляющиеся экологические проблемы, такие как изменение климата, деградация экосистем и ухудшение качества жизни людей, вынуждают государства пересматривать свои подходы к обеспечению экологической безопасности. Конституционное закрепление права на благоприятную окружающую среду является фундаментальным шагом в этом направлении. Республика Казахстан, обладая значительными природными ресурсами, пока не предприняла этого шага, что создает ряд правовых, социальных и экологических вызовов. Конституция Республики Казахстан служит основным законом, определяющим права и обязанности граждан. На данный момент в пункте 1 статье 31 Конституции[403] закреплено следующее “Государство ставит целью охрану окружающей среды, благоприятной для жизни и здоровья человека”. Тем самым отсутствует закрепление в Конституции самого права на благоприятную окружающую среду, так как действующая формулировка, предусматривает собой благоприятную среду, как цель, которое государство ставит перед собой для реализации права на благоприятную среду, которое в свою очередь не имеет закрепления в самой Конституции. Тем самым данное положение носит декларативный характер, не обеспечивая механизмов реализации права граждан на благоприятную окружающую среду. Отсутствие такого закрепления в Конституции ограничивает возможности граждан в защите своих прав, а также затрудняет реализацию экологической политики государства. В данной статье будет проведен анализ конституционного права на благоприятную окружающую среду и проблемы данного права интерпретации в науке и правоприменении. В научных и практических кругах отсутствует единое понимание и интерпретации данного правового института, что, в свою очередь, приводит к несогласованности правоприменительной практики в сфере защиты прав и законных интересов граждан.

[403] Конституция Республики Казахстан (1995).

Основная часть

Наиболее распространенный доктринальный подход исходит из того, что право на благоприятную окружающую среду представляет собой субъективное право человека и гражданина на пребывание в экологически безопасной среде, характеризующейся наличием природных ресурсов, достаточных для обеспечения жизнедеятельности как нынешнего, так и будущих поколений. Важно отметить, что данное право не тождественно понятию «благоприятная окружающая среда», поскольку последняя категория относится к предмету экологического права, тогда как право на благоприятную окружающую среду закрепляется в системе конституционных прав и свобод. В действующей статье 38 Конституции Республики Казахстан[404] возлагается на граждан обязанность сохранять природу и бережно относиться к природным богатствам. Однако, отсутствие закрепления в Конституции права на благоприятную окружающую среду, создает дисбаланс прав и обязанностей в рамках конституционного права. Граждане, обязанные охранять природу, должны обладать правами на защиту своих интересов, что не находит отражения в действующем тексте статьи 31 Конституции Республики Казахстан[405]. Соответственно, здесь мы наблюдаем за дисбалансом конституционных прав и обязанностей.

Отсутствие прямого упоминания права в Конституции создает правовую неопределенность, поскольку граждане лишены основы правового обеспечения их конституционного права на благоприятную окружающую среду. Это также препятствует развитию практики конституционного правосудия в области экологии.

Определение права на благоприятную окружающую среду: анализ через призму законодательства Республики Казахстан

Стоит отметить, что ст.38 Конституции, возлагает обязанности граждан сохранять природу и бережно относиться к природным богатствам. Предмет, около которого выстроена обязанность у граждан в данной норме, это «природа» и «природные богатства», однако законодатель не дает нам определенной формулировки и понятийного аппарата к данным терминам. Мы имеем дефиницию к термину «окружающая среда», которая прописана в п.1 ст.6 Экологического Кодекса, и выглядит она следующим образом: «Окружающей средой признается совокупность окружающих человека условий, веществ и объектов материального мира, включающая в себя природную среду и антропогенную среду». В то время, как к термину «природа» ни в одном нормативно-правовом акте, мы определения не встретим. Данное отсутствие создает дефицит правовой определенности, что в свою очередь, затрудняет интерпретацию норм и их применение в судебной практике.

Позитивное определение права на благоприятную окружающую среду в законодательстве Республики Казахстан содержится в статье 13 Экологического кодекса,[406] где данное право раскрывается как совокупность конкретных юридических возможностей, предоставляемых каждому гражданину для обеспечения экологической безопасности и участия в формировании экологической политики. Примечательно, что законодатель ограничивается перечислением процедурных правомочий, которые, несмотря на свою важность, отражают скорее инструментальный, чем содержательный характер права.

Так, статья 13 Экологического Кодекса закрепляет право:

1. на доступ к своевременной, полной и достоверной экологической информации;
2. на участие в принятии решений, затрагивающих состояние окружающей среды;

---

[404] Там же

[405] Там же

[406] Экологический кодекс Республики Казахстан № 400-VI (2021).

3. на участие в обсуждении проектов нормативных правовых актов в области охраны окружающей среды;

4. на подачу заявлений в государственные органы о фактах причинения экологического вреда или угрозы его наступления;

5. на судебную защиту от неправомерных действий (или бездействия) органов власти и должностных лиц;

6. на обращение в суд для защиты имущественных и неимущественных интересов, затронутых нарушениями экологического законодательства;

7. на участие в процедурах общественного экологического контроля.

Эти положения, безусловно, являются необходимым элементом правового механизма защиты экологических прав.[407] Иначе говоря, законодатель фокусируется на праве действовать в защиту окружающей среды, а не на праве пребывать в экологически благоприятной среде как таковой. Такой подход отражает концептуальное смещение: вместо признания права как гарантированного состояния окружающей среды, оно представлено как совокупность юридических инструментов по реагированию на угрозы.[408] Более того, ограниченность регулирования уровнем кодекса, а не Конституции, оставляет данное право в уязвимом положении с точки зрения иерархии норм, и не обеспечивает должного уровня его защиты, особенно в контексте конкуренции с другими конституционными правами (например, правом на предпринимательскую деятельность или на частную собственность). Следовательно, возникает необходимость в пересмотре законодательного подхода к дефиниции права на благоприятную окружающую среду - как в сторону его конституционного закрепления, так и в сторону наполнения этого права содержательными критериями благоприятности среды, поддающимися объективной оценке и правовой защите.

Разграничение между правом на благоприятную окружающую среду и понятием «благоприятная окружающая среда»

Одним из краеугольных вопросов современной конституционной экологии является различие между понятием «благоприятная окружающая среда» как объектом правовой охраны и «правом на благоприятную окружающую среду» как субъективным публичным правом гражданина. Это различие имеет принципиальное значение как для теоретического обоснования экологических прав, так и для их институциональной реализации в правовых системах. Понятие «благоприятная окружающая среда» описывает нормативно-желательное состояние экосистем, антропогенных и природных факторов, способствующих сохранению здоровья и жизнедеятельности человека.[409] Оно относится к объекту регулирования - к тому, что охраняется правом. Напротив, «право на благоприятную окружающую среду» - это юридически обеспеченное притязание индивида на существование и функционирование в таких условиях, при нарушении которых он вправе требовать восстановления нарушенного состояния.[410] Указанное право входит в систему фундаментальных прав и свобод, наряду с правом на жизнь, здоровье и личную безопасность, и требует нормативного закрепления на конституционном уровне как условие его юридической силы. Как справедливо подчеркивает Н.К. Мукашева, право на благоприятную окружающую среду было впервые закреплено в Конституции Республики Казахстан 1993 года, однако в редакции Основного закона 1995 года оно оказалось исключено.[411] Это

[407] Балашенко СА и Лаевская ЕВ, Экологическое право (БГУ 2020).

[408] Сафин М.Р., 'Право на благоприятную окружающую среду как конституционно-правовая категория' (2021) 4 Экологическое право 22.

[409] Балашенко СА и Лаевская ЕВ, Экологическое право (БГУ 2020).

[410] Сафин МР, 'Право на благоприятную окружающую среду как конституционно-правовая категория' (2021) 4 Экологическое право 22.

[411] Мукашева НК, 'Право на благоприятную окружающую среду как элемент правового статуса личности' (2022) 3(67) Вестник КазНУ. Серия юридическая 45.

отсутствие не только породило пробел в правовом статусе личности, но и затруднило реализацию экологической политики, поскольку исключило конституционно гарантированный правовой механизм защиты экологических интересов граждан.

Различие в научных подходах к трактовке данного права.

Право на благоприятную окружающую среду, будучи относительно новым правовым институтом в системе прав человека, остается объектом теоретических споров в научном сообществе. На сегодняшний день в юридической доктрине можно выделить, по крайней мере, два основных подхода к его трактовке.

Первый, условно назовем его «деривативный», исходит из того, что право на благоприятную окружающую среду является производным от других конституционных прав - прежде всего, от права на жизнь и здоровья. Сторонники этой позиции рассматривают экологическое право, как обслуживающий механизм, обеспечивающий реализацию более фундаментальных прав, а не как автономную категорию. Такой подход ограничивает юридическую значимость данного права и способствует его восприятию как прикладного или факультативного по отношению к «ядру» прав человека. На этот аспект обращается внимание в работах, опубликованных в журнале «Экологическое право», где подчеркивается, что подобное понимание затрудняет разработку независимых гарантий его реализации и правовых механизмов защиты.

Второй подход, противоположный по своей природе, рассматривает право на благоприятную окружающую среду как самостоятельное, фундаментальное и неотчуждаемое. Согласно этой концепции, оно должно быть закреплено на уровне Конституции наряду с другими базовыми правами - такими как право на достоинство, свободу и справедливое судебное разбирательство. Подобная точка зрения основывается на признании экосистемных условий существования человека как неотъемлемого компонента его правового статуса и на понимании того, что право на жизнь в XXI веке без экологической составляющей теряет свое содержательное наполнение. Этот подход находит свое обоснование в исследованиях, представленных в учебнике по экологическому праву под редакцией С.А. Балашенко и Е.В. Лаевской, где подчеркивается, что экологическое право уже сейчас формирует самостоятельный раздел публичного права, основанный на международных и национальных принципах устойчивого развития.[412]

Дополнительно стоит отметить третью - интегративную - позицию, выработанную в современной западной правовой мысли и находящую отражение в научных работах Рогожникова Н.С.[413] Эта теория исходит из комплексного характера права на благоприятную окружающую среду, рассматривая его одновременно как индивидуальное, коллективное и межпоколенческое право. В этом контексте оно приобретает трансверсальный статус, связывающий права первого (гражданские), второго (социальные) и третьего поколения (солидарные права), а также встраивающийся в архитектуру глобального экологического управления.

Следовательно, развитие и институционализация права на благоприятную окружающую среду как полноценного субъективного права требует признания его системной значимости в структуре правового порядка. Лишь конституционное закрепление может устранить правовую фрагментарность, обеспечить устойчивую судебную защиту и создать действенные гарантии экологической безопасности личности.

Дополнительным аргументом в пользу конституционного закрепления права на благоприятную окружающую среду выступает развитие международно-правовых

---

[412] Балашенко СА и Лаевская ЕВ, Экологическое право (БГУ 2020).

[413] Рогожникова НС, ‘Право на благоприятную окружающую среду в законодательстве субъектов РФ’ (2021) 12(194) Вестник Алтайского ГАУ 56.

стандартов в данной сфере. На сегодняшний день данное право получает все более широкое признание на универсальном и региональном уровнях. Так, в 2022 году Генеральная Ассамблея ООН признала право на чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду в качестве универсального права человека. Данное признание свидетельствует о трансформации экологических прав из категории программных установлений в разряд юридически значимых и подлежащих защите правовых притязаний. В контексте сравнительно-правового анализа следует отметить, что многие государства уже интегрировали рассматриваемое право в свои конституции, придавая ему статус непосредственно применимого. Например, Конституция Франции, дополненная Хартией окружающей среды 2005 года,[414] закрепляет право каждого жить в благоприятной окружающей среде, а также устанавливает принцип предосторожности как один из базовых принципов экологической политики государства. Аналогичные положения содержатся в конституциях Португалии, Испании и ряда других государств, где экологические права рассматриваются как неотъемлемая часть правового статуса личности.[415]

В отличие от этих правопорядков, в Республике Казахстан отсутствует прямая конституционная норма, закрепляющая соответствующее право, что приводит к снижению эффективности правоприменительной практики. Как отмечает А.М. Сергеев, отсутствие конституционного статуса у экологических прав ограничивает возможности судебной защиты, поскольку суды в большей степени ориентируются на нормы высшей юридической силы при разрешении споров.[416] В результате граждане сталкиваются с трудностями при доказывании нарушения своих экологических прав, особенно в случаях, когда вред носит диффузный или кумулятивный характер.

Кроме того, конституционное закрепление данного права имеет важное значение для формирования принципов государственной экологической политики. Включение соответствующей нормы в Конституцию позволит обеспечить приоритет экологических интересов при принятии управленческих решений, а также усилит требование экологической обоснованности хозяйственной деятельности. Это особенно актуально для Казахстана как государства с высокой ресурсной зависимостью экономики, где экологические риски нередко находятся в конфликте с экономическими интересами.

Не менее важным является и институциональный аспект. Конституционное признание права на благоприятную окружающую среду создает предпосылки для развития специализированных механизмов его защиты, включая расширение компетенции судов, развитие института экологических исков, а также усиление роли общественного контроля. В этом контексте следует согласиться с позицией Н.С. Рогожниковой о том, что экологические права обладают комплексной природой и требуют межотраслевого регулирования, что возможно лишь при наличии четкой конституционной основы.[417]

Таким образом, отсутствие конституционного закрепления права на благоприятную окружающую среду в Республике Казахстан не соответствует современным тенденциям развития права и ограничивает потенциал национальной правовой системы в обеспечении экологической безопасности. Введение соответствующей нормы в Конституцию позволит устранить существующие пробелы,

---

[414] Конституция Французской Республики (1958, с изм. 2008).

[415] Копылова НВ, ‘Конституционно-правовое регулирование охраны окружающей среды: сравнительно-правовой анализ’ (2023) 2(12) Legalitas.

[416] Сергеев АМ, Право на благоприятную окружающую среду как конституционная ценность (автореф. дисс. канд. юрид. наук, 2021).

[417] Рогожникова НС, ‘Право на благоприятную окружающую среду в законодательстве субъектов РФ’ (2021) 12(194) Вестник Алтайского ГАУ 56.

повысить уровень правовой защиты граждан и обеспечить более эффективную реализацию принципов устойчивого развития.

Заключительная часть

Проведенный анализ показывает, что право на благоприятную окружающую среду является неотъемлемым элементом современного правового статуса личности, обладающим как самостоятельным значением, так и интегративной функцией в системе прав человека. Однако в Конституции Республики Казахстан данное право в настоящее время отсутствует, что порождает существенные правовые и институциональные риски. Существующее регулирование ограничивается отраслевыми нормами, в частности положениями Экологического кодекса, что снижает уровень его правовой защиты, не обеспечивая ни прямой юрисдикционной реализуемости, ни равного статуса с другими конституционными правами. Международная практика свидетельствует о том, что институционализация права на благоприятную окружающую среду на конституционном уровне способствует формированию эффективной и ориентированной на устойчивое развитие экологической политики, расширяет возможности гражданского участия, а также усиливает механизмы судебной и внесудебной защиты экологических прав. Примеры Франции, Германии, Португалии и других государств подтверждают, что закрепление этого права в основном законе государства не только повышает его юридическую силу, но и выступает важным индикатором приоритета экологических интересов в публичном управлении.

С учетом изложенного, представляется обоснованным и необходимым включение среду в текст Конституции Республики Казахстан права человека на благоприятную окружающую среду, так как в следствии данное изменение устранит существующий нормативный дуализм и создаст правовую основу для развития полноценного экологического правосудия. В условиях нарастающих глобальных и региональных экологических вызовов конституционное признание данного права представляет собой не просто правовую реформу, но и акт стратегического выбора в пользу устойчивого будущего.

Список литературы:

1. Мукашева НК, ‘Право на благоприятную окружающую среду как элемент правового статуса личности’ (2022) 3(67) Вестник КазНУ. Серия юридическая 45.
2. Экологический кодекс Республики Казахстан № 400-VI (2021).
3. Конституция Республики Казахстан (1995).
4. Конституция Французской Республики (1958, с изм. 2008).
5. Сафин МР, ‘Право на благоприятную окружающую среду как конституционно-правовая категория’ (2021) 4 Экологическое право 22.
6. Балашенко СА и Лаевская ЕВ, Экологическое право (БГУ 2020).
7. Копылова НВ, ‘Конституционно-правовое регулирование охраны окружающей среды: сравнительно-правовой анализ’ (2023) 2(12) Legalitas.
8. Сергеев АМ, Право на благоприятную окружающую среду как конституционная ценность (автореф. дисс. канд. юрид. наук, 2021).
9. Рогожникова НС, ‘Право на благоприятную окружающую среду в законодательстве субъектов РФ’ (2021) 12(194) Вестник Алтайского ГАУ 56.
10. ‘Конституционное право каждого на благоприятную окружающую среду’ (2018) Юридическая аналитика Российской арбитражной ассоциации.
11. Мами КА (ред), Конституционное право Республики Казахстан (т 1, 2021).
12. Мами КА (ред), Конституционное право Республики Казахстан (т 2, 2021)

Фарходова Эзоза Фарходовна
Студент 2 курса Высшей школы права Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республики Казахстан
E-mail: farkhadovva07@gmail.com

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЖИЛИЩА ГРАЖДАН РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Аннотация. Конституционно-правовое закрепление гарантии неприкосновенности жилища играет важную роль в правовом государстве и обеспечении защиты прав граждан. В данной статье акцент сделан на нормах действующей Конституции Республики Казахстан 1995 года [1, статья 25] и новой Конституции 2026 года, которая вступает в силу с 1 июля текущего года [2, статья 28]. В последней институт выселения из жилища получает дополнительное конституционное закрепление и рассматривается уже в качестве самостоятельной правовой категории. Отмечается, что введение судебного порядка лишения права на жилище и выселения направлено на усиление гарантий охраны прав граждан, недопущение произвольного вторжения в частную жизнь, а также на повышение роли судебной власти.

В статье представлен сравнительно-правовой анализ регулирования вопросов неприкосновенности жилища и выселения из него в зарубежных странах, в частности, Федеративной Республике Германии [3, статья 13], и Китайской Народной Республики [4, статья 39], что позволяет выявить особенности конституционно-правового регулирования данного института, затрагивающего фундаментальные аспекты частной жизни, безопасности и достоинства личности.

Ключевые слова: Конституция, неприкосновенность жилища, выселение, лишения жилища, права человека, частная жизнь, правовое государство, конституционные гарантии, зарубежный опыт.

Введение

Неприкосновенность жилища представляет собой одну из базовых конституционных гарантий, направленных на защиту человека от произвольного лишения и выселения из жилья, и обеспечивающих судебный контроль за подобными вмешательствами. Данный конституционный институт имеет социально-правовой характер, обеспечивающий защиту частной жизни, личной безопасности и стабильности жизнедеятельности человека, а также выступающий важным условием реализации иных конституционных прав и свобод. В современных условиях вопросы лишения и, в особенности, выселения из жилища приобретают особую актуальность, что обусловлены как социально-экономическими факторами, так и активным развитием судебной практики в данной сфере. В этой связи представляется целесообразным обращением к зарубежному опыту правового регулирования, в том числе практике таких государств, как Федеративная Республика Германия и Китайская Народная Республика с целью выявления эффективных механизмов обеспечения жилищных прав граждан.

Федеративная Республика Германия представляет континентальную правовую семью, где достаточно высокий уровень судебной защиты прав человека, тогда как Китайская Народная Республика демонстрирует особенности социалистической правовой системы, в которой значительную роль играет государство в регулировании жилищных отношений. Такое сопоставление позволяет более полно раскрыть специфику института выселения в качестве конституционной гарантии в различных

правовых моделях. Государства, провозглашающие себя правовым и демократическим уделяют особое внимание конституционному закреплению права на неприкосновенность жилища, поскольку оно напрямую связано с защитой частной жизни, достоинством человека и личной безопасностью. В современных условиях особую актуальность приобретает вопрос регулирования выселения из жилища, так как данная мера является одним из наиболее серьезных вмешательств в права человека. Актуальность темы научной работы определяется значимостью конституционного запрета выселения из жилища, лишь по решению суда, что обеспечит эффективную защиту прав и свобод человека, исключая возможность произвольного лишения жилища.

Основная часть

Положение пункта 1 статьи 25 действующей Конституции Республики Казахстан [1] устанавливает важнейшую гарантию защиты права на жилище и обеспечивает охрану частной жизни, личной безопасности и достоинства человека. Важно отметить, что если действующая редакция Конституции Республики Казахстан сосредоточена на запрете лишения жилища только по решению суда, то в новой редакции данная гарантия распространяется также и на случаи выселения из жилища. Конституционное закрепление нормы об обязательном наличии судебного решения в случае выселения гражданина из жилища подчеркивает особую роль судебной власти.

Отметим, что конституционный институт запрета выселения из жилища становится самостоятельной правовой категорией, подлежащей судебному контролю. Таким образом, конституционное регулирование было уточнено и дополнено, что свидетельствует об усилении гарантий защиты жилищных прав граждан и расширении механизмов судебной защиты

Как отмечается в нормативном постановлении Конституционного Совета Республики Казахстан, «…указанное конституционное полномочие суда при решении вопроса о лишении граждан жилища недопустимо передавать иным органам и должностным лицам, в том числе прокурору. В связи с этим принцип неприкосновенности жилища и недопустимости его лишения, иначе как по решению суда (пункт 1 статьи 25 Конституции РК), не случайно выделен в отдельную конституционную норму» [5].

Данные положения выступают важным условием стабильности общества и реализации иных конституционных прав и свобод в правоприменении. Особое значение при этом приобретает судебный порядок лишения и выселения из жилища, направленный на предотвращение произвольного вмешательства со стороны государственных органов и иных лиц в данную сферу.

Как отметил Уполномоченный по правам человека Республики Казахстан Артур Ластаев, «без решения суда недопустимо не только лишение жилища, но и выселение из него» [6]. Тем самым акцентируется внимание на расширении содержания конституционных гарантий и выделении института выселения как самостоятельного элемента правового регулирования жилищных отношений, требующего обязательного судебного контроля.

По словам Марата Шубитова, политолога и члена комиссии по конституционной реформе, «задолжавшие квартиранты – это далеко не основная категория выселяемых в современной практике». По его словам, «когда речь заходит о судебном выселении, как правило, подразумеваются должники, которые заложили квартиру под заем и не рассчитываются по нему. Еще выселения через суд происходит при сносе и выкупе для государственных нужд. И уж только потом речь идет про проблемы с договорами аренды» [7]. Основными причинами выселения выступают необходимость принудительного исполнения судебных решений, а также защита прав иных лиц, в том

числе детей и социально уязвимых категорий граждан.

Практическую значимость рассматриваемой проблемы подтверждают конкретные кейсы из правоприменительной практики. Так, в одном из резонансных дел рассматривался вопрос о выселении из жилого помещения супруги и детей бывшего государственного служащего – экс-акима города Шымкент. Установлено, что спорное жилое помещение находилось в собственности супруга, в связи с чем после расторжения брака им было инициировано требование о выселении бывшей супруги и несовершеннолетних детей. Это требование на практике обернулось принудительным выселением, что породило широкий общественный резонанс и споры о том, до каких пределов допустимо вмешательство в право на жилище. Особую остроту дискуссии придаёт необходимость обеспечивать защиту прав и законных интересов несовершеннолетних детей [8]. Данный случай хорошо показывает: вопросы выселения — это не только юридическая, но и социальная проблема. Кроме того, он подтверждает, что строгое соблюдение конституционного требования о судебном порядке выселения является ключевой гарантией защиты прав граждан.

Указанный пример наглядно демонстрирует, что вопросы выселения затрагивают не только юридические, но и социальные аспекты, а также подчеркивает необходимость строгого соблюдения конституционного требования о судебном порядке выселения как ключевой гарантии защиты прав граждан.

О значимости защиты достоинства человека и недопустимости произвольного вмешательства в его права отмечал и Иммануил Кант, указывая, что человек должен рассматриваться как цель, а не как средства. Данное положение имеет особое значение в контексте обеспечения неприкосновенности жилища, поскольку выселение без соблюдения законной процедуры и судебного контроля может рассматриваться как нарушение достоинства личности и использование человека лишь как средства для достижения иных целей [9].

Указанные конституционные положения получают своё развитие в отраслевом законодательстве Казахстана. Особую значимость здесь приобретает пункт 1 статьи 28 новой Конституции РК 2026 года [10]: в нём институт неприкосновенности жилища уточняется и дополняется. Это говорит о том, что государство стало уделять больше внимания защите прав человека в жилищной сфере. Сама формулировка нормы закрепляет обязательность судебного контроля при любом ограничении права на жилище и нацелена на то, чтобы подобные дела рассматривались законно и справедливо.

Для более глубокого понимания особенностей правового регулирования неприкосновенности жилища и института выселения представляется целесообразным обратиться к опыту зарубежных государств, где данные вопросы решаются с учетом национальных правовых традиций и уровня развития системы защиты прав человека.

В Германии защита права на жилище и его неприкосновенность закреплена и в конституции, и в обычных законах. Основной закон страны (Grundgesetz) [3] гарантирует охрану жилья и запрещает произвольно вмешиваться в частную жизнь. Выселить кого-либо из жилого помещения можно только на основании судебного решения и при строгом соблюдении принципа соразмерности. Когда суды разбирают такие дела, они обязательно учитывают интересы всех сторон, в том числе и материальное положение граждан. Всё это говорит о том, что в Германии права человека в этой сфере защищены на очень высоком уровне .

В Китайской Народной Республике правовое регулирование жилищных отношений обладает исключительной спецификой, обусловленной особенностями национальной правовой системы. Конституция КНР (статья 39) закрепляет принцип неприкосновенности жилища, однако институт выселения в ней непосредственно не раскрывается. Указанная норма ограничивается запретом на незаконный обыск и

незаконное вторжение в жилище граждан. Вопросы же, связанные с выселением, регулируются преимущественно на уровне административных актов и отраслевого законодательства. Таким образом, конституционное регулирование в данной сфере носит рамочный характер, а конкретные механизмы реализации права на жилище определяются подзаконными нормативными правовыми актами. Данное утверждение закреплено в статьях 39 - 44 Закона о собственности Китайской Народной Республики [11]. Данные положения закрепляют право собственника владеть, пользоваться, распоряжаться имуществом и извлекать из него выгоду, а также передавать отдельные права (например, пользование или залога) другим лицам без нарушения своих интересов. При этом имущество, находящееся в исключительной собственности государства, не может быть передано в частную собственность. Государство сохраняет приоритетную роль и вправе изымать (экспроприировать) недвижимость и иное имущество для общественных нужд или в чрезвычайных ситуациях, однако такое изъятие допускается только на законных основаниях, с соблюдением установленных процедур, обязательной выплатой компенсации и обеспечением прав и условий проживания граждан. Особое внимание уделяется защите земель, в том числе сельскохозяйственных, использование которых строго контролируется государством [11]. В условиях доминирования государственной собственности на землю выселения часто связано с реализацией государственных проектов, что отражает значительную роль государства в регулировании жилищных отношений.

Таким образом, проведённый сравнительный анализ показывает, что подходы к регулированию неприкосновенности жилища и выселения в разных странах существенно расходятся. В Германии акцент сделан на судебной защите и нахождении баланса между интересами личности и государства, тогда как в Китае ведущая роль принадлежит государственным механизмам регулирования. Указанные различия позволяют более полно оценить особенности конституционного закрепления института выселения и подчеркнуть значимость судебного контроля как гарантии защиты прав граждан.

Заключение

Таким образом, неприкосновенность жилища выступает одной из ключевых конституционных гарантий, обеспечивающих защиту частной жизни, личной безопасности и достоинства человека. Устойчивость правового государства во многом зависит от эффективности механизмов защиты данного права, поскольку жилище является фундаментальной основой жизнедеятельности личности.

Закрепление на конституционном уровне положения о том, что лишение и выселение из жилища допускаются исключительно по решению суда, свидетельствует о стремлении государства к усилению гарантий прав и свобод граждан, а также к предотвращению произвольного вмешательства в жилищную сферу государственных органов и иных лиц. Данная норма придает институту неприкосновенности жилища юридический статус и обеспечивает единообразное применение законодательства.

Сравнительный анализ зарубежного опыта, в частности, Федеративной Республики Германии и Китайской Народной Республики показал различие подходов к регулированию вопросов выселения, что отражает особенности правовых систем данных государств. Вместе с тем, судебный контроль выступает наиболее эффективным механизмов обеспечения справедливости и баланса интересов.

В этой связи совершенствование конституционных гарантий способствует укреплению принципов правового государства и повышению уровня защиты прав граждан.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года (с изм. и доп. По состоянию на 01.01.2023) https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ дата обращения 21 марта 2026.
2. Конституция Республики Казахстан от 15 марта 2026 года (вступит в действие с 1 июля 2026 года) https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/press/news/details/1159830?lang=ru дата обращения 21 марта 2026.
3. Основной закон Федеративной Республики Германии (Grundgesetz), принят 8 мая 1949 года, статья 13 «Неприкосновенность жилища» (вступил в силу 23 мая 1949 года) https://legalns.com/download/books/cons/germany.pdf дата обращения 21 марта 2026.
4. Конституция Китайской Народной Республики, принята 4 декабря 1982 года на 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей https://legalns.com/download/books/cons/china.pdf дата обращения 21 марта 2026. (Примечание: в исходном списке ошибочно указан 1892 год, исправлено на 1982 год в соответствии с исторической действительностью)
5. Конституционный Совет Республики Казахстан, нормативное постановление от 19 апреля 2024 года № 41-НП «Об официальном толковании пункта 1 статьи 25 Конституции Республики Казахстан» https://prg.kz/document/?doc_id=37320794&pos=52;-14 дата обращения 21 марта 2026.
6. Артур Ластаев, «Выступление на заседании Комиссии по конституционной реформе» (10 февраля 2026) https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/press/news/details/1158675?lang=ru дата обращения 21 марта 2026.
7. Марат Шубитов, «Выселение по новой Конституции касается собственников жилья, а не квартирантов — эксперты» (Tengrinews) https://tengrinews.kz/tengri-home/article/vyselenie-novoi-konstitucii-kasaetsia-sobstvennikov-zilia-ne-3909/ дата обращения 21 марта 2026.
8. «Выселение из жилища» (Press.kz) https://press.kz/novosti/nasilno-viselil-zhenu-i-detey-zaderzhan-brat-eks-akima-shimkenta-ac69a9?ysclid=mnbeu5et3r541849283&fbclid=PARIRTSAQ58n5leHRuA2FlbQIxMABzcnRjBmFwcF9pZA8xMjQwMjQ1NzQyODc0MTQAAaflXu9oh_HmxHX1-HuzLWRYnLU5ZFz51z1DtqrOOQa1I1Zfr6xurXCvF2Ntog_aem_SvIBKlSL0M5bKB_I7bGZfg дата обращения 21 марта 2026.
9. Кант И, Основы метафизики нравов (Сочинения в 6 т, т 4, раздел 2 «Переход от популярной нравственной философии к метафизике нравов», приблизительно с 429–430) https://www.bibguru.com/b/how-to-cite-grounding-for-the-metaphysics-of-morals/ дата обращения 21 марта 2026.
10. Текст новой Конституции РК, принятой 15 марта 2026 года, вступит в силу 1 июля 2026 года https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/press/news/details/1159830?lang=ru дата обращения 21 марта 2026. (Примечание: дублирует источник № 2)
11. «Закон о собственности Китайской Народной Республики» (Верховный народный суд Китайской Народной Республики) https://asia-business.ru/law/law3/property/ дата обращения 21 марта 2026.

Apolot Juliet Scovia
LLM. Student, Department of International Law,
Maqsut Narikbayev University School of Law,
Astana, Republic of Kazakhstan.
Email: j_apolot@mnu.kz

Anna Bashir
PhD in Law
Senior Assistant Professor at the School of Law
University of Kashmir
Kashmir, India
Email: annabashir@gmail.com

IDENTIFYING AND ASSESSING UGANDA'S POTENTIAL GEOGRAPHICAL INDICATIONS FOR AGRICULTURAL PRODUCTS: LEGAL, INSTITUTIONAL AND DEVELOPMENT PERSPECTIVES

Abstract

Geographical Indications (GIs) are becoming more widely acknowledged as key instruments for protecting product identity, boosting rural development, and improving agricultural value. Although GIs are governed by a legal framework in Uganda, their actual application is still somewhat limited. By analyzing the institutional and legal framework, identifying agricultural products with significant GI potential, and assessing strategies for growing the National Geographical Indications Register, this article offers a critical and proactive evaluation of Uganda's potential geographical indications. The study highlights important goods like coffee, vanilla, cotton, and sesame as strong candidates for GI protection based on doctrinal legal analysis and modern literature. It also draws attention to structural limitations, such as poor producer awareness, inadequate institutional coordination, and lax enforcement. The article argues that comprehensive institutional, legislative, and market-oriented initiatives are necessary for GI development in Uganda. The study, which is still in progress, offers a theoretical framework for further empirical research and policy change.

Keywords: Geographical Indications (GIs), Identification, Weakness, Agricultural Products.

Introduction

Uganda's socio-economic growth is still heavily reliant on agriculture, which provides jobs, rural livelihoods, and export revenue. Nonetheless, the sector still faces enduring structural issues, such as poor product diversification, low levels of value addition, and restricted competitiveness in international markets. A significant amount of Uganda's agricultural exports are sold as undifferentiated commodities, which limits their capacity to command premium prices and lowers producer income prospects.[418]

Geographical Indications (GIs) have become a key tool for resolving these challenges. GIs designate products as coming from a given region where certain attributes, reputations, or traits are primarily associated with that region. They are widely recognized

[418] African Union Commission, *Continental Strategy for Geographical Indications in Africa 2018–2023* (African Union 2018).

as instruments for improving market access, fostering rural development, and protecting cultural heritage.[419]

By passing the Geographical Indications Act, 2013 (now known as Act Cap. 233) and its related regulation, Uganda has made a major advancement.[420] However, despite this legal framework, the country has yet to fully operationalize its GI system. This gap between formal legal recognition and practical implementation reflects broader institutional and structural limitations.

Recent developments, including the registration of "Rwenzori Mountains of the Moon Coffee" as a geographical indication, signal a shift toward implementation.[421] Nevertheless, the system remains in its infancy, necessitating further analysis and policy intervention.

This article therefore provides a comprehensive assessment of Uganda's GI potential, focusing on the legal and institutional framework, the identification of eligible agricultural products, and the strategies required to expand the National GI Register. Importantly, the study is positioned within an ongoing research agenda, with future empirical work expected to build on its findings.

Methodology

This study adopts a qualitative and doctrinal research design, which is appropriate for analyzing legal frameworks and policy-oriented issues. The research draws on legislation, policy documents, and recent scholarly literature on geographical indications and agricultural development.

Agricultural products with great GI potential are identified using a purposeful analytical method. Three factors are taken into consideration when selecting products.[422] :(i) the existence of attributes unique to the product's place of origin; (ii) its established reputation in the market; and (iii) significance within domestic or export-oriented value chains.

As an ongoing research project, this study is conceptual in nature and does not include primary empirical data. However, it establishes a framework for future field-based research, particularly in relation to producer participation and market outcomes.

Legal and Institutional Framework for Geographical Indications in Uganda

The Geographical Indications Act, 2013, which specifies the requirements for GI protection and describes the registration process, is the main law governing Uganda's GI regime.[423] The Act generally complies with international norms, especially those outlined in the TRIPS Agreement, by recognizing the link between product characteristics and geographical origin.[424]

The Geographical Indications Act, 2013, which outlines the standards for GI protection and details the registration procedure, is the main law governing Uganda's GI regime. By acknowledging the connection between product attributes and place of origin, the Act generally confirms with international standards, particularly those specified in the TRIPS Agreement.

Institutionally, the Uganda Registration Services Bureau (URSB) is responsible for administering GI registration and maintaining an update national register. Other key actors

---

[419] Food and Agriculture Organization, *Geographical Indications and Sustainable Development* (FAO 2022) 12–15

[420] <https://uls.or.ug/wp-content/uploads/2024/07/THE-20TH-ULS-NEWS-LETTER-JUNE-2024-.pdf>

[421] Uganda Registration Services Bureau, 'Rwenzori Mountains of the Moon Coffee GI' (2025) 2–3.

[422] https://afripi.org/sites/default/files/2023-05/AfrIPI_GI_Manual_EN.pdf

[423] World Intellectual Property Organization, *Geographical Indications Act (Uganda)* (2013) s 2.

[424] Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (adopted 15 April 1994, entered into force 1 January 1995) 1869 UNTS 299 (TRIPS Agreement).

include the Ministry of Agriculture, Animal Industry and Fisheries (MAAIF) and trade-related government bodies engaged in export promotion.[425]

Despite this framework, implementation remains constrained by several factors. First, there is limited awareness among farmers, which lower participation in the GI system.[426] Second, institutional coordination is weak, with limited integration between intellectual property administration, agricultural policy, and trade promotion. Third, the technical expertise needed for GI identification, documentation, and certification is lacking.[427]

Recent research suggests that the effectiveness of GI systems depends not only on legal frameworks but also on institutional capacity and governance structures.[428] In many African countries, including Uganda, effective implementations is hampered by fragmented institutional activities and scarce resources.

Comparative experiences from nations like Ethiopia depict active producer participation and robust governmental backing are necessary for GI systems to be successful.[429] The absence of such coordinated structures in Uganda highlights the need for institutional reform and capacity building.

Identification of Agricultural Products with GI Potential

A solid foundations for selecting agricultural products with GI potential is backed by Uganda's various agro-ecological zones. Distinctive product qualities are influenced by climate, soil composition and variations.

In 2023, Arabica coffee from the Rwenzori Mountains of the Moon Region was the first candidate to qualify for GI protection.[430] Other coffee profiles include the distinctive flavor Arabica coffee which is grown in the Mount Elgon region is influenced by volcanic soils high-altitude. According to research coffee value's and uniqueness in international markets indicates are greatly enhanced by origin-based certification.[431]

Mukono vanilla is another high-potential GI product. As it qualified for a certification mark. Ugandan vanilla is well known for its high vanillin concentration and quality, especially in the Bundibugyo region. Its uniqueness is further enhanced by traditional curing techniques.[432]

Opportunities for GI growth are also presented by Soroti cotton, especially in northeastern Uganda where the climate encourages the production of high-quality fiber. In a similar vein, sesame (simsim) is prized for both its traditional production methods and high oil content.[433]

Recent research highlights the growing connection between GI protection and sustainability and traceability needs in global value chains.[434]. This implies that Uganda's GI strategy needs to incorporate both traditional features and adherence to new international standards.

Expanding the National GI Register: Legal and Policy Interventions

---

[425] https://ursb.go.ug/wp-content/uploads/2024/12/national-ip-policy-2019-uganda-1644498620.pdf
[426] Uganda Registration Services Bureau, *Geographical Indications Framework* (URSB 2023) 5–7.
[427] Ibid[1]
[428] Charlene Musiza, 'Form and Substance: The Developmental Promises of Geographical Indications in Africa' (2025) 20 *Journal of Intellectual Property Law & Practice* 539, 542–544.
[429] Marius Schneider and Nora Ho Tu Nam, *Protecting Geographical Indications in Africa* (OUP 2024) 110–115.
[430] https://rwenzorimountainsofthemooncoffee.com/about/
[431] Anderson Antonio Neto da Silva and others, 'The Impact of Geographical Indications on the Valuation and Differentiation of Coffee' (2025) 8–10.
[432] https://www.wipo.int/en/web/wipo-magazine/articles/uganda-branding-cotton-sesame-and-vanilla-38106
[433] Ibid 15
[434] 'Geographical Origin Traceability and Coffee Systems' (2025) *Journal of Agriculture and Food Research* 4–6.

A coordinated, multifaceted strategy is needed to expand Uganda's National GI Register.

First, stronger enforcement mechanisms and more transparent administrative processes are needed to strengthen the application of current legislation. Improving URSB's institutional capabilities is very crucial.

Second, established cooperation between URSB, MAAIF, and trade agencies should enhance institutional coordination. Efficiency could be greatly increased by a centralized coordinating system.

Third, efforts to raise awareness and develop capability are crucial. Training initiatives aimed at farmers and producer associations can boost awareness of and involvement in the GI system.[435]

Fourth, the development of the value chain is essential. To guarantee that GI products fulfill market requirements and succeed commercially, investments in processing, quality assurance, packaging, and branding are required.

Fifth, adaptation of GI identification methodologies as highlighted in the for the OAPI and ARIPO member states.[436]

The fifth is the modification of GI identifying techniques using the model of the member states of ARIPO and OAPI.

Lastly, financial and technical assistance might be obtained through international partnerships. Participation in the AfrIPI Program of the European Union, WIPO, FAO, ARIPO, and other organizations to make Uganda's GI system conform to international best practices.[437]

Geographical Indications and Rural Development

GIs should be viewed as tools for rural transformation as well as legal instruments. They provide chances for value addition, commercial uniqueness, and cultural preservation by tying products to locations.

Recent research, however, identifies significant obstacles. These include uneven profit distribution within value chains, expensive certification fees, and the possibility of eliminating smallholder farmers.[438]

In the African context, these difficulties are apparent because of structural inequality and institutional capacity constraints. Therefore, the development of GIs depends on robust producer organizations and inclusive governance frameworks.

Moreover, evolving international norms especially those pertaining to sustainability and traceability introduce new complexities. While GIs can help with compliance, they also impose extra demand on farmers.

As this research is ongoing, future empirical studies should look at how these dynamics impact various players within Uganda’s agricultural industry.

Conclusion

This article has offered a critical evaluation of Uganda’s potential geographical indications, integrating recent literature and policy advancement. Even though the country has a legal framework in place, there is still a lot of implementation, institutional coordination, and producer engagement deficiencies.

---

[435] World Intellectual Property Organization, *Geographical Indications Regulations (Uganda)* (2018) Reg 6.
[436] <https://afripi.org/sites/default/files/2023-05/AfrIPI_GI_Manual_EN.pdf>
[437] <https://afripi.org/en>
[438] Nora Ho Tu Nam, ‘Standing up for Geographical Indications in Africa’ (2024) 19 *Journal of Intellectual Property Law & Practice* 745, 748–750.

The prospects to improve value addition and advance rural development are highlighted by the identification of key agricultural goods. However, taking advantage of these opportunities calls for an integrated and comprehensive approach.

This study, which is still in progress, lays the groundwork for further empirical research and adds to more general discussions about the function of geographical indications in agricultural transformation.

Bibliography

1. Bagal, M., Vittori, M., and Samper, F. L., *Manual for Geographical Indications in Africa*, 2nd Edition, (European Union Intellectual Property Office, 2023)
2. Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights, April 15, 1994, Marrakesh Agreement Establishing the World Trade Organization, Annex 1C, 33 I.L.M. 1144 (1994).
3. Paris Convention for the Protection of Industrial Property, March 20, 1883, United Nations Treaty Series (U.N.T.S.): 828 U.N.T.S. 305.
4. Republic of Uganda, The Geographical Indications Act, 2013 (Act No. 8 of 2013) (now under 7th Edition Revised, Parliament of Uganda (accessed November 3, 2025).
5. Republic of Uganda, The Geographical Indications Regulations, 2018 (Statutory Instrument No. 42 of 2018), (accessed November 3, 2025).
6. Republic of Uganda. The National Intellectual Policy of 2019.
7. Anderson Antonio Neto da Silva and others, 'The Impact of Geographical Indications on the Valuation and Differentiation of Coffee' (2025) 8–10.
8. Charlene Musiza, 'Form and Substance: The Developmental Promises of Geographical Indications in Africa' (2025) 20 *Journal of Intellectual Property Law & Practice* 539, 542–544.
9. Food and Agriculture Organization, *Geographical Indications and Sustainable Development* (FAO 2022) 12–15.
10. Geographical Origin Traceability and Coffee Systems' (2025) *Journal of Agriculture and Food Research* 4–6.
11. Marius Schneider and Nora Ho Tu Nam, *Protecting Geographical Indications in Africa* (OUP 2024) 110–115.
12. Uganda Registration Services Bureau, 'Rwenzori Mountains of the Moon Coffee GI' (2025) 2–3.
13. Uganda Registration Services Bureau, *Geographical Indications Framework* (URSB 2023) 5–7.
14. African Union Commission, *Continental Strategy for Geographical Indications in Africa 2018–2023* (African Union 2018).
15. Ministry of Agriculture, Animal Industry and Fisheries, *Agriculture for Food and Income Security: Agriculture Sector Development Strategy and Investment Plan 2010/11–2014/15* (MAAIF 2010),
16. <https://ursb.go.ug/wp-content/uploads/2024/12/national-ip-policy-2019-uganda-1644498620.pdf.>
17. <https://www.researchgate.net/publication/259339842_Chapter_38_Qualitative_Approaches_to_Empirical_Legal_Research>.
18. <https://www.wipo.int/en/web/wipo-magazine/articles/uganda-branding-cotton-sesame-and-vanilla-38106>
19. <https://afripi.org/sites/default/files/2023-05/AfrIPI_GI_Manual_EN.pdf>
20. <https://afripi.org/en >
21. <https://rwenzorimountainsofthemooncoffee.com/about/>
22. <https://uls.or.ug/wp-content/uploads/2024/07/THE-20TH-ULS-NEWS-LETTER-JUNE-2024-.pdf.>

Sundano Emmanuel Sundano
1st year Master's degree student
at Law School of Maqsut Narikbayev University
Astana, Kazakhstan
E-mail: e_sundano@mnu.kz

A LEGAL-BUSINESS FRAMEWORK FOR TECHNOLOGY TRANSFER AND IP COMMERCIALIZATION IN ZAMBIAN UNIVERSITIES

ABSTRACT

Zambia's Vision 2030 outlines a bold shift from copper-dependent extraction to knowledge-based economic diversification. However, this strategic vision encounters a fundamental legal-institutional paradox: while intellectual property (IP) is rhetorically positioned as a "power tool" for growth, the current framework views IP primarily as a legal entitlement rather than an economic instrument. This conceptual misalignment fosters systematic underutilization of university-generated research, impeding Zambia's innovation-driven economic trajectory. The paper argues that efficient technology transfer necessitates an integrated legal-business framework that extends beyond traditional IP protection paradigms. The paper demonstrates, using a comparative analysis of South Africa's IPR-PFRD Act and the United States' Bayh-Dole framework, that successful university technology commercialization is dependent on institutional architectures that align researcher incentives, university capacities, and industry absorption mechanisms rather than isolated legal reforms. The paper proposes a contextualized comparative legal analysis framework for Zambian universities that includes: (1) legislative reform to establish clear intellectual property ownership and benefit-sharing rules; (2) institutionalized Technology Transfer Offices with hybrid legal-business expertise; and (3) dynamic capability-building mechanisms that allow for organizational adaptation. This paradigm challenges the widely held policy premise that IP awareness campaigns alone may drive commercialization, arguing that structural incentive realignment is a crucial precondition for long-term research commercialization.

Keywords: technology transfer, intellectual property commercialization, Third Mission, legal-business framework, knowledge economy, Zambia

INTRODUCTION: THE LEGAL-ECONOMIC PARADOX

Zambia's development path can be considered paradoxical, having undertaken efforts to strengthen its national innovation ecosystem through policy reforms, stakeholder engagement, and international collaboration[439]. With the Vision 2030 program clearly aims for "middle-income status" through economic diversification and a shift to the "knowledge economy,"[440] the Revised National Intellectual Property policy (2020) acknowledges the importance of intellectual property in wealth creation. However, empirical reality differs significantly: IP registration is modest, awareness is "low among the general population," and university research commercialization is fundamentally underdeveloped .

This separation exposes a category problem in policy design, with the current framework viewing IP commercialization as essentially a legal issue that can be resolved through rights allocation and enforcement measures. This paper challenges that assumption, drawing on technology transfer theory and comparative institutional analysis,

[439] Precious Sampa and Sazib Hossain, 'Innovation and Intellectual Property Rights: A Case Study of Zambia' (2024) 4 Middle East Research Journal of Economics and Management 186 <https://doi.org/10.36348/MERJEM.2024.V04I06.002> accessed 23 September 2025.
[440] '"A Prosperous Middle-Income Nation By 2030"'.

the study contends that IP commercialization is fundamentally an organizational and incentive-coordination issue that necessitates integrated legal-business solutions.

The research question guiding this analysis is: *What legal-business framework is required to enhance technology transfer and IP commercialization in Zambian universities to support knowledge-based economic transition?*

This question is relevant because Zambia's development restrictions are not unique but rather reflect broader African challenges in translating research potential into economic value. The proposed framework, however, must be contextually relevant to each region rather than imitating examples from developed countries.

THE THEORETICAL IMPERATIVE: BEYOND THE LEGALIST FALLACY

The Third Mission as Institutional Reconfiguration

The "Third Mission" (TM) concept, which is concerned with universities' societal participation beyond teaching and research, has gaining traction as knowledge economies develop[441]. More institutions are incorporated TM activities into their strategic objectives, contributing to social, economic, and cultural development through structured engagement with industry and society[442]. However, its implementation usually suffers from conceptual dilution, with involvement handled as a secondary activity rather than fundamental institutional reform[443]. This research adopts a more demanding interpretation, following Compagnucci and Spigarelli's description of TM as structural integration of knowledge transfer into university governance, resource allocation, and performance evaluation[444]. Crucially, this necessitates organizational skills that "integrate, build, and reconfigure internal and external competences" in response to changing circumstances, also known as dynamic capabilities[445] [446].

The theoretical claim here is that legal structures facilitate, but do not constitute, technological transfer. Without institutional capacities to identify, protect, negotiate, and commercialize intellectual property, legal rights remain inactive, challenging traditional policy methods that stress legislative reform above organizational growth.

The Triple Helix and Structural Coordination

The Triple Helix model which is a university-industry-government relations, provides the structural context for technology transfer. Within this approach, governments play a central role in building legislative frameworks and regulatory environments, while universities and industry engage continuously through knowledge generation, technology

[441] Gabriel René Moreno and others, 'The Social Third Mission of Universities: Towards a Unified Framework' (2025) 31 Economic Alternatives 563 <https://doi.org/10.37075/EA.2025.2.13> accessed 25 February 2026.
[442] Sirine Haj Taieb, 'Measuring the Third Mission of European Universities: A Systematic Literature Review' [2024] Society and Economy <https://doi.org/10.1556/204.2023.00030> accessed 18 November 2025.
[443] Fernando Alexandre and others, 'Enhancing University–Industry Collaboration: The Role of Intermediary Organizations' (2021) 47 The Journal of Technology Transfer 2021 47:5 1584 <https://doi.org/10.1007/s10961-021-09889-8> accessed 20 February 2026.
[444] Lorenzo Compagnucci and Francesca Spigarelli, 'The Third Mission of the University: A Systematic Literature Review on Potentials and Constraints' (2020) 161 Technol Forecast Soc Change 120284 <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.120284> accessed 8 November 2025.
[445] Audrey Stolze, Klaus Sailer and Audrey Stolze@sce De, 'Advancing HEIs' Third-Mission through Dynamic Capabilities: The Role of Leadership and Agreement on Vision and Goals' (2022) 47 J Technol Transf 580 <https://doi.org/10.1007/s10961-021-09850-9> accessed 10 March 2026.
[446] Yuzhuo Cai and Ijaz Ahmad, 'From an Entrepreneurial University to a Sustainable Entrepreneurial University: Conceptualization and Evidence in the Contexts of European University Reforms' (2023) 36 Higher Education Policy 20 <https://doi.org/10.1057/s41307-021-00243-z> accessed 27 February 2026.

development, and innovative activities [447] [448]. However, this model's application in developing economies such as Zambia, requires qualification as in comparable African contexts, asymmetric institutional development characterizes the helix: universities possess research capacity, government provides policy rhetoric, but industry lacks R&D absorption capability.

This structural condition implies that technology transfer frameworks must build simultaneous capacity across all three spheres rather than assuming pre-existing industry readiness. The legal-business framework proposed in Section 4 addresses this through graduated implementation mechanisms.

COMPARATIVE EVIDENCE: WHAT WORKS AND WHY

Developed Country Models

The Bayh-Dole Act (1980) in the United States serves as the framework for university technology transfer legislation. By allowing universities to maintain ownership of federally financed research results, the Act provided institutional incentives for patenting and licensing. However, the Act's success was dependent on supporting institutional initiatives, including Technology Transfer Offices (TTOs) and professional technology licensing skills, which may not be easily transferred to resource-constrained countries.

The European Union proposes different ways that emphasize collaborative research and societal aims. France's Loi de programmation pour la recherche (2006) provided organized governance for research commercialization while protecting the public interest [449][450] while Section 39 of the United Kingdom Patents Act 1977 establishes explicit employer ownership of employee inventions, allowing institutions to claim and commercialize intellectual property in a systematic manner[451]. These models show that legal clarity about IP ownership is critical, but implementation efficiency varies according to institutional capacity.

These conditions are absent or underdeveloped in Zambia, therefore adopting a framework cannot merely adopt Bayh-Dole's ownership provisions but must explicitly build the enabling ecosystem through integrated legal-business mechanisms.

These conditions are absent or underdeveloped in Zambia. Therefore, a Zambian framework cannot merely adopt Bayh-Dole's ownership provisions but must explicitly build the enabling ecosystem through integrated legal-business mechanisms.

3.1 South Africa: The IPR-PFRD Act and Institutional Lag

South Africa's Intellectual Property Rights from Publicly Financed Research and Development Act (2008) represents the most relevant African comparator. The Act mandates IP ownership by research institutions, establishes National Intellectual Property Management Offices, and requires benefit-sharing with inventors.

---

[447] José Bestier Padilla Bejarano and others, 'Open Innovation: A Technology Transfer Alternative from Universities. A Systematic Literature Review' (2023) 9 Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity 100090 <https://doi.org/10.1016/j.joitmc.2023.100090> accessed 27 February 2026.

[448] Elisa Cordeiro Bastos, Aline Rossales Sengik and Jorge Tello-Gamarra, 'Fifty Years of University-Industry Collaboration: A Global Bibliometrics Overview' (2021) 48 Sci Public Policy 177 <https://doi.org/10.1093/scipol/scaa077> accessed 25 February 2026.

[449] Géraldine Manderscheidt and others, 'Documents de Travail Faculté Des Sciences Économiques et de Gestion « Institutional Change and Academic Patenting : French Universities and the Innovation Act of the 1999 » Institutional Change and Academic Patenting: French Universities and the Innovati…' <http://cournot2.u-strasbg.fr/beta> accessed 21 March 2026.

[450] 'Loi N° 2006-450 Du 18 Avril 2006 de Programme Pour La Recherche (1). - Légifrance' <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000426953> accessed 21 March 2026.

[451] Patents Act 1977.

Yet implementation has revealed implementation gaps that underscore this paper's central argument. Uctu et al.[452] document that post-Act technology transfer models shifted toward "centralized control," but institutional capacity constraints particularly TTO staffing and commercial expertise persisted. The Act's legal architecture was necessary but insufficient for commercialization acceleration.

The lesson for Zambia is clear: legislative reform must be reflected by parallel institutional capabilities development. Simply transplanting legal provisions without corresponding TTO development would result in implementation failure.

Zambia's Current Framework and Identified Gaps

Zambia's innovation policy architecture includes the National Science, Technology and Innovation Policy (2020) and the Revised National Intellectual Property Policy (2025)[453]. These documents articulate commitment to knowledge-based development but exhibit several limitations relevant to 4IR transformation.

First, legal fragmentation characterizes the current approach as IP governance is dispersed across multiple statutes without unified treatment of university-generated research. The Patents Act, Industrial Designs Act, and Copyright Act address specific IP categories but lack coordination regarding institutional ownership, licensing procedures, or commercialization mechanisms[454]. This fragmentation creates uncertainty regarding university claims to employee inventions and student-generated innovations.

Second, institutional capacity gaps are pronounced as no university currently maintains a fully functional Technology Transfer Office (TTO) with specialized staffing for patent drafting and full commercialization is largely supported, as many regional academic TTOs face capacity challenges[455]. Instead, IP management in Zambia is largely centralized, with academic institutions relying on national structures and external legal speciality rather than in-house, dedicated TTO teams. Research offices typically handle administrative compliance rather than commercial engagement. Without intermediary capabilities, even well-designed legal frameworks cannot operationalize technology transfer.

Third, incentive misalignments exist, with academic advancement standards prioritizing publications and teaching loads over research commercialization, patenting, or industrial participation. Researchers lack institutionalized support for entrepreneurial efforts, and institutional revenue-sharing agreements, when they exist, are sometimes opaque or unfriendly to inventors[456].

Fourth, digital infrastructure limitations constrain 4IR participation. Technology transfer in the digital economy requires data platforms, virtual collaboration tools, and digital IP management systems. Zambia's uneven digital infrastructure limits both international research collaboration and domestic industry engagement.

Toward a Conceptual Framework: Synthesis from Comparative Analysis

The comparative research finds commonalities among efficient technology transfer approaches while also emphasizing context-specific adjustments. This article builds on this synthesis to provide a preliminary conceptual framework with four hypothesized

---

[452] Ramazan Uctu and others, 'Technology Transfer Models of Universities and Public Research Organisations in South Africa: Changes before and after the IPR-PFRD Act of 2008' (2022) 17 Journal of technology management & innovation 71 <https://doi.org/10.4067/S0718-27242022000100071> accessed 2 December 2025.

[453] Ministry of Technology and Science, "2025 National Science Technology and Innovation" (2025) accessed April 7, 2026.

[454] George M. Kanja, *Intellectual Property Law* (The University of Zambia 2006).

[455] Dragos Condrea, 'Cultivating Expertise to Empower Local Innovators Contents'.

[456] Giustina Secundo and others, 'An Intellectual Capital Framework to Measure Universities' Third Mission Activities' (2017) 123 Technol Forecast Soc Change 229 <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2016.12.013> accessed 5 March 2026.

components relevant to Zambia's context. These components are offered for empirical validation through additional stakeholder interaction and are presented here as a research contribution that requires testing rather than confirmed results.

Hypothesized Component 1: Unified Legal Architecture

According to comparative studies, fragmented intellectual property governance increases uncertainty for institutional stakeholders. The US Bayh-Dole Act, UK Patents Act Section 39, and South African IPR-PFRD Act all highlight the importance of unambiguous formal assignment of ownership rights to research institutes. This shows that Zambia needs consolidated law that addresses: (a) institutional ownership of staff ideas; (b) uniform disclosure procedures; (c) transparent licensing systems; and (d) cross-border collaborative frameworks. Whether these exact characteristics are acceptable for Zambia requires empirical research.

Hypothesized Component 2: Tiered Institutional Infrastructure

Given Egypt's capacity restrictions and South Africa's implementation issues, timely replication of full TTOs may be impractical. While Costa Rica's coordinating model and Egypt's multi-institutional approach represent different arrangements. Thus, a proposed tiered system, national hub, and spread university offices provides a testable proposal for concentrating scarce expertise while increasing distributed capability.

Hypothesized Component 3: Aligned Incentive Systems

Cross-jurisdictional analysis reveals consistent attention to researcher incentives, though specific mechanisms vary. Revenue-sharing ratios, entrepreneurship leave policies, and modified promotion criteria appear in multiple systems. The appropriate balance for Zambian academic culture and institutional resources remains an empirical question requiring stakeholder input.

Hypothesized Component 4: Digital Platform Infrastructure

The Fourth Industrial Revolution context emphasizes digital infrastructure for research collaboration. While developed systems emphasize virtual platforms, Zambia's uneven digital infrastructure suggests graduated digital capacity building may be more realistic than immediate comprehensive platforms. The specific digital tools appropriate for Zambian connectivity constraints require field assessment.

Research Implications and Future Validation

This conceptual framework is deliberately presented as preliminary with the hypothesized components emerge from comparative legal analysis but require empirical validation through:

- Stakeholder interviews with university administrators, researchers, and industry representatives
- Survey assessment of institutional capacity and perceived barriers
- Document analysis of existing university policies and national legislation
- Comparative case studies of pilot implementations

The framework's utility lies not in presenting confirmed solutions but in structuring subsequent empirical inquiry and providing a comparatively informed starting point for policy discussion.

Conclusion

Zambia's transition toward a knowledge-based economy requires coordinated reforms to enable university technology transfer. This article has developed a preliminary conceptual framework through comparative legal analysis, identifying hypothesized

necessary components: unified legal architecture, tiered institutional infrastructure, aligned incentive systems, and digital platform capabilities.

Critical limitations must be acknowledged. This framework is not based on empirical findings from Zambian stakeholders. The proposed components represent synthesized hypotheses from comparative analysis that require validation through field research. The article's contribution lies in structuring inquiry and providing a comparatively informed foundation for subsequent empirical work, rather than presenting confirmed policy recommendations.

Future research will test framework components through mixed-methods investigation of stakeholder perspectives, institutional capacities, and implementation feasibility. Only through such empirical validation can the framework be refined into actionable policy guidance.

Bibliography

1. '"A Prosperous Middle-Income Nation By 2030"'.
2. Alexandre F and others, 'Enhancing University–Industry Collaboration: The Role of Intermediary Organizations' (2021) 47 The Journal of Technology Transfer 2021 47:5 1584 <https://doi.org/10.1007/s10961-021-09889-8> accessed 20 February 2026.
3. Bastos EC, Sengik AR and Tello-Gamarra J, 'Fifty Years of University-Industry Collaboration: A Global Bibliometrics Overview' (2021) 48 Sci Public Policy 177 <https://doi.org/10.1093/scipol/scaa077> accessed 25 February 2026.
4. Bejarano JBP and others, 'Open Innovation: A Technology Transfer Alternative from Universities. A Systematic Literature Review' (2023) 9 Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity 100090 <https://doi.org/10.1016/j.joitmc.2023.100090> accessed 27 February 2026.
5. Cai Y and Ahmad I, 'From an Entrepreneurial University to a Sustainable Entrepreneurial University: Conceptualization and Evidence in the Contexts of European University Reforms' (2023) 36 Higher Education Policy 20 <https://doi.org/10.1057/s41307-021-00243-z> accessed 27 February 2026.
6. Compagnucci L and Spigarelli F, 'The Third Mission of the University: A Systematic Literature Review on Potentials and Constraints' (2020) 161 Technol Forecast Soc Change 120284 <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.120284> accessed 8 November 2025.
7. Condrea D, 'Cultivating Expertise to Empower Local Innovators Contents'.
8. Haj Taieb S, 'Measuring the Third Mission of European Universities: A Systematic Literature Review' [2024] Society and Economy <https://doi.org/10.1556/204.2023.00030> accessed 18 November 2025.
9. Kanja GM., *Intellectual Property Law* (The University of Zambia 2006)
10. 'Loi N° 2006-450 Du 18 Avril 2006 de Programme Pour La Recherche (1). - Légifrance' <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000426953> accessed 21 March 2026.
11. Manderscheidt G and others, 'Documents de Travail Faculté Des Sciences Économiques et de Gestion « Institutional Change and Academic Patenting : French Universities and the Innovation Act of the 1999 » Institutional Change and Academic Patenting: French Universities and the Innovati…' <http://cournot2.u-strasbg.fr/beta> accessed 21 March 2026.
12. Ministry of Technology and Science, '2025 National Science Technology and Innovation' (2025) <https://www.mots.gov.zm/wp-content/uploads/2025/06/2025-National-Science-Technology-and-Innovation-Policy.pdf#page=20.00> accessed 7 April 2026.
13. Moreno GR and others, 'The Social Third Mission of Universities: Towards a Unified Framework' (2025) 31 Economic Alternatives 563 <https://doi.org/10.37075/EA.2025.2.13> accessed 25 February 2026.

14. Sampa P and Hossain S, ‘Innovation and Intellectual Property Rights: A Case Study of Zambia’ (2024) 4 Middle East Research Journal of Economics and Management 186 <https://doi.org/10.36348/MERJEM.2024.V04I06.002> accessed 23 September 2025.

15. Secundo G and others, ‘An Intellectual Capital Framework to Measure Universities’ Third Mission Activities’ (2017) 123 Technol Forecast Soc Change 229 <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2016.12.013> accessed 5 March 2026/

16. Stolze A, Sailer K and De AS, ‘Advancing HEIs’ Third-Mission through Dynamic Capabilities: The Role of Leadership and Agreement on Vision and Goals’ (2022) 47 J Technol Transf 580 <https://doi.org/10.1007/s10961-021-09850-9> accessed 10 March 2026.

17. Uctu R and others, ‘Technology Transfer Models of Universities and Public Research Organisations in South Africa: Changes before and after the IPR-PFRD Act of 2008’ (2022) 17 Journal of technology management & innovation 71 <https://doi.org/10.4067/S0718-27242022000100071> accessed 2 December 2025.

18. Patents Act 1977.

Абдрахимов Рамазан
магистрант 2 курса по программе «Юриспруденция»
Высшая школа права Maqsut Narikbayev University
г.Астана, Казахстан
Email: ramazan_abdrakhimov@kazguu.kz

РЕГИОНАЛЬНЫЙ СПОРТИВНЫЙ АРБИТРАЖ КАК МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ПРАВ СПОРТСМЕНОВ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Аннотация

Статья рассматривает основные механизмы защиты прав спортсменов в национальном законодательстве, национальных спортивных организациях, а также анализирует потенциальные пути повышения их эффективности посредством внедрения рекомендаций международных стандартов, международных организаций и международного спортивного арбитража. Основное внимание уделяется соответствию и взаимосвязи деятельности национальных спортивных организаций по защите прав спортсменов национальному законодательству и международным спортивным документам, анализу пробелов в доступных способах защиты прав спортсменов и изучению наиболее подходящих рекомендаций и международной практики для решения этих проблем. Анализ существующих механизмов защиты прав дает понять, что национальные суды и апелляционные органы организаций не всегда обеспечивают надлежащую эффективность разрешения споров и не удовлетворяют интересы спортсменов. В статье подчеркивается, что создание регионального спортивного арбитража на территории Республики Казахстан позволит спортсменам обращаться в независимый и автономный судебный орган без сомнений в беспристрастности и справедливости процедуры.

Ключевые слова: механизмы защиты прав спортсменов, всемирный спортивный арбитраж КАС, национальный антидопинговый центр КазНАДО, антидопинговые правила, международное спортивное право, региональный спортивный арбитраж.

Введение

На сегодняшний день спорт является неотъемлемой и важной частью общества в формировании здорового, дисциплинированного и конкурентоспособного населения. Спортсмены Республики Казахстан с момента обретения независимости показывают высокие результаты на спортивных мероприятиях и тем самым повышают имидж страны на международной арене. Однако для реализации полного потенциала спортсменов и совершенствования законодательства страны необходимо принимать меры по устранению существующих проблем с допинговыми нарушениями спортсменов и механизмами защиты прав спортсменов. С 2010 года успешные спортсмены страны проваливают допинг тесты и получают дисквалификации, тем самым лишаются всех регалий, званий и материальных вознаграждений.[457] Подобные скандалы существенно понижают имидж страны на международной арене и позволяют усомниться в национальном регулировании спорта. Анализ международных стандартов в области спорта и механизмов решения спортивных споров позволяет сделать вывод, что национальное законодательство необходимо модернизировать и привести в соответствие для эффективной защиты прав

[457] Vladimir Zharkov, ‘Самые громкие допинг-скандалы Казахстана’ (Kursiv, 24 January 2021) https://kz.kursiv.media/2021-01-24/samye-gromkie-doping-skandaly-kazakhstana/ дата обращения: 20.03.2026.

спортсменов. Целью статьи является проведение анализа национального законодательства и положений международных организаций для выявления пробелов в механизмах защиты прав спортсменов и разработки предложений по устранению таковых в виде внедрения регионального спортивного арбитража. Задачами для реализации цели статьи будут являться изучение Закона Республики Казахстан «О физической культуре и спорте», правил национального антидопингового центра, положений международного арбитражного суда КАС, выявление пробелов и несоответствий национального законодательства, разработка рекомендаций по учреждению регионального спортивного арбитража в Республике Казахстан.

Механизмы защиты прав спортсменов в национальном законодательстве

В Республике Казахстан регулирование спортивных отношений осуществляется Конституцией и Законом Республики Казахстан «О физической культуре и спорте» от 3 июля 2014 года.[458] (далее – Закон), который формирует основу правового статуса спортсменов и иных субъектов спортивных правоотношений. Закон закрепляет общие принципы государственной политики в сфере спорта, права и обязанности участников, а также основы антидопингового регулирования и социальной защиты спортсменов.

Вместе с тем анализ содержания Закона позволяет сделать вывод о его преимущественно рамочном характере. Нормы, регулирующие права спортсменов, носят отсылочный и декларативный характер и не содержат конкретных процессуальных механизмов их реализации и защиты. В результате при возникновении споров спортсмены вынуждены прибегать к общим гражданско-правовым средствам защиты, которые не учитывают специфику спортивных правоотношений и не обеспечивают оперативного и специализированного разрешения конфликтов. Дополнительной особенностью является значительное смещение регулирования на договорный уровень.[459]Существенная часть гарантий спортсменов реализуется в рамках договоров со спортивными организациями, что в условиях фактического неравенства сторон может приводить к дисбалансу прав и обязанностей и снижению уровня защиты спортсмена как более уязвимого субъекта.

Сфера антидопингового регулирования характеризуется высокой степенью строгости и формализации. Широкий перечень антидопинговых нарушений, включая нарушения процедурного характера, а также применение принципа строгой ответственности существенно повышают риск привлечения спортсмена к ответственности независимо от наличия вины. При этом жесткость санкций, включая дисквалификацию, аннулирование результатов и лишение материальных выплат, затрагивает не только профессиональную деятельность, но и имущественные и социальные права спортсмена, что усиливает значение эффективных процессуальных гарантий[460].

Возникновение спортивных споров обусловлено совокупностью системных факторов. К ним относятся институциональный конфликт интересов в деятельности антидопинговых органов, жесткость регулирования, основанная на принципе строгой ответственности, а также процедурные риски, связанные с многоэтапностью допинг-контроля. Дополнительным фактором является отсутствие детализированных процессуальных стандартов, включая единые правила доказывания, сроки рассмотрения и порядок проведения слушаний, что приводит к неоднородности практики и снижает предсказуемость решений.

---

[458] Закон Республики Казахстан от 3 июля 2014 года «О физической культуре и спорте». <https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31481555>. дата обращения: 21.03.2026.

[459] Ibid п.43 ст.1

[460] Ibid ст. 44

Таким образом, действующее законодательство формирует базовые правовые рамки защиты прав спортсменов, однако не обеспечивает их полноценную реализацию в условиях сложности и специфики спортивных споров. Это обусловливает необходимость формирования специализированных и институционально независимых механизмов разрешения споров, способных обеспечить баланс между задачами борьбы с допингом и гарантией прав спортсменов.

Роль КазНАДО и процедуры слушаний, апелляций в защите прав спортсменов

Национальный антидопинговый центр Республики Казахстан (КазНАДО) является ключевым субъектом антидопингового регулирования, на который возложены функции по выявлению нарушений, проведению расследований, обработке результатов, а также организации слушаний по делам о нарушении антидопинговых правил. В своей деятельности центр руководствуется национальными антидопинговыми правилами, разработанными с учетом положений Всемирного антидопингового кодекса[461].

Система рассмотрения и обжалования дел в рамках КазНАДО характеризуется ограниченной степенью институциональной независимости как на уровне первой, так и апелляционной инстанции. Апелляции спортсменов национального уровня рассматриваются комиссией, функционирующей в пределах той же организационной структуры, что и орган, вынесший первоначальное решение, в связи с чем пересмотр не устраняет зависимость, а фактически воспроизводит её. В результате полноценная проверка решений с точки зрения независимости переносится на уровень КАС, что снижает эффективность национальных механизмов защиты прав спортсменов. Дополнительной проблемой является концентрация в рамках одного органа функций расследования, обвинения и участия в формировании состава комиссии по слушаниям, уполномоченной рассматривать дело и применять санкции. Такая институциональная модель формирует структурный конфликт интересов, при котором орган, фактически выступающий стороной обвинения, оказывает влияние на формирование органа, разрешающего спор, что противоречит базовым принципам справедливого разбирательства, включая требования независимости и беспристрастности[462].

Дополнительные сомнения вызывает статус КазНАДО как государственной организации. Несмотря на формально закрепленную автономию, отсутствие четко выраженных гарантий институциональной и финансовой независимости допускает потенциальное влияние через механизмы финансирования, кадровой политики и административного контроля. В совокупности это снижает уровень доверия к процедурам слушаний и их результатам со стороны спортсменов. При этом доступ к международному спортивному арбитражу связан с существенными финансовыми и организационными затратами, что ограничивает возможность обращения для значительной части спортсменов. Это формирует ситуацию, при которой формально существующие механизмы обжалования не обеспечивают равного доступа к эффективной защите прав.

В совокупности действующая модель антидопингового разбирательства в Республике Казахстан характеризуется институциональной концентрацией

[461] Национальный антидопинговый центр Республики Казахстан, «О нас» <https://kaznadc.kz/ru/about-us/> дата обращения: 21.03.2026.

[462] Национальный антидопинговый центр Республики Казахстан, *Антидопинговые правила* (Сентябрь 2020, вступают в силу 1 января 2021) <https://kaznadc.kz/wp-content/uploads/2023/08/rules_kaznadc_2021.pdf> дата обращения: 21.03.2026.

полномочий и недостаточной степенью процессуальной независимости. Несмотря на формальное соответствие международным стандартам, существующие механизмы не в полной мере гарантируют беспристрастное и объективное рассмотрение споров. Это обусловливает необходимость институционального разграничения функций, а также создания альтернативных, независимых механизмов разрешения спортивных споров, способных обеспечить эффективную защиту прав спортсменов.

Международный спортивный арбитраж кас и зарубежная практика защиты прав спортсменов

Функцию окончательного рассмотрения обжалования решений в спортивной области осуществляет международный спортивный арбитраж КАС. КАС — это независимая организация, которая рассматривает спортивные споры на международном уровне. Организация была создана в 1984 году, разработала процессуальные нормы для вынесения справедливых решений путем медиации и арбитража. Спортсмены и спортивные организации наделяют спортивный арбитражный суд судебной властью для обеспечения справедливого и равного применения спортивных норм. Что положило начало формирования КАС, в начале 1980-х годов глобализация и популяризация профессионального спорта, международных крупных соревнований естественно привело к увеличению количества споров. В ходе таких споров спортсменам и спортивным федерациям приходилось решать споры внутри организаций или в национальных судах. Это в свою очередь привело к несистемному применению спортивных норм и оставило спортсменов без эффективного механизма защиты их прав в виде обжалования решений. В 1981 году новоизбранный президент Международного олимпийского комитета (далее – МОК) Хуан Антонио Самаранч решил данную проблему и выдвинул предложение создать специализированную для спортсменов юрисдикцию. Главной проблемой для спортсменов при обращении в национальные суды были долгие сроки вынесения решений, которые по прошествии времени не имели смысла. Это выявило необходимость в создании более гибкой, недорогой и быстрой процедуры. КАС включал единую юридическую процедуру, работающую по всем видам спорта. Процедура могла быть инициирована каждым спортсменом или организацией и была бесплатной. В 1992 году спортсмен Эльмар Гундель обратился в КАС с апелляцией и вынесенное решение не удовлетворило спортсмена. Гундель обратился в Федеральный трибунал Швейцарии оспаривая действительность решения КАС, так как, по его мнению, данный суд не соответствует условиям беспристрастности и независимости, соответственно КАС не может быть законным арбитражным судом. Федеральный трибунал Швейцарии (далее - ФТШ) отклонил апелляцию Гунделя и отметил, что КАС независим от федераций и признал КАС официальным арбитражным судом, решения которого подлежат исполнению наравне с государственными судами. Однако ФТШ поставил под сомнение отношения между МОК и КАС, так как они структурно связаны. Но при этом обжалование решений КазНАДО в сам же КазНАДО не смущает законодательство. В связи с этим осуждением со стороны ФТШ, КАС для избавления своей репутации от сомнений начал значительные структурные реформы. В 1994 году руководящим органом КАС вместо МОК стал новый орган Международный арбитражный совет по спорту[463].

Деятельность Международного спортивного арбитража (далее – КАС) направлена прежде всего на обеспечение процессуальных гарантий защиты прав спортсменов в рамках разрешения спортивных споров. В отличие от национальных механизмов защиты, КАС выступает в качестве независимого международного

[463] Court of Arbitration for Sport, *официальный сайт* <https://www.tas-cas.org/en> дата обращения: 20.03.2026.

арбитражного института, обеспечивающего возможность спортсменам обращаться к эффективному средству правовой защиты от решений спортивных федераций, лиг и иных регулирующих органов.

К числу ключевых прав спортсменов, защищаемых КАС, относится право на справедливое разбирательство, включающее рассмотрение дела независимым и беспристрастным составом арбитров, соблюдение принципа равенства сторон и состязательности процесса. Существенным элементом данной гарантии является возможность полного пересмотра дела в апелляционной инстанции КАС, где арбитражная коллегия обладает полномочиями по переоценке как фактических обстоятельств, так и правовых оснований принятого решения. Это позволяет устранить недостатки первоначального дисциплинарного или административного разбирательства и обеспечивает реальную защиту прав спортсмена.

Особое значение имеет право спортсмена на обжалование решений спортивных организаций, включая дисциплинарные и антидопинговые санкции. В рамках антидопинговых споров КАС выступает как ключевой юрисдикционный орган, обеспечивающий проверку соблюдения международных стандартов, в частности положений Всемирного антидопингового кодекса. При этом спортсмену предоставляется возможность заявлять доказательства, участвовать в слушаниях, а также ходатайствовать о приостановлении исполнения оспариваемого решения, что имеет критическое значение для защиты его спортивной карьеры. Дополнительной гарантией выступает право на публичное слушание в дисциплинарных делах, при наличии соответствующего ходатайства, что усиливает прозрачность и доверие к процедуре. В совокупности указанные элементы формируют комплекс процессуальных гарантий, обеспечивающих эффективную защиту прав спортсменов и соответствие деятельности КАС международным стандартам справедливого судебного разбирательства.

Таким образом, КАС обеспечивает защиту не только отдельных материальных прав спортсменов, но прежде всего их фундаментального права на доступ к независимому и эффективному механизму разрешения споров, что является ключевым элементом современной системы международного спортивного права.

В базе данных КАС есть возможность ознакомиться с делами по обращению казахстанских спортсменов, в частности дело Бауыржана Исламхана[464] подчеркивающее эффективность специализированных спортивных арбитражей в спорах. Дело Бауыржана Исламхана: почему КАС не поверил в «загрязнённые добавки». 18 сентября 2020 года во время матча Лиги чемпионов АФК между «Al Ain FC» и «Al Sadd SC» в Дохе у казахстанского полузащитника Бауыржана Исламхана взяли допинг-пробу. 2 ноября 2020 года лаборатория в Катаре сообщила о неблагоприятном аналитическом результате, в пробе был обнаружен метилгексанамин (MHA), запрещённый стимулятор категории S6B. AFC DEC 23 декабря 2020 года наложил на Исламхана двухлетнюю дисквалификацию. Футболист обжаловал решение в КАС, утверждая, что вещество попало в организм случайно через загрязнённые пищевые добавки клуба «Al Ain». Он ссылался на отсутствие сотрудничества со стороны клуба, многочисленные добавки от медицинского штаба, положительные пробы у других игроков команды и даже прошёл полиграф (детектор лжи). КАС 16 марта 2022 года (дело CAS 2021/A/7768) полностью отклонил апелляцию. Трёхчленная панель пришла к выводу, что спортсмен не выполнил бремя доказывания источника допинга по стандарту «balance of probability» (минимум 51% вероятности).

Ключевые выводы КАС:

[464] *Bauyrzhan Islamkhan v Asian Football Confederation (AFC) and Al Ain FC* (CAS 2021/A/7768, 16 марта 2022 г.) https://jurisprudence.tas-cas.org/pdf/7768.pdf дата обращения: 05.04.2026.

- Игрок перечислил множество добавок (от сборной Казахстана и от клуба), но не указал конкретный продукт и не предоставил лабораторных доказательств загрязнения.
- «Отсутствие сотрудничества» клуба не перекладывает бремя доказывания на клуб и не меняет правила.
- Полиграф имеет «очень ограниченную ценность» и в данном случае не помог (результаты по ключевым вопросам «неопределённые»).
- Задержка уведомления об ААФ объяснена COVID-протоколами WADA и не является основанием для смягчения.
- Ссылки на других игроков Al Ain без документов и свидетелей «не имеют веса».

Итог решения: Апелляция отклонена. Двухлетняя дисквалификация (с 9 ноября 2020 года) подтверждена. Все ходатайства о сокращении или отмене санкции отклонены. Каждая сторона несёт свои судебные расходы.

В результате КАС в очередной раз подтвердил жёсткий подход к бремени доказывания: спортсмен обязан конкретно и убедительно показать, как именно запрещённое вещество попало в организм. Простых версий и подозрений в «загрязнённых добавках» недостаточно.

Эффективность КАС как международного арбитражного органа не вызывает сомнений: он обеспечивает независимое и профессиональное рассмотрение споров, опираясь на международные стандарты WADA и собственный Кодекс спортивного арбитража. Однако, реальная доступность этого механизма для спортсменов существенно различается. Дело Бауыржана Исламхана (CAS 2021/A/7768) демонстрирует, что возможность полноценного обращения в КАС определяется не только формальным правом на апелляцию, но и финансовыми, организационными и процессуальными ресурсами. Высокооплачиваемый футболист способен обеспечить квалифицированное юридическое сопровождение, лабораторные экспертизы и переводы документов, что критически важно для соблюдения стандартов доказывания. В то же время для большинства спортсменов национального или регионального уровня такие расходы могут быть недоступными, что создаёт системное неравенство в защите прав и ограничивает реальную возможность воспользоваться международной процедурой арбитража. Этот аспект подчёркивает необходимость разработки региональных или национальных механизмов спортивного арбитража, которые сохраняли бы стандарты КАС, но делали бы процедуру более доступной для широкого круга участников спортивного процесса.

Практика Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), в частности решение по делу «Муту и Пехштейн v. Switzerland»[465], имеет фундаментальное значение для понимания правовой природы и стандартов деятельности КАС в контексте защиты прав спортсменов. Указанное дело стало первым прецедентом, в котором на международном уровне была дана комплексная оценка соответствия процедур КАС требованиям права на справедливое судебное разбирательство. Европейский суд по правам человека подтвердил применимость статьи 6 Европейской конвенции по правам человека к разбирательствам в КАС, указав, что споры с участием спортсменов затрагивают их гражданские права, включая имущественные интересы и право на осуществление профессиональной деятельности. Данный вывод имеет принципиальное значение, поскольку фактически интегрирует спортивный арбитраж в систему международной защиты прав человека, распространяя на него соответствующие процессуальные гарантии. Особое внимание в решении уделено вопросу согласия спортсменов на арбитраж. Суд отметил, что,

[465] Europpean Court of human Rights6, *Q&A on Mutu and Pechstein v Switzerland* (пресс-документ, 2 октября 2018 г.) дата обращения: 05.04.2026.

несмотря на формально добровольный характер арбитражной оговорки, в действительности такое согласие носит вынужденный характер, поскольку отказ от него фактически исключает спортсмена из участия в профессиональной спортивной деятельности. Данный вывод свидетельствует о наличии структурного неравенства между спортсменами и международными спортивными организациями и обосновывает необходимость усиленных процессуальных гарантий при рассмотрении соответствующих споров. Вместе с тем Суд признал, что КАС в целом соответствует требованиям независимости и беспристрастности, предъявляемым к органам, осуществляющим разрешение споров. Несмотря на институциональные особенности формирования состава арбитров и участие спортивных организаций в данном процессе, существующие механизмы, включая деятельность Международного совета арбитража в области спорта (ICAS), обеспечивают достаточный уровень институциональной автономии КАС. Важным аспектом, выявленным в рассматриваемом деле, стало нарушение права на публичное разбирательство. Европейский суд установил, что отказ КАС в проведении открытого слушания по делу К. Пехштейн, несмотря на соответствующее ходатайство, противоречит требованиям статьи 6 Конвенции. Данная позиция обусловлена тем, что дисциплинарные споры в сфере спорта, способные существенно повлиять на профессиональную репутацию и карьеру спортсмена, обладают значительным общественным интересом и требуют повышенной прозрачности.

Таким образом, анализ практики Европейского суда по правам человека позволяет сделать вывод о двойственной природе КАС. С одной стороны, он признан эффективным и допустимым механизмом разрешения международных спортивных споров, соответствующим базовым стандартам справедливого разбирательства. С другой стороны, сохраняются отдельные системные ограничения, связанные с обязательностью арбитража и недостаточной реализацией принципа публичности. Указанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования институциональных и процедурных механизмов КАС, а также их адаптации в рамках национальных правовых систем, включая законодательство Республики Казахстан.

Наглядным примером сложностей доказательства и процедурных рисков является дело казахстанской стайерши Норы Жеруто[466]. После победы на чемпионате мира она была обвинена в нарушении антидопинговых правил на основании данных системы «Athlete Biological Passport» (ABP). Сторона защиты смогла представить комплексные медицинские доказательства, в том числе сведения о перенесённой спортсменкой в августе 2020 г. COVID-19, вызывающем аналогичные изменения в крови, и о хронической язве желудка. Именно эти обстоятельства, подтверждённые экспертами, позволили КАС признать объяснения спортсменки более вероятными, чем гипотеза о применении эритропоэтина, и отклонить апелляцию World Athletics. В решении 25 июня 2024 г. суд официально подтвердил, что Жеруто не нарушила Антидопинговые правила и отклонил требование о четырёхлетней дисквалификации. Этот пример демонстрирует, что в условиях высокой стоимости экспертиз и отсутствия национальных альтернатив даже сильные спортсмены нуждаются в доступных механизмах защиты прав, что усиливает аргумент в пользу создания регионального спортивного арбитража.

Вместе с тем доступ к КАС сопряжен с рядом существенных ограничений. Так, согласно официальному расписанию арбитражных расходов, каждая сторона обязана уплатить регистрационный сбор в размере 1000 швейцарских франков при подаче

[466] *World Athletics v Norah Jeruto* (арбитражное решение CAS 2023/A/10180, мотивированное решение, 2024 г.)https://www.tas-cas.org/generated/assets/lists/feb900ba-1137-4b78-a9ffd68af7869087/10180_Final_reasoned_Award__for_publ._.pdf дата обращения: 05.04.2026.

заявления или апелляции. Однако указанный платеж представляет собой лишь часть совокупных расходов, включающих гонорары арбитров, административные сборы, расходы на юридическое представительство, перевод документов и участие в слушаниях. При этом проблема доступа к КАС не исчерпывается исключительно финансовыми затратами. Существенным барьером является географическая удаленность арбитража, поскольку основные слушания проводятся в Швейцарии, что влечет дополнительные организационные сложности и временные издержки, особенно для спортсменов из отдаленных регионов. Кроме того, следует учитывать языковой фактор, так как разбирательства, как правило, ведутся на английском или французском языках, что требует привлечения переводчиков и повышает стоимость процесса. В этой связи КАС поддерживает развитие децентрализованных форм разрешения споров, включая создание региональных арбитражных структур или центров слушаний, способных обеспечить более доступный, оперативный и адаптированный к национальным условиям механизм защиты прав спортсменов. В силу этого необходимость развития региональных спортивных арбитражей обусловлена не только снижением финансовых затрат, но и преодолением совокупности иных барьеров географических, языковых, процессуальных и институциональных, что в итоге способствует повышению доступности правосудия в сфере спорта.

Предложение о создании регионального спортивного арбитража требует не только теоретического обоснования, но и четкого понимания его институциональной модели, юрисдикции и места в национальной правовой системе. В противном случае данный механизм рискует остаться декларативной инициативой, не способной обеспечить реальную защиту прав спортсменов.

Оптимальной представляется модель специализированного арбитражного института, функционирующего на постоянной основе и обладающего юрисдикцией по рассмотрению спортивных споров, включая антидопинговые, дисциплинарные и договорные споры между спортсменами, клубами, федерациями и иными субъектами спортивных правоотношений. При этом ключевым принципом должна выступать институциональная независимость арбитража от национальных спортивных организаций и государственных органов, что позволит устранить существующий конфликт интересов, характерный для действующей модели с участием КазНАДО.

Важным элементом является определение процессуального статуса решений регионального арбитража в правовой системе Республики Казахстан. Такие решения могут признаваться и исполняться в порядке, установленном для арбитражных решений, что соответствует общим принципам арбитража и международной практике. При этом обязательным условием выступает наличие арбитражной оговорки в договорах между субъектами спортивных отношений (спортсменами, клубами, федерациями), что позволит обеспечить юрисдикцию арбитража и исключить параллельное рассмотрение споров в государственных судах.

С точки зрения процедурных гарантий региональный арбитраж должен воспроизводить ключевые стандарты международного спортивного арбитража, включая независимость и беспристрастность арбитров, равенство сторон, состязательность процесса, право на представление доказательств и участие в слушаниях. Особое значение имеет формирование списка арбитров, обладающих специализированными знаниями в области спортивного права, медицины и антидопингового регулирования, что позволит повысить качество рассмотрения споров по сравнению с национальными судами.

Вместе с тем внедрение регионального спортивного арбитража сопряжено с рядом рисков, требующих учета на этапе его институционального проектирования. К ним относятся возможное влияние спортивных федераций на формирование состава арбитров, недостаточная нормативная регламентация процедур, а также риск

дублирования функций существующих органов. Для минимизации указанных рисков необходимо закрепление гарантий независимости арбитража на законодательном уровне, прозрачный порядок назначения арбитров и четкое разграничение компетенции между арбитражем и национальными органами.

Дополнительно важно показать, что такую децентрализацию поддерживает и сам КАС. В мае 2025 г. КАС объявил о создании своего первого альтернативного центра слушаний в Лиме (Перу)[467]. Такой центр позволяет сторонам из Иберoамерики проводить очные заседания ближе к дому, сокращая расходы на перелёты, проживание и суточные, раньше даже при разбирательстве между латиноамериканскими сторонами слушание нужно было проводить в Лозанне. На официальном сайте КАС перечислены действующие альтернативные центры: Нью-Йорк, Сидней, Каир, Шанхай, Абу-Даби и Куала-Лумпур. Этот перечень показывает, что КАС считает важным приближать процедуры к спорящим сторонам.

Одним из наиболее успешных примеров формирования региональной модели спортивного арбитража является система, сложившаяся в Объединённых Арабских Эмиратах. В отличие от многих государств, ОАЭ реализовали многоуровневый подход к разрешению спортивных споров, включающий специализированный национальный орган «UAE Sports Arbitration Centre», а также интеграцию с международными и коммерческими арбитражными институтами. Особенностью данной модели является сочетание институциональной специализации и процессуальной гибкости: спортивные споры могут рассматриваться как в рамках специализированного центра, так и в иных арбитражных институтах, действующих по международным стандартам. Дополнительным элементом выступает создание альтернативного центра слушаний КАС в Абу-Даби, что позволяет существенно снизить финансовые и организационные барьеры для сторон. Модель ОАЭ демонстрирует эффективное сочетание национального и международного уровней защиты прав спортсменов, обеспечивая доступность, оперативность и независимость разрешения споров.

Таким образом, региональный спортивный арбитраж может выступать не альтернативой, а дополнением к международной системе, обеспечивая первичный уровень разрешения споров и повышая доступность правосудия. Его создание позволит устранить институциональные и процессуальные недостатки действующей модели, обеспечив баланс между эффективностью антидопингового регулирования и защитой прав спортсменов.

Заключение

Проведённый анализ национального законодательства Республики Казахстан, антидопинговых процедур и международной практики разрешения спортивных споров позволяет сделать вывод о наличии системного разрыва между формально закреплёнными гарантиями прав спортсменов и их фактической реализацией. Действующее регулирование носит преимущественно рамочный характер и не содержит достаточных процессуальных механизмов, обеспечивающих оперативное и специализированное разрешение споров.

Функционирование национальных механизмов, включая деятельность КазНАДО, сопровождается институциональной концентрацией полномочий, что создает риск конфликта интересов и снижает уровень доверия к процедурам рассмотрения дел. В свою очередь, обращение в КАС, несмотря на высокий уровень процессуальных гарантий, связано со значительными финансовыми,

[467] Dávila M.A., «Открытие альтернативного центра слушаний CAS в Лиме» (Winter – Dávila & Associés, 7 мая 2025 г.) https://wdassocies.com/en/the-cas-opens-an-alternative-hearing-centre-in-lima дата обращения: 05.04.20267

организационными и языковыми барьерами, что ограничивает его доступность для большинства спортсменов.

Анализ практики антидопинговых споров показывает, что исход дел во многом зависит от возможности стороны обеспечить квалифицированную юридическую и экспертную поддержку. Это формирует неравенство возможностей участников процесса и снижает эффективность существующей системы защиты прав. В этих условиях создание регионального спортивного арбитража представляется обоснованным и необходимым шагом. Такой институт способен обеспечить специализированное, независимое и доступное разрешение спортивных споров, сохраняя при этом связь с международной системой посредством апелляционного контроля со стороны CAS. При этом региональный арбитраж не должен рассматриваться как альтернатива международному механизму, а как его функциональное дополнение, обеспечивающее первичный уровень защиты прав спортсменов. Его внедрение позволит устранить выявленные институциональные и процессуальные недостатки, повысить доступность правосудия и обеспечить более сбалансированное соотношение между задачами антидопингового контроля и защитой прав спортсменов.

Подводя итог, развитие региональных форм спортивного арбитража соответствует современным тенденциям международного спортивного права и может стать эффективным инструментом совершенствования национальной системы защиты прав спортсменов в Республике Казахстан.

Список использованных источников

1. Всемирное антидопинговое агентство, *Всемирный антидопинговый кодекс 2021*, <https://www.wadaama.org/sites/default/files/resources/files/2021_vsemirnyy_antidopingovyy_kodeks.pdf>
2. Court of Arbitration for Sport, официальный сайт https://www.tas-cas.org/en.
3. Конституция Республики Казахстан. (30 августа 1995 года) (Официальный сайт Президента Республики Казахстан) <https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution> .
4. Закон Республики Казахстан “О физической культуре и спорте” от 3 июля 2014 года N 228 (Әділет) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000228>.
5. Национальный антидопинговый центр Республики Казахстан, *Антидопинговые правила* (Сентябрь 2020, вступают в силу 1 января 2021) <https://kaznadc.kz/wp-content/uploads/2023/08/rules_kaznadc_2021.pdf>.
6. Жарков В, «Самые громкие допинг-скандалы Казахстана», *Kursiv.media* (24 января 2021) <https://kz.kursiv.media/2021-01-24/samye-gromkie-doping-skandaly-kazakhstana/>.
7. Court of Arbitration for Sport, официальный сайт <https://www.tas-cas.org/en>.
8. Asian International Arbitration Centre (AIAC), «About AIAC», официальный сайт <https://www.aiac.world/About-AIAC->.
9. Национальный антидопинговый центр Республики Казахстан, «О нас» <https://kaznadc.kz/ru/about-us/> .
10. Dávila Miguel Ángel, «The CAS opens an alternative hearing centre in Lima» *Winter – Dávila & Associés* (7 мая 2025) <https://wdassocies.com/en/the-cas-opens-an-alternative-hearing-centre-in-lima>.
11. Cairo Regional Centre for International Commercial Arbitration, *CRCICA-Hosted CAS Alternative Hearing Centre in Operation*, <https://crcica.org/news/crcica-hosted-cas-alternative-hearing-centre-in-operation/>.

Амандыков Ислам Русланович
Магистрант 2 курса специальности «Международное право»
Высшая школа права Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республика Казахстан
E-mail: I_amandykov@kazguu.kz

МОДЕЛЬНОЕ ДВУСТОРОННЕЕ СОГЛАШЕНИЕ О ЗАЩИТЕ И ПООЩРЕНИИ ИНВЕСТИЦИЙ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И НАПРАВЛЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ

Аннотация

Данная статья посвящена сравнительно-правовому анализу подходов к разработке модельного двустороннего соглашения о защите и поощрении инвестиций Республики Казахстан (ДИС). Актуальность статьи заключается в трансформации современного международного инвестиционного права, и в рамках трансформации государства преследуют цель обеспечения баланса между защитой иностранных инвестиций и сохранением внутреннего суверенитета в рамках регулирования в публичных интересах. В представленной статье рассматриваются положения модельных ДИС, в частности подходы к определению инвестиций, стандартам защиты инвестора, праву государства на регулирование, обязанностям инвестора и включению принципов устойчивого развития. В статье делается вывод, обосновывающий необходимость разработки национальной модели двустороннего инвестиционного соглашения Казахстана, позволяющей учитывать современные тенденции развития международного инвестиционного права, зарубежные подходы к регулированию инвестиционной деятельности, и национальные приоритеты инвестиционной политики.

Ключевые слова: Двусторонние инвестиционные соглашения, модельные инвестиционные соглашения, защита иностранных инвестиций, инвестиционные споры, инвестиционная политика, сравнительно-правовой анализ, зарубежный опыт, национальная модель, баланс публичных и частных интересов, право государства на регулирование.

Введение

Необходимость разработки модельного двустороннего инвестиционного соглашения Республики Казахстан объясняется совокупностью проблем, которые лежат в основе современного международного инвестиционного права. Во-первых, в данной отрасли права сформировалась новая правовая тенденция: двусторонние инвестиционные соглашения больше не воспринимаются как инструмент полноценной защиты иностранного инвестора, а как средство обеспечения баланса между инвестиционной защитой и общественно значимыми целями. Однако данная трансформация не является последовательной. Большая часть действующих двусторонних инвестиционных соглашений Республики Казахстан на сегодняшний день основывается на устоявшихся договорных конструкциях, предполагающих достаточно неопределённые стандарты защиты в рамках инвестиций, которые способны ограничить свободу усмотрения государства в рамках реализации социальной, экономической, экологической и иных направлений публично-правового регулирования. Следовательно, в данной ситуации возникает правовая коллизия международных обязательств государства по обеспечению защиты инвестиций и права государства самостоятельно определять траекторию и направление внутригосударственного регулирования в рамках публичных интересов Республики

Казахстан. Рассматриваемая проблема носит прикладной характер, в связи с участием в международном инвестиционном сотрудничестве и данное обстоятельство влечет необходимость единой согласованной национальной модели регулирования, определяющей объем обязательств Казахстана, пределы инвестиционной защиты, соотношение национального вектора развития и международных гарантий в соответствии с соглашениями. Отсутствие модельного соглашения влечет за собой риск фрагментарности норм соглашений, непоследовательности договорного регулирования, несформированности единого подхода государства к инвестиционным соглашениям, поэтому цель данной статьи заключается в определении курса разработки национальной модели двустороннего инвестиционного соглашения Республики Казахстан посредством проведения сравнительного правового анализа зарубежного опыта разработки подобных соглашений.

Основная часть

Правовые основания формирования модельного двустороннего инвестиционного соглашения Республики Казахстан

Проблема формирования модельного двустороннего инвестиционного соглашения в настоящее время носит системный характер, постановка проблемы связана с тем, что правовой уровень регулирования инвестиций на данный момент определяет пределы обязательств государства перед иностранным инвестором, в то время как государственный инвестиционный режим исходит из необходимости обеспечения гарантии правовой защиты инвестиционной деятельности. Действующий Предпринимательский кодекс Республики Казахстан содержит в себе наиболее четкое нормативное закрепление, которое звучит следующим образом: «Инвестору предоставляется полная и безусловная защита прав и интересов, которая обеспечивается Конституцией Республики Казахстан, настоящим Кодексом и иными нормативными правовыми актами Республики Казахстан, а также международными договорами, ратифицированными Республикой Казахстан»[468].

Представленная формулировка имеет важное значение как национальная правовая норма, демонстрирующая, что защита инвестора в Республике Казахстан не ограничивается национальным регулированием и предполагает взаимодействие с международными обязательствами государства. Исходя из этого, вопрос о модельном двустороннем инвестиционном соглашении затрагивает не только содержание будущих соглашений, но и внутренней согласованностью инвестиционного режима. Национальное законодательство Республики Казахстан предоставляет инвестору правовую защиту, но в то же время не решает вопрос касательно объема международных обязательств Казахстана в отношении иностранного инвестора, в случае если соглашение между государствами содержит в своих положениях открытые и неопределенные формулировки, то соответственно предел защиты зависит от конкретной договорной конструкции и ее толкования. Подобная ситуация предусматривает риск превращения двустороннего инвестиционного соглашения в источник дополнительной правовой неопределенности. Государство, заинтересованное в привлечении нвестиций и сохранении пространства для осуществления самостоятельной социальной, экономической, экологической и иной публичной политики, что создает явную коллизию. Одна из сторон демонстрирует готовность государства обеспечить инвестору устойчивый правовой режим, противоположная сторона данного вопроса, государство не может отказаться от права на собственное регулирование в общественно значимых сферах, соответственно, первостепенная задача модельного двустороннего инвестиционного соглашения

[468] Предпринимательский кодекс Республики Казахстан от 29 октября 2015 года № 375-V ЗРК, ст 276 <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000375> дата обращения: 02.04.2026.

заключается не в простом усилении или ослаблении защиты прав и интересов инвестора, а в правовом определении границ этой защиты.

При рассмотрении настоящей темы решающим фактором является не просто описание инвестиционной политики Республики Казахстан, а анализ модельных инвестиционных соглашений, посредством которых устанавливается соотношение защиты инвестора и права государства на регулирование. По данной причине, настоящая статья носит сравнительно-правовой и теоретико-правовой характер. Предметом анализа при подготовке научной работы являются действующее внутреннее законодательство Республики Казахстан, модельные ДИС зарубежных государств, тексты и содержание инвестиционных соглашений, и соответственно доктринальные подходы к пониманию инвестиции, инвестора, справедливого и равноправного режима и права Республики Казахстан на осуществление регуляторной политики в рамках публичного интереса. В связи с этим наиболее применимыми будут формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы. Сочетание формально-юридического, сравнительно-правового и системного методов обусловлено тем, что регулирование инвестиционных отношений не сводится к одному уровню правового регулирования, а требует одновременного учета международно-правовых и внутригосударственных механизмов. Поэтому двусторонние инвестиционные соглашения следует анализировать не изолированно, а как элемент единой системы правового регулирования, в рамках которой международные обязательства государства соотносятся с его внутренним правопорядком. В этой связи показателен вывод Н. В. Кузнецовой: «Современное правовое регулирование иностранных инвестиций осуществляется путем сочетания международно-правового и внутригосударственного (национального) регулирования. Внутригосударственное право определяет меру проникновения иностранного капитала на внутренний рынок факторов производства»[469] В научной литературе обоснованно подчеркивается, что наибольшую правовую уязвимость двусторонних инвестиционных соглашений создают именно открытые стандарты защиты, прежде всего стандарт справедливого и равноправного режима (FET). Если текст соглашения не фиксирует его внутренние пределы, спор о допустимости государственного регулирования легко переводится в плоскость международной ответственности государства. В данном контексте интересна позиция А. Нальгиева: «В практике инвестиционных арбитражей часто встречаются случаи, когда положения одних и тех же ИД, включая двусторонние инвестиционные договоры, или одни и те же стандарты защиты инвестиций обретали диаметрально-противоположное толкование, не предопределённое, например, “правилами толкования договоров или различными фактами и доказательствами, представленными в арбитраже»[470]. Следовательно, неопределенность содержания FET действительно выступает одной из ключевых причин конфликта между договорной защитой инвестора и правом государства реализовывать публичную политику. Для Республики Казахстан рассматриваемый вопрос является наиболее важным, поскольку инвестиционные отношения государства затрагивают сферы недропользования, экологии, энергетики, инфраструктуры и иных отраслей, в которых государство не имеет объективной возможности отказаться от активного государственного регулирования. В случае если положения инвестиционных соглашений будут толковаться и применяться без

[469] Н В Кузнецова, Международное частное право: учебно-методическое пособие (Ярославский филиал МФЮА 2013) 69 <https://yaroslavl.mfua.ru/studentu/files/UMM/UMP_Mejdunarodnoe_chastnoe_pravo_(Kuznetsova).pdf> дата обращения: 02.04.2026.

[470] А. М Нальгиев, ‘Непоследовательность практики инвестиционных арбитражей по вопросам доказывания: может ли реформа что-то предложить?’ (2023) 3(47) Международное правосудие 66 <https://iclrc.ru/storage/winners/Nalgiev_2023_1696582822.pdf> дата обращения: 02.04.2026.

надлежащей точности, государство окажется в ситуации необходимости при возникновении спора доказывать то, что должно было быть закреплено в тексте соглашения изначально. По данной причине модельное двустороннее инвестиционное соглашение следует рассматривать в качестве способа предварительного определения международных обязательств государства, а не только как образца для проведения переговоров.

Подход Республики Казахстан к заключению инвестиционных соглашений демонстрирует необходимость пересмотра классической парадигмы, однако пока не представляет собой завершенную модель. Наиболее показательным является пример текста соглашения между Казахстаном и Кыргызской Республикой о поощрении и взаимной защите инвестиций.Преамбула данного соглашения прямо закрепляет в себе следующее положение: «Каждая Сторона сохраняет за собой право регулировать иностранные инвестиции на территории своего государства и принимать необходимые меры для обеспечения того, чтобы инвестиционная деятельность соответствовала национальному законодательству, политике и стратегиям развития ее государства»[471]. Эта формулировка имеет принципиальное значение, поскольку право государства на регулирование перестает быть подразумеваемым пределом инвестиционной защиты и становится самостоятельным договорным элементом. В соответствии с пунктом 1 статьи 1 указанного соглашения: «Инвестиции означают все виды активов, находящихся в собственности или контролируемых прямо или косвенно инвестором государства одной Стороны и вложенных на территории государства другой Стороны в объекты экономической деятельности в соответствии с действующим законодательством государств такой Стороны, и обладают характеристиками инвестиций, такими как вложение капитала, ожидание дохода или прибыли, принятие на себя риска или определенной продолжительности, вклад в экономическое развитие принимающего государства»[472]. Таким образом, инвестиция, находящаяся под защитой, связывается не с любым экономическим активом, а с признаками реальной инвестиционной деятельности. Также существенный элемент содержится в пункте 5 статьи 3 настоящего соглашения: «Для большей определенности, если Сторона предпринимает или не предпринимает меры, которые могут не соответствовать законным ожиданиям инвестора, не является нарушением настоящей статьи, даже если результатом будет утрата или уменьшение размера представленной инвестиции.»[473] Следовательно, новейший подход к формированию двусторонних инвестиционных соглашений Республики Казахстан движется к более точной и сбалансированной модели защиты инвестиций. Для Республики Казахстан модельное двустороннее инвестиционное соглашение выступает средством нормативной унификации международных обязательств государства в инвестиционной сфере, задачей данного соглашения является не механическое усиление или ослабление защиты инвестора, а предварительное определение пределов защиты, допустимое соотношение международных гарантий с публично-правовым регулированием и минимальный набор договорных решений, которые должны быть непосредственно закреплены в будущих соглашениях, именно в подобном контексте модельное двустороннее инвестиционное соглашение выступает самостоятельным правовым инструментом инвестиционной политики государства и в этой ситуации необходимость формирования модельного ДИС имеет системный характер: она следует из необходимости согласования действующего национального

[471] Закон Республики Казахстан от 2 июня 2025 года № 192-VIII ЗРК «О ратификации Соглашения между Правительством Республики Казахстан и Кабинетом Министров Кыргызской Республики о поощрении и взаимной защите инвестиций», преамбула <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000192> дата обращения: 02.04.2026.
[472] Ibid, ст 1(1).
[473] Ibid, ст. 3(5).

права, международных обязательств и требований к содержанию двустороннего инвестиционного соглашения Республики Казахстан.

Зарубежные модели двусторонних инвестиционных соглашений и их значение для формирования казахстанской модели

Практика зарубежных государств демонстрирует, что современное двустороннее инвестиционное соглашение уже не строится исключительно вокруг усиления позиции инвестора. В научной литературе справедливо отмечается, что эволюция инвестиционных договоров связана с поиском более сбалансированных формулировок, учитывающих не только интересы инвестора, но и регуляторные интересы принимающего государства. Как указывает И. Рачков: «Как в плане “справедливого и равного обращения”, так и в плане проблемы экспроприации, государства могут найти компромисс с иностранными инвесторами через соответствующие формулировки для международных договоров нового поколения и реформирования прежних международных договоров»[474]. Для Республики Казахстан этот вывод имеет прикладное значение, поскольку при разработке национальной модели ДИС необходимо исходить не из идеи максимального расширения международной защиты как таковой, а из задачи выработки сбалансированных правовых рамок, заранее определяющих пределы обязательств государства. При разработке национальной модели двустороннего инвестиционного соглашения (ДИС) следует исходить из того, что задача данного соглашения состоит не в максимальном расширении международной защиты как таковой, а в установлении таких правовых рамок, которые заранее определяют границы обязательств государства и не превращают инвестиционное соглашение в инструмент давления на публично-правовое регулирование.

Наиболее показательным в данном контексте выступает типовой двусторонний инвестиционный договор США, который на уровне определения объекта отходит от предельно широкого подхода. Статья 1 данного модельного соглашения закрепляет в себе понятие инвестиций: «Под инвестицией понимается любой актив, которым инвестор владеет или контролирует прямо или косвенно и который обладает характеристиками инвестиции, включая такие характеристики, как вложение капитала или других ресурсов, ожидание прибыли или получение дохода, или принятие риска.»[475] Для модельного двустороннего инвестиционного соглашения Казахстана данная формулировка имеет принципиальное значение. Она показывает, что международная защита должна быть связана не с любым активом как таковым, а с таким определением, которое действительно обладает признаками инвестиций. Данный подход уже на уровне текстового содержания позволяет сократить уровень неопределенности и избежать расширительного толкования самого понятия инвестиции, это является очень важным для Республики Казахстан в условиях, когда будущая модель должна отделять реальные долгосрочные вложения от иных имущественных интересов, формально подпадающих под классические определения двусторонних инвестиционных соглашений. Также очень важным можно назвать подход Соединённых Штатов Америки к справедливому и равноправному режиму. Пункт 1 статьи 5 Модельного Двустороннего инвестиционного соглашения закрепляет в себе следующее положение: «Каждая Сторона обязуется предоставлять охватываемым инвестициям режим в соответствии с обычным международным

[474] И Рачков, ‘Международное инвестиционное право перед новыми вызовами. Рецензия’ (2016) 2(18) Международное правосудие 131 <https://academia.ilpp.ru/wp-content/uploads/2021/10/MP2182016-129-134-Rachkov.pdf> дата обращения: 02.04.2026.

[475] Типовой двусторонний инвестиционный договор США 2012 года, ст. 1 <https://ustr.gov/sites/default/files/BIT%20text%20for%20ACIEP%20Meeting.pdf> дата обращения: 02.04.2026.

правом, включая справедливое и равноправное обращение, а также полную защиту и безопасность.»[476]. Решающее значение имеет положение пункта 2 статьи 5 «Понятия «справедливое и равноправное обращение» и «полная защита и безопасность» не требуют обращения, выходящего за рамки того, что предусмотрено данным стандартом, и не создают дополнительных существенных прав.»[477]. Данная норма демонстрирует, что FET (Fair and Equitable Treatment) может быть включён в соглашение, не как автономный и безграничный стандарт, а в качестве нормы, которая относится к «обычному международному праву», таким образом сам текст двустороннего инвестиционного соглашения предварительно ограничивает возможность превращения FET в универсальное основание для оспаривания любой неблагоприятной для инвестора меры государства, указанный подход позволяет сделать стандарт защиты более управляемым и предсказуемым. Более убедительным для формирования казахстанской модели ДИС представляется обращение не к одному шаблону, а к нескольким современным зарубежным соглашениям, в которых право государства на регулирование, пределы инвестиционной защиты и обязанности инвестора закреплены непосредственно на уровне текста соглашения. Так, в статье 15 Двустороннего инвестиционного соглашения между Канадой и Буркина-Фасо содержится следующее положение: «Стороны признают, что поощрять инвестиции посредством смягчения внутренних мер в области здравоохранения, безопасности или охраны окружающей среды является недопустимым. Соответственно, Сторона не должна отказываться от таких мер, отступать от них или предлагать отказаться от них либо отступить от них с целью поощрения учреждения, приобретения, расширения или сохранения на своей территории инвестиций инвестора. Если одна Сторона сочтёт, что другая Сторона предложила такое поощрение, она может запросить проведение консультаций с другой Стороной, и обе Стороны проводят консультации с целью недопущения такого поощрения.»[478] Помимо этого, в статье 16 данного ДИС закреплено: «Каждая Сторона должна поощрять предприятия, работающие на ее территории или под ее юрисдикцией, к включению в свою практику и внутреннюю политику международных признанных стандартов корпоративной социальной ответственности, таких как заявления о принципах, одобренные или поддерживаемые Сторонами. Эти принципы касаются таких вопросов, как трудовые отношения, охрана окружающей среды, права человека, межобщинные отношения и борьба с коррупцией.»[479] Вышеуказанные положения имеют принципиальное значение, поскольку демонстрируют, что современный ДИС может прямо запрещать поощрение инвестиций путем ослабления внутренних требований государства и одновременно связывать инвестиционную деятельность с международными признанными стандартами корпоративной социальной ответственности. В данном контексте также является интересной статья 3 Модельного двустороннего инвестиционного соглашения Индии 2015 года, это положение не закрепляет абстрактный и автономный стандарт FET, а сводит возможное нарушение режима к закрытому перечню форм поведения, противоречащих обычному международному праву: «Ни одна Сторона не должна применять к инвестициям, осуществлённым инвесторами другой Стороны, меры, которые представляют собой нарушение норм обычного международного права, в частности посредством:

---

[476] Ibid, ст 5(1).
[477] Ibid, ст 5(2).
[478] Соглашение между Правительством Канады и Правительством Буркина-Фасо о содействии и защите инвестиций (подписано 20 апреля 2015 года, вступило в силу 11 октября 2017 года), ст 15 <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaty-files/3460/download> дата обращения: 02.04.2026.
[479] Ibid, ст 16.

(i) отказа в правосудии в рамках судебных или административных разбирательств; или

(ii) существенного нарушения надлежащей правовой процедуры; или

(iii) целенаправленной дискриминации по явно необоснованным основаниям, таким как пол, раса или религиозные убеждения; или

(iv) явно злоупотребительного обращения, такого как принуждение, давление или преследование.

3.2 Каждая Сторона предоставляет на своей территории инвестициям другой Стороны и инвесторам другой Стороны в отношении их инвестиций полную защиту и безопасность. Для большей определённости термин «полная защита и безопасность» относится исключительно к обязательствам Стороны, связанным с физической безопасностью инвесторов и инвестиций, осуществлённых инвесторами другой Стороны, и не включает какие-либо иные обязательства.

3.3 Установление того, что имело место нарушение иного положения настоящего Договора или отдельного международного соглашения, само по себе не означает, что имело место нарушение настоящей статьи.

3.4 При рассмотрении предполагаемого нарушения настоящей статьи Трибунал должен учитывать, обращался ли инвестор или, в соответствующих случаях, учреждённое на месте предприятие за средствами правовой защиты в национальные суды или трибуналы до подачи иска в соответствии с настоящим Договором.»[480] Для Республики Казахстан этот подход является важным поскольку позволяет заранее очертить пределы инвестиционной защиты и тем самым снизить риск расширительного толкования открытых стандартов в инвестиционном арбитраже. В части обязанностей инвестора одним из примеров следует выделить Соглашение между Марокко и Нигерией 2016 года, статья 18 данного ДИС закрепляет:

1. Инвестиции должны, в соответствии с требованиями надлежащей практики с учётом размера и характера инвестиции, поддерживать систему экологического менеджмента. Компании, осуществляющие деятельность в сфере добычи ресурсов, а также промышленные предприятия с высоким уровнем риска должны иметь действующую сертификацию по стандарту ISO 14001 или эквивалентному стандарту экологического менеджмента.

2. Инвестиции должны соблюдать права человека в принимающем государстве.

3.Инвесторы и инвестиции должны действовать в соответствии с основополагающими трудовыми стандартами, предусмотренными Декларацией МОТ об основополагающих принципах и правах в сфере труда 1998 года.

4. Инвесторы и инвестиции не должны управлять или осуществлять эксплуатацию инвестиций таким образом, который позволяет обходить международные обязательства в области охраны окружающей среды, труда и прав человека, участниками которых являются принимающее государство и/или государство происхождения.[481] Статья 20 дополнительно предусматривает:

[480] Типовой текст двустороннего инвестиционного соглашения Индии (Правительство Индии, 2015), ст 3 <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaty-files/3560/download> дата обращения: 02.04.2026.

[481] Соглашение о взаимном поощрении и защите инвестиций между Правительством Королевства Марокко и Правительством Федеративной Республики Нигерия (подписано 3 декабря 2016 года), ст 18

«Инвесторы несут гражданскую ответственность в судебном порядке своего государства за действия или решения, принятые в связи с инвестициями, если такие действия или решения приводят к значительному ущербу, причинению вреда здоровью или гибели людей в принимающем государстве.»[482]. Статья 23 данного ДИС содержит положение касательно права принимающего государства на регулирование:

1) В соответствии с нормами обычного международного права и иными общими принципами международного права принимающее государство имеет право принимать регулятивные или иные меры для обеспечения того, чтобы развитие на его территории соответствовало целям и принципам устойчивого развития, а также иным законным социальным и экономическим целям государственной политики.

2) За исключением случаев, когда права принимающего государства прямо установлены в качестве исключения из обязательств по настоящему Соглашению, осуществление принимающим государством своего права на регулирование должно пониматься как неотъемлемая часть баланса прав и обязанностей инвесторов, инвестиций и принимающих государств, установленного настоящим Соглашением.

3) Для большей определённости недискриминационные меры, принимаемые государством-участником для выполнения своих международных обязательств по другим договорам, не должны рассматриваться как нарушение настоящего Соглашения.[483] Представленный в положениях ДИС подход для Республики Казахстан является весьма значимым применительно к сырьевым, энергетическим и инфраструктурным проектам, где инвестиционная защита должна сочетаться не только с правом государства на регулирование, но и с минимальным набором обязанностей инвестора. Следовательно, формирование казахстанской модели ДИС целесообразно основывать не на примере одного модельного соглашения, а на совокупности современных зарубежных решений. Соглашение Канады и Буркина-Фасо демонстрирует возможность прямого запрета на ослабление внутренних стандартов ради привлечения инвестиций и связывает инвестиционную деятельность со стандартами корпоративной социальной ответственности. Модель Индии демонстрирует, каким образом нормативно сузить объем инвестиционной защиты и ограничить риск расширительного толкования стандартов в арбитраже, соглашение Марокко и Нигерии подтверждает допустимость включения в текст ДИС не только гарантий инвестору, но и самостоятельных обязанностей инвестора и, соответственно, прямо закрепленного права государства на регулирование. Совокупность указанных подходов позволяет выстроить модель двустороннего инвестиционного соглашения, в которой инвестиционная защита, регуляторное пространство государства и требования устойчивого развития находятся в сбалансированном соотношении.

Заключение

Необходимость разработки модельного двустороннего инвестиционного соглашения Республики Казахстан связана с тем, что существующая система двусторонних инвестиционных соглашений не обеспечивает достаточной определённости в вопросе о пределах международной защиты инвестора и о пределах государственного регулирования в публичных интересах. Сохранение традиционных формулировок, основанных на широких определениях инвестиции и открытых стандартах защиты, создаёт риск расширительного толкования обязательств Республики Казахстан и перевода инвестиционного спора в плоскость международной ответственности государства в тех ситуациях, когда речь идёт об

<https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaty-files/5409/download> дата обращения: 02.04.2026.

[482] Ibid, ст 20.

[483] Ibid, ст 23.

осуществлении государством регулирования в публичных интересах. Сравнительно-правовой анализ, проведённый в настоящей статье, показывает, что практика иностранных государств ориентирована на более сбалансированное содержание двусторонних инвестиционных соглашений. Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что формирование казахстанской модели ДИС целесообразно основывать не на одной модели, а на сочетании нескольких современных текстов соглашений. Казахстанско-кыргызское соглашение демонстрирует возможность прямого закрепления права государства на регулирование и более точного определения инвестиции. В свою очередь Американская модель ДИС показывает значение квалифицированного определения инвестиции и ограничения открытых стандартов защиты рамками обычного международного права. Соглашение между Канадой и Буркина-Фасо подтверждает допустимость прямого запрета на ослабление внутренних стандартов ради привлечения инвестиций и связывает инвестиционную деятельность со стандартами корпоративной социальной ответственности. Индийская модель двустороннего инвестиционного соглашения демонстрирует возможность более чёткого определения пределов инвестиционной защиты и прямого закрепления того, что недискриминационные меры государства, направленные на защиту публичных интересов, не признаются экспроприацией. Соглашение Марокко и Нигерии подтверждает допустимость включения в содержание не только гарантий инвестору, но также обязанностей инвестора и закреплённого права принимающего государства на регулирование. Соответственно, потенциальное Модельное двустороннее инвестиционное соглашение Республики Казахстан должно строиться в качестве сбалансированной юридической конструкции, включающей в себя точное определение инвестиции, ограниченное толкование стандартов защиты, прямое закрепление права государства на регулирование и минимальный круг обязанностей инвестора. Указанный подход может способствовать разработке модельного соглашения, которое будет соответствовать современному международному инвестиционному праву и интересам Республики Казахстан.

Список литературы:

1. Предпринимательский кодекс Республики Казахстан от 29 октября 2015 года № 375-V ЗРК <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000375>
2. Н В Кузнецова, Международное частное право: учебно-методическое пособие (Ярославский филиал МФЮА 2013) 69 <https://yaroslavl.mfua.ru/studentu/files/UMM/UMP_Mejdunarodnoe_chastnoe_pravo_(Kuznetsova).pdf>
3. А М Нальгиев, ‘Непоследовательность практики инвестиционных арбитражей по вопросам доказывания: может ли реформа что-то предложить?’ (2023) 3(47) Международное правосудие 66 <https://iclrc.ru/storage/winners/Nalgiev_2023_1696582822.pdf>
4. Закон Республики Казахстан от 2 июня 2025 года № 192-VIII ЗРК «О ратификации Соглашения между Правительством Республики Казахстан и Кабинетом Министров Кыргызской Республики о поощрении и взаимной защите инвестиций» <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000192>
5. И Рачков, ‘Международное инвестиционное право перед новыми вызовами. Рецензия’ (2016) 2(18) Международное правосудие 131 <https://academia.ilpp.ru/wp-content/uploads/2021/10/MP2182016-129-134-Rachkov.pdf>
6. Типовой двусторонний инвестиционный договор США 2012 года <https://ustr.gov/sites/default/files/BIT%20text%20for%20ACIEP%20Meeting.pdf>
7. Соглашение между Правительством Канады и Правительством Буркина-Фасо о содействии и защите инвестиций (подписано 20 апреля 2015 года, вступило в

силу 11 октября 2017 года) <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaty-files/3460/download>

8. Типовой текст двустороннего инвестиционного соглашения Индии (Правительство Индии, 2015) <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaty-files/3560/download>

9. Соглашение о взаимном поощрении и защите инвестиций между Правительством Королевства Марокко и Правительством Федеративной Республики Нигерия (подписано 3 декабря 2016 года) https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaty-files/5409/download

Аукенова Айгерим Наримановна
Магистрант 2 курса образовательной программы
«Международное право»
Maqsut Narikbayev University
город Астана, Казахстан
a_aukenova@kazguu.kz

СУД ЕАЭС В РАМКАХ ОСОБОГО МЕХАНИЗМА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ РАССЛЕДОВАНИЙ И ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ О ПРИМЕНЕНИИ ИЛИ НЕПРИМЕНЕНИИ ТОРГОВЫХ ЗАЩИТНЫХ МЕР: ПРЕДМЕТ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ И ПРЕДЕЛЫ ОЦЕНКИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОБОСНОВАНИЙ

Аннотация

В статье исследуется правовая природа и институциональные последствия введения новой функции Суда Евразийского экономического Союза (далее - Суд ЕАЭС) в связи с введением Особого механизма при проведении расследований и принятии решений о применении или неприменении специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер (Особый механизм)[484]. Особый механизм, представляющий собой поправки в Договор о ЕАЭС[485], вводит новый порядок действий в случае несогласия государством-членов ЕАЭС с решением ЕЭК. В рамках Особого механизма, при недостижении консенсуса при принятии решения о торговых защитных мерах вопрос переходит в судебную плоскость через обращение в Суд ЕАЭС за разъяснением по соблюдению «принципа сбалансированности»[486]. Таким образом, через введение Особого механизма Суд ЕАЭС наделяется новой функцией без прямо предусмотренных на это полномочий в рамках Статута Суда[487], что вступает в конфликт не только с предусмотренными полномочиями, но и с текущей практикой Суда ЕАЭС. Соответственно, введение Особого механизма не только меняет устоявшийся стандарт наднационального контроля законности, но и создает риски возникновения практических коллизий. Таким образом, в статье предлагается рассмотреть риски новой функции Суда ЕАЭС в рамках Особого механизма.

Ключевые слова: Договор о ЕАЭС; Суд ЕАЭС; Евразийская экономическая комиссия; Особый механизм; торговые защитные меры; антидемпинговые меры; принцип сбалансированности; судебный контроль, наднациональное регулирование; коллизии в праве; право вето.

Введение

Евразийская экономическая интеграция находится на этапе институциональной трансформации механизмов принятия решений о защите внутреннего рынка. Полномочия по проведению расследований и введению специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер строго делегированы наднациональному

[484] Указ Президента Республики Казахстан от 4 сентября 2024 года № 639 «О подписании Протокола о внесении изменений в Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года» (Adilet) https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2400000639

[485] Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (Adilet) https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000240#z604

[486] Указ Президента РК № 639 (п 1) п 282

[487] Приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, «Статут Суда Евразийского экономического союза» (PDF, Суд ЕАЭС) https://courteurasian.org/upload/iblock/b30/2%20%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%82%20%D0%A1%D1%83%D0%B4%D0%B0.pdf

регулятору — Евразийской экономической комиссии (далее - ЕЭК)[488]. Однако в современных условиях с учетом экономического дисбаланса[489] государства-члены ЕАЭС прибегают к приостановлению (блокированию) наднациональных решений, если считают, что их реализация способна повлечь непропорциональный щерб национальной экономике[490].

В связи с возникающими затруднениями при принятии решений по торговым защитным мерам в рамках ЕАЭС был инициирован поиск компромиссной модели разрешения подобных ситуаций. Результатом этого поиска компромисса стала разработка и принятие поправок в Договор о ЕАЭС, дополняющих Протокол о применении специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер (Приложение № 8 к Договору) так называемым «Особым механизмом»[491]. Следует отметить, что данные поправки в Договор о ЕАЭС к дате публикации настоящей статьи еще не ратифицированы, соответственно не вступили в силу.

Согласно данному механизму, государство-член, реализуя предусмотренное в Договоре о ЕАЭС право приостановления (право вето) Решений ЕЭК, блокирует действие антидемпинговой или иной защитной меры, представляя соответствующее «экономическое обоснование». После рассмотрения экономического обоснования государства члена ЕЭК формирует (обновляет) материалы и позицию (решение) для дальнейшего межправительственного рассмотрения. Если по новому решению на уровне Евразийского межправительственного совета консенсус не достигается, разрешение ситуации переносится в Суд ЕАЭС[492].

Суд ЕАЭС, в свою очередь, должен подготовить разъяснение о соблюдении в решении ЕЭК «принципа сбалансированности», который включает в себя оценку результатов совокупного анализа экономических рисков (вероятности возникновения недоступности товара с учетом структуры рынка, рисков дискриминации потребителей и необоснованного роста цен)[493]. Тем самым Суд оказывается вовлечен в оценку экономических доводов и материалов, положенных в основу решения ЕЭК, и выдает разъяснение, имеющее обязательное значение для последующих действий Комиссии. В результате, без синхронной адаптации процессуальной рамки, закрепленной в Статуте Суда, суд ЕАЭС фактически приобретает гибридную функцию, что как будет показано в настоящем исследовании способно порождать значимые процессуальные и институциональные коллизии.

Таким образом актуальность темы обусловлена тем, что внедрение «Особого механизма» создает высокий риск практических правовых и процессуальных коллизий на стыке Договора ЕАЭС с действующей практикой Суда ЕАЭС. По сути, в систему, рассчитанную на спорное производство (оспаривание актов ЕАЭС и консультативное производство (разъяснение норм) вводится гибридная процедура, где разъяснение Суда должно иметь регулятивный эффект для конкретного решения ЕЭК. Это особенно проблемно в связи с тем, что центральным критерием нового механизма становится «принцип сбалансированности», предполагающий анализ совокупности экономических рисков. То есть, Суд ЕАЭС вовлекается в оценку экономических доводов и методологий, тогда как его сложившаяся практика в делах об торговых

---

[488] Согласно п. 1 статьи 18 Договора о ЕАЭС является постоянно действующим регулирующим органом ЕАЭС.

[489] F Salvati, 'Power asymmetries and integration process: challenges ahead for the EAEU' in A Libman and E Vinokurov (eds), The Elgar Companion to the Eurasian Economic Union (Edward Elgar Publishing 2024) 208.

[490] В.Х. Сейтимова, 'Единообразное применение права Союза в контексте защиты внутреннего рынка' в А.С. Бугаева, А.Н. Попова (ред), Обеспечение единообразного применения права Евразийского экономического союза: роль Суда: сборник материалов (Колорград 2022) 102.

[491] Указ Президента РК № 639 (п 1)

[492] Ibid

[493] Ibid

мерах и смежных экономических спорах свидетельствует о сдержанности решений Суда, в частности ограничением контроля законности, обеспечения процедурных гарантий и без пересмотра экономических расчетов. Введение обязанности проверять «сбалансированность» Решения ЕЭК создает напряжение между новой функцией и устоявшейся практикой, что повышает риск коллизий в первых же делах, где Суду придется выбирать между сохранением практики по проверке контроля законности и выполнением новой функции по оценке экономических позиций сторон.

Суд ЕАЭС

Согласно Статуту Суда, суд является судебным органом ЕАЭС, призванным обеспечивать единообразное применение права ЕАЭС[494]. Процессуальная архитектура Суда построена вокруг двух базовых форматов: рассмотрение споров, включая оспаривание актов/действий (или бездействия) ЕЭК и разъяснение норм права ЕАЭС[495]. При этом, в спорном производстве Суд осуществляет контроль в пределах компетенции, предусмотренной Договором и Статутом, что предопределят модель контроля законности (review for legality)[496]: Суд проверяет законность решения/действия регулятора, не подменяя собой орган, уполномоченный на проведение экономического расследования[497]. Разъяснение Судом ЕАЭС осуществляется через предоставление консультативного заключения, которое по общему правилу носит рекомендательный характер и не исключает самостоятельного толкования норм права ЕАЭС государствами-членами[498], соответственно разъяснение Суда ЕАЭС не имеет обязательного характера.

Эта установка подтверждается в наиболее показательных делах по делам защиты внутреннего рынка. В антидемпинговом деле С-3/16 (ПАО «АрселорМиттал Кривой Рог»)[499], где оспаривалось решение о ЕЭК о применении антидемпинговой меры, Суд фактически очертил границы своей роли: предмет проверки связан с компетенцией ЕЭК, соблюдением процедур и правовой обоснованностью выводов в рамках материалов дела, а не с повторным расчетом демпинговой маржи, ущерба и причинно-следственных связей как самостоятельной экономической экспертизой. В последующих делах, где заявители пытались добиться изменения экономического результата через конструирование требования о «бездействии» ЕЭК при наличии действующего акта (например, по группе «Интерпайп»[500] в связи с вопросов пересмотра ставок антидемпинговой пошлины), Суд указывал на пределы предмета спора и отказывался превращать судебную процедуру в инструмент принуждения регулятора к конкретному экономическому решению. Тем самым практика демонстрирует устойчивый тезис: Суд ЕАЭС избегает рассмотрения вопросов экономической целесообразности и удерживает контроль в правовой плоскости.

---

[494] Статут суда ЕАЭС (n 4) п. 2
[495] Ibid п. 39
[496] J N E Varuhas, 'The Principle of Legality' (2020) 79(3) The Cambridge Law Journal 578–614 https://www.cambridge.org/core/journals/cambridge-law-journal/article/abs/principle-of-legality/EC9689B4C2334750AB3DF806AF330A6B
[497] Суд Евразийского экономического союза, Решение Коллегии от 27 апреля 2017 года по делу № С-3/16, ПАО «АрселорМиттал Кривой Рог» против Евразийской экономической комиссии https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-3.16/
[498] Статут суда ЕАЭС (n 4) п. 47
[499] Ibid
[500] Суд Евразийского экономического союза, Постановление Коллегии от 23 ноября 2021 года о прекращении производства по делу № С-9-11/21 по заявлениям АО «ИНТЕРПАЙП Новомосковский трубный завод», ООО «ИНТЕРПАЙП НИКО ТЬЮБ» и ПАО «ИНТЕРПАЙП Нижнеднепровский трубопрокатный завод» к Евразийской экономической комиссии https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-9-11.21

Сходная линия прослеживается и в технико-экономических спорах о таможенной классификации, где решение ЕЭК опирается на специальные знания и оценку характеристик товара. В делах типа С-2/24 (ООО «ВНТС»)[501] и С-1/23 (ООО «Шиптрейд»)[502] Суд ЕАЭС акцентирует проверку полномочий ЕЭК, юридической определенности и корректности применении правовых критериев классификации, не трансформируя разбирательство в конкурс «экспертных мнений» а том, какой технический подход вернее. Это подтверждает, что сложившаяся доктрина Суда состоит в сдержанном стандарте проверки законности (review for legality), особенно в сферах, где регулятор обладает специализированными полномочиями.

На этом фоне, как уже было сказано ранее, были разработаны и приняты поправки в Договор о ЕАЭС, дополняющие Протокол о применения специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер (Приложение № 8 к Договору) «Особым механизмом», наделяющим суд компетенцией по разъяснению соблюдения «принципа сбалансированности» в принимаемом ЕЭК решении[503].

Именно здесь возникает центральная проблема настоящего исследования: новый механизм предполагает вовлечение Суда в оценку экономических доводов (риски физической/ценовой недоступности товара, риски необоснованного роста цен и др.)[504], то есть в область, от которой Суд до сих пор дистанцировался, действия как орган контроля законности. Более того, такая функция не является прямо описанной в Статуте Суда, что создает определенные риски и разъяснение Суда по «сбалансированности» имеет риск выполнения роли инструмента по выбору стороны конфликта в рамках экономических интересов государств-членов и регулятора.

В описанной процессуальной конфигурации «особый механизм», ориентированный на проверку экономических обоснований, потенциально изменяет привычные границы судебного контроля и может усилить риски процессуальной неопределенности.

Риск практических правовых коллизий

Особое внимание привлекает избранная процессуальная форма реализации нового механизма. Согласно предлагаемым изменениям, ЕЭК обращается в Суд ЕАЭС с заявлением о разъяснении на предмет соблюдения принципа сбалансированности, после чего Коллегия ЕЭК должна привести приостановленное решение в соответствие с выводами, содержащимися в заключении Суда[505].

С доктринальной точки зрения указанная конструкция порождает риск правовой коллизии, поскольку, как уже было указано ранее, Статут Суда ЕАЭС исходно разграничивает два самостоятельных формата деятельности[506]: (i) производство по разрешению споров, предполагающее состязательность и вынесение обязывающих решений, и (ii) производство по разъяснению права ЕАЭС, ориентированное на толкование норм и не тождественное спорному механизму защиты прав.

Проблема заключается в том, что использование консультативного формата для фактического разрешения конфликта интересов (в условиях отсутствия классической процессуальной конфигурации «истец — ответчик» и без ясного

---

[501] Суд Евразийского экономического союза, Решение Апелляционной палаты от 23 сентября 2024 года по делу № С-2/24, ООО «ВНТС» против Евразийской экономической комиссии 7 https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-2.24/

[502] Суд Евразийского экономического союза, Решение Апелляционной палаты от 2 октября 2023 года по делу № С-1/23, ООО «Транспортейшн Рус» и ООО «Шиптрейд» против Евразийской экономической комиссии https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/%D0%A1-1.23/

[503] Указ Президента РК № 639 (п 1) п. 282

[504] Ibid п. 279

[505] Ibid п. 282

[506] Статут суда ЕАЭС (п 4) п. 39 и .п. 47

распределения бремени доказывания) нередко вызывает критические оценки в доктрине международного правосудия. Как отмечает О.В. Кадышева[507], практика консультативных заключений международных судов воспринимается особенно чувствительно, когда она применяется для обхода отсутствия согласия государств на спорное разбирательство либо для вовлечения суда в разрешение политически нагруженных конфликтов.

В этой связи «особый механизм» ЕАЭС формирует нетипичную правовую конструкцию: Суд выдает заключение, которое по форме относится к разъяснению, но по своему правовому эффекту приобретает императивное значение для ЕЭК при принятии и корректировке конкретного акта. Такая функциональная ассимиляция консультативной формы и задачи разрешения макроэкономического конфликта способна создать напряжение с исходными предпосылками Статута Суда ЕАЭС и повысить риски процессуальной неопределенности.

Кроме того, представляется существенным, что при разработке Особого механизма не было запрошена позиция Суда ЕАЭС. На это указывал председатель суда А.А. Дронов, отмечая, что в ходе разработки проекта протокола по Особому механизму в сфере торговых защитных мер экспертное мнение самого Суда не запрашивалось[508]. Наделение Суда принципиально новыми функциями без учета его позиции и оценки процессуальных последствий может привести к возникновению существенных коллизий на этапе практического осуществления этих мер правосудия. В практике международного правосудия децентрализация и бессистемность процесса определения юрисдикции судов государствами часто ведет к мало предсказуемым результатам[509].

Коллизия усугубляется выбранной процессуальной формой. Новый механизм требует, чтобы ЕЭК обращалась в Суд за «разъяснением» на предмет соблюдения принципа сбалансированности, после чего Коллегия ЕЭК будет обязана привести свое приостановленное решение в соответствие с выводами Суда[510].

С доктринальной точки зрения это формирует гибридную процедуру, противоречащую природе международного правосудия. О.В. Кадышева в своем исследовании консультативной юрисдикции отмечает, что консультативные заключения (advisory opinions) по своей природе не имеют обязательной юридической силы[511]. Они предназначены для разъяснения абстрактных вопросов права и не должны подменять собой процедуру разрешения межгосударственных споров[512].

В случае с Судом ЕАЭС и «особым механизмом» ситуация становится еще более парадоксальной. Статут Суда ЕАЭС четко разделяет судопроизводство по делам о разрешении споров (где выносятся обязательные решения) и судопроизводство по делам о разъяснении (где выносятся рекомендательные консультативные заключения, согласно п. 68-69 и п. 98 Статута)[513]. Однако новый механизм заставляет Суд выдать заключение, которое де-юре является результатом процедуры «разъяснения», но де-факто наделяется строго обязательной (императивной) силой для ЕЭК.

---

[507] О.В. Кадышева, ‘Роль консультативных заключений в международном правосудии и в практике Суда ЕАЭС’ (2022) 15(1) Право. Журнал Высшей школы экономики 208, 208–210 https://law-journal.hse.ru/article/download/20146/22727/

[508] А.А. Дронов, 'Приветственные речи' в 10 лет Договору о Евразийском экономическом союзе: сборник материалов конференции (2024) 16-17.

[509] Кадышева (n 24) 223.

[510] Указ Президента РК № 639 (n 1) п. 282

[511] Кадышева (n 24) 215.

[512] Е Дьяченко и К Энтин, 'Компетенция Суда Евразийского экономического союза: мифы и реальность' (2017) 3 Международное правосудие 76, 84.

[513] Статут суда ЕАЭС (n 4)

Смещение границ между консультативной и спорной юрисдикцией может нарушить процессуальные гарантии, и в этой связи возникают следующие вопросы:

1. Распределение бремени доказывания: каким образом должно распределяться бремя доказывания в ситуации, когда Суд оценивает «сбалансированность» меры после наложения национального вето? Если государство-член обязано представить экономическое обоснование для блокировки, переходит ли на него бремя доказывания «несбалансированности» решения ЕЭК, или ЕЭК, как инициатор обращения в Суд, должна доказывать правомерность своих расчетов в нетипичном для консультативного производства формате?

2. Дефицит состязательности в процедуре разъяснения: как обеспечить реализацию принципа состязательности, если Особый механизм предполагает использование консультативной процедуры для фактического разрешения спора? В отличие от искового производства, процедура выдачи заключений не предусматривает полноценного механизма раскрытия доказательств. перекрестного допроса экспертов и тех процессуальных гарантий, которые закреплены в статье 23 Регламента Суда ЕАЭС[514] для споров.

3. Институциональная трансформация без изменения Статута: не ведет ли наделение Суда функцией «экономического арбитра» через инструмент «консультативного разъяснения» к скрытой ревизии Статута Суда? Существует риск создания правовой фикции, при которой формально необязательное заключение становится юридически непреодолимым для Коллегии ЕЭК, которая обязана «привести свое решение в соответствие» с выводами Суда, что фактически превращает консультацию в решение по существу спора без соответствующих полномочий.

Риск вторжения в полномочия Суда и изменение стандартов контроля

Фундаментальным принципом деятельности любого международного судебного органа, рассматривающего сложные экономические споры, является концепция сдержанности при осуществлении судебного контроля (так называемый standard of review)[515].

Традиционно Суд ЕАЭС осуществляет функцию классического контроля законности (review for legality). Это означает, что Суд проверяет решения уполномоченных органов (в первую очередь - Евразийской экономической комиссии) исключительно на предмет наличия компетенции на их принятие, соблюдения процедурных гарантий и соответствия нормам материального права ЕАЭС. Суд не подменяет собой расследующий орган и не проводит макроэкономические расчеты[516].

Эта консервативная, но институционально оправданная доктрина была наглядно продемонстрирована в деле ПАО «АрселорМиттал Кривой Рог»[517]. В данном деле оспаривалось Решение ЕЭК № 28 о применении антидемпинговой меры в отношении стальных прутков, происходящих из Украины[518]. В ходе судебного разбирательства истец пытался оспорить правильность расчетов демпинговой маржи и определение материального ущерба отрасли. Однако Суд ЕАЭС сфокусировал свое внимание прежде всего на процессуальных аспектах расследования: например, на том, обеспечил ли орган, проводящий расследование, всем заинтересованным лицам

[514] Евразийский экономический союз, «Регламент Суда Евразийского экономического союза» (Adilet) ст. 23 https://adilet.zan.kz/rus/docs/H14B0000101

[515] Ibid (n 13)

[516] Е Б Дьяченко и К В Энтин (n 29) 78–83; В Х Сейтимова (n 9) 98–101; Указ Президента Республики Казахстан № 639 (n 1) п 276.

[517] Суд Евразийского экономического союза (n 14)

[518] Евразийская экономическая комиссия, Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 29 марта 2016 года № 28 (Adilet) https://adilet.zan.kz/rus/docs/H16EK000028

возможность защитить свои интересы путем своевременной публикации не конфиденциальных версий докладов. Суд оценивал наличие или отсутствие грубых процедурных ошибок, но принципиально воздерживался от того, чтобы выступать в роли эксперта, пересчитывающего цифры за Департаментом защиты внутреннего рынка ЕЭК.

Введение нового «особого механизма» торговых защитных мер радикально ломает этот сложившийся институциональный баланс. Проект изменений в Протокол № 8[519] (в частности, введение Раздела VIII) обязывает Суд выносить обязательные заключения о соблюдении «принципа сбалансированности». Чтобы сделать такой вывод, Суду вменяется в обязанность проверить и оценить «экономическое обоснование», представленное конкретным государством-членом, которое наложило вето на антидемпинговую пошлину.

Проблема заключается в том, что, как справедливо отмечают сами судьи Суда ЕАЭС, в частности, судья Д. П. Александров, судьи являются специалистами в области права, а не узкопрофильными техническими или макроэкономическими экспертами[520]. ЕЭК действует в пределах своей компетенции, и Оценка Судом сложных «экономических обоснований» государств-членов заставляет Суд ЕАЭС избыточно вторгаться в выбор политики наднационального регулятора и фактически подменять его компетенцию[521].

Таким образом, если ЕЭК на основе многомесячного расследования, приходит к выводу о наличии демпинга и необходимости введения пошлины для защиты рынка ЕАЭС, а государство-член блокирует это решение, опираясь на собственное экономическое прогнозирование инфляционных рисков для своего локального рынка, Суд ЕАЭС оказывается в безвыходном положении. В результате Суд сталкивается не только с вопросом толкования и применения нормы, сколько с необходимостью оценивать убедительность двух альтернативных экономических обоснований.

Вынужденная оценка неправовых, макроэкономических категорий

Тесно связанным с предыдущим аспектом является риск размывания правовой определенности из-за вынужденного оперирования сугубо неправовыми категориями. Любой суд оперирует фактами и нормами права. Однако новый особый механизм требует от Суда ЕАЭС анализа вероятностных и абстрактных экономических концепций, не имеющих строгих легальных дефиниций.

Согласно логике нового механизма (Раздел VIII Протокола N° 8)[522], критерием соблюдения принципа сбалансированности является исключение рисков возникновения физической и (или) ценовой недоступности товара для потребителей государств-членов, рисков дискриминации, а также рисков необоснованного роста цен с учетом структуры рынка. Заключение Суда должно основываться на результатах так называемого «совокупного анализа рисков».

Очевидно, что оценка «вероятности ценовой недоступности товара» переводит деятельность Суда из плоскости юридического анализа (оценки законности) в плоскость политико-экономического компромисса. Орган правосудия не может эффективно оперировать категориями «вероятного дефицита в будущем», поскольку эти экономические явления зависят от множества крайне волатильных рыночных факторов (колебания валют, логистические цепочки, действия третьих стран,

[519] Указ Президента Республики Казахстан № 639 (п 1)

[520] Д П Александров, ‘О компетенциях в вопросах классификации товаров для таможенных целей’ в 10 лет Договору о Евразийском экономическом союзе: обеспечение единообразного применения права ЕАЭС: сборник материалов конференции (Колорград 2025) 275–276.

[521] Ibid 277

[522] Указ Президента Республики Казахстан № 639 (п 1) п 279

санкционные режимы), которые не поддаются строгому судебному доказыванию по стандартам состязательного процесса[523].

Насколько Суд ЕАЭС исторически стремится избегать прямого вмешательства в экономические вопросы путем оценки макроэкономической целесообразности, ярко иллюстрирует комплекс дел группы компаний «Интерпайп»[524]. В данных делах предприятия-экспортеры пытались оспорить бездействие ЕЭК. Фабула спора заключалась в следующем: Департамент ЕЭК провел повторное антидемпинговое расследование и математически рассчитал новые, существенно сниженные индивидуальные демпинговые маржи для украинских стальных труб. Однако Коллегия ЕЭК, являясь политическим органом, по итогам голосования не приняла решение об изменении (снижении) пошлин. Заградительные ставки продолжили действовать на прежнем уровне.

Истцы обратились в Суд с требованием признать незаконным бездействие ЕЭК по непринятию нормативного акта об установлении размеров ставок на уровне новой. рассчитанной демпинговой маржи. Суд ЕАЭС (Коллегия, а затем и Апелляционная палата) прекратил производство по делам. Суд указал, что антидемпинговые пошлины устанавливаются только нормативным решением ЕЭК, и Суд не вправе принуждать наднациональный политический орган ЕАЭС к принятию конкретного экономического решения об изменении ставки. Тем самым Суд защитил дискрецию ЕЭК от принудительного судебного нормотворчества, подчеркнув, что вопросы целесообразности остаются вне юрисдикции Суда.

Новый особый механизм, напротив, заставляет Суд делать именно то, от чего он категорически отказался в деле «ИНТЕРПАЙП»[525]. Если государство наложит вето на введение пошлины, а ЕЭК обратится в Суд за разъяснением, Суд будет обязан оценить сугубо экономические доводы государства-члена о том, что введение пошлины вызовет «ценовую недоступность» рассматриваемого товара.

Риск политизации наднационального правосудия.

Третий, и, возможно, наиболее критический риск, связанный с наделением Суда ЕАЭС полномочиями по оценке макроэкономических обоснований государств-членов, заключается в возможной политизации наднационального правосудия.

Суд ЕАЭС в ряде случаев демонстрировал институциональную способность снижать уровень политической напряженности при рассмотрении чувствительных межгосударственных споров. Показательным является опыт рассмотрения заявления Российской Федерации против Республики Беларусь[526], связанного с вопросами транзита товаров из Калининградской области. В данном деле пересекались значимые экономические и политические интересы сторон. Вместе с тем Суд стремился структурировать спор преимущественно как вопрос толкования и применения норм права ЕАЭС.

Внедрение «особого механизма» торговой защиты лишает Суд ЕАЭС пространства для подобного дипломатического и процессуального маневра. Необходимость напрямую оценивать экономические доводы одного государства-члена (которое, например, блокирует пошлину из страха возникновения дефицита товара на внутреннем рынке) против экономических интересов других государств-

---

[523] A Kotelnikov, 'Contracts Affected by Economic Sanctions: Russian and International Perspectives' in A Likhacheva and others (eds), The Law and Policy of New Eurasian Regionalization (2021) 324–325.

[524] Суд Евразийского экономического союза, дело № С-9-11/21 (п 17)

[525] Ibid

[526] Суд Евразийского экономического союза, Решение Большой коллегии от 21 февраля 2017 года по делу № С-2/16, Российская Федерация против Республики Беларусь https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-2.16/

членов (требующих защиты своей промышленности от демпинга) ставит Суд в самый центр межгосударственных торговых споров.

Вынесение Судом обязательного вердикта о том, соблюден ли в решении ЕЭК «принцип сбалансированности», будет означать прямую поддержку макроэкономической политики одной стороны в ущерб другой. Заставляя Суд оценивать «результаты совокупного анализа рисков», государства-члены превращают его в верховного арбитра по вопросам политической целесообразности. Каждое такое заключение будет восприниматься проигравшей стороной не как акт независимого правосудия, а как политическое поражение.

Пути минимизации рисков

Несмотря на обозначенные институциональные риски, «особый механизм» торговой защиты становится элементом правовой реальности ЕАЭС. В этих условиях перед Судом ЕАЭС возникает задача выработки доктрины применения новых норм, которая позволит сохранить правовую природу судебного контроля и одновременно обеспечить функционирование механизма без чрезмерной вовлеченности Суда в макроэкономические расчеты и политически чувствительную балансировку интересов.

Для поддержания институционального баланса представляется целесообразным закрепить следующие подходы в совокупности.

1. Отказ от макроэкономического анализа

Суду следует исходить из того, что его функция в рамках «особого механизма» не должна трансформироваться в повторное экономическое расследование. Суд не должен самостоятельно рассчитывать «вероятность ценовой недоступности товара», проводить оценку структуры рынка или выполнять «совокупный анализ рисков» в материальном смысле. Суд оценивает не экономическую целесообразность меры, а наличие очевидных методологических дефектов в «экономическом обосновании» государства-члена и в оценке, проведенной регулятором[527]. К предмету судебной проверки должны относиться: (i) прозрачность методики и исходных допущений, (ii) проверяемость и репрезентативность данных, (iii) логическая непротиворечивость выводов, (iv) наличие причинной связи между спорной мерой и заявленным риском. Вне этих пределов Суду следует воздерживаться от выбора между конкурирующими экономическими моделями.

2. Распределение бремени доказывания и презумпция корректности результатов расследования ЕЭК

С учетом того, что в рамках «особого механизма» государство-член инициирует приостановление решения, представляя экономическое обоснование и заявляя риск несоразмерного ущерба национальным интересам, судебная стадия возникает в ситуации институционального конфликта двух публичных позиций: регуляторной позиции ЕЭК и позиции государства-члена, направленной на предотвращение ущерба внутреннему рынку. В этой конфигурации представляется обоснованным сместить центр доказательственной нагрузки на ЕЭК, поскольку именно ЕЭК, настаивая на реализации (или подтверждении) приостановленного решения, фактически обосновывает допустимость продолжения меры несмотря на заявленные риски и возражения государства-члена.

3. Институционализация экспертной поддержки и процессуальная рамка использования экспертизы

Осознавая пределы судейской компетенции, на которые обращали внимание судьи Суда ЕАЭС в особых мнениях и иных материалах, Суду следует более последовательно использовать предусмотренные Статутом механизмы экспертной

[527] Е Б Дьяченко и К В Энтин (n 29) 78–83

поддержки (включая создание специализированных групп экспертов)[528]. Экспертиза должна выполнять вспомогательную функцию: проверять корректность методологии, достаточность данных и воспроизводимость расчетов, не подменяя правовую оценку. Суд, в свою очередь, должен оценивать экспертные выводы преимущественно через процессуальные и юридические критерии (допустимость методики, отсутствие явных ошибок, соблюдение состязательности и равенства возможностей сторон). а не как «финальный экономический арбитр». Такая конфигурация позволяет обеспечить доказательственную надежность разбирательства, не разрушая границы судебного контроля.

Заключение

Введение «особого механизма» в Протоколе № 8 к Договору о ЕАЭС[529] отражает попытку институционально разрешить ситуацию, когда торговая защитная мера, будучи экономически оправданной на уровне ЕАЭС, воспринимается отдельным государством-членом как создающая непропорциональные риски для его внутреннего рынка. Право государства-члена приостанавливать решение ЕЭК выполняет роль публично-правового предохранителя, направленного на защиту национальных интересов в условиях интеграционного регулирования. Однако именно на стадии, когда вето применяется и политический консенсус не достигается, система сталкивается с практическим тупиком «принятия» решения.

Предусмотренный поправками Особый механизм и обращение ЕЭК в Суд ЕАЭС за разъяснением соблюдения «принципа сбалансированности» — призван преодолеть этот тупик. Вместе с тем по своей функциональной роли он может рассматриваться как механизм, позволяющий нейтрализовать (обойти) эффект приостановления, поскольку итоговое заключение Суда становится юридическим основанием для дальнейших действий ЕЭК по приведению приостановленного решения в соответствие с выводами Суда. Тем самым право вето, задуманное как инструмент защиты национальных интересов, потенциально трансформируется в промежуточную стадию, итог которой определяется судебной оценкой, а не исключительно межгосударственным консенсусом. Это ставит вопрос о допустимых границах судебного контроля: Суд оказывается вовлечен в разрешение конфликта интересов, который изначально был сконструирован как политико-правовой баланс внутри ЕАЭС.

С учетом сложившейся практики Суда ЕАЭС, ориентированной на контроль законности и сдерживание в экономически нагруженных спорах, ключевой задачей становится сохранение правовой природы судебного контроля при одновременном обеспечении работоспособности нового механизма. Минимизация рисков возможна при одновременном (i) ограничении судебной проверки юридически проверяемыми параметрами с отказом от экономического анализа, (ii) выстраивании прозрачного распределения доказательственной нагрузки, при котором ЕЭК несет основное бремя обоснования допустимости продолжения меры несмотря на заявленные государством риски, и (iii) для компенсации ограничений судейской экспертизы в экономике и технологиях необходима институционализация независимой экспертной поддержки с четкой процессуальной рамкой ее использования. В противном случае судебная стадия может восприниматься не как нейтральный правовой арбитраж, а как процедурный способ преодоления национального «вето», что повышает вероятность политизации правосудия и снижает доверие к судебному механизму ЕАЭС.

[528] С Ю Глазьев и др, Евразийская экономическая интеграция: теория и практика: учебное пособие (Москва, Проспект 2023) 83.

[529] Указ Президента Республики Казахстан № 639 (п 1)

Список литературы:

1. A Kotelnikov, ‘Contracts Affected by Economic Sanctions: Russian and International Perspectives’ in A Likhacheva and others (eds), The Law and Policy of New Eurasian Regionalization (2021)
2. F. Salvati, 'Power asymmetries and integration process: challenges ahead for the EAEU' in A Libman and E Vinokurov (eds), The Elgar Companion to the Eurasian Economic Union (Edward Elgar Publishing 2024)
3. J.N.E. Varuhas, ‘The Principle of Legality’ (2020) 79(3) The Cambridge Law Journal 578–614 https://www.cambridge.org/core/journals/cambridge-law-journal/article/abs/principle-of-legality/EC9689B4C2334750AB3DF806AF330A6B
4. А.А. Дронов, 'Приветственные речи' в 10 лет Договору о Евразийском экономическом союзе: сборник материалов конференции (2024)
5. В.Х. Сейтимова, 'Единообразное применение права Союза в контексте защиты внутреннего рынка' в А.С. Бугаева, А.Н. Попова (ред), Обеспечение единообразного применения права Евразийского экономического союза: роль Суда: сборник материалов (Колорград 2022)
6. Д.П. Александров, ‘О компетенциях в вопросах классификации товаров для таможенных целей’ в 10 лет Договору о Евразийском экономическом союзе: обеспечение единообразного применения права ЕАЭС: сборник материалов конференции (Колорград 2025)
7. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (Adilet) https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000240#z604
8. Е.Б. Дьяченко и К Энтин, 'Компетенция Суда Евразийского экономического союза: мифы и реальность' (2017) 3 Международное правосудие
9. Евразийская экономическая комиссия, Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 29 марта 2016 года № 28 (Adilet) https://adilet.zan.kz/rus/docs/H16EK000028
10. Евразийский экономический союз, «Регламент Суда Евразийского экономического союза» (Adilet) https://adilet.zan.kz/rus/docs/H14B0000101
11. О.В. Кадышева, ‘Роль консультативных заключений в международном правосудии и в практике Суда ЕАЭС’ (2022) 15(1) Право. Журнал Высшей школы экономики https://law-journal.hse.ru/article/download/20146/22727/
12. Приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, «Статут Суда Евразийского экономического союза» (PDF, Суд ЕАЭС) https://courteurasian.org/upload/iblock/b30/2%20%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%82%20%D0%A1%D1%83%D0%B4%D0%B0.pdf
13. С Ю Глазьев и др, Евразийская экономическая интеграция: теория и практика: учебное пособие (Москва, Проспект 2023)
14. Суд Евразийского экономического союза, Постановление Коллегии от 23 ноября 2021 года о прекращении производства по делу № С-9-11/21 по заявлениям АО «ИНТЕРПАЙП Новомосковский трубный завод», ООО «ИНТЕРПАЙП НИКО ТЬЮБ» и ПАО «ИНТЕРПАЙП Нижнеднепровский трубопрокатный завод» к Евразийской экономической комиссии https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-9-11.21
15. Суд Евразийского экономического союза, Решение Апелляционной палаты от 23 сентября 2024 года по делу № С-2/24, ООО «ВНТС» против Евразийской экономической комиссии https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-2.24/
16. Суд Евразийского экономического союза, Решение Апелляционной палаты от 2 октября 2023 года по делу № С-1/23, ООО «Транспортейшн Рус» и ООО «Шиптрейд» против Евразийской экономической комиссии https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/%D0%A1-1.23/

17. Суд Евразийского экономического союза, Решение Большой коллегии от 21 февраля 2017 года по делу № С-2/16, Российская Федерация против Республики Беларусь https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-2.16/

18. Суд Евразийского экономического союза, Решение Коллегии от 27 апреля 2017 года по делу № С-3/16, ПАО «АрселорМиттал Кривой Рог» против Евразийской экономической комиссии https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-3.16/

19. Указ Президента Республики Казахстан от 4 сентября 2024 года № 639 «О подписании Протокола о внесении изменений в Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года» (Adilet) https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2400000639

Бакебаева Анель Маратовна
магистрант Высшей школы права
Maqsut Narikbayev University
(Астана, Республика Казахстан),
e-mail: anel_bakebayeva@kazguu.kz

Лозовая Ольга Васильевна
Заместитель Директора по науке,
послевузовскому обучению и развитию,
PhD, Teaching Professor,
Департамент международного права,
e-mail: o_lozovaya@kazguu.kz

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА СПРАВЕДЛИВОЕ СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В ПРАКТИКЕ КОМИТЕТА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ООН: АНАЛИЗ СООБЩЕНИЙ ПРОТИВ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Аннотация

Статья посвящена исследованию реализации права на справедливое судебное разбирательство в практике Комитета по правам человека ООН на примере индивидуальных сообщений против Республики Казахстан. Рассматриваются правовые основы обращения в Комитет в рамках Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, а также особенности рассмотрения сообщений, связанных с предполагаемыми нарушениями процессуальных гарантий, закреплённых в статье 14 Пакта. Особое внимание уделяется анализу практики Комитета по правам человека, позволяющей выявить типичные проблемы обеспечения права на справедливое судебное разбирательство в национальной правовой системе. На основе изучения сообщений против Республики Казахстан выявляются основные трудности реализации международных стандартов судебной защиты, включая процессуальные нарушения, ограничения доступа к эффективным средствам правовой защиты и проблемы имплементации решений договорных органов ООН. В статье формулируются рекомендации, направленные на совершенствование национальных механизмов обеспечения права на справедливое судебное разбирательство и повышение эффективности реализации международных обязательств Республики Казахстан в сфере защиты прав человека.

Ключевые слова: право на справедливое судебное разбирательство, Комитет по правам человека ООН, индивидуальные сообщения, международные стандарты правосудия, Республика Казахстан, международная защита прав человека, имплементация решений международных органов.

Введение

Право на справедливое судебное разбирательство является одним из ключевых гарантий защиты прав человека и закреплено в статье 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Данное право предполагает рассмотрение дела независимым и беспристрастным судом, соблюдение принципа равенства сторон, публичность судебного разбирательства и наличие эффективных средств правовой защиты. Существенную роль в развитии содержания этих гарантий играет практика Комитета по правам человека ООН, который рассматривает индивидуальные сообщения о нарушениях процессуальных прав и формирует авторитетное толкование положений Пакта.

Анализ сообщений, поданных против Республики Казахстан, показывает наличие ряда повторяющихся проблем в обеспечении права на справедливое судебное разбирательство, включая процессуальные нарушения при рассмотрении дел, недостаточную эффективность средств судебной защиты, а также сложности с имплементацией выводов Комитета на национальном уровне. Несмотря на признание международных обязательств в области прав человека, в национальном законодательстве отсутствует четко закрепленный механизм реализации решений договорных органов ООН, что снижает эффективность международных механизмов защиты прав человека. В этой связи особую актуальность приобретает анализ практики рассмотрения сообщений против Республики Казахстан в Комитете по правам человека и выработка рекомендаций по совершенствованию национальных механизмов обеспечения права на справедливое судебное разбирательство.

Обсуждение

Право на справедливое судебное разбирательство занимает центральное место в системе международной защиты прав человека и закреплено в статье 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Один из отцов-основателей американской Конституции Александр Гамильтон не случайно в одном из своих политических эссе цитирует слова Уильяма Блэкстоуна: «Лишение человека жизни или конфискация силой его владения без выдвижения обвинения и без суда – неслыханный и отвратительный акт деспотизма…»[530]

Данное право включает гарантии, направленные на обеспечение рассмотрения дела независимым и беспристрастным судом, равенства сторон в процессе, публичности судебного разбирательства и эффективности средств правовой защиты. Существенную роль в развитии содержания этих стандартов играет практика Комитета по правам человека ООН, которая в рамках рассмотрения индивидуальных сообщений формирует авторитетное толкование положений Пакта и конкретизирует требования к национальным судебным системам. В Замечании общего порядка № 32 Комитет подробно раскрыл содержание процессуальных гарантий, составляющих право на справедливое судебное разбирательство[531], подчеркнув, что государства-участники обязаны обеспечивать реальную возможность доступа к правосудию и эффективное судебное рассмотрение дел. В научной литературе отмечается, что значительная часть индивидуальных сообщений, поступающих в Комитет, связана именно с предполагаемыми нарушениями статьи 14 Пакта, что свидетельствует о системном характере процессуальных проблем в национальных правовых системах. В этой связи анализ сообщений против Республики Казахстан, рассматриваемых Комитетом, позволяет выявить особенности применения международных стандартов справедливого судебного разбирательства и оценить степень соответствия национальной судебной практики требованиям международного права.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили системно-функциональный, сравнительно-правовой, сравнительно-исторический и формально-логический методы. Системно-функциональный метод позволил рассматривать обращения граждан Республики Казахстан в Комитет по правам человека как элемент международного механизма защиты прав человека и выявить их взаимосвязь с национальной судебной системой. Сравнительно-правовой метод применялся при

[530] В.В. Филлипова, (2011), Права человека: международное право и национальное законодательство, стр. 250, https://humanrightshouse.org/noop-media/documents/21935.pdf

[531] General comment no. 32, Article 14, Right to equality before courts and tribunals and to fair trial https://digitallibrary.un.org/record/606075?ln=ru&v=pdf

сопоставлении практики рассмотрения сообщений граждан Казахстана и других государств, что позволило выявить общие проблемы реализации международных стандартов справедливого судебного разбирательства и определить успешные модели их имплементации. Сравнительно-исторический метод позволил проследить эволюцию содержания обращений и развитие международных стандартов защиты процессуальных прав после ратификации Республикой Казахстан Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах. Формально-логический метод использовался при анализе национально-правовых актов и аргументации решений Комитета на их соответствие международным обязательствам государства. Дополнительно применялся кейс-метод, основанный на исследовании конкретных решений Комитета по правам человека ООН по обращениям граждан Казахстана, а также аналогичных дел других государств, что позволило выявить закономерности применения международных стандартов права на справедливое судебное разбирательство и сформулировать предложения по совершенствованию национальной правоприменительной практики.

Основное содержание

В практике Комитета по правам человека ООН право на справедливое судебное разбирательство рассматривается как одно из ключевых гарантий защиты прав человека, обеспечивающее возможность эффективного обращения за судебной защитой. При рассмотрении индивидуальных сообщений Комитет анализирует соблюдение государствами основных процессуальных требований, закреплённых в статье 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, включая независимость и беспристрастность суда, равенство сторон, публичность судебного разбирательства и разумные сроки рассмотрения дела. В Замечании общего порядка № 32 Комитет подчеркнул, что указанные гарантии должны обеспечиваться государствами не формально, а фактически, поскольку несоблюдение отдельных элементов судебной процедуры может привести к нарушению права на справедливое судебное разбирательство в целом. «Важно поэтому принимать все необходимые меры для обеспечения того, чтобы такие судебные разбирательства проводились при соблюдении условий, действительно обеспечивающих полное соблюдение гарантий, предусмотренных в статье 14.»[532]

Принцип равенства перед судами получил отражение в деле Оло Баамонде[533], поступившем на основании пункта 1 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Автор сообщения указывал, что его неоднократные попытки обратиться в национальные суды с требованием о возмещении ущерба, который, по его утверждению, был причинён преследованием со стороны государственных органов, не привели к рассмотрению его требований по существу. В этой связи было подчеркнуто, что понятие равенства перед судами и трибуналами включает не только формальное признание права на обращение в суд, но и реальную возможность доступа к судебной защите. Следовательно, ситуация, при которой попытки лица обратиться в компетентный суд систематически сталкиваются с препятствиями, противоречит гарантиям, предусмотренным пунктом 1 статьи 14 Пакта.

Анализ индивидуальных сообщений, поданных против Республики Казахстан, показывает, что значительная их часть связана именно с предполагаемыми нарушениями процессуальных гарантий, предусмотренных статьёй 14 Пакта. Среди наиболее распространённых проблем в обращениях заявителей отмечаются

---

[532] Комитет по правам человека (2007) *Замечание общего порядка № 32,* CCPR/C/GC/32, 23 августа 2007 г. https://hrlibrary.umn.edu/russian/gencomm/Rhrcom32.html

[533] Организация Объединённых Наций, *Глава 6: Право на справедливое судебное разбирательство* (стр. 267) https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Publications/training9chapter6ru.pdf

недостаточная мотивированность судебных решений, ограничения в доступе к эффективным средствам обжалования, а также несоблюдение принципа равенства сторон в процессе. В научной литературе указывается, что подобные нарушения нередко свидетельствуют о наличии системных проблем в функционировании национальных механизмов судебной защиты и требуют принятия государством как индивидуальных мер восстановления нарушенных прав заявителей, так и мер общего характера, направленных на совершенствование судебной практики и законодательства.

Практическая значимость исследования подтверждается конкретными делами, рассмотренными Комитетом по правам человека ООН в отношении Республики Казахстан. Так, в деле Д. Кошкарбаева и Д. Инсеновой (2015)[534] Комитет пришёл к выводу о нарушении права на мирные собрания, а также отметил проблему ограничения свободы выражения. Показательно, что жалобы авторов относительно права на справедливое судебное разбирательство признаны неприемлемыми, что ещё раз продемонстрировало трудности в доказательстве процессуальных нарушений на международном уровне.

Не менее значимым является объединённое дело Л. Ахмедьярова и других заявителей (2017)[535], в котором Комитет зафиксировал системное нарушение права на проведение мирных собраний, а также ограничение свободы выражения. Здесь уже речь идёт о тенденции, отражающей общую практику властей в отношении гражданских инициатив.

Интересным для анализа оказалось дело N.S. против Республики Казахстан (2017)[536], в котором жалоба была признана неприемлемой. Комитет указал на то, что автор не исчерпал все доступные средства правовой защиты внутри страны. Этот пример особенно важен в контексте моей работы, поскольку показывает, что значительная часть казахстанских обращений «отклоняется» именно по процессуальным основаниям, а не по существу.

Наконец, в деле Nina Erkaeva v. Kazakhstan (2016)[537] Комитет признал нарушение свободы выражения, что вновь подтвердило наличие устойчивой проблемы в реализации этого права в Казахстане.

Эти дела в совокупности демонстрируют системность нарушений и одновременно выявляют слабые места в стратегии авторов сообщений: от проблем с исчерпанием национальных средств правовой защиты до трудностей в доказывании нарушений процессуального характера. Именно поэтому их анализ имеет ключевое значение для понимания особенностей взаимодействия граждан Казахстана с международными механизмами защиты прав человека.

Правовая природа индивидуальных сообщений

Механизм индивидуальных сообщений представляет собой процедуру, в рамках которой лицо может обратиться в международный орган с заявлением о нарушении его прав государством-участником международного договора. Данный механизм является важным инструментом международного контроля за соблюдением прав человека.

---

[534] Д. Кошкарбаев, Д. Инсенова против Республики Казахстан (2015). UN Human Rights Committee, Views adopted by the Committee under article 5 (4) of the Optional Protocol, concerning communications No 2548/2015 and No 2677/2015 (14 March 2024) UN Doc CCPR/C/141/D/2548/2015–CCPR/C/141/D/2677/2015

[535] Л. Ахмедьяров и др. против Республики Казахстан (2017). Комитет по правам человека, Сообщения № 3044/2017, 3045/2017, 3063/2017 и 3072/2017, Соображения от 19 марта 2024 г., CCPR/C/140/D/3044/2017-3072/2017

[536] Н.С. против Республики Казахстан (2017). Комитет по правам человека, Сообщение № 3039/2017, Решение о неприемлемости от 19 марта 2024 г., CCPR/C/140/D/3039/2017

[537] Nina Erkaeva v. Kazakhstan, Human Rights Committee Communication No. 2864/2016, Views adopted by the Committee under article 5 (4) of the Optional Protocol, 8 August 2022

Вместе с тем в международном праве отсутствует единый подход к определению правового статуса решений договорных органов. В отличие от решений региональных судебных органов, например Европейского суда по правам человека, международные договоры ООН по правам человека не содержат прямого указания на обязательность исполнения соображений комитетов.

Комитет по правам человека в своём Замечании общего порядка № 33 указывает, что его деятельность во многом схожа с деятельностью судебных органов, а принимаемые им решения обладают признаками судебных актов[538]. Комитет также отмечает, что его соображения представляют собой авторитетное толкование положений Международного пакта о гражданских и политических правах.

При этом в научной литературе высказывается мнение, что расширительное толкование положений международных договоров может восприниматься государствами как возложение на них обязательств, которые не были прямо предусмотрены при принятии договорных обязательств[539]. Подобная практика может вызывать опасения государств относительно ограничения их суверенных полномочий.

Несмотря на рекомендательный характер соображений договорных органов, их практика оказывает значительное влияние на национальные правопорядки. В ряде государств выводы Комитета используются судами при толковании норм международного права и при пересмотре судебных решений.

Проблемы имплементации решений комитетов ООН в Казахстане

Анализ практики исполнения решений договорных органов ООН показывает наличие ряда системных проблем в национальной правовой системе Республики Казахстан. Во-первых, в законодательстве отсутствует четко закрепленный механизм исполнения решений комитетов ООН по правам человека. В настоящее время национальное законодательство не определяет порядок, сроки и ответственные государственные органы за исполнение соображений договорных органов.

Во-вторых, отсутствует единая система координации государственных органов, участвующих в процессе имплементации международных решений. Формально координация исполнения международных договоров возложена на Министерство иностранных дел, однако практика показывает недостаточную институциональную эффективность существующих механизмов.

Опыт других государств демонстрирует возможность создания межведомственных координационных механизмов для реализации решений международных органов. Так, в Камеруне был создан межминистерский комитет, включающий представителей различных государственных органов и обеспечивающий координацию исполнения решений международных органов по правам человека[540].

В-третьих, существенной проблемой является недостаточная доступность информации о решениях договорных органов ООН. По имеющимся данным, лишь

---

[538] Draft General Comment No 33 (Second revised version as of 18 August 2008).The Obligations of States Parties under the Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights (CCPR/C/GC/33/CRP.3). URL: https://www.hrlc.org.au/app/uploads/2025/04/ICCPR-Draft-General-Comment-on-First-Optional-Protocol-annexure.pdf

[539] Косолапов Михаил Федорович Влияние соображений (мнений) комитетов по правам человека на российское законодательство и правоприменительную практику // Вестник СГЮА. 2022. №5 (148). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-soobrazheniy-mneniy-komitetov-po-pravam-cheloveka-na-rossiyskoe-zakonodatelstvo-i-pravoprimenitelnuyu-praktiku (дата обращения: 15.03.2026).

[540] Миллер А.В., Аклбекова Р.М., Имплементация решений международных органов по правам человека: первый опыт Казахстана и практика других стран (2015) Алматы: Общественный фонд «Хартия по правам человека» https://share.google/tOwFNqD3zXgG7f2fc

около 16 % решений Комитета по правам человека переведены на государственный язык и опубликованы на официальных ресурсах государственных органов[541].

Кроме того, судебная практика Республики Казахстан свидетельствует о значительных трудностях при попытках заявителей добиться исполнения решений комитетов ООН. В ряде случаев суды указывают на отсутствие юридической силы соображений договорных органов и на невозможность их непосредственного применения в национальной правовой системе.

Проблема имплементации соображений Комитета по правам человека ООН в Республике Казахстан остается открытой и достаточно обозначенной в ряде научных работ и международных докладов. Решение проблемы до настоящего времени не осуществлено: Соображения исполняются частично, предложенные механизмы пересмотра судебных решений и возмещения ущерба остаются формальными и не обеспечивают восстановления нарушенных прав. Это обуславливает необходимость всестороннего научного изучения указанной проблемы и выработки практических предложений. Отсутствие унифицированной договорной процедуры пересмотра судебных актов на основании выводов комитетов остаётся одной из системных проблем механизма индивидуальных сообщений.

Процедурные проблемы механизма индивидуальных сообщений

Одной из ключевых проблем функционирования механизма индивидуальных сообщений являются сроки рассмотрения жалоб. Несмотря на установленное требование о предоставлении государством объяснений в течение шести месяцев, на практике данный срок часто не соблюдается. Исследования показывают, что средний срок рассмотрения индивидуального сообщения в Комитете по правам человека составляет от трех до четырех лет[542]. Основными причинами таких задержек являются большое количество поступающих жалоб, ограниченные ресурсы секретариата и редкая периодичность заседаний Комитета.

Не менее значимой проблемой является недостаточная обоснованность некоторых жалоб. Как отмечают исследователи, значительное количество сообщений отклоняется на стадии допустимости из-за отсутствия достаточных доказательств или недостаточной юридической аргументации[543].

Примером может служить дело Gougnina v. Uzbekistan, в котором Комитет признал часть жалобы неприемлемой из-за отсутствия документальных доказательств заявленных нарушений[544]. Мз этого можно сделать вывод, что эффективность механизма индивидуальных сообщений зависит не только от институциональных возможностей Комитета, но и от качества подготовки самих жалоб.

Разработка практических рекомендаций по гармонизации национальной практики с международными стандартами рассматривается как необходимое условие снижения количества индивидуальных сообщений против Казахстана и укрепления доверия к национальной правовой системе.

---

[541] ОО "Кадір-қасиет", Доклад об исполнении Республикой Казахстан решений (соображений, мнений) договорных органов Организации Объединенных Наций, (2021), https://kkassiyet.wordpress.com/2021/09/15/report2021_un_desicions-kk/

[542] Bill Bowring, 'Individual communications: Can they provide effective redress for human rights violations?' (EJIL: Talk!, 27 June 2023) https://www.ejiltalk.org/individual-communications-can-they-provide-effective-redress-for-human-rights-violations/

[543] Hearn J. Individual Communications Under International Human Rights Treaties: an Australian Government Perspective // Australian Journal of Human Rights. 1999. № 21. URL: https://classic.austlii.edu.au/au/journals/AUJlHRights/1999/21.html

[544] Gougnina v. Uzbekistan, Communication No. 1141/2002, Human Rights Committee, Views of 1 April 2008 // WorldCourts. URL: https://www.worldcourts.com/hrc/eng/decisions/2008.04.01_Gougnina_v_Uzbekistan.htm

Выводы

Проведённый анализ практики рассмотрения индивидуальных сообщений в Комитет по правам человека ООН позволяет сделать вывод о наличии системных проблем в реализации права на справедливое судебное разбирательство в Республике Казахстан, связанных прежде всего с отсутствием эффективного механизма имплементации решений договорных органов ООН, недостаточной координацией государственных органов и ограниченной доступностью информации о практике международных органов по правам человека.

В целях решения обозначенных во введении проблем и повышения эффективности выполнения международных обязательств государства представляется целесообразным законодательно закрепить механизм исполнения решений договорных органов ООН по правам человека, определить уполномоченный государственный орган, ответственный за координацию их реализации, обеспечить систематический перевод и широкое распространение решений комитетов ООН среди судебных органов и иных государственных институтов, а также усилить меры по повышению правовой осведомлённости государственных служащих и общества о международных стандартах защиты прав человека и гарантиях права на справедливое судебное разбирательство. Реализация указанных мер будет способствовать более последовательному учёту правовых позиций Комитета по правам человека в национальной правоприменительной практике и укреплению механизмов защиты процессуальных прав человека в правовой системе Республики Казахстан.

Список литературы:

1. Организация Объединённых Наций, Глава 6: Право на справедливое судебное разбирательство (стр. 267) https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Publications/training9chapter6ru.pdf
2. Draft General Comment No 33 (Second revised version as of 18 August 2008).The Obligations of States Parties under the Optional Protocol to the International Covenant on Civil and
3. Political Rights (CCPR/C/GC/33/CRP.3). URL: https://www.hrlc.org.au/app/uploads/2025/04/ICCPR-Draft-General-Comment-on-First-Optional-Protocol-annexure.pdf
4. Косолапов Михаил Федорович Влияние соображений (мнений) комитетов по правам человека на российское законодательство и правоприменительную практику // Вестник СГЮА. 2022. №5 (148). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-soobrazheniy-mneniy-komitetov-po-pravam-cheloveka-na-rossiyskoe-zakonodatelstvo-i-pravoprimenitelnuyu-praktiku (дата обращения: 15.03.2026).
5. Миллер А.В., Аклбекова Р.М., Имплементация решений международных органов по правам человека: первый опыт Казахстана и практика других стран (2015) Алматы: Общественный фонд «Хартия по правам человека» https://share.google/tOwFNqD3zXgG7f2fc
6. Bill Bowring, ‘Individual communications: Can they provide effective redress for human rights violations?’ (EJIL: Talk!, 27 June 2023) https://www.ejiltalk.org/individual-communications-can-they-provide-effective-redress-for-human-rights-violations/
7. Hearn J. Individual Communications Under International Human Rights Treaties: an Australian Government Perspective // Australian Journal of Human Rights. 1999. № 21. URL: https://classic.austlii.edu.au/au/journals/AUJlHRights/1999/21.html
8. Gougnina v. Uzbekistan, Communication No. 1141/2002, Human Rights Committee, Views of 1 April 2008 // WorldCourts. URL: https://www.worldcourts.com/hrc/eng/decisions/2008.04.01_Gougnina_v_Uzbekistan.htm

9. В.В. Филлипова, (2011), Права человека: международное право и национальное законодательство, стр. 250, https://humanrightshouse.org/noop-media/documents/21935.pdf

10. Комитет по правам человека (2007) *Замечание общего порядка № 32,* CCPR/C/GC/32, 23 августа 2007 г. https://hrlibrary.umn.edu/russian/gencomm/Rhrcom32.html

Dyussenbayeva Aiym Allabergenova
Second-year Master student in International Law
Law School, Maqsut Narikbayev University,
Astana, Kazakhstan
email: aiym_dyussenbayeva@kazguu.kz

LEGAL ANALYSIS OF THE APPLICATION OF THE PRINCIPLE OF PROPORTIONALITY IN THE REGULATORY RESOLUTION №39-NR OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract

This research Article examines legal analysis of the Regulatory resolution №39-НП of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan with respect to the application of the principle of proportionality in the course of limiting the right of access to information. The right of access to information is guaranteed by the Constitution of the Republic of Kazakhstan. Moreover, this right is enshrined in the International agreements in the field of human rights inter alia in The International covenant on civil and political rights to which the Republic of Kazakhstan is a party. However, the right to freedom of expression is subject of limitations and strict assessment of conformity to the criteria of the principle of proportionality.

The Constitutional Court is newly established body which began its activities in 2023. Therefore, this time there is no formed and stable practice of applying of the international principles. The Regulatory resolution №39-NR illustrates effort of the Court's to apply the principle of proportionality, notwithstanding there is gaps in some aspects which will considered in this research article.

At the same time, there will be analysis of the criteria of the principle of proportionality, the practice of their application by international courts.

Keywords: Constitutional rights, human rights, the right to freedom of expression, principle of proportionality.

Introduction

The Regulatory resolution of the Constitutional court of the Republic of Kazakhstan (hereinafter referred to as – the Constitutional Court) plays an important role in the legal system, as it provides official interpretation of the norms of the Constitution. A legal analysis of these resolutions makes it possible to assess how the Court applies the international norms and standards in the protection of human rights and freedoms.

Access to information is one of the fundamental rights protected by the Constitution and international norms and standards in the field of human rights. Article 19 of the ICCPR includes the right of access to information as part of the right to freedom of expression. Nevertheless, the rights differ in their legal nature and duties imposed on the State. At the same time, both rights may be subject to limitations.

Therefore, the legal analysis of the regulatory resolution №39-НП allows to examine how the Constitutional Court applies the principle of proportionality when restricting the right of access to information, and whether it takes into account the specific nature of the right as giving rise to positive obligations on State.

The facts. On 7 November 2016, the applicant was dismissed from the governmental organization in accordance with the decision of the disciplinary committee and findings of the internal investigation.[545] Subsequently, in the course of inspection it was established that

[545] The Regulatory Resolution №39-НП of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan (2023), para 2 <http://10.61.42.188/rus/docs/S2300000039> accessed 3 April 2026.

the report of the internal investigation was signed by an unauthorized person and an official note was prepared.[546] The note was classified as a document 'for official use only'.[547]

On 8 December 2022, the applicant submitted an application to the governmental body to review the report with regard to his rights and interests.[548] However, the official body refused his application.[549] Subsequently, the applicant was refused access to information in accordance with Paragraph 2 and Subparagraph 3) paragraph 16 of Article11 of the Law of the Republic of Kazakhstan "On Access to Information" by a court of first instance, a court of appeal, and finally by the Supreme court.[550]

Thereafter, the applicant submitted an application to the Constitutional Court to verify the constitutionality of the above-mentioned Article.

On 26 December 2023, the Constitutional Court in the Regulatory resolution №39-НП (hereinafter referred to as Resolution №39-НП) resolves to declare paragraph 2 and subparagraph 3) paragraph 16 of Article 11 of the Law «On access to information».

Paragraph 2 of Article 11 «Any information shall be available on request, except for information with restricted access.[551]

Subparagraph 3) paragraph 16 of Article 11 «The provision of access to information shall be refused if: the requested information relates to information with restricted access».[552]

Pursuant to this Article, the governmental body refused access to the documents which contained information about claimant's dismissal as this information was classified.[553]

The Constitutional Court is a relatively new institution that began functioning in January 2023. Its primary function is to protect the constitutional rights and freedoms of citizens and to ensure the supremacy of the Constitution.[554] The right of freedom to receive and impart information is one of the fundamental rights, which is an «indispensable condition for the full development of the person and essential for any society; they constitute the foundation stone for every free and democratic society».[555]

The Constitution of the Republic of Kazakhstan[556] (hereinafter referred to as the Constitution) provides every citizen with the possibility to become familiar with the

---

[546] Ibid.
[547] Ibid.
[548] Ibid.
[549] Ibid.
[550] Ibid.
[551] Article 11(2) of the Law of the Republic of Kazakhstan "On Access to Information" (2015) http://10.61.42.188/eng/docs/Z1500000401 accessed 6 February 2026.
[552]Article 11 para 16.3 of the Law of the Republic of Kazakhstan «On Access to Information» (2015) http://10.61.42.188/eng/docs/Z1500000401 accessed 6 February 2026.
[553] The Regulatory Resolution №39-НП of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan (2023), para 2 <http://10.61.42.188/rus/docs/S2300000039> accessed 3 April 2026.
[554]Article 1 of the Constitutional Law of the Republic of Kazakhstan "On the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan" (2022) <https://adilet.zan.kz/eng/docs/Z2200000153> accessed 6 February 2026.
[555] Views adopted by the Committee under Article5 (4) of the Optional Protocol, concerning communication No2538/2015, 2539/2015, 2544/2015, 2549/2015 and 2550/2015 (2023) <https://juris.ohchr.org/casedetails/3805/en-US> accessed 10 March 2026.
[556] On the 15th of March 2026 the new Constitution was adopted and enters into force on the 1st of July 2026. According to it, Article21(3) states «State bodies, public associations, officials, and mass media shall be obliged to ensure that every person has the opportunity to familiarize themselves with documents, decisions, and sources of information affecting their rights and interests».
Article23 (2) states «The right to freely receive and disseminate information, except for State secrets, shall be exercised by any means not prohibited by law. The list of information constituting State secrets of the Republic of Kazakhstan shall be determined by law».
According to Article41(2) «The rights and freedoms of the individual and citizen may be restricted only by law and only to the extent necessary for the protection of the foundations of the constitutional system, the rights and freedoms of the individual and citizen, ensuring national security, safeguarding public order, protecting the health of citizens, and public morality».

documents, decisions and other sources of information concerning his rights and interests.[557] Along with that, Article 20 states «everyone shall have the right to freely receive and disseminate information by any means not prohibited by law».[558] Furthermore, the Republic of Kazakhstan ratified the International Covenant on Civil and Political Rights[559] (hereinafter referred to as the ICCPR) which guarantees everyone the right of freedom to receive and impart information of all kinds, regardless of frontiers, either orally or in writing.[560]

However, rights and freedoms of an individual and citizen may be subject to limitation. The modern constitutional system can limit rights and freedoms through the application of a constitutional limitations clause.[561]

The Constitution and the ICCPR set out specific criteria when the rights and freedoms may be limited. According to Article 39 of the Constitution «Rights and freedoms of an individual and citizen may be limited only by law and only to the extent necessary for the protection of the constitutional system, defense of public order, human rights and freedoms, and the health and morality of the population».[562] In addition, constitutional criteria can be found in the provisions of the ICCPR. Article 19 of the ICCPR proclaims that the right of freedom to receive and impart information may be the subject of restriction.[563] However, shall be provided by law and be necessary for respect of the rights or reputations of others and for the protection of national security or of public order, or of public health or morals.[564] These limitations are based on the principle of proportionality and are the object of legal analysis of application by the Constitutional Court.[565]

The Constitutional Court

The Constitutional Court is «the supreme interpretation and defense body of the Constitution, which guarantees the respect of the fundamental rights of citizens and the balance between the powers of the State».[566] In the event that the different branches of power violate the provisions of the Constitution the Constitutional Court adopts regulatory resolutions through various constitutional mechanisms, such as appeals, actions of unconstitutionality, and so forth.[567]

The Constitutional Court is a relatively new institution of constitutional control, created as a result of the large-scale constitutional reform of 2022. Its establishment has become one of the key areas for modernizing the State's legal system and strengthening human

---

[557] Article18(3) of the Constitution of the Republic of Kazakhstan, 1995 <https://adilet.zan.kz/eng/docs/K950001000_> accessed 6 February 2026.

[558] Article20(2) of the Constitution of the Republic of Kazakhstan (1995) <https://adilet.zan.kz/eng/docs/K950001000_> accessed 6 February 2026.

[559] Law of the Republic of Kazakhstan "On Ratification of the International Covenant on Civil and Political Rights" (2005) < http://10.61.42.188/eng/docs/Z050000091_> accessed 6 February 2026.

[560] Article19 of the International Covenant on Civil and Political Rights (1966) <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-civil-and-political-rights> accessed 15 March 2026.

[561] Stacey, R. (2019). The magnetism of moral reasoning and the principle of proportionality in comparative constitutional adjudication. American Journal of Comparative Law, 67, 435–476.

[562] Article39(3) of the Constitution of the Republic of Kazakhstan (1995) <https://adilet.zan.kz/eng/docs/K950001000_> accessed 15 March 2026.

[563] Article 19 of the International Covenant on Civil and Political Rights (1966) <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-civil-and-political-rights> accessed 15 March 2026.

[564] Ibid.

[565] Stacey, R. (2019). The magnetism of moral reasoning and the principle of proportionality in comparative constitutional adjudication. American Journal of Comparative Law, 67, 435–476.

[566] Cárdenas Gonzales, J. R. (2025). The legislative function of the Constitutional Court in relation to the omission of the constituent. Constitutional Review, 11, 63-91.

[567] Ibid.

rights protection. Until 2023, there was the Constitutional Council in the Republic of Kazakhstan, which had limited powers and did not provide for the possibility of direct appeal by citizens.

According to Article 72 of the Constitution the Constitutional Court gives an official interpretation of the provisions of the Constitution, moreover consider the regulatory legal acts of the Republic of Kazakhstan that directly affect the rights and freedoms of citizens for compliance with the Constitution.[568] Regulatory resolutions of the Court shall refer to the final decision and are generally binding throughout the territory of Kazakhstan.[569] The effectiveness of constitutional control is determined by the degree of protection of fundamental freedoms. In this regard, it is important to consider how these institutional mechanisms apply to specific constitutional rights. Including the right of access to information.

The right of access to information

Access to information is the foundation of a democratic way of life[570] and essential for any society.[571] Nevertheless, it may be subject to limitations.[572]

On 7 November 2016 the claimant was dismissed from the governmental organization according to the decision of the Disciplinary Committee and the conclusion of the internal investigation.[573] Finally, due to certain reasons, the documents related to the dismissal classified as documents «For official use only».[574] For this reason, on 3 March 2022 the claimant was denied access to review the conclusion and decision concerning his interests.[575]

Article 19 of the ICCPR includes the freedom to seek, receive and impart information and ideas of all kinds as part of the right to freedom of expression.[576] In addition, the Human Rights Committee (hereinafter referred to as - the Committee) in its Communication №1470/2006 emphasized that the right to freedom of thought and expression includes the protection of the right of access to State-held information.[577] Moreover, the European Court of Human Rights in its decision Társaság a Szabadságjogokért v. Hungary and Kenedi v. Hungary also recognized that the right of access to information is inherent part of the freedom of expression.[578]

The Constitutional Court in the Resolution №39-НП held that the right of access to information, in addition to the constitutional values, is of particular importance in the

[568]Article 72 of the Constitution of the Republic of Kazakhstan (1995) <https://adilet.zan.kz/eng/docs/K950001000_> accessed 6 February 2026.

[569] Constitutional Law of the Republic of Kazakhstan "On the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan" (2022) <https://adilet.zan.kz/eng/docs/Z2200000153> accessed 10 February 2026.

[570] Mendel T., (2003) Freedom of Information: A Comparative Legal Survey.

[571] Human Rights Committee. (2011). General Comment No. 34: Article19 (Freedom of opinion and expression) <https://www2.ohchr.org/english/bodies/hrc/docs/gc34.pdf> accessed 5 April 2026.

[572]Article 39(3) of the Constitution of the Republic of Kazakhstan (1995) <https://adilet.zan.kz/eng/docs/K950001000_> accessed 15 March 2026.

[573] The Regulatory resolution №39-НП of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan (2023) <http://10.61.42.188/rus/docs/S2300000039> accessed 3 April 2026.

[574] Ibid.

[575]Ibid.

[576]Article 19 of the International Covenant on Civil and Political Rights (1966) <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-civil-and-political-rights> accessed 15 March 2026.

[577] Views of the Human Rights Committee under Article5(4), of the Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political rights (one hundredth and first session) concerning Communication No. 1470/2006 (2006) <https://juris.ohchr.org/casedetails/1632/en-US> accessed 20 March 2026.

[578] United National Economic Commission for Europe, The Aarhus Convention an Implementation Guide, second edition (2014) < https://unece.org/fileadmin/DAM/env/pp/Publications/Aarhus_Implementation_Guide_interactive_eng.pdf> accessed 5 April 2026.

implementation of the other rights and freedoms.[579] In addition, the Committee emphasized that the rights enshrined in Article 19 of the ICCPR are the basis of other human rights.[580] Moreover, the right of access to information is contained in other rights and freedoms, including as one of the pillars of the Aarhus Convention which is aimed to protect the rights of everyone to live in an environment favorable to his or her health and well-being.[581]

At the same time, the fundamental sources of law contain norms according to which the right of access to information may be restricted. Public authorities should grant access to information regarding the rights of individuals and provide justification for any denial of access to information,[582] as the right of access to information is essential in its own right.[583] Thus, the restriction of the right of access to information must meet the strict criteria of the proportionality test in order to avoid unjustified interference and violation of human rights.

Thus, the refusal of the claimant's right of access to information without due assessment can lead to violation of the Constitution and international duties of Kazakhstan under the ICCPR. Accordingly, it is crucial for the Constitutional Court to examine whether the limitation of the right of access to information meets the criteria of the principle of proportionality.

Principle of proportionality

The principle of proportionality is recognized by many States as a general principle of constitutional law and plays an important role.[584] The proportionality test is used to determine whether violations of fundamental human rights are acceptable.[585]

Article 19 of the ICCPR sets out the same criteria of the limitation of rights for both freedom of expression and the right of access to information.[586] However, due to the nature of rights the application of the test of proportionality differs in practice.

In the General Comments № 34 the Committee emphasizes that according to paragraph Article 19(2) everyone has the right of access to information which is held by public authorities.[587] Also in the cases of Toktakunov v. Kyrgyzstan the Committee stated the information should be provided without the need to prove direct interest or personal involvement in order to obtain it.[588] Consequently, Article 19(2) gives rise to direct obligations to the State. States should give effect to the right of access to information, make

---

[579] The Regulatory Resolution №39-НП of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan (2023), para 2 <http://10.61.42.188/rus/docs/S2300000039> accessed 3 April 2026.

[580] Human Rights Committee. (2011). General Comment No. 34: Article19 (Freedom of opinion and expression) <https://www2.ohchr.org/english/bodies/hrc/docs/gc34.pdf> accessed 5 April 2026.

[581] United National Economic Commission for Europe, The Aarhus Convention an Implementation Guide, second edition, (2014) < https://unece.org/fileadmin/DAM/env/pp/Publications/Aarhus_Implementation_Guide_interactive_eng.pdf> accessed 5 April 2026.

[582] Human Rights Committee (2011) General Comment No. 34: Article19 (Freedom of opinion and expression) <https://www2.ohchr.org/english/bodies/hrc/docs/gc34.pdf> accessed 5 April 2026.

[583] United National Economic Commission for Europe, The Aarhus Convention an Implementation Guide, second edition, (2014) < https://unece.org/fileadmin/DAM/env/pp/Publications/Aarhus_Implementation_Guide_interactive_eng.pdf> accessed 5 April 2026.

[584] Jackson, V. C. (2015) Constitutional law in an age of proportionality. The Yale Law Journal, 124(8), 3094-3197.

[585] Kyritsis, D. (2014) Whatever works: Proportionality as a constitutional doctrine. Oxford Journal of Legal Studies, 34(2), 395–415.

[586] Article 19 of the International Covenant on Civil and Political Rights (1966) <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-civil-and-political-rights> accessed 15 March 2026.

[587] Human Rights Committee (2011) General Comment No. 34: Article19 (Freedom of opinion and expression), paras 18,19 <https://www2.ohchr.org/english/bodies/hrc/docs/gc34.pdf> accessed 5 April 2026.

[588] Views adopted by the Committee under Article5 (4) of the Optional Protocol, concerning communication No1470/2006 (2011) <https://juris.ohchr.org/casedetails/1632/en-US> accessed 15 March 2026 .

every effort to ensure easy, prompt, effective and practical access to information, enact the necessary procedures, and provide timely processing.[589] Because non-performance of duties can lead to violation of the Convention.[590] Thus, the State is obliged to make government held information accessible to the public, otherwise it should provide reasons for any refusal to provide access to information to fulfil its own obligations.[591]

In addition, the Aarhus Convention considers the right of access to information as a positive right which imposes duties to the State to disclose information.[592] In case of refusal in the disclosure of information, any reasons listed in Article 4 of the Aarhus convention shall be interpreted narrowly: the State shall establish that disclosure of information will negatively affect, shall take into account public interests, meanwhile the public interest regarding disclosure of information shall be compared with non-disclosure interest in each particular case.[593]

In practice of the constitutional courts, the distinction between negative and positive duties are not always clearly separated. Courts often apply test of proportionality without duly distinguishing between them. As a result, the right of access to information may be assessed as a limitation of the right nor duties of the State.

Therefore, in the following paragraphs, the conclusion of the Constitutional Court will be analyzed with respect to each criterion in relation to limitation of the rights of applicant. This analysis allows for an assessment of whether the conclusions of the Constitutional Court align with international standards on restriction of the right of access to information.

Restriction shall be provided by law. According to the Constitution and the ICCPR the restrictive measures shall be provided for by law. At the same time, the State shall clearly and accurately demonstrate the real risk to the criteria mentioned in Article19(3).[594]

The right of applicant was restricted according to the Law of the Republic of Kazakhstan «On access to information».[595] Nevertheless, despite the domestic legislation, it shall be justified in terms of necessity and proportionality.[596]

Legitimate aim and Necessity. In the Resolution №39-НП the Constitutional Court considers that the limitation of the right of access to information aims to achieve the protection of constitutional order, public order, health, and morality of society[597]. Moreover, the aims may also be considered as the protection of the rights and freedoms of a person, and are contained in the normative acts of the Republic of Kazakhstan.[598]

---

[589] Human Rights Committee (2011) General Comment No. 34: Article19 (Freedom of opinion and expression), paras 18,19 <https://www2.ohchr.org/english/bodies/hrc/docs/gc34.pdf> accessed 5 April 2026.

[590] Views of the Human Rights Committee under Article5 (4) of the Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political rights (one hundredth and first session) concerning Communication No. 2751/2016 (2019), para 7.8 <https://juris.ohchr.org/casedetails/2784/en-US> accessed 20 March 2026.

[591] United National Economic Commission for Europe, The Aarhus Convention an Implementation Guide, second edition, (2014) < https://unece.org/fileadmin/DAM/env/pp/Publications/Aarhus_Implementation_Guide_interactive_eng.pdf> accessed 5 April 2026.

[592] Ibid.

[593] Ibid.

[594]Views adopted by the Committee under Article5 (4) of the Optional Protocol, concerning communication № 2545/2015 <https://juris.ohchr.org/casedetails/3799/en-US> accessed 15 March 2026.

[595] The Regulatory Resolution №39-НП of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan, para 5.1 <http://10.61.42.188/rus/docs/S2300000039> accessed 3 April 2026.

[596] Views adopted by the Committee under Article5 (4) of the Optional Protocol, concerning communication № 2538/2015, 2539/2015, 2544/2015, 2549/2015 и 2550/2015 <https://juris.ohchr.org/casedetails/3805/en-US> accessed 15 March 2026.

[597] The Regulatory Resolution №39-НП of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan, paras 5.2, 5.3 <http://10.61.42.188/rus/docs/S2300000039> accessed 3 April 2026.

[598] Ibid.

The Committee in the Views №2676/2015 notes that states should pursue a goal of facilitating the right, rather than seeking to limit it disproportionately.[599] The legitimacy of a goal is assessed not by the intention of those who make the decision, but by its objective validity and necessity.[600] At the same time, any restrictions on the right must be necessary in a democratic society,[601] as established in Article19(3) of the ICCPR.[602]

The Constitutional Court in the Resolution determined that the rights and interests of individuals, public, and the State may exceed the rights of access to information, also the restrictions aimed at protecting the constitutional order, public order, human rights and freedoms, public health and morals.[603] Since such restrictions are justified by the interests of society, it is necessary to clarify what is meant by the notion «public order».

The Committee in its Views in Georgiy Arkhangelskiy et al. v. Kazakhstan noted that "Public order" refers to the sum of the rules that ensure the proper functioning of society, or the set of fundamental principles on which society is founded, which also entail respect for human rights».[604] States parties should not rely on an uncertain notion of «public order» as a justification for restrictions.[605]

Thus, the Resolution of the Constitutional Court acknowledges that the restrictions pursue a legitimate aim such as protection of constitutional order, public order, health, and morality of society.[606] Moreover, the Court determined that the restriction was necessary to satisfy the legitimate needs of individuals, society, and the State.[607] However, the conclusion lacks detailed analysis and contains common phrases without clear evidence. For instance, the regulatory resolution does not demonstrate how the Court balanced the interests of individuals and the State, which is essential for legitimate restrictions. At the same time, there is no clarification of key definitions such as «public order» «protection of the health and morality» and how they are interpreted. In addition, in the conclusion the Constitutional Court lists the legal norms related to the protection of the rights of the citizens without evaluating whether they are reasonably justified and applicable in the specific situations.

Proportionate to the harm they cause. In the next step the Constitutional Court assessed the proportionality of the restrictions to the legitimate aims, and held that by means of them, the constitutionally established goals of protecting the constitutional order, public order, human rights and freedoms, public health and morals are achieved.[608] Furthermore, they are not overstated, but in certain circumstances appear to be the only acceptable means of protecting constitutional values. Finally, the Constitutional Court added that the

---

[599] Views adopted by the Committee under Article5 (4) of the Optional Protocol, concerning communication No.2676/2015 <https://juris.ohchr.org/casedetails/3245/en-US> accessed 15 March 2026.
[600] Möller, K. (2012), Proportionality: Challenging the critics. International Journal of Constitutional Law, 10(3), 709–731.
[601] Views adopted by the Committee under Article5 (4) of the Optional Protocol, concerning communication No.2676/2015 <https://juris.ohchr.org/casedetails/3245/en-US> accessed 15 March 2026.
[602] Article 19(3) of the International Covenant on Civil and Political Rights (1966) <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-civil-and-political-rights> accessed 15 March 2026.
[603] The Regulatory Resolution №39-НП of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan, para5.3 <http://10.61.42.188/rus/docs/S2300000039> accessed 3 April 2026.
[604] Views adopted by the Committee under Article5 (4) of the Optional Protocol, concerning communication No2538/2015, 2539/2015, 2544/2015, 2549/2015 and 2550/2015 <https://juris.ohchr.org/casedetails/3805/en-US> accessed 15 March 2026.
[605] Ibid.
[606] The Regulatory Resolution №39-НП of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan, para5.3 <http://10.61.42.188/rus/docs/S2300000039> accessed 3 April 2026.
[607] Ibid.
[608] Ibid.

personal, public or State benefits resulting from restrictions on access to information may exceed the harm caused by these limitations, in a specific situation.[609]

German jurist Moller wrote that proportionality should be used as a means to ensure a balance between individual interests and national security.[610] He identifies four types of balance: maximizing autonomy, balancing interests, formal balancing, and balancing as arguments.[611] Maximization of autonomy is a type aimed at protecting individual rights, i.e. the individual must be protected and restrictions on rights should be minimal.[612] For example, Moeller uses the human right not to be tortured, according to him, a person cannot be tortured, due to the fact that the right not to be subjected to torture is much stronger and more important than the interests of those who can benefit from torture as obtaining any information.[613]

The second type is balancing interests, where the interests of society and the State are compared with the interests of the individual, and the interests of each of the parties are taken into account.[614] Formal balancing is a type that takes into account not only the weight and importance of interests, but also moral principles.[615] Moeller argues that there are cases in which it is impossible to determine which interests are more important, and therefore it is necessary to take into account not only the weight and importance of interests, but also to take into account other aspects.[616]

Finally, the last type that Moeller singled out is balancing as an argument, according to which it is necessary to prove that restrictions on rights are necessary.[617] Based on the above, it is possible to conduct deeper analyses of the proportionality of the damage caused, balancing the interests of the parties.[618] In addition, the Committee emphasizes that restrictions should not be disproportionate. In General Comment №27 was noted that measures must be appropriate to achieve to achieve the legitimate protective aim, and maintain a balance between the restriction and the protected interest.[619]

In conclusion, the Constitutional Court determined that the restriction on the right of access to information is proportionate, as it aims to achieve the constitutionally established objectives such as to protect constitutional order, human rights and freedoms, public health and morals.[620] Moreover, the Court noted that the restrictions were not excessive and were the only acceptable measures for the protection of constitutional values in certain circumstances, and the benefits resulting from the restriction may outweigh the harm caused.[621]

Thus, after analyzing the Court's conclusion some shortcoming can be identified. First of all, the Court in its conclusion uses protection of «constitutional order», «human rights and freedoms», «public health and moral» as a main legitimate reason, nevertheless it did not specify what is meant by these means. Secondly, it emphasizes that this is the only permissible measure in «certain circumstances», but also there is no specificity about which

---

[609] The Regulatory Resolution №39-НП of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan, para 5.4 <http://10.61.42.188/rus/docs/S2300000039> accessed 3 April 2026.
[610] Kyritsis, D. (2014). Whatever works: Proportionality as a constitutional doctrine. Oxford Journal of Legal Studies, 34(2), 395–415.
[611] Ibid.
[612] Ibid.
[613] Ibid.
[614] ibid.
[615] Ibid.
[616] Ibid.
[617] Ibid.
[618] Ibid.
[619] Human Rights Committee (1999) General Comment No. 27: Article12 (Freedom of movement) <https://digitallibrary.un.org/record/366604> accessed 5 April 2026.
[620] The Regulatory Resolution №39-НП of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan <http://10.61.42.188/rus/docs/S2300000039> accessed 3 April 2026.
[621] Ibid.

cases it refers to. Moreover, the Constitutional Court did not consider alternative and less restrictive measures.

Conclusion

Based on the conducted legal analysis of the application of the principle of proportionality by the Constitutional Court, it can be concluded that the practical implementation of this principle in judicial practice remains limited. Moreover, the Court does not make a distinction between positive and negative obligations in applying the test.

The analysis of Resolution №39-НП demonstrates that the Constitutional Court examines the right of access to information as a restriction without sufficiently distinguishing whether the case concerns a justified limitation or a failure of the State to fulfill its obligation to disclose information under Article19(2) of the ICCPR.

In addition, the Constitutional Court's conclusion in the Resolution №39-НП reveals a number of shortcomings that limit the effectiveness of the proportionality test. First, the analysis is formal, with limited argumentation and insufficient disclosure of the key elements of the proportionality test, including the assessment of less restrictive alternatives and the commensurability of harm and benefit. Secondly, the Constitutional Court's conclusions are quite general and do not provide a detailed step-by-step assessment of whether the taken measures were the least restrictive in order to achieve legitimate goals. Thirdly, although the Constitutional Court recognizes that the benefits of restrictions may exceed the harm, it does not explicitly analyze the specific impact on the rights of an individual, leaving the assessment of proportionality somewhat abstract and superficial.

The Constitutional Court is a relatively new body that began its activities in 2023, which explains the lack of a fully formed and stable practice of applying proportionality. This lack of established practice may lead to inconsistencies in the Constitutional Court’s decisions in comparison with international standards and jurisprudence, which, in turn, may create difficulties in ensuring compliance with the international obligations of the Republic of Kazakhstan.

For the effective and correct application of the proportionality test in the future, it is recommended to take several steps. First, it is important to study and integrate international experience, in particular, the practice of foreign constitutional and human rights courts, in order to develop common approaches and practical solutions. Secondly, the creation of a stable precedent base is extremely important, as it will serve as a guideline for future court decisions and promote consistency in the application of proportionality. Thirdly, the criteria of the proportionality test should be explicitly integrated into regulatory legal acts, which will ensure their practical application and allow for more accurate and reasonable restrictions on the rights and freedoms of citizens.

In conclusion, the current application of the test of proportionality remains formal without distinguish between the rights, and insufficiently detailed. Improving the quality of proportionality assessments, developing a case base and implementing international best practices will enable the Constitutional Court to better understand the criteria of the proportionality and apply them in accordance with the international standards.

References:

1. Dunoff, J. L., Ratner, S. R., & Wippman, D. (2015). International law: Norms, actors, process: A problem-oriented approach. New York, NY: West Academic Publishing.

2. Shaw, M. N. (2021). International law (9th ed.). Cambridge, UK: Cambridge University Press.

3. Vitzthum, W. G. (2013). International law. Berlin, Germany: Springer.

4. Cárdenas Gonzales, J. R. (2025). The legislative function of the Constitutional Court in relation to the omission of the constituent. Constitutional Review, 11, 63-91

<https://heinonline-org.mnulib.idm.oclc.org/HOL/Page?public=true&handle=hein.journals/consrev11&div=9&start_page=63&collection=journals&set_as_cursor=0&men_tab=srchresults>.

5. Jackson, V. C. (2015). Constitutional law in an age of proportionality. The Yale Law Journal, 124(8), 3094-3197 <https://heinonline-org.mnulib.idm.oclc.org/HOL/Page?public=true&handle=hein.journals/ylr124&div=70&start_page=3094&collection=usjournals&set_as_cursor=0&men_tab=srchresults>.

6. Kyritsis, D. (2014). Whatever works: Proportionality as a constitutional doctrine. Oxford Journal of Legal Studies, 34(2), 395–415 <https://www-jstor-org.mnulib.idm.oclc.org/stable/24562824?searchText=Whatever+works+Proportionality+as+a+constitutional+doctrine&searchUri=%2Faction%2FdoBasicSearch%3FQuery%3DWhatever%2Bworks%253A%2BProportionality%2Bas%2Ba%2Bconstitutional%2Bdoctrine%26so%3Drel&ab_segments=0%2Fspellcheck_basic_search%2Ftest&refreqid=fastlydefault%3A0b11dfef5e73357f04daac3857154aad>.

7. Manton, R. (2016). [Necessity in International law] (Doctoral dissertation, Magdalen College, University of Oxford, Hilary Term) <https://ora.ox.ac.uk/objects/uuid:0ee2dd8e-6eac-4364-b538-21ae5eb932a2/files/m10c5c59dc5c60d4df2836a8b32e42f8f>.

8. Möller, K. (2012). Proportionality: Challenging the critics. International Journal of Constitutional Law, 10(3), 709–731 <https://academic.oup.com/icon/article/10/3/709/673485>.

9. Stacey, R. (2019). The magnetism of moral reasoning and the principle of proportionality in comparative constitutional adjudication. American Journal of Comparative Law, 67, 435–476 <https://heinonlineorg.mnulib.idm.oclc.org/HOL/Page?collection=usjournals&handle=hein.journals/amcomp67&id=446&men_tab=srchresults>.

10. Constitution of the Republic of Kazakhstan 1995<https://adilet.zan.kz/eng/docs/K950001000_>.

11. Constitutional Law of the Republic of Kazakhstan On the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan] (Constitutional Law № 153-VII ЗРК, 5 November 2022) <https://adilet.zan.kz/eng/docs/Z2200000153>.

12. Law of the Republic of Kazakhstan On Access to Information] (Law №401-V ЗРК, 16 November 2015) <https://adilet.zan.kz/eng/docs/Z1500000401>.

13. Law of the Republic of Kazakhstan On Ratification of the International Covenant on Civil and Political Rights] (Law №91, 28 November 2005) < http://10.61.42.188/eng/docs/Z050000091_>.

14. The Regulatory Resolution of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan № 39-НП dated 16 November 2015 “On the review of the constitutionality of paragraph 2 and subparagraph 3) of paragraph 16 of Article 11 pf the Law of the Republic of Kazakhstan dated 16 November 2015 ‘On Access to Information’”<http://10.61.42.188/rus/docs/S2300000039>.

15. United Nations. (1966). International Covenant on Civil and Political Rights. <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-civil-and-political-rights>.

16. Human Rights Committee. (1999). General Comment No. 27: Article12 (Freedom of movement). United Nations <https://digitallibrary.un.org/record/366604>.

17. Human Rights Committee. (2011). General Comment No. 34: Article19 (Freedom of opinion and expression). United Nations <https://www2.ohchr.org/english/bodies/hrc/docs/gc34.pdf>.

18. United National Economic Commission for Europe, The Aarhus Convention An Implementation Guide, second edition, (2014) < https://unece.org/fileadmin/DAM/env/pp/Publications/Aarhus_Implementation_Guide_interactive_eng.pdf>.

19. Views of the Human Rights Committee under Article5, paragraph 4, of the Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political rights (one hundredth and first session) concerning Communication No. 1470/2006 (2006) Toktakunov v. Kyrgyzstan. <https://juris.ohchr.org/casedetails/1632/en-US>.

20. Views of the Human Rights Committee under Article5, paragraph 4, of the Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political rights (one hundredth and first session) concerning Communication No. 2751/2016 (2019) Norma Portillo Caceres et al. v. Paraguay <https://juris.ohchr.org/casedetails/2784/en-US>.

21. Views adopted by the Committee under Article5 (4) of the Optional Protocol, concerning communication No.2676/2015 (2021) Tsukanov v. Kazakhstan <https://juris.ohchr.org/casedetails/3245/en-US> .

22. Views adopted by the Committee under Article5 (4) of the Optional Protocol, concerning communication No2538/2015, 2539/2015, 2544/2015, 2549/2015 and 2550/2015. (2023) Georgiy Arkhangelskiy et al. v. Kazakhstan <https://juris.ohchr.org/casedetails/3805/en-US>.

23. Views adopted by the Committee under Article5 (4) of the Optional Protocol, concerning communication № 2545/2015 (2023) Baydildayeva v. Kazakhstan <https://juris.ohchr.org/casedetails/3799/en-US>.

24. The decision of the French Constitutional Council №2012-248 QPC of May 16, 2012 <https://read-only.conseil-constitutionnel.fr/en/decision/2012/2012248QPC.htm>.

25. The decision of the French Constitutional Council №2017-636 QPC of June 9, 2017 <https://www.conseil-constitutionnel.fr/en/decision/2017/2017636_636QPC.htm>.

26. The decision of the French Constitutional Council №2018-717/718 QPC of July 6, 2018 <https://www.conseil-constitutionnel.fr/en/decision/2018/2018717_718QPC.htm>.

Ермұхан Мәди
Магистрант 1 курса образовательной программы
«Право интеллектуальной собственности и бизнеса»
Высшая школа права, Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Казахстан
Email: m_yermukhan@mnu.kz

ОБЕСПЕЧЕНИЕ СООТВЕТСТВИЯ АВТОРСКОГО ПРАВА МЕЖДУНАРОДНЫМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация: В статье рассматриваются важнейшие вопросы приведения защиты авторских прав в соответствие с международными обязательствами в области прав человека. Актуальность темы обусловлена необходимостью рассматривать авторское право не как абсолютное право собственности, а как систему, которая должна быть сбалансирована с такими фундаментальными правами, как свобода выражения мнений и доступ к культуре и образованию. Предметом исследования является состояние соответствия национальных режимов авторского права международным стандартам, в частности, изучение того, как Казахстан может привести свою гражданско-правовую модель в соответствие с двойной целью – защитой авторов и обеспечением доступа общественности к знаниям.

Цель работы состоит в том, чтобы определить необходимые меры, включая согласование законодательства и продвижение политики, ориентированной на доступ, для обеспечения того, чтобы авторское право служило человеческому достоинству и социальному благополучию. Для достижения цели применялись как общенаучные, так и частнонаучные методы исследования. Новизна темы заключается в преобразовании авторского права из строгой системы исключительности в сбалансированный режим регулирования, где обеспечение прав определяется степенью содействия человеческому развитию и осуществлению базовых свобод.

В качестве основных выводов отмечается необходимость обеспечения соответствия авторского права международным обязательствам в области прав человека.

Ключевые слова: авторское право, право человека, международное право.

Введение

Авторское право – одна из институтов права интеллектуальной собственности, которая предоставляет создателям исключительные права на их оригинальные литературные, художественные и научные произведения. Его правовая природа имеет имущественный характер, что позволяет авторам и правообладателям регулировать использование, воспроизведение и распространение произведений, обеспечивая при этом финансовое вознаграждение. Также авторское право защищает личные неимущественные права, включая право на авторство и сохранение целостности произведений. Именно авторское право выступает как инструмент свободы выражения мнений, которая входит в основные права человека в сфере интеллектуального и культурного производства. Таким образом, взаимосвязь между авторским правом и правами человека является сложной и динамичной.

В данный момент авторское право всё чаще понимается как целенаправленная система регулирования, основанная на защите человеческого достоинства. В основе этих преобразований лежит «двойная обязанность», которая обязывает государства как защищать моральные и материальные интересы авторов, так и гарантировать право общественности на участие в культурной жизни и извлечение выгоды из научного прогресса. Этот мандат закреплен в таких международных документах, как

Всеобщая декларация прав человека (ВДПЧ) и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (МПЭСКП).

Многие страны стараются выполнять основные требований соответствия, но из-за разносторонних и уникальных законодательств разных стран возникают некоторые сложности в их соблюдении. Стратегия соблюдения может помочь странам, включая Казахстан, улучшить систему авторского права, сохраняя при этом обязательства по правам человека.

Основные положения и проблематика обеспечения прав

Как говорилось ранее, соблюдение требований закреплено в двух ключевых международных документах по правам человека, которые связаны с авторским правом. ВДПЧ установил это в статье 27, защищающей интересы автора и одновременно гарантирующей участие общественности в культурной жизни.[622] А статья 15 МПЭСКП придает этим гарантиям обязательную силу, требуя от государств уважать, защищать и выполнять права авторов.[623]

В идеале государства должны руководствоваться тремя принципами, которые служат руководством в разрешении внутренних противоречий между защитой авторских прав и правами человека.

Первый принцип – это обязательство уважать права. Государства должны воздерживаться от прямого или косвенного вмешательства в осуществление прав.[624] В области авторского права государства должны избегать мер защиты или правоприменения, которые неоправданно ограничивают основные права, такие как свобода выражения мнений, доступ к информации и участие в культурной жизни. Следующее обязательство – защищать права, при котором государства должны принимать меры для предотвращения вмешательства третьих сторон, таких как крупные медиакорпорации или цифровые платформы, в осуществление этих прав. В этом плане любой автор или правообладатель может защитить свои личные неимущественные права, полагаясь на законодательство от нечестных сделок до незаконного присвоения произведения. Последнее – это обязательство по выполнению или реализации прав. Государства должны принимать активные меры для обеспечения реализации прав.

Ведь у каждой страны есть уникальные меры по реализации права. Страны романо-германской системы имеют более четкие и определенные ограничения и исключения в авторском праве, а в англо-саксонской системе существует гибкая система добросовестного использования. Однако, один из ярких примеров является Марракешский договор, который требует от государств ввести обязательные исключения для лиц с нарушениями зрения, чтобы обеспечить соблюдение их права на чтение.[625]

Однако добиться полного соблюдения исключительно сложно из-за ряда системных противоречий. Не существует простой формулы для достижения «справедливого баланса» между частными интересами авторов и общественными интересами в доступе к знаниям.[626]

---

[622] Orit Fischman Afori “Human Rights and Copyright:The Introduction of Natural Law Considerations Into American Copyright Law”, Fordham Intellectual Property, Media & Entertainment Law Journal, 499

[623] International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, adopted of 16 December 1966 by General Assembly resolution 2200A (XXI), подпункт C пункт 1 статья 15 < International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights | OHCHR> Дата обращения: 29.03.2026

[624] Laurence R. Helfer, Giulia Priora “Collective Management of Copyrights and Human Rights in an Age of Technological Automation”, 17

[625] Lida Ayoubi “Human Rights Principles in the WIPO Marrakesh Treaty: Driving Change in Copyright Law from Within”, 1

[626] Laurence R. Helfer, Giulia Priora “Collective Management of Copyrights and Human Rights in an Age of Technological Automation”, 22

Комитет МПЭСКП отмечает, что, хотя государства обладают свободой усмотрения, они должны обеспечить, чтобы более высокие стандарты защиты не создавали непропорциональных препятствий для осуществления других закрепленных прав в этом пакте.[627]

Развитие искусственного интеллекта дестабилизирует требования к авторству человека.[628] В то время, как обучение ИИ опирается на массивные наборы данных о произведениях, созданных человеком, существующие правовые рамки, такие как механизмы «отказа» Европейского Союза от интеллектуального анализа текстов и данных, могут быть неэффективными, что потенциально может привести к предпочтению технологических гигантов перед отдельными авторами.[629]

Международные договоры в области интеллектуальной собственности часто используют «трехэтапный тест» в качестве ограничительного механизма для сужения сферы исключений из авторского права.[630] «Трехэтапный тест», основанный на статье 9(2) Бернской конвенции и позднее включенный во все основные договоры в области интеллектуальной собственности, должен соответствовать трем совокупным условиям: ограничение конкретными случаями, отсутствие препятствий нормальному использованию произведения и отсутствие причинения необоснованного ущерба законным интересам автора.[631] Законодательство в области прав человека и авторского права требует большей гибкости, но исчерпывающие «закрытые списки» исключений в таких регионах, как ЕС и Казахстан, могут привести к стагнации системы, препятствуя ее развитию в ответ на новые виды использования цифровых технологий.[632]

Механизм и стратегии соблюдения обязательств

Структурные механизмы обеспечения соответствия отражают смену парадигмы, в соответствии с которой принципы прав человека встраиваются во внутренние рамки законодательства об авторском праве. Чтобы привести авторское право в соответствие с правами человека, государства и судебные органы должны реализовать несколько взаимосвязанных стратегий.

Один из экспертов ЕС предлагает государствам проводить систематическую оценку воздействия как внутренней политики в области авторского права, так и международных соглашений на права человека, с тем чтобы предвидеть и предотвращать потенциальные нарушения прав.[633]

Теперь на национальном уровне, законы об авторском праве должны включать четкие и гибкие ограничения и исключения для образования, научных исследований и использования цифровых технологий. В качестве примера в национальном законодательстве США, касающихся авторского права, действует система добросовестного использования (fair use). Эта система обеспечивает соблюдение свободы выражения мнений, не препятствуя критике, комментариям или право общественности на доступ к информации.[634] Также она поддерживает право

---

627 Ibid 16

628 Christophe Geiger “Elaborating a Human Rights friendly Copyright Framework for Generative AI”, 1

629 Christophe Geiger “Elaborating a Human Rights friendly Copyright Framework for Generative AI”, 30

630 Christophe Geiger, Franciska Schönherr and Bernd Justin Jütte “Limitations to Copyright in the Digital Age, Safeguards for User’s Rights, Creativity and Author’s Remuneration Interests”, 18

631 Martin Senftleben “A Copyright Limitations Treaty Based on the Marrakesh Model: Nightmare or Dream Come True?”, 3

632 Christophe Geiger “Elaborating a Human Rights friendly Copyright Framework for Generative AI”, 26

633 Lida Ayoubi “Human Rights Principles in the WIPO Marrakesh Treaty: Driving Change in Copyright Law from Within”, 11

634 Daniel Gervais, «Fair use, fair dealing, fair principles: efforts to conceptualize exceptions and limitations to copyright», Journal of the Copyright Society of the U.S.A., 505

пользователей участвовать в культурной жизни сообщества и в научном прогрессе, признанное международным правом в области прав человека.[635]

Также можно учесть Марракешский договор, который служит глобальной моделью, демонстрирующей, как обязательства в области прав человека, особенно в отношении лиц с ограниченными возможностями восприятия печатной информации, могут быть преобразованы в обязательные международные исключения из авторского права.[636] К тому же, этот договор может содействовать свободному доступу к нужной информации. Обязанность государства обеспечивать общественную выгоду от научного и культурного прогресса реализуется путем продвижения открытых образовательных ресурсов и инициатив по оцифровке библиотек.

В казахстанском законодательстве об авторском праве имеются исключения, согласно которым библиотеки и архивы могут безвозмездно оцифровывать и восстанавливать утраченные произведения, а также передавать их другим учреждениям.[637] А после вступления в силу о присоединении к этому договору, нашим библиотекам дают возможность без согласия правообладателя предоставлять произведения для исключительного использования для лиц с ограниченными возможностями.

Что касается других стран, в них также действуют механизмы обеспечения доступа к информации для этих групп лиц. Например, в Бразилии, Чили и Австрии разрешают организациям, ориентированным на получение прибыли, воспроизводить доступные форматы для инвалидов при условии, что такая деятельность не преследует коммерческой цели.[638]

В Соединенных Штатах Закон о совершенствовании образования для лиц с ограниченными возможностями здоровья обязывает издателей размещать файлы электронных учебников в федеральном хранилище, что ускоряет выпуск доступных изданий.[639]

Хотя Иран не подпадает под действие Бернской конвенции, эта страна разрешает публичным библиотекам и научным учреждениям воспроизводить произведения на некоммерческой основе.[640]

Для обеспечения прав на имя и охраны интересов авторов необходимо наличие механизмов соблюдения, в которых приоритетное внимание уделяется защите физического лица как автора. Это предполагает обеспечение того, чтобы организации коллективного управления справедливо распределяли авторские отчисления между отдельными авторами, тем самым защищая их материальные интересы, а также предоставляя им возможность значимого участия в процессах принятия решений[641], особенно в цифровом мире.

В качестве доказательства этого механизма, в январе 2026 года были введены изменения и дополнения в Закон об авторском праве и смежных правах Республики Казахстан. В этот закон включили статью о Единой цифровой платформе [642], которая позволит организациям по коллективному управлению, лучше организовать

---

[635] Ibid 506

[636] Laurence R. Helfer, Molly K. Land & Ruth L. Okediji “Copyright Exceptions Across Borders Implementing the Marrakesh Treaty”, 1

[637] Закон Республики Казахстан об авторском праве и смежных прав, статья 19 < Конституция Республики Казахстан - ИПС "Әділет" > Дата обращения: 17.01.2026

[638] Lida Ayoubi “Copyright Pluralism and Human Rights of the Visually Impaired Persons” (2019), 11

[639] Ibid 23

[640] Lida Ayoubi “The Marrakesh Treaty Fixing International Copyright Law for the Benefit of the Visually Impaired Persons, 270, 275

[641] Laurence R. Helfer, Giulia Priora “Collective Management of Copyrights and Human Rights in an Age of Technological Automation”, 23

[642] Закон Республики Казахстан об авторском праве и смежных прав, статья 46-1 < Конституция Республики Казахстан - ИПС "Әділет" > Дата обращения: 17.01.2026

распределение роялти для авторов и правообладателей. Это свидетельствует о соблюдении прав авторов в Казахстане в соответствии с международными стандартами.

Для регулирования судебных разбирательств суды должны применять принцип судебной пропорциональности при рассмотрении фундаментальных прав, таких как свобода выражения мнений, в качестве существенных «внешних ограничений» для обеспечения соблюдения авторских прав.[643] Любое ограничение доступа к знаниям должно пройти тщательную проверку на пропорциональность — быть законным, преследовать законную цель и быть строго необходимым. Этот стандарт пропорциональности накладывает гораздо более строгие ограничения, чем широко распространенный трехэтапный тест, традиционно используемый для оценки соответствия исключений и ограничений в национальном законодательстве об авторском праве международным договорам.[644]

Заключение

Обеспечение соответствия авторского права международным обязательствам в области прав человека требует фундаментального перехода к обеспечению баланса между моральными и материальными интересами авторов и правом общественности на доступ к знаниям и культуре.

Исследование показало, что необходимы четкие и гибкие ограничения и исключения авторского права для реализации «двух обязанностей». Для соблюдения этого принципа требуется пересмотр международного «трехступенчатого теста», который исторически использовался в качестве ограничительного механизма для исключений. Для обеспечения соответствия требованиям прав человека этот тест должен применяться в качестве «усовершенствованного инструмента соразмерности».[645] При таком толковании критерий функционирует не просто как механизм ограничения прав, но и как инструмент, позволяющий государствам вводить исключения, которые отвечают общественным интересам и защищают основные свободы, при условии, что такие меры остаются соразмерными и не наносят «необоснованного» ущерба основным материальным правам авторов.[646] Именно этот пересмотр позволит реализовать некоторые стратегии, которые необходимы многим странам.

Для Казахстана подобные стратегии могут помочь в дальнейшем совершенствовании авторского права и прав человека в законодательстве. Присоединение к Марракешскому договору может привести к обновлению исключения по статье 19 (7) Закон об авторском праве и смежных правах Республики Казахстан, котором будет допускаться создание и распространение специальных электронных экземпляров произведений для лиц с ограниченными возможностями. Ведь именно добавление в закон такого положения позволит этим лицам, наряду с другими, получить равноправный доступ к информации.

В данный момент наша страна шаг за шагом начала реализовывать необходимые изменения в авторском праве, что приведет к соответствию международным обязательствам в области прав человека. При возможности

---

[643] Christophe Geiger and Elena Izyumenko “Shaping Intellectual Property Rights Through Human Rights Adjudication: The Example of the European Court of Human Rights”, Mitchell Hamline Law Review 527-612 (2020), 106

[644] Laurence R. Helfer, Giulia Priora “Collective Management of Copyrights and Human Rights in an Age of Technological Automation”, 15

[645] Lida Ayoubi “The Marrakesh Treaty Fixing International Copyright Law for the Benefit of the Visually Impaired Persons, ,270

[646] Martin Senftleben “A Copyright Limitations Treaty Based on the Marrakesh Model: Nightmare or Dream Come True?”, 11

усовершенствования этого права с использованием принципа пропорциональности или более гибкой структуры, как в США, казахстанское авторское право найдет идеальный баланс между моральными правами авторов и общественными интересами.

Список литературы:

1. Закон Республики Казахстан от 10 июня 1996 года № 6-I «Об авторском праве и смежных прав» < Конституция Республики Казахстан - ИПС "Әділет" >
2. International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, adopted of 16 December 1966 by General Assembly resolution 2200A (XXI) < International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights | OHCHR>
3. Orit Fischman Afori “Human Rights and Copyright:The Introduction of Natural Law Considerations Into American Copyright Law”, Fordham Intellectual Property, Media & Entertainment Law Journal
4. Laurence R. Helfer, Giulia Priora “Collective Management of Copyrights and Human Rights in an Age of Technological Automation”
5. Lida Ayoubi “Human Rights Principles in the WIPO Marrakesh Treaty: Driving Change in Copyright Law from Within”
6. Christophe Geiger “Elaborating a Human Rights friendly Copyright Framework for Generative AI”
7. Christophe Geiger, Franciska Schönherr and Bernd Justin Jütte “Limitations to Copyright in the Digital Age, Safeguards for User’s Rights, Creativity and Author’s Remuneration Interests”
8. Daniel Gervais, «Fair use, fair dealing, fair principles: efforts to conceptualize exceptions and limitations to copyright», Journal of the Copyright Society of the U.S.A.
9. Laurence R. Helfer, Molly K. Land & Ruth L. Okediji “Copyright Exceptions Across Borders Implementing the Marrakesh Treaty”
10. Lida Ayoubi “Copyright Pluralism and Human Rights of the Visually Impaired Persons” (2019)
11. Lida Ayoubi “The Marrakesh Treaty Fixing International Copyright Law for the Benefit of the Visually Impaired Persons”
12. Christophe Geiger and Elena Izyumenko “Shaping Intellectual Property Rights Through Human Rights Adjudication: The Example of the European Court of Human Rights”, Mitchell Hamline Law Review 527-612 (2020)
13. Martin Senftleben “A Copyright Limitations Treaty Based on the Marrakesh Model: Nightmare or Dream Come True?”

Касымханова Сауле Слямбековна
Магистрант 1 курса образовательной программы
«Право интеллектуальной собственности и бизнеса»
Высшая школа права Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Казахстан
e-mail: s_kassymkhanova@mnu.kz

ЛЬГОТЫ СИДН ПОД ВОПРОСОМ: КАК PPT МЕНЯЕТ ПРАВИЛА ДЛЯ НОУ-ХАУ И РОЯЛТИ

Аннотация

В статье анализируется тест основной цели, представленный Многосторонней конвенцией по мерам предотвращения размывания налоговой базы и перемещения прибыли (далее – «Многосторонняя конвенция»). Многосторонняя конвенция имеет существенное влияние на возможность применения льгот соглашений об избежании двойного налогообложения при трансгрупповых платежах за ноу-хау и связанные услуги. За последние годы в Казахстане наблюдается рост количества международных групп и платежей за нематериальные активы. При налоговом администрировании таких трансграничных выплат возникают неоднозначные споры, и в отдельных случаях суммы доначисленных налогов существенны для бизнеса, что подтверждает актуальность выбранной темы. Предметом исследования являются: квалификации платежей согласно СИДН, основания отказа в льготе по тесту основной цели, доказательства цели платежей и бенефициарного владения дохода. Методология включает доктринальный анализ документов, различные научные работы, судебную практику Европейского союза, Индии и Казахстана, а также эмпирическое сравнение показателей платежей в транснациональных группах. Новизна статьи заключается в прикладной модели, содержащей список документов, необходимый для снижения риска отказа в налоговых льготах и переквалификации платежа.

Ключевые слова: тест основной цели, Многосторонний инструмент, СИДН, ноу-хау, роялти, предпринимательская прибыль, злоупотребление соглашением, бенефициарный собственник, доказательства, процедуры взаимного согласования.

Введение

При ведении бизнеса на международном уровне применение единых механизмов контроля является обычной практикой. Такие инструменты могут включать внедрение программного обеспечения, его локальную доработку под местный рынок, единые управленческие механизмы продаж и прочее. В связи с этим в Казахстане все чаще возникают споры с налогообложением доходов нерезидентов у источника выплаты и с применением льгот по Соглашениям об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доход и капитал (далее – «СИДН»). Эти вопросы чувствительны в международном налогооблажении, поскольку затрагивают одновременно квалификацию прибыли нерезидента как роялти или предпринимательскую прибыль, а также возможность применения пониженных ставок налогов либо полное освобождение.

Меры по борьбе с размыванием налоговой базы и перемещением прибыли внутри страны (Base erosion and profit shifting, BEPS), утвержденные странами ОЭСР в 2016 году изменили ход игры. Если компании до этого могли ограничится формальными доказательствами как сбор сертификата резидентства с приведением оговорки о роялти в договоре, после утверждения указанных мер возможность применения льгот стала зависеть от оценки основной цели сделки, экономической

роли бенефициара и иных фактических обстоятельств взаимоотношений сторон. Таким образом, новый инструмент регулирования одновременно создает фильтр для проверки применимости льгот и проблему неединообразного правоприменения, особенно при сделках, где смешаны услуги и ноу-хау. Следовательно, цель статьи заключается в определении влияния теста влияние теста основной цели на возможность применения налоговых льгот и формировании практического списка доказательств для уменьшения риска двойного налогообложения.

Изменение логики предоставления налоговых льгот

Многосторонняя конвенция предусматривает минимальные стандарты для предотвращения злоупотреблений налоговыми льготами. На практике это обусловлено тем, что мультинациональные группы компаний переносят свои доходы в страны с низкими ставками налогов, тем самым снижая налогооблагаемый доход группы в целом[647]. В этой связи Многосторонняя конвенция закрепляет идею, что СИДН предназначено для устранения двойного налогообложения и не может быть инструментом искусственного снижения налогов или полного освобождения прибыли иностранной структуры[648]. В этом отношении Тест основной цели выступает в качестве «входного фильтра» к налоговой льготе[649]. Так оценке подлежат не только внешние признаки, но и основная структура, бенефициары прибыли и цели транзакции, которые не должны быть искусственно созданы ради льготных выгод. Если предоставление льгот противоречит объекту и целям налоговых льгот, в применение СИДН должно быть отказано. Примером этого может служить создание компании в стране с льготным налогообложением с последующей передачей объектов интеллектуальных прав. В итоге транснациональная группа заключает договор с такой собственной структурой и путем осуществления выплат последней получает неправомерные налоговые льготы. Именно для предотвращения схожих абьюзивных схем был разработан тест основной цели.

Беккер Йоханнес и другие в своих работах показывают, что налоговый риск в мультинациональных группах перераспределяется через границы от филиалов с высокими налоговыми ставками к филиалам с низкими налоговыми ставками[650] [2, с.6]. Согласно другим исследованиям, увеличение налоговой ставки в стране на один процент на доходы от патентов уменьшает количество внутригрупповых перемещаемых патентов в него на 7,6 процентов[651] и приводит к уменьшению патентных заявок на 3,5% – 3,8%[652]. Тогда как снижение налогов на роялти на один

---

[647] Vella J 'What is wrong with the international business tax system?' (2025) <https://academic.oup.com/jiel/article/27/4/596/7954484> 426 дата обращения: 18.12.2025, 1. Becker J, Johannesen N, Riedel N 'Taxation and the Allocation of Risk Inside the Multinational Firm' (2018) <https://nielsjohannesen.net/wp-content/uploads/BJR2020_JPubE.pdf> 3 дата обращения: 17.12.2025.

[648] OECD, 'A Decade of the BEPS Initiative' (2025) <https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2025/10/a-decade-of-the-beps-initiative_d6b0d93a/32096fd3-en.pdf> 18 дата обращения: 14.12.2025.

[649] OECD, 'Model Tax Convention on Income and on Capital, Condensed version' (2017) <https://www.oecd.org/en/publications/model-tax-convention-on-income-and-on-capital-2017-full-version_g2g972ee-en.html> 110 дата обращения: 16.12.2025.

[650] Dharmapala D 'What Do We Know about Base Erosion and Profit Shifting? A Review of the Empirical Literature' (2014) <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1475-5890.2014.12037.x> 427 дата обращения: 18.12.2025, Juranek S, Schindler D, Schneider A, Royalty taxation under tax competition and profit shifting (2018) <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/caje.12682> 1395 дата обращения: 18.12.2025.

[651] Ciaramella L 'Taxation and the Transfer of Patents: Evidence from Europe' (2022) <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0014292122001921> 3 дата обращения: 17.12.2025

[652] Gaessler F, Hall B, Harhoff D 'Should there be lower taxes on patent income?(2019)' <https://www.nber.org/system/files/working_papers/w24843/w24843.pdf> 5,6 дата обращения: 18.03.2026.

процент повышает поток роялти в страну на 6%[653]. Эмпирические данные показывают возможность коррелирования денежных потоков межнациональных групп путем налогового администрирования. В этой связи Многосторонняя конвенция дает право выбора инструментов регулирования всем договаривающимся странам. Страны могут принять какие-то условия с оговоркой, а другие принять целиком[654]. Иными словами, введенные минимальные стандарты для стран-участниц служат в роли сита (фильтра) для каждого вида транзакции, и, применяя эти стандарты, договаривающиеся страны могут четко регулировать в каждом конкретном случае возможность применения налоговых льгот.

Следовательно, Тест основной цели имеет двойственную природу: с одной стороны это антиабьюзный тест для бизнеса, с другой стороны это может стать инструментом субъективной оценки возможности применения налоговых льгот для налоговых органов[655]. Основной спор заключается в том, чтобы Тест основной цели оставался юридическим операционным тестом с четкими критериями оценки[656], и не сводился к взвешиванию намерений, не принимая во внимание доказуемые факты[657]. В соответствии с этим бизнес должен формировать условия договора исходя из его традиционного толкования с обозначением четких целей, что сформирует твердую доказательную базу[658]. Таким образом, риск возможности применения двойных стандартов снизится с увеличением шансов признания правомерности льготы для целей конкретной статьи СИДН.

Усиление риска переквалификации

Традиционно вопросы, связанные с налогообложением платежей за ноу-хау, регулируются статьей 12 СИДН, тогда как за услуги внедрения, поддержки и обычной предпринимательской прибыли – статьей 7 СИДН (путем применения теста основной цели)[659]. Проблема налогообложения начинается тогда, когда эти два вида прибыли выплачиваются по одному и тому же договору единым платежом. Смешанный тип договора может одновременно предусматривать продажу лицензии, внедрение, адаптацию и обучение персонала за единую цену без разбивки на виды платежей.

---

653 Dudar O, Spengel C, Voget J ‘The Impact of Taxes on Bilateral Royalty Flows’ (2015) <https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2641756> 3 дата обращения: 18.03.2026.

654 Reuven S. Avi-Yonah, Haiyan Xu ‘A Global Treaty Override? The New OECD Multilateral Tax Instrument and Its Limits’ (Michigan Journal of International Law, 2018) <https://heinonline.org/HOL/Page?handle=hein.journals/mjil39&id=167> 163 дата обращения: 09.03.2026, OECD, ‘Multilateral convention to implement tax treaty related measures to prevent base erosion and profit shifting’ (OECD Publishing 2016) <https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/topics/policy-sub-issues/beps-mli/multilateral-convention-to-implement-tax-treaty-related-measures-to-prevent-beps.pdf > 13 дата обращения: 17.12.2025.

655 Danon Robert J ‘The PPT in Post-BEPS Tax Treaty Law: It Is a GAAR but Just a GAAR!’ (2020) <https://api.unil.ch/iris/server/api/core/bitstreams/eab87bd6-708c-4d6a-aa2a-283790bf3726/content> 243 дата обращения: 09.03.2026

656 Craig Elliffe 'The Meaning of the Principal Purpose Test: One Ring to Bind Them All?' (World Tax, 2019) <https://heinonline.org/HOL/Page?handle=hein.journals/wldtxjrn2019&id=44> 54 дата обращения: 09.03.2026.

657 van Weeghel, S. ‘A Deconstruction of the Principal Purposes Test’ (2019) <https://heinonline.org/HOL/Page?handle=hein.journals/wldtxjrn2019&id=1> 7 дата обращения: 09.03.2026.

658 Всемирный банк, ‘Трансфертное ценообразование и развивающиеся экономики: Справочник’ (ВБ, 2016) < https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/53d1a833-ee48-5e71-b7f1-5237ae1a0cb4 > 205 дата обращения: 09.03.2026.

659 UN, ‘Model Double Taxation Convention between Developed and Developing Countries’ (2021) <https://financing.desa.un.org/sites/default/files/2023-05/UN%20Model_2021.pdf> 14, 21 дата обращения: 14.12.2025

Именно такие договоры приводят к спору о природе прибыли, и налоговые органы подвергают сомнению решение бизнеса о применении СИДН ссылаясь на[660]:

1. Компания указывает на роялти, однако платит за оказанные услуги, создавая искусственную оболочку и избегая налога у источника выплаты;
2. Формально контракт выполняет требования СИДН, но конечный получатель дохода не подтверждается документально либо получает прибыль через сквозные платежи (через посредника).

Таким образом, квалификация прибыли по СИДН и Тест основной цели неразрывно связаны, чем меньше доказательной базы, тем больше риск переквалификации.

Рост числа юридических лиц с иностранной формой собственности и увеличение потока межнациональных транзакций - естественный путь развития для инвестиционно-привлекательной страны. Как видно из таблицы, в Казахстане за два десятилетия присутствие юридических лиц с иностранным участием, как и количество платежей за интеллектуальную собственность, выросла многократно[661]. Соответственно значимость регулирования сферы налогообложения прибыли транснациональных групп за использование интеллектуальной собственности растет.

Показатель	2004	2014	2024
Количество компаний с иностранной формой собственности (ед.)	6 811	8 041	41 801
Платежи за использование интеллектуальной собственности, US$	35 900	1 776 000	12 790 370

Судебная практика

Хотя тест основной цели не так давно был представлен ОЭСР в рамках Многосторонней конвенции, мы уже видим типичные точки спора в Казахстанской реалиях. Это подтверждается судебной практикой, к примеру, в деле КаР-Тел несмотря на смешанный вид договора (техническое обслуживание, обновление программного обеспечения) суд пришел к выводу, что «в большинстве случаев платежи по роялти имеют периодический характер, то есть имеют признаки «ренты». В данном случае периодические платежи отсутствуют. Отсутствует также и разовый платеж по авторскому договору, поскольку платежи производились в рамках исполнения Договора ТО» [21, с. 21]. Вместе с тем риск переквалификация в роялти по причине «передачи коммерческого опыта» в качестве ноу-хау явно прослеживается в делах Гербалайф и Мэри Кэй. В частности, цепочка знаний, передаваемых локальным агентам по продаже суды признали в качестве ноу-хау, тем самым подкрепив необходимость удержания налога на стороне Казахстана [18, с. 5; 20, с. 5]. Аналогичный подход встречается и в делах о программном обеспечении: в деле Кселл суд приходит к выводу, что «приобретение оборудования совместно с неисключительным правом на ПО является основополагающим, а услуги по техническому обслуживанию носят вспомогательный характер. Следовательно, обложение выплат дохода в адрес нерезидента ООО «Мобигир» по приобретению ПО и технического обслуживания, правомерно признаны ответчиком доходами в форме роялти»[662]. Отдельного внимания заслуживает дело Грундфос, которая в свою

[660] OECD, 'Model Tax Convention on Income and on Capital, Condensed version' (2017) <https://www.oecd.org/en/publications/model-tax-convention-on-income-and-on-capital-2017-full-version_g2g972ee-en.html> 57-59; 761 дата обращения: 16.12.2025

[661] UNCTAD отчет (UNCTAD, 2026) <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/my-report/7810> дата обращения: 12.12.2025

[662] Специализированный межрайонный административный суд г. Алматы №7594-21-00-4/2130 от 10 февраля 2022 года

очередь ярко демонстрирует насколько важно иметь сильную доказательную базу для уменьшения риска переквалификации и двойного налогообложения [19, с. 6]. Таким образом, слабая доказательная база и размытые границы услуги vs. роялти всегда приводят к большим вопросам в отношении прибыли нерезидента, получаемой из казахстанских источников. Споры относительно квалификации платежей фактический создают основу для получения отрицательной оценки теста основной цели, и «искусственно» созданная структура будет на лицо.

В этой связи важно отметить, что согласно исследованиям ОЭСР – «Повышение эффективности механизмов разрешения споров - сводная информация о процедурах взаимного соглашения» в Казахстане процедуры взаимного соглашения в рамках согласования мер противодействия двойному налогообложению все еще разрабатываются[663].

Одним из ярких примеров отказа в льготах в европейских странах можно назвать «датские дела», которые демонстрируют основания отказа в льготах в связи с получением дохода посредником, не имеющим самостоятельной экономической роли, а прибыль транзитом переходила к третьим лицам[664]. Масштаб воздействия такого регулирования на бизнес существенный. В датском деле доначисление удерживаемого налога у источника составил порядка 124 миллиона евро, и это было результатом того, что получатель дохода был транзитной точкой в цепочке платежей. Вместе с тем казахстанский подход заметно отличается от указанного. Обновленный Налоговый кодекс Казахстана предусматривает отдельную статью, которая позволяет применять СИДН к прибыли, оседающий у посредника при условии раскрытия всей цепочки получателей дохода, включая конечного бенефициара. При этом важно упомянуть в договоре наименование посредника, суммы выплат и вознаграждений посреднику и суммы вознаграждения по каждому окончательному получателю вознаграждения через посредника. По сути, это важный шаг навстречу бизнесу со стороны государства, который предотвращает развитие теневых схем для применения налоговых льгот в межнациональных группах.

В свою очередь, индийские налоговые органы находят поддержку в судах при отказе предоставлении льгот по причине получения прибыли посредником и совершения сделок без объективных коммерческих целей. Однако, суды особо подчеркивают, что положения Многосторонней конвенции включая теста на основную цель не могут применяться налоговыми органами при отсутствии надлежащей внутренней имплементации во внутреннее право. То есть должны быть разработаны дополнительные внутренние инструменты, проведены разъяснительные работы, список возможных, объективных фактов, указывающие на применимость теста и только после этого государство вправе отказывать в применении льгот СИДН. При таком подходе произвольный отказ в налоговой льготе будет сведен к нулю. Следовательно такая практика внедрения была бы полезна всем странам, включая Казахстан.

В целях уменьшения риска переквалификации и отказа в льготе компании могут использовать модель действий, состоящую из двух этапов:

1) Сбор досье для теста основной цели, который позволит заранее зафиксировать коммерческую цель сделки, структуру платежей, включая:

---

[663] OECD, ‘Making Dispute Resolution Mechanisms More Effective – Consolidated Information on Mutual Agreement Procedures’ (2025) < https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/topics/policy-sub-issues/dispute-resolution/consolidated-information-on-mutual-agreement-procedures-2025.pdf> 243 дата обращения: 18.03.2026

[664] Grand Chamber N Luxembourg 1 (C-115/16), X Denmark A/S (C-118/16), C Danmark I (C-119/16), Z Denmark ApS (C-299/16) v Skatteministeriet dated 26 February 2019

- Описание бизнес-модели группы компаний, причины совершения определенной сделки (обладание одним участником определенных авторских прав, исключительных знаний, управленческой функцией, и прочее);
- Описание коммерческой функции получателя прибыли (обладатель интеллектуальной собственности, правами на управление активами группы, контрольная функция внутри группы и прочее);
- Схема распределения бюджета внутри группы, ключевой персонал, распределение прав и обязанностей, распределение расходов на развитие, адаптацию и прочее;
- Если платежи транзитные, описание причин, путем утверждения по возможности политики ведения бизнеса, формирования ценовой политики той или иной услуги. Не будет лишним указать в договоре наименование посредника, суммы выплат и вознаграждений посреднику и суммы вознаграждения по каждому окончательному получателю вознаграждения через посредника.

2) Сбор пакета доказательной базы:

- Для ноу-хау это может включать конфиденциальные условия передачи, обладание особенных знаний одной из сторон, существенных для развития бизнеса, результаты отдельных исследований, единые управленческие решения;
- Для услуг важно иметь техническое задание со стороны заказчика, график оказания услуг, акты выполненных работ с четкой привязкой к техническому заданию с разбивкой на виды услуг, отчеты исполнителя либо переписка свидетельствующая, что исполнитель фактический оказывал услуги, результат услуг (если применимо);
- Для смешанных договоров особенно важно разделение услуги от роялти. Этого можно добиться путем разделения услуг на этапы, четкого определения стоимости каждого вида услуг и ноу хау, ясный механизм передачи данных и результатов услуг.

Обычно компании-участники межнациональных групп подписывают шаблонные соглашения, разработанные холдинговой организацией. В таких условиях применения двухэтапной модели будет хорошим инструментом для оценки готовности группы к отражению риска доначисления. Исходя из изложенного, предложенная двухэтапная модель полезна тем, что покрывает сразу два риска: (а) снижает риск переквалификации и двойного налогообложения; (б) фильтр тест основной цели с достаточной доказательной базой будет готов на случай проверки со стороны контролирующих органов любой из сторон межнациональных транзакций.

Заключение

Тест основной цели изменил принцип доступности налоговых льгот СИДН. В результате необходимо не только доказать резидентство контрагента, но и деловую цель сделки, экономическую роль получателя прибыли, в случае наличия транзитного платежа, обязательно раскрыть данные посредника и собрать разумную доказательную базу для подтверждения содержания сделки. Отдельно стоит подчеркнуть, что риск переквалификации особенно остро стоит для транснациональных выплат за интеллектуальную собственность, так как природа объекта налогообложения не всегда ясна и видима для налоговых органов. Более того, такие права обычно передаются внутри группы совместно с услугами по внедрению, адаптации, обучению и прочее. Вследствие этого в смешанных договорах в обычной практике предмет услуги и результаты размыты. Соответственно, если каждый платеж не разграничен четкими критериями, это усложняет понимание природы сделки. Эта ситуация отражается в судебной практике. Казахстанская судебная практика показывает, что главной проблемой является доказательная база. В частности, компании зачастую самостоятельно освобождают прибыль иностранной холдинговой компании, основываясь на сертификате резидентства. Слабый набор

доказательной базы повышает риск переквалификации и двойного налогообложения. В этой связи планирование внутригрупповых сделок важный этап налогового структурирования для всех сторон сделки. Поэтому предложенная двухэтапная модель может закрыть основные риски переквалификации прибыли. В итоге, путем сбора достаточной доказательной базы компании могут существенно снизить будущие налоговые риски и избежать двойного налогообложения.

Список литературы:

1. Специализированный межрайонный административный суд г. Алматы №7594-21-00-4/2130 от 10 февраля 2022 года
2. Becker J, Johannesen N, Riedel N ‘Taxation and the Allocation of Risk Inside the Multinational Firm’ (2018) <https://nielsjohannesen.net/wp-content/uploads/BJR2020_JPubE.pdf>
3. Vella J ’What is wrong with the international business tax system?’ (2025) <https://academic.oup.com/jiel/article/27/4/596/7954484>
4. Всемирный банк, ‘Трансфертное ценообразование и развивающиеся экономики: Справочник’ (ВБ, 2016) < https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/53d1a833-ee48-5e71-b7f1-5237ae1a0cb4 >
5. Gaessler F, Hall B, Harhoff D ‘Should there be lower taxes on patent income?(2019)’ <https://www.nber.org/system/files/working_papers/w24843/w24843.pdf>
6. Danon Robert J ‘The PPT in Post-BEPS Tax Treaty Law: It Is a GAAR but Just a GAAR!’ (2020) <https://api.unil.ch/iris/server/api/core/bitstreams/eab87bd6-708c-4d6a-aa2a-283790bf3726/content>
7. Dudar O, Spengel C, Voget J ‘The Impact of Taxes on Bilateral Royalty Flows’ (2015) <https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2641756>
8. Dharmapala D ‘What Do We Know about Base Erosion and Profit Shifting? A Review of the Empirical Literature’ (2014) <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1475-5890.2014.12037.x>
9. Craig Elliffe 'The Meaning of the Principal Purpose Test: One Ring to Bind Them All?' (World Tax, 2019) <https://heinonline.org/HOL/Page?handle=hein.journals/wldtxjrn2019&id=44>
10. Grand Chamber N Luxembourg 1 (C-115/16), X Denmark A/S (C-118/16), C Danmark I (C-119/16), Z Denmark ApS (C-299/16) v Skatteministeriet dated 26 February 2019
11. OECD, ‘Model Tax Convention on Income and on Capital, Condensed version’ (2017) <https://www.oecd.org/en/publications/model-tax-convention-on-income-and-on-capital-2017-full-version_g2g972ee-en.html>
12. UN, ‘Model Double Taxation Convention between Developed and Developing Countries’ (2021) <https://financing.desa.un.org/sites/default/files/2023-05/UN%20Model_2021.pdf>
13. OECD, ‘Multilateral convention to implement tax treaty related measures to prevent base erosion and profit shifting’ (OECD Publishing 2016) <https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/topics/policy-sub-issues/beps-mli/multilateral-convention-to-implement-tax-treaty-related-measures-to-prevent-beps.pdf >
14. OECD, ‘A Decade of the BEPS Initiative’ (2025) <https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2025/10/a-decade-of-the-beps-initiative_d6b0d93a/32096fd3-en.pdf>
15. OECD, ‘Making Dispute Resolution Mechanisms More Effective – Consolidated Information on Mutual Agreement Procedures’ (2025) < https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/topics/policy-sub-issues/dispute-resolution/consolidated-information-on-mutual-agreement-procedures-2025.pdf>

16. Reuven S. Avi-Yonah, Haiyan Xu ‘A Global Treaty Override? The New OECD Multilateral Tax Instrument and Its Limits’ (Michigan Journal of International Law, 2018) <https://heinonline.org/HOL/Page?handle=hein.journals/mjil39&id=167>
17. van Weeghel, S ‘A Deconstruction of the Principal Purposes Test’ (2019) <https://heinonline.org/HOL/Page?handle=hein.journals/wldtxjrn2019&id=1>
18. Верховный Суд Республики Казахстан №6001-22-00-6ап/2712 (2) от 21 июля 2023 года
19. Специализированный межрайонный административный суд г. Алматы №7594-21-00-4/2066 от 14 февраля 2022 года
20. Специализированный межрайонный административный суд г. Алматы №7594-25-00-4/1131 от 16 мая 2025 года
21. Верховный Суд Республики Казахстан №6001-18-00-3Г/70 от 12 февраля 2018 года
22. Ciaramella L, Taxation and the Transfer of Patents: Evidence from Europe (2022) <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0014292122001921>
23. Juranek S, Schindler D, Schneider A, Royalty taxation under tax competition and profit shifting (2018) <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/caje.12682>
24. UNCTAD отчет (UNCTAD, 2026) <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/my-report/7810>

Кенжебулатова Сания Еркиновна
Магистрант 2 курса специальности «Международное право»
Высшая школа права Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республика Казахстан
E-mail: s.kenzhebulatova@gmail.com

МОНИТОРИНГ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ О ЗАЙМЕ, ЗАКЛЮЧЕННЫХ МЕЖДУ РЕСПУБЛИКОЙ КАЗАХСТАН И ЕВРОПЕЙСКИМ БАНКОМ РЕКОНСТРУКЦИИ И РАЗВИТИЯ

Аннотация

В данной статье рассматриваются особенности мониторинга международных договоров о займе, заключенных между Республикой Казахстан и Европейским банком реконструкции и развития (далее - ЕБРР). Актуальность исследования обусловлена значительной ролью заемных средств ЕБРР в реализации инфраструктурных, энергетических и институциональных проектов, а также необходимостью обеспечения прозрачности и эффективности их использования. Целью статьи является анализ правовых и организационных механизмов мониторинга исполнения указанных договоров, а также выявление существующих проблем и направлений их совершенствования. В работе исследуются нормы национального законодательства Республики Казахстан, регулирующие заключение и исполнение соглашений о займе, а также практика взаимодействия государственных органов с ЕБРР в процессе контроля за целевым использованием средств. Особое внимание уделяется процедурам отчетности, оценке эффективности проектов, механизмам внутреннего и внешнего контроля, а также роли уполномоченных государственных органов в процессе мониторинга. Выявляются ключевые проблемы, включая недостаточную координацию между ведомствами, ограниченность механизмов оценки результатов и риски несвоевременного исполнения обязательств. В результате исследования формулируются предложения по совершенствованию системы мониторинга, направленные на повышение прозрачности, усиление институциональной ответственности и внедрение современных цифровых инструментов контроля. Сделан вывод о необходимости комплексного подхода к мониторингу международных договоров о займе как важного элемента обеспечения устойчивого экономического развития Республики Казахстан.

Ключевые слова: Международный договор займа, государственный долг, внешние заимствования, мониторинг, контроль исполнения, государственное управление, правовое регулирование, международное сотрудничество, эффективность проектов.

Аннотация

Бұл мақалада Қазақстан Республикасы мен Еуропалық қайта құру және даму банкі (бұдан әрі – ЕҚДБ) арасында жасалған халықаралық қарыз шарттарын мониторингілеудің ерекшеліктері қарастырылады. Зерттеудің өзектілігі ЕҚДБ қарыз қаражатының инфрақұрылымдық, энергетикалық және институционалдық жобаларды іске асырудағы маңызды рөлімен, сондай-ақ олардың пайдаланылуының ашықтығы мен тиімділігін қамтамасыз ету қажеттілігімен обусловлена. Мақаланың мақсаты аталған шарттардың орындалуын мониторингілеудің құқықтық және ұйымдастырушылық механизмдерін талдау, сондай-ақ бар проблемалар мен оларды жетілдіру бағыттарын анықтау болып табылады. Жұмыста қарыз келісімдерін жасасу мен орындауды реттейтін Қазақстан Республикасының ұлттық заңнамасының нормалары, сондай-ақ қаражатты мақсатты пайдалануды бақылау процесінде мемлекеттік органдардың ЕҚДБ-мен өзара іс-қимыл практикасы зерттеледі. Есептілік

рәсімдеріне, жобалардың тиімділігін бағалауға, ішкі және сыртқы бақылау механизмдеріне, сондай-ақ мониторинг процесіндегі уәкілетті мемлекеттік органдардың рөліне ерекше назар аударылады. Ведомствоаралық үйлестірудің жеткіліксіздігі, нәтижелерді бағалау механизмдерінің шектеулілігі және міндеттемелерді уақтылы орындамау тәуекелдері сияқты негізгі проблемалар анықталады. Зерттеу нәтижесінде ашықтықты арттыруға, институционалдық жауапкершілікті күшейтуге және заманауи цифрлық бақылау құралдарын енгізуге бағытталған мониторинг жүйесін жетілдіру бойынша ұсыныстар тұжырымдалады. Халықаралық қарыз шарттарын мониторингілеуге кешенді көзқарастың Қазақстан Республикасының тұрақты экономикалық дамуын қамтамасыз етудің маңызды элементі ретіндегі қажеттілігі туралы қорытынды жасалды.

Түйін сөздер: халықаралық қарыз шарты, мемлекеттік борыш, сыртқы қарыздар, мониторинг, орындалуды бақылау, мемлекеттік басқару, құқықтық реттеу, халықаралық ынтымақтастық, жобалардың тиімділігі.

Abstract

This article examines the specifics of monitoring international loan agreements concluded between the Republic of Kazakhstan and the European Bank for Reconstruction and Development (hereinafter – EBRD). The relevance of the study is determined by the significant role of EBRD loan funds in the implementation of infrastructure, energy and institutional projects, as well as the need to ensure transparency and efficiency of their use. The purpose of the article is to analyse the legal and organisational mechanisms for monitoring the performance of these agreements, as well as to identify existing problems and directions for their improvement. The study examines the norms of national legislation of the Republic of Kazakhstan governing the conclusion and performance of loan agreements, as well as the practice of interaction between state bodies and the EBRD in the process of controlling the targeted use of funds. Special attention is given to reporting procedures, project performance assessment, internal and external control mechanisms, and the role of authorised state bodies in the monitoring process. Key problems are identified, including insufficient inter-agency coordination, limited result assessment mechanisms and risks of untimely fulfilment of obligations. As a result of the study, proposals are formulated for improving the monitoring system aimed at enhancing transparency, strengthening institutional accountability and introducing modern digital control tools. A conclusion is drawn on the need for a comprehensive approach to monitoring international loan agreements as an important element of ensuring sustainable economic development of the Republic of Kazakhstan.

Keywords: international loan agreement, public debt, external borrowings, monitoring, performance control, public administration, legal regulation, international cooperation, project effectiveness.

Введение

В настоящее время Республика Казахстан (далее - РК) является членом международных финансовых организаций, к которым относятся: Международный Валютный Фонд (далее – МВФ), Международный Банк Реконструкции и Развития (далее - МБРР), Международная Финансовая Корпорация (далее - МФК), Международная Ассоциация Развития (далее – МАР), Многостороннее Агентство Гарантии Инвестиций (далее - МАГИ), Международный Центр по Урегулированию Инвестиционных Споров (далее - МЦУИС), Европейский Банк Реконструкции и Развития (далее - ЕБРР), Азиатский Банк Развития (далее - АБР), Исламский Банк Развития (далее - ИБР), Азиатский Банк Инфраструктурных Инвестиций (далее -

АБИИ)[665]. Согласно последним статистическим данным, предоставленным Национальным Банком РК (далее - НБРК) эти организации по состоянию на 01 октября 2025 года предоставили займы на общую сумму 14 135 000 000 долларов США. Из этой суммы более половины, а именно - 6 253 000 000 долларов США, были выданы органам государственного управления и центральному банку страны - 2 153 000 000 долларов США[666]. За почти десятилетний период объем государственного долга Казахстана в номинальном выражении увеличился примерно в три раза. Однако следует отметить, что государственный долг Республики Казахстан в целом остается на контролируемом уровне, но требует регулярного мониторинга и реализации стратегических мер, направленных на предотвращение потенциальных рисков[667].

К основным факторам, обусловившим рост государственного долга Казахстана, прежде всего относятся экономические кризисы, вызванные снижением мировых цен на нефть, пандемией COVID-19 2020 года, а также геополитической нестабильностью. В совокупности эти обстоятельства усилили потребность государства в заимствованиях для поддержания экономической устойчивости. Для преодоления указанных вызовов потребовались значительные бюджетные ресурсы, направленные главным образом на реализацию антикризисных мер, включая предоставление субсидий и налоговых льгот, что, в свою очередь, привело к увеличению дефицита бюджета, финансируемого за счет внутренних и внешних заимствований. Дополнительное давление на государственные финансы оказывает рост социальных обязательств, в том числе повышение заработной платы и пенсионных выплат. Существенным фактором выступает также реализация масштабных национальных проектов, требующих значительных инвестиций, включая развитие транспортной и энергетической инфраструктуры. К числу таких проектов относятся строительство магистральных дорог, модернизация городской инфраструктуры в крупных городах Казахстана, а также развитие промышленного сектора, включая автомобилестроение, железнодорожное машиностроение и производство строительных и теплоизоляционных материалов[668].

Участие ЕБРР в финансировании инфраструктурных, энергетических и институциональных проектов обусловливает необходимость не только надлежащего правового регулирования договоров займа, но и эффективного мониторинга их исполнения. В этом контексте мониторинг международных договоров о займе выступает важнейшим инструментом обеспечения прозрачности, подотчетности и результативности использования заемных средств. Кроме того, рост внешних заимствований страны поднимает вопрос об эффективности планирования и использования привлеченных денежных средств. Важно отметить, что практически ежегодно депутаты парламента республики заявляют о нерациональном использовании правительством заемных средств[669]. К примеру, сенатор Макежанов С.

---

[665] Закон Республики Казахстан ‘О членстве Республики Казахстан в Международном Валютном Фонде, Международном Банке Реконструкции и Развития, Международной Финансовой Корпорации, Международной Ассоциации Развития, Многостороннем Агентстве Гарантии Инвестиций, Международном Центре по Урегулированию Инвестиционных Споров, Европейском Банке Реконструкции и Развития, Азиатском Банке Развития, Исламском Банке Развития, Азиатском Банке Инфраструктурных Инвестиций’ от 6 декабря 2001 года № 264 <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z010000264_> дата обращения: 31.03.2026 г.

[666] Национальный Банк Республики Казахстан, ‘Внешний долг Республики Казахстан на 1 октября 2025 года’ <https://nationalbank.kz/ru/news/vneshniy-dolg> дата обращения: 31.03.2026 г.

[667] Жанакова Н.Н., Сутбаева Р.О., Казанбаева Ж.С., Корвякова И.В. и Мангибаева Д.Д., ‘Анализ государственного долга Республики Казахстан и его оценка’ (2025) 2(97) *Статистика, учет и аудит* 62 <https://doi.org/10.51579/1563-2415.2025.-2.05> 65 дата обращения: 31.03.2026 г.

[668] Ibid 66.

[669] Горбунова А., ‘Госдолг РК растет. Кто должен отвечать за неосвоение внешних займов?’ *Forbes Kazakhstan*

отмечает отсутствие информации о достигнутых результатах освоения займов, регулярном продлении сроков освоения заемных средств, неясном раскрытии социально-экономического эффекта от реализации проектов, а также о слабом контроле и мониторинге со стороны государственных органов за исполнением проектов по заключенным международным соглашениям. В связи с этим, необходимо дальнейшее совершенствование государственного управления и законодательного регулирования в области международных договоров о займе в РК[670].

В статье 20 Закона «О международных договорах Республики Казахстан»[671] предусматривается, что общее наблюдение и контроль за выполнением международных договоров Республики Казахстан осуществляет Министерство иностранных дел РК (далее - МИД РК), также им ведется Единая государственная система регистрации, учета и хранения международных договоров РК (статья 25).

Мониторинг за обеспечением выполнения международных договоров осуществляется в порядке, определенном приказом МИД РК, в компетенцию которого относится общее наблюдение и контроль за выполнением международных договоров и координация деятельности ответственных структурных подразделений[672]. Информационный обмен в процессе управления внешними заимствованиями и системного анализа состояния долга происходит только между государственными органами[673]. В целях повышения эффективности управления и контроля международные договоры займа, которые взяты правительством или центральным банком страны должны отражаться в отчетах и открытых интернет-источниках. В данный момент в отечественном информационном пространстве нет данных об их текущем статусе.

Следовательно, возникает вопрос о наличии эффективности осуществления системы контроля и мониторинга исполнения международных договоров РК о займе.

Целью настоящей статьи является определение того, исполняются ли условия международных договоров займа заключенных между РК и ЕБРР, а также осуществляется ли эффективный контроль целевого использования заемных средств государственными органами.

Данная цель будет достигаться путем анализа содержания законов о ратификации соглашений о займе заключенных между РК и ЕБРР.

Анализ законодательства в сфере мониторинга международных договоров займа в РК

Учрежденный в 1991 году после окончания «холодной войны» ЕБРР инвестирует в проекты в странах от Центральной Европы до Центральной Азии, а также в странах Южного и Восточного Средиземноморья с целью перехода к открытой рыночной экономике. Акционерами банка являются 65 стран, а также две

<https://forbes.kz/process/gosdolg_rk_rastet_kto_doljen_otvechat_na_neosvoenie_vneshnih_zaymov/> дата обращения: 31.03.2026 г.

[670] 'Вопросы эффективного использования внешних государственных займов Республики Казахстан обсудили в Сенате' *Казинформ* (15 февраля 2022) <https://www.inform.kz/ru/voprosy-effektivnogo-ispol-zovaniya-vneshnih-goszaymov-rk-obsudili-v-senate_a3899813> дата обращения: 31.03.2026 г.

[671] Закон Республики Казахстан 'О международных договорах Республики Казахстан' от 30 мая 2005 года №54 <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000054_#z153> дата обращения: 31.03.2026 г.

[672] Приказ Министра иностранных дел Республики Казахстан от 31 марта 2022 года № 11-1-4/135 'Об утверждении Правил мониторинга за обеспечением выполнения международных договоров Республики Казахстан' <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2200027384> дата обращения: 31.03.2026 г.

[673]Даулетбаева Л и Калкабаева ГМ, 'Современное состояние и проблемы управления внешним долгом Республики Казахстан' (2013) 3(71) *Вестник Карагандинского университета. Серия «Экономика»* 62–69. <https://rmebrk.kz/journals/1741/73504.pdf> дата обращения: 31.03.2026 г.

международные организации: Европейский союз и Европейский инвестиционный банк[674][675].

Наша страна является членом ЕБРР с 27 июля 1992 года. Взаимоотношения и процесс осуществления внешнего заимствования между РК и ЕБРР регулируется Законом РК от 11 февраля 2014 года №172-V ЗРК «О ратификации Соглашения между Республикой Казахстан и Европейским Банком Реконструкции и Развития относительно сотрудничества и деятельности Европейского Банка Реконструкции и Развития в Республике Казахстан»[676].

Правовая природа международных договоров о займе, заключаемых между Республикой Казахстан и ЕБРР, характеризуется их комплексным характером. С одной стороны, такие договоры относятся к сфере международного публичного права, поскольку заключаются государством с международной организацией и регулируются нормами международного права. С другой стороны, они содержат элементы частноправового регулирования, включая финансовые условия, механизмы обеспечения исполнения обязательств и ответственность сторон. Данный дуализм правовой природы обусловливает необходимость комплексного подхода к мониторингу, который должен учитывать как международно-правовые обязательства государства, так и особенности финансово-правовых отношений.

Согласно Конституции Республики Казахстан[677] и Закону «О международных договорах Республики Казахстан»[678], международные договоры являются частью национальной правовой системы и подлежат обязательному исполнению. Это означает, что государственные органы обязаны обеспечивать не только формальное соблюдение условий договоров, но и достижение целей, ради которых они заключались. В этой связи мониторинг выступает как систематическая деятельность по сбору, анализу и оценке информации о ходе исполнения международных обязательств, направленная на выявление рисков и принятие управленческих решений.

Соглашения о предоставлении займов и кредитов заключенные между нашим государством и международными финансовыми институтами влекут за собой издание законодательных актов[679]. В пункте 6 статьи 11 Закона РК «О международных договорах Республики Казахстан» от 30 мая 2005 года указано, что ратификации подлежат договоры о государственных займах[680]. Учет же международных договоров о займе определяется Постановлением Правительства Республики Казахстан от 3 июля 2025 года № 506 «Об утверждении Правил регистрации и учета государственных и гарантированных государством займов, займов под поручительство государства, государственных гарантий, государственных гарантий по поддержке экспорта и

---

[674] Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР), ‘О нас’ <https://www.ebrd.com/ru/about-us.html> дата обращения: 31.03.2026 г.

[675] Ассоциация «Казахстанский совет иностранных инвесторов», ‘Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР): справка о деятельности’ <https://fic.kz/ru/kfica/members/26> дата обращения: 31.03.2026 г.

[676] Закон РК от 11 февраля 2014 года №172-V ЗРК ‘О ратификации Соглашения между Республикой Казахстан и Европейским Банком Реконструкции и Развития относительно сотрудничества и деятельности Европейского Банка Реконструкции и Развития в Республике Казахстан’ <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000172> дата обращения: 31.03.2026 г.

[677] Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_> дата обращения: 31.03.2026 г.

[678] Закон Республики Казахстан ‘О международных договорах Республики Казахстан’ от 30 мая 2005 года №54 <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000054_#z153> дата обращения: 31.03.2026 г.

[679] Сафонова О.Н., ‘Взаимодействие права Республики Казахстан и международного права’ (2001) 3 *Московский журнал международного права* 12–23

[680] Закон Республики Казахстан ‘О международных договорах Республики Казахстан’ от 30 мая 2005 года №54 <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000054_#z153> дата обращения: 31.03.2026 г.

поручительств государства»[681]. Как указано в законодательном акте, учет займов, привлеченных Правительством РК, проводится путем внесения в журнал регистрации основных учетных характеристик договора займа (номер и дата оформления займа, вид займа, кредитор, валюта и сумма займа, срок займа, ставка вознаграждения). Порядок хранения оригиналов международных договоров о государственных займах регламентируется Законом Республики Казахстан "О международных договорах Республики Казахстан"[682].

Кроме того, нормативно-правовую основу мониторинга международных договоров в Казахстане составляют Правила мониторинга за обеспечением выполнения международных договоров Республики Казахстан, утвержденные в 2022 году[683]. Указанный акт закрепляет институциональные механизмы мониторинга, включая распределение полномочий между государственными органами, порядок взаимодействия и требования к отчетности. В частности, мониторинг осуществляется на постоянной основе профильными государственными органами, ответственными за реализацию соответствующих договоров, тогда как координация данной деятельности возлагается на Министерство иностранных дел Республики Казахстан. Таким образом, формируется многоуровневая система мониторинга, основанная на принципах межведомственного взаимодействия и ответственности.

Помимо этого, в ходе проведенного исследования автором настоящей статьи было выявлено, что Департамент государственного заимствования Управления государственных внешних займов Министерства финансов Республики Казахстан в своей работе при подписании международных договоров займа руководствуется следующими **нормативно-правовыми актами:**

Кодекс Республики Казахстан от 15 марта 2025 года №171-VIII. Бюджетный кодекс Республики Казахстан - Раздел 7, глава 28-29;

Приказ Министра финансов Республики Казахстан от 30 июня 2025 года № 331. Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 1 июля 2025 года № 36364 О некоторых вопросах государственного, гарантированного государством заимствования, поручительств государства (приложение 1, 5, 7, 9);

Постановление Правительства Республики Казахстан от 17 июня 2025 года № 456 «Об утверждении Правил представления отчетности по государственным внешним займам и софинансированию из республиканского бюджета».

Особое место в системе мониторинга занимают договоры займа с ЕБРР, которые отличаются рядом специфических характеристик. Прежде всего, следует отметить их целевой характер: предоставляемые средства направляются на реализацию конкретных проектов, имеющих стратегическое значение для развития экономики страны. Кроме того, ЕБРР предъявляет высокие требования к прозрачности, экологической устойчивости и социальной ответственности проектов, что отражается в условиях договоров займа.[684]

---

[681] Постановление Правительства Республики Казахстан от 3 июля 2025 года № 506 ‘Об утверждении Правил регистрации и учета государственных и гарантированных государством займов, займов под поручительство государства, государственных гарантий, государственных гарантий по поддержке экспорта и поручительств государства’ <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2500000506> дата обращения: 31.03.2026 г.

[682] Закон Республики Казахстан ‘О международных договорах Республики Казахстан’ от 30 мая 2005 года №54 <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000054_#z153> дата обращения: 31.03.2026 г.

[683] Приказ Министра иностранных дел Республики Казахстан от 31 марта 2022 года № 11-1-4/135 ‘Об утверждении Правил мониторинга за обеспечением выполнения международных договоров Республики Казахстан’ <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2200027384> дата обращения: 31.03.2026 г.

[684] European Bank for Reconstruction and Development, ‘Kazakhstan Overview’ <https://www.ebrd.com/home/what-we-do/where-we-invest/kazakhstan.html> дата обращения: 31.03.2026 г.

Кроме того, в ходе прохождения исследовательской практики стало известно, что по состоянию на 31 декабря 2025 года государственный долг перед ЕБРР составил 32 734 392 тыс. тенге по нижеследующим договорам займа:

Закон Республики Казахстан от 7 июля 2009 года № 169-IV О ратификации Соглашения о займе (Проект дорожного коридора Юг - Запад (Международный транзитный коридор "Западная Европа - Западный Китай") между Республикой Казахстан и Европейским Банком Реконструкции и Развития[685]. Операция № 39258.

Закон Республики Казахстан от 10 января 2014 года № 157-V ЗРК О ратификации Дополнительного соглашения № 1 к Соглашению о займе от 30 марта 2009 года (Проект дорожного коридора Юг - Запад (Международный транзитный коридор Западная Европа - Западный Китай) между Республикой Казахстан и Европейским Банком Реконструкции и Развития

Цель проекта - реконструкция и модернизации дороги протяженностью 102 км, пролегающей от границы Российской Федерации до города Актобе, являющейся частью Международного транзитного коридора "Западная Европа – Западный Китай", и (ii) реконструкции участка дороги протяженностью 62 км между международным пунктом пересечения границы "Жибек жолы" на границе с Республикой Узбекистан и постом на 742 км дороги "Шымкент - Ташкент", которая является частью Международного транзитного коридора "Западная Европа - Западный Китай", связывающего Европу с Китаем

Срок проекта: часть Первоначального Проекта будет завершена к 31 декабря 2013 года.

Исполнитель - Министерство транспорта и коммуникаций.

Часть Проекта Дороги Ш-Т будет завершена к 31 декабря 2016 года

Сумма займа - 180 000 000 долларов США.

Дата погашения - 14 февраля 2028 года.

Последней датой использования займа будет 10 января 2018 года

Заем основывается на плавающей процентной ставке

В результате экономии по проекту подписали дополнительное соглашение №1 для перераспределения средств в сумме 54 500 000 долларов США для финансирования проекта по реконструкции участка дороги «Шымкент – Ташкент» согласно которому были внесены изменения.

Закон Республики Казахстан от 2 июля 2013 года № 114-V О ратификации Соглашения о займе (Реконструкция участка дороги Шымкент - Ташкент) между Республикой Казахстан и Европейским Банком Реконструкции и Развития[686]. Идентификат займа №4327.

Проект - помощь в реконструкции участка дороги протяженностью 62 км между международным пунктом пересечения границы «Жибек жолы» на границе с Республикой Узбекистан и постом на 742 км дороги Шымкент – Ташкент. Проект является частью модернизации Международного транзитного коридора Западная Европа – Западный Китай, связывающего Европу с Китаем.

Срок проекта - ожидается, что проект будет завершен к 31 декабря 2016 года.

Исполнительный орган - Министерство транспорта и коммуникаций и Комитет автомобильных дорог Министерства транспорта и коммуникаций.

---

[685] Закон Республики Казахстан от 7 июля 2009 года № 169-IV ‘О ратификации Соглашения о займе (Проект дорожного коридора Юг - Запад (Международный транзитный коридор "Западная Европа - Западный Китай") между Республикой Казахстан и Европейским Банком Реконструкции и Развития’ <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z090000169_#z2> дата обращения: 31.03.2026 г.

[686] Закон Республики Казахстан от 2 июля 2013 года № 114-V ‘О ратификации Соглашения о займе (Реконструкция участка дороги Шымкент - Ташкент) между Республикой Казахстан и Европейским Банком Реконструкции и Развития’ <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000114#z2> дата обращения: 31.03.2026 г.

Сумма займа - 142 000 000 долларов США.
Дата погашения - 15 июля 2030 года.
Последней датой использования займа будет 10 января 2018 года
Заем основывается на плавающей процентной ставке.

Кроме того, автором с помощью информационно-правовой системы нормативных правовых актов РК «Әділет» был проведен анализ погашенных международных договоров, заключенных в форме соглашений о предоставлении заемных соглашений о предоставлении заемных средств ЕБРР. В результате проведенного исследования и анализа условий внешних займов предоставленных ЕБРР следует отметить, что основная доля кредитных средств была направлена в основном на развитие автодорожной отрасли страны. В целом договоры можно охарактеризовать как долгосрочные займы с плавающей ставкой вознаграждения, выданные в основном в долларах США.

Еще одной особенностью является наличие в договорах так называемых «условных обязательств», связанных с проведением реформ или достижением определенных институциональных показателей. Таким образом, мониторинг таких договоров выходит за рамки чисто финансового контроля и включает оценку более широких социально-экономических эффектов. Это требует применения комплексных методик оценки, включающих как количественные, так и качественные показатели.

Следует подчеркнуть, что международные финансовые организации, предоставляя внешние займы, обеспечивают комплексное сопровождение проектов, оказывая поддержку на всех этапах их реализации - от разработки до завершения. На стадии подготовки проекта такие организации проводят всестороннюю экспертизу, направленную на оценку его экономических, технических, институциональных, финансовых, экологических и социальных параметров. В ходе реализации проекта как со стороны Правительства, так и со стороны международных финансовых организаций осуществляется регулярный мониторинг, включающий контроль закупочных процедур и осуществляемых платежей. При закупке товаров, работ и услуг применяются правила международных финансовых организаций, что обеспечивает участие в конкурсах международных компаний с высокой квалификацией и значительным опытом работы на глобальном уровне[687].

Таким образом, практика показывает, что мониторинг международных договоров займа, заключенных с ЕБРР, осуществляется по нескольким ключевым направлениям. Во-первых, это финансовый контроль координирующим министерством и Министерством Финансов РК, включающий проверку целевого использования средств, соблюдение графиков выплат и условий кредитования. Во-вторых, проектный мониторинг, осуществляемый координирующим министерством, направленный на оценку хода реализации финансируемых проектов, их соответствия установленным срокам и показателям эффективности. В-третьих, это отчетность, предусматривающая регулярное представление информации о ходе исполнения договоров координирующим министерством и Министерством Финансов в уполномоченные органы. Наконец, важную роль играет международный контроль, осуществляемый самим ЕБРР, который включает проведение аудитов, оценку рисков и мониторинг соблюдения стандартов.

Критерии для мониторинга международных договоров займа

Несмотря на огромные суммы предоставляемых заемных средств в транспортную отрасль республики в страновой стратегии на 2022-2027 годы было

[687] Министерство финансов Республики Казахстан, ‘Какое влияние оказывают внешние займы на экономику?’ <https://www.gov.kz/memleket/entities/minfin/press/news/details/505208?lang=ru> дата обращения: 31.03.2026 г.

отмечено, что качество автомобильных перевозок в РК входит в десятку худших стран ЕБРР. Эффективность и доступность воздушного транспорта и услуг морского порта также находится ниже среднего уровня. При этом, число погибших на дорогах является одним из самых высоких в мире. В общем, международным институтом также отмечено, что финансовая прозрачность в РК отстает от среднего уровня ЕБРР и центрально-азиатского региона, а также качество инфраструктуры, логистики и компетентности, способность отслеживания и контроля находятся на самом низком уровне[688]. Это говорит о том, что для достижения мировых стандартов качества государству следует усилить контроль за надлежащим исполнением международных договоров займа не только в части погашения обязательств и выполнения сроков, но и в оценке выполненных работ по международным договорам.

Таким образом, можно утверждать, что в РК создан и действует определенный механизм привлечения и использования международных кредитов, формирующих внешнюю задолженность страны. Однако, в текущий момент в стране происходит пересмотр внешнедолговой стратегии страны в сторону ее ужесточения, предпринимаются активные усилия по стабилизации отношений с зарубежными инвесторами с целью сокращения нагрузки и оздоровления портфеля[689]. Следует отметить, что для обеспечения устойчивости государственного долга немаловажную роль играет повышение прозрачности долговой политики, включая улучшение отчетности и контроля над государственными заимствованиями[690].

Несмотря на наличие формально выстроенной системы мониторинга, на практике возникают определенные проблемы, снижающие его эффективность. Одной из ключевых проблем является недостаточная координация между государственными органами, вовлеченными в процесс исполнения договоров. Различные ведомства могут использовать разные подходы к сбору и анализу информации, что затрудняет формирование целостной картины. Кроме того, наблюдается недостаточная развитость аналитических инструментов оценки эффективности проектов, что приводит к формальному характеру отчетности. В ряде случаев отчеты ограничиваются описанием выполненных мероприятий, не содержащим глубокого анализа достигнутых результатов.

Дополнительным фактором, осложняющим мониторинг, является недостаточный уровень цифровизации процессов. Отсутствие единой информационной системы, объединяющей данные о международных договорах и ходе их исполнения, приводит к фрагментарности информации и снижает оперативность принятия решений. Международные исследования, в том числе проведенные Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), подчеркивают необходимость совершенствования правовой и институциональной среды в странах Центральной Азии, включая Казахстан, с целью повышения эффективности реализации инвестиционных проектов и исполнения договорных обязательств[691].

---

[688] Европейский банк реконструкции и развития, *Страновая стратегия по Казахстану 2022–2027* (2022) <https://www.ebrd.com/content/dam/ebrd_dxp/assets/pdfs/country-strategies/kazakhstan/Local-Language-Translation.pdf> дата обращения: 31.03.2026 г.

[689] Даулетбаева Л и Калкабаева ГМ, 'Современное состояние и проблемы управления внешним долгом Республики Казахстан' (2013) 3(71) *Вестник Карагандинского университета. Серия «Экономика»* 62–69. <https://rmebrk.kz/journals/1741/73504.pdf> дата обращения: 31.03.2026 г.

[690] Жанакова Н.Н., Сутбаева Р.О., Казанбаева Ж.С., Корвякова И.В. и Мангибаева Д.Д., 'Анализ государственного долга Республики Казахстан и его оценка' (2025) 2(97) *Статистика, учет и аудит* 62 <https://doi.org/10.51579/1563-2415.2025.-2.05> дата обращения: 31.03.2026 г.

[691] OECD, *Совершенствование правовой среды предпринимательства и инвестиционной деятельности в странах Центральной Азии: отчет о прогрессе* (Paris: OECD Publishing 2023) <https://doi.org/10.1787/6151f6c2-ru> дата обращения: 31.03.2026 г.

В этом контексте представляется целесообразным обратиться к международному опыту мониторинга договоров займа. В ряде стран используются цифровые платформы, позволяющие в режиме реального времени отслеживать ход реализации проектов, анализировать ключевые показатели эффективности и выявлять отклонения. Например, в США каждый гражданин может увидеть, какие обязательства он лично «несет» по обслуживанию государственного долга страны. Конечно, прозрачность не будет гарантировать лучшую политику в управлении внешним долгом, но позволит повысить эффективность и оперативно выявлять пробелы и отслеживать взаимосвязь влияния долга на экономику государства[692]. Кроме того, международными финансовыми организациями настоятельно рекомендуется практика привлечения независимых аудиторов и консультантов, что повышает объективность оценки[693][694]. Важным элементом является также обеспечение прозрачности, включая публикацию информации о проектах и их результатах[695][696].

В мировой практике сформировались различные институциональные модели управления государственным долгом. Так, в Дании, Исландии и Китае регулирование внешнего государственного долга осуществляется центральными банками. В ряде стран, включая Канаду, Чехию и Израиль, эти функции возложены на министерства финансов; аналогичный подход применяется в Японии, Республике Корея, Мексике, Норвегии, Польше, Испании, Швейцарии и других государствах. В то же время в Австрии, Швеции, Венгрии, Словакии, Португалии и некоторых других странах действуют специализированные агентства по управлению государственным долгом[697]. Таким образом, мировая практика управления внешним государственным долгом не выработала единой модели определения правового статуса долгового агентства. В одних странах соответствующие функции возложены на специализированные компании - долговые агентства, в других - реализуются в рамках государственных органов. При этом сторонники первой модели акцентируют внимание на ее преимуществе в виде институциональной независимости от различных групп влияния и лоббистских интересов. В свою очередь, аргументы в пользу второй модели связаны с необходимостью тесной координации политики управления государственным долгом с налогово-бюджетной и денежно-кредитной политикой государства.

Вместе с тем функционирование системы управления в рамках многоуровневых бюрократических структур нередко сопровождается замедлением процесса принятия решений, что может снижать оперативность реагирования на изменения финансовых рынков. В этой связи представляется обоснованным применение комбинированного подхода, при котором стратегические функции по формированию долгового портфеля

---

[692] Айтенова Ш., 'Неподконтрольный госдолг. Почему управление обязательствами государства остается недоступным для казахстанцев и как это можно исправить' *Vlast.kz* (14 апреля 2021) <https://vlast.kz/jekonomika/44556-nepodkontrolnyj-gosdolg.html> дата обращения: 31.03.2026 г.

[693] OECD, *Principles of Budgetary Governance* (2015) <https://view.livresq.com/view/61ea94282d4428000a21ef4e/data/static/media/6179332c086e82000851221a/OECD_PrinciplesBudgetaryGovernance.pdf> дата обращения: 31.03.2026 г.

[694] World Bank, *Debt Management Performance Assessment (DeMPA) Methodology* (2021) <https://documents1.worldbank.org/curated/en/526391628746190611/pdf/Debt-Management-Performance-Assessment-Methodology-2021-Edition.pdf> дата обращения: 31.03.2026 г.

[695] EBRD, *Procurement Policies and Rules* (2022) <https://www.ebrd.com/content/dam/ebrd_dxp/assets/pdfs/project-procurement/procurement-policies-and-rules/ppr-2022/PPR-2022-Russian.pdf> дата обращения: 31.03.2026 г.

[696] EBRD, *Evaluation Policy* (2023) <https://www.ebrd.com/content/dam/ebrd_dxp/assets/pdfs/evaluation/EBRD-Evaluation-Policy-EN.pdf> дата обращения: 31.03.2026 г.

[697] Попкова А.С., 'Мировой опыт функционирования агентств по управлению государственным долгом' (2015) 1(2) *Научный результат. Экономические исследования* 12-19 <https://doi.org/10.18413/2409-1634-2015-1-2-12-19> дата обращения: 31.03.2026 г.

закрепляются за государственным органом, тогда как операционные задачи - включая учет, хранение и техническое сопровождение - передаются специализированной независимой структуре.

Следует отметить, что даже при институциональной автономии органы управления государственным долгом сохраняют подотчетность перед высшими органами государственной власти, как правило, Советом Министров или Министерством финансов, которые определяют стратегические направления долговой политики и оценивают результаты деятельности соответствующих агентств. В качестве примера можно привести Национальное агентство по управлению казначейством Ирландии (NTMA), генеральный исполнительный директор которого, обладая значительной операционной самостоятельностью, находится в прямом подчинении Министра финансов, а также регулярно отчитывается перед парламентскими комитетами и предоставляет разъяснения по осуществляемой деятельности. Это свидетельствует о высокой степени институциональной отчетности, характерной для деятельности данного агентства[698].

С учетом изложенного можно предложить ряд направлений совершенствования системы мониторинга международных договоров о займе в Республике Казахстан.

Необходимо внедрение единой цифровой платформы, обеспечивающей интеграцию данных о договорах, проектах и их исполнении. Такая платформа позволит повысить прозрачность и оперативность мониторинга, а также создать условия для более глубокого анализа. Создание единой информационной платформы позволит систематизировать, аккумулировать и сохранять данные по всем видам оказываемой помощи, а также будет способствовать повышению эффективности государственного управления внешними финансовыми потоками и государственным долгом на основе принципов открытых данных. Открытость таких данных, в свою очередь, будет содействовать укреплению прозрачности и подотчетности перед обществом и международными финансовыми организациями, а также создаст предпосылки для расширения общественного диалога.[699].

Целесообразно внедрение системы ключевых показателей эффективности (KPI), позволяющей оценивать не только процесс, но и результаты реализации проектов, что соответствует международной практике применения индикаторов результативности в государственном управлении[700] и используется для оценки достижения поставленных целей и повышения качества управленческих решений.

Особое внимание следует уделить развитию института независимого аудита, который может выступать важным инструментом повышения доверия к системе мониторинга.

Введение контроля за целевой направленностью заемных средств с позиции эффективного достижения поставленных целей социально-экономического развития страны[701].

Создание специальных институциональных структур на базе существующих государственных и квазигосударственных органов, которые будут проводить исследование благоприятных возможностей для привлечения международных кредитов, анализировать эффективность использования заимствованных средств и

---

[698] Ibid 15.

[699] 'Прозрачность помощи международных финансовых институтов Республике Казахстан на борьбу с COVID-19' *Zertteu Research Institute* <https://zertteujournal.kz/prozrachnost_socialnih_investicii#introduction> дата обращения: 31.03.2026 г.

[700] OECD, *Government at a Glance 2025* (Paris: OECD Publishing 2025) <https://doi.org/10.1787/0efd0bcd-en> дата обращения: 31.03.2026 г.

[701] Даулетбаева Л и Калкабаева ГМ, 'Современное состояние и проблемы управления внешним долгом Республики Казахстан' (2013) 3(71) *Вестник Карагандинского университета. Серия «Экономика»* 62–69. <https://rmebrk.kz/journals/1741/73504.pdf> дата обращения: 31.03.2026 г.

кредитуемых проектов, исследовать обслуживание внешнего долга[702] на основе международного опыта;

Создание непрерывного и тщательного контроля скрытых и других видов работ специальными рабочими комиссиями, в число которых следует включить не только представителей подрядчиков и заказчиков в лице соответствующего ответственного министерства РК, но и представителей кредитующего международного банка, то есть ЕБРР, а также представителей Агентства РК по финансовому мониторингу, Высшей аудиторской палаты Республики Казахстан[703]

Следует усилить межведомственную координацию, в том числе путем разработки единых методических подходов к мониторингу и оценке эффективности. Целесообразно иметь более целостную политику управления государственным долгом, в том числе за счет координации работы всех ответственных за управлением внешним долгом правительственных и других государственных ведомств таких как: Министерство Финансов, НБРК, МИД и Министерство Национальной Экономики и других путем внесения рекомендаций в постановление правительства[704].

Заключение

Проанализировав вопрос международных договоров о займе заключенных между РК и ЕБРР можно сделать следующие выводы:

Анализ условий внешних заимствований предоставленных ЕБРР показал, что нет информации о достигнутых результатах освоения займа, сроки освоения заемных средств регулярно продлеваются;

Несмотря на выделяемое количество денежных средств международным финансовым институтом в развитие транспортной отрасли страна находится на низких позициях в самом ЕБРР, что говорит об неэффективном использовании средств.

Считаем, что необходимо ввести порядок и условия в критерии для мониторинга международных договоров о займе.

В данный момент наблюдается наличие слабого контроля и мониторинга со стороны государственных органов за исполнением проектов по заключенным международным соглашениям. В связи с этим, необходимо дальнейшее совершенствование государственного управления и законодательного регулирования внешних займов государства[705]. Таким образом, недостаточное регулирование в части законодательства касающегося международных договоров займа приводит на практике к низкому качеству выполненных работ и тормозят процесс развития инфраструктуры страны.

В заключение следует отметить, что мониторинг международных договоров о займе, заключенных между РК и ЕБРР, является важным элементом системы управления государственными финансами и международными обязательствами. Эффективная система мониторинга позволяет не только обеспечить надлежащее исполнение договоров, но и повысить результативность использования заемных средств, способствуя устойчивому экономическому развитию страны. В условиях

---

[702] Ibid 69.

[703] Сарсембаев М.А., ‘Международная трасса, займ и договор: обеспечить высокое качество и возродить Великий шелковый путь’ (2012) 4(28) *Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан* 63–68

[704] Айтенова Ш., ‘Неподконтрольный госдолг. Почему управление обязательствами государства остается недоступным для казахстанцев и как это можно исправить’ *Vlast.kz* (14 апреля 2021) <https://vlast.kz/jekonomika/44556-nepodkontrolnyj-gosdolg.html> дата обращения: 31.03.2026 г.

[705] Вопросы эффективного использования внешних госзаймов РК обсудили в Сенате <https://www.inform.kz/ru/voprosy-effektivnogo-ispol-zovaniya-vneshnih-goszaymov-rk-obsudili-v-senate_a3899813> дата обращения: 31.03.2026 г.

роста объемов международного финансирования и усложнения договорных отношений особую актуальность приобретает совершенствование механизмов мониторинга, внедрение современных технологий и развитие институциональной базы.

Список литературы:

1. ‘Вопросы эффективного использования внешних государственных займов Республики Казахстан обсудили в Сенате’ Казинформ (15 февраля 2022) <https://www.inform.kz/ru/voprosy-effektivnogo-ispol-zovaniya-vneshnih-goszaymov-rk-obsudili-v-senate_a3899813> дата обращения: 31.03.2026 г.
2. ‘Прозрачность помощи международных финансовых институтов Республике Казахстан на борьбу с COVID-19’ Zertteu Research Institute <https://zertteujournal.kz/prozrachnost_socialnih_investicii#introduction> дата обращения: 31.03.2026 г.
3. EBRD, Evaluation Policy (2023) <https://www.ebrd.com/content/dam/ebrd_dxp/assets/pdfs/evaluation/EBRD-Evaluation-Policy-EN.pdf> дата обращения: 31.03.2026 г.
4. EBRD, Procurement Policies and Rules (2022) <https://www.ebrd.com/content/dam/ebrd_dxp/assets/pdfs/project-procurement/procurement-policies-and-rules/ppr-2022/PPR-2022-Russian.pdf> дата обращения: 31.03.2026 г.
5. European Bank for Reconstruction and Development, ‘Kazakhstan Overview’ <https://www.ebrd.com/home/what-we-do/where-we-invest/kazakhstan.html> дата обращения: 31.03.2026 г.
6. OECD, Government at a Glance 2025 (Paris: OECD Publishing 2025) <https://doi.org/10.1787/0efd0bcd-en> дата обращения: 31.03.2026 г.
7. OECD, Principles of Budgetary Governance (2015) <https://view.livresq.com/view/61ea94282d4428000a21ef4e/data/static/media/6179332c086e82000851221a/OECD_PrinciplesBudgetaryGovernance.pdf> дата обращения: 31.03.2026 г.
8. OECD, Совершенствование правовой среды предпринимательства и инвестиционной деятельности в странах Центральной Азии: отчет о прогрессе (Paris: OECD Publishing 2023) <https://doi.org/10.1787/6151f6c2-ru> дата обращения: 31.03.2026 г.
9. World Bank, Debt Management Performance Assessment (DeMPA) Methodology (2021) <https://documents1.worldbank.org/curated/en/526391628746190611/pdf/Debt-Management-Performance-Assessment-Methodology-2021-Edition.pdf> дата обращения: 31.03.2026 г.
10. Айтенова Ш., ‘Неподконтрольный госдолг. Почему управление обязательствами государства остается недоступным для казахстанцев и как это можно исправить’ Vlast.kz (14 апреля 2021) <https://vlast.kz/jekonomika/44556-nepodkontrolnyj-gosdolg.html> дата обращения: 31.03.2026 г.
11. Ассоциация «Казахстанский совет иностранных инвесторов», ‘Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР): справка о деятельности’ <https://fic.kz/ru/kfica/members/26> дата обращения: 31.03.2026 г.
12. Вопросы эффективного использования внешних госзаймов РК обсудили в Сенате <https://www.inform.kz/ru/voprosy-effektivnogo-ispol-zovaniya-vneshnih-goszaymov-rk-obsudili-v-senate_a3899813> дата обращения: 31.03.2026 г.
13. Горбунова А., ‘Госдолг РК растет. Кто должен отвечать за неосвоение внешних займов?’ Forbes Kazakhstan

<https://forbes.kz/process/gosdolg_rk_rastet_kto_doljen_otvechat_na_neosvoenie_vneshnih_zaymov/> дата обращения: 31.03.2026 г.

14. Даулетбаева Л и Калкабаева ГМ, ‘Современное состояние и проблемы управления внешним долгом Республики Казахстан’ (2013) 3(71) Вестник Карагандинского университета. Серия «Экономика» 62–69. < https://rmebrk.kz/journals/1741/73504.pdf> дата обращения: 31.03.2026 г.

15. Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР), ‘О нас’ <https://www.ebrd.com/ru/about-us.html> дата обращения: 31.03.2026 г.

16. Европейский банк реконструкции и развития, Страновая стратегия по Казахстану 2022–2027 (2022) <https://www.ebrd.com/content/dam/ebrd_dxp/assets/pdfs/country-strategies/kazakhstan/Local-Language-Translation.pdf> дата обращения: 31.03.2026 г.

17. Жанакова Н.Н., Сутбаева Р.О., Казанбаева Ж.С., Корвякова И.В. и Мангибаева Д.Д., ‘Анализ государственного долга Республики Казахстан и его оценка’ (2025) 2(97) Статистика, учет и аудит 62 <https://doi.org/10.51579/1563-2415.2025.-2.05> 65 дата обращения: 31.03.2026 г.

18. Закон Республики Казахстан ‘О международных договорах Республики Казахстан’ от 30 мая 2005 года №54 <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000054_#z153> дата обращения: 31.03.2026 г.

19. Закон Республики Казахстан ‘О членстве Республики Казахстан в Международном Валютном Фонде, Международном Банке Реконструкции и Развития, Международной Финансовой Корпорации, Международной Ассоциации Развития, Многостороннем Агентстве Гарантии Инвестиций, Международном Центре по Урегулированию Инвестиционных Споров, Европейском Банке Реконструкции и Развития, Азиатском Банке Развития, Исламском Банке Развития, Азиатском Банке Инфраструктурных Инвестиций’ от 6 декабря 2001 года № 264 <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z010000264_> дата обращения: 31.03.2026 г.

20. Закон Республики Казахстан от 2 июля 2013 года № 114-V ‘О ратификации Соглашения о займе (Реконструкция участка дороги Шымкент - Ташкент) между Республикой Казахстан и Европейским Банком Реконструкции и Развития’ <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000114#z2> дата обращения: 31.03.2026 г.

21. Закон Республики Казахстан от 7 июля 2009 года № 169-IV ‘О ратификации Соглашения о займе (Проект дорожного коридора Юг - Запад (Международный транзитный коридор "Западная Европа - Западный Китай") между Республикой Казахстан и Европейским Банком Реконструкции и Развития’ <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z090000169_#z2> дата обращения: 31.03.2026 г.

22. Закон РК от 11 февраля 2014 года №172-V ЗРК ‘О ратификации Соглашения между Республикой Казахстан и Европейским Банком Реконструкции и Развития относительно сотрудничества и деятельности Европейского Банка Реконструкции и Развития в Республике Казахстан’ <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000172> дата обращения: 31.03.2026 г.

23. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_> дата обращения: 31.03.2026 г.

24. Министерство финансов Республики Казахстан, ‘Какое влияние оказывают внешние займы на экономику?’ <https://www.gov.kz/memleket/entities/minfin/press/news/details/505208?lang=ru> дата обращения: 31.03.2026 г.

25. Национальный Банк Республики Казахстан, ‘Внешний долг Республики Казахстан на 1 октября 2025 года’ <https://nationalbank.kz/ru/news/vneshniy-dolg> дата обращения: 31.03.2026 г.

26. Попкова А.С., ‘Мировой опыт функционирования агентств по управлению государственным долгом’ (2015) 1(2) Научный результат. Экономические

исследования 12-19 <https://doi.org/10.18413/2409-1634-2015-1-2-12-19> дата обращения: 31.03.2026 г.

27. Постановление Правительства Республики Казахстан от 3 июля 2025 года № 506 ‘Об утверждении Правил регистрации и учета государственных и гарантированных государством займов, займов под поручительство государства, государственных гарантий, государственных гарантий по поддержке экспорта и поручительств государства’ <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2500000506> дата обращения: 31.03.2026 г.

28. Приказ Министра иностранных дел Республики Казахстан от 31 марта 2022 года № 11-1-4/135 ‘Об утверждении Правил мониторинга за обеспечением выполнения международных договоров Республики Казахстан’ <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2200027384> дата обращения: 31.03.2026 г.

29. Сарсембаев М.А., ‘Международная трасса, займ и договор: обеспечить высокое качество и возродить Великий шелковый путь’ (2012) 4(28) Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан 63–68

30. Сафонова О.Н., ‘Взаимодействие права Республики Казахстан и международного права’ (2001) 3 Московский журнал международного права 12–23

Кенжетаева Зарина Борисовна
Магистрант 2 курса специальности «Международное право»
Высшая школа права Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республика Казахстан
E-mail: zarina_kenzhetayeva@kazguu.kz

АНАЛИЗ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН НА ПРЕДМЕТ СООТВЕТСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНОМУ ИНВЕСТИЦИОННОМУ СТАНДАРТУ СПРАВЕДЛИВОГО И РАВНОПРАВНОГО ОТНОШЕНИЯ

Аннотация

Настоящая статья посвящена исследованию соответствия Предпринимательского кодекса Республики Казахстан международному инвестиционному стандарту справедливого и равноправного отношения. Актуальность темы обусловлена увеличением количества инвестиционных споров с участием Республики Казахстан, а также необходимостью повышения инвестиционной привлекательности государства в условиях усиливающейся межгосударственной конкуренции за привлечение иностранных инвестиций. Цель исследования заключается в выявлении системных несоответствий национального законодательства указанному стандарту и разработке предложений по их устранению. Методологическую основу составляют сравнительно-правовой и аналитический методы, а также анализ арбитражной практики. Научная новизна заключается в комплексной оценке норм Предпринимательского кодекса Республики Казахстан через призму ключевых элементов стандарта, включая защиту законных ожиданий инвестора, обеспечение стабильности правового регулирования и недопущение произвольных действий государственных органов. В результате выявлены пробелы в регулировании статуса иностранного инвестора, недостаточность гарантий защиты и отсутствие четко закрепленных процедур досудебного урегулирования инвестиционных споров.

Ключевые слова: международное инвестиционное право, справедливое и равноправное отношение, иностранный инвестор, законные ожидания инвестора, инвестиционные споры, международный арбитраж, правовая стабильность, защита инвестиций, досудебное урегулирование, гармонизация законодательства.

Аннотация

Осы мақала Қазақстан Республикасының Кәсіпкерлік кодексінің әділ және тең қатынас халықаралық инвестициялық стандартына сәйкестігін зерттеуге арналған. Тақырыптың өзектілігі Қазақстан Республикасының қатысуымен инвестициялық даулар санының артуымен, сондай-ақ шетелдік инвестицияларды тарту үшін мемлекеттер арасындағы бәсекелестіктің күшеюі жағдайында инвестициялық тартымдылықты арттыру қажеттілігімен негізделеді. Зерттеудің мақсаты ұлттық заңнаманың аталған стандартқа жүйелік сәйкессіздіктерін анықтау және оларды жою бойынша ұсыныстар әзірлеу болып табылады. Зерттеудің әдіснамалық негізін салыстырмалы-құқықтық және талдамалық әдістер, сондай-ақ төрелік практикаға талдау құрайды. Зерттеудің ғылыми жаңалығы Кәсіпкерлік кодекс нормаларын әділ және тең қатынас стандартының негізгі элементтері тұрғысынан кешенді бағалауда көрініс табады, оның ішінде инвесторлардың заңды күтулерін қорғау, құқықтық реттеудің тұрақтылығын қамтамасыз ету және мемлекеттік органдардың ерікті әрекеттеріне жол бермеу. Зерттеу нәтижесінде шетелдік инвестор мәртебесін реттеудегі олқылықтар және дауларды сотқа дейін реттеу рәсімдерінің жеткіліксіздігі анықталды.

Түйін сөздер: халықаралық инвестициялық құқық, әділ және тең қатынас, шетелдік инвестор, заңды күтулер, инвестициялық даулар, халықаралық төрелік, құқықтық тұрақтылық, инвестицияларды қорғау, сотқа дейін реттеу, заңнаманы үйлестіру.

Annotation

This article examines the compliance of the Entrepreneurial Code of the Republic of Kazakhstan with the international fair and equitable treatment standard. The relevance stems from the rising number of investment disputes involving Kazakhstan and the need to enhance its investment attractiveness amid intensifying global competition for foreign investment. The purpose is to identify systemic inconsistencies between national legislation and this standard and to propose solutions. The methodology includes comparative legal and analytical methods, as well as arbitral practice analysis. The scientific novelty lies in a comprehensive assessment of the Entrepreneurial Code through key elements of the standard: protection of investors' legitimate expectations, regulatory stability, and prevention of arbitrary state actions. The study reveals gaps in regulating the status of foreign investors, insufficient protection guarantees, and the absence of clearly defined pre-trial dispute settlement procedures.

Keywords: international investment law, fair and equitable treatment, foreign investor, legitimate expectations, investment disputes, international arbitration, legal stability, investment protection, pre-trial settlement, harmonization of legislation.

Введение

Республика Казахстан активно привлекает внешние займы для финансирования государственных нужд в связи с дефицитом республиканского бюджета. Объем внешнего долга Республики Казахстан на 1 июля 2025 года составил 172,8 миллиардов долларов США, увеличившись с начала года на 8,1 млрд. долларов США.[706] Результаты зарубежных исследований свидетельствуют о том, что прямые иностранные инвестиции выступают механизмом, который оказывает положительное воздействие на экономический рост стран,[707] что, в свою очередь, может уменьшить потребность во внешних займах. Соответственно, рост объема инвестиций способствует сокращению потребности во внешних займах и, как следствие, снижению государственного долга.

Как отмечает Сулейменов М.К., для создания благоприятного инвестиционного климата большое значение имеет правовой режим, который предоставляется иностранным инвестициям.[708] Мороз С.П. также подчеркивает важность национально-правового регулирования иностранных инвестиций в развитии инвестиционных отношений.[709] Таким образом, создание благоприятной инвестиционной среды имеет решающее значение для привлечения большего объема инвестиций.

Развитие международного инвестиционного сотрудничества невозможно представить без гармоничного взаимодействия внутреннего национального и международного права.[710] Согласно поручению Главы государства, планируется

---

[706] Национальный Банк Республики Казахстан, внешний долг, <https://www.nationalbank.kz/ru/news/vneshniy-dolg>, дата обращения: 20.03.2026.

[707] Panagiotis P, "The Impact of FDI on Economic Growth in Eurozone Countries" (2015) 17 The Journal of Economic Asymmetries, 7.

[708] Сулейменов М.К. Правовое регулирование иностранных инвестиций и недропользования в Казахстане (Алматы, 2006), 82.

[709] Мороз С.П. Инвестиционное право (3-е изд., Алматы, 2006), 177.

[710] Лукашук И.И. Международное право. Общая часть (3-е изд., Москва, 2005), 225.

привлечь 150 млрд. долларов США иностранных инвестиций до 2029 года.[711] Для достижения этой цели необходимо обеспечить соответствие национального законодательства международным инвестиционным стандартам, поскольку важным для создания благоприятного инвестиционного климата в стране является доверие инвестора к государству.

Согласно Концепции инвестиционной политики Республики Казахстан до 2030 года, среди слабых сторон инвестиционного климата выделяются «низкий уровень доверия к судебной системе», а также «недостаточно прозрачный доступ к факторам производства», что свидетельствует о наличии проблем в правовом регулировании.[712]

В Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года, признается необходимость устранения коллизий между национальным законодательством и обязательствами по международным инвестиционным договорам, а также важность эффективности правового регулирования для конкурентоспособности страны и ее привлекательности для иностранных инвесторов.[713]

В основу настоящего исследования положена гипотеза о том, что действующие нормы Предпринимательского кодекса Республики Казахстан не в полной мере обеспечивают имплементацию ключевых элементов стандарта справедливого и равноправного отношения, что формирует риск возникновения инвестиционных споров.

Проблема исследования заключается в выявлении системных расхождений между положениями Предпринимательского кодекса Республики Казахстан и ключевыми элементами международного инвестиционного стандарта справедливого и равноправного отношения.

Целью исследования является выявление системных несоответствий между положениями Предпринимательского кодекса Республики Казахстан и ключевыми элементами стандарта справедливого и равноправного отношения, а также разработка на основе сравнительно-правового анализа законодательства Китайской Народной Республики и Объединенных Арабских Эмиратов и анализа арбитражной практики конкретных предложений по совершенствованию национального законодательства.

Выбор стран обусловлен их значимостью в мировой инвестиционной системе, согласно отчету World Investment Report 2025[714] они входят в число крупнейших принимающих экономик мира. В связи с чем, был рассмотрен опыт указанных стран, несмотря на имеющиеся различия в правовых системах.

При подготовке анализа зарубежного опыта использовался аналитический метод сравнительно-правового исследования, ориентированный на логику правовых понятий и их взаимосвязь.[715] Сравнительный анализ проведен по трем ключевым аспектам инвестиционного законодательства: определение иностранного инвестора,

---

[711] Указ Президента Республики Казахстан от 26 ноября 2022 года № 2 «О мерах по реализации предвыборной программы Президента Республики Казахстан «Справедливый Казахстан - для всех и для каждого. Сейчас и навсегда» <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200000002>, дата обращения: 20.03.2026.

[712] Постановление Правительства Республики Казахстан от 31 декабря 2025 года № 1185 «Об утверждении Концепции инвестиционной политики Республики Казахстан до 2030 года» <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2500001185>, дата обращения: 20.03.2026.

[713] Указ Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года № 674 «Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года» <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674>, дата обращения: 20.03.2026.

[714] UNCTAD, World Investment Report 2025: <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2025> дата обращения 20 марта 2026.

[715] Ван Хук М, «Методология сравнительно-правовых исследований» (2013) 3 Известия вузов. Правоведение, 121-147.

защита законных ожиданий и стабильность правового регулирования, а также процедуры досудебного урегулирования инвестиционных споров.

В качестве объектов сравнительно-правового анализа рассматриваются основные нормативные правовые акты, регулирующие инвестиционную деятельность в Республике Казахстан, Китайской Народной Республике и Объединенных Арабских Эмиратах.

Научная новизна заключается в разработке комплексного подхода к оценке соответствия национального законодательства стандарту справедливого и равноправного отношения, реализованного через системную оценку Предпринимательского кодекса Республики Казахстан с применением единых критериев сравнения с законодательством Китайской Народной Республики и Объединенных Арабских Эмиратов, результатом исследования являются конкретные предложения по внесению изменений в Предпринимательский кодекс Республики Казахстан, направленные на имплементацию стандарта справедливого и равноправного отношения в национальное законодательство.

1. Национальное право Республики Казахстан и международный инвестиционный стандарт справедливого и равноправного отношения

Основным нормативно-правовым актом, регулирующим инвестиционную деятельность в Республике Казахстан является Предпринимательский кодекс Республики Казахстан. Статья 273 Предпринимательского кодекса Республики Казахстан устанавливает, что регулирование отношений, связанных с инвестициями в Республике Казахстан, и определение правовых и экономических основ стимулирования инвестиций, гарантирование защиты прав инвесторов при осуществлении инвестиций в Республике Казахстан, определение мер государственной поддержки инвестиций, порядка разрешения споров с участием инвесторов осуществляются настоящим Кодексом.[716] Вместе с тем инвестиционные отношения также регулируются Налоговым кодексом Республики Казахстан, законодательством о недропользовании, о государственно-частном партнерстве и международными договорами, ратифицированными Республикой Казахстан.

Статья 42 Конвенции об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств непосредственно указывает на то, что арбитражный трибунал должен применять национальное законодательство принимающей инвестиции страны (включая нормы международного частного права), а также нормы международного права.[717] Однако, многие арбитражные трибуналы очень осторожно относятся к применению национального права, так как зачастую инвесторы оспаривают именно законодательные акты принимающих инвестиции государств как нарушающие гарантии, предоставляемых международными инвестиционными соглашениями.[718]

В отличие от международного торгового права, где есть глобальные соглашения в рамках Всемирной торговой организации, в международном инвестиционном праве такого рода соглашения отсутствуют. Несмотря на существенные различия в деталях, предоставляемые в международных инвестиционных соглашениях гарантии концептуально схожи. Можно выделить следующие из них: гарантия защиты от неправомерной экспроприации, гарантия справедливого и равного обращения; режим наибольшего благоприятствования, свобода распоряжения финансовыми средствами

---

[716] Кодекс Республики Казахстан от 29 октября 2015 года № 375-V «Предпринимательский кодекс Республики Казахстан», <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000375>, дата обращения 20.03.2026.

[717] Конвенция об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств (Convention on the Settlement of Investment Disputes between States and Nationals of Other States, ICSID, Вашингтон, 18 марта 1965 г.).

[718] Алиев А. Инвестиционные споры: международный опыт (Нур-Султан, 2020), 25.

и национальный режим. Вышеперечисленные гарантии являются материально-правовыми стандартами защиты прав иностранных инвесторов. В отличие от многих других материальных норм международного права, гарантии, предоставленные инвесторам в рамках международных инвестиционных соглашениях, обеспечиваются и процессуальными механизмами - большинство международных инвестиционных соглашений предоставляют инвесторам право обжаловать действия государства в международных арбитражах, если, по мнению иностранного инвестора, действия государства нарушают предусмотренные в международных инвестиционных соглашениях стандарты. Таким образом, гарантии, предоставляемые иностранным инвесторам в рамках международных инвестиционных соглашениях, стали эффективным средством правовой защиты по обжалованию действий государств, принимающих инвестиции[719].

Обоснованные ожидания инвестора основываются на совокупности нормативно-правовых актов, а также взятых на себя юридических обязательствах (как явно выраженных, так и подразумеваемых) принимающего государства. Правовая база, на которую иностранный инвестор вправе полагаться, состоит из законодательных актов и международных договоров, содержащихся в указах гарантиях, лицензиях и других актах исполнительной власти, а также из контрактных обязательств. Обязательства и заверения со стороны принимающего государства играют центральную роль в формировании законных ожиданий инвестора. Отказ принимающего государства в предоставлении гарантий, которые были причиной для законных ожиданий инвестора, нарушают принцип справедливого и равного обращения. Арбитражные трибуналы не раз подчеркивали, что законные ожидания инвестора должны основываться на совокупности нормативных актов принимающего государства, действующих на момент осуществления инвестиций.[720]

Стандарт справедливого и равноправного отношения не имеет единого кодифицированного определения, однако арбитражная практика и доктрина выработали его ключевые элементы. Как отмечают Рудольф Дольцер, Урсула Крибаум и Кристоф Шреер в авторитетном труде «Principles of International Investment Law», к числу таких элементов относятся: стабильность и предсказуемость правового регулирования, защита законных ожиданий инвестора, прозрачность действий государственных органов, соблюдение договорных обязательств, обеспечение надлежащей правовой процедуры и запрет отказа в правосудии, свобода от принуждения и домогательств, а также добросовестность поведения государства.[721] При этом нарушение стандарта справедливого и равноправного отношения может быть результатом не единичного действия, а серии актов, которые в совокупности образуют неправомерное поведение.[722]

Таким образом, современная система международного инвестиционного права основывается на ряде общепризнанных стандартов, основными из которых являются стандарт справедливого и равноправного отношения к инвесторам. Большинство международных инвестиционных соглашений предусматривают справедливое и равноправное отношение к иностранным инвестициям. Это понятие является наиболее часто используемым стандартом в инвестиционных спорах. Это также стандарт с наивысшей практической значимостью: значительная часть успешных исков в международном арбитраже основана на нарушении стандарта справедливого и равноправного отношения.[723] В связи с чем, в рамках настоящего исследования

[719] Ibid 6.
[720] Ibid 37.
[721] Dolzer R, Kriebaum U and Schreuer C, Principles of International Investment Law (3rd edn, Oxford University Press 2022, 187-208.
[722] Ibid 207.
[723] Ibid 187-188.

будет рассмотрен один из фундаментальных принципа международного инвестиционного права - стандарт справедливого и равноправного отношения. Данный стандарт закреплен в положениях двусторонних и многосторонних инвестиционных договоров и находит отражение в практике международных арбитражных разбирательств.

2. Анализ соответствия Предпринимательского кодекса Республики Казахстан стандарту справедливого и равноправного отношения

2.1. Проблема определения «иностранный инвестор»

Статья 274 Предпринимательского кодекса Республики Казахстан определяет такие ключевые термины, как «инвестиции», «инвестор» и «инвестиционная деятельность», но не содержит определения «иностранный инвестор». Согласно пункту 2 статьи 274 Предпринимательского кодекса Республики Казахстан инвестором признаются «физические и юридические лица, осуществляющие инвестиции в Республике Казахстан».[724]

Данная формулировка не делает различий между национальными и иностранными инвесторами, что создает правовую неопределенность. Отсутствие четкого определения противоречит практике международного инвестиционного права, где статус иностранного инвестора является ключевым для предоставления международно-правовой защиты.

Как справедливо отмечает академик М.К. Сулейменов, анализ исторического развития инвестиционного законодательства Республики Казахстан позволяет проследить эволюцию подходов к определению статуса иностранного инвестора. В первых Законах о внешнеэкономической деятельности было закреплено понятие «субъект внешнеэкономической деятельности», которое включало три группы: иностранные инвесторы (иностранные граждане), иностранные юридические лица, а также юридические лица, зарегистрированные в соответствии с законодательством Республики Казахстан, контрольный пакет акций или большая доля паевого участия в которых принадлежит иностранным гражданам и юридическим лицам[725].

Следует отметить, что ранее действовавшее законодательство Республики Казахстан проводило четкое разграничение между иностранными и национальными инвесторами. Так, Закон Республики Казахстан от 27 декабря 1994 года «Об иностранных инвестициях», в статье 1 определял иностранного инвестора следующим образом: иностранные юридические лица; иностранные граждане, лица без гражданства, граждане Республики Казахстан, имеющие постоянное место жительства за границей, при условии, что они зарегистрированы для ведения хозяйственной деятельности в стране их гражданства или постоянного места жительства; иностранные государства; международные организации; юридические лица Республики Казахстан, в отношении которых иностранные инвесторы имеют право определять решения, принимаемые такими юридическими лицами.[726]

М.К. Сулейменов с сожалением констатирует, что «с отменой Закона об иностранных инвестициях Законом Республики Казахстан от 8 января 2003 года. все эти понятия перестали легально существовать». В действующем Предпринимательском кодексе Республики Казахстан, по его мнению, «появилось понятие «инвестор», что фактически нивелирует различие между национальными и

---

[724] Кодекс Республики Казахстан от 29 октября 2015 года № 375-V «Предпринимательский кодекс Республики Казахстан», <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000375>, дата обращения 20.03.2026.

[725] М.К. Сулейменов, «Законодательство об инвестициях Республики Казахстан: 25 лет развития» (презентация, XV Международная Атырауская правовая конференция «Недропользование – основа экономики Республики Казахстан», 28 апреля 2017 г., Атырау).

[726] Закон Республики Казахстан от 27 декабря 1994 года № 266-XIII «Об иностранных инвестициях» (утратил силу) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z940009000_>, дата обращения 20.03.2026.

иностранными инвесторами. Такое положение дел не позволяет в полной мере учитывать особенности правового статуса иностранных инвесторов, которые являются носителями прав, производных от международных инвестиционных соглашений.[727]

Правовая неопределенность в определении круга лиц, имеющих право на международно-правовую защиту, может привести к тому, что арбитражные трибуналы будут самостоятельно квалифицировать статус инвестора, опираясь на международные договоры и общие принципы права, а не на национальное законодательство, это создает риск непредсказуемости и ослабляет позиции Республики Казахстан в потенциальных инвестиционных спорах.

Проведенный в рамках настоящего исследования сравнительно-правовой анализ инвестиционного законодательства Китайской Народной Республики и Объединенных Арабских Эмиратов показывает, что оба указанных государства прямо закрепляют понятие «иностранный инвестор» на уровне специального закона.

В Китайской Народной Республике Закон об иностранных инвестициях в статье 2 дает развернутое определение, охватывающее как прямые, так и косвенные формы инвестирования, а также устанавливает перечень способов деятельности иностранного инвестора на территории Китая:

«Статья 2

1. Иностранный инвестор создает предприятие с иностранным капиталом на территории Китая, самостоятельно или совместно с любым другим инвестором;

2. Иностранный инвестор приобретает акции, паи, доли собственности или любые другие аналогичные права и интересы предприятия на территории Китая;

3. Иностранный инвестор инвестирует для инициирования нового проекта на территории Китая, самостоятельно или совместно с любым другим инвестором; и

4. Иностранный инвестор инвестирует любым другим способом, предусмотренным законами, административными правилами или положениями Государственного совета.

Для целей настоящего Закона предприятие с иностранным капиталом означает предприятие, зарегистрированное в соответствии с китайским законодательством на территории Китая и полностью или частично инвестированное иностранным инвестором».[728]

В Федеральном законе Объединенных Арабских Эмиратов № 19 от 2018 года «Об иностранных инвестициях» в статье 1 определяется понятие иностранного инвестора:

«Статья (1)

Определения

Иностранный инвестор: физическое или юридическое лицо, не имеющее гражданства государства и осуществляющее инвестиции в государство в соответствии с положениями настоящего Закона посредством Указа».[729]

При этом Федеральный закон Объединенных Арабских Эмиратов № 19 от 2018 года «Об иностранных инвестициях» предусматривает возможность ограничения сто процентного иностранного владения в определенных секторах, что подчеркивает важность четкого определения круга лиц, подпадающих под специальный правовой режим.[730]

---

[727] М.К. Сулейменов, «Законодательство об инвестициях Республики Казахстан: 25 лет развития» (презентация, XV Международная Атырауская правовая конференция «Недропользование – основа экономики Республики Казахстан», 28 апреля 2017 г., Атырау).

[728] Foreign Investment Law of the People's Republic of China (adopted 15 March 2019, National People's Congress of China).

[729] Federal Law by Decree No. 19 of 2018 Regarding Foreign Direct Investment (United Arab Emirates).

[730] Ibid.

Анализ опыта указанных стран позволяет выделить ключевые элементы, которые должны быть имплементированы в Предпринимательский кодекс Республики Казахстан. Четкое разграничение национальных и иностранных инвесторов. Отсутствие такого разграничения в Предпринимательском кодексе Республики Казахстан приводит к тому, что права и обязанности, предусмотренные для «инвесторов», автоматически распространяются на иностранных лиц без учета особенностей их правового статуса и без четкого указания на то, какие именно положения международных договоров имеют приоритет.

С учетом изложенного, в целях устранения данного пробела и приведения национального законодательства в соответствие с международными инвестиционными стандартами, а также с учетом лучшей практики Китайской Народной Республики и Объединенных Арабских Эмиратов, предлагается дополнить статью 274 Предпринимательского кодекса Республики Казахстан новым пунктом 2-1 следующего содержания:

«2-1. Иностранным инвестором для целей настоящего Кодекса признаются:

1) физическое лицо, имеющее гражданство иностранного государства, постоянно проживающее за пределами Республики Казахстан, осуществляющее инвестиции в Республике Казахстан;

2) юридическое лицо, созданное в соответствии с законодательством иностранного государства и осуществляющее существенную коммерческую деятельность на территории такого иностранного государства, осуществляющее инвестиции в Республике Казахстан;

3) юридическое лицо, созданное в соответствии с законодательством Республики Казахстан, которое прямо или косвенно принадлежит или контролируется лицами, указанными в подпунктах 1) и 2) настоящего пункта.

Для целей настоящего Кодекса под существенной коммерческой деятельностью понимается ведение деятельности, сопровождающейся наличием постоянного местонахождения органов управления, штата квалифицированных сотрудников, получением значительной доли дохода от деятельности на территории государства регистрации».

Данный критерий направлен на предотвращение злоупотреблений через офшорные структуры, не имеющие реальной экономической связи со страной происхождения, и обеспечивает, чтобы статус иностранного инвестора получали только лица, добросовестно осуществляющие предпринимательскую деятельность.

2.2. Проблема защиты законных ожиданий инвестора

Режим справедливого и равного обращения является самой общей гарантией, предоставляемой принимающим инвестиции государством иностранному инвестору. Обязательства и заверения со стороны принимающего государства играют центральную роль в формировании законных ожиданий инвестора. Отказ принимающего государства в предоставлении гарантий, которые были причиной для законных ожиданий инвестора, нарушают принцип справедливого и равного обращения. Арбитражные трибуналы не раз подчеркивали, что законные ожидания инвестора должны основываться на совокупности нормативных актов принимающего государства, действующих на момент осуществления инвестиций.[731]

Анализ режима справедливого и равного обращения в международных инвестиционных соглашениях Республики Казахстан четко показывает необходимость проведения существенной работы по уточнению этого принципа в соответствии с уже развитыми подходами международного инвестиционного права. Соблюдение данного

[731] Dolzer R, Kriebaum U and Schreuer C, Principles of International Investment Law (3rd edn, Oxford University Press 2022), 208-211.

стандарта не означает, что принимающее государство не может определять собственный правовой и экономический порядок. Однако, инвестор имеет право ознакомиться с правовым регулированием принимающего государства еще до осуществления инвестиций, и государство должно понимать, что действующие правовые акты формируют базу для обоснованных ожиданий инвестора. Помимо этого, арбитражная практика признает необходимость гарантировать иностранному инвестору определенный уровень стабильности. Так, недопустимо спонтанное и необоснованное изменение нормативной базы, действовавшей во время осуществления инвестиций, если оно ведет к существенному ухудшению положения инвестора.[732]

Неопределенность либо недостаточная эффективность гарантий защиты инвесторов повышают вероятность инициирования инвестиционных споров, что способно привести к значительным финансовым потерям и репутационному ущербу для Республики Казахстан. Любое арбитражное решение, вынесенное не в пользу Республики Казахстан, неизбежно негативно сказывается на ее инвестиционной привлекательности.

Для оценки действительной степени соответствия национальной правовой системы стандарту справедливого и равноправного отношения недостаточно лишь сопоставления текстов международных инвестиционных соглашений и нормативно-правовых актов. Необходим анализ арбитражной практики, который позволяет выявить, как именно содержательные элементы данных стандартов интерпретируются и применяются к конкретным действиям государства. В связи с чем, для подтверждения необходимости внесения изменений в национальное законодательство, предлагаю рассмотреть несколько арбитражных дел с участием Республики Казахстан.

Анализ арбитражных решений подтверждает важность защиты законных ожиданий. Так, в деле AES Corporation v. Republic of Kazakhstan трибунал признал, что у истцов были законные ожидания на основании Закона Республики Казахстан от 27 декабря 1994 года № 266-XIII «Об иностранных инвестициях» (утратил силу в 2003 году) о том, что они могут получить разумную прибыль от своих инвестиций, и эти ожидания возникли в момент осуществления основных инвестиций в 1997 году.[733]

Дело AES Corporation против Республики Казахстан связано с приобретением компанией CAES активов в электроэнергетической сфере Казахстана в 1996-1997 годах. В период 2001-2008 годов компании CAES были признаны монополистами, что привело к наложению санкций за нарушение законодательства о конкуренции, часть из которых была оспорена и отменена, но большинство подтверждены судами. В 2009-2012 годах законодательные изменения ввели систему «тариф в обмен на инвестиции», которая обязывала компании реинвестировать прибыль в инфраструктуру, фактически запрещая свободное использование дохода, что истцы сочли нарушением их прав. У истцов были законные ожидания на основании Закона Республики Казахстан от 27 декабря 1994 года № 266-XIII «Об иностранных инвестициях» о том, что они могут получить разумную прибыль от своих инвестиций. Тот факт, что вышеуказанный закон утратил силу в 2003 году не влияет на существование вышеуказанных законных ожиданий, которые возникли в 1997 году, когда были сделаны основные инвестиции. Арбитражный трибунал признал, что ограничения системы были чрезмерными, непропорциональными и нарушали стандарты равного и справедливого режима несмотря на то, что преследовали законные политические цели. Однако истцы не смогли доказать наличие убытков, так

[732] Алиев А. Инвестиционные споры: международный опыт (Нур-Султан, 2020), 38.
[733] AES Corporation and Tau Power BV v Republic of Kazakhstan, ICSID Case No. ARB/10/16, Award, 1 November 2013.

как их расчеты основывались на предположениях о нарушении законодательства о конкуренции, что не было подтверждено трибуналом. Трибунал подчеркнул, что утрата силы закона не влияет на существование законных ожиданий, возникших в период его действия.[734]

Это дело подчеркивает необходимость соблюдения Республикой Казахстан международных обязательств, включая требования о законности, пропорциональности и разумности принимаемых мер, особенно при изменении законодательства, влияющего на права иностранных инвесторов.

Данный вывод о необходимости защиты законных ожиданий подтверждается опытом зарубежных юрисдикций, выбранных для сравнительного анализа. Законодательство Китайской Народной Республики и Объединенных Арабских Эмиратов, которые, как и Республика Казахстан, стремятся к привлечению иностранных инвестиций, содержит механизмы, обеспечивающие стабильность правового регулирования для инвесторов.

В Законе Китайской Народной Республики «Об иностранных инвестициях» статья 24 обязывает: «При разработке нормативных документов, касающихся иностранных инвестиций, народные правительства всех уровней и их соответствующие департаменты должны соблюдать законы и нормативные акты. Если соответствующие законы и нормативные акты отсутствуют, народные правительства всех уровней и их соответствующие департаменты не должны ущемлять законные права и интересы или налагать дополнительные обязательства на предприятия с иностранными инвестициями, устанавливать какие-либо условия для доступа на рынок и выхода с рынка или вмешиваться в любую нормальную производственную и операционную деятельность предприятия с иностранными инвестициями»[735].

Статья 25 Закона Китайской Народной Республики «Об иностранных инвестициях» предусматривает: «Местные народные правительства всех уровней и их соответствующие департаменты должны строго соблюдать свои политические обязательства, данные иностранным инвесторам и предприятиям с иностранными инвестициями, и выполнять все контракты, заключенные в соответствии с законом. Если какое-либо политическое обязательство или контракт нуждается в изменении в связи с национальными интересами или общественными интересами, должны строго соблюдаться установленные законом полномочия и процедуры, а иностранный инвестор или соответствующее предприятие с иностранными инвестициями должны быть компенсированы за понесенные убытки в соответствии с законом».[736]

Федеральный закон Объединенных Арабских Эмиратов № 19 от 2018 года «Об иностранных инвестициях» в статье 3 «Сфера применения» устанавливает: «Без ущерба для соглашений, заключенных между федеральным правительством и любым местным правительством или любым субъектом, связанным с ними, и проектами прямых иностранных инвестиций, положения настоящего Закона по Указу применяются ко всем проектам прямых иностранных инвестиций, созданным и лицензированным в штате после реализации настоящего Закона по Указу».[737]

Таким образом, оба анализируемых государства закрепляют на законодательном уровне гарантии стабильности условий для инвесторов. Закон Китайской Народной Республики «Об иностранных инвестициях» прямо обязывает государственные органы соблюдать политические обязательства и выполнять контракты, а изменение таких обязательств допускает лишь в исключительных случаях (национальные или общественные интересы) с обязательной компенсацией.

---

[734] Ibid.

[735] Foreign Investment Law of the People's Republic of China (adopted 15 March 2019, National People's Congress of China).

[736] Ibid.

[737] Federal Law by Decree No. 19 of 2018 Regarding Foreign Direct Investment (United Arab Emirates).

Закон Объединенных Арабских Эмиратов № 19 от 2018 года «Об иностранных инвестициях» создает правовую основу для предсказуемости и стабильности инвестиционного режима. В Республике Казахстан отсутствие таких норм в Предпринимательском кодексе Республики Казахстан оставляет инвесторов без четкой защиты законных ожиданий.

В арбитражном деле «World Wide Minerals Ltd. против Республики Казахстан»[738] Республика Казахстан была признана нарушившей свои обязательства по обеспечению справедливого и равноправного режима в соответствии с двусторонним инвестиционным соглашением между Канадой и Союзом Советских Социалистических Республик. Трибунал установил, что отказ Казахстана предоставить компании World Wide Minerals лицензию на экспорт урана, а также замена установленных процедур на произвольные и неофициальные процессы, нарушили обязательства по обеспечению справедливого и равноправного режима.

В результате этих нарушений компания понесла убытки, и трибунал присудил ей компенсацию в размере более 40 миллионов долларов США, а также возмещение юридических расходов на сумму свыше 8 миллионов долларов США, что в общей сложности составило более 50 миллионов долларов США.

Таким образом, данное дело подчеркивает необходимость соблюдения государствами международных инвестиционных стандартов, включая обязательства по обеспечению справедливого и равноправного режима, запрет на произвольные действия, защиту законных ожиданий инвесторов и обеспечение прозрачного регулирования подтверждает необходимость закрепления в национальном законодательстве запрета на произвольные действия государственных органов и защиты законных ожиданий инвесторов

В арбитражном деле «Anatolie Stati, Gabriel Stati, Ascom Group SA и Terra Raf Trans Traiding Ltd. против Республики Казахстан» трибунал установил, что Республика Казахстан нарушила обязательства по обеспечению справедливого и равноправного режима в соответствии с Энергетической хартией. Трибунал пришел к выводу, что Казахстан осуществил «ряд скоординированных действий по преследованию» инвестиций истцов, связанных с месторождениями Баранколь и Толкын, а также с заводом по производству сжиженного газа (LPG Plant). В результате этих нарушений трибунал присудил истцам компенсацию в размере 497,6 миллионов долларов США, а также проценты, начисляемые по ставкам 6-месячных казначейских векселей США за соответствующий период, с полугодовым начислением.[739]

Соответственно, данное арбитражное дело также подтверждает, что несоблюдение государством обязательств по обеспечению справедливого и равноправного режима в отношении иностранных инвесторов может привести к значительным финансовым последствиям в виде компенсационных выплат.

Дело Caratube International Oil Company LLP против Республики Казахстан возникло из спора между Казахстаном и компанией Caratube International Oil Company, заключившей в 2002 году контракт на разведку и добычу углеводородов. Республика Казахстан заявила, что компания не выполнила финансовые обязательства, нарушила условия по проведению работ и процедур. В итоге контракт был расторгнут в одностороннем порядке по рекомендации прокуратуры. Трибунал пришел к следующим выводам: расторжение контракта признано неправомерным, поскольку Caratube International Oil Company имела право на продление сроков разведки; государство необоснованно лишило Caratube существующих прав, что признано экспроприацией; Прокуратура Республики Казахстан вышла за рамки своих

[738] World Wide Minerals Ltd v Republic of Kazakhstan, UNCITRAL, Award, 2005.
[739] Anatolie Stati, Gabriel Stati, Ascom Group SA and Terra Raf Trans Traiding Ltd v Republic of Kazakhstan, SCC Case No. V 116/2010, Award, 19 December 2013.

полномочий. По итогам арбитражного разбирательства требования о возмещении вреда частично удовлетворены: компании-истцу присуждены инвестиционные затраты в размере 39,2 миллионов долларов США плюс неустойка.[740]

Таким образом, данное арбитражное дело демонстрирует необходимость соблюдения Республикой Казахстан международных стандартов в области защиты инвестиций и подтверждает необходимость четкого регулирования условий расторжения контрактов и недопущения превышения полномочий государственными органами.

Анализ арбитражной практики с участием Республики Казахстан свидетельствует о том, что нарушение стандарта справедливого и равноправного отношения имеет комплексный характер и может проявляться в различных формах. В частности, в рассмотренных делах арбитражные трибуналы устанавливали наличие нарушений, связанных с несоблюдением законных ожиданий инвестора, сформированных на основе действующего на момент осуществления инвестиций законодательства, а также с отсутствием должного уровня стабильности и предсказуемости правового регулирования. Кроме того, в ряде случаев отмечалась непропорциональность вмешательства государства в инвестиционную деятельность и наличие элементов произвольного поведения со стороны государственных органов. Указанные обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что выявленные проблемы носят не единичный, а системный характер, что обусловливает необходимость их устранения посредством внесения соответствующих изменений в национальное законодательство. Инвестиционные споры с участием Казахстана демонстрируют, что несоответствие национального законодательства Республики Казахстан международным инвестиционным стандартам приводит к значительным финансовым потерям и ухудшению инвестиционного имиджа страны.

Подтверждая вывод о системном характере проблем в сфере защиты прав инвесторов, необходимо отметить кардинальные изменения, внесенные в Главу 25 «Государственная поддержка инвестиционной деятельности» Предпринимательского кодекса Республики Казахстан, которые вступили в силу 31 декабря 2025 года в соответствии с Законом Республики Казахстан от 18 июля 2025 года № 215-VIII. Данные изменения знаменуют собой существенный пересмотр подходов к государственной поддержке инвестиций и, как будет показано ниже, вступают в противоречие с ключевыми элементами международного инвестиционного стандарта справедливого и равноправного отношения, в частности, с принципами стабильности правового регулирования и защиты законных ожиданий инвесторов.

Ранее действовавшая редакция Предпринимательского кодекса предусматривала относительно гибкую систему инвестиционных преференций. Новая редакция вводит принципиально иную, более жесткую и дифференцированную систему, которая может быть охарактеризована как закрытие прежних и введение новых, более обременительных для инвестора механизмов. Новая редакция предусматривает три типа инвестиционных контрактов: соглашение об инвестициях, соглашение об инвестиционных обязательствах и упрощенный инвестиционный контракт. Каждый из этих инструментов содержит нормы, которые могут быть расценены как ухудшающие правовое положение инвестора по сравнению с ранее действовавшим законодательством.

Новая редакция существенно сужает сферу действия и ужесточает условия для заключения наиболее привилегированных инвестиционных контрактов. Соглашение об инвестициях, предоставляющее максимальный пакет преференций, включая налоговые льготы, стабильность налогового законодательства и государственные

[740] Caratube International Oil Company LLP v Republic of Kazakhstan, ICSID Case No. ARB/08/12, Award, 5 June 2012.

натурные гранты, теперь ограничено строго определенными сферами и минимальными объемами инвестиций, которые были увеличены. Более того, статья 283-4 Предпринимательского кодекса Республики Казахстан закрепляет, что не допускается полное освобождение лиц, заключивших инвестиционные контракты, от исполнения налогового обязательства, что напрямую противоречит ранее существовавшей практике предоставления стопроцентного освобождения от корпоративного подоходного налога. Такое изменение негативно сказывается на законных ожиданиях инвесторов, которые планировали свои проекты, ориентируясь на прежние, более благоприятные условия. Кроме того, статья 283-5 Предпринимательского кодекса Республики Казахстан устанавливает новые, более жесткие правила освобождения от обложения таможенными пошлинами. Ранее действовавший механизм был заменен на упрощенный инвестиционный контракт, срок действия которого ограничен пятью годами. При этом законодатель ввел возможность взимания пеней за неиспользованное оборудование и сырье, ввезенное с таможенными льготами, что создает дополнительные риски для инвесторов.

Наиболее существенным и тревожным изменением является легализация возможности придания обратной силы нормам, ухудшающим положение инвестора, что прямо противоречит принципам правовой определенности и стабильности правового регулирования, которые десятилетиями составляли основу инвестиционного законодательства Республики Казахстан. Согласно пункту 2 статьи 283-4 новой редакции Предпринимательского кодекса Республики Казахстан, преференции по налогам предоставляются по итогам рассмотрения рабочих программ по проектам, если преобладающим результатом осуществления проекта является определенный итог. Это означает, что решение о предоставлении ранее обещанных налоговых льгот может быть пересмотрено в зависимости от того, как будет истолкован преобладающий результат проекта. Такая норма создает правовую неопределенность и позволяет государству в одностороннем порядке изменять условия уже заключенных соглашений, ссылаясь на субъективную оценку результатов деятельности инвестора. Особого внимания заслуживает статья 295-2 Предпринимательского кодекса Республики Казахстан, регулирующая прекращение соглашения об инвестиционных обязательствах. В пункте 3 указанной статьи закреплено, что при досрочном прекращении такого соглашения юридическое лицо обязано представить дополнительную налоговую отчетность в порядке, определенном Налоговым кодексом. По сути, это создает механизм пересмотра налоговых обязательств задним числом, который может быть использован для пересмотра налоговых обязательств инвестора за весь период действия контракта в случае его досрочного расторжения.

Указанные изменения свидетельствуют о системном ослаблении гарантий для инвесторов и создают риск произвольного применения норм государственными органами. В связи с изложенным, а также принимая во внимание необходимость обеспечения стабильности правового регулирования как ключевого элемента стандарта справедливого и равноправного отношения, представляется необходимым закрепить в статье 276 Предпринимательского кодекса Республики Казахстан общие принципы, которые будут служить ориентиром для правоприменителя и ограничивать возможность принятия регулирующих мер, нарушающих разумные ожидания инвесторов. Предлагается дополнить указанную статью пунктом 5 следующего содержания:

«При изменении законодательства Республики Казахстан, затрагивающего права и законные интересы инвесторов, государственные органы обязаны обеспечить соблюдение принципов правовой определенности, пропорциональности и недискриминационности. Принятие регулирующих мер, существенно изменяющих

условия осуществления инвестиций, должно быть обоснованным, соразмерным публичным целям и не должно носить произвольный характер».

Закрепление данной нормы позволит снизить риски, порожденные новым, более жестким регулированием, и будет способствовать приведению национального законодательства в соответствие с международным стандартом справедливого и равноправного отношения.

2.3. Проблема досудебного урегулирования инвестиционных споров

В рамках стандарта справедливого и равноправного отношения важное значение имеют принципы прозрачности и надлежащей правовой процедуры. Инвестор должен заранее знать, какие шаги ему необходимо предпринять для урегулирования спора с государством до обращения в арбитраж. Отсутствие четко установленных процедур досудебного урегулирования в национальном законодательстве создает нормативную основу для потенциального нарушения стандарта справедливого и равноправного отношения. В связи с этим актуальным является вопрос обязательности примирительных процедур до обращения в арбитраж. Многие международные инвестиционные соглашения содержат оговорки, обязывающие стороны спора попытаться разрешить конфликт в рамках переговоров или иных примирительных процедур. Зачастую инвесторы обращались в арбитражные трибуналы, не дождавшись окончания так называемого «cooling-off period», который призван дать сторонам дополнительную возможность урегулировать спор в рамках переговоров. Так, часть 2 статьи 3.15 международного инвестиционного соглашения между Республикой Казахстан и Республикой Сингапур предусматривает необходимость выжидания шестимесячного срока с момента обращения сторон к таким способам урегулирования споров, как переговоры и консультации перед тем, как обратиться в арбитражный суд.[741] Арбитражные трибуналы, как правило, ограничительно толкуют подобные нормы. Если принимающее инвестиции государство не реагирует на обращения инвестора либо окончательно заявляет о своей бескомпромиссной позиции, то арбитражные трибуналы признают необязательным соблюдение инвестором «cooling-off period».[742]

Пункты 2 и 3 статьи 296 Предпринимательского кодекса Республики Казахстан устанавливают, что инвестиционные споры разрешаются путем переговоров либо в соответствии с ранее согласованной процедурой, а при невозможности разрешения — в судах или арбитражах, определяемых соглашением сторон.[743] Досудебный порядок позволяет сторонам избежать дорогостоящего и длительного арбитража. Однако, нормы Предпринимательского кодекса Республики Казахстан не содержат четких процедур досудебного урегулирования, что может лишить Республику Казахстан возможности урегулировать спор до начала арбитражного разбирательства.

Анализ законодательства Китайской Народной Республики и Объединенных Арабских Эмиратов показывает, что закрепление обязательного досудебного порядка является общепризнанной практикой, направленной на снижение инвестиционных рисков и разгрузку международных арбитражных институтов.

Закон Китайской Народной Республики «Об иностранных инвестициях» в статье 26 устанавливает обязательный механизм рассмотрения жалоб иностранных

---

[741] Закон Республики Казахстан от 16 июля 2024 года № 125-VIII ЗРК «О ратификации Соглашения между Республикой Казахстан и Республикой Сингапур о торговле услугами и инвестициях» <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2400000125>, дата обращения 20.03.2026.

[742] Алиев А. Инвестиционные споры: международный опыт (Нур-Султан, 2020), 54.

[743] Кодекс Республики Казахстан от 29 октября 2015 года № 375-V «Предпринимательский кодекс Республики Казахстан».

инвесторов через специально созданную систему.[744] Иностранный инвестор, полагающий, что его права нарушены административным актом, обязан сначала обратиться в этот механизм. Лишь после его использования (или при недостижении результата) инвестор вправе обратиться за административным или судебным обжалованием. Такой подход создает четкую иерархию: сначала переговоры и примирительные процедуры, затем – суд или арбитраж.

В отличие от подхода, избранного в Китайской Народной Республике, законодательство Объединенных Арабских Эмиратов содержит прямое указание на возможность использования альтернативных способов разрешения споров. Статья 12 Федерального закона Объединенных Арабских Эмиратов № 19 от 2018 года «Об иностранных инвестициях», устанавливает: «Споры, которые могут возникнуть в связи с проектом прямых иностранных инвестиций, могут разрешаться всеми альтернативными способами разрешения споров. Если спор не урегулирован, компетентный суд рассматривает дела о прямых иностранных инвестициях в ускоренном порядке».[745]

Сравнение с законодательством Китайской Народной Республики и Объединенных Арабских Эмиратов показывает, что отсутствие в Предпринимательском кодексе Республики Казахстан четких процедур досудебного урегулирования является серьезным пробелом. В то время как Китайская Народная Республика создала механизм досудебного урегулирования спора, а Объединенные Арабские Эмираты прямо предусмотрели в законе возможность использования всех альтернативных способов разрешения споров до обращения в суд, в Республике Казахстан отсутствует обязательный претензионный порядок.

Для устранения этой неопределенности и применения опыта лучших зарубежных практик, в частности, обязательного досудебного порядка в Китайской Народной Республике и альтернативных способов разрешения споров в Объединенных Арабских Эмиратах, предлагается изменить пункты 2 и 3 статьи 296 Предпринимательского кодекса Республики Казахстан и изложить в следующей редакции:

«2. Инвестиционные споры разрешаются путем переговоров с обязательным соблюдением шестимесячного срока для досудебного урегулирования с момента направления письменной претензии инвестором государственному органу, если иной срок не предусмотрен международным договором, ратифицированным Республикой Казахстан, или соглашением сторон.

В течение указанного срока стороны обязаны принять меры для урегулирования спора, включая проведение консультаций, переговоров и, по взаимному согласию, применение примирительных процедур, предусмотренных статьями 303 и 305 настоящего Кодекса.

3. При недостижении согласия в течение установленного срока в соответствии с положениями пункта 2 настоящей статьи разрешение споров производится в соответствии с международными договорами и законодательными актами Республики Казахстан в судах Республики Казахстан, а также в арбитражах, определяемых соглашением сторон».

Заключение

Выявленные в ходе исследования проблемы свидетельствуют о том, что отсутствие четкого нормативного закрепления элементов международного инвестиционного стандарта справедливого и равноправного отношения приводит к

[744] Foreign Investment Law of the People's Republic of China (adopted 15 March 2019, National People's Congress of China).

[745] Federal Law by Decree No. 19 of 2018 Regarding Foreign Direct Investment (United Arab Emirates).

правовой неопределенности, что создает предпосылки для принятия непоследовательных и непредсказуемых решений, увеличивает риск возникновения инвестиционных споров и, как следствие, повышает вероятность привлечения государства к международно-правовой ответственности. Такая ситуация не только подрывает доверие иностранных инвесторов, но и препятствует реализации стратегических задач по привлечению инвестиций, заявленных в программных документах государства. Проанализировав нормы действующего Предпринимательского кодекса Республики Казахстан в части соответствия международному инвестиционному стандарту справедливого и равноправного отношения, считаю, что Предпринимательский кодекс Республики Казахстан требует реформирования.

Сравнительно-правовой анализ законодательства Китайской Народной Республики и Объединенных Арабских Эмиратов показывает более высокую степень нормативной определенности в этих юрисдикциях. В них закреплены четкие критерии отнесения субъектов к категории иностранных инвесторов, предусмотрена обязанность государственных органов соблюдать ранее принятые обязательства с гарантией компенсации в случае их изменения, а также установлены институционализированные процедуры досудебного урегулирования инвестиционных споров. Опыт этих стран демонстрирует, что системное правовое регулирование, ориентированное на предсказуемость и стабильность, является важным фактором устойчивого притока иностранного капитала.

Предпринимательский кодекс Республики Казахстан, являясь основным законодательным актом в сфере регулирования инвестиционной деятельности, содержит ряд несоответствий стандарту справедливого и равноправного отношения, наиболее существенными из которых являются: отсутствие определения «иностранный инвестор», недостаточность гарантий защиты законных ожиданий инвесторов, а также отсутствие четких процедур досудебного урегулирования инвестиционных споров.

Для устранения выявленных проблем предлагаются следующие меры, вытекающие из проведенного анализа:

1. Дополнить статью 274 Предпринимательского кодекса Республики Казахстан определением «иностранный инвестор», включив в него иностранных физических и юридических лиц, а также контролируемые ими казахстанские структуры, с установлением критерия существенной коммерческой деятельности для предотвращения злоупотреблений. Это позволит устранить правовую неопределенность и создать четкую основу для применения международно-правовых гарантий, предусмотренных инвестиционными соглашениями.

2. Закрепить в статье 276 Предпринимательского кодекса Республики Казахстан принципы правовой определенности, пропорциональности и недискриминационности, а также требование обоснованности и соразмерности регулирующих мер, существенно изменяющих условия осуществления инвестиций. Данная норма обеспечит защиту законных ожиданий инвесторов, основанных на стабильности правового регулирования, действовавшего на момент осуществления инвестиций, и будет способствовать предсказуемости государственной политики.

3. Изложить пункты 2 и 3 статьи 296 Предпринимательского кодекса Республики Казахстан в новой редакции, установив обязательный шестимесячный срок досудебного урегулирования инвестиционных споров с детализацией примирительных процедур. Введение четкого претензионного порядка позволит снизить количество споров, передаваемых на рассмотрение международных арбитражей, и повысит эффективность внесудебного разрешения конфликтов между инвестором и государством.

Предложенные изменения направлены на повышение уровня правовой определенности, снижение инвестиционных рисков и укрепление инвестиционной привлекательности Республики Казахстан. Совершенствование национального законодательства в целях полного соответствия стандартам, признанным на международном уровне, является необходимым шагом для создания привлекательных условий для иностранных инвестиций. Реализация предложенных мер позволит не только минимизировать риски участия государства в инвестиционных спорах, но и сформировать устойчивую правовую среду, способствующую долгосрочному экономическому развитию. Полагаю, что предложенные в настоящей статье предложения по совершенствованию национального законодательства помогут в создании благоприятной инвестиционной среды для привлечения большего объема инвестиций в страну, а также снизят юридические риски для Республики Казахстан.

Список литературы:

1. Конвенция об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств (Convention on the Settlement of Investment Disputes between States and Nationals of Other States, ICSID, Вашингтон, 18 марта 1965 г.);

2. Кодекс Республики Казахстан от 29 октября 2015 года № 375-V «Предпринимательский кодекс Республики Казахстан» <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000375>;

3. Указ Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года № 674 «Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года» < https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674>;

4. Указ Президента Республики Казахстан от 26 ноября 2022 года № 2 «О мерах по реализации предвыборной программы Президента Республики Казахстан «Справедливый Казахстан - для всех и для каждого. Сейчас и навсегда» <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200000002>;

5. Закон Республики Казахстан от 27 декабря 1994 года № 266-XIII «Об иностранных инвестициях» (утратил силу) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z940009000_>;

6. Закон Республики Казахстан от 16 июля 2024 года № 125-VIII ЗРК «О ратификации Соглашения между Республикой Казахстан и Республикой Сингапур о торговле услугами и инвестициях» <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2400000125>;

7. Постановление Правительства Республики Казахстан от 31 декабря 2025 года № 1185 «Об утверждении Концепции инвестиционной политики Республики Казахстан до 2030 года» <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2500001185>;

8. Foreign Investment Law of the People’s Republic of China (adopted 15 March 2019, National People’s Congress of China);

9. Federal Law by Decree No. 19 of 2018 Regarding Foreign Direct Investment (United Arab Emirates).

10. AES Corporation and Tau Power BV v Republic of Kazakhstan, ICSID Case No. ARB/10/16, Award, 1 November 2013;

11. World Wide Minerals Ltd v Republic of Kazakhstan, UNCITRAL, Award, 2005;

12. Anatolie Stati, Gabriel Stati, Ascom Group SA and Terra Raf Trans Traiding Ltd v Republic of Kazakhstan, SCC Case No. V 116/2010, Award, 19 December 2013;

13. Caratube International Oil Company LLP v Republic of Kazakhstan, ICSID Case No. ARB/08/12, Award, 5 June 2012.

14. Dolzer R, Kriebaum U and Schreuer C, Principles of International Investment Law (3rd edn, Oxford University Press 2022);

15. Сулейменов М.К. Правовое регулирование иностранных инвестиций и недропользования в Казахстане (Алматы, 2006);
16. Алиев А. Инвестиционные споры: международный опыт (Нур-Султан, 2020);
17. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть (3-е изд., Москва, 2005);
18. Мороз С.П. Инвестиционное право (3-е изд., Алматы, 2006).
19. Panagiotis P, “The Impact of FDI on Economic Growth in Eurozone Countries” (2015) 17 The Journal of Economic Asymmetries;
20. М.К. Сулейменов, «Законодательство об инвестициях Республики Казахстан: 25 лет развития» (презентация, XV Международная Атырауская правовая конференция «Недропользование – основа экономики Республики Казахстан», 28 апреля 2017 г., Атырау);
21. Ван Хук М, «Методология сравнительно-правовых исследований» (2013) 3 Известия вузов. Правоведение.
22. UNCTAD, World Investment Report 2025: <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2025> дата обращения 20 марта 2026;
23. Министерство финансов Республики Казахстан, данные о государственном долге <https://www.gov.kz/memleket/entities/minfin/documents/details/742094?lang=ru&utm_source> дата обращения 20 марта 2026;
24. Национальный Банк Республики Казахстан, внешний долг <https://www.nationalbank.kz/ru/news/vneshniy-dolg> дата обращения 20 марта 2026.

Кожахметова Жанар Калкамановна
Магистрант 2 курса специальности «Международное право»
Высшая школа права Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республика Казахстан
E-mail:zh.kozhakhmetova@psa.kz

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПРИКАСПИЙСКИХ ГОСУДАРСТВ ЗА ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАСПИЙСКОГО МОРЯ

Аннотация:

Статья посвящена вопросам защиты экологии Каспийского моря через призму повышения ответственности прикаспийских государств за экологическую безопасность Каспия, в частности путем принятие четких, не допускающих правовой неопределённости и эффективных правовых норм в Правилах материальной ответственности и компенсации за экологический ущерб, предусмотренных в Тегеранской конвенции (далее – Правила). Вместе с тем, предлагается в Тегеранской конвенции предусмотреть разработку правил и процедур, касающихся не только материальной ответственности, но и юридической ответственности прикаспийских государств. Также, в целях усиления внимания к вопросам охраны экологии Каспия со стороны должностных лиц прикаспийских государств как ответственных лиц, предлагается в национальном законодательстве прикаспийских государств и в Правилах предусмотреть ответственность должностных лиц за ненадлежащее осуществление государственного экологического контроля.

Научная новизна: заключается в рассмотрении ответственности прикаспийских государств как одного из механизмов обеспечения экологической безопасности Каспия.

Актуальность темы: Каспий, крупнейший замкнутый водоем планеты, находится под угрозой экологической катастрофы. Для Казахстана это не только экологическая, но и социально-экономическая угроза, требующая немедленных действий.

Цель исследования: анализ положений Тегеранской конвенции и национального законодательства прикаспийских государств по вопросам ответственности за ущерб экологии Каспия и выработка предложений, направленных на защиту экологии.

Ключевые слова: Каспийское море, экология, ответственность, добыча углеводородов, прикаспийские государства, международное право, национальное право, Тегеранская конвенция, правовой статус.

Annotation

The article is devoted to issues of environmental protection of the Caspian Sea through the lens of strengthening the responsibility of the Caspian littoral States for ensuring the ecological safety of the Caspian region, in particular through the adoption of clear, legally certain, and effective legal norms within the Rules on Liability and Compensation for Environmental Damage provided for in the Tehran Convention (hereinafter referred to as the Rules). At the same time, it is proposed that the Tehran Convention provide for the development of rules and procedures concerning not only material liability but also the legal liability of the Caspian littoral States. Furthermore, in order to enhance the attention of officials of the Caspian littoral States to environmental protection as responsible actors, it is proposed that both the national legislation of the Caspian States and the Rules establish liability of public officials for improper implementation of state environmental control.

Scientific novelty: The article examines the responsibility of the Caspian littoral States as one of the mechanisms for ensuring the ecological safety of the Caspian Sea.

Relevance of the topic: The Caspian Sea, the largest enclosed body of water on the planet, is under threat of ecological catastrophe. For Kazakhstan, this represents not only an environmental but also a socio-economic threat requiring urgent action.

Purpose of the research: To analyze the provisions of the Tehran Convention and the national legislation of the Caspian littoral States concerning liability for environmental damage to the Caspian Sea and to develop proposals aimed at environmental protection.

Keywords: Caspian Sea, ecology, liability, hydrocarbon extraction, Caspian littoral states, international law, national law, Tehran Convention, legal status.

Аннотация

Мақала Каспий теңізінің экологиясын қорғау мәселелеріне, атап айтқанда Каспий маңы мемлекеттерінің Каспийдің экологиялық қауіпсіздігін қамтамасыз ету жөніндегі жауапкершілігін күшейту тұрғысынан арналған. Бұл, әсіресе, Тегеран конвенциясында көзделген қоршаған ортаға келтірілген зиян үшін жауапкершілік және өтемақы ережелерінде (бұдан әрі - Ережелер) айқын, құқықтық тұрғыдан нақты және тиімді құқықтық нормаларды қабылдау арқылы жүзеге асыруды қамтиды. Сонымен қатар, Тегеран конвенциясында тек мүліктік жауапкершілікке ғана емес, сонымен қатар Каспий маңы мемлекеттерінің заңды жауапкершілігіне қатысты ережелер мен рәсімдерді әзірлеу көзделуі ұсынылады. Бұдан бөлек, Каспий маңы мемлекеттерінің лауазымды тұлғаларының қоршаған ортаны қорғауға жауапты субъектілер ретінде назарын күшейту мақсатында, ұлттық заңнамада және Ережелерде мемлекеттік экологиялық бақылауды тиісінше жүзеге асырмағаны үшін лауазымды тұлғалардың жауапкершілігін көздеу ұсынылады.

Ғылыми жаңалығы: Мақалада Каспий маңы мемлекеттерінің жауапкершілігі Каспий теңізінің экологиялық қауіпсіздігін қамтамасыз етудің тетіктерінің бірі ретінде қарастырылады.

Тақырыптың өзектілігі: Каспий - планетадағы ең ірі тұйық су айдыны, экологиялық апат қаупіне ұшырап отыр. Қазақстан үшін бұл тек экологиялық емес, сонымен қатар әлеуметтік-экономикалық қауіп болып табылады және шұғыл шараларды талап етеді.

Зерттеудің мақсаты: Тегеран конвенциясының және Каспий маңы мемлекеттерінің ұлттық заңнамасының Каспий теңізінің экологиясына келтірілген зиян үшін жауапкершілік мәселелері бойынша ережелерін талдау және қоршаған ортаны қорғауға бағытталған ұсыныстар әзірлеу.

Түйін сөздер: Каспий теңізі, экология, жауапкершілік, көмірсутектерді өндіру, Каспий маңы мемлекеттері, халықаралық құқық, ұлттық құқық, Тегеран конвенциясы, құқықтық мәртебе.

Введение

Бесспорно, разработка нефтегазовых месторождений оказывает значительное положительное влияние на экономику государства, способствует росту благосостояния и повышению конкурентоспособности государства на международной арене. Вместе с тем, добыча углеводородов оказывает негативное воздействие на экологию, а значит представляет непосредственную угрозу здоровью человека. В связи чем важное значение имеет соблюдение экологических требований при ведении добычи на месторождениях.

Сегодня Каспийское море сталкивается с серьезными угрозами:

1) снижение уровня моря: после 2018 года падение уровня ускорилось до 25–30 см в год, что вызвано интенсивным испарением в условиях глобального потепления и сокращением речного стока;

2) антропогенное воздействие: интенсивная добыча нефти и газа на шельфе, а также загрязнение рек ведут к накоплению тяжелых металлов и нефтепродуктов в воде и донных отложениях;

3) инвазивные виды: появление чужеродных организмов, таких как гребневик Mnemiopsis leidyi, дестабилизирует пищевые цепочки и снижает биопродуктивность моря[746].

За последние два десятилетия уровень воды снизился на 2,5 метра, что связано с климатическими изменениями, уменьшением притока воды из Волги и чрезмерной антропогенной нагрузкой. Это угрожает экосистеме, включая популяцию каспийских тюленей, сократившуюся на 90%, и осетровых рыб, чьи запасы истощены на 85%[747].

В апреле 2026 года в г.Астана планируется проведение Регионального экологического саммита (RES) 2026, нацеленного на выработку региональных решений климатических и экологических проблем в партнёрстве с ООН[748].

Саммит направлен на разработку согласованных и практико-ориентированных решений и механизмов, отражающих региональный подход к климатическим и экологическим вызовам, включая трагедию Аральского моря, ставшую глобальным символом экологической деградации, и продолжающееся снижение уровня Каспийского моря. Одним из направлений повестки саммита является: устойчивое управление природными ресурсами, включая сохранение экосистем и защиту водных ресурсов, таких как Арал и Каспий[749].

Вместе с тем, особую роль в экологической безопасности имеют правовые акты как в сфере национального, так и международного права, регламентирующие вопросы охраны окружающей среды, эффективное правовое регулирование и контроль за соблюдением недропользователями установленных экологических требований, а также установление ответственности, в том числе и ответственности прикаспийских государств за нанесенный ущерб экологии.

Основная часть

В конце XX в. приоритетом служили экономическая целесообразность и активное хозяйственное развитие, которое практически не сочеталось с соблюдением международных экологических норм. В XXI в. ситуация постепенно начала меняться[750].

В 2003 году, в целях защиты морской среды Каспийского моря от загрязнения, включая защиту, сохранение, восстановление, устойчивое и рациональное использование его биологических ресурсов, прикаспийские страны подписали Рамочную конвенцию по защите морской среды Каспийского моря (Тегеранская конвенция)[751].

Тегеранская конвенция стала результатом работы в рамках Каспийской Экологической Программы (КЭП). КЭП была создана в 1998 г. совместно странами-

---

[746] ‘Каспийское море’ (НАО «Казахский научно-исследовательский институт Каспийского моря») <https://kazsrics.kz/kaspiyskom-more/> дата обращения: 1 марта 2026 г.

[747] ‘Экологический кризис Каспийского моря: вызов для Казахстана и региона’ (Дала Дауысы, 3 сентября 2025 г.) <https://www.ddn.kz/ekologicheskij-krizis-kaspijskogo-morya-vyzov-dlya-kazahstana-i-regiona/> дата обращения: 2 марта 2026 г.

[748] Министерство экологии и природных ресурсов Республики Казахстан <https://www.gov.kz/memleket/entities/ecogeo/press/news/details/1127961> дата обращения: 4 апреля 2026 г.

[749] Там же.

[750] З.А. Дадабаева, ‘Сотрудничество прикаспийских стран в экологической сфере: проблемы и перспективы’ (2023) № 5 Вестник Института экономики Российской академии наук, 152–153.

[751] Рамочная конвенция по защите морской среды Каспийского моря (принята 4 ноября 2003 г., вступила в силу 12 августа 2006 г.) Бюллетень международных договоров Республики Казахстан (2006) № 6, ст. 44 (Тегеранская конвенция).

партнерами, при участии Европейского союза и Глобального экологического фонда (ГЭФ) для обеспечения экологической защиты Каспийского моря, создания благоприятных условий для жизни прибрежного населения[752].

Приняв Тегеранскую конвенцию, государства участники поставили конкретные экологические цели, но избегали принятия явных обязательств. Юридически обязательный эффект может быть достигнут только путем принятия протоколов о реализации, что происходит постепенно[753].

В 2011 г. был подписан «Актауский протокол» о региональной готовности, реагировании и сотрудничестве в случае инцидентов, вызывающих загрязнение нефтью, который был принят и подписан на третьей сессии Конференции Сторон в г. Актау, Казахстан, 12 августа 2011 года. Это первый протокол, ратифицированный всеми прикаспийскими странами и вступивший в силу 25 июля 2016 года[754].

Протокол по защите Каспийского моря от загрязнения из наземных источников и в результате осуществляемой на суше деятельности («Московский протокол») был принят и подписан на четвертой сессии Конференции Сторон (КС-4) в г. Москва, Российская Федерация, 12 декабря 2012 года. Данный протокол является вторым протоколом, ратифицированным всеми прикаспийскими странами[755].

Протокол о сохранении биологического разнообразия («Ашхабадский протокол») был принят на пятой сессии Конференции Сторон (КС-5) в г. Ашхабад, Туркменистан, 30 мая 2014 года[756], но не вступил в силу, так как ратифицирован не всеми прикаспийскими государствами.

Протокол по оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте был принят и подписан на внеочередной сессии Конференции Сторон в г. Москва, Российская Федерация, 20 июля 2018 года[757]. Данный Протокол вступил в силу 18 ноября 2025 года.

В настоящее время прикаспийские государства ведут переговоры по проекту Протокола по мониторингу, оценке и обмену информацией к Тегеранской конвенции.

При этом «Рамочный» характер Тегеранской конвенции был призван заложить основу для текущего дипломатического процесса по сокращению загрязнения Каспийского моря из различных источников. По сравнению с аналогичными международными конвенциями и соглашениями положения Тегеранской конвенции сформулированы довольно расплывчато. Её географические границы не определены чётко; сроки выполнения обязательств в этой конвенции практически отсутствуют. Тегеранская конвенция не называет конкретных угроз для окружающей среды моря, даже не упоминая нефть как важнейший источник загрязнения[758].

Эксперты отмечают, что сотрудничество в решении экологических проблем и дискуссионных вопросов природоохранного характера в рамках КЭП и Тегеранской конвенции оказало решающее влияние на подписание странами Конвенции о правовом статусе Каспийского моря основного юридического документа, регулирующего отношения прикаспийских государств[759].

12 августа 2018 года прикаспийскими государствами (Азербайджанская Республика, Исламская Республика Иран, Республика Казахстан, Российская

---

[752] Дадабаева (сноска 5) 159.
[753] Barbara Janusz-Pawletta, ‘The Legal Status of the Caspian Sea: Current Challenges and Prospects for Future Development’ (2015, Berlin Center for Caspian Region Studies, FFU – Environmental Policy Research Centre).
[754] ‘О Тегеранской конвенции’ (Тегеранская конвенция) <https://tehranconvention.org/ru/tc/about> дата обращения: 3 марта 2026 г.
[755] Там же.
[756] Там же.
[757] Там же.
[758] Janusz-Pawletta (n 8).
[759] Дадабаева (сноска 5) 160.

Федерация, Туркменистан) подписана Конвенция о правовом статусе Каспийского моря.

Данная Конвенция подписана прикаспийскими государствами и ратифицирована Азербайджанской Республикой, Республикой Казахстан, Российской Федерацией и Туркменистаном. Исламская Республика Иран до настоящего момента остаётся единственным государством региона, которое подписало, но ещё не ратифицировало Конвенцию о правовом статусе Каспийского моря.

В случае ратификации Конвенции Ираном - Конвенция юридически полностью вступит в силу, хотя большинство её положений действуют в настоящее время в межгосударственных отношениях прикаспийских государств, закреплённых в двусторонних и многосторонних соглашениях сторон Конвенции, а также в сложившейся международной практике в акватории моря[760].

При этом согласно статье 18 Венской конвенции о праве международных договоров, государство обязано воздерживаться от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели, если: a) оно подписало договор или обменялось документами, образующими договор, под условием ратификации, принятия или утверждения, до тех пор пока оно не выразит ясно своего намерения не стать участником этого договора; или b) оно выразило согласие на обязательность для него договора, до вступления договора в силу и при условии, что такое вступление в силу не будет чрезмерно задерживаться[761].

Таким образом, Венская конвенция о праве международных договоров обязывает государства действовать добросовестно и воздерживаться от действий, которые могут ослабить цель и объект договора, обеспечивая тем самым стабильность международных отношений.

В соответствии со статьей 15 Конвенции о правовом статусе Каспийского моря, стороны обязуются защищать и сохранять экологическую систему Каспийского моря и все ее компоненты. Запрещается деятельность, которая наносит ущерб биологическому разнообразию Каспийского моря. Стороны в соответствии с нормами международного права несут ответственность за ущерб, нанесенный экологической системе Каспийского моря[762].

При этом согласно статье 29 Тегеранской конвенции договаривающиеся Стороны, принимая во внимание соответствующие принципы и нормы международного права, предпринимают усилия по разработке правил и процедур, касающихся материальной ответственности и компенсации за ущерб, причиненный морской среде Каспийского моря в результате нарушения положений настоящей Конвенции и протоколов к ней[763].

В связи с чем Тегеранская конвенция предусматривает сотрудничество и разработку правил материальной ответственности и компенсации за экологический ущерб в отдельном протоколе. При этом принятие данного протокола необходимо ускорить, принимая во внимание ухудшающуюся экологию Каспия.

Как предусмотрено статьей 29 Тегеранской конвенции, при разработке правил материальной ответственности и компенсации за экологический ущерб, стороны принимают во внимание соответствующие принципы и нормы международного права[764].

---

[760] А.А. Салимгерей, ‘Правовой режим морских пространств по Конвенции о правовом статусе Каспийского моря’ (2023) № 5 Международное право 228.

[761] Венская конвенция о праве международных договоров (принята 23 мая 1969 г., вступила в силу 27 января 1980 г.) 1155 UNTS 331.

[762] Конвенция о правовом статусе Каспийского моря (подписана 12 августа 2018 г.) <http://kremlin.ru/supplement/5328> дата обращения: 3 марта 2026 г. (Каспийская конвенция).

[763] Тегеранская конвенция (сноска 6).

[764] Там же.

Согласно статьей 5 Тегеранской конвенции по защите морской среды Каспийского моря: «В своих действиях для достижения цели настоящей Конвенции и выполнения ее положений Договаривающиеся Стороны руководствуются, в том числе: (a) принципом принятия мер предосторожности, согласно которому, при наличии угрозы серьезного или необратимого ущерба для морской среды Каспийского моря, ссылки на отсутствие полной научной уверенности не используются в качестве причины для отсрочки экономически эффективных мер по предупреждению подобного ущерба; (b) принципом "загрязняющий платит", согласно которому загрязняющий несет расходы по осуществлению мер предотвращения, контроля и снижения загрязнения морской среды Каспийского моря; (c) принципом доступности информации о загрязнении морской среды Каспийского моря, согласно которому Договаривающиеся Стороны предоставляют друг другу соответствующую информацию в максимально полном объеме.»[765].

Принцип предосторожности обязывает государства принимать превентивные меры и помогает заранее предпринять меры по защите экологии, что способствует рациональному использованию ресурсов.

Важнейшей особенностью этого принципа является то, что для защиты окружающей среды могут потребоваться активные меры ещё до того, как будут представлены научные доказательства нанесения вреда. Однако до сих пор среди государств отсутствует единое понимание значения этого термина. С одной стороны, его можно определить как проявление осторожности в отношении деятельности, которая может оказать негативное воздействие на окружающую среду. С другой стороны, может иметь место строгое регулирование и запрет видов деятельности и веществ, потенциально опасных для окружающей среды, даже при отсутствии убедительных доказательств их вероятного вредного воздействия[766].

Также необходимо принять во внимание и принцип «загрязняющий платит», который направлен на ответственное использование природных ресурсов. Расходы по устранению ущерба несут лица, причинившие ущерб экологии, независимо от наличия их вины.

Принцип «загрязняющий платит» берет свое начало в Принципе 16 Рио-де-Жанейрской декларации 1992 года. Он означает, что загрязнитель, в принципе, должен нести расходы, связанные с загрязнением. Этот принцип подразумевает, что расходы на устранение причиненного ущерба возлагаются на загрязнителя, а также что загрязнитель несет ответственность за охрану окружающей среды и предотвращение нанесения ей ущерба. Однако до сих пор ни бремя доказывания не определено четко в международном экологическом праве, ни пределы применимости принципа «загрязнитель платит» не установлены, хотя этот принцип включен в многочисленные международные соглашения и не имеющие обязательной силы декларации[767].

Применение принципа «загрязняющий платит» на практике рассмотрено в решении UK Privy Council judgment по делу «Fishermen and Friends of the Sea».

В данном деле одновременно демонстрируется значение данного принципа и его ограниченность в судебной практике. В данном деле подробно раскрывается как данный принцип может применяться на практике (например, при установлении платежей за загрязнение воды) в конкретной стране Тринидаде и Тобаго[768].

Апелляция была подана против Министра планирования, жилищного строительства и окружающей среды Тринидада и Тобаго экологической

[765] Там же.
[766] Janusz-Pawletta (n 8).
[767] Там же.
[768] Fishermen and Friends of the Sea v Minister of Planning, Housing and the Environment (Trinidad and Tobago) [2017] UKPC 37.

неправительственной организацией «Fishermen and Friends of the Sea», которая оспаривала применение принципа «загрязняющий платит» в контексте взимания платежей, направленных на возмещение затрат по регулированию загрязнения вод.

Примечательно, что по итогам рассмотрения данного дела решение было принято в пользу экологической неправительственной организации «Fishermen and Friends of the Sea».

При этом суд обратил внимание на внутренние неопределенности принципа «загрязняющий платит», включая вопросы о том, кто должен платить, за что они должны платить и в каком размере. Заявители оспаривали правильность применения данного принципа при установлении сборов, указывая, что установленный платеж противоречит принципу и в связи с чем нормативные правовые акты являются незаконными и подлежат отмене[769].

Как справедливо отмечает Scotford, судебная практика по экологическим принципам в значительной степени зависит от формулировок законодательства и политики и, следовательно, носит специфический для каждой юрисдикции характер[770].

В связи с чем, дело «Fishermen and Friends of the Sea» показывает, что принцип «загрязняющий платит» в реальности вызывает множество неопределенностей и практических вопросов.

О существующих неопределенностях принципа «загрязняющий платит» также свидетельствует статья Arne Bleeker «Does the Polluter Pay? The Polluter-Pays Principle in the Case Law of the European Court of Justice».

В трех наиболее значимых делах, связанных с принципом «загрязняющий платит» и рассмотренных Судом Европейского союза, Суд акцентировал внимание на различных аспектах данного принципа. В деле Standley Суд подчеркнул, что принцип «загрязняющий платит» следует рассматривать как проявление принципа соразмерности, а значит, возлагаемые на загрязнитель издержки должны отражать его реальный вклад в возникновение загрязнения[771].

В делах Van de Walle и Erika Суду пришлось отвечать на вопросы как о пределах понятия «отходы» в рамках Рамочная директива об отходах ЕС, так и об ответственности за обращение с такими отходами. Примечательно, что, с одной стороны, Суд применяет широкий подход при толковании определения «отходов» (то есть того, что считается загрязнением в рамках принципа «загрязняющий платит»), а с другой - проявляет значительно большую сдержанность в расширении круга лиц, ответственных за обращение с отходами (то есть в определении того, кто является «загрязнителем» в рамках данного принципа)[772].

Таким образом, принцип «загрязняющий платит» допускает различное толкование, что обуславливает правовую неопределенность, отрицательно влияющую на эффективность защиты экологии. В связи с чем требуется взвешенный подход при разработке правил материальной ответственности и компенсации за экологический ущерб, предусмотренных статьей 29 Тегеранской конвенции.

Вместе с тем необходимо отметить, что в своем Консультативном заключении (2024г.) по вопросам изменения климата Международный Суд ООН пришел к выводу о том, что принцип «загрязняющий платит» не является частью общего международного права[773].

---

[769] Там же.
[770] Там же.
[771] Arne Bleeker, 'Does the Polluter Pay? The Polluter-Pays Principle in the Case Law of the European Court of Justice' (2009) 18 European Energy and Environmental Law Review 289.
[772] Там же.
[773] Legality of States' Obligations in Respect of Climate Change (Advisory Opinion) (International Court of Justice, pending 2024).

Правила, касающиеся ответственности государств за ущерб окружающей среде, необходимо рассматривать в контексте международных договоров, обычного права и общих правовых принципов. Обычное право устанавливает обязанность предотвращать ущерб окружающей среде. Первая проблема заключается в определении экологического ущерба. Общих международных норм по данному вопросу не существует, однако некоторые договоры вносят определенный вклад в достижение этой цели, определяя «загрязнение» или «неблагоприятные последствия» как имеющие минимальное значение для возникновения ответственности за экологический ущерб[774].

Одним из международных актов в области регулирования ответственности за загрязнение окружающей среды является Международная конвенция о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью 1992 года (CLC 1992).

В отличие от Тегеранской конвенции рамочного характера, CLC 1992 устанавливает модель ответственности на основе строгой ответственности, то есть судовладелец несет ответственность в виде возмещения ущерба независимо от наличия вины, что повышает эффективность защиты экологии.

В связи с чем, в правилах материальной ответственности и компенсации за экологический ущерб, предусмотренных статьей 29 Тегеранской конвенции, целесообразно также рассмотреть возможность заимствования аналогичных подходов.

Таким образом, на прикаспийские государства возлагается ответственность за принятие четких и эффективных правовых норм в правилах ответственности и компенсации за экологический ущерб, что является важным механизмом обеспечения экологической безопасности Каспия.

Также необходимо отметить, что статья 29 Тегеранской конвенции предусматривает разработку правил только в части материальной ответственности. При этом предлагается предусмотреть также «юридическую/экологическую ответственность государства» за нанесенный ущерб экологии Каспия.

Экологическая ответственность как форма воздействия в юридической литературе понимается по-разному. Большинство специалистов полагают, что её содержание выступает в виде совокупности уголовной, административной и иных традиционных видов правовой ответственности. Однако, кроме обозначенных разновидностей юридической ответственности за анализируемые деяния возможно и необходимо выделение экологической ответственности как самостоятельной формы правового принуждения, которую рассматривают ряд ученых, среди них У.Т. Аюбов, А.Ю. Чикильдина и другие[775].

На протяжении нескольких десятилетий в науке экологического права одна из ключевых научных дискуссий ведется относительно обоснования экологической ответственности как самостоятельного вида юридической ответственности. Впервые этот вопрос был затронут в 1970—1980е гг. в трудах Б.В. Ерофеева17, В.В. Петрова18 и др.[776].

Об экологической ответственности также упоминал в своей работе Сарсембаев М.А., указывая, что в тексте Протокола о региональной готовности, реагировании и сотрудничестве в случае инцидентов, вызывающих загрязнение нефтью, к Рамочной конвенции по защите морской среды Каспийского моря недостаточно прописана экологическая ответственность сторон. А это необходимо, поскольку такой подход

---

[774] Janusz-Pawletta (n 8).

[775] И.В. Ивакин, 'Формы и содержание экологической ответственности' (2024) № 3(231) Право и государство: теория и практика 149-151.

[776] А.П. Анисимов, В.В. Устюкова и А.Ю. Чикильдина, 'Эколого-правовая ответственность за причинение вреда окружающей среде: проблемы обоснования' (2017) 12(4) Труды Института государства и права РАН, 136.

будет демонстрировать серьезное отношение сторон к Протоколу. Каждое государство-участник Протокола должно нести ответственность за нарушения норм экологического законодательства и Протокола[777].

Как указывает в своей работе Ивакин В.И. «содержание экологической ответственности как особой процессуальной формы непосредственно направлено на полное возмещение экологического ущерба и его предупреждение. Содержание юридической ответственности в области охраны окружающей среды заключено в наказании виновных и частичном возмещении ущерба природе.»[778].

Вместе с тем вопрос юридической ответственности государства остается предметом дискуссий.

Ни на законодательном, ни на теоретическом уровнях вопрос юридической ответственности государства не раскрыт в полной мере, что определяет причину появления в действующем законодательстве, устанавливающем юридическую ответственность государства, пробелов и коллизий[779].

Юридическая ответственность государства представляет собой важную гарантию прав, свобод и законных интересов, является действенным средством укрепления правопорядка, законности в процессе функционирования государственных органов и их должностных лиц. В настоящее время ответственность государства в значительной степени декларативна. Зачастую меры юридической ответственности государства законодательно закреплены, но не разработаны действенные механизмы их реализации[780].

Международную ответственность за применение международного права несет государство в целом. Оно несет ответственность за соответствующую деятельность всех государственных органов, должностных лиц, а также лиц физических и юридических. Государство обязано обеспечить, чтобы в пределах его юрисдикции никто не препятствовал применению норм международного права. Обязанность государств обеспечить реализацию норм международного права всеми своими органами является необходимым условием функционирования этого права и издавна подчеркивается в международной практике[781].

Национальное законодательство прикаспийских государств[782] предусматривает ответственность физических и юридических лиц за нарушение норм экологического законодательства. Государственные органы в пределах своей компетенции обязаны обеспечивать эффективный контроль за деятельностью физических и юридических лиц в области охраны окружающей среды.

При этом, предлагается в национальном законодательстве прикаспийских государств также рассмотреть ответственность должностных лиц за ненадлежащее осуществление государственного экологического контроля.

---

[777] М.А. Сарсембаев, ‘Как усовершенствовать правовой инструмент по защите морской среды Каспия от загрязнения нефтью’ (2011) № 2(22) Вестник Института законодательства РК, 45–52.

[778] Ивакин (сноска 30) 149-151.

[779] О.А. Пугина и А.А. Коробова, ‘Государство как субъект юридической ответственности’ (2019) № 4(9) Право: история и современность 18, 18–26 <https://doi.org/10.17277/pravo.2019.04.pp.018-026> 19.

[780] В.В. Романова, ‘Юридическая ответственность государства’ (2016) № 3(37) Юридическая наука и правоохранительная практика 25.

[781] И.И. Лукашук, Международное право. Общая часть (3-е изд., перераб. и доп., М.: Волтерс Клувер, 2005) 120.

[782] Закон Туркменистана «Об охране природы» (принят 1 марта 2014 г.). Экологический кодекс Республики Казахстан (принят 2 января 2021г.). Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях (принят 5 июля 2014г.). Федеральный закон Российской Федерации «Об охране окружающей среды» (принят 10 января 2002 г. № 7-ФЗ). Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (принят 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ). Закон Азербайджанской Республики «Об охране окружающей среды» (принят 8 июня 1999 г. № 678-IQ). Закон Исламской Республики Иран «Об охране окружающей среды» (принят 1974 г.).

Следует согласиться, что ныне существующий институт ответственности за экологические правонарушения/преступления до настоящего времени не представляет собой слаженного, отработанного и эффективного механизма, в должной мере обеспечивающего права и интересы населения. С учетом этого, отсутствие четкого правового механизма привлечения к ответственности органов местного самоуправления, и должностных лиц создает условия для совершения ими действий, противоречащих конституционным принципам, интересам населения, а также злоупотребления своими права ми, лоббированием личных интересов и разрастанию коррупции[783].

Заключение

В условиях возрастающих экологических рисков Каспийского моря отсутствие в национальном законодательстве прикаспийских государств норм о прямой ответственности государственных органов/должностных лиц за ненадлежащее осуществление экологического контроля, указывает на необходимость совершенствования правового регулирования и усиления ответственности прикаспийских государств в рамках национального законодательства.

В связи с чем предлагается предусмотреть в национальном законодательстве прикаспийских государств ответственность должностных лиц за ненадлежащее осуществление государственного экологического контроля, что будет способствовать защите экологии Каспия, в том числе путем усиленного внимания к вопросам охраны экологии Каспия со стороны должностных лиц прикаспийских государств как ответственных лиц.

Также закрепление и развитие юридической ответственности прикаспийских государств, в том числе, через установление дисциплинарной, административной и уголовной ответственности государственных должностных лиц за ненадлежащее осуществление экологического контроля в рамках соответствующего протокола Тегеранской конвенции, будет способствовать повышению ответственности прикаспийских государств, эффективности международно-правового регулирования и защите экологии.

При этом, предлагается рассмотреть в статье 29 Тегеранской конвенции разработку правил и процедур, касающихся не только материальной ответственности, но и юридической ответственности прикаспийских государств.

Вместе с тем, при разработке указанных правил и процедур особое вниманием необходимо уделить формированию четких, не допускающих правовой неопределённости, и эффективных правовых норм, обеспечивающих их единообразное толкование и применение, что является важным механизмом обеспечения экологической безопасности Каспия. При этом, учитывая серьезные угрозы экологии Каспия, предлагается ускорить принятие данных правил.

Таким образом, ответственность прикаспийских государств за обеспечение экологической безопасности Каспийского моря носит комплексный характер и выражается не только в применении мер материальной ответственности за причиненный экологический ущерб, но и в юридической ответственности должностных лиц прикаспийских государств, а также в формировании правовых норм, обладающих достаточной определённостью и эффективностью.

Список литературы:

1. ‘Каспийское море’ (НАО «Казахский научно-исследовательский институт Каспийского моря») <https://kazsrics.kz/kaspiyskom-more/>

[783] В.Э. Волкова, ‘Ответственность должностных лиц за состояние экологического законодательства’ (2017) № 6(150) Аграрное и земельное право 66.

2. ‘Экологический кризис Каспийского моря: вызов для Казахстана и региона’ (Дала Дауысы, 3 сентября 2025 г.) <https://www.ddn.kz/ekologicheskij-krizis-kaspijskogo-morya-vyzov-dlya-kazahstana-i-regiona/>

3. Министерство экологии и природных ресурсов Республики Казахстан <https://www.gov.kz/memleket/entities/ecogeo/press/news/details/1127961>

4. Дадабаева З.А., ‘Сотрудничество прикаспийских стран в экологической сфере: проблемы и перспективы’ (2023) № 5 Вестник Института экономики Российской академии наук, 152–153

5. Рамочная конвенция по защите морской среды Каспийского моря (принята 4 ноября 2003 г., вступила в силу 12 августа 2006 г.) Бюллетень международных договоров Республики Казахстан (2006) № 6, ст. 44 (Тегеранская конвенция)

6. Barbara Janusz-Pawletta, ‘The Legal Status of the Caspian Sea: Current Challenges and Prospects for Future Development’ (2015, Berlin Center for Caspian Region Studies, FFU – Environmental Policy Research Centre)

7. ‘О Тегеранской конвенции’ (Тегеранская конвенция) <https://tehranconvention.org/ru/tc/about>

8. Салимгерей А.А., ‘Правовой режим морских пространств по Конвенции о правовом статусе Каспийского моря’ (2023) № 5 Международное право 228

9. Венская конвенция о праве международных договоров (принята 23 мая 1969 г., вступила в силу 27 января 1980 г.) 1155 UNTS 331

10. Конвенция о правовом статусе Каспийского моря (подписана 12 августа 2018 г.) <http://kremlin.ru/supplement/5328> дата обращения: 3 марта 2026 г. (Каспийская конвенция)

11. Рамочная конвенция по защите морской среды Каспийского моря (принята 4 ноября 2003 г., вступила в силу 12 августа 2006 г.) Бюллетень международных договоров Республики Казахстан (2006) № 6, ст. 44 (Тегеранская конвенция)

12. Fishermen and Friends of the Sea v Minister of Planning, Housing and the Environment (Trinidad and Tobago) [2017] UKPC 37

13. Arne Bleeker, ‘Does the Polluter Pay? The Polluter-Pays Principle in the Case Law of the European Court of Justice’ (2009) 18 European Energy and Environmental Law Review 289

14. Legality of States’ Obligations in Respect of Climate Change (Advisory Opinion) (International Court of Justice, pending 2024)

15. Ивакин И.В., ‘Формы и содержание экологической ответственности’ (2024) № 3(231) Право и государство: теория и практика 149

16. Анисимов А.П., Устюкова В.В. и Чикильдина А.Ю., ‘Эколого-правовая ответственность за причинение вреда окружающей среде: проблемы обоснования’ (2017) 12(4) Труды Института государства и права РАН, 136

17. Сарсембаев М.А., ‘Как усовершенствовать правовой инструмент по защите морской среды Каспия от загрязнения нефтью’ (2011) № 2(22) Вестник Института законодательства РК, 45–52

18. Пугина О.А. и Коробова А.А., ‘Государство как субъект юридической ответственности’ (2019) № 4(9) Право: история и современность 18, 18–26 <https://doi.org/10.17277/pravo.2019.04.pp.018-026> 19

19. Романова В.В., ‘Юридическая ответственность государства’ (2016) № 3(37) Юридическая наука и правоохранительная практика 25

20. Лукашук И.И., Международное право. Общая часть (3-е изд., перераб. и доп., М.: Волтерс Клувер, 2005) 120

21. Закон Туркменистана «Об охране природы» (принят 1 марта 2014 г.)

22. Экологический кодекс Республики Казахстан (принят 2 января 2021г.)

23. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях (принят 5 июля 2014г.)

24. Федеральный закон Российской Федерации «Об охране окружающей среды» (принят 10 января 2002 г. № 7-ФЗ)

25. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (принят 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ)

26. Закон Азербайджанской Республики «Об охране окружающей среды» (принят 8 июня 1999 г. № 678-IQ)

27. Закон Исламской Республики Иран «Об охране окружающей среды» (принят 1974 г.)

28. Волкова В.Э., ‘Ответственность должностных лиц за состояние экологического законодательства’ (2017) № 6(150) Аграрное и земельное право 66

Abdyrakhmanova Kurmanzhan
Master student
Law School, Maqsut Narikbayev University
Astana, Kazakhstan
E-mail: k_abdyrakhmanova@kazguu.kz

CHILDHOOD STATELESSNESS IN KAZAKHSTAN: ANALYSIS OF LEGAL GAPS IN THE DOCUMENTATION SYSTEM AND WAYS OF MITIGATION

Abstract

This article examines legal mechanisms aimed at protecting children from loss of citizenship and the risk of statelessness in the Republic of Kazakhstan. The study focuses on identifying structural gaps in national legislation and administrative practice that could lead to situations where children lose their citizenship or are left without legally recognised identity.

The study is based on a doctrinal analysis of national legislation, relevant international legal standards and a number of judicial and administrative cases illustrating the various procedural pathways through which children may find themselves in situations of legal uncertainty. Particular attention is paid to standards of proof in birth registration, administrative procedures for verifying citizenship, and the lack of effective procedural safeguards to prevent statelessness among children.

Based on the legal and institutional gaps identified, the article proposes a number of legislative and procedural reforms aimed at strengthening safeguards against statelessness among children in Kazakhstan. These proposals include amendments to citizenship legislation, improvements to birth registration procedures, and the development of institutional mechanisms to ensure the effective protection of children's rights to legal personality and citizenship.

Keywords: Childhood statelessness; nationality law; citizenship deprivation; children’s rights; legal identity; birth registration; civil registration systems; administrative procedures; procedural safeguards; Kazakhstan

Аннотация

Данная статья посвящена анализу правовых механизмов, направленных на предотвращение утраты гражданства детьми и снижение риска безгражданства в Республике Казахстан. Исследование ориентировано на выявление структурных пробелов в национальном законодательстве и административной практике, способных обусловливать ситуации утраты гражданства либо отсутствия у детей юридически признанной правовой идентичности.

Методологическую основу исследования составляет доктринальный анализ норм национального права, релевантных международно-правовых стандартов, а также судебной и административной практики, иллюстрирующей различные процедурные траектории, в рамках которых дети могут оказаться в состоянии правовой неопределенности. Особое внимание уделяется вопросам стандартов доказывания при регистрации рождения, административным процедурам установления и подтверждения гражданства, а также недостаточности эффективных процессуальных гарантий, направленных на предотвращение безгражданства среди детей.

По результатам выявленных нормативных и институциональных дефицитов в статье формулируется ряд предложений по совершенствованию законодательства и административных процедур, направленных на усиление гарантий предотвращения безгражданства среди детей в Казахстане. В частности, предлагаются изменения в

законодательство о гражданстве, модернизация процедур регистрации рождения, а также развитие институциональных механизмов, обеспечивающих эффективную реализацию права ребенка на правосубъектность и гражданство.

Ключевые слова: безгражданство детей; право на гражданство; лишение гражданства; права ребенка; правовая идентичность; регистрация рождения; системы регистрации актов гражданского состояния; административные процедуры; процессуальные гарантии; Казахстан

Аңдатпа

Осы мақала Қазақстан Республикасында балалардың азаматтығын жоғалтуының алдын алу және азаматтығы жоқтық қаупін төмендетуге бағытталған құқықтық тетіктерді талдауға арналған. Зерттеу ұлттық заңнама мен әкімшілік тәжірибедегі құрылымдық олқылықтарды айқындауға бағытталған, олар балалардың азаматтығынан айырылуына немесе олардың құқықтық тұрғыдан танылған ресми сәйкестілігінің болмауына алып келуі мүмкін.

Зерттеудің әдіснамалық негізін ұлттық құқық нормаларын, тиісті халықаралық-құқықтық стандарттарды, сондай-ақ балалардың құқықтық белгісіздік жағдайына түсуіне әкелетін әртүрлі рәсімдік траекторияларды көрсететін сот және әкімшілік тәжірибені доктриналық талдау құрайды. Ерекше назар туу фактісін тіркеу кезіндегі дәлелдеу стандарттарына, азаматтықты анықтау және растау жөніндегі әкімшілік рәсімдерге, сондай-ақ балалар арасында азаматтығы жоқтықтың алдын алуға бағытталған тиімді процессуалдық кепілдіктердің жеткіліксіздігіне аударылады.

Анықталған нормативтік және институционалдық олқылықтар негізінде мақалада Қазақстандағы балалар арасында азаматтығы жоқтықтың алдын алу кепілдіктерін күшейтуге бағытталған заңнамалық және әкімшілік сипаттағы бірқатар ұсыныстар тұжырымдалады. Атап айтқанда, азаматтық туралы заңнамаға өзгерістер енгізу, туу фактісін тіркеу рәсімдерін жетілдіру, сондай-ақ баланың құқықтық субъектілігі мен азаматтыққа құқықтарын тиімді іске асыруды қамтамасыз ететін институционалдық тетіктерді дамыту ұсынылады.

Түйін сөздер: балалар арасындағы азаматтығы жоқтық; азаматтық құқығы; азаматтықтан айыру; баланың құқықтары; құқықтық сәйкестілік; туу фактісін тіркеу; азаматтық хал актілерін тіркеу жүйелері; әкімшілік рәсімдер; процессуалдық кепілдіктер; Қазақстан

INTRODUCTION

In the modern globalized world, issues of citizenship and legal identity are becoming increasingly important, especially for children, who are among the most vulnerable groups in situations involving migration, separation from their families or administrative uncertainty. Statelessness among children remains a serious international problem, as it directly affects people's ability to exercise a wide range of fundamental rights.

The concept of a stateless person refers to an individual who is not considered a national by any State under the operation of its law[784]. This definition, enshrined in Article 1(1) of the 1954 Convention Relating to the Status of Stateless Persons, constitutes the universally accepted legal basis for identifying stateless individuals. According to the United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR), as of the end of 2024 at least 4.4 million people worldwide are stateless, approximately one third of whom are children[785]. The

[784] Convention Relating to the Status of Stateless Persons (adopted 28 September 1954, entered into force 6 June 1960) 360 UNTS 117.

[785] UN High Commissioner for Refugees, 'Stateless People' (UNHCR) https://www.unhcr.org/about-unhcr/who-we-protect/stateless-people accessed 21 January 2026.

situation in Central Asia also raises serious concerns: according to official statistics as of July 2024, 37,819 stateless persons, including minors, reside in the region[786].

The situation of stateless persons in Kazakhstan has received increasing scholarly and policy attention. According to UNHCR Kazakhstan, 7,892 stateless persons were registered in the country as of January 2024[787]. However, the actual numbers may be higher due to the complexity of identifying and documenting stateless persons.

Researchers studying the issue of statelessness in Kazakhstan also emphasise that this phenomenon is often linked to the historical legacy of the post-Soviet transition period, gaps in national legislation and administrative barriers in document processing procedures[788].

According to official data from the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan for 2023, more than 7,500 stateless persons were identified in the country, including approximately 1,200 children[789]. Statistical data indicate a persistent negative trend: every year around 150–200 cases involving the risk of loss of citizenship among children are recorded in various circumstances.

Analysis of available data shows that the most common situations leading to the risk of childhood statelessness include:

approximately 40% of cases of children losing citizenship are related to mixed marriages,

35% are associated with international adoption,

25% arise from divorce between parents of different nationalities or other similar situations.

Despite the existence of constitutional guarantees and national legislation regulating citizenship matters, the current legal framework does not always provide effective guarantees to prevent children from becoming stateless or lacking legal status. Thus, the main problem lies in the lack of sufficiently effective procedural, institutional, and legal mechanisms to prevent statelessness among children in Kazakhstan.

1.1 Research Objectives and Tasks

The aim of this study is to conduct a comprehensive legal analysis of the mechanisms designed to protect children from the loss of citizenship and the risk of statelessness in the Republic of Kazakhstan, as well as to develop evidence-based recommendations for improving national legislation and institutional safeguards in this field.

To achieve this objective, the study pursues several interrelated tasks:

to analyze the constitutional foundations, national legislation, and international legal obligations of Kazakhstan regarding the protection of children's rights in citizenship matters;

to examine law-enforcement practice through a case study analysis that demonstrate different pathways through which children may become stateless or remain without legal identity;

to identify key procedural, substantive, and institutional gaps within the current legal framework that contribute to the emergence of childhood statelessness;

to develop, based on the findings of this analysis, a set of legislative, institutional, and technological proposals aimed at strengthening the system for the protection of children's right to nationality and preventing situations in which children may lose their citizenship or remain without legal status.

---

[786] UNHCR Central Asia, '#IBelong Campaign to End Statelessness' (2024) https://www.unhcr.org/central-asia/ibelong-campaign-end-statelessness accessed 17 February 2026.

[787] UN High Commissioner for Refugees, *Statelessness in Kazakhstan: Analysis of National Legislation* (3rd edn, UNHCR 2023).

[788] Zhanar Seitayeva, 'Statelessness in the Republic of Kazakhstan: Causes and Ways of Elimination' (2019) *Paragraf Legal Information System* https://prg.kz/document/?doc_id=34762301&pos=11;246 accessed 6 March 2026.

[789] ibid.

1.2 Research Methodology

Doctrinal legal analysis – used to examine the provisions of Kazakhstan's national legislation regulating citizenship and birth registration, as well as the relevant international legal standards concerning the prevention of statelessness;

A systemic approach – applied to analyze the interaction between constitutional provisions, national legislation, administrative practice, and international legal obligations in the field of nationality law;

Case study methodology – used to examine several judicial and administrative cases illustrating different mechanisms through which children may fall into situations of legal uncertainty or statelessness.

2. THEORETICAL AND LEGAL FRAMEWORK

2.1 National Legislation

The Constitution of the Republic of Kazakhstan establishes the fundamental principles for the protection of citizens' rights and forms the legal basis for addressing citizenship related issues[790]. Article 10 of the Constitution is of key importance, stipulating that the citizenship of the Republic of Kazakhstan is unified and equal regardless of the grounds for its acquisition.

Special significance is attached to the constitutional principle prohibiting deprivation of citizenship, which provides fundamental protection against arbitrary loss of citizenship [791]. In the context of child protection, this principle must be considered in conjunction with Article 27 (1) of the Constitution, which guarantees state protection of childhood. This provision imposes a positive obligation on the state to prevent legal uncertainty regarding the status of minors.

Another primary legal act regulating citizenship matters in Kazakhstan is the Law of the Republic of Kazakhstan "On Citizenship".[792] Articles 12 and 13 are particularly important for the protection of children's rights, as they determine the procedure for acquiring citizenship by birth and regulate issues of children's citizenship when the citizenship of their parents changes.

However, legal analysis demonstrates that the existing provisions do not provide sufficient safeguards to prevent children from losing their citizenship in a number of practical situations.

2.2 International Legal Obligations

Kazakhstan's international obligations constitute an important foundation for the protection of children's rights in citizenship matters.

The key international legal instruments regulating citizenship issues and the protection of children include:

The Universal Declaration of Human Rights (1948)[793];

The International Covenant on Civil and Political Rights (1976)[794];

The Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women (1979)[795];

The Convention on the Rights of the Child (1989), ratified by Kazakhstan in 1994[796];

---

[790] Constitution of the Republic of Kazakhstan (adopted 30 August 1995, as amended) art 10.

[791] Ibid.

[792] Law of the Republic of Kazakhstan "On Citizenship of the Republic of Kazakhstan" No 101-I of 20 December 1991.

[793] Universal Declaration of Human Rights (adopted 10 December 1948) UNGA Res 217 A (III).

[794] International Covenant on Civil and Political Rights (adopted 16 December 1966, entered into force 23 March 1976) 999 UNTS 171.

[795] Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women (adopted 18 December 1979, entered into force 3 September 1981) 1249 UNTS 13.

[796] Convention on the Rights of the Child (adopted 20 November 1989, entered into force 2 September 1990) 1577 UNTS 3.

The Convention Relating to the Status of Stateless Persons (1954)[797];

The Convention on the Reduction of Statelessness (1961)[798].

It should be noted that Kazakhstan has not acceded to the last two conventions, which limits the implementation of international standards aimed at preventing statelessness and hinders the development of a comprehensive system of safeguards for the protection of stateless persons, including minors.

Articles 3, 7, and 8 of the Convention on the Rights of the Child are of particular importance. Article 3 establishes the principle of the best interests of the child as a mandatory legal standard requiring an individual assessment of the consequences of decisions affecting a child's legal status. Article 7 of the Convention on the Rights of the Child not only guarantees the right of the child to acquire a citizenship, but also creates a positive obligation for the state to prevent childhood statelessness. In the context of international law, this provision should be interpreted in conjunction with Article 3 of the Convention and Article 24(3) of the International Covenant on Civil and Political Rights. This implies that the state must exercise due diligence when making decisions that may affect the civil and legal status of a child, including mandatory verification of the existence of another citizenship before registering the loss of citizenship.

Failure to adopt preventive measures that results in a child effectively becoming stateless may constitute a potential violation of the state's international obligations, since the risk of statelessness itself affects the child's guaranteed right to legal identity and protection.

The practice of the Committee on the Rights of the Child further clarifies these obligations. In the case *S.E.M.A. v. France (2023)*[799], the Committee emphasized that procedures determining a child's legal status must be conducted in accordance with the principle of the best interests of the child, with the application of a presumption of protection and the principle of the "benefit of the doubt." At the same time, the burden of proof cannot be placed entirely on the child.

The analysis of the constitutional provisions, national legislation and international legal obligations of the country demonstrates the existing legal framework establishes the fundamental principles for the children's citizenship rights[800]. However, despite these normative foundations, the current system lacks sufficient legal safeguards and effective mechanisms to prevent situations of childhood statelessness in practice. This indicates the need for further development of legislative and institutional measures aimed at compliance with international standards and the state's obligation to exercise due diligence in preventing the loss of citizenship.

3. LAW ENFORCEMENT PRACTICE

3.1 Case Study 1: Absence of Birth Registration and the Risk of Legal Invisibility

Decision of the Aktobe City Court (Republic of Kazakhstan), Case No. 1510-16-00-2/4678, 19 May 2015

This case illustrates how the absence of birth registration may lead to long-term legal invisibility and create risks related to the determination of citizenship status. The issue was examined in *Kolesnikova v Civil Registry Office of Aktobe*[801]. The applicant applied to the

[797] Convention Relating to the Status of Stateless Persons (adopted 28 September 1954, entered into force 6 June 1960) 360 UNTS 117

[798] Convention on the Reduction of Statelessness (adopted 30 August 1961, entered into force 13 December 1975) 989 UNTS 175.

[799] *S.E.M.A. v France* (Committee on the Rights of the Child, Communication No 123/2022, Views adopted 2023).

[800] Laura van Waas, *Nationality Matters: Statelessness under International Law* (Intersentia 2008).

[801] *Kolesnikova v Civil Registry Office of Aktobe* Aktobe City Court (Republic of Kazakhstan), Case No 1510-16-00-2/4678, 19 May 2015.

court requesting the establishment of the legal fact of her birth in order to obtain a birth certificate.

According to the case materials, the applicant's mother gave birth at home and did not apply to medical institutions for the issuance of a birth certificate due to the absence of identity documents. As a result, the birth was never registered in the civil registry system, and the applicant remained undocumented for many years.

In its reasoning, the court referred to the provisions of the Civil Procedure Code regulating the establishment of legally significant facts and emphasized that courts may establish such facts only where it is impossible for the applicant to obtain the necessary documents through other legal procedures[802].

Taking into account the evidence presented, including witness testimony and the absence of archival records confirming the birth, the court granted the application and established the legal fact of birth, recognizing that the applicant had been born on 10 March 1997 in the city of Aktobe, Republic of Kazakhstan.

From a doctrinal perspective, this case demonstrates a structural weakness in the system of civil registration. The absence of effective mechanisms for late birth registration may result in situations where individuals remain outside the system of legal recognition for extended periods, thereby creating risks for the determination of citizenship and access to fundamental civil rights.

3.2 Case Study 2: Administrative Interpretation of Foreign Documents and the Risk of Loss of Citizenship

Bostandyk District Court of Almaty (Republic of Kazakhstan), Case No. 7514-19-00-2/8709, 12 November 2019

A particularly illustrative example of administrative practice affecting children's citizenship is the case of *Kondaurova v. Migration Service of the Department of Police of Almaty*[803].

In this case, migration authorities registered the loss of citizenship of a minor child under Article 21 of the Law of the Republic of Kazakhstan "On Citizenship" on the grounds that the child allegedly possessed the citizenship of another state[804]. The administrative decision was based on the fact that the child had been issued a Chinese Travel Document by the Consulate of the People's Republic of China.

The applicant argued that the child had never acquired Chinese citizenship and that the document in question was merely a travel document issued for the purpose of entry into China. The applicant also submitted documentary confirmation that the child had formally renounced Chinese citizenship prior to the administrative decision.

The court established that the authorized body had registered the loss of citizenship of the minor child by administrative conclusion dated 20 August 2019.

At the same time, the court emphasized that under national legislation disputes concerning decisions on the loss of citizenship are subject to a special review procedure and must be submitted to the President of the Republic of Kazakhstan rather than resolved through ordinary civil proceedings. On this basis, the court terminated the proceedings.

From a legal perspective, this case reveals a significant procedural problem in administrative practice. The loss of citizenship of a minor was registered without reliable verification that the child actually possessed another citizenship. Such situations create a serious risk of childhood statelessness and demonstrate the need for stronger procedural safeguards before administrative authorities register the loss of citizenship.

3.3 Case Study 3: Refusal of Birth Registration and De Facto Statelessness

---

[802] Civil Procedure Code of the Republic of Kazakhstan (31 October 2015).

[803] *Kondaurova v Migration Service of the Department of Police of Almaty* Bostandyk District Court of Almaty (Republic of Kazakhstan), Case No 7514-19-00-2/8709, 12 November 2019.

[804] Law of the Republic of Kazakhstan "On Citizenship of the Republic of Kazakhstan" No 101-I of 20 December 1991.

Alatau District Court of Almaty (Republic of Kazakhstan), Case No. 7575-19-00-2/2495, 9 July 2019

Another example illustrating systemic problems in civil registration concerns the refusal examined in *Filippova v Civil Registry Office of Alatau District*[805].

The applicant requested that the court declare unlawful the refusal of the civil registry office to register the birth of her daughter. The registry authority refused registration due to the absence of a medical birth certificate or a court decision establishing the fact of birth.

In its reasoning, the court referred to the provisions of the Code of the Republic of Kazakhstan "On Marriage and Family", noting that the legal basis for registering a birth is either a medical certificate confirming the birth or a court decision establishing the fact of birth[806].

Since the applicant failed to provide the documents required by law, the court concluded that the refusal of the civil registry authority was lawful and dismissed the claim.

At the same time, the court established that the individual had never been officially documented since birth. As a consequence, the person effectively remained outside the system of civil registration and was treated as a stateless individual.

This case demonstrates how rigid administrative requirements for birth registration may lead to situations of de facto statelessness. In the absence of flexible legal mechanisms allowing for the late registration of births, individuals may remain without official documentation, which significantly complicates the determination of their legal identity and citizenship status.

Taken together, the analyzed cases demonstrate that childhood statelessness in Kazakhstan often arises not from the direct absence of legal norms but from structural weaknesses in administrative procedures and civil registration mechanisms. The examined judicial decisions reveal three key risk factors: the absence of effective mechanisms for late birth registration, rigid evidentiary requirements for civil status documentation, and insufficient verification procedures in administrative decisions concerning the loss of citizenship. These factors may result in situations of legal invisibility, where individuals remain outside the system of civil registration.

4. ANALYSIS OF LEGAL PROBLEMS AND CONSEQUENCES OF THE IDENTIFIED PROBLEMS

4.1 Procedural Problems

1. Lack of verification mechanisms and international cooperation

One of the most acute problems is the lack of clear coordination between the Migration Service of Kazakhstan and the consular authorities of foreign states. In the Kondaurova case (Linda Li), migration officials incorrectly equated a Chinese Travel Document with a full foreign passport. According to Chinese legislation, such documents are issued to persons whose citizenship status may be uncertain or undergoing change.

However, the fact that the child had officially withdrawn from Chinese citizenship in May 2018 was ignored because Kazakh authorities lack a direct mechanism for promptly verifying such information through interstate communication channels. As a result, administrative decisions are made based on superficial document inspection, which may lead to the unlawful deprivation of a child's only citizenship.

2. Restrictions on the right to judicial protection

The existing mechanism for appealing citizenship-loss decisions through petitions to the President of the Republic of Kazakhstan creates significant barriers to exercising the right to judicial protection. In the Kondaurova case, this resulted in the legality of the actions of an ordinary migration officer never being reviewed by a court.

---

[805] *Filippova v Civil Registry Office of Alatau District* Alatau District Court of Almaty (Republic of Kazakhstan), Case No 7575-19-00-2/2495, 9 July 2019.

[806] Code of the Republic of Kazakhstan "On Marriage (Matrimony) and the Family" (26 December 2011).

The mother's six-year struggle to restore her daughter's rights demonstrates that the inability to challenge administrative errors in ordinary judicial proceedings leaves the child effectively defenseless before the administrative system.

3. Bureaucratic formalism and the "procedural deadlock"

The Filippova case illustrates that even when a court decision confirms the biological relationship between mother and child, civil registry authorities may refuse birth registration.

Although universal birth registration is a crucial mechanism for preventing statelessness, UNHCR notes that children born to undocumented parents are not always issued medical birth certificates in full compliance with Article 187 of the Code on Marriage and Family. In some cases, these certificates also fail to indicate that the mother's identity was recorded on the basis of her own declaration[807].

The problem lies in the fact that Article 187 of the Code on Marriage and Family requires a specific decision establishing the "fact of birth"[808]. Court decisions establishing the "fact of kinship", which essentially prove the same circumstance are not accepted.

As a result, the child's right to identity becomes subordinated to formal legal terminology, forcing individuals to initiate multiple legal proceedings while the child remains without documentation.

4.2 Substantive Legal Problems

Legal uncertainty concerning children of mixed marriages

Existing legislation does not provide clear mechanisms for determining and protecting the citizenship of children whose parents cannot transfer their citizenship due to some specific circumstances (ex. according to their national law). The problem becomes particularly acute in cases of divorce or when one parent changes citizenship.

4.3 Systemic Legal Gaps

2. Lack of effective mechanisms for restoring citizenship

Existing procedures for restoring citizenship for children who have become stateless are characterized by excessive duration, procedural complexity, and a lack of consideration for children's specific needs. This situation contradicts Kazakhstan's international obligations to protect children's rights and prevent statelessness.

4.4 Consequences of the identified problems

1. Legal Consequences

Restriction of freedom of movement. Loss of citizenship deprives a child of the right to obtain a passport or other identity documents, significantly limiting international mobility. This is particularly critical for children from mixed families with relatives residing in different countries.

Loss of legal personality. As demonstrated in the Kolesnikova case, an individual remained "invisible" to society for 18 years. Without documents it is impossible to marry, obtain employment, or open a bank account. Stateless children often cannot enroll in public educational institutions, access full medical services, or benefit from social support programs.

Legal vulnerability. Stateless status significantly reduces the level of legal protection available to a child and limits the ability to defend his or her rights and legitimate interests both domestically and internationally.

2. Social Consequences

Disruption of family ties. Loss of citizenship may result in prolonged separation of children from family members, particularly when relatives live in different countries. This negatively affects the child's emotional well-being and social development.

---

[807] UN High Commissioner for Refugees, *Statelessness in Kazakhstan: Analysis of National Legislation* (3rd edn, UNHCR 2023).

[808] Code of the Republic of Kazakhstan "On Marriage (Matrimony) and the Family" (26 December 2011).

Risks of social marginalization. Lack of citizenship can lead to social isolation and stigmatization of children, hindering their integration into society and limiting future employment opportunities.

3. Economic Consequences

Individual economic harm. Limited access to education and vocational training reduces future employment opportunities and economic independence.

Socio-economic costs for the state. A significant number of stateless children creates an additional burden on the social welfare system and requires special support programs.

Loss of human capital. Restrictions on the development opportunities of stateless children result in the underutilization of their potential contribution to the country's economic development.

6. PROPOSALS FOR IMPROVING NATIONAL LEGISLATION

An analysis of judicial practice and identified legal issues shows that preventing statelessness among children in the Republic of Kazakhstan requires both specific legislative changes and the development of institutional mechanisms for interagency cooperation. The court cases examined demonstrate that the legal uncertainty surrounding the citizenship status of minors arises not so much from the absence of legal norms as from procedural gaps, fragmented administrative practices and insufficient coordination between state bodies.

In this regard, the proposed measures are aimed at strengthening procedural guarantees, ensuring legal certainty in the field of civil registration, and creating institutional mechanisms capable of preventing administrative errors that affect the civil status of children**.**

Based on the analysis of international experience and the identified legal problems, it appears appropriate to consider several directions for improving the legislation of the Republic of Kazakhstan concerning the protection of the rights of minors in citizenship matters.

6.1 Legislative Amendments

An analysis of the current legal framework demonstrates the need to introduce a number of amendments to the national legislative system. In particular, the following changes are proposed to the Constitutional Law of the Republic of Kazakhstan "On Citizenship":

Amend Article 21 by introducing a provision prohibiting the registration of the loss of citizenship of a minor unless documentary confirmation is provided that the child possesses the citizenship of another state, thereby preventing childhood statelessness.

Amend Article 19 by introducing a simplified procedure for the restoration of citizenship for stateless children, with a maximum processing period not exceeding three months.

Amend Article 16 by introducing a new provision allowing stateless children to acquire citizenship through a simplified procedure with a processing period not exceeding three months.

Amend Article 12 by introducing a new provision establishing that a child born on the territory of the Republic of Kazakhstan to parents who are neither citizens of Kazakhstan nor stateless persons shall be recognized as a citizen of Kazakhstan if, due to justified circumstances, the parents are unable to transmit their citizenship to the child and the child would otherwise remain stateless.

At the same time, preventing childhood statelessness requires not only reforms of national legislation but also improvements in the legal framework governing civil registration of births. Since birth registration constitutes the primary legal mechanism through which a child's identity and potential entitlement to citizenship are formally recognized,

corresponding amendments are also required in the Code of the Republic of Kazakhstan “On Marriage (Matrimony) and the Family”.

Amend Article 187 by establishing a presumption of reliability for information about the mother recorded in the medical birth certificate “from the mother’s words” in cases where the mother lacks identity documents at the time of birth registration. Such information shall be considered a sufficient legal basis for the state registration of birth and the issuance of a birth certificate unless proven otherwise in accordance with the law.

Amend Article 187 by expanding the list of documents serving as a legal basis for birth registration, recognizing a final court decision establishing parental relationship (maternity or paternity) as an independent ground for the state registration of a child’s birth in cases where a medical birth certificate is unavailable.

6.2 Institutional Aspects

Based on the analysis conducted, it appears advisable to establish three specialized institutional mechanisms aimed at strengthening the system for protecting the rights of minors in citizenship matters.

1. Commission on Children’s Citizenship Issues under the Ministry of Internal Affairs. It is proposed to establish a Commission on Children’s Citizenship Issues under the Ministry of Internal Affairs as a coordination mechanism bringing together representatives of the Ministry of Internal Affairs, the Ministry of Foreign Affairs, the Ministry of Justice, civil registry authorities, and guardianship bodies in order to address complex cases involving children’s citizenship and ensure consistent interagency decision-making. Such a body would facilitate the analysis of cases of childhood statelessness, the development of preventive policy measures, and the elimination of situations in which fragmented institutional competencies lead to contradictory administrative decisions affecting the citizenship status of minors.

2. *Interagency Coordination Center for Documentation and Citizenship.* It is proposed to establish an Interagency Coordination Center for Documentation and Citizenship responsible for managing a unified information system integrating the databases of migration authorities, civil registry offices, and other relevant state institutions, while also facilitating international verification of citizenship status. The creation of such a center would significantly reduce administrative errors, improve the efficiency of citizenship verification procedures, and enable the early identification of stateless children and situations involving the risk of childhood statelessness.

3*. Specialized mandate within the institution of the Commissioner for Children’s Rights*.

It is proposed to introduce a specialized mandate within the institution of the Commissioner for Children’s Rights focusing on issues of children’s citizenship and the prevention of childhood statelessness. In this context, the appointment of a Special Rapporteur on Children’s Citizenship and Statelessness could be considered, whose responsibilities would include monitoring administrative decisions affecting the citizenship of minors, analyzing cases of childhood statelessness, coordinating the collection of nationwide statistical data, and preparing annual analytical reports aimed at improving policy responses and strengthening institutional safeguards against childhood statelessness.

7. CONCLUSION

The study has revealed significant gaps in the system of legal protection of children from the loss of citizenship in the Republic of Kazakhstan. A comprehensive analysis of national legislation, administrative practice, and relevant international legal standards demonstrates that the existing legal framework does not fully provide effective safeguards for preventing childhood statelessness. At the same time, the study not only identifies key problematic areas but also develops a set of proposals aimed at improving the current system for the protection of children's rights in matters of citizenship.

The analysis shows that the current situation is characterized by a number of systemic shortcomings, including the fragmentation of institutional mechanisms, insufficient regulation of administrative procedures, and limited opportunities for judicial protection of children's rights in citizenship matters. The absence of effective interagency coordination mechanisms, as well as inadequately regulated procedures for citizenship verification and documentation, creates a risk of legal uncertainty in which children may become stateless or deprived of access to fundamental social rights. Of particular concern is the fact that the existing system does not always ensure the full implementation of the principle of the best interests of the child, which constitutes a key standard of international law and is enshrined in the Convention on the Rights of the Child.

The measures proposed in this study are aimed at forming a comprehensive system for preventing childhood statelessness and encompass two interrelated areas: the improvement of legislation and the development of institutional mechanisms for the protection of children's rights. In particular, it is proposed to introduce additional safeguards in the legislation of the Republic of Kazakhstan to prevent the loss of citizenship by minors, as well as to establish effective mechanisms for interagency coordination and institutional monitoring of cases of childhood statelessness.

Although the implementation of the proposed measures will require resources, time, and institutional adjustments, their adoption represents an important step toward strengthening the system for the protection of children's rights in citizenship matters. The development of preventive mechanisms may contribute to reducing the risk of statelessness among minors and improving the effectiveness of public policy aimed at protecting children's rights.

In a broader context, improving legislation and administrative practice in this field should be regarded as an essential element of strengthening legal certainty and fulfilling the international human rights obligations of the Republic of Kazakhstan. The development of effective safeguards against childhood statelessness will contribute not only to the protection of the rights of vulnerable groups but also to the strengthening of the rule of law, in which every child's right to citizenship and legal identity is recognized as an essential component of human dignity and social justice.

BIBLIOGRAPHY

International Treaties and Instruments

1. Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women (adopted 18 December 1979, entered into force 3 September 1981) 1249 UNTS 13.
2. Convention on the Reduction of Statelessness (adopted 30 August 1961, entered into force 13 December 1975) 989 UNTS 175.
3. Convention on the Rights of the Child (adopted 20 November 1989, entered into force 2 September 1990) 1577 UNTS 3.
4. Convention Relating to the Status of Stateless Persons (adopted 28 September 1954, entered into force 6 June 1960) 360 UNTS 117.
5. International Covenant on Civil and Political Rights (adopted 16 December 1966, entered into force 23 March 1976) 999 UNTS 171.
6. Universal Declaration of Human Rights (adopted 10 December 1948) UNGA Res 217 A (III).

International Decisions

7. S.E.M.A. v France (Committee on the Rights of the Child, No 77/2019, UN Doc CRC/C/92/D/77/2019, Views adopted 6 February 2023).
8. National Legislation (Republic of Kazakhstan)
9. Civil Procedure Code of the Republic of Kazakhstan (31 October 2015).
10. Code of the Republic of Kazakhstan 'On Marriage (Matrimony) and the Family' (26 December 2011).

11. Constitution of the Republic of Kazakhstan (adopted 30 August 1995, as amended).

12. Law of the Republic of Kazakhstan 'On Citizenship of the Republic of Kazakhstan' No 101-I (20 December 1991).

Case Law (Republic of Kazakhstan)

13. Filippova v Civil Registry Office of Alatau District, Alatau District Court of Almaty (Republic of Kazakhstan), Case No 7575-19-00-2/2495, 9 July 2019.

14. Kolesnikova v Civil Registry Office of Aktobe, Aktobe City Court (Republic of Kazakhstan), Case No 1510-16-00-2/4678, 19 May 2015.

15. Kondaurova v Migration Service of the Department of Police of Almaty, Bostandyk District Court of Almaty (Republic of Kazakhstan), Case No 7514-19-00-2/8709, 12 November 2019.

Books

16. Van Waas L, *Nationality Matters: Statelessness under International Law* (Intersentia 2008).

17. Institutional Reports and Online Sources

18. UN High Commissioner for Refugees, *Statelessness in Kazakhstan: Analysis of National Legislation* (3rd edn, UNHCR 2023).

19. UN High Commissioner for Refugees, 'Stateless People' (UNHCR) https://www.unhcr.org/about-unhcr/who-we-protect/stateless-people accessed 21 January 2026.

20. UNHCR Central Asia, '#IBelong Campaign to End Statelessness' (2024) https://www.unhcr.org/central-asia/ibelong-campaign-end-statelessness accessed 17 February 2026.

21. UN Human Rights Council, Universal Periodic Review: Kazakhstan (Fourth Cycle, UN Doc A/HRC/UPR/42/KAZ, 2024).

Academic Articles

22. Seitayeva Z, 'Statelessness in the Republic of Kazakhstan: Causes and Ways of Elimination' (2019) *Paragraf Legal Information System* https://prg.kz/document/?doc_id=34762301&pos=11;246 accessed 6 March 2026.

Мажитов Артур
Магистрант 2 курса специальности «Международное право»
Высшая школа права Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республика Казахстан
E-mail: artur_mazhitov@kazguu.kz

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ ПАРИЖСКОГО СОГЛАШЕНИЯ В НАЦИОНАЛЬНОЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН)

Аннотация

Имплементация положений Парижского соглашение в национальное законодательство Республики Казахстан сопровождается противоречием между международными обязательствами по сокращению выбросов и экономической моделью, основанной на системе определяемых на национальном уровне вкладах. В этих условиях возникает проблема несоответствия между формальным закреплением климатических целей и их фактической реализацией на практике. Целью настоящего исследования является определение эффективности правовых механизмов имплементации статей 6 и 8 Парижского соглашения, касающихся борьбы с изменением климата**,** а также оценка их роли в снижении выбросов и регулировании климатических рисков по адаптации и внедрения определяемых на национальном уровне вкладов.

Объектом исследования выступают механизмы имплементации международных климатических обязательств в правовую систему Республики Казахстан. Предмет исследования составляют правовые нормы, регулирующие углеродные рынки, трансграничный учёт выбросов, а также вопросы потерь и ущерба, вызванных изменением климата. Методологическую основу исследования составляют формально-юридический, системный, сравнительно-правовой методы, а также метод правовой интерпретации. Научная новизна исследования заключается в обосновании того, что правовые механизмы Парижского соглашения, не выступают ключевым фактором снижения выбросов в Казахстане. Установлено, что динамика сокращения выбросов в большей степени обусловлена внешними экономическими и инфраструктурными факторами, включая колебания уровня добычи углеводородов и изменение экспортных потоков, тогда как влияние правового регулирования носит ограниченный характер.

В результате исследования сделан вывод о том, что существующая модель имплементации носит преимущественно формальный характер и не обеспечивает достижение заявленных климатических целей. Обосновывается необходимость совершенствования национального законодательства, разработки механизмов трансграничного учёта выбросов и распределения климатических рисков, а также усиления институциональной координации с целью обеспечения баланса между международными обязательствами и экономическими интересами государства

Ключевые слова: Парижское соглашение; международное экологическое право; имплементация международных обязательств; национально определяемые вклады (ОНУВ); Республика Казахстан; право на благоприятную окружающую среду; климатические обязательства; транспарентность; статья 6 Парижского соглашения; статья 8 Парижского соглашения; углеродные рынки; потери и ущерб; климатическая адаптация; bottom-up compliance; национальное экологическое законодательство.

Abstract

The implementation of the provisions of the Paris Agreement into the national legislation of the Republic of Kazakhstan is accompanied by a contradiction between international obligations to reduce emissions and an economic model based on the extraction of hydrocarbons. Under these conditions, there is a problem of inconsistency between the formal consolidation of climate goals and their actual implementation. The purpose of this study is to determine the effectiveness of the legal mechanisms for the implementation of Articles 6 and 8 of the Paris Agreement on combating climate change, as well as to assess their role in reducing emissions and managing climate risks. The object of the research is the mechanisms of implementation of international climate obligations in the legal system of the Republic of Kazakhstan. The subject of the study is legal norms governing carbon markets, cross-border accounting of emissions, as well as issues of losses and damages caused by climate change. The methodological basis of the research consists of formal legal, systematic, comparative legal methods, as well as the method of legal interpretation. The scientific novelty of the study lies in the substantiation of the fact that the legal mechanisms of the Paris Agreement are not a key factor in reducing emissions in Kazakhstan. It has been established that the dynamics of emission reduction is largely due to external economic and infrastructural factors, including fluctuations in the level of hydrocarbon production and changes in export flows, while the impact of legal regulation is limited. As a result of the study, it was concluded that the existing implementation model is mainly formal in nature and does not ensure the achievement of the stated climate goals. The article substantiates the need to improve national legislation, develop mechanisms for cross-border accounting of emissions and allocation of climate risks, as well as strengthen institutional coordination in order to ensure a balance between international obligations and the economic interests of the state.

Key words: Paris Agreement; international environmental law; implementation of international obligations; nationally determined contributions; Republic of Kazakhstan; right to a favorable environment; climate commitments; transparency; article 6 of the Paris Agreement; article 8 of the Paris Agreement; carbon markets; losses and damage; climate adaptation; bottom-up compliance; national environmental legislation.

Абстракт

Ережелерін имплементациялау Париж келісімі Қазақстан Республикасының ұлттық заңнамасына шығарындыларды азайту жөніндегі халықаралық міндеттемелер мен көмірсутектерді өндіруге негізделген экономикалық модель арасындағы қайшылықпен қатар жүреді. Бұл жағдайда Климаттық мақсаттарды ресми түрде бекіту мен оларды нақты іске асыру арасындағы сәйкессіздік мәселесі туындайды. Осы зерттеудің мақсаты климаттың өзгеруіне қарсы күреске қатысты Париж келісімінің 6 және 8-баптарын имплементациялаудың құқықтық тетіктерінің тиімділігін анықтау, сондай-ақ олардың шығарындыларды азайтудағы және климаттық тәуекелдерді реттеудегі рөлін бағалау болып табылады. Зерттеу объектісі Қазақстан Республикасының құқықтық жүйесіне халықаралық Климаттық міндеттемелерді имплементациялау тетіктері болып табылады. Зерттеу пәні көміртегі нарықтарын, трансшекаралық шығарындыларды есепке алуды және климаттың өзгеруінен туындаған шығындар мен залал мәселелерін реттейтін құқықтық нормалардан тұрады. Зерттеудің әдіснамалық негізі формальды-құқықтық, жүйелік, салыстырмалы-құқықтық әдістер, сондай-ақ құқықтық түсіндіру әдісі болып табылады. Зерттеудің ғылыми жаңалығы Париж келісімінің құқықтық тетіктері Қазақстандағы шығарындыларды төмендетудің негізгі факторы болып табылмайтындығын негіздеуде жатыр. Шығарындылардың азаю динамикасы көбінесе сыртқы экономикалық және инфрақұрылымдық факторларға, соның ішінде көмірсутектерді өндіру деңгейінің

ауытқуына және экспорттық ағындардың өзгеруіне байланысты екендігі анықталды, ал құқықтық реттеудің әсері шектеулі.

Зерттеу нәтижесінде қолданыстағы имплементация моделі негізінен ресми болып табылады және климаттық мақсаттарға қол жеткізуді қамтамасыз етпейді деген қорытындыға келді. Ұлттық заңнаманы жетілдіру, шығарындыларды трансшекаралық есепке алу және климаттық тәуекелдерді бөлу тетіктерін әзірлеу, сондай-ақ мемлекеттің халықаралық міндеттемелері мен экономикалық мүдделері арасындағы теңгерімді қамтамасыз ету мақсатында институционалдық үйлестіруді күшейту қажеттілігі негізделеді

Негізгі сөздер: Париж келісімі; халықаралық экологиялық құқық; халықаралық міндеттемелерді имплементациялау; ұлттық айқындалатын салымдар (ОНУВ); Қазақстан Республикасы; қолайлы қоршаған ортаға құқық; Климаттық міндеттемелер; транспаренттілік; Париж келісімінің 6-бабы; Париж келісімінің 8-бабы; көміртегі нарықтары; шығындар мен залалдар; Климаттық бейімделу; bottom-up compliance; Ұлттық экологиялық заңнама.

Введение

Как отмечается в современной доктрине международного экологического права, в частности в работе, Pierre-Marie Dupuy; Jorge E. Viñuales, International Environmental Law 2 nd edition[809], развитие данной отрасли характеризуется переходом от централизованного договорного регулирования к децентрализованной системе, основанной на национальной имплементации международных обязательств и гибких механизмах сотрудничества. Такая трансформация усиливает роль внутреннего права, однако одновременно создает предпосылки для фрагментации регулирования и возникновения правовых неопределенностей.

В этом контексте имплементация положений Парижское соглашение в национальное законодательство представляет собой качественно новый этап развития международного экологического права, в рамках которого государства самостоятельно определяют содержание и объем своих климатических обязательств через определяемые на национальном уровне вклады[810], а также участвуют в механизмах международного сотрудничества, включая рыночные и нерыночные подходы.

Актуальность исследования обусловлена наличием комплекса взаимосвязанных правовых проблем, возникающих при реализации данного подхода. Прежде всего, имеет место несоответствие отдельных элементов национального законодательства международно-правовым обязательствам государств. В частности, положения статьи 6 Парижского соглашения[811], регулирующие механизмы международного сотрудничества, остаются недостаточно определенными, что затрудняет их воспроизведение в национальных правовых системах и создает риски двойного учета сокращений выбросов

Одной из ключевых особенностей Парижского соглашения является трансформация характера международных обязательств, в сторону так называемого «мягкого права», что отражает эволюцию всей системы международного климатического регулирования. В отличие от Киотского протокола, который

---

[809]Pierre-Marie Dupuy and Jorge E Viñuales, International Environmental Law (2nd edn, Cambridge University Press 2018) p.39-40/ https://library.sprep.org/sites/default/files/2021-03/international-environmental-law.pdf

[810]Гершинкова Динара Александровна, НЕРЕШЕННЫЕ ВОПРОСЫ СТАТЬИ 6 ПАРИЖСКОГО СОГЛАШЕНИЯ - ВОЗМОЖЕН ЛИ КОМПРОМИСС В ГЛАЗГО? Текст научной статьи по специальности «Экономика и бизнес» https://cyberleninka.ru/article/n/nereshennye-voprosy-stati-6-parizhskogo-soglasheniya-vozmozhen-li-kompromiss-v-glazgo?ysclid=mnfzfyuadj707678607

[811] Ibid.

основывался на классической модели международного права с жестко закрепленными количественными обязательствами по сокращению выбросов парниковых газов для ограниченного круга развитых государств[812] Парижское соглашение, формирует иную нормативную конструкцию, в которой акцент смещается с результата на процесс.

Так, в рамках Парижского соглашения государства не связаны юридически обязательными количественными показателями сокращения выбросов. Вместо этого они принимают на себя комплекс процедурных обязательств, включающих разработку, представление, поддержание и регулярное обновление национально определяемых вкладов (ОНУВ), а также обеспечение прозрачности и отчетности в их реализации. Существенным элементом данной модели является требование прогрессивного усиления климатических обязательств и отражения «наивысшего возможного уровня амбиции», что придает ОНУВ динамический характер. Таким образом, юридическая обязательность в Парижском соглашении проявляется не в достижении конкретного результата, а в соблюдении процедур и постоянном движении к усилению климатической политики.

Проблема, выявляемая на примере участия Казахстана в киотском и посткиотском режиме, заключается в том, что формально-юридическое включение государства в международную систему климатических обязательств не гарантирует его полноценного и эффективного участия в механизмах данного режима.

Участие Казахстана в Киотском протоколе стало важным этапом формирования национальной системы регулирования выбросов парниковых газов. Как отмечается в научной литературе, данный период сопровождался развитием механизмов отчетности, инвентаризации выбросов и формированием элементов внутренней климатической политики[813]. При этом анализ структуры выбросов показывает, что значительная их часть приходится на энергетический сектор.

На основе данного положения можно сделать вывод, что эффективность реализации последующих климатических обязательств, включая национально определяемые вклады в рамках Парижское соглашение, в значительной степени зависит от трансформации энергетического сектора. Это позволяет поставить проблему несоответствия между международными климатическими обязательствами и структурными особенностями национальной экономики.

Целью настоящего исследования является анализ участия Республики Казахстан в киотском и посткиотском климатическом режиме с точки зрения эффективности реализации международных обязательств по сокращению выбросов парниковых газов, а также выявление структурных факторов, препятствующих их выполнению, прежде всего в энергетическом секторе. Особое внимание уделяется оценке перехода от централизованной модели регулирования Киотского протокола к децентрализованной системе определяемых на национальном уровне вкладов (ОНУВ) в рамках Парижского соглашения на основе эмпирических данных о динамике и структуре выбросов.

Основная часть

Парижское соглашение, развивая положения Рамочной конвенции и Киотского протокола, закрепляет децентрализованную модель международного регулирования в области климата, основанную на национально определяемых вкладах, и формирует

---

[812] Parkash Chander, THE KYOTO PROTOCOL AND DEVELOPING COUNTRIES: STRATEGY AND EQUITY ISSUES, (SSRN, 2005 1 July, 2005)/ https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=954355

[813]Saltanat Sabitova, POSITION OF KAZAKHSTAN IN THE KYOTO AND POST-KYOTO PROTOCOL REGIME a Department of Law, Justus-Liebig University of Giessen, 3 Senckenbergstrasse, 35390, Giessen, Germany./ https://www.researchgate.net/publication/256046730_Position_of_Kazakhstan_in_the_Kyoto_and_Post-Kyoto_Protocol_Regime

взаимосвязанную систему правовых механизмов[814], включающую сокращение выбросов, адаптацию и реагирование на потери и ущерб, что обеспечивает комплексную реализацию климатических обязательств государств.

Основная проблематика в части осуществления данного соглашения на национальном уровне является то, что исполнение данного соглашения на деле вызывает правовую неопределенность, а точнее ключевую роль играет механизм статьи 6, допускающий трансграничный перенос результатов сокращения выбросов. Такая модель приводит к размыванию границ национальной ответственности в рамках национально определяемых вкладов (ОНУВ), поскольку сокращения, достигнутые на территории одного государства, могут учитываться другим

Данные, характеризующие динамику выбросов парниковых газов в Республике Казахстан, свидетельствуют о значительном снижении уровня эмиссий в постсоветский период: с 338,24 млн тонн CO_2-эквивалента в 1990 году до 245,86 млн тонн в 2008 году, что составляет снижение на 27,3%. Однако данное сокращение не являлось результатом целенаправленной климатической политики, а было обусловлено спадом промышленного производства в условиях экономического кризиса[815].

Транспарентность в рамках Парижского соглашения представляет собой систему учета, отчетности и верификации выбросов парниковых газов, закрепленную в статье 13 Соглашения. Она обеспечивает достоверность данных о реализации определяемых на национальном уровне вкладов (ОНУВ) и играет ключевую роль в функционировании механизмов международного сотрудничества, предусмотренных статьей 6, поскольку позволяет предотвращать двойной учет сокращений выбросов и обеспечивает сопоставимость климатических обязательств государств.

При этом структура выбросов демонстрирует доминирующую роль энергетического сектора, на долю которого приходится до 87,2% совокупных эмиссий. Указанные обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что формальное соответствие Казахстана требованиям Киотского протокола не сопровождалось реальной трансформацией энергетической системы. В данном контексте последующий переход к модели определяемых на национальном уровне вкладов (ОНУВ) в рамках Парижского соглашения требует не только декларирования целей по сокращению выбросов, но и структурных изменений в энергетическом секторе[816], без которых достижение климатических обязательств является невозможным.

Связь между правами человека и Парижским соглашением обусловлена тем, что изменение климата напрямую влияет на условия реализации базовых прав человека[817], включая право на жизнь, здоровье, воду и благоприятную окружающую среду, поскольку климатические процессы приводят к ухудшению качества среды обитания и росту уязвимости населения. В этой связи Парижское соглашение выступает как ключевой международно-правовой инструмент, направленный на регулирование климатических изменений, однако его конструкция не закрепляет права человека в качестве самостоятельных юридически обязательных норм, ограничиваясь их упоминанием в преамбуле. Это формирует определённый разрыв

---

[814] Daniel Klein and others, The Paris Agreement on Climate Change: Analysis and Commentary (Oxford University Press 2017)/ https://www.cambridge.org/core/journals/transnational-environmental-law/article/abs/paris-agreement-on-climate-change-analysis-and-commentary-edited-by-daniel-klein-maria-pia-carazo-meinhard-doelle-jane-bulmer-and-andrew-higham-oxford-university-press-2017-480-pp-80-hb-3499-pb-isbn-9780198789338-hb-9780198803768-pb/003536A51137F8B848F281D4FD171F71

[815] POSITION OF KAZAKHSTAN IN THE KYOTO AND POST-KYOTO PROTOCOL REGIME,Ibid

[816]Захаров Александр Николаевич, “Глобальная энергетическая проблема в мировой экономике” (2020)/ https://cyberleninka.ru/article/n/globalnaya-energeticheskaya-problema-v-mirovoy-ekonomike-1?ysclid=mnn0yffdwe80454543

[817] Paris agreement,commentary, ibid.

между признанием воздействия климата на права человека и наличием эффективных правовых механизмов их защиты, что придаёт особую значимость исследованию способов имплементации климатических обязательств на национальном уровне через призму прав человека[818].

Ключевая проблема заключается в том, что право на благоприятную окружающую среду, хотя и признается в национальном и международном праве, не всегда обеспечивается конкретными юридическими механизмами реализации климатических обязательств. Парижское соглашение требует от государств принятия мер по смягчению последствий изменения климата и адаптации к ним, но национальное право должно перевести эти цели в режим реального регулирования, контроля и ответственности. В противном случае климатическая политика остается преимущественно программной. В казахстанском контексте это проявляется в том, что климатические цели встроены в стратегическое планирование, но связь между этими целями и защитой права человека на благоприятную окружающую среду остается недостаточно институционализированной. Иными словами, существует разрыв между международной обязанностью государства действовать в климатической сфере и возможностью частного лица требовать эффективной защиты своих экологических прав.

Анализ международно-правовой эволюции климатического режима показывает, что Киотский протокол был направлен преимущественно на установление количественных обязательств по сокращению выбросов парниковых газов, не затрагивая напрямую вопросы прав человека. В отличие от него, Парижское соглашение, оставаясь инструментом реализации, Рамочной конвенции ООН об изменении климата, формирует более широкий подход, ориентированный не только на снижение выбросов, но и на защиту человека от негативных последствий изменения климата[819]. Это находит отражение в преамбуле Соглашения, где подчеркивается необходимость учета прав человека при разработке и реализации климатической политики.

Современное международное климатическое право демонстрирует фрагментацию между договорными механизмами, основанными на добровольных национальных обязательствах, и общими нормами международного права, включая обязательства по предотвращению вреда окружающей среде и защите прав человека. Консультативные заключения Международного Суда ООН[820] и Межамериканского суда по правам человека[821] свидетельствуют о формировании тенденции к юридическому “усилению” климатических обязательств, что ставит под сомнение традиционное понимание их как исключительно политических.

В современной международной практике содержание права на благоприятную окружающую среду раскрывается последовательно: от его признания в судебной практике и расширения до защиты природы как самостоятельной ценности, до формирования императивной обязанности государств не причинять необратимый вред климатической системе. В этом контексте закрепляется обязанность государств по защите климата и развивается концепция права на здоровый климат. Наиболее

---

[818] Prokopenko S, “Human Rights under the Paris Agreement”(SSRN, 2021)/https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3812230

[819] Нукушева Айгуль Ашимовна ,Смагулова Томирис Сайлауовна ,Рустембекова Динара Кенжебековна “Эволюция климатического законодательства”/ https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-klimaticheskogo-zakonodatelstva-kazahstana-v-ramkah-parizhskogo-soglasheniya?ysclid=mnn08zd5av290670033

[820] Obligations of States in respect of Climate Change (Advisory Opinion) International Court of Justice, 23 July 2025 https://www.icj-cij.org

[821] Climate Emergency and Human Rights (Advisory Opinion OC-32/25) Inter-American Court of Human Rights, 29 May 2025/ https://www.corteidh.or.cr

практическое выражение данные положения находят в конкретных мерах, которые государства обязаны принимать, в том числе в рамках Парижского соглашения через механизм определяемых на национальном уровне вкладов (ОНУВ).

Для Казахстана значение такого подхода состоит в том, что международные климатические обязательства должны рассматриваться как часть более широкой обязанности государства по защите населения от экологического вреда. Изменение климата уже влияет на водные ресурсы, засухи, деградацию земель и устойчивость экосистем, что напрямую затрагивает условия реализации права на благоприятную окружающую среду. Следовательно, имплементация Парижского соглашения должна включать не только формирование климатических целей, но и создание механизмов, позволяющих оценивать климатические риски, учитывать их в государственном управлении и обеспечивать правовую защиту населения в случае экологически значимых решений.

Право на благоприятную окружающую среду получило широкое международное признание и закреплено в ряде универсальных и региональных актов. В частности, международные судебные органы указывают, что данное право охватывается обязательствами государств по обеспечению социально-экономического развития и включает право каждого человека жить в здоровой окружающей среде, а также обязанность государства обеспечивать ее защиту, сохранение и улучшение. Дополнительное подтверждение данного права содержится в актах ООН, признающих его универсальным правом человека и требующих от государств проведения соответствующей экологической политики[822]. В этих условиях реализация Парижского соглашения и выполнение определяемых на национальном уровне вкладов (ОНУВ) выступают в качестве ключевых механизмов обеспечения данного права.

В контексте реализации Парижского соглашения государства должны последовательно внедрять меры, обеспечивающие реальный доступ к правосудию для уязвимых групп населения, поскольку именно через этот механизм обеспечивается практическая защита прав человека в условиях изменения климата. В частности, это предполагает: во-первых, выявление и устранение нормативных и практических барьеров, препятствующих доступу к правосудию; во-вторых, адаптацию процедур с учетом традиционных знаний и образа жизни коренных и местных сообществ; в-третьих, обеспечение фактического доступа к бесплатной и надлежащей юридической помощи, а также услугам перевода и интерпретации для участия в административных и судебных процедурах[823]; и, в-четвертых, укрепление специальных механизмов защиты прав, включая институты омбудсмена. Несмотря на то, что Парижское соглашение прямо не закрепляет указанные обязательства, их реализация является необходимым условием эффективной имплементации его положений через призму прав человека.

Парижское соглашение функционирует в тесной взаимосвязи с целями устойчивого развития, что отражает интегрированный характер современной климатической политики. Достижение климатических целей невозможно без одновременной реализации задач в области устойчивого землепользования, продовольственной безопасности, защиты экосистем и, прежде всего, трансформации энергетического сектора. В этой связи определяемые на национальном уровне вклады (ОНУВ) выступают не только как инструмент сокращения выбросов, но и как механизм структурной перестройки экономики в направлении устойчивого развития[824].

---

[822] Трифонова Инна Анатольевна, “Подходы реализации первых этапов Парижского соглашения” / https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-realizatsii-pervyh-etapov-parizhskogo-soglasheniya?ysclid=mnn17k75rw98347682

[823] Ibid

[824] Charlotte Streck,University of Potsdam

Такие данные свидетельствуют о структурной зависимости Казахстана от углеродоёмкой энергетики, на долю которой приходится более 77 % национальных выбросов парниковых газов. Несмотря на принятие стратегических документов, включая цель достижения углеродной нейтральности к 2060 году, на практике отсутствует четкая система поэтапной реализации данных обязательств, включая конкретные меры, промежуточные цели и региональные механизмы исполнения. Данная ситуация указывает на наличие разрыва между нормативной необходимостью реализации определяемых на национальном уровне вкладов (ОНУВ) и их фактической реализацией. Особую сложность представляет высокая зависимость экономики от угольной генерации и связанные с этим социальные риски, что требует комплексного подхода, включающего не только экологические, но и социально-экономические меры.

Положения статьи 6 Парижского соглашения определяют механизм практической реализации ОНУВ через систему учета, обмена и верификации сокращений выбросов парниковых газов. Указанные данные отражают не только количественные показатели снижения выбросов, но и формируют основу для международного углеродного рынка, обеспечивая достижение климатических целей государств на основе экономических инструментов.

На данный момент реализация статьи 6 в рамках Казахстанского законодательства проходит достаточно декларативно, что охватывает изменение структуры торговли углеродными выбросами. На. Несмотря на формальное закрепление механизмов углеродного регулирования и развитие системы торговли выбросами, данные инструменты пока не обеспечивают полноценную интеграцию международных рыночных механизмов в процесс достижения ОНУВ, что ограничивает их практическую эффективность и инвестиционный потенциал[825].

Изменение климата представляет собой непосредственную угрозу основным правам человека, включая право на жизнь, здоровье и благоприятную окружающую среду. В этой связи Парижское соглашение выступает как международно-правовой механизм, направленный на реализацию обязанности государств по предотвращению климатического вреда. В свою очередь, углеродные рынки, предусмотренные статьей 6, выполняют инструментальную функцию, обеспечивая достижение ОНУВ. Следовательно, эффективность данных механизмов имеет прямое значение для уровня защиты прав человека в условиях климатического кризиса.

Статья 8 Парижского соглашения закрепляет необходимость предотвращения, минимизации и компенсации потерь и ущерба, вызванных изменением климата, тем самым отражая переход международного климатического права к признанию компенсационной функции. Практическая реализация этих положений получила развитие в рамках COP28, где был создан Фонд по потерям и ущербу. Однако его институциональная конструкция остается ограниченной: фонд функционирует через механизм Всемирного банка, не обладает самостоятельной правосубъектностью и носит временный характер[826].

Эмпирические данные демонстрируют существенный разрыв между масштабом проблемы и возможностями ее решения: при объеме фонда около 662 млн долларов США ежегодные потребности развивающихся стран оцениваются в 100–580 млрд долларов, что покрывает менее 0,2% необходимых расходов. При этом

Moritz Von Unger,Silvestrum “Climate Associates Paris agreement, new beginning”/https://www.researchgate.net/publication/301665855_The_Paris_Agreement_A_New_Beginning

[825] Ibid

[826] United Nations Framework Convention on Climate Change, “Members nominated to the Loss and Damage Fund Board”/https://unfccc.int/process-and-meetings/bodies/funds-and-financial-entities/loss-and-damage-fund-joint-interim-secretariat/members-nominated-to-the-loss-and-damage-fund-board

финансирование нередко предоставляется в форме займов, а доступ к средствам осложнен институциональными барьерами[827].

Таким образом, несмотря на нормативное признание проблемы потерь и ущерба, существующие механизмы остаются недостаточными, что свидетельствует о разрыве между международно-правовым регулированием и его фактической реализацией. В результате право на благоприятную окружающую среду обеспечивается преимущественно на декларативном уровне, без эффективных инструментов реагирования на последствия климатических изменений.

В частности, Республика Казахстан относится к числу особо уязвимых к изменению климата государств: прогнозируется снижение урожайности сельскохозяйственных культур, сокращение водных ресурсов до 30% к 2030 году, деградация лесов и усиление экстремальных природных явлений, что объективно требует системных адаптационных мер во всех секторах экономики. В ответ на данные вызовы в национальном законодательстве, прежде всего в Экологическом кодексе 2021 года, закреплен семиэтапный процесс адаптации, а также реализуются международные и региональные проекты при участии Зеленый климатический фонд, Европейский банк реконструкции и развития и Программа развития ООН, направленные на развитие институционального потенциала и финансирование соответствующих мер. Вместе с тем, в контексте реализации ОНУВ указанные механизмы следует рассматривать не как изолированные меры климатической политики, а как ключевой элемент их исполнения, поскольку именно адаптация обеспечивает реагирование на уже наступающие климатические последствия и определяет фактическую эффективность климатических обязательств государства.

Также в виде природного явления можно привести в качестве примера паводки как то что причиняет наибольший вред для населения и климата.

Паводки в Республике Казахстан, сопровождаются разрушением инфраструктуры, эвакуацией населения и значительным экономическим ущербом, свидетельствуют о том, что климатические риски уже приобретают системный характер. Это подтверждает необходимость реализации положений Парижского соглашения, прежде всего в части адаптации к изменению климата и механизмов реагирования на потери и ущерб, поскольку без развития соответствующих правовых и институциональных инструментов право на благоприятную окружающую среду остается декларативным[828].

Этот материал показывает, что реализация климатической политики Казахстана уже выходит за пределы простого декларирования целей и постепенно оформляется в систему институциональных, региональных и международных механизмов исполнения. Программа ЕБРР, инициатива «Зеленая Центральная Азия», проекты GIZ и ЮНЕСКО, подготовка национальных сообщений и участие в GCoM свидетельствуют о том, что адаптация, управление климатическими рисками, трансграничное сотрудничество, климатическое финансирование и низкоуглеродное планирование становятся частью практической имплементации Парижского соглашения. Особенно важно то, что в проекте ОНУВ 3.0 наряду с целью сокращения выбросов прямо включены вопросы адаптации. Это означает, что ОНУВ для Казахстана выступают не только инструментом учета выбросов, но и рамкой, в которой фиксируются риски,

---

[827] ICAT,“Транспарентность для совместных подходов в рамках Парижского соглашения: руководство по установлению связей между статьями 6 и 13”/ https://ecogosfond.kz/wp-content/uploads/2024/11/TRANSPARENTNOST-DLJa-SOVMESTNYH-PODHODOV-V-RAMKAH-PARIZhSKOGO-SOGLAShENIJaRUKOVODSTVO-PO-USTANOVLENIJu-SVJaZEJ-MEZhDU-STATJaMI-6-I-13.pdf?ysclid

[828] Ibid

уязвимость, приоритеты и меры реагирования[829]. Следовательно, приведенные данные позволяют сделать вывод, что имплементация Парижского соглашения в Казахстане развивается через формирование сети проектов, стратегий, отчетности и международного сотрудничества, однако одновременно показывают, что эффективность ОНУВ зависит не только от формального принятия целей, но и от наличия устойчивых институциональных механизмов, региональной координации, финансирования и способности государства интегрировать адаптационные меры в систему национального управления[830].

Реализация Парижского соглашения основывается преимущественно на институциональных и процедурных механизмах, среди которых центральное место занимает механизм транспарентности, закрепленный в статье 13[831] и включающий отчетность, технический экспертный обзор и многостороннее рассмотрение прогресса государств. В отличие от традиционных международно-правовых режимов, соглашение не предусматривает жестких санкций за неисполнение обязательств, что усиливает значение политического и репутационного давления. Дополняющим элементом выступает глобальный обзор (global stocktake) в соответствии со статьей 14[832], позволяющий оценивать совокупный прогресс и стимулировать повышение амбициозности национально определяемых вкладов. Наряду с этим, механизмы международного сотрудничества, включая элементы углеродных рынков по статье 6, выполняют вспомогательную функцию, обеспечивая гибкость достижения целей, но не заменяя систему контроля[833]. Это способствует формированию децентрализованную модель исполнения обязательств, основанную на логике bottom-up compliance.

Данный материал позволяет убедится в том, что Парижское соглашение закрепляет качественно новую модель международно-правового регулирования, в которой обеспечение исполнения обязательств достигается не через санкции, а посредством транспарентности, многостороннего контроля и постепенного усиления национальных обязательств, что отражает переход к более гибкому и кооперативному подходу в международном публичном праве.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что имплементация Парижского соглашения в национальное экологическое законодательство Республики Казахстан носит сложный и противоречивый характер, обусловленный сочетанием международных обязательств и особенностей национальной экономической модели. Несмотря на формальное закрепление климатических целей и участие в глобальных механизмах регулирования, эффективность их реализации остается ограниченной.

Установлено, что правовые механизмы, предусмотренные статьями 6 и 8 Парижского соглашения, в текущих условиях не выступают определяющим фактором сокращения выбросов, а их практическая реализация сталкивается с рядом институциональных и методологических проблем, включая риски двойного учета,

---

[829] Министерство экологии и природных ресурсов Республики Казахстан, “Казахстан разрабатывает ОНУВ 3.0: Министерство усиливает сотрудничество с международными партнёрами”/ https://ecogosfond.kz/2025/02/14/56311/?ysclid=mnn0mittf7168105096

[830] Ibid

[831] Geert Van Calster and Leonie Reins (eds), The Paris Agreement on Climate Change: A Commentary, art. 13(Edward Elgar Publishing 2016)/ https://abdn.elsevierpure.com/en/publications/geert-van-calster-and-leonie-reins-eds-the-paris-agreement-on-cli/

[832] Daniel Klein and others, The Paris Agreement on Climate Change: Analysis and Commentary (Oxford University Press 2017) 120.,Art14

[833] Bottom up compliance mechanism for the Paris agreement/ https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2912560

недостаточную разработанность механизмов трансграничного регулирования и слабость финансовых инструментов компенсации климатического ущерба. Это свидетельствует о преобладании процедурного подхода над материальным результатом.

Особое значение имеет выявленный разрыв между международными обязательствами государства и их трансформацией в национальные юридические механизмы защиты права на благоприятную окружающую среду. В условиях усиления климатических рисков, включая паводки и иные экстремальные природные явления, данное право требует не декларативного признания, а институционального обеспечения через механизмы оценки, предотвращения и компенсации экологического вреда.

Таким образом, дальнейшее развитие национального законодательства должно быть направлено на интеграцию климатических обязательств в систему защиты экологических прав, совершенствование механизмов реализации статей 6, 7 и 8 Парижского соглашения, а также обеспечение баланса между экологическими и экономическими интересами государства.

Список литературы:

1. Pierre-Marie Dupuy and Jorge E Viñuales, International Environmental Law (2nd edn, Cambridge University Press) 39–40.
2. Динара Гершинкова, 'Нерешённые вопросы статьи 6 Парижского соглашения – возможен ли компромисс в Глазго?' Экономика и бизнес https://cyberleninka.ru/article/n/nereshennye-voprosy-stati-6-parizhskogo-soglasheniya-vozmozhen-li-kompromiss-v-glazgo.
3. Parkash Chander, 'The Kyoto Protocol and Developing Countries: Strategy and Equity Issues' (SSRN, 1 July 2005) https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=954355.
4. Saltanat Sabitova, 'Position of Kazakhstan in the Kyoto and Post-Kyoto Protocol Regime' (ResearchGate) https://www.researchgate.net/publication/256046730_Position_of_Kazakhstan_in_the_Kyoto_and_Post-Kyoto_Protocol_Regime.
5. Daniel Klein and others, The Paris Agreement on Climate Change: Analysis and Commentary (Oxford University Press 2017); Geert Van Calster and Leonie Reins (eds), The Paris Agreement on Climate Change: A Commentary (Edward Elgar Publishing 2016).
6. Александр Захаров, 'Глобальная энергетическая проблема в мировой экономике' Киберленинка https://cyberleninka.ru/article/n/globalnaya-energeticheskaya-problema-v-mirovoy-ekonomike-1.
7. Svitlana Prokopenko, 'Human Rights under the Paris Agreement' (SSRN) https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3812230.
8. Айгуль Нукушева, Томирис Смагулова and Динара Рустембекова, 'Эволюция климатического законодательства Казахстана в рамках Парижского соглашения' Киберленинка https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-klimaticheskogo-zakonodatelstva-kazahstana-v-ramkah-parizhskogo-soglasheniya.
9. Obligations of States in respect of Climate Change (Advisory Opinion) ICJ (23 July 2025) https://www.icj-cij.org.
10. Climate Emergency and Human Rights (Advisory Opinion OC-32/25) Inter-American Court of Human Rights (29 May 2025) https://www.corteidh.or.cr.
11. Инна Трифонова, 'Подходы к реализации первых этапов Парижского соглашения' Киберленинка https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-realizatsii-pervyh-etapov-parizhskogo-soglasheniya.

12. Charlotte Streck and Moritz von Unger, 'The Paris Agreement: A New Beginning' (ResearchGate) https://www.researchgate.net/publication/301665855_The_Paris_Agreement_A_New_Beginning.

13. United Nations Framework Convention on Climate Change, 'Members Nominated to the Loss and Damage Fund Board' https://unfccc.int/process-and-meetings/bodies/funds-and-financial-entities/loss-and-damage-fund-joint-interim-secretariat/members-nominated-to-the-loss-and-damage-fund-board.

14. ICAT, 'Транспарентность для совместных подходов в рамках Парижского соглашения: руководство по установлению связей между статьями 6 и 13' https://ecogosfond.kz/wp-content/uploads/2024/11/TRANSPARENTNOST-DLJa-SOVMESTNYH-PODHODOV-V-RAMKAH-PARIZhSKOGO-SOGLAShENIJaRUKOVODSTVO-PO-USTANOVLENIJu-SVJaZEJ-MEZhDU-STATJaMI-6-I-13.Apdf.

15. Министерство экологии и природных ресурсов Республики Казахстан, 'Казахстан разрабатывает ОНУВ 3.0: Министерство усиливает сотрудничество с международными партнёрами' https://ecogosfond.kz/2025/02/14/56311/.

16. Alexander Zahar, 'Bottom-Up Compliance Mechanism for the Paris Agreement' (SSRN) https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2912560.

Мұқаш Бақтияр Нұрланұлы
Магистрант Международного права
Высшая школа права Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республика Казахстан
e-mail: b_mukash@kazguu.kz

ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ: ПРАВОВАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ? (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦИИ, США И КАЗАХСТАНА)

Аннотация

Работа рассматривает проблему ограничений свободы вероисповедания в свете международных стандартов и национальных систем права. Целью статьи выступает анализ соразмерности и необходимости вмешательства государства в реализацию данного права, а также определение границы между правовой необходимостью и злоупотреблением. Исследуются подходы к регулированию свободы вероисповедания в США, Франции и Казахстане. Делается акцент на различное понимание принципа светскости и причины его формирования. Особое внимание уделяется практике международных органов, включая Комитет по правам человека ООН, а также анализу конкретных дел против Казахстана.

Ключевые слова: свобода вероисповедания, права человека, светскость, ограничения прав, МПГПП, Комитет по правам человека, Казахстан, Франция, США, ООН.

Annotation

The work examines the problem of restrictions on religious freedom in the light of international standards and national legal systems. The purpose of the article is to analyze the proportionality and necessity of state intervention in the exercise of this right, as well as to define the boundary between legal necessity and abuse. The approaches to the regulation of religious freedom in the USA, France and Kazakhstan are studied, with an emphasis on the different understanding of the principle of secularism and the reasons for its formation. Special attention is paid to the practice of international bodies, including the UN Human Rights Committee, as well as the analysis of specific cases against Kazakhstan.

Keywords: freedom of religion, human rights, secularism, restrictions on rights, ICCPR, Human Rights Committee, Kazakhstan, France, USA, UN.

Аннотация

Мақалада халықаралық стандарттар мен ұлттық құқықтық жүйелер призмасы арқылы діни бостандықты шектеу мәселесі қарастырылады. Зерттеудің мақсаты-мемлекеттің осы құқықты іске асыруға араласуының пропорционалдылығы мен негізділігін талдау, сондай-ақ құқықтық қажеттілік пен теріс пайдалану арасындағы шекараны анықтау. Жұмыста зайырлылық қағидатын әр түрлі түсінуге баса назар аудара отырып, АҚШ, Франция және Қазақстандағы діни сенім бостандығын реттеу тәсілдері зерттеледі. БҰҰ-ның Адам құқықтары жөніндегі комитетін қоса алғанда, халықаралық органдардың тәжірибесіне, сондай-ақ Қазақстанға қарсы нақты істерді талдауға ерекше назар аударылады. Шектеулердің негізділігінің жеткіліксіздігімен және халықаралық стандарттарға сәйкес келмеуімен байланысты құқық қолдануда жүйелік проблемалардың болуы туралы қорытынды жасалады.

Түйінді сөздер: *дін бостандығы, адам құқықтары, зайырлылық, құқықтарды шектеу, МПМПП, адам құқықтары жөніндегі Комитет, Қазақстан, Франция, АҚШ, БҰҰ.*

Введение

Свобода вероисповедания — это универсальное право человека, гарантированное международными конвенциями и закреплённое наряду со свободой мысли и совести в статье 18 Всеобщей декларации прав человека (1948 год)[834], статье 9 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950 год)[835], статье 18 Международного пакта о гражданских и политических правах (1966 год)[836], а также статье 1 Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений (1981 год)[837].

Преамбула Всеобщей декларации прав человека подчёркивает важность «всеобщего понимания характера»[838] закреплённых прав как условия их надлежащего соблюдения. Так, пункт 1 статьи 9 Европейской конвенции по правам человека (ЕКПЧ) и статьи 18 Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП) определяют несколько общих основ, в отношении данного права, а именно определяют его как:

- право на изменение своих убеждений;
- исповедование их как индивидуально, так и сообща;
- учение, выполнение религиозных обрядов в публичном или частном порядке.

Ограничения данного права имеют место быть только в случае если они «установлены законом» и необходимы для защиты общественного порядка, безопасности, морали и прав других лиц.

При этом, несмотря на универсальное признание данного права, подходы к пониманию его границ и ограничений существенно различаются на практике. Наиболее остро эти различия проявляются именно в вопросах допустимости и обоснованности ограничений[839].

Несмотря на единство в признании важности этого права, подходы к его пониманию и ограничениям существенно разнятся. Целью данной работы является исследование доктринального понимания свободы вероисповедания, а также соразмерности и обоснованности ограничений в ее отношении, их соответствия международным стандартам, практика международных органов таких, как Комитет по правам человека ООН, а также выявление того, где проходит грань между правовой необходимостью и злоупотреблением. Анализ включает сравнение подходов Казахстана, Франции и США, а также исторические причины формированя данных подходов, чтобы показать, как разные трактовки светскости влияют на реализацию свободы вероисповедания.

Право на свободу вероисповедания

Некоторые исследователи разделяют свободу вероисповедания и свободу демонстрировать веру, рассматривая их как два взаимосвязанных, но разных вида права[840].

---

[834] United Nations, Universal Declaration of Human Rights (adopted 10 December 1948) UNGA Res 217 A(III), art 18

[835] Council of Europe, European Convention on Human Rights (adopted 4 November 1950, entered into force 3 September 1953) ETS No 5, art 9(1)

[836] United Nations, International Covenant on Civil and Political Rights (adopted 16 December 1966, entered into force 23 March 1976) 999 UNTS 171, art 18(1)

[837] United Nations, Declaration on the Elimination of All Forms of Intolerance and of Discrimination Based on Religion or Belief (adopted 25 November 1981) UNGA Res 36/55, art 1(1)

[838] United Nations, Universal Declaration of Human Rights (adopted 10 December 1948) UNGA Res 217 A(III), Preamble, para 7

[839] Caroline Morris, 'Freedom of Religion Versus Freedom from Religion: A Case Study on Human Rights Protections and Limitations of Religious Expression in American and French Constitutional and International Law' (2022) Senior Theses 91, p 6

[840] Johan D. van der Vyver, "Limitations of Freedom of Religion or Belief: International Law Perspectives," Emory International Law Review 19, no. 2 (Summer 2005): 499-538, p 503

Такой подход кажется ошибочным, поскольку трактовка свободы вероисповедания исключительно как внутренних убеждений делает её соблюдение формальностью, возможной при любом режиме. Внутренние убеждения невозможно изъять, но, как мысли выражаются словами, религиозные убеждения проявляются через внешние атрибуты: одежду, практики, участие в общинах, миссионерскую деятельность. Свобода вероисповедания тесно связана с другими правами — свободой совести, слова, собраний, самовыражения и союзов. Международное право рассматривает её как единство Forum Internum (внутренние убеждения, абсолютно защищённые) и Forum Externum (внешние проявления, регулируемые государством)[841]. Одно невозможно без другого.

Согласно статье 6 «Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений»[842] право на свободу религии «включает, в частности, следующие свободы:

i) отправлять культы или собираться в связи с религией или убеждениями и создавать и содержать места для этих целей;

ii) создавать и содержать соответствующие благотворительные или гуманитарные учреждения;

iii) производить, приобретать и использовать в соответствующем объеме необходимые предметы и материалы, связанные с религиозными обрядами или обычаями или убеждениями;

iv) писать, выпускать и распространять соответствующие публикации в этих областях;

v) вести преподавание по вопросам религии или убеждений в местах, подходящих для этой цели;

vi) испрашивать и получать от отдельных лиц и организаций добровольные финансовые и иные пожертвования;

vii) готовить, назначать, избирать или назначать по праву наследования соответствующих руководителей согласно потребностям и нормам той или иной религии или убеждений;

viii) соблюдать дни отдыха и отмечать праздники и отправлять обряды в соответствии с предписаниями религии и убеждениями;

ix) устанавливать и поддерживать связи с отдельными лицами и общинами в области религии и убеждений на национальном и международном уровнях».

Несмотря на свою обширность данное право не является абсолютным, из условий его ограничения, указанных в пункте 2 статьи 9 ЕКПЧ, а также в пункте 3 статьи 18 МПГПП:

- «установленность законом»;
- защита общественного порядка;
- защита общественной безопасности;
- защита морали и прав других лиц[843].

Государства нередко ссылаются на «законность» ограничений, однако требование «предусмотренности законом» означает не просто наличие формальной нормы, а её «качество»: доступность для адресата, предсказуемость последствий и достаточную точность, исключающую произвол.

---

[841] Heiner Bielefeldt, 'Limiting Permissible Limitations: How to Preserve the Substance of Religious Freedom' (2020) 15 Religion & Human Rights 3, p 7

[842] United Nations, Declaration on the Elimination of All Forms of Intolerance and of Discrimination Based on Religion or Belief (adopted 25 November 1981) UNGA Res 36/55, art 6

[843] Council of Europe, European Convention on Human Rights (adopted 4 November 1950, entered into force 3 September 1953) ETS No 5, art 9(2)

Ограничение свободы религии

Ограничение универсальных прав должно быть обосновано самым подробным образом. Обеспечение права - правило, которое берётся за основу, когда ограничения, накладываемые на это право, рассматриваются как исключения. Эти исключения должны быть чётко аргументированы и строго соответствовать установленным критериям.

Сиракузские принципы, 1985 года, детализируют положения об ограничениях прав, закреплённых в Международном пакте о гражданских и политических правах. В частности, статья 3 Сиракузских принципов гласит: «Толкование любых ограничений должно быть максимально конкретным, и любые сомнения должны решаться в пользу защиты рассматриваемых прав»[844].

Согласно 3 пункту статьи 18 МПГПП[845] и статье 3 «Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений» 1981 года свобода вероисповедания может ограничиваться «лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц»[846].

Преамбула Всеобщей декларации о правах человека ООН подчеркивает важность «всеобщего понимания характера»[847], декларируемых прав для обязательности их соблюдения. Тем не менее, общепризнанное право не понимается общим пониманием, но трактуется в зависимости от страны и режима[848].

Наиболее распространённые сферы ограничений включают образовательные и военные учреждения, места работы, места лишения свободы и государственную службу.

В образовательных учреждениях свобода религии ограничивается, подчеркивя светский характер обучения. В деле Leyla Şahin v. Turkey[849] студентка медицинского факультета была не допущена к занятиям по причине ношение хиджаба. В военных учреждениях внешнее проявление религии ограничивается требованиями униформы и дисциплины, как в деле Goldman v. Weinberger в США[850]. На рабочих местах корпоративные правила нередко накладывают ограничения на ношение религиозной одежды, что показательно в деле Eweida v. British Airways[851]. Государственная служба требует соблюдения нейтральности, что лишает сотрудников права на выражение религиозной принадлежности. В местах лишения свободы ограничения часто достигают максимального уровня, затрудняя доступ к религиозным собраниям или практикам, ввиду внутренних правил.

Возникает парадокс, формально, каждый человек имеет право на убеждения, их выражение, через внешнее проявление, религиозную практику, имеет право на религиозные собрания, но не в образовательных учреждениях, не на рабочем месте,

---

[844] 'Siracusa Principles on the Limitation and Derogation Provisions in the International Covenant on Civil and Political Rights' (adopted 1985) art 3

[845] United Nations, International Covenant on Civil and Political Rights (adopted 16 December 1966, entered into force 23 March 1976) 999 UNTS 171, art 18(3)

[846] United Nations, Declaration on the Elimination of All Forms of Intolerance and of Discrimination Based on Religion or Belief (adopted 25 November 1981) UNGA Res 36/55, art 3

[847] United Nations, Universal Declaration of Human Rights (adopted 10 December 1948) UNGA Res 217 A(III), Preamble, para 7

[848] Caroline Morris, 'Freedom of Religion Versus Freedom from Religion: A Case Study on Human Rights Protections and Limitations of Religious Expression in American and French Constitutional and International Law' (2022) Senior Theses 91, p 6

[849] Talvikki Hoopes, 'The Leyla Sahin v. Turkey Case before the European Court of Human Rights' (2006) 5 Chinese J Int'l L p 719

[850] Dwight H. Sullivan, 'The Congressional Response to Goldman v. Weinberger' (1988) 121 Mil L Rev p 125-126

[851] Russell Sandberg, 'Eweida v British Airways' (2008) 160 Law & Just - Christian L Rev p 56

не на государственной службе и не в местах лишения свободы, то есть практически во всех местах, образующих общество, где человек проводит существенную часть своей жизни. Аналогично, каждый человек имеет право на свободу слова, свободу собраний, свободу самовыражения, но только на определенном участке, условно - кухня, там он может собираться, высказывать свое мнение, выбирать способы для выражения, когда за его пределами, он будет привлечен к ответственности.

Право на свободу вероисповедания часто исключается из ключевых общественных институтов, что ставит под сомнение его универсальность. Реализация права только в частной сфере противоречит международным стандартам, закреплённым в статье 18 МПГПП, которая гарантирует как внутреннюю, так и внешнюю свободу религии.

Нарушения права на вероисповедание регулируются национальными судебными системами и международными структурами, такими как Международный уголовный суд (МУС), Комитет по правам человека (КПЧ), Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) и Совет Безопасности ООН (СБ ООН). Однако только решения ЕСПЧ, СБ ООН и МУС имеют обязательную силу. Рассмотрение дел в МУС и СБ ООН происходит крайне редко, в случаях геноцида или апартеида. Дела отдельных лиц рассматриваются в КПЧ и ЕСПЧ, решения последнего имеют большую юридическую силу.

Проблематика также заключается и в том, что, даже в случае международного признания нарушений свободы религии, восстановление этого права для пострадавших лиц не всегда гарантируется из-за ограниченной обязательности решений и сложностей их реализации.

Несмотря на то, что КПЧ признал нарушение права на свободу вероисповедания в делах Singh v. France[852] и Hudoyberganova v. Uzbekistan[853], эти решения не привели к устранению нарушений. Аналогично, ЕСПЧ, установив злоупотребления в ограничении религиозных свобод в делах Jehovah's Witnesses of Moscow v. Russia[854] и Ahmet Arslan v. Turkey[855], не добился значительных изменений в практике соответствующих государств.

США

Наилучшим представляется подход США, где права на свободу вероисповедания ограничиваются минимально[856], только при наличии угрозы общественному порядку[857]. Общественный интерес не должен базироваться лишь на предпочтениях одной группы, но должен быть универсальным. В то время как страны Европы часто ограничивают эти права, ссылаясь на защиту светскости без достаточного обоснования.

В США разделение государства и церкви в образовании означает, что государственные школы не могут пропагандировать или поддерживать определённую религию. Например, в деле *Abington School District v. Schempp* (1963) Верховный суд признал неконституционным обязательное чтение Библии в начале учебного дня. Однако это не отменяет права студентов на личное выражение веры. Они могут организовывать религиозные группы, проводить богослужения, распространять

[852] United Nations Human Rights Committee, *Gurpreet Singh v France* (2013) CCPR/C/108/D/1852/2008
[853] United Nations Human Rights Committee, *Hudoyberganova v Uzbekistan* (2004) CCPR/C/82/D/931/2000
[854] European Court of Human Rights, *Jehovah's Witnesses of Moscow v Russia* App no 302/02 (ECtHR, 10 June 2010)
[855] European Court of Human Rights, *Ahmet Arslan and Others v Turkey* App no 41135/98 (ECtHR, 23 February 2010)
[856] United States Commission on International Religious Freedom, 'Legislation Factsheet: Limitations on the Freedom of Religion or Belief' (June 2020) p 2
[857] Ibid 3-4

литературу и использовать религиозные символы, если это не связано с поддержкой со стороны школы[858].

В деле *Widmar v. Vincent* (1981) Верховный суд поддержал право студенческой организации проводить религиозные встречи в университете, указав, что учебные заведения должны быть открытым форумом для всех мнений. Позднее, в 1984 году, был принят Акт Равного Доступа, который закрепил право религиозных групп на проведение собраний в образовательных учреждениях[859].

Франция

Франция предлагает иной взгляд на обеспечение равенства, свободы религии и светскости. Французская модель светскости-лаицизм (*laïcité*) не только обеспечивает нейтральное отношение государства к религии, но в строгой форме активно продвигает нерелигиозность.

В 1905 году Франция приняла закон об отделении церкви от государства[860], гарантировавший свободу совести и религиозных взглядов при условии соблюдения общественного порядка. Закон утвердил принцип, что религия — исключительно частное дело. Конституция Пятой республики 1958 года вновь закрепила светскость как фундаментальный принцип государства[861].

В 1989 году «Дело о платках», где трём мусульманским школьницам запретили носить хиджаб в школе, вызвало споры[862]. Это противоречие между правом на религию и принципами светскости побудило создание «Комиссии Стаси» в 2003 году. Итогом её работы стал закон №2004-228, запрещающий в школах ношение явной религиозной символики, такой как хиджаб, кипа, тюрбан и большие кресты, но допускающий малозаметные атрибуты[863].

В 2010 году Франция приняла «Закон о запрете сокрытия лица в общественных местах», вступивший в силу в 2011 году[864]. Закон, фактически запрещающий никаб и бурку, вызвал критику со стороны правозащитных организаций, таких как Human Rights Watch[865], которые осудили его как дискриминацию против мусульманских женщин, носящих бурку. На момент принятия закона таких женщин насчитывалось лишь около 2000[866].

Аргумент, часто используемый для обоснования запрета на ношение бурки или подобных ограничений, например, в деле Лейлы Шахин, заключается в том, что такая одежда якобы является символом угнетения и патриархальности, вынуждающим женщин покрываться против их воли[867]. Однако данный подход основан на

---

[858] Caroline Morris, 'Freedom of Religion Versus Freedom from Religion: A Case Study on Human Rights Protections and Limitations of Religious Expression in American and French Constitutional and International Law' (2022) Senior Theses 91 p 11-13

[859] Ibid 13

[860] Hugo De Laroussilhe, 'A Counter-History of Laïcité: France and Islam in 1905' (2020) p 134

[861] Caroline Morris, 'Freedom of Religion Versus Freedom from Religion: A Case Study on Human Rights Protections and Limitations of Religious Expression in American and French Constitutional and International Law' (2022) Senior Theses 91 p 18

[862] Ioanna Tourkochoriti, 'The Burka Ban: Divergent Approaches to Freedom of Religion in France and in the U.S.A.' (2012) 20 Wm & Mary Bill Rts J 791 p 801-802

[863] Jennifer Heider, 'Unveiling the Truth behind the French Burqa Ban: The Unwarranted Restriction of the Right to Freedom of Religion and the European Court of Human Rights' (2012) 22 Ind Int'l & Comp L Rev 93 p 95

[864] Ibid 96

[865] Human Rights Watch, 'France: Face-Veil Ruling Undermines Rights' (3 July 2014) https://www.hrw.org/news/2014/07/03/france-face-veil-ruling-undermines-rights

[866] Jennifer Heider, 'Unveiling the Truth behind the French Burqa Ban: The Unwarranted Restriction of the Right to Freedom of Religion and the European Court of Human Rights' (2012) 22 Ind Int'l & Comp L Rev 93 p 126

[867] Ibid 117

предположениях, а не на объективных данных. На практике в таких странах, как Франция, женщины фактически подвергаются принуждению к обнажению, несмотря на их личный выбор носить определенную одежду. Это противоречит принципам светских демократий, которые, теоретически, предполагают создание платформы для разнообразия и различия мнений.

В деле Yaker v. France[868], гражданка Франции была оштрафована согласно закону, который запрещает ношение одежды, закрывающей лицо – в ее случае никаба - в публичных местах. В делах, которые рассматривал ЕСПЧ (Dogru v. France и Ebrahiman v. France, где национальное законодательство также ограничивало ношение определенной одежды), Суд не признал нарушение со стороны Франции, приняв заявления о «необходимости» защиты нейтральности и светскости в демократическом обществе. В деле Якер Франция аргументировала теми же доводами о защите нейтральности, прав других, светскости, также ссылалось на национальную концепцию «жить вместе» и инсинуировала, что никаб представляет собой форму подавления женщин.

В своей формулировке Франция не доказала не одно из этих оснований, Комитет заявил, что всякое ограничение должно быть досконально изложено и не должно толковаться абстрактно. Франция не привела не одного примера опасности никаба, а также не была случаев заявлений касательно никаба другими лицами, Франция инсинуировала, что никаб может вполне быть формой семейного давления на женщин и принуждением, в то время как Комитет отметил, что это вполне может быть выбором женщин, а более того выражением их активной гражданской позиции, как в случае с Якер. Тем не менее, даже если допустить возможность принуждения, то для этой проблемы уже существует уголовный закон, который наказывает подобное поведение.

Никаб является практикой мусульман, которую Якер считает важным проявлением своей религиозности и своим религиозным долгом, запрещая публично носить никаб Франция как страна, которая согласно пункту 1 статьи 2, пакта[869], являясь страной-участницей договора должна предоставлять права, заявленные в пакте, в понимании Комитета, всем своим гражданам нарушает права Якер на свободу вероисповедания, вынуждая ее под страхом наказания отказаться от своего религиозного долга.

Хотя можно признать, что некоторые группы общества могут не принимать такие различия, но суть свободы слова и самовыражения заключается именно в возможности выражения различных точек зрения, даже если они вызывают несогласие у других. Например, ношение юбок выше колена может восприниматься частью общества как распущенность или аморальность, однако такие предпочтения не становятся объектом законодательного регулирования. Данный пример демонстрирует избирательное применение принципов свободы: право выбора защищается для одних, но ограничивается для других, зачастую затрагивая определённые религиозные или культурные группы.

Однако, когда односторонняя стигма навязывается без какого-либо дальнейшего обсуждения, это не способствует диалогу, а, напротив, приводит к подавлению противоположной точки зрения. Такой подход противоречит принципам свободы слова и демократического общества, где предполагается уважение и учет разнообразия мнений. Вместо поощрения открытой дискуссии он укрепляет предвзятость и ограничивает возможность выражения альтернативных позиций.

---

[868] 'Sonia Yaker v. France' (*Jurisprudence Database*) https://juris.ohchr.org/casedetails/2547/en-US

[869] 'Международный Пакт о Гражданских и Политических Правах' (*United Nations*), п.3 ст.18 https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml

Таким образом, запрет на ношение такой одежды нарушает принцип forum externum, через который выражаются взгляды и убеждения, что, в свою очередь, ограничивает свободу совести, лишая человека возможности выполнять свои религиозные обязанности. Более того, это приводит к ограничению свободы самовыражения, поскольку у индивида отнимается право выбирать, каким образом выражать свою идентичность и убеждения.

Такой подход не только подрывает основные принципы демократического общества, но и создает прецедент для дискриминации на основе религиозной или культурной принадлежности, что ведет к маргинализации меньшинств, укоренению стереотипов и их отчуждению от общества. В результате меры, изначально направленные на интеграцию различных групп, приводят к обратному эффекту, усиливая дискриминацию и создавая почву для новых нарушений прав, что подрывает доверие к государственным институтам и принципам равенства, а также идет вразрез с заявленными целями международных деклараций.

Казахстан

История регулирование свободы вероисповедания берет свое начало из советского периода. В советский период государственная политика в отношении религии была направлена не столько на обеспечение свободы вероисповедания, сколько на установление строгого административного контроля над религиозной деятельностью[870].

По настоящему революционным стал Закон СССР о свободе совести и религиозных организациях 1990 г., так как предоставлял религиозным объединениям невиданные ранее права. Впервые религиозные объединения были признаны в качестве юридических лиц, с возможностью владения имуществом, найма людей, а также с возможностью заниматься миссионерской и образовательной деятельностью. Требования к регистрации объединений и специальный государственный орган по делам религий были упразднены.

После распада СССР в Казахстане в 1992 году был принят Закон «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях», который был направлен на либерализацию политики государства. Данный закон закрепил широкие возможности для деятельности религиозных организаций. Это привело к значительному росту числа религиозных объединений в стране[871].

Можно выделить два периода в истории регулирования вероисповедания в Казахстане: либеральный (1991-2004) и запретительный (2004-2011)[872].

С середины 2000-х годов государственная политика в сфере религии стала постепенно меняться. Усиление регулирования религиозной деятельности было связано с рядом факторов, включая рост религиозного разнообразия, а также обеспокоенность государства вопросами безопасности.

Начиная с 2004 года государство начало ужесточать меры регулирования религиозных объединений. В 2004 году был введен институт религиоведческой экспертизы, в 2005 году были приняты нормы об обязательной регистрации религиозных объединений, был учрежден орган - Комитет по делам религий Министерства юстиции Республики Казахстан[873]. Кульминаций этих поправок стал

---

[870] Роман Подопригора, 'Правовое регулирование в сфере религии в постсоветском Казахстане: подходы и последствия' в *Реформы конца XX – начала XXI в. на постсоветском пространстве: региональный аспект* (сборник научных статей, Владивосток, 24–25 ноября 2020 года, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2020) 324

[871] Ibid 325

[872] Ibid 325

[873] Ibid 326

новый закон «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» принятый в 2011 году.

Новый закон ужесточил критерии для регистрации религиозных объединений, например, ранее для организации местного религиозного управления требовалось 10 человек, когда по новым требованиям требуется 50 человек. Были расширены основания для религиоведческой экспертизы[874], были введены запреты на религиозные обряды, в государственных и образовательных учреждениях[875], любая религиозная деятельность может осуществляться лишь на территории административной единицы, где зарегистрировано объединение.

Данные изменения и их несоответствие международным актам, находят отражение и в международной практике квазисудебных органов – КПЧ. Казахстан присоединился к Факультативному протоколу по Пакту МПГПП в 2009 году, с этого времени, завершенных и опубликованных КПЧ дел, касательно жалоб в части статьи 18 против Казахстана, насчитывается всего пять, тем не менее, они демонстрируют системные пробелы, в рамках регулирования свободы религии.

Так, в деле Mukhlisov v. Kazakhstan, заключенный Мухлисов, исповедовал ислам, за что подвергался дискриминации. Во время утренней проверки ему препятствовали в молитве, а согласно Уголовно-исполнительному Кодексу, администрация требовала сбрить бороду. Комитет в своем соображении не признал нарушение статьи 18, в части, воспрепятствования молитве Мухлисова во время проверки камеры, так как, такие работы проводятся для поддержания порядка в учреждении, следовательно, являются необходимыми и предполагают определенные ограничения отдельных лиц[876]. Тем не менее, Комитетом был признан факт нарушения статьи 18 в требовании о бритье бороды. Комитет отметил, что государством не было представлено, какой либо обоснованной причины, по которой борода препятствовала бы поддержанию порядка в учреждении, тем самым применения дополнительных мер в этой связи, не было обосновано[877]. В своем заключении Комитет порекомендовал пересмотреть требования Уголовно-исполнительного кодекса.

В деле Sergey Geller v. Kazakhstan, государство выписало штраф и приостановило деятельность объединения кришнатов за проведение богослужения вне зарегистрированного места объединения. Комитет признал, что необходимость разрешения на организацию собраний притесняет права религиозных меньшинств[878]. Государство не сумело обосновать соразмерность ограничений, а также не смогло обозначить реальных угроз, которые могли бы быть результатом собрания Общины[879].

Вопрос учения культа был рассмотрен в деле Leven v. Kazakhstan. В октябре 2009 года обладатель ВНЖ Левен осужден по статье 375 КоАП РК, за несанкционированную миссионерскую деятельность (участие в служениях, чтение Библии), приговорен к штрафу и выдворению за пределы Республики[880]. Государство ссылалось на свое законодательство, которое делает ограничение обоснованным[881].

---

[874] ‘Закон Республики Казахстан «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» от 11 октября 2011 года № 483-IV [2011] ст 6 https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000483

[875] Ibid ст.7

[876] Mukhlisov v Kazakhstan (CCPR/C/130/D/2457/2014) [2020] [9.4] https://juris.ohchr.org/casedetails/3492/en-US

[877] Ibid 9.5

[878] Sergey Geller v Kazakhstan (CCPR/C/137/D/2653/2015) [2023] [9.4] https://juris.ohchr.org/casedetails/2904/en-US

[879] Ibid10.4

[880] Viktor Leven v Kazakhstan (CCPR/C/112/D/2131/2012) [2014] [2.2] https://juris.ohchr.org/casedetails/1933/en-US

[881] Ibid 4.4

Комитет заметил, что исповедование религии включает в себя широкий спектр действий, в том числе выполнение религиозных обрядов, учение, а также свободное назначение религиозных руководителей[882]. Статья 18 защищает не только права миссионеров, но и всех верующих[883]. Какой либо цели, оправдывающей ограничения, государство показать не смогло. Таким образом, Комитет признал нарушение статьи 18 Пакта[884].

Необоснованность ограничения миссионерской деятельности была признана Комитетом в деле Bekzhan et al. v. Kazakhstan, в которых ввоз религиозных материалов был ограничен властями. Некоторые из ввозимых материалов были ограничены в распространении, в результате религиоведческой экспертизы, предусмотренной статьей 6(4)(1) Закона о религиозной деятельности и религиозных объединениях[885].

Комитет отметил, что сама норма Закона, которая предоставляет возможность подобных запретов, не соответствует статье 19 Пакта, который гарантирует: «свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любого рода, независимо от государственных границ»[886].

Комитет обязал Казахстан пересмотреть свое национальное законодательства для приведения его в соответствие с положениями статьи 18 Пакта, так как, присоединившись к Факультативному протоколу, государство обязалось в соответствии с пунктом 2 Пакта, обеспечивать своим гражданам все права, обеспеченные Пактом[887].

Во всех делах Казахстан ссылался на свое внутренее законодательство, аргументируя законностью ограничений. Тем не менее, в таких делах, как Bekzhan et al. v. Kazakhstan, Leven v. Kazakhstan, Sergey Geller v. Kazakhstan, Mukhlisov v. Kazakhstan сам факт наличия норм законодательства не был достаточным аргументом в пользу соразмерности ограничений. В каждом из дел Комитет ссылался на замечание общего порядка №22, в котором обусловлена строгая мотивировка ограничений с реальным обоснованием угроз. Реальная угроза бороды порядку тюремного учреждения не была доказана в деле Mukhlisov v. Kazakhstan. Четкие критерии к запрету религиозной литературы в процессе религиоведческой экспертизы не были установлены в деле Bekzhan et al. v. Kazakhstan. Угроза собрания Общины Кришнаитов в случае с Sergey Geller v. Kazakhstan, а также необходимость регистрации лица как иностранного миссионера для участия в богослужении в деле Leven v. Kazakhstan не были продемонстрированы.

Заключение

Свобода вероисповедания – одно из базовых прав человека, включающее не только внутреннюю свободу убеждений (forum internum), но и их внешнее проявление (forum externum). Тем не менее, именно в сфере внешнего проявления государственное регулирование наиболее часто приводит к конфликту между защитой общественных интересов и соблюдением прав индивида.

Универсальные международные стандарты, закреплённые, в частности, в статье 18 МПГПП, допускают ограничения свободы вероисповедания лишь при строгом соблюдении критериев законности, необходимости, обоснованности и соразмерности. Однако на практике государства интерпретируют эти критерии различным образом.

---

[882] Ibid 9.2
[883] Ibid 9.4
[884] Ibid 10
[885] *Bekzhan v Kazakhstan (CCPR/C/130/D/2661/2015) [2020] [2.2]* https://juris.ohchr.org/casedetails/3283/en-US
[886] Ibid 9.6
[887] Ibid 12

Подход США демонстрирует модель минимального вмешательства, при которой приоритет отдаётся защите индивидуальной свободы, а ограничения применяются лишь при наличии реальной и доказуемой угрозы, что соотносится с духом международных договоров. Французская модель, основывается на принципе лаицизма (laïcité) и напротив, стремится к формированию нейтрального публичного пространства, что на практике приводит к вытеснению религиозного выражения из общественной сферы и риску дискриминации отдельных групп.

Казахстан, прошёл путь от либеральной модели 1990-х годов к более строгому регулированию, закреплённому в законодательстве 2011 года. Анализ практики Комитета по правам человека ООН (включая дела Mukhlisov v. Kazakhstan, Sergey Geller v. Kazakhstan, Leven v. Kazakhstan и Bekzhan et al. v. Kazakhstan) демонстрирует, что действующая модель характеризуется системными упущениями. Самыми ключевыми из них являются недостаточная обоснованность ограничений, общие формулировки без конкретных примеров реальной угрозы общественным интересам, а также чрезмерный характер вмешательства.

Важным является то, что наличие внутреннего законодательства, предусматривающего ограничения, само по себе не является достаточным обоснованием для их признания правомерными с точки зрения международного права. Государство обязано доказывать необходимость и пропорциональность каждого конкретного вмешательства, что в рассмотренных делах сделано не было.

Таким образом, в ряде случаев ограничения свободы вероисповедания приобретают признаки злоупотребления. Это ведёт к маргинализации религиозных меньшинств, снижению уровня доверия к государственным институтам и подрыву принципа равенства.

Для преодоления выявленных проблем необходимо не только совершенствование законодательства, но и изменение правоприменительной практики. Ограничения должны носить исключительный характер, основываться на чётких и доказуемых основаниях, а также соответствовать принципу соразмерности. Только при соблюдении этих условий возможно достижение баланса между светским характером государства и реальным обеспечением свободы вероисповедания как фундаментального права человека.

Злоупотребление в ограничении свободы религии может привести к таким последствиям, как:

- Ущемление прав граждан.
- Маргинализация меньшинств, и их отдаление от общества.
- Дискриминация на религиозной почве.

Рассмотренные примеры показывают, как избирательное применение принципов светскости может перерасти из правовой необходимости в злоупотребление, ограничивая фундаментальные права человека. Для достижения баланса между светскостью и свободой вероисповедания необходимо развивать механизмы, которые обеспечат равные права для всех граждан, независимо от их религиозных убеждений, и не будут ограничивать право на свободу вероисповедания граждан, кроме как имея реально обоснованные причины на подобные санкции.

Список литературы:

1. United Nations, Universal Declaration of Human Rights (adopted 10 December 1948) UNGA Res 217 A(III).

2. Council of Europe, European Convention on Human Rights (adopted 4 November 1950, entered into force 3 September 1953) ETS No 5.

3. United Nations, International Covenant on Civil and Political Rights (adopted 16 December 1966, entered into force 23 March 1976) 999 UNTS 171.

4. United Nations, Declaration on the Elimination of All Forms of Intolerance and of Discrimination Based on Religion or Belief (adopted 25 November 1981) UNGA Res 36/55.

5. ‘Siracusa Principles on the Limitation and Derogation Provisions in the International Covenant on Civil and Political Rights’ (1985).

6. Caroline Morris, ‘Freedom of Religion Versus Freedom from Religion: A Case Study on Human Rights Protections and Limitations of Religious Expression in American and French Constitutional and International Law’ (2022) Senior Theses 91.

7. Johan D van der Vyver, ‘Limitations of Freedom of Religion or Belief: International Law Perspectives’ (2005) 19(2) Emory International Law Review 499–538.

8. Heiner Bielefeldt, ‘Limiting Permissible Limitations: How to Preserve the Substance of Religious Freedom’ (2020) 15 Religion & Human Rights 3.

9. Talvikki Hoopes, ‘The Leyla Sahin v Turkey Case before the European Court of Human Rights’ (2006) 5 Chinese Journal of International Law 719.

10. Dwight H Sullivan, ‘The Congressional Response to Goldman v Weinberger’ (1988) 121 Military Law Review 125–126.

11. Russell Sandberg, ‘Eweida v British Airways’ (2008) 160 Law & Justice – Christian Law Review 56.

12. Hugo De Laroussilhe, ‘A Counter-History of Laïcité: France and Islam in 1905’ (2020).

13. Ioanna Tourkochoriti, ‘The Burka Ban: Divergent Approaches to Freedom of Religion in France and in the U.S.A.’ (2012) 20 William & Mary Bill of Rights Journal 791.

14. Jennifer Heider, ‘Unveiling the Truth behind the French Burqa Ban: The Unwarranted Restriction of the Right to Freedom of Religion and the European Court of Human Rights’ (2012) 22 Indiana International & Comparative Law Review 93.

15. United States Commission on International Religious Freedom, ‘Legislation Factsheet: Limitations on the Freedom of Religion or Belief’ (June 2020).

16. Human Rights Watch, ‘France: Face-Veil Ruling Undermines Rights’ (3 July 2014) https://www.hrw.org/news/2014/07/03/france-face-veil-ruling-undermines-rights

17. United Nations Human Rights Committee, Gurpreet Singh v France (2013) CCPR/C/108/D/1852/2008.

18. United Nations Human Rights Committee, Hudoyberganova v Uzbekistan (2004) CCPR/C/82/D/931/2000.

19. Mukhlisov v Kazakhstan (2020) CCPR/C/130/D/2457/2014.

20. Sergey Geller v Kazakhstan (2023) CCPR/C/137/D/2653/2015.

21. Viktor Leven v Kazakhstan (2014) CCPR/C/112/D/2131/2012.

22. Bekzhan v Kazakhstan (2020) CCPR/C/130/D/2661/2015.

23. European Court of Human Rights, Jehovah’s Witnesses of Moscow v Russia App no 302/02 (ECtHR, 10 June 2010).

24. European Court of Human Rights, Ahmet Arslan and Others v Turkey App no 41135/98 (ECtHR, 23 February 2010).

25. ‘Sonia Yaker v France’ (Jurisprudence Database) https://juris.ohchr.org/casedetails/2547/en-US

26. ‘Международный Пакт о Гражданских и Политических Правах’ (United Nations) https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml

27. Роман Подопригора, ‘Правовое регулирование в сфере религии в постсоветском Казахстане: подходы и последствия’ в Реформы конца XX – начала XXI в. на постсоветском пространстве: региональный аспект (сборник научных статей, Владивосток, 24–25 ноября 2020 года, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2020).

28. Закон Республики Казахстан ‘О религиозной деятельности и религиозных объединениях’ от 11 октября 2011 года № 483-IV https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000483

Нурбеков Димаш Жанович
Магистрант 2 курса специальности «Международное право»
Высшая школа права Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республика Казахстан
E-mail: dimash_nurbekov@kazguu.kz

НЕДОСТАТОЧНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕХАНИЗМОВ КОНТРОЛЯ ЗА ВЫПОЛНЕНИЕМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ХАРТИИ

Аннотация

В статье анализируется, почему механизм контроля за выполнением обязательств по Договору к Энергетической хартии (ДЭХ) остается недостаточно эффективным. Основная проблема состоит в том, что контроль в рамках ДЭХ построен преимущественно не как постоянный надзор за соблюдением договора, а как реакция на уже совершенное нарушение через инвестиционный арбитраж. Такая модель обеспечивает индивидуальную защиту инвестора, но слабо подходит для системного мониторинга поведения государств, выработки единообразной практики и согласования инвестиционной защиты с публичными интересами. В работе последовательно показывается, что высокая стоимость и длительность разбирательств, фрагментация арбитражной практики, ограниченная транспарентность, трудности исполнения решений и конфликт с правом Европейского союза снижают управляемость режима ДЭХ. Отдельно оцениваются модернизация ДЭХ и волна выходов государств как попытки преодолеть кризис легитимности режима. Делается вывод, что для повышения эффективности контроля нужна не точечная корректировка отдельных норм, а переход к смешанной модели, которая сочетала бы индивидуальное разрешение споров с постоянным комплаенс-механизмом, апелляционным или иным унифицирующим элементом, расширенной транспарентностью и более четкими гарантиями права государства на проведение публичной политики.

Ключевые слова: Энергетическая хартия; ДЭХ; инвестиционная защита; ISDS; инвестиционный арбитраж; справедливый и равноправный режим; прозрачность; исполнение решений; право ЕС; «sunset clause».

Abstract

The article analyzes why the mechanism for monitoring compliance with obligations under the Energy Charter Treaty (ECT) remains insufficiently effective. The main problem is that the control framework under the ECT is designed primarily not as continuous supervision over compliance with the treaty, but rather as a response to a violation that has already occurred through investment arbitration. This model provides individual protection for investors, but is poorly suited to systematic monitoring of state conduct, the development of consistent practice, and the reconciliation of investment protection with public interests. The paper consistently demonstrates that the high cost and lengthy duration of proceedings, the fragmentation of arbitral practice, limited transparency, difficulties in the enforcement of decisions, and the conflict with European Union law reduce the governability of the ECT regime. The modernization of the ECT and the wave of state withdrawals are examined separately as attempts to overcome the regime's crisis of legitimacy. The article concludes that improving the effectiveness of monitoring requires not a selective adjustment of individual provisions, but a transition to a mixed model combining individual dispute resolution with a permanent compliance mechanism, an appellate or other harmonizing element, enhanced transparency, and clearer guarantees of the state's right to pursue public policy.

Keywords: Energy Charter Treaty; investment protection; ISDS; investment arbitration; fair and equitable treatment; transparency; enforcement; EU law; sunset clause; regulatory chill.

Аннотация

Мақалада Энергетикалық хартия туралы шарт (ЭХШ) бойынша міндеттемелердің орындалуын бақылау тетігінің неліктен жеткілікті тиімді болып қалмай отырғаны талданады. Негізгі мәселе мынада: ЭХШ шеңберіндегі бақылау шарттың сақталуын тұрақты қадағалау нысанында емес, көбіне инвестициялық арбитраж арқылы бұрыннан орын алған бұзушылыққа жауап беру нысанында құрылған. Мұндай модель инвестордың жеке қорғалуын қамтамасыз етеді, алайда мемлекеттердің іс-әрекетін жүйелі түрде бақылауға, бірізді практиканы қалыптастыруға және инвестициялық қорғауды жария мүдделермен үйлестіруге онша қолайлы емес. Жұмыста іс жүргізудің жоғары құны мен ұзаққа созылуы, арбитраждық тәжірибенің бытыраңқылығы, ашықтықтың шектеулілігі, шешімдерді орындау қиындықтары және Еуропалық одақ құқығымен қайшылық ЭХШ режимінің басқарылуын төмендететіні бірізді түрде көрсетіледі. Сонымен қатар, ЭХШ-ты жаңғырту және мемлекеттердің одан жаппай шығуы режимнің легитимділік дағдарысын еңсеру әрекеттері ретінде жеке бағаланады. Бақылау тиімділігін арттыру үшін жекелеген нормаларды нүктелік түзету емес, дауларды жеке шешуді тұрақты комплаенс-тетікпен, апелляциялық немесе өзге де біріздендіруші элементпен, кеңейтілген ашықтықпен және мемлекеттің жария саясатты жүргізу құқығына неғұрлым айқын кепілдіктермен ұштастыратын аралас модельге көшу қажет деген қорытынды жасалады.

Түйінді сөздер: Энергетикалық хартия; ДЭХ; инвестицияларды қорғау; ISDS; инвестициялық арбитраж; әділ және тең режим; ашықтық; шешімді орындау; ЕО құқығы; «sunset clause».

Введение

В условиях глобализации и трансграничного характера энергетических рынков эффективность правового режима защиты инвестиций становится важным фактором стабильности отрасли. Энергетическая хартия (Energy Charter Treaty, далее - ДЭХ) изначально задумывалась как рамочный многосторонний механизм, обеспечивающий предсказуемость для инвесторов и правовые гарантии для государств в энергетическом секторе.

При этом именно «контроль» за соблюдением государствами обязательств по ДЭХ в значительной степени реализуется не через постоянный надзорный орган, а через механизм разрешения споров, прежде всего - споры инвестор-государство (ISDS). По существу, контроль носит «реактивный» и «деликтный» характер: он активируется постфактум, когда инвестор заявляет о нарушении обязательств государства по части III ДЭХ, и стремится получить индивидуальную правовую защиту (компенсацию или иные средства правовой защиты), а не обеспечить системную добросовестность исполнения договора в целом.[888]

На уровне современной правоприменительной практики и научной дискуссии всё более заметны структурные слабости такого подхода: высокая стоимость процедур, длительность разбирательств, ограниченная транспарентность, отсутствие апелляционного механизма и единообразия решений, а также конфликтные зоны

888 https://www.researchgate.net/publication/368102645_International_Investment_Law_and_Arbitration_A_Conceptual_Framework - Rob Howse

между инвестиционным арбитражем и правом/публичной политикой отдельных интеграционных объединений, прежде всего Европейского союза.[889]

Цель исследования - показать, почему «арбитражно-ориентированный» контроль в ДЭХ объективно ограничен как инструмент обеспечения исполнения обязательств государствами-участниками, и какие направления реформ реально повышали бы управляемость и легитимность режима (включая оценку модернизации ДЭХ и тенденции выхода государств).

1. Правовая *природа ДЭХ и институциональная архитектура контроля*

ДЭХ представляет собой многосторонний договор, устанавливающий правовую рамку сотрудничества в энергетической сфере и включающий нормы о торговле, транзите, инвестициях и урегулировании споров. В части инвестиционной защиты ключевыми являются обязательства по «стабильным, справедливым и благоприятным условиям» для инвестиций (стандарты fair and equitable treatment, защита от экспроприации/мер защиты, затрагивающих инвестиции, и др.), а также связанный с ними механизм разрешения споров.

Институционально ДЭХ опирается на периодические заседания Energy Charter Conference и Секретариат. Функции Конференции включают «держать под обзором и содействовать реализации» принципов и положений договора, а также принимать решения об изменениях/поправках и об организационных вопросах. Однако из текста следует, что речь идёт скорее о координации и поддержке реализации, чем о полномочиях по правоприменительному контролю наподобие «комитета по соблюдению» с процедурами рассмотрения комплаенса, вынесения заключений и последствий за несоблюдение.

Таким образом, архитектура контроля в ДЭХ в значительной степени «смещена» в сторону разрешения споров (Part V), где предусмотрены: (1) инвестор-государство (ст. 26) и (2) межгосударственный механизм (ст. 27).[890] При этом инвестиционный механизм построен на безусловном согласии государства на арбитраж при соблюдении условий договора и выборе инвестором из альтернатив (национальные суды/иные согласованные процедуры/международная арбитражная или примирительная процедура).

2. ISDS в ДЭХ как инструмент контроля исполнения обязательств

Статья 26 ДЭХ формирует сердцевину «контрольного» механизма: споры «между договаривающейся стороной и инвестором другой стороны» по инвестициям и предполагаемому нарушению обязательств по части III «по возможности» урегулируются мирно; при неурегулировании - инвестор вправе выбрать передачу спора в национальные суды, в ранее согласованную процедуру или в международный арбитраж/примирение в соответствии с условиями ст. 26.

Следует отметить, важные юридические особенности этого механизма, которые прямо влияют на его «контрольную» ценность:

Во-первых, механизм является заявительным и частноправово-ориентированным: он запускается только инвестором и ориентирован на защиту

---

[889] Malcolm Langford, Michele Potestà, Gabrielle Kaufmann-Kohler and Daniel Behn, 'UNCITRAL and Investment Arbitration Reform: Matching Concerns and Solutions - An Introduction' (2020) 21 Journal of World Investment & Trade 167 <https://doi.org/10.1163/22119000-12340171> .

[890] Cees Verburg, 'Modernising the Energy Charter Treaty: An Opportunity to Enhance Legal Certainty in Investor-State Dispute Settlement' (2019) 20(2-3) Journal of World Investment & Trade 425 <https://doi.org/10.1163/22119000-12340144> .

индивидуального права/интереса, а не на выявление системного несоблюдения и «коррекцию» поведения государства в общих интересах режима.[891]

Во-вторых, ДЭХ допускает несколько арбитражных треков: International Centre for Settlement of Investment Disputes (Конвенция и Дополнительный механизм), правила United Nations Commission on International Trade Law (UNCITRAL) и арбитраж при Stockholm Chamber of Commerce. С точки зрения контроля это означает многоканальность процедур, что повышает доступность для инвестора, но одновременно усиливает фрагментацию практики.

В-третьих, решения арбитража объявляются «окончательными и обязательными»; ДЭХ требует исполнения и обеспечения «эффективного» принудительного исполнения в пределах территории государства. При этом договор прямо связывает согласие сторон с режимами исполнения по Нью-Йоркской конвенции и по Конвенции ICSID.

С позиции доктрины международного права это делает ISDS мощным средством индивидуальной защиты инвестора. Но если критерием эффективности «контроля» считать системность, предсказуемость и способность равномерно обеспечивать соблюдение обязательств всеми участниками, то заявительный, децентрализованный и арбитражно-фрагментированный дизайн неизбежно задаёт пределы эффективности.

3. Системные недостатки арбитражного контроля в ДЭХ

3.1. Высокая стоимость и длительность процедур

Эмпирические исследования и институциональные обзоры показывают, что инвестиционный арбитраж в целом связан со значительными затратами сторон. В исследовании BIICL/Allen & Overy средние (mean) затраты инвесторов превышают 6,4 млн долларов США, а затраты государств - около 4,7 млн долларов США (при заметно меньших медианных значениях, что отражает «перекос» из-за крупных и сложных дел). [892]

Нормативно-политический стандарт «около 8 млн долларов США на дело» закрепился в материалах Organisation for Economic Co-operation and Development и воспроизводится в документах Евросоюза как усреднённая оценка совокупных издержек ISDS, при этом отмечается, что расходы могут существенно превышать этот уровень.

По длительности современная повестка реформ ISDS в документах ООН фиксирует, что сложность вопросов (включая квантум/оценку убытков) повышает стоимость и продолжительность разбирательств, а по отдельным категориям сверхкрупных требований длительность может доходить до многолетних периодов; в упомянутом эмпирическом исследовании указано, что иски свыше 1 млрд долларов США «в среднем длятся почти восемь лет». [893]

Для режима ДЭХ это особенно чувствительно, поскольку даже статистические материалы по делам ДЭХ признают, что значительное число дел остаётся в статусе pending, а по части дел отсутствует публичная информация о заявленных/присуждённых суммах. Это косвенно подтверждает и длительность, и ограниченную наблюдаемость процессов. [894]

---

[891] See n 1.

[892] Susan D Franck, 'Rationalizing Costs in Investment Treaty Arbitration' (2011) SSRN <https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1781844> .

[893] See n 2.

[894] Kyla Tienhaara and Christian Downie, 'Risky Business? The Energy Charter Treaty, Renewable Energy and Investor-State Disputes' (2018) 24 Global Governance 451 <https://cssn.org/wp-content/uploads/2020/12/Risky-Business-The-Energy-Charter-Treaty-Renewable-Energy-and-Investor-State-Disputes-Christian-Downie-.pdf> .

3.2. Отсутствие единообразной практики и апелляции

Непредсказуемость и отсутствие единообразия - одна из ключевых претензий к ISDS, что прямо фиксируется в процессах реформирования[895]: в материалах ООН подчёркивается, что проблемы «корректности, согласованности и предсказуемости» решений, а также множественность параллельных процедур и расходящийся подход к применению принципов (в т.ч. к оценке убытков) воспринимаются как системная проблема.

В ДЭХ это усиливается тем, что арбитражи формируются ad hoc, применимы разные регламенты (ICSID/UNCITRAL/SCC), а договор не создаёт «вертикальной» системы прецедента/обязательного толкования, сопоставимой с судебными системами. Статья 26(8) закрепляет окончательность решения, что означает отсутствие полноценной апелляции по существу; контроль возможен лишь в ограниченных формах (например, аннулирование в системе ICSID), причём статистика показывает, что успешность аннулирования относительно низка (в выборке 2017-2020 гг. - менее 15% заявлений приводили к полному или частичному аннулированию).

Практический эффект для «контроля исполнения» заключается в следующем: даже при общей норме договора одни и те же стандарты (FET, эквиваленты непрямой экспроприации, причинно-следственная связь и квантум) могут «раскрываться» различно, а отсутствие апелляции затрудняет выработку единообразных ориентиров.[896]

3.3. Проблема транспарентности

Исторически прозрачность инвестиционного арбитража критиковалась как недостаточная, что стало одной из причин появления специальных режимов транспарентности, прежде всего UNCITRAL Rules on Transparency (вступили в силу 1 апреля 2014 года) и связанной с ними Конвенции United Nations Convention on Transparency in Treaty-based Investor-State Arbitration, которая позволяет распространять правила транспарентности на более ранние договоры при согласии государств. [897]

Даже в статистике по делам ДЭХ прямо фиксируется, что по ряду дел отсутствует публичная информация о ключевых параметрах (суммы требований/присуждений и др.), что ограничивает общественный и научный контроль за «качеством» и устойчивостью правоприменения.

Модернизация ДЭХ пытается адресовать этот дефицит: в обзорах модернизированного текста отмечается закрепление обязательности применения правил транспарентности UNCITRAL для споров по ДЭХ, а также введение обязанностей по раскрытию третьего финансирования (включая структуру и конечного бенефициарного владельца финансирующего лица).

3.4. Ограниченность и конфликтность принудительного исполнения

С формально-юридической точки зрения конструкция исполнения выглядит сильной: ДЭХ увязывает согласие сторон с Нью-Йоркской конвенцией и режимом

---

[895] Julian Arato, Chester Brown and Federico Ortino, 'Parsing and Managing Inconsistency in Investor-State Dispute Settlement' (2020) 21(2-3) Journal of World Investment & Trade 336 <https://www.academia.edu/126488181/Parsing_and_Managing_Inconsistency_in_Investor_State_Dispute_Settlement> .

[896] Verburg (n 2).

[897] William Kenny, 'Transparency in Investor-State Arbitration' (2016) 33(5) Journal of International Arbitration 471 <https://kluwerlawonline.com/journalarticle/Journal+of+International+Arbitration/33.5/JOIA2016036> .

исполнения по Конвенции ICSID; государства обязуются исполнять решения и обеспечивать эффективное принудительное исполнение на своей территории.

Однако на практике исполнение осложняется пересечением с иммунитетами государства и (внутри ЕС) - с внутрисоюзными ограничениями. Показательным является решение Supreme Court of the United Kingdom от 4 марта 2026 года по делу об регистрации ICSID-решения против Испании: суд подтвердил, что участие государства в Конвенции ICSID (ст. 54(1)) означает согласие на признание и исполнение (recognition/enforcement) решения «как решения национального суда», что исключает ссылку на иммунитет от юрисдикции на стадии регистрации; при этом отдельно подчёркнута граница между признанием/исполнением и обращением взыскания (execution), где иммунитет может сохраняться (ст. 55 Конвенции ICSID).

Дополнительное измерение конфликта исполнения связано с ДЭХ в контексте права ЕС: European Commission указывает, что механизм ICSID создаёт риск признания и исполнения внутри-европейских решений в третьих странах без возможности для суда государства-члена «обнулить» эффект такого решения через механизм контроля совместимости с правом ЕС, что усиливает «внешний» правовой конфликт и снижает управляемость режима.

3.5. Конфликт с правом ЕС и публичной политикой государств

Ключевая точка коллизии - вопрос применимости арбитража инвестор-государство к внутри-европейским спорам (intra-EU). Court of Justice of the European Union в решении Achmea (6 марта 2018 года) признал несоответствие арбитражной оговорки в внутри-европейском BIT требованиям ДФЕС, исходя из принципа автономии права ЕС и роли механизма предварительного запроса.

В решении Komstroy (2 сентября 2021 года) Суд ЕС распространил аналогичную логику на ДЭХ, указав, что ст. 26(2)(c) ДЭХ не применима к спорам между государством-членом и инвестором другого государства-члена по инвестициям, сделанным в первом государстве-члене.

При этом Европейская комиссия прямо констатирует «системное расхождение» между позицией ЕС и практикой арбитражей: многие трибуналы продолжают исходить из применимости ст. 26 к intra-EU спорам и не считают себя связанными судебной практикой Суда ЕС.

Как ответ на данную коллизию в 2024 году оформлена «общая договорённость» (declaration/common understanding) ЕС и государств-членов о неприменимости ст. 26 ДЭХ в intra-EU отношениях и о том, что «sunset clause» ст. 47(3) не должна производить правовых эффектов во внутри-европейских отношениях применительно к таким арбитражам.

Содержательно критика режима ДЭХ затрагивает вопрос баланса между защитой инвестиций и правом государства проводить публичную политику (энергетическую, экологическую, климатическую). В документах ООН по реформе ISDS «regulatory chill» прямо фигурирует как проблема, требующая проработки в числе «сквозных» вопросов процедурной реформы (наряду с транспарентностью и др.). [898]

В контексте энергоперехода и климатической политики риски «охлаждения регулирования» обсуждаются особенно активно, поскольку претензии по ДЭХ могут сопровождать меры по отказу от отдельных видов топлива, изменению субсидирования и др. В качестве иллюстрации конфликтов в этой плоскости часто рассматриваются: (а) споры вокруг изменения режимов поддержки ВИЭ, (б) споры, где

[898] Kyla Tienhaara, 'Regulatory Chill in a Warming World: The Threat to Climate Policy Posed by Investor-State Dispute Settlement' (2018) 7(2) Transnational Environmental Law 229 <https://doi.org/10.1017/S2047102517000309> .

инвестор оспаривает запреты/отказы в разрешениях на проекты с ископаемым топливом, (в) споры вокруг поэтапного прекращения угольной генерации.

Важно подчеркнуть: для темы «эффективности контроля» релевантна не оценка «кто прав» в конкретном споре, а институциональный эффект. Когда государство сталкивается с риском значительных компенсаций и высокими транзакционными издержками защиты, «контроль» за соблюдением обязательств по ДЭХ начинает работать как внешний ограничитель политического усмотрения, причём без единой системы корректировки ошибок и без чёткой соподчиненности с национальными/наднациональными требованиями публичного права.[899]

4. Попытки реформирования и кризис режима ДЭХ

4.1. Модернизация и её ключевые элементы

Пакет поправок к ДЭХ был утверждён на заседании Energy Charter Conference 3 декабря 2024 года и, согласно обзорам, предусматривает их временное применение с 3 сентября 2025 года при возможности отказа государств от временного применения в установленный срок; вступление в силу требует последующей ратификации по правилам договора.

Содержательно обзоры модернизированного текста выделяют несколько блоков изменений, прямо связанных с исследуемой темой (контроль/легитимность/предсказуемость):

Уточнение понятий «инвестор» и «инвестиция» (включая требования законности вложения и признаки инвестиции: вклад капитала, ожидание прибыли, длительность, риск; а также критерий «существенной деловой активности» для корпоративных структур), что должно сузить «серую зону» юрисдикции и потенциал treaty shopping. [900]

Кодификация содержания стандарта FET через закрытый перечень нарушений и уточнение тестов непрямой экспроприации, включая оговорки о мерах, направленных на легитимные публичные цели (например, охрана окружающей среды), которые не должны квалифицироваться как непрямая экспроприация, если не являются «явно чрезмерными».

Процессуальные «фильтры» и инструменты снижения злоупотреблений (например, возможность суммарного отклонения явно необоснованных по праву требований, обеспечение расходов/«security for costs», раскрытие третьего финансирования), а также более жёсткая рамка транспарентности (привязка к UNCITRAL Rules on Transparency).

4.2. Ограниченность реформ и рост фрагментации

Даже при наличии вышеуказанных улучшений сохраняются фундаментальные ограничения «контроля через арбитраж». Во-первых, модернизация не превращает систему в централизованный комплаенс-механизм: она по-прежнему остаётся спороцентричной (claim-driven) и зависит от активности отдельных инвесторов.

Во-вторых, модернизация сопровождается «фрагментацией» применения: часть государств может не применять поправки временно или применять их неодинаково в силу оговорок и процедур, что создаёт параллельные режимы («старый» и «новый» ДЭХ) и повышает неопределённость для участников.

В-третьих, ключевые конфликтные вопросы (intra-EU арбитраж, эффект «sunset clause», признание и исполнение решений) остаются политико-правовой линией

[899] Tienhaara and Downie (n 6).

[900] Marta Guillén Vicente, 'The European Union's Proposal for the Modernization of the Energy Charter Treaty' (2022) 31 European Energy and Environmental Law Review 124 <https://ciencia.ucp.pt/en/publications/the-european-unions-proposal-for-the-modernization-of-the-energy-/> .

напряжения. Комиссия ЕС уже в 2022 году предупреждала о рисках конфликта правопорядков «третьих стран» и ЕС из-за циркуляции арбитражных решений, а в 2024 году была оформлена отдельная декларация/общая договорённость внутри ЕС, направленная на устранение правовой базы intra-EU арбитражей под ДЭХ.

4.3. Выход государств и усиление «кризисной» динамики

Выход государства из ДЭХ не устраняет риски немедленно из-за «sunset clause»: ст. 47(3) предусматривает продолжение применения положений договора к инвестициям, осуществлённым до даты выхода, ещё 20 лет.

На практике именно сочетание «sunset clause», внутри-европейского конфликта юрисдикций и политического давления энергоперехода привело к волне выходов и координационных решений. European Union принял решение о выходе (Council Decision (EU) 2024/1638), а 27 июня 2024 года уведомил депозитария; выход вступает в силу через год после получения уведомления депозитарием.

Существенно, что по состоянию на 30 января 2026 года European Commission официально зафиксировала: ЕС и Euratom вышли из ДЭХ 28 июня 2025 года, и Комиссия направила письма-предупреждения 16 государствам-членам, которые остаются сторонами ДЭХ после выхода ЕС/Евратома, указывая на исключительную компетенцию ЕС в области торговли и инвестиций и требуя выйти «без неоправданной задержки».

Параллельно отдельные государства уведомляли о выходе в национальном порядке. Например, United Kingdom официально объявило о намерении выйти из ДЭХ, мотивируя решение невозможностью согласовать модернизацию договора под цели net zero.

В итоге режим ДЭХ начинает работать в условиях конкурирующих правовых «слоёв»: старый/модернизированный текст, разные статусы участия государств, внутренние (ЕС) договорённости о неприменимости, и одновременно - сохраняющаяся возможность вынесения решений и их исполнения в третьих странах. Это снижает управляемость и делает «контроль через ISDS» ещё менее единообразным и менее предсказуемым.

5. Выводы и предложения по улучшению механизмов контроля

Главный вывод состоит в том, что слабость механизмов контроля исполнения обязательств по ДЭХ носит не «случайный», а конструктивный характер. Контроль в ДЭХ закреплён преимущественно как частноправовой (инвесторский) инструмент защиты, который по определению не обеспечивает ни непрерывного мониторинга соблюдения обязательств, ни единообразия правоприменения, ни устойчивого согласования инвестиционной защиты с конституирующими принципами публичного права государств и интеграционных объединений.

Второй вывод: модернизация ДЭХ логично отвечает на часть критики (сужение понятий, «перечневой» FET, границы непрямой экспроприации, транспарентность, фильтры против злоупотреблений), но не устраняет фундаментальных дефектов «арбитражного контроля» - отсутствие апелляционного уровня, фрагментацию и множественность режимов исполнения/конфликта правопорядков. В сочетании с выходами государств это усиливает «мозаичность» режима.

Третий вывод: конфликт с правом ЕС демонстрирует пределы модели, где арбитраж претендует на роль «контролёра» исполнения обязательств вопреки автономным наднациональным юридическим системам. Проблема для контроля - не только в несовместимости отдельных представлений о юрисдикции, но и в том, что часть арбитражей продолжает действовать на основе собственной интерпретации согласия, а «битва» смещается на стадию признания и исполнения решений (включая третьи страны).

Предложения по повышению эффективности контроля в логике юридико-институциональной реформы (как «general reform agenda» для научной статьи) целесообразно формулировать как пакет, потому что точечные меры (только транспарентность или только сужение FET) не устраняют системные причины:

1. Первое направление - переход от сугубо спороцентричного контроля к смешанной модели: введение постоянного комплаенс-элемента (например, процедурного механизма периодического обзора выполнения обязательств и рекомендаций по устранению нарушений) при сохранении споров для индивидуальной защиты. Это адресует «централизованный обзор» как отсутствующий слой и повышает превентивность. [901]
2. Второе направление - апелляционный элемент или постоянный «standing mechanism» хотя бы для унификации правовых подходов (корректность/согласованность/предсказуемость), поскольку именно отсутствие «второй инстанции» оставляет систему в режиме фрагментарных интерпретаций. Применительно к международной дискуссии это совпадает с логикой реформ ISDS, где корректность и согласованность решений рассматриваются как самостоятельная цель реформы. [902]
3. Третье направление - институционализация транспарентности как презумпции (open hearings, публикация ключевых процессуальных документов и решений, участие третьих лиц/amicus) с минимальными исключениями, подкреплённая обязанностями раскрытия третьего финансирования и конфликтов интересов. Это повышает доверие и позволяет «общественной экспертизе» выявлять системные проблемы. [903]
4. Четвёртое направление - «регуляторные оговорки» и калибровка стандартов защиты с учётом публичных целей (включая климат/энергопереход) должны быть не декларативными, а операциональными: через конкретные тесты, презумпции, критерии пропорциональности и правила об оценке убытков, чтобы снизить риск «регулирующего охлаждения», который сам по себе признан как проблема в глобальной повестке реформ ISDS. Пятое направление - проработка режима «sunset clause» как источника долгосрочной регуляторной инерции: даже при выходе государства остаются годы потенциальной ответственности, что снижает практическую ценность выхода как инструмента политики. Попытки внутрисоюзной нейтрализации «sunset clause» через совместные декларации показывают, что вопрос рассматривается как центральный для будущего режима.[904]

Список литературы:

1. Energy Charter Treaty (Lisbon, 17 December 1994) (текст договора). UNCTAD, Investor-State Dispute Settlement Cases: Facts and Figures 2020 (IIA Issues Note, No 4, September 2021) - https://docs.pca-cpa.org/2016/01/Energy-Charter-Treaty.pdf
2. UNCTAD, IIA Issues Note, No 3, 2024 (данные о доле ДЭХ в ISDS и сопоставлении с NAFTA). https://unctad.org/system/files/official-document/diaepcbinf2021d7_en.pdf
3. UNCTAD, Recent trends in investor-State arbitration cases (IIA Issues Note, September 2025).

[901] See n 1.

[902] Muhammad Abid Hussain Jillani, Ahmad Ali Ghouri and Ximei Wu, 'Institutional Design for an Appellate Mechanism in Investor-State Dispute Settlement' (2025) 15(2) Asian Journal of International Law 325 <https://doi.org/10.1017/S2044251325000098> .

[903] Kenny (n 9).

[904] Joshua Paine and Elizabeth Sheargold, 'A Climate Change Carve-Out for Investment Treaties' (2023) 26(2) Journal of International Economic Law 285 <http://hdl.handle.net/10.1093/jiel/jgad011> .

BIICL & Allen & Overy, Empirical Study: Costs, Damages and Duration in Investor-State Arbitration (June 2021). https://unctad.org/system/files/official-document/diaepcbinf2024d5_en.pdf

4. OECD, Investor-State Dispute Settlement: A Scoping Paper for the Investment Policy Community (OECD Working Papers on International Investment, 2012). https://unctad.org/system/files/official-document/diaepcbinf2025d4_en.pdf

5. UNCITRAL, UNCITRAL Rules on Transparency in Treaty-based Investor-State Arbitration (effective 1 April 2014). https://uncitral.un.org/en/texts/arbitration/contractualtexts/transparency

6. United Nations, United Nations Convention on Transparency in Treaty-based Investor-State Arbitration (Mauritius Convention) (2014). https://uncitral.un.org/en/texts/arbitration/conventions/transparency

7. European Commission, COM(2022) 523 final, Communication from the commission to the european parliament and the council, as well as to the member states, on an agreement between the Member States, the European Union and the European Atomic Energy Community on the interpretation of the Energy Charter Treaty (5 October 2022). https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX%3A52022DC0523

8. CJEU, Slovak Republic v Achmea BV (Case C-284/16) Judgment of 6 March 2018. https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A62016CJ0284&utm

9. CJEU, Republic of Moldova v Komstroy (Case C-741/19) Judgment of 2 September 2021. https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A62019CJ0741&utm

10. Council Decision (EU) 2024/1638 on the withdrawal of the Union from the Energy Charter Treaty (30 May 2024). https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ%3AL_202401638

11. Declaration on the legal consequences of Komstroy and common understanding on non-applicability of Article 26 ECT in intra-EU relations (OJ L, 6 August 2024). https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX%3A42024X2121

12. UK Supreme Court, Press Summary, The Kingdom of Spain v Infrastructure Services Luxembourg… [2026] UKSC 9 (4 March 2026). https://energy.ec.europa.eu/news/january-infringements-package-key-decisions-energy-2026-01-30_en

13. WilmerHale, 'The Modernised Energy Charter Treaty: Key Takeaways from the Amended Text' (23 December 2024). https://www.wilmerhale.com/en/insights/blogs/international-arbitration-legal-developments/20241223-the-modernised-energy-charter-treaty-key-takeaways-from-the-amended-text

14. Institutional Design for an Appellate echanism in Investor-State Dispute Settlement - https://www.cambridge.org/core/journals/asian-journal-of-international-law/article/institutional-design-for-an-appellate-mechanism-in-investorstate-dispute-settlement/5AF2C000FDB635EF79EFAE6A9D17F58F

15. W Kenny, 'Transparency in Investor State Arbitration' (2016) Journal of International Arbitration https://kluwerlawonline.com/journalarticle/Journal+of+International+Arbitration/33.5/JOIA2016036

16. Joshua Paine and Elizabeth Sheargold, 'A Climate Change Carve-Out for Investment Treaties' (2023) Journal of International Economic Law - https://academic.oup.com/jiel/article/26/2/285/7071568?l

17. Kyla Tienhaara and Christian Downie, 'Risky Business? The Energy Charter Treaty, Renewable Energy, and Investor-State Disputes' (2018) 24 Global Governance

https://www.researchgate.net/publication/328020633_Risky_Business_The_Energy_Charter_Treaty_Renewable_Energy_and_Investor-State_Disputes

18. Marta Guillén Vicente, 'The European Union's Proposal for the Modernization of the Energy Charter Treaty' (2022) European Energy and Environmental Law Review - https://www.researchgate.net/publication/366590291_The_European_Union_Proposal_for_the_Modernisation_of_the_Energy_Charter_Treaty_-_A_Model_for_Climate-Friendly_Investment_Treaties

19. Kyla Tienhaara, 'Regulatory Chill in a Warming World: The Threat to Climate Policy Posed by Investor-State Dispute Settlement' (2017) 7 Transnational Environmental Law 229 - https://www.cambridge.org/core/services/aop-cambridge-core/content/view/C1103F92D8A9386D33679A649FEF7C84/S2047102517000309a.pdf/regulatory-chill-in-a-warming-world-the-threat-to-climate-policy-posed-by-investor-state-dispute-settlement.pdf

20. https://www.researchgate.net/publication/368102645_International_Investment_Law_and_Arbitration_A_Conceptual_Framework - Rob Howse

21. Malcolm Langford, Michele Potestà, Gabrielle Kaufmann-Kohler and Daniel Behn, 'UNCITRAL and Investment Arbitration Reform: Matching Concerns and Solutions' (2020) The Journal of World Investment & Trade - https://brill.com/view/journals/jwit/21/2-3/article-p167_1.xml

22. Modernising the Energy Charter Treaty: An Opportunity to Enhance Legal Certainty in Investor-State Dispute Settlement - The Journal of World Investment & Trade - https://brill.com/view/journals/jwit/20/2-3/article-p425_11.xml

Исимбай Нұрсат Каныбекұлы
Магистрант 2 курса образовательной программы “Международное право”
Высшая школа права Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республика Казахстан
e-mail: n_issimbay@kazguu.kz

ЭФФЕКТИВНОСТЬ АКТОВ РЕАГИРОВАНИЯ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: СРАВНЕНИЕ С ЕВРОПЕЙСКОЙ МОДЕЛЬЮ

Аннотация

В статье проводится сравнительно-правовой анализ институтов национальных правозащитных учреждений (НПЗУ) Республики Казахстан и Швеции. Исследуется эволюция правовой модели Уполномоченного по правам человека в РК (УПЧ РК) после конституционной реформы 2022 года и сопоставляются его полномочия с классической моделью Парламентского омбудсмена Швеции (JO). Особое внимание уделяется юридической природе и эффективности актов реагирования. Анализ статистических данных за 2024–2025 годы выявил прямую зависимость между уровнем правовой грамотности населения и эффективностью правозащитной деятельности. В работе аргументируется, что превалирование консультативных актов (разъяснений) в практике РК свидетельствует о просветительской фазе развития института. Автором подчеркиваются системные различия в степени императивности актов: если шведская модель наделяет омбудсмена полномочиями схожими с полномочиями прокурора и правом самостоятельного наложения штрафов, то казахстанская модель сохраняет преимущественно рекомендательный характер. По итогам исследования предлагаются пути реформирования законодательства РК для повышения независимости и властных полномочий УПЧ РК в соответствии с Парижскими принципами.

Ключевые слова: Уполномоченный по правам человека, Омбудсмен, НПЗУ, Парижские принципы, акты реагирования Уполномоченного по правам человека в Республике Казахстан, правовое просвещение, сравнительное правоведение, УПЧ РК, эффективность УПЧ РК, шведский Омбудсмен.

Аннотация

Бұл мақала Қазақ Республикасы мен Швециядағы ұлттық адам құқықтары институттарының (NHRI) салыстырмалы құқықтық талдауын ұсынады. 2022 жылғы конституциялық реформадан кейінгі Қазақстандағы Адам құқықтары жөніндегі комиссардың (Қазақстан Республикасының Адам құқықтары жөніндегі комиссары) құқықтық моделінің эволюциясын қарастырады және оның өкілеттіктерін классикалық швед парламентарлық омбудсменінің (JO) моделімен салыстырады. Атап айтқанда, жауап шараларының құқықтық табиғаты мен тиімділігіне ерекше назар аударылады. 2024–2025 жылдарға арналған статистикалық деректерді талдау халықтың құқықтық сауаттылық деңгейі мен адам құқықтарын қорғау шараларының тиімділігі арасындағы тікелей байланысты көрсетті. Мақалада Қазақстандағы кеңес беру актілерінің (түсіндірмелердің) көптігі институттың дамудың білім беру кезеңінде екенін көрсетеді деп тұжырымдалған. Автор актілердің міндетті күшінің дәрежесінде жүйелі айырмашылықтарды айқындайды: швед моделі омбудсменге прокурорға тең өкілеттіктер мен айыппұл салу құқығын береді, ал қазақстандық модель негізінен кеңес беру сипатын сақтайды. Зерттеу нәтижелеріне сүйене отырып, Париж қағидаларына сәйкес Қазақстандағы Адам құқықтары жөніндегі комиссардың тәуелсіздігі мен өкілеттіктерін күшейту мақсатында заңнаманы реформалау жолдары ұсынылады.

Түйінді сөздер: Адам құқықтары жөніндегі комиссар, Омбудсмен, Ұлттық адам құқықтары институты, Париж қағидалары, Қазақстан Республикасының адам құқықтары жөніндегі комиссарының жауап шаралары, құқықтық білім, салыстырмалы құқықтану, Адам құқықтары жөніндегі комиссар, Адам құқықтары жөніндегі комиссардың тиімділігі, Швециялық омбудсмен.

Abstract

This article provides a comparative legal analysis of the institutions of national human rights institutions (NHRI) in the Republic of Kazakhstan and Sweden. It examines the evolution of the legal model of the Human Rights Commissioner of the Republic of Kazakhstan (HRC of the Republic of Kazakhstan) following the 2022 constitutional reform and compares its powers with the classical model of the Swedish Parliamentary Ombudsman (JO). Particular attention is paid to the legal nature and effectiveness of response measures. An analysis of statistical data for 2024–2025 revealed a direct correlation between the level of legal literacy among the population and the effectiveness of human rights protection activities. The paper argues that the prevalence of advisory acts (clarifications) in Kazakhstan's practice indicates that the institution is in an educational phase of development. The author highlights systemic differences in the degree of binding force of acts: while the Swedish model grants the ombudsman powers similar to those of a prosecutor and the right to independently impose fines, the Kazakhstani model retains a predominantly advisory character. Based on the findings of the study, ways to reform the legislation of the Republic of Kazakhstan are proposed to enhance the independence and authority of the Human Rights Commissioner of the Republic of Kazakhstan in accordance with the Paris Principles.

Keywords: Human Rights Commissioner, Ombudsman, National Human Rights Institution, Paris Principles, response measures of the Human Rights Commissioner of the Republic of Kazakhstan, legal education, comparative law, Human Rights Commissioner of the Republic of Kazakhstan, effectiveness of the Human Rights Commissioner of the Republic of Kazakhstan, Swedish Ombudsman.

Материалы и методы

В работе применяются материалы в виде: Международные стандарты, Законодательная база Республики Казахстан, Законодательная база Швеции, Эмпирические данные в виде официальных докладов и социологических исследований.

Методами же в свою очередь выступают: сравнительно-правовой анализ, статистический анализ, формально-юридический метод, метод количественного анализа

Вводная часть

Институт Уполномоченного по правам человека (далее - УПЧ РК) в современной правовой системе Республики Казахстан, прошел путь от факультативного правозащитного механизма к конституционно закрепленному органу с широким, насколько это видится, мандатом.

Ключевым этапом эволюции этого института стали реформы 2022 года, которые не только закрепили статус Омбудсмена в Основном законе, но и привели к принятию Конституционного закона "*Об Уполномоченном по правам человека в Республике Казахстан*", что в свою очередь свидетельствует о значимости института в системе защиты конституционных прав и свобод граждан, а также о приверженности государства курсу на демократизацию и укрепление правового поля страны.

Исходя из официального Доклада о Деятельности Уполномоченного по правам человека в Республике Казахстан, в 2024 году было проведено: "*3 встреч, участие в*

10 рабочих визитах и организация сайд-ивента в Варшаве подтвердили статус Казахстана как активного участника глобальных процессов в сфере прав человека"[905]. Что в свою очередь иной раз подчеркивает стремление Казахстана соответствовать высоким мировым стандартам.

Более того, самим УПЧ РК в ходе Международной научно-практической конференции «Защита прав человека в Республике Казахстан: вызовы и перспективы», было озвучено: "*перед нами по-прежнему стоят серьезные вызовы. Эффективная защита прав человека требует постоянного внимания и усилий как со стороны государственных органов, так и гражданского общества*"[906]. Продолжая мысль УПЧ РК, можно отметить, что институт не ограничивается лишь фиксацией нарушений, а стремится к системному реформированию правовой культуры в стране, в условиях нескончаемо новых вызовов связанными в том числе с ростом цифровизации в стране (*защита персональных данных*) и тому подобных растущих тенденций.

В этой связи, актуальность обусловлена несколькими факторами, такими как:

1) *Международная интеграция*
2) *Адаптация вызовам*
3) *Конституционная реформа*

Целью настоящей статьи является проведение сравнительно-правового анализа механизмов реагирования УПЧ Казахстана и Омбудсмена Швеции для выявления путей повышения эффективности национального правозащитного учреждения РК.

Задачами выступают:

1) Изучить международные стандарты деятельности НПЗУ (Парижские и Венецианские принципы) и их имплементацию в законодательство РК.
2) Проанализировать юридическую природу и статистическую эффективность актов реагирования УПЧ РК по итогам 2024 года.
3) Исследовать шведскую модель парламентского контроля, включая полномочия экстраординарного прокурора и право наложения штрафов.
4) Выявить системные различия в степени императивности и независимости омбудсменов двух стран.

Дискуссии и обсуждения

Концептуальные основы и международные стандарты деятельности Национальных правозащитных учреждений.

Деятельность национальных правозащитных учреждений (НПЗУ), повсеместно опирается на систему международных стандартов, призванных гарантировать их независимость, эффективность и доступность.

Фундаментальным документом для таких НПЗУ являются *"Принципы, касающиеся статуса национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека"*, также известные как Парижские принципы, принятые резолюцией ГА ООН 48/134 в 1993 году.

Согласно этим стандартам, НПЗУ должны обладать максимально широким мандатом, институциональной и финансовой автономией от исполнительной власти, а также обеспечивать плюралистическое представительство гражданского

[905] Уполномоченный по правам человека в Республике Казахстан, *Доклад о деятельности за 2024 год* (Астана 2025) <www.gov.kz/memleket/entities/ombudsman/documents/details/825810?lang=ru> доступ от 5 мая 2026.

[906] Сборник материалов Международной научно-практической конференции, *Защита прав человека в Республике Казахстан: вызовы и перспективы* (10 декабря 2024 года, Астана) https://prg.kz/document/?doc_id=34548644&pos=2;246.

общества[907]. Несмотря на кажущуюся простоту в выполнении подобного рода требований, не все юрисдикции способны в полной мере охватить их, что подтверждается Глобальным альянсом национальных институтов по правам человека (GANHRI).

Согласно GANHRI, на 2025 год 91 национальных правозащитных учреждения аккредитованы GANHRI и имеют статус "A", т.е. соответствуют Парижским принципам, и 28 национальных НПЗУ получили статус "B"[908], в числе которых по настоящее время пребывает Республика Казахстан.

В дополнение к Парижским принципам, Венецианская комиссия в 2019 году, в дополнение издала “Принципы защиты и продвижения института Омбудсмена” (Венецианские принципы).

В отличии от Парижских принципов, Венецианские принципы фокусируются на детализации требований к юридической защищенности НПЗУ. В частности, Венецианские принципы подчеркивают, несовместимость деятельности Омбудсмена с политической или административной деятельностью[909], ввиду посягательства на его независимость в таком случае.

Также включают в себя положения касательно институциональной автономии и требовании к максимально-возможному широкому мандату, например: “*Институциональная компетенция омбудсмена включает государственное управление на всех уровнях*”[910]. Это в свою очередь обеспечивает непрерывность деятельности НПЗУ, распространяя мандат на все общественные интересы и государственные услуги, предоставляемые обществу, будь то государством, муниципалитетами, государственными органами или частными организациями[911].

Ключевым аспектом эффективности НПЗУ можно выделить право направлять индивидуальные рекомендации любым органам власти и должностным лицам, при этом особое внимание стоит уделить эффективности этих рекомендаций, на эффективность же при этом может влиять совокупность факторов, таких как: авторитет НПЗУ, широкий мандат, независимость, бюджетная автономия.

Парижские принципы при этом требуют, чтобы у Омбудсмена было юридически закрепленное право требовать от должностных лиц ответа, на запросы НПЗУ в течение установленного разумного срока. В Казахстанской практике этот стандарт был имплементирован через установление пятнадцати дневного срока для рассмотрения актов УПЧ РК[912].

Правовая природа актов реагирования в Республике Казахстан

В действующем Конституционном законе Республики Казахстан об Уполномоченном по правам человека (далее - Закон об УПЧ РК), являющимся основным Законом регулирующем деятельность национального НПЗУ Республики Казахстан, упоминается исчерпывающий перечень возможных актов реагирования УПЧ РК, в основе своей носящие либо рекомендательный, либо уведомительный характер. Перечень в свою очередь состоит из:

---

[907] Принципы, касающиеся статуса национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека [Парижские принципы] Приложение к резолюции 48/134 Генеральной Ассамблеи от 20 декабря 1993 года. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/paris.shtml

[908] Global Alliance of National Human Rights Institutions (GANHRI), ‘Accreditation status as of 24 December 2025’ (2026) <ganhri.org/wp-content/uploads/2026/01/sca-46th-session-accreditation-chart-24122025.pdf> доступ от 5 мая 2026.

[909] Venice Commission, ‘Principles on the Protection and Promotion of the Ombudsman Institution (“The Venice Principles”)’ (Council of Europe 2019) CDL-AD(2019)005-rus.

[910] Ibid

[911] Ibid

[912] Конституционный закон Республики Казахстан от 5 ноября 2022 года № 154-VII ЗРК Об Уполномоченном по правам человека в Республике Казахстан.

1) *Рекомендации* ст. 7, 9, 14, 15, 16
2) *Ходатайства ст. 9, 14, 15, 16*
3) *Запроса ст. 18* Закона об УПЧ РК
4) *Доклада ст. 7, ст. 8, ст. 9*
5) *Обращения ст. 7, ст. 9, ст. 13, ст. 16, ст. 17*

Как можно наблюдать, в контексте рассмотрения актов реагирования УПЧ РК, наибольшее количество статей в Законе об УПЧ РК ссылаются на рекомендации, ходатайства и обращения, коим в совокупности выделено 7 статей Закона.

Касательно рекомендаций. Рекомендации согласно Закону об УПЧ РК направляются государственным органам, органам местного самоуправления и должностным лицам, направленных на профилактику нарушений и восстановление прав и свобод человека и гражданина[913], при этом эти нарушения, Закон также связывает с действием или бездействием вышеуказанным лиц и органов власти, что в свою очередь говорит об активном характере правозащитной деятельности УПЧ РК и наличии в его актах элементов властного волеизъявления, несмотря на их формально рекомендательный статус.

Касательно ходатайств. Представляют собой более строгий инструмент воздействия, однако в Законе об УПЧ РК часто стоят наряду с рекомендациями. Занимательным к изучению будет право УПЧ РК обратиться к компетентному органу или должностному лицу с требованием начать дисциплинарное, административное, в иных случаях и уголовное производство в отношении лиц, нарушивших права и свободы человека.

Такого рода право, на первый взгляд наделяет УПЧ РК полномочиями, схожими с активными субъектами системы правосудия, что в свою очередь также коррелирует с функцией обращений в суд. Однако стоит разграничить правозащитный мониторинг, коим в большей степени выступают ходатайства УПЧ РК и действительной процессуальной самостоятельностью, которая присутствует например у прокуратуры РК, что в свою очередь не является каким либо нарушением будь то Парижских принципов, будь то сложившейся международной практики в области НПЗУ. Тем не менее часть НПЗУ, с оценкой “А” от GANHRI, обладают несколько большими полномочиями в судебной стезе, особенно если речь идет об уголовном праве, о чем будет упомянуто далее в п. 2.4. настоящей статьи.

Касательно обращений. Третьим серьезным инструментом реагирования УПЧ РК является право на обращение в суд с исковым заявлением в защиту прав неограниченного круга лиц. Это в свою очередь позволяет УПЧ оспаривать действия (и бездействие) органов и лиц исполнительной власти, которые затрагивают интересы больших групп населения, без необходимости уплаты государственной пошлины, что потенциально снижает финансовые барьеры для правозащитной деятельности.

Более того, обращения могут быть представлены также и в Конституционный суд, согласно тексту закона: “*по вопросу соответствия нормативных правовых актов, затрагивающих закрепленные Конституцией Республики Казахстан права и свободы человека и гражданина*”, что фактически наделяет УПЧ правом некоего надзора за законностью нормативной базы страны, ставя его на уровень субъекта конституционного контроля.

Эту роль подтверждает положение п.1 п.п. 2. ст. 17 Закона об УПЧ РК, которая гласит что, УПЧ РК обращается к субъектам, принявшим (издавшим) правовые акты, с предложениями о внесении в них изменений и дополнений, если считает что нарушающие права и свободы человека, вызванные действием или бездействием органов и лиц исполнительной власти совершаются в силу их несовершенства или существующих в них пробелов либо противоречия законодательства Республики

[913] Там же

Казахстан международным договорам или иным обязательствам Республики Казахстан.

Такое положение вновь ставит УПЧ РК в проактивную зону правотворческой деятельности, при этом оставляя возможность первостепенно "*предложить*" государственному органу внести изменения в потенциально, нарушающий права и свободы человека, правовые акты.

Анализ эффективности актов реагирования УПЧ РК

Согласно последнему Докладу о деятельности Уполномоченного по правам человека в Республике Казахстан за 2024 год, количество обращений в офис УПЧ РК составило 6748, при этом: "*По 5075 обращениям даны разъяснения, 634 – направлены в компетентные госорганы, по 1 039 – требования и просьбы заявителей удовлетворены*"[1]. Как можно заметить, наибольшее наибольшее число ответов *(более 75%)* приходится на разъяснения, что подчеркивает консультативную природу деятельности национального правозащитного учреждения в РК. В контексте эффективности реагирования актов УПЧ РК, это свидетельствует о том, что офис УПЧ РК *(Национальный центр по правам человека в РК)* в большей мере выполняет функцию правового просветителя, восполняя дефицит правовой грамотности населения.

В подтверждение этой теории, стоит отметить наличие социологического исследования за 2024 касательно вышеуказанной темы, проведенный офисом УПЧ РК. Интересным к наблюдению, следует отметить, что согласно исследованию: "*Среди ключевых проблем, выявленных в ходе опроса, следует отметить недостаточную осведомленность граждан о деятельности Уполномоченного по правам человека*"[914], далее приводится неутешительная статистика о том, что почти 42% опрошенных не осведомлены в целом о наличии подобного правозащитного органа.

Это может быть косвенно подтверждено статистикой уже Шведского офиса Омбудсмена (JO), согласно которому за 2025 год было подано более 11500 заявок в JO[915], что почти в 1.5 раза превосходит число обращений к офису УПЧ РК, при том, что население Швеции составляет 10.587.710 человек[916], тогда как население Республики Казахстан превосходит это число более чем в 2 раза.

Таким образом, если в той же Швеции на каждые 1000 человек приходится примерно 1,08 обращения в офис Омбудсмена в год. В Казахстане этот показатель составляет около 0,33. Это означает, что шведский гражданин примерно в 3 раза чаще прибегает к институту Омбудсмена для защиты своих прав. Такое положение дел, как бы уже с берега не позволяет действовать УПЧ РК максимально эффективно, ввиду элементарного незнания граждан о подобном институте.

Несмотря на то, что эффективность актов реагирования УПЧ РК должна быть рассмотрена исходя из статистики в 6748 обращений в год, стоит отметить, что пока 42% населения не знают об органе как таковом, эффективность актов реагирования стремится к нулю для почти половины страны, что в свою очередь можно считать за первую, хоть и косвенную проблему в эффективности актов реагирования офиса УПЧ РК.

Далее, М. Ш. Шуакпаев подчеркивает различные группы методов деятельности казахстанского НПЗУ, в них входят: *"метод наблюдения, метод убеждения, метод*

---

[914] Национальный центр по правам человека, *Определение уровня правового просвещения населения Казахстана (Социологическое исследование)* (2024). https://www.gov.kz/memleket/entities/ombudsman/documents/details/861694?lang=ru

[915] The Swedish Parliamentary Ombudsmen, *Annual Report 2024: Summary in English* (2025) <www.jo.se/app/uploads/2025/04/annual-report-2024-webb.pdf> доступ от 5 мая 2026.

[916] European Union, 'Sweden' (2026) https://european-union.europa.eu/principles-countries-history/eu-countries/sweden_en доступ от 5 мая 2026.

контроля, метод выработки мер взаимодействия"[917], в целом вышеуказанные методы коррелируются с указанными актами реагирования в виде рекомендаций, обращений и т. д., по мнению автора, метод убеждения в казахстанских правовых реалиях является наиболее *"базовым"*, так как остальной перечень компетенций не позволяет ничего иного[918].

Более того, автором отмечается что: *"природа Уполномоченного по правам человека позволяет говорить о присущих только ему неправовых (организационных) формах деятельности"*[919]. Основным видом этой "неправовой" деятельности предусматривается рекомендательная составляющая УПЧ РК. Однако стоит отметить, что статья М. Ш. Шуакпаева написана в 2017 году, еще до закрепления конституционного статуса и издания нового Закона об УПЧ РК, тем не менее, как можно наблюдать, рекомендации и по настоящее время составляют большую часть компетенции УПЧ РК согласно новой изданному Закону.

Рекомендации же в свою очередь, хоть и носят положительный характер, а отсутствие реагирования на рекомендации УПЧ РК со стороны государственных органов может повлечь репутационные потери, все же не служат непоколебимым фактом наступлением правовых последствий. Рекомендации не носят за собой характер обязательной, или же отчасти обязательной ответственности со стороны госорганов, соответственно они могут быть проигнорированы, или же исполнены не в полной мере. Более того, согласно статистике в 42% населения, неведущего о деятельности УПЧ РК, репутационные потери могут также оставаться на достаточно низком уровне, так как народ Республики Казахстан зачастую может быть вовсе и не осведомлен о характере рекомендаций, направляемых в государственные структуры.

Абильмажинова Г. Б. отмечает проблемы в эффективности института Омбудсмена как: *"недостаточная ресурсная база, ограниченная кадровая автономия Национального центра по правам человека, а также отсутствие системного мониторинга ситуации с правами человека"*[920]*.* Впрочем автором не приводится подтверждение недостаточности ресурсной базы, что может быть спорно, равно как и системность мониторинга, так как отчетность одна из наиболее важных функций УПЧ РК и речь идет не о *"количестве"* этой отчетности, а об ее качестве с точки зрения независимости и кому именно эта отчетность адресована.

При этом ограниченная кадровая автономия обоснована отсутствием например региональных Омбудсменов, вместо этого предоставлены лишь *"представители",* которые ограничены в своих полномочиях отсутствием иммунитета *(ст. 3 Закона об УПЧ РК),* который предоставляется УПЧ РК.

Положительными моментами следует следует отметить положительную тенденцию в развитии права касательно компетенции УПЧ РК, так например авторы А. К. Канатов и М. А. Шакенов в своей работе, отмечали наиболее слабую сторону института УПЧ РК как: *"Отсутствие одного из важных полномочий омбудсмена – инициирование им через суд обращения в Конституционный Совет"*[921]*.* Однако

---

[917] Ж. А. Ибрагимов, 'Направления, формы и методы деятельности Уполномоченного по правам человека в Республике Казахстан: проблема реализации правозащитных функций' [2024]. https://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-formy-i-metody-deyatelnosti-upolnomochennogo-po-pravam-cheloveka-v-respublike-kazahstan-problema-realizatsii

[918] Там же

[919] Там же

[920] Г. Б. Абильмажинова, 'Эффективность института омбудсмена и конституционного контроля в контексте «Справедливого Казахстана»' (2025) 10(91) Вестник науки 3 https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-instituta-ombudsmena-i-konstitutsionnogo-kontrolya-v-kontekste-spravedlivogo-kazahstana.

[921] А. К. Канатов и М. А. Шакенов, 'Институт Уполномоченного по правам человека в Казахстане (иммерсивный подход в законотворчестве)' [2024] https://cyberleninka.ru/article/n/institut-upolnomochennogo-po-pravam-cheloveka-v-kazahstane-immersivnyy-podhod-v-zakonotvorchestve

данное положение претерпело изменение, Закон об УПЧ РК в текущей редакции в ст. 7 посвященной его компетенциям предполагает такого рода обращение, в нынешний Конституционный Суд Республики Казахстан.

Это находит подтверждение уже в работе В. С. Исабековы, которая наряду с возможностью обращением в Конституционный суд, отмечает повышенный иммунитет УПЧ РК, неприкосновенность, ответственность за вмешательство в деятельность УПЧ РК, а также право законодательной инициативы[922], что отмечается как: *“эти инициативы усилили способность омбудсмена эффективно выполнять свои обязанности и расширила возможности граждан по защите своих прав”*[923].

Сам же офис УПЧ РК отмечает успешный кейс: *“при содействии представителя УПЧ в Актюбинской области выданы социальные выплаты лицам с онкологическими заболеваниями в сумме 32,5 млн тенге”*[924]. Также за 2024 отмечаются итоги обращений: *“В результате 94 должностных лица привлечены к дисциплинарной ответственности, 5 – к административной. При содействии представителей Уполномоченного зарегистрировано 4 уголовных дела”*[925].

Хоть и тенденция с первого взгляда положительная, более того наблюдаются четкие результаты актов реагирования УПЧ РК, остается неизвестным по какой причине указанные данные не отражены в официальном Докладе УПЧ РК, а распространены посредством публикации в Единой платформе интернет-ресурсов государственных органов *(Gov.kz)*, возможным ответом будет цель правового просвещения народа Республики Казахстан, что в целом никак не препятствует официальному опубликованию в Докладе.

Тем не менее, согласно Gov.kz, по обращениям граждан даны 85 ходатайств и 307 рекомендаций о восстановлении прав заявителей[926], при этом данных о результативности этих трехсот семи рекомендаций не указано, а в контексте 6748 обращений за 2024 год, общее количество привлеченных к ответственности лиц и изданных рекомендаций не внушает грандиозности вмешательства.

Что известно точно, согласно Докладу УПЧ РК за 2024 год, процент удовлетворенных жалоб остался на уровне 2023 года, а именно 15%. Опять же, согласно докладу неизвестно какая часть жалоб в целом имела действительные правовые проблемы, тем или иным способом доказанные и какой процент жалоб был по-настоящему полноценным и обоснованным.

Шведская правовая модель актов реагирования Омбудсмена

Шведский институт Парламентских омбудсменов (Justitieombudsmannen (далее - JO)) является одним из наиболее старейших в мире и был основан в 1809 году[927] и считается классическим образцом НПЗУ. Более того на момент написания статьи обладает оценкой “A” от GANHRI.[4]

---

[922] Venera Issabekova, ‘The Institute of the Commissioner for Human Rights: history, modernity, prospects’ (2024) Law Vestnik of Buketov University https://law-vestnik.buketov.edu.kz/index.php/law/article/view/647/547.

[923] Ibid

[924] Офис Уполномоченного по правам человека Республики Казахстан, ‘В офисе УПЧ рассказали, на что чаще всего жалуются казахстанцы’ (Единая платформа интернет-ресурсов государственных органов, 2024) www.gov.kz/memleket/entities/ombudsman/press/news/details/697222?lang=ru доступ от 5 мая 2026.

[925] Офис Уполномоченного по правам человека Республики Казахстан, ‘Итоги 2024 года: как Уполномоченный по правам человека укрепляет доверие граждан’ (Единая платформа интернет-ресурсов государственных органов, 2025) <www.gov.kz/memleket/entities/ombudsman/press/news/details/911466?lang=ru> доступ от 5 мая 2026.

[926] Там же

[927] The Swedish Parliamentary Ombudsmen, ‘History’ (2026) https://www.jo.se/en/about-jo/history/ доступ от 5 мая 2026.

Отличительной особенностью от УПЧ РК, стоит отметить что: система JO в Швеции состоит из четырех омбудсменов, включая *“Chief Parliamentary Ombudsman”*, избираемых Парламентом (*секция 2 Акта инструкций для парламентских омбудсменов)*[928] каждый из которых полностью независим в своих решениях не только от правительства, но и от своих коллег.

Так например согласно секции 16 Акта инструкций для парламентских омбудсменов (далее - Акт JO): *“Омбудсмен не подчиняется надзору со стороны какого-либо другого омбудсмена”*[929]. Это в свою очередь подчеркивает независимость от других омбудсменов

Далее согласно ст. 3 Закона о Риксдаге *(Шведский парламент)*: *“Парламентские омбудсмены и их заместители избираются индивидуально. При избрании омбудсмена тайным голосованием применяется та же процедура, что и при избрании спикеров”*[930]. Такое положение дел, кратно иное нежели в Законе об УПЧ РК, согласно которому УПЧ избирается по представлению Президента.

Метод тайного голосования в первую очередь эффективен за счет большего количества лиц, принимающих индивидуальные решения, а также ввиду тайности такого голосования, речь о предвзятости и возможного страха за свой голос, или же любого другого отвлекающего от объективности голосования фактора сводится к минимуму.

Что же касается непосредственно актов реагирования JO, то следует отметить несколько ключевых, таких как:

1) *Акты экстраординарного прокурора (секции 21, 29 и 39 Акта JO)*
2) *Дисциплинарные уведомления (секции 22, 23, 24 и 25 Акта JO)*
3) *Критические заявления (секция 20 Акта JO)*
4) *Наложение и взыскание штрафов (секция 36 Акта JO)*
5) *Надзор (секции 17 и 18 Акта JO)[25]*

Уже с этого этапа можно отметить кардинальные различия с Законом об

УПЧ РК, так например помимо привычного надзора, уведомлений и различного рода заявлений *(рекомендации для Закона РК)*, из общего фона выделяется наложение и взыскание штрафов и акты экстраординарного прокурора, с которых и следует начать.

Касательно актов экстраординарного прокурора. Согласно секции 21 Акта JO: “*В качестве внеочередного прокурора омбудсмен вправе возбудить уголовное дело в отношении должностного лица”*[25]. То есть, согласно Шведскому законодательству, Омбудсмен в полном праве выступать обвинителем в уголовных делах и уполномочен на самостоятельное ведение предварительного расследования, что наделяет его актами прямого императивного воздействия.

В отличие от казахстанской модели, где Уполномоченный по правам человека вынужден действовать через систему ходатайств в Генеральную прокуратуру и исковых заявлений в суд, шведский JO в рамках секции 21 Акта JO обладает всей полнотой процессуальной власти.

Подобного рода положение, исключает возможность стороннего вмешательства в производство, так как шведский JO в каком то смысле действует без посредников, тогда как казахстанский УПЧ в рамках начала судебного производства может столкнуться с некой фильтрацией со стороны иного органа исполнительной власти. При этом, выступая лишь представителем истца, насколько это видится в Законе об

---

[928] The Act with Instruction for the Parliamentary Ombudsmen (2023:499) (Swedish Code of Statutes, 29 June 2023) https://www.jo.se/en/about-jo/legal-basis/instructions/ доступ от 5 мая 2026.

[929] Ibid

[930] The Riksdag Act (2014:801) up to and including SFS 2023:507 (Sweden) https://www.riksdagen.se/globalassets/05.-sa-fungerar-riksdagen/demokrati/the-riksdag-act-2023_new.pdf доступ от 5 мая 2026.

УПЧ РК, тогда как прокурор в своей компетенции, способен действовать гораздо более обширно и имеет процессуальную самостоятельность.

Основными полномочиями прокурора согласно Уголовно-процессуальному кодексу Республики Казахстан можно выделить:

1) Участие в прениях сторон (ст. 383 УПК РК)

2) Выдвижение государственного обвинения (ст. 7 п.п. 28 УПК РК)

3) Апелляционное и кассационное опротестование (глава 48 и 52 УПК РК)[931]

Подобного рода полномочия кратно превышают полномочия Уполномоченного по правам человека и способны в значительной мере влиять на ход дела, а в случае несогласия с вынесенным решением, прокурор в отличии от УПЧ РК в праве заявить о протесте.

Касательно дисциплинарных уведомлений. Секция 22 Акта JO наделяет шведского Омбудсмена правом инициировать процесс привлечения должностного лица к ответственности перед органом, уполномоченным принимать решения о дисциплинарных мерах[25]. В отличие от казахстанской практики, где рекомендации УПЧ РК носят консультативный характер, уведомление шведского JO запускает четко регламентированный юридический механизм.

Особого внимания заслуживает секция 25 Акта JO, согласно которой Омбудсмен обладает исключительным правом обжаловать в суде решение органа, если тот отказался применять дисциплинарные меры или вынес несоразмерное решение[25].

Такое положение дел ставит шведского JO в позицию активного участника административного процесса, обладающего реальными рычагами воздействия на госорганы и прочие должностные лица, в то время как в Республике Казахстан наблюдается отсутствие у УПЧ этого “рычага”, способного вывести сугубо рекомендательный характер актов УПЧ РК, к более серьезному воздействию на лица и органы власти, путем более агрессивного воздействия в случаях необоснованных отказов.

Касательно критических заявлений. Секция 20 прямо уполномочивает Омбудсмена делать заявления в целях *“обеспечения единообразного и надлежащего применения закона”*[25]. Из чего следует, что заявления шведского омбудсмена превращает критику JO из частного замечания в инструмент регулирования.

Государственные органы обязаны корректировать свое внутреннее право в соответствии с позицией Омбудсмена, чтобы избежать будущих обвинений в умышленном нарушении права, что в свою очередь неразрывно связано с весомым правом на дисциплинарные уведомления.

Таким образом можно сделать вывод, что эффективность актов реагирования шведского Омбудсмена взаимосвязана между собой, и один способ реагирования поддерживается другим, что непременно ведет к эффективности всей системы реагирования.

В целом практика Республики Казахстан в этом смысле схожа с JO, УПЧ РК также вносит свои рекомендации, в случаях обнаружения им: *“действия (бездействие) государственных органов… нарушающие права и свободы человека и гражданина, совершаются в силу их несовершенства или существующих в них пробелов либо противоречия законодательства Республики Казахстан международным договорам или иным обязательствам Республики Казахстан”*[8].

---

[931] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК. .https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231

Как можно заметить практика схожа, но отсутствие каких либо дисциплинарных или иных последствий ставит под сомнение эффективность существования подобной, хоть и с первого взгляда правильной, нормы.

Касательно наложения и взыскания штрафов. Секции 36 Акта JO прямо наделяет шведского Омбудсмена правом на самостоятельное наложение штрафов: *“В случае если омбудсмен в соответствии с положениями Конституции запрашивает информацию и показания по делам… он вправе сделать это под угрозой наложения штрафа в размере не более 10 000 шведских крон. Омбудсмен вправе взыскивать просроченные штрафы”*[25].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что игнорирование запросов Омбудсмена влечет действительную денежную ответственность. Тем не менее подобная практика закреплена и в РК, согласно Кодексу об административных правонарушениях (ст. 668-1), воспрепятствование законной деятельности УПЧ РК также влечет административный штраф *(до 20 МРП)*[932]. Однако речь идет о *“необеспечении беспрепятственного посещения и общения с лицами”*[29].

Как можно заметить, шведский закон предлагает гораздо более широкое основание для штрафа, при том, что шведский JO сам вправе налагать штраф, без посредника в виде административных органов. Более того максимально допустимый штраф шведского JO кратно превышает таковой у УПЧ РК - 86.500KZT (20 МРП на момент 2026 года), против 10.000 шведских крон, что эквивалентно 500.000KZT. В таком случае, потерю в бюджете в 500.000 KZT у госоргана будет гораздо тяжелее скрыть или каким либо иным образом умолчать, нежели 86.500KZT.

Исходя из вышеизложенного, следует вывод о том, что несмотря на внешнюю схожесть актов реагирования шведского омбудсмена и казахстанского УПЧ, их процессуальная природа и степень императивности актов реагирования кардинально различаются.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что институт Уполномоченного по правам человека в Республике Казахстан находится на этапе качественной трансформации.

Закрепление его статуса в Конституции и принятие соответствующего Конституционного закона создали прочный фундамент, однако текущая модель функционирования актов реагирования все еще сохраняет значительные элементы “мягкого права”, что ограничивает их реальную эффективность.

Основными итогами можно выделить следующее:

1) Неутешительная статистика: заключается в том, что согласно официальным докладам и исследования офиса УПЧ РК, более 75% обращений к офису и УПЧ РК завершаются лишь разъяснениями, при этом в сочетании с данными о низкой осведомленности населения (42%), подтверждается, что институт в большей степени восполняет дефицит правовой грамотности, нежели выступает инструментом прямого правового принуждения.

2) Дефицит императивности в сравнении с развитым НПЗУ: Сопоставление с Актом JO Швеции выявило, что казахстанский УПЧ лишен критически важных рычагов воздействия, НПЗУ имеющим статус “А” согласно GANHRI. В частности, отсутствие статуса прокурора (приближенных к его статусу полномочий), права на самостоятельное наложение обеспечительных штрафов и дисциплинарных актов, ставит УПЧ РК в зависимость от органов прокуратуры и суда, а государственные

[932] Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года № 235-V https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235

структуры в свою очередь имеют возможность игнорирования рекомендаций, ввиду отсутствия четких денежных последствий.

3) Необходимость реформы актов реагирования: Установлено, что эффективность шведской модели основана на взаимосвязанности актов: критическое заявление подкрепляется реальной возможностью инициировать дисциплинарное или уголовное преследование. В Казахстане же рекомендательный характер актов без действенного механизма ответственности за их игнорирование снижает исполнительскую дисциплину государственных органов.

Возможными рекомендациями в свою очередь послужит необходимость усиления влияния актов УПЧ РК, равно как и его авторитета в правовом поле Республики Казахстан. Стоит рассмотреть возможность избрания УПЧ РК независимо, тайным голосованием большинства, что отчасти укрепит авторитет органа как “независимой” структуры.

Наиболее эффективным же, разумеется будет служить некая “штрафная” функция, по опыту шведской правовой системы, наделение УПЧ правом самостоятельного наложения административных штрафов за непредставление информации, крепко расположит УПЧ в категорию органов, способных воздействовать на другие финансово.

Равно как и расширение процессуальных прав УПЧ РК в судах, что в свою очередь обеспечит ему самостоятельность, сопоставимую с прокурорским надзором в сфере защиты прав человека.

Список литературы:

1) Уполномоченный по правам человека в Республике Казахстан, *Доклад о деятельности за 2024 год* (Астана 2025) <www.gov.kz/memleket/entities/ombudsman/documents/details/825810?lang=ru> доступ от 5 мая 2026.

2) Сборник материалов Международной научно-практической конференции, *Защита прав человека в Республике Казахстан: вызовы и перспективы* (10 декабря 2024 года, Астана) https://prg.kz/document/?doc_id=34548644&pos=2;246.

3) Принципы, касающиеся статуса национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека [Парижские принципы] Приложение к резолюции 48/134 Генеральной Ассамблеи от 20 декабря 1993 года. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/paris.shtml

4) Global Alliance of National Human Rights Institutions (GANHRI), ‘Accreditation status as of 24 December 2025’ (2026) <ganhri.org/wp-content/uploads/2026/01/sca-46th-session-accreditation-chart-24122025.pdf> доступ от 5 мая 2026.

5) Venice Commission, ‘Principles on the Protection and Promotion of the Ombudsman Institution (“The Venice Principles”)’ (Council of Europe 2019) CDL-AD(2019)005-rus.

6) Конституционный закон Республики Казахстан от 5 ноября 2022 года № 154-VII ЗРК Об Уполномоченном по правам человека в Республике Казахстан.

7) Национальный центр по правам человека, *Определение уровня правового просвещения населения Казахстана (Социологическое исследование)* (2024).
https://www.gov.kz/memleket/entities/ombudsman/documents/details/861694?lang=ru

8) The Swedish Parliamentary Ombudsmen, *Annual Report 2024: Summary in English* (2025) <www.jo.se/app/uploads/2025/04/annual-report-2024-webb.pdf> доступ от 5 мая 2026.

9) European Union, ‘Sweden’ (2026) https://european-union.europa.eu/principles-countries-history/eu-countries/sweden_en доступ от 5 мая 2026.

10) Ж. А. Ибрагимов, ‘Направления, формы и методы деятельности Уполномоченного по правам человека в Республике Казахстан: проблема реализации правозащитных функций’ [2024] КиберЛенинка.

11) Г. Б. Абильмажинова, ‘Эффективность института омбудсмена и конституционного контроля в контексте «Справедливого Казахстана»’ (2025) 10(91) Вестник науки 3 https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-instituta-ombudsmena-i-konstitutsionnogo-kontrolya-v-kontekste-spravedlivogo-kazahstana.

12) А. К. Канатов и М. А. Шакенов, ‘Институт Уполномоченного по правам человека в Казахстане (иммерсивный подход в законотворчестве)’ [2024] https://cyberleninka.ru/article/n/institut-upolnomochennogo-po-pravam-cheloveka-v-kazahstane-immersivnyy-podhod-v-zakonotvorchestve

13) Venera Issabekova, ‘The Institute of the Commissioner for Human Rights: history, modernity, prospects’ (2024) Law Vestnik of Buketov University https://law-vestnik.buketov.edu.kz/index.php/law/article/view/647/547.

14) Офис Уполномоченного по правам человека Республики Казахстан, ‘В офисе УПЧ рассказали, на что чаще всего жалуются казахстанцы’ (Единая платформа интернет-ресурсов государственных органов, 2024) www.gov.kz/memleket/entities/ombudsman/press/news/details/697222?lang=ru доступ от 5 мая 2026.

15) Офис Уполномоченного по правам человека Республики Казахстан, ‘Итоги 2024 года: как Уполномоченный по правам человека укрепляет доверие граждан’ (Единая платформа интернет-ресурсов государственных органов, 2025) <www.gov.kz/memleket/entities/ombudsman/press/news/details/911466?lang=ru> доступ от 5 мая 2026.

16) The Swedish Parliamentary Ombudsmen, ‘History’ (2026) https://www.jo.se/en/about-jo/history/ доступ от 5 мая 2026.

17) The Act with Instruction for the Parliamentary Ombudsmen (2023:499) (Swedish Code of Statutes, 29 June 2023) https://www.jo.se/en/about-jo/legal-basis/instructions/ доступ от 5 мая 2026.

18) The Riksdag Act (2014:801) up to and including SFS 2023:507 (Sweden) https://www.riksdagen.se/globalassets/05.-sa-fungerar-riksdagen/demokrati/the-riksdag-act-2023_new.pdf доступ от 5 мая 2026.

19) Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК. .https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231

20) Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года № 235-V https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235

Рахматулла Макпал Сатыбалдықызы
Магистрант 2-курса
специальности «Международное право»
Высшая школа права Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республика Казахстан
E-mail: makpalrakhmatulla7@gmail.com

ПРАВО НА ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДЕТЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН В КОНТЕКСТЕ КОНВЕНЦИИ ООН О ПРАВАХ ИНВАЛИДОВ ЦУР 4

Аннотация

В данной статье исследуются права на инклюзивное образование в Республике Казахстан в рамках положений Конвенции ООН о правах инвалидов и четвертой Цели устойчивого развития. Автор анализирует переход от медицинской модели инвалидности к социально-правовой модели, подчеркивая обязательство государства по внедрению механизмов разумного приспособления. В работе выявлены системные проблемы, включая отсутствие четкой юридической дефиниции инклюзии, институциональную разобщенность ведомств и формальный характер деятельности психолого-медико-педагогических комиссий. Методологическую основу исследования составляют сравнительно-правовой и формально-юридический анализ. Научная новизна заключается в обосновании необходимости усиления процессуальных гарантий и внедрения персональной ответственности должностных лиц за дискриминацию в сфере образования. По итогам исследования предложены конкретные рекомендации по совершенствованию Закона «Об образовании» для гармонизации национального права с международными стандартами.

Ключевые слова: инклюзивное образование, права инвалидов, Конвенция ООН, разумное приспособление, право на образование, законодательство Казахстана, дискриминация, социальная модель, ЦУР 4, образовательная политика.

Аннотация

Мақалада Қазақстан Республикасында бостандық пен жеке қол сұғылмаушылық құқығының іске асырылуы адам құқықтарын қорғаудың халықаралық стандарттары контексінде талданады. Халықаралық нормаларды ұлттық құқықтық жүйеге имплементациялау мәселелері мен оларды практикада қолданудағы проблемаларға ерекше назар аударылады. БҰҰ Адам құқықтары комитетінің практикасын ескере отырып, өз бетінше қамауға алу жағдайларын талдау барысында автор құқық қолдану практикасының кемшіліктерін анықтайды. Негізгі кемшіліктерге сот бақылауының формальды сипаты, соразмерлілікті тиісті бағалаудың болмауы, процессуалдық кепілдіктердің бұзылуы, сондай-ақ «өз бетінше қамауға алу» ұғымының нормативтік бекітілмеуі жатады. Жүргізілген талдау негізінде автор ұлттық заңнаманы халықаралық стандарттарға сәйкес келтіру қажеттігін негіздейді және адам құқықтарын қорғау кепілдіктерін нығайтуға және құқық қолдану қызметін жетілдіруге бағытталған ұсынымдар ұсынады.

Түйін сөздер: бостандық пен жеке қол сұғылмаушылық құқығы, өз бетінше қамауға алу, БҰҰ-ның өз бетінше қамауға алу мәселелері жөніндегі жұмыс тобы, зиянды өтеу, процессуалдық кепілдіктер, БҰҰ Адам құқықтары комитеті, Қазақстан Республикасының Қылмыстық-процессуалдық кодексі, Азаматтық және саяси құқықтар туралы халықаралық пакт, адам құқықтарын қорғаудың халықаралық стандарттары, соразмерлілік принципі, сот бақылауы.

Abstract

This article presents an analysis of the implementation of the right to liberty and security of person in the Republic of Kazakhstan in the context of international human rights protection standards. Special attention is given to the issues of incorporating international norms into the national legal system and the problems of their practical application. Through an analysis of cases of arbitrary detention, taking into account the practice of the UN Human Rights Committee, the author identifies shortcomings in law enforcement practice. The main shortcomings include the formal nature of judicial oversight, the absence of proper proportionality assessment, violations of procedural guarantees, and the lack of a statutory definition of "arbitrary detention". On the basis of the analysis conducted, the author substantiates the need to bring national legislation into conformity with international standards and proposes recommendations aimed at strengthening human rights protection guarantees and improving law enforcement practice.

Keywords: right to liberty and security of person, arbitrary detention, UN Working Group on Arbitrary Detention, compensation for harm, procedural guarantees, UN Human Rights Committee, Code of Criminal Procedure of the Republic of Kazakhstan, International Covenant on Civil and Political Rights, international human rights protection standards, principle of proportionality, judicial oversight.

Введение

Инклюзивное образование сегодня стало важным элементом защиты прав человека и обеспечения равенства. При этом на практике можно заметить, что понимание этого права формировалось постепенно. Международное сообщество перешло к пониманию того, что доступ к обучению является юридически закрепленным правом каждого ребенка вне зависимости от состояния его здоровья или индивидуальных особенностей развития. Ключевым этапом этой трансформации стало принятие Конвенции ООН о правах инвалидов 2006 года[933], статья 24 которой обязывает государства обеспечивать инклюзивную систему на всех уровнях. Данная норма предполагает, что обучающиеся с инвалидностью должны учиться совместно со сверстниками при обязательном предоставлении разумного приспособления и индивидуальной поддержки.

Казахстан ратифицировал Конвенцию в 2015 году, тем самым внедрив международные стандарты в национальное правовое поле и взяв на себя обязательства по реформированию образовательной среды. В последние годы приоритетность этой цели была подтверждена в ряде стратегических документов, включая Национальный план по обеспечению прав и улучшению качества жизни лиц с инвалидностью до 2025 года[934]. Однако на практике в Казахстане можно наблюдать разрыв между нормами закона и их реальной реализацией. Хотя Конституция Республики Казахстан гарантирует каждому право на образование[935], а отраслевое законодательство закрепляет принцип инклюзивности. Однако, реальные правовые механизмы обеспечения этих гарантий остаются незавершенными.

На системном уровне возникают серьезные правовые трудности, обусловленные отсутствием единого юридического определения инклюзивного

[933]Convention on the Rights of Persons with Disabilities (adopted 13 December 2006, entered into force 3 May 2008), art 24. <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/convention-rights-persons-disabilities>.accessed 19 March 2026.

[934]Об утверждении Национального плана по обеспечению прав и улучшению качества жизни лиц с инвалидностью в Республике Казахстан до 2025 года. Постановление Правительства Республики Казахстан от 28 мая 2019 года № 326. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000326 >Дата обращения 20 марта 2026.

[935]Конституция Республики Казахстан, Конституция принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года. ст 14, 30. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_>Дата обращения 20 марта 2026.

образования и нечетким распределением ответственности между государственными органами. Это приводит к тому, что заложенные в законах права зачастую носят декларативный характер. Однако, судебная защита интересов детей и их родителей остается недостаточно эффективной. Например, дела, где напрямую применяется Конвенция ООН, встречаются крайне редко. В контексте четвертой Цели устойчивого развития ООН[936], требующей обеспечения справедливого и качественного обучения на протяжении всей жизни, Казахстан стоит перед необходимостью перехода от формальных положений к созданию действенных правовых инструментов. Целью данного исследования является комплексный анализ правовых барьеров, препятствующих реализации права на инклюзию, и поиск путей гармонизации национального законодательства с международными обязательствами для перехода от декларативных положений к эффективным правовым инструментам.

Основная часть. Нормативно-правовые основы инклюзивного образования в Казахстане в рамках международных обязательств

Право на образование выступает одним из главных прав индивида, поскольку от его эффективной реализации напрямую зависят практически все ключевые возможности гражданина, включая право на достойный труд, полноценную социальную интеграцию и активное участие в политической и общественной жизни страны. В международном праве право на образование выступает как обязанность государства. Оно должно создавать условия, при которых обучение доступно каждому ребенку вне зависимости от его физического состояния, ментального здоровья или индивидуальных особенностей развития. Еще в середине двадцатого века основополагающая статья 26 Всеобщей декларации прав человека закрепила универсальный принцип, согласно которому образовательный процесс должен быть направлен на всестороннее развитие человеческой личности и укрепление уважения к правам и свободам человека.[937] Это историческое положение заложило нормативную основу в фундамент понимания того, что образовательная система не должна быть одинаковой для всех. Наоборот, она должна быть гибкой и учитывать потребности каждого ученика.

Дальнейшее формирование теоретической базы и формальное юридическое закрепление этого права получили свое отражение в статье 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, которая утверждает обязательную доступность обучения для каждого человека подчеркивая высокую ценность жизни и развития любого обучающегося.[938] В современной правовой науке этот тезис наиболее полно и аргументированно раскрывается через теоретические работы Катарины Томашевски, которая долгое время занимала пост Специального докладчика Организации Объединенных Наций по вопросу о праве на образование.[939] Она разработала и обосновала комплексную модель государственных обязательств, известную в науке как схема четырех «А», где значимое место занимает критерий адаптируемости образования.[940] Под адаптируемостью в данном контексте подразумевается естественная гибкость образовательной среды динамично подстраиваться под потребности учащихся в их постоянно меняющемся социальном

[936]UN General Assembly, Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development, 21 October 2015 <https://digitallibrary.un.org/record/3923923> accessed 19 March 2026.
[937]Ibid.[1]
[938]О ратификации Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. Закон Республики Казахстан от 21 ноября 2005 года N 87.< https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000087_ > Дата обращения 20 марта 2026.
[939]Katarina Tomasevski, Human Rights Obligations: Making Education Available, Accessible, Acceptable and Adaptable, 2001, p.31.
[940]Ibid.

и культурном контексте. Вместо традиционного требования о безусловном принятии ученикам школьных правил такая модель предполагает системную перестройку школы ради обеспечения доступности знаний для всех категорий обучающихся. Как отмечает известный исследователь Виктор Муньос[941], именно данные международные акты сформировали правовой фундамент принципа равенства возможностей, который в трудах современных ученых, таких как Мел Эйнскоу, окончательно трансформировался из формального права на доступ к школьному зданию в сложную идеологию инклюзии как главного инструмента преодоления социальной эксклюзии и дискриминации.[942]

Однако, если Эйнскоу делает акцент на педагогической трансформации, то Терезия Дегенер[943], один из ведущих экспертов КПИ ООН, переводит эту дискуссию в плоскость жестких юридических обязательств. Она настаивает на переходе к правозащитной модели инвалидности, где отсутствие условий для обучения, прямое нарушение прав человека. По мнению Дегенер, инклюзия происходит собой вопрос распределительной справедливости. Для Казахстана этот тезис означает, что право ребенка на образование должно выступать как защищаемое судом субъективное право, требующее от государства конкретных бюджетных и организационных мер.

Несмотря на то, что все это создавалось с хорошими намерениями международных деклараций, исторически государственная политика в отношении лиц с инвалидностью на протяжении многих десятилетий базировалась на парадигме сегрегации и исключения. Как аргументированно подчеркивает Дебора Каплан,[944] подобная дискриминационная практика являлась закономерным следствием полного преобладания медицинской модели инвалидности. В рамках которой любое физическое или ментальное отличие рассматривалось исключительно сквозь призму личного дефекта, требующей медицинского исправления, длительного лечения или в конечном итоге полной изоляции от так называемого нормального общества. В такой правовой логике создание специальных коррекционных школ интернатного типа ошибочно считалось высшим достижением социальной заботы государства. Фактически такая система ограничивала реализацию права на социализацию и приводила к правовой маргинализации обучающихся, создавая устойчивые барьеры для их интеграции в гражданское общество.

Мировая юридическая система вышла на совершенно новый этап в 2006 году с принятием Конвенции о правах инвалидов (Далее - КПИ), которая стала первым в истории международным договором, полностью посвященным защите прав и достоинства этой группы населения. Этот документ, по мнению одного из его главных идеологов и разработчиков профессора Джерарда Куинна, ознаменовал окончательный переход к социально-правовой модели инвалидности.[945] В этой прогрессивной парадигмы ключевым препятствием для прав личности считается не медицинский диагноз, а внешние социальные и физические барьеры. К ним относятся архитектурная недоступность, пробелы в законодательстве и коммуникационные преграды, которые мешают человеку полноценно участвовать в жизни общества. Статья 24 Конвенции стала первым международным юридическим стандартом,

---

[941]Munoz Villalobos, Vernor, Report of the Special Rapporteur on the Right to Education, Vernor Munoz : addendum, 2007, p.8-12.

[942]Mel Ainscow, Developing Inclusive Education Systems: What are the Levers for Change? Routledge, 2005, p.109.

[943]Theresia Degener, A Human Rights Model of Disability, The Routledge Handbook of Disability Law and Human Rights, Routledge 2017.

[944]Deborah Kaplan, The Definition of Disability: Perspective of the Disability Rights Movement, Journal of Health Care Law & Policy Publications, 2000.

[945]Gerard Quinn and Theresia Degener, Human Rights and Disability: The Current Use and Future Potential of United Nations Human Rights Instruments in the Context of Disability (United Nations 2002).

официально обязавшим страны создавать инклюзивную образовательную среду на каждом этапе обучения. Этот документ закрепил за государствами строгую обязанность внедрять конкретные меры разумного приспособления для поддержки каждого учащегося. Для сопоставления международных стандартов и национального законодательства представим сравнительный анализ.

Таблица 1. Сравнительно-правовой анализ: Конвенция ООН vs Национальное законодательство

Критерий сравнения	Конвенция ООН (ст. 24)	Законодательство РК	Анализ пробелов / Улучшения
Модель инвалидности	Социальная модель: фокус на устранении общественных и средовых барьеров.	Медико-социальная модель: все еще во многом опирается на диагноз для распределения детей	Необходим переход к терминологии, основанной на барьерах
Разумное приспособление	Обязательная норма по предоставлению индивидуальной поддержки.	Термин «специальные условия» размыт, механизмы финансирования неясны	Требуется синхронизация дефиниции «разумное приспособление» с текстом ООН
Право Выбора	Приоритетное право родителей на выбор общеобразовательной школы.	Закючение ПМПК часто выступает как «разрешительный» барьер	Усилить юридической силы выбора родителей над административными актами

Источник: Составлено автором на основе анализа ст. 24 Конвенции ООН о правах инвалидов и Закона РК «Об образовании».

Данное сопоставление (см. Таблицу 1) демонстрирует концептуальный разрыв. В то время как международное право исследует инклюзию через призму прав человека и устранение дискриминационных барьеров, казахстанская модель все еще в значительной степени опирается на медицинские показатели. Отсутствие в национальном праве четкого механизма «разумного приспособления» приводит к тому, что школы зачастую отказывают в приеме детей, формально не нарушая закон, но нарушая международные обязательства государства.

В международно-правовой доктрине, в частности в Замечании общего порядка № 4 Комитета Организации Объединенных Наций по правам инвалидов, четко

разъясняется[946], что преднамеренный отказ в предоставлении разумного приспособления должен квалифицироваться как прямой акт дискриминации по признаку инвалидности. Исследователь Арлин Кантер[947] указывает на то, что инклюзия больше не является проявлением жалости или благотворительности со стороны государства. Благодаря четким законам совместное обучение стало обязательным правом каждого ребенка которое основано на уважении к личности.

Новый этап в продвижении этой концепции начался с принятием Инчхонской декларации 2015 года[948]. Она объединила право на инклюзивное образование с мировыми целями устойчивого развития, рассчитанными на период до 2030 года.Четвертая Цель устойчивого развития ставит перед миром задачу сделать качественное обучение доступным и равным для каждого. Главный приоритет здесь заключается в том, чтобы любой человек мог развивать свои навыки и получать знания на протяжении всей жизни без исключении. В этом контексте инклюзия перестает быть как узкоспециальная проблема обучения детей с инвалидностью. Наоборот, она превращается в ориентир для трансформации всей педагогической системы ради блага всех обучающихся. Это подразумевает глубокое изменение содержания учебных программ, методов оценки и способов коммуникации внутри школьного сообщества.

Ратификация Конвенции о правах инвалидов Республикой Казахстан в 2015 году стала отправной точкой для глубокой трансформации национального законодательства. Кроме этого, эта перевела высокие международные стандарты в плоскость конкретных внутренних обязательств. Этот важный политический шаг задал вектор долгосрочного реформирования, который получил принципиально новый импульс в ходе конституционной реформы 2022 года. Сегодня в Казахстане особенно важно соблюдать принципы недискриминации и всеобщности образования, которые теперь рассматриваются через призму обновленной Конституции Республики Казахстан. Закрепленные в статьях 14 и 30 Конституции Республики Казахстан гарантии равенства прав и общедоступности бесплатного среднего образования формируют фундаментальную правовую основу для реализации инклюзивных подходов.[949] В соответствии с принятыми международными обязательствами данные нормы требуют расширительного толкования, подразумевающего обязанность государства по созданию специальных адаптивных условий для каждого учащегося. Это означает, что современное государство берет на себя прямую юридическую ответственность за создание специальных условий, при которых это образование будет качественным, доступным и эффективным для каждого ребенка с учетом его потребностей.

На законодательном уровне данные конституционные положения получили свое логическое развитие в профильном Законе об образовании[950], который официально провозглашает инклюзивность одним из основополагающих принципов государственной политики в этой сфере. Казахстанская правовая модель стремится интегрировать жесткие нормы Конвенции через развитую систему подзаконных актов и долгосрочных стратегических программ, таких как национальные планы по улучшению качества жизни лиц с инвалидностью. Важным аспектом этой интеграции

---

[946]CRPD, General Comment No. 4: Article 24: Right to Inclusive Education, UN Doc CRPD/C/GC/4 (2016) para 1.

[947]Arlene S Kanter, The Development of Disability Rights Under International Law: From Charity to Human Rights, Routledge 2014, p. 82.

[948]UNESCO, Incheon Declaration and Framework for Action for the implementation of Sustainable Development Goal 4, 2015.

[949]Ibid. [2]

[950]Закон об образовании, Закон Республики Казахстан от 27 июля 2007 года № 319-III.<https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z070000319_>Дата обращения 20 марта 2026.

является постепенное признание того, что инклюзия не может ограничиваться только технической интеграцией детей в общеобразовательные классы. А также она подразумевает коренную перестройку всей педагогической и административной культуры внутри учебных заведений. Переход от парадигмы интеграции, является сложным и многогранным юридическим и социальным процессом. Потому что, ребенок должен был сам адаптироваться к требованиям школы, к парадигме инклюзии, где школа меняется ради ребенка.

Однако юридический анализ показывает, что процесс перехода к полноценной и работающей инклюзивной модели в Казахстане зачастую сталкивается с феноменом частичной или неполной имплементации, когда юридические тексты опережают реальную готовность государственных институтов к системным изменениям. Сегодня в правовой системе Казахстана развития правовой системы страны по-прежнему наблюдается определенный дуализм, при котором наличие совершенных правовых норм de jure не всегда исключает существования многочисленных барьеров de facto. Это создает опасный и заметный разрыв между высокими декларативными принципами, прописанными в законах и международных договорах, и реальными механизмами их повседневной реализации на местах. Данное глубокое противоречие полностью подтверждает известный тезис Джерарда Куинна о том, что формальное принятие международных стандартов без системной институциональной трансформации и кардинального изменения правосознания государственных служащих не гарантирует автоматического обеспечения прав уязвимых групп населения.

Инклюзивное образование в правовом государстве требует создания работающей системы процессуальных гарантий, где каждое обязательство государства подкреплено соответствующим механизмом защиты и контроля. По сути, нормативно-правовая база Казахстана уже создала необходимый фундамент, опираясь на Конвенцию ООН и четвертую Цель устойчивого развития. Теперь эта база нуждается в качественном наполнении через детальную регламентацию процедур и укрепление правового статуса ребенка как полноправного субъекта образовательных правоотношений. Реальная сила права на инклюзию проявится, при переходе от декларативного характера нормы к ее реализации через систему процессуальных гарантий.

Проблемы и пути совершенствования правового механизма реализации права на инклюзивное образование

Одной из главных проблем в Казахстане остается правовая неопределенность, возникшая из-за отсутствия четкого определения этого термина в национальных законах. Без четкого определения инклюзия остается скорее декларацией, чем реальным механизмом, не имеющей конкретных механизмов внедрения. В то время как международные стандарты и в частности Комитет ООН по правам инвалидов рассматривают инклюзию как процесс системной трансформации всей образовательной среды, в практике этот термин зачастую трактуется предельно узко. На практике инклюзию часто сводят только к отсутствию архитектурных барьеров или формальное нахождение ученика в кабинете, забывая о необходимости индивидуального подхода и поддержки. По мнению Арлин Кантер, без нормативного закрепления инклюзии как фундаментального права на адаптацию учебного пространства законодательные нормы неизбежно утрачивают свою инструментальную роль.[951] В отсутствие единых и измеряемых критериев оценки исполнение закона становится произвольным, что фактически превращает инклюзию

[951]Arlene S Kanter, The Development of Disability Rights Under International Law: From Charity to Human Rights Routledge 2014, p.82

из жесткого юридического обязательства государства в факультативную инициативу отдельных учебных заведений или руководителей.

Данная концептуальная размытость дополняется серьезной институциональной разобщенностью и неопределенностью зон ответственности между различными ведомствами. Ситуация, при которой вопросы программного содержания, социальной поддержки и технической инфраструктуры распределены между министерствами без единого координационного центра, создает эффект коллективной безответственности. По мнению Мела Эйнскоу, подобная фрагментация управления неизбежно ведет к территориальному неравенству, где доступ ребенка к качественному образованию определяется ресурсными возможностями конкретного региона или личной волей местной администрации.[952] Такой подход вступает в прямое противоречие с принципом универсальности прав человека и ставит реализацию права в зависимость от географических и административных факторов, что недопустимо в правовом государстве.

Говоря о системных барьерах, нельзя обойти стороной работу психолого-медико-педагогических комиссий. К сожалению, в Казахстане ПМПК все еще во многом опираются на старую логику медицинской модели. Вместо того чтобы подбирать гибкие инструменты поддержки для конкретного ребенка, комиссия зачастую играет роль своего рода фильтра. Она решает, имеет ли ученик право находиться в обычном классе, просто сравнивая его с неким усредненным стандартом нормы. Профессор Гарвардского университет Томас Хейхир характеризует подобную практику как проявление системного эйблизма, основанного на скрытом убеждении в том, что ребенок обязан подстроиться под школу, а не наоборот.[953] В такой устаревшей парадигмы деятельность комиссий невольно закрепляет существующее неравенство, хотя еще тридцать лет назад Саламанкская декларация определила инклюзию в качестве главного инструмента борьбы с социальной эксклюзией.[954] Пока рекомендации комиссий носят фактически предписывающий характер и опираются на медицинский диагноз, переход к социальной модели образования будет оставаться формальным.

Институциональный дуализм в РК проявляется в распределении компетенций. Министерство просвещения отвечает за методологию инклюзии, в то время как вопросы реабилитации и финансирования специальных нужд зачастую пересекаются с зонами ответственности Министерства здравоохранения и Министерства труда и социальной защиты населения. Отсутствие единого межведомственного регламента по обеспечению "разумного приспособления" приводит к тому, что техническое оснащение школ (пандусы, подъемники) и кадровое обеспечение (тьюторы) финансируются по остаточному принципу местных бюджетов.

Самым слабым элементом правового механизма остается отсутствие действенных инструментов защиты в случаях нарушения прав обучающихся. Если семья сталкивается с необоснованным отказом в приеме в школу или игнорированием потребности в тьюторском сопровождении, она фактически оказывается в правовом вакууме. На бумаге право гарантировано Конституцией. Однако, механизмы его восстановления через суд или административные процедуры остаются крайне слабыми и неочевидными. Как отмечает Джерард Куинн, когда процедуры обжалования не прописаны пошагово и не подкреплены санкциями, любое право превращается в пустую декларацию.[955] В Казахстане суды крайне редко используют

---

[952]Mel Ainscow, Developing Inclusive Education Systems: What are the Levers for Change? Routledge, 2005, p.109.

[953]Thomas Hehir, Eliminating Ableism in Education, Harvard Educational Review, 2002.

[954] UNESCO, 'The Salamanca Statement and Framework for Action on Special Needs Education' (1994).

[955]Gerard Quinn, The United Nations Convention on the Rights of Persons with Disabilities: To Fill a Gap or to Usher in a New Paradigm Change? Human Rights Law Review 249,2009.

Конвенцию ООН как живой инструмент правосудия, предпочитая опираться на внутренние инструкции ведомств. Соответственно, это создает замкнутый круг. Практика не формируется из-за отсутствия исков, а иски не подаются из-за неверия граждан в успех судебного разбирательства. Арлин Кантер называет это невидимым барьером,[956] который можно преодолеть только через перекладывание обязанности доказывания с уязвимых семей на государственную систему образования.

Анализ казахстанской судебной практики подтверждает тезис о декларативности нормы. В делах об оспаривании решений ПМПК или отказов в приеме в общеобразовательные школы суды зачастую ограничиваются проверкой соблюдения формальных процедур, не приминяя положения ст. 24 Конвенции ООН напрямую. В связи с этим, необходимо внедрять презумпции дискриминации. При наличии факта непредоставления разумного приспособления обязанность доказать отсутствие дискриминационного умысла должна возлагаться на субъект образования.

Пути совершенствования правового механизма должны лежать в плоскости укрепления юридических гарантий и внедрения ответственности должностных лиц. Прежде всего необходимо интегрировать в Закон об образовании четкое определение инклюзии как системного процесса трансформации и закрепить понятие разумного приспособления в качестве обязательного стандарта. Это создаст для судей и директоров понятные ориентиры, позволяющие отличить реальное обеспечение прав от формального присутствия ребенка в школе. Кроме того, важно наделить орган по защите прав детей полномочиями по мониторингу исполнения статьи 24 Конвенции с правом наложения административных взысканий за дискриминацию в образовании. Только обеспечив санкционирование правовых норм и внедрение механизмов юридической ответственности, Казахстан сможет обеспечить эффективную имплементацию международных обязательств в национальную правоприменительную практику

Заключение

В ходе работе было подтверждено, что в Республике Казахстан сформирован необходимый нормативный фундамент, формально соответствующий международным стандартам инклюзии. Однако на текущем этапе сохраняется разрыв между декларативными положениями Конвенции ООН и реальными правовыми механизмами их реализации на местах. Основная проблема заключается в том, что инклюзивное образование все еще не воспринимается как полноценное субъективное право ребенка, гарантированное и защищенное государством.

Для преодоления выявленных барьеров требуется качественный пересмотр Закона «Об образовании». Необходимо внедрить в национальное законодательство четкую юридическую дефиницию инклюзии как процесса системной трансформации всей школьной среды. В частности, значение имеет закрепление понятия «разумного приспособления» в качестве императивного стандарта, несоблюдение которого должно влечь персональную ответственность должностных лиц.

Параллельно с этим требуется реформа деятельности психолого-медико-педагогических комиссий. Их роль должна быть переориентирована с медицинской классификации дефектов на подбор индивидуальных инструментов поддержки в рамках социально-правовой модели инвалидности. В конечном итоге, успех инклюзивной реформы зависит от созданием нормативно-правовых условий для равного доуступа к обучению, исключая зависимость реализации конституционных прав от административной воли или географических факторов. Только переход от формальной интеграции к полноценной защите прав позволит создать справедливую образовательную среду.

[956] Ibid. [18]

Список литературы:

1. Convention on the Rights of Persons with Disabilities, adopted 13 December 2006, entered into force 3 May 2008 <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/convention-rights-persons-disabilitieы>accessed 19 March 2026.
2. CRPD Committee, General Comment No 4 on the Right to Inclusive Education, 25 November 2016 UN Doc CRPD/C/GC/4 <https://www.ohchr.org/en/documents/general-comments-and-recommendations/general-comment-no-4-article-24-right-inclusive>accessed 19 March 2026.
3. UN General Assembly, Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development, 21 October 2015. <https://digitallibrary.un.org/record/3923923> accessed 19 March 2026.
4. UNESCO, Incheon Declaration and Framework for Action for the implementation of Sustainable Development Goal 4, 2015.
5. UNESCO, The Salamanca Statement and Framework for Action on Special Needs Education, 1994.
6. Об утверждении Национального плана по обеспечению прав и улучшению качества жизни лиц с инвалидностью в Республике Казахстан до 2025 года. Постановление Правительства Республики Казахстан от 28 мая 2019 года № 326. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000326> Дата обращения 20 марта 2026.
7. Конституция Республики Казахстан принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_>Дата обращения 20 марта 2026.
8. Закон Республики Казахстан от 27 июля 2007 года № 319-III «Об образовании» <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z070000319_> Дата обращения 20 марта 2026.
9. Закон Республики Казахстан от 28 ноября 2005 года № 91 «О ратификации Международного пакта о гражданских и политических правах» <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000091_> Дата обращения 20 марта 2026.
10. Ainscow M, Developing Inclusive Education Systems: What are the Levers for Change? Routledge 2005.
11. Hehir T, Eliminating Ableism in Education, Harvard Educational Review 1,2000.
12. Kanter AS, The Development of Disability Rights Under International Law: From Charity to Human Rights, Routledge, 2014.
13. Kaplan D, ‘The Definition of Disability: Perspective of the Disability Rights Movemene, Journal of Health Care Law & Policy 2000.
14. Munoz Villalobos V, ‘Report of the Special Rapporteur on the Right to Education’ (2007) UN Doc A/HRC/4/29/Add. 1.
15. Quinn G, The United Nations Convention on the Rights of Persons with Disabilities: To Fill a Gap or to Usher in a New Paradigm Change? 2009 9(2) Human Rights Law Review 249.
16. Quinn G and Degener T, Human Rights and Disability: The Current Use and Future Potential of United Nations Human Rights Instruments in the Context of Disability (United Nations 2002).
17. Tomasevski K, Human Rights Obligations: Making Education Available, Accessible, Acceptable and Adaptable (Right to Education Primers No 3, Novum Grafiska AB 2001).
18. Theresia Degener, A Human Rights Model of Disability, The Routledge Handbook of Disability Law and Human Rights, Routledge 2017.

Сайранкызы Назым
Докторант 2 курса
Высшая школа права, Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республика Казахстан
e-mail: nazym.sayrankyzy@gmail.com
ORCID ID: 0009-0000-6826-8765

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЪЕКТА В ИНКЛЮЗИВНУЮ СРЕДУ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ

Аннотация

В представленном исследовании анализируется эволюция международно-правового статуса образовательных учреждений сквозь призму современных стандартов инклюзивного образования. В статье обосновывается концептуальный переход от восприятия школы как физического сооружения к её трактовке как критической системы жизнеобеспечения для учащихся с особыми потребностями. В работе исследуется феномен «функциональной иммобилизации», возникающий при разрушении инфраструктуры доступности в условиях дефицита времени на эвакуацию. На основе анализа последних международных конфликтов доказывается, что деструкция ассистивных элементов среды превращает гражданские объекты в непреодолимые барьеры для выживания. Используя правовую аналогию с медицинскими учреждениями и доктрину «должной осмотрительности», автор аргументирует необходимость квалификации преднамеренного уничтожения средств мобильности как военного преступления, направленного на умышленное причинение сильных страданий.

Ключевые слова: ассистивная инфраструктура, доступная среда, инклюзивное образование, функциональная иммобилизация, должная осмотрительность, образовательные учреждения, Конвенция о правах инвалидов, международное гуманитарное право, Римский статут.

Аннотация

Бұл зерттеуде білім беру мекемелерінің халықаралық-құқықтық мәртебесінің эволюциясы қазіргі инклюзивті білім беру стандарттары тұрғысынан талданады. Мақалада мектепті физикалық құрылыс ретінде қабылдаудан оны ерекше қажеттіліктері бар оқушылар үшін өмірді қамтамасыз етудің маңызды жүйесі ретінде түсіндіруге қарай концептуалды өтудің негіздемесі берілген. Жұмыста эвакуацияға уақыт тапшылығы жағдайында қолжетімділік инфрақұрылымының бұзылуы кезінде туындайтын «функционалдық иммобилизация» феномені зерттеледі. Соңғы халықаралық қақтығыстарды талдау негізінде ассистивтік орта элементтерінің жойылуы азаматтық объектілерді тіршілікте асып өтуге болмайтын кедергіге айналдыратыны дәлелденеді. Медициналық мекемелермен құқықтық ұқсастықты және «тиісті мұқияттылық» доктринасын қолдана отырып, автор қозғалысқа көмектесетін құралдарды қасақана жоюды қасақана ауыр азап шектіруге бағытталған әскери қылмыс ретінде саралау қажеттігін негіздейді.

Түйін сөздер: ассистивтік инфрақұрылым, қолжетімді орта, инклюзивті білім беру, функционалдық иммобилизация, тиісті мұқияттылық, білім беру мекемелері, Мүгедектердің құқықтары туралы конвенция, халықаралық гуманитарлық құқық, Рим статуты.

Abstract

This study analyses the evolution of the international legal status of educational institutions through the lens of contemporary inclusive education standards. The article substantiates a conceptual shift from perceiving a school as a physical structure to treating it as a critical life-support system for students with special needs. The paper examines the phenomenon of "functional immobilisation" arising from the destruction of accessibility infrastructure under time-constrained evacuation conditions. Drawing on an analysis of recent international conflicts, it is argued that the destruction of assistive environmental elements transforms civilian objects into insurmountable barriers to survival. By employing a legal analogy with medical facilities and the doctrine of "due diligence", the author contends that the deliberate destruction of mobility aids must be qualified as a war crime directed at the wilful infliction of severe suffering.

Keywords: assistive infrastructure, accessible environment, inclusive education, functional immobilisation, due diligence, educational institutions, Convention on the Rights of Persons with Disabilities, international humanitarian law, Rome Statute.

Введение

Защита образовательных учреждений в период вооруженных конфликтов традиционно рассматривается в международном гуманитарном праве (далее - МГП) через призму защиты гражданских объектов. Согласно статье 52 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям, гражданскими объектами являются все объекты, которые не являются военными целями[957]. Это означает, что школы пользуются общим режимом защиты, что означает их запрещено атаковать, а командиры обязаны соблюдать принцип соразмерности, минимизируя случайный ущерб зданию. Однако такая логика воспринимает школу лишь как статичную физическую конструкцию, не учитывая её современный статус и функциональную сложность.

Первым правовым основанием для пересмотра этой устаревшей логики является современный статус школы как инклюзивного образовательного пространства. В соответствии со статьей 24 Конвенции ООН о правах инвалидов (далее - КПИ), ратифицированной 192 государствами, инклюзивное образование признано не просто социальной инициативой, а обязательной международно-правовой нормой[958]. Ратификация Конвенции накладывает на государства жесткое обязательство развивать политику инклюзивности, что на практике привело к массовой трансформации школьной инфраструктуры. Сегодня школы по всему миру проектируются или перестраиваются как доступные среды, интегрирующие детей с инвалидностью в общую систему обучения.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в современных конфликтах разрушение инклюзивной среды в ходе атак на образовательные учреждения стало системным фактором. Опыт боевых действий в Украине, включая удары по специализированным школам-интернатам в Харькове и Чернигове, демонстрирует, что уничтожение лифтов и подъемных механизмов ведет к «функциональной иммобилизации» учащихся[959]. Для лиц с нарушениями опорно-двигательного аппарата повреждение этих критических элементов в момент атаки

---

[957] Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts (Protocol I) (adopted 8 June 1977, entered into force 7 December 1978) 1125 UNTS 3 (AP I) art 52 https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=0800000280158b1a

[958] Convention on the Rights of Persons with Disabilities (adopted 13 December 2006, entered into force 3 May 2008) 2515 UNTS 3 (CRPD) arts 11, 24 https://www.un.org/development/desa/disabilities/convention-on-the-rights-of-persons-with-disabilities.html

[959] Human Rights Watch, 'Ukraine: War's Toll on Schools, Children's Future' (8 November 2023) https://www.hrw.org/ru/news/2023/11/08/ukraine-wars-toll-schools-childrens-future

тождественно физической блокаде, лишающей их возможности своевременно достичь убежищ. Аналогичные последствия подтверждаются международными следственными миссиями. В частности, отчет ООН фиксирует атаку на школу в Минабе (Иран), где разрушение путей эвакуации в сочетании с информационной блокадой создало условия, исключающие спасение гражданских лиц[960]. Опираясь на нормы КПИ, признающий соблюдение прав человека непременным условием защиты инвалидов в ситуациях риска, утверждаем, что инклюзивная инфраструктура перестает быть просто элементом здания. Для учащихся, чья мобильность ограничена, она трансформируется во внешнее условие физической безопасности. Таким образом, инклюзивная школа становится критическим узлом жизнеобеспечения. В МГП больницы пользуются специальной защитой (ст. 18 ЖК IV) из-за абсолютной зависимости жизни пациентов от инфраструктуры. В аналогии с этим разрушение ассистивного каркаса школы функционально идентично отключению систем жизнеобеспечения.

Целью данной работы является обоснование статуса инклюзивной школы как объекта специальной защиты. Используя принцип системной интеграции Венской конвенции о праве международных договоров. В статье доказывается необходимость толкования норм Римского статута с учетом универсальных обязательств по КПИ. Такой подход позволяет квалифицировать преднамеренное разрушение ассистивной среды школы не как материальный ущерб имуществу, а как умышленное причинение сильных страданий в соответствии со ст. 8(2)(a)(iii) Римского статута.

Международно-правовые основы защиты инклюзивной образовательной среды и концептуальная трансформация статуса школы

Современный международно-правовой режим защиты образовательной среды базируется на императивной синергии трех ключевых отраслей права: гуманитарного, уголовного и права прав человека. Фундаментальным актом в этой системе выступает КПИ, где статья 11 прямо накладывает на государства обязательство по обеспечению безопасности лиц с инвалидностью в ситуациях вооруженного конфликта, а статья 24 утверждает инклюзивный характер образования как универсальный международный стандарт. Эти нормы права прав человека интегрируются в систему МГП, существенно дополняя и расширяя классические положения Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям.

В настоящее время в международно-правовом дискурсе отмечается, что классическая доктрина международного гуманитарного права, базирующаяся на буквальном толковании статьи 52 Дополнительного протокола I, характеризуется определенной архитектурной ограниченностью, в рамках которой школа квалифицируется преимущественно как статический неодушевленный объект гражданской инфраструктуры[961]. Однако применение принципа системной интеграции позволяет обосновать концептуальный переход от статичного восприятия архитектурного объекта к его анализу в качестве ассистивного функционального комплекса. Данный подход опирается на положение статьи 31(3)(c) Венской конвенции о праве международных договоров, согласно которой при толковании договора, наряду с его контекстом, учитываются «любые соответствующие нормы

[960] UNHRC, *Report of the independent international fact-finding mission on the Islamic Republic of Iran* (10 March 2026) UN Doc A/HRC/61/60, para 12, 147.

[961] Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts (Protocol I) (adopted 8 June 1977, entered into force 7 December 1978) 1125 UNTS 3, art 52 https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=08000002800f3586

международного права, применяемые в отношениях между участниками»[962]. В рамках этой парадигмы образовательное учреждение утрачивает статус исключительно физической конструкции, трансформируясь в активную среду жизнеобеспечения. В соответствии с теорией Эяля Вайцмана, в условиях городского конфликта архитектура выступает расширением человеческого тела. И следовательно, специализированные лифты, пандусы и системы навигации подлежат квалификации как внешний эквивалент биологических функций организма[963]. Таким образом, деструкция элементов инклюзивной инфраструктуры в ходе атаки должна рассматриваться не как сопутствующий материальный ущерб, а как прямое посягательство на физическую неприкосновенность и средства выживания защищаемых лиц.

Более того, системный анализ статьи 57 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям позволяет существенно расширить содержание принципа должной осмотрительности[964], выходя за рамки формальной идентификации объекта как гражданского. В рамках данного исследования обосновывается, что исполнение этого обязательства в отношении инклюзивных образовательных учреждений требует от военного командования превентивного анализа функциональных характеристик среды. Существенным правовым вызовом здесь выступает отсутствие в международном гуманитарном праве обязательной системы визуального обозначения для инклюзивных школ, в отличие от медицинских учреждений (например общепризнанные эмблемы красного креста или красного полумесяца). В то время как больницы используют специальные знаки для сигнализации о своем статусе и наличии уязвимых лиц, инклюзивные школы остаются «невидимыми» в оптике военного планирования. Данная норма напрямую коррелирует с положениями Римского статута Международного уголовного суда, где статья 8(2)(b)(ix) криминализирует умышленные атаки на здания образовательного назначения[965]. Это накладывает на субъектов планирования атак повышенное бремя осмотрительности: стандарт «разумного военного командира» должен включать учет специфических ассистивных систем (лифтов, пандусов, навигации), разрушение которых лишает лиц с инвалидностью мобильности и возможности экстренной эвакуации. Научная новизна данного подхода заключается в доказательстве того, что в условиях универсальной инклюзии защита школы трансформируется из охраны физических стен в защиту функциональной доступности среды.

Нормативно-правовую базу дополняют акты «мягкого права», включая Декларацию о безопасных школах и Резолюцию Совета Безопасности ООН[966], которые сформировали международный консенсус относительно безусловной неприкосновенности образовательного процесса. По состоянию на 2026 год к Декларации присоединились более 120 государств, что подтверждает её статус глобального стандарта защиты[967]. Эти инструменты устанавливают правило, согласно которому школы не должны использоваться в военных целях, а их инфраструктура подлежит охране как критически важная для выживания гражданского населения.

---

[962] Vienna Convention on the Law of Treaties (adopted 23 May 1969, entered into force 27 January 1980) 1155 UNTS 331, art 31(3)(c) https://treaties.un.org/doc/Treaties/1980/01/19800127%2000-52%20AM/Ch_XXIII_01.pdf

[963] Weizman E, *Forensic Architecture: Notes from Fields and Forums* (Zone Books 2017) https://www.academia.edu/7502096/Forensic_Architecture_Notes_from_Fields_and_Forums

[964] Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts (Protocol I) (adopted 8 June 1977, entered into force 7 December 1978) 1125 UNTS 3, art 57 https://treaties.un.org/doc/Treaties/1980/01/19800127%2000-52%20AM/Ch_XXIII_01.pdf

[965] Rome Statute of the International Criminal Court (last amended 2010) (adopted 17 July 1998, entered into force 1 July 2002) 2187 UNTS 3, arts 8(2)(a)(iii), 8(2)(b)(ix) https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/RS-Eng.pdf

[966] UNSC Res 2601 (29 October 2021) UN Doc S/RES/2601 <https://docs.un.org/en/s/res/2601(2021>

[967] Safe Schools Declaration (adopted 28 May 2015) https://ssd.protectingeducation.org/endorsement/

Основным преимуществом данной Декларации является создание политического давления на воюющие стороны и внедрение Руководства по защите школ от использования в военных целях в национальные военные доктрины. Однако существенным минусом остается её статус документа «мягкого права»: она не является юридически обязательным договором и не предусматривает механизмов принуждения или санкций за нарушения, что часто делает защиту декларативной в условиях активных боевых действий. Так, эмпирические данные из зон вооруженных конфликтов демонстрируют, что в среднем в мире ежегодно фиксируется более 3000 случаев нападений на образовательные учреждения или их использования в военных целях, согласно оперативным данным мониторинга за 2024–2025 годы[968]. Эти показатели свидетельствуют о сохранении критической угрозы для образовательной инфраструктуры, несмотря на международные усилия по внедрению стандартов безопасности.

Принципиальное различие в правовой квалификации ущерба проявляется через функциональный статус объекта. Если для комбатанта выход из строя лифта или подъемного механизма интерпретируется лишь как потеря элемента логистики, то для ребенка с нарушениями опорно-двигательного аппарата это превращается в акт принудительной фиксации в зоне смертельной опасности. Статистика подтверждает, что стоимость восстановления инклюзивной среды в среднем на 40–60% превышает затраты на стандартный ремонт, что зачастую ведет к «вторичной дискриминации» формальному открытию школы при фактической недоступности её инфраструктуры[969]. Таким образом, инклюзивная инфраструктура учебного заведения выступает не дополнительным благом, а первичным правовым инструментом реализации международных гарантий защиты жизни. Любой ущерб такой среде должен оцениваться не по рыночной стоимости восстановления имущества, а по степени необратимой утраты мобильности и фактического лишения защищаемых лиц шансов на спасение.

Юридическая аналогия с медицинскими учреждениями и критерий абсолютной зависимости

Наделение образовательных пространств режимом специальной защиты, аналогичным статусу гражданских госпиталей согласно статье 18 Четвертой Женевской конвенции, базируется на объективном критерии абсолютной функциональной зависимости защищаемого лица от окружающей инфраструктуры[970]. Академическая позиция, поддерживаемая профессором Майклом Шмиттом, утверждает, что особый иммунитет объектов в международном гуманитарном праве обусловлен не только их гуманитарным назначением, но и специфической физической уязвимостью находящихся в них лиц, лишенных возможности самостоятельной эвакуации[971]. В современных реалиях школа, спроектированная по стандартам универсального дизайна, функционально идентична медицинскому учреждению, то есть учащийся в ней так же технически привязан к ассистивным системам спасения, как пациент к аппаратуре жизнеобеспечения. Центральным аргументом в пользу данной аналогии является выявленный в ходе исследования критический разрыв между временем оперативного реагирования на угрозу и реальными возможностями

---

[968] Global Coalition to Protect Education from Attack, Education under Attack 2024 (GCPEA 2024) https://protectingeducation.org/

[969] ibid

[970] Geneva Convention Relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War (adopted 12 August 1949, entered into force 21 October 1950) 75 UNTS 287 (GC IV) art 18 https://treaties.un.org/pages/showdetails.aspx?objid=0800000280158b1a

[971] Michael N Schmitt, 'The Law of Armed Conflict and Education' (2020) 96 International Law Studies 331 https://digital-commons.usnwc.edu/ils/vol96/iss1/12/

маломобильных групп. Например, в прифронтовых городах, таких как Харьков и Запорожье, временное окно между сигналом тревоги и детонацией современных средств поражения составляет в среднем 3–5 минут. В то же время данные мониторинга фиксируют, что эвакуация учащихся на креслах-колясках из типового многоэтажного здания занимает от 15 до 25 минут из-за архитектурных барьеров и необходимости использования подъемников[972]. Столь значительный временной разрыв математически доказывает, что учащиеся инклюзивных классов подвергаются в 3–4 раза большему риску гибели. С точки зрения доктрины должной осмотрительности, игнорирование данных о специфической уязвимости среды при наличии доступных реестров, таких как Декларация о безопасных школах, следует квалифицировать как грубую неосторожность. Следовательно, стандарт предосторожности при планировании атак вблизи таких объектов должен быть эквивалентен стандарту, применяемому к медицинским объектам. Поэтому, любое воздействие на ассистивный каркас здания должно рассматриваться как осознанное лишение людей средств к выживанию.

Юридическая квалификация разрушения путей эвакуации как фактора причинения страданий

Анализ современной практики МГП выявляет пробел. Сегодня повреждение элементов доступности (лифтов, пандусов или систем навигации) не рассматривается как отдельное преступление против личности. В глазах закона уничтожение подъемника в школе зачастую трактуется лишь как «порча имущества», а не как прямое посягательство на жизнь. Однако судебный прецедент по делу Prosecutor v Galić дает почву для пересмотра этой позиции. Тогда Трибунал установил, что само по себе создание «атмосферы террора» и преднамеренное лишение гражданского населения условий безопасности является самостоятельным военным преступлением[973]. В реалиях современных конфликтов, когда время на спасение исчисляется секундами, намеренное разрушение инфраструктуры мобильности становится инструментом реализации такого террора. Сегодня право учитывает преимущественно физическую целостность зданий, полностью игнорируя функциональную деградацию объекта[974]. Если стены школы устояли, но пути выхода отрезаны, закон видит в этом незначительный материальный ущерб, не замечая, что для учащегося с инвалидностью это фактически означает лишение шанса на выживание. Эту «архитектурную слепоту» права подтверждают и военные протоколы планирования операций, такие как инструкция CJCSI 3160.01C[975]. При расчете рисков для населения военные планировщики рассматривают гражданских лиц как группу с равными физическими возможностями. Командиры исходят из презумпции, что любой человек способен покинуть зону удара за стандартное время обычно этот интервал рассчитывается на основе средней скорости движения взрослого человека (1.2–1.5 м/с)[976]. Однако для ученика инклюзивного класса, чей путь к укрытию через архитектурные барьеры занимает от 15 до 25 минут, этот математический расчет в корне неверен. Поскольку в реестрах механизмов предотвращения конфликтов

---

[972] Fight For Right, Evacuation of People with Disabilities: International Standards and Ukrainian Realities (Report, 2022) https://ffr.org.ua/wp-content/uploads/2022/12/funds_new_ffr_en.pdf

[973] Prosecutor v Galić (Judgment) ICTY-98-29-T (5 December 2003) paras 63-76 https://www.icty.org/x/cases/galic/tjug/en/gal-tj031205e.pdf

[974] Rome Statute of the International Criminal Court (last amended 2010) (adopted 17 July 1998, entered into force 1 July 2002) 2187 UNTS 3, art 8

[975] Chairman of the Joint Chiefs of Staff Instruction (CJCSI) 3160.01C, 'No-Strike and the Civilian Casualty Methodology' (2018) App D https://www.jcs.mil/Library/CJCS-Instructions/

[976] US Department of Defense, Law of War Manual (updated December 2023) https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/DoD%20Law%20of%20War%20Manual%20-%20June%202015%20Updated%20Dec%202023.pdf

отсутствуют данные об «ассистивном статусе» школ, разрушение систем вертикального транспорта или пандусов признается допустимым побочным эффектом.

Заключение

Результаты проведенного исследования диктуют необходимость фундаментальной трансформации международно-правового статуса образовательных учреждений в условиях современных вооруженных конфликтов. Традиционная парадигма, рассматривающая школу как пассивный гражданский объект под общим иммунитетом МГП, более не отвечает вызовам высокотехнологичных войн и глобальным стандартам инклюзии. Эволюция образовательного пространства, направленная на обеспечение доступности, превратила архитектурную среду школы в сложную систему жизнеобеспечения, от функциональности которой напрямую зависит физическое выживание учащихся.

Ключевым концептуальным выводом работы является обоснование того, что повреждение элементов доступности в ходе боевых действий тождественно акту принудительного лишения человека мобильности. Предложенная в исследовании юридическая аналогия между современной инклюзивной школой и медицинским учреждением опирается на критерий абсолютной технической зависимости субъекта от инфраструктуры спасения. В связи с этим стандарт «должной осмотрительности» при планировании военных операций требует существенного пересмотра: любое воздействие на образовательный объект должно оцениваться через призму специфической уязвимости его ассистивного каркаса.

В контексте международного уголовного права работа доказывает правомерность квалификации преднамеренного разрушения систем эвакуации как военного преступления, предусмотренного статьей 8(2)(a)(iii) Римского статута. Уничтожение путей выхода при осознании присутствия в здании маломобильных групп следует трактовать как умышленное причинение сильных страданий. Игнорирование этих факторов в действующих военных протоколах, где временные интервалы на спасение рассчитаны исключительно на мобильное большинство, свидетельствует о скрытой системной дискриминации, встроенной в методологию ведения войны.

Практическая значимость исследования заключается в требовании интеграции данных об инклюзивном статусе зданий в международные реестры объектов специальной защиты. Безопасность образовательного процесса в условиях вооруженного конфликта неразрывно связана с архитектурной гарантией эвакуации для всех категорий граждан. Резюмируя, без признания инфраструктуры доступности критически важным ресурсом, МГП останется декларативным инструментом, неспособным защитить наиболее уязвимых лиц. Переход к правопониманию, где объектом охраны является не только физическая оболочка здания, но и гарантированная возможность беспрепятственного выхода из него, представляет собой единственный путь к минимизации неоправданных жертв и обеспечению подлинного равенства в праве на спасение.

Список литературы:

1. Convention on the Rights of Persons with Disabilities (adopted 13 December 2006, entered into force 3 May 2008) 2515 UNTS 3 (CRPD) https://www.un.org/development/desa/disabilities/convention-on-the-rights-of-persons-with-disabilities.html

2. Geneva Convention Relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War (adopted 12 August 1949, entered into force 21 October 1950) 75 UNTS 287 (GC IV) https://treaties.un.org/pages/showdetails.aspx?objid=0800000280158b1a

3. Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts (Protocol I) (adopted 8 June 1977, entered into force 7 December 1978) 1125 UNTS 3 (AP I) https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=0800000280158b1a

4. Rome Statute of the International Criminal Court (last amended 2010) (adopted 17 July 1998, entered into force 1 July 2002) 2187 UNTS 3 https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/RS-Eng.pdf

5. Vienna Convention on the Law of Treaties (adopted 23 May 1969, entered into force 27 January 1980) 1155 UNTS 331 (VCLT) https://treaties.un.org/doc/Treaties/1980/01/19800127%2000-52%20AM/Ch_XXIII_01.pdf

Cases (Судебные дела)

6. Prosecutor v Galić (Judgment) ICTY-98-29-T (5 December 2003) https://www.icty.org/x/cases/galic/tjug/en/gal-tj031205e.pdf

7. UNHRC, Report of the independent international fact-finding mission on the Islamic Republic of Iran (10 March 2026) UN Doc A/HRC/61/60

8. UNSC Res 2601 (29 October 2021) UN Doc S/RES/2601 <https://docs.un.org/en/s/res/2601(2021>

9. Chairman of the Joint Chiefs of Staff Instruction (CJCSI) 3160.01C, 'No-Strike and the Civilian Casualty Methodology' (2018) https://www.jcs.mil/Library/CJCS-Instructions/

10. Fight For Right, Evacuation of People with Disabilities: International Standards and Ukrainian Realities (Report, 2022) https://ffr.org.ua/wp-content/uploads/2022/12/funds_new_ffr_en.pdf

11. Global Coalition to Protect Education from Attack, Education under Attack 2024 (GCPEA 2024) https://protectingeducation.org/

12. Human Rights Watch, 'Ukraine: War’s Toll on Schools, Children’s Future' (8 November 2023) https://www.hrw.org/ru/news/2023/11/08/ukraine-wars-toll-schools-childrens-future

13. Safe Schools Declaration (adopted 28 May 2015) https://ssd.protectingeducation.org/endorsement/

14. Schmitt MN, 'The Law of Armed Conflict and Education' (2020) 96 International Law Studies 331 https://digital-commons.usnwc.edu/ils/vol96/iss1/12/

15. US Department of Defense, Law of War Manual (updated December 2023) https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/DoD%20Law%20of%20War%20Manual%20-%20June%202015%20Updated%20Dec%202023.pdf

16. Weizman E, Forensic Architecture: Notes from Fields and Forums (Zone Books 2017) https://www.academia.edu/7502096/Forensic_Architecture_Notes_from_Fields_and_Forums

Серикова Аяжан Қайратқызы
Магистрант 2-курса специальности «Международное право»
Высшая школа права Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республика Казахстан
E-mail: ayazhan_serikova@kazguu.kz

ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ОТ ПРОИЗВОЛЬНОГО ЗАДЕРЖАНИЯ И НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В КАЗАХСТАНЕ

Аннотация

В статье представляется анализ реализации права на свободу и личную неприкосновенность в Республике Казахстан в контексте международных стандартов защиты прав человека. Особое внимание уделяется вопросам имплементации международных норм в национальную правовую систему и проблемам их практического применения. В ходе анализа случаев произвольного задержания с учетом практики Комитета по правам человека ООН автор выявляет недостатки правоприменительной практики. К основным недостаткам относятся формальный характер судебного контроля, отсутствие надлежащей оценки соразмерности, нарушения процессуальных гарантий, а также отсутствие нормативного закрепления понятия «произвольное задержание». На основе проведенного анализа автор обосновывает необходимость приведения национального законодательства в соответствие с международными стандартами и предлагает рекомендации, направленные на усиление гарантий защиты прав человека и совершенствование правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: право на свободу и личную неприкосновенность, произвольное задержание, Рабочая группа ООН по произвольным задержаниям, возмещение вреда, процессуальные гарантии, Комитет ООН по правам человека, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан, Международный пакт о гражданских и политических правах, международные стандарты защиты прав человека, принцип соразмерности, судебный контроль.

Аннотация

Мақалада Қазақстан Республикасында бостандық пен жеке қол сұғылмаушылық құқығының іске асырылуы адам құқықтарын қорғаудың халықаралық стандарттары контексінде талданады. Халықаралық нормаларды ұлттық құқықтық жүйеге имплементациялау мәселелері мен оларды практикада қолданудағы проблемаларға ерекше назар аударылады. БҰҰ Адам құқықтары комитетінің практикасын ескере отырып, өз бетінше қамауға алу жағдайларын талдау барысында автор құқық қолдану практикасының кемшіліктерін анықтайды. Негізгі кемшіліктерге сот бақылауының формальды сипаты, соразмерлілікті тиісті бағалаудың болмауы, процессуалдық кепілдіктердің бұзылуы, сондай-ақ «өз бетінше қамауға алу» ұғымының нормативтік бекітілмеуі жатады. Жүргізілген талдау негізінде автор ұлттық заңнаманы халықаралық стандарттарға сәйкес келтіру қажеттігін негіздейді және адам құқықтарын қорғау кепілдіктерін нығайтуға және құқық қолдану қызметін жетілдіруге бағытталған ұсынымдар ұсынады.

Түйін сөздер: бостандық пен жеке қол сұғылмаушылық құқығы, өз бетінше қамауға алу, БҰҰ-ның өз бетінше қамауға алу мәселелері жөніндегі жұмыс тобы, зиянды өтеу, процессуалдық кепілдіктер, БҰҰ Адам құқықтары комитеті, Қазақстан Республикасының Қылмыстық-процессуалдық кодексі, Азаматтық және саяси

құқықтар туралы халықаралық пакт, адам құқықтарын қорғаудың халықаралық стандарттары, соразмерлілік принципі, сот бақылауы.

Abstract

This article presents an analysis of the implementation of the right to liberty and security of person in the Republic of Kazakhstan in the context of international human rights protection standards. Special attention is given to the issues of incorporating international norms into the national legal system and the problems of their practical application. Through an analysis of cases of arbitrary detention, taking into account the practice of the UN Human Rights Committee, the author identifies shortcomings in law enforcement practice. The main shortcomings include the formal nature of judicial oversight, the absence of proper proportionality assessment, violations of procedural guarantees, and the lack of a statutory definition of "arbitrary detention". On the basis of the analysis conducted, the author substantiates the need to bring national legislation into conformity with international standards and proposes recommendations aimed at strengthening human rights protection guarantees and improving law enforcement practice.

Keywords: right to liberty and security of person, arbitrary detention, UN Working Group on Arbitrary Detention, compensation for harm, procedural guarantees, UN Human Rights Committee, Code of Criminal Procedure of the Republic of Kazakhstan, International Covenant on Civil and Political Rights, international human rights protection standards, principle of proportionality, judicial oversight.

Введение

Право на свободу и личную неприкосновенность рассматривается как одно из основополагающих прав человека, обеспечивающее свободу личности, а также защиту от произвольного лишения свободы и иных форм необоснованного вмешательства со стороны государства. В данном контексте под свободой человека определяется его физическая свобода и личная безопасность, а также возможность самостоятельно распоряжаться своим телом, гарантируемая правом на свободу. Неприкосновенность личности, в свою очередь, охватывает защиту от психологического воздействия и запрещает жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение. Во взаимосвязи данные положения обеспечивают защиту как от произвольного лишения свободы, так и от других форм давления на человека. В данной статье право на свободу и личную неприкосновенность будет рассматриваться с точки зрения запрета произвольного лишения свободы при задержании.

Республика Казахстан с 2006 года является участником Международного пакта о гражданских и политических правах *(далее - МПГПП),* в соответствии с положениями которого на государство возлагается обязанность обеспечивать защиту прав человека, а также предотвращать применение ограничительных мер, препятствующих реализации прав и свобод человека. Республика Казахстан в целях обеспечения соблюдения прав человека закрепила в Конституции основные права и свободы, придав им высшую юридическую силу, которые подлежат обязательному соблюдению всеми государственными органами и должностными лицами на территории страны. Закрепление данных положений свидетельствует о намерении государства обеспечить правовую основу[977] для эффективной реализации и защиты прав и свобод личности.

Однако, несмотря на участие государства в международных договорах, имплементация права на свободу и личную неприкосновенность зачастую носит

[977] UN Commission on Human Rights, “Study of the right of everyone to be free from arbitrary arrest, detention, and exile”, 1964, p. 54, <https://docs.un.org/en/E/CN.4/826/Rev.1> accessed 18 March 2026.

формальный характер. Его реализация на практике осуществляется не в полной мере. Это особенно проявляется в случаях необоснованного лишения свободы, несоблюдения процессуальных гарантий при задержании, ненадлежащего обращения с лицами, лишенными свободы, а также отсутствия надлежащих средств правовой защиты.

Целью данной статьи является анализ случаев нарушения права на свободу и личную неприкосновенность в Республике Казахстан, выявление проблем имплементации международных стандартов защиты прав человека, а также разработка рекомендаций по их устранению.

Основная часть

Анализ практики реализации права на свободу и неприкосновенность личности

Одним из наглядных и актуальных примеров, отражающих проблемы реализации права на защиту от произвольного задержания, выступает дело Марата Жыланбаева. В рамках рассмотрения данного дела Рабочая группа ООН по произвольным задержаниям сделала заключение о произвольном характере лишения свободы, подпадающем под категории I, II, III и V произвольности, а также о наличии нарушений иных прав человека в отношении М. Жыланбаева.[978] Анализ данного дела демонстрирует множество нарушений международных стандартов защиты прав на свободу и неприкосновенность. Рассматриваемые факты свидетельствуют о недостаточном уровне защиты от произвольного задержания и обеспечении процессуальных гарантий, а также о наличии барьеров в реализации основных прав человека.

Первое нарушение в отношении М. Жыланбаева имело место в момент его фактического задержания, поскольку основанием для лишения его свободы послужили выражение им политических взглядов и участие в мирных собраниях. Изначально арест Жыланбаева носил административный характер, который впоследствии был переквалифицирован в уголовный.[979] Следует отметить, что законодательство Республики Казахстан обеспечивает право на проведение и участие в мирных собраниях, при этом ограничение данного права допускается лишь в случае, если это обусловлено необходимостью защиты общественного порядка. Лишение свободы в данном случае не было обусловлено необходимостью защиты общественного порядка.

Дополнительно, нарушением следует выделить лишение свободы М. Жыланбаева, обладающее признаками произвольности. Указанное лишение свободы также представляет собой нарушение статьи 9 МПГПП, согласно которой государство обязано обеспечивать процессуальные гарантии лицам, лишенным свободы. Однако, в ходе задержания М. Жыланбаева надлежащие процессуальные гарантии не были обеспечены,[980] поскольку его перемещение осуществлялось без уведомления стороны защиты, а возможности для своевременного ознакомления с материалами дела были ограничены. Кроме того, были нарушены статьи 14 и 19 МПГПП, поскольку лишение свободы за участие в мирных собраниях являлось незаконным с точки зрения международных стандартов.

Таким образом, лишение свободы М. Жыланбаева является произвольным, а несоблюдение процессуальных гарантий, предусмотренных законодательством, свидетельствует о проблемах в реализации данных прав на практике. В целях

---

[978] the Working Group on Arbitrary Detention, Opinions adopted at its 102nd session, No. 18/2025 concerning Marat Zhylanbaev, July 2025, <https://www.ohchr.org/sites/default/files/documents/issues/detention-wg/opinions/session102/a-hrc-wgad-2025-18-aev.pdf> accessed 19 March 2026.

[979] ibid [2], p.5-6

[980] ibid [2], p. 97-98,

возмещения вреда, причиненного незаконным нарушением прав, как было отмечено Рабочей группой,[981] следует обеспечить предоставление компенсации, а также проведение независимого расследования по данному делу.

Аналогичное правонарушение произошло с правозащитницей Бахытжан Торегожиной[982], которая была задержана до начала планируемого мероприятия. Задержание Торегожиной было связано с участием в мирном общественном собрании, которое не требовало применения меры задержания в целях общественной необходимости. Согласно Общему комментарию № 35 Комитета по правам человека, любое задержание или мера, связанная с лишением свободы, должно соответствовать принципу соразмерности.[983] В этой связи на государство возлагается обязанность обосновать необходимость применения таких мер с учетом критериев разумности и необходимости. Однако в рассматриваемом деле государственными органами такие обоснования не были представлены, что свидетельствует о несоблюдении указанных требований. В этой связи отсутствие надлежащего обоснования и лишение свободы без оценки соблюдения критериев необходимости рассматриваются как произвольное лишение свободы и подлежат компенсации.

Исходя из изложенного, замечания Комитета по правам человека по делам Марата Жыланбаева и Бахытжан Торегожиной свидетельствуют о том, что при лишении свободы, не всегда осуществляется надлежащая оценка соответствия принципу соразмерности, что имеет существенное значение для квалификации таких мер. В этой связи лишение свободы может считаться законным с точки зрения национального законодательства, однако одновременно признаваться произвольным при отсутствии необходимых критериев оценки и несоответствии международным стандартам защиты прав человека.

Следует также в качестве примера отметить ситуацию, которая произошла во время январских событий в 2022 году, в ходе которых было обнаружено значительное количество нарушений, обусловленных действиями сотрудников правоохранительных органов, выразившихся в несоблюдении процессуальных гарантий.[984] Согласно представленным обращениям и заявлениям, Комитетом были выявлены многочисленные нарушения прав человека в период протестов, включая случаи произвольного задержания и непредоставления надлежащих условий лицам, лишенным свободы.

В ходе Заключительных замечаний по третьему докладу Комитет обозначил ряд замечаний государству в отношении лиц, лишенных свободы, включая необходимость обеспечения процессуальных гарантий с момента задержания, проведения беспристрастного расследования, а также обеспечения доступа к юридическим и медицинским услугам.[985] Указанные замечания и судебные дела свидетельствуют о наличии недостатков в реализации права на защиту от произвольного задержания и личную неприкосновенность, что демонстрирует необходимость дальнейшего совершенствования защитных мер в области прав человека.

Международные механизмы защиты от произвольного задержания

В международном праве обеспечение основных прав человека и признание достоинства и ценности человеческой личности рассматриваются как одна из приоритетных целей правового регулирования. Оно направлено на обеспечение и

---

[981] ibid [2], p. 114-115

[982] Казахстанское международное бюро по правам человека и соблюдению законности, «Открытое обращение в связи с задержанием правозащитницы Бахытжан Торегожиной», 2025.

[983] Human Rights Committee Communication No. 2137/2012, Bakhytzhan Toregozhina, p. 7,5

[984] Комитет по правам человека, Заключительные замечания по третьему периодическому докладу Казахстана, 3 сентября 2025 г., п.29

[985] ibid [8], п. 30-32

защиту неотъемлемых прав и свобод человека, к числу которых относятся право на свободу, личную неприкосновенность, честь и достоинство. Данное право закреплено во множестве универсальных, региональных и декларативных международно-правовых актов. Следует подчеркнуть, что признание права на свободу и личную неприкосновенность является одним из основных объектов международной защиты, поскольку оно обеспечивает основу для реализации других прав и свобод человека.

В контексте определения данного права Всеобщая декларация прав человека *(далее - ВДПЧ)* выступает в качестве одного из основополагающих документов в области прав человека, в котором право на свободу и личную неприкосновенность впервые было закреплено на универсальном уровне. ВДПЧ закрепляет общий декларативный характер обеспечения права человека на свободу и личную неприкосновенность, а также предусматривает запрет произвольного задержания. ВДПЧ формирует общее направление регулирования прав человека и базовые принципы права на свободу и неприкосновенность.

Международный пакт о гражданских и политических правах человека по сравнению с ВДПЧ содержит более подробное описание данного права. Положение статьи 9 МПГПП не только закрепляет запрет на произвольное задержание,[986] но и устанавливает требования соблюдения процедуры при задержании. Вместе с тем, предусматривается право на судебное разбирательство и право на компенсацию в случае незаконного задержания. Таким образом, следует отметить, что в рамках МПГПП запрет произвольного задержания дополняется процессуальными гарантиями, которые способствуют обеспечению эффективной защиты прав человека.

В данном ключе особое значение имеет взаимосвязь данной статьи с положениями статьи 2 МПГПП, согласно которой на государства возлагается обязанность принимать необходимые меры для защиты данных прав, а также обеспечивать выплату компенсации за незаконное лишение свободы. Это свидетельствует о том, что нормы МПГПП направлены на обязательную реализацию, а не формальное закрепление права.

Кроме международных документов, существует региональный документ - Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, который закрепляет право человека и аналогичную защиту от произвольного задержания. Особенностью данной нормы является перечень случаев, согласно которому задержание будет законным и не будет рассматриваться как произвольное. Однако даже если лишение свободы будет соответствовать определенному перечню, следует проверить его на соответствие принципу соразмерности.

Вместе с тем следует обратить особое внимание на Общий комментарий № 35 Комитета по правам человека, в котором подчеркивается важность соблюдения принципа соразмерности.[987] Комитетом неоднократно отмечалось, что арест или задержание могут соответствовать национальному законодательству, несмотря на наличие формального юридического основания, такие меры могут признаваться произвольными и нарушать обязательства государства по обеспечению защиты прав человека.[988] В этой связи государство в целях предотвращения нарушений прав человека перед применением мер, связанных с лишением свободы, должно не только

---

[986] Международный пакт о гражданских и политических правах, 1966, ст. 9, <https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml> дата обращения 20 марта 2026 г.

[987] Джеральд Ньюман, «Анализ положений Замечания общего порядка № 35 Комитета ООН по правам человека о регулировании практики задержания, особенно в отношении детей-мигрантов», 2016 г.

[988] Замечания общего порядка № 35 Комитета ООН по правам человека, 2014, п. 12, <https://www.refworld.org/ru/policy/concobservations/hrc/2014/ru/104763> дата обращения 20 марта 2026 г.

ограничиваться критериями законности, но и оценивать их на соответствие принципу соразмерности.

Национальное законодательство Республики Казахстан

В соответствии с международными обязательствами Республика Казахстан обеспечивает соблюдение международных стандартов в области защиты прав человека и их реализацию посредством закрепления соответствующих положений в Конституции, а также в нормах уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Конституция Республики Казахстан является основным законом государства, который обеспечивает право на свободу, а также защиту от произвольного задержания и неприкосновенность личности. Данные конституционные гарантии предусматривают право каждого на свободу, право на получение юридической помощи с момента задержания,[989] защиту неприкосновенности личности, а также защиту от пыток и бесчеловечного и жестокого обращения.[990] Обязанность по обеспечению указанных прав возлагается на государство и на сотрудников правоохранительных органов, согласно чему они должны предоставить человеку благоприятные условия для реализации и получения конституционных прав.

Обеспечение права на свободу человека имеет существенное значение для реализации других прав человека. В этой связи ограничение и лишение свободы в Республике Казахстан допускаются только в предусмотренных законом случаях и лишь с санкции суда.[991] Данные положения в целом соответствуют международно-правовым стандартам, согласно которым лишение свободы допускается исключительно на законных основаниях. Однако, несмотря на наличие соответствующих норм, обеспечение данных прав осуществляется не в полной мере, поскольку их закрепление в значительной степени носит формальный характер и не всегда находит должное отражение в правоприменительной практике. Примером указанных нарушений являются вышеуказанные дела Жыланбаева и Торегожиной, в которых имели место необоснованные ограничения свободы и несоблюдение правоохранительными органами процессуальных условий при задержании. Кроме того, на практике встречаются случаи, при которых сотрудниками правоохранительных органов нарушаются права задержанных. В частности, злоупотребление должностными полномочиями, жестокое обращение с целью получения признаний или использование их в качестве меры наказания, а также ограничение доступа к юридической и медицинской помощи рассматриваются как нарушения прав человека наряду с произвольным задержанием. В целях предотвращения подобных нарушений уголовный и уголовно-процессуальный кодексы Республики Казахстан предусматривают соответствующую ответственность.

Уголовный и уголовно-процессуальный кодексы не только обеспечивают защиту, но и устанавливают ответственность за их нарушение. Данные нормативные правовые акты запрещают иные формы ограничения свободы, а также распространяются на помещение в медицинские организации и домашний арест.[992] Кроме того, предусматриваются уголовная ответственность и компенсация за действия правоохранительных органов в случае необоснованных лишений свободы, применения жестокого обращения и несоблюдения процессуальных правил при задержании.[993] Следует отметить, что в уголовно-процессуальном кодексе

---

[989] Конституция РК, от 30 августа 1995 года, ст. 16, <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000 > дата обращения 20 марта 2026 г.

[990] Ibid [13], ст. 17

[991] Ibid [13], ст. 16

[992] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан, от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК, ст. 14, <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> дата обращения 20 марта 2026 г.

[993] Уголовный кодекс РК, от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК, ст. 146, <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> дата обращения 20 марта 2026 г.

предусмотрено, что в отношении подозреваемых лишение свободы применяется только в случае невозможности применения более мягких мер. При этом если даже в законе предусмотрено, что ограничение свободы личности применяется в случаях необходимости или когда иные меры будут неприемлемы, на практике данное лишение свободы продолжается без должного обоснования, что нарушает права человека и обязательства государства по обеспечению прав человека. Вместе с тем за нарушение прав человека на свободу и неприкосновенность предусмотрено право на возмещение вреда в виде компенсации. Однако, на практике реализация права на компенсацию во многих случаях занимает длительный период и нередко сопровождается отказами.

В результате анализа законодательство Республики Казахстан было выявлено, что в национальном законодательстве не применяется термин «произвольное задержание», предусмотренный статьей 9 МПГПП. Отсутствие данного термина либо его замена на термин «незаконного задержание» ранее обсуждались Комитетом по правам человека, который отметил, что это может сужать уровень защиты права на свободу. В законодательстве многих государств вместо данного термина используется формулировка «в предусмотренных законом случаях» или «незаконное задержание». Вместе с тем, было разъяснено, что даже законное задержание может носить произвольный характер, если оно не соответствует критериям целесообразности, необходимости и соразмерности. Данные критерии являются обязательными при оценке произвольности лишения свободы. Таким образом, отсутствие данного термина оказывает влияние на уровень защиты прав человека при применении норм, регулирующих лишение свободы.

Заключение

Подводя итог проведенного исследования, следует отметить наличие проблем имплементации международно-правовых стандартов в области защиты прав человека, в частности права на свободу и личную неприкосновенность. В ходе анализа установлено, что несмотря на нормативное закрепление данных прав в национальном законодательстве, их практическая реализация остается недостаточно результативной. Наиболее существенные недостатки проявляются в сфере защиты от произвольного задержания, недостаточном уровне судебного контроля, несоблюдении процессуальных гарантий, а также несовершенстве механизмов возмещения вреда, причиненного в результате нарушений указанных прав.

В целях устранения выявленных проблем предлагаются следующие рекомендации.

Во-первых, в целях приведения национального законодательства в соответствие со статьей 9 МПГПП следует внести изменения в статью 7 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан, предусматривающую разъяснение понятий, содержащихся в Кодексе. Необходимо закрепить понятие «произвольного задержания», а также определить критерии, при которых задержание будет признаваться произвольным. Указанное изменение позволит учитывать не только законность задержания, но и его соответствие принципу соразмерности. В свою очередь, это будет способствовать снижению количества произвольных задержаний и повышению уровня защиты прав человека.

Во-вторых, следует повысить эффективность судебного контроля за законностью и обоснованностью задержания путем внесения изменений в нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан «О применении норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства по вопросам соблюдения личной свободы и неприкосновенности достоинства человека, противодействия пыткам, насилию, другим жестоким или унижающим человеческое

достоинство видам обращения и наказания»[994]. В соответствии с предлагаемыми изменениями судебные органы будут осуществлять не только формальную проверку законности, но и содержательную оценку необходимости применения мер, связанных с лишением свободы, с учетом принципа соразмерности.

В-третьих, представляется необходимым разработать упрощенный порядок возмещения вреда лицам, подвергшимся произвольному лишению свободы, а также жертвам пыток и иных форм жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, независимо от привлечения виновных лиц к ответственности. Несмотря на нормативное закрепление данного механизма, его реализация на практике остается длительной и не всегда приводит к положительным результатам для заявителей. Указанный механизм должен быть направлен на обеспечение восстановления нарушенных прав и предоставление пострадавшим действенных средств правовой защиты.

Список литературы:

1. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г., <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_> дата обращения 20 марта 2026 г.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК, <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> дата обращения 20 марта 2026 г.
3. Уголовный кодекс РК, от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК, <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> дата обращения 20 марта 2026 г.
4. Всеобщая декларация прав человека, 1948 г, <https://www.un.org/ru/about-us/universal-declaration-of-human-rights> дата обращения 20 марта 2026 г.
5. Международный пакт о гражданских и политических правах, <https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml> дата обращения 20 марта 2026 г.
6. Самалдыков М.К, 2009, Международные стандарты по правам человека и УК РК.
7. Джеральд Ньюман, «Анализ положений Замечания общего порядка № 35 Комитета ООН по правам человека о регулировании практики задержания, особенно в отношении детей-мигрантов», 2016 г.
8. UN Commission on Human Rights, “Study of the right of everyone to be free from arbitrary arrest, detention, and exile”, 1964, <https://docs.un.org/en/E/CN.4/826/Rev.1> accessed 18 March 2026.
9. Замечания общего порядка № 35 Комитета ООН по правам человека, 2014, <https://www.refworld.org/ru/policy/concobservations/hrc/2014/ru/104763> дата обращения 20 марта 2026 г.
10. The Working Group on Arbitrary Detention, Opinions adopted at its 102nd session, No. 18/2025 concerning Marat Zhylanbaev, July 2025, <https://www.ohchr.org/sites/default/files/documents/issues/detention-wg/opinions/session102/a-hrc-wgad-2025-18-aev.pdf> accessed 19 March 2026.
11. Казахстанское международное бюро по правам человека и соблюдению законности, «Открытое обращение в связи с задержанием правозащитницы Бахытжан Торегожиной», 2025 г.
12. Human Rights Committee Communication No. 2137/2012 Bakhytzhan Toregozhina.

[994] Нормативное постановление Верховного Суда РК «О применении норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства по вопросам соблюдения личной свободы и неприкосновенности достоинства человека, противодействия пыткам, насилию, другим жестоким или унижающим человеческое достоинство видам обращения и наказания» от 28 декабря 2009 года № 7, <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P09000007S_> дата обращения 22 марта 2026.

13. Комитет по правам человека, Заключительные замечания по третьему периодическому докладу Казахстана, 3 сентября 2025 г.

14. Нормативное постановление Верховного Суда РК «О применении норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства по вопросам соблюдения личной свободы и неприкосновенности достоинства человека, противодействия пыткам, насилию, другим жестоким или унижающим человеческое достоинство видам обращения и наказания» от 28 декабря 2009 года № 7, <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P09000007S_> дата обращения 22 марта 2026 г.

Tessnim Khadija Ben M'Rad
Master student, Law school, Maqsut Narikbayev University
Astana, Republic of Kazakhstan
E-mail: tessnimbmrad@gmail.com

HALAL CERTIFICATION GOVERNANCE: A COMPARATIVE ANALYSIS OF KAZAKHSTAN AND MALAYSIA

Abstract

The increasing and rapid expansion of the global halal market has transformed from a religious label into a more complex regulatory bridge between modern consumer protection, international trade and Islamic law. The following article presents a comparative analysis of halal certification governance in Kazakhstan and Malaysia, specifically on their legal frameworks and structures within the relevant institutions. The methodology lies through comparative research that examines legal collisions, such as the unauthorized use of halal label and the detection of the pork DNA in certified products. Consequently, this study proposes the adoption of a ''Unified Halal Act'' in Kazakhstan to provide the legal certainty necessary for both domestic and international trade. Such measures are essential to strengthen Kazakhstan's position and standing in the global or domestic halal economy.

Keywords: halal certification, governance, Kazakhstan, Malaysia, legal regulation, Islamic law, standardization, regulatory systems, comparative law

Introduction

The global halal economy is shifting from a niche to an emerging sector,[995] meaning the demand for halal-compliant production is rapidly increasing. Halal certification has evolved and become a complex regulatory mechanism that combines religious requirements and rules within legal frameworks. As widely acknowledged, halal products are not limited to food production only [996]; it extends far beyond and has relevance and significance in sectors as diverse as pharmaceuticals, cosmetics, logistics and finance.

Specifically, the halal certification governance denotes a system of legal principles and norms, regulatory standards and practices that ensure effective and efficient oversight and compliance. Moreover, in present-day legal systems, halal certification operates and functions at the intersection of religious law (Sharia), consumer protection, administrative law & international trade,[997] forming a hybrid framework that presents specific challenges in maintaining consistency and credibility.

A key challenge in halal certification governance lies in the variation in regulatory approaches across countries and regions.[998] This variation is often shaped by various and

---

[995] *Neha Anna Thomas, Associate Director, Economic Analytics Practice, 'The Rise of the Global Halal Economy: $10 Trillion Growth Opportunities by 2030', <https://go.frost.com/go/ea/pfq6_halaleconomy?campaign_source=NA_KM_EA_GO_PFQ6_RD1_Oct25&__cf_chl_tk=UnTfOu6QfoB5LIiYAJ3pRjtzbOxBUg.JBsk06MEUQNQ-1777235054-1.0.1.1-4XQxQ9rAskQK8jAjs_fNiSZaqGmWreYFFw0UfONE5v8 > (2025)*

[996] *Dr. Muhammad Tariq Khan, Associate Professor, Dr. Tariq Iqbal Khan, Assistant Professor and Mr. Sheraz Ahmed, Assistant Professor, 'Halal Products: Not Restricted to Food and its Marketing Opportunity in the Muslim World' , < https://scispace.com/pdf/halal-products-not-restricted-to-food-and-its-marketing-594yi7ghny.pdf > (2020)*

[997] *Deviana Yuanitasari , Nun Harrieti and Yamudin Salaeh, 'Harmonizing Sharia-Based Halal Standards with International Trade Law: A Comparative Legal Study', < https://www.researchgate.net/publication/397109290_Harmonizing_Sharia-Based_Halal_Standards_with_International_Trade_Law_A_Comparative_Legal_Study > (2025)*

[998] *Nur Sarah Tajul Urus*, Nadia Murshida Abd. Azzis, Eni Syafina Roslan and Syed Noor Yusoufuddin Syed Noor Affendi, 'Global Recognition of Halal Certification: A Fundamental, Innovative, and International Paradigm for Ensuring Integrity and Enhancing Competitiveness in the Global Halal Industry'*

distinct legal systems and jurisdictions which include both national frameworks and interpretations within Islamic legal schools (madhhabs).

This study explores these factors and nuances through the cases and examples of Malaysia and Kazakhstan, in order to provide a comprehensive understanding and a detailed comparative analysis.

Main Body

To begin with, we shall turn to the case of Malaysia. A country located in the Southeast of Asia, a federal constitutional monarchy that has a pluralistic, common law-based legal system. The key aspect of the legal system is that it is a dual system which includes secular civil law that applies to all citizens, and Shariah law that regulates family and personal matters exclusively for the Muslims. Within the dual legal framework, regulation and governance in the area of halal certification plays an important role.[999] Specifically, in Malaysia, this system is centralized and its main authority, the Department of Islamic Development (JAKIM) is responsible for issuing certificates, setting standards, regulating and monitoring compliance. It is important to mention that the Halal regulation in Malaysia is not only based on religious principles but also supported and stated by statutory law. [1000] An example of this is the Trade Descriptions Act 2011[1001], regulating the use of halal labels and prohibiting false claims. Therefore, halal certification is not only a religious requirement or tool, but also a legal and enforceable standard that functions within the broader framework of consumer protection. Another point important to mention is the fact that JAKIM acts as the central authority, and other institutions like the state religious bodies have to operate within the unified JAKIM system.

Moving onto Kazakhstan's example, it's a secular state where the government keeps a respectful distance from religious affairs.[1002] The state doesn't want to overstep or intervene by defining religious terms, but by staying silent, it does leave a gap in the law. Halal certification is voluntary and largely conducted by private bodies ('Halal Damu', 'Association Halal Industry of Kazakhstan (AHIK)' and 'Halal Quality Center') who operate under their own internal rules & international standards without a unified national law. Private bodies have to rely on international halal standards (such as EAEU technical regulations[1003], OIC/SMIIC standards[1004] and etc), because they provide guidance and direct them to a certain degree. However, it is also important to mention that these international regulations and standards do not seem to be sufficient, as they lack binding force. Such division creates a significant regulatory challenge, the absence of a state-recognized national authority and a unified law that result in a significant regulatory lacuna; this leads to inconsistent standardization across certification protocols.

<https://www.researchgate.net/publication/395426800_Global_Recognition_of_Halal_Certification_A_Fundamental_Innovative_and_International_Paradigm_for_Ensuring_Integrity_and_Enhancing_Competitiveness_in_the_Global_Halal_Industry> (2025)

[999] Shad Saleem Faruqi, 'Legal Pluralism in Malaysia: Navigating the Civil and Shariah Systems', <https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2025/03/ISEAS_Perspective_2025_27.pdf> (2025)

[1000] Yuki Hashimoto, Aalaa' Mohd Esa, 'Legal Framework for Halal Certification and Production in Malaysia', <https://oneasia.legal/en/6253 >(2025)

[1001] *Act 730 TRADE DESCRIPTIONS ACT 2011 <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/15309>*

[1002] *KAZAKHSTAN 2022 INTERNATIONAL RELIGIOUS FREEDOM REPORT, <https://kz.usembassy.gov/wp-content/uploads/sites/90/2023/05/441219-KAZAKHSTAN-2022-INTERNATIONAL-RELIGIOUS-FREEDOM-REPORT.pdf>*

[1003] EAEU technical regulations, <https://www.eurexcert.com/TRCUpdf/TRCU-0021-On-food-safety.pdf ; https://globexpert.ru/upload/tcu/9.pdf>

[1004] OIC/SMIIC 1 HALAL FOOD MANAGEMENT SYSTEM CERTIFICATON REGULATION, <https://worldhalal.uz/assets/documents/halal4.pdf;>

In the context of the Malaysian system, the certification process is mandatory[1005], whereas in Kazakhstan, certification is market-driven and therefore, compliance remains volitional rather than a statutory prerequisite for market entry. Consequently, certification functions more as a marketing tool that improves and increases consumer interest and satisfaction in the product, rather than a legally binding standard of quality assurance. As mentioned above, the lack of a unified regulatory body leads to a 'competition of logos', weakening consumer trust and undermining credibility.[1006]

Furthermore, because the Halal certification is more of a voluntary nature, its legal framework is anchored in general consumer protection and food safety laws, which often overlook the specific nuances of the industry. For instance, while the Law of the Republic of Kazakhstan 'On Consumer Protection'[1007] is the main and primary instrument, it lacks and does not provide the statutory definition of 'Halal' comparable to Malaysia's Trade Descriptions Act 2011. Such gap allows the private bodies to set up and establish their own understanding and interpretations of Halal standards, leading to inconsistencies in enforcement.

Kazakhstan's regulatory challenges extend beyond administrative gaps into the realm of international trade law and regional integration. Since 1995, Kazakhstan's membership in the Organization of Islamic Cooperation (OIC)[1008] has actively worked to align its national standards with SMIIC guidelines, demonstrating its dedication and strategic commitment to international Halal benchmarks.

Despite the international trajectory, domestic legislation has yet to catch up. For example, Kazakhstan's Law "On Technical Regulation"[1009] does not recognize the "Halal" designation as a separate or distinct category of quality requiring specialized accreditation. To overcome these gaps and challenges, it is suggested to transition from a voluntary domestic ''niche'' to a mandatory, state-aligned framework that would harmonize within the international standards and legal obligations of the OIC.

Moving onto statutory penalties and consumer protection frameworks. The main difference between Malaysia and Kazakhstan lies in the legal consequences when it comes to offenses in this area. As an example would serve the unauthorized use of the halal labels given by the certification bodies. In the case of Malaysia, under the Trade Description Act 2011, only the Department of Islamic Development Malaysia (JAKIM) and the State Islamic Religious Councils (MAIN) have the authority to certify and issue the halal labels/ marks.[1010] Any other private body that claims they are authorized to do so, would face criminal prosecution.[1011] To support my claim, in the case of Public Prosecutor v. Syarikat Restoran

---

[1005] Syaza Shukri, 'Islamic Soft Power: Malaysia Well-Positioned To Consolidate Global Leadership On Halal Branding And Governance – Analysis', <https://www.iseas.edu.sg/articles-commentaries/iseas-perspective/2025-89-islamic-soft-power-malaysia-well-positioned-to-consolidate-its-global-leadership-on-halal-branding-and-governance-by-syaza-shukri/> (2025)

[1006] Ali Abdallah, 'Has the Lack of a Unified Halal Standard Led to a Rise in Organised Crime in the Halal Certification Sector?',<https://www.researchgate.net/publication/356215999_Has_the_Lack_of_a_Unified_Halal_Standard_Led_to_a_Rise_in_Organised_Crime_in_the_Halal_Certification_Sector> (2021)

[1007] The Law of the Republic of Kazakhstan On Protection of Consumer Rights 2010, <https://adilet.zan.kz/eng/docs/Z100000274_ >

[1008] 'Kazakhstan Highlights OIC's Vital Role in Ensuring Peace in Muslim States', <https://astanatimes.com/2024/05/kazakhstan-highlights-oics-vital-role-in-ensuring-peace-in-muslim-states/> (2024)

[1009] The Law of the Republic of Kazakhstan On technical regulation, <*https://adilet.zan.kz/eng/docs/Z2000000396*> 2020

[1010] 'Relationship between halal & Trade Description Act 2011', <https://www.academia.edu/25010886/Relationship_between_halal_and_Trade_Description_Act_2011> (2025)

[1011] Rokshana Shirin Asa ,'ILLEGAL LABELING AND THE ABUSE OF HALAL CERTIFICATE: CASE STUDY OF MALAYSIA',

Haji Ahmad, the restaurant displayed the 'Halal' logo/mark on its premises without actually having a valid certification from JAKIM.[1012] The defense argued that the food was technically 'halal' as it does not contain any unlawful or prohibited ingredients, however the prosecution claimed that under the Trade Descriptions Act 2011, the labelling is considered illegal as it was not authorized or certified by the specific state body. Ultimately, the court held that using the Halal logo without certification amounted to criminal misrepresentation. As demonstrated, this creates complete "Statutory Monopoly" where only JAKIM has the right to define the term.

As mentioned above, the halal certification landscape is mainly governed by the Spiritual Administration of Muslims of Kazakhstan (QMDB) and the private certifying agency 'Halal Quality center', as well as various secondary actors, that employ a multi-stage, thorough audit of sourcing, production and distribution, transport and etc. before issuing a certification. Any reason that would contradict the requirements leads to a nullification of the certificate.

The certification is strictly temporary and requires annual renewal. Subsequently, within the year of the valid certification, the premises and the businesses do go through additional control, compliance and even spontaneous visit checks by the issuing bodies. Moreover, the critical issue arises when businesses allow their certifications to expire or lapse but continue using them in the form of displaying halal markings and labels unlawfully.

It is very important to mention that the state does not formally regulate 'halal' as a distinct legal category and only intervenes when trademark intellectual property is infringed. Crucially, when such violations are identified and detected, the certifying bodies are forced into a model of private self-regulation. As they lack state enforcement power, these organizations are limited to extrajudicial remedies, such as the revocation of certificates and imposition of contractual penalties. Such reliance on private enforcement highlights the precarious nature of 'Halal' integrity in a system devoid of centralized state oversight.

An examination and assessment of the judicial practice in Kazakhstan reveals the absence of formal court precedents specifically navigating the technicalities of this area. This is not indicative of a lack of practical disputes, but it rather reflects the broader gap in the regulation system and specialized enforcement mechanisms capable of elevating such incidents to the judicial level. This being said, numerous documented incidents have been reported by domestic media. For instance, a widely publicized incident in Almaty involved detected pork DNA in sausage products which were labelled as 'halal'.[1013] This raised public concern regarding reliability of the certification processes. Similarly, there were recurring reports of pork detected in labelled products, that however failed to result in criminal or civil proceedings, primarily due to the lack of a legal definition and understanding of 'Halal' in the Law 'On Consumer Protection'.

A rare example of state intervention involved an administrative penalty imposed for the unauthorized use of QMBD halal labeling/trademark; however, this was prosecuted as a violation of intellectual property and trademark law, rather than a breach of religious-technical standards.

When analyzing the systems in these two countries, it is also important to mention that recent literature has pointed out a new position regarding halal certification systems, suggesting that the private regulatory models are not so ineffective. For example, Calder elaborates on this point by arguing that, because halal certification often operates as a form

---

<https://www.researchgate.net/publication/347389929_ILLEGAL_LABELING_AND_THE_ABUSE_OF_HALAL_CERTIFICATE_CASE_STUDY_OF_MALAYSIA> (2019)

[1012] *'Fake Halal Certifications', <https://lawgratis.com/blog-detail/fake-halal-certifications#:~:text=Case%20Laws%20on%20Fake%20Halal,Pork%20derivatives%20found%20in%20food>(2025)*

[1013] *Reported incident 'Свинину обнаружили в колбасе "халал" в Алматы', <https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/svininu-obnaruzili-v-kolbase-xalal-v-almaty-236630/ > (2013)*

of voluntary private regulation, it relies more on consumer trust rather than compliance driven by state enforcement. As per Calder, effectiveness heavily depends on factors like transparency and clearly defined standards.[1014] It is not a guarantee, but it really depends on how and to what extent these factors or conditions are applied and implemented.

In 2025, Euro Med Journal of Business published a study where they highlighted that consumer confidence and trust in halal products are not based solely on religious considerations, but also on trust in the certification bodies themselves. As explained earlier, unclear certification and oversight mechanisms decrease consumer confidence. This is a fact that can be proven by statistics and other analytical reports.[1015] However, focusing on the legal perspective, such evidence does support the view that halal certification should be treated as fulfilling basic consumer rights. Altogether, these studies confirm that gaps in the regulatory system regarding halal certification have practical legal, economic and consumer rights implications. Consequently, there are different opinions about how things should work and which method is more efficient.

Conclusion

Looking at the bigger picture, the difference between the Malaysian and Kazakhstani systems isn't just about who signs the certificates, it's more about the legal ''teeth'' behind the label. Malaysia's practice and success in this area demonstrates that when you have a clear, centralized law like the Trade Descriptions Act 2011, you create an environment where businesses and consumers both feel safe. In Kazakhstan, it leans more towards the ''market-driven'' loop as mentioned above, where the lack of a unified definition and regulation in the production, labels and etc. leaves gaps in the legal system that make an enforcement of compliance challenging.

Moreover, this suggests that we are not in need of more logos, we need a Unified Halal Act. A law that defines "Halal'' so that ''pork DNA'' scandals aren't just handled as a minor administrative error, but as a serious violation of consumer trust. By creating a central authority, like JAKIM, Kazakhstan could bridge the gap between secular laws and the global, international standards of the OIC/SMIIC (which it's a member of). This is not about being "traditional'', it's about giving Kazakhstan the stable legal foundation it needs to compete in a high-tech global economy.

Bibliography:

1. Neha Anna Thomas, "The Rise of the Global Halal Economy: $10 Trillion Growth Opportunities by 2030" (2025).

2. Muhammad Tariq Khan, Tariq Iqbal Khan and Sheraz Ahmed, "Halal Products: Not Restricted to Food and its Marketing Opportunity in the Muslim World" (2020).

3. Deviana Yuanitasari, Nun Harrieti and Yamudin Salaeh, "Harmonizing Sharia-Based Halal Standards with International Trade Law: A Comparative Legal Study" (2025).

4. Nur Sarah Tajul Urus, Nadia Murshida Abd. Azzis, Eni Syafina Roslan and Syed Noor Yusoufuddin Syed Noor Affendi, "Global Recognition of Halal Certification: A Fundamental, Innovative, and International Paradigm for Ensuring Integrity and Enhancing Competitiveness in the Global Halal Industry" (2025).

5. Shad Saleem Faruqi, "Legal Pluralism in Malaysia: Navigating the Civil and Shariah Systems" (2025).

[1014] Ryan Calder, 'Halalization : Religious Product Certification in Secular Markets', <https://www.researchgate.net/publication/347199399_Halalization_Religious_Product_Certification_in_Secular_Markets> (2020)

[1015] Fatih Koc and others, *'The Effects of Trust and Religiosity on Halal Products Purchase Intention', EuroMed Journal of Business, <https://www.researchgate.net/publication/382792820_The_effects_of_trust_and_religiosity_on_halal_products_purchase_intention_indirect_effect_of_attitude> (2025)*

6. Yuki Hashimoto and Aalaa Mohd Esa, "Legal Framework for Halal Certification and Production in Malaysia" (2025).

7. Trade Descriptions Act 2011 (Act 730), Malaysia.

8. Kazakhstan 2022 International Religious Freedom Report (2022).

9. Eurasian Economic Union, Technical Regulation TR CU 021/2011 On Food Safety.

10. OIC/SMIIC 1, Halal Food Management System Certification Regulation.

11. Syaza Shukri, "Islamic Soft Power: Malaysia Well-Positioned to Consolidate Global Leadership on Halal Branding and Governance" (2025).

12. Ali Abdallah, "Has the Lack of a Unified Halal Standard Led to a Rise in Organised Crime in the Halal Certification Sector?" (2021).

13. Law of the Republic of Kazakhstan "On Protection of Consumer Rights" (2010).

14. "Kazakhstan Highlights OIC's Vital Role in Ensuring Peace in Muslim States" (2024).

15. Law of the Republic of Kazakhstan "On Technical Regulation" (2020).

16. "Relationship between Halal and the Trade Descriptions Act 2011" (2025).

17. Rokshana Shirin Asa, "Illegal Labeling and the Abuse of Halal Certificate: Case Study of Malaysia" (2019).

18. "Fake Halal Certifications" (2025).

19. "Свинину обнаружили в колбасе 'халал' в Алматы" (2013).

20. Ryan Calder, "Halalization: Religious Product Certification in Secular Markets" (2020).

21. Fatih Koc et al., "The Effects of Trust and Religiosity on Halal Products Purchase Intention" (2025) EuroMed Journal of Business.

Уздымбаева Гульжанат Амангельдиевна
магистрант 2 курса образовательной программы «Международное право»
Высшая школа права, Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Казахстан
e-mail: g_uzdymbayeva@kazguu.kz

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПИКЕТИРОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: ОБОСНОВАННОСТЬ И СОРАЗМЕРНОСТЬ ОГРАНИЧЕНИЙ

Аннотация

Настоящее исследование посвящено анализу правового регулирования пикетирования как особой формы мирных собраний в Республике Казахстан. Предметом исследования выступают нормы казахстанского законодательства, регулирующие порядок организации и проведения мирных собраний, а также правоприменительная практика и международные подходы к пониманию свободы мирных собраний. Методологическую основу исследования составили сравнительно-правовой, формально-юридический и системный методы анализа, а также изучение практики договорных органов по правам человека, в частности Комитета по правам человека ООН. Научная новизна работы заключается в рассмотрении пикетирования как самостоятельной формы выражения мнения с учетом присущих ему специфических характеристик (индивидуальность, локальность, статичность).

В результате проведенного анализа установлено, что действующая модель регулирования пикетирования характеризуется чрезмерной регламентированностью, выражающейся в обязательности предварительного уведомления, широкой дискреции местных исполнительных органов, ограниченности мест проведения пикетов. Автором сделан вывод о необходимости либерализации законодательства о мирных собраниях, в том числе путем упрощения уведомительного порядка, повышения обоснованности отказов в проведении пикетов и обеспечения реальной доступности мест проведения пикетов.

Ключевые слова: право на мирные собрания, пикетирование, национальное законодательство, ограничения, уведомление, место проведения, международные стандарты, пропорциональность, баланс публичных и частных интересов.

Abstract

This study is devoted to the analysis of the legal regulation of picketing as a special form of peaceful assembly in the Republic of Kazakhstan. The subject of the study is the norms of Kazakh legislation governing the organization and conduct of peaceful assemblies, as well as law enforcement practice and international approaches to understanding freedom of peaceful assembly. The methodological basis of the study was made up of comparative legal, formal legal and systematic analysis methods, as well as the study of the practice of international bodies, in particular the UN Human Rights Committee. The scientific novelty of the work lies in the consideration of picketing as an independent form of expression of opinion, taking into account its specific characteristics (individuality, locality, static).

As a result of the analysis, it was found that the current model of picketing regulation is characterized by excessive regulation, expressed in the obligation of prior notification, wide discretion of local executive bodies, and limited picket locations. The author concludes that it is necessary to liberalize legislation, including by simplifying the notification procedure, increasing the validity of refusals and ensuring the real accessibility of picket sites.

Keywords: right to peaceful assembly, picketing, national legislation, restrictions, notification, venue, international standards, proportionality, balance of public and private interests.

Андатпа

Осы зерттеу Қазақстан Республикасындағы бейбіт жиналыстардың ерекше нысаны ретінде пикеттеуді құқықтық реттеуді талдауға арналған. Зерттеу тақырыбы бейбіт жиналыстарды ұйымдастыру мен өткізу тәртібін реттейтін қазақстандық заңнаманың нормалары, сондай-ақ бейбіт жиналыстардың бостандығын түсінудің құқық қолдану практикасы мен халықаралық тәсілдері болып табылады. Зерттеудің әдіснамалық негізін талдаудың салыстырмалы-құқықтық, формальды-құқықтық және жүйелік әдістері, сондай-ақ халықаралық органдардың, атап айтқанда БҰҰ-ның Адам құқықтары жөніндегі комитетінің тәжірибесін зерделеу құрады. Жұмыстың ғылыми жаңалығы пикетті оның ерекше сипаттамаларын (даралығы, локализациясы, статикалық) ескере отырып, пікір білдірудің тәуелсіз формасы ретінде қарастырудан тұрады.

Жүргізілген талдау нәтижесінде пикетті реттеудің қолданыстағы моделі алдын-ала хабарлаудың міндеттілігімен, жергілікті атқарушы органдардың кең дискрециясымен және пикеттерді өткізу орындарының шектеулі болуымен сипатталатын шамадан тыс реттелуімен сипатталатыны анықталды. Автор заңнаманыераықтандыру қажеттілігі туралы, оның ішінде хабарлама жасау тәртібін оңайлату, бас тартудың негізділігін арттыру және пикет өткізу орындарының нақты қолжетімділігін қамтамасыз ету жолымен қорытынды жасады.

Түйін сөздер: бейбіт жиналыстарға құқық, пикет, ұлттық заңнама, шектеулер, хабарлама, өткізу орны, халықаралық стандарттар, пропорционалдылық, қоғамдық және жеке мүдделердің тепе-теңдігі.

Введение

Участие граждан Республики Казахстан в общественной жизни осуществляется через различные формы мирных собраний, в том числе посредством пикетирования, представляющего собой индивидуальную форму публичного выражения мнения. Право на проведение мирных собраний закреплено как в национальном законодательстве, так и в ряде международных договоров. Ратифицировав Международный пакт о гражданских и политических правах (далее - Пакт), Казахстан принял на себя обязательства уважать и обеспечивать признаваемое в Пакте право на мирные собрания.[1016] При этом со стороны государства не допускается вмешательство в проведение публичных мероприятий, если в этом нет крайней необходимости.[1017] Более того, на государство возлагаются позитивные обязательства по содействию организации и проведению мирных собраний.[1018]

Обращаясь к практике реализации права на мирные собрания гражданами Республики Казахстана, следует отметить, что данный процесс характеризуется высокой степенью регламентированности. Об этом свидетельствуют многочисленные доклады международных организаций: так, Комитет по правам человека ООН неоднократно выражал обеспокоенность относительно чрезмерных ограничений и

[1016] Международный пакт о гражданских и политических правах, принят резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года, ст. 2 <https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml>.

[1017] Комитет по правам человека ООН, Замечание общего порядка №37 (2020) о праве на мирные собрания, п. 23.

[1018] БДИПЧ ОБСЕ, *Руководящие принципы по свободе мирных собраний* (2-е изд., 2011) п. 2.1.

вмешательства в реализацию права на мирные собрания в Республике Казахстан.[1019] Также Human Rights Watch[1020] и Amnesty Organization[1021] подчеркивают, что право на мирные собрания, несмотря на принятие Закона РК «О порядке организации и проведения мирных собраний в Республике Казахстан» от 25 мая 2020, существенно ограничено. Ограничения в большей степени касаются порядка уведомления и согласования мирных собраний, оснований для запрета проведения собраний, ограниченности выбора места проведения мирных собраний. Подобные ограничения, как правило, мотивируются необходимостью поддержания общественного порядка, национальной безопасности и конституционного строя, но зачастую идут вразрез с принципом презумпции в пользу проведения собраний.[1022]

В данном исследовании особое внимание уделяется казахстанской модели регулирования пикетирования. Ввиду таких специфических особенностей пикетирования, как локальность, статичность и индивидуальный характер, возникает вопрос о соблюдении принципа пропорциональности установленных законодательством процедур организации и проведения пикетов, и о поддержании баланса между публичными и частными интересами.

Правовая природа пикетирования

В последние годы законодательство Республики Казахстан в области мирных собраний претерпело существенные изменения: на смену Закону 1995 года был принят Закон Республики Казахстан «О порядке организации и проведения мирных собраний в Республике Казахстан» от 25 мая 2020 года, который впервые закрепил в национальном законодательстве дефиниции и порядок регулирования различных форм мирных собраний, в том числе и пикетирования. В соответствии с действующим законодательством, под пикетированием подразумевается «присутствие одного гражданина Республики Казахстан … с целью публичного выражения мнения, … осуществляемое без передвижения и без использования звукоусиливающих технических средств, с использованием плакатов, транспарантов и иных средств наглядной агитации».[1023] Таким образом, законодатель определяет понятие пикетирования как мероприятия с участием одного гражданина, в связи с чем использование термина «одиночный пикет» представляется избыточным с точки зрения правовой терминологии.

В научной литературе отсутствует единый подход к определению правовой природы пикетирования: некоторые относят данную форму выражения мнения к разновидности мирных собраний, другие рассматривают пикетирование как проявление свободы выражения мнения, слова, мысли.[1024] В некоторых же странах пикетирование рассматривается как инструмент выражения протеста в сфере трудовых отношений и профсоюзной деятельности.[1025]

[1019] Комитет по правам человека, Заключительные замечания по третьему периодическому докладу Казахстана CCPR/C/KAZ/CO/3 (2025).

[1020] Human Rights Watch, 'World report 2024: Events of 2023' (2024), p. 356 <https://www.hrw.org/sites/default/files/media_2024/01/World%20Report%202024%20LOWRES%20WEBSPREADS_0.pdf> дата обращения: 22.03.2026.

[1021] Amnesty Organization, 'The states of the world's human rights' (2025), p. 223 <https://www.amnesty.org/en/location/europe-and-central-asia/eastern-europe-and-central-asia/kazakhstan/report-kazakhstan/> дата обращения: 22.03.2026.

[1022] БДИПЧ ОБСЕ, *Руководящие принципы по свободе мирных собраний* (2-е изд., 2011) п. 2.1.

[1023] Закон РК «О порядке организации и проведения мирных собраний в Республике Казахстан» от 25 мая 2020 года №333-VI <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2000000333>.

[1024] John Humphrey, *Political and Related Rights, in: Human Rights in International Law, Legal and Policy Issues* (ed. Theodor Meron), Clarendon Press, Oxford, 1984, Vol. I, p. 188.

[1025] UNIFOR, 'The Right to Picket Statement' <https://www.unifor.org/resources/our-resources/right-picket-statement> дата обращения: 24.03.2026.

В случае отнесения пикетирования к формам мирных собраний возникает необходимость обращения к содержанию самого понятия «собрание». В соответствии с Руководящими принципами по свободе мирных собраний Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека (далее – Руководящие принципы), собрание предполагает присутствие группы лиц, как минимум двух человек, с целью выражения общих интересов.[1026] В то же время казахстанский законодатель, включая пикетирование в систему форм мирных собраний, определяет его как форму участия одного лица. Вместе с тем, индивидуальные действия, в которых физическое присутствие одного лица является неотъемлемой частью выражения мнения, также должны быть защищены наравне с коллективными мероприятиями. Таким образом, имеет место расхождение в подходах к определению сущностных признаков мирного собрания в международном и национальном праве.

Проблемы правового регулирования пикетирования

В соответствии с казахстанским законодательством, предварительное уведомление о предполагаемом пикете необходимо направить за 5 рабочих дней до проведения мероприятия. От лица, подающего уведомление, требуется указание цели и формы мирного собрания, места проведения пикета и иной информации.[1027] С одной стороны, требование предварительного уведомления преследует законную публичную цель - информирование местного исполнительного органа о предстоящем пикете с тем, чтобы орган мог принять меры по содействию его проведению (организация необходимых ресурсов, обеспечение общественного порядка, безопасности участников и др.).[1028] В то же время, учитывая локальный, статичный и индивидуальный характер пикета, требования к сроку и объему предоставляемой информации вызывают сомнения с точки зрения соответствия критерию соразмерности.

Согласно международным стандартам, закрепленным в Руководящих принципах, обязательность уведомления оправдана лишь в той мере, в какой она позволяет государственным органам содействовать реализации права на мирные собрания и обеспечивать охрану прав и свобод третьих лиц, при этом уведомление должно носить информативный характер, а не требовать разрешения на проведение мирных собраний.[1029] Однако на практике необходимость ожидания положительного или отрицательного ответа от государственных органов искажает саму суть уведомления (информирования), тем самым превращая его в элемент разрешительного порядка. При этом также отмечается противоречивость национального законодательства, в рамках которого законность мирных собраний связывается с получением разрешения, в то время как международная практика ориентируется на мирный характер собрания как основной критерий его законности.[1030]

[1026] БДИПЧ ОБСЕ, *Руководящие принципы по свободе мирных собраний* (2-е изд., 2011) п.1.2.

[1027] Закон РК «О порядке организации и проведения мирных собраний в Республике Казахстан» от 25 мая 2020 года №333-VI <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2000000333>.

[1028] Нормативное постановление Конституционного Суда Республики Казахстан «О рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан подпунктов 2) и 3) части первой пункта 1 статьи 11 и подпункта 10) пункта 1 статьи 14 Закона Республики Казахстан от 25 мая 2020 года «О порядке организации и проведения мирных собраний в Республике Казахстан» от 20 января 2025 года №61-НП <https://adilet.zan.kz/rus/docs/S2500000061>.

[1029] БДИПЧ ОБСЕ, *Руководящие принципы по свободе мирных собраний* (2-е изд., 2011) п.2.1.

[1030] Иржанов Алимжан, «Право на мирные собрания // Имплементация норм международных договоров в области прав человека (гражданские и политические права) в законодательство Республики Казахстан: научное издание» / под ред. Р.К. Сарпекова, Ж.О. Кулжабаевой (Институт законодательства Республики Казахстан, Астана 2019), стр. 142.

Анализ зарубежной практики показывает, что подходы к регулированию пикетирования и мирных собраний в целом различаются. Так, Германия демонстрирует упрощенный и гибкий подход: положения Основного закона при проведении мирных и безоружных собраний не требуют предварительного извещения или разрешения.[1031] В Латвии законодательство о мирных собраниях также выделяет пикетирование как отдельную форму собрания, однако, в отличие от казахстанского регулирования, пикеты рассматриваются преимущественно как коллективные акции. Согласно ст. 12 Закона Латвии «О собраниях, уличных шествиях и пикетах», организатор обязан подать заявление о проведении пикета в соответствующие органы не позднее чем за 3 дня до мероприятия.[1032]

В Беларуси пикетирование также выделяется как отдельная форма индивидуальной и коллективной публичной акции. Согласно Закону «О массовых мероприятиях», для всех массовых мероприятий требуется обязательное письменное уведомление органов власти не позднее чем за 15 дней до предполагаемой даты проведения, за исключением мероприятий, связанных с избирательной кампанией, для которых срок подачи уведомления сокращен до 5 дней.[1033] Таким образом, зарубежная практика демонстрирует широкий спектр подходов к регулированию пикетов: от гибких моделей, не требующих предварительного уведомления, до более строгих требованиями к срокам уведомления.

В судебной практике фиксируются многочисленные случаи проведения несанкционированных пикетов, что во многом связано с несоблюдением установленного законодательством уведомительного порядка их проведения.[1034] В случае непредставления уведомления влечет административную ответственность в виде штрафа или административного ареста, предусмотренных Кодексом Республики Казахстан об административных правонарушениях.[1035]

Одним из факторов, затрудняющих реализацию свободы пикетирования, является наличие законодательно закрепленных требований, допускающих вариативность их толкования, и, как следствие, широкую дискрецию местных исполнительных органов при рассмотрении уведомлений о проведении пикетов. В соответствии с законодательством, на указанные органы возложена обязанность принимать решение о согласовании либо отказе в проведении пикета. При этом право на свободу мирных собраний может быть ограничено лишь в исключительных случаях, предусмотренных законом, таких как защита государственной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья или защиты прав и свобод других лиц.[1036] В этой связи значительная роль в интерпретации данных исключений принадлежит акиматам областей, городов и районов, что в отдельных случаях создает предпосылки для широкой дискреции. Согласно данным Казахстанского международного бюро по

[1031] Основной закон Федеративной Республики Германии от 23 мая 1949 года, ст. 8 <https://www.1000dokumente.de/Dokumente/Grundgesetz_für_die_Bundesrepublik_Deutschland?setlang=ru> дата обращения: 22.03.2026.

[1032] Закон Латвийской Республики «О собраниях, уличных шествиях и пикетах» от 1997 года. <https://www.rightofassembly.info/assets/downloads/1997%C2%A0Law_on_Meetings__Street_Processions_and_Pickets.pdf> дата обращения: 22.03.2026.

[1033] Закон Республики Беларусь «О массовых мероприятиях» от 30 декабря 1997 года № 114-З, ст. 6 <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h19700114> дата обращения: 22.03.2026.

[1034] См., например, решение Специализированного межрайонного суда по административным правонарушениям г. Алматы №7528-23-00-3/15231 от 7 мая 2023 года; решение Актюбинского областного суда №1599-23-00-3а/138 от 4 апреля 2023 года; решение Специализированного административного суда г. Павлодара №5512-21-00-3/7593 от 9 декабря 2021.

[1035] Кодекс об административных правонарушениях РК от 5 июля 2014 года № 235-V ст. 488 <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235>.

[1036] Закон РК «О порядке организации и проведения мирных собраний в Республике Казахстан» от 25 мая 2020 года №333-VI, ст.2 <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2000000333>.

правам человека и соблюдению законности, в правоприменительной практике фиксируются случаи отказов в проведении пикетов по различным основаниям. В частности, отмечаются ситуации, когда гражданам отказывалось в согласовании в связи с предполагаемым наличием стратегических объектов, введением специальных правовых режимов либо ссылками на занятость места проведения.[1037] Таким образом, можно констатировать, что на практике согласование проведения пикетирования с местными исполнительными органами может представлять определенные сложности.

Место проведения пикета также играет немаловажную роль поскольку основной идеей любого публичного мероприятия является донесение мнения или позиции до определенного лица, группы или организации.[1038] Правоприменительная практика в области свободы мирных собраний показывает, что предложенные местными исполнительными органами альтернативные места для проведения пикетов часто не удовлетворяют требованию «видимости и слышимости» целевой аудитории. К примеру, решением маслихата г. Семея местом проведения мирных собраний определен речной остров Бейбітшілік.[1039] В Астане одним из мест проведения мирных собраний избран сквер на пересечении проспекта Ш. Кудайбердиева и ул. А. Пушкина.[1040] Помимо того, что данный сквер находится на окраине города, он также окружен с трех сторон автомобильными магистралями и рекой. Можно предположить, что проходимость вышеназванных мест достаточно низкая, а сообщение, предназначенное для целевой аудитории, останется неуслышанным.

Необходимо отметить, что положения, регулирующие основания отказа в проведении пикетирования, собрания и митинга, а также возможность изменения места и (или) времени их проведения, являлись предметом рассмотрения Конституционного Суда Республики Казахстан на соответствие Конституции Республики Казахстан. В своей правовой позиции Суд подчеркнул необходимость соблюдения принципа пропорциональности при ограничении прав и свобод человека и гражданина.[1041] Вместе с тем, Суд ограничивается общей констатацией соразмерности соответствующих ограничений, и в меньшей степени реализует последовательное применение теста пропорциональности, в частности оценку необходимости и наличие менее ограничительных альтернатив. В свою очередь Комитет по правам человека ООН обращает внимание на недостаточную степень обоснования Казахстаном ограничений права на мирные собрания в соответствии с критериями, установленными статьей 21 Пакта.[1042] Ограничиваясь ссылками на формулировку «в интересах национальной безопасности или общественного

[1037] Свиридов Андрей, ‘Есть запрет на пикет – законных оснований нет’ (КМБПЧ, 2024) <https://bureau.kz/novosti/est-zapret-na-piket/> дата обращения: 21.03.2026.

[1038] БДИПЧ ОБСЕ, *Руководящие принципы по свободе мирных собраний* (2-е изд., 2011) п. 3.5.

[1039] Решение маслихата города Семей Восточно-Казахстанской области «Об определении специализированных мест для организации и проведения мирных собраний, порядка их использования, норм их предельной заполняемости, требований к их материально-техническому и организационному обеспечению, границ прилегающих территорий, в которых запрещено проведение пикетирования по городу Семей» от 17 июля 2020 года № 54/394-VI <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V20VB007450>.

[1040] Решение маслихата города Астаны «Об определении специализированных мест для организации и проведения мирных собраний, порядка их использования, норм их предельной заполняемости, требований к их материальному-техническому и организационному обеспечению, границ прилегающих территорий, на которых запрещено проведение пикетирования в городе Астане» от 26 декабря 2023 года № 133/16 VIII <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V23AAZ13680>.

[1041] Нормативное постановление Конституционного Суда Республики Казахстан от 20 января 2025 года №61-НП <https://adilet.zan.kz/rus/docs/S2500000061>.

[1042] *Абильдаева против Казахстана* (Комитет по правам человека, Сообщение № 2309/2013, 2019), п. 8.7.

порядка», Комитет указывает, на недостаточную конкретизацию Казахстаном обоснований в каждом конкретном случае.[1043]

Цели применения ограничений в отношении любого права, в том числе и права на мирные собрания, должны быть легитимными. Наличие формального правового основания само по себе не является достаточным для признания вмешательства допустимым. Так, в деле *Торегожина против Казахстана* Комитет по правам человека ООН признал, что отказ местных исполнительных органов в согласовании пикета, несмотря на его мирный характер, повлек нарушение права на свободу собраний, гарантированного статьей 21 Пакта.[1044] В целях минимизации подобных рисков в правоприменительной практике представляется целесообразным обеспечение более четких и прозрачных критериев для принятия решений об отказе в проведении пикетирования.

Таким образом, из особенностей пикетирования и его сравнения с другими формами мирных собраний, такими как митинги, демонстрации и шествия, следует, что необходимость в избыточном регулировании пикетов отсутствует. Митинг предполагает участие большого количества людей, использование звукоусиливающих средств и выдвижение требований (или отсутствие таковых). Демонстрация характеризуется передвижением гражданина или группы граждан, нередко с применением транспортных средств. В шествиях же заранее определен маршрут, по которому будут передвигаться граждане. Напротив, пикетирование представляет собой одиночную акцию, при которой человеку разрешается находиться в определённом месте в течение двух часов.[1045] Пикеты в системе мирных собраний занимают место наиболее безопасных публичных мероприятий, а приравнивание пикетов к митингам, демонстрациям, шествиям и собраниям представляется нецелесообразным.

Заключение

При рассмотрении правового регулирования пикетирования в Республике Казахстан с точки зрения пропорциональности ограничений, установленных Законом Республики Казахстан «О порядке организации и проведения мирных собраний в Республике Казахстан», был сделано вывод, что баланс между интересами государства и правами граждан реализуется не в полной мере. Сохраняющаяся ограничительная практика характеризуется следующими элементами:

- обязательный порядок предварительного уведомления;
- широкая дискреция местных исполнительных органов при согласовании пикетов;
- ограниченный выбор мест проведения пикетов.

Проведенный анализ показал, что пикетирование является особой формой мирных собраний, правовая природа которой в юридической доктрине остается дискуссионной ввиду ее тесной взаимосвязи с такими смежными правами, как свободой слова, выражения мнения и объединений. Учитывая такие характеристики пикета, как локальность и статичность, а также возможность его проведения одним лицом, вмешательство государства должно носить минимальный характер. Вместе с тем анализ правового регулирования и практики его применения в ряде случаев

[1043] См., например, *Джуманбаев против Казахстана* (Комитет по правам человека, Сообщение № 2308/2013, 2019), п. 9.7; *Уктешбаев против Казахстана* (Комитет по правам человека, Сообщение № 2420/2014, 2019), п. 9.7; *Инсенова против Казахстана* (Комитет по правам человека, Сообщение № 2542/2015 и 2543/2015, 2019), п. 9.8.

[1044] *Торегожина против Казахстана* (Комитет по правам человека, Сообщение № 2334/2014, 2018).

[1045] Закон РК «О порядке организации и проведения мирных собраний в Республике Казахстан» от 25 мая 2020 года №333-VI <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2000000333>.

уровень такого вмешательства не в полной мере соответствует критерию соразмерности.

В соответствии с принципом презумпции в пользу обеспечения права важнейшей обязанностью государства является создание необходимых механизмов и процедур, позволяющих обеспечить реальное осуществление свободы собраний без чрезмерного бюрократического регулирования. Можно сделать вывод о том, что действующее законодательство о мирных собраниях требует дальнейшего совершенствования.

В качестве рекомендаций предлагается упрощение процедуры уведомления, в том числе за счет сокращения сроков его подачи и исключения требований о предоставлении избыточной информации, не связанной с обеспечением безопасности участников и общественного порядка. Представляется также необходимым повышение обоснованности решений местных исполнительных органов при отказе в проведении пикетов, а также пересмотр отдельных оснований отказа с учетом специфики пикетирования как индивидуальной формы выражения мнения. Дополнительно целесообразно обеспечить условия, при которых места проведения пикетов позволяют эффективно доводить позицию до целевой аудитории.

Реализация указанных мер будет способствовать развитию диалога между гражданским обществом и государством, снижению числа несанкционированных пикетов и обеспечению активного выражения мнений, в том числе привлечению внимания к проблемам местного значения. Упрощение регулирования пикетирования также может содействовать развитию правовой культуры проведения мирных собраний и налаживанию конструктивного диалога между государством и гражданами.

Список литературы

1. Международный пакт о гражданских и политических правах, принят резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года <https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml>.

2. Комитет по правам человека ООН, Замечание общего порядка №37 (2020) о праве на мирные собрания.

3. БДИПЧ ОБСЕ, *Руководящие принципы по свободе мирных собраний* (2-е изд., 2011) п. 2.1.

4. Комитет по правам человека, Заключительные замечания по третьему периодическому докладу Казахстана CCPR/C/KAZ/CO/3 (2025).

5. Human Rights Watch, ‘World report 2024: Events of 2023’ (2024), p. 356 <https://www.hrw.org/sites/default/files/media_2024/01/World%20Report%202024%20LOWRES%20WEBSPREADS_0.pdf>.

6. Amnesty Organization, ‘The states of the world’s human rights’ (2025), p. 223 <https://www.amnesty.org/en/location/europe-and-central-asia/eastern-europe-and-central-asia/kazakhstan/report-kazakhstan/>.

7. Закон РК «О порядке организации и проведения мирных собраний в Республике Казахстан» от 25 мая 2020 года <№333-VI https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2000000333>.

8. John Humphrey, *Political and Related Rights, in: Human Rights in International Law, Legal and Policy Issues* (ed. Theodor Meron), Clarendon Press, Oxford, 1984, Vol. I, p. 188.

9. UNIFOR, ‘The Right to Picket Statement’ <https://www.unifor.org/resources/our-resources/right-picket-statement>.

10. Нормативное постановление Конституционного Суда Республики Казахстан «О рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан подпунктов 2) и 3) части первой пункта 1 статьи 11 и подпункта 10) пункта 1 статьи 14

Закона Республики Казахстан от 25 мая 2020 года «О порядке организации и проведения мирных собраний в Республике Казахстан» от 20 января 2025 года №61-НП <https://adilet.zan.kz/rus/docs/S2500000061>.

11. Иржанов Алимжан, 'Право на мирные собрания // Имплементация норм международных договоров в области прав человека (гражданские и политические права) в законодательство Республики Казахстан: научное издание' / под ред. Р.К. Сарпекова, Ж.О. Кулжабаевой (Институт законодательства Республики Казахстан, Астана 2019).

12. Основной закон Федеративной Республики Германии от 23 мая 1949 года <https://www.1000dokumente.de/Dokumente/Grundgesetz_für_die_Bundesrepublik_Deutschland?setlang=ru>.

13. Закон Латвийской Республики «О собраниях, уличных шествиях и пикетах» от 1997 года. <https://www.rightofassembly.info/assets/downloads/1997%C2%A0Law_on_Meetings__Street_Processions_and_Pickets.pdf>.

14. Закон Республики Беларусь «О массовых мероприятиях» от 30 декабря 1997 года № 114-З <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h19700114>.

15. Кодекс об административных правонарушениях РК от 5 июля 2014 года № 235-V <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235>.

16. Решение Специализированного межрайонного суда по административным правонарушениям г. Алматы №7528-23-00-3/15231 от 7 мая 2023 года; решение Актюбинского областного суда №1599-23-00-3а/138 от 4 апреля 2023 года; решение Специализированного административного суда г. Павлодара №5512-21-00-3/7593 от 9 декабря 2021.

17. Свиридов Андрей, 'Есть запрет на пикет – законных оснований нет' (КМБПЧ, 2024) <https://bureau.kz/novosti/est-zapret-na-piket/>.

18. Решение маслихата города Семей Восточно-Казахстанской области «Об определении специализированных мест для организации и проведения мирных собраний, порядка их использования, норм их предельной заполняемости, требований к их материально-техническому и организационному обеспечению, границ прилегающих территорий, в которых запрещено проведение пикетирования по городу Семей» от 17 июля 2020 года № 54/394-VI <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V20VB007450>.

19. Решение маслихата города Астаны «Об определении специализированных мест для организации и проведения мирных собраний, порядка их использования, норм их предельной заполняемости, требований к их материальному-техническому и организационному обеспечению, границ прилегающих территорий, на которых запрещено проведение пикетирования в городе Астане» от 26 декабря 2023 года № 133/16 VIII <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V23AAZ13680>.

20. *Торегожина против Казахстана* (Комитет по правам человека, Сообщение № 2334/2014, 2018).

21. *Абильдаева против Казахстана* (Комитет по правам человека, Сообщение № 2309/2013, 2019).

22. *Джуманбаев против Казахстана* (Комитет по правам человека, Сообщение № 2308/2013, 2019); *Уктешбаев против Казахстана* (Комитет по правам человека, Сообщение № 2420/2014, 2019); *Инсенова против Казахстана* (Комитет по правам человека, Сообщение № 2542/2015 и 2543/2015, 2019).

Уқасова Аида Ескендірқызы
«Құқықтану» білім беру бағдарламасының
2 курс магистранты
Құқық Жоғары мектебі, Maqsut Narikbayev University
e-mail: aida_ukassova@kazguu.kz

ЖЫНЫСТЫҚ ҚУДАЛАУДЫ АЖЫРАТА БІЛУ

Аңдатпа

Зерттеуде жыныстық қудалау мәселелері айтылады. Халықаралық тәжрибелер негізі де мысал болады. Атап айтқанда, Халықаралық әйелдерге қарсы кемсітушілікті жою туралы конвенция (CEDAW), ХЕҰ конвенциясы, сондай-ақ Еуропалық Одақ директивалары талданады. Бұл құжаттар жыныстық қудалауға қарсы құқықтық база қалыптастырудағы негізгі стандарттар ретінде бағаланады және олардың Қазақстан жағдайына бейімделу мүмкіндіктері зерттеледі. Сонымен қатар АҚШ, Еуропалық Одақ елдері, Франция және Скандинавия елдерінің құқықтық тәжірибесі салыстырмалы түрде қарастырылады. Бұл тәжірибе құқықтық нормаларды іске асырудың институционалдық құрылымдарын, әлеуметтік қорғау механизмдерін және алдын алу шараларын қамтиды. Мақалада әр елдің тәжірибесі әлеуметтік-экономикалық және мәдени ерекшеліктер тұрғысынан талданып, Қазақстандағы құқықтық және әлеуметтік контекстке қаншалықты сәйкес келетіндігі бағаланады. Зерттеу нәтижесінде Қазақстанға енгізуге жарамды және жарамсыз үлгілер айқындалып, құқықтық базаны жетілдіру, институционалдық құрылымдарды дамыту және жәбірленушілерді қорғау жүйесін күшейту бойынша нақты ұсыныстар жасалды.

Кілт сөздер: жыныстық қудалау, халықаралық құқық, профилактика, гендерлік теңдік, еңбек құқығы, әлеуметтік қолдау, CEDAW.

Аннотация

В исследовании рассматриваются вопросы сексуального домогательства. В качестве примера приводится международный опыт. В частности, анализируются Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW), конвенция МОТ, а также директивы Европейского союза. Данные документы оцениваются как основные стандарты формирования правовой базы противодействия сексуальному домогательству, и исследуются возможности их адаптации к условиям Казахстана. Кроме того, в сравнительном аспекте рассматривается правовой опыт США, стран Европейского союза, Франции и скандинавских стран. Этот опыт охватывает институциональные структуры реализации правовых норм, механизмы социальной защиты и превентивные меры. В статье опыт каждой страны анализируется с точки зрения социально-экономических и культурных особенностей и оценивается степень его соответствия правовому и социальному контексту Казахстана. По результатам исследования выявлены модели, применимые и неприменимые для внедрения в Казахстане, а также сформулированы конкретные рекомендации по совершенствованию правовой базы, развитию институциональных структур и укреплению системы защиты пострадавших.

Ключевые слова: сексуальное домогательство, международное право, профилактика, гендерное равенство, трудовое право, социальная поддержка, CEDAW.

Abstract

This study addresses the issue of sexual harassment. International experience serves as a basis for comparison. In particular, the Convention on the Elimination of All

Forms of Discrimination against Women (CEDAW), the ILO Convention, and European Union directives are analysed. These instruments are assessed as key standards for establishing a legal framework to combat sexual harassment, and the possibilities of their adaptation to the context of Kazakhstan are examined. In addition, the legal experience of the United States, European Union countries, France, and the Scandinavian countries is considered from a comparative perspective. This experience encompasses the institutional structures for implementing legal norms, social protection mechanisms, and preventive measures. The article analyses the experience of each country through the lens of socio-economic and cultural specificities and evaluates the extent to which it is compatible with the legal and social context of Kazakhstan. Based on the findings, models that are and are not suitable for implementation in Kazakhstan are identified, and specific recommendations are formulated for improving the legal framework, developing institutional structures, and strengthening the system of protection for victims.

Keywords: sexual harassment, international law, prevention, gender equality, labour law, social support, CEDAW.

Кіріспе

Жыныстық қудалауды кемсітушілік немесе буллингтен ажырату үшін, ең алдымен жыныстық қудалауды түсіндіретін болсақ, жыныстық қудалау- ол жеке тұлғаның ар- намысына және қадір-қасиетіне нұқсан келтіретін, ұялту, қолайсыздық пен ыңғайсыздықты тудыратын әрекеттер. Ол еңбек қатынастарында, қоғамдық орындарда, оқу орындарында вербалды немесе вербалды емес әлеуметтік-құқықтық құбылыс [1][1046]. Халықаралық тәжірибеде жыныстық қудалау жеке құқықтардың бұзылуы деп белгіленді. Және де онымен күресу бойынша басты мақсат болып табылады. Қазіргі таңда жыныстық қудалау адамның құқықтарын ғана бұзбай, қоғамда теңсіздік, тәрбиесіздік, мәдениеттегі бұзушылықтарға әкеледі. БҰҰ-ның ұсынысы тәжірибесіне сәйкес, жыныстық қудалаумен күресу мақсатында құқықтық нормалармен қатар, қоғамдық мәдениетті, білім беру жүйесіндегі қатал тәртіптікті, алдын ала шараларды алу мақсатында кешенді саясаттың қажет екендігін білдірді[1047].

Жыныстық қудалаудың түсінігі

Жыныстық қудалау адамның қадір-қасиетіне тікелей байланысты, дәл осындай әрекеттер адамның қадір қасиетін таптау, оны тұлға ретінде кемсіту болып табылады. Кез келген адамның нәсіліне, дініне, жынысына, саяси көзқарасына қатысты құқықтары тең болып келеді. Осы тұжырымға байланысты, жыныстық қудалаудың құрбандарын қорғау маңызды, себебі жоғарыда келтірілген әрекеттер жынысқа негізделген кемсітушіліктің бірі болып табылады. Жыныстық қудалау әрекеттерін танып, дәлелдеу қиын. Себебі, осы әрекеттер вербалды және вербалды емес болады. Яғни, ол жерде тікелей келемештеу, ұялту мен ыңғайсыздық тудыру мақсатында жасалатын жыныстық астары бар әрекетер. Кейбір жағдайда, вербалды емес әрекеттерді қошемет сөздер деп атайды. Алайда, ілтипаттар жеке адамның кеңестігі мен этикалық шекаралардан өтпеуі керек. Мысалы, айтылған әнгіме немесе баяндалған пікір мен сөздер жеке адамға қобалжу мен жағымсыз әсер етсе, адамның қадір-қасиеті тапталса, ол жай ғана сөздер мен іс әрекеттер болмайды. Себебі, екінші тараптың шекараларын өтеді.[1048]

Жыныстық қудалауға тыйым салудың халықаралық құқықтық аспектілері

Жыныстық қудалау халықаралық құқықта жеке емес, адамның негізгі құқықтарын бұзумен байланысты әлеуметтік маңызды мәселе ретінде қарастырылады. Адам құқықтарының жалпыға бірдей декларациясы (1948) әр

[1046] https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml

[1047] The Universal Declaration of Human Rights (UDHR) https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights

адамның бостандыққа, жеке басына қол сұғылмаушылық пен қадір-қасиетке құқығын бекітеді (1,2-бап)[3][1049]. БҰҰ-ның Әйелдерге қатысты кемсітушіліктің барлық түрлерін жою туралы Конвенциясы (CEDAW, 1979) мемлекеттерді жыныстық қудалауды қоса алғанда, оның барлық көріністерінде жыныстық кемсітушіліктің алдын алуға тікелей міндеттейді [4][1050]. № 19 (1992) бас ұсыныста CEDAW комитеті жұмыстағы жыныстық қудалау кемсітушіліктің бір түрі және әйелдердің тең еңбек жағдайларына құқығын бұзу болып табылады деп түсіндірді. Экономикалық, әлеуметтік және мәдени құқықтар туралы халықаралық пакт (1966) (7-бап) әркімнің зорлық-зомбылық пен қысымнан арылған қауіпсіз еңбек жағдайларына құқығын бекітеді [5][1051]. ХЕҰ-ның «Еңбек саласындағы зорлық-зомбылық және қудалау туралы» (2019) №190 конвенциясы алғаш рет халықаралық деңгейде мемлекеттердің еңбек саласындағы зорлық-зомбылық пен қудалаудың кез келген түрлерімен күресу міндеттемесін бекітті. М.Адатти атап өткендей бұл конвенция тарихи қадам болды, өйткені ол қудалауды тек еңбек ретінде ғана емес, сонымен бірге адам құқығын қорғау мәселесі ретінде де мойындады. Ғалымдар сонымен қатар халықаралық құжаттардың маңыздылығын атап көрсетеді. Сонымен, заңгер Л.А.Лихачева былай деп жазады: «Бұл жыныстық қудалауды моральдық категориядан заңды түрде бекітілген құқық бұзушылыққа айналдырып, ұлттық құқықтық жүйелер үшін векторды белгілеген халықаралық құқық нормалары» [6][1052]. Осылайша, халықаралық-құқықтық актілер мемлекеттердің өз заңдарын әзірлеу кезінде бағдарланатын негізін құрайды. Қазақстан үшін CEDAW және ХЕҰ-ның №190 Конвенциясы маңызды болып табылады, өйткені олар жұмыс орнында қорғау стандарттарын белгілейді және қауіпсіз еңбек ортасына құқықты бекітеді.

Жыныстық қудалаудың алдын алу механизмдері

Халықаралық тәжірибе жыныстық қудалау фактілеріне жауап беріп қана қоймай, олардың ықтималдығын төмендетуге мүмкіндік беретін бірнеше тұрақты механизмдерді әзірледі.

1. Заңнамалық тыйымдар. Ең бірінші тетігі ол жыныстық қудалауға тікелей тыйым салу заңдарында шоғырландыру. АҚШ пен ЕО-да бұл кемсітушілікке қарсы заңнамада бекітілген. Франция мен Оңтүстік Кореяға келсек, қылмыстық кодексте және арнайы теңдік заңдарында көрсетілген. [7][1053]

2. Институционалдық механизмдер. Екінші негізгі элемент-шағымдарды қарайтын арнайы органдар, комиссиялар болып табылады. АҚШ-та бұл EEOC (Equal Employment Opportunity Commission), ЕО-ның бірқатар елдерінде ұлттық теңдік комиссиялары құрылды. Осыған орай, белгілі бір мәселелер бойынша қарастырылатын органдардың болуы бір мәселенің алдын алуы деп білем. Себебі, мемлекеттік емес ұйымдарға жүгінген сенімдірек немесе ашық емес[8][1054].

3. Корпоративтік саясат және мінез-құлық кодекстері. Халықаралық тәжірибеде жұмыс орнында, белгілі бір жұмыстан немесе оқу ұйымдары ішкі құжат арқылы тәртіп және этика ережелерін ұсынады: қудалауға тыйым салу, шағымдарды қарау рәсімдері, құқық бұзушыларға арналған шаралар[9].

[1049] https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/convention-elimination-all-forms-discrimination-against-women

[1050] https://www.un.org/womenwatch/daw/cedaw/recommendations/recomm.htm

[1051] https://parliament.gov.fj/wp-content/uploads/2020/03/ILOC190-Violence-and-Harassment-Convention-2019.pdf

[1052] J Brake, 'Sexual Harassment Law in the United States: An Overview' (2019) 1 University of Chicago Legal Forum 15.

[1053] Л А Лихачёва, 'Международные правовые стандарты противодействия сексуальным домогательствам' (2021) 3 Право и политика 55.

4. Білім беру бағдарламалары мен тренингтер. Ең оңай тетектің бірі ол – психологиялық. Яғни, түрлі тақырыптарға байланысты тренингтер мен оқылымдардың болуы мәселенің барын білдіреді. Жеке адамның санасына жыныстық қудалаудың алдын алуына көмектеседі. Мысалы, Швеция мен Норвегия елдерінде өздерінің қызметкерлер үшін арнайы әрі жиі оқылымдар мен семинарларды өткізуге міндеттейді. Осыған байланысты, психолог Э.Бердахльдің айтуынша алдын алу оқылымдары қызметкерлердің жеке құқықтар мен шекараларын нығайту үшін де керек етеді[10].

5. Құрбандарды қолдау. Алдын алудың маңызды бөлігі зардап шеккендерге көмек көрсету жүйесі. Олар сенім телефондары (мысалы, интернеттегі қудалау үшін АҚШ-тағы CyberTipline); дағдарыс орталықтары (Норвегия, Нидерланды); тегін заң көмегі (ЕО). Әлеуметтанушы М. Г. Жұматаеваның айтуынша егер жәбірленуші қолдау мен қорғауды сезінбесе, ол қудалау фактісі туралы аз хабарлайды, бұл мәселенің кешігуіне ықпал етеді. Қудалаудың алдын алудың тиімді жүйесі біріктірілуі керек: құқықтық база (тыйым салу және жазалау), шағымдарға арналған институттар, ұжымдық оқылымдар мен арнайы шаралар, білім беру бағдарламалары[11].

Анна Белоусова ісі Қазақстан Республикасындағы гендерлік кемсітушілік пен жыныстық қудалау істерін қарау жүйесіндегі елеулі олқылықтарды көрсеткен мысалдардың бірі болып табылады. Бұл іс 2011 жылы Қостанай облысының Рудный қаласында басталды. Белоусова бастауыш мектепте техникалық қызметкер болып істеген, ал мектепке жаңа директор тағайындалғаннан кейін оның қызметтік жағдайы күрт өзгерді. Жаңа басшы тарапынан оған жыныстық сипаттағы қорлау мен қысым көрсету белгілері байқалды.

2011 жылдың қаңтар айында директор А. Белоусованы өз кабинетіне шақырып, оған интимдік ұсыныс жасағаны белгілі болды. Бұл жағдайды ол тікелей немесе жанама түрде білдіріп, әйелдің жұмыс орнында қалуы оның бұл ұсынысты қабылдауына байланысты екенін тұспалдаған. Белоусова бұл ұсынысты үзілді-кесілді қабылдамай, өз құқығын қорғау жолдарын іздей бастайды. Осыдан кейін басшы тарапынан оған психологиялық қысым жасалып, қосымша қызметтер атқаруға мәжбүрлеу әрекеттері байқалған. Мамыр айында Белоусова басшының тағы да ақша талап еткенін, егер ол 10 000 теңге бермесе, жұмыстан босатылатынын айтқанын хабарлаған. Әйел бұл әрекеттерді еңбек және адам құқықтарына қарсы деп танып, тиісті органдарға арызданды. 13 маусым 2011 жылы ол Рудный қалалық ішкі істер басқармасына жыныстық қудалау және пара талап ету фактілері бойынша ресми шағым түсіреді. Алайда тергеу органдарының әрекеттері жеткілікті дәрежеде жан-жақты болмады. 21 маусым күні тергеуші қылмыстық іс қозғаудан бас тарту туралы шешім қабылдаған. Тергеу барысында екі куәгердің Белоусова мен директор арасындағы әңгімеден интимдік мазмұндағы сөздерді естіген адамдардың айғақтары назарға алынбаған. Бұл шешім Белоусова тарапынан прокуратураға шағымдануға себеп болды. Рудный қалалық прокуратурасы іс материалдарын қайта қарау үшін ішкі істер басқармасына қайтарғанымен, 16 тамыз 2011 жылы сол баяғы тергеуші қайтадан қылмыстық іс қозғаудан бас тартты. Мұндай қайталама шешім әйелдің әділ тергеуге деген сенімін әлсіретті. Белоусова өз құқығын қорғау мақсатында ары қарай да шағымдануын жалғастырды, бірақ нәтижесінде жергілікті және облыстық деңгейдегі барлық инстанциялар оның шағымын негізсіз деп таныды. А. Белоусованы өзіне жала жапты деп айыптап, оған қарсы азаматтық талап арыз түсірді. 26 шілде 2011 жылы Рудный қалалық соты Белоусованың директорға қатысты айтқан мәлімдемелерін шындыққа сәйкес келмейді деп танып, оған моральдық өтемақы ретінде 1 теңге төлеуге және бүкіл мектеп ұжымының алдында кешірім сұрауға міндеттеді. Мұндай шешім әйелге моральдық тұрғыда ауыр соққы болды, себебі ол өзін жәбірленуші деп санағанымен, керісінше айыпталушы ретінде танылды.

Прокуратура мен сот органдары оның ұсынған аудиожазбаны ресми түрде сараптамадан өткізуден бас тартты. Белоусованың өтінішімен куәгерлердің көрсетпелері де ескерілмеді. Мемлекеттік органдар бұл істі формальды түрде қарап, жыныстық қудалау фактісін дәлелдеуге бағытталған нақты тергеу әрекеттерін жүргізген жоқ. Бұл жағдай Қазақстанның сол кездегі құқықтық жүйесінде әйелдердің еңбек орнындағы жыныстық зорлық немесе қудалау жағдайларында қорғану тетіктерінің әлсіз екенін көрсетті. Белоусова өз ісінің әділ қаралмағанын дәлелдеу мақсатында 2012 жылы жоғары тұрған мемлекеттік органдарға, соның ішінде Бас прокуратураға жүгінеді. Алайда 24 тамыз 2012 жылы Қазақстан Республикасының Бас прокуратурасы оның арызын қарастырып, қылмыстық іс қозғаудан бас тарту туралы шешім қабылдайды. Прокуратура өз шешімін «қылмыс құрамының болмауымен» түсіндірді және жәбірленушіге жыныстық қудалау ісін тек жеке айыптау тәртібімен (яғни жеке тұлғаның арызы негізінде сотқа) қозғауға болатынын хабарлаған. Бұл жағдай іс жүзінде әйелдің өз құқығын қорғау мүмкіндігін шектеді. Себебі, ұлттық заңнамаға сәйкес, жеке айыптау ісін қозғау үшін арыз беруші тұлға жалған мәлімет ұсынған жағдайда қылмыстық жауапкершілікке тартылатыны туралы міндетті түрде қолхат жазуы тиіс болатын (ҚР ҚК 351-бабы). Белоусова мұндай талап оның қауіпсіздігі мен психологиялық жағдайына қауіп төндіретінін, әрі бұрынғы тергеулердің барлығы оның сөзін терістегенін ескеріп, жеке айыптау ісін қозғауға батылы жетпегенін түсіндірген. Бұдан бөлек, Рудный қалалық сотының шешімінен кейін Белоусова моральдық және психологиялық тұрғыдан күйзеліске түсті. 2012 жылдың наурыз айында ол Рудный қаласындағы әйелдерге арналған дағдарыс орталығына жүгініп, психологиялық көмек алды. Дәрігерлер оған «депрессия және посттравматикалық стресс бұзылысы» диагнозын қойған. Бұл оның кәсіби және әлеуметтік өміріне елеулі әсер етті.Қазақстандағы сот жүйесінің шешімдері Белоусованың ісінде тек жекелеген адам мен жұмыс беруші арасындағы еңбек дауы ретінде қарастырылды. Ал шын мәнінде, бұл іс еңбек қатынастарындағы гендерлік теңсіздіктің, әйелдердің қауіпсіз еңбек жағдайына және қадір-қасиетке құқылы болу принципінің бұзылғанының көрінісі еді. Мемлекеттік органдардың әрекетсіздігі мен соттардың формалды шешімдері әйелдердің мұндай жағдайларда құқықтық қорғанысының жеткіліксіз екенін көрсетті. Қазақстанда жыныстық қудалауға қарсы нақты заңның болмауының салдарын айқын көрсетті. Тергеушілер мен прокурорлар әрекеттерді қылмыстық кодекстегі «жыныстық сипаттағы әрекеттерге мәжбүрлеу» немесе «қызметтік өкілеттігін асыра пайдалану» баптары аясында қарастырмады. Осы себепті, істе жәбірленуші тараптың қорғау тетіктері толық іске қосылған жоқ. Бұл істің тағы бір маңызды қыры сот процесі кезінде әйелдің әлеуметтік мәртебесінің және тұрғылықты жерінің әсері. Белоусова ауылдық жерде тұратын, төмен жалақы алатын қызметкер болғандықтан, оның сөзі мен дәлелдері лауазымды тұлғаның беделінен төмен бағаланған. Мұндай жағдайлар Қазақстандағы әлеуметтік және гендерлік теңсіздіктің сот тәжірибесіне де ықпал ететінін көрсетеді[1055].

2013 жылы Белоусова өз ісін халықаралық деңгейде қарауға шешім қабылдап, БҰҰ Әйелдерге қатысты кемсітушілікті жою комитетіне (CEDAW) шағым түсірді. Бұл қадам Қазақстандағы әйелдердің құқықтарын қорғау жүйесіндегі ішкі құралдардың тиімсіздігін дәлелдейтін маңызды сәт болды. 2013 жылы Анна Белоусова өз ісін халықаралық деңгейде қарауға шешім қабылдап, БҰҰ-ның Әйелдерге қатысты кемсітушілікті жою комитетіне (CEDAW) ресми шағым жіберді. Бұл қадам оның өз елінде әділдікке қол жеткізе алмағанының айғағы еді. Ол шағымында Қазақстан Республикасы Конвенцияның 2(e), 5(a), 11 және 14-баптарын бұзды деп көрсетті.CEDAW комитеті істі қабылдап, ұзақ талқылаудан кейін 2015 жылы өз

[1055]https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CEDAW%2FC%2F61%2FD%2F45%2F2012&Lang=ru

қорытындысын жариялады. Комитеттің шешіміне сәйкес, Қазақстан Республикасының құқық қорғау және сот органдары Белоусованың шағымын тиісті деңгейде қарамаған, оның дәлелдеріне назар аудармаған және гендерлік дискриминация фактісін елемеген. Комитет бұл істі әйелдердің еңбек саласында жыныстық қудалауға ұшыраған кезде құқықтық қорғаныссыз қалатынының айқын дәлелі ретінде бағалады.Комитеттің пікірінше, Қазақстанның заңнамасы мен құқық қорғау тәжірибесі әйелдерді жыныстық қудалаудан қорғауға жеткілікті кепілдік бермеген. Атап айтқанда, елде жыныстық қудалауға нақты тыйым салатын кешенді заң болмаған, ал қолданыстағы қылмыстық және әкімшілік нормалар бұл құбылысты жыныстық зорлық немесе қызмет бабын асыра пайдалану ретінде ғана сипаттаған. [1056][13]

CEDAW комитеті Қазақстан билігіне бірнеше маңызды ұсыныстар берді:

Жыныстық қудалауға нақты анықтама енгізіп, оны еңбек заңнамасына және қылмыстық құқыққа қосу;

Мұндай істер бойынша арнайы тергеу және сот процедураларын енгізу;

Әйелдердің өз құқықтарын қорғау кезінде кек алу қаупінен қорғалуы үшін қауіпсіз шағымдану тетіктерін қалыптастыру;

Судьялар мен прокурорларға гендерлік теңдік және әйелдер құқығы мәселелері бойынша тұрақты оқыту жүйесін енгізу.

Бұл ұсыныстар Қазақстан үшін халықаралық сын және ішкі құқықтық реформаларға түрткі болды. Белоусова ісі ұлттық заңнамадағы жыныстық қудалау мәселесінің нақты реттелмегенін, сондай-ақ сот жүйесінде гендерлік сезімталдықтың жоқтығын ашық көрсетті.

Комитеттің шешімінен кейін, Қазақстан қоғамында және құқық қорғау саласында жыныстық қудалауға қарсы заң қажет екендігі туралы пікірталастар күшейді. 2020–2023 жылдары заңнамада әйелдерге қатысты зорлық-зомбылық және еңбек қатынастарындағы этикалық нормалар мәселелерін күшейтуге бағытталған бірқатар өзгерістер енгізілді.

Дегенмен, сарапшылардың пікірінше, Белоусова ісінің мәні тек бір әйелдің құқығын қорғау емес, тұтас құқықтық мәдениет пен гендерлік әділеттіліктің деңгейін көрсететін индикаторға айналды. Бұл іс Қазақстанның халықаралық аренада өз міндеттемелерін орындау деңгейін айқындап берді. Анна Белоусова ісі Қазақстан Республикасындағы жыныстық қудалау мен гендерлік кемсітушілік істерін қарау жүйесіндегі құрылымдық проблемаларды айқын көрсеткен маңызды құқықтық прецедент болып табылады. Бұл іс жеке еңбек дауы ретінде басталғанымен, іс жүзінде әйелдердің еңбек саласындағы қауіпсіздігіне, қадір-қасиетіне және тең құқықтарына қатысты жүйелі олқылықтарды ашып берді. Мемлекеттік органдар мен соттардың әрекеттері жыныстық қудалауды дербес құқық бұзушылық ретінде бағалауға дайын еместігін көрсетті. Ұлттық деңгейде тергеу және сот органдары істі формальды түрде қарап, жыныстық қудалаудың мәнін ашуға бағытталған тиімді процессуалдық әрекеттер жүргізбеді. Белоусованың ұсынған дәлелдері, соның ішінде куәгерлердің көрсетпелері мен аудиожазба, тиісті деңгейде бағаланбады. [1057]Нәтижесінде жәбірленуші құқықтық қорғау орнына моральдық және психологиялық қысымға ұшырап, керісінше айыпталушы рөлінде қалды. Бұл жағдай Қазақстандағы құқық қолдану тәжірибесінде жәбірленушіге бағдарланған тәсілдің қалыптаспағанын көрсетеді.

CEDAW комитетінің бұл іс бойынша қабылдаған шешімі Қазақстан Республикасының халықаралық міндеттемелерін орындауында елеулі кемшіліктер бар екенін растады. Комитет ұлттық заңнамада жыныстық қудалауға нақты

[1056]https://brill.com/previewpdf/view/journals/ilrc/2/3/article-p363_12.xml?srsltid=AfmBOopYXtXYcXZEvVu9tt7sQFpIm6WzSDHXIXGmzO6S2EobyteBR9aT
[1057]https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P1100001064

анықтаманың болмауын, сондай-ақ құқық қорғау органдары мен соттардың гендерлік сезімталдық танытпағанын атап өтті. Белоусова ісі халықаралық деңгейде Қазақстандағы ішкі құқықтық қорғау құралдарының тиімсіздігін дәлелдеген мысалға айналды. Бұл іс жыныстық қудалауды тек моральдық немесе тұрмыстық мәселе ретінде емес, адам құқықтарын бұзудың бір түрі ретінде қарастыру қажеттігін көрсетті. Сонымен қатар, ол әлеуметтік мәртебе, қызметтік иерархия және гендерлік факторлардың сот шешімдеріне ықпал ететінін айқын аңғартты. Мұндай жағдайлар әйелдердің өз құқықтарын қорғауға деген сенімін әлсіретіп, құқықтық үнсіздікке алып келеді. [14][1058]

Қорытындылай келе, Анна Белоусова ісі Қазақстанда жыныстық қудалауға қарсы кешенді және нақты заңнамалық реттеудің қажеттігін дәлелдейді. Бұл іс ұлттық құқықтық жүйені халықаралық стандарттармен үйлестірудің, жәбірленушілерді қорғаудың қауіпсіз тетіктерін енгізудің және құқық қорғау органдары мен судьялар үшін гендерлік мәселелер бойынша жүйелі оқытудың маңызын көрсетеді. Осы тұрғыдан алғанда, Белоусова ісі Қазақстандағы жыныстық қудалауға қарсы құқықтық реформалардың негіздемесі әрі ескерту сигналы ретінде бағалануы тиіс. [15][1059]

Кесте 1. Әртүрлі елдердің модельдерін салыстыру және Қазақстан контекстіндегі қолдану мүмкіндіктері

Ел	**Негізгі модель**	**Күшті жақтары**	**Әлсіз жақтары**	**Әлеуметтік-экономикалық факторлар**	**Құқықтық факторлар**	**Қазақстанға қолдануы**
АҚШ	Кемсітушілікке қарсы заң (Title VII), EEOC комиссиялары	Тәуелсіз орган (EEOC), нақты рәсімдер	Жасырындық жоғары, құқықтық сауаттылықты қажет етеді	Қымбат институционалдық жүйе, дамыған құқықтық мәдениетті талап етеді	Дамыған сот тәжірибесі, прецеденттік құқық	Ішінара қолдануы мүмкін – омбудсмен жанынан тәуелсіз комиссия құруға болады
ЕО (жалпы модель)	2006/54/ЕС директивасы, корпоративтік кодекстер	Жүйелі тәсіл: заң және жұмыс берушінің міндеттері	Бақылаусыз кодекстер формалды сипат алуы мүмкін	Бизнестің қосымша шығындары (кодекстер, тренингтер)	Директиваларды ұлттық құқыққа енгізу міндетті	Толық қолдануға болады – корпоративтік кодекстерді енгізу жеңіл
Франция	Қылмыстық жауапкершілік (ҚК	Қатаң алдын алу әсері, жазалау	Дәлелдеу қиындығы, сот жүктемесі	Мемлекет үшін сот шығындары жоғары	Гендерлік мәселелерге бейімделген	Ішінара қолдануы мүмкін – ҚР ҚК

[1058] https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml
[1059] https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/womendiscrim_prot.shtml

	222-33-бап)				қылмыстық құқық	күшейту, бірақ жәбірленушіні қолдау қажет
Оңтүстік Корея	Мемлекеттік бақылау, қатаң санкциялар	Жылдам нәтижелер, компаниялардың жауапкершілігі	Бизнестің қарсылығын туғызуы мүмкін	Ұйымдар үшін әкімшілік шығындар жоғары	Қатаң еңбек құқығы, мемлекеттік қадағалау	Шектеулі қолданылуы мүмкін – госсекторда, бірақ жеке бизнесте қиын

Қорытынды және ұсыныстар

Казіргі қоғамда жыныстық қудалау (харассмент) мәселесі адам құқықтарын қорғау саласындаты ең күрделі әрі толық шешімін таппаған проблемалардын бірі болып отыр. Бұл құбылыс көбінесе жұмыс орнында, қызметтік тәуелділік пен иерархия жағдайында көрініс табады. Мұндай жағдайда жәбірленуші өзінің кадір-касиетіне нұқсан келгеніне қарамастан, құқық қорғау органдарына жүгінуге немесе заңды тетіктерді пайдалануға әрдайым дайын бола бермейді. Бұған қорқыныш, сенімсіздік, сондай-ак нақты құқықтық механизмдердің болмауы себеп болады.

Біріккен Ұлттар Ұйымының құжаттарында, CEDAW Конвенциясында, сондай-ақ Халыкаралық еңбек ұйымының актілерінде харассментке қарсы күрестің негізгі кағидаттары айқын көрсетілген. Бұл құжаттарда жыныстық қудалауға нақты анықтама беріліп, алдын алу жене жәбірленушіні қорғау шаралары жүйелі түрде қарастырылады. Көптеген мемлекеттер осы халыкаралық стандарттарға сүйене отырып, арнайы заңдар қабылдаған немесе ұлтық занамаларын жетілдірген.

Ал Казакстан Республикасында жыныстық құдалауға қатысты құкықтық реттеу жеткілікті деңгейде қалыптаспаған деп айтуға негіз бар. Қолданыстағы заңнамаларда «харассмент» ұғымы тікелей бекітілмеген, ал мұндай әрекеттер көбінесе басқа құқық бұзушылықтар шеңберінде бағаланады. Мысалы, жыныстық қудалау фактілері әкімшілік құқық бұзушылық немесе жалпы сипаттағы қылмыстық баптар арқылы сараланады. Бұл тәсіл мәселенің накты мазмұнын ашпайды және жәбірленушінің мүддесін толық қорғауға мүмкіндік бермейді.

Тәжірибе көрсеткендей, Қазақстанда жыныстық қудалау жағдайларынын едәуір бөлігі ресми турде тіркелмейді. Көп жағдайда мұндай әрекетер «калыты жағдай» ретінде қабылданып, құқықтық бағасыз калады. Бул тек заннамалық олкылыктардын емес, сонымен катар құқықтык мәдениетін төмен деңгейінін де көрінісі. Осындай жағдайларда халықаралық тәжірибені зерттеп, оны ұлтық құқықтық жүйеге бейімдеу кажеттілігі туындайды. Балалар мен ересектерге қатысты жыныстық қудалауды шектеу халықаралық құқықтық актілерде негізгі адам құқығы ретінде қарастырылады. АҚШ, ЕО, Франция, Скандинавия елдері және Оңтүстік Корея тәжірибесі көрсеткендей, тиімді алдын алу жүйесі тек қылмыстық жазалауға ғана емес, сонымен бірге профилактикаға, корпоративтік мәдениетке және жәбірленушілерді қолдауға негізделуі тиіс.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Всеобщая декларация прав человека, принята резолюцией 217 A (III) Генеральной Ассамблеи ООН (10 декабря 1948 года) https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.
2. Universal Declaration of Human Rights (UN General Assembly, 10 December 1948) https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights.
3. Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women (adopted 18 December 1979, entered into force 3 September 1981) 1249 UNTS 13 https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/convention-elimination-all-forms-discrimination-against-women.
4. Committee on the Elimination of Discrimination against Women, General Recommendation No 19: Violence against Women (1992) https://www.un.org/womenwatch/daw/cedaw/recommendations/recomm.htm.
5. International Labour Organization, Convention No 190 concerning the Elimination of Violence and Harassment in the World of Work (adopted 21 June 2019, entered into force 25 June 2021) https://parliament.gov.fj/wp-content/uploads/2020/03/ILOC190-Violence-and-Harassment-Convention-2019.pdf.
6. J Brake, 'Sexual Harassment Law in the United States: An Overview' (2019) 1 University of Chicago Legal Forum 15.
7. Л А Лихачёва, 'Международные правовые стандарты противодействия сексуальным домогательствам' (2021) 3 Право и политика 55.
8. А Ю Куликова, 'Сексуальные домогательства как форма дискриминации: правовые аспекты' (2020) 7 Журнал российского права 98.
9. C Mazur, 'Sexual Harassment as a Criminal Offence in France' (2020) 27(4) European Journal of Women's Studies 456.
10. H Einarsdóttir, 'Gender Equality and Workplace Culture in Scandinavia' (2019) 37(3) Nordic Journal of Human Rights 211.
11. E Berdahl, Workplace Harassment Prevention: The Role of Training Programs (Nordic Institute of Psychology 2018).
12. М Г Жуматаева, 'Гендерлік зорлық-зомбылық және әлеуметтік қолдау тетіктері' (2022) 1(58) ҚазҰУ Хабаршысы. Әлеуметтану сериясы 34.
13. Committee on the Elimination of Discrimination against Women, Views on Communication No 45/2012 (Anna Belousova v Kazakhstan) CEDAW/C/61/D/45/2012 (2015) https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CEDAW%2FC%2F61%2FD%2F45%2F2012&Lang=ru.
14. Әйелдерге қатысты кемсітушіліктің барлық түрін жою туралы конвенция (CEDAW), БҰҰ Бас Ассамблеясының №34/180 қарарымен қабылданған (18 желтоқсан 1979 жыл) https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml.
15. Әйелдерге қатысты кемсітушіліктің барлық түрін жою туралы конвенцияға факультативтік хаттама, БҰҰ Бас Ассамблеясының №54/4 қарарымен қабылданған (6 қазан 1999 жыл) https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/womendiscrim_prot.shtml.
16. Әйелдерге қатысты кемсітушіліктің барлық түрін жою жөніндегі комитет, №19 жалпы ұсыным: Әйелдерге қатысты зорлық-зомбылық (БҰҰ, 1992) https://www.un.org/womenwatch/daw/cedaw/recommendations/recomm.htm.
17. Әйелдерге қатысты кемсітушіліктің барлық түрін жою жөніндегі комитет, №28 жалпы ұсыным: Конвенцияның 2-бабына және мемлекеттердің міндеттемелеріне қатысты түсіндірме (БҰҰ, 2010).
18. Human Rights Watch, Kazakhstan: Gender Discrimination and Workplace Harassment (HRW 2016) https://www.hrw.org/world-report/2016.

19. UN Women, Жұмыс орнындағы жыныстық қудалау туралы заңнама жөніндегі нұсқаулық (UN Women 2018) https://www.unwomen.org/en/digital-library/publications.

20. Қазақстан Республикасының Конституциясы (қабылданған 30 тамыз 1995 жыл, өзгерістермен).

21. Қазақстан Республикасының Еңбек кодексі 2015 жылғы 23 қарашадағы №414-V ҚРЗ (өзгерістермен) https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000414.

22. «Әйелдер мен ерлердің тең құқықтарының және тең мүмкіндіктерінің мемлекеттік кепілдіктері туралы» Қазақстан Республикасының заңы 2009 жылғы 8 желтоқсандағы №223-IV ҚРЗ (өзгерістермен).

Khamzina Kamilla Kosmanovna
2nd-year Undergraduate Student, Major in International Law
School of Law, Maqsut Narikbayev University
Astana, Republic of Kazakhstan
E-mail: kamilla_khamzina@kazguu.kz

CLIMATE CHANGE IMPACT ON HUMAN RIGHTS: LEGAL PERSPECTIVE ON VULNERABLE COMMUNITIES

Abstract

This research examines how climate change affects human rights, with a particular focus on vulnerable groups such as children, Indigenous peoples, and island communities. The study explores how basic rights to life, property, health, and access to food and water are impacted by environmental degradation, and it also looks at how national and international courts have recognized climate change as a threat to human rights. The research also considers important legal ideas that influence state obligations, such as transboundary harm, intergenerational equity, disproportionality, and extraterritorial accountability. Based on the analysis, the article stressed the need for more comprehensive and coordinated legal frameworks and identified current legal protection.

Keywords: Climate change, human rights, vulnerable groups, intergenerational equity, disproportionality, environmental degradation, sea-level rise, climate litigation, state obligations, displacement.

Аннотация

Бұл зерттеу климаттың өзгеруінің адам құқықтарына әсерін қарастырады, атап айтқанда балалар, байырғы халықтар және аралдық қауымдастықтар сияқты осал топтарға ерекше назар аударылады. Зерттеуде қоршаған ортаның деградациясының өмір сүру, меншік, денсаулық, тамаққа және суға қол жеткізу сияқты негізгі құқықтарға қалай әсер ететіні зерттеледі, сондай-ақ ұлттық және халықаралық соттардың климаттың өзгеруін адам құқықтарына қауіп ретінде қалай мойындағаны қарастырылады. Зерттеуде мемлекеттердің міндеттемелеріне әсер ететін маңызды құқықтық тұжырымдамалар да талданады: трансшекаралық зиян, буынаралық теңдік, диспропорционалдылық және аумақтан тыс жауапкершілік. Талдау негізінде мақалада неғұрлым кешенді және үйлестірілген құқықтық шеңберлердің қажеттілігі баса айтылып, қолданыстағы құқықтық қорғаудың кемшіліктері анықталды.

Түйін сөздер: климаттың өзгеруі, адам құқықтары, осал топтар, буынаралық теңдік, диспропорционалдылық, қоршаған ортаның деградациясы, теңіз деңгейінің көтерілуі, климаттық сот ісі, мемлекеттердің міндеттемелері, орын ауыстыру.

Аннотация

Данное исследование посвящено изучению влияния изменения климата на права человека с особым акцентом на уязвимые группы населения: детей, коренные народы и островные сообщества. В работе исследуется, каким образом деградация окружающей среды затрагивает основные права на жизнь, собственность, здоровье, доступ к продовольствию и воде, а также рассматривается, как национальные и международные суды признают изменение климата угрозой правам человека. Анализируются ключевые правовые концепции, влияющие на обязательства государств: трансграничный вред, межпоколенческая справедливость, диспропорциональность и экстерриториальная ответственность. На основе проведённого анализа в статье обосновывается необходимость более комплексных и

скоординированных правовых механизмов, а также выявляются существующие пробелы в системе правовой защиты.

Ключевые слова: изменение климата, права человека, уязвимые группы, межпоколенческая справедливость, диспропорциональность, деградация окружающей среды, повышение уровня моря, климатические судебные разбирательства, обязательства государств, вынужденное перемещение.

Introduction

Would you want to live in a world where access to clean water, food, and even breathable air is no longer guaranteed? Or in a world where beautiful islands only remain as pictures in books or old maps? Or maybe where the place you are born determines whether climate change will be survivable or deadly? This is an emergent reality rather than a speculative future. Approximately 3.6 billion people, or nearly half of the world's population, currently reside in regions that are extremely sensitive to climate change[1060], and its effects are intensifying. Malnutrition, illness, and heat stress are expected to be the main causes of at least 250,000 extra fatalities per year due to climate change between 2030 and 2050[1061]. Even more startlingly, the most vulnerable areas already have fatality rates from extreme weather events that are up to 15 times higher[1062], highlighting the severe disparity at the core of the climate crisis. These effects extend well beyond environmental degradation, endangering basic human needs such as access to food, water, healthcare, and secure shelter. Importantly, low-income groups, children, the elderly, women, indigenous peoples, immigrants, and people with pre-existing medical disorders are the most impacted and least accountable. Climate change serves as a "threat multiplier" for these people, exacerbating pre-existing vulnerabilities and systematically impairing their ability to live with security and dignity.

The purpose of this article is to investigate the connection between human rights protection, vulnerable populations, and climate change. It examines how, especially for those who are most vulnerable, climate-related impacts impede the exercise of fundamental human rights, such as the rights to life, health, food, water, and decent housing. The study also examines the growing use of a human rights perspective in interpreting climate change by national and international courts and United Nations treaty-monitoring agencies.

Climate change and children's rights

Because of its immediate and long-term effects, climate change poses a serious threat to the defense of children's rights. Children are especially susceptible as they will experience cumulative impact of environmental degradation, rising the principle of intergenerational equity, fairness and justice between present and future generations[1063]. As emphasized by Edith Brown Weiss current generations have "obligations to future ones" and failure to meet this goal risks benefiting at their expenses[1064]. This principle was also clearly

[1060] World Health Organization: WHO, "Climate Change" World Health Organization: WHO (October 12, 2023) <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/climate-change-and-health> accessed March 24, 2026

[1061] "Climate Change" World Health Organization: WHO (October 12, 2023) <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/climate-change-and-health> accessed March 24, 2026

[1062] 'Climate Change for Indigenous Peoples' (United Nations) <affect everyone equally https://www.un.org/development/desa/indigenouspeoples/climate-change.html> accessed 24 March 2026

[1063] (Intergenerational equity - definition and explanation) <https://oxford-review.com/the-oxford-review-dei-diversity-equity-and-inclusion-dictionary/intergenerational-equity-definition-and-explanation/> accessed 21 March 2026

[1064] Weiss EB, 'Appendix D' (Brill 1989)

recognized in *Future Generations v. Ministry of Environment (2018)*, where the Court stressed the need of urgent action to protect both present and future generations[1065].

United Nations Children Funds (UNICEF) noted that children are "affected disproportionately by climate change and environmental degradation, which threaten almost every aspect of their health and well-being at all stages of their development, from their mother's pregnancy to the first weeks of life, and from their school years into young adulthood"[1066]. The UN further highlights that children face greater exposure to climate shocks[1067], reflecting the intersection of age, socioeconomic status, and environmental vulnerability.

Climate change though threatens a wide range of children's rights, including right to life, development and adequate standards of living. This has been addressed at the international level in *Sacchi et al. v. Argentina et al*.,[1068] when applicants argued that states failed to prevent climate harm. The Committee affirmed that children are impacted by the effects of climate change, both in terms of the manner in which they experience such effects as well as the potential of climate change to affect them throughout their lifetime, therefore States have heightened obligations to protect them[1069].

Similar claims arose in *Juliana v. United States*[1070], where teenage plaintiffs contested the government's inactivity on climate change claiming that it endangered their future well-being and constitutional rights. The Court recognized that "a right to a climate system capable of sustaining human life is fundamental to a free and ordered society".[1071] In *Mathur et al. v. Ontario*[1072], applicants likewise argued that inadequate climate targets disproportionately burden younger generation[1073].

Moreover, climate change can threaten children's physical and emotional health, increasing the risks of disease, malnutrition, and stress to due extreme heat, pollution and extreme weather[1074]. In *Duarte Agostinho and Others v. Portugal and 32 Others*, the petitioners highlighted the detrimental consequences of climate change on their health and quality of life, connecting environmental degradation to human rights protection, reflecting similar concerns on a global scale. The European Court of Human Rights (ECtHR) affirmed

---

[1065] Future Generations v Ministry of the Environment (2018) (https://www.climatecasechart.com/document/future-generations-v-ministry-of-the-environment-and-others_f076?q=future+generations)

[1066] (In focus: Children, climate change and environmental degradation | UNICEF Europe and Central Asia) <https://www.unicef.org/eca/reports/focus-children-climate-change-and-environmental-degradation> accessed 21 March 2026

[1067] 'Climate Crisis | Special Representative of the Secretary-General on Violence against Children' (United Nations) <https://violenceagainstchildren.un.org/en/climate-cirsis> accessed 21 March 2026

[1068] Sacchi, et al v Argentina, et al (2019) para 9.13 14 page (https://www.climatecasechart.com/document/sacchi-et-al-v-argentina-et-al_f10c?q=sacchi)

[1069] Sacchi, et al v Argentina, et al (2019) para 2.5 4 page (https://www.climatecasechart.com/document/sacchi-et-al-v-argentina-et-al_f10c?q=sacchi)

[1070] Juliana v United States (2019) (https://www.climatecasechart.com/document/juliana-v-united-states_83df?q=juliana)

[1071] 'Juliana v. United States' (Our Children's Trust) <https://www.ourchildrenstrust.org/juliana-v-us?utm_source> accessed 22 March 2026

[1072] Mathur, et al v His Majesty the King in Right of Ontario (2019) (https://www.climatecasechart.com/document/mathur-et-al-v-his-majesty-the-king-in-right-of-ontario_edc5?q=mathur)

[1073] Mathur, et al v His Majesty the King in Right of Ontario (2019) (https://www.climatecasechart.com/document/mathur-et-al-v-his-majesty-the-king-in-right-of-ontario_edc5?q=mathur) para 13

[1074] Hanna R and Oliva P, 'Implications of Climate Change for Children in Developing Countries' (2016) 26 The Future of Children 115

that environmental degradation, including climate change may lead to human rights violations[1075].

Young people are shaping climate governance and holding nations responsible through activism and lawsuits. In *Held v. Montana* youth successfully challenged government practices contributing to climate change[1076]. In *Sharma v. Minister for the Environment*[1077] the Court recognized a governmental duty of care toward children in light of climate change.

One of the key challenging in addressing the impact of climate change on vulnerable groups is extraterritoriality. Climate change causes transboundary harm, whereby emissions from one state have an impact on people in another.

The ECtHR recognized that such harm can create extraterritorial human rights obligations"[1078] for states controlling the source of the harm. The Court further emphasized that "children's best interests and rights must be central in policymaking"[1079], and "failure to ensure this would violate international law"[1080].

At the national level, Courts increasingly scrutinize government climate action. In *Plan B Earth v. Secretary of State for Transport*[1081], the Court reaffirmed the necessity for states to coordinate their activities with their human rights and environmental commitments.

Therefore, climate change represents a profound challenge to the protection of children's rights within international human rights law. Through both domestic and international litigation, young applicants have played a crucial role in advancing legal recognition of climate-related harms. While Courts have made important progress in acknowledging state obligations and the relevance of principles such as intergenerational equity and transboundary harm, significant challenges remain, particularly in establishing extraterritorial responsibility. Nevertheless, the evolving jurisprudence reflects a growing consensus that climate change is not merely an environmental issue but a fundamental human rights concern.

Rights of Indigenous peoples and islanders during climate change

Indigenous peoples and residents of small island communities affected due to their deep reliance on land, sea, and natural resources for identity, culture, and food, environmental deterioration affects their basic way of life. As United Nations (UN) report notes that they are among the first who face impacts despite contributing the least to the problem[1082]. This moral injustice is evident in cases as Inuit Circumpolar Council Petition which highlight how emissions from industrialized states endanger Arctic ways of life[1083]. In

[1075] DUARTE AGOSTINHO AND OTHERS v PORTUGAL AND 32 OTHERS (https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-233261%22]}) para 137

[1076] Held v State (2020) (https://www.climatecasechart.com/document/held-v-state_cb6b?q=held+)

[1077] Sharma and others v Minister for the Environment (2020) (https://www.climatecasechart.com/document/sharma-and-others-v-minister-for-the-environment_a41d?q=sharma+)

[1078] DUARTE AGOSTINHO AND OTHERS v PORTUGAL AND 32 OTHERS (https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-233261%22]}) para 143

[1079] DUARTE AGOSTINHO AND OTHERS v PORTUGAL AND 32 OTHERS (https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-233261%22]}) para 147

[1080] DUARTE AGOSTINHO AND OTHERS v PORTUGAL AND 32 OTHERS (https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-233261%22]}) para 147

[1081] Plan B Earth and Others v Prime Minister (2021) (https://www.climatecasechart.com/document/plan-b-earth-and-others-v-prime-minister_1b1e?q=plan+b+earth)

[1082] 'Climate Change for Indigenous Peoples' (United Nations) <https://www.un.org/development/desa/indigenouspeoples/climate-change.html> accessed 23 March 2026

[1083] Petition To The Inter-American Commission on Human Rights Seeking Relief From Violations Resulting from Global Warming Caused By Acts and Omissions of the United States (2005) (https://www.climatecasechart.com/document/petition-to-the-inter-american-commission-on-human-rights-

addition, the Inter-American Commission on Human Rights recognized that “global warming interferes with the realization of the right to life… and security”[1084], and further noted that climate impacts on traditional subsistence practices like hunting and fishing undermine both the right to livelihood and the right to life[1085]. For small island communities, rising sea levels pose an existential threat to their territories, cultures, and even statehood. Limited resources may further strict their abilities to adopt.

Climate change threatens human survival, destroy the areas that support life, and, in the worst situations, make entire homelands uninhabitable. For Indigenous peoples and islanders, land is not just a property but a foundation of culture, spirituality, and collective identity. Therefore, the devastation of these areas represents not only a physical loss but also a serious infringement of the long-recognized right to own, use, and enjoy property under international law. The Human Rights Committee's landmark ruling in *Teitiota v. New Zealand (2019)* marked a turning point, recognizing that “coastal erosion and accretion were most likely to affect housing, land and property[1086]. In *Billy et al. v. Australia (2019*), the Committee expanded on this logic by concluding that Australia failed to take adequate and timely measures to protect Torres Strait Islanders from the impacts of climate change; the Committee also established that “…climate change impacts, including environmental degradation on Indigenous lands where subsistence depends on natural resources and alternatives are unavailable, have serious and direct effects on the home—due to their intensity, duration, or resulting physical or mental harm — they may constitute foreseeable violations of private and family life and the home.”[1087]

Right to health encompasses having a clean environment, safe water, adequate food to consume and also having access to doctors. Islanders and Indigenous communities lose access to the natural resources they rely on when ecosystems are harmed by droughts, flooding, and rising temperatures. Climate change may reduce Indigenous fisheries catch (salmon, herring, and other important species) by up to half by 2050, endangering both food security and fishing-related cultural traditions, according to a study on coastal First Nations in British Columbia[1088]. This is another way that climate change contributes to the spread of diseases. In *Lhaka Honhat Association v. Argentina*, the Inter-American Court of Human Rights (IACtHR)[1089] upheld states' obligations to safeguard Indigenous lands from environmental damage and acknowledged the interconnectedness of rights to food, water, health, and a healthy environment, concluding that “Argentina had failed to protect..." the rights to a healthy environment, cultural identity, food, and water”.[1090]

---

seeking-relief-from-violations-resulting-from-global-warming-caused-by-acts-and-omissions-of-the-united-states_e8f8)

[1084] Petition To The Inter-American Commission on Human Rights Seeking Relief From Violations Resulting from Global Warming Caused By Acts and Omissions of the United States (2005) page 2

[1085] Petition To The Inter-American Commission on Human Rights Seeking Relief From Violations Resulting from Global Warming Caused By Acts and Omissions of the United States (2005) page 3

[1086] Ioane Teititoa v New Zealand (2019) (file:///C:/Users/User/Downloads/CCPR_C_127_D_2728_2016-EN.pdf) para 2.5

[1087] Daniel Billy and Others v Australia (2019) (https://www.climatecasechart.com/documents/daniel-billy-and-others-v-australia-torres-strait-islanders-petition-decision_951a) para 8.12

[1088] Weatherdon L, ‘Climate Change Could Cut First Nations Fisheries’ Catch in Half’ (Institute for the Oceans and Fisheries, 13 January 2016) <https://oceans.ubc.ca/2016/01/13/climate-change-could-cut-first-nations-fisheries-catch-in-half/> accessed 23 March 2026

[1089] Lhaka Honhat v Argentina (2020) (https://iris.unito.it/bitstream/2318/2016331/1/Lhaka%20Honhat%20v%20Argentina%20Exploring%20the%20Role%20of%20the%20Inter-American%20Human%20Rights%20System%20in%20Communal%20Inter-Ethnic%20Conflicts.pdf)

[1090] Lhaka Honhat v Argentina (2020) (https://iris.unito.it/bitstream/2318/2016331/1/Lhaka%20Honhat%20v%20Argentina%20Exploring%20the%20Role%20of%20the%20Inter-American%20Human%20Rights%20System%20in%20Communal%20Inter-Ethnic%20Conflicts.pdf)

According to international human rights law, nations have an obligation to stop environmental destruction, control environmentally harmful activities, and take proactive measures to safeguard groups that are most vulnerable. This is demonstrated by two significant cases. The IACtHR ruled in *Saramaka People v. Suriname* case that the state had an obligation to maintain the Saramaka people's lands and natural resources. The Court held that "restrictions on Saramaka territory, including logging and mining concessions, are permissible only if the State ensures: (i) effective participation of the Saramaka in accordance with their customs, (ii) a reasonable share of benefits, and (iii) prior independent environmental and social impact assessments—so as to safeguard their relationship with the land and ensure their survival as a tribal people."[1091] Similarly, the African Court on Human and Peoples' Rights (ACtHPR) ruled in *Ogiek Community v. Kenya* that the Ogiek's expulsion from their ancestral forest violated several human rights, confirming the fundamental connection between the protection of Indigenous land and more general rights. The Court found that expelling the Ogiek "without prior consultation and without respecting the conditions of expulsion in the interest of public need"[1092] violated their rights to land. Accordingly, the Court affirmed that States must adopt measures to ensure effective consultation and obtain "free, prior and informed consent"[1093] for projects affecting ancestral lands.

Indigenous peoples and islanders are disproportionately affected by climate change because of their deep ties to the environment. Their right to life is directly threatened by rising sea levels, extreme weather, and environmental degradation, and their right to health is compromised by ecosystem changes that restrict their access to clean water, food, and traditional livelihoods. Meanwhile, small islanders are increasingly being forced to migrate due to climate change, as sea level rise and environmental degradation render some areas uninhabitable.

Conclusion

Present analysis illustrates that the most vulnerable groups to climate change are children, Indigenous peoples and island residents because of pre-existing socio-economic inequalities and systemic institutional challenges. Because of their reliance on natural resources and limited ability to adapt, these groups are especially vulnerable, making climate change not simply an environmental problem but also a human rights and justice one. As demonstrated, environmental damage has a "snowball effect," in which governments' inability to uphold one right invariably results in the violation of others. Importantly, national and international courts are increasingly addressing climate change. Although extraterritoriality concerns have frequently led international organizations to rule that such cases are inadmissible, recent national developments show a tendency toward acknowledging state accountability. Courts are starting to uphold states' affirmative duties to safeguard human rights and avert environmental harm. "Climate change is the defining issue of our time,"[1094] as António Guterres, UN General Secretary, has stated, and it is already influencing legal systems all across the world.

[1091] Saramaka People v. Suriname (2007) (https://pdf4pro.com/view/inter-american-court-of-human-rights-case-of-the-saramaka-70660c.html) para 129

[1092] African Commission on Human and People's Rights v Republic of Kenya (2017) (https://www.african-court.org/cpmt/storage/app/uploads/public/5f5/5fe/9a9/5f55fe9a96676974302132.pdf) para 131

[1093] African Commission on Human and People's Rights v Republic of Kenya (2017) (https://www.african-court.org/cpmt/storage/app/uploads/public/5f5/5fe/9a9/5f55fe9a96676974302132.pdf) para 43

[1094] Guterres A, 'Climate Change' (United Nations) <https://www.un.org/en/global-issues/climate-change> accessed 24 March 2026

Bibliography

1. World Health Organization: WHO, “Climate Change” *World Health Organization: WHO* (October 12, 2023) <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/climate-change-and-health> accessed March 24, 2026
2. “Climate Change” *World Health Organization: WHO* (October 12, 2023) <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/climate-change-and-health> accessed March 24, 2026
3. ‘Climate Change for Indigenous Peoples’ (*United Nations*) <affect everyone equally https://www.un.org/development/desa/indigenouspeoples/climate-change.html> accessed 24 March 2026
4. (*Intergenerational equity - definition and explanation*) <https://oxford-review.com/the-oxford-review-dei-diversity-equity-and-inclusion-dictionary/intergenerational-equity-definition-and-explanation/> accessed 21 March 2026
5. Weiss EB, ‘Appendix D’ (Brill 1989)
6. *Future Generations v Ministry of the Environment (2018)* (https://www.climatecasechart.com/document/future-generations-v-ministry-of-the-environment-and-others_f076?q=future+generations)
7. (*In focus: Children, climate change and environmental degradation | UNICEF Europe and Central Asia*) <https://www.unicef.org/eca/reports/focus-children-climate-change-and-environmental-degradation> accessed 21 March 2026
8. ‘Climate Crisis | Special Representative of the Secretary-General on Violence against Children’ (*United Nations*) <https://violenceagainstchildren.un.org/en/climate-cirsis> accessed 21 March 2026
9. *Sacchi, et al v Argentina, et al* (2019) para 9.13 14 page (https://www.climatecasechart.com/document/sacchi-et-al-v-argentina-et-al_f10c?q=sacchi)
10. *Sacchi, et al v Argentina, et al* (2019) para 2.5 4 page (https://www.climatecasechart.com/document/sacchi-et-al-v-argentina-et-al_f10c?q=sacchi)
11. *Juliana v United States* (2019) (https://www.climatecasechart.com/document/juliana-v-united-states_83df?q=juliana)
12. ‘Juliana v. United States’ (*Our Children’s Trust*) <https://www.ourchildrenstrust.org/juliana-v-us?utm_source> accessed 22 March 2026
13. *Mathur, et al v His Majesty the King in Right of Ontario* (2019) (https://www.climatecasechart.com/document/mathur-et-al-v-his-majesty-the-king-in-right-of-ontario_edc5?q=mathur)
14. *Mathur, et al v His Majesty the King in Right of Ontario* (2019) (https://www.climatecasechart.com/document/mathur-et-al-v-his-majesty-the-king-in-right-of-ontario_edc5?q=mathur) para 13
15. Hanna R and Oliva P, ‘Implications of Climate Change for Children in Developing Countries’ (2016) 26 The Future of Children 115
16. *DUARTE AGOSTINHO AND OTHERS v PORTUGAL AND 32 OTHERS* (https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-233261%22]}) para 137
17. *Held v State* (2020) (https://www.climatecasechart.com/document/held-v-state_cb6b?q=held+)
18. *Sharma and others v Minister for the Environment* (2020) (https://www.climatecasechart.com/document/sharma-and-others-v-minister-for-the-environment_a41d?q=sharma+)
19. *DUARTE AGOSTINHO AND OTHERS v PORTUGAL AND 32 OTHERS* (https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-233261%22]}) para 143
20. *DUARTE AGOSTINHO AND OTHERS v PORTUGAL AND 32 OTHERS* (https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-233261%22]}) para 147

21. *DUARTE AGOSTINHO AND OTHERS v PORTUGAL AND 32 OTHERS* (https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-233261%22]}) para 147
22. *Plan B Earth and Others v Prime Minister* (2021) (https://www.climatecasechart.com/document/plan-b-earth-and-others-v-prime-minister_1b1e?q=plan+b+earth)
23. Climate Change for Indigenous Peoples' (*United Nations*) <https://www.un.org/development/desa/indigenouspeoples/climate-change.html> accessed 23 March 2026
24. *Petition To The Inter-American Commission on Human Rights Seeking Relief From Violations Resulting from Global Warming Caused By Acts and Omissions of the United States* (2005) (https://www.climatecasechart.com/document/petition-to-the-inter-american-commission-on-human-rights-seeking-relief-from-violations-resulting-from-global-warming-caused-by-acts-and-omissions-of-the-united-states_e8f8)
25. *Petition To The Inter-American Commission on Human Rights Seeking Relief From Violations Resulting from Global Warming Caused By Acts and Omissions of the United States* (2005) page 2
26. *Petition To The Inter-American Commission on Human Rights Seeking Relief From Violations Resulting from Global Warming Caused By Acts and Omissions of the United States* (2005) page 3
27. *Ioane Teititoa v New Zealand* (2019) (file:///C:/Users/User/Downloads/CCPR_C_127_D_2728_2016-EN.pdf) para 2.5
28. *Daniel Billy and Others v Australia* (2019) (https://www.climatecasechart.com/documents/daniel-billy-and-others-v-australia-torres-strait-islanders-petition-decision_951a) para 8.12
29. Weatherdon L, 'Climate Change Could Cut First Nations Fisheries' Catch in Half' (*Institute for the Oceans and Fisheries*, 13 January 2016) <https://oceans.ubc.ca/2016/01/13/climate-change-could-cut-first-nations-fisheries-catch-in-half/> accessed 23 March 2026
30. *Lhaka Honhat v Argentina* (2020) (https://iris.unito.it/bitstream/2318/2016331/1/Lhaka%20Honhat%20v%20Argentina%20Exploring%20the%20Role%20of%20the%20Inter-American%20Human%20Rights%20System%20in%20Communal%20Inter-Ethnic%20Conflicts.pdf)
31. *Lhaka Honhat v Argentina* (2020) (https://iris.unito.it/bitstream/2318/2016331/1/Lhaka%20Honhat%20v%20Argentina%20Exploring%20the%20Role%20of%20the%20Inter-American%20Human%20Rights%20System%20in%20Communal%20Inter-Ethnic%20Conflicts.pdf)
32. *Saramaka People v. Suriname* (2007) (https://pdf4pro.com/view/inter-american-court-of-human-rights-case-of-the-saramaka-70660c.html) para 129
33. *African Commission on Human and People's Rights v Republic of Kenya* (2017) (https://www.african-court.org/cpmt/storage/app/uploads/public/5f5/5fe/9a9/5f55fe9a96676974302132.pdf) para 131
34. *African Commission on Human and People's Rights v Republic of Kenya* (2017) (https://www.african-court.org/cpmt/storage/app/uploads/public/5f5/5fe/9a9/5f55fe9a96676974302132.pdf) para 43
35. Guterres A, 'Climate Change' (*United Nations*) <https://www.un.org/en/global-issues/climate-change> accessed 24 March 2026.

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Бекс Назерке Серікқызы
магистрантка 2 курса образовательной программы «Международное право»
Высшая школа права Maksut Narikbayev University
г. Астана, Республика Казахстан
E-mail: bex.nazerke@gmail.com

МЕХАНИЗМЫ ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СЕМЕЙНЫХ АГРЕССОРОВ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Аннотация

В статье проводится сравнительно-правовой анализ механизмов воздействия на лиц, совершающих семейно-бытовое насилие, с акцентом на их практическую эффективность. Рассматриваются ключевые меры ограничительного характера, включая защитное предписание и установление особых требований к поведению правонарушителей в рамках законодательства Республики Казахстан, а также аналогичные инструменты, применяемые в зарубежных государствах. Особое внимание уделено изменениям национального законодательства, включая переход к Закону «О профилактике правонарушений», и их влиянию на систему правового регулирования. На основе статистических данных и анализа зарубежного опыта выявляются основные проблемы применения указанных мер и предлагаются направления совершенствования законодательства Республики Казахстан.

Ключевые слова: семейно-бытовое насилие, семейные агрессоры, правовое регулирование, эффективность, защитное предписание, охранный ордер, особые требования, правонарушитель, профилактика, зарубежный опыт.

Аннотация

Мақалада тұрмыстық зорлық-зомбылық жасайтын тұлғаларға әсер ету тетіктеріне салыстырмалы-құқықтық талдау жүргізіліп, олардың практикалық тиімділігіне ерекше назар аударылады. Қазақстан Республикасының заңнамасы шеңберінде қолданылатын негізгі шектеу шаралары, соның ішінде қорғау нұсқамасы мен құқық бұзушылардың мінез-құлқына ерекше талаптар белгілеу, сондай-ақ шетел мемлекеттерінде қолданылатын ұқсас құралдар қарастырылады. Ұлттық заңнамадағы өзгерістерге, оның ішінде «Құқық бұзушылықтардың профилактикасы туралы» Заңға көшуге және олардың құқықтық реттеу жүйесіне ықпалына ерекше мән беріледі. Статистикалық деректер мен шетелдік тәжірибені талдау негізінде аталған шараларды қолданудың негізгі мәселелері айқындалып, Қазақстан Республикасының заңнамасын жетілдіру бағыттары ұсынылады.

Кілт сөздер: тұрмыстық зорлық-зомбылық, отбасылық агрессорлар, құқықтық реттеу, тиімділік, қорғау нұсқамасы, қорғау ордері, ерекше талаптар, құқық бұзушы, профилактика, шетелдік тәжірибе.

Abstract

This article provides a comparative legal analysis of mechanisms for influencing individuals who commit domestic violence, with a focus on their practical effectiveness. It examines key restrictive measures under the legislation of the Republic of Kazakhstan, including protection orders and the imposition of special requirements on offenders' behavior, as well as analogous instruments applied in foreign jurisdictions. Particular attention is given to recent changes in national legislation, including the transition to the Law

“On the Prevention of Offenses,” and their impact on the system of legal regulation. Based on statistical data and an analysis of international experience, the article identifies the main challenges in the application of these measures and proposes directions for improving the legislation of the Republic of Kazakhstan.

Keywords: domestic violence, family aggressors, legal regulation, effectiveness, protection order, restraining order, special requirements, offender, prevention, international experience.

Введение

Проблема семейно-бытового насилия продолжает оставаться одной из наиболее сложных социальных и правовых проблем во многих государствах. Согласно данным, опубликованным в отчете Всемирной организации здравоохранения, более четверти женщин в возрасте 15-49 лет (682 миллиона женщин) хотя бы раз в жизни подвергались бытовому насилию[1095], и в среднем около 50 000 женщин ежегодно погибают от рук своего партнера или близкого родственника[1096]. Высокие показатели преступности свидетельствуют о глобальном характере проблемы и необходимости противодействия и борьбы с семейными агрессорами.

Согласно статистике, на сегодняшний день около 160 стран приняли специальные законы о противодействии бытовому насилию[1097]. Однако, наличие соответствующего законодательства не всегда обеспечивает эффективность применяемых мер правового воздействия. Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций (далее ООН) в докладах, посвященных вопросам насилия в отношении женщин, отмечает, что многими государствами допускаются значительные пробелы в существующих законодательствах, в их числе – неадекватность наказаний, ограниченность сферы действия и охвата законодательных положений[1098].

Актуальность данной проблемы подтверждается и статистическими данными Республики Казахстан. По официальным данным, в стране за 2024 год было зарегистрировано 98 085 административных и 3 382 уголовных правонарушений, связанных с семейно-бытовым насилием[1099]. По оценке экспертов Национального центра по правам человека Республики Казахстан, эффективность мер

[1095] World Health Organization, ‘Violence against women prevalence estimates, 2023: global, regional and national estimates’ (2025) <https://www.who.int/publications/i/item/9789240116962> дата обращения: 20.03.2026.

[1096] United Nations Office on Drugs and Crime and United Nations Women, ‘Femicides in 2024: Global Estimates of Intimate Partner/Family Member Femicides’ (2025) <https://digitallibrary.un.org/record/4102836?utm_source=chatgpt.com&v=pdf> дата обращения: 20.03.2026.

UN Women and United Nations Office on Drugs and Crime, ‘Femicides in 2023: Global estimates of intimate partner/family member femicides’ (2024) <https://www.unwomen.org/en/digital-library/publications/2024/11/femicides-in-2023-global-estimates-of-intimate-partner-family-member-femicides> дата обращения: 20.03.2026.

[1097] World Bank Group, ‘Women, Business and the Law 2023: Executive Summary’ (2023) <https://hdl.handle.net/10986/39462> дата обращения: 16.10.2025.

[1098] United Nations General Assembly, ‘Intensification of efforts to eliminate all forms of violence against women and girls: technology-facilitated violence against women and girls: report of the Secretary-General UN Doc A/79/500’ (8 October 2024) <https://www.unwomen.org/en/digital-library/publications/2024/10/intensification-of-efforts-to-eliminate-all-forms-of-violence-against-women-report-of-the-secretary-general-2024> дата обращения: 16.10.2025.

United Nations General Assembly, ‘Trafficking in women and girls: report of the Secretary-General UN Doc A/79/355’ (25 July 2024) <https://digitallibrary.un.org/record/4062371?utm_source=chatgpt.com&v=pdf> дата обращения: 16.10.2025.

[1099] Казахстанский институт общественного развития, ‘Национальный доклад «О профилактике семейно-бытового насилия в Республике Казахстан' (2025) <https://ru.kipd.kz/article/natsionalnyy-doklad-o-profilaktike-semeyno-bytovogo-nasiliya-v-respublike-kazakhstan> дата обращения: 12.03.2026.

противодействия бытовому насилию в 2023 году составила лишь 35 %[1100], что свидетельствует о значительной доле повторных правонарушений и указывает на необходимость совершенствования существующих механизмов правового регулирования.

Целью настоящего исследования является анализ правовых механизмов воздействия на лиц, совершающих семейно-бытовое насилие, предусмотренных законодательством Республики Казахстан и рядом зарубежных государств, а также выявление наиболее эффективных инструментов воздействия на так называемых «семейных агрессоров».

Анализ законодательного регулирования воздействия на семейных агрессоров в Казахстане

В течение длительного времени ключевым нормативным правовым актом в области предупреждения и противодействия семейно-бытовому насилию выступал Закон Республики Казахстан «О профилактике бытового насилия»[1101] (далее Закон), который определял основные направления системы профилактических и ограничительных мер, применяемых в отношении правонарушителей. В указанном Законе механизмы правового воздействия на семейных агрессоров были приведены в части 2 статьи 17, в их число входили профилактическая беседа, административное задержание, защитное предписание, установление особых требований к поведению правонарушителей, административное взыскание и другие меры[1102]. Одним из основных механизмов являлось указанное в статье 20 Закона защитное предписание, которое выносилось органами внутренних дел в отношении лица, совершившего бытовое насилие или лица, от которого исходила угроза, и представляло собой временные меры правового ограничения, направленные на предотвращение дальнейших противоправных действий со стороны агрессора. Следует также отметить, что, как показывает практика, защитные предписания часто нарушались и законом не была предусмотрена дополнительная ответственность за их неоднократное нарушение[1103].

В качестве одной из мер административно-правового воздействия Закон предусматривал возможность установления особых требований к поведению правонарушителя, которые могли применяться только судом[1104]. Данные требования в соответствии с частью 3 статьи 22 Закона предполагали установление

[1100] Ranking.kz, ‘Меньше терпеть, чаще рассказывать: как изменился уровень бытового насилия в Казахстане’ (5 июня 2025) <https://ranking.kz/reviews/socium/menshe-terpet-chasche-rasskazyvat-kak-izmenilsya-uroven-bytovogo-nasiliya-v-kazahstane.html> дата обращения: 20.10.2025.
Уполномоченный по правам человека в Республике Казахстан, ‘О противодействии семейно-бытовому насилию: специальный доклад’ (2024) <https://www.gov.kz/memleket/entities/ombudsman/documents/details/619960?lang=ru> 25 дата обращения: 20.10.2026.

[1101] Закон Республики Казахстан «О профилактике бытового насилия» от 4 декабря 2009 года № 214-IV <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z090000214_> дата обращения: 16.05.2025.

Необходимо отметить, что Закон Республики Казахстан «О профилактике бытового насилия» утратил силу принятием Закона Республики Казахстан «О профилактике правонарушений», вступившего в силу 2 марта 2026 года. Новый закон объединяет 5 ранее действовавших законов и направлен на формирование единой системы предупреждения правонарушений, в том числе в семейно-бытовой сфере. При этом ряд механизмов правового воздействия, ранее предусмотренных Законом 2009 года был сохранен.

[1102] Ibid art 17(2).

[1103] Сыздыков А Ж, Сагымбеков Б Ж, ‘Сравнительно-правовой анализ административно-правовых мер профилактики бытового насилия (опыт Казахстана и России)’ (2020) 3(61) Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан 167–173.

[1104] Закон Республики Казахстан «О профилактике бытового насилия» от 4 декабря 2009 года № 214-IV ст 22(3).

определенных ограничительных мер в отношении лица, совершившего бытовое правонарушение, включая запрет на преследование и любые контакты с потерпевшим, запрет на использование оружия, а также запрет на употребление немедицинских психоактивных веществ.

В дальнейшем указанный Закон утратил силу в связи с принятием Закона Республики Казахстан «О профилактике правонарушений», вступившего в силу 2 марта 2026 года. В новом законе защитное предписание сохраняет ключевые функции старого (запрет на любые формы взаимодействия с потерпевшим, срок действия (30 суток)), однако закон потерял узкую направленность на сферу семейно-бытового насилия. Основные изменения: расширены способы уведомления, добавлено право обжалования, а также исключено требование учитывать мнение потерпевшего.

Аналогично, нормы об особых требованиях к поведению правонарушителя были унифицированы, и новый закон позволяет применять их не только к лицам, совершившим бытовое насилие, но и к другим правонарушителям, устанавливая ограничения в целях предупреждения новых противоправных действий. Сохраняются обязанности контроля и профилактического учета со стороны органов внутренних дел, а ответственность за нарушение требований закреплена Кодексом Республики Казахстан об административных правонарушениях. В отличие от старого закона, исключено условие о наличии другого жилья у правонарушителя.

Порядок применения особых требований к поведению правонарушителя, сроки их действия и процессуальные вопросы их реализации определяются Кодексом Республики Казахстан об административных правонарушениях[1105]. Кроме того, в исключительных случаях, с целью защиты потерпевшего и его семьи, судом могла быть применена мера в виде запрета правонарушителю на совместное проживание с потерпевшим в одном жилье[1106]. Однако данная норма была применима лишь в случае наличия у правонарушителя другого жилища. Ввиду того, что значительная часть случаев семейно-бытового насилия совершается в семьях с невысоким уровнем материального обеспечения, обычно у правонарушителя отсутствует иное жилище[1107]. Между тем, согласно имеющимся статистическим данным, в Казахстане из 7,26 млн зарегистрированных прав на недвижимость, только 1,23 млн граждан владеют двумя и более объектами, что составляет всего около 6,2 % населения[1108]. В результате указанные обстоятельства существенно ограничивали возможность применения данной нормы на практике.

С целью повышения эффективности указанных выше мер Законом Республики Казахстан от 15 апреля 2024 года №73-VIII «О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях по вопросам обеспечения прав женщин и безопасности детей»[1109] были внесены изменения в Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях, в частности в статью 54, которая определяет порядок и условия установления особых требований к

[1105] Закон Республики Казахстан «О профилактике бытового насилия» от 4 декабря 2009 года № 214-IV ст 22(5).

[1106] Ibid art 22(3).

[1107] Сыздыков А Ж, Сагымбеков Б Ж, ‘Сравнительно-правовой анализ административно-правовых мер профилактики бытового насилия (опыт Казахстана и России)’ (2020) 3(61) Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан 167–173.

[1108] Tengrinews.kz, ‘Сколько казахстанцев имеют собственное жилье: статистика’ (27 сентября 2023) <https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/skolko-kazahstantsev-imeyut-sobstvennoe-jile-statistika-522246/> дата обращения: 10.05.2025.

[1109] Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях по вопросам обеспечения прав женщин и безопасности детей» от 15 апреля 2024 года No 73-VIII ст 1(1) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2400000073> дата обращения: 16.05.2025

поведению правонарушителя. В результате применение данной меры было расширено за счет исключения условия о наличии у правонарушителя иного жилья.

Однако, несмотря на внесение указанных изменений, практика применения данной меры остается крайне ограниченной. По имеющимся данным, за первое полугодие 2025 года судами было принято решение о выселении лишь 20 правонарушителей, тогда как за аналогичный период в приюты при кризисных центрах были размещены 906 пострадавших женщин и 1 021 ребенок[1110]. Эти данные показывают, что даже после внесения законодательных изменений механизм выселения агрессора используется значительно реже, чем меры, предполагающие размещение жертв насилия в кризисных центрах.

Можно предположить, что одной из причин низкой эффективности данной нормы также является ограниченный срок применения, который согласно действующему законодательству устанавливается до 30 дней, что зачастую является недостаточным для обеспечения устойчивой безопасности потерпевших. Целесообразным представляется установление срока выселения правонарушителя, соразмерного сроку действия особых требований к поведению правонарушителя, который может составлять от трёх месяцев до одного года.

Дополнительные сложности вызывает формулировка закона о применении данной меры «в исключительных случаях», а также то, что её применение относится исключительно к компетенции суда. Указанные условия существенно ограничивают возможность оперативного реагирования на случаи семейно-бытового насилия. Для повышения эффективности данной меры представляется необходимым исключить указанную формулировку и рассматривать выселение правонарушителя из общего жилища как стандартную меру защиты жертв насилия. Кроме того, предоставление возможности её применения сотрудниками полиции непосредственно на месте происшествия после оценки риска для потерпевшего и членов его семьи позволило бы расширить возможности практической реализации указанной меры.

Согласно заявлению Генеральной прокуратуры РК, можно определить, что вышеуказанные законодательные меры не оказывают действенного эффекта и не способствуют успешной борьбе с бытовым насилием[1111].

Приведенные ниже статистические данные также демонстрируют недостаточную эффективность мер индивидуальной профилактики, предусмотренные Законом, и подтверждают необходимость их совершенствования. Так, с 2018 года количество вынесенных защитных предписаний в отношении фактов бытового насилия возросло с 64 852 до 85 035 в 2024 году, а количество вынесенных особых требований выросло в три раза – с 6065 в 2018 году до 18 572 в 2024 году[1112].

Таким образом, законодательство Республики Казахстан предусматривает ряд механизмов правового воздействия на лиц, совершающих правонарушения в семейно-бытовой сфере, однако проведенный анализ показывает на необходимость их дальнейшего совершенствования для обеспечения более эффективной защиты жертв бытового насилия.

[1110] Казбаева А.Г., Каражанов М.Д., ‘Семейное насилие: Новые вызовы и трансформация законодательства в Казахстане’ (29 августа 2025) <https://prg.kz/document/?doc_id=32793214&pos=3;67> дата обращения: 20.10.2025

[1111] Акимат Буландынского района Акмолинской области, Казахстан, ‘Казахстан без насилия в семье’ (3 June 2020) <https://www.gov.kz/memleket/entities/aqmola-bulandy/press/article/details/12267?Lang=ru> дата обращения: 20.10.2025

[1112] Бюро национальной статистики Республики Казахстан, ‘Статистика по гендерным показателям: семейно-бытовое насилие’ (2024) <https://gender.stat.gov.kz/page/frontend/detail?Id=86&slug=-71&cat_id=4&lang=ru> дата обращения: 18.03.2026

На основании вышеизложенного представляется необходимым рассмотреть зарубежный опыт правового регулирования мер воздействия на лиц, совершающих бытовое насилие.

Международный опыт применения ограничительных мер по защите жертв бытового насилия

Одной из наиболее распространенных правовых мер по защите потерпевших от бытового насилия является охранный ордер. Эффективность охранных ордеров во многом зависит от степени их разработанности в рамках национального законодательства. Наиболее детальный механизм применения охранных ордеров (охранный судебный приказ) впервые был описан в Модельном законодательстве по противодействию насилию в семье (далее – Модельное законодательство ООН), принятом ООН в 1996 году[1113]. Дополнительно, Отделом по улучшению положения женщин Департамента по экономическим и социальным вопросам Секретариата ООН было подготовлено Пособие для разработки законодательства по вопросам насилия в отношении женщин как инструмент для улучшения или создания законодательства по предотвращению и борьбе с домашним насилием, которое содержит рекомендации по алгоритмам выдачи охранных судебных приказов[1114].

Модельное законодательство ООН предусматривает два вида охранных ордеров: временный, который также может быть выдан ex parte и охранный ордер, выдаваемый судом. Временный охранный ордер может быть выдан не только судом, но и представителями полиции или органов юстиции, оформляется в течение первых 24 часов с момента совершения насилия[1115]. Этот фактор может позволить обеспечить жертве насилия незамедлительную защиту еще до обращения в суд. Временный ордер содержит запрет на дальнейшее насилие, запрет агрессору какими-либо способами связываться с жертвой, запрет на посещение мест, часто посещаемых жертвой (работа, места посещения детей жертвы и др.), а также обязать агрессора покинуть жилище совместного проживания и при необходимости оплатить медицинские издержки жертвы[1116].

Заявление на получение судебного охранного ордера может быть подано не только самой жертвой насилия, но и любым лицом, оказывающим помощь жертве. В дополнение к мерам защиты, предусмотренным временным охранным ордером, суд вправе потребовать от правонарушителя покинуть семейное жилище, несмотря на наличие или отсутствие у него другого жилища, более того потребовать от правонарушителя нести все расходы связанные с имуществом, оплачивать медицинские счета. Нарушение любого их видов охранного ордера влечет за собой административные, либо уголовные последствия. При рассмотрении дел о домашнем насилии в суде бремя доказывания возлагается на обвиняемого[1117]. Охранные ордеры, описанные в Модельном законодательстве ООН, имеют достаточно широкий спектр мер по защите жертв бытового насилия, в том числе лиц, оказывающим им помощь. Упрощенная процедура получения охранных ордеров позволяют быстрее и эффективнее обеспечить защиту жертвы от дальнейшего насилия без обращения в судебные органы.

[1113] United Nations, 'Model legislation on domestic violence' (1996).

[1114] United Nations, 'Handbook for Legislation on Violence against Women' (2010) <https://www.un.org/womenwatch/daw/vaw/handbook/Handbook%20for%20legislation%20on%20VAW%20(Russian).pdf> дата обращения: 11.05.2025

[1115] В С Харламов, 'Институт охранного ордера в зарубежном законодательстве как инструмент защиты личности от внутрисемейного насилия' (2014) 1(32) Криминология: вчера, сегодня, завтра 34–40

[1116] United Nations, 'Model legislation on domestic violence' (1996) pt 4(A).

[1117] Ibid, pt 4(B).

Используя Модельное законодательство ООН, а также другие международные стандарты[1118] в борьбе с домашним насилием, во многих государствах были разработаны механизмы воздействия на семейных агрессоров. В Великобритании при выявлении факта насилия в семье сотрудники полиции наделены полномочиями на месте выдать уведомление о защите от домашнего насилия (далее – уведомление о защите)[1119]. Уведомление о защите выносится на 48 часов, в течение которых сотрудник полиции должен подать заявление в суд, который после рассмотрения дела выдает охранный ордер о защите от домашнего насилия на срок от 14 до 28 дней[1120]. Уведомление о защите и охранный ордер содержит положения, согласно которым правонарушитель должен покинуть помещение и не приближаться на определенное расстояние к нему[1121]. Положительными сторонами описанных норм является быстрое реагирование полиции на факты насилия в семье, а также отсутствие необходимости получения согласия самой жертвы бытового насилия на выдачу уведомления о защите и охранного ордера[1122]. Однако, короткий срок действия указанных мер и узкий спектр мер по защите жертв бытового насилия могут оказаться существенными недостатками и не дать значимых результатов в борьбе с семейными агрессорами и недопущении продолжения насильственных действий с их стороны.

Австрия является одной из первых стран, которая начала вести активную борьбу с домашним насилием и законодательные нормы, которые считаются высокоэффективными и могут служить примером для других государств[1123]. Все основное положения системы противодействия бытовому насилию включены в Австрийский Федеральный Акт по защите от домашнего насилия[1124]. Этот закон защищает всех лиц, проживающих вместе с правонарушителем и включает в себя три ключевых взаимосвязанных элемента: выселение и запретительные приказы, долгосрочные судебные охранные ордеры и комплексный механизм незамедлительной помощи жертвам через специализированные центры[1125].

Запретительные приказы выдаются сотрудниками полиции на месте после предварительной оценки ситуации, связанной с бытовым насилием и в случае угрозы дальнейшего насилия позволяют им незамедлительно выселить агрессора из дома с запретом приближаться к нему и его окрестностям на срок от 10 до 20 дней[1126]. Они также содержат общий запрет приближаться к жертве, местам ее посещения и в

[1118] Council of Europe, 'Convention on preventing and combating violence against women and domestic violence' (Istanbul, 2011).

[1119] Голованова Н А, 'Противодействие домашнему насилию: новый опыт Великобритании' (2020) 14(2) Всероссийский криминологический журнал 338–350.

[1120] Crime and Security Act 2010 (United Kingdom), art 25 <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2010/17/crossheading/domestic-violence> дата обращения: 11.05.2025.

[1121] Crime and Security Act 2010 (United Kingdom), art 24, 28 **<**https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2010/17/crossheading/domestic-violence**>** дата обращения: 11.05.2025.

[1122] Ibid, art 24, 29.

[1123] R Logar, 'The Austrian model of intervention in domestic violence cases' in Expert Group Meeting Violence Against Women: Good Practices in Combating and Eliminating Violence Against Women (Division for the Advancement of Women, May 2005); Lori Mann, Good practices in responding to domestic violence: a comparative study (UN Women, CO in BiH, 2019); Большакова А М, 'Противодействие домашнему насилию: опыт Австрийской Республики' (2022) 1(17) Теология. Философия. Право 42–53.

[1124] Austrian Federal Act on the Protection against Domestic Violence: entered into force on May 1, 1997 // Fed. Law Gazette. 1996/759.

[1125] R Logar, 'The Austrian model of intervention in domestic violence cases' in Expert Group Meeting Violence Against Women: Good Practices in Combating and Eliminating Violence Against Women (Division for the Advancement of Women, May 2005).

[1126] Бекетов О И and Майле А Д, 'Профилактические меры полицейского воздействия в системе мер противодействия домашнему насилию в государствах Европейского сообщества' (2009) 1 Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право 420–431.

случае угрозы опасности детям, распространяется и на детские учреждения[1127]. Ответственность за контроль соблюдения указанной меры лежит на органах полиции. Охранные ордеры, выдаваемые по решению суда, являются более продолжительными (от 3 месяцев до 1 года) и содержат больше мер по защите пострадавшего[1128]. Отличительным является факт, что сотрудники полиции после вынесения запретительного приказа обязаны в течении суток информировать Интервенционный центр по противодействию семейному насилию, который предлагает пострадавшим комплексную бесплатную социальную и юридическую помощь[1129]. Нарушение охранных ордеров предусматривает ответственность в виде штрафа (до 5 тыс. евро), либо арест. Несмотря на то, что указанные меры являются весьма эффективными при выявлении фактов физического насилия, в случаях психологического насилия их применение практически невозможно в связи с имеющимися сложностями доказывания[1130].

В Норвегии насильственные преступления в семейно-бытовой сфере регулируются Уголовным Кодексом[1131]. Здесь применяются запретительные судебные приказы, которые также содержат запрет на контакт с жертвой, а также принудительное выселение агрессора из собственного дома независимо от того, кому оно принадлежит и имеется ли у правонарушителя другое жилище[1132]. Контроль за соблюдением правонарушителями запретительного приказа может быть установлен путем электронного мониторинга, который включает регистрацию передвижения осуждённого и сигнализирует если он находится в непосредственной близости к потерпевшей[1133]. С 2004 года введена дополнительная мера защиты жертв – выдача мобильных тревожных сигналов, оснащенных системами GPS и GSM, лицам, находящимся под угрозой насилия[1134]. Использование электронного мониторинга и тревожных сигналов, безусловно, является новаторской и передовой идеей, которая в идеальных условиях могла бы значительно сократить рецидивизм бытового насилия. Однако, как показывает норвежская практика, все еще остаются значительные пробелы в практическом применении указанных мер[1135].

В Соединенных Штатах Америки закон[1136] весьма строг в отношении семейных агрессоров. При обнаружении факта насилия правонарушитель немедленно берётся под стражу, далее, независимо от наличия или отсутствия заявления от потерпевшей инициируется судебное слушание, в результате которого в зависимости от тяжести преступления агрессору грозит тюремное заключение, либо предупреждение с обязательством о прохождении длительной психокоррекционной терапии[1137]. В случае

[1127] Большакова А М, ‘Противодействие домашнему насилию: опыт Австрийской Республики’ (2022) 1(17) Теология. Философия. Право 42–53.

[1128] Заброда Д Г and Заброда С Н, ‘Австрийский опыт предупреждения домашнего насилия: характеристика и предложения по использованию в России’ (2016) 3(57) Общество и право 107–112.

[1129] Ibit, 6.

[1130] Большакова А М, ‘Противодействие домашнему насилию: опыт Австрийской Республики’ (2022) 1(17) Теология. Философия. Право 42–53.

[1131] General Civil Penal Code of Norway (Act of 22 May 1902 No 10) <https://app.uio.no/ub/ujur/oversatte-lover/data/lov-19020522-010-eng.pdf> дата обращения: 12.05.2025

[1132] Ibit, art 17(4).

[1133] Казахстанский институт общественного развития, ‘Национальный доклад «О профилактике семейно-бытового насилия в Республике Казахстан' (2021) <https://ru.kipd.kz/pdf-viewer?pdf=https://ru.kipd.kz/uploads/2022/04/nd-sbn-2021.pdf> дата обращения: 15.03.2026

[1134] E G Alexander, ‘State Responsibility and International Human Rights’ (Masteroppgave, University of Oslo, 2012) 46.

[1135] Ibit.

[1136] Violence Against Women Reauthorization Act of 2013 (United States, P.L. 113-4, 127 Stat. 54) <https://www.congress.gov/bill/113th-congress/senate-bill/47> дата обращения: 12.05.2025

[1137] Симагина Н А, ‘Противодействие домашнему насилию в США и Великобритании’ Актуальные проблемы публичного права (2022) 279–282.

отказа от прохождения терапии или отрицательном заключении терапевта, агрессора ожидает уголовное наказание в виде лишения свободы на срок от нескольких месяцев до 5 лет[1138]. Для снижения повторной виктимизации домашнего насилия, в отношении освобожденных из-под стражи агрессоров дополнительно могут применяться охранные ордеры. Они подразделяются на три вида в зависимости от продолжительности действия, условий выдачи и содержания[1139]. Следует отметить, что в США любой арест, предъявленные обвинения и выдача охранных ордеров фиксируются в криминальном досье правонарушителя и данный факт может оказать сдерживающее воздействие на агрессоров, так как влияет на их карьеру и жизнь в целом[1140].

Исходя из вышеизложенного, можно определить, запретительные приказы (защитные предписания) или охранные ордеры являются основной правовой превентивной мерой воздействия на семейных агрессоров во многих государствах[1141]. Эффективность этих мер зависит от множества факторов и были проведены исследования, оценивающие их влияние в профилактике и борьбе с бытовым насилием. Крупномасштабные исследования с использованием EMMIE (модель оценки доказательств эффективности вмешательств), которые включали законодательства Австралии, США, Великобритании, Канады и других стран, показали, что охранные ордеры действительно способствовали снижению повторной виктимизации в сфере домашнего насилия, однако, не все результаты были статистически значимыми[1142]. Мета-анализ показал, что несмотря на то, что охранные ордеры не всегда могут значительно снизить частоту повторения насилия, они снижают ее тяжесть, что также является положительным результатом[1143]. Ряд исследований показал, что диапазон нарушений охранных ордеров составляет от 3 до 79% (в некоторых от 7,1 до 81,3%)[1144], а уровень снижения рецидива бытового насилия в некоторых исследованиях варьируется от 66 до 92%, в других от 48 до 60%[1145]. Результаты других исследований показывают, что охранные ордеры в случаях рецидивов хоть и снижают степень тяжести насилия, но могут быть связаны с увеличением числа физического насилия более легкой степени, а также психологического и экономического насилия[1146]. Однако, указанный факт больше касается потерпевших, которые не имеют общих детей с правонарушителем и финансово независимы от них, соответственно, потерпевшие, имеющие общих детей

[1138] Ibit, 2.

[1139] Симагина Н А, 'Противодействие домашнему насилию в США и Великобритании' Актуальные проблемы публичного права (2022) 279–282.

[1140] Ibit, 3.

[1141] Гуринская А Л, 'Конфликты ценностей в правотворчестве: политико-правовая природа и эффективность охранных ордеров как инструмента профилактики семейно-бытового насилия' (2020) 3 Политическая наука 215–242.

[1142] C Dowling, A Morgan, S Hulme, M Manning and G Wong, 'Protection orders for domestic violence: a systematic review' (2018) Trends and Issues in Crime and Criminal Justice 551, 1–19

[1143] Ibit, 5.

[1144] C E Jordan, 'Intimate partner violence and the justice system: An examination of the interface' (2004) 19(12) Journal of Interpersonal Violence 1412–1434.; Гуринская А Л, 'Конфликты ценностей в правотворчестве: политико-правовая природа и эффективность охранных ордеров как инструмента профилактики семейно-бытового насилия' (2020) 3 Политическая наука 215–242.

[1145] C T Benitez, D E McNiel and R L Binder, 'Do protection orders protect?' (2010) 38(3) Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law Online 376–385.; Гуринская А Л, 'Конфликты ценностей в правотворчестве: политико-правовая природа и эффективность охранных ордеров как инструмента профилактики семейно-бытового насилия' (2020) 3 Политическая наука 215-242.

[1146] C Dowling, A Morgan, S Hulme, M Manning and G Wong, 'Protection orders for domestic violence: A systematic review' (2018).; Гуринская А Л, 'Конфликты ценностей в правотворчестве: политико-правовая природа и эффективность охранных ордеров как инструмента профилактики семейно-бытового насилия' (2020) 3 Политическая наука 215–242.

и финансово зависимые от своих партнеров по-прежнему остаются в группе риска[1147]. Хотя и результаты многих исследований по оценке эффективности охранных ордеров и запретительных приказов в некоторых аспектах значительно разнятся, большинство из них указывают, что около половины жертв повторно сталкиваются с насилием[1148].

Стоит признать, что карательно-превентивные меры, такие как охранный ордер или запретительный приказ несомненно оказывают положительный эффект в защите жертв от повторных эпизодов домашнего насилия, однако в основном они применимы в случае правонарушений легкой степени[1149]. В случае совершения преступлений средней и тяжкой степени мерами эффективного воздействия на семейных агрессоров безусловно остается уголовное преследование с применением адекватного наказания.

Следует отметить, что наряду с рассмотренными мерами ограничительного воздействия, применяемыми в отношении правонарушителей, в современной практике противодействия бытовому насилию используются и иные подходы, включая механизмы восстановительного правосудия и программы психологической коррекции поведения агрессора. Данные меры направлены не только на пресечение противоправного поведения, но и на устранение его причин. Вместе с тем их детальный анализ не входит в предмет настоящего исследования и будет раскрыт в последующих работах.

Заключение

Проведенный анализ законодательства Республики Казахстан и зарубежных государств показывает, что правовые механизмы воздействия на лиц, совершающих семейно-бытовое насилие, существенно различаются по содержанию, условиям применения, продолжительности действия, методам контроля над их исполнением, а также по ответственности за их нарушение, и степень эффективности таких мер напрямую зависит от указанных факторов. В большинстве зарубежных государств для обеспечения безопасности жертв бытового насилия применяются ограничительные меры, такие как запретительные приказы и охранные ордеры, преимуществами которых являются: оперативная выдача ордеров сотрудниками полиции, независимо от наличия согласия потерпевшего; выселение агрессоров без учета факта его жилищных условий; возложение на правонарушителя обязанности возмещать расходы потерпевшего; использование электронного мониторинга и усиленный контроль над исполнением охранных ордеров со стороны правоохранительных органов.

В законодательстве Республики Казахстан также предусмотрен ряд мер правового воздействия на семейных агрессоров, включая защитные предписания и установление особых требований к поведению правонарушителя. Однако проведенный анализ правоприменительной практики и статистических данных показывает, что их эффективность остается ограниченной и указывает на необходимость их дальнейшего совершенствования.

[1147] C Dowling, A Morgan, S Hulme, M Manning and G Wong, 'Protection orders for domestic violence: A systematic review' (2018).; Гуринская А Л, 'Конфликты ценностей в правотворчестве: политико-правовая природа и эффективность охранных ордеров как инструмента профилактики семейно-бытового насилия' (2020) 3 Политическая наука 215–242.

[1148] C Dowling, A Morgan, S Hulme, M Manning and G Wong, 'Protection orders for domestic violence: A systematic review' (2018).

[1149] Колпакова Л А, 'Насилие в семье: виктимологический аспект, дифференциация ответственности и вопросы законодательной техники' (2007); Полищук Е Г, 'Международные механизмы противодействия преступлениям, совершаемым в сфере семейно-бытовых отношений' (2008) 2 Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право 36–40.

Для повышения эффективности указанных мер предлагается увеличить срок выселения правонарушителя из совместного жилища, установив его соразмерным сроку действия особых требований к поведению правонарушителя (от трёх месяцев до одного года), исключить из законодательства формулировку о применении данной меры «в исключительных случаях», а также рассмотреть возможность предоставления сотрудникам полиции права временного выселения агрессора непосредственно на месте происшествия после оценки риска для потерпевшего и членов его семьи.

Кроме того, как показывает зарубежный опыт, важную роль в профилактике повторных правонарушений могут играть программы психокоррекционной терапии и реабилитации агрессоров, направленные на изменение их поведения. Во многих государствах такой вид терапии является частью реабилитационных программ правонарушителей и показывает значительную эффективность в обеспечении защиты жертв насилия и сокращении количества рецидивов бытового насилия[1150]. Использование таких программ в комплексе с ограничительными мерами может способствовать снижению уровня семейно-бытового насилия в стране.

Список литературы:

1. Alexander E G, ‘State Responsibility and International Human Rights’ (Masteroppgave, University of Oslo, 2012) https://www.duo.uio.no/handle/10852/35938?show=full
2. Austrian Federal Act on the Protection against Domestic Violence (entered into force 1 May 1997).
3. Benitez C T, McNiel D E and Binder R L, ‘Do protection orders protect?’ (2010) 38(3) Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law Online 376–385
4. Council of Europe, ‘Convention on preventing and combating violence against women and domestic violence’ (Istanbul, 2011).
5. Crime and Security Act 2010 (United Kingdom) https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2010/17/crossheading/domestic-violence.
6. Dowling C, Morgan A, Hulme S, Manning M and Wong G, ‘Protection orders for domestic violence: A systematic review’ (2018) 551 Trends and Issues in Crime and Criminal Justice 1–19.
7. General Civil Penal Code of Norway (Act of 22 May 1902 No 10) https://app.uio.no/ub/ujur/oversatte-lover/data/lov-19020522-010-eng.pdf
8. Jordan C E, ‘Intimate partner violence and the justice system: An examination of the interface’ (2004) 19(12) Journal of Interpersonal Violence 1412–1434.
9. Lori Mann, ‘Good practices in responding to domestic violence: A comparative study’ (UN Women, CO in BiH, 2019)
10. R Logar, ‘The Austrian model of intervention in domestic violence cases’ in Expert Group Meeting Violence Against Women: Good Practices in Combating and Eliminating Violence Against Women (Division for the Advancement of Women, May 2005)
11. The General Civil Penal Code of Norway, Act of 22 May 1902 No. 10 https://app.uio.no/ub/ujur/oversatte-lover/data/lov-19020522-010-eng.pdf
12. United Nations, ‘Handbook for legislation on VAW’ (2010) https://www.un.org/womenwatch/daw/vaw/handbook/Handbook%20for%20legislation%20on%20VAW%20(Russian).pdf
13. United Nations, ‘Model Legislation on Domestic Violence’ (1996) https://digitallibrary.un.org/record/4102836?utm_source=chatgpt.com&v=pdf

[1150] Волосова Н Ю, ‘Опыт противодействия семейному насилию в Австралии’ (2021) 11(2-1) Вопросы российского и международного права 130–137.

14. UNODC and UN Women, ‘Femicides in 2024: Global Estimates of Intimate Partner/Family Member Femicides’ (2025) <https://digitallibrary.un.org/record/4102836?utm_source=chatgpt.com&v=pdf>

15. UN Women and UNODC, ‘Femicides in 2023: Global Estimates of Intimate Partner and Family Member Femicides’ (2024) https://www.unwomen.org/en/digital-library/publications/2024/11/femicides-in-2023-global-estimates-of-intimate-partner-family-member-femicides

16. United Nations General Assembly, ‘Intensification of efforts to eliminate all forms of violence against women and girls: technology-facilitated violence against women and girls: report of the Secretary-General UN Doc A/79/500’ (8 October 2024) https://www.unwomen.org/en/digital-library/publications/2024/10/intensification-of-efforts-to-eliminate-all-forms-of-violence-against-women-report-of-the-secretary-general-2024

17. United Nations General Assembly, ‘Trafficking in women and girls: report of the Secretary-General UN Doc A/79/355’ (25 July 2024) https://digitallibrary.un.org/record/4062371?utm_source=chatgpt.com&v=pdf

18. Violence Against Women Reauthorization Act of 2013 (P.L. 113-4) (127 STAT. 54) https://www.ilo.org/dyn/natlex2/natlex2/files/download/96826/USA96826.pdf

19. World Bank Group, Women, ‘Business and the Law 2023: Executive Summary’ (2023) https://hdl.handle.net/10986/39462

20. World Health Organization, ‘Violence against women prevalence estimates, 2023: global, regional and national estimates’ (2025) https://www.who.int/publications/i/item/9789240116962

21. Акимат Буландынского района Акмолинской области, Казахстан, ‘Казахстан без насилия в семье’ (3 June 2020) https://www.gov.kz/memleket/entities/aqmola-bulandy/press/article/details/12267?Lang=ru

22. Бекетов О И, Майле А Д, ‘Профилактические меры полицейского воздействия в системе мер противодействия домашнему насилию в государствах ЕС’ (2009) Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право 1, 420–431

23. Большакова А М, ‘Противодействие домашнему насилию: опыт Австрийской республики’ (2022) Теология. Философия. Право 1(17), 42–53

24. Бюро национальной статистики Республики Казахстан, ‘Статистика по гендерным показателям: семейно-бытовое насилие’ (2024) https://gender.stat.gov.kz/page/frontend/detail?Id=86&slug=-71&cat_id=4&lang=ru

25. Волосова, Н. Ю. ‘Опыт противодействия семейному насилию в Австралии. Вопросы российского и международного права’, 11(2-1), 130–137, 2021.

26. Голованова Н А, ‘Противодействие домашнему насилию: новый опыт Великобритании’ (2020) Всероссийский криминологический журнал 14(2), 338–350

27. Гуринская А Л, ‘Конфликты ценностей в правотворчестве: политико-правовая природа и эффективность охранных ордеров как инструмента профилактики семейно-бытового насилия’ (2020) Политическая наука 3, 215–242

28. Заброда Д Г, Заброда С Н, ‘Австрийский опыт предупреждения домашнего насилия: характеристика и предложения по использованию в России’ (2016) Общество и право 3(57), 107–112

29. Колпакова Л А, ‘Насилие в семье: виктимологический аспект, дифференциация ответственности и вопросы законодательной техники’ (2007)

30. Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (Стамбул, 2011)

31. Казахстанский институт общественного развития, Национальный доклад 'О профилактике семейно-бытового насилия в Республике Казахстан’ (2021) https://ru.kipd.kz/pdf-viewer?pdf=https://ru.kipd.kz/uploads/2022/04/nd-sbn-2021.pdf

32. Казахстанский институт общественного развития, Национальный доклад 'О профилактике семейно-бытового насилия в Республике Казахстан' (2025) https://ru.kipd.kz/article/natsionalnyy-doklad-o-profilaktike-semeyno-bytovogo-nasiliya-v-respublike-kazakhstan

33. Казбаева А Г и Каражанов М Д, 'Семейное насилие: Новые вызовы и трансформация законодательства в Казахстане' (29 August 2025) https://prg.kz/document/?doc_id=32793214&pos=3;67

34. Симагина Н А, 'Противодействие домашнему насилию в США и Великобритании' в Актуальные проблемы публичного права (2022), 279–282

35. Харламов В С, 'Институт охранного ордера в зарубежном законодательстве как инструмент защиты личности от внутрисемейного насилия' (2014) Криминология: вчера, сегодня, завтра 1(32), 34–40

36. Полищук Е Г, 'Международные механизмы противодействия преступлениям, совершаемым в сфере семейно-бытовых отношений' (2008) 2 Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право 36–40

37. Сыздыков А Ж, Сагымбеков Б Ж, 'Сравнительно-правовой анализ административно-правовых мер профилактики бытового насилия (опыт Казахстана и России)' (2020) Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан 3(61), 167–173

38. Уполномоченный по правам человека в Республике Казахстан, 'О противодействии семейно-бытовому насилию: специальный доклад' (2024) https://www.gov.kz/memleket/entities/ombudsman/documents/details/619960?lang=ru

39. Adilet, Закон РК №214 «О профилактике бытового насилия» (2009) https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z090000214

40. Adilet, Закон РК «О профилактике правонарушений» (2024) https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2400000073

41. Ranking.kz, Меньше терпеть, чаще рассказывать: как изменился уровень бытового насилия в Казахстане https://ranking.kz/reviews/socium/menshe-terpet-chasche-rasskazyvat-kak-izmenilsya-uroven-bytovogo-nasiliya-v-kazahstane.html

42. Tengrinews.kz, Сколько казахстанцев имеют собственное жилье: статистика https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/skolko-kazahstantsev-imeyut-sobstvennoe-jile-statistika-522246/

Қуандыққызы Ақерке
магистрант 2 курса образовательной программы «Юриспруденция»
Высшая школа права Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республика Казахстан
E-mail: a_kuandykkyzy@kazguu.kz

СПЕЦИАЛЬНЫЙ НАЛОГОВЫЙ РЕЖИМ НА ОСНОВЕ УПРОЩЕННОЙ ДЕКЛАРАЦИИ ДЛЯ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: СТИМУЛ ИЛИ ОГРАНИЧЕНИЕ?

Аңдатпа:

Бұл мақалада шағын кәсіпкерлік субъектілерінің қызметін арнайы салық режимдерін салықтық-құқықтық реттеу құралдары ретінде қарастыруға байланысты мәселелер талданады. Ынталандырушы және шектеуші функция сипатында көрінетін арнайы салық режимдерінің қосарланған сипаты талданады. Зерттеу нәтижелері ретінде Қазақстан Республикасының Салық кодексінде белгіленген қағидаттарға сәйкес келетін толық және бәсекеге қабілетті шағын кәсіпкерлікті дамытуға ықпал ететін ҚР арнайы салық режимдерін түзету бойынша ұсыныстар дайындалды.

Ғылыми мақаланың мақсаты оңайлатылған декларация негізінде арнаулы салық режимін талдау, қолданыстағы заңнама мен басқа зерттеушілердің ұстанымдары негізінде олардың артықшылықтары мен кемшіліктерін анықтау, осы мәселелерді реттеуде қорытындылар мен ұсыныстар дайындау болып табылады.

Зерттеу барысында формальды-құқықтық әдіс пен салыстырмалы-құқықтық әдіс, зерттелетін мәселелер бойынша ғылыми жұмыстарға жүйелі көзқарас пен талдау қолданылды.

Түйін сөздер: арнайы салық режимі, салық төлеушілер, салық агенттері, салық әкімшілігі, шағын кәсіпкерлік, салық органдары, жеңілдетілген декларация.

Аннотация:

В данной статье анализируются вопросы, связанные с рассмотрением специальных налоговых режимов в качестве инструментов налогово-правового регулирования деятельности субъектов малого предпринимательства. Анализирована двойственная природа специальных налоговых режимов, которая проявляется как в стимулирующей, так и в ограничивающей функции. В качестве результатов исследования предложены рекомендации по корректировке специальных налоговых режимов, которые поспособствуют развитию полного и конкурентоспособного малого предпринимательства, соответствующего принципам, заложенным в Налоговом Кодексе Республики Казахстан.

Целью научной статьи является анализ специального налогового режима на основе упрощенной декларации, выявление их преимуществ и недостатков на основе действующего законодательства и позиций других исследователей, подготовка выводов и предложений в регулировании данных вопросов.

Были использованы формально-юридический метод и сравнительно-правовой метод исследования, системный подход и анализ научных работ по изучаемой проблематике.

Ключевые слова: специальный налоговый режим, налогоплательщики, налоговые агенты, налоговое администрирование, малое предпринимательство, налоговые органы, упрощенная декларация.

Annotation:

This article analyzes issues related to the consideration of special tax regimes as instruments of tax and legal regulation of small business activities. The dual nature of special

tax regimes which manifests itself in both stimulating and restrictive functions is analyzed. As a result of the study, recommendations are proposed for amending the special tax regimes, which will contribute to the development of a comprehensive and competitive small business sector in accordance with the principles enshrined in the Tax Code of the Republic of Kazakhstan.

The purpose of the work is to analyze a special tax regime based on a simplified declaration, identify their advantages and disadvantages based on current legislation and the positions of other researchers, and prepare conclusions and proposals for regulating these issues.

There were used formal legal method and the comparative legal method of research, a systematic approach and an analysis of scientific papers on the studied issues.

Keywords: special tax regime, taxpayers, tax agents, tax administration, small business, tax authorities, simplified declaration.Keywords: special tax regime, taxpayers, tax agents, tax administration, small business, tax authorities, simplified declaration.

Введение

Налоговая политика Республики Казахстан является важнейшим инструментом регулирования предпринимательской активности, реализуемой через системы преференций и налоговых стимулов, а не только механизмом, обеспечивающим пополнение бюджета государства. Со вступлением в силу нового Налогового Кодекса Республики Казахстан (далее – НК РК) у субъектов малого предпринимательства возникают сложности в ведении бизнеса из-за противоречий между тем, что они могут применять специальные налоговые режимы, которые дают им облегчения в налогообложении и налогового администрирования, но при этом большинство юридических лиц, осуществляющих свою деятельность на общеустановленном режиме, отказываются с ними сотрудничать. Причина в том, что в результате вступления в силу нового НК РК с 1 января 2026 г., юридические лица на общеустановленном режиме налогообложения не могут брать на вычеты расходы, потраченные на приобретение услуг, работ или товаров у субъектов предпринимательства, работающих по специальному налоговому режиму на основе упрощенной декларации. Данная норма закреплена в пп. 16, ст. 286 НК РК от 18 июля 2025 г., где указано, что вычету не подлежат расходы налогоплательщика по приобретению товаров, работ, услуг у лиц, применяющих специальный налоговый режим на основе упрощенной декларации на дату получения таких товаров, работ, услуг.[1151] Вследствие чего, субъекты малого предпринимательства:

1) вынужденно переходят на общеустановленный режим налогообложения, который предусматривает более строгое налоговое администрирование и уплату налогов в более крупном размере;

2) либо также вынужденно останавливают свою деятельность, так как понимают, что они не смогут осилить предстоящую налоговую нагрузку.

Тем самым возникает необходимость изучить вопрос, насколько специальный налоговый режим на основе упрощенной декларации способствует динамичному развитию малого предпринимательства: действительно ли он дает стимул или наоборот устанавливает рамки в реализации прав предпринимателей?

Основная часть

Проблематика данной статьи заключается в том, что между НК РК и Предпринимательским Кодексом Республики Казахстан (далее – ПК РК), а также в самом НК РК как упомянуто выше существуют правовые коллизии. Они в свою очередь побуждают возникновение вопроса согласно теме данной работы. Для детального

[1151] Налоговый кодекс Республики Казахстан от 18 июля 2025 года № 214-VIII ЗРК, ст 286(16).

анализа, начнем с того, что в Республике Казахстан взаимодействие между государством и субъектами предпринимательства определено через принципы и цели в ст. 3 ПК РК. Среди принципов перечислены такие как:

1. законность;
2. свобода предпринимательства;
3. равенство субъектов предпринимательства;
4. неприкосновенность собственности;
5. добросовестная конкуренция;
6. баланс интересов потребителей, субъектов предпринимательства и государства;
7. прозрачность деятельности государственных органов и доступность информации;
8. эффективность государственного регулирования предпринимательства;
9. повышение способности субъектов предпринимательства к самостоятельной защите своих прав и законных интересов;
10. приоритет предупреждения правонарушения;
11. презумпция добросовестности субъектов предпринимательства и взаимная ответственность государства и субъектов предпринимательства;
12. свобода от коррупции;
13. стимулирование предпринимательской деятельности и обеспечение ее защиты и поддержки;
14. поддержка казахстанских товаропроизводителей, производителей работ, услуг;
15. недопустимость незаконного вмешательства государства в дела субъектов предпринимательства;
16. участие субъектов частного предпринимательства в нормотворчестве;
17. стимулирование социальной ответственности предпринимательства;
18. ограниченное участие государства в предпринимательской деятельности.[1152]

Реализация этих принципов на практике очень связана с категориями бизнеса, которые предполагают наличие возможности пользования мерами государственной поддержки и специальными налоговыми режимами. Категории классифицируются по двум критериям:

1) среднегодовому доходу;
2) среднегодовой численности сотрудников.[1153]

Для категории субъектов малого предпринимательства дано следующее определение в п. 3 ст. 24 ПК РК: «Субъектами малого предпринимательства являются индивидуальные предприниматели без образования юридического лица и юридические лица, осуществляющие предпринимательство, со среднегодовой численностью работников не более 100 человек и среднегодовым доходом не свыше 300 000 месячного расчетного показателя (МРП), установленного законом о республиканском бюджете и действующего на 1 января соответствующего финансового года».[1154] Отдельно выделены и субъекты микропредпринимательства, у которых среднегодовая численность работников не превышает 15 человек и среднегодовой доход не выше 30 000 МРП, установленного законом о республиканском бюджете и действующего на 1 января соответствующего

[1152] Предпринимательский кодекс Республики Казахстан от 29 октября 2015 года № 375-V ЗРК, ст 3
[1153] Предпринимательский кодекс (n 2), ст 24(2)
[1154] Предпринимательский кодекс (n 2), ст 24(3)

финансового года.[1155] Здесь необходимо отметить наличие правовой коллизии или как минимум весомого различия между НК РК и ПК РК. В пп. 1 п. 1 ст. 723 НК РК установлена норма позволяющая применять специальные налоговые режимы на основе упрощенной декларации лицам, у которых предельный доход за календарный год не превышает 600 000 МРП (2 595 000 000 тенге).[1156] Из данной нормы мы понимаем, что местное налоговое законодательство вдвое увеличивает допустимые пороговые значения для малого предпринимательства в сравнении с ПК РК. Следовательно, данную правовую коллизию можно рассмотреть, как один из стимулов разрешающий малому предпринимательству de jure относящимся к среднему предпринимательству[1157], de facto применять льготы малого предпринимательства.

Наряду с этими нормами законодатель установил жесткий, сдерживающий перечень исключений. Согласно п. 4, ст. 24 ПК РК субъектами малого и микропредпринимательства не признаются лица которые осуществляют деятельность: по хранению зерна на хлебоприемных пунктах; в сфере игорного бизнеса; связанную с оборотом радиоактивных материалов; в оборотах гражданского и служебного оружия и патронов к нему; по цифровому майнингу I подвида; товарных бирж, кредитных бюро; охранную деятельность, банковскую деятельность (либо отдельные виды банковских операций); деятельность на страховом рынке (кроме деятельности страхового агента), аудиторскую деятельность, а также профессиональную деятельность на рынке ценных бумаг.[1158] Схожие ограничения установлены и в пп. 2, п. 1, ст. 723 НК РК, ссылающемся на установленный Правительством Республики Казахстан перечень видов деятельности, по которым запрещается применение специального налогового режима на основе упрощенной декларации Постановлением Правительства Республики Казахстан от 14 ноября 2025 года № 970 который добавляет к предыдущему списку: лизинг автомобилей и оборудования, строительство жилых и нежилых зданий, деятельность в сфере консалтинга, маркетинга, бухгалтерского учета и аудита, деятельность в сфере права, юстиции и правосудия и т.д. – тех, кто не вправе применять специальные налоговые режимы на основе упрощенной декларации.[1159] Такие ограничения направлены на предотвращение схем по уклонению от налогов крупными компаниями через аутсорсинг в малый бизнес, но одновременно оно лишает инновационные и интеллектуальные стартапы доступа к упрощенным механизмам налогообложения.

Природа специальных налоговых режимов с точки зрения юриспруденции заключается в том, что он предоставляет условия, механизмы, которые дают защиту и некую «тихую гавань» для предпринимателей. Это подтверждается не только на практике, но и в разных научных исследованиях.[1160] Также идеей внедрения специальных налоговых режимов предусматривалось выведение предпринимателей из «теневого» бизнеса в прозрачную предпринимательскую деятельность и минимизация ухода от уплаты налогов в государственный бюджет.

Знаменитый труд Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» является основополагающим трудом автора для анализа налоговых режимов как инструментов экономического регулирования. Центральная идея автора

[1155] Ibid

[1156] Налоговый кодекс (n 1), ст 723(1)(1)

[1157] Предпринимательский кодекс (n 2), ст 24(5)

[1158] Предпринимательский кодекс (n 2), ст 24(4)

[1159] Постановление Правительства Республики Казахстан от 14 ноября 2025 года № 970 ‘Об утверждении перечня видов деятельности, по которым запрещено применение специального налогового режима на основе упрощенной декларации’

[1160] A.M. Tufetulov, T.G. Davletshin and S.V. Salmina, ‘Analysis of the Impact of Special Tax Regimes for Small Business Financial Results’ (2015) 503;

К.П. Моссур, ‘Проблематика характера взаимной связи налогов и специальных налоговых режимов: к вопросу определения правовой природы и сущности’ (2024) 289

о «невидимой руке» предполагает, что минимизация государственного вмешательства позволяет предпринимателям эффективнее следовать частным интересам, что в конечном итоге способствует общественному благу.[1161] Что касается вопроса исследования специальных налоговых режимов, это обосновывает их роль как стимула, снижающего административное и фискальное давление, тем самым способствуя реализации «натуральной свободы» малого предпринимательства.

Вместе с этим теоретическая система Смита указывает и на потенциальные ограничения. Автор подчеркивает, что разделение труда, являющееся одним из немаловажных и ключевых факторов роста производительности, напрямую ограничен размерами рынка. Если условия специальных налоговых режимов (например, строгие лимиты по доходу или численности) создают искусственные барьеры для укрупнения предпринимательства, они препятствуют углублению специализации и техническому совершенствованию производства. Смит признавал, что государство должно вмешиваться лишь там, где рынок неэффективен, поэтому налоговая политика, согласно его логике, должна поддерживать накопление капитала, а не сдерживать его. В результате, с позиции классической теории, СНР являются эффективным стимулом только в том случае, если их параметры не вступают в противоречие с объективным законом расширения рынков и естественным развитием производительных сил.

Общеизвестно, что субъекты малого предпринимательства являются одним из движущих экономику катализаторов во всем мире, способствуют демонополизации на рынке, путем выпуска и производства комплектующих изделий, полуфабрикатов, что не выгодно крупным организациям.[1162] Этим самым, они обеспечивают поступление налогов, то есть вознаграждений на содержание государственных органов за их определенную деятельность.[1163] Иными словами, государственный бюджет пополняется по сути своей принудительно, ввиду наличия таковой власти у государства,[1164] путем осуществления фискальной функции налогового законодательства, которое является ключевой, базовой, но не единственной из целей налоговой системы. Однако, эффективность платежеспособности предпринимателей и их добросовестного исполнения обязательств как налогоплательщиков зависит от качества правовой среды, представляющей собой совокупность правовых механизмов, обеспечивающих надлежащее функционирование налогового законодательства, правовую определенность, стабильности налогового регулирования, эффективного взаимодействия государства и субъектов предпринимательства, защиту прав и законных интересов предпринимателей.

Нередко при начале предпринимательской деятельности субъекты предпочитают работать на специальных налоговых режимах, ввиду наличия налоговых послаблений и простого, понятного налогового администрирования сфер деятельности. Вдобавок при работе на специальных налоговых режимах повышается и конкурентоспособность, так как нет необходимости ведения детального учета и подчинению сложной иерархии, что позволяет быстро и оперативно принимать решения и легче адаптироваться к условиям рынка.[1165] Для детального понятия, что является «специальным налоговым режимом» обратимся к его дефиниции, которая закреплена в п. 1, ст. 6 НК РК от 18 июля 2025 г. и говорит нам о том, что специальные налоговые режимы – это отличающийся от общеустановленного режима налогообложения порядок сдачи налоговой отчетности, исчисления, уплаты налогов

[1161] А. Смит, Исследование о природе и причинах богатства народов (ЛитРес 2011)

[1162] Л.К. Дюсембаева, 'Роль малого предпринимательства в экономическом развитии РК' (2020) 10(2) International Journal of Professional Science 18

[1163] А.Д. Жусупов, 'Принципы налогообложения по законодательству Республики Казахстан' (2012) 3(27) Вестник Института законодательства Республики Казахстан 48

[1164] Ibid

[1165] Дюсембаева (n 12) 16

и других обязательных платежей в бюджет, который предназначен для отдельных категорий налоговых агентов.[1166]

Кроме закрепленного в нормативно-правовом акте определении термина, есть и научные определения. Так, к примеру исследователи налогового права отмечают, что специальные налоговые режимы следует считать как обособленное, самостоятельное налогово-правовое явление со сложным системным строением, строящемся не только в контексте самих налогов или других обязательных платежей, но и в введении, установлении, применении данных режимов, освобождении от уплаты некоторых налогов, особенности налогообложения и применении налоговых льгот.[1167] Следовательно, можно предположить, что специальные налоговые режимы являются «правовым панцирем», создающим гибкие и комфортные условия для функционирования бизнеса на начинающих этапах развития.

Мы понимаем, что специальные налоговые режимы предполагают создание благоприятных условий для ведения предпринимательской деятельности и одна из их миссий, это – быть инструментом налоговой оптимизации. Но на самом деле, некоторые нормы в налоговом законодательстве РК, избыточно регулирующие специальные налоговые режимы, создают барьеры, которые вводят налоговых агентов в коллизионные ситуации. Закон разрешает применять специальные налоговые режимы на основании ст. 716 НК РК от 18 июля 2025 г.[1168], но в то же время ограничивает осуществление предпринимательской деятельности по упрощенному режиму налогообложения между субъектами на специальных налоговых режимах и на общеустановленнрм режиме налогообложения на основании пп. 16, ст. 286 НК РК от 18 июля 2025 г. Например:

Порог размера предельного дохода по специальному налоговому режиму на основе упрощенной декларации:

- в 2025 г. 24 038 МРП (94 517 416 тенге)[1169],
- в 2026 г. 600 000 МРП (2 595 000 000 тенге)[1170].

Соответственно, по новому НК РК государство увеличило порог по доходу по специальным налоговым режимам на основе упрощенной декларации почти в 25 раз и предприниматели могут оставаться на «упрощенке» вплоть до достижения оборота в 2,5 млрд тенге. Также согласно пп.4, п.3, ст. 99 НК РК налоговые агенты применяющие специальные налоговые режимы не подлежат потановке на учет по налогу на добавленную стоимость.[1171] Это означает, что по новому налоговому законодательству порог минимального оборота в размере 10 000 МРП[1172] по постановке на учет по налогу на добавленную стоимость не имеет абсолютно никакого отношения к субъектам малого предпринимательства осуществляющих предпринимательскую деятельность по специальным налоговым режимам.

Следующее, на что следует обратить внимание, как отмечалось ранее, это – применение специальных налоговых режимов на основе упрощенной декларации несет ограничительный характер из-за того, что компании, работающие на общеустановленном режиме налогообложения не могут получить «входящий» НДС от поставщика, работающего по специальному налоговому режиму на основе упрощенной декларации.[1173] Это в свою очередь делает товары и услуги малого

[1166] Налоговый кодекс (n 1), ст 6(1)
[1167] Моссур (n 11) 295
[1168] Налоговый кодекс (n 1), ст 716
[1169] Кодекс Республики Казахстан «О налогах и других обязательных платежах в бюджет» (Налоговый кодекс) от 25 декабря 2017 года № 121-VI ЗРК, ст 683(2)(2)
[1170] Налоговый кодекс (n 1), ст 723(1)
[1171] Налоговый кодекс (n 1), ст 99(3)(4)
[1172] Налоговый кодекс (n 1), ст 99(4)(2)
[1173] Налоговый кодекс (n 1), ст 286(16)

бизнеса экономически менее привлекательными из-за отсутствия налоговых зачетов у покупателя при исчислении налогов. Данное условие проявило негативные последствия для предпринимателей на специальных налоговых режимах в том, что предприниматели на общеустановленном режиме налогообложения начали массово расторгать действующие, перестали заключать новые договоры с компаниями, осуществляющими предпринимательскую деятельность по специальному налоговому режиму на основе упрощенной декларации. Соответственно, для предпринимателей есть два вида решения данной ситуации:

1) Малый бизнес на специальном налоговом режиме переходит на общеустановленный режим налогообложения и вместо предполагаемых 4% налога вынужден уплачивать все 10%, а то и 20% в то время, когда пониженная ставка налогов является важнейшим преимуществом специальных налоговых режимов для субъектов малого предпринимательства. При этом законодатель предоставил право понижать данную ставку вдвое – до 2% в зависимости от видов деятельности и особенностей региона, внедряя механизм децентрализации.[1174]

Он повышает цены на свои товары, работы или услуги, чтобы компенсировать определенную часть своих расходов. Как результат страдает теперь не только предприниматель, но и конечный потребитель, совершающий закуп.

Исследования показывают, что резкий скачок налоговой нагрузки без «переходных зон» провоцирует предпринимателей к искусственному сдерживанию роста путем дробления бизнеса.[1175] Такое создание нескольких аффилированных структур для удержания каждой из них в рамках лимитов специальных налоговых режимов или уменьшения суммы налогооблагаемого дохода деструктивным образом, искажает фактические показатели рыночной конкуренции и вынуждает налоговые органы ужесточать контроль, по причине необоснованной налоговой выгоды и занижения сумм налогов и других обязательных платежей в бюджет.[1176]

2) Малый бизнес приостанавливает свою деятельность или ликвидируется, так как понимает, что не способен справиться с исполнением будущих налоговых обязательств.

На рынке снижается конкуренция и применение специальных налоговых режимов на деле оказывается рабочим методом для тех предпринимателей, которые напрямую работают только с физическими лицами. Таким образом, можно сделать вывод, что специальные налоговые режимы имеют дуалистическую природу: в определенной мере они позволяют субъектам предпринимательства осуществлять предпринимательскую деятельность в облегченном варианте, а с другой стороны, создают регуляторные ограничения, которые влекут за собой утрату права работы на специальных налоговоых режимах при достижении минимального порога, что в конце концов приводит к дестимулированию в масштабировании[1177].

Следующий ограничительный характер налогового законодательства связан с объектом налогообложения. Согласно п.1, ст. 724 НК РК при исчислении налога с доходов субъектов малого предпринимательства на специальном налоговом режиме, налогом облагается доход (без учета расходов), подлежащий получению (полученный) за налоговый период по методу начисления.[1178] Данный способ расчета выгоден для высокомаржинального сектора услуг, выполнения работ и достаточно обременителен

[1174] Налоговый кодекс (п 1), ст 715

[1175] Г.С. Клычова и другие, ‘Специальные налоговые режимы для малого бизнеса: проблемы выбора оптимальной налоговой нагрузки’ (2023) 10(4) Учет. Анализ. Аудит 77

[1176] V. Tiutiuriukov, ‘Legal Consequences of Special Tax Regimes for Individual Entrepreneurs in Post-transition Economies’ (2024) 2 Pravni Zapisi 410

[1177] S. Hasanova, ‘General and Special Tax System as Tools of Socio-Economic Development’ (2023) 451 E3S Web of Conferences

[1178] Налоговый кодекс Республики Казахстан от 18 июля 2025 года № 214-VIII ЗРК, ст 724(1)

для материалоемких производств. В случаях, когда доля расходов в выручке значительна, малый бизнес может оказаться в ситуации, когда сумма налога, исчисленного от дохода, превышает потенциальный налог на прибыль в общеустановленном режиме.

Сравнительно-правовой анализ позволяет сделать вывод, что статус спсециальных налоговых режимов как стимула или ограничения для субъектов малого предпринимательства зависит от стадии жизненного цикла предприятия и его виду экономической деятельности. На этапе «зарождения» и легализации специальные налоговые режимы выступают безусловным стимулом, обеспечивая низкий порог входа и административный комфорт.[1179] Для предприятий, ориентированных на конечного потребителя-физического лица (B2C), отсутствие НДС и низкая ставка индивидуального подоходного налога являются ключевыми факторами жизнестойкости.

Наоборот, для растущего бизнеса, стремящегося к интеграции в крупные производственные цепочки (B2B), специальные налоговые режимы начинают играть роль ограничения. Противоречия по НДС и жесткие лимиты по доходу превращают льготный режим в ловушку, препятствующую трансформации малого бизнеса в средний. В этом контексте интересен опыт Российской Федерации, где для решения проблемы «обрыва» при переходе с упрощенной системы на общую были введены повышенные ставки внутри спецрежима при превышении базовых лимитов, что создало своего рода «ступень» для бизнеса.[1180]

В Казахстане также наметилась тенденция к дифференциации. Введение параллельно с со специальным налоговым режимом на основе упрощенной декларации таких режимов как: специальный налоговый режим для самозанятых, Специальный налоговый режим для крестьянских или фермерских хозяйств свидетельствует о попытках законодателя адаптировать специальные налоговые режимы к потребностям различных сегментов рынка.[1181] Тем не менее, фундаментальная проблема отсутствия вычетов при исчислении налога в рамках упрощенной декларации остается нерешенной для производственных компаний, что требует дальнейшего совершенствования норм НК РК.

Заключение

Подытоживая анализ проведенного исследования, можно констатировать, что специальный налоговый режим на основе упрощенной декларации для субъектов малого предпринимательства в Республике Казахстан обладает сложной, противоречивой природой. На данном этапе развития специальные налоговые режимы успешно выполняют свою фискальную и социальную функции как инструмент легализации самозанятых и поддержки микробизнеса, являясь для них мощным стимулом.[1182]

Однако для качественного перехода малого предпринимательства в категорию среднего, действующее регулирование специальных налоговых режимов выступает в большей степени ограничением. Системные дефекты, такие как отсутствие механизмов зачета НДС для субъектов пирменящих специальные налоговые режимы и стремительная смена режима налогообложения при достижении лимитов дохода,

---

[1179] S. Hasanova, 'General and Special Tax System as Tools of Socio-Economic Development' (2023) 451 E3S Web of Conferences 5

[1180] А.Б. Быля, Д.В. Устинов, 'Новеллы правового регулирования специальных налоговых режимов: проблемы теории и практики' (2022) 8(96) Вестник Университета имени ОЕ Кутафина 84

[1181] Налоговый кодекс (n 1), ст 717(1)

[1182] Ж.П. Александрова, А.А. Молчанова and Д.А. Токарева, 'Специальные налоговые режимы как форма стимулирования малого предпринимательства' (2021) 72-3 Тенденции развития науки и образования 102

требуют законодательной корректировки. Для совершенствования налогового стимулирования представляется целесообразным рассмотреть следующие предложения:

Во-первых, внедрение «переходных налоговых режимов» по аналогии с международным опытом, которые позволяли бы бизнесу постепенно адаптироваться к росту налоговой нагрузки без резкого перехода на общеустановленный порядок.[1183]

Во-вторых, разработка правовых механизмов, устраняющих дискриминацию по НДС малого бизнеса в B2B-секторе, возможно, через введение права на добровольную уплату НДС внутри специальных налоговых режимов без утраты права на упрощенное администрирование других налогов.

В-третьих, дифференциация объектов налогообложения в рамках специальных налоговых режимов, позволяющая предпринимателям в сфере производства выбирать между налогом с оборота и налогом с разницы между доходами и расходами, что обеспечит справедливость налогообложения для низкомаржинальных предприятий.

Реализация данных мер позволит трансформировать специальные налоговые режимы из вышеупомянутой «тихой гавани» для микробизнеса в эффективный «трамплин» для развития полноценного и конкурентоспособного частного предпринимательства, отвечающего принципам эффективности и справедливости, заложенным в законодательстве Республики Казахстан.

Список литературы:

1. Кодекс Республики Казахстан «О налогах и других обязательных платежах в бюджет» (Налоговый кодекс) от 25 декабря 2017 года № 121-VI ЗРК, <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1700000120>
2. Налоговый кодекс Республики Казахстан от 18 июля 2025 года № 214-VIII ЗРК, <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2500000214>
3. Постановление Правительства Республики Казахстан от 14 ноября 2025 года № 970 ‘Об утверждении перечня видов деятельности, по которым запрещено применение специального налогового режима на основе упрощенной декларации’, <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2500000970>
4. Предпринимательский кодекс Республики Казахстан от 29 октября 2015 года № 375-V ЗРК <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000375>
5. Александрова Ж.П., Молчанова А.А. и Токарева Д.А., ‘Специальные налоговые режимы как форма стимулирования малого предпринимательства’ (2021) 72-3 Тенденции развития науки и образования, <https://doicode.ru/doifile/lj/72/lj-04-2021-112.pdf>
6. Быля А.Б. и Устинов Д.В., ‘Новеллы правового регулирования специальных налоговых режимов: проблемы теории и практики’ (2022) 8(96) Вестник Университета имени О.Е. Кутафина, <https://cyberleninka.ru/article/n/novelly-pravovogo-regulirovaniya-spetsialnyh-nalogovyh-rezhimov-problemy-teorii-i-praktiki/viewer>
7. Дюсембаева Л.К., ‘Роль малого предпринимательства в экономическом развитии РК’ (2020) 10.2 International Journal of Professional Science, <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-malogo-predprinimatelstva-v-ekonomicheskom-razvitii-rk/viewer>
8. Жусупов А.Д., ‘Принципы налогообложения по законодательству Республики Казахстан’ (2012) 3(27) Вестник Института законодательства Республики Казахстан, <https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-nalogooblozheniya-po-zakonodatelstvu-respubliki-kazahstan/viewer>

[1183] А.Б. Быля, Д.В. Устинов (n 3) 84

9. Клычова Г.С. и другие, ‘Специальные налоговые режимы для малого бизнеса: проблемы выбора оптимальной налоговой нагрузки’ (2023) 10(4) Учет. Анализ. Аудит, <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsialnye-nalogovye-rezhimy-dlya-malogo-biznesa-problemy-vybora-optimalnoy-nalogovoy-nagruzki/viewer>

10. Моссур К.П., ‘Проблематика характера взаимной связи налогов и специальных налоговых режимов: к вопросу определения правовой природы и сущности’ (2024) 5 Теория и практика общественного развития, <https://cyberleninka.ru/article/n/problematika-haraktera-vzaimnoy-svyazi-nalogov-i-spetsialnyh-nalogovyh-rezhimov-k-voprosu-opredeleniya-pravovoy-prirody-i/viewer>

11. Смит Адам, *Исследование о природе и причинах богатства народов* (ЛитРес 2011)

12. Hasanova S., ‘General and Special Tax System as Tools of Socio-Economic Development’ (2023) 451 E3S Web of Conferences, <https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2023/88/e3sconf_esmgt2023_01030.pdf>

13. Tiutiuriukov V., ‘Legal Consequences of Special Tax Regimes for Individual Entrepreneurs in Post-transition Economies’ (2024) 2 Pravni Zapisi, <https://scindeks-clanci.ceon.rs/data/pdf/2217-2815/2024/2217-28152402394T.pdf>

14. Tufetulov A.M., Davletshin T.G. and Salmina S.V., ‘Analysis of the Impact of Special Tax Regimes for Small Business Financial Results’ (2015), <https://www.researchgate.net/publication/276753236_Analysis_of_the_Impact_of_Special_Tax_Regimes_for_Small_Business_Financial_Results/link/55d7b85c08aed6a199a691eb/download?_tp=eyJjb250ZXh0Ijp7ImZpcnN0UGFnZSI6InB1YmxpY2F0aW9uIiwicGFnZSI6InB1YmxpY2F0aW9uIn19>

Амирханова Лира Асылбековна
Бакалавр 4 курса образовательной программы «Юриспруденция»
Высшая школа права Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Казахстан
e-mail: l_amirkhanova@kazguu.kz

НЕЙРОБИОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация

В данной статье исследуется влияние нейробиологических факторов на формирование поведения несовершеннолетних и их отражение в механизмах правовой ответственности. В условиях четвертой промышленной революции и цифровизации общества традиционные юридические подходы к оценке вины подростков требуют пересмотра с учетом данных нейронаук. Автор анализирует специфику подросткового периода, пубертатного периода через призму нейрохимии и структурного развития головного мозга (префронтальной коры и лимбической системы). Особое внимание уделено сравнительному анализу поведения «нормативно развивающихся» подростков и лиц с диагностированными расстройствами (Посттравматическое стрессовое расстройство, расстройство аутистического спектра и задержка психического развития) согласно критериям МКБ-10 и DSM-5. В работе использованы актуальные статистические данные Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной Прокуратуры Республики Казахстан (далее- «КПСиСУ ГП РК») за 2024-2025 годы. Предлагается внедрение нейроправового подхода для повышения индивидуализации уголовного правосудия.

Ключевые слова: нейроправо, несовершеннолетние, ПТСР, РАС, ЗПР, префронтальная кора головного мозга, уголовная ответственность.

Аннотация

Бұл мақалада нейробиологиялық факторлардың кәмелетке толмағандардың мінез-құлқын қалыптастыруға әсері және олардың құқықтық жауапкершілік механизмдеріндегі көрінісі зерттеледі. Төртінші өнеркәсіптік революция мен қоғамның цифрландырылуы жағдайында жасөспірімдердің кінәсін бағалауға арналған дәстүрлі заңдық тәсілдер нейрофылым деректерін ескере отырып қайта қарауды талап етеді. Автор жасөспірімдік кезең мен жыныстық жетілу кезеңінің ерекшеліктерін нейрохимия және бас миының құрылымдық дамуы (префронталдық қыртыс пен лимбикалық жүйе) тұрғысынан талдайды. «Қалыпты дамып келе жатқан» жасөспірімдердің мінез-құлқын ХАЖ-10 және DSM-5 критерийлері бойынша диагноз қойылған бұзылыстары (Посттравматикалық стресстік бұзылыс, аутизм спектрінің бұзылысы және психикалық дамудың кешеуілдеуі) бар адамдардың мінез-құлқымен салыстырмалы талдауға ерекше назар аударылады. Жұмыста Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының Құқықтық статистика және арнайы есепке алу комитетінің (бұдан әрі «ҚПСжАЕК БП ҚР») 2024-2025 жылдарға арналған өзекті статистикалық деректері пайдаланылды. Қылмыстық сот төрелігін жекелендіруді арттыру мақсатында нейроқұқықтық тәсілді енгізу ұсынылады.

Түйін сөздер: нейроқұқық, кәмелетке толмағандар, ПТСБ, АСБ, ЗПР, бас миының префронталдық қыртысы, қылмыстық жауапкершілік.

Abstract

This article examines the influence of neurobiological factors on the formation of juvenile behaviour and their reflection in legal liability mechanisms. In the context of the

Fourth Industrial Revolution and the digitalisation of society, traditional legal approaches to assessing adolescent culpability require reconsideration in light of neuroscientific data. The author analyses the specificities of adolescence and puberty through the lens of neurochemistry and the structural development of the brain (prefrontal cortex and limbic system). Special attention is given to a comparative analysis of the behaviour of "normatively developing" adolescents and individuals diagnosed with disorders (Post-Traumatic Stress Disorder, Autism Spectrum Disorder and Intellectual Developmental Disorder) according to ICD-10 and DSM-5 criteria. The study draws on current statistical data from the Committee on Legal Statistics and Special Records of the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan (hereinafter "CLSSR GPO RK") for 2024-2025. The introduction of a neurolaw approach is proposed to enhance the individualisation of criminal justice.

Keywords: neurolaw, juveniles, PTSD, ASD, intellectual developmental disorder, prefrontal cortex, criminal liability.

Введение

Современная юридическая наука находится на пороге парадигмального сдвига, обусловленного четвертой промышленной революции. Конвергенция права и нейронаук (neurolaw) ставит под сомнение классические конструкции субъективной стороны деяния, основанные на презумпции полной когнитивной зрелости субъекта. Особенно остро эта проблема проявляется в уголовных преступлениях, совершенных несовершеннолетними, в ювенальной юстиции, где возраст привлечения к ответственности часто определяется формально-календарными критериями, не всегда коррелирующими с биологическим созреванием нервной системы.

Актуальность исследования подтверждается статистическими трендами. Согласно данным КПСиСУ ГП РК, в 2023 году в Казахстане было зарегистрировано 1648 правонарушений, совершенных несовершеннолетними, а в 2024 году этот показатель составил 1565 фактов. Несмотря на общую тенденцию к снижению-плановый показатель на 2025 год составил 1468 фактов, структура подростковой преступности остается сложной, характеризуясь высокой долей импульсивных деяний и правонарушений против личности.[1184] При этом уровень виктимизации несовершеннолетних за 10 месяцев 2024 года вырос на 52%, что создает долгосрочные риски формирования девиантного поведения у пострадавших детей вследствие перенесенных травм.

Целью данной работы является обоснование необходимости учета нейробиологических особенностей развития мозга (как в норме, так и при патологиях) при правовой оценке деяний несовершеннолетних.

Основная часть

Подростковый период- это не просто социальный переход, а глубокая биологическая перенастройка организма, характеризующаяся нелинейным развитием различных структур головного мозга. С точки зрения нейробиологии, подростковый мозг находится в состоянии временного дисбаланса, который исследователи часто называют «моделью двойных систем» (Dual Systems Model).

1.1 Анализ анатомического ракурса: префронтальная кора и амигдала

Главная особенность пубертатного периода заключается в том, что структуры мозга, отвечающие за эмоции и вознаграждение (лимбическая система, в частности, амигдала и вентральный стриатум), созревают значительно раньше, чем зоны,

[1184] Данные Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан (КПСиСУ ГП РК) за 2024–2025 гг.;

ответственные за контроль и планирование, осознание последствий при совершении определенных действий (префронтальная кора). Префронтальная кора (поле 10 по Бродману) исполняет роль «исполнительного директора» мозга. Она отвечает за торможение импульсов, оценку рисков и учет долгосрочных последствий. У подростков она проходит еще процессы синаптического прунинга (удаления лишних связей) и миелинизации (изоляция нервных волокон для ускорения сигнала), которые завершаются лишь к 21-25 годам. Амигдала (миндалевидное тело)- это центр обработки эмоций, страха и агрессии. В подростковом возрасте она гиперреактивна. В ситуациях стресса или социального давления «эмоциональный мозг» перехватывает управление, подавляя еще слабо сформированную префронтальную кору.

1.2. Анализ нейрохимии импульсивности и таких нейромедиаторов, как: дофамин и серотонин. Баланс глутамата и ГАМК

В пубертатном периоде мозг подростка буквально затоплен нейромедиаторами, что радикально меняет их поведение. В данном временном моменте наблюдается пик дофаминовых рецепторов в системе вознаграждения. Подростки испытывают более острый «голод» по новым ощущениям и одобрению сверстников, что толкает их на неоправданные риски. Обычные действия, такие как учеба не дают достаточного количества дофамина, нежели рискованное действие, что создает биологическую основу для поиска острых ощущений. Серотонин отвечает ща стабилизацию настроения и импульсивный контроль. Его уровень в подростковом возрасте часто нестабилен, что ведет к резким перепадам настроения и снижению порога агрессии. Нарушение баланса между возбуждающим (глутамат) и тормозным (ГАМК «Гамма-аминомасляная кислота) сигналами приводит к повышенной возбудимости нервной системы, что юридически может интерпретироваться как аффективное состояние или отсутствие способности руководить своими действиями.

1.3. Патологический аспект

Даже подросток, который имеет своевременное развитие, без диагностированных отклонений предрасположен к риску, то подростки с клиническими диагнозами сталкиваются с дополнительными когнитивными искажениями. Использование классификаций МКБ-10 (международный формат) и DSM-5 (американский) позволяет точнее дифференцировать их статус в правовом поле. Рассмотрим три различных диагноза- Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), Расстройство аутистического спектра (РАС), Задержка психического развития (ЗПР).

Посттравматическое стрессовое расстройство МКБ-10: F43.1

ПТСР возникает вследствие тяжелых психологических травм. С учетом статистики КПСиСУ о росте насилия в отношении детей, этот диагноз становится критически важным для правосудия. У лиц с данным диагнозом наблюдается атрофия гиппокампа (проблемы с памятью) и критическая гипервозбудимость амигдалы. Мозг подростка постоянно находится в режиме «выживания» (fight ot flight). Любой нейтральный стимул (крик учителя, жест полицейского или даже взорванный воздушный шарик в помещении) может быть воспринят как угроза жизни, вызывая реактивную агрессию, которая судом может ошибочно трактоваться как умышленная.[1185]

Расстройство аутистического спектра МКБ-10: F84

[1185] Российское общество психиатров. Клинические рекомендации «Посттравматическое стрессовое расстройство», стр. 8

Рас характеризуется нарушениями социальной коммуникации и стереотипным поведением. В основе лежат нарушения синапсического развития и связности различных отделов мозга. Подростки с РАС часто страдают от сенсорных перезагрузок.[1186] Совершаемые ими деяния могут быть результатом «мелтдауна» (сенсорного срыва), при котором субъект полностью теряет контроль над своей моторикой, но не имеет преступного умысла в классическом понимании.

Задержка психического развития МКБ-10: F80, F89

ЗПР подразумевает под собой замедление темпов созревания психики (смешанные специфические расстройства психического развития). Мозг подростка при ЗПР в 16 лет может соответствовать уровню развития 12-летнего ребенка в части исполнительных функций.[1187] Такие лица крайне внушаемы, не способны предвидеть цепочку последствий и часто становятся инструментом в руках взрослых преступников. Юридическая презумпция осознанности в их случае носит формальный характер.

1.4. Доказательное значение нейроданных

Действующее уголовное законодательство РК, в частности статья 15 Уголовного Кодекса, устанавливает общий возраст ответственности в 16 лет (по ряду статей- 14 лет)[1188]. Однако концепция возраста в праве должна быть заполнена понятием «психической зрелости». Традиционная доктрина исходит из того, что если лицо не страдает психическими заболеваниями или слабоумием, оно вменяемо. Однако нейробиология доказывает существование «серой зоны»- функциональной незрелости. Пардо и Паттерсон справедливо отмечают, что нейронаука не подменяют закон[1189], но однако она уточняет его фактическую основу, такую как: понимал ли подросток последствия? Мог ли он физически затормозить импульс при избытке дофамина и незрелой префронтальной коры мозга? Ф. Шауэр указывает на риск «магического» воздействия снимков МРТ на судей (overclaiming).[1190] Однако в делах несовершеннолетних полное игнорирование диагнозов вроде ПТСР или ЗПР ведет к нарушению принципа индивидуализации наказания (ст. 52 УК РК). Необходимо внедрение обязательной комплексной психолого-нейробиологической экспертизы на досудебной стадии, результаты которой должны учитываться при выборе меры пресечения и вида наказания.

Заключение

Проведенное исследование правовых аспектов воспитания через призму нейробиологии позволяет сделать вывод, что подростковый период является временем фундаментальной структурной перестройки мозга, характеризующейся объективной нейрохимической нестабильностью. Этот процесс описывается «моделью двойных систем», где наблюдается выраженный дисбаланс между гиперреактивной лимбической системой, ответственной за эмоциональные порывы и дофаминовое вознаграждение, и функционально незрелой префронтальной корой, которая в силу продолжающейся миелинизации еще не способна в полной мере

[1186] Клинические рекомендации. Расстройства аутистического спектра в детском возрасте: диагностика, терапия, профилактика, реабилитация, стр.8

[1187] Российское общество психиатров (РОП). Психические расстройства и расстройства поведения (F00 - F99), стр. 241.

[1188] Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года №226-V ЗРК (с изменениями и дополнениями);

[1189] Pardo M. S., Patterson D. Minds, Brains, and Law: The Promise of Neuroscience for Law. Oxford University Press, 2016, 235.

[1190] Frederick Schauer, *Lie-Detection, Neuroscience, and the Law of Evidence* (Oxford University Press 2016).

осуществлять когнитивный тормозной контроль и адекватно оценивать долгосрочные риски, которые приводят после совершения определенных действий. Существующий в юриспруденции формализм, опирающийся преимущественно на возраст, игнорирует специфику патологических состояний, таких как ПТСР, РАС или ЗПР (согласно критериям МКБ-10 и DSM-5), при которых нейробиологические нарушения- от гипервозбудимости амигдалы до дефицита синаптической связности лишают подростка возможности соответствовать классическим стандартам вменяемости и осознанности, что вступает в прямое противоречие с принципами гуманизма и индивидуализации ответственности.

Учитывая тревожные статистические данные КПСиСУ ГП РК, фиксирующие рост виктимизации, то есть тенденции увеличения уровня и распространенности случаев причинения вреда несовершеннолетним, становятся очевидным существование прямой связи между принесенным травматическим опытом (ПТСР) и последующим риском девиантного поведения, что требует от правовой системы перехода к модели превентивного учета нейробиологического анамнеза. Для практической реализации этого подхода необходима разработка детальных методических рекомендаций по оценке личности несовершеннолетнего с использованием данных нейронаук, а также создание специализированного междисциплинарного словаря нейроправа[1191], который позволит гармонизировать понятийный аппарат юристов и медиков. Только через подобную интеграцию и глубокий научный диалог возможно трансформировать систему правосудия из карательного механизма в эффективную среду для ресоциализации и психологического восстановления молодежи, обеспечивая устойчивое развитие общества в условиях сложной технологической реальности.

Список литературы:

I. Нормативные правовые акты Республики Казахстан

1. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК;

2. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 11 апреля 2002 года № 6 «О судебной практике по делам об уголовных правонарушениях несовершеннолетних и о вовлечении их в совершение уголовных правонарушений и иных антиобщественных действий».

II. Книги, главы в книгах и научные статьи

1. M S Pardo and D Patterson, *Minds, Brains, and Law: The Conceptual Foundations of Law and Neuroscience* (Oxford University Press 2013) 268.

2. M S Pardo and D Patterson, 'The Promise of Neuroscience for Law: "Overclaiming" in Jurisprudence, Morality, and Economics' in M S Pardo and D Patterson (eds), *Philosophical Foundations of Law and Neuroscience* (Oxford University Press 2016) 18.

3. F Schauer, 'Lie-Detection, Neuroscience, and the Law of Evidence' in M S Pardo and D Patterson (eds), *Philosophical Foundations of Law and Neuroscience* (Oxford University Press 2016) 20.

4. R Goodenough and M Tucker, 'Law and Cognitive Neuroscience' (2010) 6 Annual Review of Law and Social Science 61.

5. Будник РА, 'Становление нейроправа: опыт Китая и курс ООН' (2023) 12(2) Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения 108.

6. Носов ДВ, 'О терминологических проблемах нейроправа' (2024) 11 Право нейро 62.

[1191] Носов ДВ. 'О терминологических проблемах нейроправа' (2024) 11 Право нейро 62.

7. 'Gatekeeping Stress: The Science and Admissibility of Post-Traumatic Stress Disorder Testimony' in *Fundamentals of Neuroscience and the Law: Square Peg, Round Hole* 36.

III. Медицинские, психиатрические и психологические источники

1. Российское общество психиатров, Клинические рекомендации «Расстройства аутистического спектра в детском возрасте: диагностика, терапия, профилактика, реабилитация» (2020), 125с.;
2. Российское общество психиатров, Клинические рекомендации «Посттравматическое стрессовое расстройство», 159с.;
3. Российское общество психиатров, Психические расстройства и расстройства поведения (F00–F99). Класс V МКБ-10 (Министерство здравоохранения Российской Федерации 1998), 512с.;
4. Всемирная организация здравоохранения, МКБ-11. Глава 06. Психические и поведенческие расстройства и нарушения нейропсихического развития. Статистическая классификация (2-е изд, КДУ, Университетская книга 2022), 159с.;
5. Европейское региональное бюро ВОЗ и Федеральный центр просвещения в сфере здоровья, Стандарты сексуального образования в Европе. Матрица (ФЦПСЗ 2010), 15с.

IV. Статистические и аналитические источники

1. UNICEF Kazakhstan, «Juvenile Justice» (UNICEF Kazakhstan) https://www.unicef.org/kazakhstan/en/juvenile-justice;
2. Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, ГИС-портал КПСиСУ ГП РК: раздел «Несовершеннолетние» https://gis.kgp.kz/arcgis/apps/experiencebuilder/experience/?id=c048e1f975084dc1957108c00c9fb4d7&page=несовершеннолетние;
3. Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан: https://gis.kgp.kz/arcgis/apps/experiencebuilder/experience/?id=c048e1f975084dc1957108c00c9fb4d7&;
4. Qamqor, Индикаторы правовой статистики https://qamqor.gov.kz/crimestat/indicators;
5. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, ИАС «Талдау», «Число зарегистрированных преступлений в отношении несовершеннолетних» https://taldau.stat.gov.kz/ru/NewIndex/GetIndex/704769?keyword;
6. Ranking.kz, «Численность детей, пострадавших от уголовных правонарушений, выросла на 52%» (Ranking.kz) https://ranking.kz/digest/socium-digest/chislennost-detey-postradavshih-ot-ugolovnyh-pravonarusheniy-vyrosla-na-52.html.

Ержанов Диар Асланбекович
студент 2 курса бакалавриата «Международное право»
Высшая школа права Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республика Казахстан
E-mail: d_yerzhanov@kazguu.kz

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ПРАВО НОРМАТИВНОЙ СИСТЕМОЙ?

Аннотация

Статья посвящена вопросу о том, можно ли считать право нормативной системой в строгом логическом смысле. Актуальность темы связана с тем, что право обычно стремится к системности, однако на практике сталкивается с коллизиями, пробелами и необходимостью интерпретации.

Предметов исследования являются такие свойства права как нормативной системы, такие как полнота и непротиворечивость. Цель работы состоит в том, чтобы показать, в какой мере право соответствует требованиям логики нормативных систем. В работе используются элементы деонтической логики, пропозициональной логики, а также теоретический анализ правовых конструкций, пробелов и открытой текстуры юридического языка.

Научная новизна состоит в том, что право рассматривается одновременно как нормативная и динамическая система, функционирование которой невозможно свести только к формальным логическим операциям. В результате делается вывод, что право сохраняет признаки нормативной системы, но не является полностью замкнутой и самодостаточной логической конструкцией. Его действие зависит не только от текста нормы, но и от интерпретации, правоприменения и способности адаптироваться к новым общественным отношениям.

Ключевые слова: право, нормативная система, деонтическая логика, нормативная логика, непротиворечивость, полнота, правовые коллизии, пробелы в праве, интерпретация, открытая текстура права.

Аннотация

Мақала құқықты қатаң логикалық мағынада нормативтік жүйе ретінде қарастыруға бола ма деген мәселеге арналған. Тақырыптың өзектілігі құқықтың әдетте жүйелілікке ұмтылатынымен, алайда тәжірибеде коллизиялармен, олқылықтармен және түсіндіру қажеттілігімен бетпе-бет келетіндігімен байланысты.

Зерттеу нысаны ретінде құқықтың нормативтік жүйе ретіндегі толықтық және қайшылықсыздық сияқты қасиеттері қарастырылады. Жұмыстың мақсаты – құқықтың нормативтік жүйелер логикасының талаптарына қаншалықты сәйкес келетінін көрсету. Зерттеуде деонтикалық логика, пропозиционалдық логика элементтері, сондай-ақ құқықтық құрылымдарды, олқылықтарды және құқық тілінің ашық мәтіндік сипатын теориялық талдау қолданылады.

Ғылыми жаңалығы құқықтың бір мезгілде әрі нормативтік, әрі динамикалық жүйе ретінде қарастырылуында, оның қызметін тек формалды логикалық операцияларға ғана сыйғызуға болмайтындығында. Нәтижесінде, құқық нормативтік жүйе белгілерін сақтайтыны, бірақ толықтай тұйық және өзін-өзі жеткілікті логикалық құрылым болып табылмайтыны туралы қорытынды жасалады. Оның әрекеті тек норма мәтініне ғана емес, сонымен қатар түсіндіруге, құқық қолдануға және жаңа қоғамдық қатынастарға бейімделу қабілетіне де тәуелді.

Түйінді сөздер: құқық, нормативтік жүйе, деонтикалық логика, нормативтік логика, қайшылықсыздық, толықтық, құқықтық коллизиялар, құқықтағы олқылықтар, түсіндіру, құқықтың ашық мәтіндік сипаты.

Abstract

This article examines whether law can be considered a normative system in the strict logical sense. The relevance of this topic stems from the fact that law generally strives for systematic coherence, yet in practice it encounters conflicts, gaps, and the need for interpretation.

The subject of the study is the properties of law as a normative system, such as completeness and consistency. The aim of the work is to demonstrate the extent to which law meets the requirements of the logic of normative systems. The work employs elements of deontic logic and propositional logic, as well as a theoretical analysis of legal constructs, gaps, and the open texture of legal language.

The scientific novelty lies in the fact that law is considered simultaneously as both a normative and a dynamic system, the functioning of which cannot be reduced solely to formal logical operations. Consequently, it is concluded that law retains the characteristics of a normative system but is not a completely closed and self-sufficient logical construct. Its operation depends not only on the text of the norm but also on interpretation, application of the law, and the ability to adapt to new social relations.

Keywords: law, normative system, deontic logic, normative logic, consistency, completeness, legal conflicts, gaps in the law, interpretation, open texture.

Введение

По этой теме существует значительное количество исследований, в связи с этим может возникнуть ощущение, что ответ очевиден. Даже если ответ кажется очевидным, стоит предоставить обоснование. В данной статье рассматривается вопрос, является ли право системой в смысле нормативных систем, и если да, то по какой причине.

Прежде всего необходимо определить, что в этой работе будет пониматься под словом «система». В качестве основы используется определение из Толкового словаря С.И. Ожегова: «Нечто целое, представляющее собой единство закономерно расположенных и находящихся во взаимной связи частей»[1192].

С точки зрения логики нормативных систем, нормативная система должна обладать двумя основными свойствами: полнотой и непротиворечивостью. Непротиворечивость означает невозможность одновременного существования противоречащих друг другу норм. Полнота означает, что для любого возможного случая система должна позволять выводить либо нормативное утверждение, либо его отрицание. Система, обладающая этими свойствами, далее будет называться нормативной.

Логика нормативных систем

В логике нормативных систем нормативные высказывания обычно описываются с помощью специальных операторов. Наиболее распространённые из них:

O – Obligation (обязанность);

P – Permission (разрешение);

F – Prohibition (запрет).

[1192] Ожегов СИ, *Толковый словарь русского языка*, <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=28751> дата обращения: 22.03.2026.

Если обозначить некоторое действие как *p*, то нормативные утверждения можно представить следующим образом:

Op – субъект обязан совершить действие *p*;

Fp – действие *p* запрещено;

Pp – действие *p* разрешено.

В логике нормативных систем между этими операторами существуют определённые отношения[1193]. Например, если некоторое действие разрешено, то из этого следует, что не существует обязанности воздерживаться от данного действия:

$$Pp \Rightarrow \neg O \neg p$$

Аналогичным образом, если существует обязанность воздержаться от действия, то оно не может одновременно считаться разрешённым:

$$O \neg p \Rightarrow \neg Pp$$

Из этих отношений можно вывести принцип непротиворечивости нормативной системы, который означает, что действие не может быть одновременно запрещено и разрешено. Кроме того, для нормативной системы предполагается выполнение и принципа полноты, который означает, что для любого действия система должна определять его нормативный статус: либо оно запрещено, либо разрешено.

Если рассматривать право как нормативную систему в логическом смысле, можно ожидать, что правовые нормы будут удовлетворять этим принципам. Однако анализ правового регулирования показывает, что на практике это условие часто не выполняется.

Проблема непротиворечивости и нормативные коллизии

Проблема состоит в том, что право может содержать нормативные коллизии. В правовых системах многих стран встречаются противоречащие друг другу нормы. Часто бывает так, что две и более нормы регулируют одни и те же отношения, но устанавливают разные или даже противоположные требования. С точки зрения логической системы, такая ситуация является проблемной, потому что аксиомы системы не должны противоречить друг другу.

Если применить формальный аппарат логики нормативных систем, такую коллизию можно представить следующим образом:

$$O \neg p \wedge Pp$$

Юридическая практика разрешает подобные конфликты с помощью специальных принципов интерпретации и приоритета норм. Они позволяют выбрать одну из противоречащих норм. Наиболее известными являются следующие принципы:

lex superior derogat legi inferiori – норма с большей юридической силой имеет приоритет над нормой с меньшей юридической силой;

lex specialis derogat legi generali – специальная норма имеет приоритет над общей нормой;

lex posterior derogat legi priori – более поздний нормативный акт имеет приоритет над более ранним.

[1193] von Wright GH, 'On the Logic of Norms and Actions' in R Hilpinen (ed), *New Studies in Deontic Logic* (D. Reidel Publishing Company 1981)

Принцип *lex superior* обнаруживается в законодательстве многих стран. В качестве примера можно привести законодательство Республики Казахстан, а именно статью 5 Конституции Республики Казахстан[1194], которая предполагает определённое распределение юридической силы между актами. Наивысшей юридической силой обладает Конституция, это означает, что иные нормативные правовые акты занимают по отношению к ней более низкое положение.

Эти принципы не могут полностью устранить противоречие. Коллизия как таковая сохраняется. Однако они позволяют определить, какая норма подлежит применению в конкретном случае. Они работают через иерархию, время принятия нормы и специальность. Каждый из них требует анализа со стороны человека. Это свидетельствует о том, что право не является полностью статичной системой.

Само наличие таких дополнительных механизмов уже говорит о том, что право не обладает самостоятельной непротиворечивостью. Более того, даже применение этих принципов не всегда полностью разрешает конфликт. Часто требуется дополнительная юридическая интерпретация.

Формула непротиворечивости выглядит так[1195]:

$$\neg(O\neg p \wedge Pp)$$

Доказать её можно следующим образом:

$Pp \Rightarrow \neg O\neg p$ Взаимная определимость разрешения и обязанности
$O\neg p\neg Pp$ Выводится по закону контрапозиции пропозициональной логики.
(3) $\neg(O\neg p \wedge Pp)$ Определение импликации через конъюнкцию.

Проблема полноты и правовые пробелы

Вторым критерием, который позволяет считать нормативную систему логической, является полнота. Однако и по этому критерию право отклоняется от статичной логической модели. Правовые системы на постоянной основе сталкиваются с ситуациями, которые не были предусмотрены законодательством. В результате возникают случаи, которые не имеют нормы, подлежащей применению.

Причины появления пробелов в праве могут быть разными, но можно выделить три основные. Во-первых, законодатель не в силах заранее предусмотреть все возможные ситуации. Во-вторых, реальность и социальный контекст постоянно меняются из-за технологий или новых тенденций, поэтому возникают новые формы поведения, которые не подпадают под действующее регулирование. И, в-третьих, язык правовых норм неизбежно обладает неопределённостью.

Пробел в правовой системе можно выразить следующей формулой:

$$\neg O\neg p \wedge \neg Pp$$

Она обозначает ситуацию, в которой действие одновременно не запрещено и не разрешено.

Эту проблему подробно анализировал Г.Л.А. Харт, который разработал концепцию «открытой текстуры права»[1196]. Эта теория утверждает, что правовые нормы неизбежно содержат понятия с неопределённым смыслом. Поэтому их

[1194] Конституция Республики Казахстан, принятая на референдуме 15.03.2026.
[1195] Navarro PE and Rodríguez JL, *Deontic Logic and Legal Systems* (Cambridge University Press 2014) 27.
[1196] Hart HLA, *The Concept of Law* (Oxford University Press 1961) 120.

значение приходится уточнять в процессе применения, и без активного участия правоприменителя эффективное использование невозможно.

Однако не только Г.Л.А. Харт пришел к выводу, что право не может быть полностью завершённой и автономно работающей системой. Сходную мысль развивали К. Альчуррона и Е. Булыгина[1197]. Исследуя нормативные системы, они показали, что даже формально организованное право сталкивается с ситуациями, в которых действующие нормы не дают полного ответа без дополнительной интерпретации. В их подходе особое значение имело различие между формальной структурой правовой системы и её фактическим функционированием. Наличие нормы ещё не означает, что её можно применить без уточнения содержания. По этой причине пробелы и неопределённость рассматриваются не как исключение, а как естественное следствие ограниченности любой нормативной конструкции.

При этом формальный аппарат деонтической логики, разработанный Г.Х. фон Вригтом, позволяет описывать право как систему нормативных отношений[1198]. Следует отметить, что сама юридическая практика показывает пределы такой формализации.

Примером пробела в правовом регулировании в Республике Казахстан в течение длительного времени оставался правовой режим цифровых активов. До принятия специального закона «О цифровых активах в Республике Казахстан»[1199] операции с криптовалютой не подпадали полностью ни под действие гражданского права, ни под действие норм финансового регулирования. Это создавало неопределённость в вопросе правового статуса таких объектов. Даже после принятия специального закона отдельные вопросы продолжают нуждаться в дополнительном регулировании, поскольку технологическое развитие опережает законодательство.

Возможным способом достижения полноты права мог бы быть принцип «всё, что не запрещено, то разрешено». В таком случае каждому действию приписывался бы нормативный статус.

Формула полноты выглядит так[1200]:

$$O\neg p \vee Pp$$

Доказать её можно следующим образом:

(1) $\neg O\neg p \Rightarrow Pp$ Взаимная определимость обязанности и разрешения

(2) $O\neg p \vee Pp$ Определение импликации через дизъюнкцию.

Роль интерпретации

Интерпретация в праве необходима потому, что даже при наличии действующих норм право не всегда способно дать однозначный ответ на конкретную ситуацию. Коллизии между нормами, пробелы в регулировании и открытая текстура юридического языка приводят к необходимости устанавливать смысл нормы в процессе её применения. В таких ситуациях правоприменитель не ограничивается простым сопоставлением фактов с текстом закона. Он определяет предел действия нормы с учётом её места в системе законодательства, цели регулирования и обстоятельств конкретного случая. Итоговое решение зависит не только от содержания нормы, но и от способа её интерпретации.

Право может рассматриваться как нормативная система только в ограниченном смысле. Оно действительно состоит из взаимосвязанных норм. Однако

[1197] Alchourrón CE and Bulygin E, *Normative Systems* (Springer-Verlag 1971).

[1198] von Wright GH, 'Deontic Logic' (1951) 60 *Mind* 1.

[1199] Закон Республики Казахстан «О цифровых активах в Республике Казахстан» от 6 февраля 2023 года № 193-VII ЗРК.

[1200] Navarro PE and Rodríguez JL, *Deontic Logic and Legal Systems* (Cambridge University Press 2014) 28.

сопоставление права с требованиями логической нормативной системы демонстрирует наличие серьёзных отклонений. Правовая система допускает существование нормативных коллизий, для разрешения которых используются специальные правила приоритета и интерпретации. Право и законодатель не способны заранее предвидеть все возможные жизненные ситуации, поэтому в процессе правоприменения возникают пробелы и противоречия.

Концепция открытой текстуры права и анализ нормативных систем показывают, что неопределённость юридического языка и зависимость от интерпретации являются не случайным недостатком, а устойчивым свойством права как социального регулятора. Даже когда формальный логический вывод не соответствует действительности, именно интерпретация позволяет праву функционировать должным образом. По этой причине она выступает не исключением, а постоянным элементом действия права.

Значение интерпретации подкрепляется ещё и тем, что в некоторых современных правовых системах правила толкования частично закрепляются самим законодателем. Например, в *Interpretation Act* Великобритании[1201] содержатся общие правила толкования терминов, используемых в законодательных актах. Законодатель Великобритании косвенным образом сам признаёт, что смысл юридических терминов требует дополнительного уточнения.

Всё это говорит о том, что даже в развитых правовых системах интерпретация рассматривается не как вспомогательный элемент, а как необходимая часть функционирования законодательства.

Заключение

Право является не статичной логической системой, а динамической нормативной системой, в которой:

- коллизии разрешаются с помощью принципов выбора норм;
- пробелы преодолеваются с помощью интерпретации.

Право не может работать как строго формальная система, потому что сама природа права связана с изменением общественных отношений и развитием технологий. Формальные логические системы стремятся к завершённости, но право постоянно сталкивается с новыми ситуациями. Можно сказать, что право стремится к системности, поскольку содержит внутренние механизмы согласования норм и восполнения пробелов. Однако эта системность достигается не за счёт полной логической завершённости, а благодаря постоянной работе интерпретации, правоприменения и обновления законодательства.

Именно поэтому право сохраняет признаки нормативной системы, но не соответствует модели полностью замкнутой логической конструкции. Его функционирование зависит не только от текста норм, но и от способности адаптироваться к новым общественным отношениям, технологическим изменениям и ранее не предусмотренным ситуациям.

Список литературы:

1. Alchourrón CE and Bulygin E, *Normative Systems* (Springer-Verlag 1971). <https://ia802905.us.archive.org/21/items/in.ernet.dli.2015.139562/2015.139562.Normative-Systems.pdf>

2. Hart HLA, *The Concept of Law* (Oxford University Press 1961). <https://global.oup.com/academic/product/the-concept-of-law-9780199644698?cc=kz&lang=en&>

[1201] Interpretation Act 1978, <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1978/30/contents> дата обращения: 22.03.2026.

3. Navarro PE and Rodríguez JL, *Deontic Logic and Legal Systems* (Cambridge University Press 2014).
4. von Wright GH, 'Deontic Logic' (1951) 60 *Mind* 1. <https://www.jstor.org/stable/2251395>
5. von Wright GH, 'On the Logic of Norms and Actions' in R Hilpinen (ed), *New Studies in Deontic Logic* (D. Reidel Publishing Company 1981) 3. <https://link.springer.com/book/10.1007/978-94-009-8484-4>
6. Interpretation Act 1978, <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1978/30/contents> дата обращения: 22.03.2026.
7. Ожегов СИ, *Толковый словарь русского языка*, <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=28751> дата обращения: 22.03.2026.
8. Конституция Республики Казахстан, принятая на референдуме 15.03.2026. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000000>
9. Закон Республики Казахстан «О цифровых активах в Республике Казахстан» от 6 февраля 2023 года № 193-VII ЗРК. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000193>

Зарипов Темірлан Ерланұлы
студент третьего курса бакалавриата
Высшая школа права Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республика Казахстан
E-mail: tzaripov151401@gmail.com

ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНСТРУКЦИИ «ЕСЛИ ИНОЕ НЕ ПРЕДУСМОТРЕНО» В ЮРИДИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация

В юридическом языке часто используются конструкции «если иное не предусмотрено», «за исключением случаев» и «кроме случаев», однако их значение и функции изучены недостаточно подробно. Актуальность темы связана с тем, что такие конструкции постоянно встречаются в нормах права и влияют на их понимание и применение. Предметом исследования являются лингвистические конструкции, которые указывают на исключение в правовой норме. Цель статьи состоит в том, чтобы показать их семантическую и логическую роль, а также сравнить их между собой. В работе используются методы логико-семантического анализа, сравнения и формализации правовых норм. Новизна статьи состоит в том, что конструкция «если иное не предусмотрено» рассматривается не только как лингвистический оборот, но и как логический указатель на исключение. В статье делается вывод, что такая конструкция относится прежде всего к последствию нормы, а не к общему правилу. Также показывается, что в некоторых случаях конструкции «если иное не предусмотрено», «за исключением случаев» и «кроме случаев» могут быть близкими по смыслу, но не всегда совпадающими.

Ключевые слова: юридический язык, норма права, исключение, логический анализ, семантика, конструкция нормы, толкование права, формализация, гражданское право.

Аңдатпа

Құқықтық тілде «егер өзгеше көзделмесе», «жағдайларды қоспағанда» және «жағдайлардан басқа» сияқты конструкциялар жиі қолданылады, алайда олардың мәні мен функциялары жеткілікті деңгейде жан-жақты зерттелмеген. Тақырыптың өзектілігі бұл конструкциялардың құқық нормаларында тұрақты түрде кездесуімен және оларды түсіндіру мен қолдануға әсер етуімен байланысты. Зерттеу пәні – құқықтық нормадағы ерекшелікті көрсететін тілдік конструкциялар. Мақаланың мақсаты – олардың семантикалық және логикалық рөлін көрсету, сондай-ақ өзара салыстыру. Жұмыста логикалық-семантикалық талдау, салыстыру және құқықтық нормаларды формализациялау әдістері қолданылады. Мақаланың жаңалығы «егер өзгеше көзделмесе» конструкциясының тек тілдік айналым ретінде ғана емес, сонымен қатар ерекшелікті білдіретін логикалық көрсеткіш ретінде қарастырылуында. Мақалада бұл конструкция ең алдымен норманың жалпы ережесіне емес, оның салдарына қатысты екендігі туралы қорытынды жасалады. Сонымен қатар, кейбір жағдайларда «егер өзгеше көзделмесе», «жағдайларды қоспағанда» және «жағдайлардан басқа» конструкциялары мағынасы жағынан жақын болуы мүмкін, бірақ әрдайым толық сәйкес келе бермейтіні көрсетіледі.

Түйін сөздер: құқықтық тіл, құқық нормасы, ерекшелік, логикалық талдау, семантика, норма құрылымы, құқықты түсіндіру, формализация, азаматтық құқық.

Abstract

Legal language often uses such expressions as “unless otherwise provided” or “except in cases” but their meaning and function have not been studied in enough detail.

The relevance of this topic is connected with the fact that these expressions appear very often in legal norms and influence their interpretation and application. The subject of the article is linguistic constructions that indicate an exception in legal norm. The purpose of the paper is to show their semantic and logical role and to compare them with each other. The study uses logical-semantic analysis, comparison, and formalization of legal norms as its main methods. The novelty of the paper is that the construction “unless otherwise provided” is examined not only as a linguistic formula but also as a logical marker of exception. The paper concludes that this construction is related mainly to the consequence of the norm, not to general rule itself.

It is also shown that in some cases the expressions “unless otherwise provided” or “except in cases” can be close in meaning but they are not always fully interchangeable.

Keywords: legal language, legal norm, exception, logical analysis, semantics, structure of norm, legal interpretation, formalization, civil law.

Введение

В правовых актах, юридических документах и подзаконных актах часто встречаются формулировки «если иное не предусмотрено» и «за исключением случаев». Возникает вопрос, какова семантика этих конструкций, являются ли они равнозначными и можно ли их заменить более простой формой без потери смысла?

Конструкция «если иное не предусмотрено» указывает на то, что норма закрепляет общее правило, которое может не применяться при наличии специально предусмотренного исключения.

Цель данной статьи – проанализировать конструкции «если иное не предусмотрено». Для достижения этой цели предполагается рассматреть значение данной конструкции, ее функция как указания на исключение, соотношение с семантически близкими конструкциями и ее положение в структуре нормы.

Основная часть

1. Семантика конструкции «если иное не предусмотрено»

Рассмотрим следующую норму: «Кредитор вправе не принимать исполнения обязательства по частям, если иное не предусмотрено условиями обязательства, законодательством или не вытекает из обычаев делового оборота или существа обязательства»[1202]. Эту норму можно разложить на несколько элементов: общее правило, последствие и исключение. Общее правило выражается в праве кредитора не принимать исполнение обязательства по частям, а исключение связано с условиями обязательства, законодательством, обычаями делового оборота или существом обязательства.

Таким образом, нормы с конструкцией «если иное не предусмотрено» обычно имеют структуру «общее правило – последствие – исключение». Эти элементы можно условно обозначить переменными *A*, *B* и *C*, где *A* – общее правило или право, *B* – последствие, а *C* – исключение. С помощью логической формализации такую норму можно представить следующим образом:

$$A \rightarrow (\neg C \rightarrow B)$$

Эта формула читается так: если есть *A*, то при отсутствии *C* наступает *B*[1203].

[1202] Ст. 274 Гражданского кодекса Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г. № 268-XIII, <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000_> дата обращения: 20.03.2026.

[1203] Для целей данной статьи такая схема будет использоваться для описания норм с конструкцией «если иное не предусмотрено».

Норма с данной конструкцией, по сути, выполняет функцию указания на исключение. Это можно увидеть, если сравнить ее с нормой без подобной конструкции. Возьмем, например, норму: «Монополистическая и всякая иная деятельность, направленная на ограничение или устранение законной конкуренции, получение необоснованных преимуществ, ущемление прав и законных интересов потребителей, не допускается»[1204]. Данная норма содержит лишь правило поведение и не указывает на исключения, когда она не применима. Следовательно, основная функция конструкции «если иное не предусмотрено» состоит в указании на исключение из общего правила[1205].

Исключения необходимы потому, что законодатель часто сначала формулирует общее правило, а затем оставляет место для особых случаев: по договору, по специальной норме, по обычаям или по существу обязательства. Это делает правило применимым к разным ситуациям без необходимости формулировать норму каждый раз заново.

При определении правовых понятии, толковании норм или анализе их применимости не всегда возможно перечислить все условия применения правила. Во многих случаях более эффективным представляется указать именно на исключение[1206]. Исключение помогает полнее описать норму или юридическое понятие. Например, можно сказать, что договор будет иметь юридическую силу, если он заключен добровольно. Но, что значит добровольно? В таком случае удобнее описать ситуацию через исключение, а именно: договор имеет юридическую силу, кроме случаев, когда имело место принуждение или давление на одну из сторон. Добровольность при таком подходе презюмируется, а ее отсутствие устанавливается через указание на исключающие обстоятельства.

Таким образом, договор имеет юридическую силу, кроме случаев его недействительности. В таком определении мы исходим из отсутствия исключений, и тем самым делаем норму более гибкой. Исключение относится к последствию, а не к самому правилу, то есть при наличии исключения устраняется последствие, а не отменяется само общее правило.

На то, что исключение в юридическом языке относится именно к последствию, впервые обратил внимание Г.Л.А. Харт в статье «Приписывание ответственности и прав»[1207]. В самом деле, если внимательнее рассмотреть формулу $A \rightarrow (\neg C \rightarrow B)$, можно увидеть, что исключение связано именно с последствием *B*, а не с общим правилом *A*. Иными словами, исключение воздействует не на применимость общего правила, а на наступление его юридически значимого последствия.

2. Сравнение с конструкцией «за исключением случаев»

Выше было показано, что конструкция «если иное не предусмотрено» указывает на исключение. В связи с этим возникает вопрос о ее соотношении с конструкцией «за исключением случаев».

Возьмем, например, норму: «Граждане вправе заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом и иными законодательными актами»[1208]. В данном случае конструкция прямо указывает на

[1204] Ч. 1 ст. 11 Гражданского кодекса Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г. № 268-XIII, <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000_> дата обращения: 20.03.2026.

[1205] Williams G, 'The Logic of 'Exceptions'' (1988) 47 *The Cambridge Law Journal* 261.

[1206] d'Almeida LD, *Allowing for Exceptions: A Theory of Defences and Defeasibility in Law* (Oxford University Press 2015).

[1207] Харт ГЛА, 'Приписывание ответственности и прав' в *Философия и язык права* (Канон+ 2017) 27.

[1208] Ч. 1 ст. 19 Гражданского кодекса Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г. № 268-XIII, <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000_> дата обращения: 20.03.2026.

исключение. Тогда как конструкция «если иное не предусмотрено» в некоторых случаях может указывать на диспозитивность нормы, то есть на возможность сторон самостоятельно определять условия правоотношения. Это видно на приведенном выше примере с исполнением обязательства по частям, где исключение связано не только с законодательством, но и с условиями обязательства и обычаями делового оборота.

И хотя во многих случаях конструкции «за исключением случаев» и «если иное не предусмотрено» могут быть взаимозаменяемыми, исключением являются ситуации, когда конструкция «если иное не предусмотрено» выражает диспозитивный характер нормы. В этом случае конструкция «за исключением случаев» является более строгой.

Например: «За несовершеннолетних, не достигших четырнадцати лет (малолетних), сделки совершают от их имени законные представители, если иное не предусмотрено законодательными актами»[1209]. Здесь конструкция «если иное не предусмотрено» не имеет диспозитивного характера, поскольку речь идет именно о законодательных актах. Поэтому ее можно заменить на «за исключением случаев», и тогда получим: «За несовершеннолетних, не достигших четырнадцати лет (малолетних), сделки совершают от их имени законные представители, за исключением случаев, предусмотренных законодательными актами». При такой замене смысл нормы не меняется.

3. Сравнение с конструкцией «кроме случаев»

Еще одной конструкцией, указывающей на исключение, является «кроме случаев». В Общей части Гражданского кодекса Республики Казахстан конструкция «если иное не предусмотрено» встречается 137 раз, конструкция «за исключением» – 57 раз, а конструкция «кроме случаев» – 19 раз. Даже из этого количественного анализа видно, что законодатель отдает приоритет первой конструкции.

Конструкция «кроме случаев» также указывает на исключение, но в отличие от «если иное не предусмотрено» не обладает диспозитивностью. Поэтому она взаимозаменяема с конструкцией «за исключением случаев» и лишь в отдельных случаях может по смыслу совпадать с «если иное не предусмотрено». Это зависит от того, допускает ли соответствующая норма диспозитивности или нет.

Как правило, нормы с «за исключением случаев» и «кроме случаев» указывают на исключение, установленное в законодательных актах, и тем самым закрывают возможность их диспозитивной трактовки. Кроме того, конструкция «кроме случаев» делает формулировку нормы более компактной и менее тяжеловесной по сравнению с «за исключением случаев» и «если иное не предусмотрено».

Возникает вопрос, в каких случаях все три конструкции могут быть семантически равноценными. Представляется, что это возможно, прежде всего тогда, когда речь идет о строго определенном исключении, предусмотренном законодательными актами. При отсутствии диспозитивности различие между этими конструкциями заметно усложняется.

Сопоставим следующие формулировки:

- «Если наступление правовых последствий нарушения зависит от виновности нарушителя, предполагается его виновность, **кроме случаев**, когда законодательными актами предусмотрено иное».
- «Если наступление правовых последствий нарушения зависит от виновности нарушителя, предполагается его виновность, **если иное не предусмотрено** законодательными актами».

[1209] Ч. 1 ст. 23 Гражданского кодекса Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г. № 268-XIII, <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000_> дата обращения: 20.03.2026.

- «Если наступление правовых последствий нарушения зависит от виновности нарушителя, предполагается его виновность, **за исключением случаев**, когда законодательными актами предусмотрено иное».

Здесь все три конструкции можно считать семантически близкими и одинаково толкуемыми, поскольку во всех случаях сохраняется общее правило, последствие и исключение. Логический анализ показывает, что «если иное не предусмотрено» и «за исключением случае» иногда действительно могут быть выражены более компактной формой «кроме случаев», не изменяя логическую структуру нормы.

4. Положение в структуре нормы

Правило, как указано в принципах разработки норм *Essentials for Drafting Clear Legal Rules*, следует располагать перед исключением[1210]. Именно такой порядок делает норму более понятной для восприятия. Поэтому сначала формулируется общее правило, а затем указывается, в каких случаях оно может не применяться.

Однако встречаются нормы, где конструкция «если иное не предусмотрено» расположено в начале. Сравним, например, две статьи ГК РК, следующие друг за другом:

- «Кредитор вправе не принимать исполнения обязательства по частям, если иное не предусмотрено условиями обязательства, законодательством или не вытекает из обычаев делового оборота или существа обязательства»[1211].
- «Если иное не предусмотрено соглашением сторон и не вытекает из обычаев делового оборота или существа обязательства, должник вправе при исполнении обязательства потребовать доказательств того, что исполнение принимается самим кредитором или управомоченным им на это лицом, и несет риск последствий непредъявления такого требования»[1212].

В первой норме сначала формулируется основное правило, а затем указывается исключение. Во второй норме исключение, напротив, располагается в начале, а уже после него формулируется основное правило. С логической точки зрения, место исключения в структуре нормы не должно изменять ее содержания. Однако интуитивно это может восприниматься так, будто основное правило во второй норме выражено менее категорично. Тем не менее логико-семантический анализ показывает, что смысл нормы остается одинаковым.

Это можно также продемонстрировать при перестановке частей одной и той же нормы. Если сначала указать исключение, а затем правило, или сначала правило, а затем исключение, содержание нормы не изменится. Следовательно, решение законодателя вынести исключение в начало нормы не влечет изменения ее смысла, хотя это может иногда влиять на восприятие текста.

5. Логическая формализация нормы с исключением

Если обратиться к логической формализации, то ранее предложенная формула $A \to (\neg C \to B)$ может быть преобразована с помощью замены импликации на дизъюнкцию:

$$A \to (\neg C \to B) \equiv \neg A \vee C \vee B$$

[1210] Garner BA and Kimble J, *Essentials for Drafting Clear Legal Rules* (Administrative Office of the U.S. Courts 2024) 41.

[1211] Ст. 274 Гражданского кодекса Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г. № 268-XIII, <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000_> дата обращения: 20.03.2026.

[1212] Ст. 275 Гражданского кодекса Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г. № 268-XIII, <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000_> дата обращения: 20.03.2026.

Такое преобразование показывает, что исключение можно переместить в начало без изменения логического значения формулы. Следовательно, с логико-семантической точки зрения, нет принципиальной разницы, стоит ли исключение в начале нормы или в конце.

Если посмотреть норму через формулу $\neg A \vee C \vee B$, можно увидеть, что она остается «истинной», в частности, в случае, когда есть общее правило *A*, последствие *B* не наступает, но действует исключение *C*. Это показывает, что исключение способно блокировать наступление последствия без устранения общего правила. Однако дизъюнктивная форма менее наглядно передает внутреннюю структуру нормы, по сравнению с формулой $A \rightarrow (\neg C \rightarrow B)$. Именно последняя лучше показывает, что исключение относится к последствию, а не к правилу.

В этом смысле исключение можно рассматривать как своеобразный «предохранитель». Использование конструкций «если иное не предусмотрено» или «за исключением случаев» представляет собой технический способ включения такого «предохранителя» в текст нормы. Кроме того, в некоторых случаях эти конструкции можно упростить до слов «кроме случаев» без разрушения логической структуры нормы.

В формуле $\neg A \vee C \vee B$ все элементы оказываются логически однородными. Если в первой формуле исключение выглядело как элемент, связанный прежде всего с последствием, то после преобразования оно включается в общую конструкцию дизъюнкции. Поэтому вторая формула удобна для демонстрации логической эквивалентности, но менее удобна для объяснения смысла нормы.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что конструкция «если иное не предусмотрено» выполняет функцию указания на исключение из общего правила. Ее логическая формализация позволяет показать, что исключение относится не к самому правилу, а к его последствию, выступая своеобразным «юридическим предохранителем».

Сравнение с конструкциями «за исключением случаев» и «кроме случаев» показывает, что в отдельных случаях они могут быть семантически взаимозаменяемыми, особенно если речь идет об исключениях, прямо предусмотренных законодательными актами. При этом конструкция «кроме случаев» делает текст нормы без компактным.

Наконец, расположение исключения в начале или в конце нормы не меняет ее логического содержания, хотя может влиять на восприятие текста. Поэтому данные конструкции можно рассматривать как технический способ придания норме гибкости, который в отдельных случаях может быть выражен более просто.

Список литературы:

1. d'Almeida LD, *Allowing for Exceptions: A Theory of Defences and Defeasibility in Law* (Oxford University Press 2015).

2. Garner BA and Kimble J, *Essentials for Drafting Clear Legal Rules* (Administrative Office of the U.S. Courts 2024).

3. Williams G, 'The Logic of "Exceptions"' (1988) 47 *The Cambridge Law Journal* 261.

4. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г. № 268-XIII, <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000_> дата обращения: 20.03.2026.

5. Харт ГЛА, 'Приписывание ответственности и прав' в *Философия и язык права* (Канон+ 2017) 27.

Ильясова Айжан Алмасовна
магистрант 1-го курса ОП «юриспруденция»
Высшая школа права, Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республика Казахстан
e-mail: a_ilyassova@mnu.kz

НЕЙРОНАУЧНЫЕ ДАННЫЕ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

Абстракт: В данной научной статье исследуется применение нейронаучных данных в различных отраслях права, по каждому из которых имеются соответствующие судебные дела. Особое внимание уделяется развитию мозга у несовершеннолетних подсудимых и его значению для обеспечению права на эффективное участие в уголовном процессе. Также в статье анализируются критерии допустимости нейронаучных доказательств в суде и рассматриваются правовые риски применения нейронаучных данных, а именно проблема компетентности экспертов и специалиство, осуществляющих интерпретацию результатов нейровизуализации, а также риск недобросовестного заключения. Отдельное внимание уделяется вопросу о том, не нарушает ли принудительное нейросканирование мозга подозреваемого право не свидетельствовать против себя.
Ключевые слова: Нейронаучные данные, нейроправо, допустимость доказательств, несовершеннолетние подсудимые, право на эффективное участие, экспертиза, принудительное сканирование мозга, судебные дела.

Аңдатпа: Бұл ғылыми мақалада құқықтың әртүрлі салаларында нейроғылыми деректердің қолданылуы зерттеледі, олардың әрқайсысы бойынша тиісті сот істері қарастырылған. Кәмелетке толмаған сотталушылардың миының дамуына және оның қылмыстық процеске тиімді қатысу құқығын қамтамасыз ету үшін маңыздылығына ерекше назар аударылады. Сондай-ақ, мақалада сотта нейроғылыми дәлелдемелерге жол беру критерийлері талданып, нейроғылыми деректерді қолданудың құқықтық тәуекелдері, оның ішінде, нейробейнелеу нәтижелерін түсіндіруді жүзеге асыратын сарапшылар мен мамандардың құзыреттілігі мәселесі, сондай-ақ жосықсыз қорытынды жасау қаупі қарастырылады. Күдіктінің миын мәжбүрлі нейросканерлеу өзіне қарсы куәлік бермеу құқығын бұзады ма деген сұраққа ерекше назар аударылады.
Түйінді сөздер: Нейроғылыми деректер, нейроқұқық, дәлелдемелердің рұқсат етілуі, кәмелетке толмаған сотталушылар, тиімді қатысу құқығы, сараптама, миды мәжбүрлеп сканерлеу, сот істері.

Abstract: This scientific article explores the application of neuroscientific data in various fields of law, each of which has relevant court cases. Special attention is given to the development of the brain in juvenile defendants and its significance for ensuring the right to effective participation in criminal proceedings. The article also analyzes the criteria for admissibility of neuroscientific evidence in court and discusses legal risks, including the issue of expert competence and the risk of misconduct in the interpretation of neuroimaging results. Special attention is paid to whether forced neuroimaging of a suspect's brain violates their right not to testify against themselves.
Keywords: Neuroscience, neurolaw, admissibility of evidence, juvenile defendants, right to effective participation, expertise, forced brain scans, and court cases.

Вводная часть

Связь между нейронаукой и правом находят свое объединение в человеке, как в объекте правового регулирования. Именно способность мыслить, осознавать свои действия и отвечать за них является точкой пересечения этих двух сфер.

Нейронаука может показать, как работает мозг в момент принятия решения, но не может точно определять, был ли человек виновен.

Как подчеркивает Майкл Газзанига «ответственность – это не свойство мозга, а свойство социального контракта». Нейронаука описывает казуальные механизмы поведения, право устанавливает нормативные критерии ответственности. Тем самым дополняя друг друга. Задача нейроправа найти способы точного, правильного перевода из языка нейронауки в язык права.

Проблема применения нейронаучных данных в судебном процессе заключается в отсутствии единообразия и четких критериев их допустимости. На практике суды принимают такие доказательства без единообразия, что подтверждает тезис о «лоскутном одеяле» (patchwork)[1213] правового регулирования. Особенно сильно это проявляется в уголовных делах, где нейронаучные технологии сталкиваются с требованиями надежности и научной обоснованности.

Актуальность темы обусловлена тем, что современные нейронаучные достижения затрагивают не только аспекты функционирования мозга, но и сложные категории, такие как сознание, свобода воли, моральные убеждение и принятие решений.

Целью исследования является анализ влияния достижений нейронауки на когнитивные процессы человека с особым акцентом на применение нейронаучных данных в различных видах судебных процессов.

Основная часть

Нейроправо встречается в различных областях права. А именно в деликтном, конституционном, медицинском, уголовном, трудовом праве. Ниже я рассматриваю несколько показательных судебных дел из различных отраслей права.

В деле United States v. Semrau[1214] 2012 года, суд не принял во внимание нейронаучные данные, которые использовались как аналог детектора лжи, основанный на анализе активности мозга. Обосновал это тем, что представленная методика не обладает достаточной научной надежностью.

В то же время на практике также встречаются положительные примеры, когда нейронаучные данные учитываются судом. В деле Стефании Альбертани результаты нейронаучных данных и генетических исследований были приняты во внимание при пересмотре приговора. Эксперты указали на изменения в областях мозга, связанных с импульсивностью и агрессией. В результате решением суда пожизненное заключение было заменено на 20 лет лишения свободы.

Это судебное решение и многие другие, где применяли нейронаучные доказательства показывают, что, несмотря, на преобладание практики отказа в принятии нейронаучных данных, в отдельных случаях суды все же готовы учитывать их при вынесении решений. Однако отсутствие единых стандартов приводит к неустойчивости правоприменения, что ставит открытым вопрос о том, как скоро будет расти число таких решений и когда нейронаучные данные смогут восприниматься судами как допустимые, достоверные, относимые виды доказательств.

[1213] Michael S Pardo and Dennis Patterson, Minds, Brains, and Law: The Conceptual Foundations of Law and Neuroscience (Oxford University Press 2013) 176.

[1214] Michael S Pardo and Dennis Patterson, Minds, Brains, and Law: The Conceptual Foundations of Law and Neuroscience (Oxford University Press 2013) 82.

В законодательстве Республики Казахстан отсутствуют специальные нормы, регулирующие сферу нейроправа, в том числе и понятия «нейронаучные данные», «нейроправо». Вместе с тем их использование в судебном процессе теоретический возможно в рамках общего понятия доказательств, закрепленного в статье 111 Уголовно-процессуального кодекса РК[1215] (далее – УПК РК).

Аналогичная тенденция имеется и в международной практике. Несмотря на развитие нейротехнологий, лишь некоторые государства начинают закреплять соответствующие нормы на конституционном уровне. Так, в Республике Чили (далее Чили) в 2021 году была введена конституционная гарантия защиты психической неприкосновенности, что позволило судам рассматривать споры, связанные с использованием нейротехнологий. В качестве примера дело о защите нейроданных против компании Emotiv. Истец утверждал, что нейротехника компании собирала и обрабатывала данные его мозговой активности без надлежащего согласия и гарантии защиты. Суд рассматривал вопрос через призму конституционных прав Чили. В результате суд признал, что действия компании нарушили конституционные права истца, тем самым подтвердив судебную защиту нейроданных как часть психической неприкосновенности.

Европейский суд по правам человека признал, что дети склонны испытывать трудности с участием в судебных процессах. Именно нейронаучные исследования развития мозга предоставляют понимание того, почему несовершеннолетние подсудимые уязвимы.

Согласно современным исследованиям в области нейронауки показывают, что развитие человеческого мозга длится намного дольше, чем считалось раньше. А именно префронтальная кора, область мозга, отвечающая за планирование, подавление импульсов и эмоциональное регулирование полностью созревает только к 23 годам.

Для уголовного процессуального права это имеет прямое значение. Право на эффективное участие включает в себя способность понимать обвинение, реагировать на него и взаимодействовать с процедурой. Однако то, что префронтальная кора человека созревает к позже совершеннолетия, она напрямую влияет на вышеперечисленные способности.

Дело T and V v United Kingdom 1999 года можно рассматривать как пример того, что такая проблема имела место быть в судебном процессе. В феврале 1993 года два десятилетних мальчика похитили и убили двухлетнего ребенка. На момент судебного процесса им было по 11 лет. Суд осознавал проблему возраста подсудимых и предпринял ряд действий, которые все же были признаны недостаточными.

Европейский суд по правам человека, установив нарушение в части права на эффективное участие, сформулировал стандарт по которому: несовершеннолетний подсудимый должен рассматривать с учетом его возраста, уровня зрелости, интеллектуальных и эмоциональных способностей. Также он отметил, что судебное заседание Суда Короны должны были казаться для 11-летних детей непонятными и пугающими.

Нейронаучные данные про развитие мозга предоставляют объяснение, которого не хватало суду. Ведь согласно исследованиям, у детей миндалевидное тело активируется сильнее, чем у взрослых, а префронтальная кора еще незрела. В связи с этим когнитивные ресурсы, такие как: память, внимание, способность к принятию решений. [1216]

[1215] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231

[1216] Denis Magyar, The Use of Neuroscientific Discoveries in Criminal and Civil Evidence Law (2018) 11(2) Medicine, Law & Society 121

Тот факт, что на момент совершения преступления им было всего по 10 лет, имеет основное значение для нейронаучной интерпретации дела. Если вышеупомянутое исследование развития мозга показывает, что префронтальная кора полностью созревает лишь к 23 годам, то у 10-ти летних детей созревание находится только на начальном этапе развития.

К тому же хотелось бы уделить внимание метафоре Ариана Петофта из статьи Neurolaw: A brief introduction «Достижения нейронауки дают юристам точные «очки», чтобы иметь более точное и полное видение, и как следствие, принимать более справедливые решения». [1217] Его Метафора, которая сравнивает нейронауку с «очками» для юриста удачно объясняет правильную роль нейроправа. Нейронаука не заменяет юридическую точку зрения, она его корректирует. Без нейронаучных данных судья видит поведение подростка, но не видит его нейробиологической основы.

Нейроправо также может применятся и в гражданском праве, а именно в сфере возмещения морального вреда. В деликтных спорах, связанных с причинением вреда здоровью, истец должен доказать не только факт противоправного деяния, но и наличие понесенных страданий.

Методы нейровизуализации позволяют сделать невидимые травмы, когнитивные нарушения видимыми для суда. Как отмечается в учебнике «Making the Invisible Visible: The Effects of Neuroscience on Mental Injury Claims» нейронаука открывает окно в то, как мозг генерирует субъективные переживания. В результате истец получает возможность подтвердить свои страдания данными о функционировании его мозга, что повышает шансы на компенсацию. [1218]

Примером применения нейронауки в деликтном праве являются коллективные иски игроков против профессиональных спортивных лиг. В деле In re: National Football League Players Concussion Injury Litigation истцы утверждали, что лиги действовали халатно, скрывая информацию о связи между повторяющимися сотрясениями и долгосрочными когнитивными нарушениями, а также не приняли никаких мер для предотвращения черепно-мозговых травм. Началом для судебного разбирательства стали нейронаучные открытия 2000-х годов. В 2002 году патологоанатом Б. Омалу, исследовав мозг умершего игрока М. Уэбстера, обнаружил хроническую травматическую энцефалопатию (далее - ХТЭ). Это заболевание, которое обычно наблюдается у боксеров и отличается прогрессивной дегенерацией мозговой ткани. Важным моментом стало исследование 2009 года, опубликованное группой ученых в журнале «Brain», которое подтвердило, что ХТЭ вызывается именно повторяющимися ударами по голове. В 2013 году стороны достигли урегулирования на сумму 1 миллиард долларов.

В деле Robitaille v Vancouver Hockey Club Ltd хоккеист М. Робитайль обратился в суд с иском против своего клуба после того, как в январе 1977 года получил тяжелую травму спинного мозга, сделавшую его постоянно нетрудоспособным. Обстоятельства дела доказывали о системном пренебрежении к здоровью спортсмена. Начиная с декабря 1976 года Робитайль неоднократно жаловался руководству на сильные боли в шее, плече и руке. Не смотря на это клуб заставлял его продолжать выступление. Более того, были попытки обменять его в другой клуб, не раскрыв информацию о здоровье. Верховный суд признал, что клуб нарушил обязанность проявлять разумную заботу о здоровье игрока, и что в это входит обязанность предоставлять надлежащую

---

https://www.academia.edu/104678332/The_Use_of_Neuroscientific_Discoveries_in_Criminal_and_Civil_Evidence_Law

[1217] Arian Petoft, Neurolaw: A brief introduction (2015) 14(1) Current Journal of Neurology 53, 53. https://www.researchgate.net/publication/275046866_Neurolaw_A_brief_introduction

[1218] Justin Brandon Ng, Making the Invisible Visible: The Effects of Neuroscience on Mental Injury Claims (LLM thesis, University of Toronto 2018) 32. https://utoronto.scholaris.ca/server/api/core/bitstreams/2f33e2ac-d011-4792-8496-6a972170e49a/content

медицинскую помощь. М. Робитайлю была присуждена компенсация в размере 355 000 долларов.

Таким образом, в деликтном праве нейронаука обладает большим потенциалом для изменения подхода к доказыванию. Такие исследования позволяют сделать невидимые заболевания видимыми для суда.

Согласно ст. 122 УПК РК сбор доказательств производится в процессе досудебного расследования и судебного разбирательства путем производства процессуальных действий, предусмотренных кодексом. Включает в себя обнаружение, закрепление и изъятие. Таким образом, нейронаучные данные могут быть признаны допустимыми доказательствами, если они получены в рамках процессуальных действий, лицо, проводящее исследование, обладает статусом эксперта или специалиста, результаты зафиксированы в установленной процессуальной норме. Можно полагать, что при соблюдении этих условий нейронаучные данные вписываются в уже существующую процессуальную форму.

Многие критики говорят о ненадежности самих нейротехнологий, однако если технология работает идеально, как быть с интерпретацией ее результатов?

Эксперт или специалист может просто не обладать достаточной квалификацией в нейронауке, чтобы правильно интерпретировать результаты исследования. К тому же эксперт или специалист, нанятый стороной защиты или обвинения может сознательно интерпретировать под нужный им результат.

Еще одним правовым риском использования нейронаучных данных в судебном процессе это возможное нарушения права не свидетельствовать против себя. Принудительное сканирование мозга может считаться нарушением права против самообвинения, потому что нейронаучные данные могут раскрыть содержание памяти человека. Это принуждение к молчаливому свидетельствованию против себя. В виде примера можно привести судебное дело Адити Шармы. В 2008 году Индия стала одной из первых стран, использовавшей тест «Brain Electrical Oscillations Signature» для обвинительного приговора. Судья разрешил принудительное сканирование мозга. Однако, после Верховный суд Индии постановил, что принудительное тестирование нарушает право не свидетельствовать против себя. [1219]

Что касается отдельных видов уголовных преступлений, есть те, где я считаю необходимым проведение анализа и исследование мозга, а именно развращение лиц, не достигших 16-летнего возраста. Дело в том, что за этим составом преступления часто стоит медицинский диагноз. Педофилия – это расстройство сексуального предпочтения, при котором у человека возникает устойчивое влечение к детям.

Как показывают исследования, в большинстве случаев люди, совершающие такие преступления, страдают педофилией. Это люди с измененной нейрокогнитивной функцией, то есть их мозг работает иначе. В исследовании, проведенного в Иране, наглядно показано, что у людей, совершивших насилие над детьми, когнитивные показатели были значительно хуже, чем у обычных людей. [1220]

По данным на 2025 год ежегодно регистрируется около 900 преступлений против половой неприкосновенности детей. Как отмечает заместитель генерального директора РНПЦ психического здоровья Н. Есимов: «наука пока не дает однозначного ответа, почему возникает педофилия. Исследования с МРТ уже показывают, что

[1219] Nita A Farahany, Incriminating Thoughts (2012) 64 Stanford Law Review 351 https://scholarship.law.duke.edu/faculty_scholarship/2651

[1220] Mohsen Daneshvari and others, Neurocognitive Insights into Child Sexual Abuse Perpetrators: Understanding Cognitive and Emotional Profiles: A Case-Control Study (2025) https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC12104540/

некоторых таких людей по другому работают зоны мозга» [1221] Следовательно, единый карательный подход неэффективен. Вместо этого необходима обязательная нейропсихологическая экспертиза, результаты которой позволят суду принимать дифференцированное решение.

Заключительная часть

Наиболее перспективной сферой применения нейронауки в уголовном процессе является оценка процессуальной способности несовершеннолетних подсудимых. Здесь нейронаучные данные не подменяют с собой юридический вывод, а лишь дополняют его, показывая суду объективные границы когнитивных возможностей подростка.

Интеграция применения нейротехнологий в уголовный процесс порождает конституционные вопросы. Принудительное сканирование мозга потенциально нарушает право не свидетельствовать против себя, особенно когда речь идет об извлечении скрытого знания.

Главная проблема нейронаучных доказательств не в технологии, а в человеческом факторе. Скан мозга ничего не доказывает сам по себе. Многое решает его интерпретация экспертом. А эксперт или специалист может ошибаться, быть некомпетентным или недобросовестным.

Нейронаука предоставляет суду дополнительный инструмент, а именно более точные, объективные данные о том, как работает мозг человека. Эффективность нейронаучных данных зависит от того насколько разумно и ответственно законы и суды будут регулировать его применение.

В деликтных спорах, например, которые я приводила выше, про травму спортсменов, нейронаучные данные могут объективно показать, что мозг пострадавшего действительно фиксирует боль и стресс. Это помогает суду назначить более справедливую сумму компенсации. А вот в уголовных делах все сложнее. Даже если МРТ показывает, что мозг преступника работает иначе, это не значит, что он не виновен. Поэтому в уголовном процессе нейронаучные данные пока только играют роль дополнения, а не основного решения.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V;

2. Pardo MS and Patterson D, *Minds, Brains, and Law*: The Conceptual Foundations of Law and Neuroscience (Oxford University Press 2013);

3. Magyar D, *The Use of Neuroscientific Discoveries in Criminal and Civil Evidence Law* (11(2) Medicine, Law & Society 2018) 121;

4. Petoft A, Neurolaw: *A brief introduction* (2015) 14(1) Current Journal of Neurology 53;

5. Ng JB, *Making the Invisible Visible: The Effects of Neuroscience on Mental Injury Claims* (LLM thesis, University of Toronto 2018);

6. Murphy ERD and Rissman J, *Evidence of Memory from Brain Data* (2020) 7(1) Journal of Law and the Biosciences;

7. Farahany NA, *Incriminating Thoughts* 64 (Stanford Law Review 2012) 351;

8. Химическая кастрация педофилов: решение проблемы или трата бюджета? // CMN.KZ 19 августа 2025 https://cmn.kz/himicheskaya-kastracziya-pedofilov-reshenie-problemy-ili-trata-byudzheta/?amp=1 ;

[1221] Mohsen Daneshvari and others, Neurocognitive Insights into Child Sexual Abuse Perpetrators: Understanding Cognitive and Emotional Profiles: A Case-Control Study (2025) https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC12104540/

9. Daneshvari M and others, *Neurocognitive Insights into Child Sexual Abuse Perpetrators: Understanding Cognitive and Emotional Profiles: A Case-Control Study* (2025) Neurocognitive Insights into Child Sexual Abuse Perpetrators: Understanding Cognitive and Emotional Profiles: A Case-Control Study - PMC;

Медресов Султан Мейрамович
Бакалавр 1 курса специальности «Международное право»
Высшая школа права Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республика Казахстан
E-mail: sultan.medressov@gmail.com

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНТЕРНЕТА И РИСКИ ПРИРАВНИВАНИЯ ЕГО К ОБЩЕСТВЕННЫМ МЕСТАМ

Аннотация

Актуальность данной темы заключается в том, что возникают определенные противоречия между правовыми категориями и нынешней цифровой реальностью, а нынешняя правовая ситуация не учитывает специфику виртуальной среды. имеются судебные постановления, в которых действия пользователей в социальных сетях квалифицируются по нормам, которые были рассчитаны на физические общественные места.

Цель данной статьи – обосновать правовую природу интернета как уникального правового феномена (sui generis), который не подпадает под классические понятия и нормы. Нынешняя практика также вызывает определенные вопросы, так как интернет обладает рядом особенностей, которые не в полном объеме соотносится с понятием общественного места.

Объектом исследования выступают общественные отношения в интернете, а предметом нормы административного и уголовного законодательства РК и судебная практика.

Автор приходит к выводу, что имеется необходимость признания правовой автономии интернета и социальных сетей. Не всегда представляется возможным адекватно учитывать специфику интернета при применении нынешних норм, расширительного толкования и аналогии закона. Необходимо сформировать отдельное законодательство и нормы для регулирования поведения в интернете и внедрение самостоятельного правового статуса Интернета. Такое решение позволит более точно учитывать его особенности и способствовать обеспечению правовой определенности при защите прав граждан.

Ключевые слова: *цифровое пространство, общественное место, правовая автономия, социальные сети, аналогия закона, публичное право, правовая определенность, sui generis, правовое регулирование, интернет*

Аннотация

Бұл тақырыптың өзектілігі қазіргі құқықтық категориялар мен сандық реалдық арасындағы қайшылықтардың пайда болуында жатыр. Қазіргі құқықтық жағдай виртуалды ортаның ерекшеліктерін ескермейді, әлеуметтік желілердегі пайдаланушылардың әрекеттері физикалық қоғамдық орындарға арналған нормаларға сәйкес бағаланатын сот шешімдері бар.
Мақсаты – интернеттің бірегей құқықтық феномен (sui generis) ретінде құқықтық табиғатын негіздеу, ол классикалық ұғымдар мен нормаларға жатпайды. Практика көрсеткендей, интернеттің кейбір ерекшеліктері қоғамдық орын ұғымына толық сәйкес келмейді. Зерттеу объектісі – интернеттегі қоғамдық қатынастар; зерттеу пәні – ҚР әкімшілік және қылмыстық заңнамасы нормалары және сот практикасы.
Автор интернеттің және әлеуметтік желілердің құқықтық автономиясын мойындау қажеттілігін тұжырымдайды. Қазіргі нормаларды қолдану кезінде интернеттің ерекшеліктерін ескеру әрқашан мүмкін емес. Интернеттің бөлек құқықтық мәртебесін енгізу және арнайы заңнаманы қалыптастыру құқықтық анықтылықты қамтамасыз етеді және азаматтардың құқықтарын қорғауға ықпал етеді.

Түйінді сөздер: *сандық кеңістік, қоғамдық орын, құқықтық автономия, әлеуметтік желілер, заң аналогиясы, қоғамдық құқық, құқықтық анықтылық, sui generis, құқықтық реттеу, интернет*

Abstract

The relevance of the topic lies in the contradictions between legal categories and the digital reality. Current legal frameworks do not consider the specifics of the virtual environment; there are court decisions in which actions of social network users are assessed according to norms designed for physical public places.
The aim of the article is to justify the legal nature of the Internet as a unique legal phenomenon (sui generis), which does not fall under classical concepts and norms. Practice shows that the Internet has features that do not fully correspond to the concept of a public place. The object of research is public relations in the Internet; the subject of research is the norms of administrative and criminal legislation of the Republic of Kazakhstan and court practice. The author concludes that it is necessary to recognize the legal autonomy of the Internet and social networks. It is not always possible to adequately account for the specifics of the Internet when applying current norms, expansive interpretation, and analogy of the law. Establishing separate legislation and norms for regulating Internet behavior and introducing a distinct legal status for the Internet will ensure legal certainty and protect citizens' rights.

Keywords: *digital space, public place, legal autonomy, social networks, analogy of law, public law, legal certainty, sui generis, legal regulation, Internet*

Введение

Правовое регулирование, так или иначе, всегда отстаёт от реалий жизни, в том числе от технологий, экономики, моральных изменений общества. Исключение не составило развитие Интернета, который существует в нашей реальности, в качестве незаменимой технологии, с начала 21 века. Более того, не будет ошибкой заявить, что Интернет и связанные с ним технологии (например, социальные сети), играют немаловажную роль в нашей жизни. В современных условиях, многие права и обязанности граждан реализуются не в физическом пространстве, а в цифровой среде. Такая практика создает новую реальность, - цифровую которая в Республике Казахстан, на мой взгляд, на практике регулируется ошибочно. Более того, границы между публичным и частным в интернете остаются размытыми, что создает серьезные вызовы для юридической науки и правоприменительной практики.

Одной из ключевых проблем в регулировании Интернета является попытки государственных органов и судов регулировать отношения в новой цифровой реальности с помощью норм и терминов, созданных для классического, физического мира. Нынешняя судебная практика также вызывает определенные вопросы, когда законы, в основном, применяются по аналогии и классические понятия и нормы в праве перекладываются на новую реальность.

В связи с этим представляется необходимым пересмотреть правовой статус цифровой реальности. Имеется необходимость признать интернет и сопутствующие технологии (в том числе, социальные сети) правовым феноменом sui generis – уникальным пространством, который претендует на собственное регулирование и автономию, которое не может быть механически приравнено к существующим нормам. Соответственно, считается важным применение отдельных законодательных и санкционных норм к действиям, сделанным в цифровом мире.

Материалы и методы

В данной статье проведен анализ законодательной базы Республики Казахстан в контексте регулирования действий граждан в Интернете, а также ответственности за

правонарушения в цифровой среде. Основные методы включают риск-ориентированный подход, сравнительно-правовой анализ и юридическое прогнозирование.

Основная часть

Анализ нынешнего законодательства РК:

Законодательство Республики Казахстан, включая Гражданский кодекс, Уголовный кодекс, Кодекс об Административных Правонарушениях и иных кодексов, не содержит определения термина «общественное место». Однако, такое определение можно найти, проанализировав Приказ Генерального Прокурора Республики Казахстан от 19 сентября 2014 года № 89, а именно пункт 27[1222]. Он содержит определение общественного места и исчерпывающий перечень объектов, относящихся к общественному месту. Все перечисленные категории, от организаций здравоохранения до подъездов домов, объединяет один признак: физическая осязаемость и привязка к территории. В соответствии с этим, определять интернет и социальные сети, как общественное место, юридически некорректно.

Исходя из такого определения общественного места и его перечня, ярким примером расширительного толкования определения «общественное место» является постановление Специализированного межрайонного суда по административным правонарушениям города Астаны от 21 февраля 2026 года[1223]. В отношении гражданина Алмышева К.И. Суд признал нецензурную брань в социальной сети Threads «мелким хулиганством». Суд уточняет, что информация находилась в открытом доступе и за счет этого он нарушил общественный порядок, однако такая формулировка устанавливает несколько недочетов. Во-первых, в отличие от физического общественного места, где окружающие вынуждены воспринимать действия правонарушителя, цифровая среда позволяет пользователю мгновенно прекратить контакт с нежелательным контентом (такие действия можно выполнить блокировкой автора или пролистнув ленту). Таким образом, интернет-публикации имеют принципиально иную техническую и правовую природу.

Во-вторых, подобная логика суда порождает серьезный конфликт юрисдикций. Если бы пост Алмышева К. И. был направлен на другую аудиторию (например, американскую или европейскую), мог ли суд признать его виновным за «нарушение общественного порядка и нравственности»? При положительном ответе на такой вопрос, возникает правовая проблема: защита общественного порядка и нравственности осуществляется судом города Астаны, который распространяет свою юрисдикцию на территорию и общества других государств.

Дополнительно следует учитывать, что доступность информации в сети нельзя рассматривать как фактическому воздействие на неопределённый круг лиц. В отличие от физического пространства, воздействие в цифровой среде возникает на добровольной основе. В связи с этим, невозможно применение традиционных критериев общественной опасности.

[1222] Adilet.zan.kz, ‘Об Утверждении Правил Приема и Регистрации Заявления, Сообщения Или Рапорта Об Уголовных Правонарушениях, а Также Ведения Единого Реестра Досудебных Расследований’ (*Приказ Генерального Прокурора Республики Казахстан от 19 сентября 2014 года № 89. Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 23 сентября 2014 года № 9744.*) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V14W0009744> accessed 13 March 2026

[1223] Постановление по делу № 7120-26-00-3/7300 от 21 февраля 2026 года Специализированный межрайонный суд по административным правонарушениям города Астаны

Принятие Цифрового кодекса РК от 9 января 2026 года[1224] показывает, что законодатель уже сделал первый шаг к регулированию цифрового пространства, признавая, что оно (цифровое пространство) существует вне территории. Автор полагает, что для устранения юридических недочетов в законодательстве РК необходимо привести нормы КоАП в соответствие с Цифровым кодексом и новой цифровой реальностью. И несмотря на прогрессивный характер принятого Цифрового кодекса, он содержит ряд недостатков. В связи с этим, кодекс носит во многом декларативный характер, но не устанавливает санкционные нормы, не вносит изменений в КоАП и иные отрасли публичного права, не устанавливает механизмы защиты.

Таким образом, решение суда и сопутствующие юридические неопределенности демонстрирует острую необходимость признания цифрового пространства феноменом sui generis. Вместо того чтобы механически подстраивать существующие нормы законодательства, которые изначально были предназначены для физических пространств, законодателю следует выработать отдельные нормы за поведение и действия в интернете.

Правовая природа интернета

Интернет – уникальная в своем роде вещь, особенно в сфере правового регулирования. Признание цифровой среды феноменом sui generis означает отказ от классических понятий и замещение их новыми, более подходящими под нынешнюю реальность нормами и понятиями. Соответственно, в виду существенных различий между физическим и виртуальным пространством, имеются веские основания для того, чтобы регулировать их по-разному[1225]. В обычном, классическом праве всё привязано к земле (территории), однако интернет экстерриториален, он не привязан к определенному месту.

Более того, значительное различие кроется в природе контроля над пространством. В физическом общественном месте соблюдение порядка является исключительной функцией государства, тогда как в цифровой среде эта функция распределена. Сайты и интернет-платформы регулируются, в основном, администрацией и владельцем этого сайта; закон в данном случае – правила сайта или платформы (Terms of Service), с которыми пользователь соглашается перед использованием их. Тем не менее, даже несмотря на то, что такие платформы и сайты позволяют своим пользователям выражать и делиться своим мнением – это не делает их автоматически подпадающими под правовое регулирование того или иного государства. Это связано с тем, что предоставление платформы для мнений не является эксклюзивной функцией государственного или общественного места. Такое мнение подтверждается решением Верховного Суда США в деле *Manhattan Community Access Corp. v. Halleck*[1226].

Более того, интернет даёт и позволяет своим пользователем большую свободу действий, чем физические пространства. В реальной, физической среде человек находится в состоянии вынужденного восприятия окружающего шума, действий и слов других лиц. Если в общественном месте происходит акт нецензурной брани или нарушения спокойствия других лиц, окружающие лишены возможности мгновенно

[1224] Adilet.zan.kz, 'ЦИФРОВОЙ КОДЕКС РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН' (*Кодекс Республики Казахстан от 9 января 2026 года № 255-VIII ЗРК*) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000255> accessed 14 March 2026

[1225] Mary Anne Franks, 'Beyond the Public Square: Imagining Digital Democracy' (2021), 131 The Yale Law Journal < https://yalelawjournal.org/essay/beyond-the-public-square-imagining-digital-democracy> accessed 14 March 2026

[1226] 'Manhattan Community Access Corp. v. Halleck | 587 U.S. ___ (2019) | Justia U.S. Supreme Court Center' (*Justia U.S. Supreme Court Center*) <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/587/17-1702/> accessed 16 March 2026

прекратить влияние этого акта на себе, не покидая это место. Таким образом, влияние на окружающих людей неизбежно и агрессивно.

В цифровое среде ситуация абсолютно противоположна. Как отмечает Касс Р. Санстейн в своей книге «Republic.com», пользователи не только могут закрывать и игнорировать нежелательную речь, но и индивидуально настроить, используя фильтры то, что они хотят в дальнейшем видеть, слышать и читать[1227].

Таким образом, правовая природа интернета уникальна, требующая отдельного и специального подхода по отношению к его регулированию. Не представляется возможным, с точки зрения юридической справедливости, продолжать использовать классические понятия и нормы для регулирования абсолютно новой и отличной среды. Это обусловлено тем, что цифровое пространство, в отличие от физического, имеет несколько иные характеристики взаимодействия субъектов.

Международный подход

Европейский Акт о цифровых услугах (Digital Services Act, 2024) предлагает совершенно иную квалификацию. DSA вводит понятие «Очень крупных онлайн-платформ» (VLOPs)[1228]. Однако, такое понятие не приравнивает их к общественным форумам, а накладывает на частные компании дополнительные обязательства по модерации и регуляции контента на своих платформах.

Таким образом, эти платформы, на законодательном уровне, остаются частными посредниками, а не государственными или общественными объектами. Ответственность за порядок на этих платформах находится в руках платформы, и взаимодействия идут между пользователем и платформой, а не государством (правоприменителем) и гражданином. Автор считает, что такой подход к регулированию интернета более практичный и юридически подходящий так как позволяет учитывать специфику цифровой среды, включая автономность платформ и их технические возможности по управлению контентом.

Дополнительно, похожее судебное дело (как и в деле Алмышева К.И.) возникло в Эстонии, в одной из ведущих стран в области цифровизации в мире[1229]. В деле в Верховном суде Эстонии №4-24-1037 от 12 ноября 2025 года[1230], гражданин использовал нецензурную лексику и агрессивные высказывания во время публичной трансляции в социальной сети. Адвокат защиты исходил из того, что социальные сети не используются неограниченным количеством лиц (поскольку оно ограничено лицами, которые скачали приложение и пользуются им). Верховный суд Эстонии постановил, что социальные сети не являются общественным местом и проступок не может считаться нарушением общественного порядка предусмотренным §262 Пенитенциарного кодекса Эстонии[1231].

Заключение

Подводя итог, следует подчеркнуть, что законодатель в Республике Казахстан не предусмотрел отдельные нормы по отношению к действиям, совершенным в цифровом пространстве. Ввиду этого недочета, правоприменительная практика в

[1227] Cass R. Sunstein, *Republic.com* (Princeton University Press, 2001) 3.

[1228] 'DSA: Very Large Online Platforms and Search Engines' (*Shaping Europe's digital future*) <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/dsa-vlops> accessed 16 March 2026

[1229] Benjamin Bathke, 'How Estonia Outpaced the Rest of Europe at Digitalization' (*dw.com*, 18 July 2025) <https://www.dw.com/en/how-estonia-outpaced-the-rest-of-europe-at-digitalization/a-73098771> accessed 20 March 2026

[1230] Priit Reichmanni väärteoasi (*Riigikohus, дело № 4-24-1037, 12 ноября 2025*) <https://www.riigikohus.ee/et/lahendid/?asjaNr=4-24-1037/37> accessed 20 March 2026

[1231] Karistusseadustik § 262 lg 1 2001 (*принят 6 июня 2001, вступил в силу 1 сентября 2002*) RT I 2001, 61, 364 <https://www.riigiteataja.ee/akt/13338040> accessed 21 March 2026

нашей стране исходит из классических, но устаревших для новой реальности, понятий. Как показало данное исследование, такая практика на деле приводит к правовой неопределенности и заставляет использовать только аналогию закона, ввиду отсутствия иного выбора, что приводит к нарушению принципа правовой определенности.

Наиболее последовательно концепция интернета как среды sui generis реализована на практике в Соединенных Штатах Америки и Европейском Союзе. Digital Service Act, принятый в Европейском союзе, демонстрирует необходимость отдельного регулирования интернета и социальных сетей. Таким образом, Европейский регулятор хоть и признает важность онлайн платформ, но не приравнивает их к публичным форумам или общественному месту. Благодаря этому, интернет получает отдельную правовую категорию с признанием его автономности и приоритете механизмов модерации над карательными мерами.

Таким образом, признавая интернет феноменом sui generis, потребуется разработка отдельного законодательства, по примеру DSA в Европейском союзе. Автор считает, что первичным регулятором в цифровом пространстве должны выступать сами платформы через механизмы модерации и пользовательские соглашения (Terms of Service). Государственное вмешательство должно быть исключительным и соразмерным, учитывая технические возможности Интернета для саморегулирования. Разработка нового законодательства может включать в себя отдельные, специальные составы преступлений, учитывающие особенности цифрового пространства и взаимодействия пользователей в нём. Более того, представляется обоснованным закрепление неприкосновенности частной цифровой жизни: личные аккаунты граждан должны быть защищены от действий правоохранительных органов, аналогично тому, как защищено физическое жилище или переписка.

Список литературы:

1. ‘DSA: Very Large Online Platforms and Search Engines’ (*Shaping Europe’s digital future*) <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/dsa-vlops> accessed 16 March 2026
2. ‘Manhattan Community Access Corp. v. Halleck | 587 U.S. ___ (2019) | Justia U.S. Supreme Court Center’ (*Justia U.S. Supreme Court Center*) <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/587/17-1702/> accessed 16 March 2026
3. Постановление по делу № 7120-26-00-3/7300 от 21 февраля 2026 года, Специализированный межрайонный суд по административным правонарушениям города Астаны
4. Adilet.zan.kz, ‘Об Утверждении Правил Приема и Регистрации Заявления, Сообщения Или Рапорта Об Уголовных Правонарушениях, а Также Ведения Единого Реестра Досудебных Расследований’ (*Приказ Генерального Прокурора Республики Казахстан от 19 сентября 2014 года № 89. Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 23 сентября 2014 года № 9744*) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V14W0009744> accessed 13 March 2026
5. Adilet.zan.kz, ‘ЦИФРОВОЙ КОДЕКС РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН’ *(Кодекс Республики Казахстан от 9 января 2026 года № 255-VIII ЗРК*) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000255> accessed 14 March 2026
6. Priit Reichmanni väärteoasi (*Riigikohus, дело № 4-24-1037, 12 ноября 2025*) <https://www.riigikohus.ee/et/lahendid/?asjaNr=4-24-1037/37> accessed 20 March 2026
7. Karistusseadustik § 262 lg 1 2001 (*принят 6 июня 2001, вступил в силу 1 сентября 2002*) RT I 2001, 61, 364 <https://www.riigiteataja.ee/akt/13338040> accessed 21 March 2026

8. Bathke B, ‘How Estonia Outpaced the Rest of Europe at Digitalization’ (*dw.com, 18 July 2025*) <https://www.dw.com/en/how-estonia-outpaced-the-rest-of-europe-at-digitalization/a-73098771> accessed 20 March 2026
9. Franks MA, ‘Beyond the Public Square: Imagining Digital Democracy’ (*2021*) 131 *The Yale Law Journal* <https://yalelawjournal.org/essay/beyond-the-public-square-imagining-digital-democracy> accessed 14 March 2026
10. Sunstein CR, *Republic.com* (*Princeton University Press, 2001*)

Нургожина Камилла Бауыржановна
Студент 4 курса специальности «Юриспруденция»
Высшая школа права Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республика Казахстан
Email: kami.nurgozhina@mail.ru

ПРЕДЕЛЫ ДОПУСТИМОСТИ НЕЙРОНАУЧНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОЙ НАДЕЖНОСТИ И ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ

Аннотация

Статья посвящена исследованию пределов допустимости нейронаучных доказательств в уголовном процессе. Актуальность темы обусловлена развитием нейротехнологий и расширением интереса права к данным нейровизуализации, нейропсихологии и иных нейронаучных методов при оценке вменяемости, способности к самоконтролю, достоверности показаний и индивидуализации ответственности. Предметом исследования выступает соотношение научной надежности нейронаучных данных и их юридической релевантности в процессе доказывания. Цель работы заключается в определении границ допустимого использования таких данных в уголовном судопроизводстве и в выработке подходов, позволяющих предотвратить подмену правовой оценки биологическим объяснением поведения. Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой и междисциплинарный методы, а также анализ доктрины нейроправа и отдельных судебных кейсов. Научная новизна состоит в том, что проблема допустимости нейронаучных доказательств рассматривается не только как вопрос технической надежности метода, но и как вопрос сохранения нормативной автономии права. В результате обосновывается, что нейронаучные данные могут использоваться в уголовном процессе лишь как вспомогательный источник информации при условии их научной верифицируемости, процессуальной допустимости и строгой юридической интерпретации.

Ключевые слова: нейроправо, нейронаучные доказательства, уголовный процесс, допустимость доказательств, нейровизуализация, судебная экспертиза, вина, ответственность, правовая оценка.

Abstract

The article examines the limits of admissibility of neuroscientific evidence in criminal proceedings. The relevance of the topic is determined by the rapid development of neurotechnology and the growing interest of law in neuroimaging, neuropsychology and other neuroscientific methods when assessing criminal responsibility, self-control, credibility of testimony and individualization of liability. The subject of the research is the relationship between scientific reliability of neuroscientific data and their legal relevance in evidentiary proceedings. The aim is to define the limits of permissible use of such data in criminal justice and to develop approaches preventing the substitution of legal assessment by biological explanations of behavior. The methodological basis includes formal legal, comparative legal and interdisciplinary approaches, as well as an analysis of neurolaw doctrine and selected judicial cases. The scientific novelty lies in treating admissibility not only as a matter of scientific validity, but also as a matter of preserving the normative autonomy of law. The article concludes that neuroscientific data may be used only as supplementary evidence, provided that they are scientifically verifiable, procedurally admissible and subject to strict legal interpretation.

Keywords: neurolaw, neuroscientific evidence, criminal procedure, admissibility of evidence, neuroimaging, forensic expertise, guilt, responsibility, legal evaluation.

Аңдатпа

Мақала қылмыстық процестегі нейроғылыми дәлелдемелердің жол берілетіндік шектерін зерттеуге арналған. Тақырыптың өзектілігі нейротехнологиялардың дамуымен және құқықтың нейровизуализация, нейропсихология және өзге де нейроғылыми әдістерге қызығушылығының артуымен байланысты. Зерттеу пәні - нейроғылыми деректердің ғылыми сенімділігі мен олардың дәлелдеу процесіндегі заңдық релеванттылығының арақатынасы. Жұмыстың мақсаты - қылмыстық сот ісін жүргізуде мұндай деректерді пайдаланудың шектерін айқындау және құқықтық бағалауды мінез-құлықтың биологиялық түсіндірмесімен алмастыруға жол бермейтін тәсілдерді ұсыну. Әдіснамалық негізін формальды-құқықтық, салыстырмалы-құқықтық және пәнаралық әдістер құрайды. Ғылыми жаңалығы нейроғылыми дәлелдемелердің жол берілетіндігін тек әдістің техникалық сенімділігі тұрғысынан емес, құқықтың нормативтік дербестігін сақтау мәселесі ретінде қарастыруында. Қорытындысында мұндай деректер тек ғылыми тексерілуі, процестік тұрғыдан жол берілетіндігі және қатаң құқықтық түсіндірмесі болған жағдайда ғана көмекші ақпарат көзі ретінде пайдаланылуы тиіс деген тұжырым жасалады.

Түйінді сөздер: нейроқұқық, нейроғылыми дәлелдемелер, қылмыстық процесс, дәлелдемелердің жол берілетіндігі, нейровизуализация, сот сараптамасы, кінә, жауапкершілік, құқықтық бағалау.

Введение

Развитие нейронауки стало одним из заметных интеллектуальных и технологических вызовов для современного права. Если ранее вопрос о доказательствах в уголовном процессе в основном связывался с показаниями, вещественными доказательствами, документами и традиционной судебной экспертизой, то сегодня все чаще обсуждается возможность использования данных о функционировании мозга для оценки поведения человека, степени его осознанности, склонности к импульсивным действиям, способности к контролю и даже достоверности сообщаемой информации. Такое смещение научного интереса неслучайно: чем сложнее становятся технологии исследования человека, тем сильнее искушение рассматривать их как источник более «объективного» знания по сравнению с обычными средствами доказывания. Однако именно эта кажущаяся объективность и образует основную проблему. Уголовный процесс заинтересован не просто в выявлении биологических фактов, а в установлении обстоятельств, имеющих нормативное значение: была ли вина, осознавал ли субъект характер своих действий, мог ли он руководить ими, насколько обоснованно возлагать на него личную ответственность. Между нейронаучным описанием и юридической оценкой существует принципиальный разрыв. Нейронаука работает с причинными механизмами, статистическими корреляциями и моделями мозговой активности; право с виной, упречностью[1232] , вменяемостью, допустимостью доказательств и процессуальными гарантиями. Именно поэтому вопрос о нейронаучных доказательствах нельзя сводить к тезису «чем технология точнее, тем доказательство сильнее». Он требует более сложной постановки: при каких условиях такие данные вообще могут быть введены в процесс и где проходит граница, после которой научный материал перестает помогать праву и начинает подменять его.

Актуальность темы усиливается и тем, что нейронаучные данные уже обсуждаются не только в теории, но и в практике зарубежных судов, прежде всего в делах, где защита или обвинение стремятся использовать нейровизуализацию,

[1232] Duff RA, Answering for Crime: Responsibility and Liability in the Criminal Law (Hart Publishing 2007). <https://johngardnerathome.info/pdfs/punishmentandresponsibility.pdf> (дата обращения: 21.03.2026.)

нейропсихологические тесты и иные формы специализированного знания для оценки личности обвиняемого. В то же время казахстанское законодательство пока не содержит специальных норм о нейронаучных доказательствах, что делает особенно важным анализ того, могут ли общие конституционные и процессуальные принципы служить достаточной правовой рамкой для их возможного использования. В данном контексте принципиальное значение имеют, с одной стороны, конституционные гарантии неприкосновенности частной жизни, а с другой - уголовно-процессуальные правила оценки доказательств, исключающие признание за каким-либо доказательством заранее установленной силы. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы определить пределы допустимости нейронаучных доказательств в уголовном процессе через анализ их научной надежности, юридической релевантности, судебной практики и действующей нормативной базы Республики Казахстан. Для достижения этой цели необходимо решить несколько взаимосвязанных задач: раскрыть специфику нейронаучных данных как особого вида знания; показать, почему их научная убедительность не совпадает автоматически с доказательственной силой; проанализировать показательные зарубежные кейсы; определить, каким образом казахстанское право уже сейчас могло бы воспринимать такие данные через институт судебной экспертизы; и сформулировать вывод о том, в каком направлении вероятно будет развиваться уголовно-процессуальное регулирование в условиях роста нейротехнологий.

Нейронаучные данные в уголовном процессе: пределы допустимости и проблемы правовой оценки

Проблема допустимости нейронаучных доказательств начинается с того, что право и нейронаука по-разному понимают человеческое действие. Для права действие это поступок субъекта, который может быть оценен через категории виновности, осознанности, намерения, способности к контролю и соответствия норме. Для нейронауки действие это наблюдаемое поведение, коррелирующее с работой мозга, нервной системы, когнитивных процессов и биологических факторов. На первый взгляд может показаться, что нейронаука просто добавляет праву новую, более точную информацию о человеке. Но в действительности она меняет сам язык описания: вопрос «виновен ли субъект» начинает незаметно замещаться вопросом «какие нейронные процессы предшествовали его поведению». Именно здесь и возникает риск редукционизма: личность постепенно начинает рассматриваться не как субъект права, а как носитель нейробиологических характеристик. В этом смысле нейронаучные данные нельзя воспринимать как «прямое окно» в истину. Они всегда опосредованы методологией исследования, статистическими моделями, экспертной интерпретацией и научными допущениями. Даже если речь идет о высокотехнологичных формах нейровизуализации, изображение мозга не является самодостаточным доказательством. Оно показывает определенную активность или структурные особенности, но не отвечает само по себе на юридический вопрос: влияли ли эти особенности именно на данное деяние, исключали ли они способность к пониманию и контролю, либо лишь сопровождали поведение.

Этим объясняется, почему в доктрине нейроправа так настойчиво проводится мысль о разграничении эмпирического и концептуального уровней: наука может выявлять факты и корреляции, но не может без остатка решить, что именно должно считаться виновностью, упречностью или юридически значимым намерением. Данный подход получил фундаментальное обоснование в работе *Michael S. Pardo u Dennis Patterson «Minds, Brains, and Law: The Conceptual Foundations of Law and*

Neuroscience»[1233]*,* где авторы последовательно показывают, что нейронаука и право функционируют на различных уровнях объяснения. Нейронаука описывает причинные механизмы поведения через нейронные процессы, тогда как право оперирует нормативными категориями - вины, ответственности и допустимости.

В этой связи авторы подчеркивают, что даже максимально точное описание мозговой активности не позволяет автоматически ответить на юридические вопросы о виновности или намерении, поскольку такие вопросы не сводятся к эмпирическим фактам, а требуют интерпретации в рамках правовых норм и принципов. Тем самым критикуется сама идея прямого «перевода» нейронаучных выводов в язык права: нейронаучные данные могут описывать поведение, но не заменяют его нормативную оценку. Данная позиция получает развитие и в современной междисциплинарной литературе. В частности*, Owen D. Jones* [1234]и соавторы отмечают, что нейронаучные данные могут выполнять вспомогательную функцию в процессе доказывания, однако их значение определяется конкретным правовым контекстом и не может рассматриваться как автономное основание юридических выводов. Отсюда следует важный вывод: допустимость нейронаучных данных нельзя свести только к вопросу «работает ли метод». Даже если метод научно валиден, необходимо отдельно установить, релевантен ли он предмету доказывания в конкретном уголовном деле. Это особенно важно, поскольку нейронаучные данные нередко обладают повышенной риторической силой. Судья, сторона защиты или обвинения могут придавать изображению мозга или специальному нейропсихологическому заключению больший вес лишь потому, что за ними стоит авторитет науки. Однако уголовный процесс не может допустить появления «привилегированных» доказательств, чья сила определяется не нормативной связью с предметом доказывания, а технологической убедительностью. Подобный риск переоценки нейронаучных данных получил отражение и в научной доктрине. В частности, *Stephen J. Morse* вводит понятие *«brain overclaim syndrome»*[1235], указывая на тенденцию приписывать нейронаучным исслед ованиям такие выводы о поведении и ответственности, которые они не способны концептуально и эмпирически обосновать. Это подтверждает необходимость критического отношения к подобным данным в уголовном процессе.

Именно поэтому зарубежная практика демонстрирует крайне осторожное отношение к такого рода материалам. Наиболее показательным является дело *United States v Semrau,*[1236] в котором сторона защиты попыталась использовать результаты функциональной магнитно-резонансной томографии как средство оценки достоверности показаний обвиняемого. Федеральный суд Западного округа Теннесси в 2010 году отказал в признании этих данных допустимыми, а при анализе опирался на стандарт, выработанный в *Daubert v Merrell Dow Pharmaceuticals Inc* [1237]. Суд указал

[1233] Michael S Pardo and Dennis Patterson, Minds, Brains, and Law: The Conceptual Foundations of Law and Neuroscience (Oxford University Press 2013) <https://scholarship.law.ua.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1295&context=fac_working_papers> (дата обращения: 21.03.2026.)

[1234] Owen D Jones, René Marois, Martha J. Farah and Henry T. Greely 'Law and Neuroscience' (2013) 33 Journal of Neuroscience 17624. <https://www.jneurosci.org/content/33/45/17624> (дата обращения: 21.03.2026.)

[1235] Stephen J Morse, 'Brain Overclaim Syndrome and Criminal Responsibility: A Diagnostic Note' (2006) 3 Ohio State Journal of Criminal Law 397. <https://repository.law.upenn.edu/Documents/Detail/brain-overclaim-syndrome-and-criminal-responsibility-a-diagnostic-note/392308?item=407726> (дата обращения: 21.03.2026.)

[1236] United States v Semrau, 693 F Supp 2d 601 (WD Tenn 2010). <https://www.opn.ca6.uscourts.gov/opinions.pdf/12a0312p-06.pdf> (дата обращения: 21.03.2026.)

[1237] Daubert v Merrell Dow Pharmaceuticals Inc, 509 US 579 (1993). <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/509/579/> (дата обращения: 21.03.2026.)

на недостаточную надежность методики для целей уголовного процесса: проблема воспроизводимости, отсутствие общепризнанных стандартов применения, сомнения в степени принятия метода научным сообществом, а также риск того, что технология создаст иллюзию объективности там, где научный вывод еще не достиг необходимого уровня достоверности. Этот кейс особенно важен потому, что он показывает: даже в юрисдикции, где традиционно велика роль научных доказательств, суд не готов автоматически открывать дорогу нейротехнологиям, если они не соответствуют жестким критериям научной и процессуальной пригодности. В то же время европейская практика демонстрирует более дифференцированное отношение.

В итальянской судебной практике, в частности в деле Albertani[1238] нейробиологические и генетические данные рассматривались не как самостоятельное основание для освобождения от уголовной ответственности, а как фактор, учитываемый при индивидуализации ответственности и назначении наказания. Это не означало оправдания обвиняемого и не придавало нейроданным статуса решающего доказательства факта преступления. Напротив, их использование носило ограниченный характер и было связано преимущественно с оценкой личности обвиняемого и особенностей его поведения. Итальянский пример важен тем, что демонстрирует промежуточную модель: нейронаучные сведения могут использоваться не как доказательство, подменяющее юридическую оценку, а как вспомогательный материал в рамках уже установленной доказательственной картины.

Сходная проблематика находит отражение и в современной литературе по нейроправу, где внимание смещается от индивидуальных преступлений к более сложным формам противоправного поведения, связанным с коллективными механизмами принятия решений и организационной средой. В статье *Zico Junius Fernando u Fardana Kusumah «Integrating Neurolaw in Environmental Crimes and Strengthening Victim Protection in Criminal Liability Discourse»*[1239] подчеркивается, что классическая модель вины все чаще сталкивается с трудностями в ситуациях, когда противоправное деяние формируется не как результат прямого умысла одного лица, а под влиянием более сложных когнитивных процессов, включая моральное отчуждение, усталость от принятия решений, диффузию ответственности и иные формы искажения принятия решений в сложных организационных структурах. Авторы при этом обоснованно предупреждают, что обращение к нейронауке не должно приводить к смещению акцента исключительно на состояние правонарушителя и игнорированию последствий деяния и положения потерпевших. Данное наблюдение имеет принципиальное значение для рассматриваемой проблемы. Оно указывает на то, что нейронаучные данные потенциально применимы не только в классических делах, связанных с вменяемостью, но и в более комплексных формах ответственнос ти, где уголовное право сталкивается с усложнением моделей вины и механизмов причинения вреда. В то же время из этого следует и более точное понимание пределов их допустимости: нейронаука способна углублять анализ когнитивных процессов, лежащих в основе поведения, однако не должна вытеснять из юридического рассуждения оценку самого деяния, его последствий и правового статуса потерпевшего. Соответственно, данные о мозге не могут рассматриваться как

[1238] Cristina Scarpazza, Silvia Pellegrini, Pietro Pietrini and Giuseppe Sartori, 'The Role of Neuroscience in the Evaluation of Mental Insanity: on the Controversies in Italy' (2017) Neuroethics. <https://link.springer.com/article/10.1007/s12152-017-9349-0> дата обращения: (21.03.2026.)

[1239] Zico Junius Fernando and Fardana Kusumah, 'Integrating Neurolaw in Environmental Crimes and Strengthening Victim Protection in Criminal Liability Discourse' (2025) 3(1) Southeast Asian Journal of Victimology 1. <https://jurnal.untirta.ac.id/index.php/sajv/article/view/34555> дата обращения: (21.03.2026.)

универсальный смягчающий фактор и не должны использоваться для нивелирования нормативных оснований ответственности.

В казахстанском праве вопрос о нейронаучных доказательствах пока не получил самостоятельного нормативного оформления. Однако это не означает отсутствия правовых ориентиров для их оценки. Действующее законодательство уже содержит правовые основания для оценки таких данных в рамках Конституции Республики Казахстан и уголовно-процессуального законодательства. Конституция Республики Казахстан закрепляет неприкосновенность достоинства человека (ст. 17; ст. 20 в редакции 2026 г.), а также право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну и защиту персональных данных (ст. 18; ст. 21 в редакции 2026 г.),[1240] включая их обработку с использованием цифровых технологий. Для рассматриваемой проблемы это имеет принципиальное значение. Нейронаучные данные, в отличие от традиционных доказательств, затрагивают не внешние проявления поведения, а внутренние когнитивные процессы. Сведения о функционировании мозга, нейропсихологическом состоянии и особенностях восприятия позволяют не только описывать состояние лица, но и формировать выводы о его личности, склонностях и потенциальном поведении. Тем самым их использование не ограничивается нейтральным научным описанием и затрагивает сферу, охраняемую конституционными гарантиями. Практическое значение этого проявляется, в частности, при назначении судебной психолого-психиатрической экспертизы с применением методов нейровизуализации. Возникает вопрос о допустимости получения таких данных без согласия лица, а также об объеме информации, подлежащем раскрытию суду. В подобных ситуациях речь идет не только о доказательственной ценности нейроданных, но и о пределах вмешательства в частную и когнитивную сферу личности. Таким образом, использование нейронаучных данных требует оценки не только их доказательственной значимости, но и допустимых границ вмешательства в сферу частной жизни.

На уровне уголовно-процессуального регулирования пределы использования нейронаучных данных определяются общими правилами оценки доказательств. В соответствии со статьями 25 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан[1241] ни одно доказательство не имеет заранее установленной силы, а его значение определяется в совокупности с другими доказательствами с учетом их относимости, допустимости, достоверности и достаточности. Такая конструкция имеет принципиальное значение для оценки нейронаучных данных. Методы нейровизуализации, включая магнитно-резонансную томографию (МРТ) и функциональную визуализацию мозга, обладают высокой степенью наглядности и могут создавать впечатление объективности и непосредственного доступа к причинам поведения. Однако уголовно-процессуальная модель оценки доказательств не допускает придания каким-либо доказательствам приоритета на основании их технологической убедительности.

Как отмечает профессор М.Ч. Когамов, в соответствии со статьей 25 УПК Республики Казахстан оценка доказательств осуществляется на основе внутреннего убеждения, формируемого в результате их всестороннего и объективного рассмотрения в совокупности, при этом ни одно доказательство не имеет заранее установленной силы.[1242] В этом смысле каждое доказательство может быть понято и

[1240] Конституция Республики Казахстан 1995 года (с изм. и доп. 2026 г.) ст. 17–18. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000000> дата обращения: (21.03.2026.)

[1241] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан 2014 года ст. 25, 125. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> дата обращения: (21.03.2026.)

[1242] Когамов М.Ч. (ред.), Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Казахстан (Жеті Жарғы, 2020).

оценено только во взаимосвязи с другими материалами дела, и даже наиболее убедительное доказательство не рассматривается изолированно и требует подтверждения в системе иных доказательств. Развитие указанных положений находит отражение в статье 125 УПК Республики Казахстан, которая конкретизирует требования к оценке доказательств, закрепляя их проверку с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и достаточности. При этом М.Ч. Когамов указывает, что относимость доказательства определяется его связью с предметом доказывания, допустимость - соблюдением установленной законом процессуальной формы его получения, достоверность - соответствием действительности, а достаточность - наличием такой совокупности доказательств, которая позволяет принять законное и обоснованное решение без восполнения доказательственного пробела.

При таком понимании оценки доказательств нейронаучные данные не могут рассматриваться как самостоятельный источник установления юридически значимых обстоятельств. Даже при наличии экспертного заключения, основанного на результатах нейровизуализации, такие сведения не позволяют напрямую ответить на вопросы о виновности, намерении или способности к контролю, а фиксируют лишь определённые биологические корреляты поведения. Их доказательственное значение возникает не из самой технологии, а исключительно в процессе юридической оценки в совокупности с иными доказательствами. Проблема заключается в том, что высокая визуальная и научная убедительность нейронаучных методов способна искажать восприятие доказательств, формируя эффект их повышенной достоверности. Это создает риск их фактического наделения приоритетным значением, несмотря на формальный запрет существования доказательств с заранее установленной силой. В предельном выражении такая тенденция приводит к биологизации личности - ситуации, при которой поведение человека интерпретируется преимущественно через нейробиологические характеристики, тогда как юридическая оценка подменяется научным описанием мозговых процессов. Действующее уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан содержит базовые механизмы, препятствующие признанию нейронаучных данных «привилегированным» доказательством. Вместе с тем ключевой пробел заключается в отсутствии специальных ориентиров, позволяющих использовать такие данные без риска смещения юридической оценки в сторону биологического редукционизма и подмены ответственности объяснением.

С практической точки зрения это смещает акцент с вопроса о доказательственной силе нейронаучных данных на проблему допустимых границ вмешательства в личную и когнитивную сферу человека. Нейровизуализация и иные методы исследования мозга затрагивают внутренние аспекты личности, которые традиционно находятся за пределами процессуального интереса, и тем самым обостряют необходимость поиска баланса между эффективностью доказывания и защитой фундаментальных прав. В этих условиях более обоснованным представляется подход, при котором нейронаучные данные не интегрируются в правовую систему как автономный источник установления фактов, а проходят институциональную проверку в рамках уже существующих механизмов, прежде всего через институт судебной экспертизы и общие правила оценки доказательств. Речь идет не о расширении доказательственного инструментария, а о включении новых видов информации в уже сложившуюся процессуальную модель. Такой подход позволяет избежать абсолютизации научных методов и сохранить ключевой принцип

<http://megapro.mnu.kz/MegaPro/UserEntry?Action=Link_FindDoc&id=41753&idb=0>(дата обращения: 21.03.2026.)

уголовного процесса - приоритет нормативной оценки над эмпирическим объяснением поведения. В этом смысле проблема нейронаучных данных выходит за пределы частного вопроса допустимости доказательств и затрагивает саму логику судебного рассуждения. Перспективное развитие должно быть связано не с пересмотром процессуальной модели, а с выработкой точечных критериев, обеспечивающих ограниченное и контролируемое использование нейронаучных данных. Это предполагает закрепление их вспомогательного характера, повышение требований к их научной обоснованности и исключение их использования в качестве самостоятельного основания вывода о виновности. Только при таких условиях возможно сохранение баланса между технологическим развитием и фундаментальными принципами уголовного права.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать несколько взаимосвязанных выводов. Прежде всего, нейронаучные данные не могут рассматриваться как самоочевидно допустимые и тем более как привилегированные доказательства в уголовном процессе. Их научная сложность и внешняя убедительность не устраняют главного вопроса: способны ли они действительно сообщить суду юридически значимую информацию о вине, намерении, способности к контролю или иных обстоятельствах, входящих в предмет доказывания. Между биологическим описанием и нормативной оценкой сохраняется принципиальный разрыв, который нельзя преодолеть одной только технологией.

Зарубежная практика подтверждает, что единообразного подхода к нейронаучным доказательствам не существует. Американский кейс United States v Semrau, показывает тенденцию к исключению таких данных при отсутствии достаточной научной верификации и стандартизации. Итальянский подход, напротив, демонстрирует возможность их ограниченного учета при индивидуализации ответственности. Сопоставление этих моделей убеждает в том, что допустимость нейронаучных доказательств должна определяться не абстрактно, а через сочетание научной надежности, процессуальной корректности и юридической релевантности.

В контексте Республики Казахстан нейронаучные доказательства не получили специального нормативного оформления. Вместе с тем действующее законодательство уже формирует базовую правовую рамку их потенциального использования - через общие положения уголовно-процессуального права о доказательствах, институт судебной экспертизы и конституционные гарантии защиты частной жизни. Это позволяет утверждать, что проблема заключается не в отсутствии правовых механизмов как таковых, а в отсутствии специальных критериев, учитывающих специфику нейронаучных данных и ограничивающих их интерпретацию. В этих условиях развитие правового регулирования должно быть связано не с созданием самостоятельного института, а с уточнением пределов использования таких данных в рамках существующей процессуальной модели. Нейронаучные сведения могут рассматриваться лишь как вспомогательный элемент доказательственной системы и не способны выступать самостоятельным основанием вывода о виновности. Их доказательственная ценность подлежит оценке не только с точки зрения научной надежности применяемых методов, но и с учетом их связи с предметом доказывания в конкретном деле. Одновременно обращение с такими данными требует усиленных гарантий защиты частной и медицинской информации, поскольку речь идет о наиболее чувствительных аспектах личности.

Перспективное развитие нейротехнологий неизбежно будет усиливать их влияние на правовую систему, ставя перед уголовным правом новые и более сложные вопросы, связанные с допустимостью нейровизуализации, нейропсихологических оценок и иных форм специализированного знания о человеке. Однако принципиально

важно, что данный процесс не должен рассматриваться как технологическая трансформация права. Его содержание носит прежде всего концептуальный характер, поскольку затрагивает границы между научным объяснением поведения и юридической ответственностью. Право в данном контексте не конкурирует с наукой и не стремится воспроизвести ее выводы. Его функция заключается в ином - в установлении нормативных оснований оценки человеческого поведения. Именно поэтому развитие нейротехнологий не может приводить к пересмотру самой логики уголовной ответственности. Попытка придать нейронаучным данным статус привилегированного или определяющего доказательства создала бы риск подмены правового анализа биологическим редукционизмом и, как следствие, трансформации субъекта права в объект научного описания. В этой связи ключевой задачей становится выработка такой модели взаимодействия права и нейронауки, при которой научные достижения используются как инструмент уточнения фактических обстоятельств, но не выходят за пределы своей эпистемической компетенции. Сохранение этого разграничения определяет способность права адаптироваться к технологическим изменениям, не утрачивая своих фундаментальных принципов - виновной ответственности, справедливости и процессуальных гарантий.

Список литературы:

1. Конституция Республики Казахстан 1995 года (с изм. и доп. 2026 г.) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000000> дата обращения: 21.03.2026.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан 2014 года <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231 > дата обращения: 21.03.2026.
3. Daubert v Merrell Dow Pharmaceuticals Inc, 509 US 579 (1993) < https://supreme.justia.com/cases/federal/us/509/579/ > дата обращения: 21.03.2026.
4. United States v Semrau, 693 F Supp 2d 601 (WD Tenn 2010) <https://www.opn.ca6.uscourts.gov/opinions.pdf/12a0312p-06.pdf > дата обращения: 21.03.2026.
5. Duff RA, Answering for Crime: Responsibility and Liability in the Criminal Law (Hart Publishing 2007) <https://johngardnerathome.info/pdfs/punishmentandresponsibility.pdf> дата обращения: 21.03.2026
6. Michael S Pardo and Dennis Patterson, Minds, Brains, and Law: The Conceptual Foundations of Law and Neuroscience (Oxford University Press 2013) < https://scholarship.law.ua.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1295&context=fac_working_papers > дата обращения: 21.03.2026.
7. Owen D. Jones, René Marois, Martha J. Farah and Henry T. Greely 'Law and Neuroscience' (2013) 33 Journal of Neuroscience 17624 <https://www.jneurosci.org/content/33/45/17624> дата обращения: 21.03.2026.
8. Stephen J Morse, 'Brain Overclaim Syndrome and Criminal Responsibility: A Diagnostic Note' (2006) 3 Ohio State Journal of Criminal Law 397 <https://repository.law.upenn.edu/Documents/Detail/brain-overclaim-syndrome-and-criminal-responsibility-a-diagnostic-note/392308?item=407726> дата обращения: 21.03.2026
9. Cristina Scarpazza, Silvia Pellegrini, Pietro Pietrini and Giuseppe Sartori, 'The Role of Neuroscience in the Evaluation of Mental Insanity: on the Controversies in Italy' (2017) Neuroethics <https://link.springer.com/article/10.1007/s12152-017-9349-0 > дата обращения: 21.03.2026.
10. Zico Junius Fernando and Fardana Kusumah, 'Integrating Neurolaw in Environmental Crimes and Strengthening Victim Protection in Criminal Liability Discourse' (2023) Journal of Southeast Asian

Human Rights <https://jurnal.untirta.ac.id/index.php/sajv/article/view/34555> дата обращения: 21.03.2026.

11. Когамов М.Ч. (ред.), Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Казахстан. Т. 1: Общая часть (3-е изд., доп. и перераб., Жеті Жарғы, 2020). <http://megapro.mnu.kz/MegaPro/UserEntry?Action=Link_FindDoc&id=41753&idb=0>дата обращения: 21.03.2026.

Сатов Тимур Нуртаевич
Высшая школа права Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республика Казахстан
E-mail: 012.com.2790@gmail.com

АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНЫХ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ С ЭЛЕМЕНТАМИ НЕЙРОБИОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Аңдатпа

Бұл мақала Төртінші өнеркәсіптік революция жағдайында шетелдік сот тәжірибесінде нейробиологиялық деректерді қолдануды кешенді талдауға арналған. Зерттеудің өзектілігі нейроқұқық (neurolaw) саласының қарқынды дамуымен және сот ісін жүргізуде фМРТ мен ЭЭГ нәтижелерін дәлелдеме ретінде пайдалану қажеттілігімен түсіндіріледі. Жұмыстың мақсаты - шетелдік сот тәжірибесін зерттеу негізінде нейротехнологияларды құқықтық реттеу бойынша ұсынымдар әзірлеу. Зерттеу барысында жалпы ғылыми, салыстырмалы-құқықтық және пәнаралық талдау әдістері қолданылды. Мақаланың ғылыми жаңалығы нейровизуализация деректерін бағалаудағы «мереологиялық қателікке» және олардың қылмыстық құқықтағы кінә мен есі дұрыстық институттарына әсерін қайта қарастыруға негізделген. Негізгі қорытындылар нейродәлелдемелердің рұқсат етілу стандарттарын бекіту және қылмыстық заңнаманы жаңғырту қажеттілігін көрсетеді.

Түйінді сөздер: нейроқұқық, нейровизуализация, функционалдық магнитті-резонанстық томография, электроэнцефалография, сот тәжірибесі, дәлелдемелердің рұқсат етілуі, кінә, мереологиялық қателік, өтірік детекторы, қылмыстық процесс, мереологиялық қателік.

Аннотация

Данная статья посвящена комплексному анализу применения нейробиологических данных в зарубежной судебной практике. Актуальность исследования обусловлена стремительным развитием - нейроправа (neurolaw) и прецедентами использования результатов фМРТ и ЭЭГ в качестве доказательств в судопроизводстве. Цель данной работы - выработка рекомендаций по правовому регулированию применения нейро научных данных на основе изучения иностранного судебного опыта. В ходе исследования применялись общенаучные, сравнительно-правовые методы анализа. Научная новизна заключается в фокусе на «мереологической ошибке» при оценке данных нейровизуализации и переосмыслении их влияния на институты вины и вменяемости в уголовном праве. Основные выводы подчеркивают необходимость разработки строгих стандартов допустимости нейродоказательств и точечной модернизации уголовного законодательства.

Ключевые слова: нейроправо, нейровизуализация, функциональная магнитно-резонансная томография, электроэнцефалография, судебная практика, допустимость доказательств, вина, мереологическая ошибка, детектор лжи, уголовный процесс.

Abstract

This article provides a comprehensive analysis of the application of neurobiological data in foreign judicial practice within the context of the Fourth Industrial Revolution. The relevance of the study is driven by the rapid development of neurolaw and precedents of using fMRI and EEG results as evidence in court proceedings. The aim of the work is to develop recommendations for the legal regulation of neurotechnologies based on the study of foreign judicial experience. General scientific, comparative legal, and interdisciplinary

analysis methods were applied during the research. The scientific novelty lies in focusing on the "mereological fallacy" in evaluating neuroimaging data and rethinking its impact on the institutions of guilt and sanity in criminal law. The main conclusions emphasize the need to develop strict standards for the admissibility of neuro-evidence and to purposefully modernize criminal legislation.

Keywords: neurolaw, neuroimaging, functional magnetic resonance imaging, electroencephalography, judicial practice, admissibility of evidence, guilt, mereological fallacy, lie detector, criminal procedure, mereological fallacy.

Введение

За последнее десятилетия развитие науки перешагнуло привычный наш предел, что привело к активному взаимопроникновению различных отраслей знаний. В условиях Четвёртой промышленной революции создается новая парадигма, которая берет свое начало с конвергенции нано-, био-, информационных, когнитивных и социогуманитарных технологий. Одним из наиболее значимых и ощутимых проявлений этого процесса стало стремительное развитие нейронаук (neuroscience), изучающих самые сложные механизмы функционирования мозга и психики человека.

Внедрение в научную и исследовательскую практику таких методов, как функциональная магнитно-резонансная томография (фМРТ) и электроэнцефалография (ЭЭГ), позволило добиться значительных результатов не только в сфере искусственного интеллекта и медицины, но и повлекло за собой ряд правовых последствий. На стыке таких ветвей как юриспруденция и нейробиология к началу XXI века сформировалось самостоятельное направление - нейроправо (neurolaw). В судебной практике зарубежных стран всё более часто возникают ситуации, требующие оценки нейробиологических данных при рассмотрении уголовных и гражданских дел. Так, сторона защиты использует результаты Мрт, сканирования мозга для подтверждения наличия у подсудимых неврологических расстройств с определенной целью смягчения наказания. Наряду с этим развиваются технологии нейродетекции лжи, направленные на объективную проверку достоверности показаний. При этом использование нейрокогнитивных технологий существенно превосходит формирование соответствующей нормативно-правовой базы. Отсутствие конкретных критериев допустимости доказательств, неоднозначность интерпретации нейронной активности и игнорирование методологических ограничений нейровизуализации создают крайне серьёзные риски для правосудия нашей страны. Цель данного исследования заключается в выработке рекомендаций по совершенствованию правового регулирования применения методов нейронаук в юридической практике. За основу берется анализ зарубежного опыта и судебных решений, а также выявления концептуальных проблем, включая мереологические ошибки.

Основная часть

Практика использования данных нейронаук в зарубежном судопроизводстве демонстрирует стабильную закономерность к расширению. Так, масштабное исследование американской судебной практики показало, что в период с 1992 по 2012 год из 800 проанализированных уголовных дел в 30,88% случаев сведения, полученные с применением нейронаучных методов, использовались в качестве доказательств, в том числе для подтверждения черепно-мозговых травм.[1243]

Стоит отметить, что в большинстве случаев (64,25%) такие доказательства представлялись стороной защиты с целью обоснования смягчения наказания, включая замену смертной казни лишением свободы.

[1243] СВ Полубинская, 'Нейродетектор лжи' (2021) 1 Союз криминалистов и криминологов 10.

Аналогичные тенденции прослеживаются и в судебной практике Канады, Австралии и Великобритании. Выделяется на общем фоне применение нейродетекторов лжи на основе ЭЭГ и фМРТ. В отличие от полиграфа, фиксирующего вторичные физиологические реакции, фМРТ позволяет регистрировать изменения кровотока в активных нейронных структурах. Сторонники данной технологии утверждают, что это позволяет выявлять нейробиологические корреляты лжи (паттерны) и снижает влияние субъективного фактора эксперта. Однако судебная практика различных стран демонстрирует спорное отношение к подобным рода доказательствам. Например, в Индии в 2008 году суд вынес обвинительный приговор, опираясь, в числе прочего, на результаты метода BEOS. [1244]В то же время в США суды последовательно отказываются признавать подобные данные допустимыми доказательствами, руководствуясь строгими критериями оценки научных данных, закреплёнными, в частности, стандартом Daubert.[1245] Отрицание нейродоказательств обусловлено серьёзными методологическими ограничениями. Результаты фМРТ подвержены влиянию осознанных контрмер со стороны испытуемого, а также демонстрируют значительную вариативность. Кроме того, отсутствует единое научное понимание того, какие именно участки мозга отвечают за ложь, что ставит под сомнение достоверность подобных исследований. Ключевой проблемой остаётся перенос результатов, а именно лабораторных исследований в условия реального судебного процесса. Исследования показывают, что данные нейровизуализации, полученные на группах испытуемых, не могут быть надёжно экстраполированы на конкретного человека.[1246] В связи с этим использование таких методов для установления факта лжи в суде на данный момент представляется научно необоснованным.[1247]

Отдельного внимания заслуживает концептуальная проблема мереологической ошибки. Как справедливо отмечают М.С. Пардо и Д. Паттерсон, отождествление психических процессов с активностью отдельных участков мозга является методологически некорректным. Лгут, помнят и принимают решения не отдельные участки мозга, а человек как целостный субъект.[1248]

Все это ведется к тому, что данные нейровизуализации могут свидетельствовать лишь об активности определённых зон мозга. Они не способны дать однозначный ответ на юридически значимые вопросы, такие как наличие умысла или осознанности действий. Право оперирует нормативными категориями, которые не могут быть полностью отнесены к биологическим процессам.

Вместе с тем достижения нейронаук заставляет ставить вопрос о переосмыслении традиционных институтов вины и вменяемости. Современные исследования показывают, что поведение человека может быть в значительной степени обусловлено нейробиологическими факторами.

Это наталкивает на мысль, насколько справедливо привлекать к ответственности лицо, чьи действия во многом определены особенностями функционирования мозга? Влияет ли это? В этой связи представляется необходимым не отказ от принципа ответственности, а его адаптация - через более глубокую

[1244] Ibid 13.

[1245] Ibid 14.

[1246] ВА Орлов и др, 'Исследования в парадигме сокрытия информации: оценка ФМРТ-данных на групповом уровне' (2024) 17(1) Экспериментальная психология 86.

[1247] МВ Ковальчук и др, 'Необходимость правового регулирования применения нейрокогнитивных и психофизиологических технологий в практике' (2022) 3 Вестник МГПУ Серия «Юридические науки» 85.

[1248] MS Pardo and D Patterson, *Minds, Brains, and Law: The Conceptual Foundations of Law and Neuroscience* (OUP 2013) 45.

индивидуализацию наказания с учётом нейробиологических особенностей личности.[1249]

Заключение

Подводя итоги вышеизложенному, следует отметить, что интеграция нейробиологических данных в судебную практику представляет собой особо сложный и многослойный процесс, требующий взвешенного, сбалансированного междисциплинарного подхода.

На основе проведённого анализа уже представляется возможным сформулировать ряд определенных ключевых выводов и рекомендаций.

Во-первых, необходима разработка чётких критериев допустимости научных доказательств, аналогичных стандарту Daubert. Использование данных нейровизуализации возможно только при условии научной верификации методов и признания их в профессиональном сообществе.

Во-вторых, нейродоказательства должны рассматриваться исключительно как вспомогательные (не основными). Они не могут служить самостоятельным подтверждением юридически значимых фактов и подлежат оценке только в совокупности с иными доказательствами.

В-третьих, требуется развитие научной и правовой дискуссии о трансформации институтов вины и вменяемости с учётом современных достижений нейронаук.

И наконец, особое значение имеет обеспечение баланса между использованием новых, передовых технологий и защитой прав человека. В этой связи представляется необходимым принятие специального нормативного акта, регламентирующего применение нейрокогнитивных технологий в правоохранительной деятельности, для более ясно видения и применения.

Хочется добавить, что в контексте Четвертой промышленной революции, когда границы между биологическим и технологическим мирами стремительно стираются, правовая система не должна отрицать наличие научного прогресса. Интеграция нейронаук в юриспруденцию открывает беспрецедентные возможности, которые когда-то могли быть на уровне фантастики. Данная ветвь, позволит более глубоко понимать мотивы поведения и давать более справедливую индивидуализацию уголовной ответственности. Однако этот процесс несет и серьезные угрозы. Прежде всего это риск необоснованного вмешательства в когнитивную свободу и право на неприкосновенность ментальной частной жизни, что может в корне разнится с принципами Конституции. Нашей правовой науке и законодателю в том числе предстоит проделать колоссальную работу по адаптации зарубежного опыта. Разработка национальных стандартов оценки нейробиологических доказательств должна опираться на тесное сотрудничество специалистов - юристов, нейрофизиологов и специалистов по биоэтике. Крайне важно избежать полного процессуального отрицания потенциала нейровизуализации из-за текущих методологических ограничений, так и слепого, полного доверия к технологиям, которое неизбежно ведет к мереологическим ошибкам. В перспективе создание строгих процессуальных регламентов позволит правовой системе Республики Казахстан занять передовые позиции в области применения нейроправа. Только при наличии такой продуманной правовой базы возможно эффективное использование потенциала нейронаук, обеспечивающее повышение объективности правосудия и надежную защиту конституционных прав граждан.

[1249] СВ Векленко и РВ Беличенко, 'Векторы перемен в развитии уголовно-правовых институтов вины и вменяемости с учетом позиций современных нейронаук' (2020) 2(60) Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России 84.

Список литературы:

1. СВ Полубинская, 'Нейродетектор лжи' (2021) 1 Союз криминалистов и криминологов 7.

2. МВ Ковальчук и др, 'Необходимость правового регулирования применения нейрокогнитивных и психофизиологических технологий в практике' (2022) 3 Вестник МГПУ Серия «Юридические науки» 85.

3. ВА Орлов и др, 'Исследования в парадигме сокрытия информации: оценка ФМРТ-данных на групповом уровне' (2024) 17(1) Экспериментальная психология 86.

4. СВ Векленко и РВ Беличенко, 'Векторы перемен в развитии уголовно-правовых институтов вины и вменяемости с учетом позиций современных нейронаук' (2020) 2(60) Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России 84.

5. MS Pardo and D Patterson, Minds, Brains, and Law: The Conceptual Foundations of Law and Neuroscience (OUP 2013).

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Абильдина Милана
Магистрант международного права
Высшая школа права
Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республика Казахстан
E-mail: m_abildina@mnu.kz

УВОЛЬНЕНИЕ ПО ИНИЦИАТИВЕ РАБОТОДАТЕЛЯ В РЕЗУЛЬТАТЕ ЦИФРОВОГО МОНИТОРИНГА РАБОТНИКОВ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ ПРИВАТНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ В КАЗАХСТАНЕ

Аннотация

Настоящая статья посвящена исследованию правовой природы использования данных цифрового мониторинга в качестве причины для расторжения трудового договора. Анализируется соответствие действующего законодательства Республики Казахстан международным стандартам защиты частной жизни и персональных данных работника, включая положения МПГПП и Конвенции МОТ № 158. В работе рассматривается концепция «подхода, основанного на последствиях», и принцип пропорциональности при оценке законности увольнений на основе цифровых доказательств. Выявлены правовые пробелы в регулировании сбора данных и алгоритмического контроля, что влечет за собой риски нарушения процессуального равенства сторон и стимулирует отток кадров в теневой сектор экономики. Предлагаются пути гармонизации трудового законодательства РК для обеспечения баланса между управленческими интересами работодатель и конституционным правом работника на неприкосновенность частной жизни.

Ключевые слова: цифровой мониторинг, расторжение трудового договора, право на приватность, персональные данные, трудовое право Республики Казахстан, пропорциональность, электронные доказательства.

Abstract

This article explores the legal nature of using digital monitoring data as a basis for terminating an employment contract. It analyzes the compliance of the current legislation of the Republic of Kazakhstan with international privacy standards, including the provisions of the ICCPR and ILO Convention No. 158. The paper examines the concept of a "consequence-based approach" and the principle of proportionality in assessing the legality of dismissals based on digital evidence. Legal gaps in the regulation of data collection and algorithmic control are identified, which entail risks of violating the procedural equality of the parties and stimulate the outflow of personnel to the shadow economy. The author proposes ways to harmonize the labor legislation of the Republic of Kazakhstan to ensure a balance between the managerial interests of the employer and the constitutional right of the employee to privacy.

Keywords: digital monitoring, termination of employment contract, right to privacy, personal data, labor law of the Republic of Kazakhstan, proportionality, electronic evidence.

Аңдатпа

Бұл мақала цифрлық мониторинг деректерін еңбек шартын бұзу үшін негіз ретінде пайдаланудың құқықтық табиғатын зерттеуге арналған. Қазақстан Республикасының қолданыстағы заңнамасының халықаралық құпиялылық стандарттарына, соның ішінде АСПХП (Азаматтық және саяси құқықтар туралы халықаралық пакт) және ХЕҰ № 158 Конвенциясының ережелеріне сәйкестігі талданады. Жұмыста цифрлық дәлелдемелер негізінде жұмыстан шығарудың заңдылығын бағалау кезіндегі «салдарға негізделген тәсіл» тұжырымдамасы мен

пропорционалдылық (тепе-теңдік) қағидаты қарастырылады. Деректерді жинау мен алгоритмдік бақылауды реттеудегі құқықтық олқылықтар анықталып, бұл тараптардың процессуалдық теңдігін бұзу қаупіне және кадрлардың көлеңкелі экономикаға кетуіне әкелетіні көрсетілген. Жұмыс берушінің басқарушылық мүдделері мен жұмыскердің жеке өмірге қолсұғылмаушылыққа конституциялық құқығы арасындағы теңгерімді қамтамасыз ету үшін ҚР еңбек заңнамасын үйлестіру жолдары ұсынылады.

Түйінді сөздер: цифрлық мониторинг, еңбек шартын бұзу, құпиялылық құқығы, дербес деректер, Қазақстан Республикасының еңбек құқығы, пропорционалдылық, электрондық дәлелдемелер.

Введение

Внедрение цифрового контроля за рабочими процессами актуализирует вопрос о пределах дисциплинарной власти работодателя. Масштабы проблемы стремительно растут: современные технологии (DLP-системы, трекеры активности экрана, геолокация) позволяют работодателю осуществлять тотальный, зачастую скрытый контроль. Это создает ситуацию, при которой работники остро нуждаются в защите их частной жизни, так как постоянный мониторинг вступает в прямой конфликт с фундаментальными правами человека в сфере труда.

На международном уровне стандарты защиты от произвольного вмешательства в личную жизнь установлены статьей 17 МПГПП[1250], а требования к законности причин для увольнения - Конвенцией МОТ № 158[1251]. Однако в национальном праве Республики Казахстан наблюдается правовой пробел: Трудовой кодекс РК[1252] детально не регламентирует процедуры получения и использования цифровых данных в качестве доказательств дисциплинарного проступка, что порождает системные нарушения при разрешении трудовых споров.

Целью настоящей статьи является исследование правовой природы использования данных цифрового мониторинга при увольнении и оценка того, в какой степени действующее законодательство Республики Казахстан отвечает международным стандартам приватности.

Исследовательский вопрос сводится к тому, в какой мере текущие нормы права РК обеспечивают защиту работника от произвольного вмешательства в его личную жизнь[1253] при сборе работодателем цифровых доказательств для обоснования увольнения.

Выдвигается гипотеза, согласно которой для обеспечения баланса прав сторон в цифровую эпоху в национальную практику необходимо интегрировать ясные критерии соразмерности контроля, а также подход, основанный на последствиях (consequence-based approach)[1254]. Имеется в виду концепция, согласно которой суд должен оценивать не только сам факт проступка работника, но и законность способа получения электронных доказательств работодателем.

Основная часть

1. Международно-правовые стандарты приватности и равенства сторон в трудовом процессе

Центральным нормативным инструментом в этом контексте выступает Международный пакт о гражданских и политических правах (далее, - МПГПП). Статья

[1250] Международный пакт о гражданских и политических правах (принят резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года, вступил в силу 23 марта 1976 года), ст. 17.

[1251] Конвенция № 158 о прекращении трудовых отношений по инициативе работодателя (принята в Женеве 22.06.1982 на 68-й сессии Генеральной конференции МОТ).

[1252] Трудовой кодекс Республики Казахстан (23 ноября 2015 года) № 414-V.

[1253] Ibid. ст. 17.

[1254] Denisov v Ukraine App no 76639/11 (ECtHR [GC], 25 September 2018), par. 115-117.

17 Пакта императивно устанавливает, что никто не может подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность его жилища или тайну его корреспонденции. [1255] Согласно Замечанию общего порядка № 16 Комитета ООН по правам человека, понятие жилище и личная сфера должно толковаться широко, включая место, где человек осуществляет свою обычную деятельность, то есть рабочее место.[1256] Более того, Комитет ООН подчеркивает, что вмешательство в приватность может считаться законным только тогда, когда оно предусмотрено законом, который сам по себе должен быть разумным и соответствовать целям Пакта.[1257] Это означает, что внутренняя политика компании, разрешающая скрытую слежку за мессенджерами, не может легитимизировать нарушение Пакта, если она не отвечает критериям необходимости.[1258] Из сказанного выше следует, что недопустимость произвольного вмешательства требует от работодателя доказать, что мониторинг был наименее ограничивающим средством достижения законной цели.[1259] Без соблюдения этого стандарта любой сбор цифровых улик превращается в акт произвола, подрывающий человеческое достоинство.

Второй важный момент, на который стоит обратить внимание это статья 14 МПГПП, которая гарантирует право на справедливое разбирательство и равенство всех перед судом.[1260] Замечание общего порядка № 32 разъясняет, что эти гарантии распространяются на любые споры о правах и обязанностях, включая трудовые конфликты.[1261] Ключевым элементом здесь выступает принцип «равенства оружия», требующий, чтобы стороны имели равные возможности по предоставлению и оспариванию доказательств.[1262]

Как представляется, в процессе увольнения на основе данных цифрового мониторинга наблюдается глубокий процессуальный дисбаланс: работодатель обладает монополией на технические логи и скриншоты, создавая монополию на формирование доказательственной базы. В то время как работник, даже имея возможность делать локальные скриншоты со своего экрана, лишен доступа к внутренней ИТ-инфраструктуре для проведения независимого аудита и полноценного опровержения вменяемых ему алгоритмом нарушений .[1263] Комитетом установлено, что признание судами незаконно полученных цифровых данных без проверки прозрачности их сбора нарушает статью 14 Пакта, ставя работника в заведомо невыгодное положение.[1264] Таким образом, международный стандарт требует от судов

[1255] Международный пакт о гражданских и политических правах (принят резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года, вступил в силу 23 марта 1976 года), ст. 17, п. 1.
[1256] Комитет ООН по правам человека (КПЧ), ‘Замечание общего порядка № 16: Статья 17 (Право на личную жизнь)’ (8 апреля 1988 года), пар. 5.
[1257] Ibid. пар. 4.
[1258] Humble H, ‘Human Rights, International Law and the Right to Privacy’ (2020) 29182 Greenwich Papers in Political Economy, стр. 3.
[1259] Совет ООН по правам человека, ‘Право на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху’ (Доклад Управления Верховного комиссара ООН по правам человека, 2018) A/HRC/39/29, пар. 15.
[1260] Международный пакт о гражданских и политических правах (принят резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года, вступил в силу 23 марта 1976 года), ст. 14 (1).
[1261] Комитет ООН по правам человека, ‘Замечание общего порядка № 32: Статья 14 (Право на равенство перед судами и трибуналами и на справедливое судебное разбирательство)’ (2007) CCPR/C/GC/32, пар. 16.
[1262] Ibid. пар. 13.
[1263] Wambali V, ‘The Standards and Burden of Proof in Labour Disputes’ (2022) SSRN Scholarly Paper 1668611, p. 1, 14.
[1264] Комитет ООН по правам человека (КПЧ), «Заключительные замечания по третьему периодическому докладу Казахстана» (3 сентября 2025 года) CCPR/C/KAZ/CO/3, пар. 49, 50(c).

активной роли в проверке легитимности самого процесса получения доказательств работодателем.[1265]

Важнейшим доктринальным инструментом в этой сфере выступает «подход, основанный на последствиях» (consequence-based approach), выработанный в практике Европейского суда по правам человека по делу Denisov v. Ukraine.[1266] Безусловно, прецеденты ЕСПЧ не имеют прямой юридической силы в Республике Казахстан. Однако они представляют собой наиболее развитый международный стандарт толкования права на неприкосновенность частной жизни, закрепленного в статье 17 МПГПП, обязательства по соблюдению которого несет и Казахстан. Согласно этой концепции, увольнение, (даже при наличии формального повода, может быть признано нарушением права на приватность, если оно влечет за собой разрушительные последствия для социальной репутации и профессиональных связей индивида.[1267] В этой связи ЕСПЧ утверждает необходимость применения судебного порога жесткости (threshold of severity) при оценке законности расторжения договора на основе данных цифрового контроля.[1268]

Интеграция данного теста или аналогичных критериев оценки в национальную правоприменительную практику могла бы стать эффективным инструментом защиты работника от необоснованных алгоритмических решений работодателя.

2. Правовые рамки цифрового мониторинга в Республике Казахстан

Переход казахстанской правовой системы к цифровому регулированию требует оценки того, насколько национальные механизмы способны сбалансировать публичный интерес и частную жизнь. Республика Казахстан, в соответствии с конституционными принципами признавая приоритет ратифицированных международных договоров[1269], обязана обеспечивать прямое действие норм МПГПП в национальной правовой системе.

2.1. Регулирование персональных данных и презумпция уведомления

Закон РК «О персональных данных и их защите» от 21 мая 2013 года выступает основным барьером цифровых нарушений сбора данных.[1270] Статья 5 Закона закрепляет императивный принцип: сбор и обработка данных должны ограничиваться достижением конкретных, заранее определенных и законных целей.[1271] Из сказанного выше следует, что если работодатель внедряет систему мониторинга под предлогом информационной безопасности, он не имеет права использовать полученные данные (например, скриншоты переписки) для оценки интенсивности труда без внесения соответствующих изменений в цели обработки. Более того, пункт 9 статьи 7 прямо запрещает обработку данных, объем которых является избыточным по отношению к заявленным целям.[1272]

Ключевым элементом легитимности контроля является право работника на уведомление. Согласно пп. 1 п. 1 ст. 24 указанного Закона, субъект имеет право знать о факте, источниках и способах сбора своих данных.[1273] Скрытое использование

[1265] Schauer F, Thinking Like a Lawyer: A New Introduction to Legal Reasoning (Harvard University Press 2009), p. 7-10.
[1266] Denisov v Ukraine App no 76639/11 (ECtHR [GC], 25 September 2018).
[1267] Ibid. para 113.
[1268] Ibid. para 117.
[1269] Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года), ст. 4, п. 1.
[1270] Закон Республики Казахстан от 21 мая 2013 года № 94-V «О персональных данных и их защите» (с изм. по состоянию на 02.03.2026 г.).
[1271] ibid ст 5.
[1272] ibid ст 7 п 9.
[1273] ibid ст 24 п 1 пп 1.

программ-шпионов без предварительного ознакомления работника под роспись с внутренним актом работодателя о мониторинге является грубым нарушением стандарта ст. 17 МПГПП.[1274]

2.2 Закон об Искусственном Интеллекте и риски цифрового увольнения

Принятие Закона «Об искусственном интеллекте» в ноябре 2025 года[1275] ввело трехступенчатую классификацию систем ИИ в зависимости от степени их воздействия на пользователей и государство.[1276] В отличие от европейского подхода, закрепленного в Европейском акте об искусственном интеллекте, где алгоритмы, используемые для найма и отбора персонала, безусловно отнесены к категории высокого риска[1277], в казахстанском праве такие системы, вероятно, будут классифицироваться как системы средней степени риска. Это обосновано тем, что согласно статье 17 Закона РК, высокий риск связан с угрозами национального масштаба: ЧС, безопасность государства, тогда как сбои в HR-алгоритмах чаще ведут к снижению эффективности или материальному ущербу для отдельного лица.[1278]

Особое значение имеет пп. 6 п. 3 статьи 17 Закона, которая устанавливает прямой запрет на использование систем распознавания эмоций (emotion recognition) без явного согласия работника.[1279] Представляется очевидным, что попытки работодателя уволить сотрудника по причине эмоционального состояния, выявленного ИИ через видеокамеру, являются незаконными. Однако существует серьезный риск обхода этого требования через размытые формулировки в пунктах трудовых договорах о согласии на любой мониторинг. Как отмечает Мишель Камин, в таких условиях подпись работника становится не более чем формальным ритуалом, подобным «рукопожатию», который лишь маскирует отсутствие подлинного согласия и навязывает работнику закон фирмы вместо законодательных гарантий.[1280]

В этом контексте критическое значение приобретает закрепленный в Законе РК «Об искусственном интеллекте» принцип объяснимости.[1281] Эти нормы органично соотносятся с новейшими международными тенденциями. Так, Директива ЕС 2024/2831 об улучшении условий труда в платформенной занятости прямо устанавливает строгие ограничения на алгоритмическое управление и требует человеческого контроля за автоматизированными системами.[1282] Аналогичные требования заложены в проектах текстов Международной конференции труда МОТ по платформенной экономике, где прямо закрепляется обязанность государств обеспечить соблюдение права работников на конфиденциальность при алгоритмическом контроле.[1283] Имплементация данных стандартов в ТК РК позволила бы работнику верифицировать логику алгоритма, не позволяя работодателю скрывать необоснованные кадровые решения за программным кодом.

[1274] Международный пакт о гражданских и политических правах (принят резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года, вступил в силу 23 марта 1976 года), ст. 17.
[1275] Закон Республики Казахстан ‘Об искусственном интеллекте’ (17 ноября 2025 года) № 230-VIII.
[1276] Ibid. ст. 17.
[1277] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) [2024] OJ L 2024/1689, Annex III, p. 4(a).
[1278] Закон Республики Казахстан ‘Об искусственном интеллекте’ (17 ноября 2025 года) № 230-VIII, ст. 17, п. 1.
[1279] Ibid. ст. 17, п. 3, пп. 6.
[1280] Cumyn M, ‘Standard Form Contracts and the Erosion of Consent: Is There No Turning Back?’ (2025) 73 American Journal of Comparative Law, p. 129, 162.
[1281] Закон Республики Казахстан ‘Об искусственном интеллекте’ (17 ноября 2025 года) № 230-VIII, ст. 16.
[1282] Directive (EU) 2024/2831 of the European Parliament and of the Council on improving working conditions in platform work, art. 9.
[1283] МОТ, ‘Достойный труд в платформенной экономике: Проекты текстов’, Доклад V(3), ILC.114/V(3), 114-я сессия, 2026 г., стр. 47, пар. 32.

3. Границы управленческой власти работодателя: коллизия собственности и приватности

Центральный вопрос в практике увольнений на основе IT-улик заключается в определении того, «чьё это пространство»: собственность работодателя на оборудование или личное пространство работника.

3.1 Мониторинг рабочих устройств и тайна корреспонденции

Если работодатель предоставил работнику компьютер и корпоративную почту, он обладает законным правом контролировать их использование в производственных целях.[1284] Однако, опираясь на правовую позицию ЕСПЧ, выработанную в деле Bărbulescu v. Romania[1285], необходимо признать, что право собственности не аннулирует право на приватность. Работодатель вправе отслеживать метаданные (время входа, объем трафика), но доступ к содержанию личных сообщений (даже в рабочее время) требует прохождения теста на пропорциональность.[1286]

Судя по всему, если работодатель мог достичь цели (например, блокировки утечки информации) менее инвазивным способом, чтение переписки признается «произвольным вмешательством».[1287] Взаимодействия сторон должны строиться на принципе добросовестности: работник обязан соблюдать дисциплину, но работодатель обязан уважать его «легитимное ожидание приватности», если в компании не установлен четкий и прозрачный запрет на личное использование техники, о котором работник был предупрежден заранее.[1288]

3.2. Специфика личных устройств и дистанционного труда

При дистанционной работе[1289], использовании предоставленного или личного оборудования, границы контроля работодателя сужаются до предела.[1290] Из сказанного выше следует, что работодатель не имеет права требовать установки программ мониторинга на личный ПК работника без выплаты компенсации и заключения отдельного соглашения.[1291] Любое посягательство на личные файлы, не относящиеся к рабочей функции, является нарушением ст. 18 Конституции РК[1292] и ст. 17 МПГПП[1293].Из этого следует, что ТК РК позволяет фиксировать факт нарушения, но не регулирует процедуру изъятия цифровых доказательств с личных носителей, что создает почву для судебных споров о цифровом мониторинге.

4. Практика Казахстана и социально-экономические последствия

Отсутствие в Трудовом кодексе РК специализированных норм о границах цифрового мониторинга создает системный пробел. В условиях такого нормативного вакуума правоприменительная система сталкивается с риском серьезного ущемления

[1284] Трудовой кодекс Республики Казахстан (23 ноября 2015 года) № 414-V, ст. 23, п. 1, пп. 24.
[1285] Bărbulescu v Romania App no 61496/08 (ECtHR [GC], 5 September 2017).
[1286] Pnina Alon-Shenker and Guy Davidov, 'Applying the Principle of Proportionality in Employment Contexts' (2025) McGill Law Journal.
[1287] UN Human Rights Committee (HRC), 'CCPR General Comment No. 16: Article 17 (Right to Privacy)' (8 April 1988) para 4.
[1288] Sara Mansoori, 'Case Law, Strasbourg: Bărbulescu v Romania' (Inforrm, 12 September 2017).
[1289] Трудовой кодекс Республики Казахстан (23 ноября 2015 года) № 414-V, ст. 138.
[1290] Ibid. п. 8.
[1291] Ibid. п. 4.
[1292] Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года), ст. 18.
[1293] Международный пакт о гражданских и политических правах (принят резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года, вступил в силу 23 марта 1976 года), ст. 17.

цифровых прав личности и возникновения процессуального дисбаланса между работником и работодателем.

4.1. Допустимость цифровых доказательств в трудовых спорах

В правоприменительной системе Республики Казахстан отсутствует процессуальный механизм для защиты этого стандарта. Предмет доказывания по делам об увольнении жестко ограничен рамками традиционного процедурного формализма, заданными высшей судебной инстанцией. Так, согласно пункту 14 Нормативного постановления Верховного Суда РК от 28 ноября 2024 года № 1 «О некоторых вопросах применения судами законодательства при разрешении трудовых споров», при рассмотрении таких дел суды обязаны проверять лишь факт совершения проступка, степень его тяжести, а также соблюдение работодателем сроков и порядка наложения взыскания.[1294]

В данном Нормативном постановлении полностью отсутствуют разъяснения касательно специфики оценки электронных доказательств. Устанавливая такой жесткий процессуальный фильтр, Верховный Суд фактически оставляет вопрос о легитимности способа сбора цифровых данных и соразмерности вмешательства в частную жизнь работника за рамками обязательного судебного исследования.

В то время как в европейской практике правосудие выработало жесткие фильтры допустимости электронных доказательств[1295], в Казахстане подобный правовой вакуум ведет к тому, что любые предоставленные работодателем логи активности или распечатки де-факто признаются допустимыми, лишая работника возможности оспорить сам факт незаконной слежки.

Отсутствие строгих фильтров допустимости электронных доказательств ведет к тому, что в делах об утрате доверия[1296] бремя доказывания смещается на работника, лишая его возможности оспорить сам факт незаконной слежки. Согласно официальному толкованию Комитета экспертов МОТ, возложение бремени доказывания исключительно на работника делает его защиту иллюзорной, особенно когда доступ к технической инфраструктуре находится в руках работодателя.[1297] Это прямо противоречит принципу «равенства оружия», вытекающему из ст. 14 МПГПП, и стандартам Конвенции МОТ № 158.

4.2. Экономический анализ: падение доходов и рост теневого сектора

Пробелы в регулировании цифрового контроля и увольнений это не просто бюрократические недочеты или теоретические споры юристов. Они создают реальные угрозы для экономики и общества.

Согласно официальным данным Федерации профсоюзов РК, при номинальном росте зарплат на 10%, реальные доходы населения по итогам 2025 года сократились на аналогичную величину из-за высокого уровня инфляции. Такое резкое снижение покупательной способности, ставшее рекордным за последние десятилетия, обостряет социальную значимость сохранения рабочего места. В этих условиях увольнение за цифровой проступок без доказательства его реального негативного влияния на производство превращается в меру, явно несоразмерную причиненного работнику социальному ущербу.[1298]

[1294] Верховный Суд Республики Казахстан, ‘Нормативное постановление № 1: О некоторых вопросах применения законодательства судами при разрешении трудовых споров’ (28 ноября 2024 года), п. 14.
[1295] Libert v France App no 588/13 (ECtHR, 22 February 2018).
[1296] Трудовой кодекс Республики Казахстан (23 ноября 2015 года) № 414-V, ст. 52, п. 1, пп. 13.
[1297] МОТ, ‘Защита от необоснованных увольнений’ (Общий обзор, МОТ, 1995), пар. 198, 201.
[1298] Председатель ФПРК, «Эксперты МОТ и социальные партнеры обсуждают Дорожную карту» (Kasipodaq, 29 января 2026).

Более того, анализ МОТ показывает, что, когда работник теряет право на приватность и чувствует себя объектом непрерывной слежки, он выбирает неформальную занятость, лишаясь соцгарантий и налоговых выплат.[1299] Это ведет к снижению налоговых поступлений и подрывает реализацию Дорожной карты по достойному труду на 2024-2026 годы.

Стоит отметить, что правовая неопределенность в сфере цифрового контроля создает прямые экономические риски. Тотальный надзор на рабочем месте провоцирует потерю квалифицированных кадров из официального сектора. Как отметила Министр труда РК С. Жакупова в сентябре 2025 года, доля теневой экономики в стране уже превышает 16%, что является серьезным вызовом для государственного бюджета.[1300]

Исследования подтверждают, что когда работник превращается в объект непрерывной слежки, он часто выбирает платформенную экономику ради сохранения автономии. Однако, уходя в этот сектор, работник попадает в зону нормативного пробела. Эксперты МОТ указывают, что в платформенной экономике работники фактически лишены доступа к коллективным переговорам и защите от алгоритмической дискриминации.[1301] Таким образом, отсутствие четких границ цифрового вмешательства в официальном секторе не только нарушает права личности, но и способствует уходу людей в среду, где их трудовые права практически не регулируются.

Заключение

Отвечая на поставленный исследовательский вопрос, следует сделать вывод о том, что текущее трудовое законодательство Республики Казахстан содержит существенные дефекты в части регламентации цифрового слежения, не обеспечивая должную защиту работников.

Во-первых, в Трудовом кодексе РК отсутствует прямая обязанность работодателя заранее и поименно уведомлять работников о применении систем цифрового мониторинга.

Во-вторых, правоприменительная практика судов РК характеризуется формализмом - суды принимают электронные доказательства проступков, не оценивая соразмерность вмешательства в личную жизнь работника при их сборе.

Для устранения выявленных пробелов предлагаются следующие рекомендации:

- внести изменения в Трудовой кодекс РК, а именно закрепить императивную обязанность работодателя получать информированное согласие работника на использование средств цифрового слежения и знакомить его с соответствующими актами до начала работы.

- Верховному Суду РК необходимо внедрить в нормативные постановления концепцию порога жесткости и тест на пропорциональность. Следует закрепить презумпцию недопустимости цифровых доказательств, если они получены путем скрытого мониторинга или с нарушением законодательства о персональных данных.

- адаптировать стандарты управления: гарантировать работникам право на объяснение решений, сгенерированных ИИ, и право на их пересмотр с участием человека.

[1299] МОТ, ‘Анализ нормативных пробелов в области достойного труда в платформенной экономике’ (Доклад, МОТ, 2023) пар. 28, 29.

[1300] Жакупова С, «Теневая экономика в Казахстане составляет более 16%» (KazTAG, 10 сентября 2025).

[1301] МОТ, ‘Анализ нормативных пробелов в области показателей достойного труда в Казахстане’ (Доклад, GB.347/POL/1, 2023), пар. 10, 21.

Реализация данных мер позволит преодолеть процессуальный дисбаланс и защитить конституционные права работников в условиях цифровизации труда.

Список литературы:

Международные акты и документы ООН

1. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года, вступил в силу 23 марта 1976 года) <https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml> дата обращения: 16.03.2026.
2. Комитет ООН по правам человека (КПЧ), 'Замечание общего порядка № 16: Статья 17 (Право на личную жизнь)' (8 апреля 1988 года) <https://www.refworld.org/legal/general/hrc/1988/27539> дата обращения: 16.03.2026.
3. Комитет ООН по правам человека (КПЧ), 'Замечание общего порядка № 32: Статья 14 (Право на равенство перед судами и трибуналами и на справедливое судебное разбирательство)' (2007) CCPR/C/GC/32 <https://www.refworld.org/ru/legal/general/hrc/2007/52583> дата обращения: 16.03.2026.
4. Комитет ООН по правам человека (КПЧ), «Заключительные замечания по третьему периодическому докладу Казахстана» (3 сентября 2025 года) CCPR/C/KAZ/CO/3 <https://digitallibrary.un.org/record/4088174?v=pdf> дата обращения: 16.03.2026.
5. Совет ООН по правам человека, 'Право на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху' (Доклад Управления Верховного комиссара ООН по правам человека, 2018) A/HRC/39/29 <https://docs.un.org/ru/A/HRC/39/29> дата обращения: 16.03.2026.
6. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) [2024] OJ L 2024/1689 <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng> accessed 16 March 2026.
7. Directive (EU) 2024/2831 of the European Parliament and of the Council on improving working conditions in platform work [2024] OJ L 2024/2831. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L_202402831> accessed 24 March 2026.

Документы Международной организации труда

8. Конвенция МОТ № 158 о прекращении трудовых отношений по инициативе предпринимателя (1982) <https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@ed_norm/@normes/documents/normativeinstrument/wcms_c158_ru.htm> дата обращения: 16.03.2026.
9. МОТ, 'Анализ нормативных пробелов в области достойного труда в платформенной экономике' (Доклад, МОТ, 2023) <https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/%40ed_norm/%40relconf/documents/meetingdocument/wcms_871147.pdf> дата обращения: 16.03.2026.
10. МОТ, 'Дорожная карта по продвижению достойного труда в Казахстане на 2024–2026 годы' (Доклад, МОТ, 2024) <https://www.ilo.org/ru/resource/news/мот-и-казахстан-приняли-план-действий-по-обеспечению-достойного-труда> дата обращения: 16.03.2026.
11. МОТ, 'Анализ нормативных пробелов в области показателей достойного труда в Казахстане' (Доклад, GB.347/POL/1, 2023) <https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/%40ed_norm/%40relconf/documents/meetingdocument/wcms_871147.pdf> дата обращения: 16.03.2026.

12. МОТ, ‘Защита от необоснованных увольнений’ (Общий обзор, МОТ, 1995) <https://webapps.ilo.org/public/libdoc/ilo/P/09661/09661(1995-82-4B)> дата обращения: 16.03.2026.

13. МОТ, ‘Достойный труд в платформенной экономике: Проекты текстов’, Доклад V(3), ILC.114/V(3), 114-я сессия, 2026 г. <https://www.ilo.org/sites/default/files/2025-08/ILC114-V%283%29-%5BWORKQ-250714-001%5D-Web-RU.pdf> дата обращения 24.03.2026

Нормативно-правовые акты Республики Казахстан

14. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ > дата обращения: 16.03.2026.

15. Трудовой кодекс Республики Казахстан (23 ноября 2015 года) № 414-V <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000414 > дата обращения: 16.03.2026.

16. Закон Республики Казахстан ‘Об искусственном интеллекте’ (17 ноября 2025 года) № 230-VIII <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000230> дата обращения: 16.03.2026.

17. Закон Республики Казахстан от 21 мая 2013 года № 94-V ‘О персональных данных и их защите’ https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000094/z13094.htm дата обращения: 19.03.2026.

18. Верховный Суд Республики Казахстан, ‘Нормативное постановление № 1: О некоторых вопросах применения законодательства судами при разрешении трудовых споров’ (28 ноября 2024 года) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P240000001S> дата обращения: 16.03.2026.

Судебная практика

19. *Bărbulescu v Romania* App no 61496/08 (ECtHR [GC], 5 September 2017) <https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:[%22001-177082%22]}> accessed 16 March 2026.

20. *Denisov v Ukraine* App no 76639/11 (ECtHR [GC], 25 September 2018) <https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-186216%22]}> accessed 16 March 2026.

21. *Libert v France* App no 588/13 (ECtHR, 22 February 2018) <https://ojs.srce.hr/eclic/article/view/27458/14194> accessed 16 March 2026.

Журналы

22. Alon-Shenker P and Davidov G, ‘Applying the Principle of Proportionality in Employment and Labour Law Contexts’ (2025) McGill Law Journal <https://lawjournal.mcgill.ca/article/applying-the-principle-of-proportionality-in-employment-and-labour-law-contexts/> accessed 16 March 2026.

23. Cumyn M, ‘Standard Form Contracts and the Erosion of Consent: Is There No Turning Back?’ (2025) 73 American Journal of Comparative Law <https://watermark02.silverchair.com> accessed 16 March 2026.

Статьи

24. Humble H, ‘Human Rights, International Law and the Right to Privacy’ (2020) 29182 Greenwich Papers in Political Economy <https://gala.gre.ac.uk/id/eprint/29182/7/29182%20HUMBLE_Human_Rights_International_Law_and_the_Right_to_Privacy_%28AAM%29_2020.pdf> accessed 16 March 2026.

25. Komanovics A, ‘Workplace Privacy in the EU: The Impact of Emerging Technologies’ (2024) ECLIC <https://ojs.srce.hr/eclic/article/view/27458/14194> accessed 16 March 2026.

26. Mansoori S, ‘Case Law, Strasbourg: Bărbulescu v Romania’ (Inforrm, 12 September 2017) <https://inforrm.org/2017/09/12/case-law-strasbourg-barbulescu-v-romania-employee-monitoring-and-privacy-revisited-sara-mansoori/> accessed 16 March 2026.

27. Schauer F, *Thinking Like a Lawyer: A New Introduction to Legal Reasoning* (Harvard University Press 2009) <https://delhihighcourt.nic.in/files/Ebook/thinking_like_a_lawyer.pdf> accessed 16 March 2026.

28. Wambali V, 'The Standards and Burden of Proof in Labour Disputes' (2022) SSRN Scholarly Paper 1668611 <https://www.google.com/url?sa=t&source=web&rct=j&opi=89978449&url=https://labourcourt.judiciary.go.tz:8090/web-connect/api/articleFile/1668611055831_THE%2520STANDARDS%2520AND%2520BURDEN%2520OF%2520PROOF%2520IN%2520LABOUR%2520DISPUTES.pdf&ved=2ahUKEwizkILKxaWTAxWjhP0HHecVOVgQFnoECBoQAQ&usg=AOvVaw2HFBuAnpmmlxCs2D_nwWHx> accessed 16 March 2026.

СМИ

29. Жакупова С, «Теневая экономика в Казахстане составляет более 16%» (KazTAG, 10 сентября 2025) <https://kaztag.kz/ru/news/tenevaya-ekonomika-v-kazakhstane-составляет-более-16> дата обращения: 16.03.2026.

30. Председатель ФПРК, «Эксперты МОТ и социальные партнеры обсуждают Дорожную карту» (Kasipodaq, 29 января 2026) <https://kasipodaq.kz/2026/01/29/эксперты-мот-и-социальные-партнеры-об/> дата обращения: 16.03.2026.

Альмагамбет Алияр
Магистрант 2-го курса
специальности «Международное право»
г. Астана, Республика Казахстан
E-mail: aliyar_almagambet@kazguu.kz

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЕТСКОГО ТРУДА И ВЫЗОВЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ КАЗАХСТАНА

Аннотация

В статье исследуются особенности имплементации международных стандартов запрещения детского труда в законодательстве Республики Казахстан в условиях цифровой трансформации экономики и изменения моделей занятости. Актуальность темы обусловлена появлением новых форм экономической активности несовершеннолетних, связанных с платформенной занятостью, цифровым контентом и коммерциализацией онлайн-присутствия детей, что создает дополнительные риски их эксплуатации и одновременно выявляет нормативные пробелы в национальном регулировании. Предметом исследования выступают международные договорные нормы, практика договорных органов ООН, Европейского суда по правам человека, а также сравнительно-правовой опыт отдельных государств и положения казахстанского законодательства.

Цель работы заключается в выявлении коллизий и институциональных ограничений действующей модели правового регулирования и выработке рекомендаций по ее совершенствованию. Методологическую основу составляют сравнительно-правовой, институциональный и телеологический методы. Научная новизна заключается в обосновании необходимости расширительного понимания детского труда, учитывающего цифровые и гибридные формы экономической эксплуатации. В результате делается вывод о необходимости формирования комплексной детоцентричной модели защиты, сочетающей трудовые, информационные и социальные механизмы регулирования.

Ключевые слова: детский труд, цифровая экономика, имплементация международных стандартов, права ребенка, трудовое право, платформенная занятость, цифровой контент, экономическая эксплуатация, социальная политика, Казахстан.

Abstract

The article examines the implementation of international standards on the prohibition of child labour in the legislation of the Republic of Kazakhstan in the context of digital transformation and changing labour market structures. The relevance of the research is обусловлена the emergence of new forms of minors' economic activity related to platform work, monetised digital content and the commercialisation of children's online presence, which creates additional risks of exploitation and exposes regulatory gaps in national law. The subject of the study includes international treaty norms, the practice of UN treaty bodies, the case law of the European Court of Human Rights, comparative experiences of selected jurisdictions, and relevant provisions of Kazakh legislation.

The main objective is to identify legal conflicts and institutional limitations of the existing regulatory framework and to propose practical recommendations for its improvement. The methodological framework combines comparative legal, institutional and teleological approaches. The novelty of the research lies in substantiating the need for an expanded understanding of child labour that encompasses digital and hybrid forms of

economic exploitation. The findings highlight the necessity of developing a comprehensive child-centred protection model integrating labour, digital and social policy mechanisms.

Keywords: child labour, digital economy, implementation of international standards, children's rights, labour law, platform work, digital content, economic exploitation, social policy, Kazakhstan.

Аңдатпа

Мақалада цифрлық экономиканың дамуы жағдайында Қазақстан Республикасының заңнамасына балалар еңбегін тыйым салу жөніндегі халықаралық стандарттарды енгізудің ерекшеліктері қарастырылады. Зерттеу тақырыбының өзектілігі кәмелетке толмағандардың платформалық жұмыспен қамтылуы, цифрлық контент өндіруі және олардың онлайн қатысуын коммерцияландыру сияқты жаңа экономикалық белсенділік түрлерінің пайда болуымен байланысты. Бұл құбылыстар балаларды экономикалық қанау тәуекелдерін күшейтіп, ұлттық құқықтық реттеудің шектеулерін айқындайды. Зерттеу нысаны ретінде халықаралық шарттық нормалар, БҰҰ шарттық органдарының практикасы, Адам құқықтары жөніндегі Еуропалық сот тәжірибесі, сондай-ақ шет мемлекеттердің салыстырмалы тәжірибесі және Қазақстан заңнамасының ережелері алынған.

Зерттеудің мақсаты - қолданыстағы құқықтық модельдегі коллизиялар мен институционалдық шектеулерді анықтап, оны жетілдіру бойынша ұсыныстар әзірлеу. Әдістемелік негізін салыстырмалы-құқықтық, институционалдық және телеологиялық тәсілдер құрайды. Ғылыми жаңалығы балалар еңбегін кең мағынада түсіндіру қажеттілігін негіздеуде, яғни цифрлық және аралас экономикалық қанау нысандарын қамтитын тұжырымдаманы ұсынуда көрінеді. Зерттеу нәтижесінде балалардың құқықтарын қорғаудың кешенді, балаға бағдарланған моделін қалыптастыру қажеттігі туралы қорытынды жасалады.

Түйінді сөздер: балалар еңбегі, цифрлық экономика, халықаралық стандарттарды енгізу, бала құқықтары, еңбек құқығы, платформалық жұмыспен қамту, цифрлық контент, экономикалық қанау, әлеуметтік саясат, Қазақстан.

Введение

С учетом повсеместной и интенсивной цифровизации экономики и трансформации моделей занятости проблема запрещения детского труда приобретает качественно новое измерение, поскольку традиционные механизмы правового регулирования оказываются все менее приспособленными к выявлению и предотвращению скрытых форм экономической эксплуатации несовершеннолетних. По сути, развитие платформенной экономики, цифрового предпринимательства, удаленной занятости и коммерциализации онлайн-контента приводит к размыванию классических границ между трудовыми, гражданско-правовыми и семейными отношениями, в связи с чем становится затруднительным проведение четкого разграничения между допустимой активностью ребенка и его вовлечением в экономическую деятельность, создающую прибыль третьим лицам.

Особую актуальность данной проблематики для Казахстана следует рассматривать в контексте продолжающихся институциональных реформ, направленных на модернизацию социальной политики и адаптацию правовой системы к новым экономическим условиям. В частности, обсуждение проекта новой Конституции сопровождалось акцентом на усилении гарантий защиты человеческого капитала, развитии системы социальной поддержки и обновлении содержания права на труд, что, как отмечалось в экспертной среде, должно способствовать приведению национального законодательства в соответствие с международными стандартами и изменяющейся структурой рынка труда. Вместе с тем данные реформы происходили параллельно с принятием Цифрового кодекса Республики Казахстан, формирующего

правовую основу цифровой трансформации государства, однако вопрос о специфике защиты несовершеннолетних в цифровой экономике остается недостаточно разработанным.

Таким образом, возникает ситуация нормативного рассогласования, при которой государство, с одной стороны, демонстрирует стремление к институциональной модернизации и укреплению социальных гарантий, а с другой сохраняет преимущественно индустриальную логику регулирования детского труда, ориентированную на формализованные трудовые отношения, физически наблюдаемые формы занятости и традиционные инструменты инспекционного контроля. В результате новые формы экономической активности детей, включая участие в коммерческом цифровом контенте, платформенной занятости, семейном онлайн-бизнесе и иных гибридных моделях, могут оказываться вне сферы эффективной правовой защиты.

Тем не менее, необходимо отметить, что данная проблема имеет и более широкий международно-правовой контекст. Несмотря на существование развитой системы универсальных и региональных стандартов, направленных на запрещение детского труда, их практическая имплементация во многом зависит от способности государств адаптировать правовое регулирование к новому социально экономическому статусу-кво. Именно поэтому практика комитетов ООН, надзорных органов Международной организации труда, Европейского суда по правам человека и национальных судебных механизмов все чаще преимущественно ориентируется не на формальное наличие запретительных норм, а на фактическую эффективность механизмов защиты ребенка от экономической эксплуатации.

В этой связи становится очевидным наличие нескольких взаимосвязанных научных и практических проблем. Во-первых, наблюдается возникновение нового правового феномена - *цифровой трансформации детского труда*, при которой экономическое использование несовершеннолетнего может носить фрагментарный, алгоритмически опосредованный и социально нормализованный характер. Во-вторых, выявляется несоответствие между международными стандартами динамического толкования запрета эксплуатации и национальными моделями регулирования, сохраняющими узкое понимание трудовых отношений. В-третьих, фиксируются коллизии между нормами трудового, образовательного, миграционного и цифрового законодательства, что снижает эффективность защиты наиболее уязвимых категорий детей (с точки зрения теории интерсекциональности). В-четвертых, отмечается разрыв между формальной имплементацией международных обязательств и реальной правоприменительной практикой.

Настоящая статья посвящена исследованию особенностей имплементации международных стандартов запрещения детского труда в законодательстве Республики Казахстан в условиях цифровой трансформации экономики. Основная цель исследования заключается в выявлении нормативных и институциональных пробелов действующей модели регулирования, анализе лучшей международной практики и выработке рекомендаций, направленных на формирование более современной и детоцентричной системы правовой защиты.

Предметом изучения является совокупность международных договорных норм, практики договорных органов ООН, судебных решений международных и национальных судов, а также положений казахстанского законодательства и правоприменительной практики. Методологическую основу исследования составляет сравнительно-правовой, институциональный и телеологический подход, позволяющий рассматривать запрет детского труда не только как юридическую категорию, но и как элемент более широкой социальной политики государства. Таким образом, исследование направлено на обоснование необходимости перехода от формального воспроизведения международных стандартов к их содержательной трансформации в

национальной правовой системе с учетом вызовов цифровой экономики, что имеет значение как для развития трудового права Казахстана, так и для обеспечения эффективной защиты прав ребенка в XXI веке.

Международные стандарты запрещения детского труда в условиях цифровой экономики

Прежде всего необходимо отметить, что сама идея международного запрета детского труда никогда не сводилась исключительно к формальному возрастному цензу, поскольку уже на уровне универсальных договоров речь шла о более сложной конструкции, включающей одновременно защиту достоинства ребенка, его здоровья, права на образование, свободу от эксплуатации и обязанность государства создавать такие социально-экономические условия, при которых семья не будет вынуждена компенсировать собственную уязвимость за счет труда несовершеннолетних. Именно поэтому статья 32 Конвенции о правах ребенка закрепляет не только общее право ребенка быть защищенным от экономической эксплуатации, но и обязанность государств устанавливать минимальный возраст приема на работу, регулировать продолжительность и условия занятости, а также вводить санкции или иные меры для обеспечения эффективного исполнения этих требований.[1302] В связи с этим международный запрет детского труда с самого начала был выстроен как комплексная модель в которой трудовое право, социальная политика, уголовно-правовые гарантии и право ребенка на развитие образуют единую систему, а не изолированные элементы регулирования.

Вместе с тем сегодня становится очевидно, что значительная часть классических формулировок возникала в расчете на традиционные формы занятости, то есть на фабричный, сельскохозяйственный, ремесленный, торговый или домашний труд, тогда как цифровая экономика породила качественно иную среду, в которой эксплуатация ребенка может быть рассредоточенной, платформенной, фрагментарной и, по сути, плохо различимой для обычных механизмов трудового контроля. Именно эту проблему Комитет по правам ребенка концептуально зафиксировал в Замечании общего порядка №25 о правах детей в цифровой среде, указав, что государства обязаны обеспечивать полное применение Конвенции и в цифровом пространстве, а значит и принимать законодательные, административные и иные меры с учетом тех рисков, которые возникают для детей в онлайн-среде.[1303] Данное разъяснение имеет принципиальное значение, поскольку оно позволяет распространить логику статьи 32 Конвенции не только на «физически видимый» труд, но и на ситуации, в которых ребенок становится объектом коммерческого использования через платформы, видеосервисы, рекламные интеграции, алгоритмически монетизируемый контент либо иные цифровые механизмы извлечения прибыли.

Если принять во внимание тот факт, что цифровая эксплуатация ребенка далеко не всегда выглядит как классический наемный труд, а часто маскируется под «семейное творчество», «самозанятость», «развитие талантов», «блогинг», «киберспорт», «контент-мейкинг» или участие в рекламных проектах, то становится очевидно, что традиционное деление на трудовые и нетрудовые отношения уже не позволяет надежно отграничить допустимую активность ребенка от экономической эксплуатации. В этом отношении особенно показательны современные исследования цифрового труда, в которых убедительно демонстрируется, что присутствие ребенка

[1302] Convention on the Rights of the Child (adopted 20 November 1989, entered into force 2 September 1990) 1577 UNTS 3, art 32.

[1303] Committee on the Rights of the Child, *General Comment No 25 (2021) on children's rights in relation to the digital environment* UN Doc CRC/C/GC/25.

в цифровом продукте, который систематически приносит доход, перестает быть нейтральным семейным действием и превращается в элемент производства стоимости. В частности, в ряде исследований подчеркивается, что именно видимость ребенка, его образ, повседневность и цифровой след могут становиться объектом коммерциализации, причем без реального согласия самого несовершеннолетнего и без эффективных механизмов распределения дохода в его пользу. [1304] Схожий вывод содержится и в более позднем исследовании индонезийского контекста, где авторы прямо указывают, что цифровые устройства и интернет не только расширяют доступ к занятости, но и увеличивают продолжительность работы детей, особенно в секторе услуг, а сама цифровая среда облегчает скрытую экономическую эксплуатацию детей, в том числе в качестве инфлюенсеров или участников иных форм «digital-only work». [1305]

Следовательно, международный стандарт в его современном прочтении уже не может ограничиваться формулой «запретить вредный труд до достижения определенного возраста», поскольку в цифровой экономике вред может проявляться не только в физическом истощении, но и в потере контроля над персональными данными, принудительной публичности, разрушении границ частной жизни, навязанной коммерциализации детства и фактическом отчуждении доходов, создаваемых с участием ребенка. Именно по данной причине международные стандарты нуждаются в расширительном телеологическом толковании, ориентированном не на форму занятости, а скорее на ее содержание, последствия и экономическую функцию.

Далее необходимо подчеркнуть, что практика договорных и квазисудебных органов давно ушла дальше формального анализа текста закона и оценивает уже не только наличие запрета, но и реальную способность государства выявлять, расследовать и предотвращать эксплуатацию. Так, Комитет по правам ребенка в заключительных замечаниях по Казахстану прямо выражал обеспокоенность по поводу случаев детского труда, в том числе в хлопкоуборочных районах, и рекомендовал государству усилить меры по защите детей от наихудших форм детского труда и обеспечить эффективное исполнение соответствующего законодательства.[1306] Аналогичным образом Комитет по правам человека в своих замечаниях по Казахстану указывал, что государство должно обеспечить эффективное расследование всех случаев торговли людьми и использования детского труда, привлечение виновных к ответственности и предоставление жертвам адекватной компенсации.[1307] Иными словами, для универсальных органов ООН вопрос заключается не в том, есть ли абстрактная норма, а в том, существует ли реальный механизм защиты.

Еще более конкретной является практика Комитета экспертов МОТ по применению конвенций и рекомендаций, так в наблюдении по Казахстану в связи с Конвенцией №182 Комитет отметил информацию о торговле детьми, вовлечении несовершеннолетних мигрантов в принудительный труд и сексуальную эксплуатацию, а также о сохраняющемся опасном труде детей на хлопковых и табачных плантациях. При этом Комитет потребовал продолжать расследования, обеспечивать

[1304] Bayan Kojok, *Reinventing Child Labour: A Contemporary Analysis of Children's Participation in the Digital Labour Economy* (Major Research Paper, University of Windsor 2022).

[1305] Weni Lidya Sukma and Kadir Ruslan, 'Digital Economy Challenge: Hidden Exploitation of Child Labour Through the Use of Digital Devices' (2025) 4(2) *Journal of Central Banking Law and Institutions* 259.

[1306] Committee on the Rights of the Child, *Concluding observations on the fourth periodic report of Kazakhstan* UN Doc CRC/C/KAZ/CO/4 (2015).

[1307] Комитет по правам человека ООН в своих заключительных замечаниях по Казахстану указывал на необходимость обеспечения эффективного расследования всех случаев торговли людьми и использования детского труда.

эффективное наказание виновных и предоставлять данные о числе выявленных детей и оказанных им услуг.[1308] Это замечание особенно важно в контексте настоящей статьи, поскольку оно показывает, что международный надзор рассматривает неформальный, миграционный и сельскохозяйственный труд как зоны повышенного риска именно потому, что там трудовые отношения скрыты, документально не оформлены и трудно поддаются обычной инспекции. Такой же логикой, по сути, следует руководствоваться и в отношении цифровой занятости детей, где отсутствие классического работодателя или письменного договора не должно служить аргументом для ухода государства от защиты ребенка.

В европейском контексте особое значение имеет практика ЕСПЧ по статье 4 *Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод*, запрещающей рабство, подневольное состояние и принудительный труд. Несмотря на то, что ЕСПЧ не формирует отдельную доктрину именно «детского труда» как самостоятельной категории, его подход к позитивным обязательствам государства имеет принципиальное значение для рассматриваемой темы. В деле *Siliadin против Франции* Суд признал нарушение статьи 4, указав, что французское законодательство на тот момент не обеспечило заявительнице (несовершеннолетней иностранке, фактически находившейся в состоянии домашнего подневольного труда) достаточной и эффективной защиты.[1309] По сути, Суд прямо продемонстрировал, что государство нарушает Конвенцию не только тогда, когда само вовлечено в эксплуатацию, но и тогда, когда его законодательство и правоприменительная система не способны реально остановить эксплуатацию в области частных отношений

Затем, в деле *C.N. против Соединенного Королевства* Суд продолжил эту логику и пришел к выводу, что отсутствие четкой уголовно-правовой базы и неэффективность расследования жалобы на домашнее подневольное состояние также образуют нарушение статьи 4.[1310] Для целей настоящей статьи принципиально важно то, что в обоих делах суд фактически выстраивает *трехуровневую модель* позитивных обязательств государства: i) должна существовать ясная и адекватная нормативная база; ii) должны быть механизмы выявления скрытой эксплуатации; iii) должны обеспечиваться эффективное расследование и правовая защита жертвы. Если перенести этот тест на сферу цифровой экономики, то неизбежен вывод, что отсутствие специального регулирования платформенной коммерческой эксплуатации образа ребенка, слабость процедур мониторинга и невозможность для самого ребенка инициировать защиту собственных прав в цифровой среде также могут свидетельствовать о нормативной недостаточности государства.

В сравнительно-правовом контексте особенно выделяются государства, которые уже начали реагировать на новые формы коммерческого использования детского образа в цифровой среде. Прежде всего следует отметить Францию, где в 2020 году был принят специальный закон, направленный на регулирование коммерческой эксплуатации изображения детей младше 16 лет на онлайн-платформах.[1311] Данный закон интересен не только самим фактом признания проблемы, но и своей конструкцией, поскольку он вводит обязанность предварительного одобрения либо декларации в случаях, когда ребенок является основным объектом распространяемого контента, требует защиты его доходов, предусматривает информирование о рисках, способствует выявлению контента,

---

[1308] ILO Committee of Experts on the Application of Conventions and Recommendations, *Observation (CEACR) - adopted 2018, published 2019, Worst Forms of Child Labour Convention, 1999 (No 182), Kazakhstan*.

[1309] *Siliadin v France* (2005) 43 EHRR 16, App no 73316/01.

[1310] *C.N. v United Kingdom* App no 4239/08 (ECtHR, 13 November 2012).

[1311] LOI n° 2020-1266 du 19 octobre 2020 visant à encadrer l'exploitation commerciale de l'image d'enfants de moins de seize ans sur les plateformes en ligne.

нарушающего достоинство и физическую или моральную неприкосновенность ребенка, а также облегчает реализацию права несовершеннолетнего на удаление персональных данных.[1312] Иными словами, французский законодатель одним актом увязывает трудовые гарантии, защиту достоинства, частной жизни и персональных данных, что представляет собой, по сути, ту самую комплексную модель, которой не хватает большинству правовых систем.

Не менее интересен пример штата Иллинойс в США, где в 2023 году был принят Public Act 103-0556, вступивший в силу с 1 июля 2024 года, который прямо вводит понятие *minors featured in vlogs* (англ. несовершеннолетние, вовлеченные в видеоблогинг) и устанавливает, что при определенных количественных критериях ребенок считается вовлеченным видеоблогинг как работу. Кроме того, закон требует вести учет такого участия, формировать *trust fund* (англ. трастовый фонд) за счет валового дохода от контента с участием ребенка и предоставляет самому несовершеннолетнему право на иск в случае нарушения этих обязанностей.[1313] Так, по сути, законодатель Иллинойса признал, что участие ребенка в цифровом монетизируемом контенте может рассматриваться как трудовая деятельность, а значит и требовать имущественной защиты и процессуальных средств правовой защиты. Для Казахстана данный подход важен именно потому, что он показывает, что даже без полной перестройки трудового законодательства возможно точечно создать специальный режим защиты детей, вовлеченных в цифровую коммерческую среду.

Имплементация международных стандартов запрещения детского труда в Казахстане

Если перейти к казахстанскому контексту, то необходимо подчеркнуть, что формально Республика Казахстан ратифицировала ключевые международные договоры в данной области, включая Конвенции МОТ №138 и №182, Конвенцию о правах ребенка и соответствующие факультативные протоколы.[1314] Однако реальная проблема состоит в том, что действующая модель регулирования по-прежнему ориентирована главным образом на классический труд с формализованным работодателем, тогда как значительная часть рисков локализуется в неформальном секторе, в миграционной среде, в семейной занятости и, потенциально, в цифровом пространстве. Это подтверждается и внешними оценками, в которых указывается, что законодательство Казахстана не обеспечивает достаточной защиты от наихудших форм детского труда, в частности потому, что трудовые гарантии, включая минимальный возраст и запрет опасных работ, не охватывают детей, работающих без письменного трудового договора; кроме того, отмечаются пробелы в криминализации сексуальной эксплуатации детей и слабость инспекционных механизмов на фоне ограничений внезапных проверок.[1315] Вместе с тем анализ показывает, что существующая модель правового регулирования по-прежнему ориентирована преимущественно на классические трудовые отношения, основанные на письменном трудовом договоре, что создает значительный нормативный разрыв в ситуациях, когда ребенок вовлекается в экономическую деятельность вне формальной занятости.

В дополнение к этому необходимо отметить, что институциональные механизмы выявления нарушений в Казахстане ограничены как нормативно, так и организационно. В частности, введенный мораторий на проверки малого бизнеса

[1312] *Там же, ст. 3-6*

[1313] Illinois General Assembly, Public Act 103-0556, adding 820 ILCS 205/2.6 and 205/12.6 (‘Minors featured in vlogs’; ‘Minor engaged in the work of vlogging; trust fund’), effective 1 July 2024.

[1314] L Bogatyreva, B Taitorina and Z Abdukarimova, ‘The Implementation of the Convention on the Rights of the Child to Legal System of the Republic of Kazakhstan’ (2019) 88 *Bulletin of KazNU. International Relations and International Law Series*.

[1315] US Department of Labor, *2022 Findings on the Worst Forms of Child Labor: Kazakhstan*.

существенно сократил возможности проведения инспекций труда, что, по оценкам международных наблюдателей, могло способствовать сохранению скрытых форм детского труда.[1316] Учитывая, что цифровая занятость несовершеннолетних зачастую осуществляется через малые предпринимательские структуры, семейные бизнес-модели или индивидуальных блогеров, подобные ограничения могут дополнительно снижать эффективность государственного контроля.

Следовательно, можно сделать промежуточный вывод о том, что действующая модель имплементации международных стандартов в Казахстане характеризуется определенной *декларативностью*, так как формально нормы существуют, однако их применение зависит от наличия видимых, документально оформленных трудовых отношений, что не соответствует современным тенденциям развития рынка труда.

Особую сложность представляет проблема вовлечения в трудовую деятельность детей мигрантов. Как указывается в международных и правозащитных материалах, несовершеннолетние из соседних государств нередко оказываются занятыми в сельском хозяйстве, уличной торговле, сфере услуг или домашнем труде, при этом их административный статус может препятствовать доступу к образованию и социальной защите.[1317] Так, в ряде случаев дети регистрируются в Казахстане не под собственными именами, а как «члены семьи», что лишает их возможности получить документы и, соответственно, затрудняет реализацию права на образование и защиту от эксплуатации.[1318] Это подтверждается и полевыми исследованиями, согласно которым отсутствие индивидуального регистрационного номера может привести к исключению ребенка из формальной образовательной системы, что, в свою очередь, увеличивает риск вовлечения в экономическую деятельность.[1319]

Следующим важным аспектом является конституционная реформа, предполагающая обновление формулировки права на труд. В рамках экспертных обсуждений подчеркивалось, что новая редакция конституционной нормы направлена на усиление социальной ответственности государства и адаптацию правового регулирования занятости к современным экономическим условиям. С одной стороны, подобные изменения могут способствовать укреплению системы социальных гарантий, включая поддержку занятости молодежи и защиту работников. С другой стороны, возникает вопрос о том, в какой мере новая конституционная конструкция учитывает особенности цифровой занятости и необходимость специальных механизмов защиты несовершеннолетних. Если принять во внимание тот факт, что цифровая экономика формирует новые категории занятости, находящиеся на стыке трудового, гражданского и информационного права, становится очевидным, что конституционное закрепление права на труд должно сопровождаться развитием отраслевого законодательства, способного обеспечить реальную защиту ребенка в цифровой среде.

Коллизии правового регулирования и пределы действующей модели имплементации в Казахстане

Если рассматривать казахстанскую правовую систему не фрагментарно, а как совокупность взаимосвязанных отраслевых режимов, то становится заметно, что главная проблема заключается не в полном отсутствии правового запрета детского труда, а в несогласованности между различными нормативными блоками, каждый из которых по отдельности выглядит относительно завершенным, но в совокупности не образует единого защитного механизма. Иными словами, международные стандарты

[1316] US Department of Labor, *Findings on the Worst Forms of Child Labor Kazakhstan*.
[1317] FIDH and others, *Invisible and Exploited in Kazakhstan*.
[1318] *Там же*
[1319] 'Дети-невидимки: права детей мигрантов' Caravan.kz.

имплементированы в казахстанское право лишь частично и преимущественно в их классическом, доцифровом понимании, тогда как новые формы экономической эксплуатации детей оказываются между трудовым, гражданским, семейным, информационным и административным правом.

Прежде всего необходимо отметить коллизию между формальным трудовым законодательством и фактической экономической реальностью. Трудовой кодекс исходит из классической конструкции трудового договора, в связи с чем его защитные механизмы в значительной степени завязаны на наличие работодателя, трудовой функции, рабочего времени и документально подтвержденного правоотношения.

Далее возникает вторая, не менее существенная коллизия между декларируемым правом ребенка на защиту от экономической эксплуатации и отсутствием специального режима для коммерциализации его образа, времени и цифрового присутствия. Здесь особенно важно не подменять анализ успокаивающей формулой о том, что блогинг, участие в семейных видео, стримах или рекламных интеграциях якобы не являются трудом в юридическом смысле. Подобная позиция выглядит уязвимой уже потому, что в экономическом плане она игнорирует самую суть деятельности: если участие ребенка систематически используется для генерации дохода, привлечения аудитории, повышения монетизации канала, продвижения бренда или продажи товаров и услуг, то это участие фактически выполняет *производительную функцию*. В этом смысле правовая форма не должна заслонять экономическое содержание отношения. Именно такую логику, хотя и в иных контекстах, можно усмотреть и в международной практике, где центральным является не название работы, а ее последствия для достоинства, развития, образования и свободы ребенка от эксплуатации.

Третья коллизия проявляется между миграционным и образовательным режимами. Формально Казахстан гарантирует бесплатное образование, однако на практике дети мигрантов сталкиваются с требованиями ИИН, регистрационных и иных документов, отсутствие которых либо препятствует зачислению, либо делает дальнейшее получение аттестата крайне проблематичным.[1320] В результате формируется замкнутый круг: ребенок, административно невидимый для государства, труднее попадает в школу, а ребенок, находящийся вне устойчивой образовательной среды, объективно становится более уязвимым к трудовой эксплуатации. По сути, здесь нарушение права на образование превращается в фактор воспроизводства детского труда.

Если принять во внимание вышеизложенное, то наиболее точно можно сформулировать следующий вывод: *ключевой дефицит казахстанской модели состоит не в отсутствии международных обязательств и даже не в отсутствии базовых национальных запретов, а в отсутствии современного юридического понятия детского труда, способного охватить цифровые, семейные, платформенные и гибридные формы экономической эксплуатации.*

Именно здесь, как представляется, и проходит граница между формальной имплементацией и реальной. Формальная имплементация отвечает на вопрос, ратифицировало ли государство конвенции и включило ли в кодексы общие запретительные нормы. Реальная имплементация отвечает на иной вопрос - может ли правовая система своевременно распознать новые формы эксплуатации и обеспечить ребенку защиту до того, как вред станет необратимым? По данной причине государство, которое продолжает связывать детский труд исключительно с письменным трудовым договором или очевидной опасной работой, неизбежно будет отставать от динамики цифровой экономики.

[1320] FIDH, ADC Memorial and ILI, *Invisible and Exploited in Kazakhstan: the Plight of Kyrgyz Migrant Workers and Members of Their Families* (2018).

Направления совершенствования законодательства и правоприменительной практики Республики Казахстан

Прежде всего, представляется необходимым закрепить в национальном законодательстве более широкое понимание детского труда, выходящее за рамки исключительно формализованных трудовых отношений, так как правовая оценка должна опираться не столько на наличие трудового договора, сколько на фактическое вовлечение ребенка в деятельность, приносящую доход третьим лицам и создающую риски для его развития, образования, здоровья и частной жизни. В этой логике особое значение приобретает регулирование коммерческого использования изображения и цифрового присутствия ребенка.

Сравнительно-правовая практика демонстрирует, что такие формы участия уже признаются экономически значимыми и требуют специальных гарантий, включая предварительный контроль условий вовлечения, резервирование части доходов в интересах несовершеннолетнего и обеспечение права на удаление контента, способного причинить вред его достоинству или репутации. Для Казахстана это могло бы означать введение процедур уведомления о коммерциализации контента с участием ребенка, создание механизмов имущественной защиты его интересов и установление ограничений на контент, нарушающий частную жизнь либо предполагающий публичное унижение.

В условиях цифровизации также требуется переход к более содержательной оценке допустимости участия ребенка в экономической активности. Законодательство могло бы предусматривать критерии, позволяющие учитывать регулярность вовлечения, продолжительность занятости, объем получаемого дохода, влияние на образовательную нагрузку и характер создаваемого контента. Такой подход позволил бы отказаться от формального противопоставления труда и «семейной активности» и обеспечить более гибкую защиту интересов ребенка.

Дополнительным направлением совершенствования является усиление межведомственного мониторинга. В настоящее время информация о детской занятости, образовательной включенности, миграционном статусе и цифровых рисках носит фрагментарный характер, что снижает административную «видимость» ребенка и, следовательно, его защищенность. Создание координационного механизма между органами труда, образования, защиты прав ребенка и цифрового развития позволило бы перейти от реактивной модели вмешательства к раннему выявлению факторов риска. Параллельно требуется адаптация инспекционных механизмов к новым формам экономической деятельности. В цифровой среде традиционные инструменты контроля должны дополняться процедурами взаимодействия с платформами, рекламными агентствами и иными посредниками, располагающими данными о регулярном коммерческом использовании контента с участием несовершеннолетних.

Отдельное внимание должно быть уделено защите детей-мигрантов, поскольку ограничения, связанные с отсутствием регистрационных документов или доступа к образованию, способны косвенно стимулировать вовлечение ребенка в трудовую деятельность. Обеспечение административной включенности таких детей является необходимым условием реализации международных обязательств по их защите от экономической эксплуатации.

Следовательно, дальнейшее развитие законодательства должно быть направлено не столько на количественное расширение запретительных норм, сколько на переосмысление самой логики защиты ребенка, при которой ключевым критерием становится фактическое вовлечение несовершеннолетнего в деятельность, создающую экономическую выгоду и одновременно несущую риски для его достоинства, образования, здоровья и частной жизни.

Заключение

В заключение следует подчеркнуть, что настоящая статья позволяет рассматривать проблему запрещения детского труда в условиях цифровой трансформации экономики как комплексное и многослойное правовое явление, требующее пересмотра как международно-правовых интерпретаций, так и национальных механизмов их имплементации. По сути, цифровизация рынка труда не просто изменяет формы экономической активности, но и трансформирует сами основания правового регулирования, поскольку размывает традиционные границы между трудом, предпринимательством, самозанятостью, творческой деятельностью и участием в цифровых платформах.

Результаты анализа показывают, что международное право уже содержит достаточные основания для расширительного толкования запрета детского труда. Прежде всего это связано с тем, что защита ребенка от экономической эксплуатации в универсальных договорах рассматривается в неразрывной связи с правом на образование, достоинство, здоровье, развитие личности и защиту частной жизни. Таким образом, международный стандарт в его современном прочтении предполагает не столько формальный контроль за возрастом приема на работу, сколько обязанность государства предотвращать любые формы систематического вовлечения ребенка в деятельность, создающую экономическую выгоду третьим лицам и одновременно создающую риски для его полноценного развития.

Вместе с тем сравнительно-правовой анализ показывает, что государства начинают вырабатывать новые подходы к регулированию цифровых форм участия детей в экономической деятельности. Примеры Франции и отдельных штатов США свидетельствуют о формировании специального правового режима, который соединяет элементы трудового, гражданского, информационного и социального права, обеспечивая защиту доходов ребенка, контроль за условиями его участия в коммерческом контенте и признание его процессуальных прав. Данные модели демонстрируют, что адаптация международных стандартов возможна даже без радикальной трансформации всей системы трудового права, если законодатель готов признать специфику цифровой экономики и ее влияние на положение несовершеннолетних.

Анализ казахстанского законодательства позволяет сделать вывод о том, что Республика Казахстан в целом сформировала базовую нормативную конструкцию запрещения детского труда, ратифицировав ключевые международные договоры и закрепив соответствующие гарантии в трудовом и уголовном законодательстве. Однако эффективность этой модели ограничена рядом факторов, среди которых особое значение имеют ориентация на формализованные трудовые отношения, недостаточная адаптация правового регулирования к неформальной и цифровой занятости, институциональные ограничения инспекционных механизмов, а также проблемы административной видимости отдельных категорий детей, прежде всего несовершеннолетних мигрантов.

Представляется, что дальнейшее совершенствование законодательства Республики Казахстан должно включать, во-первых, формирование расширенного юридического определения детского труда, охватывающего цифровые и платформенные формы экономической активности несовершеннолетних; во-вторых, введение специального режима регулирования коммерческого использования изображения и цифрового контента с участием ребенка; в-третьих, усиление межведомственного мониторинга и координации в сфере защиты прав детей; в-четвертых, развитие процессуальных механизмов, позволяющих самому несовершеннолетнему инициировать защиту своих прав. Одновременно необходимо учитывать, что эффективное предотвращение детского труда невозможно без устранения его структурных причин, включая социальную уязвимость семей,

ограниченный доступ к качественному образованию, миграционные барьеры и недостаточную информированность общества о рисках цифровой коммерциализации детства. Следовательно, правовые реформы должны сопровождаться развитием социальной политики, образовательных программ и цифровой грамотности.

Таким образом, можно сделать общий вывод о том, что цифровая трансформация детского труда представляет собой не только правовой вызов, но и возможность для модернизации национальной модели защиты прав ребенка. В этом смысле Казахстан обладает потенциалом для формирования прогрессивной и детоцентричной правовой системы, способной сочетать международные стандарты, сравнительно-правовой опыт и национальные социально-экономические реалии. Реализация такого подхода позволит обеспечить более полную имплементацию запрета детского труда и одновременно повысить устойчивость социальной политики государства в условиях стремительных технологических изменений

Список литературы:

1. Convention on the Rights of the Child (adopted 20 November 1989, entered into force 2 September 1990) 1577 UNTS 3.
2. ILO Convention No 138 concerning Minimum Age for Admission to Employment (adopted 26 June 1973, entered into force 19 June 1976) 1015 UNTS 297.
3. ILO Convention No 182 concerning the Prohibition and Immediate Action for the Elimination of the Worst Forms of Child Labour (adopted 17 June 1999, entered into force 19 November 2000) 2133 UNTS 161.
4. Committee on the Rights of the Child, General Comment No 25 (2021) on children's rights in relation to the digital environment UN Doc CRC/C/GC/25.
5. Committee on the Rights of the Child, Concluding observations on the fourth periodic report of Kazakhstan UN Doc CRC/C/KAZ/CO/4 (2015).
6. Human Rights Committee, Concluding observations on Kazakhstan.
7. ILO Committee of Experts on the Application of Conventions and Recommendations, Observation on Worst Forms of Child Labour Convention 1999 (No 182) Kazakhstan (adopted 2018, published 2019).
8. Siliadin v France App no 73316/01 (ECtHR, 26 July 2005) (2005) 43 EHRR 16.
9. C.N. v United Kingdom App no 4239/08 (ECtHR, 13 November 2012).
10. M.C. Mehta v State of Tamil Nadu (1996) 6 SCC 756 (Supreme Court of India).
11. LOI n° 2020-1266 du 19 octobre 2020 visant à encadrer l'exploitation commerciale de l'image d'enfants de moins de seize ans sur les plateformes en ligne.
12. Illinois General Assembly, Public Act 103-0556 (effective 1 July 2024).
13. Цифровой кодекс Республики Казахстан от 9 января 2026 года № 255-VIII ЗРК.
14. Bogatyreva L, Taitorina B and Abdukarimova Z, 'The Implementation of the Convention on the Rights of the Child to Legal System of the Republic of Kazakhstan' (2019) 88 Bulletin of KazNU. International Relations and International Law Series.
15. Sukma WL and Ruslan K, 'Digital Economy Challenge Hidden Exploitation of Child Labour Through the Use of Digital Devices' (2025) 4(2) Journal of Central Banking Law and Institutions 259.
16. Kojok B, *Reinventing Child Labour A Contemporary Analysis of Children's Participation in the Digital Labour Economy* (Major Research Paper, University of Windsor 2022).
17. Zhu Q, *Implications of Digital Transformation on Employment in Developing Countries*.
18. US Department of Labor, *2022 Findings on the Worst Forms of Child Labor Kazakhstan* (2022).

19. FIDH, ADC Memorial and ILI, *Invisible and Exploited in Kazakhstan The Plight of Kyrgyz Migrant Workers and Members of Their Families* (2018).
20. ‘Дети-невидимки права детей мигрантов’ Caravan.kz.

Букумбай Карина Жумажанқызы
Магистрант 1 курса по специальности «Юриспруденция»
Высшая школа права Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республика Казахстан
E-mail: karina.bukumbay@mail.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ТРУДА И ПРАВА ЛИЦ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ

Аннотация

Данная статья посвящена анализу «двух сторон медали» цифровой трансформации лиц с инвалидностью. Исследование опирается на международные правовые нормы (Конвенция №111 о дискриминации в области труда и занятий[5] 1958 г., Конвенция №159 о профессиональной реабилитации и занятости инвалидов[15] 1983 г. и Конвенция ООН о правах инвалидов 2006 г.) и законодательство Республики Казахстан (запрет дискриминации в Трудовом кодексе РК и Законы о защите инвалидов, нормы о квотах и специальных мерах, конституционные гарантии), чтобы понять, насколько эффективно они защищают права лиц с инвалидностью в цифровую эпоху. Нижеприведена статистика проблем реализации трудовых прав и практические примеры цифровых сервисов в Республике Казахстан. В заключении были сформулированы рекомендации по адаптации законодательства и развитию инклюзивной цифровизации в интересах лиц с инвалидностью.

Анализ текущей ситуации в Казахстане, показал, что несмотря на внедрение электронных сервисов для социальных услуг и медико-социальной экспертизы, доступ к ним остается ограниченным для значительной части населения с инвалидностью. Например, имеется портал под названием «Aleumet» причем,ре данным порталом воспользовались лишь около 64 тысяч из 730 тысяч человек с инвалидностью[12]. Портал «Aleumet» – это портал, где лица с инвалидностью могут заказать необходимую для себя услугу. Это свидетельствует о том, что цифровая трансформация без учета требований доступности и защиты от предвзятости алгоритмов может усугубить существующее неравенство. Для решения этой проблемы предлагается ряд мер:

1. Установление обязанности работодателей обеспечивать адаптацию цифровых рабочих платформ и сервисов с учетом потребностей лиц с инвалидностью.
2. Введение юридической ответственности за использование алгоритмов, приводящих к дискриминации лиц с инвалидностью при трудоустройстве.
3. Закрепление механизмов государственного контроля за соблюдением требований цифровой доступности и недискриминации.

Реализация этих рекомендаций позволит гарантировать равные возможности и недискриминацию для лиц с инвалидность в условиях цифровизации.

Ключевые слова: Трудовое право, цифровизация труда, лица с инвалидностью, искусственный интеллект, дискриминация, дистанционная занятость, алгоритмическая дискриминация, закон Казахстана, цифровая доступность.

---

[5] ILO Convention No 111 Discrimination (Employment and Occupation) Convention 1958 <https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@ed_norm/@normes/documents/normativeinstrument/wcms_r168_ru.htm> дата обращения: 20.03.2026.

[15] ILO Convention No 159 Vocational Rehabilitation and Employment (Disabled Persons) Convention 1983 <https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@ed_norm/@normes/documents/normativeinstrument/wcms_c159_ru.htm> дата обращения: 30.03.2026

[12] Отчёт Комитета труда и соцзащиты РК: выявленные нарушения в социальной защите инвалидов (январь 2023). <https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/press/news/details/233834?lang=ru> дата обращения: 29.03.2026.

Аңдатпа

Бұл мақала мүгедектігі бар адамдардың цифрлық трансформациясының «екі қыры» мәселесін талдауға арналған. Зерттеу халықаралық құқықтық нормаларға (1958 жылғы Еңбек және кәсіп саласындағы кемсітушілік туралы №111 Конвенция[5], 1983 жылғы Мүгедектерді кәсіптік оңалту және жұмыспен қамту туралы №159 Конвенция[15] және 2006 жылғы БҰҰ-ның Мүгедектердің құқықтары туралы Конвенциясы) және Қазақстан Республикасының заңнамасына (Қазақстан Республикасының Еңбек кодексіндегі кемсітушілікке тыйым салу, мүгедектерді әлеуметтік қорғау туралы заңдар, квоталар мен арнайы шаралар туралы нормалар, конституциялық кепілдіктер) сүйене отырып, цифрлық дәуірде мүгедектігі бар адамдардың құқықтарының қаншалықты тиімді қорғалатынын анықтауға бағытталған.

Төменде Қазақстан Республикасындағы еңбек құқықтарын іске асыру мәселелерінің статистикасы және цифрлық сервистердің практикалық мысалдары келтірілген. Қорытындыда заңнаманы бейімдеу және мүгедектігі бар адамдардың мүдделері үшін инклюзивті цифрландыруды дамыту бойынша ұсыныстар тұжырымдалды.

Қазақстандағы қазіргі жағдайды талдау көрсеткендей, әлеуметтік қызметтер мен медициналық-әлеуметтік сараптамаға арналған электрондық сервистер енгізілгеніне қарамастан, оларға қол жеткізу мүгедектігі бар халықтың едәуір бөлігі үшін әлі де шектеулі болып отыр. Мысалы, «Aleumet» порталы бар, алайда бұл портал қызметін 730 мың мүгедектігі бар адамның шамамен 64 мыңы ғана пайдаланған[12]. «Aleumet» порталы – мүгедектігі бар адамдар өздеріне қажетті қызметтерге тапсырыс бере алатын платформа. Бұл цифрлық трансформация қолжетімділік талаптары мен алгоритмдік бейтараптық қағидаттарын ескермеген жағдайда, қолданыстағы теңсіздікті күшейтуі мүмкін екенін көрсетеді. Осы мәселені шешу үшін келесі шаралар ұсынылады:

1. Жұмыс берушілерге мүгедектігі бар адамдардың қажеттіліктерін ескере отырып, цифрлық жұмыс платформалары мен сервистерді бейімдеу міндетін жүктеу.
2. Жұмысқа қабылдау кезінде мүгедектігі бар адамдарға қатысты кемсітушілікке әкелетін алгоритмдерді пайдаланғаны үшін заңды жауапкершілік енгізу.
3. Цифрлық қолжетімділік пен кемсітпеу талаптарының сақталуына мемлекеттік бақылау тетіктерін бекіту.

Осы ұсыныстарды іске асыру цифрландыру жағдайында мүгедектігі бар адамдар үшін тең мүмкіндіктер мен кемсітпеуді қамтамасыз етуге мүмкіндік береді.

Түйінді сөздер: Еңбек құқығы, еңбекті цифрландыру, мүгедектігі бар адамдар, жасанды интеллект, кемсітушілік, қашықтықтан жұмыспен қамту, алгоритмдік кемсітушілік, Қазақстан заңы, цифрлық қолжетімділік.

Annotation

This article is devoted to the analysis of the “two sides of the coin” of digital transformation for persons with disabilities. The study is based on international legal

[5] ILO Convention No 111 Discrimination (Employment and Occupation) Convention 1958 <https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@ed_norm/@normes/documents/normativeinstrument/wcms_r168_ru.htm> дата обращения: 20.03.2026.

[15] ILO Convention No 159 Vocational Rehabilitation and Employment (Disabled Persons) Convention 1983 <https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@ed_norm/@normes/documents/normativeinstrument/wcms_c159_ru.htm> дата обращения: 30.03.2026

[12] Отчёт Комитета труда и соцзащиты РК: выявленные нарушения в социальной защите инвалидов (январь 2023). <https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/press/news/details/233834?lang=ru> дата обращения: 29.03.2026.

instruments (the ILO Convention[5] No. 111 on Discrimination in Respect of Employment and Occupation of 1958, the ILO Convention[15] No. 159 on Vocational Rehabilitation and Employment of Disabled Persons of 1983, and the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities of 2006) as well as the legislation of the Republic of Kazakhstan (the prohibition of discrimination in the Labor Code of the Republic of Kazakhstan, laws on the protection of persons with disabilities, provisions on quotas and special measures, and constitutional guarantees) in order to assess how effectively the rights of persons with disabilities are protected in the digital era.

Below are statistics on the challenges of implementing labor rights and practical examples of digital services in the Republic of Kazakhstan. The conclusion formulates recommendations for adapting legislation and promoting inclusive digitalization in the interests of persons with disabilities.

An analysis of the current situation in Kazakhstan shows that despite the introduction of electronic services for social support and medical and social assessment, access to them remains limited for a significant portion of persons with disabilities. For example, there is a portal called “Aleumet”; however, only about 64,000 out of 730,000 persons with disabilities have used it[12]. The “Aleumet” portal is a platform where persons with disabilities can request the services they need. This indicates that digital transformation, without taking into account accessibility requirements and protection against algorithmic bias, may exacerbate existing inequalities. To address this issue, a number of measures are proposed:

1. Establishing the obligation for employers to adapt digital work platforms and services to the needs of persons with disabilities.
2. Introducing legal liability for the use of algorithms that lead to discrimination against persons with disabilities in employment.
3. Strengthening mechanisms of state oversight to ensure compliance with digital accessibility and non-discrimination requirements.

The implementation of these recommendations will help ensure equal opportunities and non-discrimination for persons with disabilities in the context of digitalization.

Keywords: Labour law, digitalization of labor, persons with disabilities, artificial intelligence, discrimination, remote employment, algorithmic discrimination, law of Kazakhstan, digital accessibility.

Введение

Под воздействием Четвертой промышленной революции, характеризующейся развитием роботизации, искусственного интеллекта и сетевых технологий, трудовые отношения претерпевают фундаментальные изменения. В контексте занятости лиц с инвалидностью этот процесс имеет двойственный характер. С одной стороны, цифровизация труда способствует появлению инновационных форм занятости, таких как удаленная работа, расширение спектра услуг по трудоустройству и разработка ассистивных технологий. С другой стороны, трансформация рынка труда актуализирует как существующие, так и новые риски. Значительная часть людей с инвалидностью сталкивается с проблемой «цифрового разрыва», обусловленного отсутствием доступа к информационно-коммуникационным технологиям. Кроме того,

[5] ILO Convention No 111 Discrimination (Employment and Occupation) Convention 1958 <https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@ed_norm/@normes/documents/normativeinstrument/wcms_r168_ru.htm> дата обращения: 20.03.2026.

[15] ILO Convention No 159 Vocational Rehabilitation and Employment (Disabled Persons) Convention 1983 <https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@ed_norm/@normes/documents/normativeinstrument/wcms_c159_ru.htm> дата обращения: 30.03.2026

[12] Отчёт Комитета труда и соцзащиты РК: выявленные нарушения в социальной защите инвалидов (январь 2023). <https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/press/news/details/233834?lang=ru> дата обращения: 29.03.2026.

недостаточная адаптация информационных технологий к потребностям людей с различными нарушениями препятствует эффективной реализации конституционных гарантий и международных обязательств, касающихся права на труд без дискриминации[10].

Исследование направлено на изучение влияния цифровизации труда в эпоху Четвертой промышленной революции на права людей с инвалидностью в Республике Казахстан. Анализируя проблемы и предлагая пути для улучшения законодательства. Для этого используются методы формально-юридического анализа, сравнительно-правовых исследований и качественной оценки реальной практики. Особое внимание уделяется вопросам цифрового неравенства, доступности рабочих мест и риску алгоритмической дискриминации при подборе работников (найме).

Основная часть

Цифровые технологии являются ключевым фактором, определяющим эволюцию современного рынка труда, где «Интернет-экономика», платформенная и удаленная работа становятся обыденностью. Для людей с инвалидностью эти трансформации имеют двойственный характер. С одной стороны, цифровые инструменты действительно открывают новые перспективы. Развитие дистанционной работы и онлайн-платформ устраняет географические и физические препятствия, позволяя, например, человеку с ограниченными возможностями работать в сфере IT или службе поддержки клиентов, не покидая дома. Онлайн-платформы для фриланса и маркетплейсы предоставляют доступ к глобальному рынку труда. Кроме того, новые ассистивные технологии (преобразование текста в речь и наоборот, головые управления, специализированные интерфейсы для слабовидящих) расширяют круг потенциальных профессий. Эксперты подчеркивают, что цифровизация труда «значительно расширила возможности трудоустройства для людей с инвалидностью, а удалённая работа сгладила физические барьеры»[9]. Интересно, что уже сейчас большинство (80-90%) работников во многих странах хотели бы иметь возможность работать удаленно хотя бы часть времени. Для таких социальных групп, как женщины с детьми (или с особенными детьми), молодые специалисты и люди с инвалидностью, которые ранее сталкивались с риском невостребованности, удаленная занятость облегчает поиск работы.

Несмотря на прогресс, цифровая трансформация порождает цифровое неравенство. Это неравенство проявляется в двух уровнях. На первом уровне, доступ к интернету и цифровым устройствам остается неравномерным для людей с инвалидностью, особенно для маломобильных граждан в сельской местности [8]. Отсутствие необходимой техники и стабильного интернет-соединения создает «цифровой разрыв», препятствующий удаленному трудоустройству. На втором уровне, сама цифровая среда зачастую оказывается недружелюбной к людям с инвалидностью. Многие государственные порталы, корпоративные сайты и образовательные ресурсы не соответствуют стандартам доступности для людей с

---

[10] Абдыкаимов З. *Доступность интернет-ресурса электронного правительства РК eGov.kz для пользователей с инвалидностью, New Generation of Human Rights Defenders (Soros Kazakhstan, 2019). <https://www.soros.kz/wp-content/uploads/2021/08/%D0%90%D0%B1%D0%B4%D1%8B%D0%BA%D0%B0%D0%B8%D0%BC%D0%BE%D0%B2__%D0%94%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C-egov.kz-%D0%B4%D0%BB%D1%8F-%D0%BB%D1%8E%D0%B4%D0%B5%D0%B9-%D1%81-%D0%B8%D0%BD%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B4%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C%D1%8E.pdf> дата обращения: 25.03.2026.*

[9] *Инклюзивная цифровизация: драйвер роста для бизнеса и людей*, UNDP Беларусь (03.06.2024). <https://www.undp.org/ru/belarus/stories/inklyuzivnaya-cifrovizaciya-drayver-rosta-dlya-biznesa-i-lyudey> дата обращения: 24.03.2026.

нарушениями зрения или слуха. Как констатируется в отчете Soros-Kazakhstan, финансовые и технические ограничения в доступе к информационным технологиям для лиц с инвалидностью и возникающие из этого цифровые барьеры ограничивают их возможности в сфере образования, трудоустройства, получения дохода и активного социального участия[10]. Таким образом, фундаментальные права человека на образование, труд и информацию, будучи формально закрепленными, сталкиваются с серьезными препятствиями в их практической реализации.

Серьезную озабоченность вызывает дискриминация, возникающая из-за работы алгоритмов. В процессе подбора персонала работодатели все чаще полагаются на автоматизированные системы, основанные на искусственном интеллекте (ИИ), такие как Applicant Tracking Systems (ATS) и HR-боты. Однако эти системы могут непреднамеренно усугублять неравенство, особенно в отношении людей с инвалидностью. Исследования показывают, что если в исторических данных, на которых обучается ИИ, мало примеров успешного найма людей с инвалидностью, алгоритм может начать считать это "нормальным трендом" и автоматически снижать приоритет резюме таких кандидатов. Более того, анализ видеоинтервью или голосовых характеристик с помощью ИИ может привести к несправедливой оценке людей с особенностями речи, которые могут восприниматься системой как «отклонение от нормы». Европейский AI-Act прямо указывает на риск дискриминации по инвалидности при использовании ИИ в процессе найма. В Казахстане в 2025 году был принят первый закон об искусственном интеллекте, который четко запрещает ИИ-системам использовать уязвимость, такую как инвалидность, для дискриминации. Это значительный прогресс, но предстоит решить еще много вопросов. Сложность обнаружения дискриминации связана с непрозрачностью алгоритмов, а эффективные механизмы надзора за применением ИИ в сфере трудоустройства еще находятся на стадии разработки.

Учитывая вышеизложенное, крайне важно сосредоточиться на обеспечении доступности цифровых рабочих мест. Опыт Казахстана показывает, что государственные онлайн-сервисы постепенно улучшаются. Например, Портал социальных услуг (Aleumet), запущенный в 2021–2022 годах, позволяет людям с инвалидностью получать реабилитационные услуги и оформлять льготы удаленно. Однако, несмотря на то что на Aleumet зарегистрировано около 64 тысяч пользователей, это лишь малая часть от 730 тысяч людей с инвалидностью в стране[12]. Это говорит о том, что, хотя технологии существуют, их использование пока ограничено. Необходимо внедрять "универсальный дизайн" для веб-контента и приложений, делая их доступными по умолчанию. Также важно расширить концепцию "разумного приспособления" (которая уже применяется к физическим рабочим местам согласно ст. 28 ТК РК)[2] на цифровую сферу, обязывая все публичные цифровые сервисы учитывать потребности людей с инвалидностью.

---

[10] Абдыкаимов З. *Доступность интернет-ресурса электронного правительства РК eGov.kz для пользователей с инвалидностью, New Generation of Human Rights Defenders (Soros Kazakhstan, 2019). <https://www.soros.kz/wp-content/uploads/2021/08/%D0%90%D0%B1%D0%B4%D1%8B%D0%BA%D0%B0%D0%B8%D0%BC%D0%BE%D0%B2__%D0%94%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C-egov.kz-%D0%B4%D0%BB%D1%8F-%D0%BB%D1%8E%D0%B4%D0%B5%D0%B9-%D1%81-%D0%B8%D0%BD%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B4%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C%D1%8E.pdf> дата обращения: 25.03.2026.*

[12] Отчёт Комитета труда и соцзащиты РК: выявленные нарушения в социальной защите инвалидов (январь 2023). <https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/press/news/details/233834?lang=ru> дата обращения: 29.03.2026.

[2] Трудовой кодекс Республики Казахстан (2015) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000414> дата обращения: 19.03.2026.

Международные стандарты, включая Конвенцию ООН о правах инвалидов (ратифицированную Казахстаном в 2015 году) и нормы МОТ №111 и МОТ №159, обязывают Казахстан обеспечивать равный доступ к труду для людей с инвалидностью. ООН подчеркивает, что цифровая трансформация должна быть инклюзивной, требуя адаптации цифровых сред для людей с инвалидностью ("reasonable accommodations")[4]. Казахстан имеет соответствующую законодательную базу: Конституция гарантирует право на труд без дискриминации, а Трудовой кодекс (ст. 6) запрещает отказывать в приеме на работу по состоянию здоровья. Закон о квотах также предписывает работодателям выделять 2-4% рабочих мест для инвалидов. Однако, несмотря на эти законодательные меры, реальная ситуация далека от идеала. Тысячи нарушений, выявленных контролирующими органами, касаются именно доступности условий труда и реабилитационных мероприятий.

Возможности цифровизации	**Риски цифровизации**
Удалённая и гибкая занятость (работа из дома, на платформах), преодоление физ. барьеров и увеличение доступных профессий (IT, сервисы маркетинга, сервисы поддержки)	Цифровое неравенство: отсутствие доступа к интернету/оборудованию у части инвалидов низкий уровень цифровой грамотности, дороговизна помощ. технологий, узкий охват цифровых сервисов.
Ассистивные технологии (текст-в-речь, джойстики, приложения для слабовидящих и др.), повышение мобильности (телеком, VR-решения)	Недоступность среды: неприспособленность платформ и оборудования сайтов для инвалидов, отсутствие универсального дизайна интерфейсов.
Аутентичные оценки через ИИ (анонимность резюме, фокус на навыках, устранение human bias)	Алгоритмическая дискриминация: непрозрачность алгоритмов рекрутинга, «фильтрация» кандидатов с инвалидностью как «неподходящих».

Чтобы справиться с вызовами, связанными с цифровыми рисками, трудовое законодательство нуждается в модернизации. Ключевые шаги включают: определение "цифровой занятости" (платформенной и удаленной работы) в законе, возложение на работодателей обязанности по обеспечению цифровой доступности всех инструментов и ресурсов для сотрудников, а также контроль за внедрением "разумных приспособлений" в IT-среде (например, обеспечение доступности дистанционного обучения и информации на онлайн-платформах). Важно продолжать работу по развитию цифровых компетенций у людей с инвалидностью, что уже является частью национальных стратегий, но требует постоянного контроля. Игнорирование этих мер может привести к тому, что декларируемое равенство в сфере труда останется лишь на бумаге, а люди с инвалидностью будут лишены возможности полноценно участвовать в цифровой экономике.

Заключение

Цифровизация трудовой деятельности в условиях Четвёртой промышленной революции создаёт уникальные возможности для людей с инвалидностью, но одновременно порождает и новые угрозы. Благодаря цифровым технологиям, таким как удалённый формат работы, специализированные платформы и ассистивные устройства, они могут полноценно интегрироваться в экономическую жизнь,

[4] Конвенция ООН о правах инвалидов (2006). <https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml> дата обращения: 19.03.2026.

независимо от своего физического состояния и местонахождения. Однако, если не будут приняты специальные меры, эти же технологии могут усугубить социальное расслоение, поскольку люди с инвалидностью могут столкнуться с дефицитом необходимой инфраструктуры, отсутствием актуальных навыков и недостаточной правовой защитой от дискриминации.

Исследование показало, что Казахстан уже имеет законодательную базу, включающую запрет дискриминации при трудоустройстве (ст. 6 ТК РК) и принципы инклюзии, закрепленные в стратегических документах. Однако для эффективной работы в цифровую эпоху необходимо внести более конкретные изменения. Следует законодательно урегулировать дистанционную и платформенную занятость, а также установить требование обязательной цифровой доступности для всех онлайн-платформ работодателей и государственных структур. Важно также разработать систему контроля за алгоритмами найма, предусматривающую регистрацию дискриминационных случаев и проведение аудита таких систем. Приоритетным направлением должно стать развитие цифровых компетенций у людей с инвалидностью путем предоставления им доступа к обучению в области ИКТ и ассистивных технологий.

Для успешной и всеобъемлющей цифровизации сферы труда, которая будет полезна для всех, необходимы совместные действия государства и общества. Хотя уже есть позитивные примеры (вроде порталов госуслуг и удалённой экспертизы), их эффективность будет зависеть от того, насколько удастся устранить существующие препятствия. Только если мы решим проблемы вроде цифрового неравенства и предвзятости алгоритмов, цифровые изменения в работе действительно помогут людям с инвалидностью, а не создадут для них новые трудности.

Рекомендации:

1. Внести изменения в Трудовой кодекс РК, закрепив правовое определение дистанционной и платформенной занятости с учетом особенностей труда лиц с инвалидностью.
2. Установить на законодательном уровне обязательные требования к цифровой доступности информационных систем работодателей и государственных органов.
3. Закрепить правовое регулирование использования алгоритмов и систем ИИ при найме, включая запрет дискриминации и право на обжалование автоматизированных решений.
4. Предусмотреть на законодательном уровне обязанность государства обеспечивать доступ лиц с инвалидностью к программам обучения цифровым навыкам и ассистивным технологиям.
5. Усилить государственный контроль за соблюдением требований по трудоустройству лиц с инвалидностью, включая мониторинг цифровой доступности рабочих мест.
6. Закрепить обязанность работодателя обеспечивать разумные приспособления в цифровой среде, включая предоставление специализированного оборудования и адаптацию условий труда.

Соблюдение данных рекомендаций позволит Казахстану повысить эффективность защиты трудовых прав инвалидов и сделать цифровую трансформацию по-настоящему инклюзивной, воплотив идею трудового государства, где каждый вне зависимости от возможностей, может реализовать себя профессионально.

Список литературы:

1. Конституция Республики Казахстан. (2026) <https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution> дата обращения: 19.03.2026.

2. Трудовой кодекс Республики Казахстан. (2015) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000414> дата обращения: 19.03.2026.
3. Закон РК «О социальной защите лиц с инвалидностью» (2005). <https://prg.kz/document/?doc_id=30008935> дата обращения: 19.03.2026.
4. Конвенция ООН о правах инвалидов (2006). <https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml> дата обращения: 19.03.2026.
5. ILO Convention No 111 Discrimination (Employment and Occupation) Convention 1958 <https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@ed_norm/@normes/documents/normativeinstrument/wcms_r168_ru.htm> дата обращения: 20.03.2026.
6. *Kazakhstan Should Address Employment Challenges for People with Disabilities*, The Astana Times (27.11.2024). <https://astanatimes.com/2024/11/kazakhstan-should-address-employment-challenges-for-people-with-disabilities/> дата обращения: 20.03.2026.
7. Аксенова Е. «Дискриминировать людей и ещё много чего запрещают ИИ в Казахстане. Разбираем новый закон», Tengrinews (29.09.2025). <https://tengrinews.kz/article/diskriminirovat-liudei-eshhe-cego-zapreshhaiut-ii-kazaxstane-3216/> дата обращения: 21.03.2026.
8. Menze, J., *AI's double-edged sword: A new frontier for employment of people with disabilities?*, ILO News (6.10.2025). <https://www.ilo.org/resource/article/ais-double-edged-sword-new-frontier-employment-people-disabilities> дата обращения: 24.03.2026.
9. *Инклюзивная цифровизация: драйвер роста для бизнеса и людей*, UNDP Беларусь (03.06.2024). <https://www.undp.org/ru/belarus/stories/inklyuzivnaya-cifrovizaciya-drayver-rosta-dlya-biznesa-i-lyudey> дата обращения: 24.03.2026.
10. Абдыкаимов З. *Доступность интернет-ресурса электронного правительства РК eGov.kz для пользователей с инвалидностью*, New Generation of Human Rights Defenders (Soros Kazakhstan, 2019). <https://www.soros.kz/wp-content/uploads/2021/08/%D0%90%D0%B1%D0%B4%D1%8B%D0%BA%D0%B0%D0%B8%D0%BC%D0%BE%D0%B2__%D0%94%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C-egov.kz-%D0%B4%D0%BB%D1%8F-%D0%BB%D1%8E%D0%B4%D0%B5%D0%B9-%D1%81-%D0%B8%D0%BD%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B4%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C%D1%8E.pdf> дата обращения: 25.03.2026.
11. Савин И. С. *Цифровые технологии для людей с ограниченными возможностями здоровья в Казахстане*, Вестник Института востоковедения РАН, № 3 (2024). <https://lk.ivran.ru/media/%D0%A6%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B5_%D1%82%D0%B5%D1%85%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D0%B8_%D0%B4%D0%BB%D1%8F_%D0%BB%D1%8E%D0%B4%D0%B5%D0%B9.pdf> дата обращения: 27.03.2026.
12. Отчёт Комитета труда и соцзащиты РК: выявленные нарушения в социальной защите инвалидов (январь 2023). <https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/press/news/details/233834?lang=ru> дата обращения: 29.03.2026.
13. Богатырева Ю. В. *Четвертая промышленная революция и её последствия для трудоустройства*, «Молодой учёный», № 25(315) (2020). <https://moluch.ru/archive/315/71776> дата обращения: 30.03.2026.
14. Что запрещено ИИ в Казахстане по новому закону? (2025) <https://tengrinews.kz/article/diskriminirovat-liudei-eshhe-cego-zapreshhaiut-ii-kazaxstane-3216/> дата обращения: 30.03.2026.

15. ILO Convention No 159 Vocational Rehabilitation and Employment (Disabled Persons) Convention 1983 <https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@ed_norm/@normes/documents/normativeinstrument/wcms_c159_ru.htm> дата обращения: 30.03.2026

Гизетдинова Ляйсан Рамилевна
Студент ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирясова (ИЭУП)»
г. Казань, Россия
lyaysan373@mail.ru

АНТИМОНОПОЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ: ПРОБЛЕМЫ ДОМИНИРУЮЩЕГО ПОЛОЖЕНИЯ

Аннотация: В представленной статье рассматривается антимонопольное регулирование цифровых платформ через призму проблем доминирующего положения. На сегодняшний день цифровые платформы стали неотъемлемой частью современной экономики и общественной жизни, так как с их помощью предоставляются определенные товары или услуги. Одновременно с этим, крупные цифровые платформы достаточно часто злоупотребляют доминирующим положением на рынке, чему и противодействует антимонопольное регулирование. В Российской Федерации правовое регулирование цифровых платформ с принятием «пятого антимонопольного пакета» и Федерального закона № 289-ФЗ (вступает в силу с 1 октября 2026 г.), установившего правила их функционирования, тогда как в странах ЕС - с принятием Акта о цифровых рынках. В связи с этим, в статье оценивается мировой опыт в указанном направлении и определяются основные тенденции в таковом. Формулируется вывод об отсутствии единства практики по таким делам, но наличии устойчивости и необходимости дальнейшего развития. В качестве цели выступило проведение анализа антимонопольного регулирования в отношении цифровых платформ в части недопущения злоупотребления цифровой платформой доминирующим положением. Методы: анализ, синтез и формально-юридический метод. Научная новизна исследования состоит в том, что оно основано на новом законодательстве и практике.

Ключевые слова: антимонопольное регулирование, ФАС России, цифровая платформа, злоупотребление доминирующим положением, Акт о цифровых рынках, «пятый антимонопольный пакет», Регламент ЕС, защита конкуренции, цифровая экономика, свободный доступ на рынок.

Аңдатпа: Ұсынылған мақалада цифрлық платформаларды үстем жағдай проблемаларының объективі арқылы монополияға қарсы реттеу қарастырылады. Бүгінгі таңда цифрлық платформалар қазіргі экономика мен қоғамдық өмірдің ажырамас бөлігіне айналды, өйткені олардың көмегімен белгілі бір тауарлар немесе қызметтер ұсынылады. Сонымен қатар, ірі цифрлық платформалар көбінесе монополияға қарсы реттеу қарсы болатын нарықтағы үстем жағдайды теріс пайдаланады. Ресейде бұл қызмет "бесінші монополияға қарсы пакетті" қабылдаумен, ал ЕО елдерінде цифрлық нарықтар туралы актіні қабылдаумен жанданды. Осыған байланысты мақалада көрсетілген бағыттағы әлемдік тәжірибе бағаланады және ондағы негізгі үрдістер анықталады. Мұндай істер бойынша практика бірлігінің жоқтығы, бірақ тұрақтылықтың болуы және одан әрі даму қажеттілігі туралы қорытынды тұжырымдалады. Мақсат ретінде цифрлық платформаның үстем жағдайды теріс пайдалануына жол бермеу бөлігінде цифрлық платформаларға қатысты монополияға қарсы реттеуге талдау жүргізу болды. Әдістері: талдау, синтез және ресми-құқықтық әдіс. Зерттеудің ғылыми жаңалығы-бұл жаңа заңнама мен тәжірибеге негізделген.

Түйінді сөздер: монополияға қарсы реттеу, Ресейдің ФАС, цифрлық платформа, үстем жағдайды теріс пайдалану, цифрлық нарықтар туралы Акт, "бесінші

монополияға қарсы пакет", ЕО регламенті, бәсекелестікті қорғау, цифрлық экономика, нарыққа еркін қол жеткізу.

Abstract: The presented article examines the antitrust regulation of digital platforms through the prism of the problems of dominant position. Today, digital platforms have become an integral part of the modern economy and public life, as they provide certain goods or services. At the same time, large digital platforms often abuse their dominant position in the market, which is countered by antitrust regulation. In Russia, this activity has intensified with the adoption of the "fifth antitrust package", and in the EU countries with the adoption of the Digital Markets Act. In this regard, the article assesses the global experience in this area and identifies the main trends. It concludes that there is no unified practice in such cases, but there is a need for further development. The purpose of the study was to analyze the antimonopoly regulation of digital platforms in order to prevent the abuse of a dominant position by a digital platform. The methods used were analysis, synthesis, and the formal legal method. The scientific novelty of the study lies in the fact that it is based on new legislation and practice.

Keywords: antitrust regulation, FAS of Russia, digital platform, abuse of a dominant position, Digital Markets Act, "the fifth antitrust package", EU Regulation, protection of competition, digital economy, free access to the market.

Введение

На современном этапе антимонопольное регулирование цифровых платформ стоит рассматривать через призму процесса, направленного преимущественно на то, чтобы устранить неправомерные практики тех платформ, которые занимают на рынке доминирующее положение. Это в полной мере относится и к экосистемам, которые также могут весьма существенно ограничивать конкуренцию на цифровых рынках. На основании этого можно заключить, что в качестве цели регулирования подобного рода выступает защита интересов пользователей и предотвращение злоупотреблений доминирующим положением на рынке со стороны той или же иной платформы. Стоит отметить, что понимать под цифровой платформой стоит сайты, онлайн-сервисы и приложения, через которые пользователи могут оказывать услуги, обмениваться информацией или, например, общаться. На территории Российской Федерации таких цифровых платформ множество, например, это сервисы доставки («Яндекс»), маркетплейсы («Ozon»), онлайн-площадки услуг («Авито») и сервисы бронирования («Суточно.ру»).

Основная часть

На территории России в качестве основного нормативного акта в этой сфере выступает Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 № 135-ФЗ. Особой значимостью обладают правки в данный закон, которые внесены Федеральным законом от 10 июля 2023 г. № 301-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и которые образовали так называемый «пятый антимонопольный пакет». Связано это с тем, что данные изменения позволили на законодательном уровне закрепить определения таких понятий, как «сетевой эффект» и «цифровая платформа»[1321]. О том, что законодательное регулирование таких понятий является объективной необходимостью, неоднократно подчеркивалось многими исследователями.

Суть антимонопольного регулирования цифровых платформ в Российской Федерации усматривается в применении соответствующих механизмов. Одним из них

[1321] Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред.31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31. Ст. 3434.

является то, что проводится анализ состояния конкуренции на рынке, в котором те или иные сделки осуществляются через определенные платформы. Так, антимонопольный орган (ФАС России) выявляет наличие сетевых эффектов и определяет то, есть ли у владельцев платформы возможности в сфере оказания влияния на условия обращения товара на рынке, затруднять доступ к рынку конкурентов или устранять конкурентов соответственно. Стоит отметить, что сетевые эффекты разделяются на прямые (чем больше пользователей, тем ценнее сервис) и косвенные (чем больше продавцов, тем больший интерес сервис представляет для покупателей). Также на территории Российской Федерации законодательно регламентирован запрет на злоупотребление доминирующим положением на рынке, который распространяется на все цифровые платформы. Этот запрет действует в тех ситуациях, когда одновременно выполняются следующие условия: наличие сетевого эффекта, доля сделок, которые совершаются покупателями и продавцами с помощью цифровой платформы превышает 35 % от общего объема сделок на рынке (в стоимостном выражении) и выручка такого хозяйствующего субъекта более 2 млрд. рублей за последний календарный год. К механизмам антимонопольного регулирования в указанной сфере также можно отнести расширение института экспертизы. Например, есть возможность назначить экспертное исследование в рамках государственного контроля за экономической концентрацией. Более того, в настоящее время необходимо согласовывать с ФАС России сделки экономической концентрации, если цена сделки превышает 7 млрд. рублей.

В Российской Федерации планомерно формируется практика, связанная с мерами по антимонопольному регулированию цифровых платформ. Например, в 2025 г. ФАС России вынесла предупреждение Wildberries и Ozon, так как усмотрело в поведении данных маркетплейсов признаки злоупотребления ими своим доминирующим положением на рынке, что было выражено в виде навязывания ряда невыгодных условий. В частности, оба маркетплейса могли устроить распродажу тех или иных товаров, снизив цену и не предупредив об этом продавцов. Из-за этого продавцы утратили возможность самостоятельно устанавливать цену на свой товар, а также самостоятельно ею управлять, что привело к неизбежным убыткам. После данного предупреждения маркетплейсы стали включать товары в распродажи только после получения подтверждения от продавца[1322]. Ранее, в 2023 году, ФАС России признала сервис «Яндекс Такси», доминирующим на всей территории страны и уже в 2024 г. потребовала снизить плату, которая взымалась с перевозчиков, раскрыть алгоритм ценообразования и прописать основания для блокировки пассажиров, а также водителей. Стоит отметить, что данные меры, принятые ФАС России, показали свою эффективность, так как все требования сервис выполнил в полном объеме[1323]. Таким образом, злоупотребления доминирующим положением на рынке не является на сегодняшний день какой-либо редкостью, что предопределяет актуальность, равно как значимость антимонопольного регулирования данной сферы. Интерес также представляет и дело, в котором ФАС России отказало сервису «Авито» в покупке сервиса «ЦИАН», так как ведомство вполне справедливо предположило, что такое объединение образует собой образование доминирующего субъекта на рынке и эти компании займут боле 50 % рынка, что неизбежно приведет к повышению цен за услуги, в том числе, для потребителей, которые захотят разместить на сайте

[1322] 4 февраля 2025 года Федеральная антимонопольная служба (ФАС) России вынесла предупреждения Wildberries и Ozon <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2025/02/04/1090197-fas-obyazala-skidki> дата обращения: 23.03.2026.

[1323] 4 февраля 2025 года Федеральная антимонопольная служба (ФАС) России вынесла предупреждения Wildberries и Ozon <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2025/02/04/1090197-fas-obyazala-skidki> дата обращения: 23.03.2026.

объявление о продаже или аренде недвижимости[1324]. В том случае, когда поглощения такого рода не пресекаются, цифровые платформы образуют экосистемы, сущность которых в том, что платформа выходит за рамки только одного рынка и оценка доминирования в данном случае весьма затрудняется.

Таким образом, в Российской Федерации вводится запрет на монополистическую деятельность цифровых платформ и его реализация будет более эффективной после вступления в законную силу Федерального закона от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», так как в законе прописан широкий спектр обязанностей операторов цифровых платформ (прозрачность алгоритмов, недискриминационный доступ), определен статус «партнера-исполнителя» (самозанятые, ИП) и защита от навязывания условий и ответственность за нарушения правил конкуренции (штрафы, предписания)[1325].

В этом аспекте определенный исследовательский интерес представляет зарубежный опыт в рассматриваемой сфере, в частности, опыт антимонопольного регулирования цифровых платформ в Европейском Союзе (ЕС). Значимостью для данных правоотношений обладает в этом аспекте Регламент ЕС 2022/1925 о цифровых рынках (Digital Markets Act, DMA), основной целью которого выступила борьба с различными антиконкурентными действиями операторов весьма крупных цифровых платформ. Стоит отметить, что примерами таких платформ выступают Google и Amazon[1326].

Системный анализ положений данного Регламента показывает, что ключевые цифровые платформы должны выполнять установленные обязательства, а также основные требования, которые во многом направлены на обеспечение честной конкуренции и на недопущение злоупотребления доминирующим положением на рынке. В данном регламенте прописано десять ключевых услуг, которые охвачены нормами данного документа, а также установлены ключевые критерии, на основании которых организация может быть отнесена к посредникам. Кроме того, в данном документе прописаны ключевые механизмы, направленные на осуществление контроля за соблюдением законодательных предписаний, а также урегулированы санкции за нарушения таковых. В настоящее время формируется определенная практика по итогам антимонопольного регулирования цифровых платформ в ЕС в целях недопущения злоупотребления доминирующим положением. Например, уже в 2024 г. Комиссия ЕС возбудила первые антимонопольные дела в отношении Apple и иных. Одновременно с этим, нельзя говорить о том, что законодательство ЕС и его государств-членов в сфере антимонопольного регулирования в целом и цифровых платформ в частности, является унифицированным. Однако некоторые тенденции унификации законодательства в данной сфере все же наблюдаются. Одной из них стоит признать то, что антимонопольное законодательство будет действовать даже в тех случаях, когда договоры были заключены за пределами ЕС, но оказывают влияние на торговые отношения между странами ЕС.

Также нельзя не рассмотреть Акт о цифровых рынках (Digital Markets Act) Евросоюза, а значимость данного документа связана с тем, что он вводит не только понятие, но и основные критерии «держателя цифровой инфраструктуры»

[1324] В 2021 году Федеральная антимонопольная служба (ФАС) России отказала сервису «Авито» в покупке сервиса «Циан» <https://fas.gov.ru/news/31531> дата обращения: 23.03.2026.

[1325] Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // Документ не вступил в законную силу.

[1326] Полтарыхин А.Л. Проблемы недобросовестной конкуренции на цифровых рынках // Экономика и предпринимательство. 2025. № 4(177). С.618.

(Gatekeeper)[1327]. Понимать под ним предлагают владельца крупной цифровой платформы, которая оказывает весьма значительное влияние на рынок. Отметим, что указанный документ на данных лиц накладывает широкую совокупность весьма специфических обязательств, однако именно они ограничивают явно избыточные конкурентные преимущества таких цифровых платформ и гарантируют то, что все пользователи получат свободный доступ к инфраструктуре. Очевидно, что Акт о цифровых рынках Евросоюза достаточно активно способствует регулированию деятельности всех крупных цифровых платформ, что, как показывает практика, приобретает значение на фоне планомерного развития цифровой экономики и укрепления цифровых платформ в экономике в целом. Рассмотренный ранее опыт России в указанной сфере показывает, что Российская Федерация движется в таком же направлении, что и регулирование Gatekeeper в ЕС. Обусловлено это тем, что в РФ также под контроль попали крупные цифровые платформы, оказывающие весьма существенное влияние на рынок. Так, если в ЕС это, например, Google, то в России рынок захватывает «Яндекс».

Гармонизация законодательства в этой сфере усматривается в рамках ЕАЭС, так как законодательные подходы к регулированию цифровых платформ сходны в России, Белоруссии и Казахстане. Во многом это обусловлено тем, что некоторые цифровые платформы работают во всех вышеперечисленных странах, например, это в полной мере относится к платформам Wildberries и Ozon. Для совместного регулирования данной сферы было принято Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года», однако ряд спорных и дискуссионных вопросов разрешен не был. Например, пока не совсем ясно то, какое право применять, если платформа зарегистрирована в одной стране, а продавцы – в другой?

Актуализируется вопрос разработки единых критериев значимой цифровой платформы, причем не только в рамках ЕАЭС или ЕС, но и на территории Российской Федерации. В рамках ЕАЭС это позволило бы обеспечить согласованное регулирование цифровых рынков на пространстве ЕАЭС, избежать ситуаций, когда одна и та же платформа подпадает под разные требования в разных странах, что ведёт к двойным штрафам или другим конфликтам, создать равные условия для бизнеса, особенно для компаний, работающих в нескольких государствах-членах; эффективнее защищать права потребителей в трансграничных сделках; упростить взаимодействие антимонопольных органов стран ЕАЭС при проведении служебных расследований. В связи с этим, это является основным предложением для стран-участниц ЕАЭС. Кроме того, это позволит сблизить законодательство ЕАЭС, ЕС и РФ в данной сфере, так как в ЕС критерии значимой цифровой платформы уже в полной мере разработаны.

Международный статус регулирования цифровых платформ свое проявление находит в том, что многие страны, например, Австрия и Германия, сегодня ввели в свое антимонопольное законодательство изменения, которые непосредственно связаны с ключевыми особенностями функционирования цифровых рынков. В то же время, другие государства в полной мере учли особенности конкуренции в рамках цифровой эпохи и закрепили данные особенности в своих подзаконных актах и рекомендациях. Например, положительно оценивается в данном аспекте опыт таких стран, как Япония и Южная Корея. Так, в Японии в 2024 г. приняли новый закон, ограничивающий возможности Apple и Google, выступающих в качестве достаточно крупных технологических компаний. Сразу несколько актов было принято и в Южной

[1327] Саяпин С.П. Адаптация права Европейского Союза к специальному антимонопольному регулированию цифровых платформ // Юридическая наука. 2025. № 5. С.279.

Корее[1328]. Примером является Закон о регулировании монополий и добросовестной торговле, в котором содержится полный перечень видов недобросовестной деловой практики. Применяется данный закон и для наложения санкций за злоупотребления онлайн-платформами своим доминирующим положением на рынке. Также в данной стране были внесены поправки в Закон о телекоммуникационном бизнесе, которые были направлены на противодействие доминированию крупных сервисов. Особое внимание снова было уделено Apple и Google и власти обязали данные платформы разрешить использование сторонних платежных систем в их магазинах с приложениями. Также в стране применяется руководство по проверке онлайн-платформ на предмет злоупотребления своим доминирующим положением. Ввела данные проверки Комиссия по справедливой торговле (Korea Fair Trade Commissio). Рассматривая опыт такой страны, как США, стоит отметить, что в указанной стране антимонопольное регулирование цифровых платформ также направлено на то, чтобы защитить конкуренцию на цифровых рынках, в том числе, с учетом основных особенностей цифровых платформ. Основными нормативными актами в данной сфере признают Закон Шермана, Закон Клейтона и Закон Федеральной торговой комиссии США[1329].

Заключение

Таким образом, антимонопольное регулирование цифровых платформ в целях недопущения злоупотреблений доминирующим положением применяется во всем мировом сообществе. На территории Российской Федерации оно активизировалось на фоне принятия «пятого антимонопольного пакета», эффективность которого оценивается по-разному. Так, если юристы и эксперты отмечают, что данные поправки способны обеспечить эффективность антимонопольного контроля в условиях цифровых рынков, то представители IT-сферы настаивают на том, что изменения в данном случае предоставляют ФАС России слишком широкие полномочия, а их реализация способна весьма существенно осложнить работу цифровых сервисов. Полагаем, что однозначные выводы сделать пока весьма затруднительно, так как практика применения «пятого антимонопольного пакета» только начинает формироваться, а судебная практика не сформирована вообще. Стоит отметить тот факт, что правовое регулирование данной сферы перешло от общего запрета злоупотреблений к отраслевому регулированию платформ, а в будущем намечается ужесточение контроля за экосистемами и использованием данных. В связи с этим, бизнесу рекомендуются обращать особое внимание на то, как ими соблюдается антимонопольное законодательство и учитывать положения такового при развитии цифровой платформы.

Опыт зарубежных стран показал, что так или иначе, антимонопольное регулирование цифровых платформ осуществляется в каждой стране. Несмотря на то, что многие исследователи говорят о том, что в ЕС законодательство в данной сфере является унифицированным и эффективным, есть и иные точки зрения, в соответствии с которыми, говорить об унификации актов ЕС в данной сфере не представляется возможным. Полагаем, что по истечении времени данная ситуация может коренным образом измениться, так как цифровая экономика только набирает свои обороты и на фоне развития цифровых платформ будут развиваться и

[1328] Бахмудов Д.М. Доминирующее положение цифровых платформ: понятие и правовые аспекты антимонопольного регулирования // Право и бизнес. 2025. № 4. С. 46.

[1329] Климатинская Д.О. Государственное регулирование цифровых платформ и экосистем // В книге: Цифровизация правосудия: проблемы и перспективы. Сборник научных трудов по итогам конференции. Москва. 2025. С.211.

законодательные акты в данной сфере, в том числе, на территории Российской Федерации.

Явным недостатком антимонопольного регулирования цифровых платформ на территории России является то, что данным регулированием не охвачены мессенджеры и социальные сети, в то время как сегодня некоторые из них образуют собой полноценные цифровые платформы и также могут допускать различного рода проявления злоупотребления доминирующим положением на рынке. Определенные сложности усматриваются в том, что на практике возникают сложности контроля за алгоритмами искусственного интеллекта (ИИ) внутри платформ, что обусловлено тем, что алгоритмы ИИ в целом не отличаются прозрачностью и ясностью. В целях совершенствования правового регулирования данной сферы стоит предложить то, чтобы планомерно усиливать общественный контроль за цифровыми платформами, так как многие проверки инициируются после массовых жалоб пользователем (так, в социальных сетях граждане нередко просят власть обратить внимание на то, что сервис «Яндекс» необоснованно завышает цены на такси в случае объявления беспилотной опасности или при неблагоприятных погодных условиях). Также стоит ввести обязательную сертификацию алгоритмов ранжирования и создать реестр значимых цифровых платформ, что позволит государству осуществлять за ними более тщательный контроль и при необходимости предоставлять меры поддержки.

Стоит улучшать законодательные акты Российской Федерации путем имплементации самых передовых и уже доказавших свою эффективность механизмов. В будущем эта практика позволит позиционировать законодательство России как самое эффективное в данной сфере.

Список литературы:

1. Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред.31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31. Ст. 3434.
2. Бахмудов Д.М. Доминирующее положение цифровых платформ: понятие и правовые аспекты антимонопольного регулирования // Право и бизнес. 2025. № 4. С. 44-49.
3. Климатинская Д.О. Государственное регулирование цифровых платформ и экосистем // В книге: Цифровизация правосудия: проблемы и перспективы. Сборник научных трудов по итогам конференции. Москва. 2025. С.209-214.
4. Полтарыхин А.Л. Проблемы недобросовестной конкуренции на цифровых рынках // Экономика и предпринимательство. 2025. № 4(177). С.616-622.
5. Саяпин С.П. Адаптация права Европейского Союза к специальному антимонопольному регулированию цифровых платформ // Юридическая наука. 2025. № 5. С.277-281.
6. 4 февраля 2025 года Федеральная антимонопольная служба (ФАС) России вынесла предупреждения Wildberries и Ozon <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2025/02/04/1090197-fas-obyazala-skidki> дата обращения: 23.03.2026.
7. В ноябре 2023 года Федеральная антимонопольная служба (ФАС) России установила, что «Яндекс Такси» занимает доминирующее положение на территории РФ <https://fas.gov.ru/publications/24192> дата обращения: 23.03.2026.
8. В 2021 году Федеральная антимонопольная служба (ФАС) России отказала сервису «Авито» в покупке сервиса «Циан» <https://fas.gov.ru/news/31531> дата обращения: 23.03.2026.
9. Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // Документ не вступил в законную силу.

Даутбай Альтаис Назымқызы
Студентка 2 курса образовательной программы «Юриспруденция»
Высшая школа права Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республика Казахстан
e-mail: a_dautbay@kazguu.kz

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА ЛИЦ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ

Аннотация

Представленное исследование посвящено анализу правового регулирования труда лиц с инвалидностью в Республике Казахстан (далее - РК), сопоставлению национальных норм с международными стандартами (включая глобальную Конференцию ООН о правах инвалидов, ст. 27) и зарубежной практикой. Выявлены ключевые практические проблемы (недостаточная адаптация рабочих мест, проблемы доказывания дискриминации, дефицит механизмов принуждения работодателей) и предложены практико-ориентированные рекомендации по совершенствованию законодательства РК и практики правоприменения. В работе использованы нормативные акты РК, материалы национальной статистики и аналитики, судебная практика, научная литература и международные документы.

Ключевые слова: инвалидность, лица с особыми потребностями, инклюзия, трудоустройство лиц с инвалидностью, проблемы в регулировании труда, дискриминация в трудовом праве.

Annotation

The presented research is devoted to the analysis of the legal regulation of the work of persons with disabilities in the Republic of Kazakhstan (hereinafter - RK), the comparison of national norms with international standards (including the UN Global Conference on the Rights of Persons with Disabilities, art. 27) and foreign practice. Key practical problems have been identified (insufficient adaptation of workplaces, problems of proving discrimination, lack of enforcement mechanisms for employers) and practice-oriented recommendations for improving legislation and law enforcement practice have been proposed. The work uses regulatory acts of the Republic of Kazakhstan, materials of national statistics and analytics, judicial practice, scientific literature and international documents.

Keywords: disability, persons with special needs, inclusion, employment of persons with disabilities, problems in labor regulation, discrimination in labor law.

Аннотация

Ұсынылған зерттеу Қазақстан Республикасында (бұдан әрі - ҚР) мүгедек адамдардың еңбегін құқықтық реттеуді талдауға, ұлттық нормаларды халықаралық стандарттармен (БҰҰ-ның Мүгедектердің құқықтары туралы Жаһандық конференциясын қоса алғанда, 27-бап) және шетелдік практикамен салыстыруға арналған. Негізгі практикалық проблемалар анықталды (жұмыс орындарының жеткіліксіз бейімделуі, кемсітушілікті дәлелдеу мәселелері, жұмыс берушілерді мәжбүрлеу тетіктерінің тапшылығы) және заңнаманы және құқық қолдану практикасын жетілдіру бойынша тәжірибеге бағдарланған ұсынымдар ұсынылды. Жұмыста ҚР нормативтік актілері, Ұлттық статистика және талдау материалдары, сот практикасы, ғылыми әдебиеттер және халықаралық құжаттар пайдаланылды.

Түйінді сөздер: мүгедектік, ерекше қажеттіліктері бар адамдар, инклюзия, мүгедек адамдарды жұмысқа орналастыру, еңбекті реттеудегі проблемалар, еңбек құқығындағы кемсітушілік.

Введение

В модернизированном обществе охрана и защита прав трудящихся является одной из важнейших функций каждого современного государства. Права лиц с инвалидностью и их участие в экономической жизни государства является важнейшим индикатором социальной политики и соблюдения международных обязательств. В условиях построения грамотно функционирующего социального государства, защита трудовых прав лиц с ограниченными возможностями является одной из ключевых задач государственной политики. Республика Казахстан присоединилась к прогрессивному сообществу и взяла на себя обязательства по обеспечению равного доступа лиц с инвалидностью к труду наравне с другими гражданами, путём ратифицирования Конвенции ООН о правах инвалидов (далее – КПИ) в 2015 г. Важнейшее значение имеет ст. 27 КПИ, которая запрещает дискриминацию в сфере труда по любым признакам и обязывает государство формировать условия для эффективной занятости лиц с инвалидностью, обеспечивать им равный доступ к труду и условиям занятости, соответствующим достойной жизни.

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что лица с инвалидностью продолжают сталкиваться с определёнными барьерами при трудоустройстве, к примеру: отсутствие адаптации среды к их возможностям, недостаточное количество рабочих мест, а также сложности с прохождением медико-социальных комиссий, что несомненно вызывает острую необходимость в кротчайшие сроки обратить внимание на укоренившуюся проблему в профессиональной деятельности. По данным Министерства труда и социальной защиты РК: «148 тысяч человек или 39% из числа трудоспособных лиц с инвалидностью обеспечены занятостью. По словам министра, уровень занятости лиц с инвалидностью по регионам не достигает и 50%».[1330] Социальная и финансовая поддержка лиц с инвалидностью также является актуальным вопросом. Так в ст. 177 Социального кодекса РК (далее – СК РК) указано, что лица с инвалидностью первой и второй групп получают только 2,20 и 1,76 от прожиточного минимума.[1331] Тогда как в «большинстве стран ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития) среди неработающих людей с инвалидностью около 80% получают ту или иную форму выплаты поддержки дохода».[1332]

Цель данной научной работы – провести комплексное исследование и анализ особенностей правового регулирования труда лиц с инвалидностью в Республике Казахстан, выявить основные проблемы правоприменения и препятствия в реализации прав, а также предложить пути совершенствования законодательства РК в данной сфере.

Задачи исследования:

1. Проанализировать действующее законодательство РК по вопросам правового регулирования труда лиц с инвалидностью, а также провести сравнительно-правовой анализ законодательства РК и ЗС в данной сфер;
2. Исследовать международно-правовые стандарты защиты трудовых прав лиц с особыми потребностями, включая положения КПИ (ст. 27) и Конвенции МОТ № 159, и определить степень их имплементации в национальное законодательство РК;
3. Изучить судебную практику по трудовым спорам с участием лиц с инвалидностью и практику признания дискриминации;
4. Оценить исполнение механизмов поддержки лиц с особыми потребностями, а также разработать предложения по совершенствованию

[1330] «39% лиц с инвалидностью имеют работу». Ищанов Д. <https://www.inform.kz/ru/39-lits-sinvalidnostyu-imeyut-rabotu-mintruda-rk-5b4d66>.

[1331] Социальный кодекс РК от 20 апреля 2023 г. https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2300000224.

[1332] «Disability, Work and Inclusion» (11.10.2022); https://www.oecd.org/en/publications/disability-work-and-inclusion_1eaa5e9c-en.html.

национального законодательства, направленные на повышение эффективности правового регулирования труда лиц с инвалидностью.

Методологическую основу исследования составили общенаучные (анализ, синтез, дедукция, обобщение и статистический метод) и частно-научные методы познания (формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой).

Объектом исследования являются общественные правоотношения, возникающие при регулировании труда лиц с инвалидностью.

Предмет исследования составили нормы казахстанского трудового законодательства, КПИ, Конвенции МОТ № 159, материалы судебной практики, а также статистические данные.

Основная часть

1. Понятие и правовой статус лиц с инвалидностью.

Современные тенденции в развитии трудового права свидетельствуют о смещении его акцентов от защиты интересов работодателя к обеспечению социальной справедливости, антидискриминации и инклюзии. Одним из ключевых направлений этих процессов и является регулирование труда лиц с инвалидностью, где вступают в дискуссию правовые, социальные и экономические аспекты.

«Компания Med365 изучила, как изменялось количество людей с инвалидностью в Казахстане с 2011 по 2023 гг. За этот период число людей с особыми потребностями выросло на 28,7%, достигнув 725 тысяч человек. Наиболее интенсивный рост наблюдался в период с 2011-го по 2013 г., когда число людей с инвалидностью увеличилось на 11,3% и достигло 626 740 человек. Затем, с 2014-го по 2016 г., темпы роста замедлились до 3,9%. В 2017-2019 гг. рост снова ускорился, составив 4,9%. в последние три года, с 2020-го по 2023-й, наблюдается стабильный прирост на уровне около 4,3% ежегодно. Эти данные демонстрируют устойчивую тенденцию к увеличению числа людей с особыми потребностями».[1333] В РК по данным «Forbes» процент людей с особыми потребностями достигшие трудоспособного возраста составляет 58,7% (или же 422 564 человек), однако уровень их занятости значительно варьируется по регионам, находясь в пределах от 18 до 42%.[1334]

Занятость лиц с особыми потребностями, по мнению З.Т. Мышбаевой, «играет ключевую роль в повышении качества жизни и их вовлеченности в общественную жизнь, поскольку они несут дополнительные расходы на медицинские услуги, специализированное оборудование, транспорт и другие вспомогательные средства, что является значительной нагрузкой на их бюджет».[1335]

Понятие «инвалидность» в современном праве приобрело не только сугубо медицинский характер, а стало рассматриваться как комплексное социальное явление, связанное с ограничением возможностей участия не только в трудовой, но и в других сферах общественной жизни.

Согласно пп. 106) п. 1 ст. 1 СК РК «лицом с инвалидностью признается лицо, имеющее нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, увечьями (ранениями, травмами, контузиями), их последствиями, нарушениями, которое приводит к ограничению жизнедеятельности и необходимости его социальной защиты».[1336]

[1333] «Число людей с инвалидностью в Казахстане выросло за 12 лет почти на треть»; <https://forbes.kz/articles/chislo-lyudey-s-invalidnostyu-v-kazahstane-vyroslo-za-12-let-pochti-na-tret-f2e56>

[1334] «Число людей с инвалидностью в Казахстане выросло за 12 лет почти на треть»; <https://forbes.kz/articles/chislo-lyudey-s-invalidnostyu-v-kazahstane-vyroslo-za-12-let-pochti-na-tret-f2e56>

[1335] Мышбаева З.Т. Государственное регулирование занятости лиц с особыми потребностями в РК: дисс. на соискание степени доктора философии (PhD). - Алматы, 2025. - С. 4.

[1336] Социальный Кодекс РК. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2300000224>

Для обеспечения прав и законных интересов лиц с инвалидностью в РК действует многоуровневая система защиты, в 2015 г. Казахстан ратифицировал КПИ и взял на себя обязательства по обеспечению надлежащей охраны и защиты прав и свобод лиц с инвалидностью без дискриминации.[1337]

В 2023 г. Казахстан ратифицировал Факультативный протокол к КПИ, который предусматривает признание компетенции Комитета по правам инвалидов ООН в принятии и рассмотрении индивидуальных жалоб граждан с особыми потребностями в соответствии с международными нормами.[1338]

В 2019 г. в РК для реализации принятых Казахстаном обязательств в связи с ратификацией КПИ и формирования инклюзивного общества был принят «Национальный план по обеспечению прав и улучшению качества жизни лиц с инвалидностью в РК до 2025 года».[1339]

«Несмотря на усилия Казахстана в области защиты прав людей с инвалидностью и обеспечения равенства возможностей, существует значительный разрыв в уровне занятости между людьми с инвалидностью и без инвалидности, который составляет 35%. Для сравнения, в странах с высоким уровнем развития этот показатель колеблется от 23.2% до 28%».[1340]

Мы считаем, что признание равнозначных прав инвалидов на труд является основным показателем государства, в основе которого лежит социальная справедливость, что требует анализа причин ограничивающих участие лиц с инвалидностью в трудовой деятельности, а также необходимости формирования научно обоснованных предложений по совершенствованию государственной политики в сфере их занятости.

Таким образом, категория «труд инвалидов» приобретает двойственную природу, ведь с одной стороны, это является проявлением свободы труда, а с другой стороны - это особый вид охраняемого трудового отношения, требующего специальных гарантий постоянного характера.

2. Анализ нормативно-правового регулирования труда лиц с инвалидностью в РК

Современная доктрина трудового права ориентируется на гуманизацию регулирования труда, что выражается в качестве норм, регулирующих данную тему, и в признании человека основной ценностью и целью правовой системы. Эти принципы находят прямое выражение как в Конституции РК, так и в отраслевых нормативных актах, такие как Трудовой и Социальный кодексы, а также международных договорах, обязательных для Казахстана. Регулирование труда инвалидов представляет собой самостоятельный сегмент трудового права, отличающийся расширенным объёмом гарантий, специальным правовым режимом труда и системой государственных обязательств, имеющих строгую юридическую силу.

Национальные и международные гарантии:

КПИ в ст. 27 признает право инвалидов на труд наравне с другими и обязывает государства принять меры, направленные на:

- запрещение дискриминации по признаку инвалидности;

[1337] Закон РК от 20 февраля 2015 г. № 288-V ЗРК «О ратификации Конвенции о правах инвалидов»; <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000288>.

[1338] Закон РК от 7 июня 2023 г. № 8-VIII ЗРК «О ратификации Факультативного протокола к Конвенции о правах инвалидов»; <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000008>.

[1339] Постановление Правительства РК от 28 мая 2019 г. «Об утверждении Национального плана по обеспечению прав и улучшению качества жизни лиц с инвалидностью в РК до 2025 г.» <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000326>.

[1340] Мышбаева З.Т. Государственное регулирование занятости лиц с особыми потребностями в РК: дисс. на соискание степени доктора философии (PhD). - Алматы, 2025. - С. 4.

- защиту прав инвалидов на справедливые и благоприятные условия труда;
- обеспечение трудовых и профсоюзных прав;
- расширение возможностей для трудоустройства инвалидов;
- наем инвалидов в государственном секторе и др.

Конституция РК

Конституция РК выступает фундаментальным основанием всей системы правового регулирования труда, закрепляя базовые принципы равенства, недискриминации и уважения человеческого достоинства, которые имеют прямое значение для статуса лиц с инвалидностью как участников трудовых отношений.

Прежде всего ст. 14 Конституции РК является ключевой, поскольку в ней закреплён принцип равенства людей перед законом и судом, также она запрещает дискриминацию по любым основаниям. Статья 28 Конституции является не менее важной, поскольку она устанавливает право граждан на социальное обеспечение в случае инвалидности. Статья 24 Конституции РК гарантирует каждому гражданину право на труд, свободный выбор рода деятельности без какой-либо дискриминации. Таким образом, возможность равного труда выступает не привилегией, а конституционно закреплённым правом.

Трудовой кодекс РК (далее - ТК РК)

ТК РК формирует комплекс специальных норм и закрепляет дифференцированный правовой статус работников с инвалидностью. Данный нормативно правовой акт содержит развёрнутые гарантии равного права на труд, запрет уничижительного обращения по отношению к лицам с ограниченными возможностями, а также обеспечивает людям с особенностями специальные гарантии:

1) Гарантии равенства прав и возможностей при заключении трудового договора. Статья 25 ТК РК запрещает нарушение принципа равных прав при заключении трудового договора. Инвалидность не является основанием для отказа при трудоустройстве.

2) Специальный режим рабочего времени. Пунктом 3 ст. 69 ТК РК установлено императивная норма о сокращённой продолжительности рабочего времени для работников 1-2 групп инвалидности, что составляет не более 36 часов в неделю. Также предусмотрено ограничение продолжительности ежедневной смены до семи часов. Это норма несёт в себе социально-правовой характер, и направлена на предотвращение угрозы здоровью лицам с инвалидностью, что отражает принцип «наибольшего благоприятствования» при создании условий труда.

3) Пункт 3 ст. 28 ТК РК устанавливает, что трудовой договор, заключенный с лицом с особыми потребностями должен содержать в себе условия по оборудованию рабочего места с учётом индивидуальных потребностей работника. Эта норма формирует правовую обязанность работодателя не просто предоставить рабочее место работнику с инвалидностью, а создать специально адаптированную трудовую среду, отвечающее конкретным потребностям работника.

4) Статья 75 ТК РК прямо запрещает применение суммированного учёта рабочего времени в отношении работников 1 группы инвалидности. Это обусловлено тем, что суммированный учёт может сопровождаться интенсивными графиками и сменностью, что потенциально опасно для работников с существенными ограничениями здоровья.

5) Пункт 3 ст. 76 ТК РК вводит специальный механизм привлечения инвалидов к ночным работам - исключительно при наличии письменного согласия и медицинского заключения. Норма направлена на предупреждение ситуаций, в которых лицо с инвалидностью привлекается к обстоятельствам, представляющим потенциальный риск.

6) Льготы в отношении сверхурочных работ. Статья 77 императивно запрещает привлечение инвалидов 1-2 групп к сверхурочной работе, что дополнительно устраняет угрозы ухудшения состояния здоровья и выступает проявлением охранительной функции трудового права и др.

Социальный кодекс РК

СК РК представляет собой системообразующий акт, консолидирующий правовые нормы, связанные с обеспечением социальных прав граждан, включая лиц с инвалидностью. Для целей исследования особенностей регулирования труда лиц с особыми потребностями ключевое значение имеют положения о социальных выплатах, государственных пособиях, а также квотировании рабочих мест и создания специальных рабочих мест:

1) Принципы социальной политики в отношении инвалидов. Статья 4 СК РК провозглашает, что государственная политика основывается на признании лиц с инвалидностью равноправными участниками общественных отношений и обеспечении недискриминационного подхода и реализации своих возможностей (в том числе и в трудовой сфере).

2) Статья 171 СК РК устанавливает комплексный механизм государственного обеспечения, который имеет прямое значение для регулирования труда лиц с инвалидностью, поскольку наличие социальной выплаты снижает риск эксплуатации, т.к. работники с инвалидностью не зависят исключительно от заработка.

3) Статья 175 СК РК определяет право на государственное социальное пособие и порядок его получения. Эта норма является базовой для определения статуса лица с инвалидностью и его правовых гарантий в сфере труда.

4) Статья 107 СК РК является центральным элементом системы регулирования занятости лиц с инвалидностью, поскольку вводит императивные обязанности государства и работодателей, направленные на развитие инклюзивного рынка труда. Статья 107 СК РК конкретизирует механизм квотирования и обязанности работодателей, являясь ключевой нормой активной трудовой политики, обеспечивающей действительное включение инвалидов в рынок труда.

Таким образом, анализ нормативно-правовых положений СК РК демонстрирует, что Республика Казахстан выстраивает систему защиты трудовых прав лиц с инвалидностью на фундаменте базовых правовых принципов, таких как равенство, свобода труда и недискриминация. Эти нормы обладают верховенством и императивным характером, распространяющимся на все субъекты трудовых отношений, так что их нарушение должно нести за собой ответственность, предусмотренную санкциями закона. Как отмечал М.К. Хасенов, «Законодательными актами устанавливается юридическая ответственность за нарушение норм законодательства. Ответственность является одним из главных условий эффективности правового регулирования, обеспечения законности и правопорядка».[1341]

3. Практика применения: статистика и проблемы исполнения

Несмотря на правовую базу и существование норм о защите прав лиц с особыми потребностями, судебная практика в делах о защите трудовых прав лиц с инвалидностью в Казахстане остаётся ограниченной. Факт обусловлен не только недостаточной правовой осведомлённостью и нехваткой квалифицированной помощи, но и сложностью доказывания трудовых нарушений - особенно в вопросах переработки, необоснованного привлечения к сверхурочной работе, дискриминации и прочему неподобающему поведению в отношении лиц с особыми потребностями не только в трудовой и социальной сферах, но и в общественной жизни.

[1341] Хасенов М.К «Трудовое право РК». В 3-х томах. Том 1. Общая часть: учебник. - Алматы: Smart University Press, (2023) - с. 323. <https://megapro.mnu.kz/MegaPro/Web/SearchResult/ToPage/1>

В своей статье Л.Н. Нацун отмечал, что «Полноценное участие людей с инвалидностью в производстве экономических благ отвечает не только их собственным интересам, но и интересам общества в целом, обеспечивая ему дополнительные трудовые ресурсы, повышая общий уровень благосостояния, спрос на потребительские товары, снижая иждивенческую нагрузку на работающих граждан».[1342]

Эффективность механизма правовой защиты уязвимых групп работников зависит не только от качества законодательства, но и от способности работника доказать факт нарушения, который в трудовой сфере зачастую скрыт в управленческих процедурах работодателя. Данная проблема ярко проявляется в спорах, связанных со сверхурочной работой инвалидов.

Сама по себе переработка должна быть добровольной, осуществляться по письменному согласию работника и фиксироваться работодателем (ст. 77, ст. 79 ТК РК), а лица с инвалидностью первых и вторых групп по закону не могут привлекаться к сверхурочному труду вовсе (ст. 77 ТК РК). Однако, как показывает анализ судебной практики, именно отсутствие надлежащего документирования ведёт к проигрышу истцов.

Ярким примером является рассмотренное районным судом № 2 Казыбекбийского района г. Караганды дело по иску Сейдигазимовой Г.К. (лицо с инвалидностью второй группы) о взыскании заработной платы за переработанное ей время с АО «Страховая компания «Евразия».

Сутью спора являлось нарушение права лица с инвалидностью на сокращённый рабочий день. Истец утверждала, что в трудовом договоре были прописаны условия семичасового рабочего дня, однако ей приходилось работать с 09:00 до 19:00 под страхом увольнения, включая субботние и праздничные дни, что сверх установленного для неё сокращённого рабочего времени (7 часов в день). Суд, ссылаясь на п.3 ст.69, ст. 77, 79 ТК РК, указал, что инвалидам первой и второй группы устанавливается сокращённая продолжительность рабочего времени и они не могут быть допущены к сверхурочной работе.

Однако, суд отказал в иске, сославшись на то, что по табелям учёта рабочего времени истец работала в пределах 7-ми часового дня, а результаты проверки Управления социального благосостояния нарушений не выявили. Суд не рассмотрел рабочий журнал, в котором фиксировалось фактическое время работы до 19:00, расценив более длительное пребывание как личную инициативу работника для получения премии, а не сверхурочную работу.

С решением суда мы вынуждены не согласиться, данный пример демонстрирует, что при наличии уязвимого статуса (инвалидности первой или второй группы) и утверждений о вынужденной переработке под страхом увольнения, суд исходит из формального учёта рабочего времени работодателя и возлагает на истца высокий стандарт доказывания нарушения прав. С одной стороны, суд последовательно применил нормы ТК РК о сокращенной продолжительности рабочего времени и недопустимости сверхурочной работы для инвалидов; с другой прослеживается игнорирование альтернативных доказательств, которые имеют весомую силу в пользу работника. В результате мы приходим к выводу, что реальная защита специальной гарантии (запрет сверхурочной работы для инвалидов) продолжает оставаться в декларативной плоскости.

Согласно п. 5 ст. 1 Закона РК «О социальной защите лиц с инвалидностью» (далее – Закон) важным элементом в признании лица инвалидом является медико-

[1342] Нацун Л.Н. «Поддерживаемое трудоустройство» инвалидов: обзор мирового опыта; Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. (2017) Т. 16, № 4. - С. 664. DOI: 10.15826/vestnik.2017.16.4.032. <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/66379/1/vestnik_2017_4_010_.pdf>

социальная экспертиза, определяющая группу инвалидности и степень ограничения трудовой деятельности. На практике вывод комиссии определяет возможность занимать определённые профессии, что нередко становится барьером, хотя КПИ запрещает дискриминационное ограничение видов деятельности. Барьеры в доказывании дискриминации являются недопустимым упущением современного общества: суды нередко отказывают лицам с инвалидностью в удовлетворении их исков и проявляют высокую доказательную планку, требуя нарушения конкретных норм, а не факта дискриминации. Это подтверждается анализом правоприменительной практики, к примеру, дополняющим наше комплексное исследование является решение Межрайонного суда по гражданским делам г. Шымкента от 24 мая 2024 г. по делу № 5242-24-00-2/4873, по иску Азимбаева Р.Ф. (являющегося инвалидом 3 группы) к ТОО «Шымкентцемент».

В данном решении Межрайонного суда прослеживается аналогичный подход, как и в предыдущем случае, дело показательно для понимания и углубления анализа практического положения работников с инвалидностью в Казахстане.

Истец заявлял требования, прося изменить основания прекращения трудового договора для сохранения репутации, выплату компенсаций, взыскании оплаты за переработку, доплате за совмещение, компенсации морального вреда, предоставив комплексный иск. Суд, анализируя пп. 2 п. 1 ст. 30, пп. 2 ст. 49, ст. 51 ТК РК, признал законным прекращение трудового договора по истечению срока: работодатель уведомил работника надлежащим образом, трудовые отношения были продлены не более двух раз, а волеизъявление работника на дальнейшее их продление не доказано. Тем самым суд подтвердил, что истечение срока трудового договора само по себе является достаточным основанием для прекращения, даже в отношении работника с инвалидностью, если не нарушены процессуальные условия уведомления.

В части требований о переработке суд указал, что п. 3 ст. 69 ТК РК распространяется на инвалидов первых и вторых групп, а у истца подтверждённая 3 группа инвалидности, при этом в его справке и медосмотрах нет указаний на необходимость сокращения рабочего дня. Суд подчеркнул, что для применения ограничений по времени работы инвалидов 3 группы требуется соответствующее заключение специализированной комиссии (экспертной профпатологической), которого предоставлено не было. Таким образом, отсутствие заключения и отсутствие прямого указания в ТК РК о сокращённой продолжительности рабочего времени для инвалидов 3 группы привело к отказу в признании переработки и, соответственно, в удовлетворении требований истца.

Требования о доплате за совмещение были отклонены, суд исходил из ст. 111 ТК РК и указал, что работодатель, назначив истцу дополнительную функцию и оформив распоряжение о доплате в размере 1 000 000 тенге, соблюл требования закона. Истец ознакомился с приказом и письменно указал, что претензий по периоду и размеру доплаты не имеет. При таких обстоятельствах суд отказал в требованиях о дополнительной оплате и в компенсации морального вреда.

Азимбаев Р.Ф. описывал свойственную для многих лиц с потребностями ситуацию: формально он работал «по графику», но фактически вынужден был принимать расширенные условия труда и дополнительную ответственность, противоречащие ТК РК, под страхом потерять работу. В иске гражданин указывал, что ему пришлось выполнять дополнительную работу, потому что «боялся потерять работу».

Таким образом, оба дела демонстрируют важные выводы для нашего внимания:

1. Формализм в оценке доказательств.

Даже при очевидной уязвимости истцов (инвалидность 2 и 3 групп) суды придают решающее значение «официальным» документам работодателя и крайне осторожно относятся к признанию нарушения трудовых прав инвалидов.

2. Жёсткий подход к применению специальных гарантий.

В деле Сейдигазимовой Г.К. суд признает существование запрета на сверхурочную работу для инвалидов первых и вторых групп, но фактически выносит решение в пользу работодателя, оставляя работника без защиты из-за отсутствия «правильной» фиксации переработок. В деле Азимбаева Р.Ф. суд подчёркивает, что лица с инвалидностью не пользуются автоматическим сокращением рабочего времени и дополнительными гарантиями, если это не предусмотрено прямым заключением.

3. Высокий стандарт доказывания со стороны лица с инвалидностью.

В обоих случаях ключевым мотивом является отсутствие достаточных, по мнению суда, доказательств нарушения: ни один из истцов не смог преодолеть презумпцию законности действий работодателя, даже при наличии журналов, жалоб и собственных показаний.

Также показательным для исследования является решение Алматинского районного суда г. Астаны от 30 июня 2021 г. по делу № 7111-21-00-2/853 по иску Токбергенова О.А. к ТОО «Ырыс Батыс 3». В результате несчастного случая на производстве истец получил тяжёлую травму, ему была установлена инвалидность 3 группы, однако работодатель на протяжении длительного периода времени не составлял акт о несчастном случае, фактически лишая работника возможности определения степени утраты профессиональной трудоспособности и получения выплат. Несмотря на формальный гражданско-правовой договор, суд признал сложившиеся между работником и работодателем отношения трудовыми и обязал ответчика составить необходимый акт о несчастном случае и также взыскал компенсацию морального вреда, но отказал во взыскании утраченного заработка до пенсионного возраста, сославшись на то, что инвалид 3 группы сохраняет возможность трудиться в обычных условиях.

Становится очевидным, что на практике инвалидность третьей группы практически не даёт дополнительных гарантий ни по времени работы, ни по компенсации, и хоть нормы ТК РК, СК РК и КПИ декларируют защиту - на практике работник с тяжёлой травмой и инвалидностью вынужден через суд добиваться даже базового акта о несчастном случае. Важно отметить, что без правильно оформленного акта о несчастном случае последующее регулирование труда и удовлетворение требований потерпевшего становятся почти невозможными.

Данный казус демонстрирует и потенциал трудовой защиты, ведь суд как частично удовлетворил иск истца, так и одновременно предоставляет возможность увидеть ограниченность существующей модели гарантий для инвалидов 3 группы, которых закон формально относит к «способным к труду», не учитывая реальную степень их уязвимости.

Критически важным аспектом регулирования труда инвалидов является не только защита уже работающих лиц с инвалидностью, но и обязанность работодателя по интеграции лиц с особыми потребностями в трудовую сферу после профессионального заболевания или травмы, полученной в результате рода деятельности.

Наглядным для рассмотрения является решение районного суда № 2 Казыбекбийского района г. Караганды от 3 февраля 2017 г. по заявлению ТОО «Корпорация Казахмыс» к государственному инспектору труда Карагандинской области Корабаеву Н.И.

Исходя из фабулы кейса, у двух работников Битабарова У.Ж. (подземный машинист и проходчик) и Улкенбаева Б.М. были установлены профессиональные

заболевания по вине работодателя, вследствие чего им была установлена инвалидность 3 группы и утрата профессиональной трудоспособности в размере 60% и 70%. Трудовые договоры расторгнуты по собственному заявлению работников, но исходя из их показаний увольнение носило вынужденный характер, ведь после выхода с больничного им сообщили, что «по состоянию здоровья работы для них нет». Оформив Индивидуальные программы реабилитации, работники обратились с заявлением о заключении новых трудовых договоров, на что получили отказ под предлогом отсутствия вакансий.

Государственный инспектор труда провёл проверку по жалобе работников и вынес предписание, указав на нарушения по ст. 25 ТК РК (запрет дискриминации и ограничения права на труд по мотивам инвалидности), а также по ст. 34 Закона (обязанность работодателя обеспечить инвалидам от трудового увечья и профессионального заболевания профессиональное обучение, переобучение и создание специальных рабочих мест).

Правовая позиция суда в данном вопросе относится с приоритетом к необходимости в расширении обязанностей работодателя. Суд подтвердил факт инвалидности в результате профзаболевания по вине работодателя, опираясь на фактические расследования несчастных случаев и заключения медико-социальной экспертизы. Суд отверг доводы работодателя о том, что отсутствие подходящих вакансий освобождает его от обязанностей и обратил внимание на то, что работники вынуждено уволились после косвенной дискриминации. Исходя из концепции справедливости данное решение направлено дальше узкого формализма, наблюдавшегося в предыдущих делах, здесь суд признает уязвимость работников, учитывает вину работодателя и пресекает то, что первоначальное увольнение и последующий отказ в трудоустройстве фактически произошло по вине работодателя, и лиц с инвалидностью лишили возможности реализовать своё право на труд. Важно и то, что суд поддержал активную позицию государственного инспектора, подтвердив правомерность предписания и административного штрафа. Это демонстрирует, что справедливая инспекция труда должна играть ключевую роль в защите трудовых прав инвалидов, особенно когда речь идёт о последствиях производственных травм и профессиональных заболеваний. В данном случае, сославшись на нормы законов о регулировании труда инвалидов, суду удалось вынести законное решение с формально-правовой точки зрения, с которым мы согласны.

Представленное ниже решение по делу № 5912-16-00-2/4194 от 01.07.2016 г. освещает не проблему дискриминации при приёме на работу или увольнения, а касается нарушения норм рабочего времени, обязанности работодателя учитывать инвалидность работника и запрет сверхурочных работ.

Рассматриваемое решение суда № 2 г. Петропавловска от 27 июня 2016 г. касается обжалования ТОО «Аби-Жер» предписания инспектора труда, вынесенного по жалобе работника Поротикова Н.И. являвшегося инвалидом 2 группы. В споре инспектор указал работодателю на нарушения о привлечение работника с инвалидностью ко сверхурочной работе, что является нарушением трудового законодательства РК. Установление 8-часового рабочего дня, несмотря на требование закона ограничить смену до 7 часов для инвалидов 1-2 групп (п. 3 ст. 69 ТК РК). Привлечение к трудовой деятельности без письменного согласия при условии инвалидности (ст. 77 ТК РК).

Работодатель пытался оспорить предписание своей неосведомлённостью об инвалидности работника, что сверхурочных работ не было, а также, что документы инспектора недостоверны.

Суд, исследовав оригиналы табелей, частично отменил предписание по пунктам, где отсутствовали доказательства переработок, но подтвердил законность

предписания инспектора относительно нарушения режима рабочего времени и привлечения к сверхурочным работам.

Ключевым для анализа является вывод суда: инвалид 2 группы не может работать более 7 часов, а продолжительность смены гражданина Поротикова Н.И. составляла 8 часов, что является нарушением работодателя (ч. 3 ст. 69 ТК РК).

Также суд подчеркнул, что работодатель не в праве ссылаться на отсутствие сведений об инвалидности, если они объективно были доступны, в том числе данные пенсионных отчислений, что было подтверждено показаниями бухгалтера. Таким образом, суд подтвердил, что работодатель обязан сам обеспечить соблюдение гарантий, а не ждать инициативы работника.

Данное решение является важным напоминанием, что работодатель не вправе устанавливать обычный график, даже если лицо с инвалидностью само не заявляет об этом или продолжает работать по общему режиму. Суд прямо указал императивность ст. 69 ТК РК.

В приведённой ситуации суд встал на сторону лица с инвалидностью, несмотря на неполноту доказательств по части нарушений. В отличии от вышеуказанных дел Сейдигазимовой Г.К. и Азимбаева Р.Ф., где суды заняли формально-доказательственную позицию и отказали в удовлетворении интересов потерпевших из-за отсутствия документального подтверждения, здесь суд применил оценку действительных нарушений и обратил внимание не только на табели рабочего времени.

Несмотря на относительно позитивное решение суда, косвенный элемент дискриминации присутствует. Работник был поставлен в условия, не соответствующие его состоянию здоровья, также присутствовало нарушение норм рабочего времени, что привело к ухудшению положения сотрудника. Однако, это решение демонстрирует, что суд использует материальную оценку обстоятельств и возлагает на работодателя обязанность по соблюдению специальных гарантий и также подтверждает их императивность, что иллюстрирует защитный потенциал законодательства при правильном его применении.

Дополнением для раскрытия полноты вопроса касаемо особенностей регулирования лиц с инвалидностью является решение Шахтинского городского суда по делу № 3528-18-00-2/1059 от 03.08.2018 г., где при расчёте упущенной выгоды истца (инвалида 2 группы) суд применил нормы ст. 69 ТК РК о сокращённой продолжительности рабочего времени для лиц с инвалидностью 2 группы, дополнительно указав в своём решении, что истец физически и юридически не мог бы работать без выходных. Суд, таким образом документально признал, что ограничения по режиму труда инвалидов имеют не только трудовое, но и публично-правовое значение, влияя на оценку экономического участия человека с инвалидностью в гражданских правоотношениях.

К сожалению, на практике часто встречаются случаи, когда работодатели исполняют квоты формально. К примеру, принимают работников с инвалидностью на простые или низкооплачиваемые должности без адаптации, либо избегают квот, используя для этого различные махинации или механизмы перевода в дочерние структуры. Отсутствие санкций или штрафов на законодательном уровне является упущением и уводит исполнение обязанностей в декларативную плоскость.

Решение специализированного межрайонного административного суда № 2 Павлодарской области по делу ТОО «KAZ Minerals Bozshakol» от 7 декабря 2022 г. представляет собой особый интерес для темы исследования, поскольку демонстрирует системные изъяны и от идеала практическую реализацию института квотирования рабочих мест для лиц с инвалидностью.

Суть данного спора сводилась к оспариванию предписания инспекции труда об устранении нарушения, выразившегося в невыполнении работодателем

установленной акиматом квоты в размере 24 рабочих мест для инвалидов. Истец указал, что специфика производственного процесса (вахтовый и сменный режим, суммированный учёт рабочего времени, систематическое использование ночного труда) затрудняет трудоустройство лиц с инвалидностью 1-2 групп, поскольку данные условия противоречат требованиям трудового законодательства: ст. 69, 75, 76 ТК РК (сокращённое рабочее время, запрет суммированного учёта и ограничение ночной работы). Также по указаниям истца для горнодобывающей отрасли критически важным является соответствие кандидатов квалификационным требованиям, при этом уполномоченные органы не направляли подходящих кандидатов на предприятие в течении длительного периода, что ставит под сомнение одностороннее возложение ответственности на работодателя. Суд также указал на процедурные нарушения при вынесении предписания, включая отсутствие мотивировочной части, неопределённость требований, отсутствие ссылок на проверочные листы и несоблюдение требований АППК (административно процедурно-процессуального кодекса) о предварительном уведомлении субъекта контроля. Эти обстоятельства привели суд к выводу о незаконности административного акта.

В результате суд отменил предписание, что имеет концептуальное значение для правоприменения: решение демонстрирует, что квотирование трудоустройства инвалидов должно осуществляться не формально, а с учётом реальных условий производства, принципов соразмерности и баланса интересов, а государственные органы должны обеспечить надлежащее взаимодействие с работодателем, включая подбор соответствующих кандидатов, а не перекладывать всю обязанность по реализации квот на предприятие. Эта позиция корректно продолжает общий тренд национальной и международной практики: обеспечение занятости лиц с инвалидностью должно опираться на принцип разумного приспособления и конструктивного сотрудничества, а не на механизм формального принуждения.

Существенным зарубежным примером позитивных обязанностей по сохранению трудовых прав инвалидов является дело «Archibald v Fite Council» (House of Lords, 2004).[1343] Дело демонстрирует, что особенности правового регулирования труда лиц с инвалидностью включают в себя не только общие запреты дискриминации, но и обязанность работодателя предпринимать позитивные действия для сохранения занятости лиц с особыми потребностями, включая пересмотр кадровых процедур, стандартов отбора и структуры рабочих мест.

Суд подтвердил, что равное обращение не всегда обеспечивает равные возможности, и поэтому работодатель должен предпринимать дополнительные меры (reasonable adjustments), даже если это означает предоставление преимуществ по сравнению с другими работниками. В данном деле работодатель был обязан рассмотреть возможность перевода работника с инвалидностью на должность выше без конкурсного отбора, поскольку формально нейтральные процедуры найма ухудшали его положение. Здесь перевод на новую должность без конкурса являлся не «неправомерной преференцией», а необходимой адаптацией. Здесь присутствует обязанность работодателя сохранять занятость работника с особенностью, а не увольнение его при потере трудоспособности. В зарубежной судебной практике прослеживается особая позиция суда, что если работодателем не было предпринято действий по трудоустройству на подходящую альтернативную позицию, то увольнение является незаконным. Это гуманное видение значимо контрастом с Казахстанским законодательством, где нормативные акты (например, ст. 52 ТК РК) допускают увольнение при несоответствии состоянию здоровья, но обязанность перевода носит ограниченный характер и часто не обеспечивается принудительно.

[1343] Croner-i дело Archibald v Fite Council (House of Lords, 2004) https://app.croneri.co.uk/law-and-guidance/case-reports/archibald-v-fife-council-2004-irlr-651-hl

Суд в данном случае утверждает, что система конкурсного отбора может являться барьером, ведь универсальные правила не являются гарантом отсутствия дискриминации, если они фактически несут вред работникам с инвалидностью. Суд прямо заявил, что требование принимать работников «по заслугам» (merit-based selection) должно быть интерпретировано через призму защиты, а не наоборот. Дело подчёркивает, что защита трудовых прав лиц с инвалидностью предполагает не только предотвращение дискриминации, но и активные меры по обеспечению занятости, включая изменение внутри правил.

В зарубежной практике отмечается необходимость разграничения между обязанностью по созданию специальных условий труда и недопустимостью превращения таких условий в абсолютный иммунитет от общих трудовых требований. Так, в деле «Griffiths v Secretary of State for Work and Pensions» (UK, 2015) суд указал, что обязанность по разумному приспособлению дисциплинарной политики формально возникает, поскольку унифицированные правила посещаемости могут ставить лиц с инвалидностью в менее выгодное положение. Вместе с тем, суд отказал в удовлетворении требований работника с инвалидностью, указав, что предлагаемые меры (такие как отмена предупреждения и изменение точек контроля посещаемости) являются несоразмерными и потенциально создают прецедент «перманентного исключения» инвалида из общих норм. Таким образом, рассматривая ситуацию более глубоко, защита прав лиц с инвалидностью предполагает не только предоставления гарантий, но и сохранение справедливого баланса интересов сторон трудового отношения.

Для нашего исследования данные решения из судебной практики важны как действительное отражение неоднородной обстановки регулирования занятости лиц с инвалидностью в трудовой сфере. Анализ судебной практики позволяет выявить ряд устойчивых проблем правоприменения и препятствий для реализации трудовых прав лиц с инвалидностью.

В качестве ориентиров для развития казахстанского регулирования труда лиц с инвалидностью логично опираться на несколько «моделей» зарубежного права, которые уже институционализировали те начинания, к которым стремится казахстанское законодательство. Сравнительно-правовой анализ с зарубежным законодательством (Великобритания, страны ЕС), демонстрирует, что акцент в данных правовых системах смещён именно на позитивные обязанности работодателя. Закон «О равенстве» 2010 г. (Equality Act 2010)[1344] в Великобритании содержит в себе комплекс норм, направленный не только на защиту прав инвалидов, но и на предупреждение возможной дискриминации в дальнейшем. Его ключевое преимущество перед казахстанским законодательством в том, что он ставит не просто «запрет дискриминации», а позитивную обязанность работодателя по разумному приспособлению (reasonable adjustments). Между правовыми системами государств прослеживаются значительные различия, по сравнению с ТК РК и Законом, где представлен набор разрозненных гарантий, британский подход более целостен: законодатель не позиционирует лицо с инвалидностью в ущемлённую позицию, требующую «жалости», а прогрессивно перестраивает логику трудовых отношений, чтобы обыденные процедуры, такие как конкурсный отбор или отсутствие на работе могли быть гибко адаптированы под ситуацию лица с потребностями.

Модель права ЕС, закреплённая в Директиве 2000/78/ЕС[1345], даёт важные ориентиры, например, ст. 5 обязует работодателя предоставлять разумные изменения работникам с инвалидностью, а ст. 9 и ст. 10 вводят эффективные процессуальные

[1344] Equality Act (2010) UK Public General Acts https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2010/15/contents
[1345] Council Directive 2000/78/EC of 27 November 2000 establishing a general framework for equal treatment in employment and occupation https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2000/78/oj/eng

гарантии: облегчённое бремя доказывания, при которых достаточно указать на факты, позволяющие предположить дискриминацию, обязанность государств обеспечить эффективные и пропорциональные санкции. Также показательна американская модель ADA (Americans with Disabilities Act of 1990), где также фигурирует смещение фокуса от «социальной помощи» к более прогрессивным взглядам, гармонично сочетающих в себе права на равенство возможностей, поддержку и справедливость.

Выводы и рекомендации

Таким образом, в заключение проведённого исследования можно констатировать, что правовое регулирование труда лиц с инвалидностью в Республике Казахстан находится в состоянии перехода от подхода преимущественно «социально-обеспечительного» к модели, ориентированной на инклюзивную занятость и реализацию принципа равенства возможностей. Конституционные положения о праве на труд и запрете дискриминации, нормы ТК РК, СК РК и др. формируют базовый фундамент, предусматривающий специальные гарантии для инвалидов, такие как: запрет дискриминации при трудоустройстве и увольнении, сокращённое рабочее время для инвалидов 1-2 групп, ограничение на привлечении к ночной и сверхурочной работе, квотирование рабочих мест для лиц, получивших трудовое увечье.

Однако анализ законодательства и судебной практики демонстрирует, что этот комплекс норм не образует целостной, системной модели, основанной на концепции разумного приспособления и активных обязанностях работодателя по удержанию и интеграции лиц с инвалидностью в сферу занятости.

Как утверждал Л.Н. Нацун: «Одной из главных преград для увеличения занятости инвалидов остаётся адаптация рабочих мест в соответствии с их особыми потребностями. Работодатели часто не готовы брать на себя обязательства по созданию специализированных рабочих мест, приобретению приспособлений, облегчающих труд инвалидов».[1346] В странах СНГ нередко встречаются случаи, когда работодатели пренебрегают особыми потребностями работников с инвалидностью, фактически лишая их должной рабочей среды.

Анализ судебной практики РК позволяет выявить ряд устойчивых проблем правоприменения и препятствий для реализации трудовых прав инвалидов:

Во-первых, исходя из анализа можно заключить, что в функционировании судов прослеживается тенденция строго следовать буквальному содержанию норм о рабочем времени и режиме труда, фиксируя имеющиеся нарушения, такие как: привлечение инвалидов 1-2 групп к 8-ми часовому рабочему дню, суммированному учёту, ночной и сверхурочной работе и т.д., но при рассмотрении споров о переработках и дискриминации часто суды ограничиваются оценкой лишь формальных доказательств (табелей учёта, приказы), не всегда учитывая фактическое давление, зависимость работника и корпоративную практику «обязательных переработок».

Во-вторых, механизм квотирования рабочих мест реализуется преимущественно как административная обязанность работодателя, тогда как реальные институциональные обязанности органов занятости по подбору, специальному обучению и сопровождению инвалидов в суде нередко остаются вне фокуса, что подтверждается делами, в которых предписания инспекций труда отменялись из-за процессуальных нарушений и отсутствия работы органов занятости по направлению подходящих кандидатов.

[1346] Нацун Л.Н. «Поддерживаемое трудоустройство» инвалидов: обзор мирового опыта; Вестник УрФУ. Серия экономика и управление (2017) Т. 16, № 4 с. 674. DOI: 10.15826/vestnik.2017.16.4.032.

В-третьих, хотя существуют позитивные примеры, они имеют скорее характер казуистических исключений, чем устойчивой судебной практики защиты трудовых прав лиц с инвалидностью.

Проведённый анализ конституционных принципов, отраслевого законодательства, международных стандартов и судебной практики позволяет сделать вывод о наличии системных пробелов в регулировании труда лиц с инвалидностью, препятствующих реальному обеспечению равного доступа к трудовой деятельности и надлежащей защите от дискриминации. Эти проблемы обусловлены как несовершенством нормативной базы, так и непоследовательностью правоприменения, отсутствием эффективных механизмов контроля и санкций, а также недостаточной координацией между органами занятости, работодателями и государственными инспекциями труда.

Конкретизированные рекомендации

ТК РК закрепляет общую обязанность работодателя создавать условия труда, но не содержит детализированного перечня «разумных приспособлений», как это предусмотрено законодательством ЕС, Канады и Великобритании.

Это приводит к произвольному толкованию норм и отказам работодателей под предлогом отсутствия нормативных требований.

В законодательство РК недостаточно имплементирована ст. 27 КПИ. Конвенция требует создания реальных возможностей трудоустройства, а не только декларирования.

Исходя из анализа судебной практики можно прийти к выводу, что Казахстан имплементировал нормы частично без полноценных процедурных гарантий.

Также в правовой сфере отсутствует единый стандарт антидискриминационных процедур. Например, СК РК и ТК РК не содержат в себе определения прямой и косвенной дискриминации, процедур расследования жалоб или требования о профилактике дискриминации для предупреждения таких ситуаций в будущем.

Дополнительных поправок в действующую Конституцию РК вносить не требуется, однако государству необходимо обеспечить её развитие в отраслевом законодательстве. На практике требуется обеспечение безопасных условий труда, реальное действие принципа недискриминации (ст. 14), а также гарантии свобода труда (ст. 24).

ТК РК также требует инновационного подхода и внесения поправок в определённые статьи, чтобы приблизить законодательство РК к прогрессивным международным стандартам.

Статья 28 ТК РК требует предупреждения дискриминации на основании инвалидности, то есть чёткого определения прямой и косвенной дискриминации. Необходимо внести конкретную санкцию по отношению к работодателям за не предоставление разумных приспособлений с учётом индивидуальных потребностей работника с инвалидностью.

Также имеют место быть рекомендации к модернизации ст. 69 ТК РК, а именно: включить механизм применения гибких форм занятости; разрешить суммированный учёт рабочего времени для работников с инвалидностью при наличии медицинского заключения и письменного согласия работника; разработать специальные режимы труда для вахтовых предприятий.

Следует также рассмотреть возможность введения новой статьи в действующий ТК РК «Обязанность работодателя по представлению разумных приспособлений работникам с инвалидностью», которая должна будет регулировать корректную адаптацию рабочего места, предоставление вспомогательных средств и технологий. Данные изменения в законе поспособствуют устранению конфликта между исполнением производственных процессов на практике и нормами закона.

Статья 76 ТК РК содержит в себе особенности по привлечению работников к ночной работе. Однако, следует внести некоторые изменения в пользу работников с инвалидностью, чтобы обеспечить справедливую защиту их прав и интересов. Например, следует ввести обязанность работодателя предлагать альтернативный график и запрет отказа в трудоустройстве из-за невозможности лица с инвалидностью работать ночью.

В ст. 77 закреплены обязательства по исполнению сверхурочной работы, рекомендуется дополнить её перечнем исключений, когда работа возможна при медицинском заключении и добровольном согласии работника, также требованием оценки рисков работодателям, чтобы учесть интересы лиц с инвалидностью.

Рекомендуется введение определённых поправок в СК РК. Например, ст. 160 СК РК закрепляет в себе особенности осуществления медицинской реабилитации. Рекомендуется уточнить процедуры разработки и реализации и индивидуальной программы реабилитации (абилитации), а также критически важно установить ответственность за её игнорирование и включить индивидуальную программу реабилитации как обязательное основание для изменения условий труда.

Статья 107 СК РК посвящена квотам рабочих мест. Предлагается определить механизм мониторинга квотирования, а конкретно интерес представляет закрепление ответственности акиматов за не направление лиц с инвалидностью работодателям и автоматизация распределения кандидатов по предприятиям. Расширение мер стимулирования работодателей исполнять нормы путём налоговых льгот, субсидирование адаптации рабочего места и компенсации затрат на обучение инвалидов также является важным шагом к достижению прогрессивного законодательства.

Особое место в системе трудовых гарантий лиц с инвалидностью занимает вопрос прекращения трудовых отношений по инициативе работодателя, поскольку на стадии увольнения заметно проявляются риски дискриминации, формального подхода работодателей к своим обязанностям и нарушения прав социально уязвимой категории работников. Гарантии при увольнении лиц с инвалидностью претерпели существенную трансформацию при переходе от ранее действовавшего Закона к «СК РК». Ранее действовавший Закон РК «О социальной защите лиц с инвалидностью» (утративший силу в связи с принятием СК РК) содержал прямые и специальные трудовые гарантии, обеспечивавшие повышенный уровень правовой защиты инвалидов при увольнении. Например, к числу ключевых гарантий относилась ст. 32 Закона, которая устанавливала, что: «отказ в заключении трудового договора либо продвижении по службе, увольнение по инициативе работодателя, перевод лица с инвалидностью на другую работу без его согласия по мотивам инвалидности не допускаются, за исключением случаев, когда по медицинскому заключению состояние его здоровья препятствует выполнению профессиональных обязанностей либо угрожает здоровью и безопасности труда других лиц», это означало прямой законодательный запрет увольнений, исходящий из дискриминационных мотивов.

Статья 33 Закона закрепляла обязанность работодателя на создание специальных рабочих мест для лиц с инвалидностью, получивших трудовые увечья или профессиональные заболевания по вине работодателя, соответствующих их индивидуальной программе абилитации и реабилитации. Индивидуальная программа абилитации носила обязательный юридический характер, а не рекомендательный, что позволяло законодательству отстаивать базовые потребности лиц с инвалидностью в трудовых отношениях.

Статья 34 Закона устанавливала, что работодатель обязан был за счёт собственных средств трудоустраивать, осуществлять профессиональное обучение и создавать условия лицам с инвалидностью для их комфортного исполнения трудовых обязательств. При увольнении по состоянию здоровья в обязанности работодателя

входило не увольнение сотрудника с инвалидностью, а его переобучение и трудоустройство.

Исходя из анализа развития норм законодательства и их трансформации можно справедливо отметить, что современное регулирование труда лиц с инвалидностью модифицировалось в более ослабленную форму. СК РК не содержит в себе специальных трудовых гарантий при увольнении работников с инвалидностью, аналогичных прежнему закону. Большинство норм перенесено в ТК РК, но в обобщённой форме. Например, ст. 25 ТК РК является антидискриминационной нормой, запрещающей ограничивать право на заключение трудового договора по признаку инвалидности, однако, запрет увольнения на почве инвалидности прямо уже не закреплён, а также отсутствует императивная формулировка о невозможности прекращения договора.

Статья 52 ТК РК закрепляет в себе основания для прекращения трудового договора. Она позволяет увольнение лица с инвалидностью в случаях сокращения штата (п. 2), по несоответствию занимаемой должности (п. 4), по состоянию здоровья при наличии медицинского заключения и т.д., однако, приоритетного права сохранения рабочего места инвалид уже не имеет, в отличии от прежнего закона.

Статья 76 ТК РК содержит в себе особенности привлечения лиц с инвалидностью к ночной работе, а именно такие меры допускаются лишь с письменного согласия работника и только в том случае, если у него отсутствуют медицинские противопоказания. Однако, на практике эта норма также становится механизмом вытеснения лиц с особыми потребностями с работы, а не их реальной адаптации.

Пункт 2 ст. 6 ТК РК закрепляет в себе общий запрет дискриминации в трудовых отношениях - запрещается ограничение трудовых прав по признаку инвалидности, физических недостатков и т.д., однако отсутствуют специальные процессуальные гарантии доказывания дискриминации, что существенно усложняет защиту прав уязвимой стороны в суде.

Следовательно, можно прийти к выводу, что СК РК в части регулирования увольнений лиц с инвалидностью привёл к снижению уровня их правовой защищенности по сравнению с ранее действовавшим специальным законом.

Защита лиц с инвалидностью при сокращении штата. Пробелы национального регулирования и зарубежный опыт.

Важным для рассмотрения остаётся вопрос о защите лиц с инвалидностью при сокращении штата. В настоящее время ТК РК не содержит специальных гарантий защиты работников с инвалидностью при сокращении численности или штата. В соответствии с пп. 2 п.1 ст. 52 ТК РК трудовой договор может быть прекращён в связи с сокращением численности или штата работников, однако, преимущественными правами работники с инвалидностью не обладают. Статья 54 ТК РК закрепляет в себе ограничения возможности расторжения трудового договора по инициативе работодателя, однако, инвалидность как самостоятельное основание преимущественного права сохранения рабочего места не указана, то есть лицо с инвалидностью несправедливо оказывается приравнено к среднестатистическому работнику, без дополнительных гарантий. Это приводит к возможности уязвимого лица попасть под удар и оказаться в числе первых при сокращении, даже если его инвалидность связана с производственной травмой или он объективно испытывает определённые сложности с повторным трудоустройством. На практике принцип социальной справедливости и повышенной защиты уязвимой категории работников фактически не реализуется при сокращении штата.

Сравнивая с прежним законодательством, как и было сказано ранее, в Законе до утраты его силы был косвенно закреплён приоритет сохранения трудовых

отношений и обязанность работодателя сохранять рабочее место для работника с инвалидностью в рамках индивидуальной программы реабилитации, а также обязанность переобучения лица с инвалидностью при утрате трудоспособности, что ставило социальный характер защиты значительно выше, чем в настоящее время.

Сравнивая с законодательствами других стран, например Великобритании «Equality Act 2010», как было подмечено ранее, работодатель обязан до увольнения сотрудника с инвалидностью доказать, что все разумные способы исчерпаны и невозможность сохранения рабочего места объективно подтверждена, прежде чем работодатель предпримет крайнюю меру (увольнение). Даже при реорганизации штата работник с инвалидностью не может быть уволен без попытки его адаптации или перевода. Данные утверждения прямо подтверждено вышеприведенными делами «Archibald v Fife Council», «Griffithd v Secretary of State for Work and Pensions». В странах ЕС работник с инвалидностью имеет более выгодное положение и обладает усиленной правовой защитой при сокращении штата, нежели в РК.

Рекомендуется совершенствование законодательства РК, например, внесение дополнения в ст. 53 ТК РК в виде отдельного пункта: «Преимущественное право оставления на работе при сокращении численности или штата имеют работники, являющиеся лицами с инвалидностью, при отсутствии медицинских противопоказаний к продолжению трудовой деятельности». Для более комплексной защиты прав лиц с инвалидностью при сокращении штата рекомендуется внести новую статью в ТК РК, а именно: «Гарантии лиц с инвалидностью при сокращении штата», где должна быть закреплена обязанность рассмотрения перевода работника, профессиональной реабилитации и запрет увольнения без документально подтверждённой невозможности адаптации рабочего места.

Таким образом, ключевыми препятствиями реализации трудовых прав лиц с инвалидностью в Казахстане являются: отсутствие системного закрепления института разумного приспособления в ТК РК; формальный характер механизма квотирования и слабая координация между работодателями и государственными органами занятости; недостаточная конкретизация и практическая реализация обязанностей по переводу, переобучению и созданию специальных рабочих мест; формализированный подход судов к оценке доказательств по делам о дискриминации и переработках, недостаточное внимание к фактическому, а не только юридическому равенству сторон. Сформулированные проблемы усиливаются ограниченной доступностью квалифицированной юридической помощи для лиц с инвалидностью и дефицитом разъяснений верховной судебной инстанции, конкретно посвящённых особенностям защиты их трудовых прав.

В этих условиях совершенствование национального законодательства и правоприменения рекомендуется вести по нескольким стратегическим направлениям. Представляется необходимым нормативно закрепить в ТК РК категорию «разумного приспособления труда лиц с инвалидностью» с указанием, что работодатель обязан рассматривать и реализовывать, при отсутствии несоразмерного бремени, индивидуальные меры адаптации, такие как изменение режима рабочего времени, перераспределение функций, модификация процедур отбора и оценки, техническое переоборудование рабочих мест. Также требуется расширить и конкретизировать обязанности работодателя по переводу и переобучению работников, утративших способность выполнять прежнюю работу по состоянию здоровья, установив, что увольнение по медицинским показаниям возможно лишь после исчерпания разумных вариантов адаптации и перевода, согласованных с индивидуальной программой реабилитации. Следующей рекомендацией по улучшению положения в трудовом праве служит реформация механизма квотирования с учётом отраслевой специфики и реальных возможностей создания рабочих мест, с перераспределением ответственности между работодателем и органами занятости: последние должны

нести определённые обязанности по обучению и сопровождению инвалидов, а оценка выполнения квоты должна строиться на критерии добросовестных усилий, а не только на формальном количестве трудоустроенных работников.

Важной рекомендацией для повышения эффективности регулирования труда лиц с инвалидностью является развитие судебной практики и институциональных механизмов защиты. Например, введение в Нормативные постановления Верховного Суда специальных разъяснений по делам о недискриминации по инвалидности и перераспределению бремени доказывания между сторонами позволит сбалансировать судебные процессы и ответственность, ложащуюся на плечи работников с инвалидностью. Подготовка методических рекомендаций для инспекции труда и работодателей по организации труда лиц с инвалидностью и поощрение использования медиации и иных примирительных процедур в спорах о квотах и адаптации рабочих мест также поможет законодателю обеспечить справедливость в трудовой сфере. Реализация указанных предложений позволит приблизить национальную правовую систему к международным стандартам КПИ и МОТ, а также к прогрессивным зарубежным практикам, трансформируя существующую модель из преимущественно декларативной в по-настоящему инклюзивную, ориентированную на действительную, а не номинальную занятость лиц с инвалидностью. Такой вектор развития позволит качественно изменить парадигму законодательства и привести её от пассивной модели «инвалид как уязвлённый объект защиты» к активной позиции «лицо с инвалидностью как полноправный участник трудового рынка», в отношении которого государство и работодатель несут позитивные обязанности по устранению барьеров.

Список литературы:

1. Ищанов Д. Международное информационное агентство ‘Казинформ’, ‘39% лиц с инвалидностью имеют работу’ (2024) дата обращения: 17.04.2026.
2. Социальный Кодекс РК <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2300000224> дата обращения: 17.04.2026.
3. ‘Disability, Work and Inclusion’ (2022). <https://www.oecd.org/en/publications/disability-work-and-inclusion_1eaa5e9c-en.html> дата обращения: 17.04.2026.
4. Мымриков М., ‘Число людей с инвалидностью в Казахстане выросло за 12 лет почти на треть’, Forbes Казахстан (2025) <https://forbes.kz/articles/chislo-lyudey-s-invalidnostyu-v-kazahstane-vyroslo-za-12-let-pochti-na-tret-4f2e56> дата обращения: 17.04.2026.
5. Мышбаева З.Т., ‘Государственное регулирование занятости лиц с особыми потребностями в РК: дисс. на соискание степени доктора философии’ (PhD). - Алматы, 2025. - С. 4
6. Закон ‘О социальной защите лиц с инвалидностью в РК’ <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000039_> дата обращения: 17.04.2026.
7. Закон РК от 20 февраля 2015 г. № 288-V ЗРК ‘О ратификации Конвенции о правах инвалидов’ <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000288> дата обращения: 17.04.2026.
8. Закон РК от 7 июня 2023 г. № 8-VIII ЗРК ‘О ратификации Факультативного протокола к Конвенции о правах инвалидов’ <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000008> дата обращения: 17.04.2026.
9. Постановление Правительства РК от 28 мая 2019 г. ‘Об утверждении Национального плана по обеспечению прав и улучшению качества жизни лиц с инвалидностью в РК до 2025 г.’ < https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000326> дата обращения: 17.04.2026.

10. Хасенов М.К., «Трудовое право РК» В 3-х томах. Том 1. Общая часть: учебник. - Алматы: Smart University Press, (2023) - с. 323 <https://megapro.mnu.kz/MegaPro/Web/SearchResult/ToPage/1> дата обращения: 17.04.2026.

11. Нацун Л.Н., 'Поддерживаемое трудоустройство' инвалидов: обзор мирового опыта; Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. (2017) Т. 16, № 4 с. 664. DOI: 10.15826/vestnik.2017.16.4.032 <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/66379/1/vestnik_2017_4_010_.pdf> дата обращения: 17.04.2026.

12. Croner-i дело Archibald v Fite Council (House of Lords, 2004) <https://app.croneri.co.uk/law-and-guidance/case-reports/archibald-v-fife-council-2004-irlr-651-hl> дата обращения: 17.04.2026.

13. Equallity Act (UK Public General Acts, 2010) <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2010/15/contents > дата обращения: 17.04.2026.

14. Council Directive 2000/78/EC establishing a general framework for equal treatment in employment and occupation (November 2000) <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2000/78/oj/eng> дата обращения: 17.04.2026.

Дюсембаева Аружан Маликқызы
Студент 4- курса бакалавриата
Специальность «Юриспруденция»
Высшая школа права Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республика Казахстан

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СВЕРХУРОЧНОЙ РАБОТЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ДОСТУПНОСТИ РАБОТНИКОВ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы правового регулирования сверхурочной работы в условиях цифровой доступности. Анализируются нормы трудового законодательства Республики Казахстан. Особое внимание уделяется институтам рабочего времени и времени отдыха. Отмечаются позиции правоведов касательно различных аспектов, затрагивающих тему статьи. Раскрывается понятие «цифровой доступности» работников, ее виды и проявления. Выявлены основные трудности правоприменительной практики с действующими нормами, в частности доказывание. Изучен механизм социальной и правовой защиты работников. Изучены подходы зарубежных стран для регулирования рассматриваемой проблемы. Делается вывод о важности перехода от традиционного понимания сверхурочной работы к новому в условиях цифрового развития сферы труда и юридического закрепления термина «цифровой доступности». Предлагаются рекомендации по внесениям некоторых изменений в правовое регулирование трудовых отношений.

Ключевые слова: сверхурочная работа, цифровая доступность, право на отключение, баланс интересов, право на отдых.

Аңдатпа. Мақалада цифрлық қол жетімділік жағдайында үстеме жұмысты құқықтық реттеу мәселелері қарастырылады. Қазақстан Республикасы Еңбек заңнамасының нормалары талданады. Жұмыс уақыты мен демалыс уақыты институттарына ерекше назар аударылады. Заңгерлердің мақаланың тақырыбын қозғайтын әртүрлі аспектілерге қатысты ұстанымдары атап өтіледі. Қызметкерлердің "цифрлық қол жетімділігі" ұғымы, оның түрлері мен көріністері ашылады. Қолданыстағы нормалармен, атап айтқанда дәлелдемелермен құқық қолдану практикасының негізгі қиындықтары анықталды. Қызметкерлерді әлеуметтік және құқықтық қорғау механизмі зерттелді. Қарастырылып отырған проблеманы реттеу үшін шет елдердің тәсілдері зерттелді. Еңбек саласын цифрлық дамыту және "цифрлық қол жетімділік"терминін заңды түрде бекіту жағдайында үстеме жұмысты дәстүрлі түсінуден жаңасына көшудің маңыздылығы туралы қорытынды жасалады. Еңбек құқығын құқықтық реттеуге кейбір өзгерістер енгізу бойынша ұсыныстар ұсынылады.

Түйінді сөздер: қосымша жұмыс уақыты, цифрлық қол жетімділік, өшіру құқығы, қызығушылық балансы, демалыс құқығы.

Abstract. This article examines the challenges of legally regulating overtime work in the context of digital accessibility. It analyzes the provisions of the Republic of Kazakhstan’s labor legislation. Particular attention is paid to the concepts of working hours and rest periods. The article highlights the views of legal scholars on various aspects related to the topic. The concept of “digital accessibility” for employees, its types, and manifestations are explored. The main difficulties in law enforcement practice with current regulations, particularly regarding proof, are identified. The mechanism for the social and legal protection of employees is examined. The article examines approaches used by foreign countries to regulate the issue at hand. It concludes that a shift from the traditional understanding of overtime work to a new one is essential in light of the digital transformation of the labor

sector and the legal codification. Recommendations are offered for making certain amendments to labor law regulations.

Keywords: overtime work, digital accessibility, right to disconnect, balance of interests, right to rest.

На данный момент, мир находится на этапе развития Четвертой промышленной революции, согласно концепции немецкого экономиста и основателя Всемирного экономического форума Клауса Шваба. Он утверждает, что «по масштабу, объему и сложности четвертая промышленная революция не имеет аналогов во всем предыдущем опыте человечества»[1347]. Широкое применение новых технологий касается всех сфер, в том числе и сферы труда. В частности, института рабочего времени. Прежде всего, для более точного анализа необходимо обозначить значение термина «цифровая доступность работника». Под цифровой доступностью следует понимать состояние, при котором работник постоянно находится на связи за счет средств цифровой связи, к которым относятся различные мессенджеры, корпоративная почта и другие внутренние приложения. Так, средства коммуникации обеспечивают потенциальную готовность работника быть вовлеченным и реагировать на сообщения рабочего характера за пределами рабочего времени. Как например, изучение документов, согласование производственных вопросов, участие в рабочих звонках и другие организационные элементы. Такие действия можно охарактеризовать «активной доступностью». Одновременно с этим, не каждое проявление «цифровой доступности» можно связывать с осуществлением трудовых обязанностей. В связи с тем, что получение задач в виде сообщений от работодателя могут быть не приняты во внимание некоторыми работниками или не могут служить основанием к немедленному выполнению действий. Такое проявление будет считаться «пассивной доступностью». Тем не менее, данное проявление ограничивает получение полного права на отдых работником, гарантируемое Конституцией Республики Казахстан в пункте 4 статьи 24[1348]. В результате, размываются границы между рабочим временем и временем отдыха.

Рассматриваемые проявления по Закону не относятся к каким-либо видам рабочего времени, в том числе и к дистанционной работе. Поскольку пункт 2 статьи 138 Трудового кодекса Республики Казахстан прямо предусматривает ее установление через соглашение между основными субъектами трудовых отношений[1349]. В этом случае, возникают трудности с пониманием, считается ли обязанность отвечать в мессенджере частью труда. Это свидетельствует о том, что действующее трудовое законодательство Республики Казахстан регулирует рабочее время в традиционном его понимании.

Пробелы в законе в части учета могут привести к ряду проблем в правоприменительной практике. Во- первых, работник лишается права получения оплаты за сверхурочный труд. Согласно положениям Трудового кодекса Республики Казахстан «сверхурочная работа- работа, выполняемая работником по инициативе работодателя за пределами установленной продолжительности рабочего времени (сверх нормального количества рабочих часов за учетный период)»[1350]. Вместе с тем, привлечение к рассматриваемому виду работы допускается только с письменного согласия работника, за исключением некоторых случаев. Фактически, подобные ситуации могут быть оформлены с помощью трудового или коллективного договоров или актом работодателя. Однако закон не регулирует перечень критериев для учета и

[1347] K Schwab, *The Fourth Industrial Revolution* (Penguin, 2017) 8 https://www.ektu.kz/ accessed 04 Apr 2026
[1348] Constitution of the Republic of Kazakhstan (1995) art 24 (4)
[1349] Labour Code of the Republic of Kazakhstan № 414-V (2015) art 138 (2)
[1350] Labour Code of the Republic of Kazakhstan № 414-V (2015) art 1 (80)

доказывания цифровой вовлеченности, достаточной для того, чтобы относить это к осуществлению трудовых функций. Это свидетельствует лишь о частичном охвате нормами. Так, в условиях отсутствия четких правовых разграничений и критериев работодатель, как субъект трудовых отношений, имеющий более доминирующее положение над работником, может приводить к косвенному или прямому обязыванию к осуществлению труда. Но без формального оформления, как сверхурочную работу в учет рабочего времени.

Во-вторых, возникает вопрос о доказывании. Основными доказательствами будут являться письменное согласие, акт работодателя и табель учета времени. Тем не менее, в рассматриваемой ситуации, указанные доказательства могут отсутствовать. В таком случае, потенциальными доказательствами могут выступать: электронная почта, рабочие чаты в мессенджерах, данные с внутренних корпоративных сервисов, в частности сведения о входе и выходе из системы. Согласно пункту 1 статьи 63 Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан, законодатель относит к доказательствам аудио-, видеозаписи, данные, полученные путем использования видеоконференцсвязи[1351]. В то же время, пункт 2 статьи 65 Гражданского процессуального кодекса признает в качестве допустимых доказательств материалы на электронных и цифровых носителях, полученные законным путем[1352]. Такие доказательства приравниваются к письменным. Из этого следует, что электронные материалы могут быть представлены суду в виде доказательств. Каждое доказательство подлежит оценке с учетом относимости, допустимости и достоверности. Оценка подлежит рассмотрению судьей по внутреннему убеждению. Из этого вытекает вопрос, достаточно ли данных с цифровых средств в совокупности для того, чтобы доказать осуществление трудовых функций за пределами рабочего времени. В частности, с точки зрения допустимости. В связи с тем, что на практике применение исключительно цифровых доказательств сопровождается трудностями. Поскольку нет единообразия в подходах судов, а в законе отсутствуют четкие критерии относительно порядка, формы оформления и представления рассматриваемых доказательств. Так, Т.Б. Досаев анализировал судебную практику и пришел к выводу «о наличии системной проблемы: отсутствие единообразного процессуального подхода к оценке электронных доказательств в гражданском процессе»[1353]. В.А. Новицкий и Л.Ю. Новицкая в свою очередь, предлагали внести изменение в Трудовое законодательство Российской Федерации, что применимо в отношении трудового законодательства Республики Казахстан. Так, авторы указывали на необходимость «создания самостоятельных правил доказывания для оперирования цифровой информацией субъектами доказывания»[1354]. То есть внесение изменений в целях разграничения письменных доказательств от электронных. Такого же мнения придерживается и Т.Б. Досаев, в своем анализе он полагает, что неоднородность в оценке доказательств со стороны судей связана с тем, что «законодатель не выделил электронные доказательства, как самостоятельный вид, что влечет к формальному отношению к исследованию и неправильному разрешению споров»[1355]. Имеется основание полагать, что данное

[1351] Civil procedure code of the Republic of Kazakhstan, No 377-V (2015) art 63 (1)
[1352] Civil procedure code of the Republic of Kazakhstan, No 377-V (2015) art 65 (2)
[1353] Dossayev T B, 'Tsifrovizatsiya dokazatel'stvennoy bazy v grazhdanskom protsesse: praktika sudov Respubliki Kazakhstan' (Paragraph, 03 Oct 2025) https://prg.kz/document/?doc_id=32329244&pos=6;75 accessed 04 Apr 2026
[1354] Novitskiy VA Novitskaya LY, 'Ponyatie I vidy tsifrovykh dokasatel'stv (2019) 1(55) Leningrad Law Journal 213-220
[1355] Dossayev T B, 'Tsifrovizatsiya dokazatel'stvennoy bazy v grazhdanskom protsesse: praktika sudov Respubliki Kazakhstan' (Paragraph, 03 Oct 2025) https://prg.kz/document/?doc_id=32329244&pos=6;75 accessed 04 Apr 2026

обстоятельство может затруднять доказывание сверхурочной работы для сотрудника. Это порождает риски нарушенного права относительно получения оплаты за сверхурочный труд, ввиду отсутствия надлежащей правовой защиты.

Представляет интерес регулирования и фиксации коротких, но регулярных действий, относящихся к работе вне графика. Ведь в условиях цифровой доступности, осуществление трудовых функций за пределами рабочего времени обычно выражается в кратковременных действиях. Например, просмотр и ответ на поступающие сообщения рабочего характера, участие в коротких видеоконференциях, согласование проектных работ и документов, подтверждение получения задач. В этом и заключается основная сложность. Учитывая, вышеперечисленные обстоятельства, связанные с бременем доказывания, в подобных коротких интервалах, возможность наличия акта работодателя или отражения в табеле учета значительно уменьшается. Это позволяет полагать и об отсутствии письменного согласия, что может прямо указывать на незаконное привлечение к сверхурочной работе. В совокупности, такие действия лишают работника в получении полного права на отдых. В то же время, Республика Казахстан признает и поддерживает принципы, закрепленные во Всеобщей декларации прав человека. Так, статья 24 Декларации гласит: «Каждый человек имеет право на отдых и досуг, включая право на разумное ограничение рабочего дня»[1356]. Представляется, что при осуществлении правовой оценки данных обстоятельств для отнесения их к сверхурочной работе, необходимо учитывать действия в совокупности. Принимать во внимание регулярность и соотносить с признаками выполнения трудовых функций.

Кроме того, в Трудовом кодексе имеется положение о лицах, которые не могут быть привлечены к сверхурочной работе. Так, согласно пункту 3 статьи 77, к ним относятся: «беременные женщины, предоставившие работодателю справку о беременности, не достигшие восемнадцатилетнего возраста, а также лица, имеющие инвалидность»[1357]. Учитывая данное положение, возникает вопрос о регулировании допуска вышеперечисленных лиц к такому проявлению сверхурочной работы в условиях цифровой доступности. Поскольку перечисленная группа работников нуждается в повышенной правовой защите в сфере труда. Нельзя отрицать, что подобные прецеденты не происходили, однако не были зафиксированы в силу отсутствия нормативного регулирования данного вопроса.

Таким образом, можно утверждать, что нарушается баланс интересов субъектов трудовых отношений. Значение интересов работодателя в значительной степени превалирует над интересами работника, как на социальном, так и на правовом уровне. С позиции Т.Э. Мехдиева, предмет исследования «нарушает и баланс между работой и личной жизнью, который может повлечь за собой ментальные проблемы со здоровьем у значительной части работников»[1358]. Представляется обоснованной позиция автора. Так, размываются границы между рабочим временем и временем отдыха, вследствие чего отдых может нести лишь формальный характер и ухудшать психологическое здоровье работника. Это также в значительной степени повлияет и на эффективность производства.

Как еще один инструмент решения, в последние годы в странах Европейского союза рассматривается «Право на отключение» для достижения баланса в рамках трудовых отношений. Такое право подразумевает юридически закрепленную возможность работника не быть доступным вне рабочего времени без каких-либо негативных для него последствий. Данное право впервые было закреплено и введено

[1356] Universal Declaration of Human Rights (adopted 10 December 1948 UNGA Res 217 A (III)) art 24
[1357] Labour Code of the Republic of Kazakhstan № 414-V (2015) art 77 (3)
[1358] Mekhdiev TE, ‘Pravo na otklyuchenie v fokuse printsipa balansa mezhdu rabotoy I lichnoy zhizn’yu’ (2023) 5(221) Pravo I gosudarstvo: teoriya i praktika 105-107

в действие в трудовом законодательстве Франции с 2017 года. А именно в пункте 7 статьи L2242-17 Трудового кодекса Франции, которая обязывает работодателя обеспечить регулирование через соглашение или внесения изменений в устав организации[1359]. Д.И. Колесов в своем исследовании «право на отключение» пришел к тому, что в ближайшее время такой социальный механизм защиты работников будет введен в Европейское трудовое право в целом[1360]. Представляется целесообразным рассмотреть международный опыт. В частности, «право на отключение» для закрепления в Трудовое законодательство Республики Казахстан.

С учетом вышеизложенного, является очевидным, что Закон регулирует институт рабочего времени, тем не менее лишь классическую модель его понимания без учета новых обстоятельств, которые возникают в силу изменений в условиях Четвертой промышленной революции, что свидетельствует об утрате четкого разграничения. И.А. Филипова утверждает, что «закон выполняет ограничительную функцию, он консервативен, что делает его «плохим» инструментом для борьбы с катастрофическими изменениями»[1361]. С данной позицией трудно не согласиться, поскольку в рассматриваемом контексте, можно прийти к выводу, что Закон больше традиционен в понимании значения «сверхурочной работы».

В этой связи, имеется необходимость в совершенствовании трудового законодательства Республики Казахстан с учетом цифрового развития и появления новых аспектов. Поскольку на практике возникают трудности с квалификацией ряда действий в силу отсутствия четкого правового регулирования в части учета и доказывания. Различие подходов судов могут порождать нарушение трудовых прав работников, а также возникновение новых споров между субъектами. Следует признать обоснованным, создание новых правовых механизмов в целях защиты прав работников.

В целях устранения выявленных проблем в сфере правового регулирования, следует рассмотреть реализацию таких возможностей, как: закрепление понятия «цифровой доступности» на законодательном уровне, вынесения возможности «права на отключение» на рассмотрение по включению в действующий Трудовой кодекс Республики Казахстан. Представляется рассмотреть подход Н.Л. Лютова, который предлагал ввести более мягкую форму применительно к трудовому законодательству Российской Федерации, то есть регулирование и отнесение к правовому режиму сверхурочной работы в связи с тем, что абсолютный запрет коммуникации вне рабочего времени- нереалистичен[1362]. Дополнительно целесообразно уточнить признаки определения сверхурочной работы в цифровом мире, а именно в части правового закрепления оценки электронных доказательств в совокупности, включения в учет рабочего времени действий работника по исполнению трудовых функций посредством цифровых средств за пределами рабочего времени.

Список литературы:

1. Universal Declaration of Human Rights (adopted 10 December 1948 UNGA Res 217 A (III)) accessed 04 Apr 2026

[1359] French Labour Code (Code du travail) art L2242-17 (7)

[1360] Kolesov DI, 'Problema «prava na otklyuchenie»: evropeyskiy opyt' (2022) 6 Nauchno-analiticheskiy vestnik Instituta Evropy RAN 85-96

[1361] Filippova IA, Transformatsiya pravovogo regulirovaniya v tsifrovom obshchestve: Iskysstvennyy intellect I trudovoe parvo (Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University, 2019) 7

[1362] Lyutov NL, 'New Remote Work Regulations: Have Old Problems Been Solved?' (2021) 6(175) Lex Russica 41 https://www.researchgate.net/publication/353013454_New_Remote_Work_Regulations_Have_Old_Problems_Been_Solved accessed 04 Apr 2026

2. Constitution of the Republic of Kazakhstan (1995) https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ accessed 04 Apr 2026 accessed 04 Apr 2026
3. Labour Code of the Republic of Kazakhstan № 414-V (2015) https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000414#z1 accessed 04 Apr 2026
4. Civil procedure code of the Republic of Kazakhstan, No 377-V (2015) https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000377 accessed 04 Apr 2026
5. K Schwab, *The Fourth Industrial Revolution* (Penguin, 2017) https://www.ektu.kz/ accessed 04 Apr 2026
6. Dossayev T B, '*Tsifrovizatsiya dokazatel'stvennoy bazy v grazhdanskom protsesse: praktika sudov Respubliki Kazakhstan*' (Paragraph, 03 Oct 2025) https://prg.kz/document/?doc_id=32329244&pos=6;75 accessed 04 Apr 2026
7. Novitskiy VA Novitskaya LY, '*Ponyatie I vidy tsifrovykh dokasatel'stv*' (2019) 1(55) Leningrad Law Journal 213-220
8. Mekhdiev TE, '*Pravo na otklyuchenie v fokuse printsipa balansa mezhdu rabotoy I lichnoy zhizn'yu*' (2023) 5(221) Pravo I gosudarstvo: teoriya i praktika 105-107
9. Kolesov DI, '*Problema «prava na otklyuchenie»: evropeyskiy opyt*' (2022) 6 Nauchno-analiticheskiy vestnik Instituta Evropy RAN 85-96
10. Filippova IA, Transformatsiya pravovogo regulirovaniya v tsifrovom obshchestve: Iskysstvennyy intellect I trudovoe parvo (Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University, 2019)
11. Lyutov NL, '*New Remote Work Regulations: Have Old Problems Been Solved?*' (2021) 6(175) Lex Russica 36-45 https://www.researchgate.net/publication/353013454_New_Remote_Work_Regulations_Have_Old_Problems_Been_Solved accessed 04 Apr 2026.

Есенгалиева Акмарал Болатовна
магистрант 2 курса образовательной программы «Юриспруденция»
Высшая школа права Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республика Казахстан
Email: akmaral_yessengaliyeva@kazguu.kz

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ТРУДОВЫЕ ПРАВА ПЛАТФОРМЕННЫХ РАБОТНИКОВ В КАЗАХСТАНЕ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация: Статья посвящена анализу реализации коллективных трудовых прав платформенных работников в Казахстане в контексте стандартов МОТ. Целью работы является оценка соответствия национальной модели регулирования Конвенциям МОТ и выявление институциональных барьеров, ограничивающих доступ платформенных работников к триаде коллективных прав: свободе объединения, коллективным переговорам и коллективным действиям. Методология базируется на формально-юридическом методе, сравнительно-правовом анализе и изучении эмпирических данных о функционировании платформ. Результаты показывают, что закрепление гражданско-правового статуса платформенных исполнителей создает нормативный разрыв: экономическая зависимость и алгоритмический контроль не учитываются, что исключает работников из сферы действия трудового права. Ограничения проявляются в сужении субъектного состава права на объединение, неприменимости процедур коллективных переговоров и в отсутствии защиты коллективных действий. Выводы подтверждают необходимость перехода от формально-статусного к функциональному подходу, предусматривающему признание коллективных прав, а также адаптацию механизмов социального партнерства к цифровой экономике. Новизна заключается в установлении системного характера ограничений коллективных прав платиформенных работников в Казахстане и выявлении природы нормативного разрыва между фактическими условиями работы и правовой квалификацией.

Ключевые слова: платформенная занятость, коллективные трудовые права, свобода объединения, коллективные переговоры, коллективные действия, социальное партнерство, международные трудовые стандарты, алгоритмический контроль, презумпция трудовых отношений, цифровые формы протеста.

Аңдатпа: Мақала Қазақстан Республикасында платформа қызметкерлерінің ұжымдық еңбек құқықтарын Халықаралық Еңбек Ұйымының халықаралық еңбек стандарттары контекстінде жүзеге асыруды талдауға арналған. Мақсаты платформалық жұмыспен қамтуды ұлттық реттеу моделінің ХЕҰ Конвенцияларына сәйкестігін бағалау және платформа қызметкерлерінің ұжымдық құқықтар үштігіне: бірлестік еркіндігіне, ұжымдық келіссөздерге және ұжымдық іс-әрекеттерге қолжетімділігін шектейтін институциональдық кедергілерді анықтау болып табылады. Әдістеме формальды құқықтық әдіске, салыстырмалы құқықтық талдауға және эмпирикалық деректерді зерттеуге негізделген. Нәтижелер платформалық орындаушылардың азаматтық-құқықтық мәртебесін бекіту нормативтік алшақтық тудыратынын бекітеді: экономикалық тәуелділік пен алгоритмдік бақылау ескерілмегенін және бұл жұмысшыларды еңбек құқығының әрекет ету аясынан тыс қалдыратынын көрсетеді. Шектеулер бірлесу құқығының субъективтік құрамының тарылуында, ұжымдық келіссөздер рәсімдерінің қолданылмауында және ұжымдық іс-әрекеттердің қорғалмауынан көрініс табады. Қорытындылар ресми мәртебелік тәсілден келісім түріне қарамастан ұжымдық құқықтарды тануды, әлеуметтік серіктестік тетіктерін цифрлық экономикаға бейімдеуді көздейтін функциональдық тәсілге көшу қажеттілігін растайды. Жаңашылдық Қазақстандағы платформалық

жұмысшылардың ұжымдық құқықтарына қойылатын шектеулердің жүйелік сипатын негіздеу және нақты жұмыс жағдайлары мен құқықтық біліктілік арасындағы нормативтік алшақтықтың табиғатын анықтауды қамтиды.

Түйін сөздер: платформалық жұмыспен қамту, ұжымдық еңбек құқықтары, бірлесу еркіндігі, ұжымдық келіссөздер, ұжымдық іс-әрекеттер, әлеуметтік серіктестік, халықаралық еңбек стандарттары, алгоритмдік бақылау, еңбек қатынастарының презумпциясы, сандық түрдегі наразылық.

Abstract: The article examines the implementation of collective labour rights of platform workers in Kazakhstan in the context of ILO standards. The study aims to assess the alignment of the national regulatory framework wtih ILO Conventions and to identify institutional barriers restricting platform workers' access to the triad of collective rights: freedom of association, collective bargaining, and collective action. The methodology combines the formal legal method, comparative legal analysis and an empirical examination of platform operations. The findings indicate that the current civil-law classification of platform performers in Kazakhstan creates a regulatory gap, as it fails to account for their economic dependence and exposure algorithmic management, thereby effectively excluding them from the scope of labour law. These restrictions manifest in the narrowing of the personal scope of the right to organize, the inapplicability of collective bargaining procedures, and the absence of legal safeguards for collective action. The study concludes that a paradigm shift is required, namely a transition from a formal status-based approach to a functional approach that recognizes collective rights and adapts social partnership mechanisms to the digital economy. The scholarly novelty lies in substantiating the systemic nature of limitations on platform workers' collective rights in Kazakhstan and in identifying the specific regulatory gap between *de facto* working conditions and their *de jure* legal classification.

Keywords: platform work, collective labour rights, freedom of association, collective bargaining, collective action, social partnership, international labour standards, algorithmic management, presumption of an employment relationship, digital forms of protest.

Введение

В условиях становления цифровой экономики и трансформации труда, обусловленной Четвертой промышленной революцией, происходят фундаментальные изменения в сфере занятости.[1363] Одним из ключевых проявлений этих процессов является стремительное развитие платформенной занятости как качественно нового социально-трудового института, перестраивающего трудовые отношения и механизмы их регулирования в рамках гиг-экономики.[1364]

Актуальность исследования для Республики Казахстан обусловлена быстрым ростом платформенной занятости, которая охватывает более 500 тысяч человек и составляет около 5-6% занятого населения страны.[1365] Экономическая значимость

[1363] НЛ Лютов, 'Адаптация трудового права к развитию цифровых технологий: вызовы и перспективы' (2019) 6(103), Актуальные проблемы российского права 98 <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-trudovogo-prava-k-razvitiyu-tsifrovyh-tehnologiy-vyzovy-i-perspektivy> дата обращения 03.04.2026; ЕН Нургалиева и АС Баймаханова, 'Проблемы правового регулирования платформенной занятости в Республике Казахстан' (2024) 146(1) Вестник Евразийского национального университета имени ЛН Гумилева Серия Право 49 <https://bullaw.enu.kz/index.php/main/article/view/299> дата обращения 03.04.2026.

[1364] Sanja Stojkovic Zlatanovic and Ivana Ostojic, 'Labour Law Status of Platform Workers Between Autonomy and Subordination' (2021) 2021 Regional L Rev 269, 273 < https://heinonline.org/HOL/Page?handle=hein.journals/rgllr2021&id=273> дата обращения 03.04.2026.

[1365] '*Результаты исследования платформенной экономики в Казахстане'* (Urban Forum Kazakhstan, 14 августа 2025) **<**https://urbanforum.kz/tpost/e8jgxesdl1-rezultati-issledovaniya-platformennoi-ek> дата обращения 31.03.2026.

данного сектора подтверждается результатами внедрения пилотного проекта с участием Yandex Kazakhstan, в рамках которого было легализовано свыше 108 тысяч исполнителей с совокупным доходом более 290 млрд тенге и обеспечены налоговые поступления в объеме 8,3 млрд тенге.[1366] Однако, несмотря на значительные количественные и фискальные показатели, правовой статус платформенных исполнителей остается неопределенным. Выполнение работы через цифровые платформы размывает традиционную модель «работник-работодатель»,[1367] формируя риски социальной уязвимости, прекаризации занятости и сопутствующие проблемы в сфере коллективных трудовых прав.[1368] К числу ключевых проблем относятся формальная квалификация платформенных работников в качестве «независимых исполнителей» при наличии фактической экономической зависимости от платформ,[1369] а также отсутствие устойчивого трудового коллектива, что затрудняет реализацию права на объединение.[1370] Дополнительно ограничивается возможность полноценного применения традиционных механизмов коллективных переговоров и разрешения коллективных трудовых споров. В совокупности указанные факторы существенно снижают доступность институтов коллективной защиты интересов работников.

В этой связи особую значимость приобретает исследование платформенной занятости с точки зрения ее соответствия международным стандартам, поскольку именно они задают ориентиры содержания и реализации коллективных трудовых прав. В настоящее время национальные механизмы социального партнерства, закрепленные в законодательстве Республики Казахстан, не обеспечивают в полной мере реализацию свободы объединения и действенного признания права на коллективные переговоры, гарантированных ратифицированными Конвенциями Международной Организации труда (МОТ) №87 и №98.[1371] Основная причина сложившейся ситуации связана с приоритетом гражданско-правовой квалификации платформенных отношений, при которой работники рассматриваются как «исполнители» (независимые подрядчики), несмотря на их фактическую

[1366] '108 тысяч водителей и 8,3 млрд тенге налогов в бюджет: как *Yandex Qazaqstan* меняет жизнь казахстанцев' *Lada.kz* (Актау, 4 ноября 2025) <https://www.lada.kz/kazakhstan-news/145419-108-tysiach-voditelei-i-8-3-mlrd-tenge-nalogov-v-biudzhet-kak-yandex-qazaqstan-meniaet-zhizn-kazakhstantsev.html> дата обращения 31.03.2026.

[1367] Shyamali Ranaraja, 'Trade Union Responses to Organizing Workers on Digital Labour Platforms: A Six-Country Study' (2022) 11(1–2) International Journal of Labour Research 59, 63 <https://researchrepository.ilo.org/esploro/outputs/journalArticle/Trade-union-responses-to-organizing-workers/995341079902676> дата обращения 03.04.2026.

[1368] Sabina Dewan and Praavita Kashyap, *Opportunities and Challenges for Decent Work in the Platform Economy in Asia and the Pacific* (ILO Working Paper 164, ILO 2026) 17 <https://researchrepository.ilo.org/esploro/outputs/encyclopediaEntry/Opportunities-and-challenges-for-decent-work/995694169602676> дата обращения 01.04.2026.

[1369] ibid 61; Ruth Castel-Branco, Seipati Mokhema and Edward Webster, 'Digital Platforms and Emerging Forms of Worker Struggles' in Vishwas Satgar (ed), *Digital Capitalism and its Limits: Technotopia, Power and Risk* (Wits University Press 2025) 89, 98 <https://www.jstor.org/stable/10.18772/22025049407.11> дата обращения 01.04.2026.

[1370] Международная конференция труда, *Обеспечение достойного труда в платформенной экономике [Realizing Decent Work in the Platform Economy]* (Доклад V(1) ILC 113/V(1), МОТ 2025) 103 (Обеспечение достойного труда в платформенной экономике 2025 Белый доклад) <https://www.ilo.org/resource/conference-paper/ilc/113/realizing-decent-work-platform-economy> дата обращения 02.04.2026.

[1371] Закон Республики Казахстан 'О ратификации Республикой Казахстан Конвенции 1948 года о свободе ассоциации и защите права на организацию' № 29-II от 30 декабря 1999г. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z990000029_> дата обращения 23.03.2026; Закон Республики Казахстан 'О ратификации Конвенции о применении принципов права на организацию и на ведение коллективных переговоров' № 118-II от 14 декабря 2000г. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z000000118_> дата обращения 23.03.2026.

экономическую зависимость от цифровых платформ. Такая конструкция исключает применение механизмов коллективной защиты и, как следствие, обусловливает необходимость уточнения содержания коллективных трудовых прав и определения границ их реализации в условиях цифровой экономики Казахстана.

Исходя из изложенного, целью исследования является анализ реализации коллективных трудовых прав платформенных работников в Республике Казахстан в сопоставлении с международными стандартами и выявление ключевых правовых и институциональных проблем, препятствующих их эффективной защите. Анализ сосредоточен на платформенных работниках, регулярно выполняющих оплачиваемую работу в рамках относительно устойчивых трудовых взаимодействий. Из предмета исследования исключаются участники краудсорсинговых проектов, не вовлеченные в стабильные трудовые отношения, а также иные коллективные права, не составляющие ядро коллективно-договорного механизма. Такая фокусировка позволяет детально проанализировать ключевые институты, определяющие возможности коллективной защиты интересов работников в условиях платформенной занятости.

Основная часть

1. Коллективные трудовые права в условиях платформенной занятости и международные стандарты. Коллективные трудовые права функционируют как комплексная система, призванная компенсировать структурное и экономическое неравенство переговорных возможностей между работодателем и отдельным работником.[1372] В доктрине трудового права свобода объединения и право на коллективные переговоры рассматриваются как ключевые элементы правового регулирования, от реализации которых зависит способность работников эффективно защищать свои интересы и поддерживать баланс сил в трудовых отношениях.[1373] При этом МОТ определяет право на коллективные действия, включая забастовку, как «неотъемлемое следствие» права на организацию,[1374] закрепленного в Конвенции №87,[1375] что подчеркивает их функциональную взаимосвязь. Такой комплексный подход позволяет рассматривать указанную триаду как систему «обеспечивающих прав»,[1376] которые являются фундаментом для реализации всех остальных трудовых стандартов. В условиях цифровой экономики и распространения платформенной занятости значение данной триады прав существенно возрастает и выступает ключевым критерием эффективности правового регулирования, обеспечивающего защиту прав и интересов работников в новых формах занятости.

[1372] КН Гусов и НЛ Лютов, *Международное трудовое право* (Проспект 2013) 390.

[1373] НЛ Лютов и ЕС Герасимова, *Международные трудовые стандарты и российское трудовое законодательство* (2-е изд., Центр социально-трудовых прав 2015) 26.

[1374] Antonio Aloisi, 'Negotiating the Digital Transformation of Work: Non-Standard Workers' Voice, Collective Rights and Mobilisation Practices in the Platform Economy' (2019) EUI Working Paper MWP 2019/03, 8 <https://cadmus.eui.eu/entities/publication/d2e328ca-c7de-5e30-a89e-340bfc63dd44/full> дата обращения 23.03.2026.

[1375] Международная организация труда, 'Конвенция (№ 87) о свободе объединений и защите права объединяться в профсоюзы' (9 июля 1948) <https://normlex.ilo.org/dyn/nrmlx_en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO:12100:P12100_INSTRUMENT_ID:312232:NO> дата обращения 23.03.2026.

[1376] Международная организация труда, *Декларация о социальной справедливости в целях справедливой глобализации* (МОТ 2008) 6, art I(A)(iv) <https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@europe/@ro-geneva/@sro-moscow/documents/genericdocument/wcms_100193.pdf> дата обращения 23.03.2026; Valerio De Stefano, '"Negotiating the Algorithm": Automation, Artificial Intelligence and Labour Protection' (2018) Employment Working Paper No 246 (ILO) 19-20 <https://www.ilo.org/publications/negotiating-algorithm%E2%80%9D-automation-artificial-intelligence-and-labour> дата обращения 23.03.2026.

Право на объединение выступает исходным элементом системы коллективных трудовых прав, поскольку именно оно превращает отдельного работника в часть единого коллективного субъекта, создавая возможности для уравновешивания его изначально более слабого положения по отношению к работодателю.[1377] В условиях платформенной занятости данное право приобретает принципиальное значение, так как при отсутствии коллективного представительства индивидуальный исполнитель фактически лишен возможности влиять на условия договора, которые в цифровой среде, как правило, закрепляются в форме договоров присоединения (пользовательских соглашений).[1378] Посредством объединения работники получают возможность формировать и выдвигать консолидированные требования, в том числе касающиеся прозрачности условий труда и параметров алгоритмического управления, влияющих на их доход, распределение заданий и доступ к заказам. В свою очередь эффективная реализация права на объединение создает основу для доступа к иным трудовым гарантиям, включая справедливую оплату труда, разумное регулирование рабочего времени и обеспечение безопасных условий. Таким образом, коллективное представительство выступает не только формой реализации свободы объединения, но и ключевым механизмом защиты социально-экономических интересов работников в условиях цифровой экономики.

Однако само по себе право на объединение не обладает практической ценностью без *права на ведение коллективных переговоров*. Именно в рамках переговорного процесса формируется ключевой регуляторный инструмент на уровне предприятия – коллективный договор, определяющий условия труда и порядок взаимодействия сторон.[1379] В этом контексте право на коллективные переговоры функционирует как фундаментальное «обеспечивающее право», выходящее за рамки формальной процедуры и являющееся необходимым условием реализации всей системы трудовых стандартов.[1380] Через коллективные переговоры обеспечивается преобразование согласованных требований работников в юридически значимые нормы, обязательные для сторон трудовых отношений.

В условиях Четвертой промышленной революции институт коллективных переговоров претерпевает качественную трансформацию: он выходит за рамки традиционного инструмента индустриальной эпохи и приобретает значение ключевого механизма защиты человеческого достоинства в условиях алгоритмического управления. Одной из его ключевых характеристик становится расширение субъектного состава. Контрольные органы МОТ последовательно подчеркивают, что право на переговоры должно признаваться за всеми трудящимися, включая самозанятых лиц и работников неформальной экономики.[1381] В развитие данного

[1377] Valerio De Stefano and Antonio Aloisi, 'Fundamental Labour Rights, Platform Work and Human-Rights Protection of Non-Standard Workers' (2018) Bocconi Legal Studies Research Paper 3125866, 1, 11 <https://ssrn.com/abstract=3125866> дата обращения 23.03.2026; АМ Лушников и МВ Лушникова, *Курс Трудового Права: Учебник, т 1 Сущность трудового права и история его развития. Трудовые права в системе прав человека* (2-е изд., Статут 2009) 333–334.

[1378] Группа технической поддержки по вопросам достойного труда и Бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии, '*Перспективы занятости и социальной защиты в мире: Роль платформ цифрового труда в трансформации сферы труда'* (МОТ, 2021) 198 <https://www.ilo.org/publications/flagship-reports/role-digital-labour-platforms-transforming-world-work> дата обращения 23.03.2026.

[1379] International Labour Organization, *Social Dialogue Report 2022: Collective Bargaining for an Inclusive, Sustainable and Resilient Recovery* (ILO 2022) 14 (Social Dialogue Report 2022) <https://www.ilo.org/publications/flagship-reports/social-dialogue-report-2022-collective-bargaining-inclusive-sustainable-and> дата обращения 23.03.2026.

[1380] International Labour Organization, *70 Years of the ILO Committee on Freedom of Association: A Reliable Compass in Any Weather* (International Labour Organization 2022) 164 <https://www.ilo.org/publications/70-years-ilo-committee-freedom-association-reliable-compass-any-weather> дата обращения 23.03.2026.

[1381] ILO, Social Dialogue Report 2022 (n 17) 51-52.

подхода в рамках нормотворческой деятельности МОТ обсуждается введение инклюзивной категории «работник цифровой платформы»,[1382] направленной на преодоление правовых пробелов, обусловленных формальной классификацией статуса исполнителей, и обеспечение им доступа к коллективно-договорному регулированию.

Наконец, *право на коллективные трудовые споры***,** включая право на забастовку, выступает последним элементом триады прав и охранительным механизмом,[1383] обеспечивающим действенность первых двух прав. Иными словами, без возможности коллективных действий право на коллективные переговоры утрачивает свою практическую значимость, лишаясь инструмента, способного стимулировать работодателя к добросовестному конструктивному диалогу.

В условиях платформенной занятости коллективные формы протеста приобретают значение необходимого противовеса алгоритмическому управлению, в рамках которого платформы в одностороннем порядке устанавливают правила ценообразования, распределения заказов и доступа к работе.[1384] Особую проблему представляет практика деактивации аккаунтов, которая по своим социально экономическим последствия сопоставима с прекращением занятости.[1385] В ответ на данную уязвимость традиционные забастовки трансформируются в согласованные «отключения» от платформ (log-off), представляющие собой современную форму коллективного приостановления работы.[1386] Эффект воздействия в данном случае достигается за счет массового выхода исполнителей, особенно в периоды пиковой нагрузки, что позволяет оказывать экономическое давление на платформу и одновременно привлекать общественное внимание.[1387] Координация таких действий осуществляется через цифровые каналы коммуникации, включая социальные сети и мессенджеры, что способствует преодолению территориальной рассредоточенности работников[1388] и усиливает эффективность коллективного протеста.

Эффективность триады коллективных прав находит подтверждение в международных стандартах. Нормативную основу коллективных трудовых прав формируют ключевые акты МОТ – Конвенции №87 1948 года и №98 1949 года,[1389] признанные фундаментальными, а также дополняющие их Конвенция №154 1981 года[1390] и Рекомендация №198 2006 года,[1391] закрепляющая принцип «приоритета

[1382] Международное бюро труда, *'Обеспечение достойного труда в платформенной экономике: Проект Конвенции и Рекомендации'* (Доклад V(4) ILC 114/V(4), МБТ 2026) 119 (Обеспечение достойного труда в платформенной экономике 2026 Синий доклад) <https://www.ilo.org/resource/conference-paper/ilc/ilc114/decent-work-platform-economy> дата обращения 23.03.2026.

[1383] АМ Лушников и МВ Лушникова, *Курс трудового права: Учебник. Т 2. Коллективное трудовое право. Индивидуальное трудовое право. Процессуальное трудовое право* (2-е изд., Статут 2009) 40.

[1384] МОТ, *Обеспечение достойного труда в платформенной экономике 2025* Белый доклад (n 8), 25.

[1385] ibid 87-90.

[1386] I Bessa and others, *A Global Analysis of Worker Protest in Digital Labour Platforms* (ILO Working Paper 70, ILO 2022) 9 <https://labordoc.ilo.org/discovery/fulldisplay/alma995219481902676/41ILO_INST:41ILO_V2> дата обращения 23.03.2026.

[1387] Aloisi (n 12) 22**.**

[1388] Muhidin and Richard, 'The Legal Dynamics of Digitally Dimensioned Strikes in the Era of Industry 4.0' (2025) 3(10) ASEAN Journal of Social and Humanities 1741, 1741-1747 <https://doi.org/10.59888/ajosh.v3i10.562> дата обращения 23.03.2026.

[1389] Закон № 29-II 1999 и Закон № 118-II 2000 (n 9).

[1390] Convention concerning the Promotion of Collective Bargaining (ILO Convention No 154) (entered into force 11 August 1983) <https://normlex.ilo.org/dyn/nrmlx_en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO:12100:P12100_INSTRUMENT_ID:312299:NO> дата обращения 25.03.2026.

[1391] Рекомендация МОТ №198 «О трудовом правоотношении» (принята 15 июня 2006 г.). <https://normlex.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=1000:12100:::NO:12100:P12100_INSTRUMENT_ID:312535> дата обращения 25.03.2026

фактов» (примата фактов) при определении характера трудовых отношений.[1392] Важным руководством служит также Декларация МОТ 1998 года, которая устанавливает свободу объединения и право на коллективные переговоры как универсальные нормы, обязательные для всех государств-членов независимо от ратификации соответствующих конвенций.[1393] Главным принципом применения указанных стандартов является равный доступ к коллективным трудовым правам для всех трудящихся независимо от их формального правового статуса – наемного работника или самозанятого,[1394] что отражает универсальность субъектного состава коллективных прав.

Вместе с тем, несмотря на универсальность международных стандартов, их реализация в условиях цифровой экономики сталкивается с системными вызовами. Платформенные операторы, позиционируя себя как технические посредники, соединяющие заказчиков, партнеров и исполнителей, фактически осуществляют императивный контроль над процессом труда посредством алгоритмического управления. Пространственная разобщенность исполнителей, многоуровневые цепочки субподряда и модели «независимых подрядчиков» затрудняют идентификацию субъекта, ответственного за обеспечение условий труда и трудовых прав, ослабляют формирование коллективной воли работников и препятствуют развитию устойчивых профсоюзных структур. В ответ указанные вызовы в рамках развивающихся международных стандартов формируются требования алгоритмической прозрачности, предполагающие раскрытие параметров работы алгоритмов и принятия автоматизированных решений.[1395] В международной практике уже появились примеры коллективных соглашений, предусматривающие создание специализированных «комитетов по алгоритмам», в частности в Испании.[1396] Деятельность таких органов позволяет представителям работников осуществлять контроль за использованием технологий искусственного интеллекта и обеспечивать реализацию принципа «человеческого контроля» над автоматизированными решениями.

Мировой опыт демонстрирует несколько моделей адаптации трудового права к трансформациям, связанным с развитием платформенной занятости. Одной из наиболее значимых моделей, получивших распространение в последние годы, является модель правовой презумпции трудовых отношений, направленная на борьбу с «мнимой самозанятостью». В рамках этого подхода, закрепленного в Директиве Европейского союза 2024 года, устанавливается опровержимая презумпция того, что отношения между платформой и работником являются трудовыми, если обнаруживаются факты контроля и руководства со стороны цифрового оператора.[1397] Данная концепция перекладывает бремя доказывания на платформу и находит

[1392] International Labour Office, *The Employment Relationship* (Report V(1), ILC 95th Session, ILO 2005) 24–26 <https://www.ilo.org/public/libdoc/ilo/2005/105B09_8_engl.pdf> дата обращения 25.03.2026.

[1393] International Labour Organization, 'Declaration on Fundamental Principles and Rights at Work' (adopted 18 June 1998, amended 10 June 2022) <https://normlex.ilo.org/dyn/nrmlx_en/f?p=1000:62:0::NO:62:P62_LIST_ENTRIE_ID:2453911:NO> дата обращения 20.03.2026.

[1394] МОТ, *Обеспечение достойного труда в платформенной экономике 2025 Белый доклад (п 8*) 67.

[1395] МОТ, *Обеспечение достойного труда в платформенной экономике 2026 Синий доклад (п 20)* ст 12–14, 122–23.

[1396] Anthony Forsyth and Shae McCrystal, *Collective Bargaining and Collective Action in the Platform Economy: A 2024 Update of Developments in Legislation, Case Law and Collective Agreements* (ILO Working Paper 143, ILO 2025) 22-24 <https://www.ilo.org/publications/collective-bargaining-and-collective-action-platform-economy> дата обращения 31.03.2026.

[1397] Directive (EU) 2024/2831 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2024 on improving working conditions in platform work OJ L 2024/2831, arts 4-5 <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2024/2831/oj/eng> дата обращения 30.03.2026.

отражение в национальных законодательства таки как испанский «Закон о райдерах» 2021 года,[1398] а также в правовых системах Хорватии, Португалии и Бельгии.[1399] В отличие от радикального признания платформенных исполнителей наемными работниками, ряд стран выбрал модель создания промежуточного или специального статуса, который наделяет самозанятых лиц определенным набором трудовых прав. Ярким примером служит Австралия, где реформы 2024 года ввели категорию «работников, подобных наемным».[1400] Этот статус присваивается исполнителям, обладающим низкой переговорной силой и малым контролем над выполнением задач, что позволяет Комиссии по справедливому труду устанавливать для них минимальные стандарты оплаты и условий труда. Схожий подход демонстрирует Чили, где законодательство 2022 года разделяет работников на зависимых и независимых, предоставляя последним базовые коллективные права и гарантии безопасности при сохранении статуса подрядчика.[1401] Параллельно с классификацией статуса развивается модель отраслевого регулирования и расширения прав на коллективные переговоры, ориентированная на создание специализированных институтов представительства. В Сингапуре Закон о платформенных работниках 2024 года ввел понятие «ассоциаций платформенной работы», наделенных правом вести переговоры от имени водителей такси и курьеров, а также проводить забастовки при условии соблюдения процедуры тайного голосования.[1402] Во Франции регулирование пошло по пути институционализации социального диалога через создание специализированного органа – Управления социальных отношений рабочих платформ, которое отвечает за организацию первых выборов представителей самозанятых, а также за контроль коллективных переговоров и системы представительства интересов работников на цифровых платформах.[1403] При этом правовая квалификация статуса исполнителей остается в судебной компетенции и субординация продолжает выступать главным критерием признания трудовых отношений. Наконец, в некоторых юрисдикциях доминирует модель институционального диалога, основанная вовлечении традиционных профсоюзов и, как правило, активной ролью государства. Так, в Китае изменения в Законе о профсоюзах 2021 года и последующие правительственные Руководящие принципы 2023 года предписывают платформам создавать механизмы консультаций с работниками «новых форм занятости» по вопросам режима отдыха и алгоритмического управления, даже если они формально не являются работниками.[1404] Подобная тенденция наблюдается и в Бразилии, где регулирование деятельности платформенной занятости разрабатывается в рамках трехсторонних рабочих групп.[1405] В более децентрализованном варианте данная модель реализуется в Дании и Австрии через автономные коллективные переговоры между платформами и профсоюзами, направленные на установление минимальных трудовых и

[1398] Международная организация труда, *Доклад о социальном диалоге в 2024 году: Социальный диалог на высшем уровне в интересах экономического развития и социального прогресса. Сводное резюме* (МОТ 2024) 10 <https://www.ilo.org/publications/flagship-reports/social-dialogue-report-2024-peak-level-social-dialogue-economic-development> дата обращения 31.03.2026.
[1399] Forsyth and McCrystal (n 34) 15.
[1400] ibid 10-12.
[1401] ibid 13.
[1402] ibid 17-18.
[1403] ibid 16.
[1404] 'В Пекине завершилось 8-е заседание Постоянного комитета ВСНП 14-го созыва' Синьхуа (Пекин, 23 февраля 2024) <https://russian.xinhuanet.com/20240223/58ee309f877345eab27ee9dad7e1ce68/c.html> дата обращения 5 апреля 2026; Forsyth and McCrystal (n 32) 13-14.
[1405] Forsyth and McCrystal (n 34) 12.

социальных стандартов без обязательной реклассификации статуса исполнителей.[1406]

Таким образом, мировая практика регулирования платформенной занятости демонстрирует переход от правовой неопределенности к более структурированным механизмам защиты исполнителей. В отличие от этих тенденции в Казахстане доминирует гражданско-правовая квалификация платформенных отношений, что выводит их за пределы трудового права и системы социального партнерства. Такая модель сохраняет неопределенность статуса платформенных исполнителей в контексте международных стандартов МОТ и ограничивает их доступ к коллективным механизмам защиты интересов.

2. Платформенная занятость в Казахстане: эмпирический и правовой контекст. Комплексное исследование реализации коллективных трудовых прав платформенных работников в Республике Казахстан основывается на сопоставлении экономико-статистических показателей, данных социологического исследования и правового анализа национального законодательства и судебной практики. Такой междисциплинарный подход позволяет оценить степень соответствия действующей нормативной модели фактическим условиям платформенной занятости. При этом следует учитывать, что эмпирическая база в значительной степени опирается на исследование Urban Forum Kazakhstan,[1407] которое на сегодняшний день является наиболее системным источником платформенной занятости в стране.[1408]

Экономико-статистические показатели и фискальные приоритеты. Доступные количественные данные свидетельствуют о том, что платформенная занятость в Республике Казахстан приобрела массовый и устойчивый характер. По оценкам, через цифровые платформы занято более 500 тысяч человек, что соответствует примерно 5–6 % от общего числа занятых.[1409] Это позволяет рассматривать платформенную занятость не как маргинальное явление, а как структурно значимый сегмент национального рынка труда, находящийся на стадии активного формирования.

Существенное значение имеют результаты фискального пилотного проекта, реализованного при участии государственных органов и компании Yandex Kazakhstan.[1410] В рамках проекта более 108 тысяч водителей и курьеров зарегистрированы в качестве индивидуальных предпринимателей (ИП).[1411]

[1406] ILO, Social Dialogue Report 2022 (n 17) 92.

[1407] Urban Forum, '*Результаты исследования платформенной экономики в Казахстане'* (n 3).

[1408] *Примечание*: Исследование носит преимущественно описательный характер и не раскрывает ключевые методологические параметры, в том числе параметры выборки и критерии репрезентативности. В условиях нормативно-эмпирического дефицита обращение к данному источнику представляется оправданным, содержащиеся в нем сведения были интерпретированы с учетом обозначенных методологических ограничений и использованы преимущественно для иллюстрации выявляемых теоретико-правовых закономерностей.

[1409] Urban Forum Kazakhstan, '*Исследование платформенной экономики в Казахстане'* (Urban Forum Kazakhstan 2025) 8 <https://drive.google.com/file/d/1Zu8g3KquGF41fGQVWmwDRLky32JL3GTu/view> дата обращения 30.03.2026.

[1410] Министерство труда и социальной защиты населения Республики Казахстан, 'Минтруда и Яндекс.Такси запускают пилотный проект по платформенной занятости' (gov.kz, 16 мая 2023) <www.gov.kz/memleket/entities/enbek/press/news/details/555043?lang=ru> дата обращения 30.03.2026; 'Пилотный проект по платформенной занятости с Яндекс.Такси запустят 1 июля' Bluescreen.kz (16 мая 2023) <https://bluescreen.kz/pilotnyi-proiekt-po-platformiennoi-zaniatosti-s-iandiekstaksi-zapustiat-1-iiulia/> дата обращения 01.04.2026; 'Комитет госдоходов запустил пилотный проект по администрированию индивидуальных предпринимателей с применением мобильного приложения' *Kazakhstan Today* (Астана, 6 ноября 2023) <www.kt.kz/rus/ekonomika/komitet_gosdohodov_zapustil_pilotnyy_proekt_po_1377957435.html> дата обращения 01.04.2026.

[1411] '*108 тысяч водителей и 8,3 млрд тенге налогов в бюджет'* (n 4).

Совокупный доход участников проекта превысил 290 млрд тенге, а объём налоговых и социальных поступлений составил 8,3 млрд тенге.[1412] Эти данные подтверждают высокую эффективность цифрового администрирования, реализуемого, в частности, через мобильное приложение *e-Salyq Business*,[1413] обеспечивающее автоматизированный учет доходов и прозрачность расчетов.[1414]

Вместе с тем в сфере социальной защиты выявляются значительные риски. Согласно данным Urban Forum Kazakhstan, 83,3% платформенных работников предпринимают попытки самостоятельного формирования пенсионных накоплений, тогда как 16,7% исполнителей не осуществляют никаких сбережений на старость.[1415] При этом действующие ставки обязательных пенсионных взносов в размере 1% от дохода[1416] не обеспечивают достаточного уровня социальной защищенности в долгосрочной перспективе.

Действующая модель, закрепленная Социальном кодексе РК, относит отношения между платформой и исполнителем к гражданско-правовым.[1417] Это позволяет платформам избегать статуса работодателя и связанных с ним обязательств, что приводит к перекладыванию на работников социальных рисков по оплате больничных и предоставлению трудовых отпусков.[1418] Такая конструкция вступает в противоречие с концепцией достойного труда, продвигаемой МОТ,[1419] поскольку ограничивает доступ платформенных занятых к социальной защите и механизмам коллективного представительства. В результате усиливается прекаризация занятости и формируются долгосрочные социальные риски, включая угрозу «бедной старости».

Представленные данные показывают, что регулирование платформенной занятости ориентировано на фискальные задачи, включая легализацию доходов и расширение налоговой базы. В то же время вопросы социальной защищенности работников оказываются вторичными и подчиненными данным фискальным приоритетам.

*Социологические данные как отражение восприятия правовой модели***.** Результаты социологических исследований показывают, что ключевыми факторами выбора платформенного труда являются гибкий график, отсутствие начальства и возможность совмещения с иными видами деятельности.[1420] Это свидетельствуют о высокой ценности автономии для работников.

Вместе с тем процедура регистрации в качестве ИП воспринимается значительной частью исполнителей как обременительная. Респонденты указывают на наличие финансовых и юридических барьеров,[1421] что свидетельствуют о сложности формализации. Вероятно, такие ограничения могут быть связаны, в том числе, с обязательствами по алиментам и кредитным платежам.

Существенной проблемой остается низкий уровень правовой информированности. Многие работники не обладают четким пониманием порядка

[1412] ibid.

[1413] Налоговый кодекс РК от 18 июля 2025 года № 214-VIII ЗРК, ст. 717 <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2500000214> дата обращения 25.03.2026

[1414] '*108 тысяч водителей и 8,3 млрд тенге налогов в бюджет'* (n 4).

[1415] ibid.

[1416] Социальный кодекс Республики Казахстан от 20 апреля 2023 года № 224-VII ЗРК ст. 101–2 п. 4 и 5 <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2300000224> дата обращения 25.03.2026.

[1417] ibid ст.102.

[1418] Urban Forum, '*Результаты исследования платформенной экономики в Казахстане'* (n 3) 15.

[1419] International Labour Organization, *Understanding Rights at Work: A Guide to Key Terms Related to Fundamental Principles and Rights at Work, Trade and Supply Chains* (ILO 2025) 2-4 <https://www ilo.org/sites/default/files/2025-12/Understanding rights at work_1.pdf> дата обращения 31.03.2026.

[1420] Urban Forum, '*Результаты исследования платформенной экономики в Казахстане'* (n 3) 11.

[1421] ibid 14.

налогообложения и социальных отчислений.[1422] В условиях отсутствия коллективных форм представительства это усиливает их уязвимость перед односторонними изменениями условий со стороны платформ.

В целом, социологические данные подтверждают, что платформенные работники не воспринимают себя как предпринимателей в классическом смысле. Их участие в платформенной занятости обусловлено прежде всего гибкостью условий труда, а не готовностью нести предпринимательские риски. Отсутствие доступной информации о правах и обязанностях, а также барьеры формализации препятствуют формированию коллективной субъектности работников и способствуют сохранению неформальных практик занятости.

*Правовой анализ законодательства и судебной практики: институциональные ограничения***.** Анализ действующего законодательства Республики Казахстан выявляет наличие системных институциональных ограничений, препятствующих реализации как индивидуальных, так и коллективных трудовых прав платформенных работников.

Ключевым элементом данной модели является закрепление гражданско-правового статуса платформенных исполнителей в статье 102 Социального кодекса РК, что исключает возможность переквалификации деятельности в трудовую даже при наличии признаков алгоритмического подчинения экономической зависимости. Данная конструкция поддерживается нормами Налогового кодекса РК, предусматривающими специальный налоговый режим для самозанятых с совокупной нагрузкой в 4%,[1423] что делает данную модель экономически привлекательной для участников.

Между тем трудовое законодательство характеризуется ограниченной сферой применения. Его нормы распространяются преимущественно на лиц, состоящих в трудовых отношениях.[1424] В результате значительная часть самозанятых исполнителей оказываются вне зоны действия трудовых гарантий. Существующие определения «работника» и «работодателя» не учитывают современные формы цифрового контроля и алгоритмической власти в качестве признаков трудовых отношений.[1425]

Дополнительные ограничения проявляются в сфере коллективных прав. Законодательство о профессиональных союзах фактически исключает платформенных работников из числа субъектов, имеющих право на объединение и участие в коллективных переговорах, поскольку их статус определяется как предпринимательский.[1426]

На этом фоне особое значение приобретает судебная практика. В резонансном деле курьера Оспана А.А. против частного судебного исполнителя Сарбасова М.И. (Ospan v Sarbassov),[1427] связанное с деятельностью ТОО «Glovo Kazakhstan», Верховный суд РК применил принцип приоритета фактических обстоятельств из Рекомендации МОТ №198, и признал наличие трудовых отношений на основе критериев алгоритмической субординации, экономической зависимости и организационной включенности исполнителя в деятельность оператора. Данный

[1422] ibid 14.

[1423] Налоговый кодекс РК 2025 (n 51) ст. 715 п.1.

[1424] Трудовой кодекс РК от 23 ноября 2015 года № 414-V ЗРК ст. 8 и 10(1) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000414> дата обращения 25.03.2026.

[1425] ibid ст. 1(39) и 1(43).

[1426] Закон Республики Казахстан ‘О профессиональных союзах’ от 27 июня 2014 года № 211-V ЗРК <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000211> дата обращения 25.03.2026.

[1427] Постановление Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Республики Казахстан от 6 декабря 2021 (дело No 6001-21-00-6ап/19).

подход продемонстрировал возможность преодоления формального гражданско-правового подхода, однако не получил закрепления на законодательном уровне.

Таким образом, проведенный анализ выявляет разрыв между нормативной моделью и фактическими условиями платформенной занятости. Действующее регулирование формирует институционально закрепленную модель, в которой фискальные интересы государства и гражданско-правовая автономия платформ превалируют над задачами защиты трудовых прав. Императивное закрепление гражданско-правового статуса исполнителей блокирует реализацию триады коллективных прав и противоречит принципу «приоритета фактов», закрепленному в международных трудовых стандартах.[1428] В результате формируется модель формальной независимости, ведущей к прекаризации занятости лиц. Судебная практика демонстрирует потенциал альтернативного развития, однако ее влияние ограничено действующими законодательными рамками. В совокупности, выявленные выше противоречия, свидетельствуют о необходимости пересмотра действующей модели правового регулирования платформенной занятости с учетом фактической зависимости работников и расширения их доступа к коллективным правам как ключевому инструменту защиты в условиях цифровой экономики.

3. Проблемы реализации коллективных трудовых прав платформенных работников в Казахстане. Анализ эмпирических данных и действующего законодательства РК позволяет перейти к выявлению системных препятствий, ограничивающих реализацию триады коллективных трудовых прав платформенных работников. Эти ограничения носят комплексный характер и проявляются на уровне доступа к правам, процедур их реализации и механизмов защиты.

*Ограничение реализации права на объединение***.** Право на объединение, являющееся базовым элементом системы коллективных прав, в национальном праве Республики Казахстан имеет ограниченный субъектный охват. Согласно Закону РК «О профессиональных союзах», профсоюз создается на основе общности трудовых и производственно-профессиональных интересов,[1429] тогда как Трудовой кодекс РК закрепляет право на объединение исключительно за «работниками».[1430]

В условиях, когда Социальный кодекс РК квалифицирует платформенных занятых как исполнителей по гражданско-правовым договорам,[1431] они формально исключаются из категории субъектов, обладающих «трудовыми интересами» в юридическом смысле. Это приводит к ограничению их доступа к профсоюзной организации и иным формам коллективного представительства.

Подобная конструкция вступает в противоречие с международными трудовым стандартами, в частности, с Конвенцией МОТ № 87 о свободе объединения и защите права на организацию, которая закрепляет право всех работников на создание организации «без какого бы то ни было различия».[1432] В результате формируется ситуация институциональной дискриминации, при которой цифровая форма занятости используется как юридическое основание для ограничения фундаментальной свободы объединения.

Процедурная неприменимость права на коллективные переговоры. Право на коллективные переговоры в казахстанском законодательстве встроено в модель классических трудовых отношений. В соответствии со статьей 156 Трудового кодекса РК и статьей 11 Закона РК «О профессиональных союзах» коллективные переговоры осуществляются в рамках системы социального партнерства при наличии идентифицируемого работодателя. Вместе с тем Социальный кодекс РК вводит

[1428] МОТ, 'Рекомендация № 198' (n 29) п 9.
[1429] Закон РК 'О профессиональных союзах' 2014 (n 64) ст 1(6).
[1430] Трудовой кодекс РК 2015 (n 62) ст. 22 (1)(8).
[1431] Социальный кодекс РК 2023 (n 54) ст. 102(3).
[1432] 'Конвенция (№ 87) о свободе объединений и защите права объединяться в профсоюзы' (n 13) ст 2.

категорию «оператора интернет-платформы»,[1433] который не признается работодателем, а рассматривается как посредник или агрегатор. Это приводит к формированию институционального дисбаланса, при котором цифровые платформы фактически контролируют условия труда через алгоритмическое управление, но при этом формально не несут обязанности работодателя. В результате механизмы коллективных переговоров, предусмотренные трудовым законодательством, оказываются процедурно неприменимыми к платформенной занятости. Отсутствие статуса «работника» и физического рабочего места исключают возможность заключения коллективных договоров и участия в институтах социального партнерства.

Международные подходы, формируемые МОТ, предполагают расширительное толкование права на коллективные переговоры, включая распространение Конвенции №154 на категории лиц, находящихся в положении экономической зависимости, независимо от отрасли экономики.[1434] Несмотря на то, что Казахстан не ратифицировал данную Конвенцию, учет выработанных МОТ подходов представляется важным при оценке соответствия национального регулирования международным трудовым стандартам.

Право на коллективные трудовые споры и забастовку: нормативный разрыв. Наиболее выраженный разрыв между правовой моделью и фактическими условиями проявляется в сфере реализации права на коллективные трудовые споры и забастовку. В соответствии со статьей 162 Трудового кодекса РК забастовка определяется как способ разрешения коллективного трудового спора, участие в котором является законным правом работника. Однако платформенные исполнители, не признаваемые «работниками» в юридическом смысле лишены возможности воспользоваться данным механизмом. Их коллективные действия, включая согласованные «отключения» от платформ (log-off, не квалифицируются как забастовка и, соответственно, не подпадают под защиту трудового законодательства.

Это влечет существенные правовые последствия. В частности, на такие действия не распространяются гарантии, предусмотренные статьей 175 Трудового кодекса РК, включая защиту от увольнения. В рамках гражданско-правовой модели любые формы коллективного протеста могут быть интерпретированы как нарушение условий договора, что дает платформе основание для деактивации аккаунта без эффективных механизмов правовой защиты. Тем самым, право на коллективные действия в цифровой среде оказывается формально допустимым, но лишенным реальных правовых гарантий, что подрывает его способность выполнять функцию балансирования переговорной силы сторон.

Направления совершенствования законодательства Республики Казахстан. Сопоставление национального законодательства, судебной практики и международных стандартов свидетельствуют о формировании в Республике Казахстан институционально закрепленной модели регулирования, в которой платформенная занятость искусственно удерживается в рамках гражданско-правового режима. Така модель игнорирует фактические признаки трудовых отношений и ограничивает доступ работников к системе коллективных трудовых прав.

Несмотря на прогрессивный подход судебной практики с применением принципа «приоритета фактических обстоятельств», их влияние нивелируется императивными нормами Социального кодекса РК. Как следствие, закрепляется модель формальной независимости, за которой скрывается усиление нестабильности и незащищенности труда.

[1433] Социальный кодекс РК 2023 (n 54) ст 102(1)(1).
[1434] ILO Convention No 154 (n 28) art 1.

Для гармонизации национального законодательства с международными трудовыми стандартами представляется необходимыми следующие меры:

- введение в трудовое законодательство презумпции наличия трудовых отношений в случаях платформенной занятости при наличии признаков экономической зависимости и алгоритмического контроля;

- расширение субъектного состава законодательства о профессиональных союзах с включением самозанятых и платформенных работников, обеспечив им доступ к механизмам коллективного представительства;

- адаптация институтов коллективных переговоров к усилиям цифровой экономики, включая развитие дистанционных форм представительства и отраслевых соглашений;

-формирование правового режима коллективных действий в цифровой среде, обеспечивающего защиту работников от репрессивных мер со стороны платформ.

Реализация указанных мер позволит преодолеть существующий нормативный разрыв и обеспечить эффективное функционирование системы коллективных трудовых прав в условиях цифровой трансформации экономики.

Заключение

Проведенное исследование показало, что действующая модель регулирования платформенной занятости в Казахстане характеризуется структурным несоответствием международным трудовым стандартам. Анализ эмпирических данных и действующего законодательства выявил наличие устойчивого нормативного разрыва между фактическими условиями платформенной занятости и ее юридической квалификацией. Закрепление гражданско-правового статуса платформенных исполнителей в Социальном кодексе РК приводит их к исключению из сферы действия трудового законодательства, что блокирует доступ ко всем элементам системы коллективных прав. В результате формируется конструкция формальной автономии при фактической зависимости, в рамках которой экономическая зависимость и алгоритмический контроль не получают должной правовой оценки. Это свидетельствует о доминировании формально-статусного подхода, не учитывающего реальный характер трудовых отношений.

Установлено, что ограничения носят системный характер и затрагивают все элементы триады коллективных прав. Право на объединение сужено через формально ограниченный субъектный состав, право на коллективные переговоры – через привязку к модели социального партнерства и отсутствию признанного работодателя, а право на коллективные действия фактически лишено правовой защиты вследствие неприменимости норм о забастовке к платформенным исполнителям.

Сопоставление с международными тенденциями показывает, что в отличие от казахстанской модели современное регулирование платформенной занятости развивается в направлении расширения субъектного охвата трудовых прав, признания экономической зависимости и внедрения механизмов алгоритмической прозрачности. Это подтверждает необходимость перехода от формально-статусного к функциональному подходу в регулировании труда.

Таким образом, проблема реализации коллективных трудовых прав платформенных работников в Казахстане носит системный характер и обусловлена институциональной логикой действующего правового регулирования. Ее преодоление требует институционального пересмотра критериев трудового отношения, расширения субъектного состава коллективных прав и адаптации механизмов их реализации к условиям цифровой экономики.

Список литературы:

Международные конвенции и документы

1. Международная организация труда, Конвенция № 87 о свободе объединений и защите права объединяться в профсоюзы (МОТ 1948) <https://normlex.ilo.org/dyn/nrmlx_en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_INSTRUMENT_ID:312232>
2. Международная организация труда, Конвенция № 98 о применении принципов права на объединение в профсоюзы и на ведение коллективных переговоров (МОТ 1949) <https://normlex.ilo.org/dyn/nrmlx_en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_INSTRUMENT_ID:312243>
3. Международная организация труда, Конвенция № 154 о содействии коллективным переговорам (МОТ 1981) <https://normlex.ilo.org/dyn/nrmlx_en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_INSTRUMENT_ID:312299>
4. International Labour Organization, 'Key Document – ILO Declaration on Fundamental Principles and Rights at Work (1998), as amended 2022' <https://normlex.ilo.org/dyn/nrmlx_en/f?p=1000:62:0::NO:62:P62_LIST_ENTRIE_ID:2453911:NO>
5. Международная организация труда, 'Рекомендация № 198 о трудовом правоотношении' (15 июня 2006) <https://normlex.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=1000:12100:::NO:12100:P12100_INSTRUMENT_ID:312535>

Законодательство Европейского союза

6. Directive (EU) 2024/2831 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2024 on improving working conditions in platform work OJ L 2831 <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2024/2831/oj/eng>

Законодательство Республики Казахстан

7. Закон Республики Казахстан 'О профессиональных союзах' от 27 июня 2014 года № 211-V ЗРК
8. Закон Республики Казахстан 'О ратификации Конвенции о применении принципов права на организацию и на ведение коллективных переговоров № 118-II от 14 декабря 2000 г
9. Закон Республики Казахстан 'О ратификации Республикой Казахстан Конвенции 1948 года о свободе ассоциации и защите права на № 29-II от 30 декабря 1999 г
10. Трудовой кодекс РК от 23 ноября 2015 года № 414-V ЗРК
11. Социальный кодекс Республики Казахстан от 20 апреля 2023 года № 224-VII ЗРК
12. Налоговый кодекс РК от 18 июля 2025 года № 214-VIII ЗРК

Вторичные источники:

13. 'В Пекине завершилось 8-е заседание Постоянного комитета ВСНП 14-го созыва' *Синьхуа* (Пекин, 23 февраля 2024) <https://russian.xinhuanet.com/20240223/58ee309f877345eab27ee9dad7e1ce68/c.html>
14. Гусов КН и Лютов НЛ, Международное трудовое право (Проспект 2013)
15. Лушников АМ и Лушникова МВ, Курс Трудового Права: Учебник, т 1 Сущность трудового права и история его развития. Трудовые права в системе прав человека (2-е изд., Статут 2009)

16. Лушников АМ и Лушникова МВ, Курс трудового права: Учебник. Т 2. Коллективное трудовое право. Индивидуальное трудовое право. Процессуальное трудовое право (2-е изд., Статут 2009)

17. Лютов НЛ, ‘Адаптация трудового права к развитию цифровых технологий: вызовы и перспективы (2019) 6 Актуальные проблемы российского права <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-trudovogo-prava-k-razvitiyu-tsifrovyh-tehnologiy-vyzovy-i-perspektivy>

18. Лютов НЛ и Герасимова ЕС, ‘Международные трудовые стандарты и российское трудовое законодательство’ (2-е изд., Центр социально-трудовых прав 2015)

19. Международная конференция труда, Обеспечение достойного труда в платформенной экономике (Доклад V(1) ILC 113/V(1), МОТ 2025) <https://www.ilo.org/resource/conference-paper/ilc/113/realizing-decent-work-platform-economy>

20. Международное бюро труда, «Обеспечение достойного труда в платформенной экономике: Проект Конвенции и Рекомендации» (Доклад V(4) ILC 114/V(4), МБТ 2026) <https://www.ilo.org/resource/conference-paper/ilc/ilc114/decent-work-platform-economy>

21. Международная организация труда, Доклад о социальном диалоге в 2024 году: Социальный диалог на высшем уровне в интересах экономического развития и социального прогресса. Сводное резюме (МОТ 2024) 10 <https://www.ilo.org/publications/flagship-reports/social-dialogue-report-2024-peak-level-social-dialogue-economic-development>

22. Нургалиева ЕН и Баймаханова АС, ‘Проблемы правового регулирования платформенной занятости в Республике’ (2024) 146(1) Вестник Евразийского национального университета имени ЛН Гумилева Серия Право 49 <https://bullaw.enu.kz/index.php/main/article/view/299>

23. Aloisi Antonio, ‘Negotiating the Digital Transformation of Work: Non-Standard Workers’ Voice, Collective Rights and Mobilisation Practices in the Platform Economy’ (2019) EUI Working Paper MWP 2019/03 <https://cadmus.eui.eu/entities/publication/d2e328ca-c7de-5e30-a89e-340bfc63dd44/full>

24. Bessa I and others, A global analysis of worker protest in digital labour platforms (ILO Working Paper 70, ILO 2022) <https://labordoc.ilo.org/discovery/fulldisplay/alma995219481902676/41ILO_INST:41ILO_V2>

25. Castel-Branco R, Mokhema S and Webster E, ‘Digital Platforms and Emerging Forms of Worker Struggles’ in Satgar V (ed), *Digital Capitalism and its Limits: Technotopia, Power and Risk* (Wits University Press 2025) <https://www.jstor.org/stable/10.18772/22025049407.11>

26. De Stefano V and Aloisi A, ‘Fundamental Labour Rights, Platform Work and Human-Rights Protection of Non-Standard Workers’ (2018) Bocconi Legal Studies Research Paper 3125866 <https://ssrn.com/abstract=3125866>

27. Dewan S and Kashyap P, Opportunities and Challenges for Decent Work in the Platform Economy in Asia and the Pacific (ILO Working Paper 164, ILO 2026) <https://researchrepository.ilo.org/esploro/outputs/encyclopediaEntry/Opportunities-and-challenges-for-decent-work/995694169602676>

28. Forsyth A and McCrystal S, Collective bargaining and collective action in the platform economy: A 2024 update of developments in legislation, case law and collective agreements (ILO Working Paper 143, ILO 2025) 24 <https://www.ilo.org/publications/collective-bargaining-and-collective-action-platform-economy>

29. International Labour Office, The Employment Relationship (Report V(1), ILC 95th Session, ILO 2005) <https://www.ilo.org/public/libdoc/ilo/2005/105B09_8_engl.pdf>

30. International Labour Organization, 70 Years of the ILO Committee on Freedom of Association: A Reliable Compass in Any Weather (ILO 2022) <https://www.ilo.org/publications/70-years-ilo-committee-freedom-association-reliable-compass-any-weather>

31. International Labour Organization, Social Dialogue Report 2022: Collective Bargaining for an Inclusive, Sustainable and Resilient Recovery (ILO 2022) <https://www.ilo.org/publications/flagship-reports/social-dialogue-report-2022-collective-bargaining-inclusive-sustainable-and>

32. International Labour Organization, Understanding Rights at Work: A Guide to Key Terms Related to Fundamental Principles and Rights at Work, Trade and Supply Chains (ILO 2025) <https://www ilo.org/sites/default/files/2025-12/Understanding rights at work_1.pdf>

33. Lada.kz, «108 тысяч водителей и 8,3 млрд тенге налогов в бюджет: как Yandex Qazaqstan меняет жизнь казахстанцев» (Актау, 4 ноября 2025) <https://www.lada.kz/kazakhstan-news/145419-108-tysiach-voditelei-i-8-3-mlrd-tenge-nalogov-v-biudzhet-kak-yandex-qazaqstan-meniaet-zhizn-kazakhstantsev.html>

34. Muhidin and Richard, 'The Legal Dynamics of Digitally Dimensioned Strikes in the Era of Industry 4.0' (2025) 3(10) ASEAN Journal of Social and Humanities 1741 <https://doi.org/10.59888/ajosh.v3i10.562>

35. Ranaraja S, 'Trade Union Responses to Organizing Workers on Digital Labour Platforms: A Six-Country Study' (2022) 11(1–2) International Journal of Labour Research 59 <https://researchrepository.ilo.org/esploro/outputs/journalArticle/Trade-union-responses-to-organizing-workers/995341079902676>

36. Stojkovic Zlatanovic S and Ostojic I, 'Labour Law Status of Platform Workers Between Autonomy and Subordination' (2021) 2021 Regional L Rev 269 <https://heinonline.org/HOL/Page?handle=hein.journals/rgllr2021&id=273>

37. Urban Forum Kazakhstan, Результаты исследования платформенной экономики в Казахстане (Urban Forum Kazakhstan 2025) <https://urbanforum.kz/tpost/e8jgxesdl1-rezultati-issledovaniya-platformennoi-ek>

Судебные акты:

38. Постановление Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Республики Казахстан от 6 декабря 2021 (дело No 6001-21-00-6ап/19)

Жахан Сандуғаш
Магистрант 2 курса специальности «Юриспруденция»
Высшая школа права Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республика Казахстан
E-mail: s_zhakhan@kazguu.kz

МЕТОДИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ МИНИМАЛЬНОЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ В КАЗАХСТАНЕ: ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ФОРМУЛЫ ПОСТАНОВЛЕНИЯ № 212 В СВЕТЕ ЭЛЕМЕНТОВ, ПОДЛЕЖАЩИХ УЧЁТУ В СООТВЕТСТВИИ СО СТ. 3 КОНВЕНЦИИ МОТ № 131

Аннотация: Настоящая работа посвящена правовой оценке методики определения минимальной заработной платы, утверждённой Постановлением Правительства Республики Казахстан № 212 от 20 марта 2024 года, на соответствие критериям установленным ст. 3 Конвенции Международной организации труда № 131. Методика вводит формализованную формулу расчёта Минимальной заработной платы на основе медианной заработной платы и производительности труда. Этот шаг заслуживает положительную оценку с точки зрения методологической определённости. Между тем вопрос о том, в полной ли мере данная модель охватывает критерии ст. 3 Конвенции Международной организации труда № 131, в особенности в части самостоятельного учёта потребностей трудящихся и их семей, в казахстанской правовой доктрине остаётся открытым и требует специального исследования. Проведённый анализ показывает, что формула учитывает преимущественно экономические параметры и не включает социальные критерии, прямо предусмотренные Конвенцией: потребности работников и их семей, стоимость жизни и уровень социальных выплат. На основе сопоставления с моделями Франции, Бразилии и Австралии формулируются конкретные предложения по дополнению формулы социальными критериями в целях приведения национальной методики в соответствие с международными трудовыми стандартами.

Ключевые слова: *минимальная заработная плата, прожиточная заработная плата, Конвенция МОТ № 131, достойное вознаграждение, стоимость жизни, медианная заработная плата, международные трудовые стандарты, сравнительное трудовое право, трудовое право Казахстана*

Аннотация: Осы жұмыс Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2024 жылғы 20 наурыздағы № 212 қаулысымен бекітілген ең төменгі жалақыны айқындау әдістемесіне Халықаралық еңбек ұйымының № 131 Конвенциясының 3-бабында көзделген ескерілетін элементтерге сәйкестігі тұрғысынан құқықтық бағалау жүргізуге арналған. Аталған әдістеме медиандық жалақы мен еңбек өнімділігіне негізделген ең төменгі жалақыны есептеудің формалдандырылған формуласын енгізеді. Бұл қадам әдіснамалық айқындылық тұрғысынан оң бағаланады. Сонымен қатар, бұл модель аталған Конвенцияның 3-бабында көзделген элементтерді, әсіресе жұмыскерлер мен олардың отбасыларының қажеттіліктерін дербес ескеру бөлігінде, толық қамти ма деген мәселе қазақстандық құқықтық доктринада ашық күйінде қалып отыр және арнайы зерттеуді талап етеді. Жүргізілген талдау формуланың негізінен экономикалық параметрлерді ескеретінін және Конвенцияда тікелей көзделген әлеуметтік элементтерді жұмыскерлер мен олардың отбасыларының қажеттіліктерін, өмір сүру құнын және әлеуметтік төлемдер деңгейін қамтымайтынын көрсетеді. Франция, Бразилия және Австралия модельдерімен салыстырмалы талдау негізінде ұлттық әдістемені халықаралық еңбек стандарттарына сәйкестендіру мақсатында формуланы әлеуметтік элементтермен толықтыру жөнінде нақты ұсыныстар тұжырымдалады.

Түйін сөздер: *ең төменгі жалақы, ескерілетін элементтер, лайықты жалақы, ХЕҰ № 131 Конвенциясы, лайықты еңбекақы, өмір сүру құны, медиандық жалақы, халықаралық еңбек стандарттары, салыстырмалы еңбек құқығы, Қазақстанның еңбек құқығы.*

Abstract: This paper provides a legal assessment of the methodology for determining the minimum wage approved by Resolution No. 212 of the Government of the Republic of Kazakhstan dated 20 March 2024, in order to assess its compliance with the elements to be taken into account under Article 3 of ILO Convention No. 131. The said methodology introduces a formalized formula for calculating the minimum wage based on the median wage and labour productivity. This development warrants a favourable assessment from the perspective of methodological certainty. At the same time, the question of whether this model fully captures the elements set out in Article 3 of the Convention—particularly with regard to the independent consideration of the needs of workers and their families—remains open in Kazakhstani legal doctrine and calls for dedicated scholarly inquiry. The analysis demonstrates that the formula primarily accounts for economic parameters and does not incorporate the social elements expressly provided for by the Convention, namely the needs of workers and their families, the cost of living, and the level of social benefits. On the basis of a comparative analysis with the models of France, Brazil, and Australia, the paper formulates specific proposals for incorporating social elements into the formula with a view to bringing the national methodology into conformity with international labour standards.

Keywords: *minimum wage, elements to be taken into account, living wage, ILO Convention No. 131, decent remuneration, cost of living, median wage, international labour standards, comparative labour law, labour law of Kazakhstan.*

Введение

Вопросы обеспечения достойного уровня оплаты труда традиционно рассматриваются как инструмент реализации права на справедливое вознаграждение, закрепленного в ст. 7 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (далее - МПЭСКП).[1435] Право на заработную плату, обеспечивающую подобающие условия существования (living wage), впервые закреплено в преамбуле раздела XIII Версальского мирного договора 1919 года и преамбуле Устава Международной организации труда (далее - МОТ), а впоследствии конкретизировано в п 3 ст 23 Всеобщей декларации прав человека 1948 года и приобрело юридически обязывающий характер в ст 7 МПЭСКП 1966 года.[1436] Статья 3 Конвенции МОТ № 131 предусматривает две группы факторов, подлежащих учёту при определении МЗП: социальные потребности работников и их семей, общий уровень заработной платы, стоимость жизни и социальные выплаты (ст. 3(а)) и экономические требования экономического развития, уровень производительности труда и необходимость поддержания занятости (ст. 3(б)). Иерархия между указанными группами факторов Конвенцией не установлена. Методика, опирающаяся исключительно на экономические факторы, не обеспечивает учёта социальной группы факторов, предусмотренных ст. 3(а).[1437]

[1435] Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят 16 декабря 1966 г., вступил в силу 3 января 1976 г.) 993 UNTS 3, ст. 7.

[1436] НЛ Лютов, ‘Минимальная заработная плата: международные трудовые стандарты и правовое регулирование в государствах ЕАЭС’ (2025) 12 Государство и право 164.

[1437] Конвенция МОТ № 131 об установлении минимальной заработной платы с особым учетом развивающихся стран (принята 22 июня 1970 г., вступила в силу 29 апреля 1972 г.), ст 3 <https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@ed_norm/@normes/documents/normativeinstrument/wcms_c131_ru.htm> дата обращения 18.03. 2026.

Однако правомерно ли рассматривать математическую формализацию Минимальной заработной платы (далее - МЗП) как самодостаточную гарантию её адекватности? Международный стандарт требует не просто фиксации любой величины, а создания эффективного правового механизма. Возникает риск того, что внедрение расчетных моделей может быть использовано для технического замещения содержательных социальных обязательств, превращая правовой инструмент в процедурную формальность.

Оценка соответствия методики требованиям ст. 3(a) Конвенции МОТ № 131 требует анализа того, в какой мере действующий механизм определения МЗП обеспечивает учёт факторов, связанных с уровнем жизни работников и их семей. Неспособность правового механизма влиять на такие структурные диспропорции, как гендерный разрыв в оплате труда или уровень гражданской субъектности наиболее уязвимых групп населения, должна рассматриваться как свидетельство недостаточной полноты регулирования. Подобные социальные эффекты в современной практике признаются косвенными тестами на «справедливость» распределения благ, к которой стремятся современные международные стандарты.

Данный вопрос приобрёл особую актуальность после реформы ст. 104 Трудового кодекса Республики Казахстан (далее - ТК РК), проведённой Законом от 21 декабря 2023 года № 49-VIII,[1438] и принятия Постановления Правительства РК № 212 от 20 марта 2024 года,[1439] которым впервые была утверждена методика, содержащая формулу расчёта МЗП.

Настоящая статья направлена на правовую оценку формулы Постановления № 212 в свете элементов, подлежащих учёту согласно ст. 3 Конвенции МОТ № 131, а также на сопоставление с зарубежными моделями и формулирование предложений по её совершенствованию.

Основная часть

Регулирование минимальной заработной платы национальным законодательством Казахстана

До реформы 2023 года регулирование МЗП в Республике Казахстан характеризовалось структурным разрывом между нормативным закреплением гарантии и процедурой её реализации. Конституция РК закрепляет право на вознаграждение за труд не ниже установленного законом минимального размера (ст. 24(2)),[1440] конкретизированное в ст. 1 ТК РК как гарантированный минимум оплаты труда неквалифицированного работника[1441] и в ст. 103 ТК РК как обязанность работодателя этот минимум соблюдать.[1442]

Вместе с тем, механизм определения самого размера МЗП нормативно раскрыт не был. Размер МЗП ежегодно устанавливался законом о республиканском бюджете без закрепления критериев расчёта и обязательных ориентиров.[1443] Такая модель не позволяла верифицировать соответствие устанавливаемого значения требованиям ст. 3(a) Конвенции МОТ № 131, обязывающей государство при определении МЗП учитывать потребности трудящихся и их семей, а также общий уровень заработной

[1438] Закон Республики Казахстан от 21 декабря 2023 года № 49-VIII «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам труда» <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000049> дата обращения: 15.03.2026.

[1439] Постановление Правительства Республики Казахстан от 20 марта 2024 года № 212 «Об утверждении методики определения минимального размера месячной заработной платы» (далее Постановление № 212) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400000212> дата обращения: 15.03.2026.

[1440] Конституция Республики Казахстан 1995 ст 24(2).

[1441] Трудовой кодекс Республики Казахстан от 23 ноября 2015 г № 414-V (далее — ТК РК), ст 1 <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000414> дата обращения: 19.03.2026.

[1442] Ibid 7 (ст 103).

[1443] Закон Республики Казахстан «О республиканском бюджете» (соответствующие годы).

платы.[1444] МЗП функционировала как фиксированный показатель, то есть нормативно закреплённый результат без юридически проверяемой процедуры его формирования.

Внесение изменений в ст. 104 ТК РК, осуществлённое Законом от 21.12.2023 г. № 49-VIII,[1445] устранилл процедурный пробел. Пункт 1 ст. 104 ТК РК закрепил, что проект методики определения МЗП подлежит рассмотрению на заседании Республиканской трёхсторонней комиссии по социальному партнёрству (далее - РТК). Данное требование отражает принцип социального диалога, закреплённый в ст. 4 Конвенции МОТ № 98 и предполагающий участие представителей работников в процессе принятия решений, непосредственно затрагивающих их трудовые права. Участие РТК в рассмотрении проекта методики могло бы обеспечить учёт социальных факторов, предусмотренных ст. 3(a) Конвенции МОТ № 131, - в частности, потребностей работников и их семей, которые не нашли отражения в формуле Постановления № 212.

Между тем, оценка фактической реализации данного требования выходит за рамки настоящего исследования ввиду отсутствия публичного доступа к протоколам заседаний РТК. Указанный вопрос представляется заслуживающим отдельного изучения в рамках последующих исследований.[1446] Пункт 1-1 ст. 104 ТК РК установил, что МЗП не может быть ниже прожиточного минимума и не включает доплаты, надбавки и иные выплаты,[1447] что соответствует позиции Комитета экспертов МОТ о недопустимости «размывания» базовой гарантии за счет включения в неё условно-переменных выплат.[1448]

Введение методики, утвержденной Постановлением Правительства РК от 20.03.2024 г. № 212, ограничивает дискрецию при установлении МЗП: значение показателя теперь связано с нормативно заданной формулой.[1449] Сохранение ежегодного утверждения МЗП законом о республиканском бюджете (п. 1-2 ст. 104 ТК РК),[1450] однако, указывает на то, что итоговое значение по-прежнему определяется выбором из нескольких допустимых вариантов в пределах методики.

Отсюда следует, что, переход от от одностороннего установления государством без привязки к каким-либо ориентирам, помимо прожиточного минимума к формализованной методике является позитивным шагом, не завершающим приведение регулирования в соответствие с требованиями ст. 3 Конвенции МОТ № 131. Содержательная оценка методики, утверждённой Постановлением Правительства РК № 212, требует анализа того, в какой мере действующий механизм определения МЗП обеспечивает учёт факторов, подлежащих учёту согласно ст. 3 Конвенции МОТ № 131, в частности социальных факторов, предусмотренных ст. 3(a), которые не получили самостоятельного нормативного выражения в формуле расчёта.

Регулирование МЗП в Республике Казахстан прошло путь от дискреционного ежегодного установления без нормативно закреплённых критериев к формализованной методике, утверждённой Постановлением № 212. Реформа ст. 104 ТК РК устранила процедурный пробел и ограничила дискрецию при определении МЗП. Вместе с тем переход к формализованной методике не завершает приведение регулирования в соответствие с требованиями ст. 3 Конвенции МОТ № 131: четыре из

[1444] Ibid 3 (ст 3(a)).
[1445] Ibid 4.
[1446] Ibid 7 (ст 104(1))
[1447] Ibid 7 (ст 104(1-1))
[1448] Комитет экспертов МОТ по применению конвенций и рекомендаций, Общий обзор систем установления минимальной заработной платы (МОТ 2014) § 50, ст 27 <https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@ed_norm/@relconf/documents/meetingdocument/wcms_235287.pdf> дата обращения: 19.03.2026.
[1449] Ibid 5.
[1450] Ibid 7 (ст 104(1-2))

шести параметров формулы нормативно не зафиксированы, социальные факторы, предусмотренные ст. 3(a), не получили самостоятельного нормативного выражения в формуле расчёта, а механизм социального диалога в рамках РТК требует содержательной реализации на практике.

Международные стандарты и критерии адекватности МЗП

Право на справедливое вознаграждение, закреплённое в ст. 7 МПЭСКП, образует нормативную основу международного стандарта определения минимальной заработной платы и предопределяет обязанность государства по созданию правового механизма, обеспечивающего его реализацию.

Данный стандарт не сводится к фиксации конкретного уровня заработной платы: он охватывает совокупность требований как к содержанию факторов, принимаемых во внимание при определении МЗП, так и к процедуре их учёта. Статья 3 Конвенции МОТ № 131 устанавливает факторы, подлежащие учёту при определении МЗП, Рекомендация МОТ № 135 предписывает их конкретизацию в числовые показатели, позволяющие верифицировать соблюдение указанных требований, а ст. 4 Конвенции МОТ № 98 закрепляет институциональный механизм их реализации через коллективные переговоры.

Совокупность указанных нормативных уровней определяет содержание международного стандарта определения МЗП и позволяет выделить три взаимосвязанных элемента: содержательный, обязательный учёт факторов, подлежащих учёту при определении МЗП, количественный, ориентиры соотношения МЗП и общего уровня заработной платы, закреплённые в практике международных контрольных органов, и институциональный, наличие функциональной системы коллективных переговоров, обеспечивающей участие представителей работников в процессе установления МЗП.

Содержательный элемент

Статья 3 Конвенции МОТ № 131 закрепляет дуалистическую систему факторов: социальные (потребности работников и семей, стоимость жизни, общий уровень заработной платы ст. 3(a)) и экономические (производительность труда, занятость ст. 3(б)).[1451] Комитет экспертов МОТ устанавливает, что между группами отсутствует иерархия, социальные критерии не могут подменяться макроэкономическими переменными.[1452] Руководство МОТ по политике МЗП прямо указывает, что установление МЗП требует сбалансированного и основанного на доказательствах подхода, а математические формулы не могут заменить социальный диалог.[1453]

Рекомендация МОТ № 135 конкретизирует это требование через систематический сбор данных о стоимости жизни и структуре домохозяйства.[1454] Замечание общего порядка № 23 КЭСКП (2016) дополняет стандарт применительно к ст. 7 МПЭСКП: вознаграждение должно обеспечивать реальную покупательную способность, а не только физиологическое выживание.[1455] Методика, опирающаяся исключительно на прожиточный минимум, противоречит указанному требованию.

Количественный элемент

[1451] Ibid 3 (ст 3)

[1452] Ibid 14 (§ 397, ст 193)

[1453] ILO, 'Setting and Adjusting Minimum Wage Levels' in ILO, Minimum Wage Policy Guide (ILO) ch 5 <https://www.ilo.org/global/topics/wages/minimum-wages/setting-adjusting/lang--en/index.htm> дата обращения: 19.03.2026.

[1454] МОТ, Рекомендация об установлении минимальной заработной платы 1970 г (№ 135) пп 1–2 <https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_ILO_CODE:R135> дата обращения: 19.03.2026.

[1455] Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, «Замечание общего порядка № 23: Право на справедливые и благоприятные условия труда (статья 7 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах)» (2016) Документ ООН E/C.12/GC/23, п 18.

Конвенция МОТ № 131 не закрепляет числовых порогов, ограничиваясь рамочным требованием учёта совокупности факторов согласно ст. 3. Руководство МОТ по политике в области МЗП указывает на следующие ориентиры оценки соответствия данному требованию: 60% медианной валовой заработной платы, 50% средней валовой заработной платы, а также соотношение чистой МЗП с национальным порогом бедности.[1456] Европейский комитет по социальным правам (далее - ЕКСП), квазисудебный орган Совета Европы, осуществляющий контроль за соблюдением Европейской социальной хартии (пересмотренной), формализовал данные ориентиры применительно к ст. 4(1) Хартии. Уровень МЗП ниже 60% средней заработной платы квалифицируется как несоответствие, а ниже 50% как нарушение.[1457]

Республика Казахстан участником Европейской социальной хартии не является, вследствие чего практика ЕКСП не порождает для неё международно-правовых обязательств и не имеет обязательной юридической силы. Вместе с тем данный ориентир представляет значимость с точки зрения учёта международного опыта в сфере правового регулирования МЗП: ст. 3 Конвенции МОТ № 131 носит рамочный характер и не содержит числовых критериев, что допускает её конкретизацию через сопоставимую международную практику контрольных органов.

Практика ЕКСП формируется по единой методологии применительно к десяткам государств с различным уровнем экономического развития, что обеспечивает её сопоставимость в качестве интерпретационного ориентира. При этом данные стандарты выработаны на основе добровольно принятых межгосударственных обязательств, что придаёт им характер международно-признанного критерия.

Директива ЕС 2022/2041, закрепляющая те же пороги на уровне наднационального права Европейского Союза, используется на том же основании как элемент сравнительно-правового анализа, а не как норма, обязательная для Республики Казахстан.[1458] Закреплённые в ней ориентиры могут использоваться как операциональный критерий в контексте ст. 3 Конвенции МОТ № 131. Как отмечается в научной литературе, их квалифицируют как операционализацию понятия «адекватность» в верифицируемые математические индикаторы.[1459]

При этом анализ практики социальных партнёров в государствах, применяющих указанные числовые ориентиры, указывает на то, что закреплённые пороговые значения воспринимаются скорее как нижняя граница правового регулирования, а не как целевой уровень достойного вознаграждения, к достижению которого стремятся представители работников в ходе коллективных переговоров. Некоторые авторы фиксируют, что даже ориентир в 60% от средней заработной платы воспринимается социальными партнёрами как минимальный, а не оптимальный порог достойного вознаграждения.

Так, в Словакии в 2020 году профсоюзы добивались установления МЗП на уровне 66% от медианной заработной платы, однако достигнутый результат составил лишь 57%. При этом следует учитывать, что медианная заработная плата, как

[1456] Ibid 19.

[1457] European Committee of Social Rights, Digest of the Case Law of the European Committee of Social Rights (Council of Europe 2008) art 4(1) <https://www.refworld.org/jurisprudence/caselawcomp/coeecsr/2008/68165>; дата обращения: 19.03.2026.

[1458] Директива (ЕС) 2022/2041 Европейского парламента и Совета от 19 октября 2022 г о достаточном уровне минимальной заработной платы в Европейском союзе [2022] OJ L275/33, преамбула п 28, <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32022L2041> дата обращения: 19.03.2026.

[1459] Błażej Mądrzycki and Łukasz Pisarczyk, 'The Directive on Adequate Minimum Wages in the European Union and its Potential Impact on National Law' (2024) 107 Acta Universitatis Lodziensis. Folia Iuridica 72.

правило, ниже средней, вследствие чего словацкий ориентир в 66% от медианной соответствовал бы ещё более высокому пороговому значению применительно к критерию ЕКСП.

Институциональный элемент

Реализация содержательного и количественного стандартов предполагает функциональную систему коллективных переговоров. Статья 4 Конвенции МОТ № 98 обязывает государства ограждать профсоюзы от вмешательства работодателей.[1460] Соглашения, заключённые финансово зависимыми структурами, не могут служить инструментом реализации стандарта достойного вознаграждения. Данная проблема получила отражение в сравнительной практике государств с развитыми системами коллективных переговоров.

В Нидерландах система коллективных переговоров традиционно выступает основным механизмом установления условий труда, включая заработную плату. Закон о минимальной заработной плате 1968 года (Wet minimumloon en minimumvakantiebijslag) закрепляет законодательный минимум как гарантию, функционирующую параллельно с отраслевыми коллективными соглашениями.[1461] Вместе с тем в литературе фиксируется практика заключения соглашений с организациями, финансово зависимыми от работодателей: организация AVV получала 97% доходов из взносов работодателей в 2018 году, что квалифицируется как системная эрозия переговорного механизма, несовместимая с требованиями ст. 4 Конвенции МОТ № 98.

Положение в Казахстане представляет собой более глубокое структурное несоответствие: институциональные барьеры исключают саму возможность функционирования независимого переговорного механизма в значении ст. 4 Конвенции МОТ № 98. Реформы 2014-2015 годов сформировали ситуацию принудительного монополизма, Трудовой кодекс РК позволяет работодателям блокировать переговоры через подконтрольные структуры, механизм принудительного исполнения решений трудового арбитража отсутствует, а законная забастовка с требованиями о повышении МЗП законодательно исключена.

При этом участие РТК в установлении МЗП не предполагало содержательного обсуждения её размера, а коллективные переговоры сведены к консультациям и не предполагают давления на работодателей. Международная конфедерация профсоюзов относит Казахстан к категории стран «без гарантий прав».[1462] Таким образом, несоответствие любому из трёх элементов не позволяет в полной мере реализовать право работников на достойное вознаграждение в значении ст. 7 МПЭСКП.

Международный стандарт определения МЗП включает три взаимосвязанных элемента: содержательный, количественный и институциональный. Несоответствие любому из них не позволяет в полной мере реализовать право на достойное вознаграждение в значении ст. 7 МПЭСКП. Содержательный элемент требует кумулятивного учёта социальных и экономических факторов согласно ст. 3 Конвенции МОТ № 131. Количественный элемент конкретизируется через ориентиры международных контрольных органов в частности, порог в 60% от средней заработной платы. Институциональный элемент предполагает функциональную систему коллективных переговоров в соответствии со ст. 4 Конвенции МОТ № 98.

[1460] МОТ, Конвенция о праве на организацию и ведение коллективных переговоров 1949 г (№ 98) ст 4 <https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_ILO_CODE:C098> дата обращения: 19.03.2026.

[1461] Wet minimumloon en minimumvakantiebijslag 27 november 1968, Stb 1968, 657 (Netherlands) <https://wetten.overheid.nl/BWBR0002638/ 2026-02-04> дата обращения: 02.04.2026.

[1462] НЛ Лютов, 'Свобода объединения в Казахстане: есть ли надежда на сближение с международными трудовыми стандартами?' (2024) 4(105) Право и государство 43, 44, 45, 47, 49

Применительно к Казахстану все три элемента не обеспечены в полной мере, что свидетельствует о системном характере выявленных несоответствий.

Оценка формулы Постановления № 212: структурные пробелы и сравнительные решения

Формула, закреплённая Постановлением Правительства РК № 212, не обеспечивает учёта социальных критериев, предусмотренных ст 3(a) Конвенции МОТ № 131. Сравнительный анализ позволяет установить три конкретных структурных пробела и определить нормативные модели их устранения.

Пункт 6 Постановления Правительства РК от 20 марта 2024 года № 212 закрепляет следующую расчётную модель:[1463]

$$МРМЗПt+1 = [A \times B1 \times МедЗПt + (1 - A) \times B2 \times ПТt] \times \alpha$$

Формула, закреплённая п. 6 Постановления № 212, содержит две переменные с нормативно определёнными источниками данных: медианную заработную плату и производительность труда, рассчитываемые на основе публикаций Бюро национальной статистики РК (п. 5 Постановления № 212). Остальные параметры нормативно не зафиксированы: весовые коэффициенты A и (1−A) выбираются из пяти рекомендуемых соотношений, доли B1 и B2 определяются корреляционно-регрессионным анализом за период не менее десяти лет, поправочный коэффициент α варьируется от 1 до 1,5 в исключительных случаях без раскрытия критериев их наступления (п. 7 Постановления № 212).

Поправочный коэффициент α варьируется от 1 до 1,5 «в исключительных случаях с учётом социально-экономического положения страны» без раскрытия критериев их наступления (п 7 Постановления № 212). Итоговый размер МЗП избирается из не менее чем пяти расчётных вариантов путём выбора «наиболее подходящего» без нормативно закреплённого алгоритма.

Из сказанного следует, что, данную модель можно квалифицировать как имитацию соответствия ст. 3 Конвенции МОТ № 131, из шести параметров формулы нормативно определены источники лишь двух переменных. Четыре параметра, а именно весовые коэффициенты, доли, поправочный коэффициент и критерий выбора итогового варианта, остаются в свободе усмотрения разработчика расчёта, что исключает возможность независимой верификации итогового значения МЗП.

Первый недостаток формулы, что Постановления № 212 не содержит ни одного параметра, отражающего стоимость жизни, то есть критерий, прямо закреплённый в ст 3(a) Конвенции МОТ № 131. Например, согласно ст L3231-4 Трудового кодекса Франции, минимальная межпрофессиональная заработная плата роста (SMIC) ежегодно индексируется по двум параметрам: изменению индекса потребительских цен для домохозяйств с доходами в нижней пятой части распределения и половине прироста покупательной способности базовой тарифной ставки.[1464]

Индекс потребительских цен для наименее обеспеченных домохозяйств закреплён законом в качестве нормативно фиксированного параметра и не допускает изменения по усмотрению исполнительного органа. Право на повышение МЗП сверх рассчитанного по формуле значения принадлежит правительству, однако его реализация обусловлена рекомендацией экспертной комиссии и не является юридической обязанностью. Включение аналогичного параметра в формулу расчёта МЗП РК непосредственно закрыло бы пробел в части ст 3(a) Конвенции МОТ № 131 без изменения общей архитектуры модели.

[1463] Ibid 5 (пп 5 и 7).

[1464] Code du travail (France), arts L3231-2 et L3231-4 <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006072050/LEGISCTA000006195808/?anchor=LEGIARTI000006902834#LEGIARTI000006902834> дата обращения: 19.03.2026.

Второй недостаток формулы заключается в том, что медианная заработная плата, используемая в формуле № 212, отражает распределение заработков на рынке труда, однако не позволяет установить, достаточна ли МЗП для покрытия базовых потребностей домохозяйства с детьми или иждивенцами. Рекомендация МОТ № 135 прямо предписывает при установлении МЗП учитывать именно структуру домохозяйства и его реальные потребности.

Следует при этом отметить, что ни одна из рассмотренных формульных моделей не закрепляет данный критерий через бюджет домохозяйства в явном виде. Наиболее последовательное институциональное решение предлагает австралийская модель. Согласно ст 284(1)(c) Закона об условиях труда Австралии 2009 года, Комиссия по справедливым условиям труда при каждом ежегодном пересмотре МЗП обязана учитывать уровень жизни работников с семьями как самостоятельный нормативный критерий, вне зависимости от динамики заработной платы или производительности труда.[1465]

Казахстанская модель не предусматривает ни аналогичного институционального механизма, ни процедурного эквивалента: п 7 Постановления № 212 ограничивается указанием на анализ «социальных конечных результатов» без операционализации этого понятия.

Третий недостаток формулы – это дискреция при выборе итогового значения. Структура формулы № 212 предоставляет органу исполнительной власти не менее пяти альтернативных расчётных значений МЗП без нормативного алгоритма выбора между ними. Бразильский Закон № 12.382/2011, принятый во исполнение ст 7(IV) Конституции 1988 года, демонстрирует принципиально иную модель: МЗП индексируется по двум параметрам, а именно индексу потребительских цен (INPCt-1) за предшествующий год и реальному росту ВВП (GDPt-2) за два года до расчётного.[1466]

Оба параметра закреплены законом, публично верифицируемы, диапазон дискреции органа исполнительной власти равен нулю. В литературе по международному трудовому праву применительно к Казахстану и ряду постсоветских государств, что в системах, где нормы о защите предпринимательских прав получают юридический приоритет над нормами трудового законодательства, именно такие точки дискреции функционируют как механизм де-факто занижения МЗП.[1467] Постановление № 212 не устраняет этот риск, а институционализирует его через конструкцию «наиболее подходящего варианта».

Формула Постановления № 212 не соответствует требованиям ст 3(a) Конвенции МОТ № 131, поскольку не обеспечивает учёта стоимости жизни, потребностей работников и их семей ни в параметрическом, ни в процедурном измерении, а широкая дискреция при выборе итогового значения создаёт риск системного занижения МЗП.

С учётом выявленных пробелов представляется целесообразным: (1) дополнить формулу параметром стоимости жизни через привязку к индексу потребительских цен по модели ст согласно ст L3231-4 Трудового кодекса Франции (Code du travail); (2) закрепить в ст 104 Трудового кодекса РК институциональный механизм учёта потребностей домохозяйств по аналогии со ст ст 284(1)(c) Закона об условиях труда Австралии 2009 года; (3) нормативно зафиксировать весовые коэффициенты формулы, исключив дискреционный выбор итогового значения из

[1465] Fair Work Act 2009 (Cth) s 284 <https://classic.austlii.edu.au/au/legis/cth/consol_act/fwa2009114/s284.html> дата обращения: 19.03.2026.

[1466] Richard Dickens, 'How Are Minimum Wages Set?' (IZA World of Labor, updated 2022) <https://wol.iza.org/articles/how-are-minimum-wages-set> дата обращения: 19.03.2026.

[1467] Nikita Lyutov and Ilona Voitkovska, 'Labour Inspections in Post-Soviet Countries: Reform or Collapse?' (2021) 37(2&3) International Journal of Comparative Labour Law and Industrial Relations 269, 298-299.

числа альтернативных расчётных вариантов по образцу Закона № 12.382/2011 Бразилии.

Формула Постановления № 212 не обеспечивает учёта факторов, предусмотренных ст. 3(а) Конвенции МОТ № 131: стоимость жизни и потребности работников и их семей не получили нормативного выражения в параметрах расчёта, а широкая свобода усмотрения при выборе итогового значения исключает возможность независимой проверки результата. Сравнительный анализ показывает, что данные пробелы устранимы посредством нормативных решений, апробированных в других правопорядках. Представляется целесообразным дополнить формулу показателем стоимости жизни, закрепить механизм учёта потребностей домохозяйств и нормативно зафиксировать весовые коэффициенты, исключив усмотрение при выборе итогового значения. Указанные изменения позволят привести методику в соответствие с требованиями международного трудового права.

Заключение

Постановление Правительства РК № 212 представляет собой качественный шаг в развитии правового регулирования МЗП: впервые её размер определяется на основе формализованной расчётной модели, что отвечает требованию правовой определённости.

Согласно ст 3 Конвенции МОТ № 131, при установлении МЗП подлежат учёту как экономические, так и социальные критерии в совокупности. Действующая формула отражает преимущественно экономические параметры. Социальные критерии ст 3(а), а именно стоимость жизни, потребности работников и их семей, не получают нормативного выражения ни в параметрах формулы, ни в процедуре её применения. Выявленное расхождение носит структурный характер: речь идёт не о недостаточном размере МЗП, а об отсутствии параметров, соответствующих социальным критериям Конвенции.

Сравнительный анализ подтверждает этот вывод. С учётом изложенного представляется целесообразным дополнить ст 104 Трудового кодекса РК многофакторной моделью, включающей индекс потребительских цен и нормативно фиксированные коэффициенты, исключающие усмотрение при выборе итогового значения МЗП. Помимо этого, требует реализации на практике п. 1 ст. 104 ТК РК в части обсуждения размера МЗП в рамках Республиканской трёхсторонней комиссии по социальному партнёрству: участие социальных партнёров в установлении МЗП является не процедурной формальностью, а содержательным требованием международного стандарта коллективных переговоров, закреплённого в ст. 4 Конвенции МОТ № 98.

Список литературы:

1. Конвенция МОТ № 131 об установлении минимальной заработной платы с особым учётом развивающихся стран (принята 22 июня 1970 г, вступила в силу 29 апреля 1972 г) https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@ed_norm/@normes/documents/normativeinstrument/wcms_c131_ru.htm

2. Конвенция МОТ о праве на организацию и ведение коллективных переговоров 1949 г (№ 98)

3. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят 16 декабря 1966 г, вступил в силу 3 января 1976 г) 993 UNTS 3

4. МОТ, Рекомендация об установлении минимальной заработной платы 1970 г (№ 135)

5. Директива (ЕС) 2022/2041 Европейского парламента и Совета от 19 октября 2022 г о достаточном уровне минимальной заработной платы в Европейском союзе [2022] OJ L275/33
6. Конституция Республики Казахстан 1995 г
7. Закон Республики Казахстан «О республиканском бюджете» (соответствующие годы)
8. Закон Республики Казахстан от 21 декабря 2023 г № 49-VIII «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам труда» https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000049
9. Постановление Правительства Республики Казахстан от 20 марта 2024 г № 212 «Об утверждении методики определения минимального размера месячной заработной платы» https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400000212
10. Трудовой кодекс Республики Казахстан от 23 ноября 2015 г № 414-V
11. Трудовой кодекс Франции (Code du travail)
12. Закон о минимальной заработной плате Нидерланды 1968 года (Wet minimumloon en minimumvakantiebijslag 1968 (Netherlands))
13. Закон об условиях труда Австралии (Fair Work Act 2009
14. Европейский комитет по социальным правам, Заключения 2018 (Совет Европы 2019)
15. Европейский комитет по социальным правам, Свод прецедентного права Европейского комитета по социальным правам (Совет Европы 2018)
16. Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, «Замечание общего порядка № 23: Право на справедливые и благоприятные условия труда (статья 7 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах)» (2016) Документ ООН E/C.12/GC/23
17. Комитет экспертов МОТ по применению конвенций и рекомендаций, Общий обзор систем установления минимальной заработной платы (МОТ 2014)
18. МОТ, Руководство по политике в области минимальной заработной платы (МОТ) https://www.ilo.org/global/topics/wages/minimum-wages/setting-adjusting/lang--en/index.ht
19. Dickens R, 'How Are Minimum Wages Set?' (IZA World of Labor, updated 2022) https://wol.iza.org/articles/how-are-minimum-wages-set
20. Лютов НЛ, 'Минимальная заработная плата: международные трудовые стандарты и правовое регулирование в государствах ЕАЭС' (2025) 12 Государство и право 163
21. Лютов НЛ, 'Свобода объединения в Казахстане: есть ли надежда на сближение с международными трудовыми стандартами?' (2024) 4(105) Право и государство 43
22. Lyutov N and Voitkovska I, 'Labour Inspections in Post-Soviet Countries: Reform or Collapse?' (2021) 37(2&3) International Journal of Comparative Labour Law and Industrial Relations 269
23. Mądrzycki B and Pisarczyk Ł, 'The Directive on Adequate Minimum Wages in the European Union and its Potential Impact on National Law' (2024) 107 Acta Universitatis Lodziensis. Folia Iuridica 72
24. Oude Nijhuis D, 'Round Table. Implementing the EU Directive on Adequate Minimum Wages in the Low Countries: The Case of the Netherlands' (2024) 29(4) Transfer: European Review of Labour and Research 525
25. Ozols E, Hristov SI and Paster T, 'Unions Divided? Trade Union Attitudes Towards the European Union's Directive on Adequate Minimum Wages' (2024) Economic and Industrial Democracy 18.

Жонкина Дильназ
студент 2 курса специальности «Юриспруденция»
Высшая школа права Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республика Казахстан
e-mail: zhonkiad@gmail.com

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УВОЛЬНЕНИЙ ПО МЕДИКО-БИОЛОГИЧЕСКИМ ОСНОВАНИЯМ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования прекращения трудового договора по медицинско-биологическим основаниям в Республике Казахстан. Актуальность темы обусловлена отсутствием в действующем трудовом законодательстве четкой дифференциации между временной нетрудоспособностью, медицинскими противопоказаниями к выполнению трудовой деятельности, постоянным несоответствием состояния здоровья выполняемой работе, инвалидностью и утратой профессиональной трудоспособности. Основная цель исследования заключается в выявлении комплекса медико-биологических причин, служащих основанием для прекращения трудового договора, анализе специфики их применения и формулировании выводов, имеющих практическую значимость для правоприменительной практики и совершенствования нормативного регулирования в данной сфере. В качестве методологической базы использованы формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы, а также анализ судебной практики. Научная новизна исследования заключается в разработке подхода, согласно которому медицинское заключение не выступает самостоятельным основанием для увольнения, а выполняет роль доказательства в составе конкретной нормы трудового права. Сделан вывод о том, что прекращение трудовых отношений по медицинским причинам должно осуществляться только после четкого разграничения соответствующих правовых режимов, оценки возможности перевода работника на другую работу и учета гарантий, направленных на сохранение его занятости.

Ключевые слова: прекращение трудового договора, медико-биологические основания увольнения, состояние здоровья работника, временная нетрудоспособность, инвалидность, утрата профессиональной трудоспособности, медицинское заключение, судебная практика, дискриминация по состоянию здоровья, разумное приспособление.

Введение

Прекращение трудового договора по причинам, связанным с состоянием здоровья работника, представляет собой сложный институт трудового права, находящийся на пересечении интересов работника, работодателя и задач охраны общественного здоровья. Анализ законодательства Республики Казахстан и практики его применения выявляет системную проблему: медицинский документ часто рассматривается как самостоятельное основание для увольнения, что не соответствует действующей нормативной конструкции трудового законодательства. Фактически состояние здоровья работника не выступает единым основанием для прекращения трудового договора, а включается в несколько самостоятельных правовых режимов, которые различаются по юридическому составу и правовым последствиям.

Отсутствие четкого разграничения между временной нетрудоспособностью, медицинскими противопоказаниями, стойким несоответствием занимаемой должности, инвалидностью и утратой профессиональной трудоспособности создает предпосылки для ошибок при применении законодательства и ослабляет уровень

защиты прав работников. В качестве объекта исследования рассматриваются общественные отношения, формирующиеся в процессе прекращения или изменения трудовых договоров по причинам, связанным с состоянием здоровья сотрудников. Предметом исследования служат нормы трудового законодательства Республики Казахстан, анализ судебной практики по спорам соответствующей категории, а также международные и сравнительно-правовые стандарты в данной сфере.

Целью данного исследования является выявление системы медико-биологических оснований для прекращения трудового договора в Республике Казахстан, а также анализ особенностей их правовой природы и применения. Кроме того, работа направлена на формулирование рекомендаций, способствующих разрешению выявленных проблем в сфере правоприменения. Научная новизна исследования заключается в разработке подхода, рассматривающего медицинский документ не как непосредственное основание увольнения, а как юридически значимый доказательственный элемент, включённый в фактический состав соответствующей правовой конструкции. Практическая значимость работы выражается в возможности применения полученных результатов для улучшения качества правоприменительной практики и содействия совершенствованию трудового законодательства Республики Казахстан.

Понятие и система медико-биологических оснований прекращения трудового договора в Республике Казахстан

Термин «медико-биологические основания прекращения трудового договора» не имеет официального закрепления в действующем законодательстве Республики Казахстан. В данном исследовании этот термин используется как доктринальное понятие. Он нужен для системного анализа ситуаций, в которых состояние здоровья работника становится юридически значимым фактором и влияет на продолжение либо прекращение трудовых отношений.

Необходимо отметить, что трудовое законодательство Республики Казахстан не содержит отдельного основания для увольнения на основании состояния здоровья. Анализ положений Трудового кодекса демонстрирует, что состояние здоровья работника не рассматривается как самостоятельное правовое основание для прекращения трудового договора, а включается в различные правовые конструкции, каждая из которых характеризуется собственной логикой, условиями применения и правовыми последствиями. Таким образом, можно заключить, что медико-биологические основания не образуют единый институт, а представляют собой совокупность самостоятельных правовых режимов.

Системный анализ Трудового кодекса Республики Казахстан выявляет три основных правовых института. Первый касается расторжения трудового договора по инициативе работодателя из-за несоответствия работника выполняемой работе, обусловленного состоянием здоровья, что регламентируется подпунктом 6 пункта 1 статьи 52 ТК РК. В данном случае юридическую значимость приобретает не медицинский диагноз как таковой, а именно невозможность исполнения конкретных трудовых обязанностей. Второй институт связан с расторжением трудового договора вследствие длительного отсутствия работника, вызванного временной нетрудоспособностью, что предусмотрено подпунктом 20 пункта 1 статьи 52 ТК РК. Здесь юридическим фактором является факт продолжительной неявки по причине временной нетрудоспособности, без учета профессиональной пригодности лица. Третий институт отражает прекращение трудового договора при отказе работника от временного перевода на другую работу по состоянию здоровья, в случаях, прямо установленных законом, что регулируется взаимосвязью статьи 43 и подпункта 3 пункта 1 статьи 58 ТК РК. В данной ситуации основание прекращения формируется не

медицинским заключением, а самим отказом работника от предложенного перевода.[1468]

Параллельно с обозначенными конструкциями функционирует гарантийный механизм, который ограничивает возможность расторжения трудового договора. Согласно статье 54 Трудового кодекса Республики Казахстан, инициатива работодателя по прекращению договора не допускается в периоды временной нетрудоспособности и отпуска, за исключением случаев, которые прямо регламентированы законом. Аналогичные ограничения применяются к основаниям, указанным в статье 58 ТК РК. Данные положения свидетельствуют о том, что законодатель уделяет особое внимание защите прав работников в ситуации, связанной с состоянием их здоровья.[1469]

Анализ приведенных норм позволяет сделать принципиальный вывод: медико-биологические основания прекращения трудового договора в праве Республики Казахстан носят невиновный характер. В отличие от дисциплинарных оснований, они не связаны с противоправным поведением работника. Юридический результат в этих случаях обусловлен объективным состоянием здоровья, а не нарушением трудовых обязанностей.[1470]

Для юридической квалификации имеет существенное значение разграничение смежных состояний, связанных с состоянием здоровья работника. В первую очередь необходимо проводить различие временной нетрудоспособности. Под этим понимается временное охранительное состояние, целью которого является освобождение работника от исполнения трудовых обязанностей в период болезни. Обычно подобное состояние исключает возможность увольнения, что закреплено в гарантийных положениях трудового законодательства. Лишь при предусмотренном соответствующими нормами длительном отсутствии работника это состояние может рассматриваться как юридический факт, влияющий на прекращение трудового договора.[1471]

От временной нетрудоспособности необходимо отличать временные медицинские противопоказания. В данном случае речь идет не о неспособности к труду в целом, а о невозможности выполнения конкретной работы или работы в определенных условиях. Юридическое значение этого состояния заключается не в прекращении трудового договора, а в необходимости адаптации труда, прежде всего через механизм временного перевода.[1472]

Особый правовой статус присущ ситуации стойкого несоответствия выполняемой работе из-за состояния здоровья. В отличие от временных трудностей, данное обстоятельство характеризуется объективной невозможностью продолжать выполнение конкретной трудовой функции. Именно при подтверждении медицинским заключением такое состояние становится основанием для расторжения трудового договора.[1473]

Инвалидность и определение степени утраты профессиональной трудоспособности не могут служить самостоятельными основаниями для прекращения трудового договора. Эти категории представляют собой медико-социальные статусы, которые устанавливаются в установленном законом порядке и приобретают значение в сфере трудового права исключительно в тех случаях, когда

[1468]Трудовой кодекс Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 414-V ЗРК, ст 52 п 1 подп 6 и 20, ст 43, ст 58 п 1 подп 3.

[1469]ТК РК, ст 54 п 1; ст 58 п 3.

[1470]А М Виклюк, 'Состояние здоровья работника как условие трудовой правосубъектности' (2013) 1(20) Вестник Омской юридической академии 48–50.

[1471]ТК РК, ст 52 п 1 подп 20; ст 54 п 1.

[1472]Правила временного перевода на более легкую работу по состоянию здоровья.

[1473]ТК РК, ст 52 п 1 подп 6; ст 53 п 5.

законодатель прямо связывает с ними соответствующие правовые последствия. Важно особо отметить, что смешение данных понятий является одной из существенных ошибок при правовой квалификации. Замена временной нетрудоспособности на устойчивое несоответствие либо приравнивание медицинского статуса к основанию для увольнения влечет за собой неправильное понимание юридической природы соответствующих норм.[1474]

Основным теоретическим положением данной главы является тезис о взаимосвязи медицинского документа и основания прекращения трудового договора. Анализ нормативных актов свидетельствует, что медицинский документ не представляет собой самостоятельное основание для увольнения. Его роль ограничивается подтверждением медицинского факта, являющегося частью фактической основы соответствующей правовой нормы. Например, при несоответствии состояния здоровья законодательство требует предоставления медицинского заключения, однако само основание увольнения определяется нормой трудового права. В случае временного перевода медицинское заключение инициирует запуск соответствующего механизма, но прекращение трудового договора происходит в связи с отказом работника от перевода, а не на основании самого заключения. Следовательно, некорректно квалифицировать увольнение как «увольнение по медицинскому заключению». Правовая квалификация должна основываться исключительно на нормах трудового законодательства, где медицинский документ выполняет функцию доказательства.[1475]

Таким образом, в трудовом праве Республики Казахстан отсутствует универсальное медико-биологическое основание для прекращения трудового договора. Состояние здоровья работника приобретает юридическое значение в рамках нескольких отдельных правовых конструкций, объединенных отсутствием вины и применением повышенных гарантий. Медицинские документы в этих случаях имеют вспомогательное значение и не могут заменять собой юридическое основание прекращения трудовых отношений.[1476]

Правовое регулирование и применение медико-биологических оснований прекращения трудового договора

Если в первой главе было установлено, что состояние здоровья работника приобретает юридическую значимость не как единое основание для увольнения, а через несколько самостоятельных правовых механизмов, то на практике критическим оказывается вопрос о том, в какой именно норме Трудового кодекса этот медицинский факт должен быть зафиксирован юридически. В данном контексте проходит важное разграничение между медицинской оценкой и правовой квалификацией трудовых отношений. Ошибки в применении права возникают тогда, когда состояние здоровья рассматривается как самостоятельное основание для расторжения трудового договора, а медицинское заключение — как непосредственный юридический повод для увольнения. При этом, как верно замечает А. М. Виклюк, состояние здоровья работника становится юридически значимым условием трудовой правосубъектности только в той мере, в какой оно влияет на способность данного лица выполнять конкретные трудовые обязанности, а не выступает объектом права самостоятельно. Следовательно, для целей трудового права важен не сам медицинский диагноз, а его юридически релевантное влияние на возможность продолжения выполнения определённой трудовой функции.[1477]

[1474]Правила проведения медико-социальной экспертизы.

[1475]А Н Петерс, 'Медицинское заключение как основание изменения трудового договора' (2011) 4(17) Вестник Омского юридического института 37–38.

[1476]Петерс, 37–38.

[1477]Виклюк, 48–50.

Наибольшую чувствительность в данном контексте проявляет конструкция, закрепленная в подпункте 6 пункта 1 статьи 52 Трудового кодекса Республики Казахстан, которая допускает расторжение трудового договора по инициативе работодателя в случае несоответствия работника выполняемой работе вследствие состояния здоровья. Из буквального содержания нормы следует, что законодатель связывает увольнение не с наличием заболевания, инвалидности или иного медицинского статуса в общем смысле, а с такой степенью ограничений, которая препятствует продолжению именно конкретной работы и исключает возможность ее дальнейшего выполнения. Таким образом, юридический состав данного основания включает не только наличие медицинского факта, но также трудоправовой критерий невозможности исполнения определенной трудовой функции. В связи с этим само наличие медицинского заключения не может рассматриваться как однозначное основание для применения положения подпункта 6 пункта 1 статьи 52 ТК РК. Как убедительно отмечает А. Н. Петерс, в трудовом регулировании медицинское заключение выступает прежде всего в роли правового посредника между состоянием здоровья работника и возможностью изменения условий труда; оно не должно автоматически служить поводом для прекращения трудовых отношений, минуя предварительную оценку возможности их сохранения. Такой подход приобретает особую актуальность в казахстанском контексте, где на практике медицинский документ нередко трактуется скорее как почти достаточное основание для увольнения, а не как один из доказательных элементов.[1478]

Из этого вытекает, что применение подпункта 6 пункта 1 статьи 52 ТК РК требует двуступенчатой квалификации. Сначала должно быть установлено, что медицинское ограничение носит не временный и не адаптируемый характер, а действительно исключает выполнение именно той работы, которую работник обязан выполнять по трудовому договору. Затем необходимо оценить, не подлежит ли ситуация регулированию посредством иной правовой конструкции, прежде всего временного перевода либо иного режима сохранения занятости. Иначе говоря, подпункт 6 пункта 1 статьи 52 ТК РК не может применяться по остаточному принципу ко всем случаям ухудшения здоровья работника. Его использование допустимо только тогда, когда иные механизмы трудового права уже неприменимы или исключены по характеру установленного ограничения. В этом смысле медицинское заключение не создает основание увольнения, а лишь вводит правоприменителя в зону повышенной квалификационной ответственности.[1479]

Отдельный правовой режим закреплен в подпункте 20 пункта 1 статьи 52 Трудового кодекса Республики Казахстан, который предусматривает возможность расторжения трудового договора при длительном отсутствии работника вследствие временной нетрудоспособности. В отличие от прежних положений, здесь законодатель не оценивает пригодность работника к выполнению конкретной трудовой функции и не рассматривает вопрос о постоянном несоответствии занимаемой должности. Юридическим основанием становится именно продолжительное отсутствие, вызванное временной нетрудоспособностью. Таким образом, временная нетрудоспособность в данном контексте обладает двойственным характером. С одной стороны, она выполняет охранительную функцию, обычно препятствуя увольнению по инициативе работодателя. С другой — при достижении определенного законом периода отсутствия она может служить основанием для прекращения трудового договора. Именно поэтому нельзя смешивать положения подпункта 20 пункта 1 статьи 52 с подпунктом 6 той же статьи: первый регулирует

[1478]Петерс, 37–38.
[1479]Петерс, 37–38.

последствия длительного отсутствия, тогда как второй касается невозможности выполнения конкретных трудовых обязанностей.[1480]

Е. В. Чупрова, анализируя законодательство стран постсоветского пространства, обоснованно утверждает, что нетрудоспособность как основание для прекращения трудового договора должна восприниматься как самостоятельный правовой режим, а не как разновидность медицинской ненадежности для выполнения трудовых обязанностей. Данный вывод имеет принципиальное значение и для казахстанской правовой системы. В случае если временная нетрудоспособность начинает рассматриваться как стабильное несоответствие требованиям работы, режим охраны здоровья трансформируется в режим увольнения, что является искусственным изменением. С этим согласна и Т. В. Русских, указывающая, что временная нетрудоспособность изначально призвана обеспечивать социальную защиту работника и не должна превращаться в средство дисциплинарного воздействия или иного неблагоприятного реагирования, противоречащего ее защитной функции. В контексте Трудового кодекса Республики Казахстан из этого вытекает необходимость осторожного толкования подпункта 20 пункта 1 статьи 52: его применение не должно служить инструментом обхода гарантийного характера временной нетрудоспособности и заменять более корректные юридические квалификации.[1481]

Конструкция статьи 43 Трудового кодекса Республики Казахстан в сочетании с подпунктом 3 пункта 1 статьи 58 ТК РК представляет собой наиболее сложный и иллюстративный пример правового регулирования. Она наглядно показывает, что медицинский документ и основание для прекращения трудового договора не совпадают. В данной модели сначала фиксируется медицинский факт, обосновывающий необходимость корректировки трудового режима. После этого на работодателя возлагается обязанность предложить работнику временный перевод на иное место работы, которое не противопоказано с точки зрения здоровья, либо освободить его от работы в пределах, установленных законодательством. Основанием для расторжения трудового договора становится только письменный отказ работника от предложенного временного перевода. Таким образом, прекращение трудовых отношений определяется не самим заболеванием, травмой или медицинским заключением, а отказом сотрудника от продолжения работы в условиях специального правового режима временного перевода.[1482]

Именно поэтому расширительное толкование подпункта 3 пункта 1 статьи 58 ТК РК недопустимо. Он не регулирует увольнение по состоянию здоровья «вообще», а применяется только в строго очерченных законом случаях. С точки зрения общей логики трудового права статья 43 ТК РК выполняет прежде всего сохраняющую функцию, а не увольнительную. Такой подход согласуется с позицией С. В. Кобылинской и М. М. Петросян, которые рассматривают перевод по медицинскому заключению как специальный механизм обеспечения занятости работника, более не способного выполнять прежнюю трудовую функцию. Близкий вывод содержится и у О. А. Парягиной, подчеркивающей, что институт перевода в соответствии с медицинским заключением ориентирован на защиту здоровья и сохранение трудовой связи, а вопрос о прекращении трудового договора должен возникать только после исчерпания возможностей такого перевода. Именно в этом и состоит нормативный смысл статьи

[1480]Е В Чупрова, 'Нетрудоспособность работника как основание расторжения трудового договора в законодательстве отдельных стран постсоветского пространства' 142–144.

[1481]Т В Русских, 'Временная нетрудоспособность работника как основание его освобождения от дисциплинарной ответственности' (2010) Вып 2 Вестник Удмуртского университета. Экономика и право 67–69.

[1482]С В Кобылинская и М М Петросян, 'Особенности правового регулирования перевода работника в соответствии с медицинским заключением' Science Time 251–253.

43 ТК РК: законодатель сначала требует трудового реагирования, и лишь затем допускает вопрос о прекращении договора.[1483]

Из этого вытекает важный вывод. Медицинское заключение, предусмотренное статьей 43 ТК РК, служит инициирующим элементом правового механизма, но не заменяет собой окончательную юридическую квалификацию. Подтверждение в заключении необходимости перевода не подразумевает автоматическую допустимость увольнения. Наоборот, первоначально оно возлагает на работодателя обязательство предпринимать меры, направленные на сохранение занятости работника. Лишь после выполнения этих мер и при наличии отказа сотрудника возникает возможность обращения к положениям статьи 58 ТК РК. В этом контексте конструкция статьи наиболее наглядно демонстрирует неточность формулировки «увольнение по медицинскому заключению». Правовая база прекращения трудового договора формируется в рамках трудового законодательства, а не медицинской документации.[1484]

Применение перечисленных оснований следует рассматривать в контексте гарантийных положений Трудового кодекса Республики Казахстан. В частности, статья 54 ТК РК запрещает расторжение трудового договора по инициативе работодателя в период временной нетрудоспособности или отпуска, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом. Аналогичные ограничения действуют в отношении оснований, перечисленных в статье 58 ТК РК. Таким образом, гарантийные нормы не выступают в качестве внешних дополнений к медико-биологическим основаниям прекращения трудового договора, а интегрированы в их юридический режим, ограничивая возможности их применения. В этой связи правоприменитель обязан не только установить наличие соответствующего медицинского факта и применимой правовой нормы, но и проверить отсутствие гарантийных препятствий, которые могут блокировать расторжение трудового договора в конкретном случае. Отсутствие такой проверки делает квалификацию неполной.[1485]

Таким образом, действующее регулирование позволяет сделать несколько ключевых выводов. ТК РК закрепляет не одно, а несколько самостоятельных оснований и режимов, связанных с состоянием здоровья работника. Каждый из них имеет собственный юридический состав и требует отдельной правовой квалификации. Подпункт 6 пункта 1 статьи 52 ТК РК применяется тогда, когда состояние здоровья устойчиво исключает возможность продолжения конкретной работы. Подпункт 20 пункта 1 статьи 52 ТК РК относится к случаям длительного отсутствия работника вследствие временной нетрудоспособности. Статья 43 во взаимосвязи с подпунктом 3 пункта 1 статьи 58 ТК РК регулирует отказ от временного перевода в специальных случаях повреждения здоровья. Медицинский документ ни в одной из этих конструкций не выступает самостоятельным основанием увольнения. Его функция сводится к подтверждению медицинского факта, который получает юридическое значение только в пределах конкретной нормы трудового законодательства. Главная проблема казахстанского регулирования состоит в недостаточно четком разграничении этих режимов, и именно это затем отражается в судебной практике.[1486]

Судебная практика применения медико-биологических оснований прекращения трудового договора в Республике Казахстан

Анализ судебной практики по делам, связанным с прекращением трудового договора по медико-биологическим основаниям, показывает, что ключевые проблемы

[1483]О А Парягина, 'Перевод работника на другую работу в соответствии с медицинским заключением' (2021) 2(93) Сибирский юридический вестник 48–50.
[1484]Петерс, 37–38.
[1485]ТК РК, ст 54 п 1; ст 58.
[1486]ТК РК, ст 52 п 1 подп 6 и 20; ст 43; ст 58 п 1 подп 3.

правоприменения возникают не на уровне наличия медицинского документа, а на уровне его юридической квалификации в системе трудового законодательства. Следует признать, что в сложившейся практике медицинский документ нередко фактически подменяет собой правовую норму, несмотря на то что по своей природе он должен выступать лишь доказательственным элементом в структуре соответствующего основания увольнения. Рассмотренные дела позволяют выявить конкуренцию двух подходов, при которых в одних случаях суды интерпретируют медицинское заключение через призму конкретной нормы трудового права, а в других ограничиваются его формальным восприятием как достаточного основания для увольнения.[1487]

Наиболее последовательно первый подход реализован в деле Т. Р.Ж. против АО «НК “А.”». Работодатель, опираясь на факт установления инвалидности и заключение врачебно-консультативной комиссии, квалифицировал состояние работника как несоответствие выполняемой работе вследствие состояния здоровья и применил подпункт 6 пункта 1 статьи 52 ТК РК. При этом содержание медицинского заключения, в котором прямо указывался временный характер ограничения и необходимость легкого труда сроком на пять месяцев, фактически не было учтено. Суд занял противоположную позицию и исходил не из самого факта наличия медицинского документа, а из его содержания, указав, что временное ограничение не может быть приравнено к устойчивой невозможности продолжения работы. Следует признать, что в данном деле суд провел корректное разграничение правовых режимов, отделив временные медицинские противопоказания от стойкого несоответствия выполняемой работе, и тем самым подтвердил, что медицинское заключение подлежит юридической интерпретации, а не механическому применению.[1488]

Противоположная тенденция прослеживается в деле Ж. Т.К. против АО «Э.А.». Работодатель обосновал увольнение заключением ВКК о профессиональной непригодности работника, и суд признал это достаточным для применения подпункта 6 пункта 1 статьи 52 ТК РК, указав, что медицинское заключение не оспорено и не содержит рекомендаций о временном переводе. При этом суд не предпринял анализа содержания заключения с точки зрения его соотнесения с правовой конструкцией основания увольнения. Представляется, что в данном случае медицинский документ фактически приобрел нормативное значение и заменил собой юридическую оценку. Следует критически отметить, что подобный подход снижает уровень судебного контроля за обоснованностью увольнения и создает риск подмены правовой квалификации медицинской.[1489]

Сопоставление указанных дел позволяет сделать вывод о том, что в судебной практике отсутствует единый стандарт оценки медицинского заключения. В одних случаях суды анализируют содержание документа и соотносят его с юридическими критериями, в других ограничиваются проверкой его наличия и формального соответствия требованиям законодательства. Следует признать, что именно формализованный подход создает наибольшие риски для защиты прав работника, поскольку допускает трансформацию медицинского заключения в фактически самостоятельное основание прекращения трудового договора.[1490]

Особое место занимают споры, возникающие после производственных травм и установления утраты профессиональной трудоспособности. В деле Е. Б.Е. против ТОО «К.К.» работодатель, опираясь на медицинское заключение и установление

[1487]Петерс, 37–38.

[1488]Суд № 2 города Актау Мангистауской области, 4 августа 2023 года, дело № 4711-23-00-2/2076.

[1489]Туркси бский районный суд города Алматы, 3 августа 2023 года, дело № 7519-23-00-2/1755.

[1490]М Х Хасенов, 'Основания и порядок расторжения трудового договора по инициативе работодателя в государствах Евразийского экономического союза в контексте международных трудовых стандартов' (2022) 18(3) Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения 83–94.

утраты профессиональной трудоспособности, предложил работнику иную работу, от которой тот отказался, после чего трудовой договор был прекращен по подпункту 3 пункта 1 статьи 58 ТК РК. Суд признал увольнение законным, указав, что работодатель выполнил обязанность по предложению подходящей работы, а отказ работника от перевода влечет прекращение трудового договора в силу прямого указания закона. В данном случае решающим фактором выступило не медицинское заключение как таковое, а поведение сторон трудового договора, в частности наличие предложения иной работы и волевой отказ работника от ее принятия. Тем самым подтверждается, что в данной правовой конструкции медицинский факт выполняет лишь вспомогательную функцию, тогда как юридическим основанием прекращения трудового договора является отказ от продолжения трудовых отношений в измененных условиях.[1491]

Иная линия практики проявляется в делах, связанных с временной нетрудоспособностью и ее неправильной квалификацией. В деле И. (Ж.) А. против ТОО «G. K.» работодатель квалифицировал отсутствие работника как дисциплинарное нарушение, несмотря на наличие листа временной нетрудоспособности. Суд, напротив, исходил из того, что временная нетрудоспособность подтверждена надлежащим медицинским документом, а потому отсутствие на работе не может квалифицироваться как прогул или иное нарушение трудовой дисциплины. Кроме того, суд применил гарантийные нормы трудового законодательства, указав на недопустимость расторжения трудового договора по инициативе работодателя в период временной нетрудоспособности. Следует признать, что в данном случае медицинский документ выполняет не только доказательственную, но и охранительную функцию, исключая возможность применения дисциплинарных оснований увольнения.[1492]

Анализ дел А. С.И., А. А.С. и А. М.К. позволяет дополнительно подтвердить выявленные закономерности. Суды в этих делах, как правило, ориентируются на содержание медицинского заключения, его соответствие выбранному основанию прекращения трудового договора, а также на соблюдение работодателем установленных законом процедур и обязанностей, включая необходимость предложения иной работы при наличии соответствующих медицинских показаний. Вместе с тем следует признать, что глубина анализа указанных обстоятельств варьируется, что приводит к неоднородности судебной практики и различным результатам при схожих фактических обстоятельствах.[149314941495]

Обобщая рассмотренные дела, следует признать, что судебная практика в сфере медико-биологических оснований прекращения трудового договора развивается в условиях конкуренции двух подходов, при которых либо сохраняется разграничение между медицинским документом и правовым основанием увольнения, либо допускается их фактическое слияние. Представляется, что устойчивость правового регулирования и уровень защиты работника напрямую зависят от преобладания первого подхода, основанного на юридической интерпретации медицинского факта. Именно такой подход позволяет избежать подмены правовой

[1491]Судебная коллегия по гражданским делам суда области Ұлытау, 10 апреля 2024 года, дело № 6200-24-00-2а/68.

[1492]Судебная коллегия по гражданским делам Алматинского городского суда, 26 апреля 2023 года, апелляция № 2а-2660/2023.

[1493]Судебная коллегия по гражданским делам суда города Шымкент, 17 июля 2024 года, дело № 2а-1281/24.

[1494]Судебная коллегия по гражданским делам Карагандинского областного суда, 24 июля 2024 года, дело № 3599-24-00-2а/1550.

[1495]Судебная коллегия по гражданским делам Алматинского городского суда, 2 мая 2024 года, дело № 7599-24-00-2а/3484.

квалификации медицинской оценкой и обеспечивает соответствие практики логике трудового законодательства.[1496]

Анализ судебной практики показывает, что главная проблема в делах об увольнении по медико-биологическим причинам связана не с отсутствием медицинских документов, а с тем, что их юридическая оценка часто бывает недостаточно точной. Суды не всегда правильно разделяют случаи с временными ограничениями, постоянным несоответствием работе и те ситуации, где скорее требуется перевод на другую должность или сохранение работы. Из-за этого медицинское заключение порой воспринимают не как доказательство по конкретному пункту трудового права, а как достаточное основание для увольнения. Это говорит о том, что в таких делах часто применяется формальный подход. Из этого следует, что нужно тщательнее проверять не только сам медицинский документ, но и то, каким именно правовым способом работодатель решает уволить сотрудника.

Сравнительно-правовые и международные ориентиры регулирования прекращения трудового договора по медико-биологическим основаниям

Международные и сравнительно-правовые стандарты свидетельствуют о том, что прекращение трудового договора на основании состояния здоровья не может рассматриваться как автоматически допустимое следствие наличия медицинского факта. Современные подходы подразумевают необходимую проверку правомерности основания увольнения, соблюдение запрета дискриминации и предварительную оценку возможных мер по сохранению занятости работника. К таким мерам относятся разумные приспособления, перевод на другую должность и иные варианты организационной адаптации. Благодаря такому комплексному подходу медицинское состояние получает юридическое значение, не заменяя собой правовую квалификацию основания для прекращения трудового договора.[1497]

Конвенция МОТ № 158 устанавливает базовый международный стандарт в данной области. В её рамках увольнение должно основываться на действительном основании, при этом временное отсутствие по болезни или травме не рассматривается как достаточная причина для прекращения трудовых отношений. Одновременно Конвенция предусматривает право работника на обжалование увольнения в независимом органе, который уполномочен проверить его обоснованность и в случае необходимости назначить восстановление на работе или компенсацию. Таким образом, международный стандарт ориентирован на юридический контроль допустимости увольнения, а не на медицинский документ как таковой.[1498]

Антидискриминационные принципы детально прописаны в Конвенции о правах инвалидов и законодательстве Европейского союза. Конвенция о правах инвалидов квалифицирует отказ в разумном приспособлении как дискриминацию по признаку инвалидности, закрепляет принцип равенства и требует обеспечения права лиц с инвалидностью на труд наравне с остальными, что включает reasonable accommodation, сохранение рабочих мест и программы возвращения к труду. Директива 2000/78/ЕС расширяет запрет дискриминации на условия занятости, включая увольнения, разграничивает прямую и косвенную дискриминацию и возлагает на работодателя обязанность принимать необходимые меры при отсутствии чрезмерного бремени. Кроме того, директива предусматривает механизмы судебной защиты, смещение доказательной нагрузки и защиту от преследований, что

[1496]Хасенов, 83–94.

[1497]Council Directive 2000/78/EC of 27 November 2000 establishing a general framework for equal treatment in employment and occupation, arts 1–5.

[1498]Convention concerning Termination of Employment at the Initiative of the Employer (ILO No 158), arts 4, 6, 8–11.

подчеркивает двойственную природу данной сферы — трудового и антидискриминационного права одновременно.[14991500]

Практика Суда ЕС усиливает защиту трудовых прав в этом контексте. В деле HK Danmark (Ring и Skouboe Werge) Суд связал понятие инвалидности с долгосрочными нарушениями, затрудняющими полноценное участие в профессиональной деятельности наряду с другими работниками, и признал, что reasonable accommodation может включать изменение режима рабочего времени, включая сокращение, если это способствует сохранению занятости. В деле Daouidi Суд отметил, что даже временное состояние не исключает антидискриминационной защиты, если ограничение характерно или может оказаться длительным, а отсутствие четкого краткосрочного прогноза и возможность значительного продления ограничения имеют самостоятельное юридическое значение. В деле HR Rail Суд признал, что reasonable accommodation может включать не только адаптацию прежнего рабочего места, но и перевод на другую должность, если работник не способен выполнять существенные функции, предусмотренные прежним местом, при этом освобождение работодателя возможно лишь при наличии чрезмерного бремени. Эти решения демонстрируют, что первоочередной задачей является оценка возможностей сохранения занятости, а уже затем — рассмотрение увольнения как крайней меры.[150115021503]

Важным антидискриминационным ориентиром служит дело I.B. против Греции, в котором Европейский суд по правам человека установил нарушение статей 8 и 14 Европейской конвенции в связи с увольнением ВИЧ-положительного работника под давлением коллектива. Тем самым Суд отверг возможность считать стигму, коллективные страхи или репутационные опасения работодателя допустимыми основаниями для прекращения трудового договора. Значимость данного решения для рассматриваемой темы проявляется в переводе дискуссии о медицинских основаниях увольнений из экспертной плоскости в сферу защиты человеческого достоинства и запрета предвзятости по состоянию здоровья.[1504]

Выбор Российской Федерации и Республики Беларусь для сравнительного анализа обусловлен близостью правовых традиций, общностью постсоветского трудового законодательства и сопоставимостью институтов регулирования увольнений по медицинским причинам. Соответственно, сопоставление с данными правопорядками позволяет не просто выявить альтернативные модели, но и точнее определить сильные и слабые стороны казахстанского регулирования в рамках сходного нормативного контекста.[1505]

Сравнение с российской моделью показывает, что в Трудовом кодексе РФ более явно выражена логика последовательных этапов — сначала сохранение занятости, затем прекращение трудового договора. Статья 73 ТК РФ различает временный перевод сроком до четырёх месяцев и ситуации, требующие длительного или постоянного перевода. При необходимости временного перевода и отказе работника или отсутствии подходящей работы применяется отстранение с сохранением места работы. В случае длительного или постоянного перевода отказ работника или отсутствие альтернативной работы влекут прекращение договора по статье 77 (пункт 8), при этом статья 178 предусматривает выплату выходного пособия. Статья 83 содержит норму о прекращении трудового договора в случае признания работника

[1499]Council Directive 2000/78/EC, arts 2, 3, 5, 9–11.
[1500]Convention on the Rights of Persons with Disabilities, arts 2, 5, 27.
[1501]HR Rail Case C-485/20, EU:C:2022:85.
[1502]Daouidi Case C-395/15, EU:C:2016:917.
[1503]HK Danmark (Ring and Skouboe Werge) Joined Cases C-335/11 and C-337/11, EU:C:2013:222.
[1504]I.B. v Greece App no 552/10 (ECtHR, 3 October 2013).
[1505]Хасенов, 83–94.

полностью неспособным к труду. Таким образом, российская модель более последовательно структурирует юридический переход от медицинского факта к правовым последствиям и меньше допускает путаницу между временными ограничениями и окончательной утратой возможности продолжения трудовых отношений.[1506]

Белорусский подход также отличается большей структурированностью по сравнению с казахстанским. Статья 30 ТК Республики Беларусь устанавливает, что работник, нуждающийся в иной работе по заключению медицинской комиссии, переводится на неё с согласия, а при отказе или отсутствии подходящей работы трудовой договор расторгается согласно статье 42 (пункт 3). При этом статья 43 ТК РБ ограничивает возможность увольнения в период временной нетрудоспособности, разрешая его лишь в специально предусмотренных законом случаях. Особенностью белорусского законодательства является допустимость прекращения трудового договора в случае отсутствия работника на работе более четырёх месяцев подряд по причине временной нетрудоспособности, что создает более длительный временной порог по сравнению с Казахстаном. Это превращает перевод в обязательный промежуточный этап и тем самым существенно снижает вероятность рассматривать медицинский документ как непосредственный и достаточный триггер увольнения.[1507]

Сопоставление международных стандартов, практики Суда ЕС и ЕСПЧ, а также близких постсоветских моделей показывает несколько слабых мест казахстанского подхода. В казахстанском праве и судебной практике не всегда достаточно четко различаются временные и устойчивые ограничения. Между тем международные и сравнительные подходы требуют более точного разграничения таких состояний. Еще одна проблема состоит в том, что медицинский документ в Казахстане нередко фактически заменяет правовую квалификацию основания увольнения. Хотя по своей природе он должен рассматриваться только как доказательство в рамках конкретной правовой конструкции. Кроме того, механизмы сохранения занятости до увольнения в Казахстане выражены слабее, чем в международных и сравнительных моделях. Во внешних ориентирах перевод, разумное приспособление и иные меры рассматриваются как обязательный этап до решения об увольнении. Поэтому основная проблема казахстанской модели состоит не в отсутствии медицинского элемента, а в недостаточно четкой юридической оценке этого элемента при решении вопроса о прекращении трудового договора.[1508]

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что правовое регулирование прекращения трудового договора по медико-биологическим основаниям в Республике Казахстан не может быть сведено к единому основанию увольнения «по состоянию здоровья». Состояние здоровья работника приобретает юридическое значение только в рамках нескольких самостоятельных правовых конструкций, различающихся по юридическому составу, механизму применения и правовым последствиям. Отсутствие четкого разграничения между временной нетрудоспособностью, временными противопоказаниями, стойким несоответствием работе, инвалидностью и утратой профессиональной трудоспособности ведет к ошибкам квалификации и снижению уровня гарантий работника.

Анализ законодательства показывает, что медицинский документ не обладает качеством самостоятельного основания прекращения трудового договора. Он выполняет лишь доказательственную функцию в составе соответствующей

[1506]Трудовой кодекс Российской Федерации, ст 73; ст 77 ч 1 п 8; ст 83 ч 1 п 5; ст 178 ч 3.
[1507]Трудовой кодекс Республики Беларусь, ст 30; ст 42 п 3; ст 43.
[1508]Council Directive 2000/78/EC, art 5.

трудоправовой нормы, тогда как само основание увольнения всегда формируется на уровне трудового законодательства. Именно подмена правовой квалификации медицинским документом образует одну из ключевых проблем правоприменения. Судебная практика подтверждает, что в ряде случаев суды и работодатели либо корректно разграничивают разные правовые режимы, либо, напротив, фактически сливают медицинский документ и основание увольнения, что ведет к формализму и неоднородности решений.

Международные и сравнительно-правовые ориентиры показывают, что увольнение по состоянию здоровья допустимо лишь как юридически проверенный, недискриминационный и пропорциональный механизм, применяемый после оценки возможности сохранения занятости. В этом контексте основная проблема казахстанской модели заключается не в отсутствии медицинского элемента как такового, а в недостаточной юридической фильтрации этого элемента на уровне увольнения. Следовательно, дальнейшее развитие казахстанского регулирования должно быть направлено на более четкое разграничение правовых режимов, усиление роли механизмов сохранения занятости и ограничение возможности воспринимать медицинский документ как самодостаточное основание прекращения трудового договора.

Список литературы:

1. Трудовой кодекс Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 414-V ЗРК.
2. Кодекс Республики Казахстан «О здоровье народа и системе здравоохранения» от 7 июля 2020 года № 360-VI ЗРК.
3. Положение о деятельности врачебно-консультативной комиссии.
4. Правила проведения экспертизы временной нетрудоспособности.
5. Правила проведения медико-социальной экспертизы.
6. Правила временного перевода на более легкую работу по состоянию здоровья.
7. Виклюк А. М. Состояние здоровья работника как условие трудовой правосубъектности // Вестник Омской юридической академии. 2013. № 1 (20). С. 48–50.
8. Петерс А. Н. Медицинское заключение как основание изменения трудового договора // Вестник Омского юридического института. 2011. № 4 (17). С. 37–38.
9. Чупрова Е. В. Нетрудоспособность работника как основание расторжения трудового договора в законодательстве отдельных стран постсоветского пространства. С. 142–144.
10. Русских Т. В. Временная нетрудоспособность работника как основание его освобождения от дисциплинарной ответственности // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2010. Вып. 2. С. 67–69.
11. Кобылинская С. В., Петросян М. М. Особенности правового регулирования перевода работника в соответствии с медицинским заключением // Science Time. С. 251–253.
12. Парягина О. А. Перевод работника на другую работу в соответствии с медицинским заключением // Сибирский юридический вестник. 2021. № 2 (93). С. 48–50.
13. Хасенов М. Х. Основания и порядок расторжения трудового договора по инициативе работодателя в государствах Евразийского экономического союза в контексте международных трудовых стандартов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 3. С. 83–94.

14. Суд № 2 города Актау Мангистауской области, 4 августа 2023 года, дело № 4711-23-00-2/2076.
15. Туркcибский районный суд города Алматы, 3 августа 2023 года, дело № 7519-23-00-2/1755.
16. Судебная коллегия по гражданским делам суда области Ұлытау, 10 апреля 2024 года, дело № 6200-24-00-2a/68.
17. Судебная коллегия по гражданским делам Алматинского городского суда, 26 апреля 2023 года, апелляция № 2a-2660/2023.
18. Судебная коллегия по гражданским делам Алматинского городского суда, 2 мая 2024 года, дело № 7599-24-00-2a/3484.
19. Судебная коллегия по гражданским делам Карагандинского областного суда, 24 июля 2024 года, дело № 3599-24-00-2a/1550.
20. Судебная коллегия по гражданским делам суда города Шымкент, 17 июля 2024 года, дело № 2a-1281/24.
21. Конвенция МОТ № 158 о прекращении трудовых отношений по инициативе предпринимателя.
22. Конвенция ООН о правах инвалидов, статьи 2, 5, 27.
23. Council Directive 2000/78/EC of 27 November 2000 establishing a general framework for equal treatment in employment and occupation.
24. CJEU, Joined Cases C-335/11 and C-337/11, HK Danmark (Ring и Skouboe Werge).
25. CJEU, Case C-395/15, Daouidi.
26. CJEU, Case C-485/20, HR Rail.
27. ECtHR, I.B. v. Greece, no. 552/10, Judgment of 3 October 2013.
28. Трудовой кодекс Российской Федерации, статья 73, пункт 8 части 1 статьи 77, пункт 5 части 1 статьи 83, часть 3 статьи 178.
29. Трудовой кодекс Республики Беларусь, статья 30, пункт 3 статьи 42, статья 43.

Исламов Ильдар Кенжебекович
Астана халықаралық университеті
Құқық жоғары мектебінің
3 курс студенті
Астана, Қазақстан
e-mail: ilmnejp335@icloud.com

ҰЖЫМДЫҚ ШАРТ ЖАСАУДЫҢ ЗАҢНАМАЛЫҚ ТҰРҒЫДАН РЕТТЕЛУІ МЕН ҚҰҚЫҚ ҚОЛДАНУ ТӘЖІРИБЕСІ

Аңдатпа. Ғылыми мақалада жұмыскерлердің әлеуметтік – еңбек құқықтарын қорғау және әлеуметтік әріптестіктің бір нысаны ретіндегі маңызды институттардың бірі, сонымен бірге, еңбек қатынастары және еңбек қатынастарымен тығыз байланысты қатынастарды реттеуде орын алатын ұжымдық келіссөздер жүргізу және ұжымдық келісімдер жасаудың теориялық және құқық қолдану мәселелері зерттелген. Мақаланың өзектілігі, құқық қолдану тәжірибесінде заңнамалық актілер қабылданып, еңбек заңнамасына өзгерістер мен толықтырулар енгізілгеніне қарамастан, заңнамалық тұрғыдан әлі де олқылықтар немесе реттелмеген нормалар бар екендігін анықтап, зерттеу нәтижелерімен жұмыстар жасауда ғылыми танымның талдау, синтез, индукция және дедукция сияқты әдістері қолданылды. Нәтижесінде, жұмыскерлердің еңбек жағдайларын жақсартуға байланысты ұлттық заңнамалар, халықаралық стандарттарға салыстырмалы құқықтық талдау жасалды және сот практикасына, ғылыми зерттеу еңбектері қарастыра келе, авторлық тұжырымдамалар келтірілген.

Түйінді сөздер: ұжымдық келіссөздер, тепе-теңдік, әділеттілік қағидаты, кәсіподақтар, ұжымдық шарт, еңбек даулары, мүшелік жарналар.

Аннотация. В научной статье исследуются теоретические и правоприменительные вопросы ведения коллективных переговоров и заключения коллективных соглашений, которые имеют место в сфере охраны социально – трудовых прав работников и как одного из важнейших институтов социального партнерства, а также регулирования отношений, тесно связанных с трудовыми отношениями и трудовыми отношениями. Актуальность статьи заключается в том, что, несмотря на то, что в правоприменительной практике приняты законодательные акты и внесены изменения и дополнения в трудовое законодательство, в законодательном плане все же имеются пробелы или неурегулированные нормы, при работе с результатами исследований использовались такие методы научного познания, как анализ, синтез, индукция и дедукция. В результате проведён сравнительно-правовой анализ национального законодательства и международных стандартов, связанных с улучшением условий труда работников, а также приведены авторские концепции, основанные на судебной практике и научных исследованиях.

Ключевые слова: коллективные переговоры, принцип пропорциональности, принцип честности, профсоюзы, коллективный договор, трудовые споры, членские взносы.

Annotation. The scientific article examines the theoretical and law enforcement issues of collective bargaining and collective bargaining agreements, which take place in the field of protecting workers' social and labor rights and as one of the most important institutions of social partnership, as well as regulating relations closely related to labor relations and labor relations. The relevance of the article lies in the fact that, despite the fact that legislative acts have been adopted in law enforcement practice and amendments and additions have been made to labor legislation, there are still gaps or unregulated norms in legislative terms, such methods of scientific knowledge as analysis, synthesis, induction and

deduction have been used when working with research results. As a result, a comparative legal analysis of national legislation and international standards related to improving the working conditions of employees was carried out, as well as author's concepts based on judicial practice and scientific research.

Keywords: collective bargaining, principle of proportionality, principle of honesty, trade unions, collective agreement, labor disputes, membership fees.

Кіріспе

Нарықтық экономиканы дамытудың қазіргі жағдайында жұмыс берушілер жұмыскерлерді ең жақсы еңбек жағдайларымен қамтамасыз ете алады, оған кепілдік беретін құрал - ұжымдық келіссөздер мен ұжымдық шарт жасау. Ұжымдық шарттардың жақсы жақтарын келесі белгілермен көрсетуге болады:

Біріншіден, олар еңбек дауларының алдын-алу болып табылады, өйткені қазіргі кезде жұмыскерлердің жағдайын жақсартатын факторлар туралы мәселе жиі туындайды. Құқық қолдану практикасында көптеген факторларға байланысты жұмыскерлердің құқықтарын бұзуға жол беріледі. Мысалы, бұл: құқықтық нигилизм, еңбек заңнамасында тиісті нормалардың болмауы, сондай-ақ жұмыскерлердің өкілдері жұмысының тиімді тетіктерінің жетілмегендігі болуы мүмкін.

Екіншіден, ұжымдық шарт арқылы жұмыс беруші еңбек даулары мен қақтығыстар туындаған кезде өз құқықтарын қорғай алады.

Үшіншіден, ұжымдық шарттың болуы заңдар мен халықаралық актілерден басқа ұйымдардағы жұмыскерлерге берілетін қорғау мен кепілдіктердің, сондай-ақ қосымша жеңілдіктердің құралы болып табылады.

Дегенмен, ұжымдық шарт жасау немесе ұжымдық келіссөздер жасау кезінде жұмыскерлер мен жұмыс берушілердің өкілдері арасында тепе - теңдік және ашықтық сияқты қағидаттардың негізінде келіссөздер жүргізуді зерттеу қажеттілігі бар. Сонымен қатар, құқық қолдану тәжірибесінде жұмыскерлердің ұжымдық шартқа өтеулі және (немесе) өтеусіз негізде қосылу тәртібінің зерттелмегенін атап өткен жөн.

Негізгі бөлім

Ұйымдарда және кәсіпорындарда туындайтын еңбек жанжалдарының өсуін ол қолайсыз еңбек жағдайларының болуы туралы айтпағанда, алынған кірістердің өсіп келе жатқан инфляциямен сәйкес келмеуі және жалақыны тиісті индекстеудің болмауы жұмысшылардың жағдайының нашарлауына тікелей әсер етуі мүмкін, нәтижесінде өз проблемалары туралы естімеген жұмысшылар басталады келіссөздер кезеңін айналып өтіп, жаппай ереуілге шығады.

Президент Қасым-Жомарт Тоқаев еңбек ұжымдарындағы наразылықтың өсуі туралы ашық айтуға шақырды және жұмыскерлердің заңды мүдделерін сақтауды тапсырды[1509], сондай-ақ жұмыскерлері ереуілге шыққан кәсіподақтар мен жұмыс берушілер арасында сындарлы диалог құруға шақырды[1510].

Ел Президенті көтерген бұл мәселенің өзектілігі жұмысшылардың қолданыстағы еңбек заңнамасына жаңа өзгерістер мен толықтырулар енгізуді талқылауды бастауға негіз болды. Парламент Сенатында талқыланғаннан кейін[1511], Президент «Еңбек

[1509] Токаев: Недовольство трудовых коллективов растет. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/tokaev-nedovolstvo-trudovyih-kollektivov-rastet-461365/ (жүгінген күн: 15.02.2026 ж.).

[1510] Токаев призвал открыто говорить о росте недовольства в трудовых коллективах. URL: https://sknews.kz/news/view/tokaev vyskazalsya-o-trudovyh-konfliktah-na-zapade-kazahstana (жүгінген күн: 15.02.2026 ж.).

[1511] Глава государства подписал закон, упрощающий порядок проведения забастовок. URL: https://www.kt.kz/rus/state/glava_gosudarstva_podpisal_zakon_uproschayuschiy_poryadok_1377946787.html (жүгінген күн: 16.02.2025 ж.).

даулары мен жанжалдарды шешу тәртібін оңайлату мәселелері бойынша Қазақстан Республикасының кейбір заңнамалық актілеріне өзгерістер мен толықтырулар енгізу туралы» Қазақстан Республикасының Заңына қол қойды[1512].

Еңбек заңнамасында әрбір жұмыс берушіні ұйымда ұжымдық шарт болуға міндеттейтін норма жоқ, бірақ ҚР ЕК 156-бабының 2-тармағына сәйкес[1513], егер бір тарап, мысалы, жұмыскерлер ұжымдық шарт жасасуға ниет білдірсе, онда жұмыс беруші келіссөздер жүргізуге міндетті және болашақта ұжымдық шарт жасасуға міндетті, әйтпесе бұзушылық еңбек заңнамасының нормаларын келіссөздерге қатысудан жалтару бөлігінде, нормаларға сәйкес ұжымдық шарт жасасудан негізсіз бас тарту ҚР Әкімшілік құқық бұзушылық туралы Кодексінің 97-бабы 40 айлық есептік көрсеткіш мөлшерінде айыппұл түріндегі әкімшілік жауаптылыққа әкеп соғады[1514].

Сондықтан ұжымдық шарт жасасу туралы өтініш келіп түскен кезде жұмыс беруші оны одан әрі жасасу жөніндегі келіссөздерді қабылдауға және бастауға міндетті. Келіссөздер жүргізуге келетін болсақ, құқық қолдану практикасында ұжымдық келіссөздер жүргізу жөніндегі бірыңғай өкілді органды қалыптастыру кезінде пропорционалдылық қағидатын көздемейтін заңнамамен реттелмеген проблема бар. ҚР ЕК 149-бабының 2 - тармағына сәйкес, жұмыскерлердің өкілдеріне, егер олардың бірнешеуі ұйымда болса, онда оларға ұсынылатын жұмыскерлер мен жұмыс берушілердің санына байланысты пропорционалды өкілдік ету қағидатын негізге ала отырып, келіссөздер жүргізу құқығы беріледі, бірақ оны жүргізу тетігі жоқ. Мұнда ұжымдық келіссөздер мен ұжымдық шарт жүргізу кезіндегі процедуралық проблемалар, сондай-ақ заңнамалық деңгейде осы мәселелерді реттеудің болмауы туралы мәлімдеуге болады.

Айталық, егер кәсіпорында бірнеше кәсіподақ құрылса, әр кәсіптік одақтағы жұмыскерлердің саны әртүрлі, дегенмен олар барлық жұмыскерлер үшін бір ұжымдық шарт жасасуы керек. Бұл жерде әр кәсіптікодақтың жұмыскерлерінің тең дәрежеде ұжымдық келіссөздер жүргізуі кезінде қаншалықты пропорционалдылықты сақтауын қамтамасыз ете аламыз деген ашық сұрақтар туындайды. Нәтижесінде, дауыс беру кезінде бір дауыс басым болуы мүмкін. Осылайша, ұжымдық шарттарды жүргізу кезінде пропорционалдылық қағидатын қолдану тетігін заңнамалық деңгейде реттеу қажет деп санаймыз. Әрі қарай, ұжымдық шарт жасасқаннан кейінгі мәселе - оның әрекетін қамту. Ол кімге таралады? Барлық жұмыскерлерге немесе оған қосылған жұмыскерлерге ғана ма? Сот тәжірибесінде жұмыскерлер ұжымдық шартқа ақысыз негізде қосылғысы келетін көптеген жағдайлар бар, осылайша олар кәсіподақтарға мүшелік жарналардан жалтарады. Бұл, негізінен, кәсіподақтар жұмыскерлердің ұжымдық шартқа қосылуына қарсы.

ҚР ЕК-нің 20-бабына сәйкес, кәсіподақ өкілдері жазбаша өтініш бойынша кәсіподақ мүшесі болып табылмайтын жұмыскерлердің мүдделерін білдіруге міндетті. Яғни, егер жұмыскер ұжымдық шартқа қосылғысы келсе, оның мүдделерін білдіру құқығы кәсіподақ органдарына беріледі. Қазақстан Республикасының Еңбек кодексінде кәсіподақтың осындай жұмыскердің құқықтарын қорғау жөніндегі міндеті және жазбаша өтініштен басқа қосылу шарттары туралы ештеңе айтылмайды (ҚР ЕК 20-бабы және 158-бабы).

1512 Қазақстан Республикасының кейбір заңнамалық актілеріне еңбек даулары мен жанжалдарын шешу тәртібін оңайлату мәселелері бойынша өзгерістер мен толықтырулар енгізу туралы Қазақстан Республикасының Заңы 2023 жылғы 15 ақпандағы № 199-VII ҚРЗ URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z2300000199 (жүгінген күн: 16.02.2026 ж.).

1513 Қазақстан Республикасының Еңбек Кодексі Қазақстан Республикасының Кодексі 2015 жылғы 23 қарашадағы № 414-V ҚРЗ. URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1500000414 (жүгінген күн: 17.02.2026 ж.).

1514 Әкімшілік құқық бұзушылық туралы Қазақстан Республикасының Кодексі 2014 жылғы 5 шілдедегі № 235-V ҚРЗ. URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000235 (жүгінген күн: 17.02.2026 ж.).

Біздің білуімізше, ҚР Еңбек кодексі ұжымдық шартқа қосылу шарттары мәселелері бойынша жұмыс беруші мен кәсіподақ осындай шарттарды өз бетінше анықтай алатын ұжымдық шартқа сілтеме жасайды. Мұнда тағы да жоғарыда қойылған сұрақ туындайды-кәсіподақ оның мүшелері болып табылмайтын жұмыскерлердің мүдделерін өтеусіз білдіруі керек пе?

Қазақстан Республикасының «Кәсіптік одақтар туралы» Заңының 30-бабына сәйкес, кәсіподақтар ұжымдық шартқа қосылғаны және (немесе) кәсіподаққа кіргені үшін жұмыскерлерден мүшелік жарналар мен ерікті жарналар алуға құқылы[1515].

Басқаша айтқанда, жұмыскерлердің ұжымдық шартқа қосылудың екі мүмкіндігі бар – өтеулі және (немесе) өтеусіз негізде. Жұмыскерлердің өтеусіз негізде қосылуы, тіпті егер ҚР «Кәсіптік одақтар туралы» заңы осындай мүмкіндікті белгілесе де, Қазақстан Республикасы заңнамасының бірден бірнеше нормаларын бұзады:

- еңбек саласындағы құқықтар мен мүмкіндіктердің теңдігі қағидаты (ҚР ЕК 4-бабы),
- қоғамдық бірлестіктерге тиесілілігі бойынша кемсітушілік (ҚР ЕК 6 - бабы);
- кәсіподақ кәсіподақ мүшелерімен бірдей шарттарда кәсіподақ мүшесі болып табылмайтын жұмыскерлердің мүдделерін білдіруге міндетті (ҚР «Кәсіптік одақтар туралы» Заңының 18-бабы).

Бұл нормалардың бұзылуы кейбір жұмысшылар (кәсіподақ мүшелері) ай сайын жалақыдан мүшелік жарналарды төлеуге міндетті, сондықтан кәсіподақ олардың құқықтары мен мүдделерін білдіреді, ал басқалары сол артықшылықтар мен артықшылықтарды осы жарналарды төлемей – ақ алады. Басқаша айтқанда, ұжымдық шартқа өтеусіз қосылу заңсыз болып табылады, өйткені ол кәсіподақ мүшелерінің құқықтарын бұзады.

Құқақ қолдану тәжірибесінен бір істі қарайтын болсақ, жұмыс берушінің мүшелік төлемдер шотына және іс-шараларды ұйымдастыруға қойылатын талаптарды сақтау мәселесі көрсетіледі, бұл жұмыс берушінің адалдық принципінің жұмысы туралы көрсетеді.

Сот шешімінің негізінде «А» ЖШС мен жұмыскерлер арасында ұжымдық шарт жасалған. Бірақ, жұмыскерлердің мүдделерін бір жыл уақытқа дейін «М» кәсіптік одағы білдіріп келеді, ал келесі жылдары «У» кәсіптік одағына өтеді.

Нәтижесінде, бірнеше жыл өткеннен кейін «У» кәсіптік одағы мүшелік жарналар үшін және мәдени іс-шараларды іске асыру үшін берешек, сондай-ақ уақтылы төлемегені үшін тұрақсыздық айыбын жұмыс берушіден өндіріп алуды сұрап сотқа жүгінеді.

Өз тарапынан жұмыс беруші төлемдердің кешігуі болмағанын мәлімдейді. Жұмыскерлердің барлық мүшелік жарналары, сондай-ақ оның тарапынан түрлі іс-шараларды ұйымдастырғаны үшін алымдар уақтылы аударылды және тұрақсыздық айыбы болмаған. Аталған жағдайға қатысты жұмыс беруші ұжымдық шарт бойынша өз міндеттемелерін толықтай орындаған. Келесі істе кәсіподаққа ақысыз негізде қосылу мәселесі көтерілген. Азамат Ж. кәсіподақ мүшелігін төлемей ұжымдық шартқа қосылу үшін өтініш жолдаған, осылайша мүшелік төлемдер төлеуден жалтарғысы келеді. Бірақ оған кәсіптік одақтың басшысы бас тартып, бұл әрекеттің басқа жарна төлеп отырған жұмыскерлерге қатысты кемсітушілік болатынын басшылыққа алады[1516].

Тәжірибеде кездесетін осындай мәселерді басшылыққа ала отырып, заңнамалық деңгейде реттелуі қажет келесі сұрақтарды анықтадық:

[1515] Кәсіптік одақтар туралы Қазақстан Республикасының Заңы 2014 жылғы 27 маусымдағы № 211-V ҚРЗ. URL: https://adilet.zan.kz/kaz/archive/docs/Z1400000211/20.08.2024 (жүгінген күн: 20.02.2026 ж.).

[1516] Жоғарғы Сот. Сот кабинеті. URL: https://office.sud.kz/ (жүгінген күн: 22.02.2026 ж.).

1. ұжымдық шарт жасасу кезіндегі рәсімдік сәттер. Ұжымдық келіссөздерді тәжірибеде және заңнамалық деңгейде жүргізу кезінде тепе – теңдік қағидатын қолдану тетігі жоқ.

2. еңбек қатынастары субъектілері арасындағы ұжымдық шарттың қолданылуы. Жұмыскерлерді ұжымдық шартқа өтеусіз негізде қосудың мәселелері бар.

М.Х. Хасеновтің пікірі бойынша кәсіподақ мүшесі болып табылмайтын жұмыскерлердің ұжымдық шартқа қосылуы - бұл жұмыскерлердің ҚР ЕК 20-бабының 2-тармағына сәйкес олардың құқықтары мен заңды мүдделерін кәсіподаққа ұсынуға делегациясы - өз мүшелерінің атынан ұжымдық шарт жасасқан кәсіподақтың өз мүдделерін білдіруіне ерікті келісіммен жүзеге асады. Басқаша айтқанда, жұмыскер ұжымдық шартқа қосылуға өтініш жазған жағдайда, кәсіподақ оның заңды өкілі болады, бірақ бұл ретте мұндай жұмыскер кәсіподақ мүшесі болмайды және оның жарғысын тануға, сондай-ақ сақтауға міндетті емес. Сонымен қатар, мұндай өкілдіктің шарттарының бірі кәсіподақтың пайдасына осындай жұмыскердің жалақысынан ұсталатын, мүшелік кәсіподақ жарнасының мөлшерінен аспайтын мөлшерде ерікті жарна болуы мүмкін. Мұндай жарнаны төлеу кәсіподақ мүшелігін білдірмейді[1517].

ҚР Конституциясына сәйкес, әркімнің бірігу бостандығына құқығы бар. Жұмыскерлер мүшелік жарналарды төлеуден босатылып, бірақ мүшелік жарнаны төлеп отырған кәсіподақ мүшелері сияқты құқықтарға бірдей ие болғандықтан, бұл оларға тиімді, өйткені ұжымдық шарт жұмыскерлердің құқықтарын бірдей қорғайды. Осыған байланысты ұжымдық жарнаны төлеп отырған, кәсіподақ мүшелеріне қатысты әділеттілік қағидатын бұзу ықтималдығы бар.

К.Л. Томашевский, ұжымдық шарт әлеуметтік әріптестіктік аясындағы келісімнің бір түрі болып табылатындықтан, оның қолданылу аясы туралы еңбек құқығының нормаларын дұрыс түсіндіру мен қолдану туралы өз алдына осындай мәселелерге әкелетінін атап кетті[1518].

Сонымен, ұжымдық шарт барлық жұмыскерлерге бірдей қолданылады, ҚР ЕК 158-бабының 3-тармағына сәйкес, бұл ұжымдық шарттан шыққан кезде жұмыскерде барлық құқықтар қалады, өйткені ҚР ЕК-де өзгеше жазылмаған. Бұл жағдайда кәсіподақ мүшелері болып табылмайтын жұмыскерлердің ұжымдық шартқа кіру және шығу нормаларының тетіктерінің болмауы пікірталас мәселелерін тудыруы және жұмыскерлердің кәсіподақтан кетуін ашуы мүмкін деп санаймыз, өйткені бұл жұмыскерлер үшін кәсіподақ мүшелігіне кірмеу және мүшелік жарналарды төлемеу, бірақ ұжымдық шартта болу және барлығына тең шарттарды пайдалану үшін тиімді шарт болады, сондай-ақ кәсіподақтардың қорғауын пайдаланады.

Сонымен қатар, кәсіподақтар қоғамдық бірлестік ретінде «Кәсіподақтар туралы» ҚР Заңының 30-бабының 2-тармағына сәйкес, бұл кәсіподақ мүшелері болып табылатын жұмыскерлерге қатысты кемсітушілік болмас үшін, жұмыскерлерді ұжымдық шартқа қосу кезінде ерікті жарналарды жинау туралы өз ұстанымын көрсетуге құқылы. Бұл мәселеге қатысты іс жүзінде сот тәжірибелері кездеседі, яғни сот жұмыскерлердің ұжымдық шартқа қосылуына еңбек заңнамасы кепілдік бермейді, ал жұмыскерлердің ұжымдық шартқа қосылуының мұндай шарттары өкілдердің қатысуымен оның тараптарының қалауы бойынша ұжымдық шартпен анықталады.

Сонымен қатар, ҚР Конституциясының 5-бабының 2-тармағы қоғамдық бірлестіктердің істеріне мемлекеттің заңсыз араласуына тыйым салады. Нәтижесінде, «Кәсіподақтар туралы» ҚР Заңының 5-тармағы өз жұмысында тәуелсіз және қандай жағдайда жұмыскерлердің мүдделерін білдіретін шешімдер қабылдауға құқылы.

[1517] Хасенов М.Х. Правовое заключение о порядке присоединения к коллективному договору. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36987929&pos=5;-106#pos=5;-106 (жүгінген күн: 24.02.2026 ж.).
[1518] Томашевский К.Л. Проблемы свободы объядинения и сферы действия коллективных договоров как вызов международным стандартам. Вестник СПбГУ. Право. 2021. Т. 12. Вып. 4. С. 1084.

Құқық қолдану тәжірибесінде жұмыскерлердің кәсіподаққа емес, ұжымдық шартқа көп дәрежеде өтеусіз қосылуы туралы мәселе көтеріледі, бұл жұмыскерлер үшін қолайлы және тиімді шарт болып табылады. Бұл мәселені кәсіподақ жұмысына нұқсан келтірмей және кәсіподақ мүшелері болып табылатын жұмыскерлеріне қатысты кемсітушілік факторларына жол бермей, жұмыскерлердің ұжымдық шартына өтеулі және өтеусіз қосылу рәсімін заңнамалық деңгейде реттеу қажеттілігі туындайды. Әділеттілік тұрғысынан, ұжымдық шартқа қосылғысы келетін барлық жұмыскерлер егер, оларға қатысты еңбек даулары туындаған жағдайда олардың құқықтарын қорғайтын кәсіподақтарға мүшелік жарналарды төлеу қажет деп санаймыз.

Халықаралық тәжірибені зерттей келе, ұжымдық шарт жасау мен ұжымдық келіссөздер үргізу тәжірибесінің келесі белгілерін анықтадық. Атап өтетін болсақ, ұжымдық келіссөздерді енгізу туралы ереже және кәсіподақтарға бірігу ХЕҰ-ның 1949 жылғы «Ұжымдық шарттарды ұйымдастыруға және жасасуға құқық қағидаттарын қолдануға қатысты» №98 Конвенциясында пайда болды[1519], сондай-ақ ХЕҰ-ның «Ұжымдық келіссөздерге жәрдемдесу туралы» №154 Конвенциясында әлеуметтік әріптестіктің мәні мен рөлі айқындалады[1520].

Германияда, Францияда, Финляндияда және Австрияда тараптар үшін келісімдер қолданылатын болса, Ұлыбританиядан басқа шет елдердің көпшілігінде ұжымдық шарттар жасасу заңды болып табылады. Ұжымдық шарт жасауға тараптардың ниеті болмаса, мұндай келісімнің болмауы жұмыс берушінің жауапкершілігіне әкелмейді, дәл осындай тәжірибе ҚР-да дамыған. Егер тараптар ұжымдық шартты құқықтық қамтамасыз ету туралы ниет білдірсе, онда заңнама нормалары жұмыс істей бастайды. АҚШ-та ұжымдық шарттың жұмысы бойынша қызықты тәжірибе бар, келісімнің өзі ұжымдық еңбек қатынастарын реттеуге бағытталған, бірақ сонымен бірге онда жұмыскерді жалдау кезінде жеке еңбек қатынастарына қатысты көптеген нормалар бар. Сондықтан, осындай ережелерге сүйене отырып, Американдық ғалымдар жеке еңбек шартының барлық ережелерін толығымен ұжымдық шартқа енгізу туралы қорытынды жасады, ал жеке еңбек қатынастары ұжымдық қатынастарға айналады. АҚШ-та ұжымдық шарттар 500 бетке дейінгі құжаттардың үлкен көлемінен тұрады, олар кейіннен салалық деңгейде қол қойылады және көлеміне қарамастан барлық салалық кәсіпорындарға таратылады. Нәтижесінде олар заңнамамен бірдей жұмыс істейді. Осыған байланысты, осындай ұжымдық шарттың қабылдануы еңбек құқығы тараптарының келісімдер институты ретінде бастапқы артықшылықтарға ие болған[1521].

Бір ерекшелігі, заң өзінің еңбек жағдайларын жақсартуға тырысатын жұмыскердің жеке іс-әрекетін қорғамайды. Қорғалуы үшін жұмыскердің қызметі кем дегенде бір басқа жұмыскердің күш-жігерімен келісілуі немесе жасалған ұжымдық шартта берілген құқыққа негізделуі керек. Сондай-ақ, американдық заңнама одақтас емес және кәсіподақ жұмыскерлеріне қатысты өзара көмек пен қорғаудың барлық келісілген қызметін қорғайды.

Қорытынды

[1519] Конвенция МОТ №98 «Относительно применения принципов права на организацию и на заключение коллективных договоров» 1949 г. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c098_ru.htm (жүгінген күн: 27.02.2026 ж.).

[1520] Конвенция МОТ №154 «О содействии коллективным переговорам». https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c154_ru.htm (жүгінген күн: 27.02.2026 ж.).

[1521] Samuel Estreicher, Michael C Harper and Elizabeth Tippett, *Cases and Materials on Employment Discrimination and Employment Law: The Field as Practiced* (5th edn, West Academic Publishing 2016) 112–115 https://scholarship.law.bu.edu/books/221 (жүгінген күн: 27.02.2026 ж.).

Ғылыми мақалада ұжымдық келіссөздердің құқықтық табиғатын зерттеу ҚР Еңбек кодексіне өзгерістер енгізу бойынша келесі тұжырымдар мен ұсыныстарды тұжырымдауға мүмкіндік берді:

1. Ұжымдық келіссөздер жүргізу және ұжымдық шарт жасасу қағидаттарын заңнамалық тұрғыдан бекіту қажет:

1) тараптардың тепе - теңдігі;

2) құқықты теріс пайдалануға әділеттілік пен адалдықпен тыйым салу;

3) тараптар өкілдерінің өкілеттігін құрметтеу;

4) міндеттемелерді қабылдаудың еріктілігі;

2. Ұжымдық келіссөздер жүргізу кезінде тиімді жұмыс істеу мақсатында заң шығарушыға тепе - теңдігі қағидатын негізге ала отырып, жұмыскерлердің бірыңғай өкілді органын қалыптастыру тетігін реттеу.

3. Заңнамалық деңгейде ұжымдық шарттың міндетті талабы – ұжымдық шартқа қосылу тәртібі туралы шарт айқындалсын, сол арқылы оның әрекетін кәсіподақ мүшелігінде тұрмайтын жұмыскерерге тарату тәртібі туралы мәселені реттеу ұсынылады.

Пайдаланылған әдебиеттер:

1. Токаев: Недовольство трудовых коллективов растет. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/tokaev-nedovolstvo-trudovyih-kollektivov-rastet-461365/ (жүгінген күн: 15.02.2026 ж.).

2. Токаев призвал открыто говорить о росте недовольства в трудовых коллективах. URL: https://sknews.kz/news/view/tokaev vyskazalsya-o-trudovyh-konfliktah-na-zapade-kazahstana (жүгінген күн: 15.02.2026 ж.).

3. Глава государства подписал закон, упрощающий порядок проведения забастовок. URL: https://www.kt.kz/rus/state/glava_gosudarstva_podpisal_zakon_uproschayuschiy_poryadok_1377946787.html (жүгінген күн: 16.02.2025 ж.).

4. Қазақстан Республикасының кейбір заңнамалық актілеріне еңбек даулары мен жанжалдарын шешу тәртібін оңайлату мәселелері бойынша өзгерістер мен толықтырулар енгізу туралы Қазақстан Республикасының Заңы 2023 жылғы 15 ақпандағы № 199-VII ҚРЗ URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z2300000199 (жүгінген күн: 16.02.2026 ж.).

5. Қазақстан Республикасының Еңбек Кодексі Қазақстан Республикасының Кодексі 2015 жылғы 23 қарашадағы № 414-V ҚРЗ. URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1500000414 (жүгінген күн: 17.02.2026 ж.).

6. Әкімшілік құқық бұзушылық туралы Қазақстан Республикасының Кодексі 2014 жылғы 5 шілдедегі № 235-V ҚРЗ. URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000235 (жүгінген күн: 17.02.2026 ж.).

7. Кәсіптік одақтар туралы Қазақстан Республикасының Заңы 2014 жылғы 27 маусымдағы № 211-V ҚРЗ. URL: https://adilet.zan.kz/kaz/archive/docs/Z1400000211/20.08.2024 (жүгінген күн: 20.02.2026 ж.).

8. Жоғарғы Сот. Сот кабинеті. URL: https://office.sud.kz/ (жүгінген күн: 22.02.2026 ж.).

9. Хасенов М.Х. Правовое заключение о порядке присоединения к коллективному договору. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36987929&pos=5;-106#pos=5;-106 (жүгінген күн: 24.02.2026 ж.).

10. Томашевский К.Л. Проблемы свободы объядинения и сферы действия коллективных договоров как вызов международным стандартам. Вестник СПбГУ. Право. 2021. Т. 12. Вып. 4. С. 1084.

11. Конвенция МОТ №98 «Относительно применения принципов права на организацию и на заключение коллективных договоров» 1949 г. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c098_ru.htm (жүгінген күн: 27.02.2026 ж.).
12. Конвенция МОТ №154 «О содействии коллективным переговорам». https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c154_ru.htm (жүгінген күн: 27.02.2026 ж.).
13. Samuel Estreicher, Michael C Harper and Elizabeth Tippett, Cases and Materials on Employment Discrimination and Employment Law: The Field as Practiced (5th edn, West Academic Publishing 2016) 112–115 https://scholarship.law.bu.edu/books/221 (жүгінген күн: 27.02.2026 ж.).

Жайнар Идрисов Ануарбекулы
Магистрант 2-го курса образовательной программы Юриспруденция
Высшая школа права, Maqsut Narikbayev University
Астана, Республика Казахстан
E-mail: zh_idrissov@kazguu.kz

ЦИФРОВОЙ МОНИТОРИНГ РАБОТНИКОВ И ЗАЩИТА ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ: СТАНДАРТЫ ЕСПЧ, GDPR И «WP29» И РЕКОМЕНДАЦИИ ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Аннотация

В статье рассматривается правомерность цифрового мониторинга работников в условиях расширения корпоративных средств контроля, алгоритмического управления и дистанционных форм занятости. Актуальность темы обусловлена тем, что цифровой мониторинг одновременно выступает инструментом администрирования труда и формой вмешательства в частную жизнь, тайну коммуникаций и сферу персональных данных работника. Цель статьи состоит в выявлении практических стандартов допустимого мониторинга работников на основе международных подходов и в оценке применимости этих стандартов к правовой системе Республики Казахстан. Методологическую основу исследования составляют доктринальный, формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы. Научная новизна работы выражается в предложении минимальной модели допустимого мониторинга, включающей формализованную цель, прозрачность, минимизацию данных, ограничения скрытого контроля, процедурные гарантии и внутреннюю оценку воздействия. В результате автор приходит к выводу, что действующее право Казахстана содержит базовые гарантии, однако нуждается в специальной конкретизации применительно к цифровому контролю работников.

Ключевые слова: цифровой мониторинг работников; защита частной жизни; персональные данные работников; трудовое право; информационные права работников; пропорциональность; прозрачность; Европейский суд по правам человека; General Data Protection Regulation; Республика Казахстан.

Аңдатпа

Мақалада корпоративтік бақылау құралдарының, алгоритмдік басқарудың және қашықтан жұмыспен қамтудың кеңеюі жағдайында қызметкерлерді цифрлық мониторингтеудің құқыққа сәйкестігі қарастырылады. Тақырыптың өзектілігі цифрлық мониторингтің бір мезгілде еңбекті басқару құралы және қызметкердің жеке өміріне, хабарламалар құпиясына әрі дербес деректеріне араласу нысаны ретінде көрінуімен түсіндіріледі. Зерттеудің мақсаты - халықаралық-еуропалық тәсілдер негізінде қызметкерлерді жол берілетін мониторингтеудің практикалық стандарттарын айқындау және оларды Қазақстан Республикасының құқықтық жүйесіне қолдану мүмкіндігін бағалау. Зерттеу әдіснамасы доктриналық, формальды-заңдық, салыстырмалы-құқықтық және жүйелік әдістерге негізделеді. Жұмыстың ғылыми жаңалығы мониторингтің рұқсат етілетін ең төменгі моделін ұсынуда көрінеді; оған нақты мақсат, ашықтық, деректерді барынша азайту, жасырын бақылауды шектеу, рәсімдік кепілдіктер және ықпал ету салдарын алдын ала бағалау кіреді. Зерттеу нәтижесінде Қазақстанның қолданыстағы құқығы негізгі кепілдіктерді қамтитыны, бірақ оларды қызметкерлерді цифрлық бақылау саласында арнайы нақтылау қажет екені негізделеді.

Түйінді сөздер: қызметкерлердің цифрлық мониторингі; жеке өмірді қорғау; қызметкерлердің дербес деректері; еңбек құқығы; қызметкерлердің ақпараттық

құқықтары; пропорционалдылық; ашықтық; Еуропалық Адам құқықтары соты; General Data Protection Regulation; Қазақстан Республикасы.

Abstract

The article examines the lawfulness of digital employee monitoring in the context of expanding corporate control tools, algorithmic management, and remote forms of work. The relevance of the topic lies in the fact that digital monitoring functions simultaneously as an instrument of labour administration and as a form of interference with employees' privacy, confidentiality of communications, and personal data. The purpose of the article is to identify practical standards for lawful employee monitoring on the basis of European and international approaches and to assess their applicability to the legal system of the Republic of Kazakhstan. The methodological framework combines doctrinal, formal-legal, comparative, and systemic methods. The novelty of the article lies in proposing a minimum model of lawful monitoring that includes a defined purpose, transparency, data minimisation, limits on covert surveillance, procedural safeguards, and internal impact assessment. The study concludes that Kazakhstani law already contains basic guarantees, but these guarantees require more specific regulation in relation to digital control in labour relations.

Keywords: digital employee monitoring; privacy protection; employees' personal data; labour law; workers' information rights; proportionality; transparency; European Court of Human Rights; General Data Protection Regulation; Republic of Kazakhstan.

Введение

Рост цифровых технологий управления трудом сопровождается расширением практик мониторинга работников: контроля корпоративной переписки, логирования действий в информационных системах, геолокации, видеонаблюдения, оценки продуктивности и иных форм цифрового наблюдения.[1522] Эти практики действительно повышают административную эффективность работодателя, однако одновременно усиливают риск вмешательства в частную жизнь работника, в тайну его сообщений и в сферу персональных данных.[1523] Особенно остро данная проблема проявляется в условиях гибридной и дистанционной занятости, когда граница между рабочим пространством и личной сферой становится менее определенной[1524]. Соответственно, необходимость в рассмотрении информационных прав, вытекает из технологического эффекта, оказываемого на право, посредством взаимодействия человека и технологий.

Практическая значимость рассматриваемой проблемы обусловлена тем, что цифровой мониторинг работников уже давно не ограничивается традиционным учетом рабочего времени. В современной корпоративной среде используются программные средства фиксации активности пользователя, инструменты анализа корпоративных коммуникаций, системы видеонаблюдения, геолокационные решения, а также технологии поведенческой и алгоритмической оценки производительности. В результате контроль трудового процесса приобретает комплексный характер и затрагивает не только организационные аспекты исполнения трудовой функции, но и сферу частной жизни работника, его персональные данные и разумные ожидания

[1522] Kirstie Ball, *Electronic monitoring and surveillance in the workplace: literature review and policy recommendations* (European Commission 2021); Jessica Vitak and Michael Zimmer, 'Surveillance and the future of work: exploring employees' attitudes toward monitoring in a post-COVID workplace' (2023) 28(4) *Journal of Computer-Mediated Communication* zmad007.

[1523] Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (European Convention on Human Rights, as amended) art 8.

[1524] Vitak and Zimmer (n 1); Kirstie Ball, 'Surveillance in the Workplace: Past, Present, and Future' (2022) 20(4) *Surveillance & Society* 552.

конфиденциальности[1525]. Именно поэтому вопрос о допустимости мониторинга должен рассматриваться не как сугубо внутренний вопрос менеджмента, а как самостоятельная правовая проблема, требующая оценки через критерии законности, прозрачности, необходимости и соразмерности.

Так, для Республики Казахстан вопрос имеет самостоятельное значение, поскольку действуют конституционные гарантии неприкосновенности частной жизни и тайны сообщений, нормы трудового законодательства о праве работника на информацию, а также общий режим защиты персональных данных.[1526] Вместе с тем действующее регулирование не содержит специального и системного ответа на вопрос о пределах допустимого цифрового контроля в трудовых отношениях. В результате, имеются ощущения о том, что правовая рамка складывается фрагментарно, а баланс между управленческими интересами работодателя и фундаментальными правами работника определяется преимущественно через общие нормы[1527]. Таким образом, исследование законодательства и соотношения, с существующими международными практиками, представляется как рациональный метод для последующего формирования рекомендаций.

Технологически такие практики реализуются через несколько основных контуров. Во-первых, это программный контроль активности на устройствах работника, включая учет времени, использование приложений и посещение веб-ресурсов. Во-вторых, это мониторинг информационно-коммуникационной инфраструктуры, позволяющий фиксировать использование корпоративной почты, сетевой трафик и соблюдение политик доступа. В-третьих, все большее значение приобретают геолокационный контроль, мониторинг дистанционной занятости и системы алгоритмического управления, в рамках которых цифровые следы работника используются для оценки дисциплины, эффективности и поведенческих паттернов[1528]. Такая технологическая многослойность затрудняет правовую квалификацию мониторинга, поскольку граница между обеспечением безопасности, организацией труда и чрезмерным вмешательством в частную сферу работника становится все менее очевидной.

[1525] *Bărbulescu v Romania* [GC] App no 61496/08 (ECtHR, 5 September 2017).
Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) [2016] OJ L 119/1 art 88.

[1526] Constitution of the Republic of Kazakhstan 15 March 2026 arts 18 and 20; Labour Code of the Republic of Kazakhstan, Code No 414-V of 23 November 2015 arts 22 and 23; Law of the Republic of Kazakhstan No 94-V of 21 May 2013 *On Personal Data and Their Protection* arts 7, 14 and 25.

[1527] Law of the Republic of Kazakhstan No 401-V of 16 November 2015 *On Access to Information* arts 7 and 11; Committee of Ministers of the Council of Europe, Recommendation CM/Rec(2015)5 on the processing of personal data in the context of employment (1 April 2015).

[1528] Article 29 Data Protection Working Party, *Opinion 2/2017 on data processing at work* (WP249, 8 June 2017) 3–4.
Article 29 Data Protection Working Party, *Opinion 2/2017 on data processing at work* (WP249, 8 June 2017) 2–4; Regulation (EU) 2016/679 [2016] OJ L 119/1 arts 5, 88.

Основная часть

1. Международно-правовые основания защиты частной жизни работника

Исследование современной литературы показывает, что цифровой мониторинг труда более не рассматривается исключительно как технический инструмент внутреннего администрирования. Он квалифицируется как правовая практика, затрагивающая трудовые права, право на уважение частной жизни, защиту персональных данных и гарантии против непрозрачного алгоритмического управления.[1529] Именно поэтому исследование мониторинга работников требует межотраслевого подхода, соединяющего трудовое право и информационно-правовую защиту личности. Ввиду чего, имеются основания, чтобы предполагать интеграцию технологических благ в область правового регулирования.

Из анализа европейского права понятно, что ключевое значение имеет статья 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, закрепляющая право на уважение частной и семейной жизни, жилища и корреспонденции.[1530] Практика Европейского суда по правам человека (далее - ЕСПЧ) последовательно исходит из того, что рабочие устройства и корпоративные каналы связи не выводят человека за пределы данной гарантии. Иными словами, тот факт, что коммуникация осуществляется в профессиональном контуре, сам по себе не устраняет разумное ожидание приватности[1531]. Понятно, что фактическая интерпретация мониторинга затрагивает, несколько личное право человека, но и косвенно затрагивает совокупные естественные права. В связи с чем, многосторонняя проверка, может является более рациональным способом проверки, вмешательства в личную жизнь работника.

В этом контексте цифровой мониторинг следует рассматривать не как нейтральный элемент менеджмента, а как вмешательство в защищаемую сферу, допустимость которого зависит от качества правовой основы, легитимности цели и наличия достаточных гарантий от злоупотребления.[1532] Такой подход, имеет релевантные признаки и для Казахстана, поскольку позволяет оценивать практики мониторинга не по критерию удобства работодателя, а по критерию правомерности ограничения прав работника.

2. Стандарты допустимости мониторинга в практике ЕСПЧ, GDPR и «WP29»

Одним из ключевых ориентиров для сферы трудового права, может являтся дело *Bărbulescu v Romania*, в котором Большая палата ЕСПЧ сформулировала факторы оценки допустимости мониторинга работника.[1533] Соответственно, суд сосредоточил внимание на том, был ли работник заранее уведомлен о возможности контроля, каков был объем мониторинга, затрагивалось ли содержание сообщений, существовали ли менее инвазивные меры и какие последствия имело вмешательство для работника.[1534] Тем самым, ЕСПЧ сместил анализ от абстрактного «права работодателя контролировать» к вопросу о том, в каких пределах такой контроль может считаться соразмерным.

Дополнительное значение имеют дела *Libert v France* и *López Ribalda and Others v Spain*. В первом деле Суд рассматривал доступ работодателя к данным на рабочем

[1529] Halefom H Abraha, 'A pragmatic compromise? The role of Article 88 GDPR in upholding privacy in the workplace' (2022) 12(4) *International Data Privacy Law* 276; Kirsten Martin and R Edward Freeman, 'Some Problems with Employee Monitoring' (2003) 43(3) *Journal of Business Ethics* 353.

[1530] Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (European Convention on Human Rights, as amended) art 8.

[1531] *Bărbulescu* (n 6); *Libert v France* App no 588/13 (ECtHR, 22 February 2018).

[1532] *Bărbulescu* (n 6); Committee of Ministers of the Council of Europe, Recommendation CM/Rec(2015)5 on the processing of personal data in the context of employment (1 April 2015).

[1533] *Bărbulescu* (n 6).

[1534] ibid.

компьютере и подтвердил, что решающим является не только наличие внутренней политики, но и достаточность гарантий для работника.[1535] Во втором деле анализировался скрытый видеоконтроль, и Суд указал, что даже при наличии легитимной цели скрытое наблюдение должно оставаться исключением, а не обычной управленческой практикой.[1536] Эти решения позволяют сделать общий вывод: чем глубже вмешательство, тем более вескими должны быть его основания и тем строже должны быть процедурные гарантии. Можно отметить важность того, чтобы осуществляемый контроль не мог быть абсолютным и приводить к обширным последствиям, для работника, случае злоупотребления работодателем положения контролирующего.

Ссылаясь на Нормативную рамку Европейского союза, которая строится вокруг Regulation (EU) 2016/679, то есть *General Data Protection Regulation* (далее - GDPR) можно вывести несколько важных моментов. Ввиду чего в рассматриваемой теме принципиальны закрепленные в нем требования законности, добросовестности, прозрачности, ограничения цели и минимизации данных могут иметь практическую важность.[1537] Специальное значение имеет статья 88 GDPR, которая допускает выработку специальных правил обработки данных в контексте занятости при условии уважения человеческого достоинства и фундаментальных прав работника[1538]. Таким образом, информационные права работников, представляется не только, с защитной стороны, но и как право на информацию и добросовестное уведомление.

Практическое развитие этих стандартов содержится в Opinion 2/2017 on data processing at work, подготовленном *Article 29 Data Protection Working Party* (далее - «WP29»).[1539] В указанной позиции специально подчеркивается, что согласие работника из-за структурного неравенства сторон далеко не всегда может считаться свободным и потому не должно механически использоваться как универсальное основание для мониторинга.[1540] «WP29» акцентирует необходимость предварительного информирования работника, ограничения объема обработки, выбора менее инвазивных средств контроля и повышенной осторожности при использовании моделей BYOD, геолокации и постоянного наблюдения за электронной коммуникацией[1541]. Данный механизм, мог бы позволить работнику в большей мере информироваться о текущем доступе к личным данным. Также, предварительное информирование, может позитивно повлиять на дальнейшую реализацию субъективного права на защиту со стороны работника.

Современный этап европейского регулирования дополнительно усиливается развитием правил об алгоритмическом управлении. Директива (EU) 2024/2831 о платформенной занятости предусматривает требования прозрачности автоматизированного мониторинга, человеческого надзора и ограничения использования определенных категорий данных, явно выходящих за пределы функционально необходимого контроля труда.[1542] Для настоящего исследования этот акт важен как свидетельство общего тренда: цифровой контроль работников всё чаще рассматривается как объект специального, а не только общего регулирования.[1543]

[1535] *Libert* (n 9).
[1536] *López Ribalda and Others v Spain* [GC] Apps nos 1874/13 and 8567/13 (ECtHR, 17 October 2019).
[1537] Regulation GDPR (EU) 2016/679 (n 6) arts 5 and 6.
[1538] ibid art 88; Abraha (n 7).
[1539] Article 29 Data Protection Working Party, *Opinion 2/2017 on data processing at work* (WP249, 8 June 2017).
[1540] ibid.
[1541] ibid.
[1542] Directive (EU) 2024/2831 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2024 on improving working conditions in platform work [2024] OJ L 2024/2831 arts 7-10.
[1543] Anna Milanez, Annikka Lemmens and Carla Ruggiu, 'Algorithmic management in the workplace: New evidence from an OECD employer survey' (2025) OECD Artificial Intelligence Papers No 31.

Из указанно информации ясно, что современные механизмы в международной практике, имеют курс на обеспечение защиты цифровых прав работника. Очевидно, что ужесточение правил обработки данных и рекомендаций выбора менее инвазивных методов, нормы способствующие развитию информационного права. Важно отметить, что предпринимаемые шаги, способны к созданию первичных принципов в области мониторинга действий работника в будущем.

3. Правовая рамка Республики Казахстан и её пределы

В Республике Казахстан базовый защитный каркас формируется Конституцией, Трудовым кодексом, Законом «О персональных данных и их защите» и Законом «О доступе к информации».[1544] Конституция Республики Казахстан закрепляет неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также право лица знакомиться с документами и решениями, затрагивающими его права и интересы.[1545] Эти положения важны потому, что именно они создают минимальную конституционную основу для требований прозрачности и ограниченности цифрового мониторинга.

В дальнейшем, Трудовой кодекс Республики Казахстан, в свою очередь, закрепляет право работника на полную и достоверную информацию об условиях труда и другие основные гарантии его правового статуса.[1546] Тем не менее, исследование кодекса, показало отсутствие специальной регламентации цифрового контроля: законодатель не разграничивает обычный организационный контроль и высоко инвазивные формы наблюдения, не регулирует пределы мониторинга при дистанционной работе и не предусматривает специальной процедуры уведомления работника о цифровых средствах контроля[1547]. Ввиду данного положения, появляются некоторые сомнения, присутствия полноценного механизма разграничения информационного права работника, с точки зрения контроля и мониторинга.

Стоит отметить, что Закон Республики Казахстан «О персональных данных и их защите» устанавливает общий режим сбора, обработки и защиты персональных данных, однако в ходе изучения, не было найдено развернутого ответа применительно к сфере труда.[1548] Аналогично Закон «О доступе к информации» закрепляет важные гарантии доступа к сведениям, затрагивающим права лица, но не раскрывает специально режим ознакомления работника с цифровым профилем, логами, оценочными метриками и основаниями автоматизированных выводов, используемых работодателем.[1549] Следовательно, действующая модель Казахстана содержит базовые гарантии, но не формирует целостного стандарта допустимого мониторинга работников.

Дополнительный контекст создают стратегические документы государства о цифровой трансформации и развитии искусственного интеллекта. Они показывают, что использование цифровых инструментов и алгоритмических систем будет

[1544] Constitution of the Republic of Kazakhstan15 March 2026; Labour Code of the Republic of Kazakhstan, Code No 414-V of 23 November 2015;
Law of the Republic of Kazakhstan No 94-V of 21 May 2013 *On Personal Data and Their Protection*;
Law of the Republic of Kazakhstan No 401-V of 16 November 2015 *On Access to Information*.

[1545] Constitution of the Republic of Kazakhstan 15 March 2026 arts 18 and 20.

[1546] Labour Code of the Republic of Kazakhstan, Code No 414-V of 23 November 2015 arts 22 and 23.

[1547] Compare Committee of Ministers of the Council of Europe, Recommendation CM/Rec(2015)5 on the processing of personal data in the context of employment (1 April 2015).

[1548] Law of the Republic of Kazakhstan No 94-V of 21 May 2013 *On Personal Data and Their Protection* arts 7, 14 and 25.

[1549] Law of the Republic of Kazakhstan No 401-V of 16 November 2015 *On Access to Information* arts 7 and 11.

расширяться и в трудовой сфере.[1550] Именно поэтому отсутствие специальных ограничителей и процедурных гарантий способно привести к ситуации, когда технологическое развитие будет опережать правовую защиту работника.

4. Практическая модель допустимого мониторинга работников

Сопоставление международных стандартов и казахстанской правовой рамки позволяет предложить минимальную модель допустимого мониторинга работников.

На основе проведенного анализа предлагается следующая модель допустимого мониторинга работников для Казахстана, которая состоит в том, что мониторинг должен иметь **формализованную и ограниченную цель**. Работодатель не вправе обосновывать цифровой контроль расплывчатыми формулами вроде «повышение эффективности» без уточнения содержания такой цели. Допустимыми ориентирами могут выступать информационная безопасность, защита коммерческой тайны, обеспечение качества обслуживания, охрана труда или расследование конкретного инцидента.[1551]

Далее обязательным элементом должна стать процедура **предварительного уведомления и прозрачность**. Соответственно, работник должен заранее знать, какие средства мониторинга используются, какие категории данных собираются, затрагивается ли содержание коммуникаций, каковы сроки хранения данных, кто имеет к ним доступ и могут ли они использоваться при принятии кадровых решений.[1552] Предполагается, что отсутствие такого уведомления, может рассматриваться как существенный дефект правомерности вмешательства. Оптимальным решением является отдельная политика мониторинга либо специальный раздел в положении о защите персональных данных работников.

Одним из важных условий, может выступить минимизация и соблюдение **принципа минимизации и выбор наименее инвазивной меры**. Если цель может быть достигнута путём технического логирования или ограничения доступа к ресурсам, постоянное чтение переписки, непрерывные скриншоты экрана либо тотальное видеонаблюдение являются избыточными.[1553] В этом смысле цифровой мониторинг должен быть функционально необходимым, а не максимально удобным для работодателя.

Соответственно одним из моментов, рекомендуется выделить **пространственно-временные пределы контроля**. При дистанционной работе особенно важно исключить перенос постоянного наблюдения в домашнюю сферу. Контроль вне рабочего времени, постоянная активация камеры или микрофона, а также неразграниченный сбор данных с личных устройств должны оцениваться как меры повышенного риска и допускаться только в исключительных случаях[1554]. Ведь, одними из наиболее уязвимых положений работника, могут считаться те моменты, когда удаленная работа непрерывно связана, с цифровыми технологиями.

Следующим шагом, выделяем специальную защиту в отношении чувствительных и особо инвазивных данных. То есть, необходима **повышенная защита чувствительных и особо инвазивных данных**. Биометрические данные, сведения о состоянии здоровья, эмоциональном состоянии, содержании частных разговоров и личных коммуникаций не должны включаться в обычный контур

[1550] Government of the Republic of Kazakhstan, Resolution No 269 of 28 March 2023 on the Concept of Digital Transformation, ICT Development and Cybersecurity for 2023-2029; Government of the Republic of Kazakhstan, Resolution No 592 of 24 July 2024 on the Concept for the Development of Artificial Intelligence for 2024-2029.

[1551] Regulation (EU) 2016/679 (n 6) art 5(1)(b); Article 29 Data Protection Working Party (n 17).

[1552] *Bărbulescu* (n 6); Article 29 Data Protection Working Party (n 17).

[1553] *Bărbulescu* (n 6); Ball, 'Surveillance in the Workplace' (n 3).

[1554] Article 29 Data Protection Working Party (n 17); Vitak and Zimmer (n 1).

трудового мониторинга без специального нормативного основания и строгих ограничений[1555]. Для Казахстана это означает необходимость отдельного законодательного ограничения использования биометрии и эмоционального распознавания в качестве стандартного средства контроля персонала.

Одним из наиболее важных аспектов, можно считать право работника **на доступ, объяснение и обжалование**. Если на основе мониторинга принимаются дисциплинарные, кадровые или оценочные решения, работник должен иметь возможность ознакомиться с относящимися к нему данными, понять основания вывода и оспорить недостоверную либо непропорциональную обработку[1556]. В условиях алгоритмического управления, данное положение следует дополнять требованием человеческого пересмотра.

Не менее важным моментом, для высокорисковых технологий необходима **внутренняя оценка воздействия**. В европейской модели такую функцию выполняет *data protection impact assessment* (далее - DPIA) по статье 35 GDPR.[1557] Для Казахстана аналогичный механизм мог бы быть адаптирован как внутренняя процедура работодателя, обязательная перед внедрением систем скрытого, биометрического или алгоритмического мониторинга[1558]. Такой метод, как правило может быть направлен на рефлексивную проверку.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что цифровой мониторинг работников не является неправомерным сам по себе, однако его допустимость зависит от совокупности строго определённых юридических условий. Международно-европейские стандарты, прежде всего практика ЕСПЧ, GDPR и позиция «WP29», исходят из того, что работник сохраняет статус носителя фундаментальных прав и в рамках трудового отношения.[1559] Следовательно, цифровой контроль допустим лишь постольку, поскольку он основан на законе, преследует легитимную цель, является необходимым и соразмерным, а также сопровождается реальными процедурными гарантиями.

Для Республики Казахстан это означает необходимость перехода от общей и фрагментарной модели к более специальному регулированию цифрового мониторинга в сфере труда. Национальное право уже содержит базовые конституционные и отраслевые гарантии, однако нуждается в дополнительной конкретизации применительно к уведомлению работника, скрытому контролю, дистанционной занятости, использованию биометрических и алгоритмических средств и доступу к цифровому профилю работника.[1560]

С практической точки зрения минимальный стандарт допустимого мониторинга должен включать формализованную цель, прозрачность, минимизацию данных, пределы во времени и пространстве, защиту чувствительных данных, право на ознакомление и обжалование, а также внутреннюю оценку воздействия для высокорисковых технологий. Именно такое сочетание позволяет согласовать

[1555] Regulation (EU) 2016/679 (n 6) art 9; Directive (EU) 2024/2831 (n 20) arts 7 and 8.
[1556] Law of the Republic of Kazakhstan No 401-V of 16 November 2015 *On Access to Information* arts 7 and 11; Directive (EU) 2024/2831 (n 20) arts 10 and 11.
[1557] Regulation (EU) 2016/679 (n 6) art 35.
[1558] Milanez, Lemmens and Ruggiu (n 21).
[1559] *Bărbulescu* (n 6); Regulation (EU) 2016/679 (n 6) art 5.
[1560] Constitution of the Republic of Kazakhstan 15 March 2026 arts 18 and 20; Labour Code of the Republic of Kazakhstan, Code No 414-V of 23 November 2015 arts 22 and 23; Law of the Republic of Kazakhstan No 94-V of 21 May 2013 *On Personal Data and Their Protection* arts 7, 14 and 25.

управленческие интересы работодателя с достоинством, автономией и информационными правами работника.[1561]

В современном мире, где быстро изменяющиеся технологические тенденций, создают правовой вакуум, необходимость решительных шагов возрастает. Безусловно, что трудовое право столкнулось, с объективными и реальными информационными вопросами прав работника, которые также в дальнейшем имеют релевантную основу, для развития. Данная работа, лишь дополняет относительно новый пласт в области обеспечения прав.

Список литературы:

Court cases

1. *Bărbulescu v Romania* [GC] App no 61496/08 (ECtHR, 5 September 2017).
2. *Libert v France* App no 588/13 (ECtHR, 22 February 2018).
3. *López Ribalda and Others v Spain* [GC] Apps nos 1874/13 and 8567/13 (ECtHR, 17 October 2019).

Legislation and official materials

4. Article 29 Data Protection Working Party, *Opinion 2/2017 on data processing at work* (WP249, 8 June 2017).
5. Committee of Ministers of the Council of Europe, Recommendation CM/Rec(2015)5 on the processing of personal data in the context of employment (1 April 2015).
6. Constitution of the Republic of Kazakhstan15 March 2026.
7. Directive (EU) 2024/2831 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2024 on improving working conditions in platform work [2024] OJ L 2024/2831.
8. Government of the Republic of Kazakhstan, Resolution No 269 of 28 March 2023 on the Concept of Digital Transformation, ICT Development and Cybersecurity for 2023-2029.
9. Government of the Republic of Kazakhstan, Resolution No 592 of 24 July 2024 on the Concept for the Development of Artificial Intelligence for 2024-2029.
10. Law of the Republic of Kazakhstan No 94-V of 21 May 2013 *On Personal Data and Their Protection*.
11. Law of the Republic of Kazakhstan No 401-V of 16 November 2015 *On Access to Information*.
12. Labour Code of the Republic of Kazakhstan, Code No 414-V of 23 November 2015.
13. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 (General Data Protection Regulation) [2016] OJ L 119/1.

Secondary sources

14. Abraha HH, ‘A pragmatic compromise? The role of Article 88 GDPR in upholding privacy in the workplace’ (2022) 12(4) *International Data Privacy Law* 276.
15. Ball K, *Electronic monitoring and surveillance in the workplace: literature review and policy recommendations* (European Commission 2021).
16. Ball K, ‘Surveillance in the Workplace: Past, Present, and Future’ (2022) 20(4) *Surveillance & Society* 552.
17. Glavin P, Bierman A and Schieman S, ‘Private Eyes, They See Your Every Move: Workplace Surveillance and Worker Well-Being’ (2024) 11(4) *Social Currents* 394.
18. Martin K and Freeman RE, ‘Some Problems with Employee Monitoring’ (2003) 43(3) *Journal of Business Ethics* 353.

[1561] Committee of Ministers of the Council of Europe, Recommendation CM/Rec(2015)5 on the processing of personal data in the context of employment (1 April 2015); Directive (EU) 2024/2831 (n 20) arts 7-11.

19. Milanez A, Lemmens A and Ruggiu C, ‘Algorithmic management in the workplace: New evidence from an OECD employer survey’ (2025) OECD Artificial Intelligence Papers No 31.

20. Vitak J and Zimmer M, ‘Surveillance and the future of work: exploring employees’ attitudes toward monitoring in a post-COVID workplace’ (2023) 28(4) *Journal of Computer-Mediated Communication* zmad007.

Кадырова Алия Маликовна
магистрант Высшей школы права
Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республика Казахстан
адвокат, член Коллегии адвокатов г. Астана
e-mail: brr.success@gmail.com

ДИСЦИПЛИНАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ОТНОШЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ: СТАНДАРТЫ ДОКАЗЫВАНИЯ И ПРИНЦИП СОРАЗМЕРНОСТИ

Аңдатпа: Мақалада мемлекеттік қызметшілердің тәртіптік жауаптылығының теориялық-құқықтық негіздері, сондай-ақ оның Қазақстан Республикасында қолданылу тәжірибесі зерттеледі. Дәлелдемелерді бағалаудың объективтілігі мен тәртіптік жазалардың мөлшерлестік қағидаты тұрғысынан тәртіптік теріс қылықты талдауға ерекше назар аударылады. Зерттеудің мақсаты – мөлшерлес емес санкциялар мен негізсіз шешімдер қабылдау қаупіне әкеп соқтыратын тәртіптік теріс қылық құрамын алмастыруға, дәлелдемелерді бағалаудағы формалды тәсілге байланысты заңнама және құқық қолдану тәжірибесіндегі мәселелерді анықтау. Зерттеуде тәртіптік теріс қылықтың құқықтық табиғатын, дәлелдемелерді бағалауды және тәртіптік жазаларды қолданудағы мөлшерлестік қағидатын талдауға мүмкіндік берген формалды-құқықтық, жүйелілік және салыстырмалы-құқықтық әдістер пайдаланылды. Мәселенің өзектілігі дәлелдеудің бірыңғай стандарттарын белгілеу және іс мән-жайларының дәлелденуі мен тәртіптік жауаптылық шарасын таңдау арасындағы байланысты күшейту қажеттілігімен негізделеді. Қазақстан Республикасының және шетелдік құқық тәртіптерінің сот тәжірибесін талдау негізінде тәртіптік іс жүргізудің кемшіліктері анықталды. Тәртіптік жауаптылықтың объективтілігі мен мөлшерлестігін қамтамасыз ету мақсатында құқықтық реттеу мен құқық қолдану тәжірибесін жетілдіру қажеттілігі туралы қорытынды жасалды.

Түйінді сөздер: мемлекеттік қызмет, мемлекеттік қызметші, қызметтік әдеп, тәртіптік теріс қылық, тәртіптік жауаптылық, дәлелдемелер, бағалаудың объективтілігі, мөлшерлестік қағидаты, тәртіптік жаза, құқықтық кепілдіктер.

Аннотация: В статье исследуются теоретико-правовые основы дисциплинарной ответственности государственных служащих и практика её применения в Республике Казахстан. Особое внимание уделено анализу дисциплинарного проступка через призму объективности оценки доказательств и принципа соразмерности дисциплинарных взысканий. Целью исследования является выявление проблем законодательства и правоприменительной практики, связанных с подменой состава дисциплинарного проступка и формальным подходом к оценке доказательств, что приводит к риску несоразмерных санкций. В исследовании использованы формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы, позволившие проанализировать правовую природу дисциплинарного проступка, оценку доказательств и применение принципа соразмерности дисциплинарных взысканий. Актуальность исследования заключается в необходимости установления единых стандартов доказывания и усиления связи между доказанностью обстоятельств дела и выбором меры дисциплинарной ответственности. На основе анализа судебной практики Республики Казахстан и зарубежных правопорядков выявлены дефекты дисциплинарного производства. Сделан вывод о необходимости совершенствования правового регулирования и правоприменительной практики в целях обеспечения объективности и соразмерности дисциплинарной ответственности.

Ключевые слова: государственная служба, государственный служащий, служебная этика, дисциплинарный проступок, дисциплинарная ответственность, доказательства, объективность оценки, принцип соразмерности, дисциплинарное взыскание, правовые гарантии.

Abstract: This article explores the theoretical and legal foundations of the disciplinary liability of civil servants and the practice of its application in the Republic of Kazakhstan. Particular attention is devoted to the analysis of disciplinary misconduct through the prism of the objectivity of evidence assessment and the principle of proportionality of disciplinary sanctions. The study aims to identify problems in legislation and law enforcement practice related to the substitution of the elements of disciplinary misconduct and to a formalistic approach to the assessment of evidence, which may result in disproportionate sanctions. The research is based on formal-legal, systemic, and comparative-legal methods, which made it possible to examine the legal nature of disciplinary misconduct, approaches to evidence assessment, and the application of the principle of proportionality in the imposition of disciplinary sanctions. The relevance of the study is determined by the need to establish uniform standards of proof and to strengthen the link between the established circumstances of the case and the choice of a disciplinary measure. Based on an analysis of judicial practice in the Republic of Kazakhstan and selected foreign jurisdictions, the study identifies deficiencies in disciplinary proceedings. It concludes that both legal regulation and law enforcement practice require further improvement in order to ensure the objectivity and proportionality of disciplinary liability.

Keywords: civil service, civil servant, official ethics, disciplinary misconduct, disciplinary liability, evidence, objectivity of assessment, principle of proportionality, disciplinary sanction, legal guarantees.

Введение

Профессиональная этика государственного служащего Республики Казахстан является публично-правовым инструментом регулирования правоотношений в сфере государственной службы. Её правовое регулирование закреплено Указом Президента Республики Казахстан от 29 декабря 2015 года № 153, которым утверждён Этический кодекс государственных служащих Республики Казахстан[1562]. Как самостоятельный институт, этика государственного служащего основывается на принципах добросовестности, честности, справедливости, открытости, вежливости и клиентоориентированности. Она реализует процедурно-санкционный механизм, в рамках которого данная конструкция выполняет охранительную и регулятивную функции, одновременно обеспечивая защиту публичных интересов, снижение коррупционных рисков и поддержание доверия населения к власти, то есть к государственным служащим.

Государственный служащий – ключевая фигура в сфере государственной службы, исполняющая задачи и функции государственной власти в интересах общества и государства. Он обязан соблюдать все требования, запреты и ограничения, установленные в период нахождения на государственной службе, поскольку его репутация оказывает влияние на уровень доверия граждан к государству. Соответственно, в целях обеспечения эффективного функционирования государства государственный служащий наделяется правами и обязанностями, закреплёнными в Законе Республики Казахстан «О государственной службе

[1562] Этический кодекс государственных служащих Республики Казахстан, утверждённый Указом Президента Республики Казахстан от 29 декабря 2015 года № 153 <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1500000153> дата обращения: 07.03.2026

Республики Казахстан» от 23 ноября 2015 года № 416-V[1563]. Функции государственных служащих как представителей власти реализуются в законодательной, исполнительной и судебной ветвях власти, как на республиканском, так и на местном уровне.

Само определение «государственный служащий», закреплённое в пункте 12 статьи 1 Закона Республики Казахстан «О государственной службе Республики Казахстан», означает, что государственный служащий - это гражданин Республики Казахстан, занимающий в установленном законодательством порядке оплачиваемую из республиканского или местных бюджетов либо из средств Национального Банка Республики Казахстан государственную должность в государственном органе и осуществляющий должностные полномочия в целях реализации задач и функций государства[1564]. В статье 8 указанного Закона закреплён правовой статус государственного служащего, включающий его права и обязанности, ограничения, запреты и гарантии[1565]. В основу Закона Республики Казахстан «О государственной службе Республики Казахстан» заложены базовые положения Конституции Республики Казахстан[1566].

В обществе государственный служащий занимает особый статус, поскольку от его репутации во многом зависит отношение и уровень доверия граждан к государству. Системный анализ нормативных правовых актов в сфере государственной службы свидетельствует о наличии жёстких ограничений прав и повышенных требований к государственным служащим. Как отмечает А. С. Турисбек, правовой статус государственных служащих характеризует не только порядок и условия их поступления на государственную службу, продвижения по службе и порядок её прекращения, но и раскрывает их основные права и обязанности, ограничения на их деятельность, гарантии социального и материального обеспечения, служебной карьеры, а также основания и порядок привлечения к дисциплинарной ответственности. Дополнительно указывается, что в юридической литературе обычно выделяются следующие признаки прав и обязанностей государственного служащего: они относятся к особой категории граждан, обладающих специфическим статусом; определяют меру, объём и границы возможного и должного поведения государственных служащих; их правовая основа шире, чем у граждан. У государственных служащих данные права и обязанности закреплены в Конституции, законах, иных нормативных правовых актах и должностных инструкциях, тогда как у граждан - как правило, только в законе[1567].

Расширение должного поведения государственного служащего О. В. Хабибулина раскрывает через отличия правового режима государственной службы, такие как:

- жёсткость требований, предъявляемых к государственным служащим;
- строгое определение меры возможного и должного поведения государственных служащих;
- детальная регламентация деятельности государственных служащих;
- установление для государственных служащих специфических обязанностей, ограничений, запретов;
- введение для государственных служащих изъятия из общепринятых норм;

---

[2] Закон Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 416-V «О государственной службе Республики Казахстан» <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000416> дата обращения: 07.03.2026.

[1564] Ibid.

[1565] Ibid.

[1566] Конституция Республики Казахстан, принятая на республиканском референдуме 15 марта 2026 года <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000000> дата обращения: 09.03.2026.

[1567] Айнур Турисбек, 'Государственная служба в Республике Казахстан (проблемы теории и практики)' (2012) диссертация, Москва 42.

- установление особого контроля за деятельностью государственных служащих (даже после увольнения со службы);

- закрепление специфических оснований и порядка применения мер государственного принуждения в случае нарушения установленных правил[1568].

В то же время Порохов Е. В. объясняет, что должностное лицо государства, государственного органа и государственный служащий - уже не субъекты права, а участники внутренних служебных правоотношений с государством, одновременно выступающие в этом качестве от имени государства во внешних отношениях с третьими лицами. Субъектом права в данном случае по-прежнему остаётся человек[1569]. Для обеспечения справедливого баланса жёсткий уровень требований, запретов и ограничений, связанных с прохождением государственной службы, компенсируется правами и гарантиями, предоставляемыми государственному служащему. Государственный служащий наделён установленным законом комплексом социальных и трудовых прав, обеспечивающих надлежащее осуществление им должностных полномочий, его правовую защищённость и стабильность служебного статуса. К таким правам относятся право на справедливое отношение, получение необходимой информации, профессиональную подготовку и повышение квалификации, продвижение по службе, защиту от необоснованных обвинений, а также право вносить предложения по совершенствованию государственной службы. Указанные права регламентируются статьёй 9 Закона Республики Казахстан «О государственной службе Республики Казахстан». Правовые гарантии закреплены статьёй 8, а социальные гарантии статьями 53-57 Закона РК «О государственной службе Республики Казахстан»[1570].

В статье 46 Закона Республики Казахстан «О государственной службе Республики Казахстан» государственным служащим предоставлены права и гарантии, включая обязательное ознакомление со всеми материалами, связанными с привлечением к дисциплинарной ответственности, а также право лично участвовать в процедуре служебного расследования. Действия (бездействие) и решения государственного органа или должностного лица могут быть обжалованы государственными служащими, привлекаемыми к ответственности, в порядке, установленном законодательством Республики Казахстан[1571]. Согласно пункту 12 Этического кодекса государственных служащих Республики Казахстан, дисциплинарная ответственность наступает при нарушении стандартов служебной этики государственными служащими[1572].

Дисциплинарная ответственность выступает реакцией государства на неправомерное поведение государственного служащего и правовым последствием, направленным на защиту общественных интересов. Исходя из анализа прав и обязанностей государственного служащего, вытекает необходимость соответствия его поведения установленным требованиям. Принятие ограничений, установленных законами Республики Казахстан для государственной службы, сочетается с сохранением за государственным служащим прав и свобод как гражданина Республики Казахстан.

[1568] Ольга Хабибулина, ‘Правовой режим государственной службы’ Center Bereg <https://center-bereg.ru/n257.html> дата обращения: 09.03.2026.

[1569] Евгений Порохов, ‘Правосубъектность государства и государственных органов в публичном и частном праве’ <https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32750725> дата обращения: 11.03.2026

[1570] Закон Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 416-V «О государственной службе Республики Казахстан» <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000416> дата обращения: 07.03.2026.

[1571] Ibid

[1572] Этический кодекс государственных служащих Республики Казахстан, утверждённый Указом Президента Республики Казахстан от 29 декабря 2015 года № 153 <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1500000153> дата обращения: 07.03.2026

В этой связи жёсткие требования к поведению государственного служащего предусматривают необходимость строгого обеспечения гарантий его прав при привлечении к дисциплинарной ответственности, включая объективную оценку доказательств. При наличии полного состава дисциплинарного проступка мера наказания должна применяться в соответствии с принципом соразмерности. Однако в правоприменительной практике при рассмотрении дисциплинарных дел судами допускается подмена состава дисциплинарного проступка. Суды не всегда объективно оценивают доказательства и признаки состава проступка, нередко прибегая к формальному подходу. Значительная доля трудовых споров на государственной службе возникает вследствие процедурных дефектов (сроки, порядок, доказательственная база, соразмерность наказаний). В результате создаётся риск произвольного расширения дисциплинарной ответственности и нарушения принципа соразмерности. В конечном итоге не обеспечивается реализация прав и гарантий государственного служащего при привлечении его к дисциплинарной ответственности.

Теоретико-правовые основы дисциплинарного проступка: объективность доказывания и соразмерность взысканий

Специалист в области административного права Дякина И. А. призывала обратить внимание на то, что государственная служба представляет собой целостную социальную систему при рассмотрении вопроса о правовой природе служебного права. Появление административно-правовой реформы и обширного массива правовых норм, обеспечивших её регламентацию, служит доводом в пользу формирования новой отрасли права — служебного права (права государственной и муниципальной службы). Наряду с этим необходимо отметить, что не утратил своей актуальности такой аспект права государственной службы, как соотношение административных и трудовых норм при регулировании отношений на государственной службе[1573]. В то же время другой учёный в области административного права Мельник Р. С., ссылаясь на юридическую доктрину и практику западноевропейских государств, приводит в пример новую демократию Украины, где сложился принципиально иной подход, согласно которому государственная служба представляет собой публично-правовое образование, отдельное от частноправовой трудовой деятельности, регулируемой законодательством о труде. При этом особенности регулирования труда государственных служащих свойственны именно государственной службе и не применимы к обычной (частноправовой) трудовой деятельности, регулируемой Трудовым кодексом Республики Казахстан[1574].

В части соотношения трудового и административного права сложный характер государственно-служебного отношения отмечает учёный в области трудового права Хасенов М. Х. Он указывает, что административное право имеет сходство с трудовым правом, поскольку обе отрасли регулируют управленческие отношения, при этом выделяя преимущество административного права по сравнению с трудовым правом. В заключение он обосновывает, что отношения с участием государственных и иных служащих включены в предмет трудового права в качестве общего регулирования, оставляя за нормами административного права специальное регулирование отдельными законами. Подобный подход соответствует тенденциям зарубежной науки трудового права и обоснован необходимостью обеспечения конституционных прав человека и гражданина. В качестве примеров он приводит договоры смешанной

[1573] Ирина Дякина, ‘Становление служебного права как отрасли административного права’ <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-sluzhebnogo-prava-kak-otrasli-administrativnogo-prava> дата обращения: 13.03.2026.

[1574] Роман Мельник, ‘Общее административное право Республики Казахстан’ (2022) LEM 219.

правовой природы (трудоправовой и административно-правовой), такие как контракты о прохождении воинской службы и трудовые договоры с административными государственными служащими. Также подчёркивается общая тенденция развития западного трудового права, в рамках которой трудовое законодательство распространяется на государственных служащих и сотрудников полиции[1575].

В правоприменительной практике регулирование труда государственных служащих нормами трудового права подтверждается статьями 143, 144, 145 и 145-1 Трудового кодекса Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 414-V, согласно которым труд государственных служащих, контрактных служащих в государственных органах, депутатов Парламента и маслихатов, судей Республики Казахстан, работников уполномоченного органа по регулированию, контролю и надзору финансового рынка и финансовых организаций регулируется настоящим Кодексом с особенностями, предусмотренными законами Республики Казахстан и иными нормативными правовыми актами Республики Казахстан, устанавливающими особые условия и порядок поступления на службу, её прохождения и прекращения, особые условия труда, условия оплаты труда, а также дополнительные льготы, преимущества и ограничения[1576]. Дополнительно труд лиц, состоящих на воинской службе, сотрудников специальных государственных и правоохранительных органов, государственной фельдъегерской службы регулируется также специальными законами. Аналогичным образом труд работников Национального Банка Республики Казахстан и его ведомств регулируется Законом Республики Казахстан «О Национальном Банке Республики Казахстан» и иными актами Национального Банка Республики Казахстан[1577]. Сравнивая положения Закона Республики Казахстан «О государственной службе Республики Казахстан» и Трудового кодекса Республики Казахстан, можно отметить, что обязанности и права государственных служащих во многом аналогичны, а гарантии на государственной службе дублируют права государственных служащих. Как отмечают Капустян Л. А. и Сабына Е. Н., «государственные гарантии на государственной службе – это важный способ обеспечения социальной защищённости служащих и механизм защиты их прав и свобод, соблюдения законных интересов»[1578].

В правовом регулировании государственной службы прослеживается межотраслевой подход. Принимая во внимание, что регулирование находится на стыке административного и трудового права, дисциплинарный проступок и дисциплинарная ответственность также имеют смешанную, но с преобладанием публично-правовую природу. Закон Республики Казахстан «О государственной службе Республики Казахстан» чётко выделяет ответственность государственных служащих и отдельно регламентирует дисциплинарные проступки и виды взысканий. В то же время подпункты 75 и 76 статьи 1 Трудового кодекса Республики Казахстан содержат определения, согласно которым дисциплинарное взыскание - это мера дисциплинарного воздействия на работника, применяемая работодателем или первым руководителем национального управляющего холдинга в случаях, предусмотренных законами Республики Казахстан, за совершение дисциплинарного проступка; дисциплинарный проступок - это противоправное, виновное неисполнение

[1575] Муслим Хасенов, ‘Трудовое право Республики Казахстан: в 3 томах. Том 1. Общая часть’ (2023) Smart University Press 68-70.

[1576] Трудовой кодекс Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 414-V ЗРК <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000414> дата обращения: 15.03.2026.

[1577] Закон Республики Казахстан от 30 марта 1995 года № 2155 «О Национальном Банке Республики Казахстан» <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z950002155_> дата обращения: 15.03.2026

[1578] Лариса Капустян, Елена Сабына, ‘Правовой статус государственных гражданских служащих: проблемные аспекты’ <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-gosudarstvennyh-grazhdanskih-sluzhaschih-problemnye-aspekty> дата обращения: 15.03.2026.

или ненадлежащее исполнение работником своих трудовых обязанностей, а также нарушение трудовой дисциплины[1579]. Тем самым охватывается общее регулирование работников, состоящих в трудовых отношениях, в части дисциплинарной ответственности.

Определение дисциплинарного проступка, а также основания дисциплинарной ответственности и виды дисциплинарных взысканий в отношении государственных служащих закреплены в статье 44 Закона Республики Казахстан «О государственной службе Республики Казахстан»[1580]. В соответствии с указанной нормой дисциплинарный проступок государственного служащего представляет собой виновное и противоправное нарушение служебных обязанностей, служебной дисциплины, норм этики, пределов полномочий либо установленных законом ограничений, влекущее применение дисциплинарного взыскания. За совершение таких деяний к государственному служащему могут применяться следующие виды дисциплинарных взысканий: замечание, выговор, строгий выговор, предупреждение о неполном служебном соответствии, понижение в государственной должности либо увольнение с занимаемой государственной должности. В дополнение, статья 50 Закона Республики Казахстан «О государственной службе Республики Казахстан», предусматривает дисциплинарные проступки, дискредитирующие государственную службу, под которыми понимаются предусмотренные законодательством виновные противоправные деяния государственного служащего, посягающие на авторитет публичной службы, принципы законности, беспристрастности, добросовестности и служебной этики, выражающиеся, в частности, в злоупотреблении должностным статусом, нарушении антикоррупционных ограничений и использовании служебного положения в личных либо иных неправомерных интереса[201581].

Несмотря на то, что определение дисциплинарного проступка содержится в Законе РК «О государственной службе Республики Казахстан», Этический кодекс государственных служащих Республики Казахстан расширяет это понятие, указывая, что дисциплинарный проступок - не только противоправное нарушение служебных обязанностей и дисциплины, но и нарушение служебной этики[211582]. Проступком признаётся действие или бездействие, которое накладывает тень на доверие к государственной службе или несоответствие стандартам поведения как на службе, так и вне службы. Поскольку стандарты поведения, как ориентир, направляют государственного служащего к соблюдению честности, законности, нетерпимости к коррупции и дискриминации, корректному, вежливому общению с гражданами и коллегами, соблюдению дресс-кода на работе, нейтралитету при дискуссии государственной политики, а также к недопущению использования служебного положения в личных интересах.

Из анализа содержания формализированных записей следует, что норма о дисциплинарном проступке носит публично-правовой характер, поскольку определяет пределы дисциплинарной ответственности в сфере публичной службы.

В отличие от дисциплинарных нарушений, вытекающих из трудовых отношений, здесь охраняется не только внутренняя организация труда, но и более широкий круг публичных отношений, таких как авторитет публичной службы, законность осуществления публичной службы, соблюдение служебной дисциплины, этики и

[1579] Трудовой кодекс Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 414-V ЗРК <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000414> дата обращения: 15.03.2026.

[1580] Закон Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 416-V «О государственной службе Республики Казахстан» <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000416> дата обращения: 07.03.2026.

[1581] Ibid.

[1582] Этический кодекс государственных служащих Республики Казахстан, утверждённый Указом Президента Республики Казахстан от 29 декабря 2015 года № 153 <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1500000153> дата обращения: 07.03.2026.

ограничений, вытекающих из правового статуса государственного служащего. Термин «противоправное» характеризует то, что проступок предполагает нарушение предписаний правовых актов, регулирующих публичную службу, и требует установления нормативной основы для определения того, какая обязанность, запрет или ограничение были нарушены. Понятие «виновное» означает, что без вины дисциплинарный проступок отсутствует. Для установления вины необходимо доказать, что государственный служащий мог и должен был действовать надлежащим образом, однако умышленно допустил нарушение либо проявил неосторожность. Как утверждает Вера Шюрманн, работодатель государственного служащего несёт бремя доказывания дисциплинарного проступка в полном объёме[1583].

Также упоминание в норме служебной дисциплины и этики показывает, что объект охраны обладает двуединым характером: с одной стороны - защищается организационный порядок публичной службы, а с другой - репутация публичной службы, что оправдывает требования добросовестного поведения. Вместе с тем включение в дефиницию дисциплинарного проступка превышения должностных полномочий подтверждает, что проступок может проявляться не только в пассивной форме, но и в активной, выходящей за пределы предоставленной компетенции. Тем самым реализуется принцип законности публичной власти, в силу которого государственный служащий вправе действовать только в пределах возложенных полномочий.

Итак, рассматриваемая норма закрепляет публично-правовое нарушение, посягающее одновременно на законность, служебную дисциплину и этику, запреты и ограничения публичной службы. Её задача состоит не только в установлении основания дисциплинарной ответственности, но и в ограничении усмотрения уполномоченных лиц, поскольку без полного состава дисциплинарного проступка взыскание не признаётся законным. Из этого следует, что норма корреспондирует обязанности субъекта, уполномоченного к привлечению к дисциплинарной ответственности, при её реализации обеспечить объективную оценку доказательств. Ибо правовая оценка во взаимосвязи с принципом соразмерности определяет вид дисциплинарного взыскания, что реализует права и гарантии государственного служащего на справедливое решение.

В Законе РК «О государственной службе Республики Казахстан» принцип соразмерности прямо не закреплён, но заложен в пункте 1 статьи 41 Конституции РК как требование допустимости ограничения прав лишь в необходимой мере[1584]. Учитывая, что базовые положения Закона РК «О государственной службе Республики Казахстан» исходят из Конституции РК, идея соразмерности применяется к регулированию статуса государственных служащих. Поскольку принцип соразмерности – это идея о применении справедливой меры наказания, он позволяет ограничить чрезмерное влияние власти ровно в той степени, в какой это необходимо с точки зрения объективности, обоснованности и законности. Реализация данной идеи осуществляется при вынесении дисциплинарного взыскания с учётом полного объёма состава дисциплинарного проступка и объективной оценки доказательств для обеспечения справедливого правоприменения. Тем самым реализуются права и гарантии государственного служащего, сохраняется баланс института публичной службы и доверие общества к власти.

[1583] Vera Schürmann, ‘Verfassungstreue im Dienst der freiheitlichen demokratischen Grundordnung’ (2025) Mohr Siebeck 142, 151-152 <https://www.mohrsiebeck.com/buch/verfassungstreue-9783161642357/> дата обращения: 16.03.2026.

[1584] Конституция Республики Казахстан, принятая на республиканском референдуме 15 марта 2026 года <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000000> дата обращения: 15.03.2026

Сравнительно-правовой анализ судебной практики

Анализ Правил наложения дисциплинарных взысканий на государственных служащих, утверждённых Указом Президента Республики Казахстан от 29 декабря 2015 года № 152, раскрывает, что дисциплинарное производство в Республике Казахстан построено на формализованной процедуре, включающей служебное расследование, рассмотрение материалов дисциплинарной комиссией и принятие решения уполномоченным лицом[1585]. При этом, несмотря на закрепление обязанности объективной оценки доказательств, отсутствуют стандарт доказывания и критерии оценки. В совокупности это создаёт риск произвольных решений: санкция может не соответствовать ни фактам, ни степени вины, что нарушает принцип соразмерности. В этой связи судебная практика по дисциплинарным делам показывает наличие формального подхода и рисков произвольных решений.

Это демонстрирует дело истицы К.Л.А. к Министерству Х, Агентству Х, рассмотренное судебной коллегии по гражданским делам г. Астаны (постановление от 11 июля 2017 года № 2а-2895-2017)[1586]. Основанием для привлечения к дисциплинарной ответственности послужило участие государственного служащего в международном научном форуме без соответствующего согласования. Суд признал увольнение законным, сославшись на установленный факт нарушения. Решение свидетельствует о том, что суд ограничился констатацией нарушения без объективного рассмотрения обстоятельств дела, степени вины, последствий и соразмерности применённой меры дисциплинарного взыскания, что указывает на формальный подход к оценке доказательств. Суд не принял во внимание наличие служебной записки на согласование, обстоятельства нахождения государственного служащего в трудовом отпуске, характер научной поездки и отсутствие отказа со стороны руководства.

Далее, дело истца Е.Е.Е. к Государственному учреждению «Управление образования Х», Департаменту Х, рассмотренное судебной коллегией по гражданским делам Павлодарского областного суда (постановление от 19 марта 2023 года № 5599-24-00-2а/113)[1587]. Основанием для привлечения к дисциплинарной ответственности послужило признание предполагаемого предпочтения государственного служащего юридическому лицу при принятии решения об отзыве иска о признании поставщика недобросовестным участником государственных закупок. Суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции и признал законным применение дисциплинарного взыскания, указав на неправильное определение обстоятельств дела и недоказанность выводов суда первой инстанции. При этом не были учтены такие факты, как отсутствие прямого ущерба, завершение работ и выплата неустойки, что указывает на преобладание формального подхода к оценке доказательств.

Ключевое значение имеет Нормативное постановление Конституционного Суда Республики Казахстан от 6 марта 2023 года № 4, в котором сформулирована правовая позиция о пределах ограничения права граждан на доступ к государственной службе. Суд исходил из того, что само по себе установление временного запрета на поступление на государственную службу для лиц, привлечённых к дисциплинарной ответственности за проступок, дискредитирующий государственную службу,

---

[1585] Правила наложения дисциплинарных взысканий на государственных служащих, утверждённые Указом Президента Республики Казахстан от 29 декабря 2015 года № 152 <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1500000152> дата обращения: 10.03.2026

[1586] Постановление Судебной коллегии по гражданским делам суда г. Астаны по делу № 2а-2895-2017 от 11 июля 2017 года <https://office.sud.kz/> дата обращения: 10.03.2026.

[1587] Постановление судебной коллегии по гражданским делам Павлодарского областного суда № 5599-24-00-2а/113 от 19 марта 2023 года <https://bestprofi.com/document/3124054007>дата обращения:10.03.2026.

допустимо, поскольку связано с необходимостью поддержания авторитета государственной власти и доверия общества к государственным институтам. Вывод Конституционного Суда состоит в том, что государство вправе ограничивать доступ к государственной службе для лиц, совершивших дискредитирующие проступки, однако такие ограничения должны быть разумными, временными и соразмерными. Пожизненный запрет на поступление на государственную службу за дисциплинарный проступок Суд признал чрезмерным, несправедливым и неконституционным, поскольку он нарушает баланс между тяжестью проступка и суровостью правового последствия[1588]. Такой подход позволяет соотнести характер и степень нарушения с избранной мерой ответственности, обеспечивая справедливость правоприменения, а также гарантии прав и законных интересов государственных служащих.

В зарубежной практике показателен кейс Верховного суда штата Луизиана (США), дело Совета по этике штата Луизиана в отношении Мишель Барнетт (№ 2024-C-00500 от 25 октября 2024 года). Суд отменил привлечение к ответственности, указав на недоказанность ключевых элементов правонарушения. При этом был применён повышенный стандарт доказывания - «ясные и убедительные доказательства» (clear and convincing evidence). Суд также подчеркнул недопустимость расширительного толкования норм и указал, что сомнения должны толковаться в пользу привлекаемого лица[1589].

Судебную практику Германии отражает решение Баварского административного суда по делу о нарушении учительницей гимназии обязанности верности Конституции, описывающее В. Шюрманн в научной работе. Несмотря на установление факта нарушения, суд признал увольнение несоразмерным и ограничился более мягкой мерой - снижением денежного содержания. При этом суд не установил наличие субъективной стороны правонарушения, в частности наличие антиконституционных убеждений, и обосновал свою позицию ссылкой на практику

Европейского суда по правам человека по делу «Vogt v. Germany» (1995)[1590]. Такой подход свидетельствует о важности соблюдения принципа соразмерности с учётом объективной оценки.

Сравнительный анализ вышеуказанных решений показывает дефекты оценки доказательств и применения принципа соразмерности. В национальной практике Республики Казахстан наблюдается формальный подход, когда процедура становится жёстким фильтром, и ошибка приводит к несоизмеримым санкциям. В зарубежной практике используется на высокий стандарт доказанности, вследствие чего прослеживается зависимость меры дисциплинарного взыскания от качества доказательственной базы и и действует запрет расширительного толкования правовых норм. Тем самым объективная оценка доказательств должна выступать необходимым условием применения соразмерного дисциплинарного взыскания. Отсутствие полноценного исследования обстоятельств дела и доказательств неизбежно приводит к нарушению принципа соразмерности и риску произвольных решений.

[1588] Нормативное постановление Конституционного Суда Республики Казахстан от 6 марта 2023 года № 4 <https://adilet.zan.kz/rus/docs/S2300000004> дата обращения: 10.03.2026.

[1589] Louisiana Board of Ethics in the Matter of Michelle Barnett, No 2024-C-00500 (Supreme Court of Louisiana, 25 October 2024) <https://law.justia.com/cases/louisiana/supreme-court/2024/2024-c-00500.html> дата обращения: 10.03.2026.

[1590] Vera Schürmann, ‘Verfassungstreue im Dienst der freiheitlichen demokratischen Grundordnung’ (2025) Mohr Siebeck C. 151-152 <https://www.mohrsiebeck.com/buch/verfassungstreue-9783161642357/> дата обращения: 16.03.2026.

Заключение

Для единообразия в рассмотрении дисциплинарных дел государственных служащих казахстанскими судами настоящее исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, для законности дисциплинарного взыскания требуется нормативно закрепить доказательственный стандарт с чёткими критериями оценки факта нарушения, а также установлением всех элементов состава дисциплинарного проступка, включая противоправность, вину и фактическую связь между поведением лица и вменяемым нарушением. Во-вторых, необходимо соблюдение принципа соразмерности при выборе меры взыскания, основанное на объективной и всесторонней оценке обстоятельств дела, а также на правильной квалификации проступка. В-третьих, зарубежная практика, особенно американская, более последовательно связывает строгость вмешательства с повышенными требованиями к доказательственной базе и недопустимостью расширительного толкования дисциплинарных норм.

Таким образом, сравнительно-правовой анализ подтверждает необходимость дальнейшего совершенствования дисциплинарного производства в государственной службе Республики Казахстан. Прежде всего, требуется нормативное закрепление стандарта доказывания и критериев объективной оценки доказательств, исключение подмены состава дисциплинарного проступка, а также установление прямой связи между полнотой исследования обстоятельств дела и выбором соразмерной меры дисциплинарной ответственности.

Список литературы:

1. Этический кодекс государственных служащих Республики Казахстан, утверждённый Указом Президента Республики Казахстан от 29 декабря 2015 года № 153 <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1500000153>

2. Закон Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 416-V «О государственной службе Республики Казахстан» <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000416>

3. Конституция Республики Казахстан, принятая на республиканском референдуме 15 марта 2026 года <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000000>

4. Айнур Турисбек, ‘Государственная служба в Республике Казахстан (проблемы теории и практики)’(2012) диссертация, Москва 42

5. Ольга Хабибулина, ‘Правовой режим государственной службы’ Center Bereg <https://center-bereg.ru/n257.html>

6. Евгений Порохов, ‘Правосубъектность государства и государственных органов в публичном и частном праве’ <https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32750725>

7. Ирина Дякина, ‘Становление служебного права как отрасли административного права’ <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-sluzhebnogo-prava-kak-otrasli-administrativnogo-prava>

8. Роман Мельник, ‘Общее административное право Республики Казахстан’ (2022) LEM 219

9. Муслим Хасенов, ‘Трудовое право Республики Казахстан: в 3 томах. Том 1. Общая часть’ (2023) Smart University Press 68-70

10. Трудовой кодекс Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 414-V ЗРК <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000414>

11. Закон Республики Казахстан от 30 марта 1995 года № 2155 «О Национальном Банке Республики Казахстан» <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z950002155_>

12. Лариса Капустян, Елена Сабына, ‘Правовой статус государственных гражданских служащих: проблемные аспекты’

<https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-gosudarstvennyh-grazhdanskih-sluzhaschih-problemnye-aspekty>

13. Vera Schürmann, 'Verfassungstreue im Dienst der freiheitlichen demokratischen Grundordnung' (2025) Mohr Siebeck 142, 151-152 <https://www.mohrsiebeck.com/buch/verfassungstreue-9783161642357/>

14. Конституция Республики Казахстан, принятая на республиканском референдуме 15 марта 2026 года https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000000.

15. Правила наложения дисциплинарных взысканий на государственных служащих, утверждённые Указом Президента Республики Казахстан от 29 декабря 2015 года № 152 https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1500000152.

16. Постановление Судебной коллегии по гражданским делам суда г. Астаны по делу № 2а-2895-2017 от 11 июля 2017 года https://office.sud.kz/.

17. Постановление судебной коллегии по гражданским делам Павлодарского областного суда № 5599-24-00-2а/113 от 19 марта 2023 года https://bestprofi.com/document/3124054007.

18. Нормативное постановление Конституционного Суда Республики Казахстан от 6 марта 2023 года № 4 <https://adilet.zan.kz/rus/docs/S2300000004>

19. Louisiana Board of Ethics in the Matter of Michelle Barnett, No 2024-C-00500 (Supreme Court of Louisiana, 25 October 2024) https://law.justia.com/cases/louisiana/supreme-court/2024/2024-c-00500.html.

Кайрденова Сагина Омирзаковна
Магистрант 2 курса образовательной программы «Международное право»
Maqsut Narikbayev University
Высшая школа права, научная школа трудового права
sagina.kairdenova@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ СООТВЕТСТВИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСПЕКЦИИ ТРУДА В РЕСПУБИКЕ КАЗАХСТАН

Аннотация: В статье осуществляется правовой анализ соответствия национального правового регулирования инспекции труда в Республике Казахстан требованиям Конвенций Международной организации труда №81 «Об инспекции труда в промышленности и торговле» и №129 «Об инспекции труда в сельском хозяйстве». Исследуются ключевые положения указанных конвенций, определяющие институциональные и функциональные основы деятельности инспекции труда, включая принципы независимости, полноты контрольных полномочий и эффективности инспекционного вмешательства. Особое внимание уделяется выявлению конкретных норм национального законодательства, ограничивающих реализацию указанных международных стандартов. Анализируются положения Трудового кодекса Республики Казахстан и Предпринимательского кодекса Республики Казахстан в части регулирования контрольной деятельности, включая требования предварительного уведомления, применение риск-ориентированного подхода, формализацию проверочных процедур и ограничения на проведение внеплановых проверок. Обосновывается наличие нормативных противоречий между международными обязательствами Республики Казахстан и действующей моделью государственного контроля в сфере труда. Делается вывод о том, что существующие ограничения носят системный характер и препятствуют эффективному функционированию инспекции труда как механизма защиты трудовых прав работников. Предлагается необходимость пересмотра национального правового регулирования в целях приведения его в соответствие с требованиями Конвенций МОТ №81 и №129.

Ключевые слова: инспекция труда, Конвенция МОТ №81, Конвенция МОТ №129, трудовое право Республики Казахстан, государственный контроль, правовое регулирование, нормативные ограничения, защита трудовых прав, риск-ориентированный подход, проверочная деятельность, международные трудовые стандарты.

Аңдатпа: Мақалада Қазақстан Республикасындағы еңбек инспекциясын ұлттық құқықтық реттеудің Халықаралық еңбек ұйымының №81 «Өнеркәсіп және сауда саласындағы еңбек инспекциясы туралы» және №129 «Ауыл шаруашылығындағы еңбек инспекциясы туралы» конвенциялары талаптарына сәйкестігіне құқықтық талдау жүргізіледі. Аталған конвенциялардың еңбек инспекциясы қызметінің институционалдық және функционалдық негіздерін айқындайтын негізгі ережелері зерттеледі, соның ішінде тәуелсіздік, бақылау өкілеттіктерінің толықтығы және инспекциялық араласудың тиімділігі қағидаттары қарастырылады. Ерекше назар ұлттық заңнаманың көрсетілген халықаралық стандарттарды іске асыруды шектейтін нақты нормаларын айқындауға аударылады. Қазақстан Республикасының Еңбек кодексі мен Қазақстан Республикасының Кәсіпкерлік кодексінің бақылау қызметін реттеу бөлігіндегі нормалары талданады, оның ішінде алдын ала хабарлау талаптары, тәуекелге бағдарланған тәсілді қолдану, тексеру рәсімдерін формализациялау және жоспардан тыс тексерулер жүргізуге қойылатын шектеулер қарастырылады. Қазақстан

Республикасының халықаралық міндеттемелері мен еңбек саласындағы мемлекеттік бақылаудың қолданыстағы моделі арасында нормативтік қайшылықтардың бар екендігі негізделеді. Қолданыстағы шектеулердің жүйелік сипатқа ие екендігі және олардың еңбек инспекциясының қызметін еңбек құқықтарын қорғау тетігі ретінде тиімді жүзеге асыруға кедергі келтіретіні туралы қорытынды жасалады. Еңбек ұйымының №81 және №129 конвенциялары талаптарына сәйкестікті қамтамасыз ету мақсатында ұлттық құқықтық реттеуді қайта қарау қажеттілігі ұсынылады.

Түйінді сөздер: еңбек инспекциясы, ХЕҰ №81 Конвенциясы, ХЕҰ №129 Конвенциясы, Қазақстан Республикасының еңбек құқығы, мемлекеттік бақылау, құқықтық реттеу, нормативтік шектеулер, еңбек құқықтарын қорғау, тәуекелге бағдарланған тәсіл, тексеру қызметі, халықаралық еңбек стандарттары

Abstract: The article provides a legal analysis of the compliance of the national legal regulation of labour inspection in the Republic of Kazakhstan with the requirements of International Labour Organization Conventions №81 «Labour Inspection in Industry and Commerce» and №129 «Labour Inspection in Agriculture». It examines the key provisions of these conventions, which define the institutional and functional foundations of labour inspection, including the principles of independence, the completeness of supervisory powers, and the effectiveness of inspection intervention.

Particular attention is paid to identifying specific provisions of national legislation that restrict the implementation of these international standards. The article analyses the provisions of the Labour Code of the Republic of Kazakhstan and the Entrepreneurial Code of the Republic of Kazakhstan in terms of regulating supervisory activities, including requirements for prior notification, the application of a risk-based approach, the formalization of inspection procedures, and restrictions on conducting unscheduled inspections.The existence of normative contradictions between the international obligations of the Republic of Kazakhstan and the current model of state control in the field of labour is substantiated. It is concluded that the existing restrictions are systemic in nature and hinder the effective functioning of labour inspection as a mechanism for the protection of labour rights. The need to revise the national legal framework in order to bring it into compliance with the requirements of ILO Conventions №81 and №129 is substantiated.

Keywords: labour inspection, ILO Convention No. 81, ILO Convention No. 129, labour law of the Republic of Kazakhstan, state control, legal regulation, regulatory restrictions, protection of labour rights, risk-based approach, inspection activities, international labour standards.

Введение

Республика Казахстан, являясь членом Международная организация труда, ратифицировала Конвенцию №81 «Об инспекции труда в промышленности и торговле» 1947 года и Конвенцию №129 «Об инспекции труда в сельском хозяйстве» 1969 года, устанавливающие обязательные требования к институциональной организации и функционированию системы государственной инспекции труда. Указанные международно-правовые акты закрепляют императивные принципы, включающие независимость инспекционного органа от внешнего административного воздействия, достаточность и полноту контрольных полномочий, право инспекторов на свободное и беспрепятственное осуществление проверочных мероприятий, в том числе без предварительного уведомления, а также приоритет обеспечения и защиты трудовых прав работников. В силу принципа приоритета ратифицированных международных договоров Республика Казахстан обязана обеспечить приведение национального законодательства в соответствие с данными требованиями и создание правовых механизмов, обеспечивающих их эффективную реализацию. Актуальность статьи обусловлена наличием в национальной правовой системе норм,

которые ограничивают реализацию указанных международных обязательств. В частности, включение деятельности государственных инспекторов труда в общий режим государственного контроля и надзора, установленный Предпринимательским кодексом Республики Казахстан, влечет применение разрешительного порядка проведения проверок, внедрение риск-ориентированного подхода, а также распространение мораториев на проведение контрольных мероприятий. Указанные ограничения вступают в противоречие с положениями Конвенции №81, предусматривающей право инспекторов труда осуществлять контрольные функции по собственной инициативе и без предварительного уведомления работодателя, а также с положениями Конвенции №129, закрепляющей аналогичные гарантии применительно к сельскохозяйственному сектору. Следовательно, речь идет не о недостатках правоприменительной практики, а о наличии нормативных предписаний, объективно сужающих объем полномочий инспекции труда и препятствующих реализации ее функций в соответствии с международными стандартами. Дополнительным аспектом указанного противоречия является установление временных ограничений на проведение проверок субъектов предпринимательства, включая введение мораториев, что несовместимо с требованием регулярности и системности инспекционного контроля, закрепленным в международных актах. В этой связи представляется методологически некорректным утверждение о соответствии национального законодательства требованиям Конвенций №81 и №129 при наличии норм, прямо ограничивающих их реализацию. Оценка степени имплементации международных стандартов должна осуществляться посредством анализа конкретных нормативных положений, а не на уровне обобщенных характеристик правовой системы.

Целью настоящей статьи является выявление и правовой анализ противоречий между нормами национального законодательства Республики Казахстан и требованиями Конвенций МОТ №81 и №129 в части регулирования деятельности государственной инспекции труда. В рамках достижения указанной цели в статье решаются следующие задачи: установление степени соответствия норм Трудового кодекса Республики Казахстан и Предпринимательского кодекса Республики Казахстан положениям Конвенций №81 и №129; выявление конкретных правовых норм, ограничивающих институциональную независимость и эффективность инспекции труда; определение правовых последствий указанных ограничений для реализации функций инспекции труда в системе защиты трудовых прав работников. Методологическую основу статьи составляют формально-юридический метод, направленный на выявление содержания и структуры правовых норм, сравнительно-правовой метод, обеспечивающий сопоставление положений международных актов и национального законодательства, а также метод системного толкования, позволяющий установить взаимосвязь и согласованность нормативных предписаний. Статья построена на сопоставительном анализе конкретных положений Конвенций МОТ №81 и №129 с нормами национального законодательства Республики Казахстан, регулирующими порядок осуществления государственного контроля в сфере труда, что позволяет выявить существующие нормативные противоречия и оценить степень их влияния на выполнение международных обязательств государства.

Международные стандарты МОТ в сфере инспекции труда

Международные трудовые стандарты в сфере инспекции труда занимают особое место в системе международного трудового права, поскольку именно через данный институт обеспечивается не формальное, а фактическое действие норм, регулирующих трудовые отношения. В отличие от материальных норм, закрепляющих права и обязанности сторон трудового договора, нормы, регулирующие деятельность инспекции труда, формируют механизм их реализации, что придает им особое

значение в структуре правового регулирования. Справедливо подчеркивается, что эффективность трудового права определяется не только качеством нормативного регулирования, но и наличием действенных инструментов его обеспечения, среди которых инспекция труда занимает центральное место[1591]. Инспекция труда выступает как ключевой институт, обеспечивающий трансформацию юридических норм в реально действующие социальные гарантии. Фундаментальное значение в формировании международных стандартов в данной сфере имеет Конвенция МОТ №81, которая закрепляет универсальную модель организации инспекции труда. Данная модель основана на признании обязательного характера государственного контроля за соблюдением трудового законодательства. В соответствии со статьей 1 Конвенции МОТ №81: «Каждый Член Международной Организации Труда, в отношении которого настоящая Конвенция вступила в силу, обязуется иметь систему инспекции труда на промышленных предприятиях.».[1592] Государства обязуются поддерживать систему инспекции труда, что означает не только формальное создание соответствующего органа, но и обеспечение его устойчивого функционирования. Как отмечает В. фон Рихтхофен, Конвенция МОТ №81 закрепляет концепцию инспекции труда как «постоянного института государственного вмешательства, направленного на обеспечение соблюдения социальных стандартов[1593]. Это положение имеет принципиальное значение, поскольку исключает возможность рассматривать инспекцию труда как факультативный или второстепенный элемент системы государственного управления. Анализ содержания Конвенции МОТ №81 позволяет выделить несколько ключевых принципов, лежащих в основе международных стандартов в сфере инспекции труда. Прежде всего, речь идет о принципе обязательности существования инспекции труда как института, обеспечивающего реализацию трудового законодательства. Вторым важнейшим принципом является независимость инспекционной службы, которая должна быть защищена от влияния со стороны работодателей, а также иных экономических или политических интересов. Третьим принципом выступает наделение инспекторов труда широкими полномочиями, необходимыми для эффективного выполнения их функций. Наконец, важное значение имеет принцип комплексности деятельности инспекции, включающий не только контроль, но и профилактику нарушений, консультирование и участие в совершенствовании законодательства. Таким образом, особое значение имеет закрепление функций инспекции труда, предусмотренных статьей 3 Конвенции МОТ №81. В соответствии с данной нормой инспекция труда выполняет три основные функции: контроль за соблюдением законодательства, консультирование работодателей и работников, а также информирование компетентных органов о недостатках правового регулирования. Указанные функции свидетельствуют о том, что инспекция труда представляет собой не только надзорный орган, но и элемент системы правового регулирования, обеспечивающий обратную связь между практикой и законодательством. Как отмечает Ж.М. Серве, инспекция труда выполняет «двойственную роль», так как с одной стороны, она обеспечивает соблюдение закона, с другой - способствует его развитию[1594]. Такой подход позволяет рассматривать инспекцию труда как динамический институт, участвующий в формировании правовой политики государства. Также, не менее важным элементом международных стандартов является закрепление широких полномочий инспекторов труда. В соответствии со статьей 12 Конвенции МОТ №81 инспекторы имеют право свободного доступа на предприятия без предварительного уведомления, а также право проводить

[1591] Серве Ж.М, International Labour Law (Kluwer Law International 2017).
[1592] Конвенция Международной организации труда № 81 «Об инспекции труда в промышленности и торговле» 1947 года.
[1593] фон Рихтхофен В, Labour Inspection: A Guide to the Profession (International Labour Organization 2002).
[1594] Серве Ж.М, International Labour Law (Kluwer Law International 2017).

любые проверки, расследования и опросы, необходимые для установления соблюдения законодательства. Данное положение отражает фундаментальную идею международного трудового права, согласно которой эффективность контроля напрямую зависит от степени автономии инспектора. Как подчеркивает Д. Вейл, ограничение полномочий инспекции труда приводит к снижению уровня соблюдения законодательства и увеличению числа нарушений[1595]. Следовательно, наличие широких полномочий является не привилегией инспекции, а необходимым условием реализации ее функций. Юридическая логика предоставления инспекторам права на проведение проверок без предварительного уведомления обусловлена необходимостью обеспечения объективности контроля. Ни для кого не секрет, что если работодатель заранее осведомлен о проведении проверки, он получает возможность временно устранить нарушения или скрыть их, что в последующем искажает реальную картину состояния трудовых отношений. Любые ограничения данного права неизбежно снижают эффективность контроля и противоречат целям международных стандартов. Кроме того, инспекторы труда обладают правом требовать предоставления документов, опрашивать работников и работодателей, а также принимать меры по устранению выявленных нарушений. Эти полномочия направлены на обеспечение полноты и объективности контроля. Международные стандарты предполагают не формальное, а функциональное понимание полномочий инспекции. И как отмечает Н. Валтикос, эффективность инспекции труда определяется не только наличием формальных полномочий, но и возможностью их практического применения без чрезмерных ограничений[1596].

Конвенция МОТ №129 развивает положения Конвенции МОТ №81, распространяя их на сельскохозяйственный сектор. При этом она учитывает специфику данной отрасли, включая особенности территории, поскольку деятельность осуществляется преимущественно в полевых условиях, сезонный характер труда и высокий уровень неформальной занятости. В этой связи Конвенция МОТ №129 предусматривает необходимость адаптации деятельности трудовой инспекции к данным условиям. Как отмечает Р. Бланпейн, сельское хозяйство традиционно характеризуется более низким уровнем правовой защищенности работников, что требует усиленного государственного контроля[1597]. Однако, важно подчеркнуть, что международные стандарты не допускают ослабления контроля в зависимости от специфики отрасли. Напротив, они исходят из принципа универсальности трудовых прав, который предполагает равную защиту работников независимо от сферы их занятости. В этом контексте предоставление инспекторам аналогичных полномочий в рамках Конвенции МОТ №129 свидетельствует о том, что эффективность контроля должна обеспечиваться во всех секторах экономики, поскольку чем выше уровень уязвимости работников, тем более интенсивным должен быть контроль со стороны государства[1598].

Международные стандарты МОТ в сфере инспекции труда формируют целостную модель правового регулирования, основанную на сочетании обязательности, независимости и эффективности контроля. Данная модель исходит из того, что государство играет активную роль в обеспечении соблюдения трудовых прав и не может ограничиваться лишь созданием нормативной базы. Напротив, оно обязано обеспечить функционирование эффективного механизма контроля, способного выявлять и предотвращать нарушения. В этом смысле Конвенции МОТ №81 и №129 выступают не только источниками международного права, но и

[1595] Вейл Д, A Strategic Approach to Labour Inspection (2008) International Labour Review.
[1596] Валтикос Н, International Labour Law (Kluwer 1995).
[1597] Бланпейн Р, Comparative Labour Law and Industrial Relations (Kluwer 2010).
[1598] Вейл Д, A Strategic Approach to Labour Inspection (2008) International Labour Review.

концептуальной основой национальных систем инспекции труда. Они устанавливают критерии, позволяющие оценивать эффективность данных систем, включая степень независимости инспекции, объем ее полномочий и способность обеспечивать соблюдение законодательства. Именно через призму этих критериев возможно анализировать степень имплементации международных стандартов и выявлять существующие проблемы в национальных правовых системах.

Правовое регулирование инспекции труда в Республике Казахстан: проблемы соответствия международным стандартам

Правовое регулирование инспекции труда в Республике Казахстан формируется на стыке нескольких отраслей права и включает нормы трудового, административного, уголовного и предпринимательского законодательства. Ключевую роль в данной системе играет Трудовой кодекс Республики Казахстан, который закрепляет правовой статус государственной инспекции труда, определяет ее полномочия и функции, а также устанавливает основные формы контроля за соблюдением трудового законодательства. Вместе с тем анализ национальной модели регулирования показывает, что ее функционирование в значительной степени определяется не только нормами трудового права, но и общими принципами государственного контроля, закрепленными в предпринимательском законодательстве. В соответствии с положениями Трудового кодекса Республики Казахстан государственные инспекторы труда наделены правом осуществлять контроль за соблюдением трудового законодательства, проводить проверки, формируют соответствующие заключения по результатам проверок и направляют материалы в уполномоченные органы для решения вопроса о привлечении работодателей к административной или уголовной ответственности. Формально данные полномочия соответствуют положениям Конвенций МОТ №81 и №129, предусматривающим наличие у инспекции труда широких контрольных и правоприменительных функций. Однако при более детальном анализе выявляется, что реализация данных полномочий существенно ограничивается иными нормативными актами, прежде всего Предпринимательским кодексом Республики Казахстан. Именно в этом аспекте проявляется одно из ключевых противоречий национальной правовой системы, а именно инспекция труда, являясь институтом защиты трудовых прав, фактически включена в общую систему государственного контроля за предпринимательской деятельностью. В данном контексте следует учитывать, что для постсоветских государств, включая Республику Казахстан, характерна устойчивая тенденция трансформации института инспекции труда в сторону ограничения его контрольных и надзорных полномочий. Указанная трансформация обусловлена изменением приоритетов государственной политики, в рамках которой акцент смещается с обеспечения социальной функции государства и защиты трудовых прав работников на снижение административной нагрузки на бизнес и стимулирование предпринимательской активности. В результате инспекция труда все в большей степени включается в общую систему государственного контроля за предпринимательской деятельностью и начинает функционировать по правилам, изначально не предназначенным для регулирования трудовых отношений.[1599] Такая модель правового регулирования приводит к постепенному сужению содержания и объема контрольных полномочий инспекции труда. В частности, происходит ограничение предмета проверок за счет установления заранее определенных перечней вопросов, подлежащих контролю, что лишает инспектора возможности реагировать на иные нарушения, выявленные в ходе проверки. Одновременно

[1599] Лютов Н, Войтковская И, Labour Inspections in Post-Soviet Countries: Reform or Collapse? (International Journal of Comparative Labour Law and Industrial Relations. 2021)

вводятся требования обязательного предварительного уведомления работодателя о проведении проверки, что существенно снижает эффективность инспекционной деятельности, поскольку работодатель получает возможность временно устранить нарушения или скрыть их. В результате контроль утрачивает свой превентивный характер и превращается в формальную процедуру, направленную на фиксацию внешнего соответствия установленным требованиям. Существенное влияние на характер инспекционной деятельности оказывает также внедрение риск-ориентированного подхода. Данный подход предполагает классификацию субъектов предпринимательства по степени риска и установление различной периодичности проверок в зависимости от соответствующей категории. Несмотря на его распространенность в иных сферах государственного контроля, в сфере трудовых отношений он приводит к снижению интенсивности надзора и формированию ситуаций, при которых значительная часть работодателей фактически оказывается вне зоны регулярного контроля. Это создает предпосылки для систематического нарушения трудового законодательства, поскольку вероятность выявления нарушений существенно снижается. Не менее значимым элементом рассматриваемой тенденции является введение дополнительных процедурных требований, связанных с необходимостью получения разрешений, соблюдения установленных регламентов и иных административных формальностей при проведении проверок. Подобные ограничения затрудняют оперативное реагирование инспекции труда на выявленные нарушения и снижают ее способность эффективно выполнять возложенные на нее функции. В совокупности это приводит к тому, что инспекция труда утрачивает характер самостоятельного и оперативного органа контроля и превращается в элемент общей административной системы, ориентированной на минимизацию вмешательства государства в хозяйственную деятельность. Указанные ограничения носят системный характер и в ряде случаев вступают в прямое противоречие с требованиями Конвенций МОТ №81 и №129, предусматривающими необходимость обеспечения независимости инспекции труда, полноты ее полномочий и возможности проведения проверок без предварительного уведомления. Вместе с тем даже те меры, которые формально не противоречат буквальному содержанию международных норм, в их совокупности приводят к существенному снижению эффективности инспекционного контроля. Это обусловлено тем, что международные стандарты предполагают не только формальное наличие полномочий, но и реальную возможность их реализации без чрезмерных ограничений. Применительно к Республике Казахстан данная ситуация свидетельствует о наличии не отдельных недостатков правоприменительной практики, а более глубокого нормативного и институционального сдвига, выражающегося в переориентации системы государственного контроля в сфере труда. Инспекция труда, призванная обеспечивать защиту прав работников, оказывается встроенной в механизм регулирования предпринимательской деятельности и подчиненной его логике. В результате происходит размывание ее функционального назначения и снижение эффективности как инструмента обеспечения соблюдения трудового законодательства. Такой подход приводит к тому, что деятельность инспекции подчиняется тем же ограничениям, что и деятельность иных контрольных органов, включая требования предварительного уведомления, регламентацию частоты проверок и ограничение оснований для внеплановых проверок. Между тем международные стандарты исходят из принципиально иной логики. Как подчеркивает В. фон Рихтхофен, инспекция труда должна обладать достаточной степенью автономии для эффективного выполнения своих функций, включая свободу определения необходимости и характера проверок[1600]. Особое

[1600] фон Рихтхофен В, Labour Inspection: A Guide to the Profession (International Labour Organization 2002).

значение в данном контексте имеет проблема предварительного уведомления работодателя о проведении проверки. В национальном законодательстве данное требование рассматривается как гарантия защиты прав предпринимателей, однако с точки зрения международных стандартов оно существенно ограничивает эффективность инспекционной деятельности. В соответствии со статьей 12 Конвенции МОТ №81 инспекторы труда имеют право беспрепятственного доступа на предприятия без предварительного уведомления, что является необходимым условием выявления реального состояния соблюдения трудового законодательства. Возможность проведения внезапных проверок является ключевым элементом эффективного контроля. Следовательно, введение обязательного уведомления фактически трансформирует инспекцию труда из инструмента выявления нарушений в формальную процедуру. Также не менее существенным ограничением является применение риск-ориентированного подхода при организации проверок. Данный подход предполагает разграничение субъектов предпринимательства по степени риска и установление различной периодичности проверок в зависимости от категории риска. Несмотря на его распространенность в современной практике государственного контроля, в сфере трудовых отношений он вызывает серьезные сомнения. Снижение частоты проверок неизбежно приводит к снижению уровня соблюдения законодательства. Это связано с тем, что вероятность выявления нарушений напрямую зависит от интенсивности контроля. В условиях, когда проверки проводятся редко или не проводятся вовсе, работодатели получают стимул к нарушению законодательства. Особую проблему представляет практика введения мораториев на проведение проверок, которая получила распространение в Казахстане в рамках политики поддержки бизнеса. С точки зрения международных стандартов подобные меры являются крайне спорными, поскольку фактически приостанавливают деятельность инспекции труда и лишают работников возможности эффективной защиты своих прав. В докладах Комитета экспертов МОТ подчеркивается, что государство не вправе ограничивать деятельность инспекции труда в такой степени, которая делает невозможным выполнение ее функций[1601]. Следовательно, введение мораториев может рассматриваться как нарушение обязательств, вытекающих из Конвенций МОТ №81 и №129. Дополнительным аспектом проблемы является ограничение оснований для проведения внеплановых проверок. В частности, в Казахстане установлены ограничения, связанные с невозможностью использования анонимных жалоб работников в качестве основания для проверки. Между тем международные стандарты исходят из необходимости обеспечения конфиденциальности источников информации о нарушениях. Как отмечает Н. Валтикос, страх работников перед возможными репрессиями со стороны работодателя требует обеспечения анонимности обращений[1602]. Запрет на анонимные жалобы существенно снижает эффективность выявления нарушений, поскольку работники зачастую не готовы открыто сообщать о нарушениях, опасаясь негативных последствий со стороны работодателей, включая давление, ухудшение условий труда и увольнение. Существенное влияние на эффективность инспекции труда оказывает также формализация проверочных процедур. В Казахстане проверки проводятся на основе утвержденных проверочных листов, которые ограничивают круг вопросов, подлежащих контролю. С одной стороны, данный механизм направлен на снижение административного давления и унификацию контроля, однако с другой стороны, он существенно ограничивает возможности инспектора реагировать на нарушения, выходящие за рамки установленного перечня, поскольку чрезмерная формализация контроля может привести к утрате его эффективности. Не менее

[1601] Международная организация труда, General Survey on Labour Inspection (CEACR).
[1602] Валтикос Н, International Labour Law (Kluwer 1995).

важной является проблема институциональной независимости инспекции труда. В международных стандартах независимость рассматривается как ключевое условие эффективности инспекционной деятельности. Однако в национальной системе Казахстана инспекция труда фактически интегрирована в структуру исполнительной власти и подвержена влиянию общей государственной политики, включая приоритеты экономического развития, что в конечном итоге ставит под сомнение ее способность выступать в качестве независимого и эффективного механизма защиты трудовых прав работников. И отдельного внимания заслуживает проблема ресурсного обеспечения инспекции труда. В соответствии с международными стандартами государство обязано обеспечить достаточное количество инспекторов для эффективного контроля. Однако на практике численность инспекции труда в Казахстане остается ограниченной, что не позволяет охватить все предприятия. Как подчеркивается в исследованиях МОТ, недостаток ресурсов является одной из основных причин неэффективности инспекционных систем[1603].

Анализ правового регулирования инспекции труда в Республике Казахстан позволяет сделать вывод о наличии существенных расхождений между национальной моделью и международными стандартами. Несмотря на формальное закрепление соответствующих норм, их реализация ограничивается рядом факторов, включая политику снижения регуляторной нагрузки, институциональную зависимость инспекции и недостаточное ресурсное обеспечение. В результате возникает ситуация, при которой международные стандарты имплементированы на нормативном уровне, но не обеспечены необходимыми механизмами реализации. Данные обстоятельства свидетельствуют о необходимости пересмотра существующей модели правового регулирования и приведения ее в соответствие с международными обязательствами. В противном случае инспекция труда не сможет выполнять свою основную функцию - обеспечение реальной защиты трудовых прав работников. Функционирования инспекции труда в Республике Казахстан позволяет утверждать, что выявленные проблемы носят не фрагментарный, а системный характер. Речь идет не о единичных несовершенствах законодательства или отдельных пробелах правоприменительной практики, а о структурном несоответствии между моделью, заложенной в международных стандартах МОТ, и фактически сложившейся национальной системой регулирования. В этой связи исследование имплементации Конвенций МОТ №81 и №129 требует выхода за рамки формального сопоставления норм и обращения к более глубокому анализу институциональных и концептуальных основ функционирования инспекции труда. Прежде всего, ключевой системной проблемой является трансформация приоритетов государственной политики в сфере регулирования трудовых отношений. Международные трудовые стандарты исходят из презумпции необходимости усиленной защиты работника как более слабой стороны трудового отношения. В основе данного подхода лежит признание структурного неравенства сторон, которое не может быть устранено исключительно посредством договорных механизмов. Именно поэтому государство должно играть активную роль в обеспечении соблюдения трудовых прав, в том числе посредством эффективной инспекции труда. Как отмечает Ж.-М. Серве, трудовое право изначально формировалось как инструмент социальной защиты, и его эффективность зависит от степени вмешательства государства[1604]. Однако в Казахстане в последние годы наблюдается устойчивая тенденция к смещению приоритетов в сторону ослабления нагрузки и поддержки предпринимательской деятельности. В рамках данной политики вводятся ограничения на проведение проверок, сокращается интенсивность контроля, а также усиливается регламентация деятельности контролирующих органов.

[1603] Международная организация труда, Labour Administration and Inspection (2010).
[1604] Серве Ж.М, International Labour Law (Kluwer Law International 2017).

Несмотря на экономическую логику подобных мер, их применение в сфере трудовых отношений приводит к ослаблению механизмов защиты работников. В результате формируется ситуация, при которой государство, формально признавая международные стандарты, фактически ограничивает инструменты их реализации. Второй системной проблемой является институциональная природа инспекции труда в Казахстане. В международных стандартах инспекция труда рассматривается как специализированный орган, обладающий определенной степенью автономии и выполняющий уникальную функцию защиты прав работников. Однако в национальной системе инспекция труда фактически интегрирована в общую систему государственного контроля за предпринимательской деятельностью. Это приводит к тому, что ее деятельность регулируется теми же принципами, что и деятельность иных контрольных органов, включая приоритет минимизации административного давления на бизнес. Такое решение в будущем приведут к плачевным последствиям. Во-первых, оно приводит к утрате специфики инспекции труда как инструмента защиты прав человека. Во-вторых, оно обусловливает применение к ней процедурных ограничений, которые не учитывают особенности трудовых отношений. В результате инспекция труда оказывается в положении, при котором ее деятельность определяется не столько необходимостью защиты работников, сколько требованиями общей регуляторной политики. Третьей значимой проблемой является формализация деятельности трудовой инспекции. Использование проверочных листов, жесткая регламентация процедур и ограничение предмета проверок приводят к тому, что инспекция труда утрачивает способность реагировать на реальные нарушения. Контроль становится ориентированным на проверку формального соблюдения заранее определенного перечня требований, что существенно снижает его эффективность. В условиях динамичного развития рынка труда подобная негибкость становится особенно проблематичной. Четвертой системной проблемой является неспособность инспекции труда эффективно реагировать на современные формы занятости. Современный рынок труда характеризуется значительным разнообразием, включая платформенную занятость, дистанционную работу и иные нестандартные формы. В этих условиях традиционные механизмы контроля оказываются недостаточно эффективными. Международные стандарты предполагают адаптацию инспекционной деятельности к новым условиям, однако национальная система Казахстана пока не демонстрирует достаточной гибкости. Это приводит к тому, что значительная часть работников оказывается вне сферы эффективного контроля. И не менее важной является проблема неформальной занятости и скрытых трудовых отношений. В практике широко распространено оформление трудовых отношений под видом гражданско-правовых договоров, что позволяет работодателям обходить требования трудового законодательства. В международных стандартах подчеркивается необходимость учета фактического содержания отношений, однако в Казахстане инспекция труда не обладает полномочиями по их квалификации. Это существенно ограничивает ее возможности и приводит к снижению уровня защиты работников. Расширение нестандартных форм занятости требует усиления роли инспекции труда и расширения ее полномочий. Пятой системной проблемой является недостаточное ресурсное обеспечение инспекции труда. В соответствии с международными стандартами количество инспекторов должно быть достаточным для эффективного выполнения их функций. Однако в Казахстане численность инспекции остается ограниченной, что не позволяет обеспечить должный уровень охвата. Высокая нагрузка, ограниченные финансовые ресурсы и недостаточное техническое оснащение существенно снижают эффективность контроля. Как подчеркивается в исследованиях МОТ, «дефицит ресурсов является одной из ключевых причин неэффективности инспекционных систем в развивающихся

странах»[1605]. Кроме того, необходимо учитывать влияние общей правовой культуры и уровня правосознания. Эффективность инспекции труда зависит не только от формальных полномочий, но и от восприятия ее роли участниками трудовых отношений. В условиях, когда соблюдение трудового законодательства воспринимается как второстепенный фактор по сравнению с экономической выгодой, даже наличие эффективных механизмов контроля не гарантирует их полноценного использования.

Исходя из вышеизложенного, системные проблемы соответствия национального правового регулирования инспекции труда международным стандартам обусловлены совокупностью взаимосвязанных факторов, включая приоритет экономической политики, институциональные ограничения, формализацию контрольной деятельности, недостаточное ресурсное обеспечение и особенности современного рынка труда. Их преодоление требует не точечных изменений, а комплексного пересмотра действующей модели регулирования, ориентированного на обеспечение реальной защиты трудовых прав работников. В конечном счете, оценка соответствия национального законодательства международным стандартам должна осуществляться не с позиции формального закрепления норм, а с точки зрения способности государства обеспечить их эффективное применение. В этом контексте реформирование системы инспекции труда следует рассматривать как элемент более широкой задачи усиления социальной функции государства и обеспечения баланса между экономическими и социальными интересами.

Заключение

Проведенный анализ правового регулирования инспекции труда в Республике Казахстан позволяет сделать вывод о наличии устойчивого и системного несоответствия между национальной моделью государственного контроля в сфере труда и требованиями международных трудовых стандартов, закрепленных в Конвенциях Международной организации труда №81 и №129. Указанное несоответствие носит не эпизодический, а структурный характер и обусловлено совокупностью нормативных, институциональных и политико-правовых факторов. Прежде всего, следует отметить, что формальное закрепление в национальном законодательстве положений, соответствующих международным стандартам, не обеспечивает их реальной эффективности. Несмотря на наличие в Трудовом кодексе Республики Казахстан норм, предусматривающих широкие полномочия инспекции труда, их реализация существенно ограничивается действием иных нормативных актов, прежде всего Предпринимательского кодекса Республики Казахстан. В результате возникает ситуация, при которой инспекция труда одновременно наделена значительными полномочиями и лишена возможности их полноценного осуществления. Ключевым проявлением данного противоречия является включение инспекции труда в систему государственного контроля за предпринимательской деятельностью. Такая институциональная модель предопределяет применение к инспекции труда процедурных механизмов, направленных на защиту интересов бизнеса, включая обязательное предварительное уведомление о проверках, ограничение оснований для их проведения, применение риск-ориентированного подхода и введение мораториев. Между тем международные стандарты исходят из принципиально иной логики, в соответствии с которой инспекция труда должна функционировать как самостоятельный и автономный институт, ориентированный прежде всего на защиту прав работников. Особое значение имеет проблема ограничения контрольных полномочий инспекции труда. Введение формализованных процедур проверки, включая использование проверочных листов, приводит к сужению

[1605] Международная организация труда, Labour Administration and Inspection (2010).

предмета контроля и ограничивает возможность выявления нарушений, выходящих за рамки установленного перечня. В результате контроль приобретает формальный характер и утрачивает способность реагировать на реальные проблемы в сфере трудовых отношений. Не менее существенным ограничением является требование предварительного уведомления работодателя о проведении проверки. Данная мера, направленная на обеспечение прозрачности контроля, фактически подрывает его эффективность, поскольку позволяет работодателю подготовиться к проверке и временно устранить нарушения. Тем самым искажается реальная картина соблюдения трудового законодательства, что противоречит целям инспекционной деятельности. Серьезное влияние на эффективность инспекции труда оказывает применение риск-ориентированного подхода. Несмотря на его обоснованность в сфере экономического регулирования, в трудовых отношениях он приводит к снижению интенсивности контроля и формированию ситуаций, при которых значительная часть работодателей фактически оказывается вне зоны регулярного надзора. Это создает условия для систематического нарушения трудового законодательства и снижает уровень защиты работников. Дополнительным фактором, ограничивающим эффективность инспекции труда, является зависимость проведения проверок от обращения работников. В условиях, когда работники находятся в уязвимом положении и могут опасаться негативных последствий со стороны работодателя, такая модель существенно снижает выявляемость нарушений и препятствует реализации превентивной функции инспекции труда. Особую проблему представляет практика введения мораториев на проведение проверок, которая фактически приостанавливает деятельность инспекции труда на определенные периоды. Подобные меры несовместимы с требованиями международных стандартов, предусматривающих регулярный и непрерывный характер инспекционного контроля, и подрывают саму сущность инспекции труда как механизма обеспечения соблюдения законодательства. Системный характер выявленных проблем подтверждается тем, что они обусловлены не только содержанием отдельных правовых норм, но и общей направленностью государственной политики. Смещение приоритетов в сторону снижения административной нагрузки на бизнес приводит к ослаблению механизмов защиты трудовых прав работников. В результате формируется модель регулирования, в которой экономические интересы получают приоритет над социальными, что противоречит базовым принципам международного трудового права. Также не менее важным аспектом является институциональная зависимость инспекции труда. Интеграция инспекции в структуру исполнительной власти и подчинение ее общей регуляторной политике ограничивает ее способность действовать как независимый орган контроля. Это снижает эффективность инспекционной деятельности и ставит под сомнение ее способность обеспечивать соблюдение трудового законодательства. Дополнительным фактором, усугубляющим проблему, является недостаточное ресурсное обеспечение инспекции труда. Ограниченная численность инспекторов, высокая нагрузка и недостаток материально-технических ресурсов существенно снижают возможности государства по осуществлению эффективного контроля. В результате даже при наличии формальных полномочий инспекция труда не способна обеспечить их реализацию в полном объеме. Таким образом, выявленные проблемы свидетельствуют о необходимости пересмотра действующей модели правового регулирования инспекции труда в Республике Казахстан. Речь идет не о внесении отдельных изменений в законодательство, а о проведении комплексной реформы, направленной на устранение существующих нормативных и институциональных противоречий. В качестве ключевых направлений такой реформы следует рассматривать обеспечение реальной институциональной независимости инспекции труда, расширение ее контрольных полномочий, устранение избыточных процедурных

ограничений, а также отказ от практики введения мораториев на проведение проверок в сфере трудовых отношений. Особое внимание должно быть уделено созданию условий для эффективного выявления нарушений, включая обеспечение возможности проведения проверок без предварительного уведомления и расширение оснований для их инициирования. Кроме того, необходимо обеспечить достаточное ресурсное обеспечение инспекции труда, включая увеличение численности инспекторов и улучшение их материально-технической базы. Важным направлением реформы также является адаптация инспекционной деятельности к современным условиям рынка труда, включая развитие механизмов контроля за нестандартными формами занятости и борьбу с неформальными трудовыми отношениями. В конечном счете, обеспечение соответствия национального правового регулирования международным стандартам требует переосмысления роли государства в сфере трудовых отношений. Государство должно рассматриваться не только как регулятор экономической деятельности, но и как гарант защиты прав работников. Только при условии восстановления баланса между экономическими и социальными интересами возможно формирование эффективной системы инспекции труда, способной обеспечить реальную защиту трудовых прав и соответствие международным обязательствам Республики Казахстан.

Список литературы:

1. Конституция Республики Казахстан (30 августа 1995 года) Трудовой кодекс Республики Казахстан (23 ноября 2015 года) Предпринимательский кодекс Республики Казахстан (29 октября 2015 года)
2. Конвенция Международной организации труда № 81 «Об инспекции труда в промышленности и торговле» (1947)
3. Конвенция Международной организации труда № 129 «Об инспекции труда в сельском хозяйстве» (1969)
4. Серве Ж.М, International Labour Law (Kluwer Law International 2017)
5. Лютов Н, Войтковская И, Labour Inspections in Post-Soviet Countries: Reform or Collapse? (International Journal of Comparative Labour Law and Industrial Relations. 2021)
6. Валтикос Н, International Labour Law (Kluwer 1995)
7. Бланпейн Р, Comparative Labour Law and Industrial Relations (Kluwer 2010)
8. фон Рихтхофен В, Labour Inspection: A Guide to the Profession (International Labour Organization 2002)
9. Вейл Д, A Strategic Approach to Labour Inspection (2008) International Labour Review
10. Международная организация труда, General Survey on Labour Inspection (CEACR)
11. Международная организация труда, Labour Administration and Inspection (2010)

Каликанов Алдияр Маратович
магистрант 2 курса образовательной программы «Юриспруденция»
Высшая школа права Maqsut Narikbayev University
г.Астана, Казахстан
e-mail: a_kalikanov@kazguu.kz

ПРОБЛЕМЫ ДОСТУПА ПЛАТФОРМЕННЫХ РАБОТНИКОВ К МЕДИЦИНЕ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Аннотация: Актуальность темы обусловлена необходимостью реформирования законодательства Республики Казахстан в области социальной защиты платформенных работников. Целью настоящей статьи является анализ правовых и практических проблем доступа к медицинской помощи платформенных работников и выработка предложений по их решению. Предметом исследования является определение предпосылок возникновения проблемы обеспечения доступа платформенных работников к медицинской помощи. Научная новизна работы заключается в комплексном рассмотрении проблемы доступа платформенных работников к медицинской помощи через призму их правового статуса.

Автором анализируются факторы платформенной занятости, влияющие на здоровье работников, в том числе нестабильный уровень дохода, ненормированное рабочее время, алгоритмическое управление. В ходе исследования применены сравнительно-правовой метод, метод формально-юридического анализа, методы анализа и синтеза. Выявлены ключевые барьеры доступа к медицинской помощи, включая правовую неопределенность статуса работников, отсутствие участия платформ в системе страхования. Автором сформулирован вывод о необходимости совершенствования правового регулирования путем внедрения механизма медицинского страхования платформенных работников.

Ключевые слова: платформенная занятость, медицинское страхование, социальная защита, охрана здоровья, трудовые онлайн-платформы, социально-трудовые гарантии, цифровая экономика, нестандартная занятость, трудовое право, международный опыт.

Аңдатпа: Тақырыптың өзектілігі Қазақстан Республикасының платформа қызметкерлерін әлеуметтік қорғау саласындағы заңнамасын реформалау қажеттілігіне байланысты. Осы мақаланың мақсаты платформалық қызметкерлердің медициналық көмегіне қол жеткізудің құқықтық және практикалық мәселелердің талдау және оларды шешу бойынша ұсыныстар әзірлеу болып табылады. Зерттеу пәні - платформалық жұмысшылардың медициналық көмекке қол жетімділігін қамтамасыз ету проблемасының алғышарттарын анықтау. Жұмыстың ғылыми жаңалығы платформалық қызметкерлердің медициналық көмекке олардың құқықтық мәртебесінің объективі арқылы қол жеткізу мәселесін жан-жақты қарастырудан тұрады.

Автор жұмысшылардың денсаулығына әсер ететін платформалық жұмыспен қамту факторларын, соның ішінде тұрақсыз табыс деңгейін, тұрақты емес жұмыс уақытын, алгоритмдік басқаруды талдайды. Зерттеу барысында салыстырмалы-құқықтық әдіс, формальды-құқықтық талдау әдісі, талдау және синтез әдістері қолданылды. Қызметкерлердің мәртебесінің құқықтық белгісіздігін, сақтандыру жүйесіне платформалардың қатыспауын қоса алғанда, медициналық көмекке қол жеткізудің негізгі кедергілері анықталды. Автор платформалық қызметкерлерді медициналық сақтандыру тетігін енгізу арқылы құқықтық реттеуді жетілдіру қажеттілігі туралы қорытынды жасады.

Түйінді сөздер: платформалық жұмыспен қамту, медициналық сақтандыру, әлеуметтік қорғау, денсаулық сақтау, онлайн еңбек платформалары, әлеуметтік-еңбек кепілдіктері, цифрлық экономика, стандартты емес жұмыспен қамту, еңбек құқығы, халықаралық тәжірибе.

Annotation: The relevance of the topic is due to the need to reform the legislation of the Republic of Kazakhstan in the field of social protection of platform workers. The purpose of this article is to analyze the legal and practical problems of access to medical care for platform workers and to develop proposals for their solution. The subject of the study is to determine the prerequisites for the problem of ensuring access to medical care for platform workers. The scientific novelty of the work lies in the comprehensive consideration of the problem of access of platform workers to medical care through the prism of their legal status.

The author analyzes the factors of platform employment that affect the health of employees, including unstable income levels, irregular working hours, and algorithmic management. In the course of the research, the comparative legal method, the method of formal legal analysis, methods of analysis and synthesis applied. Key barriers to access to medical care identified, including the legal uncertainty of the status of employees and the lack of participation of platforms in the insurance system. The author concludes that it is necessary to improve legal regulation by introducing a mechanism for medical insurance of platform employees.

Key words: platform employment, medical insurance, social protection, health protection, digital labour platforms, social and labour guarantees, digital economy, non-standard employment, labour law, international experience.

Введение

Развитие цифровой экономики обусловило формирование новых форм занятости населения. Особое место среди новых форм занятости занимает платформенная занятость. Платформенная занятость значительным образом изменила способы организации труда. В настоящее время, значительная часть услуг, такие как доставка, транспортные перевозки, мелкие задачи, онлайн-услуги, предоставляется посредством онлайн-платформ.

В Республике Казахстан в частности, платформенная занятость активно развивается, охватывая сферы транспорта, доставки и цифровых услуг. По состоянию на конец 2022 года около 1 миллиона человек заняты в платформенной занятости в Казахстане.[1606] Правительством Республики Казахстан предпринимаются попытки правового регулирования занятости посредством онлайн-платформ. Одним из положений Концепции развития рынка труда Республики Казахстан на 2024-2029 годы закреплена формализация платформенной занятости.[1607]

Вопрос адаптации трудового законодательства к новым формам занятости, к которым относится платформенная занятость в настоящее время находится в центре государственной политики Республики Казахстан.[1608] На заседании Правительства в марте 2026 года заявлено о планируемой модернизации системы социальной защиты в данном ключе.[1609]

Однако, действенное правовое регулирование данной формы организации труда существенно отстает от ее фактического развития. Одной из наиболее

[1606] Постановление Правительства Республики Казахстан № 1050 от 29 ноября 2023 года «Об утверждении Концепции развития рынка труда Республики Казахстан на 2024 – 2029 годы», <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300001050> доступ получен 15.03.2026

[1607] ibid

[1608] <https://primeminister.kz/ru/news/socialnaia-politika-sfokusiruetsia-na-razvitii-celoveceskogo-kapitala-31178> доступ получен 20.03.2026

[1609] ibid

актуальных проблем является отсутствие у платформенных работников социально-трудовых гарантий, присущих традиционно занятым работникам.[1610]

В рамках настоящей статьи рассматривается проблема доступа платформенных работников к медицинской помощи. В отличие от традиционных работников, работники онлайн-платформ зачастую не охвачены системой обязательного социального медицинского страхования, что ставит под угрозу реализацию их конституционного права на охрану здоровья. В зарубежной литературе к ключевым социальным проблемам также относят дефицит традиционных трудовых гарантий, включая доступ к медицинскому страхованию и медицинской помощи.[1611]

В Казахстане вопрос доступа к медицине для платформенных работников имеет двойственную природу. С одной стороны, Конституция закрепляет право граждан на охрану здоровья и право получать бесплатно гарантированный объем медицинской помощи, установленный законом.[1612] С другой стороны, Социальный кодекс Республики Казахстан регулирует лишь доступ к системе обязательного социального медицинского страхования платформенным работникам - физическим лицам, применяющим специальный налоговый режим для самозанятых[1613].

В целях реализации цели исследования в статье применены общенаучные и частно-научные методы исследования, позволяющие всесторонне проанализировать рассматриваемую проблему. В статье использован метод формально-юридического анализа нормативных правовых актов в области труда, здравоохранения, социальной защиты населения Казахстана и зарубежных стран. Метод системного толкования правовых норм в сфере здравоохранения и социального обеспечения применен для уяснения их взаимосвязи.

Основная часть

Влияние платформенной занятости на здоровье

Платформенная занятость будучи одной из наиболее динамично развивающихся форм нестандартной занятости формирует новые риски в сфере общественного здравоохранения. Характер труда, условия его выполнения и социально-экономическое положение работника выступают ключевыми факторами воздействия на здоровье. В этой связи, платформенные работники как особая категория занятых, демонстрируют повышенную уязвимость к негативным последствиям для физического и психического здоровья.[1614]

Необходимо отметить, что труд в целом рассматривается как значимый фактор, влияющий на здоровье через определенные механизмы воздействия. К таким воздействующим на здоровье платформенных работников механизмам исследователи относят: стресс, уровень дохода, наличие льгот, воздействие вредных факторов на рабочем месте.[1615]

[1610] Каликанов А.М. ‘Перспективы правового регулирования трудовых онлайн-платформ в Республике Казахстан через призму международного опыта’ (2025) MNU Annual Legal Conference, 2025 192 <http://repository.kazguu.kz/handle/123456789/2603> доступ получен 21.03.2026

[1611] Saputra ADI ‘The Impact of the Gig Economy on Gig Worker Health Insurance: Literature Review’ (2023) APCTM-190 1 < https://kosmospublishers.com/wp-content/uploads/2023/09/The-Impact-of-the-Gig-Economy-on-Gig-Worker-Health-Insurance-Literature-Review.pdf > доступ получен 21.03.2026

[1612] Конституция Республики Казахстан принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года < https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000 > доступ получен 01.03.2026

[1613] Социальный кодекс Республики Казахстан от 20 апреля 2023 года № 224-VII ЗРК, <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2300000224> доступ получен 18.03.2026

[1614] Margerison CE, Joachim GE, Michling TR, Johnson CY ‘Platform-Mediated Gig Work and Health: A Scoping Review’ (2025) 68(9) Am J Ind Med 729 < https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/40662947/ > доступ получен 18.03.2026

[1615] ibid

Платформенная занятость характеризуется фактическим отсутствие работодателя в сравнении с традиционно занятыми работниками. Соответственно, значительная часть рисков перекладывается на платформенного работника, включая обеспечение собственной безопасности и медицинского обслуживания.

Ключевой проблемой в данном контексте выступает отсутствие у занятых на онлайн-платформах доступа к медицине. А.Сапутра в своем обзоре литературы указывает, что большинство платформенных работников вынуждены самостоятельно вносить взносы на медицинское страхование либо вовсе остаются вне медицинской защиты.[1616] Вышеприведенное обстоятельство существенно ограничивает их возможности своевременного обращения за медицинской помощью, профилактики заболеваний и предотвращения серьезных последствий.

Дополнительно следует учитывать, что платформенная занятость сопровождается нестабильным уровнем дохода. Нерегулярный заработок снижает способность платформенных работников обращаться за медицинской помощью на платной основе либо оплачивать страховые взносы на медицину. В результате чего формируется ситуация, при которой фактическая потребность в медицинской помощи ограничена экономическим барьером. То есть, проблема доступа к медицине в данном случае наряду с правовым характером проблемы носит и социально-экономический характер.

Специфика организации труда на трудовых онлайн-платформах имеет немаловажное значение в рассмотрении проблемы. И.Денисова упоминает следующие риски, которым подвержены платформенных работники: зрительное утомление, психосоциальные опасности для здоровья, физическое насилие и производственные травмы.[1617] Последние упомянутыевыше риски характерны для занятых на *location-based платформах*: водители такси, курьеры и другие. К числу профессиональных рисков работников *location-based платформ* также относятся вероятность дорожно-транспортных происшествий, травматизм, связанный с повышенной физической нагрузкой. Данные риски обусловлены высокой интенсивностью труда, отсутствием контроля за соблюдением стандартов безопасности труда и наличием алгоритмического управления со стороны онлайн-платформ. При этом, с точки зрения определения правового статуса платформенных занятых в Казахстане такие лица не признаются работниками в классическом смысле, что исключает применение к ним норм о безопасности и охране труда, предусмотренных трудовым законодательством. В результате чего, у онлайн-платформ отсутствуют обязательства по обеспечению безопасных условий труда, что порождает риски причинения вреда здоровью.

Следующим фактором, влияющим на здоровье платформенных работников является алгоритмическое управление со стороны платформ. Исследователи в области трудового права считают, что платформы путем управления с помощью алгоритмов осуществляют постоянный контроль за работниками. В частности, М.Х. Хасенов отмечает, что такие алгоритмы осуществляют контроль за производительностью труда и поведения работников, опираясь на различные показатели, включая отзывы пользователей и систему рейтингов.[1618] Вышеперечисленные механизмы воздействия, в том числе автоматизированные системы распределения заказов, оценки эффективности работы создают дополнительные психоэмоциональные нагрузки. Платформенные работники часто

[1616] Ibid (6) 2-5

[1617] Денисова И.М. ‘Развитие платформенной занятости: преимущества и риски’ (2023) Стратегическое планирование и развитие предприятий: материалы XXIV Всероссийского симпозиума 370 <https://elibrary.ru/item.asp?edn=tbweuc&ysclid=mnc4jm2kwd586165347>

[1618] Хасенов М.Х. ‘Современные подходы к регулированию платформенной занятости’ (2022) № 4 (44) Трудовое и социальное право 43

находятся под постоянным цифровым мониторингом со стороны платформ, что формирует состояние тревожности. Как отмечается в научном исследовании, такие условия могут оказывать существенное влияние на психическое здоровья.[1619]

Следует также отметить, что платформенная занятость часто предполагает ненормированное рабочее время, характеризующееся в длительных рабочих часах. При текущем правовом регулировании платформенной занятости на работников не распространяются трудовые стандарты в части рабочего времени и времени отдыха. В связи с этим, ввиду достижения цели в получении большего дохода они вынуждены адаптироваться к пиковым нагрузкам, что нарушает режим труда и отдыха. Отсутствие четко регламентированного рабочего времени может приводить к переутомлению, снижению иммунитета и повышению риска профессиональных заболеваний. При этом отсутствие доступа к медицине усугубляет ситуацию, поскольку работники откладывают обращение за медицинской помощью до критического состояния.

Казахстанское правовое регулирование

В Республике Казахстан платформенная занятость частично регулируется Социальным кодексом Республики Казахстан, Трудовым кодексом Республики Казахстан.

В Социальном кодексе Республики Казахстан содержится определение платформенной занятости как вида деятельности по оказанию услуг или выполнению работ с использованием интернет-платформ или мобильных приложений.[1620] Социальным кодексом также закреплен субъектный состав платформенной занятости: оператор интернет-платформы, заказчик и исполнитель.[1621] При этом, исполнитель может быть физическим лицом, юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем, а взаимодействие при оказании услуг на платформе происходит на основании публичного договора.[1622]

Однако, правовой проблемой в казахстанском регулировании выступает норма Социального кодекса о регулировании отношений между оператором платформы, заказчиком и исполнителем гражданским законодательством Республики Казахстан.[1623] Такое нормативное закрепление свидетельствует об отсутствии трудовых отношений между платформенным работником и платформой. В дальнейшем данные нормы означают, что нормы трудового законодательства, включая трудовые гарантии не распространяют свое действие на платформенных работников.

Касательно социальной защиты платформенных работников Социальный кодекс Республики Казахстан содержит специальную статью: Социальное обеспечение физических лиц, осуществляющих деятельность по оказанию услуг с использованием интернет-платформ.[1624] Несмотря на наличие нормы, при проведении анализа вышеуказанной статьи можно сформулировать вывод о регулировании социального обеспечения лишь физических лиц, применяющих налоговый режим для самозанятых. В частности, данная статья регулирует порядок удержания и перечисления обязательных пенсионных взносов, социальных отчислений, взносов на обязательное социальное медицинское обеспечение как было

[1619] Ibid (9) 730

[1620] пункт 1 статьи 102 Социального кодекса Республики Казахстан от 20 апреля 2023 года № 224-VII ЗРК, <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2300000224> доступ получен 18.03.2026

[1621] пункт 2 статьи 102 Социального кодекса Республики Казахстан от 20 апреля 2023 года № 224-VII ЗРК, <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2300000224> доступ получен 18.03.2026

[1622] ibid

[1623] ibid

[1624] статья 102-1 Социального кодекса Республики Казахстан от 20 апреля 2023 года № 224-VII ЗРК, <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2300000224> доступ получен 18.03.2026

отмечено выше физических лиц, применяющих налоговый режим для самозанятых.[1625]

Налоговым кодексом Республики Казахстан закреплено, что специальный налоговый режим для самозанятых устанавливает упрощенный порядок исчисления и уплаты определенных видов налогов и обязательных платежей в бюджет.[1626] Оператор платформы удерживает и перечисляет взносы на обязательное социальное медицинское страхование с доходов физических лиц (платформенных работников), применяющих налоговый режим для самозанятых.[1627]

Исходя из вышеприведенных норм законодательства Казахстана платформенные работники, не выбравшие специальный налоговый режим для самозанятых остаются вне социальной защиты, предусмотренной законодательством Республики Казахстан. В результате такие лица не включаются в систему обязательного социального медицинского страхование, поскольку участие в системе напрямую связано с уплатой взносов и наличием соответствующего правового статуса. Следовательно, не все субъекты платформенной занятости в настоящее время имеют доступ к получению медицинской помощи в рамках обязательного социального медицинского страхования.

Конституция Республики Казахстан закрепляет, что каждый имеет право на получение бесплатного объема медицинской помощи.[1628] Гарантированный объем бесплатной медицинской помощи включает в себя: скорую медицинскую помощь, первичную медико-санитарную помощь, специализированную медицинскую помощь в стационарных, амбулаторных условиях при социально значимых и иных предусмотренных законодательством видах заболеваний.[1629] При этом, гарантированный объем медицинской помощи законодательством именуется как минимальный.[1630] Тогда как, медицинская помощь в рамках обязательного социального медицинского страхования именуется как **базовый объем**[1631], который недоступен платформенным работникам, не применяющим налоговый режим для самозанятых.

Иными словами, у платформенных работников есть право на получение минимального объема медицинской помощи, гарантированного государством. Однако, фактический доступ к получению иных видов медицинских услуг в области диагностики заболеваний, консультативной, высокотехнологической помощи становится зависимым от самостоятельной уплаты взносов на обязательное социальное медицинское страхование.

Международные стандарты и зарубежное регулирование

В Директиве ЕС «Об улучшении условий труда в платформенной занятости» принятой Европейским Парламентов в 2024 году особое внимание уделяется вопросам охраны здоровья платформенных работников. В настоящее время данная Директива считается единственным международным нормативным актом, регулирующим платформенную занятость. В частности, в Директиве отмечается, что автоматизированные системы мониторинга со стороны платформ способны

[1625] ibid

[1626] статья 719 Налогового кодекса Республики Казахстан от 18 июля 2025 года № 214-VIII ЗРК <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2500000214> доступ получен 18.03.2026

[1627] ibid

[1628] Ibid (7)

[1629] статья 196 Кодекса Республики Казахстан «О здоровье народа и системе здравоохранения» от 7 июля 2020 года № 360-VI ЗРК <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2000000360> доступ получен 10.03.2026

[1630] статья 195 Кодекса Республики Казахстан «О здоровье народа и системе здравоохранения» от 7 июля 2020 года № 360-VI ЗРК <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2000000360> доступ получен 10.03.2026

[1631] ibid

оказывать значительное влияние на физическое и психическое состояние работников. Кроме того, подчеркивается, что платформенные работники подвержены дополнительным рискам, таким как насилие, небезопасные условия труда[1632], что также негативно отражается на их здоровье. Указанное положение имеет принципиальное значение, поскольку на нормативном уровне признается связь между платформенной занятостью и рисками для здоровья работников. В этой связи, статьей 12 Директивы ЕС на трудовые онлайн-платформы возлагается обязанность по оценке рисков и принятию мер, направленных на предотвращение вреда здоровью работников[1633]. Также содержится положение о том, что платформы не должны использовать автоматизированные системы мониторинга таким образом, чтобы оказывать чрезмерное давление на работников, подвергая риску физическое и психическое здоровье работников.[1634] В этой связи, ответственность за обеспечение безопасных условий труда частично возлагается на сами трудовые онлайн-платформы, что свидетельствует о трансформации традиционного подхода к распределению обязанностей в сфере охраны труда.

В результате проведенного анализа Директивы можно сформулировать вывод, что Директива формирует основу для признания необходимости обеспечения эффективной защиты здоровья платформенных работников, что опосредованно связано с обеспечением их доступа к медицинской помощи.

Практика зарубежных стран демонстрирует следующие положения. Страны Европы, такие как Хорватия[1635] и Португалия[1636] закрепили презумпцию трудовых отношений между занятыми на трудовых онлайн-платформах и трудовыми онлайн-платформами при соблюдении определенных условий.[1637] Соответственно, в Хорватии и Португалии к платформенным работникам применяются социально-трудовые гарантии традиционно занятых работников в соответствии с трудовым законодательством, в том числе доступ к медицине.

Подход Китайской Народной Республики к регулированию платформенной занятости демонстрирует постепенную адаптацию существующих правовых механизмов социальной защиты населения к новым формам занятости.[1638] Ключевой особенностью модели регулирования является признание факта несоответствия правового статуса платформенных работников классическим критериям трудовых отношений.[1639] В связи с этим, государственная политика Китайской Народной Республики направлена на разработку специальных механизмов защиты субъектов нестандартной занятости. Существенное значение в данном контексте имеют рекомендации для работников, отношения которых не соответствуют требованиям, установленным для трудовых отношений.[1640] В рекомендации подчеркивается расширению мер профилактики производственных травм и улучшению защиты

[1632] Directive (EU) 2024/2831 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2024 on improving working conditions in platform work, article 2 <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2024/2831/oj> доступ получен 15.03.2026

[1633] ibid article 12

[1634] ibid

[1635] <https://www.zakon.hr/z/307/zakon-o-radu> доступ получен 15.03.2026

[1636] <https://diariodarepublica.pt/dr/legislacao-consolidada/lei/2009-34546475 > доступ получен 15.03.2026

[1637] Обеспечение достойного труда в платформенной экономике, Женева: Международное бюро труда (2024) 98 <https://www.ilo.org/sites/default/files/2025-01/ILC113-V%281%29-%5BWORKQ-231121-002%5D-Web-RU_0.pdf> доступ получен 20.03.2026

[1638] Irene Zhou 'Digital labour platforms and labour protection in China' (2020) ILO Working Paper 41 <https://www.econstor.eu/handle/10419/263077 > доступ получен 15.03.2026

[1639] ibid 27-32

[1640] <https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2021-07/23/content_5626761.htm> доступ получен 15.03.2026

работников посредством страхования.[1641] Предприятиям - платформам предписывается обеспечить медицинское страхование наряду с работниками, состоящими в трудовых отношениях.[1642] В условиях платформенной занятости Китай стремится сформировать так называемую гибридную модель, предусматривающую участие государства, платформ в обеспечении базовых социальных гарантий, в том числе защиту здоровья.

При этом, государство стимулирует платформы к разработке и внедрению собственных страховых программ, направленных на покрытие рисков, связанных с профессиональной деятельностью. В Китае страховой компанией Meituan разработана страховая услуга по медицинскому страхованию курьеров трудовой онлайн-платформы DiDi.[1643] Взносы на медицинское страхование покрываются трудовой онлайн-платформой. Следует отметить, что страхование покрывает смерть в результате несчастного случая, медицинскую помощь, включая травмы, вред здоровью, причиненный третьим лицам. [1644]

Заключение

В рамках настоящей статьи исследованы проблемы доступа платформенных работников к медицине. Международные исследования подтверждают системный характер данной проблемы. Так, выяснено, что большинство работников платформенной экономики не получают медицинское страхование от работодателя и вынуждены либо самостоятельно приобретать его, либо оставаться без него.[1645]

Сравнительно-правовой анализ демонстрирует, что в зарубежных странах предпринимаются попытки решения данной проблемы через расширение круга лиц, охватываемых системой социальной защиты. В частности, в Китае разработаны специальные механизмы по распространению социальных гарантий традиционно занятых работников на работников, отношения которых не соответствуют требованиям, установленным для трудовых отношений. Такой подход позволяет частично компенсировать недостатки традиционного деления на работников и самозанятых.

Подводя итог, можно резюмировать, что платформенные работники являются уязвимой социальной группой, подверженной множественным рискам для здоровья. Отсутствие системных механизмов обеспечения доступа к медицинской помощи усиливает негативные последствия платформенной занятости.

Действующее законодательство Республики Казахстан демонстрирует ограниченное правовое регулирование доступа платформенных работников к медицине. С точки зрения развития законодательства Республики Казахстана представляется целесообразным учитывать современные тенденции в области платформенной занятости. Возникает необходимость разработки изменений в действующее законодательство, направленных на интеграцию всех категорий платформенных работников в систему здравоохранения, а не только платформенных работников, применяющих налоговый режим для самозанятых.

[1641] Обеспечение достойного труда в платформенной экономике, Женева: Международное бюро труда (2024) 73 <https://www.ilo.org/sites/default/files/2025-01/ILC113-V%281%29-%5BWORKQ-231121-002%5D-Web-RU_0.pdf> доступ получен 20.03.2026

[1642] <https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2021-07/23/content_5626761.htm> доступ получен 15.03.2026

[1643] ibid (32)

[1644] ibid

[1645] Saputra ADI 'The Impact of the Gig Economy on Gig Worker Health Insurance: Literature Review' (2023) APCTM-190 1 < https://kosmospublishers.com/wp-content/uploads/2023/09/The-Impact-of-the-Gig-Economy-on-Gig-Worker-Health-Insurance-Literature-Review.pdf > доступ получен 21.03.2026

Рекомендуется реформирование законодательства в сфере медицинского страхования. В частности, предлагается разработка механизма медицинского страхования в форме предоставления платформенным работникам дополнительного объема медицинской помощи по рецепции имеющегося в Республике Казахстан механизма вмененного медицинского страхования для иностранцев, временно пребывающих и осуществляющих трудовые функции в Республике Казахстан. Функционирование в Казахстане института вмененного медицинского страхования свидетельствует о наличии некого фундамента для принятия норм, предлагаемых выше.

Реформирование законодательства позволит обеспечить реализацию базового права платформенных работников на охрану здоровья и повысит уровень общественного благополучия.

Список литературы:

1. Постановление Правительства Республики Казахстан № 1050 от 29 ноября 2023 года «Об утверждении Концепции развития рынка труда Республики Казахстан на 2024 – 2029 годы», <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300001050>
2. <https://primeminister.kz/ru/news/socialnaia-politika-sfokusiruetsia-na-razvitii-celoveceskogo-kapitala-31178>
3. Каликанов А.М. 'Перспективы правового регулирования трудовых онлайн-платформ в Республике Казахстан через призму международного опыта' (2025) MNU Annual Legal Conference, 2025 <http://repository.kazguu.kz/handle/123456789/2603>
4. Saputra ADI 'The Impact of the Gig Economy on Gig Worker Health Insurance: Literature Review' (2023) APCTM-190 < https://kosmospublishers.com/wp-content/uploads/2023/09/The-Impact-of-the-Gig-Economy-on-Gig-Worker-Health-Insurance-Literature-Review.pdf >
5. Конституция Республики Казахстан принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года < https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000 >
6. Margerison CE, Joachim GE, Michling TR, Johnson CY 'Platform-Mediated Gig Work and Health: A Scoping Review' (2025) 68(9) Am J Ind Med 729 < https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/40662947/ >
7. Денисова И.М. 'Развитие платформенной занятости: преимущества и риски' (2023) Стратегическое планирование и развитие предприятий: материалы XXIV Всероссийского симпозиума <https://elibrary.ru/item.asp?edn=tbweuc&ysclid=mnc4jm2kwd586165347>
8. Хасенов М.Х. 'Современные подходы к регулированию платформенной занятости' (2022) № 4 (44) Трудовое и социальное право 43
9. Социальный кодекс Республики Казахстан от 20 апреля 2023 года № 224-VII ЗРК, <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2300000224>
10. Налоговый кодекс Республики Казахстан от 18 июля 2025 года № 214-VIII ЗРК <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2500000214>
11. Кодекс Республики Казахстан «О здоровье народа и системе здравоохранения» от 7 июля 2020 года № 360-VI ЗРК <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2000000360>
12. Directive (EU) 2024/2831 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2024 on improving working conditions in platform work <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2024/2831/oj>
13. <https://www.zakon.hr/z/307/zakon-o-radu>
14. <https://diariodarepublica.pt/dr/legislacao-consolidada/lei/2009-34546475 >

15. Обеспечение достойного труда в платформенной экономике, Женева: Международное бюро труда (2024) <https://www.ilo.org/sites/default/files/2025-01/ILC113-V%281%29-%5BWORKQ-231121-002%5D-Web-RU_0.pdf>
16. Irene Zhou ‘Digital labour platforms and labour protection in China’ (2020) ILO Working Paper
17. <https://www.econstor.eu/handle/10419/263077 >
18. <https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2021-07/23/content_5626761.htm>

Кадетова Диана Жұматайқызы
магистрант 2 курса специальности «Юриспруденция»
Высшая школа права Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республика Казахстан
e-mail: d_kadetova@kazguu.kz

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВЫХ ГАРАНТИЙ ДЛЯ ПРОФСОЮЗНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРИ УВОЛЬНЕНИИ В КАЗАХСТАНЕ

Аннотация: Данная статья посвящена анализу исторической эволюции системы правовых гарантий для профсоюзных представителей при увольнении в Республике Казахстан в постсоветский период. Автор прослеживает трансформацию законодательства от защитных механизмов Закона 1993 года, которые исключали увольнение профсоюзных представителей без согласия профсоюза, к ограничительным нормам нынешнего Закона 2014 года. Особое внимание автор уделяет на определение различий разрыва в правовом статусе между «членами профсоюза» и «выборными членами». На основе анализа судебной практики автор доказывает, что нынешний вектор развития трудового права ведет к декларативности защитных механизмов, которые противоречат Конвенциям МОТ № 87, № 98, а также № 135. В заключении автором сформулированы выводы о необходимости реформирования законодательства для перехода от формальной к реальной защите прав профсоюзных представителей.
Ключевые слова: профессиональные союзы, профсоюзы, представители профсоюза, трудовое право, гарантии; защита от увольнения; антипрофсоюзная дискриминация.

Аннотация: Бұл мақала посткеңестік кезеңдегі Қазақстан Республикасында жұмыстан босату кездегі кәсіподақ өкілдеріне берілетін құқықтық кепілдіктер жүйесінің тарихи эволюциясын талдауға арналған. Автор заңнаманың кәсіподақтың келісімінсіз кәсіподақ өкілдерін жұмыстан шығаруды алып тастаған 1993 жылғы Заңның қорғаныс тетіктерінен бастап 2014 жылғы қолданыстағы Заңның шектеуші ережелеріне айналуының өзгеру негіздерін қарастырады. Автор «кәсіподақ мүшелері» мен «сайланған мүшелер» арасындағы құқықтық мәртебе айырмашылықтарының анықтамасына ерекше назар аударады. Сот практикасын талдау негізінде автор еңбек заңнамасының қазіргі даму векторы ХЕҰ-ның № 87, № 98 және № 135 Конвенцияларына қайшы келетін декларативті қорғаныс механизмдеріне әкелетінін дәлелдейді. Қорытындылай келе, автор кәсіподақ өкілдерінің құқықтарын формальдылықтан нақты қорғауға көшу мақсатында заңнаманы реформалау қажеттілігі туралы қорытынды жасайды.
Кілт сөздер: кәсіптік одақтар, кәсіподақтар, кәсіподақ өкілдері, еңбек құқығы, кепілдіктер; жұмыстан шығарудан қорғау; кәсіподаққа қарсы кемсітушілік.

Annotation: This article is devoted to the analysis of the historical evolution of the system of legal guarantees for trade union representatives upon dismissal in the Republic of Kazakhstan in the post-Soviet period. The author traces the transformation of legislation from the protective mechanisms of the 1993 Law, which excluded the dismissal of trade union representatives without the consent of the union, to the restrictive provisions of the current Law of 2014. The author pays special attention to the definition of differences in the gap in legal status between "trade union members" and "elected members". Based on the analysis of judicial practice, the author proves that the current vector of development of labour law leads to declarative protective mechanisms that contradict ILO Conventions No.

87, No. 98, and No. 135. In conclusion, the author draws conclusions about the need to reform legislation to move from formal to real protection of the rights of trade union representatives.

Keywords: trade unions, trade unions, trade union representatives, labour law, guarantees; protection from dismissal; anti-union discrimination.

Введение

Согласно оценке Human Rights Watch[1646], Казахстан имеет крайне слабый институт защиты прав трудящихся. Ситуация в сфере трудовых отношений отмечена рядом тревожных факторов, таких как привлечение к уголовной ответственности ряда профсоюзных представителей по причине разжигания социальной розни в соответствии со ст. 145 УК РК и усиление давления на представителей независимых профсоюзных организаций[1647]. В связи с этим важным фактом международного позиционировании страны стало приостановление членства Федерации Профсоюзов РК (ФПРК) в составе Международной конфедерации профсоюзов (МКП) в 2018 году[1648] - причиной послужило отсутствие достаточной независимости ФПРК от государства.

В 2022 году на 110-й сессии Международной конференции труда (далее – МКТ), рабочей группой был поднят вопрос о дискриминации профсоюзных работников. Рабочая группа констатировала, что Казахстан не решил вопрос о насилии в отношении профсоюзных представителей: «Насилие в отношении членов профсоюзов по-прежнему широко распространено в Казахстане. Председатель профсоюза работников топливно-энергетического комплекса в Шахтинске г-н Синявский стал жертвой такого насилия в ноябре 2018 года. Это насилие сопровождается небрежным подходом властей к проведению расследований»[1649].

Также стоит отметить, что согласно отчету Государственного департамента США 2023 года[1650], аффилированные с государством профсоюзы часто становятся инструментом давления на представителей определённых профессий: условия труда для работников железных дорог, транспорта, связи, гражданской авиации, здравоохранения и коммунальных служб становятся невыносимыми, что впоследствии влечет их незаконное увольнение. Следует также отметить, что Казахстан - не единственная страна из СНГ, подвергавшаяся осуждению по данному поводу, аналогичные претензии предъявляются большинству стран содружества[1651].

Таким образом, вышеописанные примеры свидетельствуют о системном характере проблемы. Чтобы понять, как сложилась нынешняя ситуация, полагаем,

---

[1646] Human Rights Watch, *World Report 2020: Kazakhstan* (Human Rights Watch 2020) <https://www.hrw.org/world-report/2020/country-chapters/kazakhstan> дата обращения 20 марта 2026.

[1647] Human Rights Watch, 'Kazakhstan: Arrest of Two Trade Union Leaders' (26 января 2017) <https://www.hrw.org/ru/news/2017/01/26/299392> дата обращения 20 марта 2026.

[1648] Д Бейсембаев, 'На приостановлении членства Федерации профсоюзов РК в международной организации настояли россияне' (Informburo.kz, 2018) <https://informburo.kz/novosti/federacii-profsoyuzov-rk-ne-pokazali-protokol-o-priostanovlenii-chlenstva-v-mezhdunarodnoy-konfederacii.html> дата обращения 20 марта 2026.

[1649] International Labour Organization, 'Individual Case (CAS) – Discussion: Kazakhstan' (110-я сессия Международной конференции труда, 2022) <https://normlex.ilo.org/dyn/nrmlx_en/f?p=NORMLEXPUB:13100:0::NO::P13100_COMMENT_ID,P13100_COUNTRY_ID:4288290,103542> дата обращения 20 марта 2026.

[1650] United States Department of State, *2023 Country Reports on Human Rights Practices: Kazakhstan* (2024) <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2024/03/528267_KAZAKHSTAN-2023-HUMAN-RIGHTS-REPORT.pdf> дата обращения 20 марта 2026.

[1651] М Н Дудин и др., 'Labor Market and Transformation of Labor Relations in the Light of the Marxist, Libertarian and Neoinstitutional Paradigm' (2019) 9(2) AD ALTA: Journal of Interdisciplinary Research <https://openurl.ebsco.com/EPDB%3Agcd%3A1%3A12313441/detailv2?sid=ebsco%3Aplink%3Ascholarly_site> дата обращения 20 марта 2026.

необходимо проследить, как трансформировались правовые гарантии для профсоюзных представителей при увольнении в контексте исторической эволюции законодательства страны в постсоветский период: какие гарантии существовали изначально, по каким причинам и в каком направлении они менялись, и каким образом разграничение правового статуса «членов профсоюза» и «выборных членов» соответствует международным стандартам МОТ и обеспечивает ли оно реальную защиту. Этому посвящена данная статья.

В этой связи можно выделить два ключевых этапа развития правовой защиты профсоюзных представителей в независимом Казахстане. Первый - период действия Закона «О профессиональных союзах» 1993 года, который закреплял широкие гарантии, в том числе исключение возможности увольнения членов профсоюза без «мотивированного мнения» профсоюза. Второй - период ужесточения законодательства после массовых трудовых конфликтов 2011–2012 годов (Жанаозен и др.) и последующего принятия нового Закона «О профессиональных союзах» 2014 года и Трудового кодекса 2015 года, которые привели к сужению круга защищаемых лиц и сведению их гарантий к формальному получению «мотивированного мнения».

Постсоветское развитие законодательства независимого Казахстана

Поскольку модель профсоюзного движения Казахстана тесно связана с советской правовой системой[1652], что обусловлено нахождением республики в составе Советского Союза, важно рассмотреть данный период в контексте роли профсоюзов в идеологической политике того государства. В советской правовой модели институт профсоюзов напрямую был встроен в структуру Коммунистической партии и выполнял функцию одного из государственных механизмов, ответственных за формирование идеологии и повышение приверженности работников коммунистической партии[1653].

Учитывая плановый характер экономики, профсоюзы и их члены фактически выполняли роль «глаз и ушей»[1654] партии, обеспечивая соблюдение[1655] производственных планов и трудовой дисциплины[1656]. Так, на территории Казахстана трудящиеся были объедены в единую профсоюзную систему - Казахский совет профсоюзов (Казсовпроф), являющейся структурным подразделением Всесоюзного центрального совета профсоюзов (ВЦСПС). Следовательно, в силу тесной институциональной связи между ВЦСПС и Коммунистической партией СССР (КПСС) такие понятия, как «коллективные переговоры», «право на забастовку», «трудовые споры» фактически отсутствовали. Кроме того, в Казахской ССР не существовало специального закона, регулирующего деятельность профсоюзных организаций.

После становления независимого Казахстана Казсовпроф был преобразован в Федерацию профсоюзов Республики Казахстан (ФПРК) в 1992 году[1657]. В 1993 году

[1652] А Майдырова и А Т Мамедова, 'Economic and Legal Aspects of Labor Market Regulations in Modern Kazakhstan' (2013) 14(4) Business: Theory and Practice 267 <https://doi.org/10.3846/btp.2013.28> дата обращения 20 марта 2026.

[1653] Л Ю Бугров, 'Развитие законодательства о советских профсоюзах: расширение прав и свободы' (1987) № 5 Правоведение 43 <https://elibrary.ru/item.asp?id=23607799> дата обращения 20 марта 2026.

[1654] П Кубичек, 'Civil Society, Trade Unions and Post-Soviet Democratisation: Evidence from Russia and Ukraine' (2002) 54(4) Europe-Asia Studies 603.

[1655] С Эшвин и С Кларк, *Russian Trade Unions and Industrial Relations in Transition* (Palgrave Macmillan 2003) <https://doi.org/10.1057/9780230598355> дата обращения 20 марта 2026.

[1656] Постановление Центрального комитета КП Казахстана, Совета Министров Казахской ССР и Казахского Республиканского Совета Профессиональных Союзов № 33 (22 января 1973 г) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P730000033> дата обращения 20 марта 2026.

[1657] Н Койшибаева, 'The Evolution of the Role of Trade Unions in Resolving Social-Labor Conflicts' (2024) 2(3) Eurasian Science Review 57 <https://doi.org/10.63034/esr-71> дата обращения 20 марта 2026.

был принят первый Закон «О профессиональных союзах»[1658], который определил и регулировал основные функции и правовой статус профсоюзов.

Согласно ст. 19 данного Закона, выборные профсоюзные работники не могли быть уволены с работы по инициативе работодателя, за исключением случаев полной ликвидации предприятия, а также подвергнуты дисциплинарному взысканию или переведены на другую работу без предварительного согласия профсоюзного органа, членами которого они являлись. Данная норма устанавливала специальные гарантии трудовых прав для представителей профсоюза и фактически конкретизировала условия применения пп.2, п.1 ст. 52 нынешнего Трудового кодекса Республики Казахстан применительно к этой категории работников.

Однако, вместе с тем в научной и правоприменительной практике поднимался вопрос об ограничение прав работодателей в сфере кадровой политики. В 1996 году Конституционный совет Республики Казахстан рассмотрел представление Восточно-Казахстанского областного суда о признании указанной нормы неконституционной. Тем не менее в своем постановлении Конституционный совет пришел к выводу, что данная статья не ущемляет закрепленные Конституцией права и свободы работодателей, а напротив - устанавливает для выборных профсоюзным работникам, то есть их представителей, дополнительные гарантии защиты трудовых прав[1659].

Основные изменения начались с принятием нового Закона «О профессиональных союзах» в 2014 году. Предпосылками данных изменений исследователи считают ряд событий, связанных с забастовками трудящихся. Начиная с 2010-х годов протестные настроения среди трудящихся усилились, что привило к событиям в Жанаозене в 2011 году, а затем - к трудовым волнениям в Караганде и Джамбуле в 2012 году[1660]. Эти события обозначили для государства необходимость налаживания взаимоотношений между работодателями и работниками.

Однако, государство решило вопрос о выстраивании более эффективного механизма регулирования трудовых отношений за счет ограничения, а не расширения прав и гарантий профсоюзных представителей в пользу работодателей[1661]. Тем самым, это повлекло последствия в виде увольнений профсоюзных представителей, не занимавших руководящих должностей в профсоюзных органах. В этой связи по-прежнему актуален вопрос о правовом статусе «членов профсоюза» и «выборных членов», а также об условиях применения соответствующих правовых норм.

Правовой статус «членов профсоюза» и «выборных членов профсоюза».

Прежде всего необходимо рассмотреть правовой статус членов профсоюза. Под понятием «члены профсоюза» следует понимать работников, которые добровольно вступили в соответствующую организацию и признали её устав. Исходя из пп. 1-5) (за исключением пп.2) п.1 ст. 18 ЗРК[1662] «О профессиональных союзах» данный статус предполагает ряд прав, таких как их участие в деятельности профсоюза; право избирать и быть избранными в его органы; участие в коллективных

[1658] Закон Республики Казахстан ‘О профессиональных союзах’ (9 апреля 1993 г) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z930001400> дата обращения 20 марта 2026.

[1659] Постановление Конституционного Совета Республики Казахстан № 4 ‘О представлении Восточно-Казахстанского областного суда’ (26 июля 1996 г) <https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1001889> дата обращения 20 марта 2026.

[1660] А Бейсенова и др., ‘Labour Conflicts in Kazakhstan: A Specific Character of Their Solution’ (2013) 82 Procedia – Social and Behavioral Sciences 877 <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.06.364> дата обращения 20 марта 2026.

[1661] Редакция Bureau.kz, ‘Профсоюз как угроза национальной безопасности’ (КМБПЧ, 24 января 2024) <https://bureau.kz/novosti/profsoyuz-kak-ugroza/> дата обращения 20 марта 2026.

[1662] Закон Республики Казахстан № 211-V ‘О профессиональных союзах’ (27 июня 2014 г) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000211> дата обращения 20 марта 2026.

переговоров; а также получение правовой защиты со стороны профсоюза при обращения в суды.

Согласно указанной норме, императивный характер пп.2) - а именно обязательное получение «мотивированного мнения» при увольнении – распространяется исключительно на категорию «выборных членов профсоюза». Тем самым рядовые члены профсоюза лишены гарантий от увольнения, что в определённой степени ограничивает реализацию правозащитной функции профсоюза в отношении работника, включая возможность эффективной судебной защиты.

В этой связи стоит отметить позицию Е. В. Чичкина[1663]: по аналогии со ст. 19 Закона «О профессиональных союзах» Республики Беларусь, работник, являющийся членом профсоюза, формально обладает правом на получение соответствующей защиты. Однако, по мнению автора, на практике законодательное регулирование нередко формирует восприятие «противостояние» между работником, профсоюзом и работодателем.

Что касается категории «выборных членов профсоюза», то согласно п.1 и п.2 ст. 26 ЗРК к ним относятся лица, избранные в руководящие или представительные органы профсоюзной организации. Например, согласно п.8 Устава ОО «Казахстанский отраслевой профессиональный союз работников образования и науки», к таким членам относятся «выборные руководители профсоюзных организаций всех уровней структуры Профсоюза, штатные профсоюзные работники и специалисты аппаратов профсоюзных органов, состоящие в трудовых отношениях с этими организациями»[1664].

Это означает, что их правовой статус отличается от статуса рядовых членов тем, что они наделяются дополнительными полномочиями и гарантиями, заключающимися в том, что работодатель обязан учитывать «мотивированное мнение» профсоюзного органа предприятия в случаях расторжения трудового договора по инициативе работодателя. Такие гарантии необходимы для того, чтобы представители профсоюза могли свободно выполнять свои функции и главную задачу профсоюза - защищать интересы работников от давления со стороны администрации предприятия. К числу дополнительных гарантий относится также право на освобождение от основной работы на определенное время для выполнения профсоюзных обязанностей.

Кроме того, относительно исполнительных функций «выборных членов профсоюза» можно отменить, что данные лица участвуют в управлении профсоюзной организацией, принимают решения по вопросам защиты трудовых прав работников, а также представляют интересы членов профсоюза перед работодателем, государственными органами и другими организациями. Для более объективной оценки эффективности предусмотренных Законом гарантий необходимо обратиться к анализу судебной практики.

В дополнение следует отметить, что в российском законодательстве вопрос гарантий прав профсоюзных представителей регулируются ч. 1 ст. 25 Федерального закона[1665] «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» и ст. 374 ТК РФ[1666]. По мнению Н. Л. Лютова, проблема взаимоотношений между

[1663] Е В Чичина и М В Лазарь, ‘Профсоюзы как инициаторы судебной защиты прав и интересов своих членов’ (2023) № 2 Трудовое и социальное право 47 <http://elib.mitso.by/handle/edoc/4498> дата обращения 20 марта 2026.

[1664] Казахстанский отраслевой профессиональный союз работников просвещения, науки и высшего образования, Устав, ст 10 <https://www.edu-tradeunion.kz/> дата обращения 22 марта 2026.

[1665] Федеральный закон Российской Федерации № 10-ФЗ ‘О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности’ (12 января 1996 г) <https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8840/> дата обращения 20 марта 2026.

[1666] Трудовой кодекс Российской Федерации № 197-ФЗ (30 декабря 2001 г) <https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/> дата обращения 20 марта 2026.

профсоюзными представителями и работодателями в вопросах увольнения в России решалась схожим образом с законодательством РК. Однако постановлением Конституционного суда РФ, нормы, предусматривающие абсолютный запрет на увольнение профсоюзных представителей по любым основаниям, были признаны неправомерными, поскольку они нарушают право работодателей на управление персоналом. Несмотря на это, гарантии, нацеленные на защиту от увольнений по экономическим основаниям, были признаны допустимыми[1667].

В свою очередь, в законодательстве Узбекистана эта проблема решается иначе. Так, согласно Пленуму Верховного суда РУз, увольнение работника по инициативе работодателя, без предварительного согласия профсоюзного комитета или иного представительного органа работников не допускается[1668] - при этом работник не обязан являться выборным членом профсоюзного орган. Более того, при разрешении спора суды должны выяснить, предусмотрено ли получение такого согласия коллективным договором или соглашением. Как отмечает З. Ф. Байбекова, согласно ТК РУз профсоюзы отнесены к субъектам общественного контроля, роль которых заключается в осуществлении надзора за законностью действий работодателей в отношении работников[1669].

Анализ судебных актов и соответствие Закона «О профессиональных союзах» международным стандартам

При оценке эффективности предусмотренных Законом правовых гарантий профсоюзных представителей необходимо исходить не только из содержания самой нормы, но и из практики ее применения – прежде всего, судебной. В этой связи полагаем, что анализ судебных актов и сопоставление национального законодательства с международными трудовыми стандартами позволяет объективно оценить уровень защиты профсоюзных представителей в стране.

В 2016 году постановлением Верховного суда Республики Казахстан (далее - ВС РК) по делу гражданина С. к ТОО «Казахойл Актобе» о восстановлении на работе, и взыскании заработной платы за время вынужденного прогула было установлено, что суд первой инстанции не дал оценки доводам истца о допущенных работодателем нарушениях при издании приказа. В частности, у истца имелась уважительная причина прогула - посещение медицинского учреждения в рабочие время в связи с ухудшением здоровья. Однако, ВС РК отказал в передаче кассационной жалобы для рассмотрения, сославшись на отсутствие доводов истца по ст. 26 ЗРК «О профсоюзов». ВС РК отметил, что истец являлся членом центрального и исполнительного Совета ОО «Отраслевой профессиональный союз работников нефтегазового комплекса», но не состоял в ОО «Профессиональный союз нефтяников ТОО «Казахойл Актобе», действующем на предприятии на основании коллективного договора[1670].

[1667] Н Л Лютов (ред), *Актуальные проблемы трудового права: учебник для магистров* (Проспект 2018) С. 647.

[1668] Постановление Пленума Верховного суда Республики Узбекистан № 12 'О применении судами законодательства, регулирующего прекращение трудового договора (контракта)' (17 апреля 1998 г) <https://lex.uz/docs/1444777#1445744> дата обращения 20 марта 2026.

[1669] З Ф Байбекова, 'Общественный контроль как один из способов защиты прав работника от незаконного прекращения трудового договора' (2021) № 2 Устойчивое развитие науки и образования 15 <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44883897> дата обращения 20 марта 2026.

[1670] Смагулов Аблай Аманбаевич v ТОО 'Казахойл Актобе' дело № 6001-16-00-3Р/10367 Верховный Суд Республики Казахстан (Кассационная инстанция) (24 октября 2016) <https://sb.prg.kz/item/2225424> дата обращения 22 марта 2026.

В 2017 года постановлением ВС РК по делу гражданина К. к ТОО «Астана калалык жарык»[1671] ситуация получила иное разрешение. Работодатель, ссылаясь на утрату доверия к работнику, уволил К. Несмотря на то что суды первой инстанции и апелляции отказали в удовлетворении, ВС РК удовлетворил кассационную жалобу истца, мотивировав это отсутствием как материального основания для увольнения - «утрата доверия» согласно ст. 52 Трудового Кодекса РК[1672], - так и формального основания в виде «мотивированного мнения» профсоюзного органа. Приказ об увольнении был признан незаконным в силу ст. 26 Закона. В своем постановлении ВС РК указал, что суды первой и апелляционной инстанции при разрешении спора о законности расторжения трудового договора по инициативе работодателя или привлечении к дисциплинарной ответственности не разграничивали понятия «члены профсоюза» и «члены выборного профсоюзного органа». Тем самым, ВС РК подтвердил, что только руководители (председатели) и члены выбранного профсоюзного органа не могут быть уволены без «мотивированного мнения» профсоюзного органа.

Данный судебный акт демонстрирует, что рядовые члены профсоюза, не обладающие статусом выборных представителей, фактически оказываются более уязвимыми при увольнении.

В судебных актах в период 2022–2024 годах наблюдается аналогичная тенденция. В частности, в деле гражданина К., занимавшего должность главного врача больницы, к КГУ «Управление здравоохранения акимата Северо-Казахстанской области» (2022г.)[1673], а также в деле гражданки К., занимавшей должность техника по труду, к ТОО «ВК Промэнергоремонт» (2024г.)[1674], суды установили нарушения требований ст. 52 ТК РК и ст. 26 Закона. Необходимо отметить, что в обоих случаях истцы были выборными членами профсоюзного органа, что значительно способствовало положительному исходу судебного разбирательства.

Таким образом, судебная практика свидетельствует о том, что законодательные гарантии защиты распространяются преимущественно на выборных членов профсоюза, в частности на руководителей, их заместителей и представителей коллективных переговоров. При этом данные гарантии фактически не распространяются на рядовых членов профсоюза, что порождает вопросы о соответствии национального законодательства международным стандартам, закрепленных в Конвенциях МОТ № 87, № 98 и № 135[1675].

Также, не менее остро стоит вопрос о соответствии трудового законодательства Казахстана международными трудовыми стандартами. Как отмечалось выше, согласно материалам 110-й сессии МКТ, государство по сей день не урегулировало проблему дискриминации профсоюзных представителей. Согласно статье 1 Конвенции МОТ №98 «О применении принципов права на организацию и заключение

[1671] Кадыркенов Серик Жараспайулы v ТОО ‘Астана қалалық жарық’ дело № 6001-18-00-3Р/6282 Верховный Суд Республики Казахстан (Кассационная инстанция) (2 сентября 2018) <https://sb.prg.kz/item/692479> дата обращения 22 марта 2026.

[1672] Трудовой кодекс Республики Казахстан № 414-V (23 ноября 2015 г) <https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38910832> дата обращения 20 марта 2026.

[1673] Кудайбергенов Александр Эдуардович v Коммунальное государственное учреждение ‘Управление здравоохранения акимата Северо-Казахстанской области’ дело № 5999-22-00-2Р/656 Северо-Казахстанский областной суд (Апелляционная инстанция) (14 июля 2022) <https://sb.prg.kz/item/4715866> дата обращения 22 марта 2026.

[1674] Кирьянова Марина Константиновна v ТОО ‘ВК Промэнергоремонт’ дело № 6310-23-00-2/6913 Усть-Каменогорский городской суд Восточно-Казахстанской области (Гражданские дела) (10 января 2024) <https://sb.prg.kz/item/5705175> дата обращения 22 марта 2026.

[1675] Конвенция МОТ № 87 ‘О свободе объединения и защите права объединяться в профсоюзы’ (1948) <https://normlex.ilo.org/dyn/nrmlx_en/f?p=1000:61::::61::> дата обращения 22 марта 2026.

коллективных договоров»: «Статья 1. … 2. Такая защита применяется в особенности в отношении действий, целью которых является:

a) подчинить прием работника на работу или сохранение им работы условию, чтобы он не вступал в профсоюз или вышел из профсоюза;

b) *увольнять* или любым другим способом наносить ущерб работнику на том основании, что он является *членом профсоюза* или принимает участие в профсоюзной деятельности в нерабочее время или, с согласия работодателя, в рабочее время»[1676]. Между тем судебная практика свидетельствует о несоблюдении данной нормы - несмотря на то что в Казахстане ратифицированы указанные конвенции[1677].

По мнению М. Х. Хасенова: «В Беларуси и Казахстане отсутствуют законодательно закрепленные формы социального партнерства…к учету мнения представителей работников при издании актов работодателя и расторжении трудового договора с членами выборных профсоюзных органов (Казахстан)»[1678]. Конвенция МОТ № 87, являющаяся одним из основополагающих инструментов международного трудового права, призвано гарантировать базовые права трудящихся на получение предусмотренной защиты.

Конвенция МОТ № 135 «О защите прав представителей работников на предприятии и предоставляемых им возможностях» устанавливает, что: «….как представители профессионального союза, так и выборные представители, должны быть приняты соответствующие меры, когда это необходимо для того, чтобы наличие выборных представителей не использовалось для подрыва позиции заинтересованных профсоюзов или их представителей…»[1679]. Однако действующее казахстанское законодательство прямо дает разъяснение, что лишь выборные члены профсоюзных органов имеют гарантий - и даже эти гарантии на практике нередко нарушаются.

Исходя из изложенного, можно сделать выводы: а) действующие гарантии распространятся исключительно на членов выборного профсоюзного органа и применяются лишь в случаях дисциплинарного взыскания или увольнения по инициативе работодателя; рядовые членов профсоюза остаются уязвимыми при изменении условий труда и переводах, не требующих их согласия[1680]; б) процедура защиты от увольнения сводится к получению обязательного «мотивированного мнения» профсоюза, однако это не устраняет дисбаланса: работодатель сохраняет более широкие полномочия в решении вопросов условий труда согласно ст. 46 ТК РК, а основания для увольнения определяются в соответствии ст. 52, 58 ТК РК[1681].

[1676] Конвенция МОТ № 98 ‘О праве на организацию и на ведение коллективных переговоров’ (1949) <https://normlex.ilo.org/dyn/nrmlx_en/f?p=1000:61::::61::> дата обращения 22 марта 2026.

[1677] Федерация профсоюзов Республики Казахстан, ‘Перечень международных конвенций, участником которых является Республика Казахстан’ <https://kasipodaq.kz/> дата обращения 22 марта 2026.

[1678] М Х Хасенов, ‘Совершенствование нормативно-правовой основы социального партнёрства в государствах Евразийского Экономического Союза с учётом международных трудовых стандартов’ (2020) № 1(158) Lex Russica 160 <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-normativno-pravovoy-osnovy-sotsialnogo-partnerstva-v-gosudarstvah-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza-s-uchetom> дата обращения 20 марта 2026.

[1679] Конвенция МОТ № 135 ‘О защите прав представителей работников на предприятии и предоставляемых им возможностях’ (1971) <https://normlex.ilo.org/dyn/nrmlx_en/f?p=1000:61::::61::> дата обращения 22 марта 2026.

[1680] Досье на проект Закона Республики Казахстан ‘О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Казахстан «О профессиональных союзах»’ (декабрь 2023) <https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32789749> дата обращения 20 марта 2026.

[1681] Ibid.

Заключение

Суммируя вышесказанное, проведенное исследование позволяет сделать нижеприведенные заключения:

1) За годы независимости национальное законодательство прошло путь от советской модели к формированию современного трудового права. Одним из ключевых этапов данной эволюции стал переход от Закона 1993 года, закреплявшего иммунитет выборных работников, согласно которому увольнение было невозможно без предварительного согласия профсоюзного органа, - к нынешнему Закону 2014 года, сузившему круг защищаемых лиц до выборных членов профсоюза. Судебная практика подтверждает данное заключение, оставляя рядовых членов профсоюза юридически уязвимыми. Дополнительно, действующая редакция Закона заменила требование «согласия» на получение «мотивированного мнения», что, на наш взгляд, на практике упростило увольнение работников по инициативе работодателя.

2) Основным фактором регресса защитных механизмов стали массовые волнения 2010-х годов среди трудящихся (Жанаозен и др.). В ответ законодатель избрал путь ужесточения контроля и усиления позиций работодателей, пытаясь сбалансировать регулирование трудовых отношений - однако в ущерб правам профсоюзных представителей. Как показывает судебная практика, можно определить, что этот баланс по итогу сместился в пользу интересов работодателей.

3) На сегодняшний день в Казахстане наблюдается ситуация «условной формальности»: государство ратифицирует ключевые Конвенции МОТ (№ 87, 98, 135), но не обеспечивает их реальное исполнение в национальном праве. На наш взгляд, государству во избежание дальнейшего осуждения со стороны международного сообщества необходимо распространить вектор гарантии защиты от увольнения на всех членов профсоюза, *принимающих активное участие* в его деятельности, как того требует Конвенция МОТ № 98.

Подводя итог, нынешняя «уязвимость» национального трудового законодательства не только подрывает права работников, но и создает репутационные риски для инвестиционной привлекательности страны. *Как отмечал Жан-Жак Руссо*, политический организм проявляет себя по-разному: в пассивной форме оно именуется Государством, в активной - Сувереном. В данном контексте пассивность государства в вопросах обеспечения реальной защиты профсоюзных представителей может приводить к осуждению со стороны международного трудового сообщества и снижению эффективности правовых гарантий прав профсоюзных представителей.

Список литературы:

1. Постановление Центрального комитета КП Казахстана, Совета Министров Казахской ССР и Казахского Республиканского Совета Профессиональных Союзов № 33 (22 января 1973 г) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P730000033> дата обращения 20 марта 2026.

2. Закон Республики Казахстан ‘О профессиональных союзах’ (9 апреля 1993 г) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z930001400> дата обращения 20 марта 2026.

3. Постановление Конституционного Совета Республики Казахстан № 4 ‘О представлении Восточно-Казахстанского областного суда’ (26 июля 1996 г) <https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1001889> дата обращения 20 марта 2026.

4. Закон Республики Казахстан № 211-V ‘О профессиональных союзах’ (27 июня 2014 г) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000211> дата обращения 20 марта 2026.

5. Досье на проект Закона Республики Казахстан ‘О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Казахстан «О профессиональных союзах»’ (декабрь

2023) <https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32789749> дата обращения 20 марта 2026.

6. Трудовой кодекс Республики Казахстан № 414-V (23 ноября 2015 г) <https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38910832> дата обращения 20 марта 2026.

7. Постановление Пленума Верховного суда Республики Узбекистан № 12 ‘О применении судами законодательства, регулирующего прекращение трудового договора (контракта)’ (17 апреля 1998 г) <https://lex.uz/docs/1444777#1445744> дата обращения 20 марта 2026.

8. Федеральный закон Российской Федерации № 10-ФЗ ‘О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности’ (12 января 1996 г) <https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8840/> дата обращения 20 марта 2026.

9. Трудовой кодекс Российской Федерации № 197-ФЗ (30 декабря 2001 г) <https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/> дата обращения 20 марта 2026.

10. Конвенция МОТ № 87 ‘О свободе объединения и защите права объединяться в профсоюзы’ (1948) <https://normlex.ilo.org/dyn/nrmlx_en/f?p=1000:61::::61::> дата обращения 22 марта 2026.

11. Конвенция МОТ № 98 ‘О праве на организацию и на ведение коллективных переговоров’ (1949) <https://normlex.ilo.org/dyn/nrmlx_en/f?p=1000:61::::61::> дата обращения 22 марта 2026.

12. Конвенция МОТ № 135 ‘О защите прав представителей работников на предприятии и предоставляемых им возможностях’ (1971) <https://normlex.ilo.org/dyn/nrmlx_en/f?p=1000:61::::61::> дата обращения 22 марта 2026.

13. Смагулов Аблай Аманбаевич v ТОО ‘Казахойл Актобе’ дело № 6001-16-00-3P/10367 Верховный Суд Республики Казахстан (Кассационная инстанция) (24 октября 2016) <https://sb.prg.kz/item/2225424> дата обращения 22 марта 2026.

14. Кадыркенов Серик Жараспайулы v ТОО ‘Астана қалалық жарық’ дело № 6001-18-00-3P/6282 Верховный Суд Республики Казахстан (Кассационная инстанция) (2 сентября 2018) <https://sb.prg.kz/item/692479> дата обращения 22 марта 2026.

15. Кудайбергенов Александр Эдуардович v Коммунальное государственное учреждение ‘Управление здравоохранения акимата Северо-Казахстанской области’ дело № 5999-22-00-2P/656 Северо-Казахстанский областной суд (Апелляционная инстанция) (14 июля 2022) <https://sb.prg.kz/item/4715866> дата обращения 22 марта 2026.

16. Кирьянова Марина Константиновна v ТОО ‘ВК Промэнергоремонт’ дело № 6310-23-00-2/6913 Усть-Каменогорский городской суд Восточно-Казахстанской области (Гражданские дела) (10 января 2024) <https://sb.prg.kz/item/5705175> дата обращения 22 марта 2026.

17. С Эшвин и С Кларк, *Russian Trade Unions and Industrial Relations in Transition* (Palgrave Macmillan 2003) <https://doi.org/10.1057/9780230598355> дата обращения 20 марта 2026.

18. Н Л Лютов (ред), *Актуальные проблемы трудового права: учебник для магистров* (Проспект 2018) С. 647.

19. С Акметжаров и С Оразгалиев, ‘Labor Unions and Institutional Corruption: The Case of Kazakhstan’ (2021) 12(2) Journal of Eurasian Studies 133 <https://doi.org/10.1177/18793665211041198> дата обращения 20 марта 2026.

20. А Майдырова и А Т Мамедова, ‘Economic and Legal Aspects of Labor Market Regulations in Modern Kazakhstan’ (2013) 14(4) Business: Theory and Practice 267 <https://doi.org/10.3846/btp.2013.28> дата обращения 20 марта 2026.

21. Л Ю Бугров, ‘Развитие законодательства о советских профсоюзах: расширение прав и свободы’ (1987) № 5 Правоведение С.-43 <https://elibrary.ru/item.asp?id=23607799> дата обращения 20 марта 2026.

22. П Кубичек, ‘Civil Society, Trade Unions and Post-Soviet Democratisation: Evidence from Russia and Ukraine’ (2002) 54(4) Europe-Asia Studies 603 <https://doi.org/10.1080/09668130220139181>.

23. А Бейсенова и др., ‘Labour Conflicts in Kazakhstan: A Specific Character of Their Solution’ (2013) 82 Procedia – Social and Behavioral Sciences 877 <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.06.364> дата обращения 20 марта 2026.

24. Н Койшибаева, ‘The Evolution of the Role of Trade Unions in Resolving Social-Labor Conflicts’ (2024) 2(3) Eurasian Science Review 57 <https://doi.org/10.63034/esr-71> дата обращения 20 марта 2026.

25. М Х Хасенов, ‘Совершенствование нормативно-правовой основы социального партнёрства в государствах Евразийского Экономического Союза с учётом международных трудовых стандартов’ (2020) № 1(158) Lex Russica С.-160 <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-normativno-pravovoy-osnovy-sotsialnogo-partnerstva-v-gosudarstvah-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza-s-uchetom> дата обращения 20 марта 2026.

26. М Н Дудин и др., ‘Labor Market and Transformation of Labor Relations in the Light of the Marxist, Libertarian and Neoinstitutional Paradigm’ (2019) 9(2) AD ALTA: Journal of Interdisciplinary Research <https://openurl.ebsco.com/EPDB%3Agcd%3A1%3A12313441/detailv2?sid=ebsco%3Aplink%3Ascholarly_site> дата обращения 20 марта 2026.

27. З Ф Байбекова, ‘Общественный контроль как один из способов защиты прав работника от незаконного прекращения трудового договора’ (2021) № 2 Устойчивое развитие науки и образования С.-15 <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44883897> дата обращения 20 марта 2026.

28. Е В Чичина и М В Лазарь, ‘Профсоюзы как инициаторы судебной защиты прав и интересов своих членов’ (2023) № 2 Трудовое и социальное право С.-47 <http://elib.mitso.by/handle/edoc/4498> дата обращения 20 марта 2026.

29. Human Rights Watch, *World Report 2020: Kazakhstan* (Human Rights Watch 2020) <https://www.hrw.org/world-report/2020/country-chapters/kazakhstan> дата обращения 20 марта 2026.

30. Human Rights Watch, ‘Kazakhstan: Arrest of Two Trade Union Leaders’ (26 января 2017) <https://www.hrw.org/ru/news/2017/01/26/299392> дата обращения 20 марта 2026.

31. International Labour Organization, ‘Individual Case (CAS) – Discussion: Kazakhstan’ (110-я сессия Международной конференции труда, 2022) <https://normlex.ilo.org/dyn/nrmlx_en/f?p=NORMLEXPUB:13100:0::NO::P13100_COMMENT_ID,P13100_COUNTRY_ID:4288290,103542> дата обращения 20 марта 2026.

32. United States Department of State, *2023 Country Reports on Human Rights Practices: Kazakhstan* (2024) <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2024/03/528267_KAZAKHSTAN-2023-HUMAN-RIGHTS-REPORT.pdf> дата обращения 20 марта 2026.

33. Федерация профсоюзов Республики Казахстан, ‘Перечень международных конвенций, участником которых является Республика Казахстан’ <https://kasipodaq.kz/> дата обращения 22 марта 2026.

34. Д Бейсембаев, ‘На приостановлении членства Федерации профсоюзов РК в международной организации настояли россияне’ (Informburo.kz, 2018)

<https://informburo.kz/novosti/federacii-profsoyuzov-rk-ne-pokazali-protokol-o-priostanovlenii-chlenstva-v-mezhdunarodnoy-konfederacii.html> дата обращения 20 марта 2026.

35. Редакция Bureau.kz, 'Профсоюз как угроза национальной безопасности' (КМБПЧ, 24 января 2024) <https://bureau.kz/novosti/profsoyuz-kak-ugroza/> дата обращения 20 марта 2026.

Машанло Малика Абдумахмутовна
Магистрант образовательной программы Юриспруденция»
Высшая школа права Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республика Казахстан
E-mail: malika.mashanlo09@gmail.com

РЕГУЛИРОВАНИЕ СВЕРХУРОЧНОЙ РАБОТЫ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Аннотация: В данной статье рассматриваются вопросы правового регулирования сверхурочной работы в условиях современной экономики и глобализации. Анализируются особенности регулирования переработок в Японии, Соединенных Штатах Америки и Республике Казахстан с учетом как законодательных норм, так и практики их применения.

В статье особое внимание уделяется влиянию социально-культурных факторов и уровня правоприменения на эффективность установленных ограничений рабочего времени. На примере Японии раскрываются последствия институционализации переработок, включая феномен «кароси», тогда как американская модель демонстрирует эффективность экономических механизмов сдерживания сверхурочной работы. В рамках анализа законодательства Республики Казахстан выявляются проблемы, связанные с недостаточным контролем, учетом рабочего времени и уровнем правовой защищенности работников.

Также обосновывается необходимость совершенствования национального регулирования, включая цифровизацию учета рабочего времени и усиление государственного контроля. Сделан вывод о том, что эффективность регулирования сверхурочной работы зависит не только от наличия правовых норм, но и от их практической реализации.

Ключевые слова: Сверхурочная работа, зарубежный опыт, рабочее время, трудовые отношения, трудовое право, правовое регулирование, переработка, продолжительность рабочего времени, защита прав работников, условия труда.

Аңдатпа: Бұл мақалада қазіргі экономика және жаһандану жағдайында үстеме жұмысты құқықтық реттеу мәселелері қарастырылады. Жапония, Америка Құрама Штаттары және Қазақстан Республикасындағы үстеме жұмысты реттеудің ерекшеліктері заңнамалық нормалар мен оларды қолдану тәжірибесін ескере отырып талданады.

Мақалада жұмыс уақытына қойылатын шектеулердің тиімділігіне әлеуметтік-мәдени факторлар мен құқық қолдану деңгейінің әсеріне ерекше назар аударылады. Жапония мысалында «кароси» феноменін қоса алғанда, үстеме жұмыстың институционалдануының салдары ашып көрсетіледі, ал АҚШ моделі үстеме жұмысты экономикалық тетіктер арқылы шектеудің тиімділігін көрсетеді. Қазақстан Республикасының заңнамасын талдау аясында бақылаудың жеткіліксіздігі, жұмыс уақытын есепке алу мәселелері және қызметкерлердің құқықтық қорғалуының төмен деңгейі анықталады.

Сондай-ақ жұмыс уақытын есепке алуды цифрландыру және мемлекеттік бақылауды күшейту арқылы ұлттық реттеуді жетілдіру қажеттілігі негізделеді. Зерттеу нәтижесінде үстеме жұмысты реттеудің тиімділігі тек құқықтық нормалардың болуына ғана емес, олардың іс жүзінде қолданылуына да байланысты екендігі туралы қорытынды жасалады.

Түйінді сөздер: Үстеме жұмыс, шетелдік тәжірибе, жұмыс уақыты, еңбек қатынастары, еңбек құқығы, құқықтық реттеу, артық жұмыс (или нормадан тыс жұмыс), жұмыс уақытының ұзақтығы, жұмыскерлердің құқықтарын қорғау, еңбек жағдайлары.

Abstract: This article examines the issues of legal regulation of overtime work in the context of the modern economy and globalization. It analyzes the features of overtime regulation in Japan, the United States of America, and the Republic of Kazakhstan, considering both legislative provisions and their practical implementation.

Particular attention is paid to the impact of socio-cultural factors and the level of law enforcement on the effectiveness of working time limitations. Using Japan as an example, the consequences of the institutionalization of overtime work, including the phenomenon of “karoshi” are explored, while the U.S. model demonstrates the effectiveness of economic mechanisms for limiting overtime work. The analysis of Kazakhstan’s legislation reveals issues related to insufficient control, inadequate working time recording, and the low level of legal protection of employees.

The article also substantiates the need to improve national regulation, including the digitalization of working time accounting and the strengthening of state control. It is concluded that the effectiveness of overtime regulation depends not only on the existence of legal norms but also on their practical enforcement.

Keywords: Overtime work, foreign experience, working time, labor relations, labor law, legal regulation, overwork, duration of working hours, protection of workers' rights, working conditions.

Введение

Исследуемая тема на сегодняшний день приобретает особую актуальность в условиях глобализации и развития рыночной экономики, поскольку во многих странах наблюдается устойчивая тенденция к увеличению объема сверхурочной работы. Усиление конкуренции, ускорение производственных процессов и рост требований к эффективности труда приводят к тому, что переработки становятся распространенной практикой в трудовых отношениях.

Различные государства, имея собственный исторический и социально-экономический опыт, вырабатывают отличающиеся подходы к ограничению сверхурочной работы и ее правовому регулированию. В этой связи особый интерес представляет сравнительный анализ моделей регулирования сверхурочной занятости на примере Японии, Соединенных Штат Америки («США») и Республики Казахстан, позволяющий выявить как эффективные правовые механизмы, так и их практические ограничения.

Как отмечает Заманова А.А., жизнедеятельность человека, включая трудовую деятельность, протекает в пределах определенных временных параметров, а правовая регламентация рабочего времени выступает одной из ключевых функций трудового законодательства государства[1682]. Вместе с тем за последние десятилетия в условиях экономического роста и высокой конкуренции сверхурочная работа во многих организациях стала устойчивым элементом корпоративной практики.

Однако распространение переработок сопровождается рядом негативных последствий, включая ухудшение физического и психоэмоционального состояния работников, снижение производительности труда, а в отдельных случаях – наступление тяжких последствий для жизни и здоровья. В связи с этим проблема сверхурочной работы приобретает не только экономическое, но и социально-правовое значение.

В этой связи государства на законодательном уровне вводят нормы, направленные на регулирование сверхурочной работы, а также формируют

[1682] Заманова А.А., «Сверхурочная работа и ее правовая регламентация» (2016) Cyberleninka <https://cyberleninka.ru/article/n/sverhurochnaya-rabota-i-ee-pravovaya-reglamentatsiya/viewer> доступ получен: 23 марта 2026 г.

механизмы контроля за их соблюдением. Международные организации, такие как Международная организация труда, подчеркивают необходимость обеспечения баланса между интересами работодателей и защитой прав работников, включая установление разумных ограничений рабочего времени и эффективных механизмов правоприменения.

Основная часть

В данной части рассмотрим особенности правового регулирования сверхурочной работы и методы ее ограничения в зарубежных государствах.

Япония

Вопрос регулирования сверхурочной работы в Японии представляет значительный интерес с точки зрения сравнительно-правового анализа, поскольку сочетает в себе формально строгие законодательные ограничения и иную сложившуюся практику.

Японская модель трудовых отношений исторически формировалась под влиянием концепции «пожизненного найма» и высокой лояльности работников к работодателю, что оказало существенное влияние на фактическую продолжительность рабочего времени. В настоящее время Япония все так же многим известна своей корпоративной культурой, которая заключается в усердной отдаче себя работе, в связи с чем работники рано приходят на работу и поздно ночью возвращаются домой.

При этом такая полная отдача работе, страх потерять работу, отсутствие отдыха и постоянный стресс на работе в совокупности привели к тому, что в Японии возникла проблема смертности на рабочем месте, связанная с работой с ненормальной продолжительностью времени.

Данный феномен в Японии позже получил термин «Кароси», что прямо в переводе с Японского означает «смерть от переработки» или «смерть от переизбытка труда».

Так, например, согласно данным, полученным Forbes, в 2011 году число самоубийств, связанных с проблемами на работе, составляло 2689 случаев, а в 2020 году – 1918 случаев. При этом исследования Forbes показывают, что значительное число летальных исходов связано с выполнением сверхурочной работы свыше 80-100 часов в месяц.[1683]

Однако важно отметить, что с правовой точки зрения регулирование рабочего времени в Японии закреплено в Законе о трудовых стандартах Японии № 49 от 7 апреля 1947 года («Labor Standards Act»). В частности, статья 32 данного закона устанавливает базовые ограничения продолжительности рабочего времени[1684]:

- работодатель не вправе устанавливать рабочее время более 40 часов в неделю (за исключением перерывов);
- продолжительность рабочего дня не должна превышать 8 часов в день.

Вместе с тем законодательство допускает привлечение работников к сверхурочной работе на основании статьи 36 Закона о трудовых стандартах Японии, которая предусматривает возможность превышения установленных ограничений рабочего времени при условии заключения письменного соглашения между работодателем и представителями работников и уведомления уполномоченного органа[1685].

[1683] Евгения Башурина, «Пожизненный наем и сверхурочные часы: что такое «кароси» и почему в Японии умирают от переработок» (2021) Forbes <https://www.forbes.ru/forbeslife/428149-pozhiznennyy-naem-i-sverhurochnye-chasy-chto-takoe-karosi-i-pochemu-v-yaponii> доступ получен: 23 марта 2026 г.

[1684] Labor Standards Act No. 49 (1947) Japanese Law Translation <Labor Standards Act - English - Japanese Law Translation> доступ получен: 23 марта 2026 г.

[1685] Ibid, статья 36

С правовой точки зрения данная конструкция отражает компромисс между защитой работников и экономическими интересами работодателей. Однако на практике именно эта норма стала одним из ключевых факторов системного распространения сверхурочной работы среди работодателей Японии. То есть законодатель, формально ограничивая переработки, одновременно создает легальный инструмент их регулярного применения, что в условиях японской корпоративной культуры фактически приводит к институционализации переработок.

Несмотря на установление количественных лимитов (45 часов в месяц и 360 часов в год)[1686], а также более жестких пределов в исключительных случаях, механизм таких соглашений позволяет работодателям гибко обходить базовые ограничения рабочего времени. Более того, сама необходимость согласования с представителями работников не всегда выступает эффективной гарантией защиты, учитывая высокий уровень корпоративной лояльности и зависимость работников от работодателя.

Практические последствия находят свое отражение в многочисленных случаях «кароси», получивших широкий общественный резонанс. Так, одним из наиболее известных примеров стало самоубийство 24-летней Мацури Такахаси. Мацури работала в отделе интернет-рекламы компании Dentsu, где переработки стали нормой и являлись частью корпоративной культуры. За восемь месяцев работы сверхурочная занятость Мацури Такахаси достигала около 105 часов ежемесячно, а средняя продолжительность рабочего дня нередко составляла до 20 часов. Так, 25 декабря 2015 года Мацури Такахаси покончила жизнь самоубийством, указав в предсмертной записке, что причиной стало профессиональное выгорание. Данный случай вызвал широкий общественный резонанс и массовые протесты в Японии.

В ответ на обострение проблемы государство стало предпринимать системные меры. Так, 7 октября 2016 года правительство Японии впервые в истории опубликовало официальный доклад, посвященный феномену «кароси», в котором была дана оценка масштабов смертности от переутомления. Согласно их исследованию, в каждой пятой компании сотрудники подвергаются риску причинения серьезного вреда здоровью, работая сверхурочно более 80 часов в месяц.[1687]

Дальнейшим шагом стало принятие в июне 2018 года Закона о реформе рабочего режима («Workstyle Reform Act»), направленного на ограничение чрезмерной занятости и усиление гарантий защиты работников. Указанная реформа закрепила обязательства работодателей по обеспечению безопасных и здоровых условий труда, включая проведение регулярных медицинских осмотров и внедрение мер по предотвращению профессионального выгорания. Кроме того, были установлены предельные показатели сверхурочной работы (45 часов в месяц и 360 часов в год) с допустимым увеличением до 100 часов в месяц и 720 часов в год в исключительных случаях, а также усилены требования к оплате сверхурочной работы и ответственность работодателей за нарушение законодательства.[1688]

Параллельно с правовым регулированием в Японии развиваются и институциональные механизмы поддержки работников. В частности, функционирует специализированная «горячая линия кароси», а также Национальный совет по защите

[1686] Ibid, статья 36

[1687] Japan's First "Karōshi" White Paper (2016) Nippon.com <https://www.nippon.com/en/features/h00151/ > доступ получен: 23 марта 2026 г.

[1688] 5. Fisher Phillips, Nan Sato, «Japan's Workstyle Reform Act – What Is the Compliance Deadline for Your Organization?» (2020) JDSUPRA <Japan's Workstyle Reform Act – What Is the Compliance Deadline for Your Organization? | Fisher Phillips - JDSupra> доступ получен: 23 марта 2026 г.

жертв переработки, осуществляющий мониторинг и учет соответствующих случаев[1689].

На уровне корпоративной практики также предпринимаются меры по снижению нагрузки на работников. Так, отдельные компании внедряют программы Work-Life Balance, включая автоматическое отключение рабочих компьютеров после окончания рабочего дня. Примером служит компания Microsoft Japan, которая реализовала эксперимент по переходу на четырехдневную рабочую неделю, что привело к росту производительности труда на 40%.

Кроме того, Правительством Японии была инициирована программа «Premium Friday», предусматривающая сокращение рабочего дня в последнюю пятницу месяца. Однако большинство работников в Японии не пользуются данной возможностью, боясь потерять свое рабочее место.

Таким образом, японский опыт демонстрирует, что даже при наличии формально развитого правового регулирования сверхурочной работы его эффективность во многом зависит от социально-культурных факторов и механизмов правоприменения. Вместе с тем следует отметить, что Япония находится в процессе последовательного совершенствования регулирования рабочего времени и снижения уровня чрезмерной трудовой нагрузки на работников.

Соединенные Штаты Америки (США)

Ни для кого не секрет, что США играют одну из ключевых ролей в мировой экономике. Стремительное развитие промышленного сектора, автомобилестроения, аэрокосмической отрасли, производства электроники, а также наличие крупнейшей в мире финансовой системы во многом стали возможны благодаря высокой трудовой интенсивности. Вместе с тем высокая конкуренция, жесткие дедлайны и ориентированность на результат обусловливают значительные нагрузки на работников, что также приводит к распространенности сверхурочной работы.

В отличие от Японии, в США еще в 1938 году был сформирован системный правовой механизм регулирования сверхурочной занятости посредством принятия Закона о справедливых условиях труда («Fair Labor Standards Act, FLSA»). Ключевое значение имеет положение, согласно которому работники, подпадающие под его действие («non-exempt employees»), имеют право на оплату сверхурочной работы за все часы, отработанные сверх 40 часов в течение рабочей недели (фиксированный период продолжительностью 168 часов – семь последовательных 24-часовых периодов), в размере не менее чем в полуторном размере от их обычной ставки[1690].

С правовой точки зрения американская модель регулирования сверхурочной работы построена не на жестком ограничении продолжительности рабочего времени, как в Японии, а на экономическом сдерживании переработок. Иными словами, законодатель не запрещает сверхурочную работу как таковую, однако делает ее финансово обременительной для работодателя, тем самым стимулируя соблюдение разумного баланса рабочего времени.

Федеральные нормы, установленные в FLSA, обеспечивают минимальный стандарт защиты работников в части продолжительность рабочего времени. Однако несмотря на то, что в США действует федеральный закон, каждый штат может адаптировать нормы FLSA под свои собственные нормы.

Так, в штате Калифорния действуют дополнительные гарантии, включая оплату сверхурочной работы не только при превышении 40 часов в неделю, но и при

[1689] Стрельников, И.А., Минакова, Е.В. и др., «Актуальные проблемы регулирования рабочего времени в Японии и России» (2021) БИЗНЕС. ОБРАЗОВАНИЕ. ПРАВО № 3(56) <https://elibrary.ru/download/elibrary_46443983_18016946.pdf> доступ получен 23 марта 2026 г.

[1690] Wages and the Fair Labor Standards Act, U.S. Department of Labor <Wages and the Fair Labor Standards Act | U.S. Department of Labor> доступ получен 23 марта 2026 г.

превышении 8 часов в день, а также повышенную оплату (double time) при превышении определенных порогов рабочего времени[1691].

Важным элементом американской модели является развитый механизм правоприменения и ответственности работодателей за нарушения законодательства о сверхурочной работе. Контроль за соблюдением FLSA осуществляет Министерство труда США (Department of Labor), а именно его подразделение Wage and Hour Division. Практика показывает, что нарушения требований об оплате сверхурочной работы влекут значительные финансовые последствия для работодателей.

Так, по данным правоприменительной практики, только за один месяц работодатели в нескольких штатах были обязаны выплатить работникам около 3,1 млн долларов США в виде компенсаций за нарушения требований FLSA[1692]. В частности, были выявлены случаи:

- невыплаты сверхурочных при работе свыше 40 часов в неделю;
- неправильной квалификации работников (например, отнесение их к независимым подрядчикам с целью избежать выплат);
- незаконного распределения чаевых и занижения заработной платы.

Например, Gate Solution Systems Inc. of Malden, MA, and joint employer Healthcare Services Group Inc. of Bensalem, PA были обязаны выплатить более 2,4 млн долларов США 341 работнику за неправильную классификацию и невыплату сверхурочных, а Domo Café – более 158 452 долларов США за нарушение правил оплаты труда и распределения чаевых[1693].

Таким образом, американская модель регулирования сверхурочной работы демонстрирует иной подход по сравнению с Японией: акцент делается не на ограничении переработок как таковых, а на создании экономических и правовых стимулов для их сокращения. Высокий уровень правоприменения и неизбежность санкций способствуют более эффективной защите прав работников и формированию дисциплины работодателей.

Республика Казахстан

В казахстанском законодательстве сверхурочная работа не осталась без внимания, она отражена в главе № 6 в ст. 77 и ст. 78 Трудового кодекса РК. Согласно п. 1 ст. 77 ТК РК «Привлечение к сверхурочным работам допускается только с письменного согласия работника,…», в этой же статье в п. 2 предусмотрены случаи, при которых допускается привлечение работников к сверхурочной работе без его письменного согласия, а именно при:

В казахстанском законодательстве сверхурочная работа не осталась без внимания и регулируется положениями главы 6 Трудового Кодекса Республики Казахстан, в частности статьями 77 и 78.

Так, согласно пункту 1 статьи 77 Трудового Кодекса Республики Казахстан, привлечение к сверхурочным работам допускается только с письменного согласия работника[1694]. При этом пунктом 2 указанной статьи предусмотрены исключительные случаи, при которых допускается привлечение работников к сверхурочной работе без их согласия, а именно при:

[1691] California and Federal Overtime Law, Hunter Pyle Law, PC <Overtime Laws in California - Hunter Pyle Law> доступ получен 23 марта 2026 г.

[1692] Carol Warner, «5 Latest Overtime Violation Cases: DOL Penalties Explained» (2024) HRMorning <5 Latest Overtime Violation Cases: DOL Penalties Explained> доступ получен 23 марта 2026 г.

[1693] Ibid

[1694] Трудовой Кодекс Республики Казахстан № 414-V ЗРК, (2015) Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000414> доступ получен: 23 марта 2026 г.

- выполнении работ, необходимых для обороны страны, введения чрезвычайного или военного положения, предотвращения чрезвычайных ситуаций, стихийных бедствий или производственных аварий, а также устранения их последствий;
- устранении обстоятельств, нарушающих нормальное функционирование систем жизнеобеспечения (водо-, газо-, теплоснабжения и др.);
- необходимости продолжения работы при неявке сменяющего работника, если работа не допускает перерыва;
- оказании экстренной и неотложной помощи гражданам, жизни и здоровью которых угрожает опасность.[1695]

Дополнительно следует отметить, что Республика Казахстан на сегодняшний день все еще не ратифицировала ряд ключевых конвенций Международной организации труда, направленных на регулирование рабочего времени, включая Конвенцию № 1 от 1919 г. «О рабочем времени в промышленности», Конвенцию № 14 от 1921 г. «О еженедельном отдыхе», Конвенцию № 30 от 1930 г., Конвенцию № 47 от 1935 г. «О сорокачасовой рабочей неделе», а также Конвенцию № 106 от 1957 г. Данные международные акты закрепляют базовые стандарты ограничения рабочего времени и отдыха работников и подлежат учету при формировании национального законодательства[1696], отсутствие ратификации со стороны РК данных международных актов является также проблемой, поскольку несмотря на наличие нормативного регулирования в национальном законодательстве, сверхурочная работа остается актуальной проблемой в трудовых отношениях Республики Казахстан.

На практике работодатели нередко требуют выполнения значительного объема работы в сжатые сроки, что приводит к систематическим переработкам и негативно сказывается на физическом и психологическом состоянии работников, а также снижает общую производительность труда.

Согласно положениям Трудового Кодекса Республики Казахстан, сверхурочная работа подлежит обязательной повышенной оплате. В частности, при повременной оплате труда работа в сверхурочное время оплачивается не ниже, чем в полуторном размере от дневной (часовой) ставки, а при сдельной оплате труда доплата составляет не менее пятидесяти процентов от установленной ставки[1697]. Однако на практике данные гарантии не всегда реализуются, поскольку работники зачастую соглашаются на неоплачиваемые переработки из-за страха потери работы или карьерных ограничений.

Особенно тенденция переработок в Казахстане вошла в норму в крупных иностранных компаниях по типу Большой четверки (Big4) и других крупных мировых организациях, в которых переработки являются частью корпоративной культуры. Работники в погоне за карьерными достижениями, забывая о своем здоровье и личной жизни, могут сутками находиться на работе, не получая при этом никаких материальных выплат. Однако необходимо помнить ранее упомянутый негативный опыт Японии и последствия, с которыми она столкнулась в связи с фанатизмом к работе и страхом ее потери.

Истоками проблемы сверхурочной работы в Казахстане служит отсутствие стандартов учета рабочего времени на законодательном уровне. Отсутствие цифровизации систем учета рабочего времени затрудняет контроль за переработками и выявление нарушений, в связи с чем работники оказываются в уязвимом положении.

[1695] Ibid

[1696] Официальные названия КОНВЕНЦИЙ, принятых Международной конференцией труда (2014) <file:///Users/administrator/Downloads/wcms_221407.pdf> доступ получен: 23 марта 2026 г.

[1697] ibid (13), статья 108

Дополнительным фактором выступает низкий уровень правовой грамотности граждан, из-за чего зачастую работники не могут защитить себя в случае нарушения их прав. При этом многие авторы верно отмечают, что знание своих прав далеко не всегда гарантирует возможность их защитить в случае нарушения[1698].

При этом следует отметить, что в Республике Казахстан сохраняется правовой механизм защиты трудовых прав работников посредством обращения в государственную инспекцию труда, которая на основании жалобы работника и представленных доказательств вправе инициировать проверку работодателя и при установлении фактов нарушения требований трудового законодательства привлечь его к административной ответственности в установленном порядке. Вместе с тем эффективность данного механизма на практике ограничена, в том числе вследствие пассивности работников, сложности сбора доказательственной базы, а также опасений негативных последствий со стороны работодателя.

В этой связи представляется необходимым совершенствование механизмов государственного регулирования. В частности, целесообразно внедрение на законодательном уровне обязательных автоматизированных систем учета рабочего времени, а также усиление контрольных функций государственной инспекции труда в части мониторинга соблюдения норм о сверхурочной работе. Как справедливо отмечает Хасенов М.Х., государственное регулирование выступает главным инструментом установления и обеспечения общеобязательных правил поведения, что обуславливает необходимость усиления надзора за соблюдением трудового законодательства[1699].

Таким образом, несмотря на формальное соответствие международным стандартам, система регулирования сверхурочной работы в Казахстане требует дальнейшего совершенствования, в том числе в части правоприменения и контроля.

Заключение

Проведенное исследование показало, что правовое регулирование сверхурочной работы является одним из ключевых элементов трудового законодательства, направленных на обеспечение баланса между экономическими интересами работодателя и защитой прав работников. Сверхурочная работа по своей природе связана с повышенной нагрузкой на работника и, как следствие, требует установления эффективных механизмов ограничения и компенсации.

Сравнительный анализ регулирования сверхурочной работы в Японии, США и Республике Казахстан позволяет сделать вывод о наличии различных моделей правового воздействия на переработки.

Так, японская модель характеризуется сочетанием формальных ограничений и фактической институционализации переработок, обусловленной социально-культурными факторами, что привело к возникновению феномена «кароси».

В свою очередь, в США применяется экономический подход, при котором сверхурочная работа не запрещается, но становится финансово невыгодной для работодателя за счет обязательной повышенной оплаты и строгого правоприменения.

В Республике Казахстан законодательство в целом соответствует международным стандартам, включая положения конвенций Международной организации труда, и предусматривает как ограничения сверхурочной работы, так и обязательную повышенную оплату. Однако, как показывает практика, основная

[1698] Баймухан, А.К., Жуматова, Г.М., Жумаканова, У.С., «ПРОБЛЕМЫ НАРУШЕНИЙ ПРАВ РАБОТНИКОВ В ТРУДОВОЙ СФЕРЕ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН» (2020) Актуальные научные исследования в современном мире №10-7(66) <https://elibrary.ru/download/elibrary_44379650_69855935.pdf> доступ получен: 23 марта 2026 г.

[1699] Хасенов М.Х., «Трудовое право Республики Казахстан. Том 1. Общая часть» (2023) Smart University Press

проблема заключается не в отсутствии правового регулирования, а в недостаточной эффективности механизмов его реализации, включая контроль, учет рабочего времени и уровень правовой защищенности работников.

Таким образом, можно сделать вывод, что наличие формально закрепленных норм само по себе не гарантирует их эффективного применения. Результативность регулирования сверхурочной работы во многом зависит от уровня правоприменения, институционального контроля и социально-культурных условий.

Список литературы:

1. Трудовой Кодекс Республики Казахстан № 414-V ЗРК, (2015) Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000414> доступ получен: 23 марта 2026 г.
2. Баймухан, А.К., Жуматова, Г.М., Жумаканова, У.С., «ПРОБЛЕМЫ НАРУШЕНИЙ ПРАВ РАБОТНИКОВ В ТРУДОВОЙ СФЕРЕ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН» (2020) Актуальные научные исследования в современном мире № 10-7(66) <https://elibrary.ru/download/elibrary_44379650_69855935.pdf> доступ получен: 23 марта 2026 г.
3. Евгения Башурина, «Пожизненный наем и сверхурочные часы: что такое «кароси» и почему в Японии умирают от переработок» (2021) Forbes <https://www.forbes.ru/forbeslife/428149-pozhiznennyy-naem-i-sverhurochnye-chasy-chto-takoe-karosi-i-pochemu-v-yaponii> доступ получен: 23 марта 2026 г.
4. Заманова А.А., «Сверхурочная работа и ее правовая регламентация» (2016) Cyberleninka <https://cyberleninka.ru/article/n/sverhurochnaya-rabota-i-ee-pravovaya-reglamentatsiya/viewer> доступ получен: 23 марта 2026 г.
5. Официальные названия КОНВЕНЦИЙ, принятых Международной конференцией труда (2014) <file:///Users/administrator/Downloads/wcms_221407.pdf> доступ получен: 23 марта 2026 г.
6. Стрельников, И.А., Минакова, Е.В. и др., «Актуальные проблемы регулирования рабочего времени в Японии и России» (2021) БИЗНЕС. ОБРАЗОВАНИЕ. ПРАВО № 3(56) <https://elibrary.ru/download/elibrary_46443983_18016946.pdf> доступ получен: 23 марта 2026 г.
7. Хасенов М.Х., «Трудовое право Республики Казахстан. Том 1. Общая часть» (2023) Smart University Press
8. Labor Standards Act No. 49 (1947) Japanese Law Translation <Labor Standards Act - English - Japanese Law Translation> доступ получен: 23 марта 2026 г.
9. California and Federal Overtime Law, Hunter Pyle Law, PC <Overtime Laws in California - Hunter Pyle Law> доступ получен: 23 марта 2026 г.
10. Carol Warner, «5 Latest Overtime Violation Cases: DOL Penalties Explained» (2024) HRMorning <5 Latest Overtime Violation Cases: DOL Penalties Explained> доступ получен 23 марта 2026 г.
11. Fisher Phillips, Nan Sato, «Japan's Workstyle Reform Act – What Is the Compliance Deadline for Your Organization?» (2020) JDSUPRA <Japan's Workstyle Reform Act – What Is the Compliance Deadline for Your Organization? | Fisher Phillips - JDSupra> доступ получен: 23 марта 2026 г.
12. Japan's First "Karōshi" White Paper (2016) Nippon.com < https://www.nippon.com/en/features/h00151/ > доступ получен: 23 марта 2026 г.
13. Wages and the Fair Labor Standards Act, U.S. Department of Labor <Wages and the Fair Labor Standards Act | U.S. Department of Labor> доступ получен: 23 марта 2026 г.

Нұрлыбек Ернұр Нұрлыбекұлы
Астана халықаралық университеті
Құқық жоғары мектебінің 2 курс студенті
Астана, Қазақстан
e-mail: erkosai5@icloud.com

ЕҢБЕК ЖАҒДАЙЛАРЫН ӨЗГЕРТУДІ ҚҰҚЫҚТЫҚ РЕТТЕУДІҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Аңдатпа: Ғылыми мақалада Қазақстан Республикасының еңбек заңнамасына сәйкес еңбек жағдайларын тараптардың келісімі арқылы өзгерту институты, тараптардың шарт еркіндігін сақтай отырып, жұмыскердің еңбек құқықтарын бұзудан қорғауға бағытталған императивті кепілдіктермен толықтырылған. Қазақстан Республикасының Еңбек Кодексінде көзделген ережелер тараптардың ерікті келісіміне негізделген тәртіпті бекітіп, бұл процесте құқықтар мен заңды мүдделердің теңдігін қамтамасыз етуге ерекше мән берген. Нормативтік тұрғыдан реттеу рәсімдері еңбек шарттарын өзгерту кезінде тек формалдық рәсімді ғана емес, сонымен бірге, еңбек қатынастарының тұрақтылығын үйлестіретін заманауи құқықтық құрал қалыптастыруға бағытталғандығын көрсетеді. Нәтижесінде ғылыми мақаланың мақсаты ретінде, жұмыс берушінің тарапынан бір жақты еңбек жағдайларын өзгертуге қатысты орын алатын тәжірибелік мәселелерді заңнамалық тұрғыдан реттеу жолдары қарастырылған.

Түйінді сөздер: еңбек шарты, еңбек шартын тоқтату, жұмыскер, жұмыс беруші, еңбек қатынастары, еңбек дауы, еңбек заңнамасы, құқық қолдану тәжірибесі, құқықтық реттеу.

Аннотация: В научной статье институт изменения условий труда по соглашению сторон в соответствии с трудовым законодательством Республики Казахстан дополнен императивными гарантиями, направленными на защиту сторон от нарушения трудовых прав работника с сохранением свободы договора. Положения, предусмотренные Трудовым кодексом Республики Казахстан, закрепили порядок, основанный на добровольном соглашении сторон, придавая особое значение обеспечению равенства прав и законных интересов в этом процессе. Нормативно-регламентирующие процедуры свидетельствуют о том, что при изменении трудовых договоров ориентированы на формирование современного правового инструмента, сочетающего не только формальную процедуру, но и стабильность трудовых отношений. В результате в качестве цели научной статьи рассматриваются пути законодательного урегулирования практических вопросов, возникающих в отношении одностороннего изменения условий труда со стороны работодателя.

Ключевые слова: трудовой договор, прекращение трудового договора, работник, работодатель, трудовые отношения, трудовой спор, трудовое законодательство, правоприменительная практика, правовое регулирование.

Annotation: In the scientific article, the institute for changing working conditions by agreement of the parties in accordance with the labor legislation of the Republic of Kazakhstan is supplemented with mandatory guarantees aimed at protecting the parties from violations of the employee's labor rights while maintaining freedom of contract. The provisions stipulated by the Labor Code of the Republic of Kazakhstan have established an order based on a voluntary agreement between the parties, emphasizing the importance of ensuring equality of rights and legitimate interests in this process. Regulatory procedures indicate that when changing employment contracts, they are focused on the formation of a modern legal instrument that combines not only a formal procedure, but also the stability of

labor relations. As a result, the aim of the scientific article is to consider ways of legislative regulation of practical issues arising in relation to unilateral changes in working conditions on the part of the employer.

Keywords: employment contract, termination of an employment contract, employee, employer, labor relations, labor dispute, labor legislation, law enforcement practice, legal regulation.

Кіріспе

Қазақстан Республикасының Еңбек кодексінде еңбек қатынастарын жұмыс берушінің тарапынан тоқтату негіздері мен тәртібі айқын көрсетілген. Еңбек заңнамасында еңбек шартының мерзімі бекітілген және соған байланысты еңбек шартының тоқтатылуы реттелген, әрі өзіндік жеке құқық саласы бойынша құқықтық ерекшеліктерге ие. Аталмыш құқықтық қатынастың туындауына себеп болатын еңбек шарттары белгілі бір мерзімге немесе нақты бір жұмыстың аяқталуына, сонымен қатар уақытша белгілі бір жұмыскердің орнына ол жұмыскер қайтадан жұмысқа шыққанға дейінгі мерзімге жасалады.

Қазіргі кезеңде еңбек қатынастарын құқықтық реттеу мәселесі Қазақстан Республикасының әлеуметтік және экономикалық дамуының өзекті бағыттарының бірі болып табылады. Еңбек саласындағы тұрақтылық пен әділеттілік — азаматтардың әлеуметтік әл-ауқаты мен елдегі қоғамдық келісімнің маңызды кепілі. Алайда тәжірибеде еңбек шарттарының тоқтатылуына байланысты, әсіресе жұмыс берушінің тарапынан еңбек шартын біржақты тоқтатудың түрлері көп болғандықтан, туындайтын даулар саны жыл сайын артып келеді. Сондықтан еңбек қатынастары тараптары үшін құқықтық тұрғыдан жетілген дауды реттеу қажет.

Негізгі бөлім

ҚР еңбек құқығында еңбек қатынасын тоқтатудың құқықтық негіздері құқық қолдану тәжірибесі үшін нақты реттеліп, нормативтік деңгейде тараптардың құқықтары мен мүдделерінің қорғалу механизмі қалыптасқан. Алайда, еңбек қатынасын біржақты жұмыс берушінің тарапынан тоқтату ерекше маңызға ие және қосымша зерттеуді талап етеді. Себебі, аталмыш негіздер көп жағдайларда обьективтік себептер мен өзге де заңдық маңызы бар фактілерге байланысты және сонын әсерінен еңбек дауларының туындауына себеп болып табылады. Осы екі негіздердің құқықтық табиғатын терең түсіну-еңбек саласында туындаған еңбек дауларын алдын алу, заңнама ережелерін тәжірибелік негізде дұрыс қолдану және құқықтық бірізділік пен тұрақтылықты қамтамасыз ету үшін аса маңызды.

Еңбек қатынасын екі тараптың да мүдделерін қамтып, олардың құқықтары қорғалған және дауды мейлінше болдырмайтын сипатта тоқтату үшін нормалардағы ережелердің дұрыстығына, құқық қолдану тәжірибесіндегі оның дұрыс қолданулығына баса назар аударған жөн[1700].

Негізінен еңбек қатынасын тоқтату ұғымы мен оның негіздерін дұрыс түсіну үшін еңбек шартының да құқықтық мәнін, оның өзге құқық салаларындағы шарттардан айырмашылығын ұғынуымыз керек. Еңбек шарты-жұмыс беруші мен жұмыскер арасындағы құқықтық қатынастарды қамтамасыз ететін маңызды құрал болып табылады. Еңбек шарты тараптар арасындағы құқықтық тұрақтылықты қамтамасыз етеді, жұмыскердің құқықтарын қорғайды, еңбек қатынастарының ашықтығын

[1700] Нургалиева Е. Н. Механизм правового регулирования трудовых отношений в условиях многоукладной экономики. дис.д.ю.н. Алматы, 1993. URL: [Электронды ресурс] https://www.dissercat.com/content/mekhanizm-pravovogo-regulirovaniya-trudovykh-otnoshenii-v-usloviyakh-mnogoukladnoi-ekonomiki?utm_source=chatgpt.com (жүгінген күн: 27.02.2026 ж.).

қамтамасыз етеді, тараптар арасындағы құқықтар мен міндеттерді белгілейді, олардың мүдделерін заңнамалық тұрғыдан қамтамасыз етеді.

Еңбек шартының өзге де шарттардан ерекшелігі- еңбек қатынастарының еңбек құқық нормаларымен реттелуі және жұмыскердің өз қабілетіне сәйкес арнайы бір еңбек функциясын жасап жұмыс берушінің ішкі еңбек тәртібіне сай орындауы. Ал азаматтық-құқықтық шарттарда екі тарап толық қанды тәуелсіз және қызметтің немесе жұмыстың нәтижесіне ғана жауапты болып табылады.

Петров А.Я. тұжырымдауы бойынша, «еңбек шарты-жұмыс беруші мен жұмыскер арасындағы, жұмыс берушінің жұмыскерге арнайы бір еңбек міндеттерін атқаруға керекті жағдайларды қамтамасыз етіп, заңнамамен, еңбек шартымен, ұжымдық шартпен, келісімдермен, ішкі еңбек тәртібімен белгіленген реттерде жалақыны уақытымен және толық көлемде төлеуге, ал жұмыскердің жеке өзі еңбек міндеттерін атқарып, жұмыс берушінің ішкі еңбек тәртіп ережелерін сақтауға міндеттейтін жазбаша келісім»[1701].

Еңбек қатынасы еңбек құқығының бастапқы бастауы әрі оның одан әрі әлеуметтік, құқықтық, экономикалық сипатта өрбитін баспалдағы болып табылады. Петров. А.Я пайымдауынша, «еңбек қатынастары- жұмыскер мен жұмыс берушінің арасындағы екеу-ара келісімге негізделген, жұмыскердің өзіне жүктелген еңбек міндеттерін (лауазымдық міндеттерді, белгілі бір мамандықта, кәсіптік біліктілігіне сай немесе жұмыскерге артылған нақты жұмыс түрін) дара өзі орындауына қатысты туындайтын қатынастар»[1702].

Ал еңбек шарты-еңбек қатынастарының пайда болуының, өзгеруінің, тоқтатылуының заңды негізі болып табылады. Ғылыми материалдарға сәйкес, еңбек қатынасы еңбек шарты бойынша және заңнамалық негіздер бойынша тоқтатылуға жатады. Аталмыш аспектілерден, еңбек құқығының қағидаларынан еңбек қатынасы мен еңбек шарты бір-бірінен тәуелсіз өмір сүре алмайтындығын аңғаруымызға болады. ҚР ЕК 49-б сәйкес, еңбек шарты тоқтатылған кезде, екі тарап арасындағы еңбек қатынастары да тиісінше аяқталады[1703].

Еңбек қатынастарының тоқтатылуы еңбек шартының да қолданысын аяқталғанын білдіреді, нәтижесінде «еңбек шарты тоқтатылған жағдайда жұмыскер мен жұмыс беруші арасындағы еңбек қатынастары да тоқтатылады»[1704].

ҚР еңбек қатынасын тоқтату тікелей ЕК ережелерімен реттеледі. Еңбек қатынасын тоқтатуға құқықтық түсінік беретін болсақ, еңбек шартында немесе өзге де нормативтік-құқықтық актілерде көзделген негіздердің туындауына байланысты жұмыскер мен жұмыс беруші арасындағы өзара құқықтар мен міндеттемелердің тоқтатылуын білдіретін, еңбек құқығы нормаларымен реттелетін заңдық сипаты бар құқықтық іс-әрекет. Еңбек қатынасының тоқтатуы еңбек шартының да күшін жоятынын білдіреді.

ҚР ЕК 49-бабының тиісті тармақтарында тараптар арасындағы еңбек қатынасын тоқтатудың 9 негіздері бекітілген.

Біріншіден, тараптардың келісімі бойынша еңбек шартын бұзу, екіншіден, еңбек шартының мерзімінің аяқталуына байланысты еңбек қатынасын тоқтату, үшіншіден,

---

[1701] Петров А. Я. Трудовой договор : учеб.-практич. пособие для магистров. — М. : Издательство Юрайт, 2015. — 377 с. — URL: https://urss.ru/PDF/add_ru/192027-1.pdf (жүгінген күн: 01.03.2026 ж.).

[1702]Гусов К. Н., Толкунова В. Н. Трудовой договор : учебно-практическое пособие. М. : ИНФРА-М, 2013. URL: https://urss.ru/PDF/add_ru/192027-1.pdf (жүгінген күн: 02.03.2026 ж.).

[1703] Қазақстан Республикасының Еңбек кодексі Қазақстан Республикасының Кодексі 2015 жылғы 23 қарашадағы № 414-V ҚРЗ. URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1500000414 (жүгінген күн: 02.03.2026 ж.).

[1704] Тұрлыханқызы Қ. Жұмыс берушінің бастамасы бойынша жұмыскердің кінәлі әрекеттеріне байланысты еңбек шартын бұзу: философия докторы (PhD) дәрежесін алу үшін дайындалған диссертация. Павлодар, 2024. URL: nauka.kz/upload/files/turlyhankyzy-k-phd-s-sp.docx (жүгінген күні: 18.12.2025).

жұмыс берушінің бастамасы бойынша еңбек шартын бұзу арқылы еңбек қатынасын тоқтату, төртіншіден, ұйымдағы жұмыскердің басқа жұмыс берушіге ауысуына байланысты, бесіншіден, жұмыскердің бастамасы бойынша еңбек шартын бұзу, алтыншыдан, тараптардың еркінен тыс мән-жайларына қатысты еңбек қатынасын тоқтату, жетіншіден, жұмыскердің еңбек қатынасын әрімен қарай жалғастырудан бас тартуы, сегізіншіден, ҚР нормативтік-құқықтық актілерінде көзделген реттерден басқа, жұмыскердің сайланатын қызметке ауысуы немесе еңбек қатынасын атқарудың мүмкіндігі жойылатын лауазымға тағайындалуы, тоғызыншы, тараптар арасында еңбек шартын жасасу тәртібі мен талаптарының бұзылуы салдарларынан еңбек қатынасы, ұлттық заңнамаға сәйкес тоқтатылуға жатады. Аталмыш негіздердің әрқайсысының құқық қолдану аясындағы атқаратын рөлі мен орны ерекше болып табылады.

Әрбір тарап шарт жасасқан кезде мерзіміне назар аудару керектігі және еңбек шартындағы мерзім өз бетінше құқықтық салдар туындатуға қабілетті екені ҚР ЕК нормаларына практикалық түсіндірме» атты ғылыми еңбегінде арнайы бір мерзімге жасалған еңбек шарты дәл сол мерзімнің өтуіне байланысты автоматты түрде тоқтатылынуын баяндайды. Сонымен қатар, автордың мәлімдеуінше мерзімді еңбек шарты нақты күнмен шартта белгіленіп жасалады және тиісінше еңбек шартының мерзіміне байланысты тоқтатылған күні жұмыскердің жұмыстан шығуын білдіреді, яғни еңбек қатынасын нақты тоқтаған күні[1705].

Еңбек жағдайларын тараптардың өзара келісімімен өзгерту еңбек қатынастарындағы икемділікті қамтамасыз ететін құқықтық құрал болуымен қатар, нақты құқықтық салдар туындатады. Ең алдымен, еңбек шартындағы еңбек жағдайларын өзгерту туралы жасалған қосымша келісім тараптар үшін міндетті құқықтық сипатқа ие болады. Қосымша келісім жасалған сәттен бастап бастапқы еңбек шартының мазмұны жаңартылып, оның тиісті бөлігі жаңа құжатта күшіне енеді. Осылайша, жұмыскер мен жұмыс берушінің құқықтары мен міндеттері өзгерген еңбек жағдайлары шеңберінде жүзеге асырылады.

Еңбек жағдайларын өзгерту туралы келісім, ол еңбек құқығындағы екі тараптың еркімен жасалатын құқықтық акт ретінде саналады. Ол өз мазмұны бойынша бұрынғы еңбек шартында көзделген жағдайларды нақтылап, толықтыратын немесе өзгерістер енгізетін қосымша келісім ретінде рәсімделеді. Бұл құжат еңбек шартынан бөлек жеке құқықтық мәнге ие емес, яғни, өз алдына дербес түрде әрекет етпейді, керісінше, ол онымен тығыз байланыса отырып еңбек шартының құқықтық жалғасы ретінде қарастырылады. Сол себептен де еңбек жағдайларын өзгерту туралы келісімнің заңдық күші еңбек шартымен тең дәрежеде танылады. Яғни, еңбек жағдайларын өзгерту туралы келісім еңбек қатынастарының сабақтастығын сақтай отырып, оның мазмұнын заң аясында қайта бейімдеуді білдіреді.

С.М. Айтқожин атап өткендей, шарт еркіндігі қағидаты еңбек заңнамасында азаматтық құқық саласындағыдай абсолютты сипатта болмайды. Еңбек саласында бұл еркіндік заңмен белгіленген ең төменгі стандарттармен шектеледі[1706].

Демек, тараптардың ерікті келісімімен қабылданатын кез келген келісім, заңнамада көзделген жұмыскердің құқықтары мен кепілдіктерінен төмен болмауы тиіс. Яғни, тараптар өзара келісіп, жалақыны заңмен бекітілген ең төменгі мөлшерден аз етіп белгілеуге немесе жұмыскердің жыл сайынғы ақылы демалыс құқығынан бас тартуына жол бере алмайды. Мұндай мазмұндағы «еркіндік» еңбек заңнамасына қайшы болғандықтан, жарамсыз деп танылады.

[1705] Кусаинов А., Нургалиева Е. Н. Комментарий к Трудовому кодексу Республики Казахстан. — Алматы: Жеті жарғы, 2016. — 1064 с.

[1706] Айтқожин С.М. Қазақстан Республикасының еңбек құқығы. Оқу құралы. – Алматы: Фолиант, 2020. – 155 б.

Шарт еркіндігі тараптардың құқықтарын жүзеге асырумен қатар, еңбек шартын өзгертудің мәнін тереңірек түсінуге мүмкіндік беретін құқықтық құрал болып табылады. Осы орайда, тараптардың келісімімен еңбек шартын өзгерту негізін шарттық еркіндік пен өзара жауапкершілік ретінде сипаттайды[1707].

Бұл тұжырым еңбек қатынастарының құқықтық табиғатында орын алатын ішкі қарама-қайшылықты дәл бейнелейді. Нақтырақ айтқанда, бір жағынан, жұмыс берушіге өндірістік немесе ұйымдастырушылық себептерге байланысты еңбек жағдайларын өзгертуге белгілі бір икемділік қажет болса, екінші жағынан, жұмыскердің еңбек, әлеуметтік құқықтары тек келісіммен шектелмейтін, заңмен тікелей қорғалатын негізгі құқықтар қатарына жатады. Сондықтан еңбек шартын өзгерту кезінде осы екі мүдденің арасындағы теңгерімді сақтау құқықтық реттеудің басты талабы болып табылады.

ҚР ЕК 33-бабының 2-тармағында еңбек шартына өзгерістер енгізудің тәртібі нақты белгіленген. Аталған нормаға сәйкес, еңбек шартындағы кез келген өзгеріс тек жұмыскер мен жұмыс берушінің өзара еркін келісімі негізінде жазбаша түрде рәсімделуі қажет. Мұндай талап еңбек қатынастары тараптарының теңдігін сақтау мен олардың құқықтарын қорғауға бағытталған. Яғни, осы мәселеге қатысты Malmberg J., егер жұмыс беруші келісілген шарттарды бұзатын болса, айыппұл санкциялары қолданылуы тиіс деп санайды, яғни оны жұмыскерлер құқығын қорғаудың маңызды құқықтық механизмі ретінде көрсетеді[1708].

Еңбек жағдайларын тараптардың келісімі негізінде өзгерту мәселесіне ерекше назар аударады. Ғалымдар еңбек шартын өзгерту рәсімінде тараптардың тең құқылы ерік білдіру қағидатының маңызын айқындай отырып, бұл қағидаттың сақталуы жұмыскердің құқықтарын қорғаудың басты шарты екенін көрсетеді. Зерттеушілердің пайымдауынша, тараптардың өзара еркін келісім арқылы ғана еңбек шартын өзгерте алуы, бұл еңбек қатынастарындағы заңдылықты қамтамасыз етеді[1709].

Демек, бұл көзқарас тараптар арасындағы шарттық міндеттемелердің орындалуын үшін жауаптылық тетіктердің маңызын айқындайды.

Егер де, тараптар арасында жасалған қосымша келісім негізінде жұмыскердің еңбек функциясы өзгертілсе, бұл еңбек құқығы тұрғысынан жұмыскерді басқа жұмысқа ауыстыру ретінде қарастырылады. Алайда, мұндай өзгерістер еңбек қатынастарын тоқтатуға негіз болып табылмайды. Мұндай құқықтық механизм, жұмыскерлердің құқықтарының тұрақтылығын және еңбек шарттарының болжамдылығын қамтамасыз етеді. Дегенмен де мұндағы ескеретін жайт, жұмыс беруші ұсынған жаңа лауазым жұмыскердің біліктілігіне және денсаулығына сәйкес келуі тиіс. Егер бұл талаптар сақталмай, өзгеріс жұмыскердің келісімімен рәсімделсе де, оның заңдылығы күмән тудырады. Мұндай жағдайда келісім заң талаптарына қайшы келіп жарамсыз деп танылуы ықтимал.

Сонымен, еңбек жағдайларын тараптардың келісімі арқылы өзгерту институты, тараптардың шарт еркіндігін сақтай отырып, жұмыскердің еңбек құқықтарын бұзудан қорғауға бағытталған императивті кепілдіктермен толықтырылған. Демек, ҚР ЕК-де көзделген ережелер тараптардың ерікті келісіміне негізделген тәртіпті бекітіп, бұл процесте құқықтар мен заңды мүдделердің теңдігін қамтамасыз етуге ерекше мән

[1707] Орловский Ю.П. Трудовой договор: проблемы теории и практики. Учебник. – Москва: НОРМА, 2021. – 146 б.

[1708] J Malmberg, ‘The Collective Agreement as an Instrument for Regulation of Wages and Employment Conditions’ (2009) 43 Scandinavian Studies in Law 189–201. URL:https://www.researchgate.net/publication/265032464_The_Collective_Agreement_as_an_Instrument_for_Regulation_of_Wages_and_Employment_Conditions (жүгінген күні: 08.02.2026).

[1709] Галиакбарова Г.Г., Нургалиева Е.Н., Правовое регулирование индивидуальных трудовых споров: теория и практика их разрешения. Астана, 2019. – 142 б. URL: https://kazneb.kz/ru/bookView/view?brId=1644778&simple=true# жүгінген күні: (19.02.2026).

берген. Нормативтік тұрғыдан реттеу рәсімдері еңбек шарттарын өзгерту кезінде тек формалдық рәсімді ғана емес, сонымен бірге, еңбек қатынастарының тұрақтылығын үйлестіретін заманауи құқықтық құрал қалыптастыруға бағытталғандығын көрсетеді.

Қорытынды

Қазақстан Республикасының еңбек заңнамасындағы еңбек қатынастарын тоқтатудың құқықтық негіздері — еңбек шартының мерзімінің аяқталуымен тікелей байланысты. Жұмыс берушінің бастамасымен еңбек жағдайларын біржақты өзгерту тәртібі заңда көрсетілген жағдайларда ғана жүзеге асырылуы қажет. Бұл ретте еңбек шартын өзгерту тәртібінің заңнамалық тұрғыдан айқын реттелуі, еңбек саласындағы сенімділік пен тұрақтылықтың маңызды кепілі болып қала беретіндігін, және еңбек құқығын одан әрі жетілдіру жұмысы тек құқықтық мәселе ғана емес, сонымен қатар, қоғамдағы әділеттілікті қамтамасыз етудегі маңызды қадам екендігін білуіміз керек. Осы аталған мәселелер заң тұрғысынан сақталатын болса, онда жұмыскердің еңбек құқықтарының толыққанды қорғалуын қамтамасыз етіп, еңбек қатынастарының тұрақтылығына кепілдік берілетінін атап өтеміз.

Пайдаланылған әдебиеттер:

1. Нургалиева Е. Н. Механизм правового регулирования трудовых отношений в условиях многоукладной экономики. дис.д.ю.н. Алматы, 1993. URL: [Электронды ресурс] https://www.dissercat.com/content/mekhanizm-pravovogo-regulirovaniya-trudovykh-otnoshenii-v-usloviyakh-mnogoukladnoi-ekonomiki?utm_source=chatgpt.com (жүгінген күн: 27.02.2026 ж.).

2. Петров А. Я. Трудовой договор : учеб.-практич. пособие для магистров. — М. : Издательство Юрайт, 2015. — 377 с. — URL: https://urss.ru/PDF/add_ru/192027-1.pdf (жүгінген күн: 01.03.2026 ж.).

3. Гусов К. Н., Толкунова В. Н. Трудовой договор : учебно-практическое пособие. М. : ИНФРА-М, 2013. URL: https://urss.ru/PDF/add_ru/192027-1.pdf (жүгінген күн: 02.03.2026 ж.).

4. Қазақстан Республикасының Еңбек кодексі Қазақстан Республикасының Кодексі 2015 жылғы 23 қарашадағы № 414-V ҚРЗ. URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1500000414 (жүгінген күн: 02.03.2026 ж.).

5. Тұрлыханқызы Қ. Жұмыс берушінің бастамасы бойынша жұмыскердің кінәлі әрекеттеріне байланысты еңбек шартын бұзу: философия докторы (PhD) дәрежесін алу үшін дайындалған диссертация. Павлодар, 2024. URL: nauka.kz/upload/files/turlyhankyzy-k-phd-s-sp.docx (жүгінген күні: 18.12.2025).

6. Кусаинов А., Нургалиева Е. Н. Комментарий к Трудовому кодексу Республики Казахстан. — Алматы : Жеті жарғы, 2016. — 1064 с.

7. Айтқожин С.М. Қазақстан Республикасының еңбек құқығы. Оқу құралы. – Алматы: Фолиант, 2020. – 155 б.

8. Орловский Ю.П. Трудовой договор: проблемы теории и практики. Учебник. – Москва: НОРМА, 2021. – 146 б.

9. J Malmberg, ‘The Collective Agreement as an Instrument for Regulation of Wages and Employment Conditions’ (2009) 43 Scandinavian Studies in Law 189–201. URL:https://www.researchgate.net/publication/265032464_The_Collective_Agreement_as_an_Instrument_for_Regulation_of_Wages_and_Employment_Conditions (жүгінген күні: 08.02.2026).

10. Галиакбарова Г.Г., Нургалиева Е.Н., Правовое регулирование индивидуальных трудовых споров: теория и практика их разрешения. Астана, 2019. – 142 б. URL: https://kazneb.kz/ru/bookView/view?brId=1644778&simple=true# жүгінген күні: (19.02.2026).

Пархомчик Антон Русланович
аспирант, Кафедра Трудового права
УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева
г. Екатеринбург, Россия
e-mail: parxomchik2000@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КИБЕРСПОРТА В РОССИИ И КАЗАХСТАНЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация: В статье проводится комплексный сравнительный анализ правового регулирования киберспорта в Российской Федерации и Республике Казахстан. Рассматривается эволюция нормативной базы, институциональные особенности, правовой статус спортсменов, подходы к физической подготовке и стратегические документы развития. Выявлены ключевые различия: российская модель опирается на эволюционное развитие спортивного законодательства с высокими требованиями к физической подготовке, тогда как казахстанская делает ставку на межведомственное стратегическое планирование и международную интеграцию. Особое внимание уделено общим проблемам — правовому статусу киберспортсменов и вопросам интеллектуальной собственности.
Ключевые слова: киберспорт, компьютерный спорт, правовое регулирование, спортивное законодательство, цифровая экономика.

Аңдатпа: Бұл мақалада Ресей Федерациясы мен Қазақстан Республикасындағы киберспортты құқықтық реттеудің кешенді салыстырмалы талдауы берілген. Онда нормативтік базаның эволюциясы, институционалдық сипаттамалары, спортшылардың құқықтық мәртебесі, дене шынықтыруға көзқарастар және стратегиялық даму құжаттары қарастырылады. Негізгі айырмашылықтар анықталған: ресейлік модель дене шынықтыруға қатаң талаптар қоя отырып, спорт заңнамасының эволюциялық дамуына сүйенеді, ал қазақстандық модель ведомствоаралық стратегиялық жоспарлау мен халықаралық интеграцияға баса назар аударады. Киберспорт спортшыларының құқықтық мәртебесі және зияткерлік меншік мәселелері сияқты жалпы мәселелерге ерекше назар аударылады.
Кілт сөздер: киберспорт, компьютерлік спорт, құқықтық реттеу, спорт заңнамасы, сандық экономика.

Abstract: This article provides a comprehensive comparative analysis of the legal regulation of esports in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. It examines the evolution of the regulatory framework, institutional characteristics, the legal status of athletes, approaches to physical training, and strategic development documents. Key differences are identified: the Russian model relies on the evolutionary development of sports legislation with strict requirements for physical training, while the Kazakh model emphasizes interdepartmental strategic planning and international integration. Particular attention is paid to common issues, such as the legal status of esports athletes and intellectual property issues.
Keywords: esports, computer sports, legal regulation, sports legislation, digital economy.

Киберспорт представляет собой один из наиболее динамично развивающихся сегментов современной спортивной индустрии, трансформирующий традиционные представления о физической активности и соревновательной деятельности.

Россия и Казахстан, являясь лидерами среди стран Содружества Независимых Государств по признанию и развитию компьютерного спорта, стремятся к

формированию эффективной модели его правового регулирования, отличающиеся степенью зрелости нормативной базы и стратегических подходов к институционализации отрасли.

Согласно данным исследований, объем рынка видеоигр в 2024 году оценивался в 80,2 миллиарда долларов США[1710]. Глобальная аудитория киберспорта достигла 532 миллиона зрителей в 2022 году и как ожидается превысит 640 миллионов зрителей в 2026 году[1711]. В условиях цифровой трансформации экономики и формирования информационного общества правовое регулирование киберспорта приобретает особую актуальность, поскольку затрагивает вопросы спортивного права, интеллектуальной собственности, защиты персональных данных, миграционного законодательства и международного частного права.

Общая характеристика правового регулирования в Российской Федерации

Историческая ретроспектива правового регулирования киберспорта в России свидетельствует о сложном эволюционном пути института компьютерного спорта. Россия стала первой в мире страной, признавшей киберспорт официальным видом спорта ещё в 2001 году[1712], однако данный статус неоднократно пересматривался. В 2006 году киберспорт был исключён из реестра видов спорта по формальным основаниям, что стало определённым толчком для профессионального сообщества на пути длительной работы по восстановлению официального статуса.

Официальное признание киберспорта (компьютерного спорта) в России было осуществлено спустя десятилетие Приказ Министерства спорта РФ от 16 марта 2017 г. N 183 «О признании и включении во Всероссийский реестр видов спорта спортивных дисциплин, видов спорта и внесении изменений во Всероссийский реестр видов спорта»[1713].

В 2017 году компьютерный спорт был переведён во второй раздел реестра как вид спорта, развиваемый на общероссийском уровне, что предполагает соответствующий уровень финансирования и государственной поддержки. Данное решение отражало признание социальной значимости киберспорта и его интеграцию в систему физической культуры и спорта страны.

Признание киберспорта официальным видом спорта позволяет применять к его регулированию положения, регулирующие сферу традиционных видов спорта, основу которых в Российской Федерации составляет Федеральный закон от 4 декабря 2007 года №329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»[1714], определяющий общие правовые и организационные основы деятельности в сфере физической культуры и спорта.

[1710] Newzoo Global Esports Market in 2024 URL: https://www.gamesindustry.biz/newzoo-pc-and-console-gaming-declined-by-2-to-802bn-in-2024 (дата обращения: 18.03.2026).

[1711] Постановление Правительства Республики Казахстан от 2 июня 2025 года № 399 «Об утверждении Концепции развития киберспорта в Республике Казахстан на 2025-2029 годы» URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2500000399#z30 (дата обращения: 19.03.2026).

[1712] Приказ Госкомспорта РФ от 25.07.2001 №449 «О введении видов спорта в государственные программы физического воспитания» URL: https://web.archive.org/web/20170822133506/http:/zakon.7law.info/base86/part4/d86ru4315.htm (дата обращения: 10.03.2026).

[1713] Приказ Министерства спорта РФ от 16 марта 2017 г. №183 «О признании и включении во Всероссийский реестр видов спорта спортивных дисциплин, видов спорта и внесении изменений во Всероссийский реестр видов спорта». URL: https://base.garant.ru/71654224/ (дата обращения: 10.03.2026).

[1714] Федеральный закон от 4 декабря 2007г. №329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» URL: http://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_73038/ (дата обращения: 10.03.2026);

Несмотря на это, в основном, компьютерный спорт, с учётом его специфики, регулируется на подзаконном уровне, в частности: Правила вида спорта «Компьютерный спорт», утверждённые Приказом Минспорта России от 22 января 2020 г. №22[1715], Федеральный стандарт спортивной подготовки по виду спорта «компьютерный спорт», утверждённый Приказом Минспорта России от 14 июля 2025 г. №554[1716], Приказ Министерства спорта от 01.08.2013 №504[1717].

Основным органом, регулирующим сферу киберспорта является Министерство спорта РФ. Институциональная структура киберспорта в России представлена Общественной организацией «Федерация компьютерного спорта России», созданной в 2000 году, которая была аккредитована в 2017 году в соответствии с требованиями законодательства о спорте. Федерация наделена полномочиями по развитию данного спортивного направления, включая организацию всероссийских и международных соревнований, подготовку спортивных резервов, методическое обеспечение и представительство интересов российского киберспорта на международной арене.

В 2025 году в России утверждён вышеупомянутый федеральный стандарт спортивной подготовки по виду спорта «компьютерный спорт». Данный стандарт устанавливает комплекс требований к физической подготовке киберспортсменов, включая показатели функционального состояния организма, физического развития и двигательной подготовленности. Это свидетельствует о признании специфики киберспорта, сочетающей умственную нагрузку с необходимостью поддержания определённого уровня физической работоспособности. В этой связи видится примечательным то, что наравне со специальными нормативами (например, клик-тест, зрительная моторика) в него включены и нормативы общей физической подготовки (например, бег 60 метров, отжимания от пола, поднимание туловища), которые не уступают, а иногда превышают требования к традиционным видам спорта. Для сравнения, на этапе высшего спортивного мастерства киберспортсмену (мужчине) надлежит отжаться не менее 43 раз, тогда как профессиональному баскетболисту не менее 36 раз[1718].

Не претендуя на оценку необходимости таких спортивных показателей для киберспортсменов, признавая, что эксперты в данной области отмечают фундаментальную значимость общей физической подготовки[1719], следует также признать, что, во-первых, в своей профессиональной деятельности киберспортсмены не сталкиваются с нагрузками превышающими нагрузки спортсменов традиционных видов спорта, что, во-вторых, свидетельствуют о стремлении органов управления исследуемой сферы на уровне подзаконного регулирования таким образом «уравнять» традиционных спортсменов и киберспортсменов, тем самым нивелируя вопросы признания киберспорта.

[1715] Приказ Минспорта России от 22 января 2020 г. №22 «Об утверждении правил вида спорта «компьютерный спорт» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.03.2026).

[1716] Приказ Минспорта России от 14 июля 2025 г. №554 «Об утверждении федерального стандарта спортивной подготовки по виду спорта «Компьютерный спорт».URL: file:///C:/Users/parxo/Downloads/federalnyj-standart-sportivnoj-podgotovki-s-01012026%20(2).pdf (дата обращения: 10.03.2026).

[1717] Приказ Министерства спорта РФ от 1 июля 2013 г. №504 «Об утверждении Общих требований к содержанию положений (регламентов) о межрегиональных и всероссийских официальных физкультурных мероприятиях и спортивных соревнованиях, предусматривающих особенности отдельных видов спорта» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.03.2026).

[1718] Приказ Министерства спорта РФ от 16 ноября 2022 г. № 1006 «Об утверждении федерального стандарта спортивной подготовки по виду спорта «баскетбол». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405876541/ (дата обращения: 19.03.2026).

[1719] Гуляев М.Д. О влиянии общей и специальной физической подготовки на процесс этапной подготовки спортменов // Глобус: психология и педагогика. 2021. №5 (45). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-vliyanii-obschey-i-spetsialnoy-fizicheskoy-podgotovki-na-protsess-etapnoy-podgotovki-sportmenov (дата обращения: 18.03.2026).

Общая характеристика правового регулирования в Республике Казахстан

Начать следует с того, что в отличие от России, где законодатель вместо термина «киберспорт» использует термин «компьютерный спорт», признавая их синонимичными, в Казахстане законодатель использует термин «киберспорт», не используя наравне с ним иные, в том числе «компьютерный спорт». Следует, в рамках данного исследования, согласится с мнением исследователей[1720], отождествляющих данное понятие.

В отличие от России, где процесс институционализации занял значительный временной период, Казахстан как видится, в том числе, перенимая опыт России стремится к комплексной и системной регулировке киберспортивной индустрии в сжатые сроки.

Киберспорт в Казахстане был признан в 2018 году Приказом Комитета по делам спорта и физической культуры Министерства культуры и спорта РК от 25 июня 2018 г., № 180 «О признании киберспорта видом спорта на территории Республики Казахстан»[1721].

Аналогичное Российскому общественное объединение «Qazaq Cybersport Federation» создано в 2017 году и аккредитовано в 2018 году. В июне 2020 года федерация получила признание Национального Олимпийского Комитета РК.

Правовую основу, как и в России составляет закон «О физической культуре и спорте»[1722]

В июне 2025 года Правительство Республики Казахстан утвердило Концепцию развития киберспорта в Республике Казахстан на 2025–2029 годы, разработанную совместно Министерством спорта и культурной политики и Министерством цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности. Данный документ представляет собой стратегический ориентир, предусматривающий комплексную институционализацию отрасли и интеграцию киберспорта в национальную систему физической культуры и спорта.

Ключевое новшество Концепции заключается в планируемых изменениях законодательства в части присвоения спортивных званий и разрядов киберспортсменам, а также квалификационных категорий тренерам по киберспорту. Данная мера создаёт правовые предпосылки для профессионализации отрасли и формирования чёткой иерархии спортивных достижений, что является необходимым условием для развития спортивной карьеры и социальной защищённости киберспортсменов.

Образовательная составляющая является приоритетным направлением казахстанской модели. Предусматривается внедрение образовательных программ по киберспорту в систему высшего и среднего профессионального образования, что должно обеспечить кадровое сопровождение отрасли и повысить общий уровень профессионализма участников киберспортивной экосистемы.

Такой подход отличается от российской практики, где образовательные программы в сфере киберспорта развиваются преимущественно на инициативной

[1720] См. напр.: Сутырина Е. В. Правое регулирование деятельности профессионального киберспортсмена // Universum: экономика и юриспруденция : электрон. научн. журн. 2017. № 12 (45)., Тарасенко В.А. Компьютерный спорт: откуда корни растут. Историкосоциологический экскурс. Историческая и социально-образовательная мысль. 2018; 10(5- 2): 147-156.

[1721] Приказ Комитета по делам спорта и физической культуры Министерства культуры и спорта РК от 25 июня 2018 г., № 180 «О признании киберспорта видом спорта на территории Республики Казахстан». URL: https://qcf.kz/wp-content/uploads/2023/06/prikaz-1.pdf (дата обращения: 12.03.2026).

[1722] Закон Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 228-V ЗРК «О физической культуре и спорте» URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000228 (дата обращения: 12.03.2026).

основе отдельных вузов (Например, Университет «Синергия», Российский университет спорта «ГЦОЛИФК», УралГУФК) и не носят системного государственного характера.

Сравнительно-правовой анализ

В сущности, проблемы, с которыми сталкивается индустрия киберспорта в России и Казахстане идентичны. Однако, имея различный опыт регулирования и принадлежность Казахстана к странам Азии, что проявляется в частности во вхождении Казахстана в Азиатскую федерацию электронного спорта и Олимпийский совет Азии, выстраивается различная модель развития индустрии компьютерного спорта.

Российская модель характеризуется более развитой нормативной базой, способной к эволюционной адаптации под особенности компьютерного спорта. В частности, Трудовой Кодекс РФ (далее – ТК РФ) хоть и не адаптирован к особенностям компьютерного спорта, однако предусматривает особенности регулирования труда дистанционных работников (глава 49.1 ТК РФ), а также особенности труда спортсменов и тренеров (глава 54.1 ТК РФ). Разработаны Федеральные стандарты спортивной подготовки, дисциплинарный регламент компьютерного спорта, требования и условия присвоения спортивных званий и разрядов.

Вместе с тем российская модель может быть охарактеризована как инертная: учитывая продолжительность деятельности Федерации компьютерного спорта, а также длительность признания киберспорта официальным, разработка регламентирующих индустрию актов видится опаздывающей, а необходимость адаптации к быстро меняющимся условиям индустрии остаётся без должного внимания. Что касается Казахстанской модели, то несмотря на отсутствие нормативной базы, она отличается стратегичностью планирования и ориентацией на международную интеграцию.

Концепция 2025–2029 годов представляет собой пример комплексного стратегического планирования развития отрасли, предусматривая разработку регулирования правового статуса участников, развитие инфраструктурного обеспечения и образовательной политики. Преимуществом данного подхода является возможность системного формирования нормативной базы без ограничений исторически сложившейся системы.

Различие также прослеживается в отношении к физической подготовке киберспортсменов. Российское законодательство формально акцентирует внимание на соответствии общим стандартам физической подготовки, что отражает традиционное понимание спорта как преимущественно физической активности.

Казахстанская модель, предполагает иной подход, акцентирующий внимание на специфике киберспортивной нагрузки и необходимости специализированной подготовки из-за чего, вероятно, игнорируется пробел, выраженный в отсутствии критериев и требований для присвоения спортивных разрядов и званий, закреплённых в соответствующих актах, что препятствует кадровому развитию отрасли и признанию статуса киберспортсменов.

Проблемные аспекты и перспективы развития киберспорта

Правовое регулирование киберспорта в обеих странах сталкивается с рядом общих проблем. Проблема правового статуса киберспортсменов остаётся актуальной. Наиболее часто встречающимся оформлением отношений с киберспортсменом является либо заключение гражданско-правового договора о возмездном оказании услуг, либо отсутствие какого-либо оформления.

Согласно действующему законодательству России, киберспортсмены могут получить статус профессионального спортсмена при соответствии установленным стандартом критериям, что открывает доступ к специальным льготам, пенсионным гарантиям и социальным преференциям. Однако практика применения остаётся «спящей» из-за специфики трудовых отношений в киберспортивной индустрии, где

преобладают контрактные формы сотрудничества между игроками и киберспортивными организациями.

Необходима разработка специальных норм в рамках трудового законодательства, регулирующих трудовые отношения в киберспорте, включая вопросы социального обеспечения, медицинского страхования и защиты прав несовершеннолетних участников. В частности, отсутствие в Трудовом кодексе Республики Казахстан особенностей регулирования труда спортсменов, а также непредусмотрение возможности заключения трудового договора со спортсменами, не достигшими возраста 14-ти лет, является существенным препятствием для признания трудовых отношений со спортсменами, на что указывают и исследователи[1723]. При этом, приказом Министра культуры и спорта Республики Казахстан от 13 января 2023 года №5[1724] утверждён возраст спортсменов по видам спорта, в том числе для киберспорта.

При этом наличие в Трудовом кодексе РФ особенностей регулирования труда дистанционных работников и спортсменов само по себе недостаточно для регулирования труда киберспортсменов без возникновения коллизий и противоречий, в связи с чем, следует предусмотреть и включить в главу 54.1 ТК РФ, которая регулирует труд спортсменов и тренеров, особенности главы 49.1 ТК РФ, касающейся особенностей регулирования труда дистанционных работников.

Интеллектуальная собственность представляет собой сложный правовой вопрос. Права на игровые дисциплины принадлежат разработчикам и издателям, что создаёт правовую коллизию при организации соревнований и коммерциализации киберспортивного контента. Эта проблема не находит разрешения ни в России, ни в Казахстане, ни в целом в мире. Что касается доктринальных разработок, то существует несколько подходов к её разрешению:

1) Признание киберспортивных компьютерных игр многоаспектным продуктом, спортивный соревновательный аспект которого является неохраняемым авторским правом элементом в рамках использования киберспортсменом в игре[1725]. Однако применение такого подхода маловероятно ввиду неотделимости элементов киберспортивной игры как сложного объекта друг от друга, что закреплено и российским законодательством, рассматривающим игры, как единый мультимедийный продукт (ст. 1240 Гражданского кодекса РФ).

2) Использование киберспортивных игр для проведения спортивных соревнований в рамках гражданско-правового института свободного использования объектов авторского права[1726]. Такой подход, вероятно, должен быть признан недобросовестным и несправедливым, учитывая объёмы коммерциализации

[1723] См. напр.: Хасенов М.Х., Букенов Р.О. Пробелы и коллизии правового регулирования труда в сфере физической культуры и спорта в Республике Казахстан // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2021. №1 (64). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/probely-i-kollizii-pravovogo-regulirovaniya-truda-v-sfere-fizicheskoy-kultury-i-sporta-v-respublike-kazahstan (дата обращения: 18.03.2026), Ш.А. Забих, К.Ж. Забих Правовое регулирование спортивных команд Республики казахстан и международный опыт // QazBSQA Хабаршысы. Гуманитарлық және жаратылыстану ғылымдары. Экономика. №3 (85), 2022. URL: https://vestnik.kazgasa.kz/frontend/web/uploads/personal-documents/1662978598_ePtBA7.pdf (дата обращения: 18.03.2026).

[1724] Приказ и.о. Министра культуры и спорта Республики Казахстан от 13 января 2023 года № 5 О внесении изменений в приказ Министра культуры и спорта Республики Казахстан от 20 октября 2014 года № 42 «Об утверждении возраста спортсменов по видам спорта в физкультурно-спортивных организациях, в которых осуществляется учебно-тренировочный процесс по подготовке спортивного резерва и спортсменов высокого класса».

[1725] Thomas A. A question of (e) Sports: an answer from copyright // Journal of Intellectual Property Law & Practice. 2020. Vol. 15. № 12. P. 963.

[1726] Архипов, В. В. Киберспортивное право: миф или реальность? / В. В. Архипов // Закон. – 2018. – № 5. – С. 80-92. – EDN XNGEKL.

киберспорта и использование компьютерных игр организаторами спортивных событий, спортсменами, спортивными клубами в том числе для извлечения прибыли.

Однако, развивая идею последнего подхода, видится перспективным разработка механизма использования киберспортивных игр в рамках спортивных событий без согласия правообладателя, но с предоставлением последнему вознаграждения, выплачиваемое непосредственно правообладателю на условиях, соответствующих установившейся практике при сравнимых обстоятельствах (аналогия принудительной лицензии (ст. 1362 Гражданского кодекса РФ или ст. 11 Патентного закона РК[1727]).

Правовое регулирование киберспорта в России и Казахстане демонстрирует различные модели адаптации национальных правовых систем к вызовам цифровой экономики. Россия, опираясь на многолетний опыт и развитую нормативную базу, формирует устойчивую институциональную среду для развития компьютерного спорта. Казахстан, используя преимущества стратегического планирования и межведомственной координации, создаёт комплексную экосистему, ориентированную на быструю интеграцию в мировое киберспортивное сообщество.

Обе модели имеют право на существование и взаимно дополняют друг друга в условиях евразийской интеграции. Дальнейшее развитие правового регулирования требует учёта специфики киберспорта как гибридного феномена, сочетающего элементы спортивной деятельности, цифровой индустрии и креативных индустрий, а также активного международного сотрудничества в условиях формирования глобальных стандартов киберспортивного права.

Список литературы:

1. Newzoo Global Esports Market in 2024 URL: https://www.gamesindustry.biz/newzoo-pc-and-console-gaming-declined-by-2-to-802bn-in-2024 (дата обращения: 18.03.2026).

2. Thomas A. A question of (e) Sports: an answer from copyright // Journal of Intellectual Property Law & Practice. 2020. Vol. 15. № 12. P. 963.

3. Архипов, В. В. Киберспортивное право: миф или реальность? / В. В. Архипов // Закон. – 2018. – № 5. – С. 80-92. – EDN XNGEKL.

4. Гуляев М.Д. О влиянии общей и специальной физической подготовки на процесс этапной подготовки спортменов // Глобус: психология и педагогика. 2021. №5 (45). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-vliyanii-obschey-i-spetsialnoy-fizicheskoy-podgotovki-na-protsess-etapnoy-podgotovki-sportmenov (дата обращения: 18.03.2026).

5. Забих Ш.А., Забих К.Ж. Правовое регулирование спортивных команд Республики казахстан и международный опыт // QazBSQA Хабаршысы. Гуманитарлық және жаратылыстану ғылымдары. Экономика. №3 (85), 2022. URL: https://vestnik.kazgasa.kz/frontend/web/uploads/personal-documents/1662978598_ePtBA7.pdf (дата обращения: 18.03.2026).

6. Закон Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 228-V ЗРК «О физической культуре и спорте» URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000228 (дата обращения: 12.03.2026).

7. Патентный закон Республики Казахстан от 16 июля 1999 года № 427. // "Казахстанская правда" от 06.08.99 г., 10.08.99 г.

8. Постановление Правительства Республики Казахстан от 2 июня 2025 года № 399 «Об утверждении Концепции развития киберспорта в Республике Казахстан на 2025-2029 годы» URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2500000399#z30 (дата обращения: 19.03.2026).

[1727] Патентный закон Республики Казахстан от 16 июля 1999 года № 427. // "Казахстанская правда" от 06.08.99 г., 10.08.99 г.

9. Приказ Госкомспорта РФ от 25.07.2001 №449 «О введении видов спорта в государственные программы физического воспитания» URL: https://web.archive.org/web/20170822133506/http:/zakon.7law.info/base86/part4/d86ru4315.htm (дата обращения: 10.03.2026).

10. Приказ и.о. Министра культуры и спорта Республики Казахстан от 13 января 2023 года № 5 «О внесении изменений в приказ Министра культуры и спорта Республики Казахстан от 20 октября 2014 года № 42 «Об утверждении возраста спортсменов по видам спорта в физкультурно-спортивных организациях, в которых осуществляется учебно-тренировочный процесс по подготовке спортивного резерва и спортсменов высокого класса».

11. Приказ Комитета по делам спорта и физической культуры Министерства культуры и спорта РК от 25 июня 2018 г., № 180 «О признании киберспорта видом спорта на территории Республики Казахстан». URL: https://qcf.kz/wp-content/uploads/2023/06/prikaz-1.pdf (дата обращения: 12.03.2026).

12. Приказ Министерства спорта РФ от 1 июля 2013 г. №504 «Об утверждении Общих требований к содержанию положений (регламентов) о межрегиональных и всероссийских официальных физкультурных мероприятиях и спортивных соревнованиях, предусматривающих особенности отдельных видов спорта» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.03.2026).

13. Приказ Министерства спорта РФ от 16 марта 2017 г. №183 «О признании и включении во Всероссийский реестр видов спорта спортивных дисциплин, видов спорта и внесении изменений во Всероссийский реестр видов спорта». URL: https://base.garant.ru/71654224/ (дата обращения: 10.03.2026).

14. Приказ Министерства спорта РФ от 16 ноября 2022 г. № 1006 «Об утверждении федерального стандарта спортивной подготовки по виду спорта «баскетбол». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405876541/ (дата обращения: 19.03.2026).

15. Приказ Минспорта России от 14 июля 2025 г. №554 «Об утверждении федерального стандарта спортивной подготовки по виду спорта «Компьютерный спорт».URL: file:///C:/Users/parxo/Downloads/federalnyj-standart-sportivnoj-podgotovki-s-01012026%20(2).pdf (дата обращения: 10.03.2026).

16. Приказ Минспорта России от 22 января 2020 г. №22 «Об утверждении правил вида спорта «компьютерный спорт» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.03.2026).

17. Сутырина Е. В. Правое регулирование деятельности профессионального киберспортсмена // Universum: экономика и юриспруденция : электрон. научн. журн. 2017. № 12 (45).

18. Тарасенко В.А. Компьютерный спорт: откуда корни растут. Историкосоциологический экскурс. Историческая и социально-образовательная мысль. 2018; 10(5- 2): 147-156.

19. Федеральный закон от 4 декабря 2007г. №329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» URL: http://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_73038/ (дата обращения: 10.03.2026);

20. Хасенов М.Х., Букенов Р.О. Пробелы и коллизии правового регулирования труда в сфере физической культуры и спорта в Республике Казахстан // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2021. №1 (64). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/probely-i-kollizii-pravovogo-regulirovaniya-truda-v-sfere-fizicheskoy-kultury-i-sporta-v-respublike-kazahstan (дата обращения: 18.03.2026).

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Бекмуханбетова Ақбота Абилхаирқызы
3 курс, Высшая Гуманитарная Школа, Переводческое дело
Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республика Казахстан
E-mail: a_bekmukhanbetova@kazguu.kz

ХАКЕРСТВО И НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫЙ ДОСТУП К КОМПЬЮТЕРНЫМ СИСТЕМАМ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Аннотация: Данная статья посвящена комплексному исследованию правового регулирования несанкционированного доступа к компьютерным системам (хакерства) в условиях Четвертой промышленной революции. Цель работы заключается в выявлении пробелов в уголовном законодательстве Республики Казахстан и разработке рекомендаций по его совершенствованию на основе сравнительного анализа опыта ЕС и США. Методологическую основу исследования формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод и метод системного анализа. В ходе анализа выявлено пять критических несоответствий: от материальной конструкции состава в УК РК до отсутствия криминализации хакерских инструментов и недостаточной защиты критической информационной инфраструктуры. Особое внимание уделено тому, что отсутствие участия Казахстана в Будапештской конвенции ограничивает возможности международного сотрудничества в расследовании трансграничных кибератак. На основе проведенного исследования сформулированы рекомендации по переходу к формальному составу статьи 205 УК РК, введению ответственности за разработку вредоносных программ и уточнению понятийного аппарата. Реализация предложенных мер обеспечивает надлежащую правовую защиту информационной инфраструктуры государства.

Ключевые слова: хакерство, несанкционированный доступ, киберпреступность, уголовное право, Казахстан, кибербезопасность, цифровая среда, Четвертая промышленная революция, сравнительное правоведение, уголовная ответственность.

Аңдатпа: Бұл мақала Төртінші өнеркәсіптік революция жағдайында компьютерлік жүйелерге рұқсатсыз кіруді (хакерлікті) құқықтық реттеуді кешенді зерттеуге арналған. Еңбектің мақсаты - ЕО және АҚШ тәжірбиесіне салыстырмалы талдау жасау негізінде Қазақстан Республикасының қылмыстық заңнамасындағы олқылықтарды анықтау және оны жетілдіру бойынша ұсыныстар әзірлеу. Зерттеудің әдіснамалық негізін формалды-құқықтық, салыстырмалы-құқықтық және жүйелік талдау әдістері құрайды. Талдау барысында ҚР Қылмыстық кодексіндегі құрамның материалдық құрылымынан бастап, хакерлік құралдарды криминализациялаудың болмауына және маңызды ақпараттық инфрақұрылымның жеткіліксіз қорғалуына дейінгі бес маңызды сәйкессіздік анықталды. Қазақстанның Будапешт конвенциясына қатыспауы трансшекаралық кибершабуылдарды тергеудегі халықаралық ынтымақтастық мүмкіндіктерін шектейтініне ерекше назар аударылған. Жүргізілген зерттеу негізінде ҚР ҚК-нің 205-бабын формальды құрамға көшіру, зиянды бағдарламаларды әзірлегені үшін жауапкершілікті енгізу және ұғымдық аппаратты нақтылау бойынша ұсыныстар тұжырымдалды. Ұсынылған шараларды іске асыру мемлекеттің ақпараттық инфрақұрылымын тиісті құқықтық қорғауды қамтамасыз етеді.

Түйінді сөздер: хакерлік, рұқсатсыз кіру, киберқылмыс, қылмыстық құқық, Қазақстан, киберқауіпсіздік, цифрлық орта, Төртінші өнеркәсіптік революция, салыстырмалы құқықтану, қылмыстық жауаптылық.

Abstract: This article provides a comprehensive study of the legal regulation of unauthorized access to computer systems (hacking) in the context of the Fourth Industrial Revolution. The goal is to identify gaps in the criminal legislation of the Republic of Kazakhstan and develop recommendations for its improvement based on a comparative analysis of EU and US experience. The methodological basis of the study includes formal-legal, comparative-legal, and systematic analysis methods. The analysis reveals five critical discrepancies, ranging from the material construction of the offense in the Criminal Code to the lack of criminalization of hacking tools and insufficient protection of critical infrastructure. Particular attention is paid to how Kazakhstan's non-participation in the Budapest Convention limits international cooperation in investigating cross-border cyberattacks. Recommendations are formulated for transitioning to a formal offense structure in Article 205, introducing liability for malware development, and clarifying the conceptual apparatus. Implementing these measures will ensure proper legal protection of the state's information infrastructure.

Keywords: hacking, unauthorised access, cybercrime, criminal law, Kazakhstan, Cybersecurity, digital environment, Fourth Industrial Revolution, comparative law, criminal liability.

Введение

Стремительное развитие цифровых технологий, составляющие сущность Четвертой промышленной революции, порождает принципиально новые угрозы для информационной безопасности государств, организаций и граждан. Несанкционированный доступ к компьютерным системам - хакерство - превратился из технического озорства одиночек в системное явление, наносящее колоссальный ущерб экономике и государственной безопасности. По различным оценкам, глобальный ущерб от киберпреступлений в 2025 году превышает 10 триллионов долларов США ежегодно.

Проблема, лежащая в основе настоящего исследования, состоит в несоответствии действующего уголовного законодательства Республики Казахстан реалиям цифровой эпохи. Нормы, регулирующие ответственность за компьютерные преступления, формировались в период, когда масштаб и сложность кибератак были несопоставимо ниже. Сегодня правоприменительная практика сталкивается с пробелами в праве: отсутствием четких дефиниций, недостаточной дифференциацией составов преступлений, неэффективными санкциями.

Цель настоящей статьи - выявить недостатки казахстанского законодательства в сфере уголовной ответственности за несанкционированный доступ к компьютерным системам и сформулировать рекомендации по его совершенствованию на основе сравнительного анализа зарубежного опыта. Методологическую основу исследования составляет формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод и метод системного анализа.

Основная часть

1. Понятие несанкционированного доступа к компьютерным системам

Хакерство не имеет единого определения в юридической науке. Несанкционированный доступ - это любое проникновение в компьютерную систему или сеть без разрешения владельца или с превышением разрешенных полномочий. Такой доступ может преследовать различные цели: кражу данных, вывод системы

строя, промышленный шпионаж, политическую дестабилизацию или финансовое мошенничество.

Киберпреступления классифицируются в соответствии с объектом посягательства в теории уголовного права. К ним относятся преступления против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем; преступления, совершаемые с использованием компьютерных средств; преступления связанные с авторскими правами; и преступления связанные с незаконным контентом. Первая группа включает несанкционированный доступ и является базовым составом на котором строится значительная часть иных киберпреступлений.

Важно разграничивать основные термины: «несанкционированный доступ» - проникновение без разрешения; «превышение полномочий» - доступ за пределами разрешенного; «перехват данных» - получение данных в процессе их передачи. Это разграничение имеет решающее значение для квалификации преступлений и определения соответствующих санкций.

2. Правовое регулирование в Республике Казахстан

Уголовная ответственность за компьютерные преступления в Республике Казахстан предусмотрена главой 7 «Уголовные правонарушения в сфере информатизации и связи» Уголовного кодекса РК от 3 июля 2014 года.[1728] Центральным составом является статья 205 УК РК «Неправомерный доступ к компьютерной информации», устанавливающая ответственность за доступ к охраняемой законом компьютерной информации без разрешения либо с нарушением установленного порядка доступа, если это повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации.

После изучения этой нормы были обнаружены несколько значительных недостатков. Во-первых, статья 205 УК РК определяет состав как материальный, поскольку означает что ответственность наступает только за наступление конкретных последствий. Это означает, что само по себе проникновение в систему без наступления указанных последствий уголовно не наказуемо, что сужает область применения нормы.[1729] Во- вторых, санкции не различаются в зависимости от характера цели и масштаба ущерба в той мере, которая отвечала бы современным реалиям. В-третьих, в казахстанском законодательстве отсутствует специальная норма об ответственности за создание и распространение вредоносных программ.

Закон РК «Об информационной безопасности» от 5 июля 2023 года и Закон РК «Об информатизации» от 24 ноября 2015 года являются дополнительными нормами регулирующими информационную безопасность.[1730] Тем не менее, в Казахстане не принято комплексного кодифицированного акта, охватывающего все аспекты противодействия киберпреступности.

3. Правовое регулирование в Европейском союзе

Директива 2013/40/ЕС о нападениях на информационные системы является основным документом на уровне Европейского союза. В соответствии с директивой государства-члены обязаны карать следующие преступления: незаконный доступ к информационным системам; незаконное вмешательство в информационные

[1728] Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями по состоянию на 2025 год) // ИПС «Әділет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226 (дата обращения: 01.03.2026).

[1729] Алимбеков М.Т., Рахметов С.М. Уголовное право Республики Казахстан. Особенная часть (Жеті жарғы 2016).

[1730] Закон Республики Казахстан «Об информационной безопасности» от 5 июля 2023 года № 18-VIII // ИПС «Әділет». URL: https://adilet.zan.kz (дата обращения: 01.03.2026).

системы; незаконный перехват данных; производство, продажа и использование инструментов, предназначенных для совершения этих преступлений.[1731]

Основным отличием европейской модели является то, что сам факт несанкционированного доступа считается преступным, независимо от последствий. Это называется «формальным составом преступления». Таким образом, можно привлечь к ответственности на более раннем этапе, не дожидаясь реального ущерба. Директива требует минимальных санкций. Они должны составлять не менее двух лет лишения свободы за простые преступления и не менее пяти лет за квалифицированные преступления, такие как атаки на критическую инфраструктуру.

Важную роль также играет Будапештская конвенция Совета Европы о киберпреступности 2001 года. Она служит фундаментом для гармонизации национальных законодательств государств-членов ЕС и устанавливает единые стандарты криминализации несанкционированного доступа.[1732] Одним из наиболее эффективных механизмов Конвенции является создание сети контактных пунктов «24/7». Этот инструмент позволяет правоохранительным органам разных стран оказывать друг другу немедленную помощь в режиме реального времени, например, для экстренного сохранения цифровых данных (трафика), которые могут быть быстро удалены преступником. В условиях, когда хакер может находиться в одной юрисдикции, а сервер с данными - в другой, участие в таком международном механизме становится критически важным для успешного расследования. Казахстан к конвенции не присоединился, что является существенным пробелом в системе международно-правового сотрудничества. Это ограничение сужает возможности отечественных правоохранительных органов по получению оперативной правовой помощи от зарубежных государств при расследовании трансграничных киберпреступлений. В условиях Четвертой промышленной революции такое правовое обособление снижает эффективность защиты информационной инфраструктуры страны.

4. Правовое регулирование в США

В США основным федеральным законом является Computer Fraud and Abuse Act (CFAA) 1986 года с последующими изменениями. Закон устанавливает уголовную ответственность за несанкционированный доступ к «защищенным компьютерам» - категории, охватывающей практически все компьютеры, подключенные к интернету. Санкции варьируются от штрафов до 20 лет лишения свободы в зависимости от характера и последствий преступления.[1733]

Особенностью американской модели является широкое определение несанкционированного доступа. Верховный суд США в деле Van Buren v. United States (2021) уточнил толкование понятия «превышение разрешенного доступа», указав что оно относится к получению данных, доступ к которым ограничен для данного лица, а не к нарушению условий использования сервиса.[1734] Верховный суд постановил, что «превышение доступа» относится исключительно к ситуациям, когда лицо получает данные из тех разделов компьютерной системы, к которым оно изначально не имело

[1731] Directive 2013/40/EU of the European Parliament and of the Council of 12 August 2013 on attacks against information systems [2013] OJ L218/8. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2013/40 (дата обращения: 01.03.2026).
[1732] Council of Europe, Convention on Cybercrime (Budapest, 23 November 2001) ETS No 185. URL: https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/0900001680081561 (дата обращения: 01.03.2026).
[1733] Computer Fraud and Abuse Act, 18 U.S.C. § 1030 (1986, as amended). URL: https://uscode.house.gov/view.xhtml?req=granuleid:USC-prelim-title18-section1030 (дата обращения: 01.03.2026).
[1734] Van Buren v. United States, 593 U.S. 374 (2021).

прав доступа. Суд провел четкую грань: нарушение «использования» (например, использование служебной базы данных в личных целях лицом, имеющим к ней законный доступ) не должно автоматически влечь за собой уголовную ответственность по федеральному закону. Это решение стало важным прецедентом, который защитил пользователей от произвольного преследования за технические нарушения корпоративных политик, сосредоточив внимание внимание закона CFAA именно на борьбе с реальным хакерством и несанкционированным проникновением в защищенные системы.

В целом американская система характеризуется не только жесткими санкциями, но и развитой практикой международного сотрудничества, что делает ее опыт в крайне ценным для совершенствования законодательства Республики Казахстан в условиях цифровой трансформации.

5.Сравнительный анализ и выявленные пробелы

Сравнительный анализ трех правовых систем позволяет выявить следующие принципиальные различия и недостатки казахстанских модели.

Первое. Конструкция состава. Казахстанский УК предусматривает материальный состав, требующий наступления последствий. Европейское и американское право в большинстве случаев криминализируют само деяние, что обеспечивает более эффективную превентивную защиту.

Второе. Отсутствие криминализации инструментов. В казахстанском праве отсутствует норма об ответственности за создание, распространение и хранение вредоносных программ и хакерских инструментов. Данный пробел позволяет избежать уголовной ответственности лицам, разрабатывающим средства для кибератак.

Третье. Международное сотрудничество. Непринятие Будапештской конвенции существенно ограничивает возможности Казахстана по получению правовой помощи от зарубежных государств при расследовании трансграничных киберпреступлений.

Четвертое. Защита критической инфраструктуры. Отечественное законодательство не выделяет атаки на объекты критической информационной инфраструктуры в отдельный квалифицированный состав с повышенными санкциями, тогда как это прямо предусмотрено европейским и американским правом.

Пятое. Дефиниции. Казахстанский УК не содержит развернутого понятийного аппарата применительно к компьютерным преступлениям. Понятия «компьютерная информация», «компьютерная система», «несанкционированный доступ» требуют законодательного уточнения с учетом современных технологических реалий.

Заключение

Проведенное исследование показало, что уголовное законодательство Республики Казахстан в сфере противодействия несанкционированному доступу к компьютерным системам отстает от мировых стандартов и нуждается в существенном совершенствовании. Сравнительно-правовой анализ выявил пять ключевых пробелов: материальная конструкция состава, отсутствие криминализации вредоносных инструментов,ограниченные возможности для международного сотрудничества, недостаточная защита критической инфраструктуры и неразвитый понятийный аппарат.

На основании проведенного анализа сформулированы следующие рекомендации: изменить конструкцию состава статьи 205 УК РК с материального на формальный; дополнить Уголовный кодекс нормой об ответственности за создание и распространение вредоносных программ; выделить атаки на объекты критической инфраструктуры в отдельный квалифицированный состав с повышенными санкциями; разработать развернутый понятийный аппарат в сфере компьютерных преступлений; рассмотреть вопрос о присоединении к Будапештской конвенции Совета Европы.

Реализация указанных рекомендаций позволит привести уголовное законодательство Республики Казахстан в соответствие с международными стандартами и обеспечить надлежащую правовую защиту информационной инфраструктуры государства в условиях Четвертой промышленной революции.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями по состоянию на 2025 год) // ИПС «Әділет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226 (дата обращения: 01.03.2026).

2. Закон Республики Казахстан «Об информационной безопасности» от 5 июля 2023 года № 18-VIII // ИПС «Әділет». URL: https://adilet.zan.kz (дата обращения: 01.03.2026).

3. Directive 2013/40/EU of the European Parliament and of the Council of 12 August 2013 on attacks against information systems [2013] OJ L218/8. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2013/40 (дата обращения: 01.03.2026).

4. Council of Europe, Convention on Cybercrime (Budapest, 23 November 2001) ETS No 185. URL: https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/0900001680081561 (дата обращения: 01.03.2026).

5. Computer Fraud and Abuse Act, 18 U.S.C. § 1030 (1986, as amended). URL: https://uscode.house.gov/view.xhtml?req=granuleid:USC-prelim-title18-section1030 (дата обращения: 01.03.2026).

6. Van Buren v. United States, 593 U.S. 374 (2021).

7. Clough J, Principles of Cybercrime (3rd edn, Cambridge University Press 2015).

8. Brenner SW, Cybercrime and the Law: Challenges, Issues, and Outcomes (Northeastern University Press 2012).

9. Алимбеков М.Т., Рахметов С.М. Уголовное право Республики Казахстан. Особенная часть (Жеті жарғы 2016).

10. Cybersecurity Ventures, Cybercrime Report 2025. URL: https://cybersecurityventures.com (дата обращения: 01.03.2026).

Газдиева Хади Мусаевна
Студентка 2 курса специальности «Юриспруденция»
Высшая школа права Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республика Казахстан
email: hgazdieva081@gmail.com

О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ВЫДЕЛЕНИЯ ГЛАВЫ «УГОЛОВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ ПРОТИВ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ» В УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ КАЗАХСТАНА

Аннотация: В статье рассматривается правовой пробел в части квалификации действий с человеческим геномом и определения объекта посягательства.

Актуальность темы обусловлена динамикой развития искусственного интеллекта в сферах биоинформатики и технологий редактирования генома человека в рамках Четвертой промышленной революции: алгоритмизации процессов, широкого внедрения инновационных систем и автоматизации.

Цель работы состоит в обосновании целесообразности выделения самостоятельной главы в Уголовном кодексе Казахстана, регулирующие отношения, направленные на защиту генетической неприкосновенности.

Научная новизна заключается в доказательстве неэффективности современных норм Уголовного кодекса РК при квалификации высокотехнологичных биопреступлений; в разграничении объектов преступления: «жизнь и здоровье», «генетическая неприкосновенность».

Ключевые слова: Уголовный кодекс, геном, генетическая неприкосновенность, клонирование человека, правосубъектность, клон, редактирование генома, модификация, наука, объект посягательства.

Annotation: This scientific article is devoted to the consideration of the emergence of a legal gap in criminal legislation within the framework of the Fourth Industrial Revolution: the algorithmization of processes, the widespread introduction of innovative systems and automation. The relevance of the topic is due to the dynamics of the development of artificial intelligence in the fields of bioinformatics and human genome editing technologies. The purpose of the work is to establish the need to introduce into legislation norms regulating relations aimed at protecting genetic integrity through a comprehensive analysis of international standards, foreign criminal law and the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan. The scientific novelty lies in proving the ineffectiveness of the current norms of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan in qualifying high-tech bioprimes; in distinguishing between two concepts as objects of crime: "life and health", "genetic integrity"

Keywords: Criminal Code, genome, genetic inviolability, human cloning, legal personality, clone, genome editing, modification, science, object of encroachment.

Аннотация: Бұл ғылыми мақала Төртінші өнеркәсіптік революция шеңберіндегі қылмыстық заңнамадағы құқықтық алшақтықтың пайда болуын қарастыруға арналған: процестерді Алгоритмдеу, инновациялық жүйелерді кеңінен енгізу және автоматтандыру. Тақырыптың өзектілігі Биоинформатика және адам геномын редакциялау технологиялары саласындағы жасанды интеллекттің даму динамикасына байланысты. Жұмыстың мақсаты халықаралық стандарттарды, шетелдік қылмыстық құқықты және ҚР Қылмыстық Кодексін кешенді талдау арқылы генетикалық қол сұғылмаушылықты қорғауға бағытталған қатынастарды реттейтін нормаларды заңнамаға енгізу қажеттілігін белгілеу болып табылады. Ғылыми жаңалық жоғары технологиялық био қылмыстарды саралау кезінде ҚР Қылмыстық кодексінің қазіргі нормаларының тиімсіздігінің дәлелі болып табылады; екі ұғымды қылмыс

объектілері ретінде ажыратуда: "өмір және денсаулық","генетикалық қол сұғылмаушылық"

Түйін сөздер: қылмыстық кодекс, геном, генетикалық қол сұғылмаушылық, адамды клондау, заңды тұлға, клон, геномды редакциялау, модификация, ғылым, қол сұғушылық объектісі.

Введение

Развитие генной инженерии, молекулярной и синтетической биологии, биотехнологии в условиях Четвертой промышленной революции вызвало потребность в пересмотре правовой оценки генетического редактирования. Первым шагом к регулированию вопроса биоэтического характера стал Кодекс РК «О здоровье народа и системе здравоохранения»(2009)[1735] , который закрепил прямой запрет на клонирование человека, Уголовный кодекс РК, который предусматривает уголовную ответственность за клонирование человека, создание человеческих эмбрионов для целей биомедицинских исследований или использование человеческого эмбриона в коммерческих, военных или промышленных целях, а равно вывоз половых клеток или человеческого эмбриона из Республики Казахстан в этих же целях[1736] и Закон РК «О государственном регулировании генно-инженерной деятельности» (2002)[1737] не дают комплексной защиты генетической неприкосновенности. Казахстан не присоединился к ряду международных актов, регулирующих данный вопрос, в частности к Конвенции Совета Европы о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенции о правах человека и биомедицине[1738]; к Дополнительному протоколу к Конвенции о правах человека и биомедицине о запрете клонирования человеческих существ[1739] и др, что определило необходимость модернизации действующего законодательства с целью закрепить право каждого человека быть генетически неповторимым, при этом не остановить прогресс в медицине, поэтому важно четко разграничить действия в биомедицинских преступлениях.

Основная часть

Теме клонирования человека придается большое внимание еще с 1996 года, когда после двухлетних попыток на свет появилась овечка Долли - точная генетическая копия взрослой особи, от которой был взят генетический образец. Однако, с точки зрения юриспруденции, ключевым является не сам факт технологического прорыва, а определение места этого деяния в системе уголовного права. Ученые размышляют об определении объекта посягательства. Позиция отнесения данного деяния в главу «Уголовные правонарушения против личности» является дискуссионной, поскольку клонирование ставит под угрозу биологическую идентичность человечества как вида, биологическую безопасность и фундаментальные основы воспроизведения жизни. Исходя из этого, основным

[1735] Кодекс Республики Казахстан от 7 июля 2020 года № 360-VI ЗРК «О здоровье народа и системе здравоохранения» <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2000000360>

[1736] Статья 129. Клонирование человека Уголовный Кодекс Республики Казахстан *(с изменениями и дополнениями по состоянию на 08.03.2026 г.)* <https://prg.kz/document/?doc_id=31575252&pos=7;201&doc_id2=31575252&pos2=2405;31>

[1737] О проекте Закона Республики Казахстан "О государственном регулировании генно-инженерной деятельности" < https://legalup.kz/ru/documents/P100001012_-o-proekte-zakona-respubliki-kazahstan-o-gosudarstvennom-regu>

[1738]Конвенция Совета Европы о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины: конвенция о правах человека и биомедицине <https://monographies.ru/ru/book/section?id=687>

[1739] Дополнительный протокол к Конвенции о правах человека и биомедицине о запрете клонирования человеческих существ <https://rm.coe.int/168066caa3>

объектом следует признавать безопасность человечества, его генетическую целостность. В этом контексте создание клона посягает не столько на права конкретного индивида, сколько на сложившиеся устои социума и генофонд.

Не решен вопрос и в отношении того, каким образом следует квалифицировать деяние, связанное с созданием клона с генетическими патологиями. Право на жизнь и здоровье признается за любым рожденным субъектом и преднамеренное создание заведомо дефектного генотипа может рассматриваться как умышленное причинение вреда здоровью в процессе манипуляция с биологическими материалами.

Переходя к анализу, следует начать с того, что законодатель понимает под термином «клонирование». Статья 147 Кодекса РК «О здоровье народа и системе здравоохранения» дает определение клонированию как «воспроизведению генетически идентичных особей»[1740]. Борчашвили И.Ш. же отмечал: «Клонирование человека - прогнозируемая методология, заключающаяся в создании эмбриона и последующем выращивании из эмбриона людей, имеющих генотип того или иного индивида, ныне существующего или ранее существовавшего»[1741]. При этом выделяют репродуктивное клонирование (создание человека), терапевтическое клонирование (получение эмбриональных стволовых клеток для медицинских целей) и соматическое клонирование (копирование отдельных клеток и тканей). Во всех указанных видах клонирования формируется биологический объект, генетически идентичный донору. Отсюда ясно, что любые иные изменения генома, например, как, исправление наследственных заболеваний, внедрение новых признаков или создание «дизайнерских детей», не входят в понятие клонирования, а значит прямо не регулируются уголовным законодательством.

В контексте рассмотрения эффективности правовых норм, особого внимания заслуживает мнение Кузнецовой Н. Ф., согласно которому закон, карающий за сложнейшие биомедицинские преступления формально, не вникая в суть процесса, создает лишь иллюзию безопасности. Такая норма превращается в юридический "спящий" балласт[1742]. Максимов С. В. придерживаясь того же мнения, утверждал, что законодатель оставляет за рамками закона сопутствующие клонированию процессы: торговлю биоматериалами, незаконное исследование и создание химер. Без охвата всей цепочки действий уголовная охрана остается фрагментарной[1743]. Статья 129 УК РК является бланкетной, то есть для ее использования необходимо углубиться в иные законодательные, подзаконные акты. Если в последних нет четкого порядка, четкого определения, то и статья в Уголовном кодексе работать не будет.

К примеру, во Франции, Испании и Румынии клонирование и генетические вмешательства закреплены в Уголовном кодексе как самостоятельные преступления против человеческого рода. Особое внимание следует уделить опыту Испании, чей Уголовный кодекс можно считать эталоном юридической проработки биоэтических рисков. В то время как в УК РК наблюдается правовой пробел, испанский законодатель выделил под защиту генетической идентичности не одну статью, а целый Раздел V «О преступлениях, связанных с генетическими манипуляциями» (статьи 159–162). Статья 159 криминализирует любые манипуляции с геномом, которые изменяют человеческий вид (генную линию), статья 160 закрепляет запрет на репродуктивное клонирование человека. Испания четко разделяет клонирование как создание копии и иные манипуляции, что мы и предлагаем внедрить в казахстанскую практику, статья 161 запрещает оплодотворение яйцеклеток в любых целях, кроме репродукции

[1740] Статья 147 Кодекс Республики Казахстан О здоровье народа и системе здравоохранения <https://prg.kz/document/?doc_id=34464437&pos=3;89>

[1741] Борчашвили И.Ш. Комментарий к уголовному кодексу Республики Казахстан. Т.2. Особенная часть. - Алматы: Жеті Жарғы, 2021.

[1742] Кузнецова Н. Ф. «Проблемы уголовной политики: Сборник трудов»

[1743] Максимов С. В. «Эффективность общего предупреждения преступлений».

человека, статья 162 регулирует вопросы использования генной инженерии без согласия субъекта. То есть законодательство Испании четко разделяет клонирование как создание копии и иные манипуляции, что мы и предлагаем внедрить в казахстанскую практику.

Как отмечено выше, в Уголовном кодексе РК статья о клонировании человека находится в главе о правонарушениях против личности, что вызывает научные споры, поскольку клонирование осуществляется на стадии эмбриона, который в уголовно-правовом смысле еще не обладает статусом личности. В момент совершения действий, предусмотренных диспозицией статьи, отсутствует конкретный потерпевший, чьи личные права могли бы быть нарушены, что ставит под сомнение отнесение данного деяния к преступлениям против личности. Кроме того, действия носят долгоиграющий, непредсказуемый характер. Вмешательство в процессы воспроизводства человека способно повлечь изменения, которые дадут о себе знать не одномоментно, а через значительный промежуток времени, затрагивая как самого клона, так и неопределенный круг лиц. Клонирование, заменяющее половое размножение, будет способствовать разрушению традиционных форм супружеских семейных отношений утверждает Киселева А.С.[1744] Действия так же посягают на достоинство человека, потенциально затрагивая уникальность и индивидуальность личности. Помимо всего прочего, технология клонирования, стремящаяся к созданию идентичных особей и направленная на стирание различий, может быть квалифицирована как форма геноцида. Связь с геноцидом проходит и через идеологию превосходства. Исторически геноциды часто обосновывались идеей об улучшении человека, создании некой «высшей расы». Клонирование дает инструменты для реализации таких целей. Массовое клонирование индивидом с «желательными» генами неизбежно приведет к дискриминации и попыткам искоренения тех, кто обладает «дефектными» генами.

Юридическая предусмотрительность испанского законодателя доказывает, что защита «генетической неприкосновенности» не может быть ограничена лишь одной декларативной статьей. Это сложный объект, требующий выделения каждого действия, направленного на попытку клонирования или его совершения. Для Казахстана испанская модель может послужить фундаментом при создании новой главы УК РК.

То есть речь идет не только о том, что норма о клонировании не прописывает все возможные сопутствующие клонированию действия, но и о том, что нет прямого закрепления нормы, предполагающей не копирование, а изменение генома человека. В случае изменения генома будут применяться смежные статьи: умышленное или неосторожное причинение тяжкого вреда здоровью, незаконные медицинские вмешательства и др. Такой подход, опять же, не позволяет полностью учесть специфические риски, связанные с геномными манипуляциями, включая возможные негативные последствия в будущем для здоровья и наследственности всего народа.

В 2018 году на конференции в Китае ученый Хэ Цзянькуй объявил, что на свет появились первые в мире дети с отредактированным геномом. Он использовал технологию CRISPR-Cas9 с целью изменить один из генов, что сделает детей уйстойчивыми к ВИЧ инфекции, так как отцы девочек были носителями вируса. Позже выяснилось, что Хэ Цзянькуй не просто воспроизвел природную мутацию, но и создал новые, ранее не существовавшие в природе мутации. Последствия данных мутаций непредсказуемы. Ученого привлекли к ответственности лишь за «незаконную медицинскую практику», поскольку на момент совершения деяния в уголовном законодательстве Китая отсутствовал специальный состав преступления, прямо

[1744] Киселева, А. К. Правовые аспекты клонирования человека / А. К. Киселева.Молодой ученый. — 2021. — № 47 (389). — С. 211-212. https://moluch.ru/archive/389/85602.

предусматривающий ответственность за несанкционированные генетические манипуляции[1745]. Налицо стагнация уголовно-правовой доктрины на фоне стремительной цифровизации общественных отношений.

Предположим, эксперимент удался и на свет появился клон. Уже с этого момента возникают сложности в определении его правового статуса. Перед нами собственность лаборатории, «улучшенная версия» донора или самостоятельный субъект? Вопрос об определении момента начала уголовно-правовой охраны жизни человека сам по себе довольно противоречивый, однако если мы признаем, что жизнь человека начинается с рождения, независимо от метода рождения: естественное зачатие, ЭКО или перенос ядра соматической клетки, то клон будет считаться рожденным. Тогда, клон будет считаться человеком, обладающий полной правосубъектностью. Его права будут защищаться с первым вздохом, как защищаются права каждого гражданина. Исходя из этого вывода, клон несет ответственность за свои действия, несмотря на то, что создал его донор. В данной ситуации в силу вступает принцип личной вины. Клон будет являться и субъектом преступления.

Предположим и то, что клона создали для последующего изъятия органов, то его убийство с этой целью будет квалифицироваться по пункту 12 части 2 статьи 99 УК РК.

Кроме того, с определением семейно-правового статуса клона есть некоторые сложности. С точки зрения генетики, клон как однояйцевый близнец, но с значительной разницей в возрасте. С логической точки зрения клон как ребенок. Если мы признаем клон «близнецом», то нарушим институт родительства; если «ребенком», то нарушаем биологическую логику. В уголовном праве это создает диссонанс: может ли, к примеру, донор отказаться от дачи показаний против клона, согласно ст. 78 УПК РК?

Вывод

Законодательство Республики Казахстан нуждается в криминализации деяний, связанных с редактированием генома человека и определением запрета на манипуляции по созданию клона. Целесообразно говорить об объединении этих норм с положениями о клонировании и выделении их в отдельную главу «Уголовные правонарушения против человеческого генетического кода», с целью создания целостной правовой базы и, опираясь, на международный опыт, прогресса в обсуждаемом вопросе. Результат клонирования, не зависимо от того, был ли он удачным, не зависит от квалификации, так как не важно наступление последствий. В случае появления клона на свет он будет считаться полноценным отдельным субъектом в уголовно-правовом поле.

Развитие технологий Четвертой промышленной революции создало новые угрозы. Новые возможности приводят к совершению противоправных действий, которые не охватываются нынешними нормами. Обособление в самостоятельную главу правонарушения против генетической неприкосновенности устранит правовой пробел, приблизит нас к мировым стандартам биоэтики и технологической безопасности.

Список литературы:

1. Кодекс Республики Казахстан от 7 июля 2020 года № 360-VI ЗРК «О здоровье народа и системе здравоохранения». — [Электронный ресурс]. — URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2000000360 (дата обращения: 23.03.2026).

[1745] «Отредактированные» младенцы: в Китае родились первые в мире близнецы с искусственно изменённым геномом <https://russian.rt.com/science/article/576894-kitai-geneticheskoe-redaktirovanie-deti>

2. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 08.03.2026 г.). — [Электронный ресурс]. — URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226 (дата обращения: 23.03.2026).
3. О проекте Закона Республики Казахстан «О государственном регулировании генно-инженерной деятельности». — [Электронный ресурс]. — URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P020000518 (дата обращения: 23.03.2026).
4. Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (Овьедо, 4 апреля 1997 г.). — [Электронный ресурс]. — URL: https://rm.coe.int/168007cf99 (дата обращения: 23.03.2026).
5. Дополнительный протокол к Конвенции о правах человека и биомедицине, касающийся запрета клонирования человеческих существ (Париж, 12 января 1998 г.). — [Электронный ресурс]. — URL: https://rm.coe.int/168007f3f5 (дата обращения: 23.03.2026).
6. Борчашвили И. Ш. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан. Особенная часть. Т. 2. — Алматы: Жеті Жарғы, 2021. — 1120 с..
7. Кузнецова Н. Ф. Проблемы уголовной политики: Сборник трудов / под ред. В. Н. Кудрявцева. — М.: Юридическая литература, 2015. — С. 145–160.
8. Максимов С. В. Эффективность общего предупреждения преступлений. — М.: Издательство «Норма», 2017. — 240 с.
9. Киселева, А. К. Правовые аспекты клонирования человека / А. К. Киселева. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2021. — № 47 (389). — С. 211-212. — URL: https://moluch.ru/archive/389/85602.

Какимова Аружан Сансызбаевна
Х. Досмухамедов атындағы Атырау Университеті
“Қылмыстық құқық пәндер” кафедрасы
Атырау қ., Қазақстан Республикасы
E-mail: aruzankakimova7@gmail.com

«КӘМЕЛЕТКЕ ТОЛМАҒАН БАЛАЛАРҒА ҚАТЫСТЫ ЖЫНЫСТЫҚ ҚЫЛМЫСТАР ҮШІН ҚЫЛМЫСТЫҚ ЖАУАПТЫЛЫҚТЫ КҮШЕЙТУДІҢ АЛДЫН АЛУ ӘСЕРІ»

Аңдатпа: Бұл ғылыми жұмыста балаларға қатысты жыныстық қылмыстар үшін қылмыстық жауаптылықты күшейтудің алдын алу әсері қарастырылады. Зерттеу барысында Қазақстан Республикасының қылмыстық заңнамасына құқықтық талдау жүргізіліп, кәмелетке толмағандардың жыныстық қол сұғылмаушылығын қорғауға бағытталған нормалардың мазмұны айқындалды. Сонымен қатар қоғамда резонанс тудырған қылмыстық істер негізінде сот тәжірибесі зерделеніп, тағайындалатын жазалардың тиімділігі мен жеткіліктілігі бағаланды.

Түйінді сөздер: балаларға қатысты жыныстық қылмыстар, кәмелетке толмағандардың жыныстық қол сұғылмаушылығы, қылмыстық жауаптылық, жазаны күшейту, педофилия, қылмыстың алдын алу, сот тәжірибесі, рецидив, химиялық кастрация, құқықтық қорғау.

Аннотация: В данной научной работе рассматривается превентивный эффект ужесточения уголовной ответственности за сексуальные преступления против детей. В ходе исследования проведён правовой анализ уголовного законодательства Республики Казахстан, определено содержание норм, направленных на защиту половой неприкосновенности несовершеннолетних. Также на основе дел, вызвавших широкий общественный резонанс, изучена судебная практика и дана оценка эффективности и достаточности назначаемых наказаний.

Ключевые слова: сексуальные преступления против детей, половая неприкосновенность несовершеннолетних, уголовная ответственность, ужесточение наказания, педофилия, профилактика преступности, судебная практика, рецидив, химическая кастрация, правовая защита.

Abstract: This research examines the preventive effect of strengthening criminal liability for sexual crimes against children. The study provides a legal analysis of the criminal legislation of the Republic of Kazakhstan and clarifies the content of the norms aimed at protecting the sexual inviolability of minors. In addition, judicial practice is reviewed through cases that have caused significant public resonance, and the effectiveness and adequacy of imposed punishments are assessed.

Keywords: sexual crimes against children, sexual inviolability of minors, criminal liability, tougher penalties, pedophilia, crime prevention, judicial practice, recidivism, chemical castration, legal protection

КІРІСПЕ

Балаларға қатысты жыныстық қылмыстар – бұл кәмелетке толмағандарға (18 жасқа дейінгі тұлғаларға) бағытталған зорлық-зомбылық немесе сексуалдық сипаттағы әрекеттер. Мұндай қылмыстар қоғамға аса қауіпті саналады, себебі олар баланың психологиялық, физикалық және әлеуметтік дамуына орны толмас зиян келтіреді.

Қазіргі таңда кәмелетке толмаған балаларға қатысты жыныстық қылмыстар қоғам үшін аса қауіпті әрі өзекті мәселелердің бірі болып отыр. Бұл қылмыстар тек жекелеген тұлғалардың құқықтарын бұзып қана қоймай, сонымен қатар қоғамның моральдық-адамгершілік негіздеріне елеулі зиян келтіреді. Осыған байланысты

мұндай құқық бұзушылықтар үшін қылмыстық жауаптылықты күшейту және оның алдын алу тетіктерін жетілдіру мәселесі құқықтық ғылым мен тәжірибеде ерекше маңызға ие.

Зерттеу тақырыбы аясында қарастырылатын негізгі мәселелердің бірі – кәмелетке толмағандарға қатысты жыныстық қылмыстардың жаңа нысандары мен олардың жасалу тәсілдерінің күрделене түсуі. Сонымен қатар, қолданыстағы заңнаманың халықаралық құқық нормаларына толық сәйкес келмеуі, құқықтық нормалар арасындағы қайшылықтар (коллизиялар), жекелеген нормалардың құқық қағидаттарына және құқықтық актілердің негізгі идеяларына сәйкес келмеуі де өзекті мәселелер қатарында. Бұған қоса, құқық қолдану тәжірибесінде кездесетін олқылықтар мен заң талаптарының толық орындалмауы да аталған саладағы проблемаларды тереңдете түседі.

Аталған мәселелердің жиынтығы кәмелетке толмағандарды қорғау жүйесінің жеткілікті деңгейде тиімді жұмыс істемейтінін көрсетеді. Сондықтан қылмыстық жауаптылықты күшейту тек жазалау шарасы ретінде ғана емес, сонымен қатар алдын алу құралы ретінде қарастырылуы тиіс.

Негізгі бөлім

Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексі балаларға қатысты жыныстық қылмыстар үшін нақты құқықтық нормаларды белгілейді. Бұл нормалар кәмелетке толмағандарды қорғау және қылмыстың алдын алу мақсатында енгізілген.

Негізгі баптар:

120-бап – Зорлау. Кәмелетке толмаған адамға қатысты зорлау ауырлататын мән-жайлармен қоса 15 жылдан өмір бойына дейін бас бостандығынан айыру жазасын қарастырады.

121-121.1 бап - Сексуалдық сипаттағы зорлық-зомбылық әрекеттері. Жыныстық қатынасқа жатпайтын өзге де сексуалдық әрекеттер күш қолдану арқылы жасалғанда қолданылады. Көбінесе жәбірленушінің еркін басу және қорлау мақсатында жасалатын әрекеттерді қамтиды. 120-баппен бірдей қатаң жазалар 15 жылдан өмір бойына дейін бостандықтан айыру көзделген.

122-бап - Он алты жасқа толмаған адаммен жыныстық қатынас жасау немесе өзге де сексуалдық сипаттағы әрекеттер. Бұл баптың ерекшелігі – мұнда зорлық-зомбылық жоқ. Бұл жерде 18 жасқа толған адамның 16 жасқа толмаған жасөспіріммен (екі жақтың келісімі болса да) жыныстық қатынасқа түсуі. 12 жылдан 15 жылға дейінгі жаза түрі қарастырылады.

124-бап - Жас балаларды азғындау. 14 жасқа толмаған балаларға қатысты сексуалдық сипаттағы әрекеттер. Бұған балаға жыныстық мүшелерді көрсету, порнография көрсету немесе денесіне тиісу арқылы оның жыныстық санасын ерте ояту жатады. 12 жылдан 17 жылға дейін бас бостандығынан айыру[1746].

Жас ерекшеліктеріне байланысты жыныстық қылмыстарды саралау — бұл қылмыстық құқықтағы ең маңызды мәселелердің бірі. ҚР Қылмыстық кодексі жәбірленушінің жасына қарай жауаптылықты нақты бөліп көрсетеді.

Жас балаларға қатысты (14 жасқа толмағандар): Мұндай әрекеттер үшін 15 жылдан бастап өмір бойына дейін бас бостандығынан айыру жазасы тағайындалады. Бұл норма қылмыстың қоғамдық қауіптілігінің ең жоғары шегін көрсетеді.

Жасөспірімдерге қатысты (14-тен 18 жасқа дейінгілер): Егер қылмыс кәмелетке толмаған жасөспірімге қатысты жасалса, жаза мөлшері сондай-ақ 12 жылдан өмір бойына дейін бас бостандығынан айыруды құрайды. Мұнда жасөспірімнің қарсылық көрсету мүмкіндігінің шектеулі болуы және қылмыскердің өз басымдылығын

[1746] Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексі 2014 (өзгерістер мен толықтыруларымен).

(физикалық күшін, лауазымдық немесе материалдық тәуелділігін) пайдалануы қылмысты ауырлататын негізгі факторлар ретінде қарастырылады[1747].

Соңғы жылдары Қазақстан қоғамында балаларға қатысты жыныстық қылмыстар жөніндегі бірқатар істер кең қоғамдық резонанс тудырды. Мұндай істер қоғамның қылмыстық жазаға деген көзқарасын өзгертіп, қылмыстық жауаптылықты күшейту қажеттілігі мәселесін күн тәртібіне шығарды.

(1-сурет)

Балаларға қатысты жыныстық қылмыстардың қоғамға қауіптілігін көрсету мақсатында Атырау облысында орын алған резонансты қылмыстық істі мысал ретінде қарастыруға болады. Аталған іс 2025 жылы Атырау облысының Құлсары қаласында орын алып, кәмелетке толмаған балаға қатысты аса ауыр қылмыс жасалуымен сипатталады.

Сот материалдарына сәйкес, айыпталушы кәмелетке толмаған жәбірленушіге қатысты зорлық сипатындағы жыныстық әрекет жасаған және бұл әрекет ауыр зардапқа әкеп соққан. Аталған қылмыстық іс бойынша сот айыпталушыны кінәлі деп танып, Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексінде көзделген ең қатаң жаза түрін — өмір бойына бас бостандығынан айыруды тағайындады. Сонымен қатар сот шешімімен жәбірленуші тараптың пайдасына моральдық зиянды өтеу туралы шешім шығарылды.

Осы мысал балаларға қатысты жыныстық қылмыстар үшін қылмыстық жауаптылықты күшейтудің практикалық көрінісі болып табылады және мұндай қылмыстардың алдын алуда жазаның бұлтартпастығы мен қатаңдығының маңызын айқындайды[1748].

[1747] «Баланың құқықтары туралы» Қазақстан Республикасының Заңы 2002.

[1748] ҚР Жоғарғы Соты, «Кәмелетке толмағандарға қарсы жыныстық қылмыстар бойынша сот үкімдерінің жинағы 2020–2025 жж» (2025).

(2-сурет)

Мына инфографика балаларға қатысты жыныстық зорлық-зомбылық жағдайларының таралуы мен олардың құқық қорғау органдарына дейін жету деңгейін сипаттайды.

Берілген деректерге сәйкес, барлық жағдайлар 100% деп алынады. Солардың ішінде қылмыстардың басым бөлігі, шамамен 74%, жәбірленушіге таныс адамдар тарапынан жасалады. Бұл көрсеткіш балалар үшін қауіп көбіне бөгде адамдардан емес, жақын ортадан туындайтынын аңғартады. Сонымен қатар істердің 22%-ы әкелердің қатысуымен орын алады, яғни мәселенің отбасы ішіндегі сипаты да маңызды.

Инфографиканың келесі бөлігі жәбірленушілердің құқық қорғау органдарына жүгіну белсенділігін көрсетеді. Зардап шеккендердің небәрі 8–10% ғана полицияға арыз береді. Ал барлық фактілердің шамамен 20%-ы ғана сотқа дейін жетеді. Бұл көптеген қылмыстардың жасырын күйде қалатынын, түрлі әлеуметтік-психологиялық кедергілердің бар екенін білдіреді.

Жалпы, мәліметтер балаларды қорғау жүйесін күшейту, алдын алу шараларын жетілдіру және жәбірленушілерге қауіпсіз түрде көмек сұрауға мүмкіндік беру қажеттігін көрсетеді[1749].

Балаларға қатысты жыныстық қылмыстардың ерекшелігі олардың қайталану қаупінің жоғары болуымен сипатталады. Осыған байланысты қылмыстық жазамен қатар, қылмыстық рецидивтің алдын алуға бағытталған қосымша медициналық және әкімшілік шараларды қолдану мәселесі өзекті болып табылады.

Медициналық сипаттағы шаралардың бірі ретінде халықаралық тәжірибеде химиялық кастрация қолдану мәселесі талқылануда. Бұл шара жыныстық қылмыс жасаған тұлғаның физиологиялық жағдайына медициналық жолмен ықпал ету арқылы оның жыныстық белсенділігін төмендетуге бағытталған. Аталған тәсіл кейбір мемлекеттерде сот шешімімен немесе ерікті келісім негізінде қолданылып келеді.

[1749] ҚР Бас прокуратурасы, «Құқықтық статистика мәліметтері 2025 жыл» (2025).

Оның негізгі мақсаты — қауіпті мінез-құлықты түзету және қайталама қылмыстың алдын алу. Алайда бұл шара адамның құқықтары мен бостандықтарына араласу мәселесіне байланысты құқықтық және этикалық тұрғыдан даулы болып табылады[1750].

Сонымен қатар, медициналық шаралар кешенді терапия мен фармакологияда қолданылуы керек. Химиялық кастрация тек физикалық деңгейдегі гормондарды басумен шектелмеуі тиіс. Оның тиімділігі мынадай факторларға байланысты:

• Антиандрогендік препараттардың әсері: Оңтүстік Корея мен Польша тәжірибесінде қолданылатын препараттар мидың жыныстық қозғыштық орталықтарына әсер етіп, агрессияны төмендетеді. Бұл тұлғаның өз мінез-құлқын бақылауына мүмкіндік береді.

• Когнитивті-бихевиоралдық терапия (КБТ): Медициналық кастрация психологиялық түзетумен қатар жүруі шарт. Зерттеулер көрсеткендей, дәрі-дәрмек пен психотерапияның үйлесімі рецидивті 70-80%-ға дейін азайтады. Себебі педофилия — бұл тек физиология емес, сонымен қатар бұрмаланған ойлау жүйесі[1751].

Әкімшілік шаралардың ішінде ерекше маңызға ие құралдардың бірі — жыныстық қылмыс жасаған тұлғалардың арнайы тізілімі (реестрі). Мұндай тізілімдер бірқатар шет мемлекеттерде қолданылады және олардың басты мақсаты — бақылау тетігін күшейту, құқық қорғау органдарына қауіпті тұлғалар туралы ақпаратты жүйелеу, сондай-ақ қоғамның қауіпсіздігін арттыру. Бұл шара қылмыстың қайталануын шектеуге бағытталған профилактикалық құрал ретінде қарастырылады. Әкімшілік шаралардың ішіндегі ең тиімдісі — жазасын өтеп шыққан тұлғаның әрбір қадамын бақылау[1752].

•Геофенсинг (Geofencing) технологиясы: Сотталған адамға тағылған электронды білезіктер (GPS) арқылы мектептер, балабақшалар мен саябақтардың айналасында «виртуалды қоршау» құрылады. Егер бақылаудағы тұлға бұл аймаққа 200-500 метр жақындаса, кезекші полиция бөліміне автоматты түрде дабыл жетеді.

• «Меган заңы» (Megan's Law) және қоғамдық хабардарлық: АҚШ пен Ұлыбританиядағыдай, Қазақстанда да педофилдердің фотосуреті, аты-жөні және тұрғылықты жері көрсетілген ашық онлайн-картаның (fms.kgp.kz) жұмысын жетілдіру — қоғамдық бақылаудың басты құралы[1753].

Қазақстан Республикасында да балаларға қатысты жыныстық қылмыстардың алдын алу мақсатында сотталған тұлғаларға қатысты бақылау және қадағалау шаралары қолданылуда. Бұл шаралар олардың жүріп-тұруына, белгілі бір қызметпен айналысуына тыйым салу және профилактикалық есепке қою түрінде жүзеге асырылады. Мұндай әкімшілік шектеулер қылмыстық рецидивтің алдын алуға бағытталған.

Сонымен қатар, медициналық және әкімшілік шаралар қылмыстық жазаны толық алмастыра алмайды, олар тек қосымша алдын алу құралы ретінде қолданылады. Қылмыстық рецидивтің тиімді алдын алу үшін қылмыстық-құқықтық ықпал ету шараларын психологиялық оңалту, әлеуметтік бейімдеу және тұрақты бақылау жүйесімен ұштастыру қажет.

Қорыта айтқанда, кастрация және арнайы тізілім сияқты медициналық және әкімшілік шаралар педофилия сипатындағы қылмыстардың қайталану қаупін төмендетуге бағытталған қосымша құралдар ретінде қарастырылуы мүмкін. Алайда оларды қолдану адамның негізгі құқықтарын сақтау, заңдылық және гуманизм қағидаттары негізінде жүзеге асырылуы тиіс[1754].

[1750] ҚР Жоғарғы Соты, № 6 Нормативтік қаулы (11 желтоқсан 2020).

[1751] Біріккен Ұлттар Ұйымы, «Балаға қатысты жыныстық қанаудың алдын алу жөніндегі халықаралық құжаттар».

[1752] Европа Кеңесі, Балаларды жыныстық қанаудан және жыныстық зорлық-зомбылықтан қорғау туралы Лансароте конвенциясы (2007).

[1753] ЮНИСЕФ, «Балаларды қорғау жөніндегі жаһандық баяндамалар 2022–2024 жж» (ЮНИСЕФ 2024).

[1754] Қайырбеков НА, Қылмыстық құқық (Ерекше бөлім) (Алматы 2022) 56.

Балаларға қатысты жыныстық қылмыстардың алдын алу мәселесі көптеген мемлекеттердің қылмыстық саясатында басым бағыттардың бірі болып табылады. Осыған байланысты шетелдік елдердің заңнамаларында кәмелетке толмағандардың жыныстық қол сұғылмаушылығын қорғауға бағытталған арнайы құқықтық тетіктер қалыптастырылған.

АҚШ заңнамасында балаларға қатысты жыныстық қылмыстар үшін қатаң қылмыстық жауаптылық көзделген. АҚШ-та қылмыстық құқық екі деңгейде жұмыс істейді: федералдық және штаттық заңнамалар.

Мысал ретінде:

18 U.S. Code § 2243 – Sexual abuse of a minor

Күш қолдану немесе 12 жасқа толмаған балаға қатысты жыныстық зорлық. Жаза:30 жылға дейін немесе өмір бойына.

18 U.S. Code § 2243 – Sexual abuse of a minor

Кәмелетке толмағанмен (әдетте 12–16 жас аралығы) жыныстық қатынас. Жаза:15 жылға дейін.

18 U.S. Code § 2251 – Sexual exploitation of children

Баланы порнографиялық материал жасауға пайдалану. Жаза: ең кемі 15 жыл, 30 жылға дейін немесе кей жағдайда өмір бойына.

Сонымен қатар, жыныстық қылмыс жасаған тұлғаларға арналған арнайы қылмыскерлер тізілімі (sex offender registry) қолданылады. Бұл тізілім арқылы құқық қорғау органдары сотталған тұлғаларды тұрақты бақылауда ұстайды, ал кейбір жағдайларда қоғамға белгілі бір деңгейде ақпарат ашық түрде беріледі. Мұндай жүйе қылмыстың қайталану қаупін төмендетуге бағытталған алдын алу шарасы ретінде қарастырылады[1755].

Қазақстан Республикасының заңнамасымен салыстырғанда, шетелдік тәжірибеде алдын алу шараларына көбірек көңіл бөлінетіні байқалады. Атап айтқанда, тек жазалау ғана емес, сонымен қатар қылмыскердің қайта қылмыс жасау мүмкіндігін төмендетуге бағытталған ұзақ мерзімді бақылау және оңалту жүйелері дамыған.

Осыған байланысты халықаралық тәжірибені ескере отырып, Қазақстан Республикасында балаларға қатысты жыныстық қылмыстардың алдын алу жүйесін жетілдіру үшін сотталған тұлғаларды бақылаудың қосымша тетіктерін дамыту, медициналық және психологиялық ықпал ету шараларын заңнамалық деңгейде нақтылау қажет деп есептеледі[1756].

Балаларға қатысты жыныстық қылмыстардың алдын алу және олар үшін қылмыстық жауаптылықтың тиімділігін арттыру мақсатында Қазақстан Республикасының қылмыстық заңнамасын одан әрі жетілдіру қажеттілігі туындайды. Бұл бағытта халықаралық тәжірибені ескере отырып, келесі ұсыныстарды ұсынуға болады.

Біріншіден, балаларға қатысты жыныстық қылмыстар үшін жаза тағайындау кезінде олардың қайталану қаупін ескеретін арнайы критерийлерді заңнамалық тұрғыдан нақтылау қажет. Мұндай критерийлер соттардың жаза тағайындауда бірізді тәжірибе қалыптастыруына және әділеттілік қағидатын сақтауға мүмкіндік береді.

Екіншіден, педофилия сипатындағы қылмыстар жасаған тұлғаларға қатысты бақылау және қадағалау жүйесін күшейту ұсынылады. Атап айтқанда, оларды пробациялық бақылауға алу, белгілі бір аумақтарда жүруге шектеу қою және балалармен байланысты қызмет түрлерімен айналысуға тыйым салу сияқты әкімшілік-құқықтық шараларды кеңейту қажет.

Үшіншіден, қылмыстық жазамен қатар медициналық және психологиялық түзету шараларын қолдану тетіктерін жетілдіру маңызды. Мұндай шаралар сотталған

[1755] United States Code, Title 18 §§ 2243, 2251 (1926).

[1756] Қайырбеков НА, Қылмыстық құқық (Ерекше бөлім) (Алматы 2022) 67.

тұлғалардың мінез-құлқын түзетуге және қылмыстың қайталану қаупін төмендетуге бағытталуы тиіс. Бұл ретте адамның негізгі құқықтарын сақтау және гуманизм қағидаттарын сақтау басты шарт болып табылады.

Төртіншіден, балаларға қатысты жыныстық қылмыстардың алдын алу мақсатында ақпараттық-танымдық және құқықтық ағарту жұмыстарын күшейту қажет. Білім беру ұйымдарында балалардың жеке қауіпсіздігін қамтамасыз етуге бағытталған бағдарламаларды енгізу және ата-аналардың құқықтық мәдениетін арттыру маңызды практикалық шара болып табылады.

Бесіншіден, сот тәжірибесін жүйелеу және талдау арқылы балаларға қатысты жыныстық қылмыстар жөніндегі істер бойынша әдістемелік ұсынымдар әзірлеу ұсынылады. Бұл құқық қолдану тәжірибесінде біркелкілікті қамтамасыз етуге және заң нормаларын дұрыс қолдануға ықпал етеді.

Қорыта айтқанда, Қазақстан Республикасының қылмыстық заңнамасын жетілдіру балалардың жыныстық қол сұғылмаушылығын қорғаудың құқықтық кепілдіктерін күшейтуге бағытталуы тиіс. Ұсынылған шараларды іске асыру қылмыстық саясаттың тиімділігін арттырып, жыныстық қылмыстардың алдын алу жүйесін жетілдіруге мүмкіндік береді.

ҚОРЫТЫНДЫ

Бұл мақалада балаларға қатысты жыныстық қылмыстар үшін қылмыстық жауаптылықты күшейтудің құқықтық негіздері мен оның тиімділігі жан-жақты талданды. Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексінде кәмелетке толмағандардың жыныстық қол сұғылмаушылығын қорғауға бағытталған арнайы нормалар көзделгені және бұл қылмыстардың қоғамға аса қауіпті екені анықталды.

Қоғамда резонанс тудырған қылмыстық істерді талдау сот тәжірибесінде мұндай санаттағы қылмыстар үшін ең қатаң жаза түрлерін қолдану үрдісі қалыптасқанын көрсетті. Бұл мемлекет тарапынан балалардың құқықтары мен заңды мүдделерін қорғауға ерекше көңіл бөлініп отырғанын дәлелдейді. Сонымен қатар, жазаның қатаңдығы қылмыстың алдын алуға бағытталған маңызды құралдардың бірі болып табылады.

Мақалада балаларға қатысты жыныстық қылмыстардың алдын алу тек қылмыстық жауаптылықты күшейтумен шектелмеуі тиіс екені анықталды. Мұндай қылмыстардың алдын алуда білім беру ұйымдарының, әлеуметтік қызметтердің және құқық қорғау органдарының өзара үйлесімді іс-қимылы маңызды рөл атқарады. Балаларға құқықтық тәрбие беру, олардың жеке қауіпсіздік дағдыларын қалыптастыру және ата-аналардың құқықтық сауаттылығын арттыру қылмыстың бастапқы кезеңде алдын алынуына мүмкіндік береді.

Зерттеу нәтижелері көрсеткендей, балаларға қатысты жыныстық қылмыстарға байланысты заңнаманы одан әрі жетілдіру барысында қылмыстың қайталану қаупін ескеретін дифференциалды жаза жүйесін енгізу және қадағалау тетіктерін күшейту өзекті болып табылады. Бұл қылмыстық жауаптылықтың тек репрессивтік емес, сонымен қатар түзету және алдын алу сипатта қолданылуына мүмкіндік береді.

Қорытындылай келе, балаларға қатысты жыныстық қылмыстар үшін қылмыстық жауаптылықты күшейту әділетті әрі қажетті шара болып табылады. Алайда мұндай қылмыстардың толық алдын алу үшін қылмыстық-құқықтық ықпал ету шараларын әлеуметтік, медициналық және тәрбиелік жұмыстармен ұштастыратын кешенді жүйе қалыптастыру қажет.

Ұсынылған қорытындылар мен тұжырымдар Қазақстан Республикасының қылмыстық заңнамасын одан әрі жетілдіруге және балалардың жыныстық қол сұғылмаушылығын қорғау тетіктерін нығайтуға бағытталған ғылыми және практикалық маңызға ие. Осылайша, балаларға қатысты жыныстық қылмыстармен күресудің тиімділігі құқықтық ықпал ету шараларының қатаңдығымен ғана емес, алдын алу,

қорғау және оңалту элементтерін қамтитын көпдеңгейлі жүйенің қалыптасуымен айқындалады. Мұндай тәсіл балалардың құқықтары мен заңды мүдделерін қорғауды қамтамасыз етудің тұрақты әрі ұзақ мерзімді моделін қалыптастыруға мүмкіндік береді.

Пайдаланылған әдебиеттер:

1. Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексі 2014 (өзгерістер мен толықтыруларымен).
2. «Баланың құқықтары туралы» Қазақстан Республикасының Заңы 2002.
3. ҚР Жоғарғы Соты, «Кәмелетке толмағандарға қарсы жыныстық қылмыстар бойынша сот үкімдерінің жинағы 2020–2025 жж» (2025).
4. ҚР Бас прокуратурасы, «Құқықтық статистика мәліметтері 2025 жыл» (2025).
5. ҚР Жоғарғы Соты, № 6 Нормативтік қаулы (11 желтоқсан 2020).
6. Біріккен Ұлттар Ұйымы, «Балаға қатысты жыныстық қанаудың алдын алу жөніндегі халықаралық құжаттар».
7. Еуропа Кеңесі, Балаларды жыныстық қанаудан және жыныстық зорлық-зомбылықтан қорғау туралы Лансароте конвенциясы (2007).
8. ЮНИСЕФ, «Балаларды қорғау жөніндегі жаһандық баяндамалар 2022–2024 жж» (ЮНИСЕФ 2024).
9. Қайырбеков НА, Қылмыстық құқық (Ерекше бөлім) (Алматы 2022).
10. United States Code, Title 18 §§ 2243, 2251 (1926).

Салдырова Ақбөбек
Құқықтану мамандығы бойынша 1 курс магистранті
Құқық Жоғары мектебі, Maqsut Narikbayev University
Астана қаласы, Қазақстан
E-mail: a_saldyrova@mnu.kz

КӘМЕЛЕТКЕ ТОЛМАҒАНДАРҒА ҚАТЫСТЫ ДЕРЕКТЕРДІ АЛГОРИТМДІК ПРОФИЛЬДЕУ – КРИМИНОГЕНДІК ТӘУЕКЕЛ ФАКТОРЫ

Андатпа: Цифрлік технологиялар дамыған сайын криминогендік детерминация теориясы да жаңа жағдайларға бейімделуі тиіс. Дәстүрлі криминология девиантты мінез-құлықтың себептерін отбасылық орта, әлеуметтік жағдай немесе тікелей виктимизация арқылы түсіндіріп келді. Алайда бүгінгі күні кәмелетке толмағанның мінез-құлқын алдын-ала болжамдай алатын тағы бір фактор пайда болды – алгоритм.

Осы мақала деректерді алгоритмдік профильдеуді криминогендік детерминацияның дербес факторы ретінде теориялық тұрғыдан негіздейді. АҚШ, Еуропалық Одақ және Ұлыбритания заңнамасына, сонымен қатар шетелдік зерттеулердің эмпирикалық деректеріне салыстырмалы-құқықтық талдау нәтижесінде криминогендік ықпалдың келесі бес негізгі механизмдері анықталды: контентті алгоритмдік радикалдандыру, мемлекеттік басқару жүйелеріндегі стигматизациялаушы профильдеу, кәмелетке толмағандардың психологиялық осалдықтарын коммерциялық мақсатта пайдалану, алгоритммен құрылған ақпарттық ортада девианттық тұлғаны қалыптастыру және қылмыстық топтарға таргеттелген аудитория құру. Отандық заңнаманы талдау оның шетелдік стандарттардан біршама артта қалатынын көрсетті. Нормативті анықтаманың жоқтығы және институционалды бақылау тетігінің болмауы осы олқылықтардың негізін құрайды. Зерттеу нәтижесінде «Дербес деректер және оларды қорғау туралы» Заңға арнайы тарау енгізу, кәмелетке толмағандарға қатысты деректерді алгоритмдік әсерді бағалаудың ұлттық стандартын әзірлеу және уәкілетті органға тиісті өкілеттіліктер беру бойынша нақты ұсыныстар тұжырымдалды.

Түйінді сөздер: алгоритмдік профильдеу, кәмелетке толмағандар, криминогендік факторлар, цифрлік орта, дербес деректер, қылмыстық құқық, жасанды интеллект, бала құқықтарын қорғау, цифрлік стигматизация, салыстырмалы құқық жүргізу.

Аннотация: По мере развития цифровых технологий теория криминогенной детерминации также должна адаптироваться к новым условиям. Традиционная криминология объясняла причины девиантного поведения семейной средой, социальным положением или прямой виктимизацией. Однако сегодня появился еще один фактор, способный предсказывать поведение несовершеннолетнего, — алгоритм.

Данная статья теоретически обосновывает алгоритмическое профилирование данных как самостоятельный фактор криминогенной детерминации. В результате сравнительно-правового анализа законодательства США, Европейского союза и Великобритании, а также эмпирических данных зарубежных исследований были выявлены следующие пять основных механизмов криминогенного воздействия: алгоритмическая радикализация контента, стигматизирующее профилирование в системах государственного управления, коммерческое использование психологической уязвимости несовершеннолетних, формирование девиантной личности в алгоритмически созданной информационной среде и формирование таргетированной аудитории для преступных групп. Анализ отечественного законодательства показал, что оно несколько отстает от зарубежных стандартов.

Основу этих пробелов составляют отсутствие нормативного определения и механизма институционального контроля. По результатам исследования сформулированы конкретные предложения по включению специальной главы в Закон «О персональных данных и их защите», разработке национального стандарта оценки алгоритмического воздействия в отношении данных несовершеннолетних, а также наделению уполномоченного органа соответствующими компетенциями.
Ключевые слова: алгоритмическое профилирование, несовершеннолетние, криминогенные факторы, цифровая среда, персональные данные, уголовное право, искусственный интеллект, защита прав детей, цифровая стигматизация, сравнительное правоведение.

Abstract: As digital technologies advance, the theory of criminogenic determination must also adapt to new conditions. Traditional criminology has explained the causes of deviant behavior through family environment, social status, or direct victimization. Today, however, another factor has emerged that can predict the behavior of a minor: the algorithm.

This article theoretically substantiates algorithmic data profiling as an independent factor of criminogenic determination. Through a comparative legal analysis of the legislation in the USA, the European Union, and the UK, alongside empirical data from foreign studies, the following five primary mechanisms of criminogenic influence were identified: algorithmic radicalization of content, stigmatizing profiling in public administration systems, commercial exploitation of minors' psychological vulnerabilities, formation of a deviant personality within an algorithm-generated information environment, and the creation of targeted audiences for criminal groups. An analysis of domestic legislation revealed that it lags somewhat behind foreign standards. The absence of a normative definition and an institutional control mechanism forms the basis of these regulatory gaps. Based on the research findings, specific proposals were formulated to introduce a special chapter into the Law "On Personal Data and its Protection," develop a national standard for algorithmic impact assessment concerning minors' data, and grant the appropriate powers to the authorized body.
Keywords: algorithmic profiling, minors, criminogenic factors, digital environment, personal data, criminal law, artificial intelligence, protection of children's rights, digital stigmatization, comparative law.

Кіріспе

Цифрлік технологиялардың қарқынды дамуы жеке тұлғаға әсер етудің жаңа түрін қалыптастырды: ендігі уақытта ықпал тікелей емес, адамның мінез-құлқы онлайн кеңістікте тіркеліп, талданып, бағаланатын жүйелер арқылы жанама түрде жүреді. Кәмелетке толмағандар психикалық даму, әлеуметтік өзін-өзі тану және құндылықтар қалыптастыру кезінде осы жүйелердің нысанасына айналды.

Кәмелетке толмағандарға қатысты деректерді алгоритмдік профильдеу, яғни тәуекелдер санатына жатқызу, іс-әрекеттерді болжау және басқару шешімдерін қабылдау мақсатында олардың мінез-құлқы туралы деректерді жинау, салыстыру және автоматтандырылған талдау коммерциялық мақсаттағы ұсыныстардан бастап мемлекеттік қорғау құралдарына дейінгі әртүрлі салаларда белсенді қолдануда. Алгоритм жай ғана «көмекші» құрал шеңберінен шығып, баланың болашағын шешуші институтқа айналды.

Криминология ғылым саласында бұл өзгерісті елемеу мүмкін емес. Бұрын криминогендік факторлар отбасылық дисфункциямен, виктимизациямен, тәрбие кемшіліктерімен байланысты болса, қазіргі уақытта бұл тізбекке алгоритм де қосылды. Маңыздысы – алгоритм тек бар тәуекелдерді анықтап қана қоймай, теріс мінез-құлықтық жағдайларды өзі белсенді күшейтеді. Осы мағынада алгоритмдік профильдеу алдын-алу қызметімен қатар криминогендік қызмет те атқарады.

Зерттеудің өзектілігі бірнеше тұрғыдан негізделеді. Біріншіден, Қазақстанда кәмелетке толмағандардың басым бөлігі 5-8 жас аралығында интернетті қолданып бастайды. Екіншіден, отандық заңнамада кәмелетке толмағандарға қатысты деректерді алгоритмдік профильдеуге қатысты арнайы нормалар жоқ, ал «Қазақстан балалары» 2026–2030 жылдарға арналған тұжырымдамасы бұл олқылықты мемлекет деңгейінде өзі де мойындаған. Үшіншіден, криминологиялық ғылымда алгоритмдік профильдеу дербес криминогендік фактор ретінде зерттелмеген. Осы үш себеп мақаланың ғылыми жаңалығын анықтайды.

Мақалада алгоритмдік профильдеу дегеніміз не, неге кәмелетке толмағандар цифрлік бағалаудың арнайы объектісі ретінде саналады, іс жүзінде қандай криминогендік әсерлер пайда болады және осы мәселені заңнамалық тұрғыдан қалай шешуге болады деген сұрақтарға жауап береміз. Талдауды «алгоритмді қалай реттеуге болады» емес, «алгоритм балаға не істейді» деген мәселе тұрғысынан жүргіземіз.

Негізгі бөлім

Алгоритмдік профильдеу ұғымы және кәмелетке толмағандарға қолданылуының ерекшелігі

Алгоритмдік профильдеу – деректерді автоматтандырылған немесе ішінара автоматтандырылған форматта жинау, салыстыру және талдау арқылы адам туралы тұрақты сипаттамаларды анықтауға, оның мінез-құлқын болжауға және оны тәуекел санатына жатқызуға бағытталған жүйелі процесс. Цифрлік ортада профильдеу тек жекелеген мәліметтерге ғана емес, күнделікті белсенділіктің цифлік іздеріне сүйенеді. Мысалы, қаралымдар, іздеу сұраулары, лайктар, комментарийлер, тілдесу ортасы.

Техникалық тұрғыдан профильдеу кеңірек datafication процессіне кіріктірілген, оған сәйкес әлеуметтік өмір сақтауға, талдауға және монетизациялауға жарамды машинамен оқылатын деректерге айналады.[1757] Algorithmic Mirror құралын зерттеу нәтижелеріне сәйкес кәмелетке толмағандар «Youtube», «TikTok», «Netflix» секілді платформалардан қалыптасқан өз цифрлік іздерімен таныс болғаннан кейін жиналған деректердің ауқымын тереңірек түсінетіні анықталды. [1758]

Профильдеу бейтарап статистикалық операция болып табылмайды. Алгоритмдік есеп берудің еуропалық доктринасы автоматтандырылған жүйелер тәуекелдерді арттырады деп болжайды, яғни жиналған деректер адамдарды тұрғын-үй, жұмыспен қамту, білім беру және әлеуметтік қызметтер бойынша санаттарға бөлу үшін пайдаланылады, ал модельдердің ашық болмауы қателіктерді және кемсітушіліктерді анықтауға мүмкіндік бермейді.[1759] Алгоритм модельдері оларды әзірлеушінің таңдауын, оқыту деректерінің шектеулерін және жасырын бағалау болжамдарын орындайды, демек алгоритмнің бейтараптылығы туралы уәждер методологиялық тұрғыдан негізсіз.

Кәмелетке толмағандардың деректерін профильдеудің ерекшілігі – бағалау объектісі ретіндегі тұлға психикалық, эмоционалды және әлеуметтік қалыптасу кезеңінде болуы. Оху мен Джонс зерттеуі бойынша кәмелетке толмағандар ортасы оларды мойындауға үлкен қажеттілікпен, құрдастарының қысымымен және жеке бас

[1757] Yui Kondo және басқалары, ‘Interactive Visualizations for Adolescents to Understand and Challenge Algorithmic Profiling in Online Platforms’ (2026) arXiv 2601.07381, 2–3.
[1758] ibid 1–2.
[1759] Celine Castets-Renard, ‘Accountability of Algorithms in the GDPR and Beyond: A European Legal Framework on Automated Decision-Making’ (2019) 30 Fordham Intell Prop Media & Ent LJ 91, 91–99, https://doi.org/10.2139/ssrn.3391266

тұрақсыздығымен сипатталады[1760]. Алгоритмдік профильдеу эмоционалды және поляризациялық контент арқылы дәл осы осалдықтарды күшейтеді. Нәтижесінде профильдеу тек мінез-құлық үлгілерін белгілеп қана қоймай, нақты сипаттамаларды цифрлік маңызы бар деп бекіту арқылы тұлғаның қалыптасуына араласады.

Кәмелетке толмағандардың деректерін мазмұндық алгоритмдік профильдеу үш элементтен тұрады: 1) деректерді түрлі қайнар көздерден жинау және біріктіру; 2) алдын-ала берілген категория мен модельдер арқылы оларды интерпретациялау; 3) нәтижелерін шешімдер қабылдау үшін қолдану, мысалы контент ұсыныстары, бақылауды күшейту, ресурстарды бөлу.[1761] Егер субъектінің деректері негізінде оның құқықтық немесе әлеуметтік жағдайына әсер ететін сипаттама берілсе, профильдеу нормативті іріктеудің механизміне айналады. Дәл осы үшінші элемент профильдеу механизмін заңи және криминологиялық тұрғыдан маңызды етеді.

Профильдеудің тағы бір маңызды сипаты ретінде оның уақытша емес, жинақталған сипат алатынын айтуға болады. Бала туралы бір рет жасалған цифрлік болжам жойылмайды, ол деректер базасында сақталып, кейінгі шешімдерге ықпал етіп отырады. Бұл мәселе криминологияда «таңбалаудың кумулятивті эффектісі»[1762] деп аталады, яғни алғашқы белгі кейінгі институционалды реакцияларды тізбектей туғызады.

Осылайша, кәмелетке толмағандарға қатысты деректерді алгоритмдік профильдеу – кешенді әлеуметтік-техникалық және құқықтық құбылыс. Цифрлік модель кәмелетке толмағанды тәуекелді тасымалдаушы ретіндегі идеясын бекіткен кезде, профильдеу ақиқатты көрсетуді тоқтатады және оны өзі ойдан шығара бастайды. Бұл мәселені дербес деректер тақырыбынан шығарып, оны криминологиялық талдаудың тақырыбына айналдырады.

Алгоритмдік профильдеудің криминогендік механизмдері

Алгоритмдік профильдеуді криминогендік фактор ретінде қарастыру кезінде біз оны девиантты мінез-құлық тудыратын әлеуметтік-құқықтық құбылыс тұсынан саралаймыз. Криминогендік тәуекел деп кәмелетке толмағанды тікелей қылмыс жасауға итермелеу емес, девиантты мінез-құлық ықтималдығы жоғарылайтын жағдайды жүйелі түрде құруды санаймыз. Криминогендік фактор ретінде алгоритмдік профильдеу кәмелетке толмағандарға бірнеше әсер ету механизмдеріне ие.

Бірінші механизм – контентті алгоритмдік радикалдау. Youtube, TikTok және Instagram секілді онлайн-платформалардың ұсынушы жүйелері қолданушының ақпараттық қажеттілігіне емес, плафтормамен өткізетін уақытты ұзартуға бағытталған. Экстремизм, деструктивті мінез-құлық, суицид және тағы да басқа сол сияқты нақты бір тақырыпта видеоматериал қараған кәмелетке толмағанға алгоритм автоматты түрде радикалды контент жіберіп отырады.[1763] Шин және Джиткаджорнанич зерттеулері TikTok онлайн-платформасының өзін-өзі алгоритмдік радикалдандыру құбылысын байқаған: алгоритмнің кері инженерлік аудиті платформаның

[1760] Ohu F., Jones L. 'Adolescents, Disinformation, and AI Profiling: A Forensic Cyberpsychology Approach to Mitigating National Security Risks' (2025) 2(60) Scientific Bulletin 240, <https://doi.org/10.2478/bsaft-2025-0024>.

[1761] Hildebrandt M, 'Defining Profiling: A New Type of Knowledge?' in M Hildebrandt and S Gutwirth (eds), Profiling the European Citizen (Springer 2008) 17, 19–22.

[1762] Gandy OH, The Panoptic Sort: A Political Economy of Personal Information (Westview Press 1993) 15–19.

[1763] Sunstein CR, #Republic: Divided Democracy in the Age of Social Media (Princeton University Press 2017) 59–66.

қоданушыларды тиімді жас сүзгілеу механизмдерінсіз орташа мазмұннан экстремалды мазмұнға дейін жетелейтіндігін көрсетті.[1764]

Бұл механизмнің кәмелетке толмағандарға ерекше қауіпті болуының нейробиологиялық негізі бар. Ақпаратты сыни бағалауға және импульстарды басқаруға жауап беретін префронтальды қабық 25 жасқа таяп толық қалыптасады.[1765]Қос үдерісті таным теориясына қатысты зерттеулерге сүйенсек, кәмелетке толмағандарда префронтальды қабық толық жетілмегендіктен олар көбінесе импульсивті «бірінші жүйе» арқылы ойланып, терең талдауды қажет ететін «екінші жүйені» сирек пайдаланады.[1766] Демек, алгоритммен таңдалған эмоцияға толы контент сыни бағаланбайды және кәмелетке толмағанның құндылық бағдары жүйесіне орнығады.

Бұл механизмнің өмірдегі мысалы – алгоритммен ұсынылған экстремистік контент пен терроризм актісін жүзеге асыру арасындағы тікелей байланысты айқындаған Брентон Тарран ісі. Жаңа Зеландия Корольдік тергеу комиссиясының анықтауы бойынша, шабуылға дейін Тарран бірнеше ай бойы Youtube және Facebook алгоритмдері ұсынған радикалды контентті қараған.[1767] Тарран кәмелетке толғанына қарамастан. Бұл іс алгоритмдік радикалдану механизмін түсіну үшін маңызды прецедент болып табылады.

Екінші механизм – қоғамдық басқару жүйелеріндегі стигматизациялық профильдеу. Балаларды қорғау, білім беру және құқықтық тәртіп саласында мемлекеттік органдар қолданатын алгоритмдік құралдар институттардың кәмелетке толмағандармен өзара іс-қимыл сипатын өзгертетін тәуекел профилін қалыптастырады. Мугамба өзінің child welfare испандық жүйелерін зерттеуінде Каталония мен Мадридтің алгоритмдік жүйелері балаларға зорлық-зомбылық фактілеріне тікелей қатысы жоқ әлеуметтік-экономикалық деректерге сүйеніп жоғары мазасыздану ұпайларын беретінін анықтады. Аз қамтылған топқа жату мен жоғары тәуекел индексі арасындағы корреляция r=0.51 (Каталония) және r=0.46 (Валенсия) болды ($p < 0.01$).[1768] Бұл нәтиже алгоритмідк тұрғыдан кедейліктің қылмыстық қауіптіліктің белгісі ретінде түсіндірілетінін көрсетеді.

Криминологияда бұл эффект Беккердің стигматизация теориясы бойынша түсіндіріледі. [1769]Оған сәйкес субъектіні девиант деп белгілеу оның девиантты байланыстырын көбейте отырып, әлеуметтік ортасын өзгертеді. Кәмелетке толмағандарға қатысты стигма алгоритммен қалыптасады (адамның қатысуынсыз), сондықтан «объективті» ретінде қабылданады. Мугамба зерттеуі бойынша, Мадрид пен Андалусияда жоғары-тәуекелдік классификациялау жағдайларының 92.4% және 94.1%-ы автоматты түрде әкімшілік тергеуге алып келген. [1770]Маманның алгоритмге

[1764] Shin D., Jitkajornwanich K. 'How Algorithms Promote Self-Radicalization: Audit of TikTok's Algorithm Using a Reverse Engineering Method' (2024) 42(4) Social Science Computer Review 1020, <https://doi.org/10.1177/08944393231225547>.

[1765] Casey BJ, Jones RM және Hare TA, 'The Adolescent Brain' (2008) 1124 Annals of the New York Academy of Sciences 111, 113–115.

[1766] M Lemaire және басқалары, 'The Development of Media Truth Discernment and Fake News Detection Is Related to the Development of Reasoning during Adolescence' (2025) 15(1) Scientific Reports 1, 6, <https://doi.org/10.1038/s41598-025-90427-z>.

[1767] Royal Commission of Inquiry into the Terrorist Attack on Christchurch Mosques, Ko tō tātou kāinga tēnei (Report, New Zealand Government 2020) vol 2, 189

[1768] Mugamba E, 'Predictive Protection or Profiling? A Legal-Ethical Framework for Algorithmic Risk Tools in Child Welfare Systems in Spain' (2025) 1(2) Journal of Applied Mechanics Reviews and Reports 1, <https://doi.org/10.21203/rs.3.rs-7388305/v1>.

[1769] Becker HS, Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance (Free Press 1963) 9–14.

[1770] Ibid 9.

қарсы шығу мүмкіндігі болмаған, бұл феномен discretion displacement (дискрециялық ығыстыру) деп аталады. [1771]

Алайда бұл механизмді біржақты бағаламау керек. Алгоритмдік профильдеу мемлекеттік жүйелерде пайдалы да болуы мүмкін: ол шынымен тәуекел тобындағы кәмелетке толмағандарды ерте анықтауға, ресурстарды тиімді бөлуге көмектеседі. Мәселе профильдеудің өзінде емес, оның қалай жүзеге асатынында. Ашықтығы жоқ жанама деректерге ғана сүйенетін жүйелер стигматизацияның криминогендік механизміне айналады.

Үшінші механизм – психологиялық осалдықтарды коммерциялық мақсатта қолдану. Алгоритмдік профильдеу платформаларға кәмелетке толмағандардың психологиялық осалдықтарын нақты анықтауға және осы осалдықтарды пайдалану мақсатында тиісті контентті жіберуге жол береді.

Centre for Countering Digital Hate ұйымы зерттеген 14 жастағы Молли Расселдің ісі осыны айқын көрсетеді. Ол Instagram және Pinterest парақшасында депрессияның сипаттары бар жазба салғаннан соң, кейінгі 24 сағатта өзіне зиян келтіруді үгіттейтін онлайн-топтарға алгоритмдік ұсыныстар ала бастады.[1772] Платформа алгоритмі Моллидің осалдығын анықтап қана қоймай, оның депрессивті жағдайын коммерциялық мақсатта одан әрі күшейтті. Осыған ұқсас алгоритмдер арқылы құрылған таргетинг мүмкіндіктерін қылмыстық топтар да қолданатыны криминологиялық тұрғыдан маңызды болып табылады.

Төртінші механизм – «цифрлік айна» арқылы криминогендік тұлғаны қалыптастыру. Алгоритм кәмелетке толмағанның профиліне сай іріктелген контент басым болатын дербес ақпараттық кеңес құрастырады. Бұл механизмді Әлеуметтік сәйкестік теориясымен байланыстыра аламыз.[1773] Оған сәйкес жасөспірімдер өзін-өзі бағалаудың едәуір бөлігін бір топқа қатыстылықтан алады, ал алгоритм қатысу тұрғысынан ең пайдалы сәйкестілік белгілерін жүйелі түрде растайды. Егер кәмелетке толмағанның профилі агрессивтілік немесе құқыққа қайшы субмәдениетке қызығушылық белгілерін анықтаса, алгоритм оны үнемі бекітіп отырады.

Бұл құбылыс психологияда Кулидің «айнадағы Мен» концепциясымен байланысты[1774]. Оған сәйкес субъект өзі туралы түсінікті айналадағылардың реакциясын қабылдау арқылы қалыптастырады. Алгоритммен жасалған «айна» осы процессті өзін-өзі девиантты сәйкестендіруге қарай жүйелі түрде бұрмалайды. Бұл құбылыс Перез-Торрес зерттеуінде расталды, оған сәйкес кәмелетке толмағандардың тұлғалық қалыптасу кезеңінде әлеуметтік желілер цифрлік әлеуметтік айна ретінде жұмыс істейді.[1775]

Бесінші механизм – таргеттендірілген байланыс арқылы құқыққа қарсы қызметке тікелей тарту. 2020 жылғы Еуропол баяндамасына сәйкес кәмелетке толмағандарды эксплуатациямен, экстремизммен айналысатын топтарға тарту көбінесе әлеуметтік желілердегі алгоритмдік таргеттендірілген ұсыныстар арқылы жүзеге асырылды.[1776] «County Lines» атты британдік ісінде ұйымдасқан қылмыстық

[1771] Citron DK, 'Technological Due Process' (2008) 85 Washington University Law Review 1249, 1278–1282.

[1772] Centre for Countering Digital Hate, Deadly by Design: TikTok Pushes Harmful Content Promoting Eating Disorders, Self-Harm and Suicide to Teens (Report, CCDH 2022) 6, <https://counterhate.com/wp-content/uploads/2022/12/CCDH-Deadly-by-Design_120922.pdf>.

[1773] Tajfel H., Turner JC. 'An Integrative Theory of Intergroup Conflict' in WG Austin and S Worchel (eds), The Social Psychology of Intergroup Relations (Brooks/Cole 1979) 33, 40–47, <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.30820.60809>.

[1774] Cooley CH, Human Nature and the Social Order (Scribner's 1902) 183–185.

[1775] Pérez-Torres V, 'Social media:a digital social mirror for identity development during adolescence. Curr Psychol 43, 22170–22180 (2024), 22173. <https://doi.org/10.1007/s12144-024-05980-z>.

[1776] Europol, The Challenges of Countering Human Trafficking in the Digital Era (2020)1, <https://www.europol.europa.eu/cms/sites/default/files/documents/the_challenges_of_countering_human_trafficking_in_the_digital_era.pdf>.

топтар Instagram және Snapchat онлайн-платформаларын тұрмысы нашар отбасыдан шыққан кәмелетке толғандарды анықтап, кейін оларды есірткі жеткізушісі ретінде топқа тарту үшін қолданғаны белгілі болды. [1777]Бұл жерде кәмелетке толмаған тек жәбірленуші ретінде ғана емес, алгоритм оны тарту объектісі ретінде белсенді анықтаған субъект ретінде де қарастырылуы тиіс.

Жоғары айтылған бес механизмнің жиынтығы кәмелетке толмағандарға қатысты деректерді алгоритмдік профильдеуді цифрлік кеңістіктегі жүйелі криминогендік фактор ретінде саралауға негіз береді. Бұл фактордың криминологиялық ерекшелігі – оның бір уақытта жаппай және дербестендірілген түрде әсер етуінде. Алгоритм бір уақытта миллиондаған кәмелетке толмағандарға ықпал ете отырып, осы ықпалды әрқайсысына дербес сәйкестендіреді.

Осы мәселені шешу үшін ҚР «Баланың құқықтары туралы» Заңында бар (балаларды денсаулығы мен дамуына зардабын тигізетін ақпараттан қорғау) нормалар жеткіліксіз, себебі заңда алгоритмдік жүйелерді бақылау механизмдері қамтылмаған. [1778]«Дербес деректер және оларды қорғау туралы» Заңы [1779]дербес деректерді өңдеу және жинау тәртібін реттейді, бірақ кәмелетке толмағандарды профильдеуге қатысты арнайы шектеулерді белгілемеді. Еуропалық Одақтың GDPR 22-бабы кәмелетке толмағандарға қатысты автоматтандырылған шешім қабылдауға тікелей шектеу белгілеген.[1780] Бұл халықаралық стандарт пен отандық заңнама арасындағы алшақтық шешілуі тиіс. Осы құбылыстың криминологиялық диагностикасынан құқықтық реттеуге көшу келесі бөлімнің мақсаты болып табылады.

Заңнамалық реттеу: шетел тәжірибесі және ұлттық стандарт енгізу мәселесі

Кәмелетке толмағандарға қатысты деректерді алгоритмдік профильдеу цифрлік құқықтағы қарқынды дамып келе жатқан бағыттардың бірі ретінде саналады. Қазақстан цифрлік ортадаға балалар қауіпсіздігі мәселесін мойындап, оны саяси күн тәртібіне шығарғаны 2026 жылы қабылданған «Қазақстан балалары» Тұжырымдамасынан айқын көрінеді. [1781]Премьер-министр О.Бектенов қол қойған бұл құжатта «Kazakhstan Kids Online» әлеуметтік зерттеуінің деректері келтірілген: балалардың 46%-ы Интернетті 6-8 жастан бастап қолданып бастайды, жоғары сынып оқушыларының 95%-дан астамы әлеуметтік желілерде тіркелген. Сонымен қатар, кәмелетке толмағандардың 66%-ы әлеуметтік желілерді қарым-қатынас жасау үшін қолданады. Тұжырымдама «Кибернадзор» жүйесі арқылы 2025 жылы 44 мың заңсыз материалдар анықталғанын, AiMap цифрлік мониторинг құралы деструктивті контентке жазылған 26 мыңнан астам қолданушыны тіркегенін атап өтеді. Бұл деректер кәмелетке толмағандардың цифрлік ортадағы тәуекелінің ауқымын ресми тұрғыдан растайды.

Сонымен қатар, Тұжырымдама балалардың деректеріне қатысты «сезімтал деректер» жеке санатының және тиісті жауапкершілік механизмдерінің жоқтығын нормативті олқылық ретінде тікелей атап көрсеткен. Осылайша, мемлекет өзі де заңнамалық базадағы осы кемшілікті мойындаған. Демек, осы мақалада

[1777] National Crime Agency, County Lines Drug Supply, Vulnerability and Harm 2018 (Report, NCA 2019) 4, <https://www.nationalcrimeagency.gov.uk/who-we-are/publications/257-county-lines-drug-supply-vulnerability-and-harm-2018/file>.

[1778] Қазақстан Республикасындағы баланың құқықтары туралы Заңы 2002 жылғы 8 тамыздағы N 345, 39-бап.

[1779] Қазақстан Республикасының «Дербес деректер және оларды қорғау туралы» 2013 жылғы 21 мамырдағы № 94-V Заңы, 6-9 баптар.

[1780] Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 (General Data Protection Regulation) [2016] OJ L119/1, art 22.

[1781] ҚР Үкіметінің «Қазақстан балдары» 2026–2030 жылдарға арналған тұжырымдамасын бекіту туралы қаулысы, 2026 жылғы 29 қаңтардағы № 56.

тұжырымдалған ұсыныстар әлі шешімін таппаған мәселеге нақты заңнамалық жауап болып табылады.

Осы олқылықтарды жою жолдарын анықтау үшін шетелдік реттеу тәжірибесіне жүгінейік. Шетел тәжірибесін талдау арқылы үш реттеу моделін бөліп шығара аламыз: тыйым салушы, реттеуші және алдын-алушы.

Тыйым салушы модель кәмелетке толмағандарды профильдеудің белгілі бір түрлеріне тыйым салуды білдіреді. АҚШ-тың California Age-Appropriate Design Code Act платформаларға кәмелетке толмағандарды профильдеуді ата-анасының рұқсатынсыз кәсіпкерлік мақсатта қолдануға жол бермейді, өнім іске қосылғанға дейін оның балаларға әсерін бағалау талабын енгізеді.[1782] Children and Teens' Online Privacy Protection Act (COPPA 2.0)[1783] 16 жасқа дейінгі топтарға бағытталған мінездік жарнамаларға тікелей тыйым салды. Бұл актілердің практикалық нәтижесі ретінде АҚШ Федералды сауда комиссиясының TikTok платформасына COPPA заңының нормаларын бұзғаны үшін 5,4 миллиард доллар сомасындағы айыппұл белгілегенін айта аламыз.[1784]

Реттеуші модель профильдеуге толықтай тыйым салмайды, бірақ оның іске асырылуына қатаң талаптар қояды. GDPR 22-бабында деректер субъектісінің тек автоматтандырылған өңдеу негізінде қабылданған, елеулі құқықтық салдары бар шешімдерге бағынбау құқығы бекітілген. Тәжірибеде бұл норма жиі бұзылады: аудандық органдар алгоритмдік қорытындыларды «айқындаушы» емес, «көмекші» ретінде саралап, GDPR-дың 22-бабын қолданудан жалтарады. Бұл кәмелетке толмағандарды GDPR белгілеген кепілдіктерінен айырады. [1785]

NJCM v Netherlands ісінде Гаага аудандық соты SyRI нидерландық алгоритмдік жүйесі Адам құқығын қорғау туралы Еуропалық Конвенциясының 8-бабын бұзды деп таныды. [1786]Сот алгоритмдік ашықтық жоқтығына, деректердің үйлесімсіз қолданылуына және процессуалдық кепілдіктердің жоқтығына сілтеме жасады. Бұл іс тұрақты прецедент болды, яғни жария сектордағы алгоритмдік профильдеу болжамдылық, сәйкестілік және даулау тетіктерінің қолжетімділігі талаптарына жауап беруі тиіс.

Алдын-алушы модель дайын жүйелерді реттеуге емес, өнім (платформа) іске қосылғаннан бастап қорғауды міндетті түрде енгізуге бағытталған (privacy by design қағидаты)[1787]. Ұлыбритания оны платформаларға бастапқыдан кәмелетке толмағандардың құпиялылық параметрлерін максималды деңгейге баптауды міндеттейтін Age Appropriate Design Code арқылы жүзеге асырады. [1788]Нәтижесінде Instagram платформасы кәмелетке толмағандар парақшаларын автоматты түрде жабық ету және бейтаныс парақшалармен байланысын шектеу туралы шешім қабылдады.

[1782] California Age-Appropriate Design Code Act, Cal AB 2273 (2022).
[1783] Children and Teens' Online Privacy Protection Act of 2021, S 1628, 117th Cong (2021).
[1784] Federal Trade Commission, FTC and DOJ Charge TikTok and ByteDance with Flagrantly Violating Children's Privacy Law (Press Release, FTC 2024), <https://www.ftc.gov/news-events/news/press-releases/2024/08/ftc-investigation-leads-lawsuit-against-tiktok-bytedance-flagrantly-violating-childrens-privacy-law>.
[1785] Article 29 Data Protection Working Party, 'Guidelines on Automated Individual Decision-Making and Profiling for the Purposes of Regulation 2016/679' (2018) 21–22, <https://www.cyberlaws.it/wp-content/uploads/2018/04/WP251-Guidelines-on-Automated-individual-decision-making-and-Profiling-for-the-purposes-of-Regulation-2016679.pdf>.
[1786] NJCM cs v De Staat der Nederlanden (SyRI) ECLI:NL:RBDHA:2020:1878 (District Court of The Hague, 5 February 2020),
[1787] Cavoukian A, Privacy by Design: The 7 Foundational Principles (Information and Privacy Commissioner of Ontario 2009) 1–5.
[1788] Information Commissioner's Office, Age Appropriate Design: A Code of Practice for Online Services (ICO 2021) 12–16.

Осы үш модельді салыстыра отырып, мынадай тұжырым жасаймыз: тыйым салушы модель толық тиімді емес, себебі жаһандық платформалар жергілікті тыйымдарды техникалық тұрғыдан айналып өтуі мүмкін. Реттеуші модель қолданылса да, оны бұзудың «заңды» жолдары табылады. Алдын-алушы модель принципиалды тұрғыдан ең перспективалы, бірақ оны іске асыру стандарт пен бақылау органын талап етеді.

Айта кету қажет, Қазақстан үшін аталған модельдердің тікелей көшірмесі жұмыс істемейді. АҚШ моделі прецеденттік құқыққа, ЕО моделі ұзақ жылдар бойы деректер қорғау мәдениетіне, Ұлыбритания моделі жетілген реттеуші институтқа сүйенеді. Қазақстанда онлайн-платформалар жөніндегі уәкілетті орган алгоритмдік жүйелерді бағалау тәжірибесінен айырылған, ал сот практикасы мүлдем жоқ. Осы себепті жоғарыда аталған модельдерді бір мезгілде, кезең-кезеңімен енгізу талап етіледі.

Салыстырмалы талдау арқылы отандық заңнаманы дамытудың төрт бағытын қарастыруға болады. **Бірінші бағыт – «Дербес деректер және оларды қорғау туралы» Заңға арнайы тарау қосу.** Бұл бағытты таңдаудың негізі – барлық бес криминогендік механизм алгоритмдік деректерді жинаудан басталады. Демек, деректер қорғалуы проблеманың тамыры болып табылады. Тарау мынадай нормаларды қамтуы тиіс: ата-анасының келісімінсіз 18 жасқа толмағандардың деректерін коммерциялық мақсатта профильдеуге тыйым; қадағалау органдары үшін алгоритм ашықтығы талабы; кәмелетке толмаған тұлғаның заңды өкілінің автоматтандырылған шешімді түсіндіруді талап ету құқығы. Бағдар ретінде GDPR 13-15 және 22 баптары алынады.

Екінші бағыт – кәмелетке толмағандарға алгоритмдік әсерді бағалаудың міндетті ұлттық стандартын әзірлеу. Бұл ұсыныстың негізі: шетелдік тәжірибе (ЕО AI Act, Ұлыбритания ICO) ашықтық пен бағалаудың жұмыс істейтінін дәлелдейді. Стандарт мынадай элементтерді қамтуы тиіс: алгоритмдік жүйені іске қосар алдында кәмелетке толмағаның мүддесіне сәйкестігін бағалау; ашықтық (explainability) талабы - жүйе қандай деректерге сүйеніп шешім шығаратынын сипаттай алуы тиіс; қолданушының жасына бейімделген ақпараттандырылған келісім механизмі. Стандарт форматы ҚР Жасанды интеллект және цифрлық даму министрлігі бекіткен нормативті техникалық регламент түрінде рәсімделеді, ЕО AI Act 9-бабы[1789] мен ISO 31000 тәуекелдерді басқару стандартына негізделеді.

Үшінші бағыт – уәкілетті органға алгоритмдік аудит өкілеттіліктерін беру. Бұл ұсыныстың негізі – стандарт іске асырылу үшін бақылаушы орган қажет. Дербес деректерді қорғауды жүзеге асыратын органның құзыретін алгоритмдік аудитор қызметіне дейін кеңейту ең тиімді шешім болып табылады. Қазақстан Республикасының жасанды интеллект және цифрлық даму министрлігі Ақпараттық қауіпсіздік комитетіне тиісті құзыреттер беруге болады. Бұл органның өкілеттіліктері: платформалардың алгоритмдік жүйелерін аудиттеу; стандарт бұзушыларға санкция қолдану; Meta, Tset секілді компаниялармен Global Privacy Assembly шеңберіндегі халықаралық ынтымақтастық арқылы байланыс орнату.

Аталған үш ұсыныс бір-бірімен тығыз байланысты: заңдық тыйым (1), оны орындауды өлшейтін стандарт (2), стандарттың орындалуын бақылайтын орган (3). Бұл тізбексіз кез-келген жекелеген ұсыныс декларативті болып қалады.

Қорытынды бөлім

Жүргізілген зерттеу негізінде кәмелетке толмағандарға қатысты деректерді алгоритмдік профильдеу цифрлық ортаның дербес криминогендік факторы болып табылатынын, оның әрекеті бұрыннан бар тәуекелдерді тіркеумен шектелмей, оларды

[1789] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (AI Act) [2024] OJ L1689/1, art 9.

белсенді түрде қалыптастыруға қатысатынын анықтадық. Бес криминогендік механизм – радикалдандыру, стигматизация, психологиялық осалдықтарды пайдалану, тұлғаны цифрлік бағыттау және тікелей тарту кәмелетке толмаған тек жәбірленуші ретінде ғана емес, алгоритмдік жүйелер оны белсенді анықтайтын және қалыптастыратын субъект ретінде де қарастырылуы тиіс екенін көрсетеді.

Салыстырмалы-құқықтық талдау қарастырылған реттеуші модельдердің ешқайсысы жеке алғанда толық қорғауды қамтамасыз етпейтінін көрсетті. Алайда олар отандық заңамаға енгізуге тұрарлық тетіктерді ұсынады.

Зерттеудің шектеулерін де атап өту қажет. Мақалада алгоритмдік жүйелердің криминогендік ықпалы сандық деректер арқылы тікелей өлшенбеді, бұл болашақ эмпирикалық зерттеулердің нысаны бола алады. Сондай-ақ білім беру саласындағы алгоритмдік профильдеудің өзіндік ерекшеліктері және алгоритмдік жүйелерді жасаушылардың азаматтық-құқықтық жауапкершілігі мәселелері жеке талдауды қажет етеді.

Жүргізілген зерттеу негізінде үш нақты ұсыныс тұжырымдалды. Біріншіден, ҚР «Дербес деректер және оларды қорғау туралы» Заңын кәмелетке толмағандарға қатысты деректерді алгоритмдік профильдеуге арналған арнайы тараумен толықтыру қажет: ата-ананың келісімінсіз 18 жасқа толмағандарды коммерциялық профильдеуге тыйым салуды, қадағалау органдары үшін алгоритм ашықтығы талабын және кәмелетке толмаған тұлғаның заңды өкілінің автоматтандырылған шешімді түсіндіруді талап ету құқығын бекіте отырып. Екіншіден, кәмелетке толмағандарға алгоритмдік әсерді бағалаудың міндетті ұлттық стандартын әзірлеу керек. Үшіншіден, дербес деректерді қорғау саласындағы уәкілетті органға балалардың құқықтарына қатысты алгоритмдік жүйелерді қадағалайтын өкілеттіктерімен беру қажет.

Зерттеудің теориялық маңыздылығы алгоритмдік профильдеу ұғымын кәмелетке толмағандардың девиантты мінез-құлқының дербес детерминанты ретінде қазақстандық криминологиялық дискурсқа енгізумен анықталады. Практикалық маңыздылығы нормативтік олқылықтарды жоюға мүмкіндік беретін нақты заңнамалық ұсыныстарды әзірлеуден тұрады.

Жұмыстың басты тұжырымы айқын, алгоритм баланы қызығушылықтан – радикализацияға, осалдықтан – қылмыстық тартуға дейін ақырын жетелей алатын болса, заң тек «жүйені қалай реттейміз?» деген сұраққа емес, ең бастысы — «бұл жүйе баламен не істеп жатыр?» деген сұраққа жауап іздеуге тиіс.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

Монографиялар

1. Becker HS, Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance (Free Press 1963)
2. Cavoukian A, Privacy by Design: The 7 Foundational Principles (Information and Privacy Commissioner of Ontario 2009)
3. Cooley CH, Human Nature and the Social Order (Scribner's 1902)
4. Sunstein CR, #Republic: Divided Democracy in the Age of Social Media (Princeton University Press 2017)

Кітап тараулары

1. Hildebrandt M, 'Defining Profiling: A New Type of Knowledge?' in M Hildebrandt and S Gutwirth (eds), Profiling the European Citizen (Springer 2008)
2. Tajfel H and Turner JC, 'An Integrative Theory of Intergroup Conflict' in WG Austin and S Worchel (eds), The Social Psychology of Intergroup Relations (Brooks/Cole 1979)

Журнал мақалалары

1. Casey BJ, Jones RM and Hare TA, 'The Adolescent Brain' (2008) 1124 Annals of the New York Academy of Sciences 111

2. Castets-Renard C, 'Accountability of Algorithms in the GDPR and Beyond: A European Legal Framework on Automated Decision-Making' (2019) 30 Fordham Intellectual Property, Media and Entertainment Law Journal 91
3. Citron DK, 'Technological Due Process' (2008) 85 Washington University Law Review 1249
4. Kondo Y and others, 'Interactive Visualizations for Adolescents to Understand and Challenge Algorithmic Profiling in Online Platforms' (2026) arXiv 2601.07381
5. Lemaire M and others, 'The Development of Media Truth Discernment and Fake News Detection Is Related to the Development of Reasoning during Adolescence' (2025) 15(1) Scientific Reports 1
6. Mugamba E, 'Predictive Protection or Profiling? A Legal-Ethical Framework for Algorithmic Risk Tools in Child Welfare Systems in Spain' (2025) 1(2) Journal of Applied Mechanics Reviews and Reports 1
7. Ohu FC and Jones LA, 'Adolescents, Disinformation, and AI Profiling: A Forensic Cyberpsychology Approach to Mitigating National Security Risks' (2025) 2(60) Scientific Bulletin 240
8. Pérez-Torres V and others, 'Social Media: A Digital Social Mirror for Identity Development during Adolescence' (2024) 43 Current Psychology 22170
9. Shin D and Jitkajornwanich K, 'How Algorithms Promote Self-Radicalization: Audit of TikTok's Algorithm Using a Reverse Engineering Method' (2024) 42(4) Social Science Computer Review 1020

Баяндамалар

1. Centre for Countering Digital Hate, Deadly by Design: TikTok Pushes Harmful Content Promoting Eating Disorders, Self-Harm and Suicide to Teens (Report, CCDH 2022)
2. Europol, The Challenges of Countering Human Trafficking in the Digital Era (Report, Europol 2020)
3. Information Commissioner's Office, Age Appropriate Design: A Code of Practice for Online Services (ICO 2021)
4. National Crime Agency, County Lines Drug Supply, Vulnerability and Harm 2018 (Report, NCA 2019)
5. Royal Commission of Inquiry into the Terrorist Attack on Christchurch Mosques, Ko tō tātou kāinga tēnei (Report, New Zealand Government 2020)

Сот шешімдері

1. NJCM cs v De Staat der Nederlanden (SyRI) ECLI:NL:RBDHA:2020:1878 (District Court of The Hague, 5 February 2020)

Нормативтік құқықтық актілер

1. Article 29 Data Protection Working Party, 'Guidelines on Automated Individual Decision-Making and Profiling for the Purposes of Regulation 2016/679' (WP251rev.01, 25 May 2018)
2. California Age-Appropriate Design Code Act, Cal AB 2273 (2022)
3. Children and Teens' Online Privacy Protection Act of 2021, S 1628, 117th Cong (2021)
4. Federal Trade Commission, FTC and DOJ Charge TikTok and ByteDance with Flagrantly Violating Children's Privacy Law (Press Release, FTC 2024)
5. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the Protection of Natural Persons with Regard to the Processing of Personal Data (General Data Protection Regulation) [2016] OJ L119/1

6. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 Laying Down Harmonised Rules on Artificial Intelligence (AI Act) [2024] OJ L1689/1

7. Қазақстан Республикасының «Дербес деректер және оларды қорғау туралы» 2013 жылғы 21 мамырдағы № 94-V Заңы

8. Қазақстан Республикасының «Қазақстан Республикасындағы баланың құқықтары туралы» 2002 жылғы 8 тамыздағы № 345 Заңы

9. ҚР Үкіметінің «Қазақстан балалары» 2026–2030 жылдарға арналған тұжырымдамасын бекіту туралы қаулысы, 2026 жылғы 29 қаңтардағы № 56.

Саулебаева Әлима Әлімжанқызы
Maqsut Narikbayev University, Құқық жоғары мектебі
Астана қ., Қазақстан Республикасы
E-mail: a_saulebayeva@mnu.kz

СТАЛКИНГ ҚҰБЫЛЫСЫ – АУЫР ҚЫЛМЫСТАР ҚАУПІНІҢ ИНДИКАТОРЫ

Аңдатпа: Бұл мақалада сталкингтің қылмыстық құқықтық табиғаты, оның әлеуметтік және криминологиялық ерекшеліктері, сондай-ақ ауыр қылмыстардың алдын алудағы рөлі кешенді түрде талданады. Зерттеу сталкингті жеке құқық бұзушылық ретінде ғана емес, эскалацияға бейім және зорлық-зомбылық қылмыстарына ұласуы мүмкін динамикалық процесс ретінде қарастырады. Салыстырмалы-құқықтық әдіс негізінде Германия, Ұлыбритания, АҚШ және Қазақстан заңнамалары талданып, олардың превентивтік әлеуеті бағаланды. Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексіндегі 115-1-баптың мазмұны мен оны қолдану тәжірибесі зерттеліп, сот практикасы арқылы сталкингтің эскалациялық сипаты дәлелденеді. Сонымен қатар, киберсталкингтің ерекшеліктері мен цифрлық ортадағы қудалаудың қауіптері қарастырылады. Зерттеу нәтижелері сталкингті ерте кезеңде анықтау және құқықтық реттеудің алдын алу тетіктерін күшейту қажеттігін негіздейді.
Түйінді сөздер: сталкинг, қылмыстық құқық, қудалау, киберсталкинг, эскалация, психологиялық зиян, превенция, сот практикасы, тұрмыстық зорлық-зомбылық.

Аннотация: В данной статье комплексно анализируется уголовно-правовая природа сталкинга, его социальные и криминологические особенности, а также роль в предотвращении тяжких преступлений. Исследование рассматривает сталкинг не только как отдельное правонарушение, но и как динамичный процесс, склонный к эскалации и способный перерасти в насильственные преступления. На основе сравнительно-правового метода проанализировано законодательство Германии, Великобритании, США и Казахстана, а также оценен его превентивный потенциал. Исследованы содержание и практика применения статьи 115-1 Уголовного кодекса Республики Казахстан, а через судебную практику доказывается эскалационный характер сталкинга. Кроме того, рассматриваются особенности киберсталкинга и опасности преследования в цифровой среде. Результаты исследования обосновывают необходимость выявления сталкинга на ранней стадии и усиления превентивных механизмов правового регулирования.
Ключевые слова: сталкинг, уголовное право, преследование, киберсталкинг, эскалация, психологический вред, превенция, судебная практика, бытовое насилие.

Abstract: This article comprehensively analyzes the criminal legal nature of stalking, its social and criminological features, as well as its role in the prevention of serious crimes. The study examines stalking not only as an isolated offense but also as a dynamic process prone to escalation and capable of culminating in violent crimes. Based on a comparative legal method, the legislation of Germany, the UK, the USA, and Kazakhstan is analyzed, and their preventive potential is evaluated. The content and practical application of Article 115-1 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan are examined, and the escalatory nature of stalking is demonstrated through judicial practice. Furthermore, the features of cyberstalking and the dangers of harassment in the digital environment are considered. The research findings substantiate the need for early detection of stalking and the strengthening of preventive mechanisms in legal regulation.
Keywords: stalking, criminal law, harassment, cyberstalking, escalation, psychological harm, prevention, judicial practice, domestic violence.

Кіріспе

Қазіргі қоғамның әлеуметтік және технологиялық трансформациясы адам мінез-құлқының жаңа, күрделі және көпқырлы нысандарының пайда болуына алып келді. Осындай құбылыстардың бірі ретінде сталкинг ерекше назар аударуды талап етеді, себебі ол дәстүрлі құқықтық категорияларға толықтай сыймайтын, бірақ сонымен қатар жеке тұлғаның қауіпсіздігіне нақты қатер төндіретін құбылыс тек ғылыми қауымдастықтың ғана емес, құқық қорғау органдарының және заң шығарушылардың да назарында болып отыр.

Сталкинг феномені алғаш рет кең көлемде XX ғасырдың соңында зерттеле бастады, бұл кезеңде көптеген елдерде жеке тұлғаға қарсы қылмыстардың құрылымы өзгеріп, психологиялық және жүйелі әсер ету тәсілдері кең тарала бастады. Әсіресе урбанизация, коммуникациялық технологиялардың дамуы және әлеуметтік байланыстардың өзгеруі адамдар арасындағы өзара әрекеттесу формаларын қайта қалыптастырды. Осындай өзгерістер аясында бұрын жеке немесе кездейсоқ әрекеттер ретінде қабылданған қудалау элементтері уақыт өте келе тұрақты және мақсатты сипат ала бастады. Ғылыми әдебиетте бұл құбылыс адамның жеке кеңістігіне ұзақ мерзімді және жүйелі араласу ретінде сипатталады, оның негізгі ерекшелігі - әрекеттердің жиынтық әсері арқылы жәбірленушінің қалыпты өмір сүру жағдайын бұзу.

Сталкингтің әлеуметтік қауіптілігі оның тек жеке тұлғаға әсерімен шектелмейді. Ол қоғамдағы қауіпсіздік сезіміне, адамдар арасындағы сенім деңгейіне және жалпы құқықтық мәдениетке ықпал етеді. Жәбірленушілердің көпшілігі ұзақ уақыт бойы психологиялық қысым жағдайына өмір сүріп, қорқыныш, тұрақсыздық және әлеуметтік оқшаулану сезімін бастан кешіреді. Бұл өз кезегінде олардың еңбекке қабілеттілігіне, әлеуметтік белсенділігіне және психикалық денсаулығына кері әсер етеді. Зерттеулер көрсеткендей, сталкинг құрбандары көбінесе күнделікті өмір салтын өзгертуге мәжбүр болады, тұрғылықты жерін ауыстырады, жұмысынан бас тартады немесе әлеуметтік байланыстарын шектейді. Осылайша, сталкинг жеке құқық бұзушылық шеңберінен шығып, кең әлеуметтік салдары бар құбылысқа айналады.

Сонымен қатар, сталкингтің латентті сипаты оның құқықтық реттелуін қиындататын негізгі факторлардың бірі саналады. Көптеген жағдайларда жәбірленушілер құқық қорғау органдарына жүгінбейді, себебі олар бұл әрекеттерді жеткілікті деңгейде қауіпті деп бағаламайды немесе құқықтық қорғау механизмдердің тиімділігіне сенімсіздік танытады. Бұдан бөлек, сталкингтің бастапқы кезеңдерінде әрекеттер көбінесе заңды шеңберде жүзеге асырылады, бұл құқық қорғау органдарының уақытылы араласуын шектейді. Нәтижесінде, құқық бұзушының мінез-құлқы ұзақ уақыт бойы жазасыз қалып, біртіндеп күрделеніп, қауіпті деңгейге жетуі мүмкін.

Қазіргі ғылыми зерттеулер сталкингті тек құқықтық емес, сонымен қатар психологиялық және криминологиялық тұрғыдан кешенді зерттеу қажеттігін көрсетеді. Психология тұрғысынан сталкинг көбінесе бақылау, билік және тәуелділік мәселелерімен байланысты қарастырылады. Қудалаушы тұлға жәбірленушіміен байланысты сақтап қалуға немесе жоғалтқан бақылауды қалпына келтіруге ұмтылады. Бұл әсіресе тұлғааралық қатынастардың бұзылуы жағдайында айқын көрінеді. Мұндай мінез-құлық уақыт өте келе күшейіп, агрессивті сипатқа ие болуы мүмкін. Криминология тұрғысынан сталкинг қауіпті мінез-құлықтың эволюциялық кезеңдерінің бірі ретінде қарастырылады, ол белгілі бір жағдайларға ауыр қылмыстарға ұласуы ықтимал.

Халықаралық тәжірибе сталкингтің әмбебап сипатқа ие екенін көрсетеді. Әртүрлі құқықтық жүйелерде бұл құбылысқа әртүрлі анықтамалар берілгенімен, оның негізгі белгілері ұқсас болып қала береді: қайталанушылық, жәбірленушінің еркіне қарсы бағытталуы және психологиялық немесе әлеуметтік зиян келтіруі. Бұл ұқсастық

сталкингтің ұлттық шеңберден тыс, жаһандық деңгейде зерттеуді қажет ететін құбылыс екенін дәлелдейді. Сонымен қатар, халықаралық құқықтық актілер мен ғылыми зерттеулер бұл мінез-құлықтың алдын алу шараларын жетілдірудің маңыздылығын атап өтеді.

Цифрлық технологиялардың қарқынды дамуы сталкингтің жаңа формаларының пайда болуына ықпал етті. Әлеуметтік желілер, мессенджерлер және басқа да онлайн платформалар арқылы жүзеге асырылатын қудалау әрекеттері географиялық шектеулерді жойып, құқық бұзушыға жәбірленушімен тұрақты байланысты болуға мүмкіндік береді. Бұл жағдай сталкингтің қарқындылығын арттырып қана қоймай, оны анықтау мен дәлелдеуді де қиындатады. Сонымен қатар, цифрлық ортада жасалатын әрекеттердің анонимділігі құқық бұзушылардың жауапкершіліктен жалтару мүмкіндігін арттырады.

Қазақстан жағдайында сталкинг мәселесі салыстырмалы түрде жаңа құқықтық құбылыс ретінде қарастырылады, алайда оның өзектілігі жыл сайын сайын арта түсуде. Қоғамдағы әлеуметтік өзгерістер, цифрлық кеңістіктің кеңеюі және тұлғааралық қатынастардың күрделенуі бұл мәселенің тереңірек зерттелуін талап етеді. Сонымен қатар, ұлттық құқықтық жүйенің халықаралық тәжірибемен үйлесімді дамуы да сталкингті жан-жақты қарастыру қажеттігін көрсетеді. Осы тұрғыда сталкингті тек құқықтық категория ретінде ғана емес, кешенді әлеуметтік-құқықтық құбылыс ретінде зерттеу ерекше маңызға ие.

Осы зерттеудің мақсаты - сталкингтің қылмыстық құқықтық табиғатын, оның әлеуметтік және криминологиялық ерекшеліктерін, сондай-ақ оның ауыр қылмыстардың алдын алудағы рөлін жан-жақты талдау. Зерттеу барысында отандық және шетелдік ғылыми еңбектер, статистикалық деректер және сот тәжірибесі негізге алынады. Бұл тәсіл сталкингтің мәнін тереңірек түсінуге және оның құқықтық реттелуінің тиімділігін бағалауға мүмкіндік береді.

Осылайша, сталкинг мәселесі қазіргі құқық ғылымының маңызды бағыттардың біріне жатады. Оның кешенді сипаты, жоғары латенттілігі және әлеуетті қауіптілігі бұл құбылысты терең ғылыми талдауды талап етеді. Кіріспе бөлімде қарастырылған алғышарттар мен теориялық негіздер зерттеудің негізгі бөлігінде талданатын мәселелердің өзектілігін айқындап, қорытынды бөлімде ұсынылатын тұжырымдардың ғылыми негізділігін қамтамасыз етеді.

Әдістер мен материалдар

Бұл зерттеу сталкинг феноменін қылмыстық құқық, криминология және психология тұрғысынан жан-жақты талдауға бағытталған. Зерттеу әдіснамасы кіріспе бөлімде айқындалған теориялық алғышарттар мен негізгі бөлімде қарастырылған эмпирикалық және нормативтік материалдардың логикалық жалғасы ретінде қалыптастырылды.

Зерттеудің негізгі әдісі ретінде салыстырмалы-құқықтық талдау қолданылды. Бұл әдіс әртүрлі құқықтық жүйелердегі сталкингті криминализациялау ерекшеліктерін анықтауға мүмкіндік береді. Атап айтқанда, Германия, Ұлыбритания және АҚШ құқықтық модельдері қарастырылып, олардың нормативтік құрылымы, құқық қолдану тәжірибесі және құқықтық анықтылық деңгейі талданды. Мұндай тәсіл ұлттық заңнаманың даму перспективаларын бағалауға және құқықтық реттеудің тиімді механизмдерін анықтауға мүмкіндік береді.

Сонымен қатар, зерттеуде формальды-заңдық әдіс кеңінен пайдаланылды. Бұл әдіс Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексіндегі 115-1-баптың мазмұнын, оның құрылымын және құқықтық белгілерін талдауға бағытталды. Норманың диспозициясы мен санкциясы, сондай-ақ оның қолданылу шектері құқықтық техника тұрғысынан бағаланды. Бұл тәсіл сталкингтің қылмыстық құқықтық табиғатын

анықтауға және оның басқа қылмыс құрамдарынан айырмашылығын көрсетуге мүмкіндік берді.

Зерттеу барысында эмпирикалық деректерді талдау әдісі де қолданылды. Халықаралық статистикалық есептер, соның ішінде сталкинг құрбандарының саны, мінез-құлық формалары және қудалаудың ұзақтығы туралы мәліметтер қарастырылды. Бұл деректер сталкингтің таралу деңгейін, оның әлеуметтік қауіптілігін және ұзақ мерзімді сипатын бағалауға мүмкіндік береді. Сонымен қатар, интимдік қатынастар контекстіндегі сталкингтің ерекшеліктерін көрсету үшін арнайы зерттелердің нәтижелері пайдаланды.

Сот практикасын талдау зерттеудің маңыздымаңызды элементі ретінде көрінеді. Қазақстан Республикасының сот актілері, атап айтқанда аудандық соттардың нақты істер бойынша үкімдері қарастырылды. Бұл материалдар құқық қолдану тәжірибесінде сталкингтің қалай сараланатынын, қандай дәлелдемелер негізге алынатынын және психологиялық зиянның құқықтық бағасын анықтауға мүмкіндік берді. Сот практикасы арқылы сталкингтің теориялық моделінің нақты құқықтық шындықта қалай жүзеге асатыны көрсетілді.

Зерттеуде жүйелік талдау әдісі де қолданылды, ол сталкингті жеке құқық бұзушылық ретінде емес, кеңірек криминологиялық жүйенің элементі ретінде қарастыруға мүмкіндік берді. Бұл әдіс сталкингтің басқа қылмыстармен, әсіресе тұрмыстық зорлық-зомбылықпен және киберқылмыстармен өзара байланысын анықтауға бағытталған. Сонымен қатар, бұл тәсіл сталкингтің эскалациялық сипатын және оның қылмыстық мінез-құлық динамикасындағы орнын түсіндіруге мүмкіндік береді.

Материалдар ретінде отандық және шетелдік ғылыми әдебиеттер, халықаралық ұйымдарының есептері, нормативтік құқықтық актілер және сот шешімдері пайдаланылды. Қазақстандық ғылыми әдебиетте бұл мәселе тек қылмыстық құқықтық құрам шеңберінде ғана емес, құқық салалары арасындағы өзара байланыс тұрғысынан да қарастырылады. Атап айтқанда, жекелеген зерттеулерде сталкинг белгілерінің әкімшілік құқық бұзушылықтармен, әсіресе қорғау нұсқамасын бұзумен және сот актілерін орындамаумен сәйкес келуі құқықтық саралауда қиындықтар туындататыны көрсетіледі. Мұндай жағдайларда ұқсас әрекеттер үшін әртүрлі құқықтық салдарлардың көзделуі құқықтық анықтылық пен теңдік қағидаттарына әсер етуі мүмкін[1790].

Осылайша қолданылған әдістер мен материалдар зерттеудің кешенді сипатын қамтамасыз етіп, сталкинг феноменімен жан-жақты талдауға, оның құқықтық және әлеуметтік мәнін ашуға, сондай-ақ оның ауыр қылмыстардың алдын алудағы рөлін негіздеуге мүмкіндік берді.

Негізгі бөлім

Қазақстан Республикасында сталкингті криминализациялау қылмыстық құқықтың толыққанды превентивтік модельге көшкенін білдірмейді, алайда қылмыстық заңнаманың превентивтік бағытта дамып келер жатырғанын көрсетеді. Қылмыстық кодекстің 115-1-бабында жауаптылықтың туындауы үшін «елеулі зияннің» болуы талап етілуі құқықтық араласудың көбіне салдар пайда болғаннан кейін жүзеге асатынын білдіреді. Осы тұрғыдан алғанда, ұлттық модель классикалық превентивтік жүйелерден ерекшеленеді және оны жетілдіру қажеттілігі туындайды. Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексіне 115-1-баптың енгізілуін оқшау жаңашылық ретінде емес, жеке тұлғаға зиян келтірудің нақты қаупі мен формальды түрде рұқсат

[1790] Жусипбекова А.М., Хакимов Е.М. Право без равенства: сталкинг и семейное насилие в ловушке коллизий // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. 2025.

етілген әрекеттер арасындағы құқықтық вакуумды жою қажеттілігімен шартталған жаһандық үрдістің бір бөлігі ретінде қарастыру қажет.

Аталған құқықтық вакуум тарихи тұрғыда классикалық қылмыс құрамдарының физикалық зорлық-зомбылық деңгейіне жетпеген мінез-құлыққа жауап бере алмауынан көрініс тапты. Шетелдік ғылыми әдебиетте құқық қорғау органдары нақты зиян келтіргенге дейін әрекет етуден бас тартып, қылмыс құрамының болмауына сілтеме жасағаны атап өтіледі[1791]. Осыған ұқсас мәселе Татия Джорданның зерттеуінде де көрініс табады, онда сталкинг құрбандары полицияның нақты зиян туындағанға дейін әрекет етпеуі салдарынан мінез-құлық эскалациясына жол берілгені көрсетіледі[1792].

Бұл жағдай ерте кезеңдерде қылмыстық құқықтық реакцияның болмауы ауыр қылмыстардың жасалуына жағдай туғызатынын дәлелдейді.

Ғылыми тұрғыдан алғанда, сталкинг қоғамдық қауіпті мінез-құлықтың сапалық тұрғыдан айрықша түрі ретінде сипатталады. Оның мәні жекелеген әрекеттерде емес, жүйелі түрде қайталанатын әрекеттер жиынтығында жатыр, бұл өз кезегінде тұрақты қудалау моделін қалыптастырады. Б.Рояккерс атап өткендей, сталкингтің құқықтық қауіптілігі оның кумулятивтік сипатына көрінеді: жекелеген әрекеттер бейтарап болуы мүмкін, алайда олардың жүйелі қайталануы тұлғаның автономиясын бұзып, тұрақты психологиялық қысым жағдайын қалыптастырады[1793]. Бұл тұжырым Джорданның еңбегіндегі қорытындылармен толықтырылады, онда мінез-құлықтың қайталануы мен қарқындылығының артуы оны физикалық байланыс болмаған жағдайда да зорлық-зомбылық нысанына айналдыратыны көрсетіледі[1794]. Осылайша, сталкингті уақыт бойынша дамитын процессуалдық құбылыс ретінде қарастыру қажет.

Ұлыбританияда сталкинг үшін жауапкершілікті реттейтін негізгі нормативтік акт болып Protection from Harassment Act 1997 табылады. Аталған заң бастапқыда жалпы мағынадағы қудалауға қарсы бағытталғанымен, кейіннен сталкинг пен оған байланысты зорлық-зомбылық тәуекелдерінің алдын алуға арналған кешенді құқықтық құралға айналды. Оның маңыздылығы - физикалық зиян келтірілмей тұрып-ақ қауіпті мінез-құлыққа құқықтық тұрғыдан ықпал ету мүмкіндігін бекітуінде. Осы арқылы қылмыстық құқықтың превентивтік, яғни алдын алу функциясы жүзеге асырылады.

Заң нормаларына сәйкес, тұлға басқа адамды қудалауға жататын, бірнеше әрекеттерден тұратын мінез-құлықты жүзеге асырмауы тиіс және ол мұндай әрекеттің қудалау екенін білуі немесе білуге тиіс[1795]. Бұл жерде «білуге тиіс» деген объективті критерий енгізіледі, яғни тұлғаның тікелей ниеті болмаса да, оның әрекеті жағдайға қарай жәбірленушіде қорқыныш немесе мазасыздық тудыратын болса, жауаптылық туындайды. Сонымен қатар, кемінде екі рет қайталанатын әрекеттердің болуы талап етіледі, бұл қудалауды бір реттік емес, уақыт өте жалғасатын процесс ретінде қарастыруға мүмкіндік береді[1796].

Кейінгі өзгерістер нәтижесінде заңнамада сталкинг дербес құқық бұзушылық ретінде бекітілді. Оған сәйкес, егер тұлға қудалауға тыйым салатын норманы бұзып, оның әрекеті мазмұны жағынан сталкингке жатса, ол қылмыстық жауаптылыққа тартылады[1797]. Заңда мұндай әрекеттердің үлгілері нақты көрсетілген: адамды аңду,

---

[1791] K G McAnaney, L A Curliss and C E Abeyta-Price, 'From Imprudence to Crime: Anti-Stalking Laws' (1993) 68 Notre Dame Law Review 819, 822–823-бб.

[1792] T Jordan, 'The Efficacy of the California Stalking Law: Surveying Its Evolution, Extracting Insights from Domestic Violence Cases' (1995) 6 Hastings Women's Law Journal 363, 369-б.

[1793] B. Royakkers, 'The Dutch Approach to Stalking Laws' (2000) 7 Ethics and Information Technology 15,¶4, ¶20.

[1794] T Jordan, 'The Efficacy of the California Stalking Law: Surveying Its Evolution, Extracting Insights from Domestic Violence Cases' (1995) 6 Hastings Women's Law Journal 363, 366–368-бб.

[1795] Protection from Harassment Act 1997, s 1.

[1796] Protection from Harassment Act 1997, s 1.

[1797] Protection from Harassment Act 1997, s 2A.

байланыс орнатуға әрекет жасау, бақылау жүргізу, интернет немесе электрондық поштаны пайдалануын қадағалау, белгілі бір жерде күтіп жүру, мүлікке араласу және өзге де бақылау сипатындағы әрекеттер[1798]. Бұл тізім сталкингтің жәбірленушіге бағытталған тұрақты және күшейіп отыратын қысым ретінде қалыптасатын мінез-құлық үлгісі екенін көрсетеді.

Заңның маңызды қырларының бірі - мінез-құлықтың қауіпті деңгейге өту кезеңін нақты көрсетуі. Егер тұлғаның әрекеті жәбірленушіде кемінде екі рет зорлық-зомбылық қолданылуы мүмкін деген қорқыныш туғызса, ол қылмыстық жауаптылыққа әкеп соғады[1799]. Сонымен қатар, сталкинг жәбірленушінің күнделікті өміріне елеулі кері әсер ететіндей деңгейде мазасыздық немесе күйзеліс туғызса да, қылмыс құрамы қалыптасады[1800]. Осылайша, заң шығарушы сталкингті зорлық-зомбылыққа алып келуі мүмкін кезең ретінде қарастырып, оның эскалациялану қаупін құқықтық тұрғыдан мойындайды.

Аталған актінің алдын алу әлеуеті азаматтық-құқықтық қорғау тетіктері арқылы да күшейтілген. Жәбірленуші немесе сондай қауіп бар тұлға сотқа жүгініп, қудалауды тоқтатуға бағытталған соттық тыйым салу шараларын қолдануды, сондай-ақ келтірілген моральдық және материалдық зиянды өтеуді талап ете алады[1801]. Мұндай сот шешімін бұзу өз алдына дербес қылмыстық құқық бұзушылық ретінде сараланады,, бұл оның тиімділігін арттырады. Бұдан бөлек, кей жағдайларда тұлға ақталғанның өзінде, егер жәбірленушіні қорғау қажет деп танылса, оған қатысты шектеу шаралары қолданылуы мүмкін[1802]. Бұл құқық қолдануда қауіптің алдын алу қағидатының басым екенін көрсетеді.

Осылайша, Ұлыбританиядағы құқықтық модель сталкингті жеке әрекет емес, уақыт өте күшейетін және неғұрлым ауыр құқық бұзушылықтарға әкелуі мүмкін процесс ретінде қарастырады. Заң тек жекелеген әрекеттерді ғана емес, олардың даму логикасын да ескере отырып, қауіпті мінез-құлықтың ерте кезеңінде араласуға мүмкіндік береді.

Казақстан жағдайында соңғы жылдары осы бағытта маңызды өзгерістер орын алды. 2025 жылдан бастап сталкинг Қылмыстық кодекстің 115-1-бабымен реттеліп, заңсыз қудалау ретінде қарастырылады. Бұл нормада адамның еркіне қарсы байланыс орнатуға немесе оны аңдуға бағытталған әрекеттер, егер олар елеулі зиян келтірсе, қылмыстық жауаптылыққа әкеп соғатыны көзделген. Сталкингтің анықтамасы да мазмұны жағынан ұқсас: ол адамның жеке кеңістігін бұзатын, қорқыныш немесе қауіп сезімін туғызатын жүйелі қудалау ретінде сипатталады.

Соған қарамастан, қазақстандық модельдің құрылымы мен превентивтік деңгейі ағылшын құқығынан едәуір ерекшеленеді. Ең алдымен, жауаптылықтың туындауы үшін «елеулі зиянның» болуы талап етіледі, яғни құқық қорғау органдары көбіне зиянның салдары байқалғаннан кейін ғана әрекет етеді. Ал Ұлыбританияда қудалаудың өзі және оның объективті қауіптілігі жеткілікті болып саналады. Осыған байланысты Қазақстанда құқықтық араласу көбіне кеш кезеңде жүзеге асады.

Қазақстан Республикасы ІІМ Басқару академиясының зерттеушілері А.М.Жусипбекова мен Е.М.Хакимов өз еңбегінде сталкингке қатысты әкімшілік және қылмыстық жауаптылықтың ара-жігін нақты құқықтық критерийлер арқылы ажыратуға тырысады. Авторлардың пайымдауынша, қылмыстық құқықтағы сталкингтің мәні Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 115-1-бабында бекітілген: ол – жәбірленушінің еркінен тыс қайталанатын түрде байланыс орнату немесе оны бақылау әрекеттері арқылы оның құқықтары мен заңды мүдделеріне елеулі зиян келтіру. Мұнда

[1798] Protection from Harassment Act 1997, s 2A.
[1799] Protection from Harassment Act 1997, s 4.
[1800] Protection from Harassment Act 1997, s 4A.
[1801] Protection from Harassment Act 1997, s 3.
[1802] Protection from Harassment Act 1997, s 5A.

шешуші белгі – әрекеттің жүйелілігі мен салдарының ауырлығы. Яғни, сталкинг қылмыс ретінде тек формальды әрекет үшін емес, адамның жеке өміріне, қауіпсіздігіне және психоэмоционалдық жағдайына нақты, сезілетін зиян келтірген жағдайда ғана танылады. Осы арқылы қылмыстық құқықтық тыйымның шегі анықталады және ол қоғамдық қауіптілік деңгейімен тікелей байланыстырылады.

Ал әкімшілік құқық аясында ұқсас мінез-құлық Қазақстан Республикасы Әкімшілік құқық бұзушылық туралы кодексінің 461 және 669-баптарында көрініс табады, бірақ олардың құқықтық табиғаты өзгеше. Бұл нормалар, негізінен, қорғау нұсқамасын бұзу немесе сот актісін орындамау жағдайларына қатысты қолданылады және көбіне превентивтік сипатқа ие. Яғни, мұнда жәбірленушіге нақты зиян келуі міндетті шарт емес, бастысы – белгіленген шектеулерді сақтамау фактісінің өзі. Авторлар дәл осы жерде негізгі шекара жатқанын көрсетеді: қылмыстық сталкинг – зиян келтірген, жүйелі және қауіпті әрекет, ал әкімшілік құқық бұзушылық – сол әрекеттердің бастапқы, әлі ауыр зардаптарға ұласпаған көрінісі. Алайда, арнайы субъектілерге (жұбайлар, бұрынғы жұбайлар және туыстар) қатысты мұндай әрекеттердің тек әкімшілік жауаптылықпен шектелуі құқықтық коллизия туындатып, бірдей іс-әрекеттердің әртүрлі құқықтық бағалануына әкеліп отыр[1803].

Сонымен қатар, ағылшын заңнамасында қудалаудан сталкингке, одан әрі зорлық-зомбылық қаупіне дейінгі нақты кезеңдік жүйе қалыптасқан болса, Қазақстанда мұндай эскалация логикасы айқын көрініс таппаған. Жекелеген әрекеттер ескерілгенімен, олар біртұтас қауіпті мінез-құлықтың дамуын көрсететін жүйеге біріктірілмеген.

Жалпы алғанда, Қылмыстық кодекске 115-1-баптың енгізілуі сталкингті дербес құқық бұзушылық ретінде тануда маңызды қадам. Алайда, оның тиімділігін арттыру үшін құқықтық реттеуді одан әрі жетілдіру, әсіресе алдын алу тетіктерін күшейту және мінез-құлықтың эскалациясын ескеретін нормаларды дамыту қажеттігі байқалады.

Сталкерингтің негізгі ерекшелігі - оның эскалациялық табиғаты. Заманауи зерттеулер, соның ішінде Escalation Pattern Analysis моделі, қудалаушының мінез-құлқы кезең-кезеңімен дамитынын көрсетеді: бастапқы байланыс орнату әрекеттерінен бастап обсессивті бақылауға, кейін қорқытуға және кейбір жағдайларда физикалық зорлық-зомбылыққа дейін[1804]. Ғылыми зерттеулер сталкингтің эскалацияға бейімділігін көрсеткенімен, мұндай динамика барлық жағдайларда міндетті түрде орын алады деп тұжырымдауға болмайды. Дегенмен, қудалау мінез-құлқының қайталануы мен қарқындылығының артуы зорлық-зомбылық қаупін едәуір жоғарылататыны эмпирикалық тұрғыда дәлелденген. Осыған байланысты сталкингті детерминистік емес, бірақ жоғары тәуекел индикаторы ретінде қарастыру неғұрлым дәл ғылыми тәсіл болып көрсетіледі[1805]. Демек, сталкинг статикалық емес, қылмыстық эскалация тәуекелі болжанатын динамикалық процесс.

Ерекше маңызға ие жайт - сталкерингтің ауыр қылмыстардың, соның ішінде кісі өлтірудің алдын ала кезеңі (предкриминалдық фаза) ретінде көрінуі. Талдаулар көрсеткендей, тіпті тікелей қауіп-қатер болмаған жағдайда да қудалау мінез-құлқы өліммен аяқталуы мүмкін. Атап айтқанда, Джорданның еңбегінде Ребекка Шеффердің өлтірілу ісі қарастырылып, онда алдын ала ашық қорқыту болмағанына қарамастан, қылмыс орын алғаны көрсетіледі[1806]. Бұл қорқыту болмауы қоғамдық қауіптіліктің жоқтығын білдірмейді деген маңызды ғылыми қорытындыға алып келеді.

[1803] Жусипбекова А.М., Хакимов Е.М., Право без равенства: сталкинг и семейное насилие в ловушке коллизий // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. 2025.

[1804] R Kaiser, Stalking, Escalation, and Early Intervention: Embedding Escalation Pattern Analysis (EPA) in Domestic Abuse Safeguarding (2024) 3–5-бб.

[1805] T Jordan, 'The Efficacy of the California Stalking Law: Surveying Its Evolution, Extracting Insights from Domestic Violence Cases' (1995) 6 Hastings Women's Law Journal 363, 366–368-бб.

[1806] Ibid, 366–367-бб.

Бұл тұжырым статистикалық деректермен де расталады: сталкинг, әсіресе интимдік қатынастар контекстінде, кісі өлтірудің негізгі предикторларының бірі ретінде танылады. Сонымен қатар, simple obsessional stalking деп аталатын түрі - бұрын жеке қатынастар болған жағдайлар - ең қауіпті болып саналады және зорлық-зомбылық қауіпін арттырады[1807]. Осылайша, сталкингті оқшау құбылыс емес, кең ауқымды зорлық-зомбылық жүйесінің элементі ретінде қарастыру қажет.

Сталкинг пен тұрмыстық зорлық-зомбылықтың байланысы ерекше назар аударуды талап етеді. Зерттеулер көрсеткендей, қудалау көбінесе қарым-қатынас тоқтағаннан кейін пайда болады және жәбірленушіні бақылауды қалпына келтіру құралы ретінде қолданылады. Бұл тұрғыда сталкинг психологиялық қысым, қорқыту және физикалық ықпал етуді қамтитын зорлық-зомбылық жүйесінің ажырамас элементі ретінде көрінеді[1808]. Бұл заңдылық Қазақстан сот тәжірибесінде де нақты көрініс табады.

Ішкі істер министрлігінің деректеріне сәйкес, қазіргі уақытта Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 115-1-бабы бойынша 51 қылмыстық іс сотқа жолданып, олардың едәуір бөлігі бойынша күдіктілер қамауға алынған. Бұл норманың іс жүзінде қолданылып жатқанын және құқық қорғау органдарының мұндай мінез-құлыққа жүйелі түрде реакция бере бастағанын айғақтайды. Сонымен қатар, сот практикасы да сталкингтің әртүрлі көріністерін қамтиды: мысалы, Батыс Қазақстан облысында бұрынғы жұбайын жүйелі түрде қудалап, қорқытып, телефон арқылы мазалаған тұлғаға 100 сағат қоғамдық жұмыс тағайындалса, Астанада сот тыйымдарына қарамастан жарты жыл бойы қудалауды жалғастырған адам нақты бас бостандығынан айыру жазасына тартылып, моральдық зиянды өтеуге міндеттелген. Ал Семей қаласында ұзақ уақыт бойы әйелді аңдыған 31 жастағы ер адам қылмыстық жауаптылыққа тартылған. Мұндай істер сталкингтің формальды құқық бұзушылық шегінен шығып, жәбірленушінің қауіпсіздігі мен психологиялық тұрақтылығына нақты қатер төндіретін әлеуметтік қауіпті құбылыс ретінде бағаланып отырғанын көрсетеді.

Мысалы, Түркістан облысы Қазығұрт аудандық сотының 2026 жылғы 29 қаңтарындағы үкімінде қудалау жүйелі қорқыту, обсессивті байланыс орнату әрекеттері және физикалық зорлық-зомбылықпен қатар жүргені анықталған. Сотталушы жәбірленушіге күш қолданып қана қоймай, оны аңдып, бірнеше рет байланыс орнатуға тырысқан, соның нәтижесінде жәбірленушінің бойында тұрақты қорқыныш пен мазасыздық қалыптасқан. Бұл жағдай сталкингтің өз алдына дербес құқық бұзушылық бола отырып, сонымен бірге анағұрлым ауыр қылмыстарға өтудің аралық кезеңі ретінде көрінуі мүмкін екенін аңғартады[1809].

Ұқсас үрдіс Абай облысы Аягөз аудандық сотының 2026 жылғы үкімінде де байқалады. Бұл істе сот сталкинг құрамының негізгі белгілерін нақты айқындап, жәбірленушінің еркіне қарсы жүйелі түрде байланыс орнату, тұрғылықты жері мен жұмыс орнына бару, сондай-ақ цифрлық байланыс құралдары арқылы мазалау әрекеттерін құқықтық тұрғыдан бағалаған. Іс материалдары жәбірленушінің психоэмоционалдық жағдайының нашарлағанын, қорқыныш пен мазасыздықтың тұрақты сипат алғанын және оның қалыпты өмір сүру тәртібінің бұзылғанын көрсеткен. Осы мән-жайларды ескере отырып, сот «елеулі зиян» белгісінің бар екенін негіздеген. Бұл құқық қолдану тәжірибесінде психологиялық әсердің тек субъективті күй ретінде емес, құқықтық маңызы бар салдар ретінде қарастырыла бастағанын көрсетеді[1810].

Аталған мысалдар Қазақстан сот тәжірибесінің сталкингті эскалациялық процесс ретінде түсінетінін дәлелдейді: обсессивті әрекеттерден бастап қорқытуға

[1807] Ibid, 366–367-бб.
[1808] Ibid, 366–367-бб.
[1809] Түркістан облысы Қазығұрт аудандық сотының 2026 жылғы 29 қаңтардағы үкімі, № 5140-26-00-1/4 іс.
[1810] Абай облысы Аягөз аудандық сотының 2026 жылғы 26 ақпандағы үкімі, № 1036-26-00-1/7 іс.

және физикалық зорлық-зомбылыққа дейін. Бұл өз кезегінде ҚР ҚК-нің 115-1-бабының тек жазалау емес, превентивтік функция атқаратынын көрсетеді.

Қосымша мәнге ие құбылыс - киберсталкинг. Цифрлық технологиялар қудалаудың қарқындылығы мен үздіксіздігін арттырып, жәбірленушіні тұрақты бақылауға мүмкіндік береді. Аягөз ісінде қудалау WhatsApp және өзге цифрлық қосымшалар арқылы жүзеге асырылғаны анықталған. Бұл сталкингтің гибридті сипатқа ие болып, онлайн және офлайн әсер етуді біріктіретінін көрсетеді.

Конституциялық-құқықтық тұрғыдан сталкинг адамның негізгі құқықтарын, атап айтқанда жеке өмірге қол сұқпаушылықты, қозғалу еркіндігін және психологиялық қауіпсіздікті бұзады. Ғылыми әдебиетте мұндай әрекеттер тұлғаның өмірлік кеңістігін шектейтіні көрсетіледі. Қазақстандық тәжірибеде бұл жәбірленушінің еркін жүріп-тұру мүмкіндігінің шектелуі және моральдық зиян келтірілуі арқылы көрініс табады.

Сонымен қатар, сталкингті криминализациялау құқықтық анықтылық мәселелерін де туындатады. Алайда жүйелілік, обсессивтілік және зиян келтіру сияқты белгілерді нақтылау норманың шамадан тыс кең түсіндірілуін болдырмауға мүмкіндік береді.

Сталкингке тән жоғары латенттілік оны күрделі мәселелер қатарына жатқызады. Көптеген жәбірленушілер құқық қорғау органдарына жүгінбейді, бұл қорқынышпен немесе құқықтық қорғанымға сенімнің болмауымен байланысты. Осы тұрғыда сталкингті криминализациялау тек жазалау ғана емес, сигналдық функцияны да атқарады.

Осылайша, сталкинг жоғары қоғамдық қауіптілікке ие, эскалацияға бейім және ауыр қылмыстарға ұласуы мүмкін кешенді криминологиялық құбылыс деп бағаланады. Оның негізгі белгілері - жүйелілік, комулятивтік әсер, психологиялық ықпал және интимдік қатынастардағы зорлық-зомбылықпен тығыз байланыс.

Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексіне 115-1-баптың енгізілуі қылмыстық құқықтың превентивтік әлеуетін күшейтетін маңызды қадам ретінде сипатталады. Бұл норма қауіпті мінез-құлықты ерте кезеңде анықтап, оның жолын кесуге мүмкіндік береді, сол арқылы ауыр және аса ауыр қылмыстардың алдын алуға бағытталған тиімді құрал ретінде қызмет етеді.

Қорытынды

Жүргізілген зерттеу қазіргі қылмыстық құқық доктринасы мен тәжірибесінде сталкингтің тек дербес қылмыс құрамы ғана емес, айқын болжамдық және превентивтік функциясы бар күрделі криминологиялық феномен екенін негізді түрде дәлелдеуге мүмкіндік береді. Оның басты ерекшелігі формалды түрде рұқсат етілген немесе болмашы әрекеттердің тұрақты қудалау моделіне айналу қабілетінде, бұл өз кезегінде тұлғаға ауыр зиян келтіру қауіпін, тіпті өмірге қол сұғу мүмкіндігін туындатады.

Шетелдік заңнама мен ғылыми дереккөздерді талдау сталкингті криминализациялау классикалық қылмыстық құқық құралдары арқылы уақтылы тоқтатуға келмейтін әлеуметтік қауіпті мінез-құлық пен құқықтық жауапкершілік арасындағы олқылықты жою қажеттілігіне жауап ретінде қалыптасқанын көрсетеді. Германия, Ұлыбритания және АҚШ тәжірибесі ортақ бағытты анықтайды: сталкингті дербес қылмыс ретінде тану ең алдымен ерте араласуға және зорлық-зомбылықтың эскалациясын болдырмауға бағытталған.

Осы тұрғыда Германияның қылмыстық құқығында бекітілген Strafgesetzbuch §238 Nachstellung нормасының маңызы ерекше. Аталған норма сталкингті жәбірленушінің өмір салтына елеулі әсер етуге қабілетті жүйелі қудалау ретінде қарастырып, оның нақты көрініс нысандарын - қайталанатын байланыс орнату әрекеттерінен бастап, жеке деректерді теріс пайдалануға және қорқытуға дейін -

құқықтық деңгейде айқындайды[1811]. Сонымен қатар, заңда қудалаудың ұзақ уақыт бойы жалғасуы, денсаулыққа зиян келтіруі немесе өмірге қауіп төндіруі сияқты ауырлататын мән-жайлардың бөлініп көрсетілуі сталкингтің эскалациялық табиғатын тікелей ескеретінін білдіреді[1812]. Бұдан бөлек, қудалау әрекеттерінің өлімге әкелуі жағдайында жауаптылықтың айтарлықтай күшейтілуі сталкингтің ең қауіпті салдарына дейін құқықтық баға берілетінін көрсетеді[1813].

Әсіресе неміс құқығындағы қудалау нысандарының нақты әрі кең түрде айқындалуы, сондай-ақ ағылшын құқығындағы «ақылға қонымды тұлға» критерийінің қолданылуы жәбірленушіні қорғау мен айыпталушының құқықтарын сақтау арасындағы тепе-теңдікті қамтамасыз етуге мүмкіндік береді. Бұл екі модель де сталкингті тек жасалған әрекет ретінде емес, әлеуетті қауіптілігі жоғары, уақыт өте күшейетін мінез-құлық ретінде бағалайды.

Осылайша, зерттеу нәтижелері сталкингті тиімді құқықтық реттеу үшін оны оқшау құқық бұзушылық ретінде ғана емес, зорлық-зомбылықтың ықтимал эскалациясының бастапқы кезеңі ретінде қарастыру қажеттігін көрсетеді. Мұндай тәсіл қылмыстық құқықтың превентивтік мүмкіндіктерін кеңейтіп, тұлғаның қауіпсіздігін қамтамасыз етудің неғұрлым тиімді тетіктерін қалыптастыруға негіз болады.

Эмпирикалық деректер сталкингтің ауыр қылмыстармен тығыз байланысын растайды. Зерттеулерге сәйкес, 2019 жылы АҚШ-та 16 жастан асқан халықтың шамамен 1,3%-ы (яғни шамамен 3,4 миллион адам) сталкинг құрбаны болған, ал дәстүрлі және цифрлық сталкингке қатар ұшыраған жәбірленушілердің 67%-ы өлтірілу немесе физикалық зорлық-зомбылыққа ұшырау қаупінен қорыққан. Сонымен қатар, жәбірленушілердің 60%-дан астамы жағдайдың қалай өрбитініне қатысты тұрақты белгісіздік пен қорқыныш сезімін бастан өткергенін көрсеткен, ал 51,8%-ы өздеріне физикалық зиян келтірілуінен қауіптенген. Бұл көрсеткіштер сталкингтің тек психологиялық жайсыздықпен шектелмейтінін, керісінше зорлық-зомбылық қылмыстарына ұласу қаупімен тікелей байланысты тұрақты қорқыныш жағдайын қалыптастыратынын дәлелдейді[1814].

Өз өмірі үшін қорқыныш сезінетін жәбірленушілердің жоғарғы үлесі, қудалаудың ұзаққа созылуы және оның интимдік қатынастар аясында кең таралуы бұл құбылыстың зорлық-зомбылық мінез-құлқының ерте индикаторы екенін дәлелдейді. Әсіресе қарым-қатынас тоқтағаннан кейінгі кезең ерекше қауіпті, өйткені дәл осы уақытта эскалация ықтималдығы айтарлықтай артады. Осы тұрғыда сталкинг психологиялық қысым, бақылау және агрессияның біртіндеп күшеюін қамтитын динамикалық процесс ретінде қарастырылуы тиіс.

Конституциялық-құқықтық тұрғыдан сталкингті криминализациялау адамның негізгі құқықтарын қорғауға бағытталған, атап айтқанда жеке басының қол сұғылмаушылығы, жеке өмір, қозғалу еркіндігі және психологиялық қауіпсіздік. Сонымен қатар құқықтық айқындылық қағидатын сақтау және қылмыстық жауаптылықтың шамадан тыс кеңеюіне жол бермеу маңызды болып қала береді, бұл өз кезегінде қылмыстық-құқықтық нормалардың мазмұнын нақтылауды талап етеді. Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексінің 115-1-бабында сталкинг «елеулі зиян келтіруге алып келген» әрекет ретінде айқындалғанымен, Кодекстің 3-бабының 14) тармағындағы «елеулі зиян» ұғымы жалпы сипатта берілген және сталкингке тән психологиялық әрі мінез-құлықтық салдарларды тікелей қамтымайды. Қолдану тәжірибесі 115-1-баптың превентивтік құрал ретіндегі маңызын растай отырып, физикалық зорлықсыз жүйелі қудалаудың да қоғамдық қауіптілігін тану қажеттігін

[1811] Strafgesetzbuch (StGB) § 238 абз. 1.
[1812] Strafgesetzbuch (StGB) § 238 абз. 2.
[1813] Strafgesetzbuch (StGB) § 238 абз. 3.
[1814] Rachel E Morgan and Jennifer L Truman, Stalking Victimization, 2019 (US Department of Justice, Bureau of Justice Statistics, 2022) NCJ 301735.

көрсетеді, алайда құқықтық саралаудың бірізділігі көбіне «елеулі зиян» мазмұнының түсіндірілмеуіне байланысты қиындықтарға ұшырайды.

Осыған байланысты, Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының 2007 жылғы 11 мамырдағы №1 сталкинг құрамына қатысты «елеулі зиян» ұғымына арнайы түсіндірме беру ұсынылады, онда мұндай зиян ретінде жәбірленушіде тұрақты қорқыныш сезімінің қалыптасуы, психологиялық қысымға ұшырауы, өзінің қауіпсіздігі үшін негізді алаңдауы, сондай-ақ оның өмір салтын өзгертуге мәжбүр болуы (тұрғылықты жерін, жұмысын немесе оқу орнын ауыстыру, байланыс құралдарын өзгерту, әлеуметтік байланыстарды шектеу) сияқты салдарлар танылатыны нақты бекітілуі тиіс. Бұл түсіндіру, бір жағынан, қылмыстық жауаптылықтың шектерін негізсіз кеңейтпей, құқықтық айқындылықты қамтамасыз етсе, екінші жағынан, сталкингтің эскалациялық табиғатын және оның ауыр қылмыстарға ұласу қаупін ескеруге мүмкіндік береді.

Сонымен қатар, Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының нормативтік қаулысының ережелерін ескере отырып, сталкингті саралау кезінде соттар мен тергеу органдары кінәлінің әрекеттерінің тек тікелей зардаптарын ғана емес, оның алдындағы мінез-құлықтың даму динамикасын, оның ішінде әрекеттердің жүйелілігін, ұзақтығын, қорқыту сипатын және жәбірленушінің мінез-құлқының мәжбүрлі өзгеруін де бағалауы тиіс екендігін қосымша нақтылау орынды.

Осылайша, сталкингті жоғары латенттілігі және эскалация әлеуеті бар қауіпті мінез-құлық ретінде бағалау оны дер кезінде анықтау мен тоқтатудың маңыздылығын айқындайды. Осы тұрғыда «елеулі зиян» ұғымын сталкингтің психологиялық және мінез-құлықтық салдарлары арқылы нақтылау құқық қолдану тәжірибесінің бірізділігін қамтамасыз етудің және қылмыстық-құқықтық норманың превентивтік әлеуетін толық іске асырудың қажетті шарты ретінде қарастырылуы тиіс. Мұндай тәсіл жәбірленушінің құқықтарын тиімді қорғауға ғана емес, сонымен қатар анағұрлым ауыр қылмыстық құқық бұзушылықтардың алдын алуға мүмкіндік береді.

Пайдаланылған әдебиеттер:

Сот тәжірибесі:

1. Түркістан облысы Қазығұрт аудандық сотының 2026 жылғы 29 қаңтардағы үкімі, № 5140-26-00-1/4 іс.
2. Абай облысы Аягөз аудандық сотының 2026 жылғы 26 ақпандағы үкімі, № 1036-26-00-1/7 іс.

Заңнама:

1. Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексі,115-1-бап «Сталкинг»
2. Protection from Harassment Act 1997.
3. Strafgesetzbuch (StGB) § 238.

Ғылыми әдебиеттер:

1. Жусипбекова А.М., Хакимов Е.М. Право без равенства: сталкинг и семейное насилие в ловушке коллизий // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. 2025.
2. Jordan T, ‘The Efficacy of the California Stalking Law: Surveying Its Evolution, Extracting Insights from Domestic Violence Cases’ (1995) 6 Hastings Women’s Law Journal 363.
3. Kaiser R, Stalking, Escalation, and Early Intervention: Embedding Escalation Pattern Analysis (EPA) in Domestic Abuse Safeguarding (2024).
4. McAnaney KG, Curliss LA and Abeyta-Price CE, ‘From Imprudence to Crime: Anti-Stalking Laws’ (1993) 68 Notre Dame Law Review 819.
5. Morgan RE and Truman JL, Stalking Victimization, 2019 (US Department of Justice, Bureau of Justice Statistics 2022) NCJ 301735.
6. Royakkers B, ‘The Dutch Approach to Stalking Laws’ (2000) 7 Ethics and Information Technology 15.

Сыздыкова Нурай Абаевна
Maqsut Narikbayev University Құқық жоғары мектебі
Астана қ., Қазақстан Республикасы
E-mail: Nuray_Syzdykova@mnu.kz

АНАСЫНЫҢ ЖАҢА ТУҒАН БАЛАСЫН ӨЛТІРУІ: ҚЫЛМЫС СУЪЕКТІСІ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Аңдатпа: Мақалада Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 100-бабында көзделген ананың жаңа туған баласын өлтіруі бойынша қылмыс құрамындағы қылмыс субъектісін айқындау мәселелері қарастырылады. Аталған қылмыс адам өлтіру қылмысының жалпы құрамынан бөлініп, жеңілдетілген түр ретінде танылатыны талданады. Оның құқықтық табиғаты босану кезіндегі әйелдің ерекше психофизиологиялық жай-күйімен түсіндірілетіні туралы талдау жүргізіледі. Зерттеуде қылмыс құрамының объектісі, объективтік жағы, субъективтік жағы қысқаша сипатталып, негізгі назар субъект ұғымына назар аударылады. Автор ана ұғымының заңнамалық деңгейде жеткілікті нақтыланбауы құқық қолдану тәжірибесінде қайшылықтар туындататынын негіздейді. Әсіресе суррогат ана институты жағдайында баланы дүниеге әкелген әйел мен баланың заңды анасы ұғымдарының сәйкес келмеуі қылмысты саралауда күрделі коллизия қалыптастыратыны көрсетіледі. Осыған байланысты мақалада қылмыс субъектісін анықтауда формальды-құқықтық өлшемнен гөрі босану фактісі мен әйелдің нақты психофизиологиялық жағдайына басымдық беру қажеттігі туралы қорытынды жасалады.

Түйінді сөздер: жаңа туған бала, қылмыс, ана, суррогат ана, босанған әйел, қылмыстық жауаптылық, босану, қылмыс субъектісі, суррогат ана болу, босанғаннан кейінгі кезең, есінің дұрыстығы.

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы определения субъекта преступления в составе убийства матерью новорожденного ребенка, предусмотренного статьей 100 Уголовного кодекса Республики Казахстан. Анализируется выделение данного преступления из общего состава убийства и признание его привилегированным составом (со смягчающими обстоятельствами). Проводится анализ того, что его правовая природа объясняется особым психофизиологическим состоянием женщины во время родов. В исследовании кратко характеризуются объект, объективная и субъективная стороны состава преступления, при этом основное внимание уделяется понятию субъекта. Автор обосновывает, что недостаточная конкретизация понятия матери на законодательном уровне порождает противоречия в правоприменительной практике. В частности, показывается, что в условиях института суррогатного материнства несовпадение понятий женщины, родившей ребенка, и законной матери ребенка создает сложную коллизию при квалификации преступления. В связи с этим в статье делается вывод о необходимости при определении субъекта преступления отдавать приоритет не формально-правовому критерию, а факту родов и фактическому психофизиологическому состоянию женщины.

Ключевые слова: новорожденный ребенок, преступление, мать, суррогатная мать, роженица, уголовная ответственность, роды, субъект преступления, суррогатное материнство, послеродовой период, вменяемость.

Abstract: This article considers the issues of determining the subject of the crime in the corpus delicti of the murder of a newborn child by the mother, as stipulated in Article 100 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan. It analyzes the separation of this crime from the general corpus delicti of murder and its recognition as a privileged offense (an

offense with mitigating circumstances). An analysis is conducted demonstrating that its legal nature is explained by the special psychophysiological condition of the woman during childbirth. The study briefly describes the object, objective side, and subjective side of the crime, with the main focus placed on the concept of the subject. The author substantiates that the insufficient specification of the concept of "mother" at the legislative level causes contradictions in law enforcement practice. In particular, it is shown that in the context of the institution of surrogacy, the discrepancy between the concepts of the woman who gave birth to the child and the legal mother of the child creates a complex collision in qualifying the crime. In this regard, the article concludes that when determining the subject of the crime, priority should be given to the fact of childbirth and the actual psychophysiological state of the woman, rather than to the formal legal criterion.

Keywords: newborn child, crime, mother, surrogate mother, parturient woman, criminal liability, childbirth, subject of the crime, surrogacy, postpartum period, sanity.

Кіріспе

Адамның өмірі қылмыстық құқықпен қорғалатын ең жоғары құндылықтардың бірі болып табылады. Осыған байланысты жаңа туған сәбидің өміріне қол сұғу қылмыстық заңнамада ерекше қорғалатын объект ретінде танылады. Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің (әрі қарай – ҚР ҚК) 100-бабында ананың өзінің жаңа туған баласын өлтіруі үшін арнайы қылмыстық жауаптылық белгіленген. Бұл норма адам өлтірудің жалпы құрамынан бөлініп көрсетілген, өйткені заң шығарушы босану кезіндегі және босанғаннан кейінгі кезеңдегі әйелдің ерекше психофизиологиялық жай-күйін ескерген.

Аталған қылмыс құрамының ерекшелігі оның тек объективтік белгілерінде ғана емес, ең алдымен арнайы субъектісінде көрінеді. Заң мәтінінде субъект ретінде «ана» ұғымы қолданылғанымен, бұл ұғымның қылмыстық-құқықтық мазмұны әрдайым бірмәнді айқындала бермейді. Әсіресе қазіргі кезеңде қосалқы репродуктивтік технологиялардың дамуы, соның ішінде суррогат ана институтының құқықтық айналымға енуі, қылмыс субъектісін анықтау мәселесін одан әрі күрделендіріп отыр. Баланы дүниеге әкелген әйел мен баланың заңды анасы әрдайым бір тұлға болмауы мүмкін, ал бұл өз кезегінде ҚР ҚК 100-бабын қолдану барысында құқықтық қайшылықтар туындатады. Бір жағынан, ананың жаңа туған баласын өлтіруі құрамының жеңілдетілген сипаты босану процесіне және әйелдің сол кезеңдегі психикалық-физиологиялық күйіне негізделеді. Екінші жағынан, қолданыстағы заңнамада «ана» ұғымының формальды-құқықтық және биологиялық мазмұнының арақатынасы нақты ажыратылмаған. Соның салдарынан, әсіресе суррогат анаға қатысты жағдайларда, қылмысты саралау кезінде ҚР ҚК 100-бабы мен ҚР ҚК 99-бабының аражігін ажырату мәселесі туындайды.

Осы мақалада ҚР ҚК 100-бабында көзделген қылмыс құрамының объектісі, объективтік жағы және субъективтік жағы қысқаша қарастырылып, негізгі назар қылмыс субъектісі мәселесіне аударылады. Зерттеудің мақсаты – ананың жаңа туған баласын өлтіруі құрамындағы арнайы субъект ұғымының мазмұнын ашу, «ана» түсінігін анықтаудағы құқықтық қайшылықтарды талдау және суррогат ана институты жағдайында туындайтын саралау мәселелерін көрсету.

Зерттеу нәтижесінде қылмыс субъектісін айқындауда тек формальды заңдық мәртебеге сүйену жеткіліксіз екені, бұл мәселені шешуде босану фактісі, әйелдің нақты психофизиологиялық жай-күйі және қылмыстық заңның ізгілендіру мақсаты өзара байланыста қарастырылуы тиіс екені негізделеді.

Негізгі бөлім

Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 100-бабы анасының жаңа туған баласын өлтіргені үшін қылмыстық жауаптылық көзделген. Бұл қылмыс құрамының

ерекшелігі – адам өлтіру бойынша қылмыс құрамынан бөлініп, жеңілдетілген түр ретінде қарастырылады. Бұл қылмыс бойынша жеке баптың болуында әйелдің босану кезінде және босанғаннан кейінгі кезеңдегі әйелдің психоэмоционалдық жағдайы жатыр. Яғни аталған бап бойынша қылмыс жасалған кезде, жасалған әрекетті ғана емес психологиялық, физиологиялық жай-күйін ескеруіміз керек.

ҚР ҚК 100-бабындағы қылмыстың объектісі – жаңа туған баланың өмірі. Қоғамдық қауіптілік – жаңа туған баланың өміріне қол сұғу. Заң бұл жерде қылмыстық құқықтық қорғауды адамның өмір сүру құқығына бағыттайды. Баптың ерекшелігіне байланысты ананың босану және босанғаннан кейінгі кезеңдегі ерекше психофизиологиялық жағдайы ескеріледі. ҚР ҚК 100-бабы бойынша саралау кезінде сәбидің жаңа туған кезеңде болуы ескерілуге тиіс, ал бұл кезең өтіп кеткеннен кейінгі жасалған қылмыс ҚР ҚК 99-бабының 3-бөлігі жас баланы өлтіру бойынша сараланууы керек.

ҚР ҚК 100-бабының қылмыс құрамының объективтік жағы анасының өзінің жаңа туған баласын өлтіру әрекеті арқылы көрінеді. Заң бойынша қылмыс құрамының әрекеттің жасалу уақыты мен жағдайына назар аудару қажет. Себебі қылмыс босану кезінде немесе босанғаннан кейінгі кезеңде, психикасын күйзелтетін ахуал салдарынан немесе есінің дұрыстығы жоққа шығарылмайтын психикалық бұзылу жағдайында жасалуы тиіс. Қылмыстық құқық ғылымында «босанғаннан кейінгі кезең[1815]» ұғымы ретінде нені түсіну керектігі анықталмаған. Бұл сұраққа жауап сот-тергеу тәжірибесінде де жоқ. Педиатрияда жаңа туған нәрестені төрт аптаға дейінгі баланы тану керек деген пікір қалыптасқан. Сот тәжірибесін зерттеу көрсеткендей, көптеген жағдайларда мұндай адам өлтіру баланың туған күнінде жасалады.

ҚР ҚК 100-бабының субъективтік жағы қасақаналықпен сипатталады. Яғни бұл жерде әйелдің еркі мен санасына босану, күйзеліс, қорқыныш, депрессия сияқты ерекше психикалық факторлардың әсері көбірек болады. Әйелдің психикасын күйзелтетін ахуал бірден емес, жағымсыз мән-жайлардың жиналуы нәтижесінде қалыптасады. Ал есінің дұрыстығын жоққа шығармайтын психикалық бұзылу оның өз әрекетін толық ұғына алмауы немесе толық басқара алмауы арқылы көрінуі мүмкін[1816], яғни шектелген есі дұрыстықтың болуы бар.

Б.Лауфер жаңа туған баласын өлтірген ананы «есі дұрыс емес» тұлға ретінде санамау қажеттігін көрсетеді. Яғни босанудан кейінгі психикалық бұзылулар, жарақат, зорлық және әлеуметтік қысым жағдайында әрекет ететін субъект ретінде қарастыру қажеттігін көрсетеді[1817]. Бұл көзқарас ананың жаңа туған баласын өлтіруі құрамын талдауда әйелдің психофизиологиялық жай-күйіне ерекше назар аудару қажеттігін растайды.

ҚР ҚК 100-бабының субъектісі заң бойынша – жаңа туған баланың анасы. Мәселе ана ұғымының мазмұнында жатыр. Қылмыс құрамы бойынша, қылмыс субъектісі – қылмыстық жауаптылық жасына толған және есі дұрыс жеке тұлға. Осы тұрғыдан алғанда, суррогат ана да жалпы негізде қылмыс субъектісі бола алады. Алайда оның ерекше құқықтық мәртебесі бар екенін ескеру керек. Бұл мәселе ҚР ҚК 100-бабында көзделген жаңа туған баланы анасының өлтіруі қылмысы бойынша арнайы субъектісін анықтау кезінде сұрақтар тудырады. Қылмыс құрамы бойынша бұл

[1815] Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексі. Қазақстан Республикасының Кодексі 2014 жылғы 3 шілдедегі № 226-V ҚРЗ. // Қазақстан Республикасы нормативтік құқықтық актілерінің «Әділет» ақпараттық-құқықтық жүйесі. (2014). 100. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000226> жүгіну күні 26 ақпан 2026

[1816] И.Ш. Борчашвили, Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексіне түсіндірме. Ерекше бөлік (Том 2, Жеті Жарғы 2021) 51 жүгіну күні 27 ақпан 2026

[1817] B. Laufer, 'The Infanticidal Mother as the Speaking Subject' (2023) 17(3) Jung Journal: Culture & Psyche 45-46 <https://www-tandfonline-com.mnulib.idm.oclc.org/doi/full/10.1080/19342039.2023.2228488> жүгіну күні 10 наурыз 2026

құрамның арнайы субъектісі баланың анасы болып табылады. Алайда суррогат ана баланы өлтірген жағдайда, ол ана ұғымына кірмеуі бірқатар қайшылықтар тудырады. Қарастырылып отырған қылмыстың субъектісін дұрыс анықтау үшін «ана» (биологиялық тұрғыда және құқықтық тұрғыда), «ана болу», «суррогат ана» және «бала туу» сияқты категорияларды нақты анықтау қажет. А.И.Тамбовцевтың пікірінше, «ана» және «жаңа туған бала» ұғымдарының заң бойынша толық түсіндірмесінің болмауы объективті саралауға кедергі келтіреді және құқық қолдануда қайшылықтарға әкеп соғуы мүмкін. Ол бұл терминдерді медициналық, азаматтық, отбасылық және өзге де құқық салаларының өлшемдері негізінде заңнамалық түрде нақтылауды ұсынады[1818]. Автордың тұжырымын орынды деп санауға болады. Себебі қылмыстық құқық бойынша «ана» ұғымын тек тұрмыстық немесе жалпы тілдік мағынада түсіндіру жеткіліксіз. Қылмыстық құқықтық саралау дұрыс болуы үшін ана ұғымы құқықтық деңгейде нақтылануға тиіс. Әйтпесе, суррогат ана институты жағдайында субъектіні анықтау кезінде елеулі коллизия туындайды: бір жағынан баланы нақты туған әйел – суррогат ана, екінші жағынан ол әрдайым заңды ана ретінде танылмауы мүмкін.

Т. Жанұзақтың тұжырымдамасына сәйкес «ана» ұғымы «балалы болған әйел, туған шеше»[1819] деген анықтамамен түсіндіріледі. Бұл ретте баланы дүниеге әкелген әйелді ана ретінде тану тілдік нормалармен де толық үйлеседі. Ал «босану» ұғымының мағынасы ретінде «бала табу, туу» анықтамасы ұсынылған[1820]. Демек, ана және босану ұғымдары бір-бірімен өзара тығыз байланысты және осы ұғымдарды заңнамалық деңгейде нақты анықтаудың қажеттілігі туындайды. Өйткені ұғымдардың заңдық тұрғыда нақты әрі толық айқындалмауы құқық қолдану практикасында қайшылықтар мен түсініспеушіліктер тудырады. Мысалы, НОТК мен АК-де суррогат ана ұғымы тек тапсырыс берушілердің өтінішімен баланы дүниеге әкелетін тұлға ретінде сипатталады. Алайда заң шығарушы бұл тұлғаны «суррогат ана» деп атағанымен, оның ана ретіндегі құқықтық мәртебесін толық айқындамаған, бұл мәселе қосымша заңнамалық нақтылауды талап етеді.

Қазақстан Республикасында суррогат ана ұғымының құқықтық негізі 1998 жылы «Неке және отбасы туралы» Заңының қабылдануымен бастау алды. Әрі қарай бұл саладағы құқықтық реттеу кейінгі жылдары бірнеше өзгерістерден өтті: 2004 жылы – Репродуктивтік құқықтар туралы арнайы заң, 2009 жылы – Денсаулық сақтау саласындағы кодекс, 2011 жылы – «Неке (ерлі-зайыптылық) және отбасы туралы» Кодексі қабылданды. Алайда құқықтық базаның кезең-кезеңімен кеңейтілуі барлық қайшылықтарды жойған жоқ. Керісінше, қазіргі құқық қолдану тәжірибесінде суррогат ана болуға қатысты бірқатар қайшылықтар сақталып отыр: субъектілер шеңберін айқындау, сондай-ақ суррогат ананың құқықтық мәртебесін анықтау мәселелері әлі де даулы сипатқа ие.

ҚР ҚК 100-бабында анасының жаңа туған баланы өлтіргені үшін жауаптылық көзделген. Яғни «Ананың өзінің жаңа туған баласын босану кезінде немесе одан кейінгі кезеңде психикасын күйзелтетін ахуал салдарынан не есінің дұрыстығы жоққа шығарылмайтын психикалық бұзылу жағдайында өлтіруі»[1821] деп көрсетілген. Бұл баптың санкциясына сәйкес қылмыс жасаған тұлға төрт жылға дейін бас бостандығын шектеуге немесе сол мерзімге бас бостандығынан айыруға жазаланады, себебі кінәлі

[1818] А.И. Тамбовцев, 'Проблемы уголовно-правовой квалификации убийств новорожденных' (2009) 3(34) Научный вестник Омской академии МВД России 19 <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-ugolovno-pravovoy-kvalifikatsii-ubiystv-novorozhdennyh> жүгіну күні 5 наурыз 2026

[1819] Т. Жанұзақов, Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі (Дайк-Пресс 2008) 45. жүгіну күні 10 наурыз 2026

[1820] "ibid" 138.

[1821] Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексі. Қазақстан Республикасының Кодексі 2014 жылғы 3 шілдедегі № 226-V ҚРЗ. // Қазақстан Республикасы нормативтік құқықтық актілерінің «Әділет» ақпараттық-құқықтық жүйесі. (2014). 100. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000226> жүгіну күні 26 ақпан 2026

тұлғаны есінің дұрыстығы шектелгендіктен ол жеңілдетілген адам өлтіру түріне жатады. Есінің дұрыстығының шектелуі оның жүктілік жағдайында жағымсыз оқиғалардың тоғысуы салдарынан болады.

Егер суррогат ана өзі туған баланы босану кезінде немесе босанғаннан кейінгі кезеңде өлтірген жағдайда, жасалған қылмыс бойынша суррогат ананың жауапкершлігін саралау қалай жүзеге асатыны туралы мәселе орын алады. Жауапкершілік ҚР ҚК 99-бабының 3-бөлігі бойынша ма, әлде ҚР ҚК 100 бойынша туындайды ма деген сұрақ ашық қалады. Себебі ҚР НОТК бойынша суррогат ана баланың анасы емес, баланы босанғаннан кейін құжаттарда тапсырыс берушілердің (биологиялық ата-анасы) аты-жөндері жазылады. ҚР НОТК 1-бабының 1-тармағының 33-тармақшасына сай суррогат ана – суррогат ана болу шартына сәйкес тапсырыс берушілер үшін ҚРТ мен әдістер қолданылғаннан кейін құрсақ көтеретін және бала туатын әйел[1822]. Демек суррогат ана тапсырыс берушілердің тапсырмасына сай баланы туатын әйел. Алайда суррогат ана да өзге де аналар сияқты бірдей физиологиялық және психологиялық өзгерістерді бастан кешіреді. Бірақ бұл заңнамада ескерілмеген. Егер суррогат ана өзі туған баланы босану кезінде немесе босанғаннан кейінгі кезеңде өлтіруі ҚР ҚК 100-бабы бойынша сараланатын болса, ол бап бойынша суррогат ана баланың анасы емес. Ал ҚР ҚК 99-бабының 3-бөлігі жас баланы өлтіргені үшін өмір бойы бас бостандығынан айыру жазасын көздейді. Осы жерде сұрақ туындайды, суррогат ананың баланың заңды түрде анасы болып табылмауы өмір бойы бас бостандығынан айырылуы қаншалықты негізді?

Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының «Адамның өмірі мен денсаулығына қарсы кейбір қылмыстық құқық бұзушылықтарды саралау туралы» нормативтік қаулысының 25-тармағына сәйкес: «ҚК-нің 100-бабы бойынша қылмысты саралау кезінде ананың өзінің жаңа туған сәбиін босану кезінде немесе босанғаннан кейін өлтіруі осы бап бойынша жауапкершілікке әкелетінін ескеру қажет. Бұл жағдайларда, босанған әйелдің психикасына теріс әсер ететін (мысалы, әкесінің баладан бас тартуы, баланың некесіз туылуына туысқандарының айып тағуы, баланың әкесі немесе әйелдің туысқандары ана мен баланың өмір сүруі үшін материалдық жағдайдан бас тартуы және т.б.) маңызды мән-жайларды әйелдің психикасының бұзылу жағдайы деп түсіну қажет. Сәби туылғаннан кейін әйелдің психикалық бұзылуы, әдетте, оның жүйке жүйесінің теріс процестерімен (депрессия, қорқыныш сезімі, желікпе көңіл-күй және т.б.) сипатталады»[1823]. Яғни осы жерден де көретініміз, Жоғарғы соттың нормативтік қаулысы ҚР ҚК 100-бабын қолдануда басты назарды ананың жай ғана формальды құқықтық мәртебесіне қарау жеткіліксіз екендігін көрсетеді. Осы бапта қолданғанда босану фактісіне, жаңа туған кезеңнің болуы уақыты және босану, босанғаннан кейінгі әйелдің психофизиологиялық жағдайына назар аудару керек. Сондықтан осы қылмыс құрамының арнайы субъектісін айқындау кезінде, ана терминін отбасы құқығынан ғана емес қылмыстық құқық пен медициникалық өлшемдер жағынан да түсіндірілу дұрыс болып табылады. Осы тәсіл арқылы суррогат ана өзі туған баланы өлтірген жағдайда туындайтын мәселелерді шешуге мүмкіндік береді.

[1822] Қазақстан Республикасының неке (ерлі-зайыптылық) және отбасы туралы кодексі. Қазақстан Республикасының 2011 жылғы 26 желтоқсандағы № 518-IV Кодексі. // Қазақстан Республикасы нормативтік құқықтық актілерінің «Әділет» ақпараттық-құқықтық жүйесі. (2011). 1. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1100000518> жүгіну күні 10 наурыз 2026

[1823] Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының «Адамның өмірі мен денсаулығына қарсы кейбір қылмыстық құқық бұзушылықтарды саралау туралы» Нормативтік қаулысы. Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының 2007 жылғы 11 мамырдағы № 1 Нормативтік қаулысы. // Қазақстан Республикасы нормативтік құқықтық актілерінің «Әділет» ақпараттық-құқықтық жүйесі. (2007). 25. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P07000001S_> жүгіну күні 15 наурыз 2026

Жаңа туған баланы өлтіру қылмысының субъектісінің қатарына суррогат ананы да қосу керек. Себептеріне тоқталатын кететін болсақ генетикалық түрде баламен суррогат ананы байланысты болмаса да, баланы көтерген және босанатын тұлға – суррогат ана. Яғни бұл физиологиялық түрде туыстықтың бар болуы мүмкін екенін жоққа шығармайды. Демек, әйелдің денесі физиологиялық өзгерістерге ұшырайтындықтан, бұл туыстық болады деп есептеуге болады. Суррогат ана, кез-келген басқа босанған әйел сияқты, босанғаннан кейінгі стрессті, депрессияны және олардың әрекеттерін бақылау қабілетіне әсер ететін басқа психикалық бұзылуларды сезінуі мүмкін. Бұл дегеніміз психоэмоционалды жағдайды суррогат ана да биологиялық аналар сияқты бастан кешіретін көруге болады.

Г.М. Батршинаның пікірінше, заң шығарушы ресми емес, биологиялық және психологиялық өлшемдерді ескеруі керек. Себебі суррогат ана барлық босану және гормоналды өзгерістерді бастан кешіреді, яғни физиологиялық мағынада қарапайым анаға теңестірілуі керек деп өз мақаласында атап көрсетеді . Автор Ресей заңнамасы бойынша суррогат ананы баланың анасы заңды түрде мойындамауы мүмкін, бұл қылмысты саралау кезінде құқықтық қақтығыс тудырады деп есептейді. Автордың ұсынысы бойынша: РФ ҚК 106-бабындағы «ана» терминін «босанған әйел» деп ауыстыруды ұсынады, бұл суррогат аналардың субъективті құрамына кіруге мүмкіндік беретіндігін[1824] көрсетеді. Яғни, суррогат ана, оның заңды ана мәртебесінің жоқтығына қарамастан, РФ ҚК 106-бабы бойынша субъект ретінде танылуы керек. Бұндай ұсынысты енгізбеу РФ ҚК 106-бабы әділеттілік қағидасын бұзады деп автор өз пікірін білдірді.

Л.М. Мурзинаның пайымдауынша, суррогат ана босану кезінде қарапайым ана сияқты гормоналды және психоэмоционалды процестерді бастан кешіреді. Қылмыстық заң әйелдің заңды түрде анасы болмаса да, оның объективті биологиялық жағдайын елемеуге болмайды. Суррогат ананы РФ ҚК 106-бабы бойынша субъект ретінде тани отырып, біз анасы заңды түрде белгіленбесе де, туыстық психикалық жағдайды ескере отырып, заңды нақты ізгілендіруді қамтамасыз етеміз деп көрсетеді[1825].

Г.М. Батршинаның мен Л.М. Мурзинаның пікірлерін салыстыра қарастырсақ, екі автор да суррогат ананың қылмыстық-құқықтық мәртебесін айқындауда оның формальды заңдық мәртебесінен гөрі нақты биологиялық және психоэмоционалдық жағдайына басымдық беру қажет деген ортақ тұжырымға келеді. Батршина суррогат ана ресми түрде баланың заңды анасы болып танылмауы мүмкін екенін, алайда ол босану мен босанудан кейінгі барлық физиологиялық және гормоналдық өзгерістерді бастан кешіретіндіктен, қылмыстық құқық тұрғысынан қарапайым анамен теңестірілуі тиіс екенін атап көрсетеді[1826]. Осыған байланысты автор РФ ҚК-нің 106-бабындағы «ана» терминін «босанған әйел» деген анағұрлым нақты ұғыммен алмастыруды ұсынады. Ал Мурзина суррогат ананың босану кезінде кәдімгі ана сияқты гормоналдық және психоэмоционалдық күйзелістерді бастан кешіретінін негізге ала отырып, оның

[1824] Г.М. Батршина, ‘Проблема признания субъектом убийства матерью новорожденного ребенка суррогатной матери’ (2018) 9(25) Аллея Науки 566 <https://www.alley-science.ru/domains_data/files/69October18/PROBLEMA%20PRIZNANIYa%20SUBEKTOM%20UBIYSTVA%20MATERYu%20NOVOROZhDENNOGO%20REBENKA%20SURROGATNOY%20MATERI.pdf> жүгіну күні 17 наурыз 2026.

[1825] Л.И. Мурзина, ‘Генезис уголовной ответственности за детоубийство’ (2008) Юридические науки 102–103 <https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-detoubiystvo> жүгіну күні 19 наурыз 2026.

[1826] Г.М. Батршина, ‘Проблема признания субъектом убийства матерью новорожденного ребенка суррогатной матери’ (2018) 9(25) Аллея Науки 566 <https://www.alley-science.ru/domains_data/files/69October18/PROBLEMA%20PRIZNANIYa%20SUBEKTOM%20UBIYSTVA%20MATERYu%20NOVOROZhDENNOGO%20REBENKA%20SURROGATNOY%20MATERI.pdf> жүгіну күні 17 наурыз 2026.

объективті биологиялық жағдайын қылмыстық заң ескеруге міндетті деп санайды[1827]. Демек, екі автордың да көзқарасы суррогат ананы заңды ана мәртебесінің болмауына қарамастан, жаңа туған баланы өлтіру құрамының субъектісі ретінде тану қажет деген ойға тоғысады. Бұл ұстаным қылмыстық заңды әділетті қолдану талабына анағұрлым сәйкес келеді деп есептеуге болады. Өйткені мұнда шешуші мән формальды тіркеуге емес, әйелдің босану кезіндегі және босанғаннан кейінгі нақты психофизиологиялық жай-күйіне беріледі.

Е.В. Малышева айтуынша ана болудың екі түрі бойынша қарастыру керектігін жазады. Яғни факті түрде ана ол әйелдің баланы дүниеге әкелген сәтінен басталса, заңды түрде ана болу азаматтық хал актілеріне тіркеу органы баланың нақты әйелден туғанын белгілеген кезде туындайтынын атап көрсетеді.[1828] Автор РФ ҚК 106-бабының диспозициясын өзгерту туралы ұсыныс келтіреді, яғни «Убийство матерью новорожденного ребенка»[1829] дегеннің орнына норманы әйелдің өзі туған баланы өлтіруі деп ауыстыруды тұжырымдайды. Бұндай өзгерістерді енгізу арқылы, автор қылмысты саралау барысында қайшылықтарды жоюға болады деп есептейді.

Б.Р. Шарма суррогат ана болуды сот-медициналық және құқықтық тұрғыдан талдаған. Суррогат ана болудың генетикалық, гестациялық және әлеуметтік қырларға бөлінуі құқықтық мәртебені айқындауда елеулі қайшылықтар туындататынын көрсетеді[1830]. Бұл тұжырым суррогат ананың қылмыс субъектісі ретіндегі мәртебесін анықтау мәселесінің күрделілігін де дәлелдейді.

К.Д. Поп пікірінше, қылмыстық құқықта мағынада кімді ана деп санау керек деген сұрақ ашық күйінде қалып отыр. Азаматтық құқық аналықты баланың тууы арқылы анықтайды («mater semper certa est»), алайда қылмыстық құқық генетикалық және биологиялық байланысты да ескеруі мүмкін дейді автор. Әртүрлі сот прецеденттерін қарастыра отырып, кейбір жағдайларда соттар биологиялық ананы басқа әйел (суррогат ана) болып туылса да, балалардың табиғи анасы деп танығанын байқауға болады. Бұл дегеніміз, болашақта қылмыстық заң ана болудың жаңа түрлеріне бейімделіп, екі жақтың да – суррогат ана мен биологиялық ананың жауапкершілігін реттей алады[1831] деген негіздермен автор өз ойын жеткізді.

Авторлардың пікірлерінен шығатын тұжырымды жинақтай келе, ҚР ҚК 100-бабындағы қылмыс құрамындағы субъектті анықтау барысында баланы нақты кім босанғанына назар аударылуы тиіс. Сондай-ақ әйелдің босану кезіндегі және босанғаннан кейінгі кездегі психологиялық, физиологифлық, биологиялық жай-күйіне назар аударылуы тиіс. Осы тұрғыдан суррогат ананың ана ретінде танылмауы оны аталған қылмыс құрамының субъектілер қатарынан шығарып тастауға негіз болмауы керек.

Санкт-Петербургтегі медициналық зертханасының айтуы бойынша, суррогат ана таңертеңгі ауруды, гормоналды фонның өзгеруін, көңіл – күйдің күрт өзгеруін және

[1827] Л.И. Мурзина, ‘Генезис уголовной ответственности за детоубийство’ (2008) Юридические науки 102–103 <https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-detoubiystvo> жүгіну күні 19 наурыз 2026.

[1828] Е.В. Малышева, «Суррогатная мать как субъект преступления. Проблемы квалификации» (2018) 3(66) Вестник Международного юридического института 145 <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36914989> жүгіну күні 20 наурыз 2026.

[1829] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026). // ИС КонсультантПлюс. 106. <https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/> жүгіну күні 21 наурыз 2026.

[1830] B.R. Sharma, ‘Forensic considerations of surrogacy – an overview’ (2006) Journal of Clinical Forensic Medicine 80-82 <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1353113105001410> жүгіну күні 1 сәуір 2026.

[1831] C.D. Pop, ‘The surrogate mother and criminal law. Preliminaries’ (2019) Conferința Internațională de Drept, Studii Europene și Relații Internaționale 5-6 <https://www.ceeol.com/search/article-detail?id=828271> жүгіну күні 25 наурыз 2026.

талғамға тәуелділікті, жүктілік дайындаған т.б. өзгерістерді бастан кешіретіні туралы жазылған[1832]. Демек бұдан шығатын қорытынды, суррогат ананың жүктілігі биологиялық және психологиялық көріністері бойынша қалыпты жүктіліктен ерекшеленбейді. Өзге адамдардың баласын көтеріп жүрген әйел кез-келген жүкті әйел сияқты гормоналды және физиологиялық өзгерістерді бастан кешіреді.

Ғалымдардың зерттеулеріне сәйкес, суррогат ананың кез-келген жүкті әйел сияқты гормоналды және физикалық өзгерістерден өтетіндігін растайды. Жүктілік кезінде және, босанғаннан кейінгі кезеңде суррогат аналарда мазасыздық пен депрессияның жоғары деңгейін көрсетеді. Сонымен қатар, медициналық клиникасының мәліметі бойынша, суррогат ана жүктілік кезінде түсік түсіру деңгейі 10%-15% - ға дейін болады[1833]. Бұл бізге суррогат ананың да биологиялық ана сияқты физиологиялық және психологиялық өзгерістерді бірдей бастан кешіретінін растайды.

Демек, ҚР ҚК 100-бабында көзделген жаңа туған баланы анасының өлтіруі бойынша қылмыс құрамын саралауда тек формальды жағынан талдаудың жеткіліксіздігін көруге болады. Ең алдымен, босану және босанғаннан кейінгі кезеңнің болуы, баланың жаңа туған болып саналатын уақыты, әйелдің психофизиологиялық жағдайының саралауда маңыздылығын көруге болады. Қылмыс құрамының объектісі, объективтік жағы және субъективтік жағы қылмыс құрамының жеңілдетілген сипатын айқындайды. Негізгі қайшылықтар арнайы субъектіні анықтау кезінде туындайды. Яғни суррогат ана, баланы босанған әйел, заңды түрде анасы болып табылатын ұғымдардың сәйкес келмеуі құқық қолдану тәжірибесінде қайшылықтарға әкеліп соғады. Сондықтан аталған қылмыс құрамын азаматтық, отбасылық құқықтық тұрғыдан ғана емес, қылмыстық құқықтық және медициналық өлшемдермен ұштастыру қажеттілігі туындайды. Бұл ананың жаңа туған баласын өлтіруі қылмысындағы, қылмыс құрамының субъект мәселесін қайта пайымдап, заңнамалық нақтылау мен өзгерістерді талап етеді.

Қорытынды

Осылайша, жоғарыдағы аталғандардың мәселелердің негізінде келесі ұсыныстарды енгізу көзделеді:

1) ҚК-нің 100-бабының атауын, диспозиясын өзгертіп және осы бапқа Ескерту енгізу бойынша ұсыныс келтіріледі:

«100-бап. Жаңа туған баланы өзі босанған әйелдің өлтіруі

Босанған әйелдің өзінің жаңа туған баласын босану кезінде немесе одан кейінгі кезеңде психикасын күйзелтетін ахуал салдарынан не есінің дұрыстығы жоққа шығарылмайтын психикалық бұзылу жағдайында өлтіруі

төрт жылға дейінгі мерзімге бас бостандығын шектеуге не сол мерзімге бас бостандығынан айыруға жазаланады.

Ескерту. Босанған әйел - бала туған, көтерген және дүниеге әкелген әйел (бұл тізімге суррогат ана да жатады). Осы бапта көзделген қылмыс субъектісі деп ананың заңды мәртебесінің болуына қарамастан, суррогат ана болу жағдайларын қоса алғанда, баланы тікелей босанған әйел түсініледі».

2) Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының «Адамның өмірі мен денсаулығына қарсы кейбір қылмыстық құқық бұзушылықтарды саралау туралы» нормативтік қаулысының 25-тармағындағы жазылған мәтінді: «ҚК-нің 100-бабы

[1832] ‘Могут ли передаваться гены суррогатной матери ребенку?’ <https://inlab-genetics.ru/articles/mogut-li-peredavatsja-geny-surrogatnoj-materi-rebenku/> жүгіну күні 24 наурыз 2026.

[1833] ‘Surrogacy and Miscarriage: What Intended Parents and Surrogates Should Know’.<https://surrogacybyfaith.com/how-surrogacy-works/surrogacy-and-miscarriage/#:~:text=This%20blog%20provides%20a%20comprehensive%20look%20at%20the,difficult%20moment%20in%20any%20pregnancy%2C%20including%20surrogate%20pregnancy> жүгіну күні 30 наурыз 2026.

бойынша адам өлтіруді саралаған кезде анасының өзінің жаңа туған сәбиін босану кезінде немесе босанғаннан кейін өлтірген жағдайда осы бап бойынша жауапты болатынын ескеру қажет», келесі мәтінге ауыстыру ұсынысы енгізіледі:

«Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 100-бабы бойынша адам өлтіруді саралаған кезде босанған әйелдің өзі жаңа туған сәбиін босану кезінде немесе босанғаннан кейін өлтірген жағдайда осы бап бойынша жауапты болатынын ескеру қажет. Осы бапта көзделген қылмыстың субъектісі босанған әйел, оның ішінде физиологиялық босанған жағдайда суррогат ана қызметін атқарған әйел болып табылады. Яғни, осы бапта көзделген қылмыс субъектісі деп ананың заңды мәртебесінің болуына қарамастан, суррогат ана болу жағдайларын қоса алғанда, баланы тікелей босанған әйел түсініледі».

Аталған ұсыныстарды енгізу арқылы, қылмыстық құқықтық теория тұрғысынан да, құқық қолдану тәжірибесі тұрғысынан да жобада көрсетілген мәселелерді шешуге септігін тигізеді. Талданған мәселелер тек заң теориясы тұрғысынан ғана емес, сонымен бірге құқық қорғау, жас балалардың құқықтарын қорғау, қылмыстық заңнаманы ізгілендіру және құқықтық қайшылықты жою тұрғысынан өз үлесін қосады деп есептейміз. Ол ұлттық заңнаманы жетілдіруді, сондай-ақ соттар мен құқық қорғау органдарының бірыңғай құқықтық ұстанымын қалыптастыруды талап етеді. Аталған ұсыныстар сот тәжірибесінің біркелкілігін және құқықтық анықтылықты қамтамасыз етеді.

Пайдаланылған әдебиеттер:

1. Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексі. Қазақстан Республикасының Кодексі 2014 жылғы 3 шілдедегі № 226-V ҚРЗ. // Қазақстан Республикасы нормативтік құқықтық актілерінің «Әділет» ақпараттық-құқықтық жүйесі. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000226> жүгіну күні 26 ақпан 2026
2. Қазақстан Республикасының неке (ерлі-зайыптылық) және отбасы туралы кодексі. Қазақстан Республикасының 2011 жылғы 26 желтоқсандағы № 518-IV Кодексі. // Қазақстан Республикасы нормативтік құқықтық актілерінің «Әділет» ақпараттық-құқықтық жүйесі. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1100000518> жүгіну күні 10 наурыз 2026
3. Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының «Адамның өмірі мен денсаулығына қарсы кейбір қылмыстық құқық бұзушылықтарды саралау туралы» Нормативтік қаулысы. Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының 2007 жылғы 11 мамырдағы № 1 Нормативтік қаулысы. // Қазақстан Республикасы нормативтік құқықтық актілерінің «Әділет» ақпараттық-құқықтық жүйесі. (2007). 25. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P07000001S_> жүгіну күні 15 наурыз 2026
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026). // ИС КонсультантПлюс <https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/> жүгіну күні 21 наурыз 2026
5. Борчашвили И.Ш., Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексіне түсіндірме. Ерекше бөлік (Том 2, Жеті Жарғы 2021) жүгіну күні 27 ақпан 2026
6. Жанұзақов Т., Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі (Дайк-Пресс 2008) жүгіну күні 10 наурыз 2026
7. Laufer B. 'The Infanticidal Mother as the Speaking Subject' (2023) 17(3) Jung Journal: Culture & Psyche <https://www-tandfonline-com.mnulib.idm.oclc.org/doi/full/10.1080/19342039.2023.2228488> жүгіну күні 10 наурыз 2026
8. Pop C.D. 'The surrogate mother and criminal law. Preliminaries' (2019) Conferința Internațională de Drept, Studii Europene și Relații Internaționale 5-6 <https://www.ceeol.com/search/article-detail?id=828271> жүгіну күні 25 наурыз 2026

9. Тамбовцев А.И., ‘Проблемы уголовно-правовой квалификации убийств новорожденных’ (2009) 3(34) Научный вестник Омской академии МВД России <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-ugolovno-pravovoy-kvalifikatsii-ubiystv-novorozhdennyh> жүгіну күні 5 наурыз 2026

10. Батршина Г.М., ‘Проблема признания субъектом убийства матерью новорожденного ребенка суррогатной матери’ (2018) 9(25) Аллея Науки <https://www.alley-science.ru/domains_data/files/69October18/PROBLEMA%20PRIZNANIYa%20SUBEKTOM%20UBIYSTVA%20MATERYu%20NOVOROZhDENNOGO%20REBENKA%20SURROGATNOY%20MATERI.pdf> жүгіну күні 17 наурыз 2026

11. Мурзина Л.И., ‘Генезис уголовной ответственности за детоубийство’ (2008) Юридические науки <https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-detoubiystvo> жүгіну күні 19 наурыз 2026

12. Малышева Е.В., ‘Суррогатная мать как субъект преступления. Проблемы квалификации’ (2018) 3(66) Вестник Международного юридического института <https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36914989_33892190.pdf> жүгіну күні 20 наурыз 2026

13. ‘Surrogacy and Miscarriage: What Intended Parents and Surrogates Should Know’.<https://surrogacybyfaith.com/how-surrogacy-works/surrogacy-and-miscarriage/#:~:text=This%20blog%20provides%20a%20comprehensive%20look%20at%20the,difficult%20moment%20in%20any%20pregnancy%2C%20including%20surrogate%20pregnancy> жүгіну күні 30 наурыз 2026

14. ‘Могут ли передаваться гены суррогатной матери ребенку?’ <https://inlab-genetics.ru/articles/mogut-li-peredavatsja-geny-surrogatnoj-materi-rebenku/> жүгіну күні 24 наурыз 2026

15. Sharma B.R., ‘Forensic considerations of surrogacy – an overview’ (2006) Journal of Clinical Forensic Medicine <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1353113105001410> жүгіну күні 1 сәуір 2026

Төкеев Дархан Шукирбаевич
заңтану магистрі
Қазақстан Республикасы Әділет министрлігі
Қазақстан Республикасының Заңнама және құқықтық ақпарат
институтының ғылыми қызметкері
Астана қаласы, Қазақстан Республикасы
Email: darhan123.87@mail.ru

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ САЛЫҚ САЯСАТЫН ҚАЙТА ЖҮКТЕУ: ӘКІМШІЛЕНДІРУ МӘСЕЛЕЛЕРІ ЖӘНЕ ЖЕТІЛДІРУ БАҒЫТТАРЫ

Аңдатпа: Мақалада автор Қазақстан Республикасының Тәуелсіздік жылдарындағы салық саясатын қалыптастыру мен дамытудың негізгі кезеңдерін қарастырады. Салық түсімдерінің жалпы ішкі өнімге қатынасының төмендеуінен, бюджет кірістерінің жоғары құбылмалылығынан, базалық салықтардың төмен өнімділігінен және салықтық әкімшілендірудің тиімділігінің жеткіліксіздігінен көрінетін қолданыстағы салық жүйесінің бірқатар теңгерімсіздіктері анықталған айтап айтқан. Салықтық жеңілдіктер мен арнайы салық режимдерінің шамадан тыс саны мәселесіне, сондай-ақ бизнесті жасанды түрде бөлшектеу құбылысына ерекше назар аударған. Экономиканы цифрландыру жағдайында салық төлеуден жалтарудың заманауи әдістері қарастырған. Жүргізілген талдау негізінде салық саясатын қайта жүктеу қажеттілігі негізделіп, Қазақстан Республикасының жаңа Салық кодексін әзірлеу шеңберінде салық заңнамасын жетілдіру жөнінде бірнеше ұсыныстар тұжырымдаған. Сонымен қатар, салық саясатын жетілдіруде салық төлеуден жалтарғаны үшін жауаптылық, соның ішінде қылмыстық жаза институтының маңыздылығы мен қылмыстық құқықта жазалаушы функцияның ерекшелігі жөнінде тоқталып кеткен.

Түйінді сөздер: салық саясаты, салықтық әкімшілік, салықтық жеңілдіктер, арнайы салық режимдері, салықтан жалтару, бизнесті бөлу, салық жүктемесі, Салық кодексі, салық төлеуден жалтару, қылмыстық жауаптылық, қылмыстық жаза.

Аннотация: В статье автор рассматривает основные этапы формирования и развития налоговой политики Республики Казахстан за годы Независимости. Выявлен ряд дисбалансов действующей налоговой системы, выражающихся в снижении отношения налоговых поступлений к валовому внутреннему продукту, высокой волатильности доходов бюджета, низкой продуктивности базовых налогов и недостаточной эффективности налогового администрирования. Особое внимание уделено проблеме избыточного количества налоговых льгот и специальных налоговых режимов, а также явлению искусственного дробления бизнеса. Рассмотрены современные методы уклонения от уплаты налогов в условиях цифровизации экономики. На основе проведенного анализа обоснована необходимость «перезагрузки» налоговой политики и сформулирован ряд предложений по совершенствованию налогового законодательства в рамках разработки нового Налогового кодекса Республики Казахстан. Кроме того, в контексте совершенствования налоговой политики отмечается значимость ответственности за уклонение от уплаты налогов, включая институт уголовного наказания, а также специфика карательной функции в уголовном праве.

Ключевые слова: налоговая политика, налоговое администрирование, налоговые льготы, специальные налоговые режимы, уклонение от уплаты налогов, дробление бизнеса, налоговая нагрузка, Налоговый кодекс, уголовная ответственность, уголовное наказание.

Abstract: In this article, the author considers the main stages of the formation and development of the tax policy of the Republic of Kazakhstan during the years of Independence. A number of imbalances in the current tax system are identified, manifested in a decrease in the ratio of tax revenues to the gross domestic product, high volatility of budget revenues, low productivity of base taxes, and insufficient efficiency of tax administration. Special attention is paid to the problem of an excessive number of tax incentives and special tax regimes, as well as the phenomenon of artificial business splitting. Modern methods of tax evasion in the context of economic digitalization are considered. Based on the conducted analysis, the need to "reboot" the tax policy is substantiated, and several proposals for improving tax legislation within the framework of drafting the new Tax Code of the Republic of Kazakhstan are formulated. Furthermore, in the context of improving tax policy, the article highlights the importance of liability for tax evasion, including the institution of criminal punishment, and the specifics of the punitive function in criminal law.

Keywords: tax policy, tax administration, tax incentives, special tax regimes, tax evasion, business splitting, tax burden, Tax Code, criminal liability, criminal punishment.

Кіріспе

2025 жылғы 8 қыркүйектегі Мемлекет басшысы Қасым-Жомарт Тоқаевтың «Жасанды интеллект дәуіріндегі Қазақстан: өзекті мәселелер және оны түбегейлі цифрлық өзгерістер арқылы шешу» атты Қазақстан халқына Жолдауында: «Біз азаматтарға көрсетілетін мемлекеттік қызметтерді цифрландыру ісінде зор жетістікке жеттік. Бірақ бюрократиялық рәсімдер әлі күнге дейін бизнеске кедергі болып отыр. Цифрландыру ісінің мақсаты әлі орындалған жоқ.

Бұл ахуалды шұғыл түзеу керек. Ең алдымен, салықтық әкімшілендіруге назар аудару қажет.

Мемлекеттік кірістер комитеті цифрландыру үдерісі бойынша мемлекеттік органдар арасында көш бастауға тиіс. Бұл мекеме жасанды интеллектінің және басқа да озық технологияның әлеуетін салық төлеушілердің мүддесіне сай тиімді қолдануы керек.

Осы жүйелі қадамның бәрі мемлекет пен бизнестің арасындағы қарым-қатынастың мүлдем жаңа, сервистік үлгісін жасауға арналған.

Жаңа Салық кодексі қазіргі нормалар мен рәсімдерді өзгертумен шектелмеуі керек. Бұл құжат салық төлеушілердің ашықтық пен адалдыққа негізделген жаңа таным-түсінігі мен болмысын қалыптастыруға тиіс.

Мемлекет адал жұмыс істейтін салық төлеушілердің мүддесін қорғайды. Олардың адал еңбегінен түскен салықты елімізді дамытуға жұмсайды.

Салықтан түскен әр теңге халықтың игілігіне жұмсалуға тиіс. Бұл – азаматтарға сапалы мемлекеттік қызмет көрсетіліп, инфрақұрылым салынып, мемлекеттік қолдау шаралары ұсынылуы қажет деген сөз» – деген бағыт-бағдар еді[1834].

Жолдауға қатысты экономикалық қатынастардың барлық қатысушылары үшін әділеттілік пен құқықтар теңдігі қағидаттарына негізделген жаңа экономикалық бағытқа көшу қажеттігі жөнінде бастамалар туындағаны белгілі. Мұндай жағдайларда экономиканы мемлекеттік реттеудің негізгі құралдарының бірі ретінде салық саясатын қайта қарау ерекше өзекті болып отыр. Қазіргі заманғы салық жүйесі бюджеттік кірістердің тұрақтылығын қамтамасыз етіп қана қоймай, экономиканы құрылымдық жаңғыртуға, кәсіпкерлікті дамытуға және салық салудың әділ жағдайларын қалыптастыруға ықпал етуі тиіс.

[1834] 2025 жылғы 8 қыркүйектегі Мемлекет басшысы Қасым-Жомарт Тоқаевтың «Жасанды интеллект дәуіріндегі Қазақстан: өзекті мәселелер және оны түбегейлі цифрлық өзгерістер арқылы шешу» атты Қазақстан халқына Жолдауы. https://www.akorda.kz/kz/addresses.

Негізгі бөлім

Қазақстан Республикасының салық саясатының эволюциясына тоқталатын болсақ, тәуелсіздік алған сәттен бастап Қазақстан Республикасының салық саясаты реформалаудың бірнеше дәйекті кезеңдерінен өтті. 1991 жылы қабылданған «Салықтар туралы» Заң нарықтық экономикаға көшу жағдайында ұлттық салық жүйесінің негізін қалады. 1995 жылы салықтар санын оңтайландыруға және ұлттық салық заңнамасын халықаралық стандарттарға жақындатуға бағытталған «Салықтар және бюджетке төленетін басқа да міндетті төлемдер туралы» заң енгізілді.

2001 жылы бірінші Салық кодексінің қабылдануы салық базасын кеңейтуге және экономикалық өсу жағдайында салықтық бақылауды күшейтуге бағытталған. 2008 жылғы Салық кодексінің жаңа редакциясы негізгі салық ставкаларын төмендету арқылы іскерлік белсенділікті ынталандыруға баса назар аударды. Қазақстан Республикасының Салық және бюджетке төленетін басқа да міндетті төлемдер туралы (Салық кодексі) 2017 жылғы 25 желтоқсандағы № 120-VI ҚРЗ енгізілген өзгерістердің едәуір санына қарамастан[1835] және Қазақстан Республикасының Салық кодексі 2025 жылғы 18 шілдедегі № 214-VIII ҚРЗ *(2026 жылдың 1 қаңтарынан бастап қолданысқа енгізілді)*[1836] жоғары нормативтік тұрақсыздықпен және реттеудің фрагменттілігімен сипатталады, бұл салық саясатының болжамдылығына теріс әсер етеді.

Салықтық әкімшілендіру тиімділігінің негізгі көрсеткіштерінің бірі олардың нақты жиналу деңгейін көрсететін салықтардың өнімділігі болып табылады. Қазақстан Республикасында бұл көрсеткіш қосылған құн салығын, жеке табыс салығын және мұнайға қатысты емес сектордағы корпоративтік табыс салығын қоса алғанда, салықтардың негізгі түрлері бойынша төмен болып қалады. Бұл салықтық бақылаудың қолданыстағы тетіктерінің жеткіліксіз нәтижелілігін, салықтық тәуекелдерді басқарудың шектеулі тиімділігін және экономиканың елеулі көлеңкелі секторының болуын көрсетеді.

Қолданыстағы салық жүйесінде арнайы салық режимдерін, арнайы экономикалық аймақтар мен инвестициялық келісімшарттар шеңберіндегі жеңілдіктерді, салық шегерімдері мен төмендетілген мөлшерлемелерді қоса алғанда, салықтық жеңілдіктердің 200-ден астам түрі жұмыс істейді. Бұл жеңілдіктердің көптігі мен жүйесіздігі бәсекелестік ортаны бұрмалайды, салық салынатын базаны азайтады және салық саясатының ашықтығын төмендетеді.

Арнайы салық режимдері көкейкесті мәселелердің бірі болып табылады, олар бастапқыда микро және шағын кәсіпорынды қолдауға бағытталған, іс жүзінде орта және ірі бизнес субъектілері салықты оңтайландыру құралы ретінде қолданылады.

Алайда, тәжірибеде бизнесті жасанды түрде ұсақтау мәселелері де орын алатын жағдайлар бар. Яғни, арнайы салық режимдерін қолдану бірыңғай шаруашылық жүргізуші субъектіні бірнеше заңды тұлғаларға немесе жеке кәсіпкерлерге ресми түрде бөлуден тұратын бизнесті жасанды түрде бөлу үшін тұрақты ынталандыруды қалыптастырады. Бұл тәжірибе қызметтің экономикалық мәнін өзгертпестен салық жүктемесін төмендетуге мүмкіндік береді, яғни, шағын бизнестің өсуін тежеуге, орта кәсіпкерліктің тоқырауына және бюджетке салық түсімдерінің төмендеуіне әкеледі.

Салық саласындағы өзгерістердің кейбіріне тоқталатын болсақ, 2026 жылғы 1 қаңтарға дейін тексерулерге және әкімшілік жауапкершіліктен босатуға мораторий қолданылатының және салық берешегін өтеу кезінде ағымдағы жылдың 1 сәуіріне

[1835] Қазақстан Республикасының Салық және бюджетке төленетін басқа да міндетті төлемдер туралы (Салық кодексі) 2017 жылғы 25 желтоқсандағы № 120-VI ҚРЗ. https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1700000120.
[1836] Қазақстан Республикасының Салық кодексі 2025 жылғы 18 шілдедегі № 214-VIII ҚРЗ (2026 жылдың 1 қаңтарынан бастап қолданысқа енгізілді) <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K2500000214#z13214>.

дейін өсімпұлдар мен айыппұлдарды есептен шығару көзделгендігін атап айтуға болады.

Сонымен қатар, қазіргі таңда кәсіпкерлерді салық режимін таңдау, электрондық сервистердің жұмысы және ЭШФ жазып беру және жүйелік мәселелер ұзақ мерзімді шарттар бойынша ҚҚС мөлшерлемелері, мүлік иелерінің бірлестігіне салық салу, мүгедектігі бар ұйымдармен шарттар, медицинада ҚҚС қолдануға және өзін-өзі жұмыспен қамтығандар үшін қызмет түрлерінің тізбесін кеңейтуге қатысты мәселелері өзекті болып отыр.

Бұл туралы Қазақстан Республикасы Премьер-Министрдің орынбасары – Ұлттық экономика министрі Серік Жұманғариннің төрағалығымен Қазақстан Республикасының жаңа Салық кодексін енгізу жөніндегі жобалық кеңсенің 2026 жылғы 16 ақпандағы кезекті отырысында қаржы секторына салық салу мәселелері қарау кезінде айтылған болатын.

Сондай-ақ, осы отырыста С. Жұманғарин цифрлық салық сервистерін пайдалану және кәсіпкерлерді оқыту бойынша түсіндіру жұмыстарын күшейту қажеттігі атап айтты[1837].

Тағы бір айта кететін жайт, ол кәзіргі салық саясаты аясында экономиканы цифрландыру жағдайында салық төлеуден жалтарудың заманауи әдістері болып отыр, яғни, салық заңнамасының күрделенуі, экономикалық процестерді цифрландыру және трансшекаралық қаржылық операцияларды дамыту жағдайында салық төлеуден жалтарудың нысандары мен әдістері айтарлықтай өзгеріске ұшырады. Қазіргі заманғы салық төлеуден жалтару негізінен институционалды және заңды түрде жасырылған, бұл оны анықтау мен жолын кесуді едәуір қиындатады.

Ең көп таралған әдістер қатарына: бизнесті қолдан ұсақтау, салықтық жеңілдіктер мен арнайы салық режимдерін теріс пайдалану, аффилиирленген және номиналды тұлғаларды пайдалану және жалған медиацияны жатқызуға болады. Цифрлық экономика жағдайында электронды платформалар, есепке алынбаған қолма-қол ақшамен есеп айырысулар, қос бухгалтерлік есеп және криптоактивті операциялар арқылы кірістерді жасыру тәсілдері кеңінен қолданылды.

Мысалға, Атырау облысының прокуратурасы өңірдегі көмір өндіруші кәсіпорындардың бірінің аса ірі мөлшерде, атап айтқанда 343,6 млн теңге сомасында салық төлеуден жалтару фактісін анықтады.

Аталған факті бойынша 2025 жылғы 13 маусымда Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 245-бабының үшінші бөлігі бойынша сотқа дейінгі тергеп-тексеру басталды. Тергеу барысында кәсіпорынның өзара есеп айырысуларды жүзеге асыру кезінде резидент емес ретінде тіркелген аффилиирленген тұлғаны пайдалану арқылы қолданылатын салық мөлшерлемесін төмендеткені анықталып, нәтижесінде жалпы сомасы 1,95 млрд теңге көлемінде салық берешегі қалыптасқан.

Сотқа дейінгі тергеп-тексеру қорытындысы бойынша кәсіпорын директоры қылмыстық жауаптылыққа тартылды. Сонымен қатар, мемлекетке келтірілген залалдың толық көлемде өтелуіне байланысты Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің *(бұдан әрі – ҚК)* 245-бабына ескертпе талаптарына сәйкес қылмыстық іс ақтамайтын негіздер бойынша тоқтатылды.

Өңірде көмір өндіру қызметін жүзеге асыратын кәсіпорындардың саны шектеулі екенін ескере отырып, аталған жағдай аффилиирленген тұлғалардың қатысуымен салықты оңтайландыру схемаларын қолдану тәуекелдерінің жоғары екенін көрсетеді әрі шикізат секторы экономикасында трансферттік баға белгілеу мен халықаралық

[1837] 'Новый Налоговый кодекс: как адаптируется бизнес, рассказали в правительстве' (Zakon.kz, 16 февраля 2026) https://www.zakon.kz/finansy/6508091-novyy-nalogovyy-kodeks-kak-adaptiruetsya-biznes-rasskazali-v-pravitelstve.html дата обращения: 14 июня 2026.

өзара есеп айырысулар саласында салықтық бақылауды күшейту қажеттігін айқындайды[1838].

Жеке топ салықтық емес шеңберге пайда әкелуге бағытталған трансферттік баға манипуляцияларынан, сондай-ақ ҚҚС-ты өтеу тетіктерін теріс пайдаланудан және салық міндеттемелерінен құтылу үшін ресми банкроттықты пайдаланудан тұрады.

Көрсетілген мысалдағы ҚК 245-бабына ескертпе талаптарына сәйкес қылмыстық істің тоқтатылуы, қылмыстық нормадағы жазаның бұлтартпастығы қағидатының сақталуына қайшы келеді. Яғни, кез келген құқық бұзушылық жасаған адам заңда көзделген жауапкершілікке тартылып, оған жаза қолданылуы тиіс.

Алайда ҚК Ерекше бөліміндегі кейбір баптардың ескертпелерінде қылмыспен келтірілген залалды өтеген жағдайда қылмыстық жауаптылықтан міндетті түрде босату көзделген. Мысалы, ҚК-тің 245-бабында берілген ескертпеге сәйкес: «Осы бапта көзделген іс-әрекетті жасаған адам (қылмыстық топ жасаған іс-әрекетті қоспағанда) Қазақстан Республикасының заңнамасында белгіленген салықтар және (немесе) бюджетке төленетін басқа да міндетті төлемдер бойынша берешекті, сондай-ақ өсімпұлды өз еркімен төлеген жағдайда қылмыстық жауаптылықтан босатылады»[1839]. Бұл да өкінудің бір нысаны болып табылады.

Аталған ескертпе аса ірі мөлшерде, адамдар тобының алдын ала сөз байласуымен жасалған салықтан және (немесе) басқа да міндетті төлемдерден жалтарған тұлғаларға да қолданылады. ҚК 3-бабының 3) тармақшасына сәйкес, аса ірі мөлшер – бюджетке түспеген төлемдердің жетпіс бес мың АЕК-тен *(2026 жылғы есеп бойынша 4 325 теңге × 75 000 = 324 375 000 теңге)* асқан сомасы.

Демек, осыншама орасан зор сомада салықтан жалтарған тұлға да толықтай жазасыз қалуы мүмкін.

Жоғарыда келтірілген ҚК кейбір баптарына енгізілген ескертпелер нәтижесінде ауыр қылмыс жасаған, елеулі залал келтірген тұлғалар залалды өтеген жағдайда жазасыз қала береді. Сонымен қатар, қылмыстық жауаптылықтан босату тек негізгі жазадан ғана емес, ҚК баптарының санкцияларында көзделген қосымша жазалардан да босатуды қамтамасыз етеді. Ал қылмыспен келтірілген зиянды өтеу – азаматтық-құқықтық мәселе болып табылады және оның шешімі қылмыстық процесс заңнамасына сәйкес жазамен қатар қамтамасыз етілуі керек деп есептейміз.

Қылмыстық құқық бұзушылықтардан келтірілген залалды өтеу жағдайында қылмыстық жауаптылықтан босатуды көздейтін ҚК баптарына енгізілген ескертпелер кінәлі адамға лайықты жаза қолданудың орнына азаматтық-құқықтық шешімнің – залалды өтеуге әкеп соқтырады.

Қорытынды

Қазақстан Республикасындағы салық саясаты мен салықтық әкімшілендіру жүйесінің соңғы жылдары бірқатар құрылымдық және институционалдық мәселелерге тап болып отырғанын көрсетеді. Мемлекет басшысының 2025 жылғы Жолдауында белгіленген әділеттілік, ашықтық және сенімге негізделген салық жүйесін қалыптастыру міндеттері қазіргі салық саясатының стратегиялық бағытын айқындайды.

Сонымен қатар, салық жүктемесінің төмендеуіне қарамастан, экономикалық белсенділіктің күтілген өсімі мен салық базасының кеңеюі орын алмағаны, салық түсімдерінің ЖІӨ-дегі үлесінің азаюы, сондай-ақ негізгі салықтар бойынша өнімділіктің төмен деңгейі салық жүйесінің тиімділігі жеткіліксіз екенін аңғартады. Бұл жағдай

[1838] '«Черное золото» и серые схемы: угольное предприятие поймали на уклонении от налогов' (Ак Жайык, 12 сентября 2025) https://azh.kz/ru/news/view/119523 дата обращения 14 июня 2026.

[1839] Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексі 2014 жылғы 3 шілдедегі № 226-V ҚРЗ // [Электронды ресурс] Кіру режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000226>.

арнайы салық режимдерінің шамадан тыс көптігімен, салықтық жеңілдіктердің жүйесіздігімен және олардың ірі және орта бизнес тарапынан теріс пайдаланылуымен ұштасып отыр.

Көрсетілген бір ғана мысалда, салық төлеуден жалтару фактісі аффилиирленген тұлғалар мен трансферттік баға белгілеу тетіктерін пайдалану арқылы салықты заңды түрде жасырын оңтайландыру тәуекелдерінің жоғары екенін нақты көрсетеді. Бұл ретте қылмыстық істің залал толық өтелуіне байланысты тоқтатылуы қолданыстағы қылмыстық-құқықтық тетіктердің компенсациялық сипатын айқындағанымен, алдын алу әсерінің жеткіліксіздігін де байқатады.

ҚК-нің жекелеген баптарына енгізілген ескертпелер ауыр қылмыс жасаған және елеулі залал келтірген тұлғаларды залалды өтеу фактісіне байланысты қылмыстық жауаптылықтан, оның ішінде негізгі жазадан босатуға мүмкіндік береді. Мұндай тәсіл қылмыстық-құқықтық ықпал ету шараларын азаматтық-құқықтық сипаттағы зиянды өтеумен алмастыруға әкеп соғады және жазаның әділдігі мен бұлтартпастығы қағидаттарына қайшы келуі мүмкін. Осыған байланысты, залалды өтеу қылмыстық жауаптылықтан толық босатудың негізі емес, жаза тағайындау кезінде ескерілетін мән-жай ретінде қарастырылуы тиіс.

Бұдан бір түсінетініміз, қазіргі жағдайда салық салудан жалтарудың дәстүрлі емес, күрделі және институционалдық сипат алған нысандарының кең таралуы салықтық бақылау мен әкімшілендірудің жаңа, цифрлық және тәуекелге негізделген үлгілерін енгізуді талап етеді.

Осыған байланысты, салық салудан жалтарудың заманауи әдістеріне қарсы тиімді іс-қимыл жасау мақсатында келесі ұсыныстарды жүзеге асыру орынды деп санаймыз:

1. Экономикалық мәннің басымдығы қағидатын (substance over form) операцияларды салықтық біліктеу кезінде тікелей қолдануды заңнамалық деңгейде нақты бекіту;

2. Бизнесті қолдан бөлшектеу, арнайы салық режимдері мен салықтық жеңілдіктерді теріс пайдалану белгілерін айқындайтын жалтаруға қарсы нормаларын кеңейту және нақтылау *(Салық кодексі, Қылмыстық кодекс)*;

3. Цифрлық салықтық бақылауды дамыту *(мемлекеттік кіріс, қаржылық мониторинг агентігі органдары)*, оның ішінде: - үлкен деректерді (Big Data) талдау; - қаржы және тауар ағындарын автоматты түрде салыстыру; - тәуекелге бағдарланған мониторинг жүйелерін енгізу;

4. Трансферттік баға белгілеу саласындағы бақылауды күшейту, әсіресе аффилиирленген және трансшекаралық операцияларға қатысты;

5. Цифрлық активтермен, криптовалюталармен және электрондық платформалар арқылы жүргізілетін операцияларды құқықтық реттеу мен салықтық есепке алуды жетілдіру;

6. Көлденең мониторинг пен салықтық комплаенс институтын дамыту арқылы мемлекет пен салық төлеуші арасындағы серіктестік моделін нығайту;

7. Салық, қаржы және құқық қорғау органдары арасында жедел әрі тиімді ведомствоаралық деректер алмасуды қамтамасыз ету;

8. Жауапкершілік шараларын саралау, яғни адал қателіктерді қасақана және жүйелі салықтан жалтару схемаларынан нақты ажырату.

Әсіресе, салық саясатын жетілдіру бағыттарының бірі қылмыстық жазаға қатысты болатын болса, онда ҚК-тегі залалды өтеу жағдайында міндетті түрде қылмыстық жауаптылықтан босатуды көздейтін ескертпелерді қолдану, тіпті орташа ауырлықтағы қылмыстар жасаған тұлғаға, немесе адамдар тобының алдын ала сөз байласуымен жасалған тұлғаларға оның ішінде аса ірі мөлшерде салық төлеуден жалтарған кінәлілердің жазадан құтылуына мүмкіндік береді. Сондықтан, біздің ойымызша қасақана қылмыстық оймен жасаған тұлғаның залалды өтегені үшін

толығымен жазадан босату жағдайы әліде зерттеуді қажет етеді. Бұл қылмыстық жауаптылықты азаматтық-құқықтық реттеумен ауыстыруға алып келеді, ол әділеттілік қағидасына қайшы келеді. Мұндай жағдайларда жазадан босату қылмыстық құқықтың превентивтік және жазалаушы функцияларын әлсіретеді, жазаның бұлтартпастығына деген сенімді бұзады және қылмыстардың қайталануына ықпал етуі мүмкін.

Пайдаланылған әдебиеттер:

1. 2025 жылғы 8 қыркүйектегі Мемлекет басшысы Қасым-Жомарт Тоқаевтың «Жасанды интеллект дәуіріндегі Қазақстан: өзекті мәселелер және оны түбегейлі цифрлық өзгерістер арқылы шешу» атты Қазақстан халқына Жолдауы. <https://www.akorda.kz/kz/addresses>;
2. Қазақстан Республикасының Салық және бюджетке төленетін басқа да міндетті төлемдер туралы (Салық кодексі) 2017 жылғы 25 желтоқсандағы № 120-VI ҚРЗ. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1700000120>;
3. Қазақстан Республикасының Салық кодексі 2025 жылғы 18 шілдедегі № 214-VIII ҚРЗ *(2026 жылдың 1 қаңтарынан бастап қолданысқа енгізілді)* <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K2500000214#z13214>;
4. <https://www.zakon.kz/finansy/6508091-novyy-nalogovyy-kodeks-kak-adaptiruetsya-biznes-rasskazali-v-pravitelstve.html>;
5. <https://azh.kz/ru/news/view/119523>;
6. Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексі 2014 жылғы 3 шілдедегі № 226-V ҚРЗ // [Электронды ресурс] Кіру режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000226>.

ЧАСТНОЕ ПРАВО

Абай Саян Абзалұлы
Магистрант 2 курса образовательной программы «Юриспруденция»
Высшая школа права Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республика Казахстан
e-mail: sayan_abay@kazguu.kz

ВЛИЯНИЕ CAVEAT EMPTOR И ОГОВОРКИ «AS-IS» НА ПРАВО РАСТОРЖЕНИЯ ДОГОВОРА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕЦЕПЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Аннотация: Актуальность темы вытекает из необходимости обеспечения поиска баланса между свободой договора и защитой слабой стороны при распределении рисков качества товара. Предметом исследования является определение эффективной правовой модели регулирования распределения рисков и ответственности за недостатки товара, в том числе посредством применения договорной оговорки «as-is» (как есть). Целью работы является выявление перспектив совершенствования правового регулирования договоров путем предложения конкретных рекомендаций по рецепции доктрины *caveat emptor*. Новизна исследования заключается в комплексном историко-теоретическом и сопоставления противостояния доктрин *caveat emptor* и *caveat venditor* применительно к правовым реалиям Республики Казахстан.

Автором выделяются такие проблемы, возникающие в гражданском обороте Республики Казахстан как законодательный патернализм, жесткий императивный запрет на ограничение ответственности продавца и вытекающие из этого препятствия для стабильного функционирования вторичного рынка.

В данной статье применены общенаучные и частно-научные методы, включая формально-юридический и сравнительно-правовой методы исследования. Сравнительно-правовой метод, в частности, применен автором для сопоставления норм законодательства Республики Казахстан, стран англо-американского права (США, Великобритания) и актов международной унификации частного права (CISG, Принципы УНИДРУА). Автор в процессе изучения передового международного опыта регулирования коммерческих отношений приходит к выводу о необходимости совершенствования гражданского законодательства Республики Казахстан. Приводятся конкретные рекомендации по внесению изменений в статью 429 ГК РК в части разграничения режимов B2B и B2C сделок, имплементации диспозитивных механизмов (оговорки «as-is») и гармонизации критериев расторжения нарушенного договора.

Ключевые слова: распределение рисков, договор купли-продажи, свобода договора, доктрина caveat emptor, оговорка «as-is», коммерческие контракты B2B, расторжение договора, существенное нарушение, международное частное право, Казахстан.

Аңдатпа: Тақырыптың өзектілігі тауар сапасының тәуекелдерін бөлу кезінде шарт бостандығы мен әлсіз тарапты қорғау арасындағы теңгерімді іздестіруді қамтамасыз ету қажеттілігінен туындайды. Зерттеу пәні тәуекелдерді бөлуді және тауардың кемшіліктері үшін жауаптылықты реттеудің тиімді құқықтық моделін айқындау, оның ішінде «as-is» (қаз-қалпында) шарттық ескертпесін қолдану арқылы айқындау болып табылады. Жұмыстың мақсаты caveat emptor доктринасын рецепциялау бойынша нақты ұсынымдар беру арқылы шарттарды құқықтық реттеуді жетілдіру перспективаларын анықтау болып табылады. Зерттеудің жаңалығы Қазақстан Республикасының құқықтық болмысына қатысты caveat emptor және caveat

venditor доктриналарының қарама-қайшылығын кешенді тарихи-теориялық зерделеу және салыстыру болып табылады.

Автор Қазақстан Республикасының азаматтық айналымында туындайтын заңнамалық патернализм, сатушының жауаптылығын шектеуге қатаң императивті тыйым салу және одан туындайтын қайталама нарықтың тұрақты жұмыс істеуіне кедергілер сияқты мәселелерді атап көрсетеді.

Бұл мақалада жалпы ғылыми және жеке ғылыми әдістер, оның ішінде формальды-заңдық және салыстырмалы-құқықтық зерттеу әдістері қолданылды. Салыстырмалы-құқықтық әдісті, атап айтқанда, автор Қазақстан Республикасының, ағылшын-американдық құқық елдерінің (АҚШ, Ұлыбритания) заңнамалық нормаларын және жеке құқықты халықаралық біріздендіру актілерін (CISG, УНИДРУА қағидаттары) салыстыру үшін қолданды. Автор коммерциялық қатынастарды реттеудің озық халықаралық тәжірибесін зерделеу барысында Қазақстан Республикасының азаматтық заңнамасын жетілдіру қажеттігі туралы қорытындыға келеді. B2B және B2C мәмілелерінің режимдерін шектеу, диспозитивті тетіктерді («as-is» ескертпесін) имплементациялау және бұзылған шартты бұзу өлшемшарттарын үйлестіру бөлігінде ҚР АК-нің 429-бабына өзгерістер енгізу бойынша нақты ұсынымдар келтіріледі.

Түйінді сөздер: тәуекелдерді бөлу, сатып алу-сату шарты, шарт бостандығы, caveat emptor доктринасы, «as-is» ескертпесі, B2B коммерциялық келісімшарттары, шартты бұзу, елеулі бұзушылық, халықаралық жеке құқық, Қазақстан.

Abstract: The relevance of the topic stems from the need to ensure a balance between freedom of contract and the protection of the weaker party when allocating the risks of goods quality. The subject of the research is the determination of an effective legal model for regulating the allocation of risks and liability for product defects, including through the application of the "as-is" contractual clause. The aim of the work is to identify prospects for improving the legal regulation of contracts by proposing specific recommendations for the reception of the caveat emptor doctrine. The novelty of the research lies in a comprehensive historical and theoretical comparison of the confrontation between the caveat emptor and caveat venditor doctrines in relation to the legal realities of the Republic of Kazakhstan.

The author highlights such problems arising in the civil turnover of the Republic of Kazakhstan as legislative paternalism, a strict imperative ban on limiting the seller's liability, and the resulting obstacles to the stable functioning of the secondary market.

This article employs general scientific and specific scientific methods, including formal legal and comparative legal research methods. The comparative legal method, in particular, is applied by the author to compare the legislation of the Republic of Kazakhstan, common law countries (USA, UK), and acts of international unification of private law (CISG, UNIDROIT Principles). In the process of studying advanced international experience in regulating commercial relations, the author concludes that it is necessary to improve the civil legislation of the Republic of Kazakhstan. Specific recommendations are provided for amending Article 429 of the Civil Code of the Republic of Kazakhstan regarding the differentiation of B2B and B2C transaction regimes, the implementation of dispositive mechanisms (the "as-is" clause), and the harmonization of criteria for the termination of a breached contract.

Keywords: risk allocation, sales contract, freedom of contract, caveat emptor doctrine, "as-is" clause, B2B commercial contracts, termination of contract, fundamental breach, private international law, Kazakhstan.

Введение

В современном гражданском обороте, основанном на рыночной модели экономических отношений, заключение разного рода соглашений является одним из наиболее распространенных способов достижения определенного экономического

результата как физическими лицами, так и корпорациями во всем мире, вне зависимости от юрисдикции или политического устройства государства, в котором такие соглашения имеют место.

Тем не менее, не каждое договорное правоотношение заканчивается положительным для контрагентов результатом. Одной из причин этого является нарушение договорных обязательств, которое, к большому сожалению, остается широко распространенным явлением в любой правовой системе.

Подобные обстоятельства, так или иначе, приводят к стремлению одной или более сторон расторгнуть такой нарушенный договор. Расторжение контракта выступает как *ultima ratio*[1840] для защиты прав кредитора, применение которой влечет за собой полное прекращение синаллагматической связи и необходимость проведения сложных реституционных процедур. Так, в условиях рыночной экономики расторжение договора выступает инструментом, неправомерное или злонамеренное использование которого может привести к колоссальным убыткам для другой стороны.

Как правило, причинами нарушения договора и, впоследствии, возникновения намерения прекратить договорные отношения могут выступать различного рода факторы, включая ненадлежащее оказание услуг, наличие скрытых недостатков или недочетов в качестве приобретенного товара, а также иные обстоятельства. В конечном итоге это неизбежно ставит вопрос о справедливом распределении рисков между контрагентами, к примеру, в отношениях, связанных с куплей-продажей. Исторически, развитие договорного права в данном вопросе по сей день сопровождается непрерывным поиском баланса между свободой договора и защитой слабой стороны. Такой поиск привел к возникновению противостояния между двумя противоположными доктринами: 1) *«caveat emptor»* (пусть покупатель будет бдителен) и 2) *«caveat venditor»* (пусть продавец будет бдителен).

Важно отметить, что подход западных юрисдикций демонстрирует значительную гибкость в регулировании подобного рода контрактных отношений несмотря на широкое применение патерналистских правовых норм, традиционно порождающих огромное количество юридических и экономических вопросов, связанных с нарушением свободы договора, ростом транзакционных издержек и злоупотреблением правом на расторжение контракта.

Одним из ярчайших примеров такой договорной свободы и гибкости является широкое применение западными юрисдикциями доктрины *caveat emptor* и связанной с ней оговорки «as-is». Как отмечалось ранее, сутью данной доктрины и оговорки является то, что бремя проверки качества предмета сделки полностью возлагается на покупателя. Таким образом, соглашаясь на условия «как есть», покупатель осознанно принимает на себя риски обнаружения скрытых недостатков, в то время как продавец, при отсутствии намерения скрыть недостатки или эксплицитно выраженных гарантий, закономерно освобождается от ответственности за них.

В странах же с переходной экономикой, к числу которых относится Республика Казахстан, вопрос справедливого распределения рисков обостряется из-за отсутствия глубоко укоренившихся традиций коммерческого оборота и чрезмерно патерналистского подхода законодателя. Проблема же заключается в отсутствии в гражданском законодательстве Казахстана диспозитивного механизма перераспределения рисков качества товара. Существующий строгий императивный запрет на ограничение ответственности продавца за недостатки исключает возможность включения сторонами в договор оговорки «as-is» в рыночном обороте.

В этой связи от любой правовой системы, стремящейся к постоянному развитию и внедрению соответствующих нововведений, требуется наличие эффективного и

[1840] Schlechtriem & Schwenzer: Commentary on the UN Convention on the International Sale of Goods (CISG) (5th edn, OUP 2022) 542

сбалансированного инструментария средств правовой защиты, поскольку стабильность экономических отношений, предсказуемость последствий неисполнения обязательств и инвестиционная привлекательность в целом во многом зависят от того, насколько справедливо и экономически обоснованно законодательство может позволить контрагентам распределить риски в заключаемых ими договорах.

Для достижения поставленной цели исследования в данной статье применены общенаучные и частно-научные методы исследования. В частности, сравнительно-правовой метод использован для выявления сходств и различий в подходах к распределению рисков качества товара и возможности применения оговорки «as-is» (как есть) в коммерческом обороте Республики Казахстан и зарубежных стран. Формально-юридический метод применен в контексте анализа норм действующего гражданского законодательства, нормативных правовых актов зарубежных государств, а также актов международной унификации частного права.

Историко-теоретический аспект

Исторически, основы и концепты распределения различных рисков в отношении продаваемого товара, будь то рядовая вещь, или, что было обыденным в античное время – раб, восходят к периоду расцвета римского права[1841]. Стоит отметить, что в отношении настоящей проблемы важное внимание уделяется сделкам, связанными с куплей-продажей рабов. Это объясняется их экономической ценностью в товарном обороте Древнего Рима, и спецификой рынка того периода в целом[1842].

Так, mangones, то есть работорговцы, традиционно славились тем, что они на практике перед продажей раба нередко маскировали болезни или различные наклонности (к примеру, то, что они склонны к постоянным побегам или неповиновению) своего «товара» от потенциальных покупателей[1843]. В этой связи, подобное злоупотребление и недобросовестное поведение заставило вводить различные правовые механизмы, одни из которых заключались в возложении на продавца обязанности по раскрытию скрытых недостатков товара, тем самым заложив фундамент для дальнейшего развития данного института[1844].

Однако сам принцип устоялся именно в системе общего права Великобритании, в котором началась эпоха раннего капитализма, и как следствие, laissez-faire – политика меньшего вмешательства государства в экономику и рыночные отношения в целом[1845]. Так, решения, принимаемые английскими судами, стали чаще исходить из приоритета абсолютной свободы договора, что в конечном результате привело к возложению на покупателя всех рисков, связанных с недостатками товара в случае, если они если они могли быть обнаружены при разумном осмотре[1846]. Важно учесть, что данный принцип применялся в тех случаях, когда продавец не предоставлял прямо выраженных гарантий, а также не совершал действий, квалифицируемых как обман или введение покупателя в заблуждение (misrepresentation)[1847].

[1841] Reinhard Zimmermann, The Law of Obligations: Roman Foundations of the Civilian Tradition (Juta & Co 1992) 316–17

[1842] Giambattista Impallomeni, L'editto degli edili curuli (1955) 109ff; Max Kaser, 'Die Jurisdiktion der kurulischen Ädilen' in Mélanges Philippe Meylan vol 1 (1963) 173; цит. по: Reinhard Zimmermann, The Law of Obligations: Roman Foundations of the Civilian Tradition (Juta & Co 1992) 311

[1843] Justinian, Digest 21.1.44.1 (Paul)

[1844] Reinhard Zimmermann, The Law of Obligations: Roman Foundations of the Civilian Tradition (Juta & Co 1992) 311

[1845] Walton H. Hamilton, 'The Ancient Maxim Caveat Emptor' (1931) 40 Yale LJ 1133 <https://openyls.law.yale.edu/server/api/core/bitstreams/cc59f6cc-a616-45a6-9485-ce1b5a0ac3fa/content> 1170–1171 дата обращения: 14.03.2026

[1846] Ibid 1178

[1847] Ibid 1173

Таким образом, все пришло к тому, что правовой смысл принципа *caveat emptor* начал заключаться в стимулировании покупателя как стороны договора к проявлению должной для разумного лица осмотрительности и учету возможных рисков еще до момента перехода титула на предмет сделки. Суды, основываясь на данных доводах, последовательно сформировали практику, суть которой сводилась к тому, что органы государственной власти не должны вмешиваться в частноправовые отношения разумных и дееспособных лиц, в частности путем внесения изменений в условия контракта, признания их недействительными, или же вовсе освобождения покупателя от убытков, возникших сугубо по причине его собственной невнимательности[1848].

Ярким примером показательного судебного прецедента, который закрепил вышеуказанный подход, является судебное дело Smith v Hughes о продаже овса не того качества, желаемого покупателем, так как он рассчитывал на старый овес, требуемый для специальной диеты его лошадей[1849]. Так, суд в рамках дела постановил, что если покупатель полностью полагается лишь на собственное суждение относительно его надлежащего качества товара, то на продавца, разумно продавшего свежий овес, не возлагается юридическая обязанность выводить контрагента из его же заблуждения[1850].

Таким образом, в случае если со стороны продавца отсутствовало прямое искажение фактов, договор оставался действительным, в связи с чем право покупателя на одностороннее расторжение контракта и прекращение вытекающих из него обязательств полностью исключалось, что оставило его одного с последствиями собственного выбора[1851].

Безусловно, не могло не быть речи о возможном злоупотреблении данным принципом, который давал простор для совершения огромного количества недобросовестных и мошеннических действий. Так, по мере усложнения гражданского оборота, появления более технологически сложных товаров, а также возникновения разницы в профессиональном опыте и осведомленности между рядовым потребителем и продавцами, повсеместное использование подобного принципа привело к перевесу в сторону продавцов, в связи с чем суды стали менять практику в пользу более слабой стороны, обеспечивая гарантии[1852].

По этой причине, в английском праве данный сдвиг статутно закрепился сначала в Законе о купле-продаже товаров 1893 года, а затем уже в ныне действующем Законе 1979 года[1853]. Так, в разделе 13 Закона 1979 года была установлена норма о подразумеваемом условии о соответствии товара его описанию при продаже[1854]. Более того, в разделе 14 данного Закона дополнительно императивным образом были закреплены требования к удовлетворительному качеству и пригодности вещи для конкретной цели при коммерческих продажах[1855]. Как итог, английское законодательство утвердило важные элементы правовой доктрины *caveat venditor*, тем самым обеспечив защиту интересов и прав покупателя, особенно в части защиты от скрытых дефектов, наделив его правом на отказ от товара при существенном нарушении вышеуказанных условий[1856].

[1848] PS Atiyah, The Rise and Fall of Freedom of Contract (OUP 1979) 402–405
[1849] Smith v Hughes (1871) LR 6 QB 597
[1850] Ibid
[1851] Ibid
[1852] George L Priest, 'The Invention of Enterprise Liability: A Critical History of the Intellectual Foundations of Modern Tort Law' (1985) 14 J Legal Stud 461, 506
[1853] Sale of Goods Act 1893 <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/56-57/71/enacted> дата обращения: 16.03.2026; Sale of Goods Act 1979 <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1979/54/contents> дата обращения: 16.03.2026
[1854] Sale of Goods Act 1979, s 13
[1855] Sale of Goods Act 1979, s 14(2)–(3)
[1856] Ibid

Таким образом, подводя итог историко-генетической части, можно сделать вывод, что развитие и эволюция подходов в данном вопросе представляют собой своеобразный маятник, так как, зародившись изначально в римский период в качестве механизма защиты от недобросовестных продавцов, доктрина претерпела сильные изменения в эпоху *laissez-faire*, приняв форму правила *caveat emptor*, полностью возложив ответственность уже на покупателя[1857]. После этого вновь произошел сдвиг в пользу менее сильной и информированной стороны, но с оговоркой, что не должно прослеживаться явное злоупотребление обеими сторонами. Подобным образом, на протяжении нескольких сотен лет прослеживается тернистый исторический путь непрерывного поиска надлежащего баланса между интересами частных лиц, включая свободу договора, и патернализмом, которому присущи гарантии и вмешательство в контракты в определенных случаях.

На основании вышеизложенного можно резюмировать, что именно на фоне такой многовековой юридической баталии в современном гражданском обороте особую популярность приобретают такие договорные конструкции, как «as-is», позволяющие сторонам осознанно возлагать бремя риска на приобретателя, что особенно актуально в эпоху патернализма и стремления к защите слабой стороны.

Современный взгляд на применение оговорки «as-is» и международная практика

Важно отметить, что несмотря на безусловно, полную победу потребительского патернализма в розничной торговле, в сфере коммерческих контрактов между профессиональными участниками рынка (то есть Business-to-Business или B2B) доктрина *caveat emptor* не утратила своей актуальности. Более того, она стала важным механизмом в части распределения рисков в и без того абсолютно рисковой области – предпринимательской.

Так, законодательство большинства юрисдикций с развитой экономической составляющей оставляет предпринимателям право по своему усмотрению и обоюдному согласию исключать или ограничивать гарантии качества, предусмотренные нормами закона. Наиболее часто применяемым и эффективным правовым инструментом в таких целях выступает договорная оговорка «as-is» детальный анализ которой требует обращения к догматике англо-американского и европейского права, поскольку именно наличие и границы данной оговорки определяют, будет ли поставка товара с недостатками признана нарушением договора, дающим основание для его расторжения и прекращения обязательств.

Соединенные Штаты Америки и Великобритания

Обращаясь к правовой системе Соединенных Штатов Америки, следует подчеркнуть, что Единообразный торговый кодекс (Uniform Commercial Code, далее – «**UCC**») представляет собой детализированный свод норм, прямо регулирующих возникновение и законное исключение гарантий качества[1858]. Так, статья 2 UCC, регулирующая нормы в части договоров купли-продажи, устанавливает строгую презумпцию наличия подразумеваемой гарантии пригодности товара в тех случаях, когда продавец выступает в качестве профессионального коммерсанта в отношении реализуемых товаров определенного рода[1859].

[1857] Walton H. Hamilton, 'The Ancient Maxim Caveat Emptor' (1931) 40 Yale LJ 1133 <https://openyls.law.yale.edu/server/api/core/bitstreams/cc59f6cc-a616-45a6-9485-ce1b5a0ac3fa/content> 1156–1157 дата обращения: 17.03.2026

[1858] Uniform Commercial Code <https://www.uniformlaws.org/acts/ucc#:~:text=The%20Uniform%20Commercial%20Code%20(UCC,the%20interstate%20transaction%20of%20business>дата обращения: 17.03.2026

[1859] Uniform Commercial Code § 2-314

Тем не менее, законодательство США, отдавая дань фундаментальному и исторически важному для данной юрисдикции принципу свободы договора, учитывая особенности рыночного оборота, предоставляет сторонам полностью законный механизм для полного исключения подобных гарантий[1860]. Так параграф 2-316 UCC прямо предусматривает право сторон на перенос бремени риска скрытых недостатков обратно на покупателя посредством включения в контракт таких оговорок, как «as is» или «with all faults», то есть со всеми недостатками», что по своей сути можно назвать современным кодифицированным воплощением доктрины *caveat emptor*[1861].

Однако важно учитывать и возможное злоупотребление данными оговорками, которые были предусмотрены законодателем. Так, в целях защиты покупателя от незаметного исключения гарантий и предоставленных законом прав было установлено строгое императивное требование к наличию явной «заметности» подобной исключающей оговорки. Это подробно раскрывается в параграфе 1-201(10) UCC, в котором говорится о том, что оговорка признается заметной, если она написана, отображена или представлена таким образом, что разумное лицо, в отношении которого такая оговорка будет действовать, должно было обратить на нее внимание[1862]. Как итог, судебная практика США выработала определенные критерии оценки «заметности» такой оговорки. Так, для признания такой оговорки действительной, она должна быть указана крупным заглавным шрифтом, а также выделена контрастным цветом или иным образом визуально отделена от основного текста договора, в котором она в противном случае могла бы быть замаскирована[1863]. Следовательно, включение таких оговорок мелким, либо незаметным шрифтом признается судами ничтожным.

В итоге, в случае соблюдения сторонами критерия заметности, оговорка «as-is» законным образом переносит бремя риска на покупателя, таким образом исключая или ограничивая его право на последующее расторжение нарушенного договора и возврат товара[1864].

Как результат, подобный подход предоставляет B2B большую договорную гибкость и возможность более обширного планирования бизнес- и риск- процессов, позволяя покупателю, к примеру, получить существенное снижение цены за товар в обмен на полный отказ с его стороны от возможного предъявления претензий по качеству товара в будущем.

Что касается английского законодательства, то вопросы включения оговорки «as-is» статутно закреплены в Законе о недобросовестных условиях договора 1977 года (Unfair Contract Terms Act 1977, далее – «**UCTA**»). Так, в UCTA установлен императивный запрет на исключение ответственности за ненадлежащее качество в

[1860] Подробный анализ механизма исключения гарантий в американском праве см.: Mercer Law Review <https://digitalcommons.law.mercer.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1148&context=jour_mlr> дата обращения: 19.03.2026; а также Washington Law Review <https://digitalcommons.law.uw.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1076&context=faculty-articles> дата обращения: 19.03.2026

[1861] Uniform Commercial Code § 2-316(3)(a). Об эволюции от caveat emptor к современным стандартам ответственности и роли договорных оговорок см. также: University of Michigan Journal of Law Reform <https://repository.law.umich.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1042&context=mjlr_caveat> дата обращения: 24.03.2026.

[1862] Uniform Commercial Code § 1-201(10)

[1863] Подробный анализ судебной практики США относительно критериев шрифта, цвета и визуального выделения исключающих оговорок см.: Gavin Towle, 'Out of Sight, Out of Mind: Hidden Disclaimers and UCC § 2-316's Conspicuousness Requirement' (2015) 48 U Mich JL Reform <https://repository.law.umich.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1042&context=mjlr_caveat> дата обращения: 24.03.2026

[1864] Uniform Commercial Code § 2-316, Official Comment 1

рамках потребительских сделок, то есть B2C, однако в сфере контрактов B2B оговорки «as-is» успешно применяются в случае прохождения ими так называемого теста на «разумность» (reasonableness test)[1865].

В данном вопросе важно учитывать судебную практику, в которой были выработаны критерии для теста, в котором суды учитывают и анализируют такие обстоятельства, как 1) соотношение переговорных возможностей сторон, 2) наличие возможности выбора альтернативных поставщиков, 3) предоставление покупателю определенных экономических стимулов (как пример – существенное снижение цены) за согласие на ограничение или исключение ответственности продавца[1866].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что английское право не исключает применения доктрины *caveat emptor* в предпринимательской сфере, но подразумевает возможность судебного контроля в целях предотвращения явного злоупотребления и экономической несправедливости[1867].

Международная унификация стандартов распределения рисков и расторжения

Важно отметить то, что в части применения актов международной унификации частного права, необходима гармонизация континентального и англо-американского подходов к распределению рисков. Основополагающим и исторически фундаментальным международным актом в сфере заключения договоров выступает Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров 1980 года (далее – «**CISG**»).

Интересно то, что с одной стороны, согласно статье 35 CISG, на продавца императивно возлагается обязанность предоставления товара надлежащего качества. Однако, с другой стороны, пункт 3 настоящей статьи прямо демонстрирует то, что в ней содержится суть классической доктрины *caveat emptor*, поскольку она освобождает продавца от ответственности, если в момент заключения договора покупатель знал или не мог не знать о несоответствии товара критериям надлежащего качества[1868]. Кроме того, международный подход заключается в *favor contractus*, то есть в стремлении к сохранению сделки, вследствие чего право на расторжение договора возникает лишь в случае наличия существенного нарушения[1869]. Это, в свою очередь, подкрепляется статьями 38 и 39 CISG, исключающими право покупателя ссылаться на дефекты товара в случае нарушения сроков, порядка его осмотра, а также извещения самого продавца, что предупреждает приобретателя, как разумного участника экономического оборота о необходимости проявлять должную бдительность при заключении сделок[1870].

Аналогичный подход прослеживается в таких международных актах мягкого права (soft law), как Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА (далее – «**Принципы УНИДРУА**») и Принципы европейского договорного права. Так, Принципы УНИДРУА предоставляют сторонам право свободного определения содержания договора, позволяя таким образом повсеместную имплементацию оговорки «as-is», которая может ограничиваться лишь требованиями о

[1865] Unfair Contract Terms Act 1977, s 6(1A) <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1977/50> дата обращения: 20.03.2026

[1866] Unfair Contract Terms Act 1977, s 11(1), sch 2 <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1977/50/schedule/2> дата обращения: 20.03.2026

[1867] Поскольку действительная оговорка легитимно блокирует применение подразумеваемых условий, покупатель теряет материально-правовое основание для отказа от товара. Подробнее о применении теста на разумность см.: Ewan McKendrick, Contract Law (14th edn, Macmillan Education 2021) 235-240

[1868] UN Convention on Contracts for the International Sale of Goods (adopted 11 April 1980, entered into force 1 January 1988) 1489 UNTS 3 (CISG) art 35

[1869] CISG, arts 25, 49

[1870] CISG, arts 38, 39

добросовестном поведении[1871]. Внедрение таких подходов демонстрирует то, насколько далеко ушли западные юрисдикции в вопросе свободы договора и обеспечении надлежащего хода рыночного оборота. Как отмечал А. Г. Карапетов, подобный сдвиг за последние несколько десятков лет позволил выйти рыночной экономике западных юрисдикций на новый уровень, вследствие чего односторонний отказ от договора стал концептуальным изменением, которое в свое время советское право не восприняло ввиду отличия его экономической модели, заключавшейся в плановой экономике, в сравнении с капиталистическим западом с рыночной экономикой[1872].

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что международные механизмы регулирования формируют эффективную, и довольно сбалансированную систему противовесов интересов сторон. Подобный подход, помимо обеспечения стабильности в B2B-сделках, также позволяет заложить необходимый фундамент и стать ориентиром для последующей имплементации гибких подходов в национальные правопорядки, которые, подобно Республике Казахстан, все еще находятся в поиске оптимального баланса между свободой договора и предотвращением злоупотреблений как продавцами, так и покупателями.

Возможности рецепции доктрины caveat emptor в Республике Казахстан и рекомендации по реформированию законодательства

Нельзя не отметить наличие серьезных ограничений и избыточного патернализма, вероятно обусловленного советским прошлым, в процессе анализа действующего гражданского законодательства Республики Казахстан, особенно заметных в части регулирования купли-продажи и последствий передачи товара ненадлежащего качества. Подобное положение вещей, безусловно, объективно тормозит развитие и ход рыночного оборота, и кроме того, может существенно нагружать суды однотипными делами.

Так, основной нормой, определяющей пределы ответственности продавца, является статья 429 Гражданского кодекса Республики Казахстан (далее – «**ГК РК**»). Согласно пункту 1 настоящей статьи, на продавца возлагается абсолютная ответственность за возможные последствия, возникающие после передачи предмета сделки даже в случае, если он о них не знал. Однако одной из ключевых проблем является то, что тот же пункт 1 прямо запрещает ограничивать или исключать ответственность продавца путем подписания соответствующего соглашения даже в тех случаях, когда того хотят обе стороны договора, что выступает непреодолимым барьером для имплементации доктрины *caveat emptor* в правовую систему Республики Казахстан[1873]. Такой национальный подход означает, что любые договорные оговорки как «as-is», признаются ничтожными *ab initio*[1874].

Более того, подобный императивный подход подкрепляется нормами Закона Республики Казахстан «О защите прав потребителей», который полностью закрепляет модель тотального *caveat venditor* патерналистскими нормами, ограничивающими стороны в гибкости оборота[1875]. Безусловно, в отношениях «предприниматель-

---

[1871] UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts (2016) arts 1.1, 1.5, 1.7

[1872] А. Г. Карапетов, Расторжение нарушенного договора в российском и зарубежном праве (Статут 2007) 25–30

[1873] Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 года № 268-XIII; Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 года № 409 (далее — ГК РК), ст 429 п 1, 2

[1874] От лат. *ab initio* — «с самого начала», «с момента возникновения». См. подробнее: *'ab initio'*, Wex Legal Dictionary (Legal Information Institute) <https://www.law.cornell.edu/wex/ab_initio> дата обращения: 20.03.2026

[1875] Закон Республики Казахстан от 4 мая 2010 года № 274-IV «О защите прав потребителей» ст 15, 30

потребитель», то есть B2C, такой подход можно назвать социально оправданным, так как он зачастую компенсирует информационную пропасть между профессиональным рынком и гражданином. Однако то, что такой подход распространяется даже на сделки B2B, жестким образом ограничивает рыночный оборот, создавая тем самым парадоксальную и экономически сложную ситуацию, противоречащую базовому принципу свободы договора[1876].

Подобная сложность приводит к тому, что на практике это существенно затрудняет функционирование вторичного рынка, особенно если речь идет, к примеру, о продаже изношенного оборудования или активов, так как продавец теоретически остается под угрозой иска о расторжении договора.

Таким образом, отсутствие законодательно закрепленного, либо допускаемого через договорные конструкции механизма перераспределения рисков и ответственности создает определенные угрозы для стабильности оборота в Казахстане. Необходимая правовая реформа, заключающаяся в рецепции доктрины *caveat emptor*, требует точечной имплементации как в законодательство посредством разграничения в части B2B и B2C сделок путем изменения статьи 429 ГК РК[1877], так и дальнейших изменений в судебной практике.

В качестве компромисса можно ограничить действие правила о ничтожности соглашений об освобождении продавца от ответственности исключительно сферой потребительских сделок, тогда как в коммерческих сделках подобная норма должна быть диспозитивной, допуская оговорку «as-is» и стимулируя стороны к большей осмотрительности.

Такая реформа, безусловно, потребует внедрения надежных механизмов защиты от недобросовестных лиц, которые могут злоупотребить предоставленной свободой. В этой связи, опираясь на опыт англо-американского права, целесообразно закрепить в ГК РК требование к визуальной «заметности» исключающей ответственность оговорки в тексте самого договора (например, путем специального шрифтового или цветового выделения). Помимо этого, такая диспозитивность не может давать простор мошенническим и недобросовестным действиям, вследствие чего применяемая оговорка «as-is» должна отвечать принципу добросовестности[1878], и не освобождать продавцов от ответственности при умышленном сокрытии дефектов.

Кроме того, возможным дополнением, в перспективе которое может позитивно повлиять на законодательство и рыночный оборот, стала бы гармонизация критериев расторжения договора путем рецепции концепции «существенного нарушения» из Венской конвенции 1980 года[1879]. Подобный подход исключает немедленное расторжение договора из-за устранимых дефектов товара, что превращает расторжение, как указывалось выше, в *ultima ratio*, то есть крайнюю меру, допустимую лишь при полной потере экономического смысла сделки и правоотношений между контрагентами в целом.

Заключение

Таким образом, в ходе проведенного исследования были проанализированы теоретические и практические проблемы правового регулирования распределения рисков и ответственности за качество товара в законодательстве Республики Казахстан. Выявленные пробелы заключаются в наличии патернализма и жестком императивном запрете на ограничение ответственности продавца даже в

[1876] ГК РК ст 380
[1877] ГК РК ст 429
[1878] ГК РК ст 8 п 4
[1879] UN Convention on Contracts for the International Sale of Goods (adopted 11 April 1980, entered into force 1 January 1988) 1489 UNTS 3 (CISG) art 25

коммерческих контрактах (B2B), что делает невозможным применение договорных оговорок формата «as-is». Подобный подход не только противоречит базовому принципу свободы договора, но и создает серьезные препятствия для функционирования рынка, порождая различные издержки и угрозы расторжения сделок.

Проведенный историко-теоретический анализ и изучение международного опыта как итог, демонстрируют эффективность применения доктрины *caveat emptor* в рыночном обороте. В особенности, англо-американский (UCC, UCTA), а также международные подходы (CISG, Принципы УНИДРУА) свидетельствуют о том, что западные юрисдикции довольно успешно обеспечили баланс между свободой договора и предотвращением злоупотреблений.

На основании изложенного, представляется необходимой реформа гражданского законодательства Республики Казахстан, направленная на точечную имплементацию передового международного опыта. В частности, считаю, что заслуживает внимания возможность внесения изменений в статью 429 ГК РК с целью разграничения правовых режимов B2B и B2C сделок, закрепив диспозитивность норм об ответственности за недостатки товара для предпринимателей.

Ожидается, что внедрение предложенных диспозитивных механизмов и оговорки «as-is» в коммерческом секторе будут способствовать улучшению и стабилизации рыночного оборота в Казахстане, повышению договорной осмотрительности и гибкости в интересах контрагентов.

Сформулированные в работе выводы подчеркивают актуальность и практическую значимость исследуемой темы, а также необходимость дальнейшего доктринального анализа и разработки механизмов перераспределения рисков в рамках развития гражданского права Республики Казахстан.

Список литературы:

1. Schlechtriem & Schwenzer: Commentary on the UN Convention on the International Sale of Goods (CISG) (5th edn, OUP 2022) 542
2. Reinhard Zimmermann, The Law of Obligations: Roman Foundations of the Civilian Tradition (Juta & Co 1992) 311, 316–17
3. Giambattista Impallomeni, L'editto degli edili curuli (1955) 109ff; Max Kaser, 'Die Jurisdiktion der kurulischen Ädilen' in Mélanges Philippe Meylan vol 1 (1963) 173 (цит. по: Reinhard Zimmermann, The Law of Obligations: Roman Foundations of the Civilian Tradition (Juta & Co 1992) 311)
4. Justinian, Digest 21.1.44.1 (Paul)
5. Walton H. Hamilton, ‘The Ancient Maxim Caveat Emptor’ (1931) 40 Yale LJ 1133 https://openyls.law.yale.edu/server/api/core/bitstreams/cc59f6cc-a616-45a6-9485-ce1b5a0ac3fa/content дата обращения: 14.03.2026. Страницы: 1156–1157, 1170–1171, 1173, 1178
6. PS Atiyah, The Rise and Fall of Freedom of Contract (OUP 1979) 402–405
7. Smith v Hughes (1871) LR 6 QB 597
8. George L Priest, 'The Invention of Enterprise Liability: A Critical History of the Intellectual Foundations of Modern Tort Law' (1985) 14 J Legal Stud 461, 506
9. Sale of Goods Act 1893 <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/56-57/71/enacted> дата обращения: 16.03.2026; Sale of Goods Act 1979 https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1979/54/contents дата обращения: 16.03.2026 (s 13, 14(2)–(3))
10. Uniform Commercial Code <[https://www.uniformlaws.org/acts/ucc#:~:text=The%20Uniform%20Commercial%20Code%20(UCC,the%20interstate%20transaction%20of%20business](https://www.uniformlaws.org/acts/ucc#:~:text=The%20Uniform%20Commercial%20Code%20(UCC,the%20interstate

%20transaction%20of%20business).> дата обращения: 17.03.2026. (§§ 1-201(10), 2-314, 2-316(3)(a), 2-316 Official Comment 1)

11. Mercer Law Review <https://digitalcommons.law.mercer.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1148&context=jour_mlr> дата обращения: 19.03.2026; а также Washington Law Review <https://digitalcommons.law.uw.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1076&context=faculty-articles> дата обращения: 19.03.2026

12. Об эволюции от caveat emptor к современным стандартам ответственности и роли договорных оговорок, а также подробный анализ судебной практики США относительно критериев шрифта, цвета и визуального выделения исключающих оговорок см.: Gavin Towle, 'Out of Sight, Out of Mind: Hidden Disclaimers and UCC § 2-316's Conspicuousness Requirement' (2015) 48 U Mich JL Reform <https://repository.law.umich.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1042&context=mjlr_caveat> дата обращения: 24.03.2026

13. Unfair Contract Terms Act 1977 <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1977/50> дата обращения: 20.03.2026. (s 6(1A), 11(1), sch 2)

14. Ewan McKendrick, Contract Law (14th edn, Macmillan Education 2021) 235-240

15. UN Convention on Contracts for the International Sale of Goods (adopted 11 April 1980, entered into force 1 January 1988) 1489 UNTS 3 (CISG). Arts 25, 35, 38, 39, 49

16. UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts (2016) arts 1.1, 1.5, 1.7

17. А. Г. Карапетов, Расторжение нарушенного договора в российском и зарубежном праве (Статут 2007) 25–30

18. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 года № 268-XIII; Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 года № 409 (далее — ГК РК). Ст. 8 п. 4, ст. 380, ст. 429 п. 1, 2

19. 'ab initio', Wex Legal Dictionary (Legal Information Institute) https://www.law.cornell.edu/wex/ab_initio дата обращения: 20.03.2026

20. Закон Республики Казахстан от 4 мая 2010 года № 274-IV «О защите прав потребителей» ст 15, 30

Абдрахманова Жансая Саматовна
Студент 2 курса специальности «Юриспруденция»
Высшая Школа Права Maqsut Narikbaev University
г. Астана, Республика Казахстан
e-mail: abdrahmanovazansaa35@gmail.com

ДИПФЕЙКИ И ЗАЩИТА ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ЦИФРОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ И КРИТЕРИИ СУДЕБНОЙ ОЦЕНКИ

Аннотация: Актуальность темы обусловлена стремительным развитием искусственного интеллекта, позволяющего создавать дипфейки - реалистичные видео и изображения с подменой лица или голоса. Если дипфейки мошеннического и интимного характера имеют очевидные составы правонарушений, то квалификация шуточных видео создает правовую неопределенность. Цель работы – разработать критерии, позволяющие судам единообразно оценивать шуточные дипфейки и разграничивать допустимую сатиру от нарушения прав личности. Методология исследования включает анализ дела казахстанского актера Серика Шарипа, сравнительный анализ международных подходов в смежных правовых категориях (right of publicity, defamation, false endorsement, satire), а также адаптацию выработанных в них критериев к дипфейкам. Научная новизна заключается в адаптации логики смежных правовых категорий к дипфейкам. По результатам исследования предлагается пятиэлементный тест, который может использоваться судами для разграничения допустимой сатиры и нарушения личных неимущественных прав.

Ключевые слова: дипфейк, искусственный интеллект, синтетические медиа, право на изображение, цифровая идентичность, сатира, честь и достоинство, критерии судебной оценки, тест, правовая квалификация.

Аңдатпа: Тақырыптың өзектілігі бет-әлпетті немесе дауысты ауыстыру арқылы шынайы бейнелер мен суреттерді – дипфейктерді жасауға мүмкіндік беретін жасанды интеллектің қарқынды дамуына байланысты. Егер алаяқтық және интимдік сипаттағы дипфейктерде құқық бұзушылық құрамдары айқын болса, әзіл-оспақ бейнелерді саралау құқықтық белгісіздікті тудырады. Жұмыстың мақсаты – соттарға әзіл-оспақ дипфейктерді біркелкі бағалауға және рұқсат етілген сатираны жеке тұлғаның құқықтарын бұзудан ажыратуға мүмкіндік беретін өлшемшарттарды әзірлеу. Зерттеу әдіснамасы қазақстандық актер Серік Шәріптің ісін талдауды, сабақтас құқықтық санаттардағы (right of publicity, defamation, false endorsement, satire) халықаралық тәсілдерді салыстырмалы талдауды, сондай-ақ оларда әзірленген өлшемшарттарды дипфейктерге бейімдеуді қамтиды. Ғылыми жаңалық сабақтас құқықтық санаттардың логикасын дипфейктерге бейімдеуден тұрады. Зерттеу нәтижелері бойынша соттар рұқсат етілген сатира мен жеке мүліктік емес құқықтарды бұзуды ажырату үшін пайдалана алатын бес элементті тест ұсынылады.

Түйінді сөздер: дипфейк, жасанды интеллект, синтетикалық медиа, бейнеге құқық, цифрлық бірегейлік, сатира, ар-намыс пен қадір-қасиет, соттық бағалау өлшемшарттары, тест, құқықтық саралау.

Abstract: The relevance of the topic is driven by the rapid development of artificial intelligence, which makes it possible to create deepfakes—realistic videos and images involving face or voice swapping. While deepfakes of a fraudulent and intimate nature have obvious elements of offenses, the legal qualification of humorous videos creates legal uncertainty. The aim of the work is to develop criteria that allow courts to uniformly evaluate humorous deepfakes and distinguish permissible satire from the violation of individual rights.

The research methodology includes an analysis of the case involving Kazakh actor Serik Sharip, a comparative analysis of international approaches in related legal categories (right of publicity, defamation, false endorsement, satire), and the adaptation of the criteria developed within them to deepfakes. The scientific novelty lies in adapting the logic of related legal categories to deepfakes. Based on the research results, a five-element test is proposed, which can be used by courts to differentiate between permissible satire and the violation of personal non-property rights.

Keywords: deepfake, artificial intelligence, synthetic media, right to one's image, digital identity, satire, honor and dignity, criteria for judicial assessment, test, legal qualification.

Введение:

Можно ли защитить свои права, если искусственным интеллектом использовали ваше лицо для создания комичного, но унизительного контента? На данный момент не только в Казахстане, но и во всем мире отсутствуют четко сложившиеся систематические подходы которые помогали бы судам разграничить допустимую сатиру и нарушение прав личности в synthetic media, то есть контенте (видео, аудио, изображения, текст), который полностью или частично создан с помощью искусственного интеллекта.

Четвертая промышленная революция ставит вопрос о защите чести и достоинства с новой остротой. Технологии искусственного интеллекта, позволяющие создавать дипфейки - реалистичные видео и изображения с подменой лица или голоса - стали доступны каждому. И если в случаях с дипфейками которые содержат элементы интимного или мошеннического характера правонарушение очевидно, то сатиры, шуточные видео остаются под вопросом. Проблема заключается в том что действующее законодательство не содержит четких критериев позволяющих судам отличить добросовестную сатиру от использования чужого образа в унизительном контексте. Настоящей работа направлена на то чтобы показать, в чем именно заключается правовая неопределенность в квалификации шуточных дипфейков. Даже при наличии таких инструментов защиты как право на изображение и цифровая идентичность у судов нет четких ориентиров позволяющих отличить безобидную шутку от контента который нарушает права личности. В результате схожие ситуации могут получать противоположную правовую оценку, а граждане остаются без защиты. Цель статьи - используя новые цифровые инструменты защиты прав определить критерии их применения к дипфейкам с элементами юмора и сатиры.

Основная часть

Дело Серика Шарипа как постановка проблемы

Наглядной иллюстрации того как отсутствие четких критериев проявляется на практике является дело казахстанского актера Серика Шарипа. В 2024 году ИИ-креатор из Астаны опубликовал сгенерированное при помощи искусственного интеллекта видео. На кадрах Серик Шарип сидит в тюремной камере рядом с осужденным бывшим министром нацэкономики Куандыком Бишимбаевым, который утешает актера. Шарип Серик подал заявление в полицию, поскольку посчитал данный ролик унижающим его репутацию, честь и достоинство. Департамент Полиции г. Алматы отметили что обращение было оставлено без рассмотрения в связи с отсутствием состава правонарушения. Почему подход полиции оказался недостаточным? В уголовном праве действует принцип *nullum crimen, nulla poena sine lege* - нет преступления и наказания без указания на то в законе. Статья должна описывать деяние четко и если дипфейк прямо не подпадает под признаки конкретного состава, привлекать к ответственности нельзя. Согласно статье 4 Уголовного

Кодекса[1880] применять аналогию закона в уголовном праве запрещено. Деяние подлежит уголовной ответственности если оно прямо и точно описано в соответствующей статье УК РК. Дипфейк с участием Серика Шарипа не подпадает ни под один из существующих составов - он не является клеветой (нет ложных утверждений о фактах), не является мошенничеством (нет цели хищения) и не является нарушением неприкосновенности частной жизни в классическом понимании. Полиция действуя строго в рамках уголовно-процессуального законодательства правомерно констатировала отсутствие состава преступления. Однако это не означает что у Шарипа нет возможностей защиты в иной правовой плоскости. В отличие от уголовного права, гражданское законодательство допускает применение аналогии закона и аналогии права (ст. 5 ГК РК[1881]). Поскольку дипфейки прямо не урегулированы в гражданском законодательстве, к ним могут быть применены нормы, регулирующие сходные отношения. В частности, Шарип вправе был обратиться в гражданский суд с иском о компенсации морального вреда и удалении контента на основании статей 143[1882] (защита чести, достоинства и деловой репутации) и 145[1883] (право на изображение) ГК РК.

Действующее законодательство Казахстана

Даже при отсутствии прямого умысла на клевету, создание и распространение дипфейка может нарушать иные охраняемые законом интересы: право на изображение и право на цифровую идентичность. В Казахстане на начало 2026 года есть законодательная основа которая создает дополнительные основания для защиты. Статья 145 Гражданского Кодекса устанавливает использование изображения гражданина допускается только с его согласия. Исключения составляют случаи, когда: изображение используется в государственных или общественных интересах; съемка произведена в публичных местах (мероприятия, концерты); человек позировал за плату. Является ли создание дипфейка использованием изображения в смысле статьи 145 Гражданского кодекса РК? Ответ на этот вопрос остается дискуссионным по нескольким причинам. Во-первых, автор дипфейка не копирует изображение целиком, а лишь использует как ресурс для генерации новой картинки. Во-вторых, проблема согласия. Размещение фотографий в социальных сетях не означает автоматического согласия на их дальнейшее использование для генерации нового контента. Как неоднократно разъясняли представители МВД РК, фото- и видеосъемка разрешена в установленном порядке, но для использования изображения в других целях необходимо отдельное согласие изображенного лица. Публикуя фото в социальных сетях оно отображается неопределенному кругу лиц. Однако это не наделяет третьих лиц правом распоряжаться этим изображением, включая его использование для создания производных произведений или синтеза нового контента. Особую сложность создает технология дипфейков, которая не копирует изображение целиком, а использует его как материал для обучения нейросети и генерации нового, ранее не существовавшего контента. Формально копирования не происходит, однако образ человека оказывается использован без его согласия. Принятие Цифрового кодекса Республики Казахстан, вступившего в силу в 2026 году, существенно расширило инструментарий защиты прав граждан в цифровой

[1880] Adilet.zan.kz, 'Статья 4' (Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226>

[1881] Adilet.zan.kz, 'Статья 5' (Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 года № 268-XIII) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000_>

[1882] Adilet.zan.kz, 'Статья 143' (Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 года № 268-XIII) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000_>

[1883] Adilet.zan.kz, 'Статья 145' (Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 года № 268-XIII) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000_>

среде. Для рассматриваемой проблемы ключевое значение имеют несколько статей. Статья 40[1884]: право на цифровую идентичность и ее защиту. Пункт 1 статьи 40 устанавливает: «Цифровая идентичность - совокупность цифровых записей, позволяющих установить или подтвердить принадлежность цифровых действий, прав или объектов конкретному субъекту цифровой среды. Цифровая идентичность подлежит защите как личное неимущественное благо». Это принципиально важная норма. Если ранее изображение человека защищалось только статьей 145 ГКРК и требовалось доказывать факт «использования», то теперь цифровая идентичность признана самостоятельным благом. Дипфейк, созданный на основе изображения человека, посягает именно на его цифровую идентичность - совокупность цифровых записей, идентифицирующих личность. Даже если автор дипфейка не использовал конкретное фото напрямую, а лишь обучил нейросеть на множестве изображений, результат - синтезированное изображение, идентифицирующее конкретного человека - затрагивает сферу цифровой идентичности. Статья 37[1885]: субъекты цифровых данных. Статья закрепляет за субъектом цифровых данных право требовать удаления и ограничения обработки своих данных. Пункт 4 устанавливает: «Субъект цифровых данных обладает правом на защиту своих личных неимущественных прав, возникающих в связи с формированием и использованием его цифровых данных, а также правомочий в отношении этих цифровых данных, включая право на доступ к ним, контроль, удаление, ограничение обработки, а также на получение информации о целях, правовых основаниях и способах обработки цифровых данных». Эта норма дает гражданину инструмент для оперативного реагирования: если обнаружен дипфейк можно требовать его удаления как незаконно обработанных цифровых данных (изображения). При этом в кодексе не указана необходимость доказательства наличие умысла на клевету или причинение материального ущерба - что означает достаточно самого факта обработки цифровых данных без согласия.

Если бы дело Шарипа рассматривалось в 2026 году истец мог взять за основу своей защиты эту часть. Статья 40 признает цифровую идентичность личным неимущественным благом. Дипфейк, изображающий Серика Шарипа в обнимку с Бишимбаевым в тюрьме искажает его цифровой образ и создает ложное представление о его личности. Статья 13[1886] обозначает соблюдение этики в цифровой сфере и предотвращение нарушение прав и законных интересов человека. Однако, в цифровом кодексе ответчик также получает новые инструменты защиты. Творческое выражение защищено свободой слова и принципом технологической нейтральности. Абсолютный запрет любого ИИ-сгенерированного контента ограничивает развитие цифрового творчества. То есть, несмотря на появление новых инструментов защиты отсутствие четких критериев разграничения допустимой сатиры и нарушения прав личности оставляет исход дела неопределенным. Суд, как и в 2024 году, вынужден действовать без четких ориентиров.

Смежные правовые категории и зарубежные подходы

Аналогичная ситуация наблюдается и в международной практике: устойчивые подходы к оценке шуточных дипфейков отсутствуют, а немногочисленные решения по существу не образуют единой системы. В этой связи целесообразно обратиться не к идентичным кейсам по дипфейк, а к смежным правовым категориям, которые уже

[1884] Adilet.zan.kz, 'Статья 40' (Цифровой кодекс Республики Казахстан от 9 января 2026 года № 255-VIII ЗРК) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000255>

[1885] Adilet.zan.kz, 'Статья 37' (Цифровой кодекс Республики Казахстан от 9 января 2026 года № 255-VIII ЗРК) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000255>

[1886] Adilet.zan.kz, 'Статья 13' (Цифровой кодекс Республики Казахстан от 9 января 2026 года № 255-VIII ЗРК) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000255>

сложились для защиты от сходных посягательств которые можно будет применить к синтетическому медиа.

1. Право на публичность (right of publicity)

Право на публичность защищает возможность человека контролировать коммерческое использование своего имени, изображения, голоса и других узнаваемых черт личности. Суд должен установить, идентифицируется ли конкретный человек в дипфейке, то есть можно ли по использованному образу узнать реальное лицо. Как указано в Третьем своде законов о недобросовестной конкуренции США, истец должен доказать, что ответчик использовал детали образа, позволяющие идентифицировать истца[1887]. Применительно к дипфейкам это означает, что даже если работа была создана искусственным интеллектом, но через использование узнаваемого образа можно идентифицировать человека, чей образ был использован, это считается правонарушением. Критерий работает в пользу защиты прав личности: если человек не узнается, основание для защиты отсутствует; если узнается - возникает право на защиту изображения и цифровой идентичности, а также презюмируется, что использование образа может нанести ущерб коммерческой ценности образа истца.

2. Клевета (defamation)

В странах общего права клевета защищает репутацию от ложных утверждений, причиняющих вред. Показательным является израильское дело о «рыбках раздора» (2024)[1888]. Владелец рыбной фермы Нав Малки согласился временно содержать конфискованных скатов. Заводчики у которых изъяли рыб развернули в соцсетях кампанию называя Малки «преступником», «мафиози», «вором» и утверждая, что он участвует в коррупционной схеме. Суд признал публикации клеветническими, однако в компенсации отказал поскольку ответчики действовали добросовестно полагая что у них есть доказательства. Ключевое разграничение проведенное судом: утверждения о фактах («коррупция», «воровство») могут быть квалифицированы как клевета, тогда как оценочные суждения («сомнительный субъект») защищены свободой слова. Суд также указал, что для установления клеветы не требуется доказывать материальный ущерб - достаточно если утверждение носит унизительный характер. Применительно к дипфейкам это означает, что визуальный контекст может быть унизительным даже без слов, а для нарушения не нужно доказывать ущерб - достаточно самого характера контента.

3. Ложное указание на одобрение (False Endorsement)

Ложное указание на одобрение запрещает создавать ложное впечатление, что человек или организация одобряет продукт, услугу или идею. Показательным является дело Canas v. Bay Entertainment (Аризона, 2021)[1889]. Десять профессиональных моделей обнаружили что их фотографии без согласия использовались в рекламе ночного клуба. Суд апелляционной инстанции отменил решение нижестоящего суда признавая что такое использование нарушает право на публичность и создает ложное впечатление об одобрении заведения моделями. Суд подчеркнул, что даже если изображения были ранее опубликованы в открытых источниках их коммерческое использование без согласия недопустимо. Применительно к дипфейкам это означает, что генерация контента с использованием образа реального человека без его согласия для создания ложного впечатления об аффилиации является нарушением.

4. Сатира

[1887] Hannah Bobek, 'Создавать или не создавать: NFT и право на публичность' (2025) Russian Journal of Economics and Law 141, 146

[1888] Blaer Law, 'Рыбки раздора: как спор о редких видах рыб привел к громкому делу о клевете' (2024) <https://blaerlaw.com/rybki-razdora/>

[1889] Canas v Bay Entertainment (Arizona Court of Appeals, 2021) <https://law.justia.com/cases/arizona/court-of-appeals-division-one-published/2021/1-ca-cv-20-0127.html>

Сатира как форма творчества защищена свободой слова. Однако наличие юмористического характера в контенте не освобождает его автора от ответственности автоматически. Сатира важна как контекст, но она не должна оправдывать использование чужого образа в унизительном, ложном или вредоносном контексте. Ключевым прецедентом в этой области является дело Hamilton v. Prewett (Индиана, 2007)[1890]. Морган Прюетт создал сатирический веб-сайт о Поле Хэмилтоне, владельце бизнеса по водоочистке, разместив абсурдные утверждения: после употребления воды Хэмилтона IQ клиента вырос с 25 до уровня, позволяющего проектировать космический челнок, а также историю об «амишских пришельцах». Сайт содержал дисклеймер о вымышленном характере персонажа. Хэмилтон подал иск о клевете. Суд апелляционной инстанции Индианы постановил, что сатира не может быть основанием для иска о клевете если контент «не может быть разумно воспринят как описывающий реальные факты». Суд указал, что клевета и сатира - взаимоисключающие категории поскольку клевета требует ложного утверждения о факте, тогда как сатира по определению не может быть разумно воспринята как описание реальных фактов из-за своей преувеличенной природы. Однако суд сделал оговорку: если сатира содержит скрытое утверждение о факте, «одетое в юмористическую форму», она может быть признана клеветой. Применительно к дипфейкам эта логика означает, что сатира защищена, если она является очевидной - то есть ни один разумный человек не может воспринять ее как реальность. Ключевыми факторами выступают степень абсурдности контента, наличие дисклеймера и отсутствие риска смешения.

Авторский тест из пяти критериев

На основе проведенного анализа подходов которые применяются при квалификации дел по смежным правам предлагается авторский тест. Он состоит из пяти критериев на которые суды могут опираться при оценке шуточных дипфейков. В отличие от существующего законодательства которое предоставляет отдельные инструменты защиты, предлагаемый тест дает суду четкие ориентиры для разграничения допустимой сатиры и нарушения прав личности.

Критерии оценивания:

1. Степень узнаваемости личности.

Из права на публичность (right of publicity) следует что ключевым элементом защиты является возможность идентификации человека по использованному образу. Суд должен установить, идентифицируется ли конкретный человек в дипфейке. Подтверждающими фактами могут быть сходство черт лица, голоса, характерных жестов или иных индивидуальных признаков. Данный критерий работает в пользу защиты прав личности: если человек не узнается, основание для защиты отсутствует; если узнается - возникает право на защиту изображения и цифровой идентичности.

2. Риск введения в заблуждение.

Из права на публичность (right of publicity) и ложное указание на одобрение (false endorsement) следует, что риск смешения является ключевым элементом нарушения. Суд должен оценить создает ли дипфейк ложное впечатление аффилиации человека с определенным контекстом. В деле Canas v. Bay Entertainment суд признал нарушением использование фотографий моделей без согласия, поскольку это создавало ложное впечатление об одобрении заведения. Подтверждающими фактами применительно к дипфейкам являются реалистичность исполнения, отсутствие маркировки ИИ, а также характер распространения контента. Данный критерий работает в пользу защиты прав личности: если дипфейк создает ложное

[1890] Hamilton v Prewett (Indiana Appellate Court, 2007) 860 NE 2d 1234 <https://case-law.vlex.com/vid/hamilton-v-prewett-no-895716753>

впечатление о связи человека с событием, местом или другим лицом (как в деле Шарипа - связь с Бишимбаевым и тюремным контекстом), это свидетельствует о нарушении.

3. Наличие унизительного контента.

Суд должен установить носит ли контент унизительный характер. Подтверждающими фактами являются изображение человека в связи с преступлением, скандалом, позорной ситуацией или иным негативным явлением. Критерий работает в пользу защиты прав личности. Из израильского дела о «рыбках раздора» следует что для установления клеветы не требуется доказывать материальный ущерб - достаточно если утверждение носит унизительный характер и способно повлиять на отношение к человеку. Применительно к дипфейкам это означает, что даже если контент не содержит вербальных утверждений, визуальный контекст может быть унизительным. Материальный ущерб доказывать не обязательно, однако его наличие может служить дополнительным аргументом в пользу нарушения.

4. Маркировка ИИ-происхождения.

Наличие дисклеймера или маркировки снижает риск смешения. В деле Hamilton v. Prewett суд учел наличие дисклеймера о вымышленном характере персонажа как фактор в пользу защиты сатиры. Суд должен проверить имеется ли явное указание на то, что контент создан с помощью искусственного интеллекта. Подтверждающими фактами являются наличие дисклеймера в описании видео, водяных знаков, текстовых предупреждений или иных маркеров. Данный критерий работает в пользу защиты прав личности: отсутствие маркировки усиливает риск введения аудитории в заблуждение и рассматривается как отягчающий фактор. Наличие маркировки снижает риск смешения, но не освобождает от ответственности при наличии других нарушений.

5. Баланс со свободой слова (общественный интерес).

Из дела Hamilton v. Prewett следует, что сатира защищена, если она является очевидной и не может быть воспринята как реальность. Однако суд сделал оговорку: если сатира содержит скрытое утверждение о факте, «одетое в юмористическую форму», она может быть признана клеветой. Суд должен оценить касается ли контент общественно значимой темы (политика, искусство, социальные проблемы) или является личной шуткой не имеющей публичной ценности. Подтверждающими фактами являются предмет сатиры, контекст распространения, аудитория и цель создания контента. Данный критерий работает в пользу свободы слова: если контент затрагивает общественно значимые темы, сатира пользуется большей защитой. Если нет - приоритет отдается праву человека на изображение и достоинство.

Заключение

До сих пор ни в Казахстане, ни в мировой практике не сложилось единого подхода к оценке шуточных дипфейков. Дело Серика Шарипа стало ярким подтверждением этого пробела. Принятие Цифрового кодекса открыло новые возможности для защиты. Цифровая идентичность признается личным неимущественным благом. Если эти данные используются без согласия на законном основании есть возможность требовать их удаления. Однако с появлением этих инструментов не решается главная проблема. Судьи по-прежнему не имеют четких ориентиров позволяющих провести грань между допустимой сатирой и противоправным использованием чужого образа.

Анализ смежных правовых категорий - права на публичность (right of publicity), ложного указания на одобрение (false endorsement), клеветы (defamation) и сатиры - позволил выделить критерии, которые суды уже используют для защиты личности в схожих ситуациях. На основе этих подходов предлагается тест из пяти критериев:

степень узнаваемости личности, риск введения в заблуждение, наличие унизительного контекста, маркировка ИИ-происхождения и баланс со свободой слова (общественный интерес).

Предложенный тест не требует изменения законодательства. Суд применяя данный тест может оценить степень нарушения прав человека разграничая допустимую сатиру и нарушение личных неимущественных прав. Для единообразного применения теста рекомендуется принять соответствующие разъяснения Верховного Суда. Наконец, при оценке дипфейков судам следует опираться не на уголовно-правовые нормы, а на гражданско-правовые механизмы: право на изображение (ст. 145 ГК РК), защиту чести и достоинства (ст. 143 ГК РК), а также право на удаление данных и защиту цифровой идентичности (ст. 37 и 40 Цифрового кодекса РК). Такой подход позволит обеспечить реальную защиту прав личности в эпоху искусственного интеллекта.

Список литературы:

1. Adilet.zan.kz, 'Статья 4' (Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226>
2. Adilet.zan.kz, 'Статья 5' (Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 года № 268-XIII) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000_>
3. Adilet.zan.kz, 'Статья 143' (Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 года № 268-XIII) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000_>
4. Adilet.zan.kz, 'Статья 145' (Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 года № 268-XIII) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000_>
5. Adilet.zan.kz, 'Статья 40' (Цифровой кодекс Республики Казахстан от 9 января 2026 года № 255-VIII ЗРК) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000255>
6. Adilet.zan.kz, 'Статья 37' (Цифровой кодекс Республики Казахстан от 9 января 2026 года № 255-VIII ЗРК) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000255>
7. Adilet.zan.kz, 'Статья 13' (Цифровой кодекс Республики Казахстан от 9 января 2026 года № 255-VIII ЗРК) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000255>
8. Hannah Bobek, 'Создавать или не создавать: NFT и право на публичность' (2025) Russian Journal of Economics and Law 141, 146
9. Blaer Law, 'Рыбки раздора: как спор о редких видах рыб привел к громкому делу о клевете' (2024) <https://blaerlaw.com/rybki-razdora/>
10. Canas v Bay Entertainment (Arizona Court of Appeals, 2021) <https://law.justia.com/cases/arizona/court-of-appeals-division-one-published/2021/1-ca-cv-20-0127.html>
11. Hamilton v Prewett (Indiana Appellate Court, 2007) 860 NE 2d 1234 https://case-law.vlex.com/vid/hamilton-v-prewett-no-895716753

Алиш Зере Бақытқалиқызы
Құқықтану бағдарламасының 3 курс студенті
Каспий қоғамдық Университеті
Астана, Қазақстан
Email: aliszere@gmail.com

ТӨРТІНШІ ӨНЕРКӘСІПТІК РЕВОЛЮЦИЯ ЖАҒДАЙЫНДА ҚҰҚЫҚТЫҢ ДИНАМИКАСЫ МЕН ТҰРАҚТЫЛЫҒЫ: ЦИФРЛЫҚ ТРАНСФОРМАЦИЯ ДӘУІРІНДЕГІ ҚҰҚЫҚТЫҚ МЕМЛЕКЕТТІҢ ДАМУЫ

Аңдатпа: Бұл мақалада Қазақстан Республикасында цифрлық трансформация жағдайында құқықтық мемлекеттің қалыптасу ерекшеліктері, оның институционалдық және нормативтік-құқықтық негіздері кешенді түрде талданады. Зерттеудің мақсаты – цифрлық қоғам жағдайында азаматтардың құқықтары мен бостандықтарын тиімді қорғауды қамтамасыз ететін құқықтық тетіктерді жетілдірудің ғылыми негізделген бағыттарын айқындау. Жұмыста диалектикалық, салыстырмалы-құқықтық және статистикалық әдістер қолданылып, цифрлық теңсіздік, киберқауіпсіздік, жеке деректерді қорғау және электрондық мемлекеттік қызметтердің қолжетімділігі мәселелері жан-жақты қарастырылды. Зерттеу нәтижелері қолданыстағы заңнаманың бірқатар нормалары цифрлық экономиканың қарқынды дамуына толық сәйкес келмейтінін және оларды жүйелі жаңғырту қажеттігін көрсетті. Сонымен қатар, халықаралық тәжірибені ескере отырып, дербес деректерді қорғау стандарттарын күшейту, цифрлық құқықтар жөніндегі омбудсмен институтын енгізу және киберқауіпсіздік тетіктерін жетілдіру бойынша нақты ұсыныстар берілді. Автор цифрлық инфрақұрылымды дамыту мен құқықтық реттеуді үйлестірудің маңыздылығын негіздей отырып, Қазақстанның цифрлық құқықтық мемлекет ретінде қалыптасу перспективаларын айқындайды.

Кілт сөздер: цифрлық трансформация, құқықтық мемлекет, цифрлық құқықтар, киберқауіпсіздік, дербес деректерді қорғау, цифрлық теңсіздік, электрондық үкімет, құқықтық реттеу, халықаралық тәжірибе, институционалдық реформалар.

Аннотация: В данной статье комплексно анализируются особенности становления правового государства в условиях цифровой трансформации в Республике Казахстан, его институциональные и нормативно-правовые основы. Цель исследования - определение научно обоснованных направлений совершенствования правовых механизмов, обеспечивающих эффективную защиту прав и свобод граждан в условиях цифрового общества. В работе были использованы диалектические, сравнительно-правовые и статистические методы, всесторонне рассмотрены вопросы цифрового неравенства, кибербезопасности, защиты персональных данных и доступности электронных государственных услуг. Результаты исследования показали, что ряд норм действующего законодательства не в полной мере соответствует динамичному развитию цифровой экономики и нуждается в их системной модернизации. Кроме того, с учетом международного опыта даны конкретные рекомендации по усилению стандартов защиты персональных данных, внедрению института омбудсмена по цифровым правам и совершенствованию механизмов кибербезопасности. Автор определяет перспективы становления Казахстана как цифрового правового государства, обосновывая важность развития цифровой инфраструктуры и координации правового регулирования.

Ключевые слова: цифровая трансформация, правовое государство, цифровые права, кибербезопасность, защита персональных данных, цифровое

неравенство, электронное правительство, правовое регулирование, международный опыт, институциональные реформы.

Abstract: This article comprehensively analyzes the features of the formation of the rule of law in the context of digital transformation in the Republic of Kazakhstan, its institutional and regulatory framework. The purpose of the study is to identify scientifically based areas for improving legal mechanisms that ensure the effective protection of the rights and freedoms of citizens in a digital society. Dialectical, comparative legal and statistical methods were used in the work, the issues of digital inequality, cybersecurity, protection of personal data and the availability of electronic public services were comprehensively considered. The results of the study showed that a number of norms of the current legislation do not fully correspond to the dynamic development of the digital economy and need their systematic modernization. In addition, taking into account international experience, specific recommendations were given to strengthen standards for the protection of personal data, to introduce the institution of an ombudsman for digital rights and to improve cybersecurity mechanisms. The author defines the prospects for the formation of Kazakhstan as a digital rule of law, justifying the importance of developing digital infrastructure and coordinating legal regulation.

Keywords: digital transformation, rule of law, digital rights, cybersecurity, personal data protection, digital inequality, e-government, legal regulation, international experience, institutional reforms.

Кіріспе

Цифрлық трансформация қазіргі қоғам мен мемлекеттік институттардың дамуындағы негізгі факторлардың біріне айналуда. Ақпараттық-коммуникациялық технологиялар (АКТ) экономика, білім беру, денсаулық сақтау, мемлекеттік басқару сияқты барлық салаға еніп келеді. Қазақстанда цифрлық шешімдерді жылдам енгізу үрдісі «Цифрлық Қазақстан» мемлекеттік бағдарламасы аясында жүзеге асырылуда.

Цифрлық мемлекетті қалыптастырудағы басты міндеттердің бірі – технологиялардың қарқынды дамуы жағдайында азаматтардың құқықтары мен бостандықтарын қорғауды қамтамасыз ету. Дегенмен, цифрлық кеңістікті кеңейту жаңа қатерлер мен қиындықтармен ұштасады: киберқауіптер, цифрлық теңсіздік, сондай-ақ заңды өзгерістердің технологиялық үдерістерге ілесе алмауы[1891].

Осы сын-тегеуріндерге байланысты заңнамалық және институционалдық базаны жетілдіру мәселесі өзекті болуда[1892]. Ол қоғамның инновациялық дамуы мен құқықтық кепілдік арасындағы теңгерімді сақтау үшін қажет. Сонымен қатар, цифрлық теңсіздік тәуекелдеріне ұшыраған халықтың әлеуметтік осал топтарына ерекше назар аудару керек[1893].

Осы зерттеудің мақсаты – Қазақстандағы цифрлық қоғам мен құқықтық мемлекеттің негізгі мәселелерін кешенді талдау және реттеуші нормалар мен құқық қолдану тетіктерін жетілдіруге арналған ұсыныстар әзірлеу. Осы мақсатқа жету үшін мынадай міндеттер қойылады:

[1891] Қаржаубаев СС, 'Қазақстандағы Адам құқықтары жөніндегі уәкіл институтын жетілдіру туралы' [2022] (3) Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан 39 https://vestnik.zqai.kz/index.php/vestnik/issue/view/30/14 дата обращения: 14 июня 2026.

[1892] Susskind R, Online Courts and the Future of Justice (Oxford University Press 2019) https://global.oup.com/academic/product/online-courts-andthe-future-of-justice-9780198838364 дата обращения: 14 июня 2026

[1893] Bekturganov AE, 'Legal Regulation of Digital Infrastructure in Kazakhstan' (2021) 18(2) Journal of Legal Studies 76

1. Цифрландыру саласындағы қолданыстағы заңнаманы және мемлекеттік бағдарламаларды қарастырып, олардың тиімділігін бағалау.

2. Цифрлық қоғамды қалыптастыру барысында туындайтын негізгі сын-тегеуріндерді және тәуекелдерді, соның ішінде азаматтардың құқықтарын қорғау, ақпараттық қауіпсіздік және цифрлық теңсіздік мәселелерін талдау.

3. Қазақстанның цифрлық технологиялар саласындағы реттеу үлгісін халықаралық стандарттармен салыстырып, шетелдік позитивті тәжірибені енгізу мүмкіндіктерін айқындау[1894].

4. Цифрлық кеңістікте азаматтардың құқықтары мен бостандықтарын қамтамасыз ету ісінде мемлекеттік органдардың рөлін арттыру және құқықтық реттеуді жетілдіруге арналған ұсыныстар жасау.

Қазақстанның цифрландыру деңгейін арттыру бағытында айтарлықтай алға ілгерілеу байқалады. ҚР Цифрлық даму, инновациялар және аэроғарыш өнеркәсібі министрлігінің мәліметіне сүйенсек, мемлекеттік қызметтердің 80%- дан астамы онлайн форматта қолжетімді, ал интернеттің ену деңгейі 85%-дан жоғары.² Алайда, қалалық және ауылдық жерлер арасындағы алшақтық, сондай-ақ цифрлық сауаттылық деңгейінің жеткіліксіздігі – шешімін таппаған мәселелердің қатарында қалып отыр.

Зерттеліп отырған проблеманың маңыздылығы Қазақстанның электрондық басқару мен адам құқықтарын қорғау саласында халықаралық міндеттемелерді қабылдауымен де байланысты[1895]. Құқықтық мемлекет қағидаттарын цифрлық ортаға бейімдеу үшін Эстония, Оңтүстік Корея және Сингапур сияқты озық тәжірибесі бар елдердің үлгілері назарға алынуда[1896]. Бұл елдерде цифрлық инфрақұрылым мен құқықтық тетіктер тығыз байланыста дамуда.

Материалдар мен әдістер

Зерттеудің мақсатына жету үшін кешенді әдістемелік тәсіл қолданылды. Алдымен Қазақстан Республикасының нормативтік-құқықтық актілерінің негізі сарапталды, оған ҚР Конституциясы, «Ақпараттандыру туралы» Заң, «Цифрлық Қазақстан» бағдарламасы аясында қабылданған Президент Жарлықтары мен Үкімет қаулылары, сондай-ақ цифрландыру мен электрондық басқару саласындағы қосымша заңнамалық және ведомстволық актілер кіреді. Бұл құжаттарды зерделеу еліміздегі цифрлық трансформация үдерісінің құқықтық негіздерін, мемлекеттік саясаттың мақсаттары мен міндеттерін, сондай-ақ құқықтық мемлекет қағидаттарын жүзеге асырудағы негізгі бағыттарды айқындауға мүмкіндік берді. Бұдан бөлек, халықаралық құжаттар мен дереккөздерге ерекше назар аударылды: БҰҰ Бас Ассамблеясының цифрлық құқықтар жайлы қарарлары, Дүниежүзілік банктің цифрландыру бойынша есебіндегі көрсеткіштер және Ақпараттық қоғам жөніндегі дүниежүзілік саммит материалдары[1897].

Зерттеу барысында әдіснамалық құрал ретінде бірнеше әдіс қатар қолданылды. Біріншіден, диалектикалық әдіс цифрландыруға байланысты құқықтық реттеу мен

[1894] Борчашвили ИШ, Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан (Жеті жарғы 2020).

[1895] Каржаубаев СС and Оразбекова АК, 'Көлеңкелі экономикаға қарсы іс-қимылдың қылмыстық-құқықтық шараларын күшейту туралы мәселеге' [2023] (1) Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан 140 https://vestnik.zqai.kz/index.php/vestnik/issue/view/34 дата обращения 14 июня 2026.

[1896] Azza M, E-Government Indicators (World Bank 2022) https://www.worldbank.org/ дата обращения 14 июня 2026.

[1897] Castells M, The Rise of the Network Society (2nd edn, Wiley-Blackwell 2010) https://www.wiley.com/en-us/The+Rise+of+the+Network+Society%2C+With+a+New+Preface%3A+Volume+I%2C+2nd+Edition-p-9781444356311 дата обращения 14 июня 2026.

институционалдық тетіктердің дамуын динамикада қарастырып, олардың құқықтық мемлекет қағидаттарымен үйлесу дәрежесін бағалауға мүмкіндік берді. Бұл әдіс арқылы цифрлық технологиялардың енгізілуіне сай заңнаманы жетілдірудің қажеттілігі мен проблемалық тұстарын байқауға болды[1898].

Екіншіден, салыстырмалы-құқықтық әдіс озық елдердің (Эстония, Сингапур, Оңтүстік Корея, АҚШ, Еуропа Одағы) тәжірибесін зерделеу үшін қолданылды. Мұнда БҰҰ мен Дүниежүзілік банктің электрондық үкімет саласындағы көрсеткіштері басшылыққа алынып, Қазақстандағы жағдаймен салыстырылды. Бұл салыстыру мемлекеттік басқарудың цифрлық саласында қабылданған шаралардың қаншалықты тиімді екенін және оларды халықаралық талаптармен қалай сәйкестендіруге болатынын анықтауға жол ашты[1899].

Үшіншіден, статистикалық әдіс ел ішіндегі электрондық қызметтердің даму қарқынын, интернеттің өңірлердегі таралу деңгейін, киберқылмыс көрсеткіштерін, сондай-ақ азаматтардың онлайн-өтініштерінің жиілігін талдауға мүмкіндік берді. Бұл тәсіл жүзеге асырылып жатқан цифрлық жобалардың нақты нәтижелерін сандық тұрғыдан бағалауға, сондай-ақ қай өңірлер мен әлеуметтік топтардың көбірек назарды қажет ететінін көрсетуге септігін тигізді[1900].

Төртіншіден, контент-талдау кеңінен қолданылып, eGov.kz сияқты мемлекеттік органдардың ресми порталдарындағы, халықаралық ұйымдардың (ITU, OECD) ашық базаларындағы және отандық, шетелдік ғалымдардың ғылыми еңбектеріндегі деректер жүйелі түрде жинақталды. Мұндай тәсіл цифрлық ортадағы адам құқықтарының қорғалу деңгейін көрсететін негізгі трендтер мен өзекті мәселелерді тереңірек түсінуге мүмкіндік берді[1901]. Жинақталған мәліметтер аясында цифрлық қызметтердің қолжетімділігі, олардың қажеттілігі, кибершабуылдардың жиілеуі немесе жеке деректерді теріс пайдалануға қатысты құқық бұзушылықтар санына қатысты нақты деректер алынды. Сондай-ақ «Электрондық үкімет» (e-Gov) жобасын жүзеге асыру тәжірибесі мұқият зерттеліп, тәуелсіз сарапшылардың бағалау нәтижелері қарастырылды. Нәтижесінде қолданыстағы механизмдер мен заңнамалық актілердің тиімділік деңгейі, оларды жетілдірудің мүмкіндіктері мен кедергілері талданып, құқықтық мемлекет қағидаттарын күшейтудің стратегиялары ұсынылды.

Осылайша, кешенді әдістемелік тәсіл және көпқырлы талдау әдістері зерттеудің нәтижелерін барынша негізді етті және цифрлық қоғамды дамытудың, сондай-ақ құқықтық мемлекетті нығайтудың өзекті бағыттарын жүйелі түрде бағалауға жағдай жасады.

Нәтижелер

Жүргізілген зерттеу Қазақстанның цифрлық дәуір туғызған сынтегеуріндерге дайындық деңгейін көрсетіп қана қоймай, цифрлық қоғамды дамытудың тиімді жолдары мен құқықтық мемлекет қағидаттарын нығайту перспективаларын

[1898] Kapsalyamova SS, 'Developing Digital Literacy in Rural Regions' (2021) 34(1) Comparative Law Review 133.

[1899] Susskind R, Online Courts and the Future of Justice (Oxford University Press 2019) https://global.oup.com/academic/product/online-courts-andthe-future-of-justice-9780198838364 дата обращения: 14 июня 2026.

[1900] Бектурганов АЕ and others, 'Современные проблемы цифровой трансформации управления' [2022] (4) Вестник Казахского национального университета 70 https://kaznu.kz/ru/15580 дата обращения:14 июня 2026.

[1901] Қаржаубаев СС, 'Қазақстандағы Адам құқықтары жөніндегі уәкіл институтын жетілдіру туралы' [2022] (3) Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан 119 https://vestnik.zqai.kz/index.php/vestnik/issue/view/30/14 дата обращения 14 июня 2026.

айқындауға көмектесті[1902]. Алынған мәліметтерге сүйенсек, цифрлық трансформация елдегі көптеген процестерді оңтайландыруға және жаңа технологияларды мемлекеттік басқаруға енгізуге негіз болуда, алайда заңнаманы жүйелі түрде жаңарту, киберқауіпсіздікті қамтамасыз ету және цифрлық теңсіздікті еңсеру мәселелері әлі де өзекті болып отыр. Зерттеу қорытындысында бірнеше маңызды бағыттар нақтыланды:

Біріншіден, қолданыстағы нормативтік базаны кешенді модернизациялау қажеттілігі айқындалды, себебі «Ақпараттандыру туралы» Заң мен «Жеке деректер және оларды қорғау туралы» Заңның кейбір тұстары цифрлық сервистердің қарқынды дамуына сәйкес келмей жатады[1903]. Жеке деректерді заңсыз қолданғаны үшін жауапкершілікті қатаңдату, сондай-ақ уәкілетті органдардың өкілеттіктерін кеңейту арқылы ақпарат қауіпсіздігі шараларын күшейту ұсынылады.

Екіншіден, құқықтық механизмдер мен киберқауіпсіздік саласын жетілдіру аса қажет екені байқалды: елдегі компьютерлік қылмыстардың өсуі, интернет-алаяқтық фактілері, деректердің таралуы немесе ұрлануы сияқты құбылыстарға қарсы тұру мақсатында тергеу және сот тәжірибесін жетілдірумен қатар тиісті техникалық құралдарды да дамытқан жөн[1904].

Үшіншіден, институционалдық кепілдіктерді арттырудың маңызы белгілі болды: цифрлық кеңістіктегі азаматтардың құқықтарын қорғауды үйлестіретін тәуелсіз реттеуші немесе цифрлық құқықтар жөніндегі омбудсмен құру идеясы өзекті болып, бұл қадам онлайн платформалардағы адамның жеке - өміріне қол сұқпау және еркін ақпарат алмасу мәселелерін кешенді түрде шешуге мүмкіндік береді[1905].

Төртіншіден, цифрлық теңсіздік проблемасын жою үшін кеңжолақты интернет инфрақұрылымын барлық өңірде дамытып, халықтың цифрлық сауаттылығын арттыру бойынша арнайы білім беру бағдарламаларын көбейту керек. Мұнда шет елдердегі мысалдар көрсеткендей, ауылдық елді мекендерде интернетке қолжетімділікті жақсартып қана қоймай, тұрғындарға базалық цифрлық дағдыларды үйрету аса маңызды[1906].

Бесіншіден, халықаралық ынтымақтастықты жетілдіру де перспективалы қадамдардың бірі болып табылады: электрондық қолтаңбаларды өзара тану, киберқылмыстар туралы ақпарат алмасу немесе ортақ стандарттарға бейімделу секілді салаларда шетелдік тәжірибені енгізу Қазақстанға трансшекаралық қатерлерге жылдам әрі тиімді әрекет етуге жағдай туғызады[1907]. Осылайша, зерттеу жұмысы заңнаманы жетілдіру, киберқауіпсіздікті нығайту және цифрлық инфрақұрылымды жетілдіру бойынша нақты ұсыныстарды негіздей отырып, цифрлық мемлекет пен құқықтық қоғам идеалдарына жақындау үшін қандай жүйелі шаралар қажет екенін анықтап берді.

[1902] Castells M, The Rise of the Network Society (2nd edn, Wiley-Blackwell 2010) https://www.wiley.com/en-us/The+Rise+of+the+Network+Society%2C+With+a+New+Preface%3A+Volume+I%2C+2nd+Edition-p-9781444356311 дата обращения 14 июня 2026.

[1903] Bekturganov AE, 'Legal Regulation of Digital Infrastructure in Kazakhstan' (2021) 18(2) Journal of Legal Studies 80.

[1904] Kapsalyamova SS, 'Developing Digital Literacy in Rural Regions' (2021) 34(1) Comparative Law Review 139.

[1905] Борчашвили ИШ, Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан (Жеті жарғы 2020), 42.

[1906] Каржаубаев СС and Оразбекова АК, 'Көлеңкелі экономикаға қарсы іс-қимылдың қылмыстық-құқықтық шараларын күшейту туралы мәселеге' [2023] (1) Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан 11 https://vestnik.zqai.kz/index.php/vestnik/issue/view/34 дата обращения 14 июня 2026.

[1907] Azza M, E-Government Indicators (World Bank 2022), 11 https://www.worldbank.org/ дата обращения 14 июня 2026.

Нәтижелер Қазақстанның тек технологиялық жетістіктерді ғана емес, сонымен қатар құқық пен еркіндікті құрметтеу құндылықтарын да бірдей дәрежеде дамытуға әлеуетті екенін көрсетеді, бұл елдің ұзақ мерзімді тұрақтылығына және бәсекеге қабілеттілігіне жағымды ықпал етпек[1908].

Талқылау

Қазақстан Республикасы ауқымды цифрлық трансформация жолына түсіп, мемлекеттік басқару жүйесін жетілдіру арқылы елдің экономикалық және әлеуметтік әлеуетін арттыруды көздейді[1909]. «Цифрлық Қазақстан» бағдарламасы осы үдеріске негіз болып, ақпараттық-коммуникациялық технологиялар саласында түрлі жобаларды іске асырып келеді. Дегенмен, цифрлық орта қалыптасқан сайын құқықтық мемлекет қағидаттарын сақтау және жеке тұлғалардың мүдделерін қорғау мәселелері ерекше маңызға ие болуда. Атап айтқанда, азаматтардың құқықтарын қорғау аспектісі ең алдыңғы қатарға шығады, себебі электрондық қызметтерге сұраныс артқан кезде жеке деректердің өңделуі, сақталуы және таралуы тәуекелділік деңгейін өсіреді[1910]. Бұл орайда «Жеке деректер және оларды қорғау туралы» Қазақстан Республикасы Заңының орындалу механизмі әлі де жетілдіруді қажет етеді, өйткені тәжірибе көрсеткендей, азаматтардың цифрлық құқықтарына қатысты хабардарлығы төмен, ал түрлі ұйымдарда деректерді басқару тәртібі толық реттелмеген.

Мысалы, отандық зерттеуші Р.Р. Хузин смарт-келісімшарттардың құқықтық табиғатын және олардың шарттық міндеттемелерді орындаудағы рөлін талқылайды[1911]. Р.К. Сарпеков цифрлық кеңістікті құқықтық реттеудің өзекті мәселелерін, соның ішінде жеке деректерді қорғау, киберқауіпсіздік және жасанды интеллектінің құқықтық мәртебесін зерттейді[1912]. Б.Х. Төлеубекова, Ж.Ю. Сайлыбаева және Т.Б. Хведелидзе жоғары білім беру орындарында заң пәндерін оқыту әдістемесін цифрландыру саясаты аясында трансформациялау үлгісін ұсынады[1913]. С.К. Идрышева Қазақстанда Цифрлық кодексті әзірлеу және енгізу перспективаларын талдайды[1914]. М.К. Сүлейменов азаматтық сот ісін жүргізуде цифрлық технологияларды енгізу тәжірибесін халықаралық тәжірибемен салыстыра отырып қарастырады[1915]. Бұл зерттеулер Қазақстандағы цифрландырудың құқықтық

[1908] Susskind R, Online Courts and the Future of Justice (Oxford University Press 2019), 53 https://global.oup.com/academic/product/online-courts-andthe-future-of-justice-9780198838364 дата обращения 14 июня 2026.

[1909] Бектурганов АЕ and others, 'Современные проблемы цифровой трансформации управления' [2022] (4) Вестник Казахского национального университета 70 https://kaznu.kz/ru/15580 дата обращения. 14 июня 2026.

[1910] Azza M, E-Government Indicators (World Bank 2022), 17 https://www.worldbank.org/ дата обращения 14 июня 2026

[1911] Хузин РР, 'Смарт-контракт как инструмент автоматизации исполнения договорных обязательств' [2019] (1) Право и государство 80 https://elibrary.kaznu.kz/wp-content/uploads/2021/10/pravo-i-gosudarstvo-%E2%84%96-1-82-2019.pdf дата обращения: 14 июня 2026

[1912] Сарпеков РК, 'Цифровизация правового пространства' [2020] (3) Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан 12 https://vestnik.zqai.kz/index.php/vestnik/article/view/149 дата обращения 14 июня 2026.

[1913] Толеубекова БХ, Сайлибаева ЖЮ and Хведелидзе ТБ, 'Трансформационная модель методики преподавания юридических дисциплин в контексте политики цифровизации вузовского образования' [2023] (1) Вестник КазНПУ. Серия «Юридические науки» 97.

[1914] Идрышева СК, 'О Цифровом кодексе Казахстана' (Закон.kz, 2022) https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34311746 дата обращения: 14 июня 2026.

[1915] Сулейменов МК, 'Цифровизация в гражданском судопроизводстве: зарубежный опыт' (Закон.kz, 2020)

аспектілерін терең түсінуге және заңнаманы жетілдіру бойынша нақты ұсыныстар әзірлеуге мүмкіндік береді.

Цифрлық кеңістіктегі халықаралық тәжірибені зерделеу бұл бағытта жаһандық деңгейде жүргізіліп жатқан ауқымды жұмыстарды айғақтайды. Мәселен, Еуропалық одақта (ЕО) жеке деректерді қорғауға арналған құқықтық талаптар GDPR құжаты негізінде жетілдірілуде, ал АҚШ-та Федералды сауда комиссиясы цифрлық алаңдағы түрлі компаниялардың тұтынушылар деректерімен жұмыс жүргізуін қадағалайды. Сингапур мемлекеті электрондық жүйелердің қауіпсіздігін қамтамасыз етуге басымдық беріп, мемлекеттік сектор мен жеке сектор арасындағы ақпарат алмасу тетіктерін нақты регламенттеген. Отандық заңгер И.Ш.Борчашвили халықаралық деңгейдегі осындай нормаларды талдай келе, Қазақстанның ұлттық заңнамасы цифрлық платформалар қауіпсіздігін арттыру және операторлар қызметінің айқындығын қамтамасыз ету бағытында әлі де дамуы қажет деп есептейді[1916]. Ал осыған қарама-қарсы пікір айтатын кейбір сарапшылар (мысалы, М.Кастеллс) тек заңнаманы қатаңдату жеткіліксіз екенін, цифрландырудың негізгі қағидаттары инновация мен еркіндікті барынша қолдаудан бастау алатынын, сондықтан бизнес пен азаматтық қоғамның да белсенділігі маңызды рөл атқаратынын алға тартады[1917].

Цифрлық қоғамды дамытуда халықаралық тәжірибені зерттеу және оны Қазақстанның құқықтық жүйесіне бейімдеу маңызды. Әлемнің дамыған елдері цифрландырудың құқықтық аспектілерін реттеуде әртүрлі әдістерді қолданады. Қазақстанның құқықтық жүйесі мен цифрлық инфрақұрылымы әлі толық жетілдірілмегендіктен, халықаралық тәжірибені сараптау арқылы оңтайлы шешімдерді анықтап, оларды ұлттық заңнамаға бейімдеу қажет.

Еуропалық Одақтың (ЕО) Жалпы деректерді қорғау регламенті (GDPR) дербес деректерді өңдеудің қатаң стандарттарын белгілейді. GDPR деректерді өңдеудің заңдылығы, мөлдірлігі және қауіпсіздігі қағидаттарын енгізе отырып, азаматтарға өз деректерін бақылау құқығын береді. Қазақстан үшін бұл тәжірибе маңызды, себебі ҚР «Жеке деректер және оларды қорғау туралы» Заңы GDPR-ға толық сәйкес келмейді және көптеген аспектілер әлі жетілдіруді қажет етеді. Осы ретте, Қазақстан GDPR қағидаттарына негізделген «Ұлттық деректерді қорғау орталығын» құру арқылы мемлекеттік және жеке сектордағы деректерді өңдеу стандарттарын күшейте алады. Сонымен қатар, GDPR талаптарына сай компанияларға деректерді өңдеуде жоғары жауапкершілік жүктеу арқылы жеке ақпараттың заңсыз таралуын болдырмауға мүмкіндік береді.

АҚШ-та California Consumer Privacy Act (CCPA) және Health Insurance Portability and Accountability Act (HIPAA) сияқты заңдар дербес деректердің қауіпсіздігін және медициналық ақпараттың қорғалуын қамтамасыз етеді. Сонымен қатар, АҚШ-та жасанды интеллектті (AI) құқықтық реттеу бойынша алғашқы нормалар әзірленді. Қазақстан үшін бұл тәжірибе маңызды, өйткені қазіргі таңда елімізде жасанды интеллекттің құқықтық мәртебесі және оның жауапкершілік шекаралары нақты белгіленбеген. Осыған байланысты, Қазақстанда жасанды интеллектті реттеу жөніндегі арнайы заң қабылдап, онда AI жүйелерінің жауапкершілігін нақтылау, олардың қауіпсіздігін қамтамасыз ету және адам құқықтарын сақтау талаптарын енгізу қажет. Сонымен қатар, медициналық деректерді қорғау бойынша бөлек заң қабылдау,

---

https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33588044 дата обращения: 14 июня 2026.

[1916] Борчашвили ИШ, Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан (Жеті жарғы 2020), 40.

[1917] Қаржаубаев СС, 'Қазақстандағы Адам құқықтары жөніндегі уәкіл институтын жетілдіру туралы' [2022] (3) Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан 115 https://vestnik.zqai.kz/index.php/vestnik/issue/view/30/14 дата обращения: 14 июня 2026

АҚШ тәжірибесін ескере отырып, денсаулық сақтау секторындағы цифрлық жүйелерді күшейту маңызды.

Сингапур цифрлық басқарудың ең дамыған жүйелерінің бірі ретінде Smart Nation бағдарламасын жүзеге асырды. Бұл бағдарлама цифрлық мемлекеттік қызметтерді дамыту, цифрлық төлемдер мен инфрақұрылымды жетілдіру, деректерді қорғау шараларын қамтиды. Сонымен қатар, Personal Data Protection Act (PDPA) жеке деректерді өңдеудің тиімді үлгісін ұсынады. Қазақстан үшін бұл үлгі маңызды, себебі еліміздің цифрлық мемлекеттік қызметтері әлі де жетілдіруді қажет етеді. Осыған байланысты, Қазақстан Сингапур үлгісін пайдаланып, «Цифрлық азамат» бағдарламасын әзірлеуі керек. Бұл бағдарлама азаматтардың мемлекеттік қызметтерге толық онлайн қол жеткізуін қамтамасыз етеді. Сонымен қатар, eGov.kz платформасын жаңарту және оған блокчейн технологиясын енгізу арқылы деректердің бұрмалануын азайтуға болады.

Эстония e-Estonia бағдарламасы арқылы барлық мемлекеттік қызметтерді онлайн форматқа көшірді. X-Road жүйесі мемлекеттік органдар арасындағы деректер алмасуды оңтайландырып, қағазсыз құжат айналымын енгізді. Қазақстан үшін бұл тәжірибе өте өзекті, себебі елімізде мемлекеттік қызметтерді цифрландыру толық аяқталған жоқ. Эстония үлгісі бойынша Қазақстан электрондық мемлекеттік қызметтерді толық автоматтандырып, қағазсыз құжат айналымына көшуі керек. Сонымен қатар, Киберқауіпсіздік заңнамасын халықаралық стандарттарға сәйкестендіру, Эстонияның «цифрлық резиденттік» жүйесін қарастырып, шетелдік инвесторлар мен IT-мамандарға арнайы құқықтық режим ұсыну мәселесін қарастыру қажет.

Оңтүстік Корея цифрлық экономиканы дамытуда көшбасшы елдердің бірі. K-Digital бағдарламасы деректерді басқару, онлайн төлемдер және цифрлық инфрақұрылымның жоғары деңгейде дамуын қамтамасыз етеді. Сонымен қатар, Оңтүстік Корея деректерді жасанды интеллект және блокчейн арқылы қорғау саласында белсенді заңнамалық реформалар жүргізуде. Қазақстан үшін бұл тәжірибе маңызды, себебі елімізде блокчейн технологияларын заңдастыру және мемлекеттік қызметтерде қолдану мәселесі әлі де шешілмеген. Осыған байланысты, Қазақстан Оңтүстік Корея үлгісімен деректерді анонимизациялау және криптографиялық қорғау жүйесін енгізуі керек. Сонымен қатар, цифрлық теңсіздік мәселесін шешу үшін шалғай аймақтардағы интернет инфрақұрылымын дамыту қажет.

Халықаралық ұйымдар да цифрлық құқықтарды реттеуге бағытталған ұсыныстар әзірлейді. БҰҰ-ның «Цифрлық құқықтар декларациясы» (2021) цифрлық құқықтар мен бостандықтарды қорғауды талап етеді. Қазақстанға бұл декларацияға қосылу ұсынылады, себебі бұл азаматтардың құқықтарын халықаралық деңгейде мойындауға мүмкіндік береді. Сонымен қатар, Халықаралық телекоммуникация одағы (ITU) цифрлық қауіпсіздік стандарттарын әзірлеп, оларды Қазақстан өз ұлттық заңнамасына енгізе алады. Дүниежүзілік банк (World Bank) цифрлық экономиканы дамытудың GovTech моделін ұсынып, Қазақстанға мемлекеттік цифрлық қызметтерді оңтайландыру бойынша көмек көрсете алады.

Жоғарыда аталған халықаралық тәжірибелерді зерттеу нәтижесінде Қазақстан үшін бірнеше нақты ұсыныстар жасауға болады. Біріншіден, GDPR негізінде жеке деректерді қорғау стандарттарын жетілдіру қажет. Екіншіден, жасанды интеллект пен блокчейнді реттейтін заңнамалық базаны әзірлеу маңызды. Үшіншіден, электрондық мемлекеттік қызметтерді толық автоматтандыру және Эстония үлгісі бойынша қағазсыз құжат айналымына көшу керек. Төртіншіден, Сингапур үлгісімен «Цифрлық азамат» жүйесін енгізу өзекті. Бесіншіден, киберқауіпсіздік саласында халықаралық стандарттарды қабылдау және ұлттық заңнаманы сәйкестендіру қажет. Алтыншыдан, Оңтүстік Корея моделін қолданып, деректерді анонимизациялау және

криптографиялық қорғау жүйесін енгізу қажет. Жетіншіден, Қазақстан халықаралық келісімдерге қосылып, БҰҰ, ITU және Страсбург конвенциясына мүше болуы тиіс.

Осы ұсыныстарды жүзеге асыру Қазақстанда цифрлық құқықтық реформаларды жүргізуге және халықаралық стандарттарға сай заңнамалық тетіктерді қалыптастыруға мүмкіндік береді. Бұл ретте, халықаралық тәжірибенің әрбір аспектісі ұлттық заңнамаға бейімделіп, жергілікті контексте тиімді жұмыс істеуі үшін терең зерттелуі тиіс. Қазақстан өз ерекшеліктерін ескере отырып, халықаралық тәжірибені ұлттық деңгейде бейімдеуі және оны жүзеге асырудың құқықтық негіздерін қалыптастыруы қажет.

Қазақстандық цифрлық кеңістікте өзекті болып отырған келесі мәселе – цифрлық теңсіздікті жою және шалғай аймақтардағы тұрғындарға сапалы интернетпен қатар электрондық қызметтерге бірдей қолжетімділік ұсыну. Қазіргі таңда кейбір ауылдық жерлерде байланыс сапасының төмендігі, сонымен қатар цифрлық сауаттылық деңгейінің жеткіліксіздігі электрондық үкімет порталын пайдалануда кедергілер тудырады[1918]. Жергілікті зерттеуші С.С.Каржаубаев өңірлердегі цифрлық инфрақұрылымды жетілдірудің кешенді жоспары қажет екенін атап өтіп, әлеуметтік осал топтарға арналған білім беру бағдарламаларын арттыруды ұсынады[1919]. Мұндай бағдарламалар тек компьютерлік дағдыларды үйретіп қана қоймай, адамдардың цифрлық ортада өз құқықтарын қорғау мәдениетін де қалыптастыруды мақсат тұтуы керек. Бұл тұрғыда Эстония сынды елдердің тәжірибесін ескерген жөн, өйткені онда электрондық мемлекеттік қызметтер ауылдық жерлерге де толықтай енгізіліп, халықтың қатысу деңгейі жоғары нәтижелерге қол жеткізген[1920].

Киберқауіпсіздік пен құқықтық реттеудің тағы бір маңызды қыры – компьютерлік қылмыстарға қарсы іс-қимыл механизмі. Цифрлық технологиялардың кең таралуы түрлі алаяқтық схемалардың, заңсыз жүйеге қол жеткізу әрекеттерінің көбеюіне әкеледі, бұл өз кезегінде құқық қорғау органдарының осы салада маманданған кадрлармен қамтылуын және тиісті заңнаманың жаңартылып отыруын талап етеді[1921]. ҚР Қылмыстық кодексінде компьютерлік ақпарат саласындағы құқық бұзушылықтарға арналған баптар болса да[7], олардың нақты қолданылуы кейде қиындықтарға тап болуда. Отандас заңгер М.Т.Асановтың пайымдауынша, тергеу органы мен сот жүйесі заманауи технологияларды түсінуде артта қалып, сараптама жүргізу үшін жетілдірілген әдістер мен құралдар тапшы[1922]. Ал Ұлыбританиялық профессор Л. Лессиг (Lawrence Lessig) жаңа ақпараттық ортада құқық бұзушылықтардың алдын алуға техникалық блоктау мен заңнаманы қатаңдату қатар қажет екенін алға тартады, әйтсе де бұл шаралар азаматтардың бостандығына шектеу қоймауы тиіс деген ұстанымды ұстанады[1923].

[1918] Бектурганов AE and others, 'Современные проблемы цифровой трансформации управления' [2022] (4) Вестник Казахского национального университета 71 https://kaznu.kz/ru/15580 дата обращения 14 июня 2026.

[1919] Kapsalyamova SS, 'Developing Digital Literacy in Rural Regions' (2021) 34(1) Comparative Law Review 137.

[1920] Azza M, E-Government Indicators (World Bank 2022), 18 https://www.worldbank.org/ дата обращения 14 июня 2026

[1921] Bekturganov AE, 'Legal Regulation of Digital Infrastructure in Kazakhstan' (2021) 18(2) Journal of Legal Studies 79.

[1922] Хузин РР, 'Смарт-контракт как инструмент автоматизации исполнения договорных обязательств' [2019] (1) Право и государство 53 https://elibrary.kaznu.kz/wp-content/uploads/2021/10/pravo-i-gosudarstvo-%E2%84%96-1-82-2019.pdf дата обращения 14 июня 2026.

[1923] Susskind R, Online Courts and the Future of Justice (Oxford University Press 2019), 49 https://global.oup.com/academic/product/online-courts-andthe-future-of-justice-9780198838364 дата обращения: 14 июня 2026.

Мемлекеттік электрондық платформалар да қоғамдық қатынастарды жаңа белеске шығарды. eGov.kz порталы мен мобильдік қосымшалар арқылы көрсетілетін қызметтер саны артып, халықтың мемлекетпен өзара әрекеттесу деңгейі өсуде[1924]. Бірақ бұл жүйелердің техникалық сенімділігі, үздіксіз жұмыс істеуі, аутентификациялау деңгейінің беріктігі жөнінде сын айтушылар да аз емес[1925]. Цифрлық даму, инновациялар және аэроғарыш өнеркәсібі министрлігі бұл мәселелерді біртіндеп шешуде, алайда сарапшы А.Е.Бектұрғанов халық арасында цифрлық сауаттылық төмен болған жағдайда, жоғары технологиялық шешімдердің өзі күткендегідей нәтиже бермеуі ықтимал екенін ескертеді[1926]. Осы пікірді қолдай отырып, халықаралық зерттеуші Т. Бернерс-Ли (Tim Berners-Lee) цифрлық қызметтердің қолжетімділігі ұлғайған сайын азаматтардың білім деңгейін арттыруға және пайдаланушының қауіпсіздігін сақтауға бағытталған үгіт-насихат жұмыстары маңызды болатынын атап өтеді[1927].

Құқықтық тетіктерді жетілдіру мақсатында бірнеше заңнамалық өзгерістер ұсынылады. Біріншіден, «Жеке деректер және оларды қорғау туралы» Қазақстан Республикасының Заңын қайта қарау қажет. Қазіргі заңнамада дербес мәліметтердің қауіпсіздігін қамтамасыз етуге бағытталған нақты ережелер толыққанды дамымаған. Осы орайда, Еуропалық Одақтың Жалпы деректерді қорғау регламенті (GDPR) және АҚШ-тың Денсаулық сақтау туралы сақтандыру портативтілігі және есептілік актісі (HIPAA) сияқты халықаралық тәжірибелерін ескере отырып, жеке деректерді өңдеуге арналған нақты ережелер, жауапкершілік тетіктері және азаматтардың деректерін басқару құқықтарын күшейту қажет. Атап айтқанда:

• Азаматтарға өздерінің жеке деректеріне қолжетімділік беру, оларды түзету немесе жою мүмкіндігін заңнамалық тұрғыда бекіту;

• Жеке деректерді өңдеудің құқықтық негіздерін нақтылау, оның ішінде мемлекеттік және жеке ұйымдар арасындағы деректер алмасу тәртібін реттеу;

• Ақпараттық қауіпсіздік бұзылған жағдайда азаматтарды міндетті түрде хабарландыру тетігін енгізу.

Екіншіден, «Ақпараттандыру туралы» Қазақстан Республикасының Заңын жетілдіру шеңберінде киберқауіпсіздік талаптарын қатаңдату және заңсыз деректер жинауға қарсы құқықтық қорғау шараларын енгізу қажет. Бұл заңға мынандай толықтырулар енгізуді ұсынамыз:

• Мемлекеттік және жеке IT-инфрақұрылымдардың қауіпсіздігін қамтамасыз ету үшін цифрлық қауіпсіздік аудитін міндетті түрде өткізу тәртібін бекіту;

• Киберқауіпсіздік бойынша ұлттық стандарттарды қабылдау және цифрлық қауіпсіздік сертификаттау жүйесін енгізу;

• Ақпараттық жүйелерді бұзу немесе заңсыз қол жеткізу әрекеттері үшін қылмыстық жауапкершілікті күшейту және Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексіне «Жасанды интеллект көмегімен жасалған алаяқтық» және «Деректерді заңсыз өңдеу» деген жаңа баптар енгізу.

[1924] Бектурганов AE and others, 'Современные проблемы цифровой трансформации управления' [2022] (4) Вестник Казахского национального университета 75 https://kaznu.kz/ru/15580 дата обращения: 14 июня 2026.

[1925] Қаржаубаев СС, 'Қазақстандағы Адам құқықтары жөніндегі уәкіл институтын жетілдіру туралы' [2022] (3) Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан 118 https://vestnik.zqai.kz/index.php/vestnik/issue/view/30/14 дата обращения: 14 июня 2026.

[1926] Bekturganov AE, 'Legal Regulation of Digital Infrastructure in Kazakhstan' (2021) 18(2) Journal of Legal Studies 76.

[1927] Susskind R, Online Courts and the Future of Justice (Oxford University Press 2019), 50 https://global.oup.com/academic/product/online-courts-andthe-future-of-justice-9780198838364 дата обращения: 14 июня 2026

Үшіншіден, «Мемлекеттік қызметтер туралы» Қазақстан Республикасының Заңын жетілдіру қажет. Электронды мемлекеттік қызмет көрсету сапасын арттыру және оның халыққа қолжетімділігін қамтамасыз ету мақсатында:

• Мемлекеттік қызметтерді цифрландыру барысында блокчейн технологиясын енгізу арқылы деректердің бұрмалануының алдын алу;

• Мемлекеттік қызмет көрсету платформаларында бірыңғай электрондық сәйкестендіру жүйесін енгізу және оны жеке сектордың платформаларымен біріктіру;

• Цифрлық теңсіздікпен күресу үшін электронды қызметтерді пайдалануда қиындықтарға тап болатын халықтың осал топтарына арнайы оқыту бағдарламаларын әзірлеу.

Төртіншіден, цифрлық құқықтарды қорғау мақсатында дербес реттеуші орган – «Цифрлық құқықтар жөніндегі омбудсменді» құру қажет. Бұл орган азаматтардың дербес деректерін қорғау, мемлекеттік және жеке компаниялардың цифрлық қауіпсіздік нормаларын сақтауын қадағалау, сондай-ақ цифрлық ортада адам құқықтарының сақталуын бақылау міндеттерін атқаруы тиіс. Мұндай институттың құрылуы Германия, Ұлыбритания және Канададағы тәжірибелерге негізделеді.

Бесіншіден, Қазақстанның халықаралық деңгейде цифрлық құқықтарды қорғау және киберқауіпсіздікті күшейту бойынша көпжақты келісімдерге қосылуы қажет. Бұл аясында Қазақстан:

• БҰҰ-ның «Цифрлық құқықтар декларациясына» қосылу және Страсбург конвенциясы (Киберқылмыс туралы конвенция) аясында ынтымақтастықты кеңейту арқылы халықаралық құқықтық тетіктерді енгізуі тиіс;

• Басқа мемлекеттермен цифрлық құқықтар саласында ақпарат алмасу және киберқауіпсіздік бойынша бірлескен шараларды күшейту жөнінде келісімдер жасауы қажет.

Жоғарыда аталған заңнамалық өзгерістер мен ұсыныстар цифрлық қоғамның құқықтық негіздерін жетілдіруге, азаматтардың цифрлық құқықтарын қорғауға, мемлекеттік басқарудың тиімділігін арттыруға және Қазақстанның цифрлық даму деңгейін халықаралық стандарттарға жақындатуға мүмкіндік береді.

Жалпы алғанда, жоғарыда айтылған мәселелер – құқықтық мемлекет ұстанымдары мен цифрлық прогресті ұштастырудағы басты сынақтар. Цифрлық ортада азаматтардың құқықтары мен бостандықтарын қамтамасыз ету үшін заңнаманы жетілдіру жеткіліксіз болуы мүмкін, сонымен қатар басқару құрылымдарының, ғылыми қауымдастықтардың және жеке сектордың бірлескен жұмысы, сондай-ақ қоғамның цифрлық мәдениеті мен жауапкершілігінің артуы аса қажет. «Цифрлық Қазақстан» аясындағы жоба, бағдарлама, қаулы-қарарлар бұл бағытта біршама ілгері қадамға жол ашқанымен, мемлекеттік органдардың дер кезінде жаңашыл шешімдер қабылдауы, цифрлық платформалардың қауіпсіздігі мен ашықтығын қамтамасыз етуі, азаматтардың ақпараттық құзыреттілігін арттыруы – тұрақты түрде назарда болуы тиіс[1928]. Қорытындылай келе, Қазақстанның цифрлық трансформациясы тек технологиялық жетістіктерге қол жеткізу емес, сонымен бірге демократиялық қағидаттарды, құқық пен бостандықты құрметтеуді жаңа деңгейге көтеру екені айқындалады[1929]. Әлемдегі озық тәжірибені ескеріп, отандық зерттеушілер ұсынған тәсілдер мен идеяларды іске асыра отырып, Қазақстан

[1928] Каржаубаев СС and Оразбекова АК, 'Көлеңкелі экономикаға қарсы іс-қимылдың қылмыстық-құқықтық шараларын күшейту туралы мәселеге' [2023] (1) Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан 10 https://vestnik.zqai.kz/index.php/vestnik/issue/view/34 дата обращения: 14 июня 2026

[1929] Azza M, E-Government Indicators (World Bank 2022), 20 https://www.worldbank.org/ дата обращения 14 июня 2026.

болашақта да цифрлық қоғамның мүмкіндіктерін тиімді пайдаланып, құқықтық мемлекет тұғырын нығайтуды жалғастыруға әлеуетті.

Қорытынды

Зерттеу нәтижелері Қазақстанда цифрлық қоғам мен құқықтық мемлекетті қалыптастыру процесінің бірқатар өзекті мәселелермен қатар жүретінін көрсетті. Қолданыстағы заңнаманы талдау барысында цифрландырудың құқықтық реттелуі толықтай халықаралық стандарттарға сәйкес келмейтіні анықталды. Атап айтқанда, жеке деректерді қорғау, киберқауіпсіздік пен цифрлық теңсіздікті жою бағыттарында заңнамалық тетіктерді жетілдіру қажеттілігі туындап отыр. Бұл орайда, Еуропалық Одақтың (GDPR) және АҚШ-тың (HIPAA) деректерді қорғау тәжірибесіне негізделген ұлттық стандарттарды әзірлеу ұсынылады. Сонымен қатар, цифрлық құқықтарды қорғау мен ақпараттық қауіпсіздікті қамтамасыз ету мақсатында дербес реттеуші орган – «Цифрлық құқықтар жөніндегі омбудсменді» құру қажеттілігі туындайды. Мұндай институт Ұлыбритания мен Германиядағы цифрлық омбудсмендер моделіне сәйкес азаматтардың цифрлық құқықтарын қорғауға бағытталуы тиіс. Қазақстанда цифрлық заңнаманы жетілдіру үшін дербес деректерді қорғау стандарттарын енгізу ғана емес, AI технологияларын, блокчейнді және цифрлық платформалардың жауапкершілігін реттейтін заңнамалық реформалар қажет. Осыған байланысты, жасанды интеллекттің құқықтық мәртебесін және AI жүйелерінің жауапкершілігін нақтылау бойынша арнайы заң қабылдау ұсынылады. Бұл заң АҚШ-тың Artificial Intelligence Risk Management Framework немесе ЕО-ның AI Act тәжірибелеріне сүйене отырып әзірленуі керек.

Цифрлық теңсіздік мәселесі өңірлік ерекшеліктерді ескере отырып, кешенді шараларды талап етеді. Қала мен ауыл арасындағы технологиялық алшақтықты қысқарту үшін кеңжолақты интернет инфрақұрылымын кеңейту, халықтың цифрлық сауаттылығын арттыру бағдарламаларын енгізу және мемлекеттік қолдау тетіктерін жетілдіру қажет. Эстониядағы X-Road моделін бейімдеу мемлекеттік органдар арасындағы ақпарат алмасуды оңтайландырып, бюрократиялық кедергілерді азайтады. Сондай-ақ, Сингапур үлгісімен «Цифрлық азамат» жүйесін енгізу мемлекеттік қызметтерді толық онлайн форматқа көшіруге мүмкіндік береді. Оңтүстік Корея тәжірибесіне сүйене отырып, блокчейн технологияларын мемлекеттік басқаруда қолдану қажет. Бұл тәсілдер Қазақстандағы цифрлық қызметтердің тиімділігін арттырумен қатар, азаматтардың мемлекетпен өзара әрекеттесу деңгейін көтереді.

Сонымен қатар, киберқауіпсіздік мәселелері ерекше назар аударуды қажет етеді. Сандық қылмыстардың көбеюіне байланысты Қазақстанның Қылмыстық кодексіне өзгерістер енгізіп, жеке деректерді заңсыз пайдалануға және алаяқтықтың цифрлық түрлеріне қарсы күресті күшейту ұсынылады. Осы ретте, АҚШ-тың Computer Fraud and Abuse Act (CFAA) тәжірибесіне сүйене отырып, «Жасанды интеллект көмегімен жасалған алаяқтық» және «Деректерді заңсыз өңдеу» деген жаңа құқықтық нормаларды енгізу маңызды. Сондай-ақ, кибершабуылдар мен ақпараттық қауіпсіздікті бұзу әрекеттерін қадағалайтын Ұлттық киберқауіпсіздік агенттігін құру ұсынылады.

Жалпы алғанда, Қазақстанның цифрлық қоғам құрудағы құқықтық тетіктерін жетілдіру үшін заңнаманы жаңарту, инфрақұрылымды дамыту, цифрлық білім деңгейін арттыру және институционалдық реформалар кешенін жүргізу қажет. Қазақстан БҰҰ-ның «Цифрлық құқықтар декларациясына» қосылу арқылы халықаралық деңгейдегі құқықтық міндеттемелерді күшейтіп, ITU стандарттарына сәйкес киберқауіпсіздік ережелерін жетілдіруі тиіс. Эстония, Сингапур, АҚШ және ЕО-ның тәжірибесіне сүйене отырып, Қазақстан 2025-2030 жылдарға арналған цифрлық құқықтық реформалар стратегиясын әзірлеуі қажет. Осы ұсыныстар жүзеге асырылған жағдайда, Қазақстан 2030 жылға қарай цифрлық құқықтық мемлекет қағидаттарына толық сәйкес келетін елдердің қатарына қосылып, халықаралық стандарттаға сай жаңа деңгейде көтеріле алады.

Пайдаланылған әдебиеттер:

1. Қаржаубаев СС, 'Қазақстандағы Адам құқықтары жөніндегі уәкіл институтын жетілдіру туралы' [2022] (3) Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан 39 https://vestnik.zqai.kz/index.php/vestnik/issue/view/30/14 дата обращения: 14 июня 2026
2. Susskind R, Online Courts and the Future of Justice (Oxford University Press 2019) https://global.oup.com/academic/product/online-courts-andthe-future-of-justice-9780198838364 дата обращения: 14 июня 2026
3. Bekturganov AE, 'Legal Regulation of Digital Infrastructure in Kazakhstan' (2021) 18(2) Journal of Legal Studies 76
4. Борчашвили ИШ, Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан (Жеті жарғы 2020)
5. Каржаубаев СС and Оразбекова АК, 'Көлеңкелі экономикаға қарсы іс-қимылдың қылмыстық-құқықтық шараларын күшейту туралы мәселеге' [2023] (1) Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан 140 https://vestnik.zqai.kz/index.php/vestnik/issue/view/34 дата обращения: 14 июня 2026
6. Azza M, E-Government Indicators (World Bank 2022) https://www.worldbank.org/ дата обращения: 14 июня 2026
7. Castells M, The Rise of the Network Society (2nd edn, Wiley-Blackwell 2010) https://www.wiley.com/en-us/The+Rise+of+the+Network+Society%2C+With+a+New+Preface%3A+Volume+I%2C+2nd+Edition-p-9781444356311 дата обращения: 14 июня 2026
8. Kapsalyamova SS, 'Developing Digital Literacy in Rural Regions' (2021) 34(1) Comparative Law Review 133
9. Бектурганов АЕ and others, 'Современные проблемы цифровой трансформации управления' [2022] (4) Вестник Казахского национального университета 70 https://kaznu.kz/ru/15580 дата обращения: 14 июня 2026
10. Хузин РР, 'Смарт-контракт как инструмент автоматизации исполнения договорных обязательств' [2019] (1) Право и государство 80 https://elibrary.kaznu.kz/wp-content/uploads/2021/10/pravo-i-gosudarstvo-%E2%84%96-1-82-2019.pdf дата обращения: 14 июня 2026
11. Сарпеков РК, 'Цифровизация правового пространства' [2020] (3) Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан 12 https://vestnik.zqai.kz/index.php/vestnik/article/view/149 дата обращения: 14 июня 2026
12. Толеубекова БХ, Сайлибаева ЖЮ and Хведелидзе ТБ, 'Трансформационная модель методики преподавания юридических дисциплин в контексте политики цифровизации вузовского образования' [2023] (1) Вестник КазНПУ. Серия «Юридические науки» 97
13. Идрышева СК, 'О Цифровом кодексе Казахстана' (Закон.kz, 2022) https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34311746 дата обращения: 14 июня 2026
14. Сулейменов МК, 'Цифровизация в гражданском судопроизводстве: зарубежный опыт' (Закон.kz, 2020)

https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33588044 дата обращения: 14 июня 2026

Амангельдинов Заңғар Нұржанұлы
Магистрант 2 курса образовательной программы «Юриспруденция» Maqsut Narikbayev University
Высшая школа права, научная школа частного права
г. Астана, Республика Казахстан
z_amangeldinov@kazguu.kz

ПУБЛИНЧНОСТЬ ЗАЛОГА КАК УСЛОВИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЕГО ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ В ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Аннотация: Статья посвящена публичности залога движимого имущества как функциональному способу для реализации обеспечительной функции залога в праве Республики Казахстан. В частноправовом смысле под публичностью залога понимается механизм, который требуется для «прозрачности» обременения движимого имущества для третьих лиц, а также для основы предсказуемого приоритета. На основе норм Гражданского кодекса Республики Казахстан и закона Республики Казахстан «О регистрации залога движимого имущества» будут выявлены сильные стороны (приоритет зарегистрированного залогодержателя, доступность сведений) казахстанской модели и системные риски (разделение залогового имущества по категориям, зависимость публичности от поведения сторон, неоднородность публичного доступа), а также на основе сравнения с российским реестром уведомлений и модельным решением UNCITRAL позволит сформировать рекомендации по развитию публичности залога в Республике Казахстан.
Ключевые слова: залог, публичность залога, обеспечительная функция, обеспечительная конструкция, движимое имущество, регистрация залога, договор залога, обременение имущества, гражданское право, Республика Казахстан, правовое регулирование.

Аңдатпа: Мақала Қазақстан Республикасының құқығындағы кепілдің қамтамасыз ету функциясын іске асырудың функционалдық тәсілі ретінде жылжымалы мүлік кепілінің жариялылығына арналған. Жеке құқықтық мағынада кепілдің жариялылығы деп үшінші тұлғалар үшін жылжымалы мүлік ауыртпалығының «ашықтығын» қамтамасыз ету, сондай-ақ болжамды басымдықтың негізі үшін талап етілетін тетік түсініледі. Қазақстан Республикасы Азаматтық кодексінің және «Жылжымалы мүлік кепілін тіркеу туралы» Қазақстан Республикасы Заңының нормалары негізінде қазақстандық модельдің мықты тұстары (тіркелген кепіл ұстаушының басымдығы, мәліметтердің қолжетімділігі) мен жүйелік тәуекелдері (кепіл мүлкін санаттар бойынша бөлу, жариялылықтың тараптардың мінез-құлқына тәуелділігі, қоғамдық қолжетімділіктің біркелкі еместігі) анықталады, сондай-ақ ресейлік хабарламалар тізілімімен және UNCITRAL үлгілік шешімімен салыстыру негізінде Қазақстан Республикасында кепілдің жариялылығын дамыту бойынша ұсынымдар қалыптастыруға мүмкіндік береді.
Түйінді сөздер: кепіл, кепілдің жариялылығы, қамтамасыз ету функциясы, қамтамасыз ету конструкциясы, жылжымалы мүлік, кепілді тіркеу, кепіл шарты, мүлік ауыртпалығы, азаматтық құқық, Қазақстан Республикасы, құқықтық реттеу.

Abstract: The article is devoted to the publicity of the pledge of movable property as a functional method for implementing the security function of a pledge in the law of the Republic of Kazakhstan. In a private law context, the publicity of a pledge is understood as a mechanism required for the "transparency" of the encumbrance of movable property for third parties, as well as providing the basis for a predictable priority. Based on the norms of the Civil Code of the Republic of Kazakhstan and the Law of the Republic of Kazakhstan

"On Registration of the Pledge of Movable Property," the strengths (priority of the registered pledgee, accessibility of information) of the Kazakhstani model and its systemic risks (division of pledged property into categories, dependence of publicity on the behavior of the parties, heterogeneity of public access) will be identified. Furthermore, a comparison with the Russian register of notifications and the UNCITRAL model law will allow formulating recommendations for the development of the publicity of pledges in the Republic of Kazakhstan.

Keywords: pledge, publicity of the pledge, security function, security construct, movable property, registration of the pledge, pledge agreement, encumbrance of property, civil law, Republic of Kazakhstan, legal regulation.

Введение

Залог как способ обеспечения исполнения обязательства нормативно закреплен в Гражданском кодексе Республики Казахстан и предоставляет собой преимущественное право требования кредитора по удовлетворению из стоимости заложенного имущества должника в случае неисполнения должником своих обязательств [1930]. Данная конструкция по своей природе не является исключительно двухсторонним обязательством между кредитором и должником, она также существует и в среде гражданского оборота, иными словами, на заложенное должником имущество также могут претендовать иные субъекты, как последующие кредиторы, приобретатели имущества. Исходя из данных обстоятельств можно сделать логический вывод, что залог в современном обороте закономерно и неизбежно включает третьи лица, а следовательно, требует компонент публичности.

Настоящая статья рассматривает публичность залога как частноправовую категорию, а именно как юридический механизм, который обеспечивает, обнаруживаемость залога для третьих лиц, обеспечивает предсказуемость право приоритета и снижает транзакционные издержки при проверке обременений (к примеру, при проведении due diligence).

Практическая актуальность исследуемой работы обусловлена в изменении модели реестра залогового имущества в Республики Казахстан для функционирования механизмов публичности залога, в том числе в отношении движимого имущества. Несмотря на то, что в действующем праве предусмотрена возможность для регистрации заложенного движимого имущества в залоговом реестре, что направлена на обеспечение доступности к информации об обременениях для третьих лиц, действующий реестр является не единым и не полноценно функционирующим при сравнении с зарубежными правопорядками, в частности с Российской Федераций. Система реестра залогового имущества должна функционировать как централизированный механизм, который на момент написания научной статьи отсутствует в правовой системе Республики Казахстан.

Рекомендуемый механизм позволит сформировать новую правовую инфраструктуру, которая в свою очередь позволит обеспечить проверку наличия обременений в том числе залога на имущество, однако данный механизм не исключает ситуаций, в которых, связанных с конкуренцией, когда на одно и то же заложенное имущество претендует несколько лиц, а именно споры между кредиторами, приобретателями, а также с участниками процедур принудительного исполнения. Исходя из данных обстоятельств возникает необходимость анализа того, в какой степени существующие формы публичности залога обеспечивают реализацию обеспечительных функций залога.

[1930] Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 года № 268-XIII. ст. 292.

В дополнение, анализируемая проблема имеет высокое значение в условиях цифровизации, которая закреплена в стратегических направлениях развития Республики Казахстан. Президент Республики Казахстан в своем послании подчеркивает необходимость цифровизации и трансформации государственного управления и повышения эффективности предоставления государственных услуг, что в свою очередь предполагает развитие информационных систем и их доступности для участников гражданского оборота[1931]. В данных условиях эффективность механизмов, обеспечивающих публичность залога, приобретает не исключительно теоретический характер, но и имеет практическое значение.

Основной целью статьи является демонстрация необходимости публичности залога движимого имущества, как условие реализации его обеспечительных функций, а также выдвижение предложений по совершенствованию казахстанской действующей модели публичности залога с учетом национальной, зарубежной доктрины и сравнительного-правового анализа и иностранных концепций.

Основная часть

Публичность залога как механизм разрешения конкуренции прав и предотвращения скрытых обременений

Необходимость в публичности залога наиболее в полной степени раскрывается в условиях конкуренции на одно и то же имущество. Залог по своей конструкции предназначен для улучшения положения кредитора в случае, когда имущество должника недостаточно для удовлетворения всех требований или в случае, когда одно имущество становится объектом притязаний нескольких лиц.

Скрябин С. В., в своей статье подчеркивает, что залог и удержание в отличие от других способов обеспечения обязательств гарантирует защиту интересов кредитора особым образом, иными словами, личный элемент в обязательстве уступает место вещному, которое позволяет кредитору удовлетвориться из меновой стоимости имущества.[1932] Данный тезис является немаловажным для механизма публичности залога, когда залог будет функционировать через стоимость вещи, а также затрагивать интересы третьих лиц, то оборот заложенного имущества обязан иметь механизм узнаваемости обременения. В случае отсутствия должного механизма правопорядок сталкивается с неблагополучной ситуацией скрытого ограничения, когда приобретатель может столкнуться с залогом, который был не очевиден на момент заключения сделки, а последующий кредитор с обременением, которое не предоставлялось возможности разумно проверить.

Несмотря на данную возможность гражданский кодекс предусматривает сохранение право залога при переходе права собственности на заложенное имущество к третьему лицу, то есть право залога не становится недействительным в связи с его отчуждением[1933]. Соответственно, публичность залога в интересах оборота может быть обеспечена либо через передачу владения залоговой вещи кредитору, либо при регистрации в публичном реестре, который позволит сохранить вещь у залогодателя. В условиях современной экономики наиболее распространенной является конструкция непоссесорного залога, при которой имущество остается у

[1931] Президент Республики Казахстан, Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию» (Akorda, 2025) <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-kazahstan-v-epohu-iskusstvennogo-intellekta-aktualnye-zadachi-i-ih-resheniya-cherez-cifrovuyu-transformaciyu-885145> Дата обращения: 1 апреля 2026 г.

[1932] С. В. Скрябин, *«Залог и удержание как способы обеспечения исполнения обязательства: общие и особенные черты» (2014) Параграф* <https://prg.kz/document/?doc_id=31518801&pos=11;46> *дата обращения: 1 апреля 2026 г.*

[1933] Ibid 1. ст. 323

залогодателя (оборудование, товарные запасы, транспорт, скот), что объективно повышает значимость реестровых механизмов.

Правовая природа залога и ее значение для обоснования публичности

Вопрос о правовой природе залога по-прежнему остается дискуссионным в юридической среде. С одной стороны, залог рассматривается как субъективное вещное право, которое обладает всеми признаками присущими вещному праву. С другой стороны, залог квалифицируется как способ обеспечения обязательства, что и имеет отражение в гражданском кодексе. Дискуссии о природе залога отражены в трудах М. К. Сулейменова и Е. Б. Осипова, в которых выделяются «вещные аспекты залога вещи», которые позволяют раскрыть связь между залогом и его конструкции с вещным правом.[1934] В цивилистической доктрине также отмечается, что для обеспечительных вещных прав интерес управомоченного лица в первую очередь связан со стоимостью вещи, а не на саму вещь. Вышеупомянутый подход был отражен в работах С. В. Скрябина и может быть применен к залогу, в связи с тем, что залог также реализуется через возможность удовлетворений требований залогодержателя за счет стоимости имущества[1935].

С данной точки зрения полезно рассмотреть идею вещного обеспечения Р. С. Бевзенко. В данной концепции публичность рассматривается, как необходимый элемент правового режима для обеспечительного вещного права в связи с тем, что указанные права претендуют на действие против неопределенного количества лиц, правопорядок должен обеспечить возможность для осуществления публичности через знаки, владение или же регистрацию[1936]. На данном основании Р. С. Бевзенко делает общий вывод, что отсутствие публичности залога влияет на реализацию обеспечительного эффекта, в том же числе на приоритет обеспеченного кредитора по отношению к другим кредиторам.[1937]

В настоящей статье данные суждения означают, что даже если залог в гражданском кодексе отнесен к способам обеспечения исполнения обязательств, обеспечительная функция залога в конкурентной среде нуждается в публичности. При отсутствии обеспечения публичности залог, как способ обеспечения обязательств может быть эффективен между сторонами, однако его эффективность в рамках гражданского оборота снижается. Немаловажно отметить, что в ходе анализа тезис о вещности залога не утверждается как конечная истина, а используется для определения функциональных границ и для объяснения необходимости публичности залога. Дискуссия о природе залога по своему существу подтверждает данный вывод в связи с тем, что залог включает в себя элементы вещного воздействия, а именно следования и конкуренцию, что требует публичности.

Информационные риски при перезалоге и значение публичности

Гражданский кодекс предусматривает возможность для последующего перезалога имущества, при соблюдении условий и правил очередности

[1934] М. К. Сулейменов и Е. Б. Осипов, *Залоговое право: учебное и практическое пособие* (2-е изд., Адилет Пресс 1999) §2. <https://prg.kz/document/?doc_id=39767737&pos=8;112> дата обращения: 1 апреля 2026 г.

[1935] С. В. Скрябин, *Вещное право* (Алматы, 2009) § 2 «Система субъективных вещных прав» <https://prg.kz/document/?doc_id=30523630&pos=7;112> дата обращения: 1 апреля 2026 г.

[1936] Бевзенко Р. С. *Вещное обеспечение: Вещное обеспечение: залог, удержание и титульные обеспечительные конструкции* (Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2022). §1.5 «Публичность вещного обеспечения и его противопоставимость третьим лицам» <https://kadis.org/images/pages/book-club/bevzenko-r-s-dissertation.pdf> Дата обращения: 1 апреля 2026 г.

[1937] Ibid 7.

удовлетворения, то есть требования последующего кредитора удовлетворяются после предшествующего[1938]. Тем не менее, одновременно с данными требованиями на залогодателя возлагаются обязанности по уведомлению каждого последующего залогодержателя сведениях обо о всех существующих обременениях заложенного имущества с ответственностью за убытки при нарушении.[1939] Вышеуказанные нормы гражданского кодекса описывают, что законодатель осведомлен об информационном риске и, следовательно, нормативно обязывает залогодателя уведомлять последующих кредиторов о предыдущих обременениях заложенного имущества. Тем не менее, данная обязанность не заменяет принцип публичности, данный механизм зависит от поведения должника. Аналогичным образом работает и правило сохранения залога при переходе права собственности к другому лицу, что усиливает важность публичности в условиях оборота движимого имущества, где третье лицо должно иметь самостоятельную возможность проверить наличие обременения.[1940]

Ключевым значением для публичности движимого имущества не территории Республики Казахстан является Закон «О регистрации залога движимого имущества». Данный закон напрямую фиксирует правовой эффект от регистрации залога на движимое имущество, а именно устанавливает очередность удовлетворения требований между кредиторами, где каждый предшествующий кредитор имеет приоритет удовлетворения требований перед последующим зарегистрированным или незарегистрированным залогодержателем имущества[1941]. Связка регистрации, очередности и приоритета позволяет реестру преобразиться из обыкновенного технического учета в частноправовой механизм, который реализует обеспечительную функцию залога.

Дополнительно можно выделить один принципиально важный элемент, а именно состав данных реестра. Закон требует, чтобы среди прочей информации была указана дата, время (в часах и минутах) регистрации залога, данные о сторонах, сведения о документе, на основании которого возникли правоотношения.[1942] Наличие указания времени до минут является существенно важным решением, что позволяет объективного устранить конфликт проверки публичного следа в виде обременения. Тем не мене, сам закон предусматривает регистрацию залога движимого имущества, который не обязателен к регистрации по требованию одной из сторон или при наличии оговорки о запрете перезалога[1943]. Безусловно, данная модель соответствует принципу гражданского права о свободе договора, которая предоставляет возможность сторонам самостоятельно определить необходимость о придании залога публичности.

Вместе с этим свобода договора ограничивается рамками отношениями и не распространяется на защиту интересов третьих лиц в гражданском обороте. В условиях, когда залог способен затрагивать интересы неопределенного круга лиц, возникает риск существования обременений, которые могут быть не обнаруженными при проверке. Исходя из данных обстоятельств возникает вопрос о достаточности договорной модели публичности для обеспечения предотвращения скрытых обременений, а также прозрачности оборота в особенности в отношении движимого имущества, которое сохраняется во владении залогодателя.

[1938] Ibid 1. ст. 311
[1939] Ibid 9.
[1940] Ibid 1. Ст. 323
[1941] Закон Республики Казахстан от 30 июня 1998 года № 254 «О регистрации залога движимого имущества». Ст. 8
[1942] Ibid12. ст. 12
[1943] Ibid 12. ст. 5

Цифровая инфраструктура публичности залога и проблемы её практической реализации

Для обеспечения реализации публичности залога в первую очередь требуется цифровая инфраструктура. На территории Республики Казахстан публичность залога реализуется через портал электронного правительства eGov.kz, который предоставляет услуги по внесению, изменению информации залогового имущества, а также поиска информации о наличии залога на движимое имущество.[1944] [1945] Результатом при оказании соответствующей услуги является предоставление сведений о наличии или отсутствии обременения в виде залога на имущество. При анализе практической реализации предоставляемых услуг можно выявить определенные ограничения. В соответствии с законом «о регистрации залога движимого имущества под движимым имуществом понимается любое не изъятое с оборота имущество, не относящаяся к недвижимости, включая транспортные средства, товары в обороте, ценные бумаги, деньги, имущественные права, в том числе право на будущую продукцию и иное имущество.[1946] Тем не мнее, исходя из самого интерфейса следует, что регистрация и поиск залога структурированы по отдельным категориям имущества, а именно автотранспорт, сельскохозяйственная техника, ценные бумаги. Фактический интерфейс, заявленный порталом электронного правительства eGov.kz не предусматривает универсальной регистрации всех видов имущества, а также его поиска. В частности, доступный интерфейс, заявленный пользователю, предполагает ограниченное количество имущество, что создает затруднение в получении полной информации об обременениях в отношение имущества, не охваченного соответствующей категории.

Данным образом, несмотря на нормативное закрепление на уровне кодекса и специальных законов возможность регистрации заложенного имущества при реализации публичности по своей сущности носит больше фрагментарный характер, а не практический. С одной стороны, законодатель создает условие для реализации универсальной публичности, однако техническая система портала электронного правительства не обеспечивает доступности к информации, а также полного охвата всего имущества. В результате формируется разрыв между практической реализацией и нормативной конструкцией публичности залога. Публичность залога в данной ситуации не достигает своей основной цели в обеспечении прозрачности обременений для участников гражданского оборота. Следовательно, ограничивается эффективность залога как обеспечительной конструкции, поскольку снижается предсказуемость правовых последствий, что усложняет оценку рисков при совершении сделок.

Сравнительно-правовой анализ моделей публичности залога движимого имущества

Сравнительно-правовой анализ имеющиеся зарубежных концепции позволят определить функциональные требования к публичности залога, выявляя элементы, без которых обеспечительная конструкция залога теряет свою эффективность в рамках оборота. В этой связи будут проанализированы модели Российской Федерации, Соединенных Штатов Америки, а также модельные акты UNCITRAL.

В Российской Федерации публичность залога движимого имущества осуществляется посредством использования механизмов по регистрации

[1944] Портал электронного правительства Республики Казахстан, *Регистрация залога движимого имущества* <https://egov.kz/cms/ru/services/pass069_mu> Дата обращения: 1 апреля 2026 г.

[1945] Портал электронного правительства Республики Казахстан, *Поиск наличия залога движимого имущества* <https://egov.kz/cms/ru/online-services/for_citizen/pass_sr19> Дата обращения: 1 апреля 2026 г.

[1946] Ibid 12. ст. 1

уведомления о залоге[1947]. В сравнении с классической регистрацией прав на заложенное имущество данный механизм выполняет функцию внешнего информирования третьих лиц о наличии обременения, а не на подтверждение действительности залога между сторонами. Преимуществом существующей концепции является наличие единого публичного реестра уведомлений, который доступен для неопределенного круга лиц, а также поиск информации осуществляется по различным индикаторам, в частности, по поиску данных должника, что обеспечивает удобство. При этом, существующая система также обеспечивает максимальный охват объектов, что допускает регистрацию любого движимого имущества без необходимости его привязки к определенным категориям.

В сравнении с действующим реестром в Республике Казахстан публичность залога реализуется через сайт электронного правительства, что также обеспечивает удобство, однако как упоминалось выше практическая реализация носит более фрагментарный характер. В частности, поиск сведений о заложенном имуществе привязан к определенным категориям, что создает затруднение к регистрации и поиска информации об обременении.

В отличие от модели Российской Федерации, которая характеризуется универсальностью и допускающая регистрацию заложенного имущества посредством описания предмета, а также обеспечивающий упрощенный поиск информации по заложенному имуществу Казахстанская модель в меньшей степени ориентирована на универсальный подход, что снижает уровень доступности информации для третьих лиц. Данным образом, действующая модель Российской Федерации демонстрирует более последовательную систему уведомительного подхода. В упомянутом подходе ключевое значение имеет доступность, универсальность и способность охватывать широкий круг объектов, когда в Республике Казахстан существующая модель, несмотря на нормативное закрепление публичности не позволяет в полной мере обеспечить эффективную реализацию публичности с точки зрения практической доступности к информации.

Наиболее последовательно реализован уведомительный подход в праве Соединенных Штатов Америки в рамках системы обеспечительных интересов, который закреплен в Uniform Commercial Code Article 9.[1948] В указанной модели публичность залога обеспечивается путем подачи уведомлении о финансировании (financing statement)[1949], которая направлена в первую очередь на выполнение функции уведомления третьих лиц о возможности наличия обременения. Регистрационный орган осуществляет регистрацию факта подачи, что обеспечивает доступность информации.[1950] При сравнении с системой Казахстана в концепции Соединенных Штатов Америки позволяется указание предмета обеспечения в описательной форме, что позволяет обеспечить максимальный охват объектов. Одним из существенных элементов модели является принцип определения преимущественного права требования кредиторов по принципу «first made first perfected»[1951], согласно которому первый кредитор, обеспечивший публичность получает право преимущественного требования. Данная концепция формирует правовую предсказуемость и систему распределения рисков.

[1947] Федеральная нотариальная палата Российской Федерации, *Реестр уведомлений о залоге движимого имущества* <https://www.reestr-zalogov.ru/search/index> дата обращения: 1 апреля 2026 г.

[1948] Uniform Commercial Code, *Article 9 - Secured Transactions* <https://www.law.cornell.edu/ucc/9> Дата обращения: 1 апреля 2026 г.

[1949]Cornell Law School, *UCC Financing Statement (Wex Legal Dictionary)* <https://www.law.cornell.edu/wex/ucc_financing_statement> Дата обращения: 1 апреля 2026 г.

[1950] Ibid 20.

[1951] Ibid 20. § 9–322

Аналогичный подход закреплен в типовом законе ЮНСИТРАЛ об обеспеченных сделках.[1952] При сравнении классических конструкций в континентальном праве, данный типовой закон исходит из функционального подхода, который в свою очередь имеет основополагающие значение на экономической функции обеспечения исполнения обязательства, а не на юридической форме сделки. При данных обстоятельствах обеспечительное право рассматривается как универсальная категория, которая по своей сущности охватывает любые обеспечительные конструкции, которые направлены на обеспечение исполнение обязательств, а также могут быть использованы вне зависимости от правовой природы и наименования.[1953]

Можно выделить, что особое значение в модели ЮНСИТРАЛ придается публичности обеспечительного права в отношении третьих лиц. Типовой закон предусматривает, что обеспечение исполнения обязательства приобретает силу посредством регистрации уведомления в реестре, либо при альтернативных способах контроля виде владения[1954]. Данным образом по аналогии с моделью Российской Федерацией и Соединенных Штатаов Америки регистрация носит исключительно уведомительный характер, иными словами, в реестр вносится информация о существовании обеспечительного права. Упомянутая конструкция существенно снижает транзакционные издержки, обеспечивает гибкость оборота, а также не требует категоризации имущества, как в Казахстанской модели. В дополнение типовой закон закрепляет принцип приоритета, который основывается на времени придания публичности, что обеспечивает правовую предсказуемость и определенность между конкурирующими кредиторами. [1955]

Вышеупомянутых моделях публичность является основным элементом для обеспечительной конструкции и обеспечивает справедливый баланс интересов кредиторов, должников и третьих лиц, а также не выступает формальной процедурой.

Направления совершенствования механизма публичности залога движимого имущества

На основе настоящей статьи представляется возможным предложить изменения в существующем механизме публичного реестра Казахстана, который позволит в значительной степени улучшить механизм публичности залога движимого имущества.

Во-первых, требуется изменить существующий реестр залогового имущества, который обеспечит централизованный учет всех видов движимых активов без деления на определенные категории. Унификация действующего реестра позволит устранить разрозненность и обеспечит полноценную доступность информации для участников гражданского оборота.

Во-вторых, целесообразно изменение модели регистрации залогового имущества, который предполагает переход к уведомительному характеру регистрации. При данных обстоятельствах в реестр будет вноситься информация о наличии обременения на имущества, а не сама сделка, данная информация будет достаточна для информирования третьих лиц. Одновременно с данным изменением необходимо обеспечить универсальность доступа к информации, включая поиск обременения по данным должника. Подобная концепция используется в зарубежных правопорядках, что позволяет снизить транзакционные издержки и повысить гибкость оборота.

[1952] ЮНСИТРАЛ, *Типовой закон об обеспеченных сделках* (Организация Объединённых Наций 2019). <https://uncitral.un.org/ru/texts/securityinterests/modellaw/secured_transactions> Дата обращения: 1 Апреля 2026 г.

[1953] Ibid 23.

[1954] Ibid 23. Глава IV, Ст. 7–8

[1955] Ibid 23. Глава V.

Заключение

В заключение хотелось бы отметить, что публичность залога движимого имущества является одним из основных элементов для обеспечительной конструкции залога. Публичность залога обеспечивает эффективное функционирование в условиях гражданского оборота. Несмотря на дискуссии о природе залога об отнесении его к вещным правам или к способу обеспечения обязательств залог по своей природе и функциональном назначении выходит за рамки обязательственных отношений между кредитором и должником.

Залог, по своему существу затрагивает также интересы неопределенного круга лиц, что проявляется в способности следования за вещью, а также выступать в конкуренцию с правами иных субъектов, а именно последующих кредиторов и приобретателей имущества. В данных условиях публичность залога как обеспечительной конструкции имеет существенное значение необходимого для реализации обеспечительной функции, в связи с тем, что данный принцип предоставляет возможность выявить обременения третьим лицам, а также позволяет формировать предсказуемость при распределении приоритетности.

Анализ действующего законодательства показывает наличие нормативных предпосылок для реализации принципа публичности залога. Законодатель связывает регистрацию залога с приоритетностью между кредиторами и закрепляет правовые последствия для конкуренции требований на имущество. Тем не менее, действующая модель публичности залога имеет несистемный характер, который зависит от поведения сторон, что снижает уровень защиты третьих лиц. Одна из немаловажных проблем связывается с отсутствием единого реестра в силу ограниченности цифровой инфраструктуры, а также затруднительным способом поиска информации об обременении имущества.

Сравнительно-правовой анализ указывает, что зарубежные правопорядки имеют иную концепцию для реализации принципа публичности, основанные на уведомительной модели. В зарубежных моделях ключевое значение имеет не регистрация самой сделки, а обеспечение доступности или отсутствия информации о наличии обременения. В дополнение зарубежные модели имеют универсальность, которая позволяет облегчить поиск обременений по различным критериям, как данные должника, а также создает возможность максимального охвата объектов. Данная система создает предсказуемую и устойчивую систему распределения рисков между участниками оборота. В сравнении с зарубежными моделями казахстанская модель несмотря на формальное закрепление механизмов, обеспечивающих публичность залога не в полной мере, приводит к результату достижения основной цели, а именно прозрачности обременений, предсказуемость правовых последствий. В результате существующая модель публичности залога не в полной мере выполняет функцию предотвращение скрытых обременений, а также не обеспечивает требуемый уровень защиты третьих лиц

Данным образом публичность залога не должна рассматриваться исключительно как вспомогательный элемент. Публичность залога должна рассматриваться как структурный и необходимый компонент.

Список литературы:

Нормативно правовые акты:

1. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 года № 268-XIII <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000 >

2. Закон Республики Казахстан от 30 июня 1998 года № 254 «О регистрации залога движимого имущества» <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z980000254 >

Международные акты:

3. Комиссия ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ), Типовой закон об обеспеченных сделках (2019) <https://uncitral.un.org/ru/texts/securityinterests/modellaw/secured_transactions> (дата обращения: 1 апреля 2026 г.)

4. Uniform Commercial Code, Article 9 - Secured Transactions <https://www.law.cornell.edu/ucc/9> (дата обращения: 1 апреля 2026 г.)

Книги:

5. Сулейменов М. К., Осипов Е. Б., *Залоговое право: учебное и практическое пособие* (2-е изд., Адилет Пресс, 1999) <https://prg.kz/document/?doc_id=39767737&pos=8;111> (дата обращения: 1 апреля 2026 г.)

6. Скрябин С. В., *Вещное право* (Алматы, 2009). <https://prg.kz/document/?doc_id=30523630&pos=7;112> (дата обращения: 1 апреля 2026 г.)

Статьи и научные работы:

7. Скрябин С. В., «Залог и удержание как способы обеспечения исполнения обязательства: общие и особенные черты» (2014) Параграф. <https://prg.kz/document/?doc_id=31518801&pos=11;46 > (дата обращения: 1 апреля 2026 г.)

8. Бевзенко Р. С., *Вещное обеспечение: залог, удержание и титульные обеспечительные конструкции* (диссертация, 2022). дата обращения: 1 апреля 2026 г. <https://kadis.org/images/pages/book-club/bevzenko-r-s-dissertation.pdf> (дата обращения: 1 апреля 2026 г.)

Иные источники:

9. Cornell Law School, «UCC Financing Statement» <https://www.law.cornell.edu/wex/ucc_financing_statement> (дата обращения: 1 апреля 2026 г.).

10. Федеральная нотариальная палата Российской Федерации, «Реестр уведомлений о залоге движимого имущества» <https://www.reestr-zalogov.ru/search/index> (дата обращения: 2 апреля 2026 г.).

11. Портал электронного правительства Республики Казахстан, «Регистрация залога движимого имущества» <https://egov.kz/cms/ru/services/pass069_mu> (дата обращения: 1 апреля 2026 г.).

12. Портал электронного правительства Республики Казахстан, «Поиск наличия залога движимого имущества» <https://egov.kz/cms/ru/online-services/for_citizen/pass_sr19> (дата обращения: 1 апреля 2026 г.).

13. Президент Республики Казахстан, «Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана» (2025) <https://www.akorda.kz> (дата обращения: 23 марта 2026 г.).

Батраханов Арман Аблайханович
Институт законодательства и правовой информации
Астана қ., Қазақстан Республикасы
E-mail: abatrykhanov@bk.ru

ОБРАЗЦОВОЕ РЕШЕНИЕ ГЕНЕЗИС И ПОТЕНЦИАЛ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ИНСТИТУТА

Аннотация: В данной научной работе рассматривается образцовое решение как процессуальный институт. Интерес обусловлен относительно малым количеством научных работ посвященной данной теме. Тем интереснее разобраться в данной проблематике, и наметить пути изучения заявленных вопросов. Предпринята попытка раскрыть потенциал процессуального института в национальной правовой системе. В работе анализируется зарубежный опыт близких Казахстану юрисдикций. Сравнительно-правовая методология направлена на обеспечение, все стороннего потенциала правового института. Предлагается один из альтернативных вариантов интеграции образцового решения в национальную правовую систему. На основе анализа, предлагается теоретическая аргументация заявленной позиции.

Ключевые слова: решение, усмотрение, потенциал, унификация, процессуальный институт, судопроизводство, кассация, судебные акты, реформа, системность.

Аңдатпа: Осы ғылыми жұмыста үлгілік шешім процестік институт ретінде қарастырылады. Бұл тақырыпқа қызығушылық оған арналған ғылыми еңбектердің салыстырмалы түрде аздығымен негізделген. Сол себепті аталған проблеманы түсініп, мәлімделген мәселелерді зерттеу жолдарын белгілеу ерекше қызығушылық тудырады. Ұлттық құқықтық жүйедегі процестік институттың әлеуетін ашуға талпыныс жасалды. Жұмыста Қазақстанға жақын юрисдикциялардың шетелдік тәжірибесі талданады. Салыстырмалы-құқықтық әдіснама құқықтық институттың жан-жақты әлеуетін қамтамасыз етуге бағытталған. Үлгілік шешімді ұлттық құқықтық жүйеге интеграциялаудың баламалы нұсқаларының бірі ұсынылады. Талдау негізінде мәлімделген ұстанымның теориялық дәйектемесі (аргументациясы) ұсынылған.

Түйінді сөздер: шешім, қалау (дискреция), әлеует, біріздендіру, процестік институт, сот ісін жүргізу, кассация, сот актілері, реформа, жүйелілік.

Abstract: This scientific work examines the exemplary decision as a procedural institution. The interest is driven by the relatively small number of scientific works devoted to this topic. This makes it all the more interesting to delve into this issue and outline ways to study the stated questions. An attempt is made to reveal the potential of the procedural institution within the national legal system. The paper analyzes the foreign experience of jurisdictions close to Kazakhstan. The comparative legal methodology is aimed at ensuring the comprehensive potential of the legal institution. One of the alternative options for integrating the exemplary decision into the national legal system is proposed. Based on the analysis, a theoretical argumentation of the stated position is provided.

Keywords: decision, discretion, potential, unification, procedural institution, judicial proceedings, cassation, judicial acts, reform, consistency.

Введение

Динамичное изменения законодательства Республики Казахстан, требует теоретико-доктринального осмысления. Это обусловлено, потребностью выработки научных подходов и парадигм, а также, для изучение и объяснение закономерностей и социальной необходимости правовых реформ. В настоящей статье, предлагается

рассмотреть ,,образцовое решение'' в качестве как процессуального института во взаимосвязи со всей системой гражданско-процессуального права. Только в таком контексте, мы сможем увидеть и раскрыть весь потенциал заявленного процессуального института. Это в свою очередь, позволит повысить качества реализации права на судебную защиту для каждого. Ведь развитие того или иного процессуального института, его совершенствование направлено на эффективную защиту прав, свобод и защиту интересов гражданина и человека. В этой связи, стоит согласиться с позицией КС РК. Конституционный Суд в своем нормативном постановление от 16 мая 2023 года № 13-НП отмечал, что конкретные правовые механизмы, которые позволяют эффективно защищать конституционно значимые ценности посредством правосудия, регулируются законами Республики Казахстан. В настоящей работе, стоит рассмотреть один из подобных механизмов, а именно ,,образцовое решение''.

Основная часть

В 2021 году в ГПК РК появилась норма, дающие права вышестоящим судами истребовать дела, и рассмотреть его по правилам первой инстанции. Решение вынесенное в рамках разрешение данного спора, может служить примером для нижестоящих судов. Изменения в ч. 5-1 ст. 226 ГПК РК предусматривают право суда «ссылаться на правовые позиции суда вышестоящей инстанции, изложенные в решении при рассмотрении однородных дел». НП ВС РК от 11 июля 2003 года N 5 также говорит, о том что решение, вынесенное по одному из однородных дел, может быть использовано судами согласно части 5-1 статьи 226 ГПК РК. После создание в Казахстане Кассационных судов, ст.27-2 регламентирует, что кассационный суд может с согласия сторон истребовать, принять в свое производство, рассмотреть и разрешить по правилам суда первой инстанции одно из однородных дел, находящихся в производстве районных (городских), областных и приравненных к ним судов. Однако правовая позиция вышестоящего суда, не является обязательным для остальных судов. В этой связи, возникает ряд вопросов требующие анализа, в рамках системы гражданского правосудия. А именно, во первых, обеспечивает ли, образцовое решение, единообразие применение норм материального и процессуального права. Во-вторых, не нарушает ли данный институт, инстанционный порядок рассмотрение споров. В-третьих, стоит определить законодательные пределы обеспечение единообразия судебной практики.

Для начала стоит определить цели и задачи внедрение нового процессуального института. Стоит заметить, что любая законодательная новелла, обусловлена потребностью заинтересованных субъектов, регламентации общественных отношений. Профессор З.Х.Баймолдина отмечает, что цель введения нового института – обеспечение единообразия в применении норм права. Фактически усиливается роль судов вышестоящего уровня в формировании единой судебной практики[1956]. Профессор А.Г.Диденко, предлагал укоренении в судебную деятельность понятия «ульге». В переводе үлгі означает «образец»[1957]. На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что по средствам ,,образцового решения'' государство хотела достигнуть единообразия применения норм материального и процессуального права на всей территории Республики Казахстан. В этой связи стоит высказать скептическое мнение, относительно того, что решение областных и приравненных к ним судов могут быть образцов. На сегодняшний день, в нашей стране

[1956] Баймолдина ЗХ, 'Гражданское судопроизводство в Республике Казахстан: новеллы и тенденции' [2023] (3) Правовое государство: теория и практика 149.

[1957] Диденко АГ, 'Ульге - один из путей укрепления судебной власти' (ИС Параграф) дата обращения: 14 июня 2026.

20 административно-территориальных единиц: 17 областей и 3 города республиканского значения. Возможно предположить, что по одной и той же категории дел, двадцать судов второй инстанции вынесут разные (а может даже, противоречащие друг-другу) правовые позиции. При таком положении дел, представляется весьма сомнительным достижение единообразного применения норм материального и процессуального права. Богатое разнообразие материальных фактических составов и процессуальных юридических фактов, анализ споров из всех судов республики также позволит более эффективно унифицировать процесс применение норм права. В этой связи стоит согласиться с позицией профессора М.К.Сулейменова, что необходимо стремиться к тому, чтобы постановления Верховного Суда по конкретным делам постепенно стали образцово-показательными судебными решениями, которые применялись бы всеми судами Казахстана при рассмотрении однотипных дел. В реалиях действующего правового регулирования, как было отмечено ранее в работе, данную функцию следовало бы возложить на кассационный суд. Можно заметить, что в доктрине предлагаются разные модели повышение статуса судебной практики, с целью эффективного использование ее потенциала. Профессор В.В.Ярков считает, что потребуется много времени для полного раскрытия потенциала судебной практики[1958].

Гражданский кодекс Республики Казахстан, предусматривает применения права и закона по аналогии. По смыслу закона, аналогия допустима в случаях прямо не урегулированный законодательством. При аналогии закона, применяются нормы действующего законодательства, регулирующие схожие правоотношения. Например, если у суда возникла неопределённость при разрешение спора вытекающие из договора субаренды, он может применить те или иные нормы права, которые применял при разрешение споров из договора аренды. Это обусловлено схожестью содержание правоотношений проистикаемых из этих договоров. Гражданский Кодекс Республики Казахстан допускает применение норм права по аналогии. Так п.2 ст.5 ГК РК говорит, что при невозможности использования в указанных случаях аналогии закона права и обязанности сторон определяются, исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства и требований добросовестности, разумности и справедливости (аналогия права). В данной группе правоотношений возможно использовать неисчерпаемый потенциал образцовых решений. Многообразие казусов в реальной жизни, затрудняет унифицировать и привести к единообразию применение норм по аналогии. Масса оценочных понятий, объективно может привести к разнообразному(и не всегда верному) толкованию норм права. В данном случае, именно образцовое решение, может служить эталоном правильного применение норм права.

В рамках настоящей статьи, считаем уместным остановиться на возможном пути взаимодействия оценочных понятий и образцового решения. Профессор С. С. Алексеев обращал внимание, что оценочные понятия «ориентированы на то, чтобы судебные органы конкретно, с учетом особенностей той или иной ситуации оценили фактическую обстановку и конкретизировали общую формулу закона»[1959]. В данном контексте именно образцовое решение может раскрыть суть оценочных понятий. Например, при рассмотрение споров из деликтных правоотношений, кассационная инстанция в образцовых решениях может раскрыть меру добросовестного поведения субъекта правоотношений. Тем самым нижестоящие суды будут видеть развернуты и аргументированный ответ на то как и при каких обстоятельствах стоит применять

[1958] Ярков ВВ, 'Определение статуса судебной практики в России' [2007] (1) Вестник Федерального арбитражного суда Уральского округа 95.
[1959] Алексеев СС, Право: азбука - теория - философия: опыт комплексного исследования (Норма 1999), 115.

нормы права. Иными словами, образцовые решения могут раскрывать минимальные стандарты доказывания, по отдельным категориям споров. Суды первой инстанции могут видеть на какие обстоятельства стоит обратить внимания, при рассмотрение тех или иных споров.

С другой стороны, споры на всей территории Республики Казахстан будут рассматриваться ориентируясь на правовые позиции одной судебной инстанции. В этой связи, осмелимся высказать альтернативный порядок вынесение образцовых решений. На наш взгляд, образцовым решением нужно считать исключительно судебные акты Кассационного суда. При этом суды должный ориентироваться на правовые позиции Республики Казахстан Кассационного суда по конкретной категории дел. Так как, итоговой инстанцией пересматривающие судебные акты, будет Кассационный Суд Республики Казахстан. В данном контексте, интерес вызывает опыт Турецкой Республики. Так ГПК Турции, прямо указывают обязанность нижестоящих судов, рассматривать дело в соответствие с правовой позицией высших судебных инстанции. 15-я Гражданская палата Кассационного суда Турецкой Республики в своем акте отметила, что для местного суда возникает обязанность действовать в соответствии с указаниями Кассационного суда, даже если нет явного законодательного положения о праве на процессуальное приобретение[1960]. Как свидетельствует зарубежный опыт, возложение функции обеспечение единообразие судебной практики на суды кассационной инстанции, позволяет более эффективнее добиться единообразия судебной практики в масштабах страны. С другой стороны, из-за соблюдение инстанционного порядка движения и рассмотрения дела, возможно в полной мере исчерпать все средства правовой защиты в рамках национальной гражданской юрисдикции. Как известно, позитивный зарубежный опыт зачастую может служить источником позитивных идее. Le Paulle отмечал, «Какая система лучше? Этот вопрос не имеет смысла: не существует наилучшей системы гражданского процесса— все системы хороши, когда они соответствуют психологии и духу права, которое они применяют»[1961]. Резюмируя, хотелось бы высказать предложение об имплементации опыта Турецкой Республики в нашу правовую систему. Как представляется, данный подход правового регулирования, один из самых близких нашей правовой системы.

Другим не мало важным вопросом в данном аспекте, является соблюдение инстанционного порядка. В действующем правовом регулирование(как было отмечено ранее) для вынесение «образцового решения», дело истребуется вышестоящей инстанцией из нижестоящего суда. Как представляется, данный подход нарушает инстанционный порядок рассмотрение дел. Во-первых, по смыслу закона не совсем понятно, какой суд будет выступать в качестве апелляционной инстанцией, для судов вынесшие образцовое решение, рассмотрев дело по первой инстанции. Профессор К. И. Комиссаров считал, что по общему правилу такое движение должно быть последовательно восходящим, т. е. после нижестоящей надзорной инстанции допускается принесение протеста в ближайшую вышестоящую[1962]. Другой представитель уральской процессуальной школы профессор И. В. Решетникова пришла к выводу о возникновении новой «концепции последовательного

[1960] Решение Кассационного суда 15-й инстанции E 2019/3316 K 2020/2371 (Турция, 10 сентября 2020) (пер Д Потапенко) https://pravo.hse.ru/data/2024/01/25/2089458471/%D0%92%D0%A1%20%D0%A2%D1%83%D1%80%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D1%80%D1%83%D1%81.pdf дата обращения: 14 июня 2026.

[1961] Le Paulle P, 'Study in Comparative Civil Procedure' (1926–1927) 12 Cornell Law Quarterly 48.

[1962] Комиссаров КИ, 'Глава XXIII' in Осипов ЮК (ed), Гражданский процесс: учебник для вузов (1995) 374.

обжалования»[1963]. Последовательное обжалование судебного акта, по восходящему принципу на наш взгляд, раскрывает признак системности гражданской юрисдикции. Где все элементы взаимообусловленный, и имеет внутреннею взаимосвязанность. Тогда как в случае, истребования дела областным (или приравненным к нему судом), на наш взгляд апелляция как стадия обжалования судебного акта, выпадает из стадии движения дела. В данном случае, право на судебную защиту будет реализовано в полной мере. Это обусловлено следующими обстоятельствам, что у судебного решения есть возможность быть пересмотренным во всех инстанциях предусмотренных законом. В действующем же ГПК РК, а также нормативных постановлениях Верховного Суда отсутствует ответ на этот вопрос. Как представляется, данное положение порождает правовую не определенность в действующей системе права Республике Казахстан. Стоит согласится с мнение профессора Абиловой М.Н., что каждая модель реализации судебного усмотрения является неотъемлемым элементом правовой системы и требует комплексности в применении[1964].

Заключение

Изложенное в настоящей работе, свидетельствует о высоком потенциале правового института. В условиях реформ судебной системы и гражданско-процессуального законодательства, институт ,,образцового решения'' может с играть ключевую роль в укрепление единообразие применение норм права. Единообразие в свою очередь, поможет укрепить верховенства права. А реформирование судоустройство и судопроизводства, с целью обеспечение инстанционного порядка обжалования судебных актов Дальнейшие исследования заявленной проблематики в гражданском процессуальном праве Казахстана позволят наметить перспективы исследования и предложить пути устранения пробелов в действующем законодательстве.

Список литературы:

1. Баймолдина ЗХ, 'Гражданское судопроизводство в Республике Казахстан: новеллы и тенденции' [2023] (3) Правовое государство: теория и практика 149.

2. Тукулов Б, 'Досудебный протокол, экстерриториальная подсудность, образцовое решение и другие новшества ГПК' (ИС Параграф) accessed 14 июня 2026

3. Диденко АГ, 'Ульге - один из путей укрепления судебной власти' (ИС Параграф) дата обращения 14 июня 2026.

4. Le Paulle P, 'Study in Comparative Civil Procedure' (1926–1927) 12 Cornell Law Quarterly 48.

5. Комиссаров КИ, 'Глава XXIII' in Осипов ЮК (ed), Гражданский процесс: учебник для вузов (1995) 374.

6. Решетникова ИВ, 'Концепции последовательного обжалования и концентрации исполнения судебных актов в арбитражном процессе России' [2012] (4) Закон 116.

7. Решение Кассационного суда 15-й инстанции E 2019/3316 K 2020/2371 (Турция, 10 сентября 2020) (пер Д Потапенко) [https://pravo.hse.ru/data/2024/01/25/2089458471/%D0%92%D0%A1%20%D0%A2%D1%83%D1%80%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D1%80%D1%83%D1%81.pdf](https://pravo.hse.ru/data/2024/01/25/2089458471/%D0%92%D0%A1%20%D0%A2%D1%83%D1%

[1963] Решетникова ИВ, 'Концепции последовательного обжалования и концентрации исполнения судебных актов в арбитражном процессе России' [2012] (4) Закон 116.

[1964] Абилова МН and Консуова ВТ, 'Концептуальный подход к вопросу о расширении судебного усмотрения в Казахстане в аспекте соотношения с судебным прецедентом' [2018] (4) Вестник Института законодательства РК 65.

80%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D1%80%D1%83%D1%81.pdf) дата обращения 14 июня 2026.

8. Сулейменов МК, 'Перспективы внедрения судебного прецедента в правовую систему Казахстана' (ИС Параграф) дата обращения 14 июня 2026.

9. Ярков ВВ, 'Определение статуса судебной практики в России' [2007] (1) Вестник Федерального арбитражного суда Уральского округа 95.

10. Абилова МН and Консуова ВТ, 'Концептуальный подход к вопросу о расширении судебного усмотрения в Казахстане в аспекте соотношения с судебным прецедентом' [2018] (4) Вестник Института законодательства РК 65.

11. Алексеев СС, Право: азбука - теория - философия: опыт комплексного исследования (Норма 1999).

Гизетдинова Ляйсан Рамилевна
Студент
ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирясова (ИЭУП)»
г. Казань, Россия
Email: lyaysan373@mail.ru

АНТИМОНОПОЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ: ПРОБЛЕМЫ ДОМИНИРУЮЩЕГО ПОЛОЖЕНИЯ

Аннотация: В представленной статье рассматривается антимонопольное регулирование цифровых платформ через призму проблем доминирующего положения. На сегодняшний день цифровые платформы стали неотъемлемой частью современной экономики и общественной жизни, так как с их помощью предоставляются определенные товары или услуги. Одновременно с этим, крупные цифровые платформы достаточно часто злоупотребляют доминирующим положением на рынке, чему и противодействует антимонопольное регулирование. В Российской Федерации правовое регулирование цифровых платформ с принятием «пятого антимонопольного пакета» и Федерального закона № 289-ФЗ (вступает в силу с 1 октября 2026 г.), установившего правила их функционирования, тогда как в странах ЕС - с принятием Акта о цифровых рынках. В связи с этим, в статье оценивается мировой опыт в указанном направлении и определяются основные тенденции в таковом. Формулируется вывод об отсутствии единства практики по таким делам, но наличии устойчивости и необходимости дальнейшего развития. В качестве цели выступило проведение анализа антимонопольного регулирования в отношении цифровых платформ в части недопущения злоупотребления цифровой платформой доминирующим положением. Методы: анализ, синтез и формально-юридический метод. Научная новизна исследования состоит в том, что оно основано на новом законодательстве и практике.

Ключевые слова: антимонопольное регулирование, ФАС России, цифровая платформа, злоупотребление доминирующим положением, Акт о цифровых рынках, «пятый антимонопольный пакет», Регламент ЕС, защита конкуренции, цифровая экономика, свободный доступ на рынок.

Аңдатпа: Ұсынылған мақалада цифрлық платформаларды монополияға қарсы реттеу үстем жағдай проблемаларының призмасы арқылы қарастырылады. Бүгінгі таңда цифрлық платформалар заманауи экономика мен қоғамдық өмірдің ажырамас бөлігіне айналды, өйткені олардың көмегімен белгілі бір тауарлар немесе қызметтер ұсынылады. Сонымен қатар, ірі цифрлық платформалар нарықтағы үстем жағдайын жиі асыра пайдаланады, ал монополияға қарсы реттеу бұған қарсы тұрады. Ресей Федерациясында цифрлық платформаларды құқықтық реттеу олардың жұмыс істеу қағидаларын белгілеген «бесінші монополияға қарсы топтаманың» және № 289-ФЗ Федералдық заңының (2026 жылғы 1 қазаннан бастап күшіне енеді) қабылдануымен, ал ЕО елдерінде – Цифрлық нарықтар туралы актінің қабылдануымен жүзеге асырылады. Осыған байланысты мақалада аталған бағыттағы әлемдік тәжірибе бағаланады және ондағы негізгі тенденциялар айқындалады. Мұндай істер бойынша практиканың біркелкілігі жоқ екендігі, бірақ тұрақтылықтың бар екені және одан әрі дамыту қажеттілігі туралы қорытынды жасалады. Зерттеудің мақсаты ретінде цифрлық платформаның үстем жағдайды асыра пайдалануына жол бермеу бөлігінде цифрлық платформаларға қатысты монополияға қарсы реттеуге талдау жүргізу белгіленді.

Әдістер: талдау, синтез және формальды-заңдық әдіс. Зерттеудің ғылыми жаңалығы оның жаңа заңнама мен практикаға негізделгендігінде.
Түйінді сөздер: монополияға қарсы реттеу, Ресейдің МҚФҚ (Монополияға қарсы федералдық қызметі), цифрлық платформа, үстем жағдайды асыра пайдалану, Цифрлық нарықтар туралы акт, «бесінші монополияға қарсы топтама», ЕО регламенті, бәсекелестікті қорғау, цифрлық экономика, нарыққа еркін кіру.

Abstract: The presented article examines the antitrust regulation of digital platforms through the prism of dominant position issues. Today, digital platforms have become an integral part of the modern economy and public life, as they facilitate the provision of certain goods or services. At the same time, large digital platforms quite often abuse their dominant position in the market, which is counteracted by antitrust regulation. In the Russian Federation, the legal regulation of digital platforms is carried out with the adoption of the "fifth antimonopoly package" and Federal Law No. 289-FZ (effective from October 1, 2026), which established the rules for their functioning, whereas in EU countries, it is carried out with the adoption of the Digital Markets Act. In this regard, the article evaluates the global experience in this direction and identifies its main trends. A conclusion is formulated regarding the lack of uniform practice in such cases, yet the presence of stability and the need for further development. The aim of the study was to analyze antitrust regulation regarding digital platforms in terms of preventing the abuse of a dominant position by a digital platform. Methods: analysis, synthesis, and formal legal method. The scientific novelty of the research lies in the fact that it is based on new legislation and practice.
Keywords: antitrust regulation, FAS Russia, digital platform, abuse of dominant position, Digital Markets Act, "fifth antimonopoly package", EU Regulation, protection of competition, digital economy, free market access.

Введение

На современном этапе антимонопольное регулирование цифровых платформ стоит рассматривать через призму процесса, направленного преимущественно на то, чтобы устранить неправомерные практики тех платформ, которые занимают на рынке доминирующее положение. Это в полной мере относится и к экосистемам, которые также могут весьма существенно ограничивать конкуренцию на цифровых рынках. На основании этого можно заключить, что в качестве цели регулирования подобного рода выступает защита интересов пользователей и предотвращение злоупотреблений доминирующим положением на рынке со стороны той или же иной платформы. Стоит отметить, что понимать под цифровой платформой стоит сайты, онлайн-сервисы и приложения, через которые пользователи могут оказывать услуги, обмениваться информацией или, например, общаться. На территории Российской Федерации таких цифровых платформ множество, например, это сервисы доставки («Яндекс»), маркетплейсы («Ozon»), онлайн-площадки услуг («Авито») и сервисы бронирования («Суточно.ру»).

Основная часть

На территории России в качестве основного нормативного акта в этой сфере выступает Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 № 135-ФЗ. Особой значимостью обладают правки в данный закон, которые внесены Федеральным законом от 10 июля 2023 г. № 301-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и которые образовали так называемый «пятый антимонопольный пакет». Связано это с тем, что данные изменения позволили на законодательном уровне закрепить определения таких понятий, как «сетевой

эффект» и «цифровая платформа»[1965]. О том, что законодательное регулирование таких понятий является объективной необходимостью, неоднократно подчеркивалось многими исследователями.

Суть антимонопольного регулирования цифровых платформ в Российской Федерации усматривается в применении соответствующих механизмов. Одним из них является то, что проводится анализ состояния конкуренции на рынке, в котором те или иные сделки осуществляются через определенные платформы. Так, антимонопольный орган (ФАС России) выявляет наличие сетевых эффектов и определяет то, есть ли у владельцев платформы возможности в сфере оказания влияния на условия обращения товара на рынке, затруднять доступ к рынку конкурентов или устранять конкурентов соответственно. Стоит отметить, что сетевые эффекты разделяются на прямые (чем больше пользователей, тем ценнее сервис) и косвенные (чем больше продавцов, тем больший интерес сервис представляет для покупателей). Также на территории Российской Федерации законодательно регламентирован запрет на злоупотребление доминирующим положением на рынке, который распространяется на все цифровые платформы. Этот запрет действует в тех ситуациях, когда одновременно выполняются следующие условия: наличие сетевого эффекта, доля сделок, которые совершаются покупателями и продавцами с помощью цифровой платформы превышает 35 % от общего объема сделок на рынке (в стоимостном выражении) и выручка такого хозяйствующего субъекта более 2 млрд. рублей за последний календарный год. К механизмам антимонопольного регулирования в указанной сфере также можно отнести расширение института экспертизы. Например, есть возможность назначить экспертное исследование в рамках государственного контроля за экономической концентрацией. Более того, в настоящее время необходимо согласовывать с ФАС России сделки экономической концентрации, если цена сделки превышает 7 млрд. рублей.

В Российской Федерации планомерно формируется практика, связанная с мерами по антимонопольному регулированию цифровых платформ. Например, в 2025 г. ФАС России вынесла предупреждение Wildberries и Ozon, так как усмотрело в поведении данных маркетплейсов признаки злоупотребления ими своим доминирующим положением на рынке, что было выражено в виде навязывания ряда невыгодных условий. В частности, оба маркетплейса могли устроить распродажу тех или иных товаров, снизив цену и не предупредив об этом продавцов. Из-за этого продавцы утратили возможность самостоятельно устанавливать цену на свой товар, а также самостоятельно ею управлять, что привело к неизбежным убыткам. После данного предупреждения маркетплейсы стали включать товары в распродажи только после получения подтверждения от продавца[1966]. Ранее, в 2023 году, ФАС России признала сервис «Яндекс Такси», доминирующим на всей территории страны и уже в 2024 г. потребовала снизить плату, которая взымалась с перевозчиков, раскрыть алгоритм ценообразования и прописать основания для блокировки пассажиров, а также водителей. Стоит отметить, что данные меры, принятые ФАС России, показали свою эффективность, так как все требования сервис выполнил в полном объеме[1967].

[1965] Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред.31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31. Ст. 3434.

[1966] 4 февраля 2025 года Федеральная антимонопольная служба (ФАС) России вынесла предупреждения Wildberries и Ozon [Электронный ресурс] URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2025/02/04/1090197-fas-obyazala-skidki> (дата обращения: 23.03.2026).

[1967] 4 февраля 2025 года Федеральная антимонопольная служба (ФАС) России вынесла предупреждения Wildberries и Ozon [Электронный ресурс] URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2025/02/04/1090197-fas-obyazala-skidki> (дата обращения: 23.03.2026).

Таким образом, злоупотребления доминирующим положением на рынке не является на сегодняшний день какой-либо редкостью, что предопределяет актуальность, равно как значимость антимонопольного регулирования данной сферы. Интерес также представляет и дело, в котором ФАС России отказало сервису «Авито» в покупке сервиса «ЦИАН», так как ведомство вполне справедливо предположило, что такое объединение образует собой образование доминирующего субъекта на рынке и эти компании займут боле 50 % рынка, что неизбежно приведет к повышению цен за услуги, в том числе, для потребителей, которые захотят разместить на сайте объявление о продаже или аренде недвижимости[1968]. В том случае, когда поглощения такого рода не пресекаются, цифровые платформы образуют экосистемы, сущность которых в том, что платформа выходит за рамки только одного рынка и оценка доминирования в данном случае весьма затрудняется.

Таким образом, в Российской Федерации вводится запрет на монополистическую деятельность цифровых платформ и его реализация будет более эффективной после вступления в законную силу Федерального закона от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», так как в законе прописан широкий спектр обязанностей операторов цифровых платформ (прозрачность алгоритмов, недискриминационный доступ), определен статус «партнера-исполнителя» (самозанятые, ИП) и защита от навязывания условий и ответственность за нарушения правил конкуренции (штрафы, предписания)[1969].

В этом аспекте определенный исследовательский интерес представляет зарубежный опыт в рассматриваемой сфере, в частности, опыт антимонопольного регулирования цифровых платформ в Европейском Союзе (ЕС). Значимостью для данных правоотношений обладает в этом аспекте Регламент ЕС 2022/1925 о цифровых рынках (Digital Markets Act, DMA), основной целью которого выступила борьба с различными антиконкурентными действиями операторов весьма крупных цифровых платформ. Стоит отметить, что примерами таких платформ выступают Google и Amazon[1970].

Системный анализ положений данного Регламента показывает, что ключевые цифровые платформы должны выполнять установленные обязательства, а также основные требования, которые во многом направлены на обеспечение честной конкуренции и на недопущение злоупотребления доминирующим положением на рынке. В данном регламенте прописано десять ключевых услуг, которые охвачены нормами данного документа, а также установлены ключевые критерии, на основании которых организация может быть отнесена к посредникам. Кроме того, в данном документе прописаны ключевые механизмы, направленные на осуществление контроля за соблюдением законодательных предписаний, а также урегулированы санкции за нарушения таковых. В настоящее время формируется определенная практика по итогам антимонопольного регулирования цифровых платформ в ЕС в целях недопущения злоупотребления доминирующим положением. Например, уже в 2024 г. Комиссия ЕС возбудила первые антимонопольные дела в отношении Apple и иных. Одновременно с этим, нельзя говорить о том, что законодательство ЕС и его государств-членов в сфере антимонопольного регулирования в целом и цифровых платформ в частности, является унифицированным. Однако некоторые тенденции

[1968] В 2021 году Федеральная антимонопольная служба (ФАС) России отказала сервису «Авито» в покупке сервиса «Циан» [Электронный ресурс] URL: <https://fas.gov.ru/news/31531> (дата обращения: 23.03.2026).

[1969] Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // Документ не вступил в законную силу.

[1970] Полтарыхин А.Л. Проблемы недобросовестной конкуренции на цифровых рынках // Экономика и предпринимательство. 2025. № 4(177). С.618.

унификации законодательства в данной сфере все же наблюдаются. Одной из них стоит признать то, что антимонопольное законодательство будет действовать даже в тех случаях, когда договоры были заключены за пределами ЕС, но оказывают влияние на торговые отношения между странами ЕС.

Также нельзя не рассмотреть Акт о цифровых рынках (Digital Markets Act) Евросоюза, а значимость данного документа связана с тем, что он вводит не только понятие, но и основные критерии «держателя цифровой инфраструктуры» (Gatekeeper)[1971]. Понимать под ним предлагают владельца крупной цифровой платформы, которая оказывает весьма значительное влияние на рынок. Отметим, что указанный документ на данных лиц накладывает широкую совокупность весьма специфических обязательств, однако именно они ограничивают явно избыточные конкурентные преимущества таких цифровых платформ и гарантируют то, что все пользователи получат свободный доступ к инфраструктуре. Очевидно, что Акт о цифровых рынках Евросоюза достаточно активно способствует регулированию деятельности всех крупных цифровых платформ, что, как показывает практика, приобретает значение на фоне планомерного развития цифровой экономики и укрепления цифровых платформ в экономике в целом. Рассмотренный ранее опыт России в указанной сфере показывает, что Российская Федерация движется в таком же направлении, что и регулирование Gatekeeper в ЕС. Обусловлено это тем, что в РФ также под контроль попали крупные цифровые платформы, оказывающие весьма существенное влияние на рынок. Так, если в ЕС это, например, Google, то в России рынок захватывает «Яндекс».

Гармонизация законодательства в этой сфере усматривается в рамках ЕАЭС, так как законодательные подходы к регулированию цифровых платформ сходны в России, Белоруссии и Казахстане. Во многом это обусловлено тем, что некоторые цифровые платформы работают во всех вышеперечисленных странах, например, это в полной мере относится к платформам Wildberries и Ozon. Для совместного регулирования данной сферы было принято Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года», однако ряд спорных и дискуссионных вопросов разрешен не был. Например, пока не совсем ясно то, какое право применять, если платформа зарегистрирована в одной стране, а продавцы – в другой?

Актуализируется вопрос разработки единых критериев значимой цифровой платформы, причем не только в рамках ЕАЭС или ЕС, но и на территории Российской Федерации. В рамках ЕАЭС это позволило бы обеспечить согласованное регулирование цифровых рынков на пространстве ЕАЭС, избежать ситуаций, когда одна и та же платформа подпадает под разные требования в разных странах, что ведёт к двойным штрафам или другим конфликтам, создать равные условия для бизнеса, особенно для компаний, работающих в нескольких государствах-членах; эффективнее защищать права потребителей в трансграничных сделках; упростить взаимодействие антимонопольных органов стран ЕАЭС при проведении служебных расследований. В связи с этим, это является основным предложением для стран-участниц ЕАЭС. Кроме того, это позволит сблизить законодательство ЕАЭС, ЕС и РФ в данной сфере, так как в ЕС критерии значимой цифровой платформы уже в полной мере разработаны.

Международный статус регулирования цифровых платформ свое проявление находит в том, что многие страны, например, Австрия и Германия, сегодня ввели в свое антимонопольное законодательство изменения, которые непосредственно

[1971] Саяпин С.П. Адаптация права Европейского Союза к специальному антимонопольному регулированию цифровых платформ // Юридическая наука. 2025. № 5. С.279.

связаны с ключевыми особенностями функционирования цифровых рынков. В то же время, другие государства в полной мере учли особенности конкуренции в рамках цифровой эпохи и закрепили данные особенности в своих подзаконных актах и рекомендациях. Например, положительно оценивается в данном аспекте опыт таких стран, как Япония и Южная Корея. Так, в Японии в 2024 г. приняли новый закон, ограничивающий возможности Apple и Google, выступающих в качестве достаточно крупных технологических компаний. Сразу несколько актов было принято и в Южной Корее[1972]. Примером является Закон о регулировании монополий и добросовестной торговле, в котором содержится полный перечень видов недобросовестной деловой практики. Применяется данный закон и для наложения санкций за злоупотребления онлайн-платформами своим доминирующим положением на рынке. Также в данной стране были внесены поправки в Закон о телекоммуникационном бизнесе, которые были направлены на противодействие доминированию крупных сервисов. Особое внимание снова было уделено Apple и Google и власти обязали данные платформы разрешить использование сторонних платежных систем в их магазинах с приложениями. Также в стране применяется руководство по проверке онлайн-платформ на предмет злоупотребления своим доминирующим положением. Ввела данные проверки Комиссия по справедливой торговле (Korea Fair Trade Commissio). Рассматривая опыт такой страны, как США, стоит отметить, что в указанной стране антимонопольное регулирование цифровых платформ также направлено на то, чтобы защитить конкуренцию на цифровых рынках, в том числе, с учетом основных особенностей цифровых платформ. Основными нормативными актами в данной сфере признают Закон Шермана, Закон Клейтона и Закон Федеральной торговой комиссии США[1973].

Заключение

Таким образом, антимонопольное регулирование цифровых платформ в целях недопущения злоупотреблений доминирующим положением применяется во всем мировом сообществе. На территории Российской Федерации оно активизировалось на фоне принятия «пятого антимонопольного пакета», эффективность которого оценивается по-разному. Так, если юристы и эксперты отмечают, что данные поправки способны обеспечить эффективность антимонопольного контроля в условиях цифровых рынков, то представители IT-сферы настаивают на том, что изменения в данном случае предоставляют ФАС России слишком широкие полномочия, а их реализация способна весьма существенно осложнить работу цифровых сервисов. Полагаем, что однозначные выводы сделать пока весьма затруднительно, так как практика применения «пятого антимонопольного пакета» только начинает формироваться, а судебная практика не сформирована вообще. Стоит отметить тот факт, что правовое регулирование данной сферы перешло от общего запрета злоупотреблений к отраслевому регулированию платформ, а в будущем намечается ужесточение контроля за экосистемами и использованием данных. В связи с этим, бизнесу рекомендуются обращать особое внимание на то, как ими соблюдается антимонопольное законодательство и учитывать положения такового при развитии цифровой платформы.

Опыт зарубежных стран показал, что так или иначе, антимонопольное регулирование цифровых платформ осуществляется в каждой стране. Несмотря на то, что многие исследователи говорят о том, что в ЕС законодательство в данной

[1972] Бахмудов Д.М. Доминирующее положение цифровых платформ: понятие и правовые аспекты антимонопольного регулирования // Право и бизнес. 2025. № 4. С. 46.

[1973] Климатинская Д.О. Государственное регулирование цифровых платформ и экосистем // В книге: Цифровизация правосудия: проблемы и перспективы. Сборник научных трудов по итогам конференции. Москва. 2025. С.211.

сфере является унифицированным и эффективным, есть и иные точки зрения, в соответствии с которыми, говорить об унификации актов ЕС в данной сфере не представляется возможным. Полагаем, что по истечении времени данная ситуация может коренным образом измениться, так как цифровая экономика только набирает свои обороты и на фоне развития цифровых платформ будут развиваться и законодательные акты в данной сфере, в том числе, на территории Российской Федерации.

Явным недостатком антимонопольного регулирования цифровых платформ на территории России является то, что данным регулированием не охвачены мессенджеры и социальные сети, в то время как сегодня некоторые из них образуют собой полноценные цифровые платформы и также могут допускать различного рода проявления злоупотребления доминирующим положением на рынке. Определенные сложности усматриваются в том, что на практике возникают сложности контроля за алгоритмами искусственного интеллекта (ИИ) внутри платформ, что обусловлено тем, что алгоритмы ИИ в целом не отличаются прозрачностью и ясностью. В целях совершенствования правового регулирования данной сферы стоит предложить то, чтобы планомерно усиливать общественный контроль за цифровыми платформами, так как многие проверки инициируются после массовых жалоб пользователем (так, в социальных сетях граждане нередко просят власть обратить внимание на то, что сервис «Яндекс» необоснованно завышает цены на такси в случае объявления беспилотной опасности или при неблагоприятных погодных условиях). Также стоит ввести обязательную сертификацию алгоритмов ранжирования и создать реестр значимых цифровых платформ, что позволит государству осуществлять за ними более тщательный контроль и при необходимости предоставлять меры поддержки.

Стоит улучшать законодательные акты Российской Федерации путем имплементации самых передовых и уже доказавших свою эффективность механизмов. В будущем эта практика позволит позиционировать законодательство России как самое эффективное в данной сфере.

Список литературы:

1. Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред.31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31. Ст. 3434.

2. Бахмудов Д.М. Доминирующее положение цифровых платформ: понятие и правовые аспекты антимонопольного регулирования // Право и бизнес. 2025. № 4. С. 44-49.

3. Климатинская Д.О. Государственное регулирование цифровых платформ и экосистем // В книге: Цифровизация правосудия: проблемы и перспективы. Сборник научных трудов по итогам конференции. Москва. 2025. С.209-214.

4. Полтарыхин А.Л. Проблемы недобросовестной конкуренции на цифровых рынках // Экономика и предпринимательство. 2025. № 4(177). С.616-622.

5. Саяпин С.П. Адаптация права Европейского Союза к специальному антимонопольному регулированию цифровых платформ // Юридическая наука. 2025. № 5. С.277-281.

6. 4 февраля 2025 года Федеральная антимонопольная служба (ФАС) России вынесла предупреждения Wildberries и Ozon [Электронный ресурс] URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2025/02/04/1090197-fas-obyazala-skidki (дата обращения: 23.03.2026).

7. В ноябре 2023 года Федеральная антимонопольная служба (ФАС) России установила, что «Яндекс Такси» занимает доминирующее положение на территории РФ [Электронный ресурс] URL: https://fas.gov.ru/publications/24192 (дата обращения: 23.03.2026).

8. В 2021 году Федеральная антимонопольная служба (ФАС) России отказала сервису «Авито» в покупке сервиса «Циан» [Электронный ресурс] URL: https://fas.gov.ru/news/31531 (дата обращения: 23.03.2026).

9. Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // Документ не вступил в законную силу.

Грамматикопуло Филипп Дмитриевич
магистрант, по образовательной программе «Юриспруденция»
Высшая школа права Maqsut Narikbayev University
Младший юрист «NZ Cooperation»
г. Астана, Республика Казахстан
f_grammatikopulo@mnu.kz

ПРАВОВАЯ КОЛЛИЗИЯ НЕОБЕСПЕЧЕННЫХ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: ФОРМАЛЬНОЕ ПРИЗНАНИЕ ИМУЩЕСТВОМ ПРИ ФАКТИЧЕСКОЙ НЕОБОРОТОСПОСОБНОСТИ

Аннотация: В статье исследуется правовая коллизия в казахстанском законодательстве о необеспеченных цифровых активах (НЦА, криптовалютах): их признание имуществом сопровождается запретом на организацию их оборота вне инфраструктуры МФЦА. Актуальность обусловлена противоречием между правовым статусом НЦА и их фактической необоротоспособностью, создающим правовую неопределённость. Целью статьи является выявление природы коллизии, оценка её последствий и выработка рекомендаций по её устранению. Анализируется системный характер противоречия и его последствия для гражданского оборота, включая вынужденный выход участников в нерегулируемые «серые зоны». Рассматривается противоречивая судебная практика казахстанских судов. В сравнительном контексте привлекается постановление Конституционного Суда России № 2-П от 20 января 2026 года. Исследуется практика 2025-2026 годов: QR-оплата криптовалютой, крипторезерв, CryptoCity. Использованы формально-юридический, сравнительно-правовой методы и анализ судебной практики. Научная новизна заключается в выявлении правового режима НЦА как модели ограниченной оборотоспособности, а также в классификации последствий правовой коллизии. Сделан вывод о том, что действующее регулирование воспроизводит правовую неопределённость и стимулирует уход оборота в «серые зоны». Сформулированы рекомендации по устранению коллизии.

Ключевые слова: необеспеченные цифровые активы, криптовалюта, оборотоспособность, правовая коллизия, МФЦА, серые зоны, судебная практика, ничтожность сделки, Цифровой кодекс, CryptoCity.

Аңдатпа: Мақалада қамтамасыз етілмеген цифрлық активтер (ҚЦА, криптовалюталар) туралы қазақстандық заңнамадағы құқықтық коллизия зерттеледі: оларды мүлік ретінде тану АХҚО инфрақұрылымынан тыс олардың айналымын ұйымдастыруға тыйым салумен қатар жүреді. Тақырыптың өзектілігі ҚЦА-ның құқықтық мәртебесі мен олардың іс жүзіндегі айналымға қабілетсіздігі арасындағы құқықтық белгісіздікті тудыратын қайшылықпен негізделеді. Мақаланың мақсаты коллизияның табиғатын анықтау, оның салдарларын бағалау және оны жою бойынша ұсынымдар әзірлеу болып табылады. Қайшылықтың жүйелік сипаты және оның азаматтық айналым үшін салдарлары, соның ішінде қатысушылардың реттелмейтін «сұр аймақтарға» мәжбүрлі түрде шығуы талданады. Қазақстандық соттардың қайшылықты сот практикасы қарастырылады. Салыстырмалы мәнмәтінде Ресей Конституциялық Сотының 2026 жылғы 20 қаңтардағы № 2-П қаулысы негізге алынады. 2025-2026 жылдардағы практика: криптовалютамен QR-төлем, крипторезерв, CryptoCity зерттеледі. Формальды-заңдық, салыстырмалы-құқықтық әдістер және сот практикасын талдау қолданылды. Ғылыми жаңалық ҚЦА құқықтық режимін шектеулі айналымға қабілеттілік моделі ретінде анықтаудан, сондай-ақ құқықтық коллизияның салдарларын жіктеуден тұрады. Қолданыстағы реттеу құқықтық белгісіздікті

қайталайтыны және айналымның «сұр аймақтарға» кетуін ынталандыратыны туралы қорытынды жасалды. Коллизияны жою бойынша ұсынымдар тұжырымдалды.

Түйінді сөздер: қамтамасыз етілмеген цифрлық активтер, криптовалюта, айналымға қабілеттілік, құқықтық коллизия, АХҚО, сұр аймақтар, сот практикасы, мәміленің болмашылығы (жарамсыздығы), Цифрлық кодекс, CryptoCity.

Abstract: The article investigates the legal collision in Kazakhstani legislation regarding unsecured digital assets (UDAs, cryptocurrencies): their recognition as property is accompanied by a ban on organizing their turnover outside the infrastructure of the AIFC (Astana International Financial Centre). The relevance is driven by the contradiction between the legal status of UDAs and their actual lack of negotiability, which creates legal uncertainty. The aim of the article is to identify the nature of the collision, assess its consequences, and develop recommendations for its resolution. The systemic nature of the contradiction and its consequences for civil turnover, including the forced transition of participants into unregulated "grey areas," are analyzed. The contradictory judicial practice of Kazakhstani courts is considered. In a comparative context, the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 2-P dated January 20, 2026, is drawn upon. The practice of 2025–2026 is investigated: QR-payment with cryptocurrency, crypto reserve, and CryptoCity. Formal legal and comparative legal methods, as well as the analysis of judicial practice, were used. The scientific novelty lies in identifying the legal regime of UDAs as a model of limited negotiability, as well as in classifying the consequences of the legal collision. It is concluded that the current regulation reproduces legal uncertainty and stimulates the shift of turnover into "grey areas." Recommendations for eliminating the collision are formulated.

Keywords: unsecured digital assets, cryptocurrency, negotiability, legal collision, AIFC, grey areas, judicial practice, voidness of a transaction, Digital Code, CryptoCity.

Введение

Стремительный рост рынка цифровых активов поставил перед гражданским правом Республики Казахстан проблему, не имеющую простого решения. Необеспеченные цифровые активы (НЦА, криптовалюты), одновременно прямо признаются имуществом Законом «О цифровых активах в Республике Казахстан»[1974], однако в то же время исключаются из свободного гражданского оборота.[1975] Результатом является системная правовая коллизия, которая не только порождает неопределённость для участников оборота, но и влечёт конкретные практические последствия: ничтожность договоров, противоречивую судебную практику и вынужденный уход участников рынка в нерегулируемые зоны.

Особую остроту проблеме придаёт разрыв между правом и практикой. В октябре 2025 года в Казахстане запущен пилотный проект QR-оплаты товаров криптовалютой,[1976] в начале 2026 года Национальный банк РК объявил о формировании государственного крипторезерва с инвестициями до 700 млн долларов.[1977] Государство само выходит на рынок НЦА, одновременно ограничивая к

[1974] Закон Республики Казахстан от 6 февраля 2023 года № 193-VII «О цифровых активах в Республике Казахстан» (в ред. от 17.11.2025 № 231-VIII), ст. 1 п. 4 //

[1975] Ibid, ст 11 п 5.

[1976] Tengrinews.kz, 'В Казахстане запустили пилотный проект по QR-оплате криптовалютой' (6 октября 2025) <https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/kazahstane-zapustili-pilotnyiy-proekt-qr-oplate-582476/> дата обращения: 1 апреля 2026. Лицензия Bybit Kazakhstan: AFSA-A-LA-2024-0027 от 25.09.2024.

[1977] CoinDesk, 'Kazakhstan Central Bank to Invest USD350 Million Worth of Gold-Forex Reserves into Digital Assets' (6 March 2026) <https://www.coindesk.com/business/2026/03/06/kazakhstan-central-bank-to-invest-usd350-million-worth-of-gold-forex-reserves-into-digital-assets>; Bits.media, 'Нацбанк Казахстана раскрыл состав государственного крипторезерва' <https://bits.media/natsbank-kazakhstana-raskryl-sostav-gosudarstvennogo-kriptorezerva/>

нему доступ для частных участников, что наглядно свидетельствует о несоответствии действующего правового режима реалиям экономики.

Цель статьи - выявить природу правовой коллизии, оценить её последствия для участников гражданского оборота и сформулировать рекомендации по её устранению.

Научная новизна настоящей статьи заключается в комплексном анализе правовой коллизии, при которой объект гражданских прав формально обладает статусом имущества, однако лишён оборотоспособности не в силу прямого изъятия из оборота, а вследствие установления ограничительного правового режима. Предложена классификация последствий данной коллизии по трём уровням: материально-правовому (ничтожность договоров), процессуальному (противоречивая судебная практика) и инфраструктурному (банковские ограничения). Сформулированы конкретные рекомендации по совершенствованию правового режима НЦА, направленные на устранение возникшей коллизии и обеспечение предсказуемой защиты прав участников цифрового рынка на всей территории страны.

Основная часть

1. Правовая природа НЦА и природа коллизии

Необеспеченный цифровой актив определяется Законом «О цифровых активах в Республике Казахстан» как цифровой актив, не соответствующий требованиям к обеспеченным активам,[1978] то есть по остаточному принципу. По существу речь идёт о криптовалютах, стоимость которых определяется исключительно рыночным спросом. Квалификация НЦА в системе объектов гражданских прав представляет значительную теоретическую сложность: НЦА не являются вещью, деньгами, ценной бумагой или правом требования, поскольку у НЦА нет ни физической формы, ни обязанного лица, ни государственного эмитента.

Следует также отметить, что казахстанский законодатель приступил к детализации классификации НЦА на подзаконном уровне. В ноябре 2025 года утверждены критерии отнесения цифрового актива к необеспеченному цифровому активу с фиксированной стоимостью (стейблкоинам),[1979] однако данный приказ по состоянию на дату написания настоящей статьи не введён в действие. Тем самым даже внутри категории НЦА граница между подвидами остаётся нормативно незакреплённой на операционном уровне.

В зарубежной правовой доктрине и судебной практике пришли к выводу о *sui generis* природе криптоактивов. Так, например, Рабочая группа по юрисдикции Великобритании (UKJT) в правовом заключении 2019 года констатировала, что криптоактивы образуют третью, самостоятельную категорию имущества - не «вещи во владении» и не «вещи в действии».[1980] Казахстанский же законодатель, именно через «открытую» категорию «иного имущества» статьи 115 ГК РК включил НЦА в систему объектов гражданских прав.

Из признания НЦА имуществом должна, по логике статьи 116 ГК РК, следовать их оборотоспособность.[1981] Однако п. 5 статьи 11 Закона «О цифровых активах в Республике Казахстан» запрещает организацию оборота НЦА без лицензии МФЦА

[1978] Above n 1, ст 11 п 3.

[1979] Приказ Заместителя Премьер-Министра – Министра цифрового развития Республики Казахстан от 27 ноября 2025 года № 600/НҚ «Об утверждении критериев отнесения цифрового актива к необеспеченному цифровому активу с фиксированной стоимостью» (не введён в действие по состоянию на 1 апреля 2026 года).

[1980] UK Jurisdiction Taskforce, 'Legal Statement on Cryptoassets and Smart Contracts' (November 2019) LawTech Delivery Panel, paras 55–58.

[1981] Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 года № 268-XIII.

или разрешения по законам РК,[1982] а механизм такого лицензирования вне МФЦА до настоящего времени не создан. Оборот по закону - это «совершение гражданско-правовых сделок с цифровым активом»,[1983] следовательно запрет прямо затрагивает договорные отношения с участием НЦА.

Данное противоречие носит системный характер. С.П. Мороз констатирует, что «в законодательном плане урегулированы только обеспеченные цифровые активы, хотя наибольшее распространение на практике получили необеспеченные».[1984] М.К. Сулейменов отмечает неопределенность правового режима цифровых активов, включая вопросы их оборота, и подчеркивает необходимость дальнейшего нормативного уточнения соответствующих положений.[1985] Ф. Карагусов обосновывает публично-правовую логику ограничений, подчёркивая риски для государственного суверенитета в сфере денежного обращения.[1986]

Таким образом, на основании проведённого анализа автор приходит к выводу, что правовая коллизия необеспеченных цифровых активов в Казахстане носит не технический, а системный и осознанный характер: признавая НЦА имуществом, законодатель намеренно исключил их из свободного гражданского оборота, передав монополию на организацию такого оборота инфраструктуре МФЦА. Данная модель с ограниченной оборотоспособностью представляет собой самостоятельный тип правового режима, не предусмотренный классической доктриной гражданского права, согласно которой признание объекта имуществом предполагает его оборотоспособность по умолчанию. Именно в выявлении и характеристике этого нового типа режима состоит основной теоретический вклад настоящего исследования.

2. Серые зоны как следствие правовой неопределённости

Одним из наиболее значимых практических последствий выявленной коллизии является вынужденный выход участников оборота в нерегулируемые серые зоны. Поскольку легальный оборот НЦА ограничен инфраструктурой МФЦА, а доступ к ней имеют далеко не все участники рынка, значительная часть сделок с криптовалютой совершается за пределами какого-либо правового режима, через иностранные платформы, P2P-сделки между физическими лицами, неформальные обменные операции.

Масштаб этого явления признаётся самим регулятором. В ноябре 2024 года глава Национального банка РК Тимур Сулейменов прямо указал: «они вкладывают. Мы этого не видим. А мы хотим это видеть. Не для того, чтобы запретить, а наоборот - если это есть, давайте это разрешим».[1987] Тем самым регулятор признал, что запретительный режим не устранил оборот НЦА, а лишь вытеснил его из правового поля.

Реакцией государства на серые зоны стало, в частности, постановление АРРФР от 31 декабря 2024 года № 96, обязавшее банки второго уровня выявлять и

[1982] Above n 1, ст 11 п 5.

[1983] Above n 1, ст 1 п 4-1.

[1984] Мороз С П, ‘Цифровые активы как объект гражданских прав’ (2024) 1(113) Вестник Карагандинского университета. Серия «Право» 94, 101.

[1985] Сулейменов М К, ‘Цифровизация и совершенствование гражданского законодательства (статья третья)’ (1 July 2020) <https://www.zakon.kz>

[1986] Карагусов Ф, ‘О правовом режиме денег в качестве одного из основных видов объектов гражданских прав, создании национальной платежной системы и контроле рынка криптовалют’ (9 апреля 2020) <https://www.zakon.kz>

[1987] Tengrinews, ‘Глава Нацбанка выступил за легализацию криптовалют и обменников в Казахстане’ (15 November 2024) <https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/glava-natsbanka-vyistupil-legalizatsiyu-kriptovalyut-554105/>.

блокировать переводы в пользу иностранных криптобирж вне МФЦА.[1988] Однако блокировка банковских операций не устраняет сами сделки, она лишь затрудняет их проведение, стимулируя использование ещё менее прозрачных инструментов. Таким образом, ограничительный режим создаёт порочный круг: запрет порождает серые зоны, а серые зоны в свою очередь порождают новые запреты.

Наглядной иллюстрацией служит и ситуация с QR-оплатой: лицензированная в МФЦА биржа Bybit Kazakhstan была вынуждена выстраивать сложную схему автоматической конвертации криптовалюты в тенге через посредника[1989], именно потому что прямых крипторасчётов правовой режим не допускает. Рынок адаптируется к запрету, находя обходные пути, вместо того чтобы работать в понятном правовом режиме.

3. Недействительность договоров и судебная практика

Главным гражданско-правовым последствием коллизии является недействительность договоров с НЦА, совершаемых вне лицензированной инфраструктуры. Согласно статье 158 ГК РК, сделка, не соответствующая требованиям законодательства, является оспоримой и может быть признана судом недействительной.[1990] Стороны такого договора лишены возможности судебной защиты, а исполненное по нему подлежит возврату. Не менее острой остаётся проблема наследования НЦА: при отсутствии у наследников приватного ключа практический механизм включения криптовалюты в наследственную массу законом не определён.[1991]

Верховный Суд Республики Казахстан в анализе судебной практики за 2025 год зафиксировал принципиальное расхождение между судами по делам о взыскании неосновательного обогащения из сделок с НЦА: одни суды удовлетворяли такие иски, другие по аналогичным обстоятельствам отказывали.[1992] Единственным устойчивым ориентиром оказалась позиция Кассационного суда: сделки по купле-продаже НЦА через пользователей, не имеющих лицензии МФЦА, *ничтожны*. То обстоятельство, что это разъяснение потребовалось лишь спустя три года после принятия Закона «О цифровых активах в Республике Казахстан», само по себе свидетельствует о системном характере правовой неопределённости.

Правовая неопределённость затрагивает и банковские правоотношения. Постановлением Карагандинского областного суда от 25 сентября 2023 года[1993] признана правомерность блокировки банком счёта клиента, осуществлявшего операции с криптовалютой через нелицензированные платформы. Таким образом, добросовестный участник оборота, не имеющий доступа к инфраструктуре МФЦА, рискует оказаться одновременно без судебной защиты по договору и без банковского обслуживания.

На основе документов ВС РК практику можно классифицировать по трём типам споров с анализом основной причины противоречий:

[1988] Постановление Правления Агентства Республики Казахстан по регулированию и развитию финансового рынка от 31 December 2024 года № 96..

[1989] Above n 3.

[1990] Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 года № 268-XIII, ст 158 п 1.

[1991] Жанабилова А Б, ‘Правовое регулирование оборота цифровых активов в Республике Казахстан и возможность их наследования’ (2024) 3(78) Вестник Института законодательства и правовой информации РК 124, 128.

[1992] Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Республики Казахстан, ‘Анализ судебной практики рассмотрения гражданских дел по спорам, связанным с цифровыми активами, за 2025 год’ (21 января 2026).

[1993] Постановление судебной коллегии по гражданским делам Карагандинского областного суда от 25 сентября 2023 года № 3599-23-00-2а/1976

Анализ судебной практики за 2025 год позволяет выделить три типа споров, связанных с НЦА, и установить системную причину судебных противоречий.

Первый тип - иски о взыскании неосновательного обогащения по сделкам купли-продажи НЦА на нелицензированных платформах. Это наиболее распространённая категория. Суды применяли различные правовые конструкции к одним и тем же фактическим обстоятельствам: одни квалифицировали передачу денег как неосновательное обогащение по статье 953 ГК и удовлетворяли иски (суды Астаны, Карагандинской, Костанайской, Павлодарской областей); другие отказывали, указывая, что в основе отношений лежала сделка, а не факт обогащения без основания (суды Туркестанской, Алматинской, Актюбинской областей).[1994] Кассационный суд в 2025 году занял третью позицию: сделки купли-продажи НЦА через нелицензированных субъектов ничтожны по статье 158 ГК, поэтому надлежащим способом защиты является не иск о неосновательном обогащении, а требование о применении последствий ничтожной сделки.

Второй тип - банковские споры о правомерности блокировки счетов клиентов, осуществляющих операции с криптовалютой. Постановление Карагандинского областного суда от 25 сентября 2023 года подтвердило право банка в одностороннем порядке расторгнуть договор банковского обслуживания с клиентом, переводившим средства на счета, связанные с операциями с НЦА вне лицензированной инфраструктуры.[1995]

Третий тип - споры, в которых НЦА выступают инструментом мошеннических схем. Здесь судебная практика более однородна: суды взыскивают ущерб, однако правовая квалификация отношений (гражданско-правовая или уголовно-правовая) существенно влияет на исход дела.[1996]

Системная причина противоречий первого типа одна: суды применяли разные нормы потому, что закон не устанавливал, какие именно правовые последствия влечёт совершение сделки с НЦА вне МФЦА. Верховный Суд был вынужден выработать эту квалификацию (ничтожность по ст. 158 ГК) по существу в порядке судебного нормотворчества, спустя три года после принятия Закона «О цифровых активах в Республике Казахстан». Это наглядно подтверждает тезис о том, что коллизия является системной: она воспроизводится не только в законодательстве, но и в правоприменении.

4. Перспективы либерализации и сравнительный контекст

В 2025-2026 годах появились отчётливые сигналы готовности государства к изменению режима. Министр цифрового развития Жаслан Мадиев, анонсируя проект CryptoCity в мае 2025 года, прямо указал, что проект «предполагает свободный оборот криптовалюты и возможность использования криптовалюты как средства платежа», однако для его реализации «необходимо создать регуляторные условия» и закрепить всё «в законодательстве».[1997] Тем самым государство официально признало: правовой базы для крипторасчётов нет, и её нужно создать.

В сравнительном контексте принципиальна позиция Конституционного Суда Российской Федерации, изложенная в постановлении от 20 января 2026 года № 2-П. КС РФ констатировал, что цифровая валюта «наполняется вполне конкретным имущественным содержанием» и должна рассматриваться как «иное имущество» по

[1994] Above n 19.
[1995] Above n 20.
[1996] Решение Бостандыкского районного суда города Алматы от 14 мая 2025 года № 7514-25-00-2/8091.
[1997] Zakon.kz, 'Казахстан готовит первую криптозону: как будет работать CryptoCity' (29 мая 2025) <https://www.zakon.kz>

смыслу статьи 128 ГК РФ, подлежащее конституционной защите.[1998] Правовой порядок, наиболее близкий к казахстанскому по системе права, обеспечивает полноценную конституционную защиту цифровых активов тогда как в Казахстане формальное признание НЦА имуществом не влечёт надлежащей защиты прав их владельцев.

Принятый 9 января 2026 года Цифровой кодекс РК, хотя и не введённый в действие, впервые квалифицирует смарт-контракт как «договор, предусматривающий автоматическое исполнение заранее согласованных сторонами условий».[1999] Это первый законодательный шаг к признанию договорного статуса инструментов, которые обслуживают множество операций с НЦА.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы и рекомендации.

Во-первых, действующее законодательство Республики Казахстан создаёт системную правовую коллизию: НЦА признаны имуществом по ГК РК, однако организация их оборота без лицензии запрещена, а механизм лицензирования вне МФЦА не создан. Следствием является вынужденный выход участников рынка в серые зоны, что регулятор сам признаёт проблемой, однако решает её через ограничения, а не через легализацию.

Во-вторых, последствия коллизии для участников гражданского оборота носят системный характер: договоры с НЦА вне МФЦА ничтожны, судебная практика три года оставалась противоречивой, банковская инфраструктура настроена на ограничение операций. Добросовестный участник оборота оказывается одновременно без правовой защиты и без доступа к банковскому обслуживанию.

В-третьих, рекомендуется:

(1) Законодательно урегулировать следующие виды гражданско-правовых договоров, в которых НЦА выступает объектом, что позволит расширить их договорный режим:

[1] Договор купли-продажи, при котором НЦА передаётся продавцом покупателю за вознаграждение в тенге или иной фиатной валюте. Данный вид уже де-факто существует на платформах МФЦА, однако его правовой режим за пределами МФЦА законом не установлен.

[2] Договор мены НЦА - обмен одного вида НЦА на другой (например, биткоина на эфириум) или НЦА на иное имущество. Такой вид требует в том числе урегулирования порядка определения равноценности обмена при высокой волатильности.

[3] Договор хранения НЦА - передача НЦА на хранение с обязанностью возврата. Принципиально важен для формирования инфраструктуры хранения активов.

[4] Договор доверительного управления НЦА - передача НЦА управляющему для совершения операций в интересах выгодоприобретателя. Данный вид распространён в серой зоне (управление криптопортфелем) и требует урегулирования.

[5] Договор займа НЦА - передача НЦА заёмщику с обязанностью возврата аналогичного количества активов того же вида;

[1998] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 January 2026 года № 2-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона „О цифровых финансовых активах, цифровой валюте“».

[1999] Цифровой кодекс Республики Казахстан от 9 January 2026 года № 255-VIII (не введён в действие по состоянию на 1 апреля 2026 года), ст 67.

(2) создать механизм лицензирования операций с НЦА вне МФЦА - как это предусмотрено действующей редакцией п. 5 статьи 11 Закона «О цифровых активах в Республике Казахстан», но пока не реализовано;

(3) использовать вступление в силу Цифрового кодекса как возможность одновременно урегулировать статус смарт-контрактов и договорный режим НЦА;

(4) при разработке норм учитывать позицию КС РФ 2026 года о полноценной конституционной защите цифровых активов как имущества.

Реализация данных рекомендаций позволит вывести оборот НЦА из серых зон в правовое поле, обеспечив участникам рынка надлежащую правовую защиту и определённость.

Список литературы:

1. Закон Республики Казахстан от 6 февраля 2023 года № 193-VII «О цифровых активах в Республике Казахстан» (в ред. от 17.11.2025 № 231-VIII) // ИС «Параграф».

2. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 года № 268-XIII // ИС «Параграф».

3. Цифровой кодекс Республики Казахстан от 9 января 2026 года № 255-VIII (не введён в действие) // ИС «Параграф».

4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 января 2026 года № 2-П // Российская газета. 2026.

5. Постановление Правления АРРФР от 31 декабря 2024 года № 96 // ИС «Параграф».

6. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РК, «Анализ судебной практики по спорам, связанным с цифровыми активами, за 2025 год» (21 января 2026 года).

7. Постановление судебной коллегии Карагандинского областного суда от 25 сентября 2023 года № 3599-23-00-2a/1976.

8. Приказ Министра цифрового развития РК от 27 ноября 2025 года № 600/НҚ (не введён в действие) // ИС «Параграф».

9. Мороз С П, 'Цифровые активы как объект гражданских прав' (2024) 1(113) Вестник Карагандинского университета. Серия «Право» 94.

10. Сулейменов МК, 'Цифровизация и совершенствование гражданского законодательства' (1 июля 2020).

11. Карагусов Ф С, 'О правовом режиме денег и контроле рынка криптовалют' (9 апреля 2020).

12. Жанабилова АБ, 'Правовое регулирование оборота цифровых активов в РК и возможность их наследования' (2024) 3(78) Вестник Института законодательства и правовой информации РК 124.

13. UK Jurisdiction Taskforce, 'Legal Statement on Cryptoassets and Smart Contracts' (November 2019) LawTech Delivery Panel.

14. Tengrinews, ‘Глава Нацбанка выступил за легализацию криптовалют’ (15 ноября 2024) <https://tengrinews.kz> (дата обращения: 1 апреля 2026 года).

15. Zakon.kz, ‘Казахстан готовит первую криптозону: CryptoCity’ (29 мая 2025) <https://www.zakon.kz> (дата обращения: 1 апреля 2026 года).

16. Tengrinews, ‘В Казахстане запустили пилотный проект по QR-оплате криптовалютой’ (6 октября 2025) <https://tengrinews.kz> (дата обращения: 1 апреля 2026 года).

17. CoinDesk, «Kazakhstan Central Bank to Invest USD350 Million Worth of Gold-Forex Reserves into Digital Assets» (6 марта 2026 года) <https://www.coindesk.com/business/2026/03/06/kazakhstan-central-bank-to-invest-usd350-million-worth-of-gold-forex-reserves-into-digital-assets> (дата обращения: 1 апреля 2026 года).

18. Bits.media, «Нацбанк Казахстана раскрыл состав государственного крипторезерва» <https://bits.media/natsbank-kazakhstana-raskryl-sostav gosudarstvennogo-kriptorezerva/> (дата обращения: 1 апреля 2026 года).

Григорьева Светлана Николаевна
магистр частного права (МГУ им. М.В. Ломоносова, 2023)
аспирант кафедры гражданского права Юридического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация. Адвокат.
E-mail: grigorievas1999@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ПРИНЦИПА ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В УСЛОВИЯХ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация: Усложнение гражданского оборота в условиях Четвертой промышленной революции усиливает тенденцию вовлечения третьих лиц в исполнение гражданско-правовых обязательств, что оказывает нарастающее давление на принцип относительности обязательств. В статье с опорой на сравнительно-правовой и историко-догматический методы исследуется, ка́к ведущие европейские правопорядки (на примере Франции, Германии и Англии) переосмысливали и уточняли содержание этого принцип в XX-XXI вв. На основе проведенного анализа предлагается система исключений и отступлений от строгой относительности, выстроенная в иерархичном порядке по критерию интенсивности вмешательства в ядро принципа относительности. В результате установлено, что подлинными исключениями из ядра принципа являются лишь малая часть случаев, в то время как большая часть представляют собой отступления от периферийного действия относительности, не затрагивающие ее ядро. Проведен анализа права России и Казахстана и путем применения к ним закономерностей, обнаруженных в сравнительно-правовом срезе, выявлены направления дальнейшего теоретического и нормативного развития принципа относительности обязательств в обоих правопорядках.

Ключевые слова: принцип относительности обязательств, *privity of contract*, противопоставимость обязательства, *opposabilité*, договор в пользу третьего лица, защитный эффект договора, исключения из относительности обязательств

Аңдатпа: Төртінші өнеркәсіптік революция жағдайында азаматтық айналымның күрделенуі азаматтық-құқықтық міндеттемелерді орындауға үшінші тұлғаларды тарту үрдісін күшейтеді, бұл міндеттемелердің салыстырмалылық қағидатына өсіп келе жатқан қысым жасайды. Мақалада салыстырмалы-құқықтық және тарихи-догматикалық әдістерге сүйене отырып, жетекші еуропалық құқықтық тәртіптер (Франция, Германия және Англия мысалында) XX-XXI ғасырларда осы қағидаттың мазмұнын қалай қайта зерделегені және нақтылағаны зерттеледі. Жүргізілген талдау негізінде қатаң салыстырмалылықтан ерекшеліктер мен ауытқулар жүйесі ұсынылады, ол салыстырмалылық қағидатының өзегіне араласу қарқындылығының өлшемшарты бойынша иерархиялық тәртіпте құрылған. Нәтижесінде қағидат өзегінен шынайы ерекшеліктер болып жағдайлардың аз ғана бөлігі табылатыны, ал басым бөлігі оның өзегіне әсер етпейтін салыстырмалылықтың перифериялық әрекетінен ауытқулар екендігі анықталды. Ресей мен Қазақстанның құқығына талдау жүргізілді және оларға салыстырмалы-құқықтық қимада табылған заңдылықтарды қолдану арқылы екі құқықтық тәртіпте де міндеттемелердің салыстырмалылық қағидатын одан әрі теориялық және нормативтік дамыту бағыттары айқындалды.

Түйінді сөздер: міндеттемелердің салыстырмалылық қағидаты, privity of contract, міндеттеменің қарсы қойылушылығы, opposabilité, үшінші тұлғаның

пайдасына жасалатын шарт, шарттың қорғау әсері, міндеттемелердің салыстырмалылығынан ерекшеліктер.

Abstract: The increasing complexity of civil turnover in the context of the Fourth Industrial Revolution intensifies the trend of involving third parties in the performance of civil law obligations, which exerts growing pressure on the principle of the relativity of obligations. Relying on comparative legal and historical-dogmatic methods, the article explores how leading European legal systems (using the examples of France, Germany, and England) rethought and refined the content of this principle in the 20th and 21st centuries. Based on the analysis conducted, a system of exceptions and deviations from strict relativity is proposed, arranged in a hierarchical order according to the criterion of the intensity of interference into the core of the relativity principle. As a result, it is established that genuine exceptions to the core of the principle constitute only a small fraction of cases, while the majority represent deviations from the peripheral effect of relativity that do not affect its core. An analysis of the law of Russia and Kazakhstan is carried out, and by applying the regularities discovered in the comparative legal cross-section to them, the directions for further theoretical and normative development of the principle of the relativity of obligations in both legal systems are identified.

Keywords: principle of relativity of obligations, privity of contract, opposability of an obligation, opposabilité, contract in favor of a third party, protective effect of a contract, exceptions to the relativity of obligations.

Концепция Четвертой промышленной революции связана с именем немецкого экономиста, основателя и президента Всемирного экономического форума в Давосе Клауса Шваба (*Klaus Schwab*, род. 1938). В своем программном труде «Четвертая промышленная революция» (*The Fourth Industrial Revolution*) К. Шваб рассматривает Четвертую промышленную революцию не просто как продолжающуюся технологизацию и цифровизацию общественной жизни, но как качественно новый этап общественного развития, характеризующийся взаимодействием, конвергенцией и синтезом цифровых, физических, биологических технологий, что приводит к коренному изменению условий жизни, труда, социальных и экономических институтов[2000].

Трансформация экономической среды по мнению К. Шваба выражается в преобразовании глобальных цепочек создания стоимости. Следствием этого является отход от модели организации предпринимательской деятельности через заключение разовых, изолированных двусторонних сделок. Напротив, гражданский оборот все более наполняют транзакционные платформы, предпринимательские группы, длинные цепочки поставок[2001].

Иными словами, Четвертая промышленная революция влечет за собой системную трансформацию способов производства, обмена, координации и распределения благ. В юридическом измерении, призванном регулировать указанные экономические процессы, это означает трансформацию гражданского (частноправового) оборота в сторону его усложнения и ускорения.

При этом, представляется, что наиболее чувствительным к изменениям экономических отношений оказывается именно обязательственное право: еще в середине XIX в. Д.И. Мейер обращал внимание на то, что «в образованном юридическом быту обязательственное право нередко заменяет вещное и значительно стесняет круг его действия»[2002]. Эта мысль наглядно подтверждается простым

[2000] Шваб К, Четвертая промышленная революция (Эксмо 2016) 8–13.
[2001] *Ibid*. 13, 15, 19–21.
[2002] Мейер Д И, Русское гражданское право (4-е изд, Статут 2021) 267.

примером о росте популярности аренды жилья и снижении спроса на его приобретение.

Участники гражданского оборота реагируют на происходящие технологические и организационные изменения не только изменением *содержания* обязательственных связей, но и перенастройкой *архитектуры* договорных связей. Одним из значимых направлений такой адаптации служит привлечение к исполнению обязательства все большего числа третьих лиц – будь то на разовой *ad hoc* основе, либо путем создания диверсифицированных групп компаний или долгосрочных договорных цепочек[2003]. Включение все большего числа третьих лиц в орбиту обязательственной связи помогает не только ускорить исполнение обязательства, сократив при этом издержки, но и в ряде случаев является условием исполнения сложного, многосоставного обязательства, которое в принципе не может быть исполнено силами одного должника.

Все большее вовлечение третьих лиц в исполнение договорных обязательств затрагивает прежде всего принцип относительности обязательств, функция которого как раз и заключается в локализации обязательства между его сторонами и недопущении его произвольного распространения на лиц, не участвовавших в его установлении. На протяжении столетий принцип относительности обязательств воспринимался как аксиоматическое начало всего обязательственного права, допускающее существование обязательства исключительно *inter partes* и не допускающее третьих лиц в пределы такой обязательственной связи.

Изначально принцип относительности обязательств (не будучи на том этапе развития права оформленным как самостоятельный общий принцип) возник в ответ на потребность гражданского оборота индивидуализировать хозяйственную связь и локализовать риск неисполнения обязательства между строго определенными участниками хозяйственной операции[2004]. В праве Древнего Рима принцип относительности обязательств следовал из базовых свойств обязательства (*obligatio*) как относительного правоотношения и подтверждался институционально в процессуальной форме *actio in personam*, который мог быть предъявлен только к конкретному обязанному лицу. Именно противопоставление иска *in personam*, направленного против конкретного должника, вещному иску *in rem*, который защищал истца против неопределенного круга лиц, стало исторической основой для дальнейшего различения относительных прав, действующих *inter partes*, и прав абсолютных, действующих *erga omnes*[2005].

В результате доктринального осмысления инвариантное ядро принципа относительности определяет, что права требования и корреспондирующие им обязанности имеют силу только между сторонами обязательства (кредитором и должником) и не могут (по общему правилу) распространяться на не-сторон обязательства (третьих лиц)[2006]. Иначе говоря, в своем строгом классическом понимании принцип относительности обязательств делает обязательство в некотором

[2003] Schwartz A and Scott R E, Third-Party Beneficiaries and Contractual Networks (2015) 7(2) Journal of Legal Analysis 325, 329–30.

[2004] Покровский И А, Основные проблемы гражданского права (8-е изд, Статут 2020) 234–238. Шершеневич Г Ф, Учебник русского гражданского права (11-е изд, т 2, Издание братьев Башмаковых 1915) Отд 3, § 33, 13.

[2005] Хотя такая позиция является широко распространенной, она небесспорна и оспаривается в доктрине. См. позицию по этому вопросу: Синицын С А, *Actio in rem u actio in personam*: исторические основы, методы интерполяции и экстраполяции современной науки гражданского права (Инфотропик Медиа 2013) 36–39.

[2006] Vicente D M, Comparative Law of Obligations (Edward Elgar 2021) §12(b), p. 132–134. Borghetti J S, The Effects of Contracts and Third Parties in John Cartwright and Simon Whittaker (eds), The Code Napoléon Rewritten: French Contract Law after the 2016 Reforms (Hart Publishing 2017) 231–34.

роде «невидимым» для третьих лиц: они не могут ни извлечь какую бы то ни было выгоду из обязательства, ни могут быть обременены им.

Строгий принцип относительности обязательств не был произвольным выбором: он органично соответствовал модели гражданского оборота XIX в. и находил идейную опору в волюнтаристских концепциях, абсолютизировавших свободу личности и автономию частной воли как источника обязательственной связи[2007]. Вместе с тем еще до наступления современного технологического перелома внутри самого частного права возникло представление о том, что ригидный принцип относительности обязательств нуждается в смягчении, поскольку он не только перестает в полной мере отвечать усложняющимся формам хозяйственной жизни, но и более не соответствует новым господствующим политико-правовым концепциям[2008]. Иными словами, Четвертая промышленная революция лишь придала новый импульс и ускорение тем процессам, начавшимся в частном праве ранее и обусловленным не только внешними изменениями, но и внутренней логикой его развития.

Если посмотреть на принцип относительности обязательств в сравнительно-правовой перспективе, становится очевидно, что его ядро не подвержено влиянию национальных особенностей правовых систем. Так, принцип относительности во Франции (*relativité*), Великобритании (*privity*), Германии (*Relativität des Schuldverhältnisses*) и России (принцип относительности обязательств), несмотря на различия терминологического аппарата, воспроизводит идентичную идею: обязательство не порождает прав и обязанностей для лиц, не являющихся его участниками.

Вместе с тем сравнительный анализ столь же отчетливо показывает, что уже в XX в. монолитность и непроницаемость обязательственной связи оказались неудобными для гражданского оборота, из-за чего ведущие правопорядки практически синхронно сделали шаги в сторону уточнения границ принципа относительности, допущения контролируемых исключений из него, а также осмысления ряда отступлений от классической относительности (в действительности как отступлений от периферийных эффектов относительности, а не из ее ядра).

Особый интерес в вопросе реформирования принципа относительности представляет французский опыт. Начиная с 1930-х гг. французская доктрина пришла к различению собственно относительности обязательств, с одной стороны, и противопоставимости обязательства третьим лицам, с другой стороны. Отправной точкой для этого послужила докторская диссертация А. Вейля (*Alex Weill, 1912–1979*) «Относительность соглашений в французском частном праве» (*La relativité des conventions en droit privé français*), защищенная в 1938 г. в Страсбургском университете. В указанной работе А. Вейль одним из первых провел отчетливое различие между принципом относительности обязательства (*relativité*) как таковым и соседствующим с ним свойством противопоставимости обязательства (*opposabilité*). Согласно концепции А. Вейля противопоставимость обязательства устанавливает общее требование ко всем третьим лицам уважать созданную обязательством договорную ситуацию, то есть относится к внешней сфере его действия, а не внутренней, которая регулируется принципом относительности[2009].

Это означает, что выделение категории противопоставимости во французском частном праве имело одним из своих последствий отказ от восприятия обязательства как правовой связи, изолированной от третьих лиц[2010]. Напротив, французская доктрина пришла к выводу, что обязательство существует не в вакууме, а в едином

[2007] Atiyah P S, Essays on Contract (Clarendon Press 1986) 38–40, 54–55.

[2008] В частности, речь идет о социализации частного права и вызванной этим возросшим значением защиты доверия участников гражданских правоотношений. Atiyah P S (*n above*) 54–55.

[2009] Gautier P-Y, 'Alex Weill' (4 Revue des contrats 638 2018).

[2010] Terré F, Simler Ph, Lequette Y and Chénédé F, Droit civil. Les obligations (13th edn, Dalloz 2022) no 668.

правовом поле с теми, кто в нем не участвует (с третьими лицами). Выделение противопоставимости в самостоятельную категорию обязательственного права имело двоякие последствия: с одной стороны, противопоставимость (а не относительность, как это представлялось ранее) позволила объяснить случаи, в которых третьи лица оказывают влияние на обязательство (в частности, являются причиной его ненадлежащего исполнения); с другой стороны, противопоставимость позволила объяснить случаи, в которых неисполнение «чужого» по отношению к третьему лицу обязательства ущемляет права третьих лиц.

После провозглашения принципа противопоставимости обязательства на протяжении нескольких десятилетий во французской литературе велась дискуссия о том, является ли противопоставимость самостоятельным свойством обязательства, либо лишь преломлением в обязательственном праве общеправового принципа противопоставимости всех социальных (юридических) фактов третьим лицам[2011]. Однако вне зависимости от поддерживаемого взгляда следствием активной дискуссии стало уточнение границ принципа относительности и «очищение» его ядра от вторичных компонентов, что впоследствии было имплементировано на законодательном уровне. Реформа французского обязательственного права 2016 г. закрепила именно тот подход, который обсуждался в доктрине: пореформенная редакция Французского гражданского кодекса (далее – ФГК) содержит ст. 1199, которая закрепляет принцип относительности обязательств в узком смысле слова[2012], и самостоятельную ст. 1200, которая закрепляет принцип противопоставимости обязательства[2013].

В отличие от французского, немецкий правопорядок, также оставшийся в стороне от обращения к принципу относительности обязательств в XX в., пошел иным путем. Вместо отделения относительности в узком смысле от других смежных концепций в Германии произошел процесс расширения понятия обязательственного отношения (*Schuldverhältnis*), в результате чего оно стало пониматься значительно шире классического (римского) обязательства и включать помимо центрального компонента – обязанности совершить предоставление, еще и дополнительные обязанности, регулирующие *поведение* сторон обязательства. В частности, расширение понятия обязательства прослеживается в выделении защитного эффекта договора, вызывающего обязанность учитывать интересы третьих лиц, не являющихся сторонами договора. Это означает, что третье лицо, попав в сферу защитного действия договора, порождающего обязанность учитывать интересы третьих лиц, не являющихся сторонами договора. Это означает, что третье лицо, попав в сферу защитного действия договора (немецкое право устанавливает ряд презумпций и тестов, позволяющих включить третье лицо в эту зону), получает возможность опереться на условия договора для защиты своих интересов. Тем самым немецкое право сохранило исходную идею относительности обязательственной связи, но одновременно ослабило ее границы, *de facto* допустив выход обязательственной связи за пределы модели «*inter partes*», включив в сферу действия обязательства третьих лиц в случае, когда того требуют принципы защиты доверия и добросовестности[2014].

[2011] F Terré and others (*n 11*) no 668. Ghestin J and Goubeaux G, Traité de droit civil. Introduction générale (4th edn, LGDJ 1994) no 229.

[2012] «Договор создает обязательства только между сторонами. Третьи лица не могут ни требовать исполнения договора, ни быть принуждены к его исполнению, с оговоркой о применении положений настоящего раздела и главы III титула IV [ФГК]». France, Code civil art 1199, available at Légifrance <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000032041378> accessed 15 March 2026.

[2013] «Третьи лица должны уважать юридическую ситуацию, созданную договором. Они могут ссылаться на нее, в частности, для доказывания факта». France, Code civil art 1200.

[2014] Vicente D M (*n 7*) 134–136.

Принцип относительности обязательств в Англии (*privity of contract*) в сравнении с Францией и Германией исторически был сформулирован более жестко, более строго – настолько, что даже не допускал института договора в пользу третьих лиц (эти конструкции в праве Франции и Германии признавались на протяжении длительного периода). Однако это не только не предрешило того, что принцип относительности здесь охранялся сильнее, чем в других странах, но это сыграло обратный эффект: будучи слишком жестким, принцип относительности здесь получил характеристику «архаического пережитка»[2015], став упреком всему английскому договорному праву. Будучи настроенной на пересмотр принципа относительности, английская доктрина сделала важный шаг в сторону явного разделения принципа относительности на две составляющие: активную и пассивную стороны. В рамках этой дискуссии ценным результатом стала кристаллизация незыблемого ядра относительности, а именно – подтверждение пассивной стороны принципа относительности обязательств, не позволяющей обременять третье лицо. В то же самое время активная сторона принципа подверглась пересмотру в сторону ее смягчения, поскольку не было обнаружено никаких логических или исторических аргументов в поддержку того, что стороны обязательства не вправе наделять третье лицо правами по договору[2016].

Таким образом, сравнительно-правовой анализ показывает, что в XX в. ведущие европейские правопорядки практически синхронно провели работу по дополнительному осмыслению принципа относительности обязательств. Несмотря на то что дискуссии и пути модификации принципа относительности не являются однородными, так или иначе все проведенные изменения были направлены на достижение единого результата – уточнения взаимодействия обязательства и третьих лиц. Можно даже сказать, что эти изменения были направлены не просто на уточнение их взаимодействия, но на повышение гарантий третьих лиц, включение их в орбиту обязательства, взаимный учет обязательства третьими лицами и наоборот.

Приведенный сравнительно-правовой обзор позволяет утверждать, что принцип относительности обязательств, который принято рассматривать как неизменную аксиому обязательственного права, в действительности представляет собой конструкцию (принцип), подвижность и границы которой обусловлены характером гражданского оборота. Вместе с тем это не означает, что развитие гражданского оборота опровергает или упраздняет данный принцип. Происходящие изменения, по существу, приводят лишь к его уточнению: столкнувшись с усложняющимися формами оборота, правопорядки уделили более пристальное внимание принципу и обнаружили, что на протяжении веков принцип относительности смешивался со смежными конструкциями, которые в действительности не составляют его собственного содержания. Отделив ядро принципа относительности от его периферии, иностранные правопорядки закономерно пришли к допустимости точечных отступлений по большей части именно от этой периферии – постольку, поскольку того требовали социализация частного права и рост числа коллективных и сетевых отношений.

Как уже отмечалось, право в ответ на усложнение гражданского оборота пошло на ряд исключений и отступлений от принципа относительности. Однако, принимая во внимание проведенный выше сравнительно-правовой анализ, важно не рассматривать эти отступления механически – как разрозненный набор артефактов, – но рассматривать их как иерархически организованную систему, выстроенную по критерию степени вмешательства в обязательственную связь. Именно такой

[2015] Andrews N, Strangers to Justice No Longer: The Reversal of the Privity Rule under the Contracts (Rights of Third Parties) Act 1999 (2001) 60 CLJ 353, 356.

[2016] Treitel G H (Peel E ed), The Law of Contract (15th edn, Sweet & Maxwell 2020) paras 14-001ff; Law Commission, Privity of Contract: Contracts for the Benefit of Third Parties (Law Com No 242, 1996) para 5.16.

методологический прием позволяет разграничить исключения, которые подлинно вторгаются в ядро относительности, и те, которые представляют собой лишь отступления от его периферии.

Представляется, что концептуально случаи исключений и отступлений от строгой относительности целесообразно выстроить в следующую иерархию.

I. Прямые исключения из ядра относительности, когда третье лицо непосредственно получает собственное право требования из обязательства (договора), непосредственной стороной которого оно не является.

Это исключение воплощается главным образом в конструкции договора в пользу третьего лица, предусмотренного всеми ведущими правопорядками: во Франции это *stipulation pour autrui* (ст.ст. 1205–1209 ФГК), в Германии – *Vertrag zugunsten Dritter* (§§ 328–335 БГБ), в Англии – *Contracts (Rights of Third Parties) Act 1999*, в России – ст. 430 ГК РФ. Эта конструкция действительно представляет собой наиболее явное и чувствительное исключение из принципа относительности обязательств, поскольку третье лицо, не будучи стороной договора, приобретает из него собственное притязание к стороне договора. Вместе с тем и здесь правильнее говорить не о сломе относительности, а о регулируемом исключении, поскольку возникновение такого притязания у третьего лица обусловлено не одной лишь волей сторон, но специально предусмотренной правопорядком моделью, которая задает условия, правила и пределы допустимости притязания третьего лица.

К числу наиболее сильных исключений из относительности относятся случаи, в которых закон непосредственно наделяет третье лицо самостоятельным правом требования к лицу, с которым у него отсутствует обязательственная связь. В праве Франции подобные иски именуются «прямыми» исками (*action directe*), классической иллюстрацией которых является прямой иск потерпевшего непосредственно к страховщику гражданской ответственности причинителя вреда, минующий самого причинителя вреда[2017].

Российскому праву также известны аналогичные конструкции: например, право потребителя предъявить требование, связанное с недостатками товара, не только продавцу (с которым потребитель состоит в обязательственных отношениях), но и изготовителю, импортеру, уполномоченной организации (ст. 18 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»).

II. Опосредованные смягчения принципа относительности, в которых защита интересов третьих лиц достигается не путем признания за ними самостоятельного притязания из основного договора, а через (искусственное) конструирование производной (косвенной) договорной связи. Сюда относятся сопутствующий договор (*collateral contract*), траст в отношении права требования (*trust of a promise*), представительство (*agency*)[2018]. Все эти конструкции объединяет то, что в их рамках конструируется подразумеваемая юридическая связь, позволяющая перенести притязание по договору с непосредственной стороны на третье лицо. Прямого исключения из относительности при этом не происходит, поскольку третье лицо не приобретает собственного притязания по основному договору.

III. Расширение защитного контура договора, при котором третье лицо также не приобретает самостоятельного статуса в рамках обязательства, однако попадает в сферу его защитного действия, содержанием которого является защита

[2017] Однако отнесение прямых исков к первой группе исключений требует самостоятельного, выходящего за рамки настоящего исследования, доктринального обоснования, поскольку в этом институте потерпевший хотя и приобретает право требования из чужого договорного отношения, оно, как правило, обосновывается через право потерпевшего на возмещение вреда и специальный законный механизм реализации такого требования, реализуемый посредством договорного иска.

[2018] McKendrick E, Contract Law: Text, Cases and Materials (10th edn, OUP 2021) 131–32; Shanklin Pier Ltd v Detel Products Ltd 2 KB 854.

интересов третьего лица от рисков, способных возникнуть у него в связи с исполнением обязательства его сторонами и считающихся находящихся в зоне разумного предвидения для сторон обязательства[2019].

Российскому праву, в действительности, эта группа также известна, хотя нормативно и доктринально она не выделяется в самостоятельную группу: нередко в вопросах строительства, долевого участия, корпоративных и иных связанных отношений суды интуитивно создают *ad hoc* отступления от относительности, несмотря на то, такие отступления прямо не предусмотрены законом[2020]. То есть, в российском праве потребность в подобной защите уже осознана, но догматически не разработана.

IV. Случаи проявления динамической относительности, в рамках которых изменяется субъектный состав обязательственного правоотношения: уступка права требования, перевод долга, перевод договора, наследственное правопреемство и иные случаи изменения состава участников обязательства[2021]. Эти конструкции не являются классическими исключениями из относительности в том смысле, что они не затрагивают ни ее ядро, ни периферию. Тем не мене они представляют собой пример изменения содержания *obligatio*, поскольку изменение персонального состава обязательства неизбежно влечет изменение юридической судьбы обязательства коль скоро его новые участники вправе распоряжаться принадлежащими им правомочиями иным образом, нежели их правопредшественники.

V. Внешнее действие обязательства, которое может быть обобщено французским понятием противопоставимости (*opposabilité*). В этой группе третьи лица не приобретают прав или обязанностей из чужого обязательства, однако на них возлагается общая обязанность уважать созданную договором правовую ситуацию. Иными словами, данная категория описывает внешнее действие обязательства, выходящее за пределы внутренней связанности его сторон.

Таким образом, проведенный сравнительно-правовой анализ и реконструкция на его основе единой системы исключений и отступлений от относительности обязательств позволяют увидеть, во-первых, их значительное число и, во-вторых, их внутреннюю неоднородность. При этом подлинными исключениями из принципа относительности является лишь первая группа, в которой третьи лица напрямую получают договорную позицию и самостоятельное право осуществлять правомочия по договору в своем имени. Все остальные случаи не вторгаются в ядро относительности, а представляют собой различные формы опосредованного взаимодействия основного обязательства и третьих лиц. Как видно по количеству таких отступлений, правопорядки в большей степени именно через такие опосредованные отступления точечно смягчают излишне жесткий эффект классической относительности.

Вместе с тем предложенная система исключений носит синтезированный характер: она обобщает и систематизирует решения, выработанные во всех исследуемых правопорядках, однако едва ли правопорядки нуждаются в одновременном действии всех описанных конструкций. Их параллельное существование перегружало бы правовую систему, создавая множество конкурирующих способов достижения одной и той же цели, что прямо противоречит

[2019] Vicente D M (*n 7*) 134–136.

[2020] Громов А А, Проявления принципа относительности обязательств в ГК РФ и судебной практике. Комментарий к п. 3 ст. 308 ГК РФ, (2023) 5 Законодательство. Синицын С А, Защита интересов слабой стороны договора: исключение из принципа относительности как проявление социализации частного права (2015) 3 Законодательство и экономика.

[2021] Синицын С А, Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах (дис … д-ра юрид наук, специальность 12.00.03, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Москва, 2017) 300–303.

принципу «бритвы Оккама». Важно, однако, отметить и тот нюанс, что ни один из исследуемых правопорядков не содержит *системного* анализа тех исключений и отступлений от относительности, которые действуют в правовой системе. На практике это приводит к подрыву правовой определенности, в результате чего стороны обязательства и третьи лица лишены возможности с разумной степенью вероятности предвидеть сценарии развития обязательственного правоотношения.

Сравнительно-правовой материал и выявленные на его основе закономерности могут быть использованы как аналитический инструмент при обращении к праву России и Казахстана.

В российском гражданском праве принцип относительности обязательств получил прямое нормативное закрепление в п. 3 ст. 308 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), который устанавливает, что обязательство не создает обязанностей для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон (для третьих лиц), однако в случаях, предусмотренных законом или соглашением сторон, обязательство может создавать для третьих лиц права в отношении одной или обеих сторон обязательства.

Тем самым российский законодатель в п. 3 ст. 308 ГК РФ, с одной стороны, подтверждает пассивную сторону принципа относительности – абсолютный запрет обременять третье лицо, с другой стороны, допускает возникновение у третьих лиц правового блага при наличии специального нормативного или договорного основания. При этом п. 3 ст. 308 ГК РФ не исчерпывает содержание принципа в российском праве, а лишь подтверждает его на уровне закона: даже в отсутствие этой нормы принцип относительности в любом случае следовал бы, по меньшей мере, из п. 1 ст. 307 ГК РФ, закрепляющего понятие обязательства как относительного правоотношения.

Российская модель регулирования относительности ближе к французской, которая стремится вывести общие категории и закрепить их на уровне закона. Вместе с тем, в отличие от французской модели, исключения из относительности в российском праве носят менее системный характер. Так, помимо классических институтов договора в пользу третьего лица или прямых прав требования потребителя к производителю, российский ГК допускает прямые требования к третьему лицу, привлеченному к исполнению неденежного обязательства (п. 6 ст. 313 ГК РФ). Эта норма в ее буквальном прочтении представляет собой прямое исключение из принципа относительности, хотя ее догматическое основание остается не совсем уясненным. Несмотря на то, что в последующих разъяснениях Верховный Суд РФ истолковал эту норму ограничительно, как не допускающую прямой ответственности третьего лица при осуществлении им неденежного исполнения, что по существу противоположно ее буквальному содержанию[2022]. Тем не менее на практике суды придерживаются различных подходов: в одних случаях норма применяется в буквальном толковании, в других – в толковании Верховного Суда РФ, в третьих – на должника и привлеченное третье лицо возлагается солидарная ответственность, что не следует ни из буквы закона, ни из разъяснений Пленума[2023].

Обратимся к казахстанскому праву. В Республике Казахстан принцип относительности обязательств непосредственно выражается в п. 3 ст. 270

[2022] Пункт 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» (далее – постановление Пленума № 54) разъясняет, что исходя из взаимосвязанных положений п. 6 ст. 313 и ст. 403 ГК РФ в случае, когда исполнение было возложено должником на третье лицо, за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства этим третьим лицом перед кредитором отвечает должник, если иное не установлено законом.

[2023] Например, см. постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.01.2023 № Ф05-31301/2022 по делу № А41-7762/2022, постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 03.07.2017 № 08АП-6409/2017 по делу № А75-16636/2016.

Гражданского кодекса Республики Казахстан (далее – ГК РК), согласно которому обязательство не создает обязанностей для третьих лиц, однако в случаях, предусмотренных законодательством или соглашением сторон, обязательство может порождать для третьих лиц права в отношении одной или обеих сторон обязательства. Такая модель закрепления относительности, как было показано выше, в целом является классической.

Самостоятельный доктринальный интерес представляют п.п. 1 и 2 той же ст. 270 ГК РК: наряду со сторонами обязательства (кредитором и должником) казахстанский законодатель включил в состав участников обязательства третьих лиц, связанных обязательствами или иными правоотношениями с одной из его сторон. Это решение заслуживает внимания, поскольку выходит за рамки традиционной модели, в рамках которой третьим лицом (*tiers, Dritter, third party*) считается именно тот, кто стоит *вне* обязательственной связи. Тем самым ст. 270 ГК РФ закрепляет расширенное понимание круга участников обязательства, которое в сравнительно-правовом контексте сближается с идеей «орбиты» обязательства, обсуждавшейся во французской и немецкой доктрине.

Пункт 2 ст. 270 ГК РК при этом уточняет, что речь в данном случае идет о тех третьих лицах, которые состоят в правовой связи только с *одной* из сторон обязательства. Как уточняется в комментариях к ГК РК если третье лицо состоит в правовой связи с обеими сторонами, в таком случае возникает множественность лиц в обязательстве, а не участие в нем третьего лица. В качестве примеров таких участников в литературе приводятся участники общей собственности, соавторы в авторском правоотношении, гаранты и поручители (в том числе вещные)[2024], лицо, в пользу которого сделан завещательный отказ, участник административного правоотношения, на которого возложено исполнение обязательства[2025]. Кроме того, в научных публикациях особо подчеркивается, что привлечение третьего лица к исполнению обязательства не делает его стороной обязательства, и ответственность перед кредитором по-прежнему несет должник, что соответствует классической относительности. Иными словами, п.п. 1–2 ст. 270 ГК РК включают третьих лиц в орбиту обязательства, не вторгаясь при этом в относительную связь кредитора и должника.

Вместе с тем приведенное решение ставит интересный вопрос о терминологической согласованности ст. 270 ГК РК: в то время как п.п. 1–2 признают третье лицо участником обязательства, п. 3 этой же статьи закрепляет, что обязательство не создает обязанностей для третьих лиц. Соотношение концепций, заложенных в п.п. 1–2 и в п. 3 ст. 270 ГК РК, воспроизводит одну из главных зон напряженности в доктрине относительности на ее современном этапе, заключающееся в вопросе: где проходит граница между *обоснованным* вовлечением третьего лица в сферу действия обязательства, но недопущением его к *произвольному* участию в обязательстве в качестве его (явной или *de facto*) стороны?

Представляется, что подход, заложенный в ст. 270 ГК РК, может быть развит путем (*а*) сохранения идеи участия третьих лиц в исполнении и обеспечении обязательств, а также возможности перехода к ним прав и обязанностей в силу одной из сторон и (*б*) дополнения его прямым указанием на то, что признание за третьим лицом статуса участника обязательственного правоотношения само по себе не влечет

[2024] Мукашева К В, Преемство прав и обязанностей в обязательствах с участием третьих лиц (НИИ частного права Каспийского университета 2025) <https://prg.kz/document/?doc_id=34803136&pos=8;176> accessed 21 March 2026.

[2025] Научно-исследовательский центр частного права КазГЮУ (рук раб группы Сулейменов М К, зам Басин Ю Г), Комментарий к статье 270. Участники обязательства Гражданского кодекса Республики Казахстан (zakonpravo.kz) <https://zakonpravo.kz/kommentariy-k-state-270-uchastniki-obyazatelstva-grazhdanskogo-kodeksa-respubliki-kazahstan> accessed 21 March 2026.

распространения на него каких-либо обязательственных эффектов, что является важной оговоркой для предупреждения риска расширительного толкования нормы на практике.

Таким образом, и российский, и казахстанский правопорядки демонстрируют не просто нормативную фиксацию принципа относительности обязательств, но и стремление учесть более сложные формы участия третьих лиц в юридической судьбе обязательств. Проведенный в рамках настоящей работы анализ сравнительно-правового материала и выявленные на его основе закономерности могут служить ориентиром в дальнейшем осмыслении принципа относительности нашими правопорядками – как на уровне доктрины, так и на уровне законодательства и правоприменения.

Список литературы:

1. Andrews N, Strangers to Justice No Longer: The Reversal of the Privity Rule under the Contracts (Rights of Third Parties) Act 1999 (2001) 60 CLJ 353
2. Atiyah P S, Essays on Contract (Clarendon Press 1986)
3. Borghetti J S, The Effects of Contracts and Third Parties' in John Cartwright and Simon Whittaker (eds), The Code Napoléon Rewritten: French Contract Law after the 2016 Reforms (Hart Publishing 2017)
4. Gautier P-Y, 'Alex Weill' (4 Revue des contrats 638 2018)
5. Ghestin J and Goubeaux G, Traité de droit civil. Introduction générale (4th edn, LGDJ 1994)
6. Громов А А, Проявления принципа относительности обязательств в ГК РФ и судебной практике. Комментарий к п. 3 ст. 308 ГК РФ (2023) 5 Законодательство 7
7. Law Commission, Privity of Contract: Contracts for the Benefit of Third Parties (Law Com No 242, 1996)
8. McKendrick E, Contract Law: Text, Cases and Materials (10th edn, OUP 2021)
9. Мейер Д И, Русское гражданское право (4-е изд, Статут 2021)
10. Мукашева К В, Преемство прав и обязанностей в обязательствах с участием третьих лиц (НИИ частного права Каспийского университета 2025) <https://prg.kz/document/?doc_id=34803136&pos=8;176> accessed 21 March 2026
11. Научно-исследовательский центр частного права КазГЮУ (рук раб группы: Сулейменов М К, зам: Басин Ю Г), 'Комментарий к статье 270. Участники обязательства Гражданского кодекса Республики Казахстан' (zakonpravo.kz) <https://zakonpravo.kz/kommentariy-k-state-270-uchastniki-obyazatelstva-grazhdanskogo-kodeksa-respubliki-kazahstan> accessed 21 March 2026
12. Покровский И А, Основные проблемы гражданского права (8-е изд, Статут 2020)
13. Schwartz A and Scott R E, Third-Party Beneficiaries and Contractual Networks (2015) 7(2) Journal of Legal Analysis 325
14. Синицын С А, *Actio in rem* и *actio in personam*: исторические основы, методы интерполяции и экстраполяции современной науки гражданского права (Инфотропик Медиа 2013)
15. Синицын С А, Защита интересов слабой стороны договора: исключение из принципа относительности как проявление социализации частного права (2015) 3 Законодательство и экономика
16. Синицын С А, «Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах» (дис … д-ра юрид наук, спец 12.00.03, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Москва, 2017)
17. Terré F, Simler Ph, Lequette Y and Chénédé F, Droit civil. Les obligations (13th edn, Dalloz 2022)

18. Treitel G H (Peel E ed), The Law of Contract (15th edn, Sweet & Maxwell 2020)
19. Vicente D M, Comparative Law of Obligations (Edward Elgar 2021)
20. Шваб К, Четвертая промышленная революция (Эксмо 2016)
21. Шершеневич Г Ф, Учебник русского гражданского права (11-е изд, т 2, Издание братьев Башмаковых 1915).

Есбағанбет Шолпан Шаншарбекқызы
Құқық Жоғары Мектебінің 2 курс магистранты
Maqsut Narikbayev University
Астана қаласы, Қазақстан Республикасы
e-mail: sholpan.yesbaganbet

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ РЕНОВАЦИЯЛАУ ШЕҢБЕРІНДЕ ТҰРҒЫН ҮЙ ҚҰРЫЛЫСЫНА ҮЛЕСТІК ҚАТЫСУ ТУРАЛЫ ШАРТЫНЫҢ ТЕОРИЯЛЫҚ ЖӘНЕ ТӘЖІРИБЕЛІК МӘСЕЛЕЛЕРІ

Аңдатпа: Бұл мақалада 2026 жылғы заңнамалық өзгерістерге сәйкес Қазақстандағы реновациялау шеңберінде тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу шартының өзекті мәселелері қарастырылады. Зерттеу тақырыбының өзектілігі ескірген тұрғын үй қорын жаңартудың жаңа құқықтық тетіктерін енгізумен және бірыңғай құқық қолдану тәжірибесінің болмауымен негізделеді. Зерттеу пәні аталған шарттың құқықтық табиғаты мен ерекшеліктері болып табылады. Мақаланың мақсаты – шарттың табиғатына кешенді талдау жасау, үлескердің салымын бағалау және берілетін мүліктің теңгерімін айқындау. Зерттеу барысында салыстырмалы – құқықтық, формальды – заңдық және жүйелік талдау әдістері қолданылды. Зерттеудің ғылыми жаңалығы үлескердің (меншік иесінің) қосарлы құқықтық мәртебесін анықтау және «тең шамаластық» және «тең бағалылық (тең құндылық)» санаттарының коллизиясын шешу жолдарын ұсынуда жатыр. Негізгі қорытындылар бойынша бұл шарттың айырбастау және инвестициялау элементтерін біріктіретін аралас сипаты талданып, реновацияның әлеуметтік мәнін сақтау үшін тұрғын үй алаңының сақталуын қамтамасыз ететін «тең шамаластық» критерийіне басымдық беру қажеттігі негізделді. Сондай-ақ заңнамадағы мүлікті иеліктен шығару және көпшілік келісім тетіктерін жетілдіру бойынша нақты ұсыныстар берілді.

Түйінді сөздер: тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу шарты, реновация, үлескер, меншік иесі, реновация шеңберіндегі тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу шарты, тең шамаластық, тең бағалылық, тұрғын үй қоры, құқықтық коллизия, аралас шарт.

Аннотация: В данной статье рассматриваются актуальные проблемы договора долевого участия в жилищном строительстве в рамках реновации в Казахстане в соответствии с законодательными изменениями 2026 года. Актуальность темы исследования обусловлена внедрением новых правовых механизмов обновления ветхого жилищного фонда и отсутствием единой правоприменительной практики. Предметом исследования являются правовая природа и особенности указанного договора. Цель статьи — проведение комплексного анализа природы договора, оценка вклада дольщика и определение баланса передаваемого имущества. В ходе исследования применялись сравнительно-правовой, формально-юридический методы и метод системного анализа. Научная новизна исследования заключается в определении двойственного правового статуса дольщика (собственника) и предложении путей разрешения правовой коллизии между категориями «равнозначность» и «равноценность». В основных выводах проанализирован смешанный характер данного договора, сочетающего в себе элементы мены и инвестирования, а также обоснована необходимость отдавать приоритет критерию «равнозначности», который гарантирует сохранение жилой площади для поддержания социальной сущности реновации. Кроме того, даны конкретные предложения по совершенствованию закрепленных в законодательстве механизмов отчуждения имущества и согласия большинства.

Ключевые слова: договор долевого участия в жилищном строительстве, реновация, дольщик, собственник, договор долевого участия в жилищном строительстве в рамках реновации, равнозначность, равноценность, жилищный фонд, правовая коллизия, смешанный договор**.**

Abstract: This article examines the current issues concerning the agreement on shared participation in housing construction within the framework of renovation in Kazakhstan, in accordance with the legislative changes of 2026. The relevance of the research topic is driven by the introduction of new legal mechanisms for the renewal of the dilapidated housing stock and the lack of a uniform law enforcement practice. The subject of the study encompasses the legal nature and features of the aforementioned agreement. The purpose of the article is to conduct a comprehensive analysis of the agreement's nature, evaluate the shared participant's contribution, and determine the balance of the transferred property. During the study, comparative legal, formal legal, and systemic analysis methods were utilized. The scientific novelty of the research lies in identifying the dual legal status of the shared participant (owner) and proposing ways to resolve the collision between the categories of "equivalence in size" and "equivalence in value." Based on the main findings, the mixed nature of this agreement, which combines elements of exchange and investment, is analyzed, and the need to prioritize the "equivalence in size" criterion—ensuring the preservation of living space to maintain the social essence of renovation—is substantiated. Furthermore, specific proposals are provided for improving the statutory mechanisms of property alienation and majority consent.

Keywords: agreement on shared participation in housing construction, renovation, shared participant, owner, agreement on shared participation in housing construction within the framework of renovation, equivalence in size, equivalence in value, housing stock, legal collision, mixed contract.

Кіріспе

Қазақстанда урбанизация қарқыны және ескірген тұрғын үй қорын жаңартудың әлеуметтік-экономикалық қажеттілігі 2026 жылғы заңнамалық реформаларға, соның ішінде тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу тетіктерін қолдана отырып реновациялау жобаларын іске асыруды заңдастыруға алып келді[2026]. Бұл заңнамалық өзгерістер «Тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу туралы» ҚР Заңына енгізіліп, 2026 жылы 11 наурыз айында заңды күшіне енді, ал ҚР Құрылыс Кодексіне енгізілген өзгерістер 2026 жылғы 01 шілдеден бастап күшіне енеді. Осы заңдарға ілеспелі нормативтік құқықтық актілерді әзірленуде[2027], алайда реновациялау шеңберінде тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу шартының үлгілік нысаны ҚР Үкіметімен әлі бекітілмеген. Аталған заңнамаларға өзгерістер енгізудің негізгі мақсаты ҚР Үкіметі бекіткен «2023-2029 жылдарға арналған тұрғын үй - коммуналдық инфрақұрылымды дамыту тұжырымдамасында»[2028] көзделген тұрғын үйді реновациялау бағдарламасын жүзеге асыру болып табылады.

[2026] ‘Қазақстан Республикасының кейбір заңнамалық актілеріне сәулет, қала құрылысы және құрылыс мәселелері бойынша өзгерістер мен толықтырулар енгізу туралы’ Қазақстан Республикасының 2026 жылғы 09 қаңтардағы №254-VIII Заңы

[2027] ‘Реновация по новому: в Казахстане запускают механизм гарантий для сноса аварийного и ветхого жилья’ *Atameken.kz.* (19 наурыз 2026 жыл) <https://atameken.kz/news?slug=56369-renovatsiya-po-novomu-v-kazahstane-zapuskayut-mehanizm-garantij-dlya-snosa-avarijnogo-i-vethogo-zhilya&lang=ru> қол жеткізілген күні: 21.03.2026

[2028] ‘Тұрғын үй - коммуналдық инфрақұрылымды дамытудың 2023-2029 жылдарға арналған тұжырымдамасын бекіту туралы’ Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2022 жылғы 23 қыркүйектегі №736 Қаулысы

Осыған байланысты тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу механизмін ескірген және авариялық тұрғын үйлерді реновациялауға қолдану өзектілігі арта түсуде, бұл азаматтардың тұрғылықты мекен-жайын өзгертпей, осы объектінің алаңына тең жаңа тұрғын үй алуды, сол арқылы тұрғын үйді жаңартуды көздейді. Алайда, реновация шеңберінде тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу тетігін қолдану осы қатынастағы шарттың құқықтық табиғатын, үлескердің қосарлы құқықтық мәртебесін және енгізілген мүлік пен алынатын тұрғын үйдің баламалылығының әділ бағалануын теориялық тұрғыдан дұрыс саралауды талап етеді. Сонымен қатар, заңнамада «тең шамаластық» пен тең бағалылық» өлшемдерінің ара-қатынасының нақты айқындалмауы құқық қолдану тәжірибесінде даулар туындатуы мүмкін.

Осыған байланысты зерттеудің мақсаты болып реновация шеңберінде тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу шартының құқықтық табиғатын кешенді талдау, үлескердің салымын бағалау және қарсы берілетін мүліктің теңгерімін анықтау мәселесі және реновация шеңберіндегі мүлікті иеліктен шығару мен көпшілік келісім тетіктерін жетілдіру бойынша ұсыныстар әзірлеу табылады.

Негізгі бөлім:

1. Тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу шарты мен реновациялау шеңберінде тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу шартының ережелеріне салыстырмалы құқықтық талдау.

Тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу шарты мен реновациялау шеңберінде тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу шартының бір-бірінен айырмашылығын айқындамас бұрын, алдымен қолданыстағы классикалық тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу шартының жалпы құқықтық табиғатын анықтау қажет. Тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу шартының құқықтық табиғаты жөніндегі ғылыми көзқарастар әлі де бірыңғай тұжырымға келген жоқ. Ғалымдар бұл шартты жай серіктестік шарты[2029], құрылыс мердігерлігі шарты[2030], жұмысты орындау немесе қызмет көрсету шарты[2031], сатып алу-сату шарты[2032], инвестициялық шарт[2033] ретінде әр түрлі саралайды. Ғалымдардың басқа бөлігі тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу шартын жаңа дербес шарт ретінде қарастыруды ұсынса[2034], қалған бөлігі кешенді, әр түрлі шарттардың сипатын қосатын шарт ретінде қарастырады[2035]. Олардың әрқайсысының жеке талдауына тоқталмай-ақ, тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу шартының жоғарыда аталған шарттардың жекелеген элементтерін қамтитын аралас шарты екенін және заңды анықтамасы «Тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу туралы» ҚР Заңының 1 бабының 17) тармағына сәйкес, уәкілетті компания (құрылыс салушы) құрылыс объектісіндегі үлесті беруге, ал үлескер төлем жүргізуге және сол үлесті қабылдауға міндеттенетін өзара міндеттемелік шарт болып танылады. Осы шарттың классикалық моделінің бірден-бір талабы болып үлескердің қарсы берілетін мүлкі тек ақшалай сипатта орын алады, сондықтан ол құрылыс мердігерлігінің және мүлікті

[2029] О.А. Евсеева 'Правовые основания защиты прав граждан - участников долевого строительства жилья' *Актуальные проблемы права в современной России* (Выпуск 4 Готик 2007) 102.

[2030] Т.Ю. Майборода, *Договор долевого участия в строительстве жилья* (заң ғыл канд автореф диссертациясы, Екатеринбург 2007) 178-179.

[2031] Е.В.Резцова, *Правовая природа договора долевого участия в жилищном строительстве* (заң ғыл канд диссертациясы, Москва 2006) 71.

[2032] М.И.Брагинский және В.В.Витрянский, *Договорное право*. *Книга вторая: Договоры о передаче имущества* (Москва Статут, 2000) 22.

[2033] А.В. Майфат, *Гражданско-правовые конструкции инвестирования: Монография* (СПС «Гарант» 2006) 22, 166-172.

[2034] Е. Х. Акчулпанова, *Правовое регулирование договора участия в долевом строительстве* (заң ғыл канд диссертациясы, Казань 2006) 196.

[2035] К.И.Скловский, 'Договор долевого участия в строительстве и возникновение права собственности на объект долевого строительства' (2008) 7 *Хозяйство и право*, 38-49.

болашақта сатып алу-сату шартының элементтері бар инвестициялық міндеттеменің түрі ретінде саралауға мүмкіндік береді. Бұл ретте қарсы ұсыныстардың өлшемдестігі (теңдігі) шарттың бағасы мен берілетін объектінің сипаттамалары арқылы айқындалады.

Ал тұрғын үйді реновациялау жағдайында аталған құқықтық конструкция өзгеріске ұшырайды, яғни үлескердің қарсы ұсынысы ақшалай нысанда емес, оның өзіне тиесілі, жаңартуға жататын тұрғын үйге мүліктік құқығын беру арқылы жүзеге асырылады. Реновация ұғымы латын тілінен «*renovatio*» сөзінен шыққан, ол «*жаңарту*», «*қайта жаңғырту*» деген мағынаны білдіреді[2036]. «Тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу туралы» ҚР Заңының 1 бабының 8-5) тармағына сәйкес реновациялау шеңберінде тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу шарты уәкілетті компанияны көппәтерлі тұрғын үйді салуды қамтамасыз етуге және сол объектідегі үлесті үлескерге беруге, екінші жақтан үлескерді реновациялау объктісін беруге және (немесе) реновациялау шеңберіндегі жылжымайтын мүлікті қарсы беруді жүргізуге және көппәтерлі тұрғын үйдегі үлесін қабылдауға міндеттейді. Осыған байланысты шарт бойынша тараптардың міндеттемелерінің құқықтық саралауы күрделеніп, ол айырбастау шарты, инвестициялық шарт элементтерін біріктіретін аралас сипатқа ие болады.

Реновациялау шеңберінде тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу шартының классикалық модельден негізгі айырмашылығы үлескер тарапынан берілетін қарсы ұсыныстың құқықтық табиғаты мен оны бағалау тетігінде көрінеді. Бұл ретте реновациялау объектісіне қатысты заңды анықтама жоқ, бірақ мағынасы бойынша ол реновацияға жататын тұтас жылжымайтын мүлік кешені (бұзылатын көппәтерлі тұрғын үй) ретінде түсініледі, ал оның шеңберіндегі мүлік – осы кешен құрамындағы жекелеген меншік иелеріне тиесілі дербес жылжымайтын мүлік объектілері (пәтер, тұрғын емес үй-жайлар) болып табылады. Реновациялау шеңберінде тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу шартының құқықтық табиғатын талдау кезінде осы институттың азаматтардың жай инвестициялау шегінен шығатынын ескеру қажет және тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу тетігі арқылы тек қана тұрғын үй ғана салынып қоймай, «қалалық ортаны жаңарту» және «қалаларды модернизациялау» кешені жүзеге асырылады[2037]. Сонымен қатар зерттеліп отырған шарттың құқықтық табиғатын ашу үшін оның экономикалық саладағы инвестициялық технологиялардың жіктелімін ескеру қажет. Кейбір зерттеушілер ұжымдық салымға негізделген «үлестік қаржыландыру» және «реновациялау бағдарламасы бойынша тұрғын үй қорын инвестициялық алмастыруды» бөліп қарастырады және реновация шеңберінде тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу механизмін қолдану осы екі технологиялардың синтезін көрсетеді, мұнда азаматтардың қаражатын тартудың классикалық құралы қалалық ортаны жаңартуға бағытталған мемлекеттік міндеттерге бейімделеді[2038].

Тараптар тұрғысынан алғанда, бір жағынан уәкілетті компания өзгеріссіз қалса, екінші жағынан реновациялау шеңберіндегі үлескер жай үлескерден айырмашылығы болып «Тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу туралы» ҚР Заңының 15 бабының 1) тармағының 2 абзацына сәйкес оның реновациялауға жататын объектінің меншік иесі болып табылуында, осыған сәйкес оны реновация қатысушы деп те атауға болады. Бұл тек қана шарт шеңберіндегі тараптар, ал осы қатынасқа қатысушылар шеңбері

[2036] ‘Реновация’ (Wikipedia. The Free Encyclopedia) <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F> қол жеткізілген күні: 21.03.2026

[2037] Е.М. Акимкин, Е.Л. Беляева және Н.В. Хлебникова, ‘Конфликтные социально-градостроительные ситуации вокруг незавершенного строительства’ (2020) Секция 30 *Социология и градостроительство* 4713

[2038] Н.Ю. Яськова және С.Ю.Самойлов ‘Инвестиционные горизонты совместной деятельности по достижению целей национальных проектов’ (2025) 15 (1) *Экономика и управление* 24

«Тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу туралы» ҚР Заңының 1 бабының 8-2), 8-4), 8-5) тармақтарына сәйкес кең, ол бойынша реновациялау шеңберінде тұрғын үй құрылысына үлестік қатысушылар болып Тұрғын үй құрылысының бірыңғай операторы, құрылыс салушы, уәкілетті компания және реновациялау объектісінің немесе реновациялау объектісіне кіретін жылжымайтын мүліктің барлық меншік иелері табылады. Тұрғын үй құрылысының бірыңғай операторы болып қазіргі таңда «Қазақстан тұрғын үй Компаниясы» АҚ болып табылады, ол Қазақстан Республикасы Үкіметінің 08 қыркүйек 2020 жылғы №557 Қаулысымен құрылды және тұрғын үй құрылысының аяқталуының кепілдемесін беруші мемлекеттік орган болып табылады[2039]. Заң шығарушының «үлескер» және «меншік иесі» терминдерін қатар қолдануы реновация шеңберіндегі тұрғын үй құрылысына үлестік қатысушы тұлғаның бір мезгілде заттық құқық субьектісі ретінде (меншік иесі) және міндеттемелік құқықтың қатысушысы ретінде (үлескер) әрекет етуімен түсіндіріледі. Осыған байланысты жеке тұлғаның құқықтық мәртебесі динамикалық сипатқа ие болып, шарт жасалған сәттен бастап меншік иесі мәртебесінен үлескер мәртебесіне өзгереді. Сондықтан заңнамада «меншік иесі» ұғымының сақталуы меншік құқығын қорғау кепілдіктерін қамтамасыз ету мақсатында негізді болып табылады.

Мақсаты бойынша тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу шарты жаңа тұрғын үйге үлесті сатып алуды көздесе, ал көппәтерлі тұрғын үйдегі тұрғын емес үй-жайға қатысты инвестициялауды көздесе, «Тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу туралы» ҚР Заңының 11,15 баптарына сәйкес реновациялау шеңберіндегі тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу ескі немесе авариялық тұрғын үйді жаңарту болып табылады. Кейбір авторлар реновацияның «Мақсаттар ағашын» құрастыра отырып, оның мақсатын азаматтардың өмір сүру сапасын жақсарту екенін айтады және реновацияны тек құрылыс емес, халық мүддесін ескеретін әдіс ретінде анықтайды[2040].

Тараптардың қосымша міндеттемелері тұрғысынан алғанда, уәкілетті орган әдеттегі тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу шарты бойынша тұрғын үйге үлесті беруге міндетті болса, «Тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу туралы» ҚР Заңының 11 бабының 7 тармағына сәйкес реновация шеңберінде ол қосымша түрде уақытша тұрғын үймен қамтамасыз етуге немесе жалдау шығындарын өтеуге міндетті. Сонымен қатар үлескер тарапынан да қосымша міндеттелер тұрғысынан айырмашылықтар бар: әдеттегі тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу шарты бойынша оның міндеттері негізінен ақша төлеумен және тұрғын үйдегі үлесін қабылдаумен шектелсе, «Тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу туралы» ҚР Заңының 15 бабының 2) тармағының 2 абзацына сәйкес реновация шеңберінде үлескердің міндеттемелері реновация объектісіне меншік құқығын уәкілетті компанияға бергеннен кейін және реновация аяқталып, тұрғын үйдегі үлесін қабылдағаннан сәттен бастап орындалды деп есептеледі.

Құқықтық тәуекелдері тұрғысынан алғанда, әдеттегі тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу шарты бойынша уәкілетті компания тарапынан құрылысты аяқтау мерзімінің кешіктірілуі, үлесті мерзімінде бермеуі немесе сапасыз түрде беруі болса, реновациялық шеңберіндегі тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу шарты бойынша негізгі тәуекелдер бөлме бойынша өтеудің тең шамаластығының сақталмауымен, яғни алынатын үлестің тұрғын алаңы реновациялау объектісіне берілген жылжымайтын мүлік алаңынан кем болуы мүмкіндігімен, сондай-ақ мүлікті бағалау мәселелерінен туындайтын даулармен байланысты болады. Бұл өз кезегінде әділеттілік қағидатының сақталуына қатысты құқықтық мәселелерді туындатуы мүмкін. Сонымен қатар,

[2039]Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2020 жылғы 8 қыркүйектегі №557 қаулысы ‘Тұрғын үй құрылысының бірыңғай операторының кейбір мәселелері туралы’

[2040] Г.В.Гусева, ‘Реновация и комплексное развитие территорий: сущность и взаимосвязь’ (2023) т 14 (1) *Baikal Research Journal* 77-78

реновация бағдарламаларында тұрғын үй құрылысына үлестік қатысудың әлеуметтік маңыздылығы тәуекелдерсіз мүлдем бола алмайды, мысалы бағдарламаны жаппай түрде орындау кезеңінде құрылысы аяқталмаған объектілердің бір мезгілде жинақталу салдарынан оны мерзімінде орындай алмау қалуына әкеліп, «әлеуметтік-қалалық жоспарлау қақтығыстық жағдайына» айналдырады[2041].

2. «Тең шамаластық» және «тең бағалылық (тең құндылық)» құқықтық санаттарының коллизиясы

Қазақстанда тұрғын үй қорын құрылысқа үлестік қатысу арқылы реновациялау институты салыстырмалы түрде жаңа құқықтық институт болып табылады және оның құқықтық негіздері ҚР Құрылыс Кодексінің реновацияға қатысты нормалары 2026 жылы шілдеде күшіне енген сәттен бастап қалыптаса бастайды. Осыған байланысты реновация шеңберінде тұрғын үй құрылысына үлестік қатысуды құқықтық реттеуде туындайтын мәселе болып оның меншік иесіне берілетін тұрғын үйдің баламалылығын айқындау табылады.

Тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу туралы» ҚР Заңының 11 бабының 4 тармағына сәйкес реновация шеңберінде тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу туралы шартта екі негізгі өлшемді қатар белгілейді:

1. Бөлме бойынша өтеудің тең шамаластығы, яғни алынатын үлестің тұрғын алаңы меншік иесі беретін тұрғын үйдің алаңынан кем болмауы тиіс;
2. Тең құнмен өтеу талабы.

Бұл екі өлшемнің ара-қатынасы мен басымдығы заңнамада айқындалмаған, сондықтан құқық қолдану тәжірибесінде даулардың туындауына әкелуі мүмкін. Осы салаға қатысты сот тәжірибесі әлі басталмағандықтан, аталған мәселе доктриналық деңгейде қарастырылады. Теориялық тұрғыдан алғанда, кейбір авторлардың пікірінше, тең шамаластық критерийі тұрғын үйдің экономикалық емес, әлеуметтік мәнімен байланысты, яғни реновация әрбір адамның жалпы баспанаға деген құқығын қанағаттандыру құралы ретінде қарастырылып, тұрғын үй әлеуметтік игілік ретінде бағаланады. Осыған байланысты тұрғындардың ескі пәтерді ауданы жағынан тең немесе үлкенірек пәтерге ауыстыруға құқығы бар деп танылады, бұл өз кезегінде азаматтардың өмір сүру сапасын арттыруына ықпал етеді[2042]. Басқа авторлардың пікірінше, тең шамаластық критерийі орын алуы үшін құрылыс салушының пайдасы жаңадан салынатын түрғын үйдің тұрғын алаңының жаңартылатын тұрғын үйдің алаңынан кемінде бір жарым есеге артық болуы есебінен қалыптасуы тиіс[2043]. Осы көзқарасты басқа да авторлар дамыта отырып, реновация процесіндегі жария (мемлекеттік) және жеке мүдделердің тепе-теңдігін қамтамасыз ету қажеттігін негіздейді, яғни реновация тек «ескі тұрғын үйді жаңасына ауыстыру» шеңберімен шектелмей, тек тұрғын үйдің алаңын ғана емес, сонымен қатар оның орналасқан жерін, инфрақұрылымға қолжетімділігін, экологиялық жағдайын, әлеуметтік ортасын және тұрғындардың қалыптасқан өмір салтын сақтауды да ескеруді талап етеді[2044]. Аталған жалпыға ортақ тұрмыстық жағдайдың сақталуы әлеуметтік әділеттік қағидатына сәйкес келеді. Осылайша тең шамаластық критерийін тар мағынада тек тұрғын үй алаңының

[2041] Акимкин және басқалары, ‘Конфликтные социально-градостроительные ситуации вокруг незавершенного строительства’ (n 12) 4713

[2042] С.Г.Стерник, ‘Комплексное развитие территорий и экономика регионов’ (2023) 2 *Проблемы прогнозирования* 58.

[2043] О.В.Грушина, И.Г. Торгашина, ‘Реновация жилых кварталов в регионах: опыт моделирования и практика реализации’ (2020) 1 *Жилищные стратегии* 23.

[2044] К.Л.Епремян, ‘Правовое регулирование реновации жилищного фонда: баланс публичных и частных интересов’ в *Актуальные проблемы частного права в контексте современных научных исследований: Сборник материалов II Всероссийского конкурса научно исследовательских работ обучающихся по программам высшего образования* (Издательство Санкт-Петербургского государственного экономического университета 2025) 129

теңдігі ретінде емес, кең мағынада азаматтың өмір сүру жағдайларының нашарламауын қамтамасыз ететін әлеуметтік құқықтық кепілдік ретінде түсіну орынды болып табылады.

Тең бағалылық немесе тең құндылық критерийі азаматтық құқықтағы балама қағидатына негізделеді және меншік иесінің мүліктік мүддесін нарықтық құн арқылы қорғауға бағытталған. Азаматтық құқықтағы балама қағидаты Рим құқығындағы *du, ut des* (мен саған беремін – сен де маған беру үшін) немесе *du, ut facias* (мен саған беремін – сен де маған бір нәрсе істеу үшін)[2045] қағидатынан туындайды, өзара бірге *contractus innominate* шарттарына жатады және шарттық қатынастардың өзара ақылы сипатын білдіреді[2046].

Дегенмен бұл тәсіл әрдайым тұрғынның нақты өмір сүру жағдайын сақтауды қамтамасыз ете алмайды, себебі нарықтық құны тең болғанымен, тұрғын үйдің орналасуы, сапасы немесе функционалдық сипаттамалары айтарлықтай өзгеше болуы мүмкін. Тең бағалылық (тең құндылық) мәселесін терең түсінуге азаматтық құқықтағы «өтеу» және «өтемақы» ұғымдарын салыстыра отырып, өтеу институтының негізінде балама және өлшемдік қағидаттары жатқанын атап өту қажет, яғни құқық бұзушылық немесе мүлікті алып қою жағдайында тұлғаның мүліктік жағдайы мүмкіндігінше бастапқы қалпына келтірілуі тиіс, бұл көбінесе мүліктің нарықтық құны арқылы айқындалады[2047]. Өтеу тетігі мүліктің құнын ақшалай немесе оған тең келетін өзге нысанда өтеуге бағытталады, сондықтан ол құндық өлшемге тәуелді болады. Ал өтемақы ұғымы кең мазмұнға ие, өйткені ол мүліктік емес зияндарды өтеуді де қамтуы мүмкін[2048]. Егер реновация процесі өтеу ретінде қарастырылса, онда азаматтық құқықтағы балама қағидаты бойынша мүліктің нарықтық құны қамтамасыз етілуі тиіс және тең бағалылық (тең құндылық) критерийінің басымдығын негіздейді. Алайда реновация тек мүліктік құқықтарды қайта бөлу емес, сонымен қатар әлеуметтік мәні бар процесс екенін ескерсек, тек құндық баламалылық жеткіліксіз болуы мүмкін.

Осы тұрғыдан алғанда, реновация шеңберіндегі қатынастарды «тең шамаластық» пен «тең бағалылық (тең құндылық)» санаттары ерекше маңызға ие, алайда бұл мәселе ғылыми тұрғыдан әлі толық зерттелмеген және бірыңғай құқық қолдану тәжірибесінің қалыптаспауы заңнаманы түсіндірудің ғылыми тұжырымдарға тәуелді болуына алып келеді. Шетелдік тәжірибеге жүгінсек, Ресей Федерациясында реновация бағдарламасы шеңберінде тұрғын үйдің алаңы мен бөлме санының сақталуына басымдық береді[2049]. Ал Германияда, керісінше, мүліктік құқықтарды қорғау көбінесе нарықтық құн негізінде жүзеге асырылады, яғни өтемақы құндық баламаға сүйенеді[2050]. Қазақстандық реновация шеңберінде тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу шартының талаптарын айқындағанда, «тең шамаластық» пен «тең бағалылық (тең құндылық)» санаттарын қатар қолданубасталуда және бұл институттың жаңадан қалыптасып жатқанын ескерсек, заңнамада екі критерийдің бір

[2045] “Du, ut des және du, ut facias” ЭСБЕ (Брокгауза және Ефронның энциклопедиялық сөздігі) <https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95/Do,_ut_des_%D0%B8_Do,_ut_facias> қол жеткізілген күні: 22.03.2026

[2046] Д.Ю. Полдников, ‘О значении некоторых терминов римского договорного права’ (2010) 2 (289) *Известия высших учебных заведений. Правоведение* 161

[2047] К.А.Васильева. ‘К вопросу о соотношении институтов компенсации и возмещения морального вреда’ в *Актуальные проблемы частного права в контексте современных научных исследований: Сборник материалов II Всероссийского конкурса научно исследовательских работ обучающихся по программам высшего образования* (Издательство Санкт-Петербургского государственного экономического университета 2025) 54,55

[2048] Ibid 56

[2049] А.А.Валуй, ‘Координация усилий заинтересованных сторон в процессе реализации программы реновации для обеспечения эффективности воспроизводства и расширения жилищного фонда в регионе’ (2023) т 15 №12 *Экономика и управление: проблемы, решения* 120

[2050] Стерник (n 17) 63

мезгілде бекітілуі олардың тәжірибелік қолданылуына қатысты белгісіздік туындатады. Сонымен қатар критерийлердің жеткілікті нақтыланбауы құрылыс салушыларға жұмыс сапасын үнемдеуге мүмкіндік беріп, үлескердің құқықтарына нұқсан келтіруі ықтимал[2051], сондықтан «тең шамаластық» (аудан мен бөлме санының сақталуы) критерийіне басымдық беру орынды саналады. Бұл тәсіл жоғарыда атап өткендей, тұрғындардың өмір сүру сапасын нақты жақсарту арқылы реновацияның әлеуметтік мәнін қамтамасыз етуге мүмкіндік береді.

3. Реновация шеңберіндегі мүлікті иеліктен шығару мәселелері

Қазақстанда реновация шеңберінде тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу саласының қалыптасу кезеңінде тұрғанын ескере отырып, реновация мақсаттары үшін мүлікті иеліктен шығару тетігінің болмауы маңызды мәселелердің біріне айналып отыр. «Тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу туралы» ҚР Заңының 8-1 бабының 3 тармағының 1) тармақшасына сәйкес реновация жобасын іске асыру үшін реновациялау объектісінің және (немесе) реновациялау объектісіне кіретін жылжымайтын мүліктің барлық меншік иелерінің келісімі талап етіледі, соның ішінде реновациялау шеңберінде кепілдік беру туралы шарт жасасу да толық келісімге тәуелді. Бұл талап меншік құқығын қорғаудың маңызды кепілдігі болғанымен, тәжірибеде «соңғы меншік иесі» деп аталатын мәселенің туындауына әкеледі. Көп жағдайда тұрғындардың басым бөлігі реновация жобасына келісім бергенімен, бір немесе бірнеше меншік иесінің келісім бермеуі бүкіл жобаны тоқтатып, қосымша артықшылықтар талап ету арқылы спекулятивтік мінез-құлық танытуы мүмкін[2052]. Осыған байланысты, ғылыми тұрғыдан реновация шеңберінде тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу саласында көпшілік келісімі негізінде шешім қабылдау тетігін енгізу, яғни белгілі-бір пайыздық межеден асқан жағдайда (мысалы, 2/3 немесе 3/4) жобаға қатысуды міндетті деп тану мәселесі өзекті болып табылады. Бұл ретте келіспеген меншік иелерінің құқықтарын қорғау үшін тең құнды өтемақы, балама тұрғын үй ұсыну сияқты мүмкіндіктер көзделуі тиіс. Тәжірибеде аталған мәселені шешуге қатысты отандық құрылыс салушылар тарапынан баламалы тәсілдер ұсынылуда. Атап айтқанда, Қазақстандық құрылыс салушылар қауымдастығының төрағасы В.Микрюков реновация процесін мемлекеттік қажеттіліктер санатына көшіру қажеттігін, Германия мемлекетінің тәжірибесіне сүйене отырып, мемлекеттің негізгі медиатор ролін атқарып, реновация объектілерінің меншік иелерінен тұрғын үйді сатып алып, инвестор үшін алаңды алдын-ала дайындайтынын, осылайша ұзаққа созылатын даулар мен баға бойынша алып-сатарлықтың алдын алатынын атап өтті және тұрғындармен келісімге келу қиындығын жою үшін және реновация бағдарламасының жүзеге асырылуын тежемеу үшін «Қазақстан тұрғын үй Компаниясы» АҚ-на проективтік ұстаным қалыптастыру қажеттігін атап көрсетті[2053].

Заңнаманы жетілдіру тұрғысынан алғанда, құқықты теріс пайдалану тәуекелін азайту үшін бірнеше бағыт туындайды. Біріншіден, реновация шеңберіндегі тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу шартындағы «тең шамаластық» пен «тең бағалылықты (тең құндылықты)» бағалаудың әдістемесін нақтылау қажет. Екіншіден, реновация жобасын жүзеге асыруға көпшілік келісімі берілген жағдайда келіспейтін меншік иелерінің бас тартуын бағалаудың критерийлері заңда немесе түсіндірме актілерінде айқындалуы тиіс: қандай жағдайлар орынды бас тарту болып саналады, ал қандай негіздер немесе іс-әрекеттер құқықты теріс пайдалану ретінде бағалануы мүмкін. Үшіншіден, уәкілетті компанияның ақпарат ашу, сапа стандарттарын дәлелдеу және

[2051] Епремян (n 19) 129
[2052] Реновация по новому (n 2)
[2053] Ibid (n 2)

тұрғындарды уақытша тұрғын үйге көшіру шығындарын өтеу жөніндегі міндеттері нақты реттелуі қажет.

Қорытындылай келе, бұл салада сот тәжірибесі қалыптасқанға дейін азаматтық құқықтың негізгі қағидаттары (адалдық, ақылға қонымдылық, әділдік) тараптар арасында жұмыс жасауы тиіс және аталған өлшемдер арқылы бағаланғанда ғана реновация шеңберіндегі тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу институты жеке құқықтарға нұқсан келтірмей, қоғамдық мүддені тиімді қорғайтын теттікке айналады.

Қорытынды

Тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу шарты мен реновация шеңберіндегі тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу шартын салыстырмалы талдау нәтижесінде соңғысының құқықтық табиғаты күрделеніп, қарсы ұсыныстың ақшалай нысаннан мүліктік нысанға ауысуына (айырбасталуына) байланысты аралас шарт ретінде қалыптасатыны анықталды. Сонымен қатар, реновация жағдайында үлескердің құқықтық мәртебесі өзгеріп, оның меншік иесі және міндеттемелік қатынастың қатысушысы ретінде қосарлы табиғаты анықталды.

«Тең шамаластық» және «тең бағалылық (тең құндылық)» санаттарының ара-қатынасы заңнамада нақты айқындалмағандықтан, құқықтық белгісіздік туындататыны негізделді, осыған байланысты реновацияның әлеуметтік мәнін ескере отырып, тұрғын үй алаңы мен өмір сүру жағдайларының сақталуын қамтамасыз ететін тең шамаластық критерийіне басымдық беру қажеттілігі негізделді.

Реновация шеңберіндегі тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу шарты институтының тиімді жұмыс істеуі заңнамадағы ережелерді нақтылау, әсіресе бағалау әдістемесін (тұрғын алаңы, бөлме саны, орналасқан жері, инженерлік және әлеуметтік инфрақұрылым, техникалық жай-күйі, нарықтық құны), қатысу тәртібін (реновация объектілері меншік иелерінің көпшілік дауыс өлшемін анықтау) және құқықты теріс пайдалануды шектеу (бас тарту негіздерін анықтау) тетіктерін жетілдіру арқылы қамтамасыз етіледі.

Пайдаланылған әдебиеттер:

1. 07 сәуір 2016 жылғы ‘Тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу туралы’ ҚР Заңы.
2. 09 қаңтар 2026 жылғы ҚР Құрылыс Кодексі.
3. ‘Қазақстан Республикасының кейбір заңнамалық актілеріне сәулет, қала құрылысы және құрылыс мәселелері бойынша өзгерістер мен толықтырулар енгізу туралы’ Қазақстан Республикасының 2026 жылғы 09 қаңтардағы №254-VIII ҚРЗ Заңы.
4. ‘Реновация по новому: в Казахстане запускают механизм гарантий для сноса аварийного и ветхого жилья’ *Atameken.kz.* (19 наурыз 2026 жыл) <https://atameken.kz/news?slug=56369-renovatsiya-po-novomu-v-kazahstane-zapuskayut-mehanizm-garantij-dlya-snosa-avarijnogo-i-vethogo-zhilya&lang=ru> қол жеткізілген күні: 21.03.2026.
5. ‘Тұрғын үй - коммуналдық инфрақұрылымды дамытудың 2023-2029 жылдарға арналған тұжырымдамасын бекіту туралы’ Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2022 жылғы 23 қыркүйектегі №736 Қаулысы.
6. Евсеева О.А., ‘Правовые основания защиты прав граждан - участников долевого строительства жилья’ *Актуальные проблемы права в современной России* (выпуск 4 Готик 2007).
7. Майборода Т.Ю, *Договор долевого участия в строительстве жилья* (заң ғыл канд автореф диссертациясы, Екатеринбург 2007).
8. Резцова Е.В, *Правовая природа договора долевого участия в жилищном строительстве* (заң ғыл канд диссертациясы, Москва 2006).

9. Брагинский М. И. және Витрянский В.В., *Договорное право*. *Книга вторая: Договоры о передаче имущества* (Москва Статут, 2000).
10. Майфат А.В., *Гражданско-правовые конструкции инвестирования: Монография* (СПС «Гарант» 2006) 22.
11. Акчулпанова Е. Х., *Правовое регулирование договора участия в долевом строительстве* (заң ғыл канд диссертациясы, Казань 2006).
12. Скловский К.И., 'Договор долевого участия в строительстве и возникновение права собственности на объект долевого строительства' (2008) 7 *Хозяйство и право*.
13. 'Реновация' (Wikipedia. The Free Encyclopedia) <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F> қол жеткізілген күні: 21.03.2026.
14. Акимкин Е.М., Беляева Е.Л. және Хлебникова Н.В. 'Конфликтные социально-градостроительные ситуации вокруг незавершенного строительства' (2020) Секция 30 *Социология и градостроительство.*
15. Яськова Н.Ю және Самойлов С.Ю. 'Инвестиционные горизонты совместной деятельности по достижению целей национальных проектов' (2025) 15 (1) *Экономика и управление*.
16. Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2020 жылғы 8 қыркүйектегі №557 қаулысы 'Тұрғын үй құрылысының бірыңғай операторының кейбір мәселелері туралы'.
17. Гусева Г.В., 'Реновация и комплексное развитие территорий: сущность и взаимосвязь' (2023) т 14 (1) *Baikal Research Journal*.
18. Стерник С.Г., 'Комплексное развитие территорий и экономика регионов' (2023) 2 *Проблемы прогнозирования*.
19. Грушина О.В. және Торгашина И.Г., 'Реновация жилых кварталов в регионах: опыт моделирования и практика реализации' (2020) 1 *Жилищные стратегии* 23.
20. Епремян К.Л., 'Правовое регулирование реновации жилищного фонда: баланс публичных и частных интересов' в *Актуальные проблемы частного права в контексте современных научных исследований: Сборник материалов II Всероссийского конкурса научно исследовательских работ обучающихся по программам высшего образования* (Издательство Санкт-Петербургского государственного экономического университета 2025).
21. "Du, ut des және du, ut facias" ЭСБЕ (Брокгауза және Ефронның энциклопедиялық сөздігі) <https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95/Do,_ut_des_%D0%B8_Do,_ut_facias> қол жеткізілген күні: 22.03.2026.
22. Полдников Д.Ю., 'О значении некоторых терминов римского договорного права' (2010) 2 (289) *Известия высших учебных заведений. Правоведение*.
23. Васильева К.А., 'К вопросу о соотношении институтов компенсации и возмещения морального вреда' в *Актуальные проблемы частного права в контексте современных научных исследований: Сборник материалов II Всероссийского конкурса научно исследовательских работ обучающихся по программам высшего образования* (Издательство Санкт-Петербургского государственного экономического университета 2025).
24. Валуй А.А., 'Координация усилий заинтересованных сторон в процессе реализации программы реновации для обеспечения эффективности воспроизводства и расширения жилищного фонда в регионе' (2023) т 15 №12 *Экономика и управление: проблемы, решения.*

Кайжакпарова Аида Бахытжановна
Кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник отдела анализа эффективности законодательства Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан,
г. Астана, Республика Казахстан;
e-mail: a.kaizhakparova@vss.gov.kz

Жаксылыкова Алуа Курмангалиевна
Магистр юридических наук,
старший научный сотрудник отдела анализа эффективности законодательства Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан,
г. Астана, Республика Казахстан;
e-mail: alua_30@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация: Вопросы информатизации, а значит и обеспечение информационной безопасности, приобретают сегодня особую актуальность.

Современное развитие общества, характеризуется стремительной цифровизацией всех сфер жизни – от экономики до образования, здравоохранения и правосудия. В этих условиях информатизация становится не только инструментом повышения эффективности и прозрачности процессов, но и фактом национальной конкурентоспособности. Вместе с тем цифровая среда порождает новые вызовы, связанные с безопасностью данных, киберугрозами, технологической зависимостью и защитой цифрового суверенитета.

Особое внимание этим вопросам уделено в последнем Послании Президента Республики Казахстан К.К. Токаева народу Казахстана «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию». Глава государства подчеркнул, что развитие искусственного интеллекта и цифровых технологий должно стать ключевым направлением государственной политики, а Казахстан в течение ближайших трех лет должен превратиться в полноценную цифровую страну.

В Послании акцентировано, что информатизация требует системного подхода, охватывающего нормативное регулирование, развитие инфраструктуры, формирование цифровых компетенций населения, а также обеспечение кибербезопасности. Цифровая трансформация рассматривается как основа для модернизации экономики, повышения качества государственного управления и укрепления доверия управления граждан к институтам власти.

Таким образом, изучение информационной безопасности является необходимым условием для обеспечения устойчивого и безопасного функционирования как отдельных пользователей, так и организаций в условиях современного цифрового мира. Важно не только осознавать риски, но и применять эффективные методы защиты информации, что делает эту тему особенно актуальной для всех участников информационного пространства.

В статье предложены пути совершенствования законодательства Республики Казахстан в сфере информационной безопасности, выработаны научно обоснованные рекомендации и предложения по их реализации. В этой связи авторами, выявлены пробелы, дефекты, внесены предложения по

совершенствованию некоторых институтов законодательства в сфере информационной безопасности

Ключевые слова: информатизация, информационная безопасность, анализ эффективности законодательства, законодательство в сфере информационной безопасности, цифровизация, искусственный интеллект, совершенствование, трансформация, электронное правительство, цифровая сфера.

Введение

Информатизация в Республике Казахстан представляет собой последовательный процесс создания правовой, организационно-технологической и инфраструктурной основы, направленный на трансформацию государства в цифровое общество и совершенствование государственной информационной инфраструктуры.

Первые дискуссии о важности активного внедрения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и процессов цифровизации в Казахстане возникли в середине 1990-х годов. В то время основной упор делался на развитие телекоммуникационной инфраструктуры как фундамента экономического роста и формирования концепции информационного общества. Еще с 1990-х годов в республике активно формировались программные компании, системные интеграторы и ИКТ-сектор, что послужило предпосылкой для последующего государственного регулирования данной отрасли.

Правовой основой развития информатизации в Казахстане стал Закон Республики Казахстан «Об информатизации» от 11 января 2007 года № 217-III. Этот нормативный акт направлен на формирование условий для цифровой трансформации, установление правовых рамок для функционирования и охраны электронных информационных ресурсов, систем, а также процессов разработки и интеграции инновационных ИТ-технологий. Документ закрепил ключевые понятия, субъектно-объектный состав информатизации, права и обязанности государственных и негосударственных участников информационного обмена. На базе этих положений начала развиваться система электронного правительства, государственные электронные услуги и иерархическая структура управления в области информатизации.

Впоследствии, с учетом технологического прогресса и потребности в приведении национального законодательства в соответствие с международными стандартами, был утвержден новый Закон Республики Казахстан «Об информатизации»[2054] от 24 ноября 2015 года № 418-V ЗРК. Этот акт модернизировал инструменты государственного надзора, управления и совершенствования электронных информационных ресурсов, а также установил системы централизованного контроля и ответственность за их эксплуатацию.

Информатизация в Казахстане превратилась в ключевое стратегическое направление государственной политики. В этом ракурсе приоритет отдается развитию цифровой инфраструктуры, электронного правительства, обеспечению открытого доступа к данным, технологической нейтральности и охране прав граждан в цифровой сфере. Нормативно-правовые акты предусматривают не только модернизацию отрасли, но и формирование эффективной системы управления и надзора с учетом актуальных вызовов и зарубежного опыта.

Президентом Республики Казахстан ежегодно акцентируется внимание вопросам развития цифрового Казахстана.

[2054] Закон Республики Казахстан от 24 ноября 2015 года № 418-V «Об информатизации» <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000418>

Так в последнем послании народу Казахстана 8 сентября 2025 года[2055] Главой государства подчёркнуто, что основная задача государства – превратить Казахстан в полностью цифровое государство в течение трех лет. На этом пути создано Министерство искусственного интеллекта и цифрового развития, будет ускорено принятия Цифрового кодекса, охватывающего искусственный интеллект, большие данные и платформенную экономику.

Кроме того, Указом Президента Республики Казахстан от 5 ноября 2025 года № 1081 «Об утверждении основных принципов, ценностей и направлений внутренней политики Республики Казахстан»[2056] закрепляется, что в настоящее время формируется новый технологический уклад на основе масштабной цифровизации и использования искусственного интеллекта. Эти процессы оказывают определенное влияние на социальные структуры современных общества, в том числе Казахстан.

Таким образом, вопросы цифровизации напрямую взаимосвязаны с обеспечением информационной и кибербезопасности, что подтверждает актуальность и соответствие действующего законодательства стратегическим целям государства, направленным на построение безопасного и технологически устойчивого цифрового общества.

Основная часть

Анализ законодательства в сфере информатизации показывает наличие следующих дефектов, способствующие формированию различной практики применения:

1. Согласно подпункту 56) статьи 1 Закона об информатизации под цифровой грамотностью понимаются знание и умение человека использовать информационно-коммуникационные технологии в повседневной и профессиональной деятельности. Полагаем, что цифровой грамотностью также должны обладать интеллектуальные роботы, о которых также упоминает указанный Закон. Считаем, что требования о наличии специальной грамотности в области цифровизации должны распространяться на всех субъектов, имеющих отношение к использованию информационно-коммуникационные технологии.

Таким образом, предлагается подпункт 56) статьи 1 Закона об информатизации изложить в следующей редакции: ***«56) цифровая грамотность - знание и умение человека и интеллектуального робота использовать информационно-коммуникационные технологии в повседневной и профессиональной деятельности»***.

2. По тексту всего Закона встречается понятие «искусственный интеллект», содержание которого не раскрывается. Полагаем, что такой факт является пробелом.

Отсутствия законодательно закрепленного понятия ИИ не позволяет очертить пределы применения этого феномена. Следует отметить, что ИИ отождествляется с техническими способами системы, которые способны к выполнению задач, в т.ч. и связанных со сферой восприятия, понимания текста, организации движений.

К примеру, предлагается в Законе об информатизации закрепить следующее понятие искусственного понятия: ***комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая***

[2055] Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию». <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-kazahstan-v-epohu-iskusstvennogo-intellekta-aktualnye-zadachi-i-ih-resheniya-cherez-cifrovuyu-transformaciyu-885145>

[2056] Об утверждении основных принципов, ценностей и направлений внутренней политики Республики Казахстан Указ Президента Республики Казахстан от 5 ноября 2025 года № 1081. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2500001081>

самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека.

3. Статья 3 Закона об информатизации определяет принципы государственного регулирования общественных отношений в сфере информатизации. Так, к таким принципам относятся:

1) законность;

2) соблюдение прав, свобод и законных интересов физических лиц, а также прав и законных интересов юридических лиц;

3) равенство прав физических и юридических лиц на участие в деятельности в сфере информатизации и использование ее результатов;

4) обеспечение свободного доступа к электронным информационным ресурсам, содержащим информацию о деятельности государственных органов (презумпция открытости), и обязательного их предоставления, кроме электронных информационных ресурсов, доступ к которым ограничен в соответствии с законами Республики Казахстан;

5) своевременность предоставления, объективности, полноты и достоверности электронных информационных ресурсов, в отношении которых законами Республики Казахстан установлен обязательный характер их публичного распространения либо предоставления государственными органами;

6) свобода поиска, формирования и передачи любых электронных информационных ресурсов, доступ к которым не ограничен в соответствии с законами Республики Казахстан;

7) обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационно-коммуникационных технологий;

8) создание условий для развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и добросовестной конкуренции;

9) обеспечение централизованного управления объектами информатизации «электронного правительства»;

10) осуществление деятельности по информатизации на территории Республики Казахстан на основе единых стандартов, обеспечивающих надежность и управляемость объектов информатизации.

Полагаем, что данный перечень принципов не должен быть исчерпывающим, так как сфера информатизации является одним из самых востребованных и соответствующих современным требованиям общества и мира в целом.

Так, к примеру, в данном перечне отсутствует такой важный принцип как открытость информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления и доступ к такой информации способом, не противоречащим законодательству Республики Казахстан.

4. В соответствии с пунктом 1 статьи 8 Закона об информатизации экспертный совет возглавляется руководителем уполномоченного органа и в его состав включаются должностные лица – **руководители государственных органов**, ответственных за информатизацию деятельности государственного органа, представители уполномоченного органа, сервисного интегратора «электронного правительства», уполномоченного органа в сфере обеспечения информационной безопасности и иных организаций в сфере информатизации по согласованию с указанными органами и организациями.

Отмечается, что согласно Приказу Министра информации и коммуникаций Республики, Казахстан от 19 августа 2016 года № 97 «Об утверждении состава и положения экспертного совета в сфере информатизации» в состав экспертного совета входят также руководители структурных подразделений. На наш взгляд в состав экспертных советов должны входить компетентные лица, владеющие

специальными знаниями в области информатизации, которые не всегда являются первыми руководителями государственных органов.

5. Согласно подпункту 2) пункта 1 статьи 21 Закона одной из целей функционирования «электронного правительства» является повышение гласности в деятельности государственных органов, обеспечение доступности информации, общественного контроля и участия населения в решении вопросов государственного управления на всех уровнях.

Между тем, по мнению Организации экономического сотрудничества и развития, вовлечение гражданского общества в процессы принятия решений еще не находится на должном уровне[2057]. Казахстану необходимо приложить дополнительные усилия для повышения доверия населения к правительству и вовлечения гражданского общества в процессы разработки, реализации и оценки политики[2058].

Также в научном и профессиональном сообществах отмечается проблема низкой прозрачности расходов по информатизации[2059] .

Для повышения доверия и участия граждан в решении вопросов государственного управления полагаем необходимым принятие законодательных и организационных мер по усилению гласности, подотчетности и прозрачности в сфере информатизации, а также привлечению общественности к деятельности правительства.

6. Пунктом 5 статьи 35 Закона об информатизации закрепляются случаи, когда доступ к государственным электронным информационным ресурсам не может быть ограничен. К таким случаям относятся:

1) нормативные правовые акты, за исключением содержащих государственные секреты или иную охраняемую законом тайну;

2) сведения о чрезвычайных ситуациях, природных и техногенных катастрофах, погодных, санитарно-эпидемиологических и иных условиях, необходимые для жизнедеятельности и обеспечения безопасности граждан, населенных пунктов и производственных объектов;

3) официальные сведения о деятельности государственных органов;

4) сведения, накапливаемые в открытых информационных системах государственных органов, библиотек, архивов и иных организаций.

На наш взгляд, перечень таких случае не должен быть ограничен, так как часто сферы обязательного информирования населения относится к объектам повышенной заинтересованности населения. Кроме того, к такому перечню следовало бы отнести информацию о состоянии окружающей среды.

Таким образом, предлагается пункт 5 статьи 35 Закона об информатизации дополнить подпунктом 5), изложив его в следующей редакции: ***«5) иной информации, недопустимость ограничения доступа к которой установлены законами Республики Казахстан.».***

Заключение

Информатизация общества — это целенаправленный социально-экономический и научно-технический процесс, ориентированный на формирование

[2057] Интернет-журнал Власть // Интернет-ресурс <https://vlast.kz/obsshestvo/21919-50-ottenkov-otkrytogo-pravitelstva-v-kazahstane.html>;

[2058] «Открытое Правительство: глобальный контекст и путь вперед» // OpenGovernment. The Global Context and the Way Forward http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/governance/open-government_9789264268104-en#page1

[2059] Материалы конференции для руководителей и ИТ-директоров госсектора «Информационные технологии в государственном секторе. Диалог с бизнесом», 27-30 сентября 2016 года, Алматы. http://profitday.kz/government/2016#section-agenda

благоприятных условий для удовлетворения информационных нужд и всестороннего прогресса общества. В частности, она гарантирует и содействует реализации прав граждан, государственных органов, местного самоуправления, организаций и общественных объединений посредством создания и применения информационных ресурсов.

По результатам проведенного анализа можно констатировать, что достижения в области информационных технологий охватили подавляющее большинство секторов государственной и общественной жизни во всех регионах Казахстана. ИТ стали одним из ключевых драйверов динамичной эволюции современного общества — от постиндустриальной модели к информационной. В ближайшем будущем успех в любой сфере будет определяться эффективным применением и контролем над информационными технологиями и ресурсами. Для полноценного использования информационных ресурсов с гарантией прав и безопасности граждан и организаций необходимо адаптировать национальное законодательство к текущим трансформациям и глобальным стандартам.

Проведенный анализ выполнен с целью выявления дефектов, восполнения пробела и неточностей, а также для внесения предложения по совершенствованию некоторых институтов законодательства в сфере информационной безопасности и позволяет выработать следующие рекомендации:

1. Предлагается подпункт 56) статьи 1 Закона об информатизации изложить в следующей редакции: ***«56) цифровая грамотность - знание и умение человека и интеллектуального робота использовать информационно-коммуникационные технологии в повседневной и профессиональной деятельности»***.

2. Рекомендуется в Законе об информатизации закрепить следующее понятие искусственного понятия: ***комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека.***

3. Так как сфера информатизации является одним из самых востребованных и соответствующих современным требованиям общества и мира в целом, перечень принципов не должен быть исчерпывающим.

4. Считаем целесообразным пересмотреть пункт 1 статьи 8 Закона об информатизации, так как на наш взгляд в состав экспертных советов должны входить компетентные лица, владеющие специальными знаниями в области информатизации, которые не всегда являются первыми руководителями государственных органов.

5. Для повышения доверия и участия граждан в решении вопросов государственного управления полагаем необходимым принятие законодательных и организационных мер по усилению гласности, подотчетности и прозрачности в сфере информатизации, а также привлечению общественности к деятельности правительства.

6. Полагаем необходимым пункт 5 статьи 35 Закона об информатизации дополнить подпунктом 5), изложив его в следующей редакции: ***«5) иной информации, недопустимость ограничения доступа к которой установлены законами Республики Казахстан.».***

Зиналиева Жанна Темирбековна
Құқықтану мамандығының 2-курс студенті
Maqsut Narikbayev University Құқық жоғары мектебі
Астана қ, Қазақстан Республикасы
E-mail: zinalieva2006@gmail.com

КВАЗИНЕКЕЛІК ҚАТЫНАС

Аннотация: Қазіргі Қазақстан қоғамында ресми тіркелмеген одақтардың көбеюі және олардың мемлекеттік қорғаудан тыс қалуы зерттеудің өзектілігін айқындайды. Осы мақаланың мақсаты-квазинекелік қатынастардың құқықтық табиғатын талдау, оның ресми некеден айырмашылығын зерделеу және мемлекеттің бұл одақтарды мойындамау себептері мен оның салдарын ғылыми тұрғыдан бағалау болып табылады. Зерттеу барысында «квазинекелік қатынастар» терминінің басқа балама анықтамалардан артықшылығы мен оның заңдық маңызы бар белгілері қарастырылады. Жұмыс барысында ұлттық заңнамалық актілерді талдау, сот практикасын зерделеу және статистикалық деректерді саралау әдістері қолданылды. Мақаланың жаңалығы іс жүзіндегі некелердің мүліктік, мұрагерлік және балалардың құқықтарына қатысты тудыратын құқықтық коллизияларын жүйелі түрде айқындау және шешу жолдарын ұсыну болып табылады.

Түйінді сөздер: квазинекелік қатынастар, іс жүзіндегі неке, отбасы институты, мүліктік құқықтар, неке, бала құқығы, заңнамалық коллизиялар, Қазақстан Республикасы, құқықтық реттеу, статистика.

Аннотация: Актуальность исследования обусловлена увеличением числа официально не зарегистрированных союзов в современном казахстанском обществе и их нахождением вне государственной защиты. Цель данной статьи — анализ правовой природы квазибрачных отношений, изучение их отличий от официального брака, а также научная оценка причин и последствий непризнания государством данных союзов. В ходе исследования рассматриваются преимущества термина «квазибрачные отношения» перед другими альтернативными определениями, а также его юридически значимые признаки. В процессе работы применялись методы анализа национальных законодательных актов, изучения судебной практики и оценки статистических данных. Новизна статьи заключается в системном определении правовых коллизий, порождаемых фактическими браками в части имущественных, наследственных прав и прав детей, а также в предложении путей их разрешения.

Ключевые слова: квазибрачные отношения, фактический брак, институт семьи, имущественные права, брак, права ребенка, законодательные коллизии, Республика Казахстан, правовое регулирование, статистика.

Abstract: The relevance of the study is determined by the increase in the number of officially unregistered unions in modern Kazakhstani society and their lack of state protection. The aim of this article is to analyze the legal nature of quasi-marital relations, study their differences from official marriage, and scientifically evaluate the reasons for and consequences of the state's non-recognition of these unions. In the course of the research, the advantages of the term "quasi-marital relations" over other alternative definitions, as well as its legally significant features, are considered. Methods of analyzing national legislative acts, studying judicial practice, and evaluating statistical data were applied during the work. The novelty of the article lies in the systematic identification of legal collisions generated by de facto marriages regarding property, inheritance, and children's rights, as well as in proposing ways to resolve them.

Keywords: quasi-marital relations, de facto marriage, institution of the family, property rights, marriage, children's rights, legislative collisions, Republic of Kazakhstan, legal regulation, statistics.

Кіріспе

Қазақстан Республикасы Конституциясының 27-бабында «неке мен отбасы, ана мен әке және бала мемлекеттің қорғауында болады» деп жарияланған.[1] Бұл норма ересек еркектер мен әйелдердің некеге тұру және отбасын құру құқығын танитын Адам құқықтарының жалпыға бірдей декларациясының 16-бабымен іргелес келеді. ҚР заңнамасына сәйкес «неке» және «отбасы» терминдерінің нақты құқықтық мағынасын анықтамай тұрып, мемлекеттің азаматтар алдындағы жауапкершілік шекарасын белгілеу мүмкін емес.

ҚР «Неке (ерлі-зайыптылық) және отбасы туралы» Кодексінің 1-бабы 1-тармағының 29-тармақшасына сәйкес, отбасы — «некеден (ерлі-зайыптылықтан), туыстықтан, жекжаттықтан, бала асырап алудан немесе балаларды тәрбиеге алудың өзге де нысандарынан туындайтын мүліктік және мүліктік емес жеке құқықтар мен міндеттермен байланысты адамдар тобы» ретінде анықталады. [2] Отбасы бұл идеялық ортақтықпен және өзара міндеттермен сипатталатын, неке немесе қандас туыстық негізіндегі адамдардың бірігу нысаны. Бұл ретте неке тұлғааралық қатынастарды құқықтық деңгейде бекіту мен әлеуметтік реттеудің тарихи әртүрлі тетіктерінің бір көрінісі бола отырып, ерлі-зайыптылар арасындағы қатынастарды әлеуметтік-құқықтық тұрғыдан заңдастыру қызметін атқарады.

Некелік қатынастарды ресми тіркеу дәстүрлі түрде отбасы институтын тұрақтандырушы фактор болып табылады. «ҚР Неке және Отбасы туралы кодексінің 1-бабы 26) неке – ерлі-зайыптылар арасындағы мүліктік және жеке мүліктік емес құқықтар мен міндеттерді туғызатын, отбасын құру мақсатында ҚР заңында белгіленген тәртіппен тараптардың ерікті және толық келісімімен жасалған еркек пен әйел арасындағы тең құқықты одақ. Құқықтық нормалардың көмегімен қоғам мен мемлекет ерлі-зайыптылық қатынастар сәйкес келуі тиіс нысанды бекітті.» [3] Дегенмен, қазіргі қоғам шындығында неке-отбасы қатынастарының ерекше санаты-іс жүзіндегі неке, яғни еркек пен әйелдің бірге тұруы немесе заңда белгіленген тәртіппен тіркелмеген ерлі-зайыптылық қатынастар ерекше құқықтық маңызға ие. Осылайша, заң «отбасылық құқықтар мен міндеттердің» туындауын нақты заңды фактілермен байланыстырады, олардың ішіндегі ең бастысы-мемлекеттік тіркеу болып табылады. Демек, Қазақстандағы құқықтық реттеу тек тіркелген некелерге ғана бағытталған. Конституция отбасын қорғауға кепілдік бергенімен, іс жүзінде «квази неке», яғни тиісті түрде ресімделмеген одақ мемлекеттің қорғауынан тыс қалады. Бұл бірқатар күрделі мәселелер мен құқықтық коллизияларды тудырады.

Негізгі бөлім

Жалпыға ортақ әлеуметтік институттардың трансформациялануы жағдайында дәстүрлі отбасы моделі айтарлықтай өзгерістерге ұшырауда. Қазіргі қоғамда ресми неке мен бірге тұру арасындағы шекаралар барған сайын жойылып, тіркелмеген одақтар девиантты мінез-құлықтан әлеуметтік нормаға айналуда. Соңғы жылдары Қазақстан Республикасында АХАТ органдарында қарым-қатынастарын ресми тіркеусіз бірге тұруды таңдайтын жұптардың саны айтарлықтай өскені байқалады. Бұл құбылыс ғылыми әдебиеттерде «бірге тұру» немесе «азаматтық неке» сияқты ұғымдармен салыстырғанда дәлірек және бейтарап деп саналатын «квазинекелік қатынастар» терминімен құқықтық тұрғыдан дұрыс саналады.

Дәстүрлі «бірге тұру» немесе «азаматтық неке» ұғымдарының орнына «квазинекелік қатынастар» терминін қолдану қоғамдық жағымсыз пікірден және өзге

анықтамалардың құқықтық кемшіліктерінен аулақ болуға және тіркелген некемен функционалдық ұқсастығына баса назар аударуға көмектеседі.

«Квази» сөзінің этимологиялық мағынасына тоқталайық. «Квази-» қосымшасы этимологиялық тұрғыдан латын тілінен бастау алып, «сияқты» немесе «ұқсас» деген мағынаны білдіреді, ал «некелік» түбірі латынның maritalis (некеге қатысты) сөзінен шыққан. Осылайша, «квазинекелік» ұғымы сөзбе-сөз «некеге ұқсас» деп түсіндіріледі.» [4]. Квазинекелік одақ мемлекеттік тіркеуді қоспағанда, қатардағы некелік одақтың барлық көріністерін толықтай қайталайды. Бұл термин екі адамның арасындағы ұзақ мерзімді, берік қарым-қатынастарды сипаттайды; мұндай одақтар бірге тұруды, өзара қолдау мен міндеттерді бөлісуді қоса алғанда және ерлі-зайыптылардың құқықтары мен міндеттерін іс жүзінде ерікті түрде орындаумен қатар некенің динамикасын толықтай көрсетеді, бірақ ресми некемен басты айырмашылығы мемлекеттік АХАТ органдарында ресми тіркелмеуі. Қазіргі заңнамада неке ретінде еркек пен әйелдің заңды түрде ресімделген одағы танылатындықтан, квазинеке-бұл сөздің заңдық мағынасындағы неке емес, іс жүзіндегі бірге тұру болып табылады.

Сонымен қатар, қоғамда кең таралған «азаматтық неке» термині жоғарыда талданған терминнің синонимі емес екенін және азаматтық некені тіркелмеген неке ретінде түсіну кезінде ажырата білген дұрыс. Бүгінде, мешіттерде неке қию рәсімі тек АХАТ органдарында тіркеліп, тиісті куәлік алынғаннан кейін ғана өткізіледі. Бұл заңдылықты қамтамасыз етудің маңызды тетігі болып табылады және іс жүзіндегі неке мен бірге тұрудан ажыратылады.

Баламалы терминдердің бірі «бірге тұру» термині тек гетеросексуалды емес, сонымен қатар «отбасы үлгісіндегі» гомосексуалды бірге тұру фактілерін де қамтуы мүмкін және оның мағыналық әсері біршама жағымсыз әлеуметтік стигматизция тудыруы мүмкін.

Ең алдымен, Қазақстан Республикасының құқықтық кеңістігіндегі ұғымдық санат ретінде іс жүзіндегі неке немесе квазинекелік қатынастардың нені білдіретінін анықтап алу қажет. «Іс жүзіндегі неке-бұл АХАТ органдарында тіркелмеген, ұзақ уақыт бойы бірге тұратын және ортақ шаруашылық жүргізетін, бір-біріне қатысты ерлі-зайыптылардың құқықтары мен міндеттерін жүзеге асыратын еркек пен әйелдің ерікті одағы; ол жақын қарым-қатынастардың болуымен, жақын туыстықтың және басқа іс жүзіндегі немесе тіркелген некенің болмауымен сипатталады.» [5] Құқықтық доктринада іс жүзіндегі неке-бұл ер мен әйелдің де-факто ерлі-зайыптылар сияқты өмір сүруі, бірақ оларда бұл одақты растайтын де-юре құжаттардың болмауы. Бұл жағдайда мазмұны бар, бірақ нысаны жоқ.

Қазақстан заңнамасы тұрғысынан адамдар арасындағы қатынастарды іс жүзіндегі неке ретінде сипаттауға мүмкіндік беретін заңдық маңызы бар белгілерді анықтау керек.

Мұндай белгілерге мыналар жатады:

- Аталған қатынастардың АХАТ органдарында мемлекеттік тіркеуінің болмауы.
- ҚР Кодексінің 9-бабында көзделген неке қиюдың негізгі шарттарының сақталуы: неке жасына толған еркек пен әйелдің толық келісім негізіндегі ерікті одағы.
- Моногамдық (бірнекелілік) және ҚР Кодексінің 11-бабында көрсетілген неке қиюға кедергі болатын мән-жайлардың болмауы (жақын туыстықтың және басқа тіркелген некенің болмауы).
- Бірге тұру және ортақ шаруашылық жүргізу, бұл екі тұлғаның да мүддесі үшін олардың өзара келісімі бойынша күнделікті қажеттіліктерін қанағаттандыруды, сондай-ақ мұндай қатынастардың ұзақтығын білдіреді.
- Ерлі-зайыптылардың құқықтары мен міндеттерін іс жүзінде жүзеге асыру. Бұл ретте, ҚР Кодексінің 6-бабына сәйкес, азаматтар неке-отбасы қатынастарынан туындайтын құқықтарды өз қалауы бойынша иеленеді; іс жүзіндегі некеде бұл олардың

ресми түрде бекітілмегеніне қарамастан, некелік қатынастардың болу фактісінің өзінен туындайтын міндеттерді ерікті түрде орындауынан көрінеді.

Осылайша, Қазақстан Республикасындағы іс жүзіндегі некені заңда белгіленген тәртіппен тіркелмеген, бірге тұратын, ортақ шаруашылық жүргізетін және бір-біріне рухани әрі материалдық қолдау көрсететін еркек пен әйелдің ерікті одағы деп анықтау қажет. Қазақстан Республикасындағы іс жүзіндегі одақтың құқықтық табиғатын талдау кезінде ҚР Неке және Отбасы туралы кодексінің 2-бабы 3-тармағына сәйкес «Тек мемлекеттік органдар қиған неке ғана танылады. Діни жоралар мен рәсімдер бойынша қиылған неке тіркеуші органдарда тіркелген некеге теңестірілмейді және тиісті құқықтық салдарлар тудырмайды. Еркек пен әйелдің, сондай-ақ бір жыныстағы адамдардың шын мәнінде бірге тұруы неке деп танылмайды.» [6] Мемлекеттік органдар қиған некенің ғана заңды деп танылатынын императивті түрде бекітеді. Заң шығарушы діни жоралардың да, іс жүзіндегі бірге тұрудың да тіркелген некеге тән құқықтық салдарлар туғызбайтынын тікелей көрсетеді.

Бұл қатынастардың заңнамалық тұрғыдан реттелмеуі құқықтық сипаттағы бірқатар айтарлықтай қиындықтар тудырады:

1. Мүліктік құқықтар. Іс жүзіндегі ерлі-зайыптылар бірлесіп жинаған мүлікке ортақ бірлескен меншік құқығына ие болмайды. ҚР Кодексінің 2-бабы 3-тармағына сәйкес, мұндай қатынастар ерлі-зайыптылықтың құқықтық салдарын тудырмайды. Мүлікке қатысты ҚР Азаматтық кодексінің ортақ үлестік меншік туралы нормалары қолданылады (ҚР АК 209-бабы). Іс жүзіндегі ерлі-зайыптылардың әрқайсысының үлесі олардың ақшалай немесе еңбек үлесіне пропорционалды түрде белгіленеді, ал бұл жазбаша шарттар болмаған жағдайда сотта дәлелдеу өте қиынға соғады. Заңды ерлі-зайыптылар үшін қарастырылған бірлескен меншік режимі оларға қолданылмайды.

2. Мұрагерлік құқықтар мен төлемдер**.** «Іс жүзіндегі ерлі-зайыптылар заң бойынша мұрагерлер шеңберіне кірмейді.» [7] Тиісінше, «азаматтық некеде» (іс жүзіндегі некеде) тұратын серіктестердің бірі қайтыс болған жағдайда, егер өсиетхат жасалмаса, екіншісі заң бойынша мұрагерлер қатарына кіре алмайды. Мұндай жағдайда оларға қайтыс болған адамның атына рәсімделген мүлікті сатып алуға өздерінің қаржылық немесе еңбек үлесін қосқанын сотта дәлелдеуге тура келеді.

Мұрагерлік тек екі жағдайда ғана мүмкін болады:

- егер жұбайы өсиетхатта көрсетілген болса;
- егер ол қайтыс болған адаммен оның өліміне дейін кемінде бір жыл бірге тұрған, еңбекке жарамсыз асырауындағы адам болса (ҚР АК 1068-бабы).

Сондай-ақ, мұндай тұлғалар асыраушысынан айырылу жағдайы бойынша мемлекеттік жәрдемақы алуға құқылы емес, өйткені заң некелік қатынастарды құжатпен растауды талап етеді.

3. Балалардың құқықтары мен алименттік міндеттемелері. ҚР Конституциясына және «Неке және отбасы туралы» кодексіне сәйкес, некеден тыс туған балалардың некеде туған балалармен құқықтары тең болғанымен, іс жүзінде белгілі бір қиындықтар туындайды. «Егер ресми некеде әке болу фактісі автоматты түрде танылса (әке болу презумпциясы), іс жүзіндегі одақта ата-ананың бірлескен арызы болмаған жағдайда, әке болуды сот тәртібімен анықтауға тура келеді (ҚР Кодексінің 48-бабы)». [8] Әке болу фактісі анықталғанға дейін баланы асырау және тәрбиелеу бойынша барлық міндеттер анасына жүктеледі. Алимент төлеу туралы келісім жасасу да (ҚР Кодексінің 22-тарауы) заңды түрде тек әке болу фактісі ресми мойындалғаннан кейін ғана мүмкін болады.

4. Бала асырап алу**.** Іс жүзіндегі бірге тұру жағдайындағы тұлғалардың балаларды бірлесіп асырап алу мүмкіндігінің болмауы елеулі шектеу болып табылады. ҚР Кодексінің 91-бабы 4-тармағына сәйкес, өзара тіркелген некеде тұрмайтын тұлғалар бір баланы бірлесіп асырап ала алмайды. Бұл жағдай баланың іс жүзіндегі екі ата-анасы тарапынан да толыққанды құқықтық қорғалу құқығын

айтарлықтай шектейді. Жұбайы баланың әкесі ретінде не ата-анасының өзара мойындауы бойынша, не егер баланың әкесі тек анасының айтуымен жазылған болса, әке болу фактісін сот тәртібімен дәлелдеу талап етіледі.

Қазіргі қоғам іс жүзіндегі некеге және онда дүниеге келген балаларға неғұрлым лояльды қарай бастады. Бұл үрдіс отбасы институты қызметінің трансформациялануымен және ресми неке құндылықтарының қайта қаралуымен тікелей байланысты. Осының салдарынан ресми тіркелетін некелер саны азайып, керісінше, бірге тұру одақтары мен некеден тыс бала туу көрсеткіші отбасылық қатынастардың жаңа, әлеуметтік тұрғыдан мақұлданған нысаны ретінде артып келеді. Сондай-ақ квазинеке тіркелген некеден айырмашылығы өзара жауапкершілікпен ерекшеленбейді. Бұл мәселе әсіресе балалар пайда болғанда өте өткір сезіледі, өйткені іс жүзіндегі неке не ерлі-зайыптылық, не ата-аналық құқықтар мен міндеттерді айқындамайды. Бұл ерлі-зайыптылардың балалы болуға деген ниетіне әсер етеді. Көбінесе отбасында баланың дүниеге келуі не некені тіркеуге, не оның ыдырауына әкеледі. Соның салдарынан, тіркелмеген некелердің кеңінен таралуымен қоғам әрбір келесі ұрпақ сайын халықтың ұрпақ өсіру қабілетін жоғалтады.

Квазинекелік қарым-қатынастардың таралу себептерін терең түсіну үшін неке-отбасы саласының жалпы динамикасын талдау қажет. Қазақстанда дәл «іс жүзіндегі некелер» бойынша репрезентативті статистика іс жүзінде жоқ болса да (олардың құқықтық тіркеуінің болмауына байланысты), ресми некелер мен ажырасулар статистикасындағы теріс үрдістер олардың өсуінің жанама индикаторы болып табылады.

«Ұлттық статистика бюросының мәліметтеріне сәйкес, соңғы жылдары некені бұзудың тұрақты жоғары динамикасы байқалуда:

- 2023 жылы 40 227 ажырасу тіркелді.
- 2024 жылы бұл көрсеткіш 40 569-ға дейін өсті.
- 2025 жылдың алғашқы бес айында ғана 17 802 жағдай тіркелді.
- 2025 жылы барлығы 45,7 мың жұп ажырасты.» [9]

«Жалпы жылдық ажырасу коэффициенті 1000 адамға шаққанда 2,24 болды. Ең жоғары коэффициент Павлодар облысында – 3,43, сондай-ақ Қарағанды (3,41) және Солтүстік Қазақстан (3,28) облыстарында тіркелді. Ең төменгі көрсеткіш Түркістан облысында – 1,03. 2024 жылы ажырасулардың ең көп саны Алматы қаласында – 6 900, Алматы облысында – 6 050, Қарағанды облысында – 4 910 болды. Ең азы Атырау облысында – 1 350 және Маңғыстау облысында – 1 520 тіркелді.» [10]

Некені ресми тіркеуден бас тартудың мотивациялық факторлары өте сан алуан және квазинекенің көбеюінің негізгі себептерін талдайтын болсақ жоғарыда көрсетілген цифрлық факторлар негізге алуға болады.

Біріншіден Қазақстанда жыл сайын 40 мыңнан астам ажырасудың тіркелуі жастар арасында ресми некеге деген сенімсіздікті ұялатады. Толық емес немесе жанжалды отбасыларда тәрбиелену тәжірибесі балаларда ресми неке институтына деген сенімсіздікті қалыптастырады. **«**Л.В. Аргентованың, Е.Н. Вакуленконың, Т.В. Эксакустоның мәліметтеріне сәйкес, адамдардың бір-біріне және некелік мәртебесіне деген қарым-қатынасы ата-анасының отбасы құрамына байланысты» [11]. Ресми емес некеде тұратын серіктестер жиі толық емес отбасында өскен. Ата-анасының ажырасуын көрген ұрпақ квазинекені «қауіпсіз балама» ретінде көреді.

Екіншіден «Сынақ некесі ортақ тұрмыс, тұрғылықты жер, бюджет, эмоционалдық және сексуалдық қарым-қатынастармен байланысқан адамдардың өзара сезімдерін тексеруге бағытталған, онда олар серіктестің заңды жұбайы ретіндегі болашағы туралы түпкілікті шешім қабылдайды.» [12] Көптеген жұптар мұндай қатынастарды сезімдері мен тұрмыстық үйлесімділігін тексеруге арналған уақытша, эксперименталды кезең-«сынақ мерзімі» ретінде қарастырады. Жастар квазинекеден бірқатар артықшылықтарды көреді: үйленуге дейін бір-бірін жақсырақ тану мүмкіндігі,

жеке еркіндікті сақтау және ресми некеге тән қатаң заңдық әрі моральдық міндеттемелердің болмауы. Бұл сәтсіздік жағдайында мүлікті сот арқылы бөлу сияқты күрделі ажырасу процедураларынан қашуға мүмкіндік береді. Адамдар бір-бірінің тұрмыстық мінез-құлқын, қаржылық әдеттерін және психологиялық үйлесімділігін «тәжірибе» жүзінде тексергісі келеді.

Үшіншіден «дәстүрлі патриархалдық отбасы моделіндегі «вертикалды иерархия» қазіргі әйелдерді де, ерлерді де қанағаттандырмайды.» [13]

Әйелдердің тәуелсіздігі**:** Қазіргі әйелдер өз мансабына, қаржылық еркіндігіне басымдық береді. Олар үшін дәстүрлі келіннің немесе «үй шаруасындағы әйелдің» міндеттерін мойнына алғанша, серіктестік қатынаста болу әлдеқайда қолайлы. Қоғамдық айыптаудың жойылуы**:** Бұрын некесіз бірге тұру қоғамда қатты сыналса, қазір бұл қалыпты құбылысқа айналды.

Төртіншіден шешімге әсер ететін жеке-субъективті факторлардың болуы, мысалы ер мен әйелдің одағын олардың ата-аналары немесе туыстары (діни, ұлттық немесе әлеуметтік мәртебеге байланысты) қолдамауы мүмкін. Мұндай жағдайда жұптар ашық қақтығысқа бармай, өз қарым-қатынастарын «ресми емес» деңгейде қалдыруды жөн көреді. Жұптар арасындағы үлкен жас айырмашылығы немесе әлеуметтік мәртебелердің сәйкес келмеуі қоғамдық резонанс тудырмау үшін некені көлеңкеде ұстауға итермелейді.

Қорытынды

Қорытындылай келе, Қазақстандағы квазинекелік қатынастар (іс жүзіндегі неке) бүгінгі таңда дәстүрлі отбасы институтының трансформациялануының нәтижесінде әлеуметтік нормаға айналып отыр. Мұндай одақтар функционалдық тұрғыдан ресми некеге толық ұқсас болғанымен ортақ тұрмыс, рухани және материалдық қолдауды қамтыса да заңнамалық тіркеудің болмауы оларды құқықтық тұрғыдан осал етеді. Бұл мәселені шешудің қазіргі таңда қандай жолдары бар? Ол үшін шетелдік тәжірибені негізге алуға болады . Мәселен, «PACS (азаматтық жауапкершілік туралы шарт)-бұл бірлескен өмірді ұйымдастыруға бағытталған екі ересек адам арасындағы азаматтық шарт. Ол серіктестерге бірлескен салық салу, мұрагерлік және медициналық, әлеуметтік жеңілдіктер сияқты белгілі бір құқықтарды береді. Францияда іс жүзіндегі ерлі-зайыптылар арасындағы қатынастар жеке қатынастарды реттеудің төрт сатылы жүйесі арқылы реттеледі: еркін одақ, бірге тұру және тікелей неке. Әрбір саты серіктестерге берілетін құқықтардың көлемімен ерекшеленеді.» [14]

Осылайша, квази некелік қатынастарды заңнамалық деңгейде тану үшін PACS жүйесін қолдану арқылы құқықтық саладағы коллизияларды шешуге болады. Жаңа құқықтық институтты құру үшін тек отбасы заңнамасын ғана емес, сонымен қатар азаматтық заңнаманы да жүйелі әрі сапалы реформалау қажет.

Пайдаланылған әдебиеттер:

1. ҚР Конституциясы <https://adilet.zan.kz/>.

2. Неке (ерлі-зайыптылық) және отбасы туралы Қазақстан Республикасының 2011 жылғы 26 желтоқсандағы № 518-IV Кодексі.

3. Неке (ерлі-зайыптылық) және отбасы туралы Қазақстан Республикасының 2011 жылғы 26 желтоқсандағы № 518-IV Кодексі.

4. Крысин Л.П. Толковый словарь иностранных слов. М.,2007

5. Защита прав супругов, находящихся в фактических брачных отношениях

6. Неке (ерлі-зайыптылық) және отбасы туралы Қазақстан Республикасының 2011 жылғы 26 желтоқсандағы № 518-IV Кодексі.

7.<https://informburo.kz/>

8. Неке (ерлі-зайыптылық) және отбасы туралы Қазақстан Республикасының 2011 жылғы 26 желтоқсандағы № 518-IV Кодексі.

9. <https://politico.kz/>
10. <https://stat.gov.kz/>
11. Эксакусто Т.В., Вакуленко Е.Н. Гендерные представления мужчин,воспитывавшихся в неполных семьях. Современные проблемы науки иобразования. 2014, 6, 1556.
12. Миримова А.А. Объективные и субъективные факторы возникновения полигамии в обществе. Исламоведение. 2010, 4, 96-106.
13. Анализ проблем незарегистрированных браков Татьяна Николаевна
14. <https://www.profee.com/ru>

Икрамова Амина Бейбутқызы
«Құқықтану» мамандығының 2 курс магистранты
Құқық жоғары мектебі Maqsut Narikbayev University
Астана қ., Қазақстан Республикасы
Email: a_ikramova@kazguu.kz

СУКУКТЫҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ ТАБИҒАТЫ: ЗАҢНАМАДА РЕТТЕЛУІ МЕН ҚОЛДАНУЫНЫҢ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ

Аңдатпа: Мақалада сукуктың құқықтық табиғаты дәстүрлі облигациялармен салыстырмалы түрде зерттеледі. Зерттеу барысында Қазақстанның ұлттық заңнамасы мен АХҚО-ның ағылшын жалпы құқығына негізделген ережелері арасындағы терминологиялық және құқықтық алшақтықтар талданған. Автор «траст» институты мен «сенімгерлік басқару» арасындағы құқықтық коллизияларға, сондай-ақ «шариғат тәуекелінің» заңдық салдарына ерекше назар аударады. Зерттеу нәтижесінде отандық исламдық қаржы нарығын дамыту және инвесторлардың құқығын қорғауды нығайту мақсатында заңнаманы үйлестіру бойынша нақты ұсыныстар тұжырымдалған.

Кілт сөздер: сукук, АХҚО, ислам қаржысы, ислам бағалы қағаздары, AAOIFI стандарттары, шариғат тәуекелі, ағылшын жалпы құқығы, ислам құқығы.

Аннотация: В статье исследуется правовая природа сукук в сравнении с традиционными облигациями. В ходе исследования проанализированы терминологические и правовые расхождения между национальным законодательством Казахстана и правилами Международного финансового центра «Астана» (МФЦА), основанными на английском общем праве. Особое внимание автор уделяет правовым коллизиям между институтом «траста» и «доверительным управлением», а также юридическим последствиям «шариатского риска». По результатам исследования сформулированы конкретные предложения по гармонизации законодательства в целях развития отечественного рынка исламского финансирования и усиления защиты прав инвесторов.

Ключевые слова: сукук, МФЦА, исламские финансы, исламские ценные бумаги, стандарты AAOIFI, шариатский риск, английское общее право, исламское право.

Abstract: The article examines the legal nature of sukuk in comparison with traditional bonds. The study analyzes terminological and legal discrepancies between the national legislation of Kazakhstan and the AIFC (Astana International Financial Centre) regulations based on English common law. The author pays special attention to the legal collisions between the institution of "trust" and "trust management," as well as the legal consequences of "Sharia risk." Based on the research results, specific recommendations for harmonizing legislation are formulated in order to develop the domestic Islamic finance market and strengthen the protection of investors' rights.

Keywords: sukuk, AIFC, Islamic finance, Islamic securities, AAOIFI standards, Sharia risk, English common law, Islamic law.

Кіріспе

Исламдық қаржы жүйесі әлемдік қаржы кеңістігінде қарқынды дамып келе жатқан балама механизмдердің бірі ретінде мойындалуда. Оның басты ерекшелігі – ислам құқығы қағидаттарына негізделуі, яғни пайызсыз қаржыландыру (рибаға тыйым), белгісіздік пен алыпсатарлықтан алшақ болу (ғарар, майсир) және нақты активке

сүйену болып табылады. Осы жүйе шеңберінде ерекше мәнге ие құрал - **сукук**, яғни ислам қаржы құқығына сай инвестициялық бағалы қағаздар. AAOIFI стандарттарына сәйкес, сукук - бұл нақты активке меншік үлесін білдіретін бағалы қағаз, ол арқылы инвестор табысқа да, шығынға да ортақ болады.

Сукук тек діни контекстпен шектелмей, шын мәнінде, халықаралық нарықта шынайы активпен қамтамасыз етілген және сенімді инвестициялық құрал ретінде қолданыс табуда. Малайзия, Сауд Арабиясы, Индонезия және БАӘ бұл салада алдыңғы қатарда. Мысалы, Малайзия әлемдегі сукук эмиссиясының 60%-дан астамын қамтамасыз етеді. Сонымен қатар, сукуктың экологиялық және әлеуметтік әсерін күшейту мақсатында «жасыл сукук» және «жауапты қаржыландыру» бағыттары да қалыптасып келеді.

Қазақстан Республикасы исламдық қаржы жүйесіне 2009 жылдан бастап ресми түрде бет бұрып, «Банктер және банк қызметі туралы» заңға өзгертулер енгізіп, алғашқы исламдық қаржыландыру, ислам банктері және ислам бағалы қағаздар терминдерін енгізді. Бұл бағытта ең ірі институционалдық бастама - Астана халықаралық қаржы орталығы (АХҚО) болды. АХҚО ағылшын жалпы құқығына негізделген юрисдикция болған күннің өзінде де, исламдық қаржы құралдарына арналған арнайы құқықтық алаң, *Islamic Finance Rules* жүйесін қалыптастырды. 2024 жылы АХҚО-да Gamma-T SPC Limited компаниясы арқылы Қазақстанда тұңғыш рет иджара моделі негізіндегі сукук эмиссиясы сәтті жүзеге асты.

Алайда сукуктың құқықтық табиғаты мен ислам құқығына сай құрылымының нақты айқындалмауы, сукук пен дәстүрлі облигация арасындағы айырмашылықтарды нормативтік деңгейде бекітудің жетілмегендігі, сондай-ақ шариғат тәуекелінің заңдық салдарларының көрсетілмеуі бұл салада бірқатар күрделі мәселелер тудырады.

Аталған мәселелерді негізге ала отырып, мақаланың мақсаты - халықаралық тәжірибені саралай отырып, АХҚО юрисдикциясындағы сукук құралдарының құқықтық табиғатын зерделеу және оларды қолдану барысында туындайтын құқықтық кедергілерді жою бойынша халықаралық тәжірибеге негізделген ұсынымдарды әзірлеу болып табылады.

Негізгі бөлім

Қазақстан Республикасының қаржы жүйесіндегі ислам бағалы қағаздардың құқықтық негізі «Бағалы қағаздар рыногы туралы» 2003 жылғы 2 шілдедегі № 461 Заңымен реттеледі. Аталған Заңның 1-бабында «ислам бағалы қағаздарына» берілген анықтама халықаралық деңгейде мойындалған «сукук» құралының мазмұнына толықтай сәйкес келеді. Заңнамалық деңгейде бұл құрал - шығару шарттары исламдық қаржыландыру қағидаларына сәйкес келетін, материалдық активтердегі бөлінбейтін үлесті иелену құқығын немесе сол активтерді пайдаланудан түскен табыстарға билік ету құқығын куәландыратын эмиссиялық бағалы қағаз ретінде сипатталған[2060].

Сукук дегеніміз не? AAOIFI[2061] (Ислам қаржы институттары есеп және аудит ұйымы) стандарты бойынша сукук - нақты бар немесе болашақ активтер портфеліндегі меншік үлестерін растайтын, атаулы тең үлеске бөлінген сертификаттар жиынтығы.

Қазақстан заңнамасында «сукук» терминінің орнына «ислам бағалы қағаздары» ұғымының қолданылуы заң техникасының ерекшелігі болып табылады. Іс жүзінде Заңда көрсетілген «исламдық жалдау сертификаттары» сукуктың иджара моделінің, ал «исламдық қатысу сертификаттары» сукуктың мушарака деп аталатын моделінің заңдық баламалары болып табылады. Осылайша, ұлттық заңнамадағы бұл

[2060] «Бағалы қағаздар рыногы туралы» Қазақстан Республикасының 2003 жылғы 2 шілдедегі N 461 Заңы <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z030000461_> жүгіну күні 5 сәуір 2026.

[2061] AAOIFI, Шариат стандарты № 17: Сукук (Издательство «Исламская книга» 2010) 18–25 <https://azan.kz/maktabah/kutub/view/221/read/pdf> жүгіну күні 5 сәуір 2026.

дефиниция сукуктың AAOIFI халықаралық стандарттарында бекітілген «нақты активке негізделген меншік құқығы» деген теориялық тұжырымдамасын толықтай сәйкес келеді.

Жоғарыда аталған заңнамамен салыстырғанда, АХҚО актілерінде «сукук» термині тікелей қолданылған. Оның реттелуі өз кезегінде ағылшын жалпы құқығының қағидаларына негізделеді. Осылайша АХҚО-ның Исламдық қаржы ережелерінің (Islamic Finance Rules) 8.2(2)-тармағы сукуктың құқықтық табиғатын қорғаудың үш деңгейлі механизмін ұсынады[2062]:

a) шариғат кеңесінің міндетті қорытындысы арқылы қаржы құралының ислам құқығына сәйкес келетінін нақты бекіту;

b) тараптар арасындағы инвестициялық шарттың егжей-тегжейлі жазылуы және қаражат ағынының түсіндірмесін беру;

c) инвестициялық сукукқа қатысты AAOIFI шариғат стандарттарына толық негізделу.

Осылайша, ұлттық заңнамадағы «ислам бағалы қағаздары» сукуктың жалпы құқықтық мәртебесін айқындаса, АХҚО актілері халықаралық инвесторларға түсінікті құқықтық реттеуді ұсынады. Бұл өз кезегінде сукуктың теориялық тұжырымдамасы мен оның тәжірибеде қолданылатын негізгі түрлерін жіктеп қарастыру қажеттілігін туындатады.

Тарихи жағынан қарастырсақ, сукуктың *иджтихад* (жаңа жағдайларға құқықтық шешім іздеу) жемісі саналады. Құран мен Сүннетте тура осындай құрал қарастырылмағанымен, ортағасырлық ислам тәжірибелерінде сауда құжаттары (хамала, сажж т.б.) арқылы активке үлестік құқық беру кең қолданылған. Заманауи мағынадағы сукук 2000-жылдардан бастап қарқынды дами бастады. Әсіресе 2008 жылғы ғаламдық дағдарыстан кейін балама қаржы ретінде танымалдығы артқан болатын. 2001 жылы AAOIFI сукук бойынша алғашқы стандартты қабылдап, сукук шығару *иджара* (лизинг), *мурабаха* (тауарды үстеме бағамен сату), *мушарака* (серіктестік), *мудараба* (сенімгерлік басқару), *истисна* (келісімшартпен өндіру) секілді шариғат рұқсат еткен нақты шарттарға негізделуі қажеттігін бекітті. Осы үлгімен Малайзия, БАӘ, Сауд Арабиясы, Бахрейн сияқты жетекші нарықтар түрлі модельдегі сукуктарды белсенді шығара бастады. **Иджара сукук** - ең кең таралған түрі, мұнда негізгі активті жалға беру арқылы кіріс алынса; **мудараба** мен **мушарака** - жобалық серіктестікке негізделген сукуктар (табысты үлеспен бөлісу, шығынға ортақтасу); **истисна** мен **салям** - өндіріске және ауыл шаруашылығына бағытталған алдын-ала сатып алу мәмілелеріне негізделген; **вакаала** - уәкілдік шартына сүйенген сукуктың моделі. Осылайша әр құрылым шариғаттың нақты келісім-шарттық талаптарына сай келеді. Сукук иелерінің құқықтары әдетте арнайы мақсаттағы компания (SPV- special purpose vehicle) арқылы қорғалады. Осы арқылы компания инвестор атынан активті иемденіп, кірісті таратады да және эмитенттің тәуекелдерін оқшаулайды. Мұндай заң конструкциясы инвесторларды эмитенттің банкроттығынан қорғайтын true sale (шынайы сату) қағидасына сүйенеді[2063].

Ең маңызды ескеретін бөлігі, бұл - сукуктың эмитенттің алдындағы қарыз міндеттемесін білдірмейтіндігі. Басқаша айтқанда, инвестор сукук сатып алу арқылы белгілі бір негізгі активке заңды үлескер болады. Сол арқылы пайда табуға да, қажет

[2062] Astana International Financial Centre, Islamic Finance Rules (AIFC Rules No FR0013 of 2017) r 8.2(2) <https://aifc.kz/wp-content/uploads/2024/05/islamic-finance-rules-1.pdf> жүгіну күні 5 сәуір 2026.

[2063] Essia Ries Ahmed, Md Aminul Islam and Fathyah Hashim, “Sukuk: History and Development” in Handbook of Research on Theory and Practice of Global Islamic Finance (IGI Global 2020) 705–708 <https://www.researchgate.net/publication/338778041_Sukuk_-History-and-Development_chapter> жүгіну күні 5 сәуір 2026.

болса шығынға да ортақтасады. Бұл ерекшелік дәстүрлі облигациядан түбегейлі айырмашылығын көрсетеді.

Сукук пен облигациялар бір-біріне ұқсас пайда табу механизміне ие болғанымен, олардың құқықтық айырмашылықтары бар. ҚР Азаматтық Кодексінің 136-бабының 1-тармағына сәйкес, облигация - шығару шарттарына сәйкес облигацияны шығарған тұлғадан ол бойынша сыйақы және облигацияның ақшалай немесе өзге де мүліктік баламасымен номиналды құнын алу құқығын куәландыратын бағалы қағаз[2064]. Осы анықтамаға сүйене отырып, дәстүрлі облигация негізінен қарыз қатынасын білдіретінін аңғарамыз[2065]. Мұнда инвестор (несие беруші) эмитентке (қарыз алушыға) қаражат аударады да, оның орнына қарызды бекітілген немесе өзгермелі пайыздарды төлеу арқылы ақшасын қайтарып алу құқығына ие болады. Өз кезегінде сукук - меншікке қатысу құқығын білдіреді. К. Батированың анықтауынша[2066], *«сукук басқа бағалы қағаздардан түбегейлі өзгешеленеді, себебі сукук ислам құқығына сай шығарылып, нақты активтерге байлануы және инвесторды тек пайдаға емес, зиянға да ортақ етуі тиіс»*. Сукук бойынша қарызға алынған қаражатқа үстеме ақы төлеу талабы жоқ. Оның орнына, жобадан түскен таза пайда серіктестер арасында әділ бөлінеді.[2067]

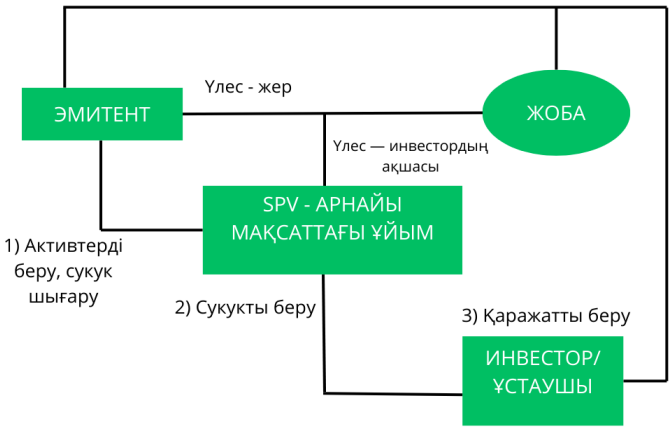
Сукук иесіне меншік құқықтарын беру механизмі күрделі жүйе болып табылады және бірнеше кезеңнен тұрады. Алғашқы кезеңде арнайы мақсаттағы ұйым (SPV) құрылып, ол кейіннен сукук иелерінің мүддесіне әрекет етеді. SPV сукук арқылы тартылған активтерге толық жауапты заңды тұлға және бұл активтерді іс жүзінде басқарады. Сонымен қатар, SPV тәуелсіз қызмет атқарып, салықтық жеңілдіктерге ие болуы керек. Осылайша, SPV эмитенттің активтеріне меншік құқықтарын беру кезінде делдал рөлін атқарады. SPV сукук құнына баламалы активтерді сатып алған соң, осы активтерге байланысты тәуекелдерді эмитент және инвестор арасында бөледі. Егер компанияның жобасы табыс әкелмесе, сукук иесі эмитент активтеріне қосымша өтемақы немесе белгіленген төлем алмайды. Бұл сукук пен дәстүрлі облигация арасындағы маңызды айырмашылықтардың бірі. Облигация иелеріне кіріс кепілдендірілсе, сукук иелері мұндай кепілдікке ие емес. Эмитент банкрот болған жағдайда, сукук иесі өзінің үлесін сату арқылы шығындарын өтей алады. Келесі кезеңде SPV активтерге меншік құқығының ауысқаны туралы сукук иелеріне хабарлайды. Содан кейін сукук тікелей сатып алушының қолына өтеді, ал иесі тиісті қаражатты SPV-ге аударады. Осы сәттен бастап сукук иесі эмитент активтеріндегі үлесін алады, ал кірістер тартылған активтердің жалға берілуінен, сатылған мүліктен немесе қызмет нәтижесінде түскен пайдадан қалыптасады. Көбінесе сукук компанияның нақты мақсатты жобаларын қаржыландыру үшін пайдаланылады. Соңғы кезеңде SPV кірістердің белгілі бір бөлігін мерзімді төлемдер немесе белгіленген мерзім соңында бір реттік төлем түрінде алады. Бұл механизм схемалық түрде келесідей көрсетілуі мүмкін:

[2064] Қазақстан Республикасының Азаматтық кодексі (Жалпы бөлім) Қазақстан Республикасының Кодексі 1994 жылғы 27 желтоқсандағы № 268-XIII <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K940001000_> жүгіну күні 5 сәуір 2026.

[2065] Shams Ud Din, 'CONCEPTUAL AND STRUCTURAL DIFFERENCES BETWEEN CONVENTIONAL BONDS AND ISLAMIC SUKUK' (2016) 5 Australian Journal of Business and Management Research с. 37

[2066] К. Батирова, 'Правовые особенности исламских ценных бумаг (сукук)' (2021) *Юридик фанлар ахборотномаси – Вестник юридических наук* 110–115 <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osobennosti-islamskih-tsennyh-bumag-sukuk> жүгіну күні 5 сәуір 2026.

[2067] Ibid



Сурет 1

Дегенмен, көптеген сукук бағалы қағаздары тек эмитенттің жалпы қажеттіліктерін қаржыландыру үшін шығарылып, айқын әлеуметтік мақсат көздемейтіні мәселе туғызады. Э. Ричардсон[2068] атап өткендей, қазіргі ислам қаржы тәжірибесінде шариғат нормаларын қолдану көбіне тыйымдарды айналып өтетін формальды құжаттарға ұқсас, ал ислам экономикасының кеңірек этикалық мұраттарын жүзеге асыру жағы әлсіз қалған (яғни сукук көбіне қоғамға пайда әкелмейтін жай қаржы құралы ретінде шығарылуда). Осыған орай, ислам қаржысының бастапқы ізгі ниеттері мен қазіргі тәжірибесі арасында белгілі бір алшақтық бар. Сукуктың жаңа түрлері - жауапты (ESG) сукук немесе «жасыл» сукук дәл осы олқылықты толтыруға бағытталған қадам болып табылады. Мысалы, 2017 жылы Малайзия мен 2018 жылы Индонезия алғашқы мемлекеттік жасыл сукуктарын шығарып, түсімдерін экологиялық жобаларға бағыттаған. Жалпы алғанда, 2017 жылғы $500 млн көлеміндегі жасыл сукук нарығы 2023 жылы $4 млрд деңгейіне жетіп, тез өсім көрсетті. Бұл үрдіс сукуктың ислам және жауапты қаржы талаптарын қатар қанағаттандыра алатын ыңғайлы тетік екенін дәлелдейді.

Нәтижесінде, сукук бүгінде тек мұсылман мемлекеттерде ғана емес, Батыс елдерінде де пайдаланыла бастады. Ұлыбритания, Люксембург, Гонконг, Жапония сынды зайырлы мемлекеттер сукук шығарып, исламдық қаржыны өз нарықтарына интеграциялауда. Сарапшы Р.И. Беккин[2069] ислам экономикасы тек діни орталармен шектелмейтінін, Батыс елдерінде де қызығушылық өсіп келе жатқанын атап өткен. Бұл сукуктың жаһандық қаржы жүйесінде сұранысқа ие *баламалы тетік* ретінде мойындалғанын көрсетеді. Қазақстан үшін де бұл идеологиялық емес, *институционалдық және құқықтық мүмкіндік*. Сукук құралының дамуын отандық нарықты әртараптандыру, халықаралық капитал тарту және тұрақты қаржы жүйесін құру жолындағы бір бағыт деп қарастыруға қажет.

Сонымен, исламдық қаржының теориялық негіздері сукук арқылы нақты іске асуда. Шариғаттың тыйымдары мен қағидалары құқықтық құрылымдарға айналып, заманауи нарықта қолданылып отыр. Бұл үдерісте шариғат нормаларын құқықтық жүйеге енгізу маңызды рөл атқарады. Ғалым Л.Р.Сюкияйнен[2070] атап көрсеткендей:

[2068] E. Richardson, 'The UAE and Responsible Finance – Can Responsible Finance Sukuk Help the UAE in Fulfilling Its Sustainability Ambitions?' (2020) 34 Arab LQ 313 <https://heinonline-org.mnulib.idm.oclc.org/HOL/Page?public=true&handle=hein.journals/arablq34&div=22&start_page=313&collection=journals&set_as_cursor=38&men_tab=srchresults> жүгіну күні 5 сәуір 2026.

[2069] Р.И. Беккин, *Исламская экономическая модель и современность* (Издательский дом Марджани 2009) 14–32. <https://azan.kz/maktabah/kutub/view/217/read/pdf> жүгіну күні 5 сәуір 2026.

[2070] Л.Р. Сюкияйнен, Исламское право и диалог культур в современном мире (Изд. дом Высшей школы экономики 2021) 46–47. <https://id.hse.ru/data/2021/09/29/1417110218/%D0%A1%D1%8E%D0%BA%D0%B8%D1%8F%D0%B9%D0%BD%D0%B5%D0%BD_%D1%82%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%82_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf> жүгіну күні 5 сәуір 2026.

“Ислам құқығы көптеген діни нормаларын құқықтық нормаларға айналдырып, зайырлы құқықтық жүйеге икемдей алады”. Демек, сукук секілді құралдар ислам құқығы қағидаларын құқықтық тетіктерге айналдырудың көрнекі мысалы болып табылады.

Қазақстанда исламдық қаржыға қызығушылық 2009 жылдан басталды. Сол жылы «Банктер және банк қызметі туралы» заңға өзгерістер еніп, ислам банкі, исламдық қаржыландыру, исламдық бағалы қағаздар ұғымдары енгізілді. П.Б. Маггс[2071] мақаласында бұл қадамды саяси шешім ретінде сипаттайды. Қазақстан зайырлы мемлекет қатарында бола отыра, халықаралық инвесторларды тарту үшін исламдық қаржыға есік ашты. Мемлекет басшылығы ислам қаржысын дамыту елге Таяу Шығыстан инвестиция әкелудің жолы деп санады.

2015 жылға дейін елде бір ғана толыққанды ислам банкі (Al Hilal Bank) жұмыс істеп келді және бірнеше рет корпоративті сукук шығару талпыныстары айтылғанымен, іс жүзіне аспады. Тек 2024 жылы АХҚО базасында алғашқы сукук эмиссиясы өтті. Алғашқы сукукты Gamma-T SPC Limited компаниясы иджара моделі бойынша шығарды. Иджара сукугы шариғат қағидаларына негізделген жалдау мәмілесін білдіреді. Онда мүлікті пайдалану құқығы жалға алушыға келісілген төлем үшін беріледі, ал меншік құқығы жалға берушінің иелігінде қалады[2072]. Бұл қадам Қазақстанның тұрақты ислам қаржы нарығын дамыту және оны жаһандық қаржы экожүйесіне біріктіру әлеуетін айқын көрсетеді.

АХҚО-ның өзі 2018 жылы іске қосылған, және оның құқықтық мәртебесі Қазақстан үшін ерекше. Бұл орталықта ағылшын жалпы құқығы қолданылады, өзіне тән дербес соты және реттеушісі бар. А.Б. Дидикин[2073] мұны *«ұлттық құқық жүйесі ішіндегі автономды юрисдикция»* деп сипаттайды. Оның пікірінше, АХҚО Қазақстанның дәстүрлі құқықтық шектеулерін айналып өтіп, шетелдік үлгілер мен халықаралық стандарттарды тікелей имплементациялау мүмкіндігіне ие. Бұл АХҚО-да сукук сияқты исламдық құралдарды енгізуде үлкен артықшылық береді. Қазақстанның ұлттық заңнамасында қиындық тудыратын мәселелер (мәселен жергілікті салық ерекшеліктері) АХҚО режимінде икемді шешілуі мүмкін. Мысалы, АХҚО ережелері бойынша AAOIFI шариғат стандарттары тікелей сілтеме арқылы қолданылатыны қарастырылған (AIFC Islamic Finance Rules 5.1-бап)[2074]. Яғни, АХҚО қатысушылары сукук шығарғанда AAOIFI №17 стандарты талаптарын орындаса, бір мезетте шариғатқа да, АХҚО заңына да сай келеді деп есептеледі. Бұл - ұлттық құқық пен шариғат арасындағы көпір қызметін атқаратын тетік. Дидикин исламдық қаржыны осындай *«институционалдық құрал»* ретінде қарастырып, тек діни элемент емес деп есептейді. Шындығында, АХҚО өз ережелерінде шариғат кеңесі институтын бекіткен. Бұл кеңес АХҚО-дағы барлық исламдық қаржы өнімдерінің ислам құқығына сәйкестігін қадағалап, кеңес береді. Бұл Қазақстанның ұлттық қаржы жүйесінде жоқ элемент, бірақ АХҚО аясында мүмкін болды. А.Дидикин АХҚО сияқты орталықтарда құқықтық имплементация арқылы шариғат нормаларын енгізу механизмін талдай келе, ұлттық заң мен орталық ережелерінің *үйлесімділігін сақтауды* маңызды деп көрсетеді. Ол АХҚО-да сукук шығарғанда ұлттық деңгейдегі кейбір талаптарды ескермеу мәселелері

[2071] Peter B. Maggs, 'Islamic Banking in Kazakhstan Law' (2011) 36 Rev Cent & E Eur L 1 <https://heinonline-org.mnulib.idm.oclc.org/HOL/Page?public=true&handle=hein.journals/rsl36&div=5&start_page=1&collection=journals&set_as_cursor=90&men_tab=srchresults> жүгіну күні 5 сәуір 2026.

[2072] AIX, "AIX разместила первый казахстанский сукук" (5 декабря 2024) <https://aifc.kz/ru/novosti/aix-razmestila-pervyj-kazahstanskij-sukuk/> жүгіну күні 5 сәуір 2026.

[2073] А Б Дидикин, “Исламское право в юрисдикции международных финансовых центров: сравнительно-правовой анализ” (2020) 1 Российский журнал правовых исследований 78–85 <https://journals.eco-vector.com/2410-7522/article/download/33910/pdf_1> жүгіну күні 5 сәуір 2026.

[2074] Islamic Finance Rules of AIFC <https://aifc.kz/legal-framework/islamic-finance-rules/islamic-finance-rules-full-text/> жүгіну күні 5 сәуір 2026.

туындайтынын айтады. Демек, АХҚО режимі мен ҚР заңнамасының өзара әрекеттесуін зерттеу үлкен тақырып.

Бірінші мәселе терминалогиялық алшақтық. «Бағалы қағаздар рыногы туралы» ҚР Заңында қолданылатын «ислам бағалы қағаздары» термині заңгерлік техника тұрғысынан зайырлы мемлекеттің құқықтық жүйесіне бейімделген атау болып табылады. Алайда, АХҚО-ның Исламдық қаржы ережелерінде тікелей «сукук» термині бекітілген. Бұл жердегі коллизия терминдердің мазмұнында. Ұлттық заңнама сукукты дәстүрлі «эмиссиялық бағалы қағаз» ретінде қарастырып, оны қалыпты азаматтық-құқықтық айналымға қосуға тырысады. Ал АХҚО құқығында сукук бұл ағылшын құқығына тән құқықтық конструкциялардың жиынтығы. Осы екі түрлі анықтаманың қатар өмір сүруі инвесторлар үшін құқықтық белгісіздік тудырады. Қаржы құралының мәртебесі қай заңмен реттелетіні және дау туындаған жағдайда қай органның басымдығы болатыны нақтыланбаған.

А.Б. Дидикин атап өткендей, АХҚО «ұлттық құқық жүйесі ішіндегі автономды юрисдикция» ретінде ағылшын жалпы құқығына сүйенеді. Сукук құрылымының негізі Траст институты. Ағылшын құқығында меншік құқығы екіге бөлінеді:

- Активке иелік ететін және оны басқаратын эмитенттің немесе SPV-дің құқығы.
- Активтің нақты иелері болып табылатын инвесторлардың (сукук ұстаушылардың) құқығы.

ҚР АК 883-бабындағы «сенімгерлік басқару» институты трасттың толыққанды баламасы бола алмайды. Траст кезінде меншік құқығы нақты берілсе, сенімгерлік басқаруда басқарушы активтің иесіне айналмайды, ол тек меншік иесінің атынан әрекет ететін өкіл іспетті.

Бұл алшақтық сукук иелерінің құқығын қорғауда активтерді оқшаулау мәселесін тудырады. АХҚО-да шығарылған сукук бойынша активтер SPV-ге (арнайы компанияға) «True Sale» қағидатымен беріледі. Алайда, егер эмитент банкрот болып, бұл активтер ҚР-ның жалпы юрисдикциясында орналасқан болса, ұлттық соттар бұл транзакцияны «жалған мәміле» ретінде тануы немесе SPV-ді активтің нақты иесі емес, тек «басқарушысы» деп тауып, мүлікті эмитенттің қарыздарын өтеуге бағыттауы мүмкін. Сонымен қатар, АХҚО соты мен ҚР-ның жалпы соттарының құқықтық түсініктерінің алшақтығы инвесторлардың «меншік иесі» ретіндегі статусын тануда кедергілер тудырады.

Осылайша, терминологиялық алшақтық жай ғана атауға қатысты емес, ол Қазақстанның қаржылық юрисдикциясының ішкі тұтастығына қауіп төндіреді. Сукук құралын дамыту үшін тек АХҚО актілерін жетілдіру жеткіліксіз, сонымен бірге ұлттық Азаматтық кодекске «траст» институтының элементтерін немесе исламдық бағалы қағаздардың ерекше меншік статусын тану туралы императивті нормаларды енгізу қажеттілігі туындайды. Бұл халықаралық инвесторлардың Қазақстан нарығына деген сенімін нығайтудың басты шарты болып табылады.

Мақаланың келесі бір маңызды мәселесі сукук мәмілелеріндегі «шариғат тәуекелінің» құқықтық салдарларының реттелмеуі. П. Маггс[2075] пен Мүфти Таки Усманидың[2076] пікірлеріне сүйенсек, сукук шығару барысында алынған «пікір» мәміленің басынан соңына дейін жарамдылығына кепілдік бермейді.

Бұл мәселенің заңдық қыры *Dana Gas* кейсінде[2077] айқын көрініс тапты. БАӘ компаниясы шығарған мудараба сукугы төлемге жақындағанда “бұл құрылым

[2075] Peter B. Maggs, 'Islamic Banking in Kazakhstan Law' (2011) 36 Rev Cent & E Eur L 1 <https://heinonline-org.mnulib.idm.oclc.org/HOL/Page?public=true&handle=hein.journals/rsl36&div=5&start_page=1&collection=journals&set_as_cursor=90&men_tab=srchresults> жүгіну күні 5 сәуір 2026.

[2076] Мухаммад Таки Усмани, *Исламские финансы* (М.: ЛитРес, 2022).

[2077] Dana Gas PJSC v Dana Gas Sukuk Ltd & Ors [2017] EWHC 2928 (Comm). <https://www.sukuk.com/wp-content/uploads/2017/11/Dana-Gas-judgment.pdf> жүгіну күні 5 сәуір 2026.

шариғатқа сай емес болып қалды" деп біржақты жарамсыз деп жариялағысы келді. Лондонның Жоғары соты келісімде ағылшын құқығы көрсетілгенін және шарт талаптарын өзгертуге шариғаттық негіз жоқ екенін айтып, эмитентті өз міндеттемесін орындауға мәжбүрледі. Бұл прецедент исламдық құралдарда қолданылатын құқықты нақты айқындаудың және шариғат талаптарын алдын ала келісімдерде дұрыс көрсетілуінің маңызын көрсетті.

Қазақстан заңнамасында және АХҚО ережелерінде Шариғат кеңесінің (SSB) шешімі өзгерген жағдайда келісімшарттың тағдыры не болатыны туралы императивті нормалар жоқ. Егер АХҚО соты ағылшын құқығына сүйеніп, келісімшартты заңды деп таныса, ал исламдық инвесторлар діни тұрғыдан оны шариғат талаптарына сай емес деп есептесе, нарықта құқықтық және этикалық тығырық туындайды. Сондықтан, келісімшартқа қол қойылған сәттегі шариғат кеңесінің қорытындысы бүкіл мерзім ішінде соңғы әрі қайта қаралмайтын құжат ретінде танылуы тиіс. АХҚО актілерінде «Шариғатқа сәйкес еместік келісімшарттық міндеттеменің орындалмауына негіз бола алмайды» деген императивті норманы бекіту қажет. Бұл инвесторларға *Dana Gas* кейсіндегідей «адал емес» эмитенттерден қорғануға мүмкіндік береді.

Үшінші мәселе сукуктың экономикалық мазмұны мен ислам құқығының этикалық мұраттары арасындағы алшақтық. Э. Ричардсон атап өткендей, қазіргі сукук эмиссиялары көбіне «исламдық» деген атауды сақтағанымен, іс жүзінде дәстүрлі облигациялардан еш айырмашылығы болмайды[2078].

Бұл мәселе «Asset-based» (активке негізделген) және «Asset-backed» (активпен қамтамасыз етілген) сукуктардың аражігінде жатыр. Көптеген эмитенттер инвесторларға активтің нақты меншік құқығын бермей, тек одан түсетін табысты кепілдендірумен шектеледі. Бұл ислам экономикасының негізгі идеясы «пайда мен шығынды бөлісу» қағидасына қайшы келеді. Сукук инвесторы жобаның табысына да, сонымен бірге оның тәуекеліне де ортақ болуы тиіс. Алайда, «Asset-based» сукуктарда эмитенттер көбіне «кері сатып алу міндеттемесін» қолдана отырып, сукуктың номиналды құнын инвесторларға кез келген жағдайда қайтаруды кепілдендіреді.

Бұл құқықтық тетік инвесторды нарықтық тәуекелдерден толық оқшаулайды. Құқық философиясы тұрғысынан бұл «риба» (пайыздық өсім) элементінің жасырын формасы іспетті. Өйткені инвестор активтің тағдырына жауап бермей, тек кепілдендірілген кіріс алуды көздейді. Бұл жағдай исламдық қаржының «этикалық тазалығына» нұқсан келтіріп, оны дәстүрлі қаржы жүйесінің көшірмесіне айналдырады.

Қазақстан үшін, әсіресе «жасыл» және ESG сукуктарды дамытуда, бұл мәселе маңызды. Өйткені, нақты әлеуметтік немесе экологиялық мақсаты жоқ сукуктар тек «пайыздан қашу» құралына айналып, ислам қаржысының жауапты инвестиция ретіндегі әлеуетін төмендетеді. Бұл мәселені шешу үшін реттеуші органдар тарапынан сукук проспектілерінде активтердің «шынайы сатылуын» (True Sale) және әлеуметтік әсерін бағалаудың қатаң стандарттарын енгізу қажет.

Осылайша, «форманың мазмұннан басымдығы» мәселесін шешу Қазақстанның исламдық қаржы нарығының халықаралық деңгейдегі сенімділігі мен легитимділігінің басты шарты. Сукукты жай ғана «халал облигация» емес, нақты активке негізделген, этикалық жауапкершілігі бар инновациялық инвестициялық құрал ретінде дамыту қажет.

[2078] E. Richardson, "The UAE and Responsible Finance – Can Responsible Finance Sukuk Help the UAE in Fulfilling Its Sustainability Ambitions?" (2020) 34 Arab Law Quarterly 313 <https://heinonline-org.mnulib.idm.oclc.org/HOL/Page?public=true&handle=hein.journals/arablq34&div=22&start_page=313&collection=journals&set_as_cursor=38&men_tab=srchresults> жүгіну күні 5 сәуір 2026.

Қорытынды

Зерттеу жұмысын қорытындылай келе, сукук құралының құқықтық табиғаты дәстүрлі облигациялардан түбегейлі ерекшеленетін, меншік құқығы мен серіктестікке негізделген күрделі институционалдық механизм екенін атап өту қажет. Мақала барысында талданған халықаралық тәжірибелер мен отандық заңнамалық база сукуктың Қазақстан қаржы нарығы үшін стратегиялық маңыздылығын айқындап берді.

Зерттеу барысында анықталған үш негізгі мәселені шешу мақсатында келесідей тұжырымдар мен ұсыныстар жасалады:

Бірінші мәселе бойынша, Қазақстандағы «құқықтық дуализм» жағдайында АХҚО-ның ағылшын құқығы мен ұлттық азаматтық заңнама арасындағы терминологиялық және концептуалды алшақтықты жою қажет. Сукук иелерінің құқығын толық қорғау үшін ұлттық Азаматтық кодекске ағылшын құқығындағы «траст» институтының элементтерін немесе исламдық бағалы қағаздардың ерекше меншік мәртебесін тану туралы нормалар енгізу ұсынылады. Бұл SPV балансындағы активтердің оқшаулануын заңды түрде кепілдендіріп, инвесторлардың сенімін арттырады.

Екінші мәселе бойынша, «Шариғат тәуекелін» басқару үшін АХҚО актілерінде Шариғат кеңесі қорытындысының өзгермейтіндігі қағидатын бекіту маңызды. *Dana Gas* кейсі көрсеткендей, эмитенттердің діни нормаларды коммерциялық міндеттемеден жалтару құралы ретінде пайдалануына жол берілмеуі тиіс. Осы орайда, келісімшартқа қол қойылған сәттегі Шариғат кеңесінің қорытындысын бүкіл мәміле мерзімі үшін императивті әрі қайта қаралмайтын құжат ретінде тану туралы нормативтік ереже қажет.

Үшінші мәселе бойынша, сукуктың «формалды сәйкестіктен» «мазмұндық әсерге» ауысуын қамтамасыз ету керек. Қазақстан үшін сукукты тек қарызды алмастырушы құрал емес, нақты активтерге негізделген және әлеуметтік жауапкершілікті жүктеген инновациялық тетік ретінде дамыту тиімді. Реттеуші органдар тарапынан «True Sale» стандарттарын қатайту және жасыл сукуктарды ынталандыру тетіктерін енгізу исламдық қаржының этикалық мұраттарын сақтауға мүмкіндік береді.

Түйіндей келе, Gamma-T SPC Limited компаниясының сәтті эмиссиясы Қазақстанның бұл саладағы зор әлеуетін көрсетті. Алайда, бұл жетістікті жүйелі деңгейге көтеру үшін АХҚО-ның икемді режимі мен ұлттық заңнаманың тұрақтылығын үйлестіретін бірыңғай құқықтық экожүйе қалыптастыру бүгінгі күннің басты талабы. Сукукты заңнамалық тұрғыдан дұрыс реттеу Қазақстанды жаһандық исламдық капитал нарығындағы бәсекеге қабілетті ортаға айналдырудың шешуші факторы болмақ.

Пайдаланылған әдебиеттер:

1. «Бағалы қағаздар рыногы туралы» Қазақстан Республикасының 2003 жылғы 2 шілдедегі N 461 Заңы <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z030000461_>.
2. AAOIFI, *Шариат стандарты № 17: Сукук* (Издательство «Исламская книга» 2010) 18–25 <https://azan.kz/maktabah/kutub/view/221/read/pdf>.
3. Astana International Financial Centre, *Islamic Finance Rules (AIFC Rules No FR0013 of 2017)* r 8.2(2) <https://aifc.kz/wp-content/uploads/2024/05/islamic-finance-rules-1.pdf>.
4. Essia Ries Ahmed, Md Aminul Islam and Fathyah Hashim, “Sukuk: History and Development” in *Handbook of Research on Theory and Practice of Global Islamic Finance* (IGI Global 2020) 705–708 <https://www.researchgate.net/publication/338778041_Sukuk_-History-and-Development_chapter>.

5. Қазақстан Республикасының Азаматтық кодексі (Жалпы бөлім) Қазақстан Республикасының Кодексі 1994 жылғы 27 желтоқсандағы № 268-XIII <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K940001000_>.

6. Shams Ud Din, 'CONCEPTUAL AND STRUCTURAL DIFFERENCES BETWEEN CONVENTIONAL BONDS AND ISLAMIC SUKUK' (2016) 5 Australian Journal of Business and Management Research c. 37.

7. К. Батирова, «Правовые особенности исламских ценных бумаг (сукук)» (2021) *Юридик фанлар ахборотномаси – Вестник юридических наук* 110–115 <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osobennosti-islamskih-tsennyh-bumag-sukuk>.

8. E. Richardson, "The UAE and Responsible Finance – Can Responsible Finance Sukuk Help the UAE in Fulfilling Its Sustainability Ambitions?" (2020) 34 *Arab Law Quarterly* 313 <https://heinonline-org.mnulib.idm.oclc.org/HOL/Page?public=true&handle=hein.journals/arablq34&div=22&start_page=313&collection=journals&set_as_cursor=38&men_tab=srchresults>.

9. Р. И. Беккин, *Исламская экономическая модель и современность* (Издательский дом Марджани 2009) 14–32 <https://azan.kz/maktabah/kutub/view/217/read/pdf>.

10. Л. Р. Сюкияйнен, *Исламское право и диалог культур в современном мире* (Изд дом Высшей школы экономики 2021) 46–47 <https://id.hse.ru/data/2021/09/29/1417110218/%D0%A1%D1%8E%D0%BA%D0%B8%D1%8F%D0%B9%D0%BD%D0%B5%D0%BD_%D1%82%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%82_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf>.

11. Мухаммад Таки Усмани, *Исламские финансы* (М ЛитРес 2022).

12. Peter B Maggs, "Islamic Banking in Kazakhstan Law" (2011) 36 *Review of Central and East European Law* 1 <https://heinonline-org.mnulib.idm.oclc.org/HOL/Page?public=true&handle=hein.journals/rsl36&div=5&start_page=1&collection=journals&set_as_cursor=90&men_tab=srchresults>.

13. *Dana Gas PJSC v Dana Gas Sukuk Ltd & Ors* [2017] EWHC 2928 (Comm) <https://www.sukuk.com/wp-content/uploads/2017/11/Dana-Gas-judgment.pdf>.

14. А Б Дидикин, "Исламское право в юрисдикции международных финансовых центров: сравнительно-правовой анализ" (2020) 1 *Российский журнал правовых исследований* 78–85 <https://journals.eco-vector.com/2410-7522/article/download/33910/pdf_1>.

15. А Б Дидикин, "Юрисдикция международного финансового центра как правовой феномен в сравнительном правоведении" (2021) 2 *Сравнительное правоведение* 72–77 <https://kazguu.instructure.com/courses/12646/files/1515571?module_item_id=324464>.

Кажгалиев Санат Тулигенович
Магистрант 2-го курса специальности «Юриспруденция»
Высшая школа права Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республика Казахстан
sanat_kazhgaliyev@kazguu.kz

СРЕДСТВА ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ В РАМКАХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ДОГОВОРА: АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ И ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

Аннотация: Актуальность исследования обусловлена отсутствием единообразного подхода в юридической доктрине и судебной практике к решению вопроса о допустимых средствах правовой защиты в случае уклонения стороны от заключения основного договора на основании предварительного договора.

Цель настоящей работы заключается в анализе и выявлении практических и теоретических подходов к использованию понуждения к заключению договора в качестве средства правовой защиты, и выработке предложений по устранению правовой неопределенности. Для проведения исследования были использованы методы сравнительно-правового, формально-юридического и судебно-практического анализа.

Предметом исследования выступают нормы гражданского права, устоявшиеся доктринальные подходы, актуальная на текущий момент судебная практика судов Республики Казахстан, а также зарубежные модели регулирования преддоговорных отношений.

Научная новизна заключается в комплексном сопоставлении казахстанской судебной практики с зарубежным опытом и в обосновании необходимости внесения законодательных изменений.

Сделан вывод о том, что возмещение убытков является наиболее обоснованным с юридической точки зрения средством правовой защиты в случае уклонения стороны от заключения основного договора.

Ключевые слова: предварительный договор, средства правовой защиты, понуждение к заключению договора, принцип свободы договора, преддоговорные отношения.

Аңдатпа: Зерттеудің өзектілігі заң доктринасында және сот тәжірибесінде алдын ала шарт негізінде негізгі шартты жасасудан тараптың жалтаруы жағдайында жол берілетін құқықтық қорғау құралдары туралы мәселені шешуге қатысты бірыңғай тәсілдің болмауымен негізделеді.

Осы жұмыстың мақсаты шарт жасасуға мәжбүрлеуді құқықтық қорғау құралы ретінде пайдаланудың практикалық және теориялық тәсілдерін талдау және айқындау, сондай-ақ құқықтық айқынсыздықты жою жөнінде ұсыныстар әзірлеу болып табылады. Зерттеуді жүргізу үшін салыстырмалы-құқықтық, формальды-заңдық және сот-тәжірибелік талдау әдістері пайдаланылды.

Зерттеу пәні ретінде азаматтық құқық нормалары, орныққан доктриналық тәсілдер, Қазақстан Республикасы соттарының қазіргі сәттегі өзекті сот тәжірибесі, сондай-ақ шарт алдындағы қатынастарды реттеудің шетелдік модельдері табылады.

Ғылыми жаңалық қазақстандық сот тәжірибесін шетелдік тәжірибемен кешенді салыстыруда және заңнамалық өзгерістер енгізу қажеттілігін негіздеуде жатыр.

Негізгі шартты жасасудан тарап жалтарған жағдайда шығындарды өтеу заңдық тұрғыдан неғұрлым негізделген құқықтық қорғау құралы болып табылатыны туралы қорытынды жасалды.

Түйінді сөздер: алдын ала шарт, құқықтық қорғау құралдары, шарт жасасуға мәжбүрлеу, шарт еркіндігі қағидаты, шарт алдындағы қатынастар.

Abstract: The relevance of the study is due by the absence of a uniform approach in legal doctrine and judicial practice to resolving the issue of permissible legal remedies in the event that a party evades concluding the main contract on the basis of a preliminary contract.

The purpose of this work is to analyze and identify practical and theoretical approaches to the use of compulsion to conclude a contract as a legal remedy, and to develop proposals for eliminating existing legal uncertainty. Comparative legal, formal legal, and judicial-practical analysis methods were used to conduct the present study.

The subject of the study consists of the norms of civil law, established doctrinal approaches, the current judicial practice of the courts of the Republic of Kazakhstan, as well as foreign models of regulation of pre-contractual relations.

The scientific novelty lies in the comprehensive comparison of Kazakhstan judicial practice with foreign experience and in substantiating the need to introduce legislative amendments.

As a result of an analysis, the compensation for damages is the most legally sound and appropriate remedy in the event that a party evades concluding the main contract.

Keywords: preliminary contract, legal remedies, compulsion to conclude a contract, principle of freedom of contract, pre-contractual relations.

Введение

Использование средств правовой защиты в рамках гражданско-правовых сделок является общепризнанным инструментом, благодаря которому стороны могут защищать свои права в рамках участия в гражданско-правовых отношениях. Данная научная статья затронет используемые в юридической практике средства правовой защиты в отношении предварительного договора, в частности понуждение к заключению договора, а также возмещение понесенных стороной убытков в случае не заключения основного договора. Однако, как покажет дальнейший анализ, на практике реализация понуждения к заключению договора вызывает некоторые вопросы, в частности, насколько легитимно использовать данное средство правовой защиты в случае уклонения стороны от заключения договора?

Так, в соответствии с Гражданским Кодексом Республики Казахстан (далее «**ГК РК**») предварительный договор создает единственное для сторон обязательство по заключению в будущем основного договора на условиях, предусмотренных предварительным договором[2079]. При этом пункт 5 статьи 390 ГК РК прямо предусматривает, что в случае уклонения одной из сторон от заключения основного договора, такая сторона обязана возместить причиненные этим уклонением убытки, если иное не предусмотрено законодательством или договором[2080]. Исходя из формулировки, сама статья о предварительном договоре не предусматривает эксплицитного закрепления понуждения как средства правовой защиты, при этом имеется оговорка «*если иное не предусмотрено законодательством или договором*»[2081].

Как может показаться из такой широкой диспозитивной дискреции, *prima facie* вышеупомянутая оговорка устраняет какие-либо вопросы относительно используемых средств правовой защиты в рамках предварительного договора, т.е. стороны могут воспользоваться любыми доступными средствами, ведь норма права является диспозитивной. Тем не менее, существуют и другие нормы права, применять которые

[2079] Гражданский Кодекс Республики Казахстан от 27 декабря 1994 года No 268-XIII, п.1 ст. 390
[2080] Ibid, п. 5 ст. 390
[2081] Ibid

необходимо в совокупности, а не изолированно, в частности принцип свободы договора, который закреплен в статье 380 ГК РК[2082].

Тем не менее, как будет раскрыто в основной части настоящей научной статьи, юридическая доктрина и судебная практика демонстрируют относительно противоположные подходы к вопросу о применении понуждения как средства правовой защиты в случае уклонения стороны от заключения договора. Так, достаточно объемное количество судебных решений удовлетворяет иски о понуждении, но есть и другие примеры, в которых суды прямо ссылались на запрет в отношении понуждения и указывали только убытки в качестве единственного инструмента защиты прав стороны.

Цель данной научной статьи заключается в проведении анализа судебной практики судов Республики Казахстан в отношении механизма понуждения к заключению основного договора, а также регулирование средств правовой защиты в иностранных юрисдикциях.

Основная часть

1. Анализ юридической доктрины и судебной практики судов Республики Казахстан

Юридическая доктрина

Анализ проблематики использования понуждения к заключению договора проводился Сулейменовым М.К. и Диденко А.Г., которые придерживаются позиции неприменения данного средства правовой защиты, позиционируя свое решение тем, что идет коллапс с основополагающим принципом свободы договора. Так, Сулейменов М.К. подчеркивает, что понуждение чрезмерно ограничивает свободу воли сторон и противоречит принципу свободы договора, что было также отражено в проекте ГК РК, т.е., как следствие, отсутствие упоминания понуждения в статье 390 ГК РК[2083]. Иными словами, при обсуждении проекта ГК РК в рамках рабочей группы было решено не включать понуждение как средство правовой защиты в случае незаключения основного договора на основании предварительного, т.е. законодатель отказался от идеи дублирования пункта 5 статьи 429 Гражданского Кодекса Российской Федерации, где понуждение эксплицитно закреплено[2084].

Аналогичной позиции придерживается Диденко А.Г., который в своем труде анализирует предварительный договор как основание для дальнейших переговоров между сторонами на преддоговорном этапе, но не как обязательное требование, понуждающее стороны заключить основной договор[2085]. Как отмечает сам автор, единственным средством правовой защиты в случае уклонения от заключения договора являются компенсационные меры, иными словами, возмещение убытков, которые составляют реальный ущерб и упущенную выгоду[2086].

В противовес вышестоящей позиции, т.е. в пользу использования понуждения как средства правовой защиты, высказываются Идрышева С.К., Чумакова О.Н., и украинские юристы-правоведы В.В. Лутц и Н.Д. Егоров. Основная позиция заключается в том, что элементы ограничения свободы договора уже имплицитно содержатся в предварительном договоре, которые выражаются через добровольно

[2082] Ibid, ст. 380

[2083] Сулейменов М.К., 'Преддоговорные отношения' (Параграф, май 2018), последнее посещение 15 декабря 2025 г.; см. также Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Б. М. Гонгало. Т. 1. 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Статут, 2017, стр. 83

[2084] Сулейменов М.К., 'Преддоговорные отношения' (Параграф, май 2018), последнее посещение 15 декабря 2025 г.

[2085] Диденко А.Г., 'Условия предварительного договора и их значение' (Параграф, март 2018), последнее посещение 15 декабря 2025 г.

[2086] Ibid

принятое обязательство сторон по заключению основного договора в дальнейшем[2087]. Идрышева С.К., проанализировав судебную практику, приходит к схожему выводу относительно доступных средств правовой защиты, т.е. помимо взыскания причиненных уклонением убытков, стороны могут также понудить заключить основной договор[2088].

Чумакова О.Н. также поддерживает позицию понуждения как средства правовой защиты, ссылаясь на позицию Верховного Суда Российской Федерации и пункт 5 статьи 429 Гражданского Кодекса РФ, где прямо предусматривается такое право[2089]. С доктринальной точки зрения автор полностью опровергает нарушение принципа свободы договора, т.к. во время заключения предварительного договора стороны проявили волеизъявление на заключение основного договора[2090].

Суммируя вышесказанное, мнение авторов, поддерживающих такую позицию, можно выразить следующим образом: принцип свободы договора не затрагивается и не нарушается в случае понуждения к заключению договора, поскольку такое обязательство было принято добровольно сторонами и закреплено в виде договора, и в таком случае стороны попросту реализуют свои права, т.е. через суд понудить заключить договор.

Судебная практика

Ранее во введении частично был адресован вопрос об отсутствии механизма понуждения в качестве средства правовой защиты в рамках статьи 390 ГК РК о предварительном договоре[2091]. Тем не менее, понуждение активно используется казахстанскими судами, которые удовлетворяют соответствующие иски по различным сделкам, в том числе сделкам с недвижимостью.

В качестве примера преобладающей позиции в судебной практике, Сарыаркинский районный суд города Астаны в деле гражданина Ахметова А.А. против ТОО «KAONTECH International» установил, что имеется нарушение ответчиком основного договора передачи нежилого помещения, в рамках которого после введения в эксплуатацию объекта недвижимого имущества, в частности жилого помещения (квартиры), ответчик был обязан передать квартиру в установленные сроки[2092]. В качестве дополнительной аргументации в пользу понуждения к заключению основного договора, суд процитировал положения Закона Республики

[2087] Идрышева С.К., 'Предварительный договор: законодательство и судебная практика' (Параграф, декабрь 2018), последнее посещение 15 декабря 2025 г.; см. также Чумакова О.Н., 'Свобода Договора и Реализация Сторонами Собственного Интереса в Рамках Исполнения Предварительного Договора' (2017), https://cyberleninka.ru/article/n/svoboda-dogovora-i-realizatsiya-storonami-sobstvennogo-interesa-vramkah-ispolneniya-predvaritelnogo-dogovora последнее посещение 15 декабря 2025 г.; см. также Чумакова О.Н., 'Сравнительный анализ исторического развития правового регулирования предварительного договора в Российской Федерации и некоторых странах СНГ' (2019) 8(2) Journal of History Culture and Art Research 293, https://www.researchgate.net/publication/334283969_Comparative_Analysis_of_the_Historical_Development_of_the_Legal_Regulation_of_the_Preliminary_Contract_in_the_Russian_Federation_and_Some_CIS_Countries последнее посещение 15 декабря 2025 г.

[2088] Идрышева С.К., 'Предварительный договор: законодательство и судебная практика' (Параграф, декабрь 2018), последнее посещение 15 декабря 2025 г.

[2089] Чумакова О.Н., 'Свобода Договора и Реализация Сторонами Собственного Интереса в Рамках Исполнения Предварительного Договора' (2017), последнее посещение 15 декабря 2025 г.; см. также Чумакова О.Н., 'Сравнительный анализ исторического развития правового регулирования предварительного договора в Российской Федерации и некоторых странах СНГ' (2019) 8(2) Journal of History Culture and Art Research 293, последнее посещение 15 декабря 2025 г.

[2090] Ibid

[2091] Гражданский Кодекс Республики Казахстан от 27 декабря 1994 года No 268-XIII, ст. 390

[2092] *Ахметов А.А. против ТОО "KAONTECH International"*, решение Сарыаркинского районного суда города Астана от 17 июля 2019 года № 7113-19-00-2/10234

Казахстан «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности»[2093], несмотря на приведенные аргументы ответчика о невозможности заключения договора передачи ввиду действий судебного исполнителя в виде наложения арестов на движимое и недвижимое имущество ответчика в рамках другого судебного разбирательства[2094]. Использование арестов как аргументации со стороны ответчика и целесообразность принятого судом решения в части дальнейшего исполнительного производства не будут проанализированы, поскольку такие вопросы не являются предметом настоящего исследования. Тем не менее, подводя промежуточный итог, суд опирался на принципы обязательственного права и удовлетворил иск о понуждении заключить договор передачи квартиры, ввиду ранее возникшего обязательства по предварительному договору.

В другом деле гражданина Ергалиева У.А. против АО «Банк Kassa Nova» к аналогичному решению пришел Есильский районный суд г. Астаны, где был удовлетворен иск о понуждении ответчика заключить основной договор[2095]. Суд аргументировал свою позицию тем, что понуждение вытекает из факта заключения предварительного договора и его неотъемлемой части в виде договора безвозмездного пользования имуществом, при этом в соответствии с предоставленными документами стороны смогли достичь соглашения по существенным условиям основного договора[2096]. Суд также сослался на пункт 4 статьи 399 ГК РК, который гласит:

«*Если сторона, для которой в соответствии с настоящим Кодексом или иными законодательными актами заключение договора обязательно, уклоняется от его заключения, другая сторона вправе обратиться в суд с требованием о понуждении заключить договор*»[2097].

Таким образом, суд, ссылаясь на пункт 4 статьи 399 ГК РК, аргументирует свою позицию тем, что стороны добровольно приняли на себя обязательство заключить основной договор, которое вытекает из статьи 390 ГК РК, т.е. путем заключения предварительного договора. Данное решение является одним из ключевых, поскольку показывает общераспространенную судебную практику в части понуждения к заключению основного договора через пункт 4 статьи 399 ГК РК.

Исходя из доктринального толкования пункта 4 статьи 399 ГК РК, следует обратиться к Комментарию к Гражданскому Кодексу, где Сулейменов М.К. и Басин Ю.Г. подчеркивают, что норма имеет свои исключения, в частности, не допускается понуждение стороны к заключению договора на основании предварительного, поскольку в таком случае «потерпевшая» сторона вправе требовать возмещения убытков[2098]. Данный аргумент имеет юридическое обоснование, поскольку пункт 4 статьи 399 ГК РК был разработан с целью урегулировать правоотношения, которые возникают из публичной оферты или административного (вертикального) характера самих правоотношений[2099]. Позиция авторов является обоснованной и мотивирована

[2093] Закон Республики Казахстан от 16 июля 2001 года № 242 «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Казахстан», подпункт 8 пункта 2 статьи 34-2

[2094] *Ахметов А.А. против ТОО "KAONTECH International"*, решение Сарыаркинского районного суда города Астана от 17 июля 2019 года № 7113-19-00-2/10234

[2095] *Ергалиев У.А. против АО «Банк Kassa Nova»*, решение Есильского районного суда г. Астана от 7 октября 2020 года № 7140-20-00-2/5276

[2096] Ibid

[2097] Гражданский Кодекс Республики Казахстан от 27 декабря 1994 года No 268-XIII, п.4 ст. 399

[2098] Сулейменов М.К. & Басин Ю.Г., 'Комментарий к Гражданскому Кодексу Республики Казахстан (Общая часть)' (Октябрь 2000), <https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1019750&pos=5;-108#pos=5;-108>, п. 4 ст. 399, последнее посещение 8 января 2025 г.

[2099] Сулейменов М.К. & Басин Ю.Г., 'Комментарий к Гражданскому Кодексу Республики Казахстан (Общая часть)' (Октябрь 2000), <https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1019750&pos=5;-108#pos=5;-108>, п. 4 ст. 399, последнее посещение 8 января 2025 г.

природой публичного договора, кристаллизация которого закрепилась в пункте 1 статьи 387 ГК РК, согласно которому «*публичным договором признается договор, заключенный лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность, и устанавливающий его обязанности по продаже товаров, выполнению работ или оказанию услуг, которые такое лицо по характеру своей деятельности должно осуществлять в отношении каждого, кто к нему обратится* [выделено мной – С.К.]»[2100].

Таким образом, суд, опираясь на принципы обязательственного права и пункт 4 статьи 399 ГК РК понудил ответчика заключить договор, несмотря отсутствие такого средства правовой защиты в статье 390 ГК РК о предварительном договоре.

Ранее описанная позиция поддерживалась казахстанскими судами в преобладающем количестве дел, где удовлетворялись иски о понуждении к заключению договора[2101]. Так, алматинский городской суд в деле гражданина Козырев Е.Н. против ТОО «АКЕМ» за уклонение от заключения основного договора в качестве средств правовой защиты предусмотрел не только понуждение, но и взыскание пени на срок уклонения[2102]. В другом деле Есильский районный суд г. Астаны признал заключенную сделку между ответчиком и третьим лицом как мнимую, после чего понудил ответчика заключить основной договор с истцом[2103].

Однако, в ходе поиска и анализа судебной практики были найдены судебные решения, придерживающиеся противоположной позиции относительно рассматриваемого вопроса, и которые при этом не оспаривались в вышестоящих инстанциях. В деле гражданина Жангазова С.А. против ТОО «Sunrise home G» и других физических лиц районный суд Казыбекбийского района города Караганды указал следующее:

«*Норма о свободе договора основана на правиле статьи 8 ГК о том, что граждане и юридические лица по своему усмотрению распоряжаются принадлежащими им гражданскими правами. Понуждение к заключению договора допускается только как исключение из общего правила. Свобода договора выражается в том, что субъекты гражданского права свободны в решении, в частности, следующих вопросов: заключать или не заключать договор; выбрать партнера по договору; выбрать вид договора; включать в договор те или иные условия. Анализируя обстоятельства дела и нормы закона суд считает, что исковые требования истца об обязании исполнить заключить основной договор купли-продажи квартиры подлежат отказу в удовлетворении*»[2104].

Исходя из принятого решения, суд истолковал принцип свободы договора и выделил несколько критериев, в частности свобода в заключении договора, свобода выбрать контрагента, и свобода выбрать вид договора, свобода включать в договор

[2100] Гражданский Кодекс Республики Казахстан от 27 декабря 1994 года No 268-XIII, п.1 ст. 387

[2101] *Ильясов З.А. против Канаева Л.О., Сарбасова С.С.*, решение Целиноградского районного суда Акмолинской области от 6 ноября 2022 года № 1166-22-00-2/788; см. также *Караваев А.В. против Исановой Ж.М.*, решение Акмолинского областного суда от 24 августа 2022 года № 1199-22-00-2а/1055; см. также *Байлина А.О. против ТОО «KAONTECH International»* от 28 апреля 2021 года № 7113-21-00-2/2347; см. также *Сихимбаева М.М. против Жунусова К.К., Хамраевой Г.С., Хамраевой А.С.*, решение Жетысуского районного суда города Алматы от 30 января 2020 года № 7515-20-00-2/283

[2102] *Козырев Е.Н. против ТОО «АКЕМ»*, решение Алматинского городского суда от 9 декабря 2020 года № 7599-20-00-2а/11776

[2103] *Адамов А.Н. против ТОО «Sat Construction Group»*, решение Есильского районного суда г. Астана от 20 декабря 2020 года № 7140-20-00-2/7223.

[2104] Жангазов А.С. против ТОО «Sunrise home G», Нуркенов Г.Б., Максутова Ж.М., решение районного суда №2 Казыбекбийского района города Караганды Карагандинской области от 28 ноября 2022 года № 3512-22-00-2/4527.

определенные условия или не включать их. На основании данного толкования было отказано в удовлетворении иска о понуждении.

В схожем деле суд города Астаны не установил нарушений в выводах суда первой инстанции в деле ТОО «Вираж-Холдинг» против Бисеновой Л.М., где суд пришел к выводу, что в законодательстве Республики Казахстан не предусматривается право понуждения к заключению основного договора на основании предварительного, поскольку п. 5 ст. 390 ГК РК предусматривает в качестве средства правовой защиты только возмещение убытков[2105]. При этом суд города Астаны указал, что пункт 4 статьи 399 ГК РК не должна применяться в споре, поскольку правоотношение возникло из предварительного договора[2106].

Основываясь на приведенных решениях, можно прийти к выводу, что существует альтернативная судебная практика, где используется противоположное толкование одних и тех же норм ГК РК, что приводит к отсутствию транспарентности, постоянства и единообразия судебной практики.

Суммируя итоги главы "Анализ юридической доктрины и судебной практики судов Республики Казахстан", юридическая доктрина отличается подходами к пониманию и толкованию принципа свободы договора и его взаимоотношение с механизмом понуждения к заключению договора. В целом, нельзя однозначно выделить превалирование той или иной позиции в доктрине, поскольку обе рассматриваемых позиции имеют поддержку со стороны юристов-исследователей.

Тем не менее, как показывает анализ судебной практики казахстанских судов, в преобладающем количестве решений удовлетворяются иски о понуждении к заключению договора, что означает восприятие понуждения как средства правовой защиты. Зачастую такая позиция аргументируется судами добровольно принятым обязательством сторон и пунктом 4 статьи 399 ГК РК.

С другой стороны, некоторые суды занимают противоположную позицию и применяют основополагающие критерии принципа свободы договора и, соответственно, в исках о понуждении отказывают.

В целях выработки рекомендаций по улучшению законодательства следует рассмотреть опыт иностранных юрисдикций в отношении средств правовой защиты, доступных на преддоговорной стадии и в случае предварительного договора.

2. Международная практика регулирования правоотношений, возникающих в рамках предварительного договора

В целях ответа на вопрос о целесообразности понуждения к заключению договора как средства правовой защиты, следует проанализировать международный опыт. В данном разделе был проведен анализ законодательства нескольких юрисдикций, в частности, Соединенное Королевство Великобритания (Англия и Уэльс), Соединенные Штаты Америки, Федеративная Республика Германия, Французская Республика и Королевство Нидерландов. Стоит отметить, что подход в отношении предварительных договоров и, в целом, преддоговорных отношений, *prima facie* в данных юрисдикциях относительно схожий, лишь с некоторыми различиями.

Существует общее согласие относительно того, что законодательство Англии и Уэльса рассматривает вопрос понуждения к заключению договора в рамках одной общей темы – преддоговорные отношения и, в частности, предусматривает средства правовой защиты, которые могут быть предоставлены в случае, если сторона не желает заключать основной договор[2107]. Так, в английском праве предварительные

[2105] *ТОО «Вираж-Холдинг» против Бисеновой Л.М.*, решение суда города Астана от 26 апреля 2022 года № 7199-22-00-2а/2776.

[2106] Ibid

[2107] R.J.P. Kottenhagen, '*From Freedom of Contract to Forcing Parties to Agreement. On the Consequences of Breaking Off Negotiations in different Legal Systems*' (12 Ius Gentium, Journal of the University of Baltimore Center for International and Comparative Law 2006),

договоры рассматриваются как «preliminary contracts» или «collateral contracts», исходя из которых у сторон могут возникнуть некоторые права в рамках преддоговорной стадии[2108]. В частности, у стороны может возникнуть право требовать компенсации за неосновательное обогащение в случае, если другая сторона получила некоторую выгоду («benefit») из переговоров[2109]. Другим средством правовой защиты в рамках преддоговорной стадии также может являться компенсация за убытки, понесенные ввиду введения в заблуждение[2110]. Такое заблуждение может быть мошенническим или неосторожным, с разницей в том, что мошенническое заблуждение предусматривает «intention» (умысел, интенцию), одной стороны ввести в заблуждение другую сторону, когда как в отношении неосторожного введения в заблуждение отсутствует прямой умысел причинить вред, тем не менее, в обоих случаях убытки должны быть фактически понесены стороной[2111]. Стоит отметить, что само понуждение к заключению договора как средство правовой защиты в английском праве отсутствует, а требование натурального исполнения (в английской юридической доктрине именуется «specific performance») не представляется возможным[2112]. Иными словами, одна сторона не может понудить другую сторону продолжить переговоры («reopen negotiations») в рамках преддоговорной стадии, как и не может понудить заключить договор. Таким образом, законодательство Англии и Уэльса предусматривает лишь компенсацию в случае неосновательного обогащения или введения в заблуждение, а понудить стороны продолжить переговоры или заключить договор не может быть реализовано.

При этом в Соединенных Штатах Америки законодательство предусматривает относительно схожие средства правовой защиты, как и в Англии и Уэльсе, например, неосновательное обогащение, введение в заблуждение, но существуют и иные средства, такие как «эстоппель» («promissory estoppel»)[2113]. Следует отметить, что судебные дела, удовлетворяющие иски о неосновательном обогащении или введении в заблуждение, встречаются на практике довольно редко[2114]. Это связано с тем, что превалирующей теорией является алеаторная, которая заключается в том, что выгода и убытки являются рисками сторон[2115]. Предполагается, что сторона может в любой момент выйти из переговоров по любой причине и не понести какой-либо ответственности[2116]. Однако, как отмечалось ранее, существует доктрина «эстоппель», согласно которой сторона не может избежать ответственности за

<https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&cad=rja&uact=8&ved=2ahUKEwiqvf_11eqKAxU88LsIHbq5CGIQFnoECBgQAQ&url=https%3A%2F%2Frepub.eur.nl%2Fpub%2F14270%2Ffrom%2520freedom%2520of%2520contract.doc&usg=AOvVaw0gmeY5pPgitSHCPHGJVuTE&opi=89978449>, pp 5-6, последнее посещение 8 января 2025 г.

[2108] Ibid, pp 6-7; см. также Schwartz A. & Scott E.R., '*Precontractual liability and preliminary agreements*' (Harvard Law Review, volume 120, January 2007, number 3), <https://harvardlawreview.org/print/vol-120/precontractual-liability-and-preliminary-agreements/>, pp 664-665, последнее посещение 8 января 2025 г.

[2109] R.J.P. Kottenhagen, '*From Freedom of Contract to Forcing Parties to Agreement.*', p 7; см. также Schwartz A. & Scott E.R., '*Precontractual liability and preliminary agreements*', pp 670-671.

[2110] Ibid

[2111] R.J.P. Kottenhagen, '*From Freedom of Contract to Forcing Parties to Agreement.*', p 7.

[2112] Ibid

[2113] R.J.P. Kottenhagen, '*From Freedom of Contract to Forcing Parties to Agreement.*', p 7; см. также Schwartz A. & Scott E.R., '*Precontractual liability and preliminary agreements*', p 671, 692.

[2114] Ibid

[2115] R.J.P. Kottenhagen, '*From Freedom of Contract to Forcing Parties to Agreement.*', p 9; см. таккже Choi A.H. and Triantis G., '*Designing and Enforcing Preliminary Agreements*' (University of Michigan, March 6, 2020), <https://repository.law.umich.edu/articles/2099/>, pp 471-472, последнее посещение 8 января 2025 г.

[2116] Ibid; смотрите также Choi A.H. and Triantis G., '*Designing and Enforcing Preliminary Agreements*', pp 446-447.

нарушение «обещания», сделанного в рамках переговорной стадии, если другая сторона «положилась» на данное обещание[2117]. Как отмечает Коттенхаген, американские суды удовлетворяют иски на основании доктрины «эстоппель» и, соответственно, в таких случаях предусматривается компенсация за понесенные убытки[2118]. При этом, как утверждает автор, отсутствует судебная практика по понуждению сторон к продолжению переговоров или заключению договора, а общим подходом является то, что требование исполнения обязательства в натуре («specific performance») может быть нереалистичной санкцией в случае выхода стороны из переговоров, т.к. вероятность прийти к консенсусу при принуждении является минимальной[2119]. С этим мнением тяжело не согласиться, ибо понуждение сторон к переговорам или к заключению договора может отрицательно повлиять на исполнение сторонами обязательств, что, в свою очередь, может привести к дальнейшим судебным разбирательствам.

Подход немецкого права в отношении взыскания убытков за срыв переговоров и незаключение основного договора немного отличается от ранее упомянутых правовых систем Англии и Уэльса и Соединенных Штатов Америки. Так, в Гражданском Уложении Германии эксплицитно упоминается, что при возникновении обязательства между сторонами, они должны принимать во внимание права и интересы друг друга[2120]. Более того, данное обязательство возникает с момента преддоговорных отношений, то есть, стороны до заключения самого договора должны уважать права и интересы друг друга[2121]. Это приводит к тому, что у стороны, потерпевшей убытки из-за срыва переговоров или не заключения основного договора, возникает право требовать компенсации[2122]. Данный аргумент также подтверждается решением немецкого суда[2123], где прямо указывается, что «убытки от срыва переговоров должны быть выплачены стороной, которая в ходе переговоров заставила другую сторону поверить в то, что договор будет заключен, но затем без веских причин или из скрытых побуждений отказалась от продолжения переговоров». Тем не менее, требовать от стороны заключить договор (ранее упомянутое исполнение обязательства в натуре – «specific performance») является невозможным[2124]. Таким образом, немецкое право формализует преддоговорные отношения и предусматривает возмещение убытков для потерпевшей стороны, но никоим образом не обязывает стороны продолжить переговоры и не понуждает заключить основной договор.

Французский подход в рамках преддоговорной стадии также схож с американским подходом, в частности, предусматривается алеаторная теория. Так, переговоры и не заключение договора – это риски сторон, которые подразумеваются, т.к. существует принцип свободы договора, который является основным в рамках преддоговорных отношений, и включает в себя право отказаться от переговоров в любое время без каких-либо последствий[2125]. Тем не менее, взыскание убытков является возможным в случае, если преддоговорная ответственность была очевидной

[2117] R.J.P. Kottenhagen, '*From Freedom of Contract to Forcing Parties to Agreement.*', p 7; см. Schwartz A. & Scott E.R., '*Precontractual liability and preliminary agreements*', p 669.
[2118] Ibid; смотрите также Choi A.H. and Triantis G., '*Designing and Enforcing Preliminary Agreements*', p 446.
[2119] R.J.P. Kottenhagen, '*From Freedom of Contract to Forcing Parties to Agreement.*', p 9.
[2120] Civil Code in the version promulgated on 2 January 2002 (Federal Law Gazette [Bundesgesetzblatt] I page 42, 2909; 2003 I page 738), last amended by Article 1 of the Act of 10 August 2021 (Federal Law Gazette I p. 3515), § 241 II, <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/__241.html>, последнее посещение 8 января 2025 г.
[2121] Ibid, § 311 II.
[2122] R.J.P. Kottenhagen, '*From Freedom of Contract to Forcing Parties to Agreement.*', p 11.
[2123] Ibid
[2124] R.J.P. Kottenhagen, '*From Freedom of Contract to Forcing Parties to Agreement.*', p 12.
[2125] Ibid

и неоспоримой[2126]. Автор приводит прецедент, где суд рассуждает, что, если у одной стороны было основание полагать, что другая сторона собирается заключить договор, и побуждает её понести определенные расходы, прерывание таких переговоров является незаконным и возникает основание требовать возмещения убытков[2127]. При этом автор не затрагивает вопроса побуждения к заключению договора во французском праве. Предполагается, что законодательство Франции также не предусматривает данное средство правовой защиты.

В то же время, автор отмечает, что Нидерланды являются единственной страной в мире, где законодательство предусматривает не только возмещение убытков, но и понуждение к продолжению переговоров как средство правовой защиты[2128]. Так, Нидерландский суд может по выбору потерпевшей стороны обязать другую сторону продолжить переговоры пока не будет заключен основной договор либо возместить убытки в случае, если у потерпевшей стороны было законное основание предполагать («legitimate expectation»), что переговоры приведут к заключению основного договора[2129].

Таким образом, вопрос применения понуждения к продолжению переговоров или заключению договора как средств правовой защиты является весьма спорным и не применяется в большинстве юрисдикций. Из сказанного выше следует, что при срыве переговоров и отказе от заключения договора у стороны, зачастую, возникает право требовать возмещения убытков, за исключением права Нидерландов. При этом казахстанское право также предусматривает возмещение убытков в случае отказа от заключения договора, в связи с чем следует внести некоторые изменения в текущую редакцию ГК РК, дабы исключить возможность требовать понуждения.

В качестве рекомендаций по устранению противоречивости подходов к толкованию статей 390, 399 ГК РК следует внести соответствующие изменения. В качестве предлагаемых изменений предлагается следующая редакция пункта 5 статьи 390 ГК РК (выделено жирным):

«В случаях, когда сторона, заключившая предварительный договор, уклоняется от заключения предусмотренного им договора, она обязана возместить другой стороне вызванные этим убытки, если иное не предусмотрено законодательством или договором[2130].

В случае заключения предварительного договора понуждение к заключению договора не допускается.».

Заключение

Проведенный анализ доктринальных подходов показывает, что изначальная интенция законодателя заключалась в ограничении средств правовой защиты только в виде возмещения убытков в случае уклонения одной из сторон от заключения основного договора. Некоторые ученые придерживаются альтернативной точки зрения, в частности, допущение понуждения к заключению договора ввиду правовой природы предварительного договора, т.е. добровольное принятие сторонами обязательства заключить основной договор.

[2126] R.J.P. Kottenhagen, '*From Freedom of Contract to Forcing Parties to Agreement.*', pp 12-13.
[2127] R.J.P. Kottenhagen, '*From Freedom of Contract to Forcing Parties to Agreement.*', p 13, цитирует Giliker (2002), p 124 и решение Court of Appeal of Riom (10.6.1992 RJDA 1992, No 893, p. 732).
[2128] R.J.P. Kottenhagen, '*From Freedom of Contract to Forcing Parties to Agreement.*', pp 14-15.
[2129] *Centraal Bureau Bouwtoezicht B.V. v Jpo Projecten B.V.,* HR 12 August 2005, ECLI:NL:HR:2005:AT7337 (CBB/JPO), <https://uitspraken.rechtspraak.nl/details?id=ECLI:NL:HR:2005:AT7337>, п. 3.6, последнее посещение 8 января 2025 г.
[2130] Гражданский Кодекс Республики Казахстан от 27 декабря 1994 года No 268-XIII, п.5 ст. 390.

В то же время, анализ судебной практики показывает, что суды в большинстве решений удовлетворяют иски о понуждении к заключению основного договора, несмотря на отсутствие такого инструмента в статье 390 ГК РК.

Существует и альтернативная судебная практика, где суды приходили к противоположным выводам, например, невозможность применения понуждения ввиду нарушения принципа свободы договора. Данное обстоятельство свидетельствует о несоблюдении принципа единообразия судебной практики.

Анализ международных подходов к регулированию предварительного договора показывает, что понуждение к продолжению переговоров и заключению основного договора существует в Нидерландах, но в остальных юрисдикциях, таких как США, Англия, Франция, Германия, такая практика отсутствует и предусматриваются только убытки.

В целом, противоречия в регулировании предварительного договора требуют внесения изменений в целях устранения различного толкования положений Гражданского кодекса.

Список литературы:

Первоисточники

Законодательство Республики Казахстан:

1. Гражданский Кодекс Республики Казахстан от 27 декабря 1994 года No 268-XIII
2. Закон Республики Казахстан от 16 июля 2001 года № 242 «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Казахстан»

Иностранное законодательство:

3. Civil Code in the version promulgated on 2 January 2002 (Federal Law Gazette [Bundesgesetzblatt] I page 42, 2909; 2003 I page 738), last amended by Article 1 of the Act of 10 August 2021 (Federal Law Gazette I p. 3515), <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/__241.html>

Судебные дела (Казахстан):

4. Адамов А.Н. против ТОО «Sat Construction Group», решение Есильского районного суда г. Астана от 20 декабря 2020 года № 7140-20-00-2/7223
5. Ахметов А.А. против ТОО “KAONTECH International”, решение Сарыаркинского районного суда города Астана от 17 июля 2019 года № 7113-19-00-2/10234
6. Байлина А.О. против ТОО «KAONTECH International» от 28 апреля 2021 года № 7113-21-00-2/2347
7. Ергалиев У.А. против АО «Банк Kassa Nova», решение Есильского районного суда г. Астана от 7 октября 2020 года № 7140-20-00-2/5276.
8. Жангазов А.С. против ТОО «Sunrise home G», Нуркенов Г.Б., Максутова Ж.М., решение районного суда №2 Казыбекбийского района города Караганды Карагандинской области от 28 ноября 2022 года № 3512-22-00-2/4527.
9. Ильясов З.А. против Канаева Л.О., Сарбасова С.С., решение Целиноградского районного суда Акмолинской области от 6 ноября 2022 года № 1166-22-00-2/788
10. Караваев А.В. против Исановой Ж.М., решение Акмолинского областного суда от 24 августа 2022 года № 1199-22-00-2а/1055
11. Козырев Е.Н. против ТОО «АКЕМ», решение Алматинского городского суда от 9 декабря 2020 года № 7599-20-00-2а/11776
12. Сихимбаева М.М. против Жунусова К.К., Хамраевой Г.С., Хамраевой А.С., решение Жетысуского районного суда города Алматы от 30 января 2020 года № 7515-20-00-2/283

13. ТОО «Вираж-Холдинг» против Бисеновой Л.М., решение суда города Астана от 26 апреля 2022 года № 7199-22-00-2a/2776

Судебные дела (иностранные):

14. *Centraal Bureau Bouwtoezicht B.V. v Jpo Projecten B.V.,* HR 12 August 2005, ECLI:NL:HR:2005:AT7337 (CBB/JPO), <https://uitspraken.rechtspraak.nl/details?id=ECLI:NL:HR:2005:AT7337>, последнее посещение 8 января 2025 г.

Второстепенные источники

Казахстанская литература:

15. Анатолий Григорьевич Диденко, '*Условия предварительного договора и их значение'* (Параграф, *март* 2018), <https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39534759>, последнее посещение 8 января 2025 г.

16. Майдан Кунтуарович Сулейменов, '*Преддоговорные отношения'* (Параграф, май 2018) <https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32765005>, последнее посещение 8 января 2025 г.

17. Сара Кимадиевна Идрышева, '*Предварительный договор: законодательство и судебная практика*' (Параграф, декабрь 2018) <https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33089868>, последнее посещение 8 января 2025 г.

18. Майдан Кунтуарович Сулейменов & Юрий Григорьевич Басин, 'Комментарий к Гражданскому Кодексу Республики Казахстан (Общая часть)' (Октябрь 2000), <https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1019750&pos=5;-108#pos=5;-108>, последнее посещение 8 января 2025 г.

Зарубежная литература:

19. Alan Schwartz & Robert E. Scott, '*Precontractual liability and preliminary agreements*' (Harvard Law Review, volume 120, January 2007, number 3), <https://harvardlawreview.org/print/vol-120/precontractual-liability-and-preliminary-agreements/>, последнее посещение 8 января 2025 г.

20. Albert H. Choi and George Triantis, '*Designing and Enforcing Preliminary Agreements*' (University of Michigan, March 6, 2020), <https://repository.law.umich.edu/articles/2099/>, последнее посещение 8 января 2025 г.

21. R.J.P. Kottenhagen, '*From Freedom of Contract to Forcing Parties to Agreement. On the Consequences of Breaking Off Negotiations in different Legal Systems*' (12 Ius Gentium, Journal of the University of Baltimore Center for International and Comparative Law 2006), <https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&cad=rja&uact=8&ved=2ahUKEwiqvf_11eqKAxU88LsIHbq5CGIQFnoECBgQAQ&url=https%3A%2F%2Frepub.eur.nl%2Fpub%2F14270%2Ffrom%2520freedom%2520of%2520contract.doc&usg=AOvVaw0gmeY5pPgitSHCPHGJVuTE&opi=89978449>, последнее посещение 8 января 2025 г.

22. Ольга Николаевна Чумакова, 'Свобода Договора и Реализация Сторонами Собственного Интереса в Рамках Исполнения Предварительного Договора' (2017), https://cyberleninka.ru/article/n/svoboda-dogovora-i-realizatsiya-storonami-sobstvennogo-interesa-vramkah-ispolneniya-predvaritelnogo-dogovora

23. Ольга Николаевна Чумакова, 'Сравнительный анализ исторического развития правового регулирования предварительного договора в Российской Федерации и некоторых странах СНГ' (2019) 8(2) Journal of History Culture and Art Research, (PDF) Comparative Analysis of the Historical Development of the Legal Regulation of the Preliminary Contract in the Russian Federation and Some CIS Countries

Мальков Роман Максимович
Докторант 1 курса специальности «Право»
Высшая школа права Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республика Казахстан
e-mail: r_malkov@kazguu.kz

3-D КАДАСТР: ОБОСНОВАННОСТЬ ЕГО ВВЕДЕНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

Аннотация: Данная статья рассматривает сущность кадастровой системы в 3-D формате и определенное доводы, посвящённые необходимости использования такой системы. Переход к трехмерному кадастру стал обсуждаться бурно в 90-е годы прошлого столетия на фоне развития цифровых технологий, которые и стали причиной воплощения такой задумки в реальность.

Несмотря на то, что в данный вопрос является достаточно дискуссионным в современной правовой науке, лишь небольшое количество стран в мире перешло к использованию кадастровой системы в 3-D формате.

Данная работа посвящена сравнительному анализу правовых подходов различных стран, которые уже перешли на новую современную систему. Данный анализ будет примечателен и тем, что данные страны имеют достаточно различные гражданские законодательства, а если быть точным, их происхождения (Германская, Наполеонская и Скандинавская система).

Дополнительно, в работе рассматриваются различные доводы и аргументы, защищающие позицию «за» кадастр в трехмерном формате и в то же время уделяется внимания различным препятствиям и трудностям, которые стоят на пути введения такого рода системы.

Ключевые слова: недвижимая вещь, право собственности, кадастр, 3-D кадастр, сервитут.

Аңдатпа: Бұл мақалада 3D форматындағы кадастрлық жүйенің мәні және осындай жүйені пайдалану қажеттілігіне арналған белгілі бір дәлелдер қарастырылады. Үш өлшемді кадастрға көшу мәселесі өткен ғасырдың 90-жылдары осындай идеяны іске асыруға себеп болған цифрлық технологиялардың дамуы аясында қызу талқылана бастады. Қазіргі құқық ғылымында бұл мәселе айтарлықтай пікірталас тудыратынына қарамастан, әлемдегі елдердің аз ғана бөлігі 3D форматындағы кадастрлық жүйені пайдалануға көшті. Бұл жұмыс жаңа заманауи жүйеге көшкен әртүрлі елдердің құқықтық тәсілдерін салыстырмалы талдауға арналған. Аталған талдау бұл елдердің азаматтық заңнамалары, дәлірек айтқанда, олардың шығу тектері (Германдық, Наполеондық және Скандинавиялық жүйелер) айтарлықтай ерекшеленетіндігімен де назар аудартады. Қосымша ретінде, жұмыста үш өлшемді форматтағы кадастрды қолдайтын «жақтаушы» ұстанымды қорғайтын түрлі дәлелдер мен аргументтер қарастырылады, сонымен қатар мұндай жүйені енгізу жолында тұрған түрлі кедергілер мен қиындықтарға назар аударылады.

Түйінді сөздер: жылжымайтын зат, меншік құқығы, кадастр, 3D кадастр, сервитут.

Abstract: This article examines the essence of the 3D cadastral system and certain arguments regarding the necessity of using such a system. The transition to a three-dimensional cadastre began to be vigorously discussed in the 1990s amidst the development of digital technologies, which served as the catalyst for turning this idea into reality. Although this issue remains highly debatable in modern legal science, only a small

number of countries in the world have transitioned to using a 3D cadastral system. This paper is devoted to a comparative analysis of the legal approaches of various countries that have already adopted the new modern system. This analysis is particularly notable because these countries have quite diverse civil legislations, or more precisely, different legal origins (Germanic, Napoleonic, and Scandinavian systems). Additionally, the work considers various arguments advocating "for" a three-dimensional cadastre, while also paying attention to the various obstacles and difficulties that stand in the way of implementing such a system.

Keywords: immovable property, right of ownership, cadastre, 3D cadastre, servitude.

Введение

В современном мире развитие городов и городской инфраструктуры шагает вперед семимильными шагами. Если мы обратим внимание на современные мегаполисы и даже города поменьше, то сможем заметить, что большинство из них выделяются различного рода достаточно продвинутыми и иногда даже нестандартными современными решениями в области проектирования зданий и транспортной инфраструктуры.

Дело в том, что плотность населения в современным городах растет стремительными темпами буквально по всему миру, тем самым городские администрации из разных стран сталкиваются в одной и той же проблемой, корень которой лежит в нехватке места. Именно поэтому еще в прошлом столетии в различных мегаполисах мира был дан старт строительству метрополитенов и различных подземных туннелей, которые призваны развивать общественный транспорт и разгружать городскую инфраструктуру. В настоящее время развитие городской инфраструктуры ушло настолько далеко, что теперь мало кого можно удивить многоуровневыми развязками, а в Китае различные железнодорожные пути и линии метро стали проходить через жилые здания.

В данном случае, считаем необходимым сделать небольшое отступление, которое поможет раскрыть всю суть проблемы.

В п. 21 ст. 12 Земельного кодекса Республики Казахстан (*далее – ЗК РК*) говорится о том, что земельный участок - выделенная в замкнутых границах часть земли, закрепляемая в установленном настоящим Кодексом порядке за субъектами земельных отношений[2131]. Таким образом, в глазах законодателя, субъектов правоприменительной практики и простых обывателей земельный участок – это земля, очерченная границами по периметру, то есть границы расположены с 4 сторон и полностью замыкаются.

Какие-либо правомочия собственника земельного участка и свобода его абсолютного господства над ним замыкаются как-раз в данных границам. Таким образом, наше действующее законодательство очерчивает границы земельного участка только в 2-D пространстве. Без ответа остается вопрос: а где заканчивается земельный участок, если говорить о высоте и глубине?

Ответ на данный вопрос пока что не нашел свое место в действующем законодательстве Республики Казахстан. Мы можем лишь выдвигать предположения, согласно которым земельный участок заканчивается там, где заканчивается возможный интерес собственника и (или) начинается публичный интерес.

Возвращаясь к современным городам, нельзя не сказать о том, что под землей проходят различные коммуникации, то есть имеют место сооружения (которые в рамках нашего действующего гражданского законодательства вообще признаются самостоятельными недвижимыми вещами), также имеют место и туннели для

[2131] Земельный кодекс Республики Казахстан от 20 июня 2003 года № 442-II (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19.03.2026 г.)

автотранспорта или метро. Другими словами, вы можете быть собственником земельного участка, однако, прямо под вашим участком могут проходить какие-либо транспортные туннели или коммуникации.

Современным решением правового оформления такого рода объектов является там называемая «layer system», то есть так называемый послойный подход в основе, которого заключается идея о том, что земля — это не плоскость, а нечто, что может уходить и в глубину и даже в высоту в определенных случаях.

Проблема заключается, в правовом оформлении передачи прав на такого рода «послойные» объекты инвесторам для строительства туннелей или метро, которые проходят под различными земельными участками в том числе и под теми, что находятся в частной собственности.

В целом, исследование в этом направлении и решение поставленного вопроса представляет собой междисциплинарную задачу, так как разработка полноценного трехмерного кадастра требует не только прочной правовой основы, но и достаточно продвинутой технической составляющей.

Основная часть

2-D кадастр, как препятствие для прогресса.

В большинстве стран мира по сей день кадастровая система остается функционировать в привычном формате 2-D, тем не менее, такого рода система не позволяет разделять землю вертикально, фактически на слои, для признания определенного слоя земли самостоятельным земельным участком для строительства какого-либо туннеля[2132].

Это также связано и с тем, что подавляющее большинство европейских стран следуют подходу *superficies solo cedit*, который был разработан еще в Древнем Риме. Данный подход еще именуется «европейским» и суть его кроется в том, что единственной поистине естественной и настоящей недвижимой вещью являются земельный участок, а различные здания, строения и сооружения являются лишь составной часть конкретного земельного участка или составной частью права, на основании которого обладатель конкретного вещного права возвел и эксплуатирует здание[2133]. Плюс ко всему, в основе этого принципа лежит положение, согласно которому какой-либо подземный объект инфраструктуры является составной частью земельного участка. Таким образом, римские идеи, которые много веков подряд считались прочным столбом права недвижимости стран континентального и общего права уже рассматриваются многими европейскими учеными, как неактуальные. Плюс ко всему, в дополнение можно рассмотреть римскую максиму «*cujus est solum ejus est usque ad coelum et ad inferos*», которая означает следующее: «Чья это земля, та его — от небес до ада.»[2134]. Ван дер Мёрв на этот счет утверждает, что это нормальная ситуация, когда какой-либо доктринальный принцип перестает соответствовать современным нуждам[2135].

Мы уже отметили, что вышеперечисленные римские фундаментальные являются основой права недвижимости европейских стран. Тем не менее несмотря на то, что данные идеи гласят, что право собственности на земельный участок бесконечно, говоря о его высоте и глубине, в законодательствах множества европейских и не только стран имеют места попытки обхода данного принципа.

[2132] Stoter J. E. 3D Cadastre. (2004). P. 19.

[2133] Бевзенко Р. С., Земельный участок с постройками на нем. Введение в российское право недвижимости. (2020). ЛитРес, Статут. С. 42.

[2134] Karabin M., Kitsakis D., Koeva M., Navratil G., Paasch J. M., Paulsson, J., Layer approach to ownership in 3D cadastre in the case of underground tunnels. (2020). Land use policy, 98, 104464. P. 2.

[2135] Merwe C. van der., The doctrinal clog on the historical development of con- dominium by the maxim super cies solo cedit. (2010). Fundamina 16, p. 459–471.

Например, в законодательстве Малайзии прямо определено, что интерес собственника земельного участка заканчивается на глубине от 6 до 15 метров в зависимости от целевого назначения земельного участка[2136]. В Финляндии такая глубина составляет 6 метров, а в Греции 8[2137].

В целом, для строительства какого-либо туннеля инвесторы вынуждены выкупать полностью землю над будущем туннелем, чтобы свободно и без чьих-либо притязаний осуществлять строительство или использовать сервитут, на основании которого осуществляется пользованием земельным участком, точнее тем, что находится под ним. Первое решение видится достаточно неповоротливым и очень финансово затратным, к примеру, если будущее метро будет проходить под улицами города, в таком случае придется выкупать все, что расположено над будущем туннелем: жилые дома, административные здания, торговые и бизнес-центры и т.д.

Второе решение тоже достаточно непростое. На первый взгляд может показаться, что данный подход достаточно простой и логичный, но исследователи отмечают, что он лишен какой-либо гибкости и практичности. Дело в том, что сам по себе сервитут, как и любое ограниченное вещное право не может стать предметом залога[2138]. То есть, в таких ситуациях инвестор, осуществляющий, к примеру, строительство метро, фактически лишен возможности как-либо использовать выделенную землю, например привлечь заемные средства в условном банке под залог данной земли[2139]. Плюс ко всему, сервитут как ограниченное вещное право, складывающиеся по поводу недвижимости, конечно проходит процедуру государственной регистрации, тем не менее, как правило, проблема состоит еще и в том, что границы такого рода сервитутов не определены. Австрийское решение приводит к тому, что будущее планирование идет «вслепую», так как инфраструктура имеет место, но ее юридические границы не определены.

Международный опыт в создании трехмерных кадастровых систем

Австрийская модель кадастрового учета является одной из старейших в мире, она была основана в далеком 1817 году. И она является достаточно стабильной и консервативной.

Однако, современные тенденции не обошли стороной и эту страну и давними правовыми традициями. С 1991 по 2004 год проходила оцифровка всех кадастровых карт, сейчас продолжается оцифровка геодезического архива. В австрийской юридической науке с 2007 года поднимается вопрос о необходимости и обоснованности введения трехмерного кадастра, тем не менее вопрос так и не сдвинулся с мертвой точки ввиду больших потенциальных финансовых затрат[2140]. Различные туннели, как уже отмечалось ранее, не отображаются в кадастровых картах, а лишь записываются как обременения в поземельной книге.

Тем не менее, несмотря на отсутствие как таковой регистрации прав в 3-D системе, регистрация кондоминиумов достаточно более развитая, так как в поземельном регистре хранится так называемый «*Parifizierungsplan*», то есть подробный план здания, описывающий всю его геометрию в том числе и в 3-D

[2136] Zaini F., Hussin K., Suratman R., Abd Rasid K. Review of the underground land ownership in Malaysia. (2013). Jurnal Pentadbiran Tanah 3 (1), p. 39.

[2137] Papageorgiou M. Networking underground archaeological and cultural sites: the case of the Athens metro. (2015). ISOCARP, ITA/ITACUS In: Han, A., Shipra, N.S. (Eds.), Think Deep: Planning, Development and Use of Underground Space in Cities., p. 110.

[2138] Karabin, M. Op. Cit. P. 3.

[2139] Kitsakis D., Legal Requirements for Real Property Strati cation. (2019). National Technical University of Athens. P. 34.

[2140] Navratil G., Hackl M., 3D-Kataster. (2007). Selbstverlag des Vereins CORP. P. 9.

формате[2141]. Подводя итог, можно сказать, что в Австрии кадастровая система осталась в прошлом двухмерном формате, тем не менее, имеет место задаток или отправная точка для развития трехмерной модели.

В Бразилии вообще нет единой кадастровой системы так как она полностью разделена на федеральную и региональную. В Бразилии также нет как такового 3-D кадастра, регистрация и учет прав на недвижимое имущество осуществляется полностью в 2-D формате. Однако, у Бразилии есть одна примечательная особенность, их гражданский кодекс в разделе 2.2.3 указывает на то, что право собственность трехмерно по своей природе.

В вопросе освоения пространства под землей Бразилия также придерживается подхода обоснованного интереса собственника земельного участка, то есть собственник может возражать против какого-либо освоения пространства под землей только в том случае, если имеют место обоснованные причины заявить о каких-либо нарушениях своих прав.

Таким образом, мы можем наблюдать ситуацию, в которой имеет место легальное закрепление 3-D сущности любого объекта права собственности, в том числе и земельного участка, однако, наличие легально закрепленного положения еще не означает его реализацию на практике. Локальные эксперты так или иначе утверждают, что введение 3-D кадастра позволило бы Бразилии усовершенствовать городское планирование и систему регистрации прав, однако, такой переход потребует как огромных финансовых затрат, так и больших административных реформ[2142].

На данный момент интересное решение было придумано в Хорватии. В плане туннелей и иных подземных строительств, там также идут по принципу ненарушения интереса собственника, как такового 3-D планирования и объективизации подземных слоев пока что не наблюдается. Однако, в Хорватии легально закрепили привязку туннеля ко входу к нему, то есть, как правило, вход в туннели осуществляется через какие-либо строения расположенные на поверхности земли (по аналогии со входом в метро), таким образом, собственник данного строения распространяет свое право собственности и на весь туннель[2143]. Примечательно, что кадастровая карта в Хорватии наложена на спутниковый снимок, что добавляет некой наглядности такого рода информации (https://geoportal.dgu.hr).

Для исследования данного проблемного вопроса необходимо затронуть также и польский опыт, который по сути является уникальным. Дело в том, что ученые из Варшавского Университета технологии провели еще в 2014 году успешно использовали и апробировали технологию лазерного сканирования пространства варшавского метрополитена. В результате такого экспериметнта были созданы интегрированные трёхмерные модели подземного пространства и земной поверхности. Для построения 3D-моделей тоннелей и проведения пространственного анализа использовались такие программы как ArcGIS 10.5 и ArcGIS Pro.

Фактически в Польше смогли создать технический фундамент для реализации идеи трехмерного кадастра, специалисты проделали большую работу и им удалось получить 3-D модель варшавского метрополитена. Тем не менее, к сожалению, если с технической стороны все готово, то с правовой, как раз-таки нет. Как отмечает Карабин М. уже имели место попытки законодательных инициатив, направленных на создание

[2141] Kitsakis D. Op. cit. P. 3.

[2142] Souza G.H.B., 3D Cadastral Systems: feasibility of the Brazilian cadastral system. (2011). PhD Thesis. Sao Paulo State University. Universidade Estadual de São Paulo. P. 23.

[2143] Vučić N., Roić M., Mađer M., Vranić S., van Oosterom P., Overview of the Croatian land administration system and the possibilities for its upgrade to 3D by existing data. (2017). ISPRS Int. J. Geoinf. 6 (7)., p. 223

режима самостоятельного права собственности на такие объекты как подземные туннели и виадуки, однако эти инициативы так и не воплотились в реальность[2144].

В вопросе трехмерной кадастровой системы самой продвинутой в мире страной, которая уже ввела 3-D кадастр, является Швеция. Швеция относительно небольшая скандинавская страна, которая имеет небольшое население, которое сосредоточено в основном в крупных городах. Рост урбанизации привел к тому, что возникла необходимость более эффективного использования городского пространства.

Где конкретно проходят границы специфического объекта права собственности, например, туннеля, не определено законодательством, все зависит от конкретных случаев. Однако, рекомендации национального агентства Швеции, отвечающего за картографирование, кадастр и регистрацию прав собственности на недвижимость, *Lantmäteriet*, указывают на необходимость выделения определенной защитной зоны вокруг туннелей для их обслуживания и устранения каких-либо повреждений[2145].

К примеру, благодаря использованию трехмерного администрирования в 2017 году был реализован проект Stockholm City Line – железнодорожный туннель, проходящий под центром Стокгольма длиной более 6 километров.

Шведские юристы заявляют о том, что введение 3-D кадастра помогло им осуществлять более эффективное планирование и без каких-либо правовых пробелов и рисков начать застройку железнодорожных территорий офисными и жилыми зданиями и разделять право собственности в зонах транспортной инфраструктуры.

Тем не менее, при строительстве будущих линий метро планируется использовать более традиционные механизмы, такие как, установление привычного сервитута. Дело в том, что пока что на данном этапе визуализация юридических границ такого рода объектов в цифровой кадастровой среде невозможна, 3-D данные приходится изымать из кадастровых дел и их интерпретация возможна только через анализ текстов и графических 2-D материалов[2146].

Заключение

В данной работе были рассмотрены различные подходы регистрации специфических недвижимых вещей, таких как подземные туннели, которые сформировались в странах Европы.

Как мы можем видеть, во многих странах Европы сохраняются подходы, которые основаны на прочных римских идеях, принцип *superficies solo cedit* так или иначе является прочным фундаментом европейского права недвижимости.

С одной стороны, рассмотренная критика такого стабильного подхода, в целом, видится обоснованной ввиду того, что современные реалии на самом деле требуют определенной трансформации и гибкости, так как юристы, разрабатывавшие идею *superficies solo cedit* около 2000 лет назад на тот момент не имели представление о том, что когда-то человечество начнет строить огромные железнодорожные магистрали и автомобильные путепроводы под землей, водой и даже сквозь здания[2147].

[2144] Kitsakis D., Paasch J.M., Paulsson J., Navratil G., Vučić N., Karabin M., El-Mekawy M., Koeva M., Janečka K., Erba D., Alberdi R., Kalantari M., Yang Z., Pouliot J., Roy F., Montero M., Alvarado A., Karki S., 3D cadastres best practices: chapter 1– legal foundations. (2018). Paper to FIG Congress 2018, Istanbul, Turkey. May 6-11, 2018., p. 16.

[2145] Paasch J. M., Paulsson J. 3D property research from a legal perspective revisited. Land. (2021). 10(5). p. 494.

[2146] Andrée M., Paasch J.M., Paulsson J., Seipel, S., BIM and 3D property visuali- sation. (2018). In: Proceedings of FIG Congress 2018. Istanbul, Turkey. P. 9. P. 9.

[2147] Линия метро, проложенная через жилой дом. Тенгриньюс. <https://tengrinews.kz/mixnews/liniia-metro-prolozennaia-cerez-ziloi-dom-321210/>

Создание системы трехмерного кадастра и дальнейшая объективизация таких специфических объектов, как туннели и путепроводы перекрывающие или пересекающие иные здания или строения (overlapping constructions) позволит сделать освоение земли для строительства туннелей более гибким и позволит девелоперам привлекать больше средств из-за возможности закладывать такого рода объекты.

Тем не менее несмотря на то, что многие исследователи ссылаются на исторические причины и называют их главным препятствием, которое мешает переходу к трехмерной модели регистрации прав на недвижимое имущество, на наш взгляд, трансформировать законодательство куда проще в обход стабильных римских принципов, чем решить технические проблемы, которые до сих пор не решены во многих странах. Ведь даже Швеция, которая казалось бы, что уже перешла на 3-D кадастр, планирует прибегнуть словно к сервитутам при проектировании будущих линий метро. На наш взгляд, на данный момент пока рано говорить об обоснованности перехода к трехмерной системе ввиду отсутствия крепких технических решений.

Список литературы:

1. Земельный кодекс Республики Казахстан от 20 июня 2003 года № 442-II (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19.03.2026 г.)
2. Бевзенко Р. С., Земельный участок с постройками на нем. Введение в российское право недвижимости. (2020). ЛитРес, Статут.
3. Линия метро, проложенная через жилой дом. Тенгриньюс. <https://tengrinews.kz/mixnews/liniia-metro-prolozennaia-cerez-ziloi-dom-321210/>
4. Andrée M., Paasch J.M., Paulsson J., Seipel, S., BIM and 3D property visualisation. (2018). In: Proceedings of FIG Congress 2018. Istanbul, Turkey. P. 9.
5. Karabin M., Kitsakis D., Koeva M., Navratil G., Paasch J. M., Paulsson, J., Layer approach to ownership in 3D cadastre in the case of underground tunnels. (2020). Land use policy, 98, 104464.
6. Kitsakis D. Legal Requirements for Real Property Stratification. (2019). National Technical University of Athens.
7. Kitsakis D., Paasch J.M., Paulsson J., Navratil G., Vučić N., Karabin M., El-Mekawy M., Koeva M., Janečka K., Erba D., Alberdi R., Kalantari M., Yang Z., Pouliot J., Roy F., Montero M., Alvarado A., Karki S., 3D cadastres best practices: chapter 1– legal foundations. (2018). Paper to FIG Congress 2018, Istanbul, Turkey. May 6- 11, 2018., p. 16.
8. Merwe C. van der., The doctrinal clog on the historical development of condominium by the maxim super cies solo cedit. (2010). Fundamina 16 (1).
9. Navratil G., Hackl M., 3D-Kataster. (2007). Selbstverlag des Vereins CORP.
10. Paasch J. M., Paulsson J. 3D property research from a legal perspective revisited. Land. (2021). 10(5).
11. Papageorgiou M. Networking underground archaeological and cultural sites: the case of the Athens metro. (2015). ISOCARP, ITA/ITACUS In: Han, A., Shipra, N.S. (Eds.), Think Deep: Planning, Development and Use of Underground Space in Cities.
12. Souza G.H.B., 3D Cadastral Systems: feasibility of the Brazilian cadastral system. (2011). PhD Thesis. Sao Paulo State University. Universidade Estadual de São Paulo.
13. Stoter J. E., 3D Cadastre. (2004).
14. Vučić N., Roić M., Mađer M., Vranić S., van Oosterom P., Overview of the Croatian land administration system and the possibilities for its upgrade to 3D by existing data. (2017). ISPRS Int. J. Geoinf. 6 (7).
15. Zaini F., Hussin K., Suratman R., Abd Rasid K. Review of the underground land ownership in Malaysia. (2013). Jurnal Pentadbiran Tanah 3 (1).

Манапова Гулфаризат Мухтаровна
Магистрант 2 курса специальности «Юриспруденция»
Высшая школа права, Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республика Казахстан
e-mail: g_manapova@kazguu.kz

КОНСТРУКЦИИ ТИТУЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В БАНКРОТСТВЕ В КАЗАХСТАНСКОМ ПРАВЕ

Аннотация: В статье приводится обзор и анализ казахстанского банкротного права на предмет выявления особенностей по сделкам с титульным обеспечением. Автором отмечается, что казахстанское законодательство в целом не содержит специальных положений, регламентирующих правовой режим имущества или прав требований, переданных в обеспечительных целях. Также приводится краткий обзор восприятия конструкций титульного обеспечения зарубежными правопорядками. Рассматриваются механизмы банкротного права относительно титульных конструкций таких стран, как Германия, Франция, США, в которых анализируемые конструкции имеют популярность и применение. Автор уделяет внимание и двум основным сформированным подходам к конструкциям титульного обеспечения (функциональный и формальный). Проанализировав указанные положения, автор приходит к выводу, что в казахстанском банкротном праве преобладает формальный подход к механизмам титульного обеспечения.

Ключевые слова: обеспечительное право собственности, титульное обеспечение, банкротство, способы обеспечения обязательств, финансирование, обеспечительная цель, основные подходы, правовой режим, обеспечительная передача права собственности, обеспечительное удержание права собственности.

Аңдатпа: Мақалада титулдық қамтамасыз ету мәмілелері бойынша ерекшеліктерді анықтау тұрғысынан қазақстандық банкроттық құқыққа шолу және талдау келтірілген. Автор атап өткендей, қазақстандық заңнамада тұтастай алғанда мүліктің құқықтық режимін немесе қамтамасыз ету мақсатында берілген талап ету құқықтарын реттейтін арнайы ережелер жоқ. Сондай-ақ, шетелдік құқықтық тәртіптермен титулдық қамтамасыз ету құрылымдарын қабылдаудың қысқаша шолуы келтірілген. Талданатын конструкциялар танымал және қолданылатын Германия, Франция, АҚШ сияқты елдердің титулдық конструкцияларына қатысты банкроттық құқығының тетіктері қарастырылады. Автор титулды қамтамасыз ету конструкцияларына (Функционалды және формальды) қалыптасқан екі негізгі тәсілге назар аударады. Аталған ережелерді талдағаннан кейін автор қазақстандық банкроттық құқығында титулдық қамтамасыз ету тетіктеріне формальды көзқарас басым деген қорытындыға келеді.

Түйінді сөздер: қамтамасыз ету құқығы ретіндегі меншік, титулдық қамтамасыз ету, банкроттық, міндеттемелерді қамтамасыз ету тәсілдері, қаржыландыру, қамтамасыз ету мақсаты, негізгі тәсілдер, құқықтық режим, қамтамасыз ету ретінде меншік құқығын беру, қамтамасыз ету ретінде меншік құқығын сақтап қалу.

Annotation: The article provides an overview and analysis of Kazakhstan bankruptcy law in order to identify the specifics of transactions with title security. The author notes that Kazakh legislation as a whole does not contain any special provisions regulating the legal regime of property or the rights of claims transferred for security purposes. A brief overview of the perception of title support structures by foreign legal systems is also provided. The mechanisms of bankruptcy law in relation to title constructions in countries such as Germany, France, and the United States, in which the analyzed constructions are popular

and used, are considered. The author also pays attention to two main established approaches to title support structures (functional and formal). After analyzing these provisions, the author comes to the conclusion that the formal approach to title security mechanisms prevails in Kazakhstan bankruptcy law.

Keywords: retention of title, title-based security, bankruptcy, methods of securing obligations, financing, security purpose, basic approaches, legal regime, transfer of title for security purposes, retention of title as security.

Введение

Не является неизвестным тот факт, что лица, оказывая какой-либо кредит, больше всего заинтересованы в надлежащем исполнении обязательства должником. Такой интерес является весьма оправданным, ведь кредитор, оказывая *credere* должнику и тем самым исполняя свое обязательство ранее последнего, отказывается от того, чтобы исполнять свое обязательство одновременно с исполнением должника[2148]. Стоит признать, что в современных реалиях, с учетом развития инвестиционных, банковских отношений, в целом, условий рыночной экономики, кредиторам трудно рассчитывать лишь на разумное и добросовестное поведение должника или, иными словами, на то, на что они практически не могут повлиять. Единственным инструментом, способствующим предотвращению недобросовестного или дефолтного состояния должника, как раз-таки выступает институт обеспечения обязательств. Так, казахстанское право, в свою очередь, закрепляет некоторые способы обеспечения исполнения обязательства, оставляя такой перечень открытым для дополнения лицами самостоятельно в договорном порядке. Как правило, такие способы, прямо не закрепленные в законодательстве, принято называть непоименнованными. Одним из таких непоименнованных способов являются конструкции титульного обеспечения, при которых обеспечительный эффект реализуется посредством передачи права собственности в обеспечение. Соответственно, право собственности в такой ситуации является исключительно обеспечительной, но никак не «настоящей».

Как правило, способы обеспечения обязательств в целях выявления их действительного обеспечительного эффекта принято проверять посредством банкротства[2149]. Исследователями отмечается, что «именно в ситуации, когда имущества должника недостаточно для удовлетворения требований всех кредиторов, обеспеченные кредиторы должны оказаться в более надежном и выигрышном положении»[2150]. В такой связи анализ конструкций титульного обеспечения в банкротстве казахстанского права с учетом формальной передачи собственности с обеспечительной целью имеет высокую значимость для исследований.

Основная часть

Прежде всего, стоит остановиться на правовой сущности и, соответственно, допустимости титульного обеспечения как способа обеспечения обязательств. Как известно, казахстанское право содержит открытый перечень для способов обеспечения обязательств (*numerus apertus*). Так, пункт 1 статьи 292 Гражданского кодекса РК указывает, что исполнение обязательств может быть обеспечено и иными договорными способами наряду с залогом, удержанием имущества должника,

---

[2148] Хансйорг Вебер, *Обеспечение обязательств*, (Волтерс Клувер, 2009) 1.

[2149] Роман Бевзенко, ‘Почему неустойка – это не обеспечение? Колонка Романа Бевзенко’ (2022) *Юридический онлайн-журнал «ШОРТРИД»* <https://shortread.ru/pochemu-neustojka-eto-ne-obespechenie-kolonka-romana-bevzenko/?ysclid=lskvfxxi> дата обращения: 23 марта 2026 года.

[2150] Алиса Каджоян, ‘Концепция титульного обеспечения в банкротстве в российском праве’, 6.

поручительством, гарантией[2151]. Тем не менее, ввиду действия принципа закрытого перечня в вещном праве, лицам предоставляется небольшой набор вещных прав для формирования отличительного способа обеспечения[2152]. Соответственно, учитывая, что право собственности, являясь вещным правом, может иметь обеспечительную функцию. Как отмечается исследователями, такой феномен является достаточно логичным, ведь что, кроме права собственности, может лучше обеспечить обеспечительный эффект[2153]. Таким образом, допустимо сделать вывод о том, что титульное обеспечение может являться способом обеспечения обязательств.

При этом титульное обеспечение принято считать родовым (собирательным) понятием для конструкций, в которых демонстрируется обеспечительная функция права собственности, то есть обеспечительный эффект в таких конструкциях достигается посредством наделения кредитора правом собственности[2154]. Право собственности, в свою очередь, имеет обеспечительную функцию в двух случаях: (1) при обеспечительной передаче права собственности кредитору; (2) при обеспечительном удержании права собственности за кредитором. Из такого деления вытекают дальнейшие четыре конструкций титульного обеспечения, как обеспечительная купля-продажа, обеспечительная уступка и удержание права собственности кредитором и выкупной лизинг[2155]. В целях исследования конструкций титульного обеспечения в банкротстве казахстанского права следует проанализировать такие конструкции в соответствии с указанным разделением.

Обеспечительная передача права собственности кредитору в банкротстве казахстанского права

Обеспечительная передача права собственности кредитору является таким видом титульного обеспечения, при котором кредитору передается право собственности в целях обеспечения обязательств по возврату финансирования. Как легко заметить, титульные конструкции, подпадающие под рассматриваемую категорию, отличаются тем, что предмет обеспечения изначально принадлежит должнику и передается кредитору исключительно в обеспечительных целях.

Переходя непосредственно к анализу казахстанского банкротного права на предмет выявления особенностей регулирования сделок по обеспечительной купле-продаже, следует отметить о сути такой сделки. Так, должник в целях получения финансирование от кредитора, передает последнему право собственности на определенное имущество в качестве обеспечения своего обязательства по возврату оказанного финансирования. Тем не менее, исследование показывает, что ни Гражданский кодекс РК, ни закон РК «О реабилитации и банкротстве» («**Закон о банкротстве**»), ни закон «О восстановлении платежеспособности банкротстве граждан Республики Казахстан» («**Закон о банкротстве граждан**») не содержат специальных положений про положение продавца и покупателя, которые использовали рассматриваемый механизм. Хотя анализ судебной практики демонстрирует, что лица заключают такого рода договоры (правда, в последующем существует риск переквалификации отношений в заемные с использованием инструмента залога). Тем не менее, учитывая сам факт использования лицами такого

[2151] Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 года № 268-XIII. *Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет»* https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000_ (дата обращения: 23 марта 2026 года)

[2152] Роман Бевзенко, 'Очерк теории титульного обеспечения' (2021) *Вестник гражданского права №2 2021 Том 21*, 13.

[2153] ibid 5.

[2154] Василий Зорин, 'Фидуциарная передача права собственности как способ обеспечения исполнения обязательств' (2024), 18.

[2155] ibid (n 5) 10.

механизма и следуя целям настоящего исследования, стоит рассмотреть случаи банкротства сторон такого договора.

Подпункт 1) пункта 1 статьи 96 Закона о банкротстве указывает, что в состав имущественной массы включается в том числе имущество банкрота, которое не отражено в его финансовых документах, но на которое имеются документы, которые подтверждают его право собственности, также дебиторская задолженность[2156]. Пункт 1 статьи 38 Закона о банкротстве граждан, в свою очередь, регламентирует, что в состав имущественной массы должника входит все его движимое и недвижимое имущество на территории Казахстана и за ее пределами[2157]. Соответственно, законы не содержат оговорок об обеспечительной передаче права собственности. В такой связи заключается, что исходя из такого формального подхода, имущество, переданное кредитору в целях обеспечения обязательства по договору обеспечительной купли-продажи, будет включено в состав имущественной массы покупателя на случай его банкротства. Представляется, что единственным инструментом продавца в такой ситуации будет попытка оспорить договор. Это, в свою очередь, может привести к тому, что кредитор в итоге останется без обеспечения[2158]. В ситуации же с банкротством продавца является понятным, что имущество, переданное покупателю в целях обеспечения обязательства, скорее всего не будет включено в его имущественную массу.

Таким образом, анализ казахстанского банкротного права по отношению к обеспечительной купле-продаже демонстрирует, что отсутствуют какие-либо положения, регламентирующие порядок разрешения вопросов, возникающих в связи с заключением такого вида договора.

Касательно обеспечительной уступки следует отметить то, что исследователями указывается на то, что такая конструкция развивалась в качестве альтернативы залогу имущественных прав[2159]. При этом данная конструкция имеет нормативное регулирование в ГК РК в главе 37 (Финансирование под уступку денежного требования)[2160]. Более того, в пункте 2 статьи 736 ГК предусматривается, что уступка денежного требования финансовому агенту (фактору) может быть осуществлена в качестве способа обеспечения исполнения клиентом своего обязательства перед первым[2161]. Следовательно, факторинг является признанным способом титульного обеспечения обязательств.

Тем не менее казахстанское законодательстве в части банкротства не имеет регулирования, которое регламентировало бы порядок реализации и судьбы в целом прав требований, уступленные должником в целях обеспечения своих обязательств перед фактором. Соответственно, применимыми нормами и в данной ситуации являются указанные выше статьи Закона о банкротстве и Закона о банкротстве граждан. Так, например, при банкротстве финансового агента (фактора) полученные права требования должны быть включены в состав его имущественной массы. Следовательно, при банкротстве клиента – его дебиторская задолженность не будет

[2156] Закон Республики Казахстан «О реабилитации и банкротстве» от 7 марта 2014 года № 176-V *Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет»* < https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000176> (дата обращения: 23 марта 2026 года).

[2157] Закон Республики Казахстан «О восстановлении платежеспособности и банкротстве граждан Республики Казахстан» от 30 декабря 2022 года № 178-VII *Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет»* < https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2200000178 > (дата обращения: 23 марта 2026 года).

[2158] ibid (n 3) 62.

[2159] Сергей Сарбаш, 'Обеспечительная передача правового титула', 24.

[2160] Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 года № 409 *Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет»* < https://adilet.zan.kz/rus/docs/K990000409_> (дата обращения: 23 марта 2026 года).

[2161] ibid 13.

включена в состав его имущественной массы. При этом остаются открытыми вопросы о последствиях признания банкротами сторон рассмотренного механизма титульного обеспечения.

Обеспечительное удержание права собственности за кредитором в банкротстве казахстанского права

Обеспечительное удержание права собственности за кредитором представляет собой такой вид титульного обеспечения, при котором кредитор, имея право собственности на имущество, которое желает приобрести должник, сохраняет такое право до тех пор, пока должник не исполнит свои обязательства полностью. К такого рода механизмам относятся договор купли-продажи с оговоркой о сохранении права собственности за продавцом и договор выкупного лизинга.

Казахстанское право, в свою очередь, прямо закрепляет указанные титульные конструкции, при которых право собственности сохраняется за продавцом. Так, статья 444 ГК регламентирует, что при заключении договора купли-продажи стороны могут предусмотреть условие о том, что право собственности на переданный должнику товар будет сохраняться за продавцом до полного исполнения обязательств последним[2162]. Должник, соответственно, не имеет права отчуждать или иным образом распоряжаться таким товаром, а в случае неисполнения им своих обязательств – продавец может требовать возврата товара. Соответственно, признавая, что такое сохраняющее право собственности продавца является защитой интересов последнего для получения полного и надлежащего исполнения обязательств от должника, заключается, что оно является по своей сути способом обеспечения обязательств.

Тем не менее, Закон о банкротстве и Закон о банкротстве граждан также не содержат отдельных положений о судьбе имущества, которое служит обеспечением в рамках договора купли-продажи с оговоркой о сохранении права собственности за продавцом. Как указывалось выше, указанные законы регламентируют, что в имущественную массу включается все движимое и недвижимое имущество банкрота на территории Казахстана и за ее пределами, имущество банкрота, в том числе и то, которое не отражено в финансовых документах, но на которое имеются документы, подтверждающие право собственности банкрота и права требования. Таким образом, Законы о банкротстве под имуществом банкрота понимает все то имущество, на которое у него есть право собственности. Следовательно, анализируя ситуацию банкротства продавца при рассматриваемой конструкции, можно прийти к выводу, что товар, переданный покупателю, будет включен в имущественную массу продавца. Весьма ясным является судьба спора, в случае если покупатель не вносил никакие платежи в счет погашений своей задолженности за товар. В рамках настоящего исследования интерес вызывает ситуация, при которой покупатель уже внес определенную n-ную часть своих платежей. Исходя из буквального толкования вышеуказанных положений, становится понятным, что товар, находящийся во владении покупателя все равно будет включен в имущественную массу продавца-банкрота, так как покупатель не исполнил свои обязательства по оплате до конца. На вопрос о судьбе указанных n-ных платежей Законы о банкротстве ответов не содержат.

Проанализировав положение продавца-банкрота, следует рассмотреть и ситуацию, при которой банкротом становится покупатель. Аналогично ситуации с продавцом, нормативное регулирование в такой ситуации находит свой частичный ответ в п.1) пункта 1 статьи 96 Закона о банкротстве и пункте 1 статьи 38 Закона о банкротстве граждан и из смысла заключенного договора купли-продажи с оговоркой о сохранении права собственности за продавцом. Так, становится ясным, что право

[2162] ibid 13.

собственности на товар к покупателю переходит только при полном исполнении им своих обязательств. Соответственно, если на момент открытия имущественной массы покупатель не внес все платежи по договору, то такой товар не может быть включен в состав его имущественной массы. Из этого возникает вопрос о судьбе ранее уплаченных платежей и иные сопутствующие вопросы, связанные с правом продавца изъятия такого товара. Ответа на данные вопросы Закон о банкротстве также не содержит, что также формирует необходимость в анализе судебной практики по таким спорам.

Таким образом, анализ казахстанского банкротного права на предмет выявления особенностей регулирования сделок с оговоркой о сохранении права собственности за продавцом демонстрирует, что казахстанское банкротное право не содержит специальных положений для данной конструкций.

Казахстанское право содержит нормативное регулирование и второго вида конструкций по обеспечительному удержанию права собственности за кредитором – лизингу, в том числе выкупному. Так, нормы, посвященные указанной конструкции, имеют место в §2 главы 29 ГК и в Законе РК «О финансовом лизинге» («**Закон о лизинге**»). Анализируя данную конструкцию, нельзя не остановиться коротко на определении ее правового характера: заемная или арендная.

Как отмечает Егоров в своей работе, «механизм расчета лизинговых платежей принципиально иной, чем арендных»[2163]. Автор объясняет свою позицию тем, что в случае аренды значение имеет «среднерыночная ставка оплаты за пользование аналогичной вещью», в то время как при определении ставок оплаты лизинговых платежей учитывается срок возврата суммы финансирования должником, начисляется процентная ставка и вознаграждение лизингодателя[2164]. Другая специфика лизинга, по мнению Егорова, видна при продлении договоров: при продлении договора аренды размер выплат увеличивается; при продлении же договора лизинга – размер выплаты должен снизиться[2165]. Также отмечается о том, что арендная теория лизинга не в силах объяснить причину внесения лизингополучателем авансового платежа, являющимся платой за первый период пользования, в размере в несколько раз, превышающем плату за любой другой период или в целом не рассмотрения сторонами такой платы в качестве платы за пользование предметом лизинга[2166]. Исходя из этого, автор соглашается с мнением С. А. Громова, который утверждал о том, что восприятие лизинговых платежей как оплату за владение и пользование предметом лизинга не является соответствующим истинному экономическому смыслу лизинга как формы финансирования приобретения основных средств[2167]. Громов, в свою очередь, отмечает, что лизинг изначально формировался в качестве альтернативы заемному финансированию, так как институт залога имел некоторые нюансы: использование механизма лизинга предоставляет лизингодателю возможность получения более сильного права как обеспечения (право собственности на предмет лизинга) [2168]), нежели залог[2169]. Вследствие, подразумевается, что у лизингодателя будет более «простой» способ для получения удовлетворения по сравнению с обращением взыскания на предмет залога[2170]. О кредитной природе лизинга отмечает и Р. С. Бевзенко. Автор для обоснования своей позиции приводит

[2163] Андрей Егоров, 'Лизинг: аренда или финансирование' (2012) Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 3/2012, 43.
[2164] ibid 16.
[2165] ibid 16.
[2166] ibid 16.
[2167] ibid 16.
[2168] ibid (n 3) 21.
[2169] ibid (n 3) 21.
[2170] ibid (n 3) 32.

пример с просрочкой лизингополучателя и приходит к выводу, что именно заемная концепция лизинга обеспечивает более справедливое разрешение споров и вопросов, потенциально возникающих между лизингодателем и лизингополучателем[2171].

Казахстанское законодательство, в свою очередь, как указывалось выше, поместило такую конструкцию в главу 29 ГК, регламентирующей положения об имущественном найме (аренде). Так, пункт 1 статьи 565 ГК закрепляет, что в соответствии с договором лизинга, лизингодатель обязан приобрести в собственность указанное лизингополучателем имущество у продавца и за плату предоставить лизингополучателю это имущество во временное владение и пользование[2172]. Статья 567 ГК, регламентируя существенные условия для такого договора, указывает, что стороны договориться об условиях перехода имущества в собственность должника[2173]. Закон о лизинге касательно права собственности на предмет лизинга закрепляет, что такое право собственности «сохраняется за лизингодателем в течение всего срока действия договора лизинга, за исключением *случаев перехода предмета лизинга в собственность лизингополучателя до истечения срока действия договора лизинга (если такой переход предусмотрен договором лизинга), осуществляемого при условии исполнения лизингополучателем всех своих денежных обязательств по договору лизинга»*[2174]. Отдельно отмечается правовой режим предмета лизинга в случае ликвидации или банкротства: в таком случае, если цена лизинга не оплачена - предмет лизинга возвращается лизингодателю[2175].

Подпункт 10) пункта 4 статьи 96 Закона о банкротстве, в такой связи, указывает, что в состав имущественной массы лизингополучателя не включается предмет лизинга, за исключением того случая, когда собрание кредиторов принимает решение о досрочном выкупе такого предмета[2176]. Соответственно, понимается, что в случае банкротства лизингодателя предмет лизинга может быть изъят у лизингополучателя и включен в имущественную массу первого, так как формально право собственности на предмет лизинга признается за ним и не учитывается его обеспечительная цель. Ответа на вопрос о судьбе уплаченных лизинговых платежей Закон также не содержит, что может ставить в невыгодное положение лизингополучателя, намеревавшегося выкупить предмет лизинга.

Проанализировав нормативное регулирование конструкций титульного обеспечения в банкротстве в казахстанском праве, следует рассмотреть и зарубежное «отношение» к указанным механизмам в процедурах банкротства.

Так, обеспечительная передача права собственности кредитору не является неизвестной для иностранных правопорядков. Соответственно, и механизмы их работы при банкротстве также имеют свой порядок.

К примеру, во Франции обеспечительная передача права собственности была введена еще в 2007 году[2177]. При этом были установлены требования к субъектному составу таких правоотношений: фидуциаром может выступать лишь определенные организации, такие как кредитные, страховые и инвестиционные, также коллегии адвокатов[2178]. Французское право содержит и иное интересное положение о правовом режиме имущества, переданного в обеспечительных целях. Так, пока должник не

[2171] ibid (n 5) 65.
[2172] ibid 13.
[2173] ibid 13.
[2174] Закон Республики Казахстан «О финансовом лизинге» от 5 июля 2000 года № 78 *Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет»* < https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z000000078_ > (дата обращения: 23 марта 2026 года).
[2175] ibid 27.
[2176] ibid 9.
[2177] ibid (n 3) 72.
[2178] ibid (n 3) 72.

попадет в просрочку или иным образом нарушит обязательство, предмет обеспечения не будет входить в состав имущественной массы кредитора. Такой предмет будет формировать отдельную имущественную массу, так как французское право признает временный и обеспечительный характер права собственности на данный предмет[2179]. В Германии же при банкротстве должника по таким сделкам статус кредитора приравнивается к залоговому кредитору[2180]. Соответственно, кредитор не изымает предмет обеспечения из имущественной массы и получает удовлетворение своих требований за счет реализации имущества.

Что касается обеспечительной уступки, то оно также признается французским правом с учетом особенностей к субъектному составу, немецким, английским правами. Так, например, регулирование данной конструкции в Германии в банкротных процедурах схоже с процедурами по банкротству по обеспечительной купле-продаже, рассмотренной выше: цессионарий также приравнивается к залоговому кредитору[2181].

Не являются чуждыми для иностранного правопорядка и механизмы обеспечительного удержания права собственности за кредитором. Исследователями указанные механизмы относятся к сделкам по финансированию приобретения и могут носить различные названия (к примеру, как приобретательское обеспечительное право, право финансовой аренды, право на обеспечительное удержание титула)[2182].

Так, по законодательству Франции, если покупатель по договору купли-продажи с оговоркой о сохранении права собственности становится банкротом, продавец, являясь собственником товара, вправе изъять товар из конкурсной массы покупателя[2183]. Что касается регулирования лизинга, то отношение французского правопорядка совпадает с казахстанским и предоставляет лизингодателю право на изъятие предмета лизинга из имущественной массы лизингополучателя в случае его банкротства[2184]. Тем не менее указывается, что договор лизинга является конструкцией с обеспечительной функцией в Валютно-финансовом кодексе Франции, что является основанием для регистрации такого договора в реестре с целью противопоставления его третьим лицам[2185].

В Германии же оговорка о сохранении права собственности за продавцом (кредитором) признано способом обеспечения обязательств и даже является одним из наиболее популярных способов обеспечения[2186]. Важно отметить, что здесь также требуется полное исполнение обязательств должником для перехода права собственности к последнему и, соответственно, прекращению обеспечения, но при этом при переходе такого права стороны не совершают дополнительных действий: право собственности переходит к должнику сразу после полной оплаты[2187]. В случае же проведения банкротных процедур, то, например, при банкротстве продавца покупатель имеет право требовать исполнения договора от банкротного управляющего первого, то есть продолжения принятия платежей[2188]. Однако, если покупатель попадает в просрочку, банкротный управляющий имеет право на отказ от договора и требования на передачу товара в имущественную массу продавца-банкрота. Покупатель, в свою очередь, в такой ситуации имеет право на возврат своих платежей, которые были внесены до момента прекращения договора купли-

[2179] ibid (n 3) 72.
[2180] ibid (n 3) 72.
[2181] ibid (n 3) 54.
[2182] ibid (n 3) 34.
[2183] ibid (n 3) 38.
[2184] ibid (n 3) 39.
[2185] ibid (n 3) 39.
[2186] ibid (n 1), 244.
[2187] ibid (n 3) 35.
[2188] ibid (n 1) 270.

продажи[2189]. Что касается ситуации банкротства покупателя, то порядок действий следующий: банкротный управляющий имеет право в период между открытием производства и составлением отчета принять решение о продолжении исполнения обязательств по договору. При принятии положительного решения банкротный управляющий исполняет обязательство из средств имущественной массы покупателя-банкрота. Если же банкротный управляющий отказывается от исполнения – продавец имеет право на изъятие товара из имущественной массы. Учитывая признание оговорки о сохранении права собственности за продавцом в качестве способа обеспечения, то продавец в промежуток указанного времени не имеет права на отчуждение товара. Регулирование же договора лизинга в банкротстве в Германии сводится к тому, что лизингодатель признается полноценным собственником предмета лизинга и вправе изъять его из имущественной массы должника[2190].

В США принят несколько иной подход к регулированию конструкций титульного обеспечения, в том числе в процедурах банкротства[2191]. Так, в данной стране все обеспечительные механизмы являются равными, без выделения более сильного из них[2192]. Логика данного подхода основывается на том, что все способы обеспечения обязательств так или иначе выполняют лишь одну цель – обеспечивающую. Следовательно, ко всем механизмам титульного обеспечения применяются общие положения по обеспечительным сделкам.

Таким образом, становится ясным, что механизмы титульного обеспечения имеют достаточно большую популярность по применению и исследованию. На основании же вышеизложенного обзора и анализа зарубежных правопорядков, заключается, что имеются и некоторые решения вопросов, связанных с банкротством лиц, использовавших рассматриваемые механизмы обеспечения обязательств. Вследствие, выделяются два основных подхода к регулированию титульного обеспечения, в том числе банкротстве: функциональный и формальный.

Существо функционального подхода было коротко упомянуто выше при рассмотрении концепции США по регулированию сделок с обеспечением. Соответственно, становится понятным, что данный подход призван заменить различные обеспечительные механизмы на единый. Так, согласно такой логике, должен использоваться только термин «обеспечительное право»[2193]. Непосредственно, при банкротстве должник имеет право выкупить предмет обеспечения, кредитор же – имеет право лишь на продажу имущества с соблюдением правил, которые предъявляются к обеспеченным кредиторам[2194]. Функциональный подход применяется и в Германии: как указывалось выше, кредиторы с титульными обеспечениями по механизмам обеспечительной передачи права собственности принимаются за залоговых кредиторов[2195].

Формальный же подход, наоборот, как указывает его название, рассматривает включение предмета обеспечения в состав имущественной массы исходя из формальной принадлежности права собственности кредитору[2196]. Следовательно, при банкротстве покупателя – предмет обеспечения будет включен в его имущественную массу; при банкротстве продавца – предмет обеспечения не будет учтен в качестве состава имущественной массы. Тем не менее, такой подход воспринимается некоторыми правопорядками.

[2189] ibid (n 1) 270.
[2190] ibid (n 3) 38.
[2191] ibid (n 3) 41.
[2192] ibid (n 3) 83.
[2193] ibid (n 3) 83.
[2194] ibid (n 3) 85.
[2195] ibid (n 3) 85.
[2196] ibid (n 3) 77.

Заключение

Вышеприведенное исследование казахстанского банкротного права на предмет выявления специального регулирования имуществом, связанного с конструкциями титульного обеспечения демонстрирует, что на данный момент исследуемое право склонно к формальному подходу в регулировании. Так, под имуществом банкрота понимается все то имущество, которое находится у него на праве собственности. При этом отсутствуют какие-либо положения, указывающие на правовой режим имущества или прав требований, переданных в собственность кредитору в обеспечительных целях. Такое обстоятельство, в свою очередь, имеет потенциальный риск для незащищенности как продавца, так и покупателя. Следовательно, имеются основания для проведения и иных исследований в указанной области.

Список литературы:

Книги:

1. Хансйорг Вебер, Обеспечение обязательств, (Волтерс Клувер, 2009) С. 451.

Статьи:

2. Роман Бевзенко, Почему неустойка – это не обеспечение? Колонка Романа Бевзенко (2022) Юридический онлайн-журнал «ШОРТРИД» <https://shortread.ru/pochemu-neustojka-eto-ne-obespechenie-kolonka-romana-bevzenko/?ysclid=lskvfxxi> дата обращения: 23 марта 2026 года.
3. Алиса Каджоян, Концепция титульного обеспечения в банкротстве в российском праве. С. 107.
4. Роман Бевзенко, Очерк теории титульного обеспечения (2021) Вестник гражданского права №2 2021 Том 21. С 9–87.
5. Василий Зорин, Фидуциарная передача права собственности как способ обеспечения исполнения обязательств (2024). С 182.
6. Сергей Сарбаш, Обеспечительная передача правового титула. С 95.
7. Андрей Егоров, Лизинг: аренда или финансирование (2012) Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 3/2012. С 36–60.

Нормативные правовые акты:

8. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 года № 268-XIII. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000_>
9. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 года № 409 Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» < https://adilet.zan.kz/rus/docs/K990000409_>
10. Закон Республики Казахстан «О реабилитации и банкротстве» от 7 марта 2014 года № 176-V Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» < https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000176>
11. Закон Республики Казахстан «О восстановлении платежеспособности и банкротстве граждан Республики Казахстан» от 30 декабря 2022 года № 178-VII Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» < https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2200000178 >
12. Закон Республики Казахстан «О финансовом лизинге» от 5 июля 2000 года № 78 Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» < https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z000000078_ >

Онгалбекова Диана
Магистрант 1 курса специальности «Юриспруденция»
Высшая школа права Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республика Казахстан
E-mail: di.ongalbekova@gmail.com

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ СОГЛАШЕНИЯ О РАЗДЕЛЕ ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ В КАЗАХСТАНЕ И ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ (ФРАНЦИЯ, КАНАДА (ОНТАРИО))

Аннотация: Статья посвящена анализу гражданско-правовой ответственности за неисполнение соглашения о разделе имущества супругов в праве Республики Казахстан. Актуальность исследования обусловлена распространённостью имущественных споров при расторжении брака и возрастающим значением договорного регулирования имущественных отношений супругов. Предметом исследования являются правовые последствия нарушения соглашений о разделе имущества и механизмы ответственности за их неисполнение. Цель работы заключается в выявлении особенностей гражданско-правовой ответственности за нарушение таких соглашений и определении направлений совершенствования правового регулирования. В исследовании применяются формально-юридический и сравнительно-правовой методы, а также анализ судебной практики. Научная новизна работы заключается в выявлении особенностей применения гражданско-правовой ответственности за неисполнение соглашений о разделе имущества супругов в праве Республики Казахстан и сопоставлении их с зарубежными механизмами обеспечения исполнения обязательств. Сделан вывод о необходимости развития превентивных механизмов ответственности, способствующих обеспечению реального исполнения соглашений.

Ключевые слова: соглашение о разделе имущества супругов, раздел совместно нажитого имущества, семейное право, гражданско-правовая ответственность, неисполнение обязательства, меры защиты гражданских прав, супруги, сравнительно-правовой анализ, имущественные отношения супругов, договорное регулирование.

Аңдатпа: Мақала Қазақстан Республикасының құқығында ерлі-зайыптылардың мүлкін бөлу туралы келісімді орындамағаны үшін азаматтық-құқықтық жауаптылықты талдауға арналған. Зерттеудің өзектілігі некені бұзу кезіндегі мүліктік даулардың кең таралуымен және ерлі-зайыптылардың мүліктік қатынастарын шарттық реттеудің маңызы артуымен негізделеді. Зерттеу пәні мүлікті бөлу туралы келісімдерді бұзудың құқықтық салдарлары және оларды орындамағаны үшін жауаптылық тетіктері болып табылады. Жұмыстың мақсаты осындай келісімдерді бұзғаны үшін азаматтық-құқықтық жауаптылықтың ерекшеліктерін анықтау және құқықтық реттеуді жетілдіру бағыттарын айқындау болып табылады. Зерттеуде формальды-заңдық және салыстырмалы-құқықтық әдістер, сондай-ақ сот практикасын талдау қолданылады. Жұмыстың ғылыми жаңалығы Қазақстан Республикасының құқығында ерлі-зайыптылардың мүлкін бөлу туралы келісімдерді орындамағаны үшін азаматтық-құқықтық жауаптылықты қолданудың ерекшеліктерін анықтаудан және оларды міндеттемелердің орындалуын қамтамасыз етудің шетелдік тетіктерімен салыстырудан тұрады. Келісімдердің нақты орындалуын қамтамасыз етуге ықпал ететін жауаптылықтың превентивтік тетіктерін дамыту қажеттілігі туралы қорытынды жасалды.

Түйінді сөздер: ерлі-зайыптылардың мүлкін бөлу туралы келісім, бірлесіп жинаған мүлікті бөлу, отбасы құқығы, азаматтық-құқықтық жауаптылық, міндеттемені орындамау, азаматтық құқықтарды қорғау шаралары, ерлі-зайыптылар, салыстырмалы-құқықтық талдау, ерлі-зайыптылардың мүліктік қатынастары, шарттық реттеу.

Abstract: The article is devoted to the analysis of civil liability for the non-performance of an agreement on the division of spouses' property within the law of the Republic of Kazakhstan. The relevance of the research is determined by the prevalence of property disputes during the dissolution of marriage and the increasing importance of the contractual regulation of spouses' property relations. The subject of the research encompasses the legal consequences of breaching property division agreements and the mechanisms of liability for their non-performance. The aim of the work is to identify the features of civil liability for the breach of such agreements and to determine directions for improving legal regulation. The study employs formal legal and comparative legal methods, as well as an analysis of judicial practice. The scientific novelty of the work lies in identifying the specifics of applying civil liability for the non-performance of spouses' property division agreements in the law of the Republic of Kazakhstan and comparing them with foreign mechanisms for ensuring the performance of obligations. A conclusion is drawn regarding the need to develop preventive liability mechanisms that contribute to ensuring the actual performance of agreements.

Keywords: agreement on the division of spouses' property, division of jointly acquired property, family law, civil liability, non-performance of an obligation, measures to protect civil rights, spouses, comparative legal analysis, property relations of spouses, contractual regulation.

Введение

Современные социально-экономические изменения усиливают значение договорного регулирования в семейных отношениях, прежде всего в сфере имущества супругов. При расторжении брака одним из ключевых вопросов становится раздел совместно нажитого имущества. Согласно статье 37 Кодекса Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье», совместно нажитое имущество супругов может быть разделено по соглашению, которое должно быть нотариально удостоверено.[2197] Однако, даже при составлении соглашения о разделе имущества, у супругов могут возникнуть споры. Диспозитивный характер регулирования позволяет супругам урегулировать имущественные последствия развода добровольно. Однако на практике даже при наличии соглашения возникают споры, разрешаемые посредством медиации либо в судебном порядке.

Актуальность исследования обусловлена распространённостью бракоразводных дел и сопутствующих имущественных конфликтов. Так, к примеру в 2022 году в суд о расторжении брака поступило 82 004 заявления и дела, что составляет 11,6% всех заявлений за данный год.[2198] Дополнительно, в 2022 году Республика Казахстан заняло второе место по количеству разводов в мире.[2199] В связи с чем изучение природы соглашения о разделе имущества супругов является

[2197] Кодекс Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье» от 26 декабря 2011 г. № 518-IV (с изм. и доп.), ст. 37.

[2198] Обобщение судебной практики по делам о расторжении брака, Бюллетень Верховного Суда Республики Казахстан № 6 (2023) 59.

[2199] Особенности рассмотрения судами споров о разделе имущества супругов, в: З.Х. Баймолдина (ред.), *Актуальные вопросы совершенствования законодательства и правоприменительной практики: сборник материалов VII ежегодной научно-практической конференции магистрантов и докторантов* (Академия правосудия при Верховном Суде Республики Казахстан 2023) 143.

актуальной, так как заключение данного документа может облегчить судебный процесс при разделе имущества. Однако соглашение о разделе имущества не гарантирует надлежащее исполнение: обязательства тесно связаны с личностью сторон[2200] и затрагивают их внутренний имущественный баланс, что усложняет квалификацию нарушения и выбор мер ответственности. Дополнительно проблематично использование классических инструментов обеспечения исполнения (неустойка, залог, поручительство и др.), вследствие чего стороны нередко вынуждены полагаться на добросовестность друг друга.

Целью настоящего исследования является выявление особенностей гражданско-правовой ответственности за неисполнение соглашения о разделе имущества супругов в Республике Казахстан. А также проведение сравнительно-правового анализа соответствующих механизмов в зарубежных правопорядках (Франция, Канада (Онтарио)) с целью определения направлений возможного совершенствования национального регулирования. В работе используются формально-юридический и сравнительно-правовой методы, а также анализ судебной практики и доктринальных источников.

Соглашение как гражданско-правовая сделка

Соглашение о разделе общего имущества супругов в Казахстане представляет собой гражданско-правовой договор между супругами, по которому все либо часть общего имущества перестает быть общей совместной собственностью и переходит в личную собственность каждого из супругов.[2201] Как и любая сделка, она основана на правомерном волеизъявлении сторон и направлено на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.[2202] Предметом соглашения является существующее на момент заключения совместно нажитое имущество[2203]; при этом соглашение не заменяет брачный договор и не изменяет законный режим имущества в целом, а фиксирует конкретный порядок, сроки и распределение отдельных объектов между супругами.

Его гражданско-правовая природа обусловлена тем, что имущественный режим супругов регулируется одновременно семейным и гражданским законодательством. При отсутствии соглашения о разделе имущества или брачного договора действует режим общей совместной собственности, распоряжение которой возможно лишь по взаимному согласию. Следовательно, нарушение условий соглашения квалифицируется как неисполнение обязательства и влечёт применение общих гражданско-правовых способов защиты. Тогда как исполнение обязательства представляет собой совершение должником того действия (либо воздержание от действия), которое вытекает из обязательства.[2204] При этом соглашение подчиняется общим правилам действительности сделок, а именно, оно может быть оспорено или признано ничтожным по основаниям гражданского законодательства. Ключевым формальным требованием является нотариальное удостоверение соглашения. Несоблюдение установленной формы, как правило, влечёт отсутствие его

[2200] И.Е. Смаилова, *Семейное право Республики Казахстан* (Evero, Алматы 2022) 16.
[2201] Абраменко Г.И., Быкодорова А.Ф., Минина А.А., *Соглашения в семейном праве: проблемы теории и практики* (Фабула 2019) 33.
[2202] Иванова Е.В., Перепёлкина Н.В., Семёнова Н.В., «Брачный договор как гражданско-правовая сделка» *Oeconomia et Jus* № 4 (2022) 59.
[2203] Анаич С.М., «Договорное регулирование семейных отношений: новеллы законодательства и совершенствование нотариальной формы защиты семейных прав» *Юридическая наука и правоохранительная практика* № 1 (31) (2015) 32.
[2204] Гражданское право. Том 2. Вещное право. Обязательственное право: учебник для вузов (академический курс) / отв. ред. М.К. Сулейменов (Алматы 2013) 305.

юридической силы и, соответственно, невозможность требовать его исполнения как обязательства.

Соотношение мер защиты и мер гражданско-правовой ответственности

Важно разделять меры защиты и меры гражданско-правовой ответственности. К примеру, согласно Суханову, «возмещение убытков (вреда), взыскание неустойки, имущественная компенсация морального вреда представляют собой меры гражданско-правовой ответственности. Другие меры защиты гражданских прав именуются мерами защиты гражданских прав в узком смысле слова».[2205] Из этого можно сделать вывод, что ответственность связана с возложением на нарушителя дополнительных имущественных обременений. Похожего взгляда придерживаются и другие ученые. К примеру, Хабиров и Хамитова указывают, что в случае применения гражданско-правовой ответственности нарушитель несёт бремя санкций, тогда как использование защитных мер, как правило, не влечёт возникновения новых обязательств.[2206] Данное разграничение имеет принципиальное значение по отношению к обязательствам, вытекающим из соглашения о разделе имущества. Так как исходя из доктрины, требование выполнения обязательств, исходящих из соглашения о разделе имущества супругов является мерой защиты, направленная на реализацию нарушенного права.

Казахстан и Франция

В казахстанском законодательстве соглашение о разделе имущества хоть и носит обязательственный характер, но не всегда исполняется. В свою очередь, судебные способы реагирования носят компенсационный характер и действуют уже после конфликта. Так как в судебной практике преобладают меры гражданско-правовой защиты, выражающиеся в понуждении к исполнению обязательств. Тогда как меры гражданско-правовой ответственности применяются в ограниченном объеме или вообще не наблюдаются. Ведь согласно Суханову, понуждение к исполнению своих обязательств не является мерой ответственности, так как не несет никаких дополнительных обременений кроме тех, что исходят из обязательств.[2207] Схожего мнения придерживаются и другие ученые в сфере гражданского права.[2208] В связи с чем, стороны лишь могут надеяться на добросовестность, что не является гарантией надлежащего исполнения.

На практике можно наблюдать дела, подтверждающие не достаточную меру ответственности, исходящие от недобросовестных сторон соглашения. Одним из распространенных случаев неисполнения соглашения является не выплата одной стороны денежной компенсации за разницу в долях в имуществе.[2209] В обоих делах, согласно соглашению, одна из сторон, отказываясь от доли в имуществе, должна была получить компенсацию в виде денежных средств. Однако, денежные средства не были получены, и суд обязал сторону компенсировать эту сумму. Отсюда можно наблюдать, что одна из сторон лишь получила то, что ей причиталось из соглашения.

[2205] Суханов Е.А. (отв. ред.), *Гражданское право: учебник в четырёх томах. Том 1: Общая часть* (3-е изд., Статут 2023) 541

[2206] A. I. Khabirov and G. M. Khamitova, 'Security Measures and Liability Measures in Loan Agreements' (2019) 12(5) *Journal of Politics and Law* 1, 1.

[2207] Суханов (прим. 9) 562.

[2208] Брагинский М.И., Витрянский В.В., *Договорное право. Книга первая: Общие положения*, 2-е изд. (Статут, Москва 2007) 613.

[2209] Постановление судебной коллегии по гражданским делам Костанайского областного суда от 6 августа 2018 г. по делу № 3999-18-00-2а/1671 по иску Сложеникиной О.Ф. к Сложеникину А.А. о взыскании денежной компенсации по соглашению о разделе совместно нажитого имущества; Решение Илийского районного суда Алматинской области от 29 ноября 2019 г. по делу № 1968-18-00-2/2955 по иску Аймаганбетовой Д.Б. к Бакенову К.Ж. о разделе имущества и взыскании денежной компенсации.

В то время как вторая сторона не понесла дополнительных неблагоприятных последствий, выходящих за рамки первоначального обязательства. Также одним интересным случаем является препятствие осуществлению соглашения своими действиями. В данном случае, мера гражданско-правовой защиты была направлена на устранение препятствий для фактического исполнения соглашения.[2210] Тогда как в доктрине можно наблюдать, что мера гражданской защиты направлена не только восстановление, но и на предупреждение возможных нарушений права.[2211]

Во французской модели есть механизмы давления на исполнение, в виде astreinte, судебную денежную “пеню” за каждый день/период просрочки исполнения предписания. Она может служить превентивной мерой, так как уже присутствует в законодательстве и не обязательно прописывать в самом соглашении. Согласно гражданско-процессуальному кодексу об исполнении Франции, любой судья может назначить astreinte по собственной инициативе для обеспечения исполнения решения, независимо от убытков.[2212] К примеру в решении Cour d’appel de Paris от 1 сентября 2022 г. спором являлась долгосрочная ликвидация имущества бывших супругов.[2213] Суд обязал одну из сторон освободить жилое помещение в установленный срок, одновременно назначив astreinte за каждый день просрочки исполнения. Также предусмотрев возможность принудительного выселения при неисполнении судебного предписания.[2214] Отсюда можно наблюдать, что судебное предписание уже действовало не как компенсация, а как обеспечение своевременного исполнения обязательств ввиду экономической невыгодности просрочки.

Дополнительно во французском законодательстве есть подход сходный с «арендой за невыезд», который покрывается нормами в сфере регулирования общей собственности (indivision). Который заключается в том что, если один из сособственников пользуется вещью исключительно, он, при отсутствии иного соглашения, обязан выплачивать компенсацию (indemnité d’occupation).[2215] Данный подход превращает пользование общего актива в платное, что в свою очередь снижает желание затягивать раздел имущества. Это можно проследить на практике, в частности в решении Cour d’appel de Saint-Denis de la Réunion от 22 июля 2022 г. [2216] В данном деле суд взыскал indemnité d’occupation с бывшего супруга, продолжавшего единолично пользоваться имуществом, находящимся в режиме indivision, указав, что такое пользование не может осуществляться безвозмездно.[2217]

Помимо вышесказанного французское обязательственное право поощряет исполнение денежной договоренности посредством процентов за просрочку. Так как в случае неисполнения денежного обязательства начисляются проценты с момента mise en demeure и подлежат взысканию независимо от доказывания фактических убытков.[2218] Данный подход был подтверждён в постановлении Cour de cassation (1re civ.) от 25 октября 2023 г. [2219] В данном деле, Кассационный суд указал, что проценты за просрочку являются самостоятельным последствием неисполнения обязательства и не требуют установления реального ущерба.[2220] В контексте соглашений о разделе

[2210] Решение Турксибского районного суда города Алматы от 4 апреля 2025 г. по делу № 7519-25-00-2/125 по иску Кумаладзе Г.В. к Кумаладзе Я.С. о выселении после раздела общего имущества супругов.
[2211] Гражданское право. Том I. Общая часть: учебник для вузов (академический курс) / отв. ред. М.К. Сулейменов (Алматы 2013) 692.
[2212] *Code des procédures civiles d’exécution*, art L131-1.
[2213] *B v I*, *Cour d’appel de Paris*, 1 September 2022, No 22/018927.
[2214] Ibid.
[2215] *Code civil* (France), art 815-9.
[2216] *Y v Y*, *Cour d’appel de Saint-Denis de la Réunion*, 22 July 2022, No 20/015881.
[2217] Ibid.
[2218] *Code civil* (France), art 1231-6.
[2219] *P v N*, *Cour de cassation (Civ 1re)*, 25 October 2023, No 21-23.139.
[2220] Ibid.

имущества это означает, что даже при формальном споре о сумме компенсации должник лишается возможности оттянуть выполнение обязательств без финансовых последствий.

Казахстан и Канада (Онтарио)

Сравнительно казахстанской модели, можно также рассмотреть модель ответственности за неисполнение соглашения о разделе имущества супругов в провинции Онтарио (Канада). Несмотря на то что соглашение о разделе имущества носит обязательственный характер в обеих странах, механизмы реагирования на его неисполнение существенно различаются. Эти различия проявляются как в уровне интенсивности применяемых мер, так и в их направленности. В случае неисполнения в Республике Казахстан, суды, как правило, применяют меры по восстановлению имущественного баланса. А именно: понуждают к исполнению обязательства, взыскивают денежную компенсацию, предусмотренную в соглашении, устраняют препятствие к фактическому исполнению. Но в данных случаях, все меры носят лишь восстановительный характер.

В праве провинции Онтарио соглашения о разделе имущества квалифицируются как внутренние контракты (domestic contracts) и подлежат исполнению в соответствии с Family Law Act, R.S.O. 1990.[2221] По сравнению с казахстанской практикой, в судах Онтарио неисполнение соглашения о разделе имущества рассматривают не просто как частное нарушение обязательств, но и как одним из видов подрывающим договорное урегулирование семейного конфликта. Так, в деле B.A. v. I.K. суд указал на допустимость применения к стороне-нарушителю дополнительных финансовых последствий. [2222] К ним были отнесены судебные расходы и иные издержки, что было обосновано систематическим неисполнением условий соглашения о разделе имущества.[2223] Схожую ситуацию можно наблюдать в деле *Docherty v. Catherwood,* где на недобросовестную сторону, не исполнившую свои обязательства, суд помимо взыскания основной суммы также учел последствия просрочки исполнения.[2224] В следствии чего признал допустимым начисление процентов и возложение дополнительных финансовых обременений на должника.[2225] Таким образом можно отметить, что в Онтарио применяется дисциплинирующий характер, направленный на предотвращение неисполнения соглашения о разделе имущества.

Дополнительно, одной из особенностей законодательства Онтарио по отношению к соглашению о разделе имущества является возможность квалификации частноправового обязательства в объект процессуального принуждения. Данный способ может применяться в случаях, когда соглашение утверждено судом или включено в судебный приказ, за его неисполнение стороне может быть предъявлено обвинение неуважение к суду (contempt of court). В законодательстве Онтарио это предусмотрено в Rule 31 Family Law Rules, где сказано, что неисполнение судебного приказа квалифицируется как неуважение к суду и может повлечь применение штрафных и иных принудительных мер.[2226] В семейных имущественных отношениях также применяется данный механизм, что подтверждается судебной практикой [2227]. Данный механизм является дополнительным инструментом обеспечения исполнения условий соглашения о разделе имущества. Тогда как в казахстанской правовой

[2221] *Family Law Act* (Ontario), s 52-56.
[2222] *B.A. v I.K.,* 2024 ONSC 2225.
[2223] Ibid.
[2224] *Docherty v Catherwood* 2024 ONSC 3824.
[2225] Ibid.
[2226] *Family Law Rules*, O Reg 114/99, r 31.
[2227] *Rahma v Hassan* 2019 ONSC 2410; *Campbell v Misener* 2022 ONSC 590.

системе схожего подхода не наблюдается. Что позволяет недобросовестной стороне использовать судебную процедуру как средство затягивания исполнения обязательства без существенного риска понесения дополнительных неблагоприятных последствий.

Заключение

Данное исследование проведено, чтобы показать проблему регулирования соглашения о разделе имущества супругов, а именно неисполнение обязательств сторонами соглашения. Исходя из проведенного анализа, проблема заключается в отсутствии превентивных мер ответственности, которые стимулировали бы добросовестное исполнение обязательств до обращения в суд. На данный момент законодательство Казахстана ориентировано на восстановление имущественного баланса, в то время как зарубежный опыт показывает эффективность ответственности, которое направлено на предупреждение нарушения обязательства.

Исходя из сравнительного анализа французского права и права провинции Онтарио, можно сделать вывод о наличии выраженного превентивного подхода к обеспечению исполнения обязательств. Он заключается в нормативном закреплении неблагоприятных последствий неисполнения, о которых стороны осведомлены заранее в силу действующего законодательства. Даже если данные нормы имплементируются после судебного разбирательства, они все равно могут иметь предупредительную функцию. Это связано с тем, что они формируют для должника экономически и процессуально невыгодную модель поведения в случае просрочки или уклонения от исполнения соглашения.

В связи с чем является целесообразным совершенствования казахстанского регулирования по следующим направлениям:

Во-первых, внесения изменений, добавив пункт в статье 37 Кодекса Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье» последствий просрочки исполнения денежной компенсации, предусмотренной соглашением о разделе имущества. К примеру, посредством отсылки к статье 353 Гражданского кодекса Республики Казахстан. Данная норма по правовой природе близка к французской модели, где за просрочку денежного обязательства начисляются проценты с момента mise en demeure. Данная отсылка, могла бы сразу показать сторонам, что неисполнение денежного обязательства, исходящего из соглашения, может налагаться неустойкой.

Во-вторых, также целесообразно дополнить статью 37 КоБС РК, что за нарушения, которые носят устойчивый и недобросовестный характер, предусмотрены дополнительные имущественные меры. Такие как: возложение компенсации за фактическое пользование имуществом, схожим с французским indemnité d’occupation и установление периодической денежной суммы за каждый период просрочки (astreinte). Закрепление данного подхода позволит сместить акцент с простого восстановления имущественного баланса на формирование экономически невыгодных последствий неисполнения обязательств, вытекающих из условий соглашения.

В-третьих, с учётом опыта провинции Онтарио представляется возможным законодательно закрепить усиленные процессуально-имущественные последствия систематического либо недобросовестного неисполнения соглашения о разделе имущества, утверждённого судом. Такие меры могут применяться наряду с положениями КоБС РК и быть направлены на усиление дисциплинирующего воздействия судебных решений. А именно, возможно внесение изменений в Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан, где у суда будет право учитывать характер и длительность нарушения для возложения на нарушителя дополнительных процессуальных издержек. Данный подход по аналогии с практикой Онтарио позволит рассматривать систематическое неисполнение соглашения не

только как частное нарушение обязательства, но и как злоупотребление процессуальными правами. А это в свою очередь, может послужить в качестве превентивного характера.

Таким образом, предлагаемые направления совершенствования законодательства Республики Казахстан направлены на формирование превентивной модели ответственности за неисполнение соглашения о разделе имущества супругов. В рамках данной модели добросовестное исполнение стимулируется не только возможностью судебного понуждения, но и заранее известными неблагоприятными правовыми и имущественными последствиями нарушения. Закрепление таких механизмов на уровне семейного и гражданского процессуального законодательства позволит повысить реальную исполнимость соглашений о разделе имущества. Это укрепит их роль как эффективного инструмента договорного урегулирования имущественных последствий расторжения брака. В результате снизится зависимость сторон от последующего судебного вмешательства и будет обеспечено более устойчивое и предсказуемое разрешение семейных имущественных споров.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г. № 268-XIII (с изм. и доп.).
2. Кодекс Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье» от 26 декабря 2011 г. № 518-IV (с изм. и доп.).
3. Code civil (France).
4. Code des procédures civiles d’exécution (France).
5. Family Law Act (Ontario).
6. Family Law Rules, O Reg 114/99 (Ontario).
7. *Республика Казахстан*
8. Постановление судебной коллегии по гражданским делам Костанайского областного суда от 6 августа 2018 г. по делу № 3999-18-00-2а/1671 по иску Сложеникиной О.Ф. к Сложеникину А.А. о взыскании денежной компенсации по соглашению о разделе совместно нажитого имущества.
9. Решение Илийского районного суда Алматинской области от 29 ноября 2019 г. по делу № 1968-18-00-2/2955 по иску Аймаганбетовой Д.Б. к Бакенову К.Ж. о разделе имущества и взыскании денежной компенсации.
10. Решение Турксибского районного суда г. Алматы от 4 апреля 2025 г. по делу № 7519-25-00-2/125 по иску Кумаладзе Г.В. к Кумаладзе Я.С. о выселении после раздела общего имущества супругов.
11. B v I, Cour d’appel de Paris, 1 September 2022, No 22/018927.
12. Y v Y, Cour d’appel de Saint-Denis de la Réunion, 22 July 2022, No 20/015881.
13. P v N, Cour de cassation (Civ 1re), 25 October 2023, No 21-23.139.
14. B.A. v I.K. 2024 ONSC 2225.
15. Docherty v Catherwood 2024 ONSC 3824.
16. Rahma v Hassan 2019 ONSC 2410.
17. Campbell v Misener 2022 ONSC 590.
18. Абраменко Г.И., Быкодорова А.Ф., Минина А.А., *Соглашения в семейном праве: проблемы теории и практики* (Фабула 2019).
19. Брагинский М.И., Витрянский В.В., *Договорное право. Книга первая: Общие положения*, 2-е изд. (Статут, Москва 2007).
20. Гражданское право. Том I. Общая часть: учебник для вузов (академический курс) / отв. ред. М.К. Сулейменов (Алматы 2013).
21. Гражданское право. Том II. Вещное право. Обязательственное право: учебник для вузов (академический курс) / отв. ред. М.К. Сулейменов (Алматы 2013).

22. Смаилова И.Е., *Семейное право Республики Казахстан* (Evero, Алматы 2022).

23. Суханов Е.А. (отв. ред.), *Гражданское право: учебник в четырёх томах. Том 1: Общая часть*, 3-е изд. (Статут 2023).

24. Ананич С.М., 'Договорное регулирование семейных отношений: новеллы законодательства и совершенствование нотариальной формы защиты семейных прав' *Юридическая наука и правоохранительная практика* № 1 (31) (2015).

25. Иванова Е.В., Перепёлкина Н.В., Семёнова Н.В., 'Брачный договор как гражданско-правовая сделка' *Oeconomia et Jus* № 4 (2022).

26. Khabirov A I and Khamitova G M, 'Security Measures and Liability Measures in Loan Agreements' (2019) 12(5) *Journal of Politics and Law* 1.

27. Особенности рассмотрения судами споров о разделе имущества супругов, в: З.Х. Баймолдина (ред.), *Актуальные вопросы совершенствования законодательства и правоприменительной практики: сборник материалов VII ежегодной научно-практической конференции магистрантов и докторантов* (Академия правосудия при Верховном Суде Республики Казахстан 2023).

Сарсембек Алуа Бауыржанкызы
Студент 2 курса бакалавриата специальности “Международное Право”
Высшая школа права Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республика Казахстан
E-mail: aluasarsembek@gmail.com

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРИМЕНЕНИЯ СРОКА ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ К ТРЕБОВАНИЯМ О ПОСЛЕДСТВИЯХ НИЧТОЖНЫХ СДЕЛОК В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Аннотация: Данное исследование посвящено актуальным проблемам Казахстанского Гражданского законодательства в рамках института ничтожных сделок,а именно - применению сроков исковой давности к институту ничтожных сделок. Рассматривается само понятие ничтожной сделки,изучаются основные виды последствий ничтожных сделок,и проводится сравнительный анализ законодательств Казахстана,России и Германии. Особое внимание уделяется выявлению правовых проблем, возникающих при использовании исключительно субъективного критерия начала течения срока давности. Автор аргументирует необходимость внедрения в национальное законодательство механизмы правовой определенности, существующих в развитых правовых системах. В результате исследования формулируются выводы о значении точно установленных сроков исковой давности, и закрепляется важность уточнения таких сроков по отношению к ничтожным сделкам,для защиты прав и интересов участников гражданских правоотношений.
Ключевые слова:ничтожные сделки,последствия,реституция,пресекательный срок, ГК РК,ГК РФ,ГГУ, требования,исковая давность, течение срока.

Аннотация: Бұл зерттеу Қазақстан Республикасының азаматтық заңнамасындағы өзекті мәселелерге, атап айтқанда, жарамсыз (ничтожные) мәмілелер институты шеңберінде талап қою мерзімдерін қолдану мәселесіне арналған. Зерттеу барысында жарамсыз мәміле ұғымы қарастырылып, оның құқықтық салдарының негізгі түрлері талданады, сондай-ақ Қазақстан, Ресей және Германия салыстырмалы-құқықтық заңнамаларына сәйкес талдау жүргізіледі. Ерекше назар талап қою мерзімінің басталуын айқындауда тек субъективтік критерийді қолдану кезінде туындайтын құқықтық мәселелерді анықтауға аударылады. Автор дамыған құқықтық жүйелерде қолданылатын құқықтық айқындықты қамтамасыз ететін тетіктерді ұлттық заңнамаға енгізудің қажеттілігін негіздейді. Зерттеу нәтижесінде талап қою мерзімдерін нақты белгілеудің маңыздылығы туралы қорытындылар жасалып, жарамсыз мәмілелерге қатысты мұндай мерзімдерді нақтылаудың азаматтық-құқықтық қатынастарға қатысушылардың құқықтары мен заңды мүдделерін қорғаудағы маңызы айқындалады.
Кілт сөздер: жарамсыз мәмілелер, салдар, реституция, пресекциялық мерзім, Азаматтық кодекс ҚР, Азаматтық кодекс РФ, ГГУ, талаптар, талап қою мерзімі, мерзімнің өтуі.

Annotation: This study is devoted to the current problems of Kazakhstan's Civil legislation within the framework of the institute of void transactions, namely, the application of the statute of limitations to the institute of void transactions. The very concept of a void transaction is considered, the main types of consequences of void transactions are studied, and a comparative analysis of the laws of Kazakhstan, Russia and Germany is carried out. Particular attention is paid to identifying legal problems that arise when using an exclusively subjective criterion for the beginning of the statute of limitations. The author argues for the

need to introduce into national legislation the mechanisms of legal certainty existing in developed legal systems. As a result of the research, conclusions are drawn about the importance of precisely established limitation periods, and the importance of clarifying such periods in relation to insignificant transactions is emphasized in order to protect the rights and interests of participants in civil law relations.

Keywords:void transactions, consequences, restitution, probation period, Civil Code of the Republic of Kazakhstan, Civil Code of the Russian Federation, German civil Code BGB, claims, statute of limitations, duration.

Вводная часть

Институт недействительных сделок в гражданском законодательстве Республики Казахстан часто подвергается критике и дискуссиям со стороны юристов.На практике отсутствие определенного подхода к применению срока исковой давности по требованиям о применении последствий ничтожных сделок создает правовую неопределенность и вызывает необходимость более детального научного анализа данного вопроса. В науке и международной правоприменительной практике существуют различные подходы к разрешению данных вопросов,которые задействованы в процессе работы. Целью настоящей работы является выявление необходимости дополнений в гражданское законодательство посредством анализа понятия и признаков ничтожных сделок,видов их последствий, исследования особенностей применения срока исковой давности к требованиям о реализации последствий ничтожных сделок,и сравнительного анализа правовых систем разных государств. Более того для достижения цели глубоко изучается действующее законодательство,существующие юридические доктрины к рассматриваемому вопросу, и проблемы правоприменительной практики связанные с применением срока исковой давности к требованиям о последствиях недействительных и ничтожных сделок. По результатам работы формулируются выводы о возможных направлениях совершенствования правового регулирования рассматриваемого института и необходимости единообразного применения норм законодательства.

Основная часть

В соответствии с пунктами 1 и 2 статьи 157 ГК РК, ничтожной признается сделка недействительная по основаниям, установленным настоящим Кодексом или прямо предусмотренным законодательными актами, независимо от признания судом сделки таковой. Сделка признается недействительной при нарушении требований, предъявляемых к форме, содержанию, участникам сделки и свободе их волеизъявления. Иначе говоря сделки заключенные с лицами младше 14 лет, с лицами старше 18 лет,признанные судом недееспособными вследствие болезни, заключенные в ненадлежащей форме ,или с несоблюдением требований к регистрации сделки, наряду со сделками заключенными с противоправными намерениями будут признаны ничтожными с момента их заключения. Основываясь на статье 147 *“Сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей”* [2228]. В соответствии со всей вышеизложенной информацией ничтожные сделки не устанавливают,изменяют или прекращают гражданские права и обязанности для всех участников “сделки”. В отношении ничтожных сделок обращение в суд с требованием о признании сделки недействительной не требуется, но оставляет подобную возможность. Тем не менее, независимо от наличия такого требования,иск о применении последствий такого рода сделки может быть предъявлен любым заинтересованным лицом.

[2228] Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) 1999, ст 147.

Несмотря на то что сделка недействительна с момента ее заключения,и не ведет к желаемым сторонами последствиям, она ведет к последствиям которые вызваны именно недействительностью сделки в целях защиты гражданских прав. Это могут быть услуги и материальные блага. В соответствии с пунктами 3,4,5 и 6 статьи 157-1 последствиями ничтожной сделки могут выступать:

реституция, целью которой является восстановление имущественных благ присущих стороне до заключения ничтожной сделки;

компенсация,цель которой возмещение убытков которые потерпевшая сторона понесла по вине другой стороны;

двусторонняя и односторонняя конфискация, которые выступают карательной мерой с целью предотвращения новых нарушений.

Реституция подразумевает возвращение сторонами всего приобретенного вследствие сделки,или, при отсутствии возможности вернуть “In natura”, возмещается в денежной форме. Двухсторонняя конфискация применима в случаях доказанного преступного умысла у обеих сторон сделки, и влечет за собой конфискацию всего приобретенного имущества,или того имущества что должно было быть приобретено в результате такой сделки. Применение односторонней конфискации предполагает под собой доказанный преступный умысел лишь у одной стороны, вследствие чего имущество приобретенное им возвращается потерпевшей стороне,а все имущество полученное или полагающееся виновной стороне конфискуется. В силу вышеуказанного можно сделать логический вывод о том что последствия ничтожных сделок несут в себе материально-правовую природу.

Пункт 1 статьи 187 ГК РК устанавливает ограничения к применению сроков исковой давности, в том числе фиксируя то что, исковая давность не применяется к требованиям о защите нематериальных благ и личных неимущественных прав. Исходя из чего можно сделать закономерный вывод, о том что все иные требования, не установленные статьей, подпадают под действие исковых сроков давности. Следственно данный институт покрывает требования о защите материальных благ и имущественных прав - что полностью соответствует правовой природе требований о применений последствий ничтожной сделки. Считаем важным констатировать факт того что применение сроков исковой давности распространяется именно на иски о реализации последствий ничтожной сделки,так как они являются имущественным правом, а не по отношению к самому факту признания сделки ничтожной,так как сама по себе она носит абсолютный и бессрочный характер.

В вопросах применения сроков исковой давности к требованиям о последствиях ничтожной сделки наш законодатель опирается на систему общих норм, так статья 178 Гражданского кодекса Республики Казахстан устанавливает общий срок исковой давности в три года, что и применимо к ничтожным сделкам, в силу того что подобный вид сделок соответствует сфере применения общих оснований о применении сроков исковой давности. Это также подтверждается Ю.Г Басиным в его работе “Комментарии к Общей части Гражданского кодекса Республики Казахстан”. Несмотря на это истечение срока исковой давности не исцеляет ничтожную сделку и соответственно не делает ее действительной. Принимая к сведению факт того что ничтожная сделка считается недействительной с момента ее заключения,данный вид сделок все еще регулируется общими правилами установленными статьей 180 гражданского кодекса,и течение срока исковой давности начинается со дня когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении права,что является субъективным критерием. Однако есть и особенности,например к сделкам данного вида нельзя применить нормы об определенном или неопределенном сроке исполнения или регрессных требованиях (пункты 2-4,ст 180) так как ничтожные сделки обладают нулевой результативностью, не меняют правовое положение сторон и соответственно самолично сделка не порождает никаких обязательств для сторон и третьих лиц. В

германском законодательстве большое количество схожих норм в отношении сроков исковой давности и началу течения исковой давности,так Германский гражданский устав в § 199 устанавливает общий срок исковой давности в три года[2229], а начало течения имеет такой же субъективный характер как и ГК РК,так ГГУ §201 устанавливает начало по окончанию года когда возникло требование, или когда кредитор узнал или должен был узнать об обстоятельства обосновывающие его требования[2230]. Обе эти нормы появились в Гражданском уложении Германии относительно недавно,с изменениями внесенными в 2017 году. Однако ранее срок исковой давности был 30 лет, а начало течения срока исковой давности зависело от момента когда кредитору стали известны или должны были, при отсутствии грубой неосторожности с его стороны, стать известны обстоятельства, обосновывающие его требования, а также личность должника. То есть в данной ситуации тенденция сработала в обратную сторону,при учете объективных фактов германский законодатель в своем реформировании обратил большее внимание на субъективные факты.

В отличие от Казахстанского и Германского законодательства в которых прямая норма устанавливающая сроки исковой давности для требований о последствиях ничтожных сделок отсутствует,и выводится аналитическим путем, в Гражданском Законодательстве Российской Федерации в пункте 1 статьи 181 эти правила явно закреплены,уточняя не только трехлетний срок исковой давности,но и уточняя с какого момента начинается отсчет этого срока и разделяя участников процесса: *“ Срок исковой давности по требованиям о применении последствий недействительности ничтожной сделки и о признании такой сделки недействительной….составляет три года. Течение срока исковой давности по указанным требованиям начинается со дня, когда началось исполнение ничтожной сделки, а в случае предъявления иска лицом, не являющимся стороной сделки, со дня, когда это лицо узнало или должно было узнать о начале ее исполнения. При этом срок исковой давности для лица, не являющегося стороной сделки, во всяком случае не может превышать десять лет со дня начала исполнения сделки.”* [2231] Также российский законодатель обозначает исключения для течения срока исковой давности недействительных сделок “если ничтожная сделка не исполнялась, срок исковой давности по требованию о признании ее недействительной не течет.” [2232]. Обращаем внимание на наличие в ГК РФ пресекательного срока в 10 лет указанный в пункте 1 статьи 181,который явно отсутствует в казахстанском законодательстве по отношению к недействительным сделкам, то есть в теории если участник правоотношений докажет что только узнал о ничтожности его сделки,это дело может быть рассмотрено и через 15 лет ссылаясь на пункт 1 статьи 179 который устанавливает требования к применению сроков исковой давности и таким образом, наличие или отсутствие срока исковой давности не влияет на обязанность суда рассмотреть материально-правовое требование,по заявлению стороны, если от ответчика не поступило соответствующее заявление о пропуске данного срока.Сравнение российского законодательства и последних реформ германского права позволяет отслеживать международную тенденцию на ограничение периода

[2229] Е Г Шунина, 'Положения об исковой давности в свете реформы обязательственного права Германии' (2007) 5 Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки с 131.

[2230] Е Г Шунина, 'Положения об исковой давности в свете реформы обязательственного права Германии' (2007) 5 Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки с 132.

[2231] Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть первая) 1994, ст 181(1).

[2232] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» 101.

неопределенности. Известный цивилист Суханов Е.А также подчеркивал важность правильного и конкретного применения сроков исковой давности в своей работе Гражданское право "...Можно сказать, что исковая давность охраняет наше настоящее от вторжения застарелого прошлого, от «затемняющей власти времени»?. поэтому ее отсутствие серьезно повышает риск вынесения несправедливых судебных решений."[2233]Таким образом субъективные критерии исчисления срока исковой давности привносят большие риски в гражданские правоотношения, не защищая участников таких правоотношений от недобросовестного поведения второй стороны сделки, которая могла знать о недействительности этой сделки, но намеренно выжидать длительное время,по истечению которого доказательства уже будут утрачены, а свидетели по какой либо причине недоступны,чтобы заявить иск.

Так же как и отсутствие специальной нормы о конкретных сроках исковой давности по отношению к недействительным сделкам,что ведет к правовой неопределенности и судебным ошибкам, в первую очередь в силу отсутствия свойств правомерного юридического факта у такого рода сделок,что может вызывать неточности в процессе анализа применимости общих норм к положениям о недействительных сделках. Поскольку одной из целей института исковой давности является создание правовой определенности и предсказуемости в гражданских правоотношениях,подобные дефекты правового регулирования ведут к ослаблению защитной функции института что недопустимо в правовом государстве.

Заключение

Проведенное исследование и сравнительный анализ подтверждают наличие определенных проблем в сфере применения сроков исковой давности по отношению к недействительным сделкам,которые ведут к правовой неопределенности и судебным ошибкам. Несмотря на абсолютный и бессрочный характер ничтожной сделки,ее последствия и требования о применении данных последствий неразрывно связаны с материальными правом,а следственно должны быть ограничены четкими временными рамками. Казахстанский законодатель опираясь на субъективный критерий и исключая объективный срок исковой давности позволяет рассматривать сделки спустя десятилетия,что подрывает стабильность гражданского оборота и создает риски утраты доказательственной базы. На основании сравнительного анализа с законодательствами России и Германии целесообразным находится ввести дополнения к статье 162 ГК РК положениями о применении срока исковой давности к недействительным сделкам,которые ранее уже присутствовали в п.1 ст.162 ГК РК. Дополнения позволят гармонизировать национальное право с международными стандартами и стабилизировать гражданские правоотношения.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 года № 268-XIII.
2. Гражданский кодекс Республики Казахстан (особенная часть) от 1 июля 1999 года №409
3. Нормативное постановление Верховного суда Республики Казахстан от 7 июля 2016 года № 6. "О некоторых вопросах недействительности сделок и применении судами последствий их недействительности"
4. Bürgerliches Gesetzbuch [Civil Code] in the version promulgated on 2 January 2002 (Federal Law Gazette [BGBl.] I p. 42, 2909; 2003 I p. 738), last amended by Article 1 of the Act of 10 August 2021 (Federal Law Gazette I p. 3515). (2021).

[2233] Суханов ЕА (ред), *Гражданское право: В 4 т. Т 1: Общая часть* (2-е изд, Статут 2019) 453.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации"
7. Сулейменов, М. К. (Ред.). (2007). *Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть): Комментарий (ст. 1–187)* (3-е изд., испр. и доп., Кн. 1). Алматы.
8. Суханов, Е. А. (Отв. ред.). (2019). *Гражданское право: Учебник: В 4 т. Т. 1: Общая часть* (2-е изд., перераб. и доп.). Статут.
9. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть): Комментарий (ст. 1–187) (3-е изд., испр. и доп., Кн. 1). (2007). Под ред. М. К. Сулейменова. Алматы.
10. Батова, О. В., & Козяр, Н. В. (2015). Актуальные вопросы выявления начала истечения сроков исковой давности в отношении ничтожных сделок. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, *34*(20 (217)), 73–77. Retrieved from:https://cyberleninka.ru/article/n/ktualnye-voprosy-vyyavleniya-nachala-istecheniya-srokov-iskovoy-davnosti-v-otnoshenii-nichtozhnyh-sdelok
11. Нурланова, Н. (2026). *О некоторых вопросах совершенствования института исковой давности*. Академия правосудия при Верховном Суде РК. Retrieved from: https://prg.kz/document/?doc_id=32230354&pos=7;154
12. Сулейменов, М. К. (2026). *Исковая давность в законодательстве постсоветских стран: мифы и реальность*. НИИ частного права Каспийского университета. Retrieved from: https://prg.kz/document/?doc_id=39955190&pos=10;211
13. Смирнова, М. В. (2016). Понятие «ничтожность сделки» («Nichtigkeit des Rechtsgeschaefts») в немецком праве. *Пробелы в российском законодательстве*, (1), 60–65. Retrieved from: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-nichtozhnost-sdelki-nichtigkeit-des-rechtsgeschaefts-v-nemetskom-prave
14. Шунина, Е. Г. (2007). Положения об исковой давности в свете реформы обязательственного права Германии. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*, (5), 130–133. Retrieved from: https://cyberleninka.ru/article/n/polozheniya-ob-iskovoy-davnosti-v-svete-reformy-obyazatelstvennogo-prava-germanii

Төлеубекова Айжан Қуатқызы
Магистрант 1 курса специальности «Юриспруденция»
Высшая школа права Maqsut Narikbayev University
г. Астана, Республика Казахстан
e.mail: aizhan_toleubekova@mnu.kz

ПРАВОВОЙ СТАТУС БОЛЬШИХ ДАННЫХ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Аннотация: Мақалада үлкен деректердің қарқынды өсуі және Қазақстан Республикасының Цифрлық кодексін қабылдау жағдайындағы Big Data құқықтық мәртебесі зерттеледі. Үлкен деректердің бірыңғай терминін, оның ұғымдарының арақатынасын және олардың азаматтық құқықтар жүйесіндегі екіұшты мәртебесі мен жағдайын анықтау мәселелеріне ерекше назар аударылады. Қолданыстағы заңнаманың, Қазақстан Республикасының Цифрлық Кодексінің нормалары талданады. Қорытындылай келе, автор үлкен деректердің тәуелсіз құқықтық мәртебесі жоқ деген қорытындыға келеді, бұл болашақта оның құқықтық реттелуін қиындатуы мүмкін. Сондай-ақ, Бірыңғай аппаратты қалыптастыру және үлкен деректердің құқықтық мәртебесін айқындау бөлігінде ҚР заңнамасын жетілдіру қажеттілігі негізделеді.
Түйінді сөздер: Big Data, үлкен деректер, құқықтық реттеу, құқықтық мәртебе, цифрлық Кодекс, Қазақстан Республикасы, Қырғыз Республикасының цифрлық кодексі, цифрлық орта объектілері, цифрлық деректер, цифрлық жазбалар.

Аннотация: В статье исследуются правовой статус Big Data в условиях стремительного роста больших данных и принятия Цифрового Кодекса Республики Казахстан. Особое внимание уделяется проблемам определения единого термина больших данных, соотношений его понятий и их неоднозначного статуса и положения в системе объектов гражданских прав. Анализируются нормы действующего законодательства, Цифрового Кодекса Республики Казахстан в том числе. В заключение автор приходит к выводу, что большие данные не обладают самостоятельным правовым статусом, что может осложнить его правовое регулирование в дальнейшем. Также обосновывается необходимость совершенствования законодательства РК в части формирования единого аппарата и определения правового статуса больших данных.
Ключевые слова: Big Data, большие данные, правовое регулирование, правовой статус, Цифровой Кодекс, Республика Казахстан, Цифровой Кодекс Кыргызской Республики, объекты цифровой среды, цифровые данные, цифровые записи.

Annotation: The article examines the legal status of Big Data in the context of the rapid growth of big data and the adoption of the Digital Code of the Republic of Kazakhstan. Special attention is paid to the problems of defining a single term of big data, the relationship of its concepts and their ambiguous status and position in the system of objects of civil rights. The norms of the current legislation, including the Digital Code of the Republic of Kazakhstan, are analyzed. In conclusion, the author concludes that big data does not have an independent legal status, which may complicate its legal regulation in the future. It also substantiates the need to improve the legislation of the Republic of Kazakhstan in terms of forming a unified apparatus and determining the legal status of big data.
Keywords: Big Data, big data, legal regulation, legal status, Digital Code, Republic of Kazakhstan, Digital Code of the Kyrgyz Republic, digital environment objects, digital data, digital records.

Введение

Актуальность темы научной статьи обоснована стремительным ростом объемов цифровых данных и использовании технологии Big Data (большие данные) в мировом сообществе. Кроме того, быстрый рост больших данных несет за собой такие факторы развития как: усовершенствования инструментов обработки данных, требования нормативно-правовой базы и аналитики данных. Особенно подобный рост обуславливает проблемы безопасности данных и нехватки опыта в области анализа больших данных.[2234]

Кроме того, на данный момент технологии Big Data наравне с искусственным интеллектом оказывают большое влияние на наш повседневный быт. Так, большие данные, собирая информацию о нас, прогнозируют интересы потребителей, тренды рынка и т.п. Например, это хежд-фонды, которые анализируют в Twitter в целях прогнозирования работы фондового рынка компании Amazon и Netflix, рекомендующие продукты исходя из множества взаимодействий пользователей со своими сайтами компания X5 Retail Group, анализирующая многомиллионные архивы чеков для планирования продаж и промоакций. [2235]

В свою очередь, в Республике Казахстан процесс цифровой трансформации сопровождаются активным формированием нормативно-правовой базы, регулирующей правоотношения в цифровой среде. Ввиду того, что высокие технологии формируются в быстром темпе, законодатели не успевают определить единую дефиницию Big Data и его правовое регулирование.

Проблема определения единого термина больших данных

Следует отметить, что современные представления о больших данных остаются неопределенными и однозначными. Входят ли в Big Data сырые данные или только результат в процессе обработки информации? К какой категории объектов цифровой среды относятся? Признаются ли они объектами гражданских прав? Данные вопросы важны для определения правового статуса и дальнейшего правового регулирования больших данных в Республике Казахстан.

Поэтому, в первую очередь стоит подчеркнуть, что на сегодняшний день нет единого, четкого термина Big Data, закрепленного на законодательном уровне в Республике Казахстан.

По мнению некоторых исследователей, большие данные – это гигантские массивы данных, которые содержат информацию, подлежащую извлечению или же умеренно большие объемы данных, которые требуют быстрой интерактивной обработки. Например, источниками больших данных могут служить социальные сети в виде постов, комментариев, событий, связанных с действиями пользователей веб- или мобильных приложений.[2236]

Другие эксперты соотносят Big Data с большими разнообразными объемами структурированных или неструктурированных данных, со специальной технологией обработки и получения новых данных. Примечательно, что эксперты рассматривают большие данные в части динамического массива данных как часть нефинансовых

[2234] «Рынок больших данных и бизнес-аналитики: анализ и прогноз до 2035» (Research Nester) https://www.researchnester.com/ru/reports/big-data-and-business-analytics-market/6469 дата обращения:18 Марта 2026

[2235] А. М. Лаптаева, «Правовой режим цифровых активов (на примере Big Data)» (2019) №4 Журнал российского права 99-100

[2236] Сенько А., Работа с BigData в облаках. Обработка и хранение данных с примерами из Microsoft Azure (Питер 2019) 26

активов. В данном случае, отмечается, что новые данные будут выступать в качестве объектов интеллектуальной собственности.[2237]

Третьи же понимают данный термин как цифровую информацию и информационные технологии искусственного интеллекта, с помощью которых осуществляется процесс обработки без данных.[2238]

В свою очередь, международный стандарт ГОСТ Р ИСО/ МЭК 24668–2022 «Информационные технологии. Искусственный интеллект. Структура управления процессами аналитики данных» дает дефиницию Big Data в следующем толковании: «Большие данные – это большие массивы данных, отличающиеся прежде всего такими характеристиками, как: объем, разнообразие, скорость обработки и (или) вариативность, которые требуют использования технологии масштабирования в целях эффективного хранения, обработки, управления и анализа».[2239]

Таким образом несмотря на то, что существует множество толкований термина «больших данных», все они по-своему правильны и обоснованы. Кроме того, в Республике Казахстан нет своего закрепления термина Big Data на законодательном уровне. Тем самым можно предположить, что подобная неопределенность в дефинициях связана со стремительным ростом цифровых технологий, которые одновременно с этим затруднительна для осмысления.

Так, большие данные являются не просто большими массивами информации, а своего рода набором информации, в котором классические методы обработки данных достаточно устарели, чтобы справиться с текущим объемом данных, с такой частотой их генерации, структуры и многообразия.[2240]

Проблема определения правового статуса больших данных

В настоящее время в Республике Казахстан реализуются масштабные проекты цифровой трансформации, которые определяются Постановлением Правительства «О концепции цифровой трансформации на 2023–2029 годы» (далее – Концепция). Концепция ставит приоритет на создание цифровых платформ, национальных фондов данных и развитие аналитики, предусматривая за собой большой объем регулируемых правовых отношений, связанных с хранением, передачей и коммерческим использованием данных.[2241]

Поэтому, Правительство Республики Казахстан начало разрабатывать проект Цифрового Кодекса, который был принят 9 января 2026 года. Кроме того, в связи с целями Концепции, многие национальные компании и государственные органы Республики Казахстан начали внедрять технологии больших данных в свою деятельность.[2242] Поэтому, установление правового статуса Big Data в Республике

[2237] Лосева О. В., «Виды и классификация цифровых активов для целей стоимостной оценки» (2022) №2 (245) *Имущественные отношения в Российской Федерации* 52-55

[2238] Климко Е. И., «Правовые особенности коммерциализации технологии «большие данные» (2024) 26(3) *Государственная служба* 13–14

[2239] ГОСТ Р ИСО/ МЭК 24668–2022 «Информационные технологии. Искусственный интеллект. Структура управления процессами аналитики данных» https://prg.kz/Document/?doc_id=39196870 дата обращения:19 Марта 2026

[2240] Там же

[2241] Концепция цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023-2029 гг., утверждена постановлением Правительства РК от 28 марта 2023 года №269

[2242] «В Национальной геологической службе одним из ключевых проектов является внедрение системы Big Data с элементами искусственного интеллекта для интеллектуального анализа геологических данных» (Gov.kz) https://www.gov.kz/memleket/entities/mps/press/news/details/1148372?lang=ru дата обращения:20 Марта 2026; «Приоритет КГД на 2026 год: направление: риск-ориентированный контроль на базе Big Data» https://uchet.kz/news/kgd-itogi-2025-goda-i-novye-servisy-dlya-biznesa-v-2026-godu/ дата обращения:20 Марта 2026; «Big Data станет ключевым направлением гос.аналитики Казахстана» https://inbusiness.kz/ru/last/big-data-stanet-klyuchevym-napravleniem-gosanalitiki-kazahstana дата

Казахстан и выявление проблем правового регулирования становятся важными для правовой системы государства.

Таким образом, чтобы определить правовой статус Big Data, необходимо рассмотреть их в контексте гражданского права. Так, согласно положениям статьи 115 Гражданского Кодекса Республики Казахстан (далее – ГК РК), объектом гражданских прав могут быть имущественные и личные неимущественные блага и права[2243]. Как правило, в данной статье законодатель определяет перечень видов объектов гражданских прав. В свою очередь, прямой отсылки Big Data в данном перечне как объекту гражданских прав нет. Безусловно, это будет касаться данной ситуации, если анализировать большие данные не в контексте цифровых активов, а как вид или скорее, как совокупность цифровых данных, с элементами цифровой записи (или продукт цифровых данных). В целом, данная неопределенность правового статуса Big Data может приводить к противоречиям и проблемам его правового регулирования.

Так, одними из первых, кто рассматривал проблему цифровых объектов с точки зрения гражданского и цифрового права в Республике Казахстан, являются Сулейменов М. К.,[2244] Идрышева С. К.[2245] Кроме того, в своих трудах они также затрагивают проблемы правового статуса цифровых объектов еще до принятия действующего Цифрового Кодекса Республики Казахстан. Вкратце, специалисты отметили проблемные вопросы и коллизии, связанные с объектами цифровой среды и их взаимосвязи с объектами гражданских прав.

В свою очередь, проанализировав Цифровой Кодекс уже после его принятия, Хасенов М. Х. в своем научном труде отмечает недостатки в данном нормативном правовом акте, в части регулирования отношений в цифровой среде. А именно то, что положения Цифрового Кодекса создают неопределенность в правоприменении и приводит к коллизиям норм. Данная коллизия заключается в том, что законодатель относит цифровые объекты к объектам правоотношений в цифровой среде, входящие в область гражданских правоотношений. Однако, цифровые данные не входят в область данных правоотношений, то есть они формально не признаются объектами правоотношений. Тем не менее, именно цифровые данные составляют основу отношений в цифровой среде и входят в предмет регулирования кодекса.[2246]

Действительно, согласно положениям статьи 16 Цифрового Кодекса Республики Казахстан, цифровыми данными считается информация, предоставленная в цифровой форме и пригодная для автоматизированного и (или) аналитического сбора, хранения, обработки, использования, передачи, распространения или удаления независимо от способа ее получения и формы цифрового предоставления.[2247] Продолжая анализ толкования норм той же статьи, а именно в части 2, законодатель дает такое толкование, в котором понимается, что цифровые данные обладают признаками объекта гражданских прав.

Таким образом, в соответствии с вышеизложенным анализом терминологий больших данных, а также вышеупомянутой нормы статьи можно предположить, что положения нормы о цифровых данных и Big Data имеют родовые признаки. А вернее то, что большие данные – это совокупность, то есть большой массив цифровых

обращения:20 Марта 2026; «Казахтелеком» уделяет существенное внимание вопросам управления данными, создания и развития инфраструктуры и экспертизы Big Data» https://ar2023.telecom.kz/ru/big-data-development.html дата обращения:20 Марта 2026

[2243] Гражданский Кодекс Республики Казахстан (Общая часть) 1994

[2244] Сулейменов М. К., «Цифровизация и совершенствование гражданского законодательства» https://prg.kz/document/?doc_id=35012332&pos=7;156 дата обращения:23 Марта 2026

[2245] Идрышева С. Х., «О Цифровом Кодексе Республики Казахстан» (2022) №3 (96) Право и государство дата обращения:23 Марта 2026

[2246] Хасенов М. Х., «Проект Цифрового Кодекса: дефекты и коллизии» https://prg.kz/document/?doc_id=38952853&pos=7;156 дата обращения:23 Марта 2026

[2247] Цифровой Кодекс Республики Казахстан (2026)

данных. В таком случае, нормы, касающиеся цифровых данных, имеют если не прямое, то большое значение при определении правового статуса и дальнейшего правового регулирования Big Data в Республике Казахстан.

В свою очередь, в рамках статьи 20 Цифрового Кодекса РК в перечень объектов цифровой среды законодатель относит продукты цифровых данных. Согласно статье 30 Цифрового Кодекса РК продукт цифровых данных является агрегированный, формализованный результат обработки цифровых данных, включающий структурированные или иным образом преобразованные цифровые данные, пригодные для использования, обмена и (или) оборота в цифровой среде.[2248]

Исходя из данной формулировки и термина Big Data как больших данных в части динамического массива данных как часть нефинансовых активов, можно предположить, что продукты цифровых данных и есть новые данные, выступающие в дальнейшем как объекты интеллектуальной собственности.

Кроме того, стоит рассмотреть и норму специальных законов. Так, в соответствии с п. 3 статьи 43-2 Административного процедурно-процессуального кодекса Республики Казахстан «собственником данных», создаваемое за бюджетные средства, является государство.[2249] Исходя из данной нормы, можно истолковать, что законодатель соотносит «информацию», исходящую из данных как объект прав собственности, так как обладает признаками права собственности (часть 1 статьи 188 ГК РК), хотя сам Гражданский Кодекс такую форму информации к объектам прав собственности в настоящий момент не относит. Вдобавок, Гражданский Кодекс РК также не признает информацию в качестве объекта собственности, несмотря на то что специальные законы уже устанавливают объективизм «данных».

Продолжая анализ норм Цифрового Кодекса Республики Казахстан, как освещалось ранее, законодатель определяет перечень цифровых объектов. Несмотря на то, что нормы регулирования данных правоотношений определены в рамках второго раздела Цифрового Кодекса РК «Объекты цифровой среды», «цифровые данные» в данный список не входят.

Примечательно, что Цифровой Кодекс Кыргызской Республики прямо признает цифровые данные как объект цифровой среды. Так, согласно статье 24 Цифрового Кодекса КР цифровые данные рассматриваются как вид объектов правоотношений в цифровой среде. Однако, исходя из норм статьи 25 Цифрового Кодекса КР, законодатель предписывает ограничение, что: «цифровые данные сами по себе не могут являться объектом цифровых прав».[2250]

Как было упомянуто ранее, Big Data нельзя прямо соотнести с «цифровым данным», так как большие данные также могут включать в себя и цифровые записи. В соответствии со статьей 21 Цифрового Кодекса РК цифровая запись – это обособленный цифровой объект, представляющий собой зафиксированную в цифровой форме информацию или сведения о такой же информации, имеющие уникальные идентификационные характеристики, позволяющие установить содержание, источник, структуру или назначение записи.[2251]

Предполагается, что большие данные представляют из себя совокупность цифровых данных в огромных размерах, внутри которой могут содержаться отдельные цифровые записи. Например, в государственных цифровых платформах Республики Казахстан (eGov, e-Otinish, Damumed и т.п.) большие данные обладают признаками как цифровых данных, так и цифровых записей. Иными словами, согласно вышесказанному, можно прийти к тому, что агрегированные данные о населении,

---

[2248] Там же.

[2249] Административный Процедурно-Процессуальный Кодекс Республики Казахстан (2020)

[2250] Цифровой Кодекс Кыргызской Республики (2025)

[2251] Цифровой Кодекс Республики Казахстан (2026)

обращения граждан, данные медицинских карт, метаданные и т.д. относятся к Big Data, а соответственно ИИН, профиль заявителя, записи о диагнозе/ лечении классифицируются как цифровые записи. Поэтому, такие Big Data исключает определения их в виде единого объекта гражданских прав.

В некоторой части Цифровой Кодекс РК признает, что объекты продуктов цифровых данных могут стать предметами сделок, отчуждения и передачи на условиях, определенных владельцем. В рамках части 3 статьи 30 законодатель предписывает исключение в виде общедоступной информации. Например, существует тенденция покупки/ продажи аккаунтов социальных сетей (Instagram и Telegram)[2252]. Так, в таких цифровых платформах как Instagram продукт цифровых данных формируется на основе анализа поведения пользователей, представляющие позднее в аудиторию, не содержащая персональных данных. Несмотря на то, что исходная информация берется из аккаунтов пользователей (цифровые записи), сам продукт может выступать объектом гражданского оборота.

Тем самым снова подтверждается необходимость четкого определения правового статуса больших данных и применения возможной модели дифференцированного правового регулирования.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод в том, что правовой статус больших данных в Республике Казахстан на современном этапе остается неопределенным и не закреплен в действующих нормативных правовых актах. На данный момент Big Data не признается самостоятельным объектом гражданских прав, а его правовой статус (квалификация) остается неопределённым.

В свою очередь, правовой статус Big Data пока не укладывается в классическую категорию «объекта гражданского права». Если предположить, что толкование и классификация Big Data как часть цифровых данных верное, то нынешняя квалификация будет еще расширяться. Так, в настоящий момент Big Data можно отнести как совокупность цифровых данных, с элементами цифровой записи/ право собственности (продукты цифровых данных) или как имущественное благо – цифровой актив. Поэтому, необходимо определить четкий статус больших данных в правовой системе Республики Казахстан.

Таким образом, отсутствие единого понимания объектов цифровой среды, в том числе и цифровых данных, и их неоднозначное положение в системе объектов гражданских прав сегодня создает нормативную неопределенность правового статуса больших данных и дальнейшего совершенствование его правового регулирования в Республике Казахстан.

Так, в целях совершенствования правового регулирования больших данных в Республике Казахстан необходимо, во-первых, сформулировать свой собственный единый понятийный аппарат Цифрового Кодекса Республики Казахстан. Во-вторых, определить правовую квалификацию (статус) больших данных. В-третьих, устранить коллизии касаемо объектов цифровой среды между Цифровым и Гражданским кодексами Республики Казахстан.

Список литературы:

1. Цифровой Кодекс Республики Казахстан (2026).
2. Гражданский Кодекс Республики Казахстан (1994).

[2252] «Покупка аккаунтов в Telegram и Instagram: зачем это нужно и как себя обезопасить» https://mobcompany.info/uncategorized/pokupka-akkauntov-v-telegram-i-instagram-zachem-eto-nuzhno-i-kak-sebya-obezopasit.html (Mobcompany) дата обращения:24 Марта 2026

3. Административный Процедурно-процессуальный Кодекс Республики Казахстан (2020).
4. Цифровой Кодекс Кыргызской Республики (2025).
5. Концепция цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023-2029 гг., утверждена постановлением Правительства РК от 28 марта 2023 года №269.
6. ГОСТ Р ИСО/ МЭК 24668–2022 «Информационные технологии. Искусственный интеллект. Структура управления процессами аналитики данных» https://prg.kz/Document/?doc_id=39196870 дата обращения:19 Марта 2026.
7. Сенько А., Работа с BigData в облаках. Обработка и хранение данных с примерами из Microsoft Azure (Питер 2019) 26.
8. Сулейменов М. К., «Цифровизация и совершенствование гражданского законодательства» https://prg.kz/document/?doc_id=35012332&pos=7;156 дата обращения:23 Марта 2026.
9. Идрышева С. Х., «О Цифровом Кодексе Республики Казахстан» (2022) №3 (96) Право и государство дата обращения:23 Марта 2026.
10. Хасенов М. Х., «Проект Цифрового Кодекса: дефекты и коллизии» https://prg.kz/document/?doc_id=38952853&pos=7;156 дата обращения:23 Марта 2026
11. А. М. Лаптаева, «Правовой режим цифровых активов (на примере Big Data)» (2019) №4 Журнал российского права 99-100.
12. Лосева О. В., «Виды и классификация цифровых активов для целей стоимостной оценки» (2022) №2 (245) Имущественные отношения в Российской Федерации 52-55.
13. Климко Е. И., «Правовые особенности коммерциализации технологии «большие данные» (2024) 26(3) Государственная служба 13–14.
14. «Рынок больших данных и бизнес-аналитики: анализ и прогноз до 2035» (Research Nester) https://www.researchnester.com/ru/reports/big-data-and-business-analytics-market/6469 дата обращения: 18 Марта 2026.
15. «В Национальной геологической службе одним из ключевых проектов является внедрение системы Big Data с элементами искусственного интеллекта для интеллектуального анализа геологических данных» (Gov.kz) https://www.gov.kz/memleket/entities/mps/press/news/details/1148372?lang=ru дата обращения: 20 Марта 2026.
16. «Приоритет КГД на 2026 год: направление: риск-ориентированный контроль на базе Big Data» https://uchet.kz/news/kgd-itogi-2025-goda-i-novye-servisy-dlya-biznesa-v-2026-godu/ дата обращения : 20 Марта 2026.
17. «Big Data станет ключевым направлением гос.аналитики Казахстана» https://inbusiness.kz/ru/last/big-data-stanet-klyuchevym-napravleniem-gosanalitiki-kazahstana дата обращения:20 Марта 2026.
18. «Казахтелеком» уделяет существенное внимание вопросам управления данными, создания и развития инфраструктуры и экспертизы Big Data» https://ar2023.telecom.kz/ru/big-data-development.html дата обращения: 20 Марта 2026.
19. «Покупка аккаунтов в Telegram и Instagram: зачем это нужно и как себя обезопасить» https://mobcompany.info/uncategorized/pokupka-akkauntov-v-telegram-i-instagram-zachem-eto-nuzhno-i-kak-sebya-obezopasit.html (Mobcompany) дата обращения: 24 Марта 2026.

«MNU Annual Legal Conference – 2026»
атты Халықаралық ғылыми-практикалық
конференциясының материалдар жинағы
17 Сәуір, 2026 жыл

Сборник материалов
Международной научно-практической конференции
«MNU Annual Legal Conference - 2026»
17 апреля 2026 года

Отв.редакторы: Қанатқызы М., Котерлин О. Р., Икрамова А.Б. – Астана: Maqsut Narikbayev University, 2026, 918 с.

ISBN 978-601-7450-82-3

Гарнитура «Arial», формат PDF.
Издательство – Maqsut Narikbayev University
010000, г. Астана, Коргалжинское шоссе 8,
Тел.: +7 (7172) 70-30-30, 70-30-39, вн. 1021
E-mail: mnu_conference@kazguu.kz